Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Выпуск XXIX

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria

Volume XXIX

Симферополь
Simferopol
2024

УДК 94(477.75)082
ББК 63.3(2Рос.Кры)я43
М34

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках мегагранта № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»

Научная подготовка журнала осуществляется Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Протокол № 8 от 07.11.2023 г.)

Редакция:

Айбабин А. И., главный редактор
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIX** — Симферополь : ООО «Антиква», 2024. — 584 с.

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2024
© Авторы, текст, 2024
© Оформление. ООО «Антиква», 2024

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Научный журнал

Основан в 1990 году

Выходит один раз в год

Сайт журнала: http://maiet.cfuv.ru

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Адрес редакции: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).

Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография (исторические науки).

Редакционная коллегия:

Айбабин А. И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Герцен А. Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)

Зинько В. Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия)

Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Кузнецов В. Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Майко В. В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Степаненко В. П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Тункина И. В., член-корреспондент РАН, д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Хайрединова Э. А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Храпунов И. Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

MATERIALS IN ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF TAURIA

Academic Periodical

Publishes from 1990

One volume a year

English version of Website: http://maiet.cfuv.ru/en/

Founder: V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.

The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)

Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jósa András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)

Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Khrapunov Igor', DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Tunkina Irina, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).

Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.5-33

КАРАЛАРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Татьяна Николаевна Смекалова
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372
Александр Владимирович Борисов
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
Александр Александрович Масленников
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Светлана Владимировна Семенова
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов, Россия
Андрей Алексеевич Горошников
Зоя Викторовна Горошникова
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Алексей Сергеевич Деваев
Дмитрий Олегович Савельев
Андрей Николаевич Гаврилюк
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
Виктор Николаевич Пинской
Анастасия Владимировна Потапова
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
Лев Леонидович Леонов
Сергей Константинович Фридрихсон
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация. В Крымском Приазовье с помощью космических снимков, магнитной съемки и целенаправленных раскопок открыты четыре новых поселения бронзового века. Три поселения: Большой Шибан, Сагун Дык Кая и Джарган Кая состоят из кластеров жилищ-полуземлянок, они относятся к позднему бронзовому веку. На поселении Ташларка Северная главным сооружением является двойной каменный загон для скота, рядом с которым находились полуземлянки. Это поселение датируется эпохой средней и поздней бронзы. Все выявленные поселения занимают сходную ландшафтную позицию, располагаясь под защитой близлежащих доминирующих высот от северо-восточных ветров. Проведенный археозоологический анализ свидетельствует о преобладании костей крупного рогатого скота со значительной долей костей мелкого рогатого скота. Кости лошади присутствуют в гораздо меньшем количестве и только на двух поселениях позднего бронзового века. Обнаружение этих поселений, располагающихся друг от друга на расстоянии 1,5–2 км, говорит о плотной заселенности Крымского Приазовья в эпоху бронзы. В их хозяйстве большую роль играло скотоводство.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, поселения бронзового века, магнитная съемка, космические снимки

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00010 «Палеоэкология и палеоэкономика древнего населения Крыма: хозяйственные модели в меняющихся природных условиях и вклад древней антропогенной деятельности в формирование современного почвенного покрова региона», https://rscf.ru/project/22-68-00010/.

KARALAR COAST OF THE AZOV SEA CRIMEAN AREA IN THE BRONZE AGE: AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Tatiana N. Smekalova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372
Aleksandr V. Borisov
Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia
Aleksandr A. Maslennikov
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svetlana V. Semenova
Azov Historical, Archaeological, and Palaeontological Museum Preserve, Azov, Russia,
Andrei A. Goroshnikov
Zoia V. Goroshnikova
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Aleksei S. Devaev
Dmitrii O. Savel'ev
Andrei N. Gavriliuk
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Viktor N. Pinskoi
Anastasia V. Potapova
Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia
Lev L. Leonov
Sergei K. Fridrikhson
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. Satellite images, magnetic surveys and targeted excavations in the Azov Sea Crimean Area discovered four new settlements from the Bronze Age. Three of the sites, Bolshoi Shiban, Sagun Dyk Kaia, and Dzhargan Kaia, consist of clusters of pit-houses dating from the Late Bronze Age. At the settlement of Tashlarka Severnaia, the main structure is a double stone cattle pen, with pit-houses around. This settlement dates from the Middle Bronze Age. All the identified settlements occupy similar landscape position, protected by nearby dominant heights from the north-eastern winds. The archaeozoological analysis undertaken indicates the predominance of cattle bones with a significant proportion of sheep and goat bones. Horse bones are present in much smaller quantities and only at two Late-Bronze-Age settlements. The discovery of these settlements, located at the distance of 1.5–2 km from each other, shows that the Azov Sea Crimean Area was densely populated in the Bronze Age. Cattle breeding played a major role in their economy.

Keywords: Azov Sea Crimean Area, Bronze Age settlements, magnetic survey, satellite images

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-68-00010 *Paleoecology and Paleoeconomics of the Ancient Population of the Crimea: Economic Models in Changing Natural Conditions and the Contribution of Ancient Anthropogenic Activity to the Formation of the Modern Soil Cover of the Region,* https://rscf.ru/project/22-68-00010.

Введение

До проведения разведок 2022–2024 гг. целенаправленный поиск поселений бронзового века в Крымском Приазовье (рис. 1,*а*) не проводился, но слои этой эпохи были выявлены в данном районе и ранее на территории античного поселения Генеральское-Западное на склоне юго-западной экспозиции г. Тальки Кая высотой ок. 50 м [2; 6, с. 135] и на поселении, находящемся на южной стороне г. Сююр-Таш (40,8 м над у.м.) (рис. 1,*б*,*1,2*). Находки предметов бронзового века регулярно встречались при раскоп-

ках многочисленных античных памятников на Караларском побережье. В настоящее время А. А. Масленниковым и Д. О. Савельевым готовится обобщающая публикация то этой теме.

Специфика поселений эпохи бронзы в Крыму состоит в том, что, со времени их разрушения (более 3100–3400 лет назад), за счет процесса естественного нарастания почвы, они оказались «заглубленными» в землю не менее чем на 0,4 м [5, с. 222]. На поверхности, как правило, нет никаких прямых признаков строений, лишь изредка могут выступать верхушки крупных камней, поэтому поселения эпохи бронзы выявляются по косвенным приметам, среди которых главной является специфическая ландшафтная позиция. В Восточном Крыму основные особенности расположения поселений эпохи бронзы сформулировал А. Е. Кислый: в долинах или на склонах холмов, защищающих древнее селище от холодных северо-восточных ветров. Часто рядом с поселениями находится одна или несколько доминирующих высот, крупные балки, вероятно, водоносные в древности и, возможно, удобные для постройки плотин. Прибрежные поселения располагались у лиманов, у рек, впадающих в море, и непосредственно на морском берегу [4, с. 273]. Добавим к этому признаки, подмеченные нами: близость к доступному строительному камню, родникам, обширным пастбищам.

Следующими по важности приметами поселений бронзового века являются почвенно-растительные аномалии, выявляющиеся визуально: более густая травянистая растительность, резко отличающаяся по видовому составу от окружающего степного травяного покрова, и мощный слой рыхлого грунта золистого цвета с камнями, фрагментами керамики и обломками костей животных. Несмотря на то, что обычно вся поверхность поселения задернована, культурный слой может обнажиться на дорогах, эрозионных размывах или в выбросах из многочисленных нор грызунов и лис.

Методика исследования поселений эпохи бронзы в Крымском Приазовье

Многоступенчатая междисциплинарная методика обнаружения поселений бронзового века в исследуемом районе основана на перечисленных выше ландшафтных, почвенных и растительных признаках. На первом этапе проводится анализ детальных топографических карт местности, на которых намечаются местонахождения, удовлетворяющие предпочтительным рельефным особенностям, то есть укрытые от северо-восточных ветров, поблизости от водотоков и родников, источников строительного камня. Затем на космических снимках (в основном, весенних или зимних), отмечаются пятна более густой травянистой растительности, совпадающие с рельефными преференциями. Координаты таких перспективных мест считываются и на их основе прокладываются маршруты автомобильно-пеших разведок.

Обследования территории предполагаемых поселений имеют целью визуальные наблюдения за состоянием растительного и почвенного покрова, поверхности, наличием крупных камней, большого числа нор и обнажений культурного слоя, сбор подъёмного материала. Фрагменты лепной керамики бронзового века обычно весьма немногочисленны, однако их присутствие почти обязательно говорит о наличии поселения этой эпохи.

Заключительным и самым важным этапом процесса обнаружения поселений является магнитная съемка. В силу природных особенностей, в степном Крыму имеются благоприятные условия для применения этого метода в археологии. Почва содержит 2–5% железа, что, в условиях сухого и жаркого лета и влажной теплой зимы, обеспечивает высокие величины её магнитной восприимчивости. Культурный слой поселений также является достаточно магнитной средой и представляет собой смесь грунта, насыщенного переработанными органическими остатками, обломками керамики, обожженной глины. Напротив, основной строительный материал, известняк, практически немагнитен, тем самым обеспечивается значительный контраст магнитных свойств стен помещений, загонов, с одной стороны, и грунта культурного слоя и почвы, с другой. Поэтому такие типичные строительные объекты бронзового века, как полуземлянки, котлованы которых облицованы камнем-известняком, будут отражаться на магнитной карте как локаль-

ные положительные аномалии величинами 10–30 нТл с отрицательным обрамлением в несколько нТл. Выявленные нами впервые в Северо-Западном Крыму крупные двойные каменные загоны для скота будут создавать специфические отрицательные аномалии характерной формы – в виде большого овала с примыкающим к нему кольцом общим размахом в 45–50 м [11; 13].

И, наконец, на заключительном этапе проводится точечное археологическое зондирование для получения датирующего материала и изучение стратиграфии поселений. По результатам магнитной съемки выбираются места для закладки ограниченных по площади шурфов. Полученный керамический материал используется для определения возраста памятника методом сравнительной типологии. Многочисленные кости животных поступают на археозоологический анализ и радиоуглеродную датировку. Из стен шурфов производится отбор образцов грунта для геохимических, микробиологических, магнитных, палинологических и прочих исследований, которые осуществляются в лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

Результаты

Предложенная методика была применена в ходе исследований на Караларском побережье в Крымском Приазовье (рис. 1,*б*). Новые памятники были открыты в системе водосбора длинной и разветвленной Сююрташской балки и ее правого притока – балки Танактана Конджилга. Превалирующими высотами в данном районе являются горы Большой Шибан (высота 96,8 м) и Малый Шибан (92,3 м), а в 2150 м к юго-востоку – отдельная холмистая группа Северная Ташларка (с максимальными высотами 93,4 и 91,4 м). Кроме этого, вдоль моря тянется прибрежная гряда холмов средней высотой 50–60 м, с отдельными пиками, достигающими 75 м.

Весенние космические снимки демонстрируют пятна густой темной растительности в некоторых локациях именно с юго-восточных сторон холмов. По этому признаку нами было выбрано четыре местонахождения, на которых были проведены пешие разведки. В выбросах золистой почвы из нор грызунов был собран немногочисленный, но характерный керамический подъемный материал – фрагменты лепных сосудов позднего бронзового века, а также обломки толстостенной лепной керамики с заглаженной пучком травы поверхностью (с т.н. «расчесами»), более характерными для среднего бронзового века. На этих четырех местонахождениях была проведена магнитная съемка.

Поселение Большой Шибан

Первое из них (поселение Большой Шибан) локализуется в южной наклонной долине между горами Большой и Малый Шибан (высоты, соответственно, 96,1 и 92,3 м) (рис. 1,*б*,*3*), ограниченной с севера седловиной между этими вершинами, имеющей высоту 50–55 м над уровнем моря. На весеннем космическом снимке в этом месте отмечалось яркое пятно густой травянистой растительности. При осмотре местности на проселочной дороге, идущей по поселению, а также в выбросах из нор грызунов были найдены фрагменты лепной керамики бронзового века, в том числе с т.н. «расчесами» [9, рис. 2,а].

Магнитная съемка, охватившая более 2,5 га, выявила группы положительных аномалий, источниками которых являются полуземлянки (рис. 2,*а*). Культурный слой заполнения полуземлянок создал положительные аномалии (темный тон), а облицовка котлованов немагнитным известняком – отрицательные (светлые обрамляющие контуры), причем ясно видна прямоугольная форма жилищ. Таким образом, удалось выявить планировку этого поселения, состоящего из почти двух десятков полуземлянок, сгруппированных в 4–5 кластеров (рис. 2,*б*).

По всей площади поселения, «поверх» полуземлянок идут параллельные полосы, оставшиеся от древней распашки (рис. 2,*а*). Принимая во внимание близость античных поселений Золотое-Восточное и Золотое-в-бухте, можно предположить, что это следы полей античного времени.

Шурф 1 (2×2 м), заложенный в месте одной из наиболее выраженных локальных положительных аномалий (рис. 2,*б*), дал обильный материал. Культурные напластования (слои 2 и 3) залегают от глубины 0,15 м и имеет мощность более 0,3 м. Они насыщены лепной керамикой (найдено 69 фрагментов) и обломками костей животных.

Говоря о керамическом материале, можно выделить две категории посуды – кухонную и столовую, представленные фрагментарно (рис. 3). Это лепные горшки, а также фрагмент венчика миски, горизонтально срезанный (рис. 3,*4*). Венчики лепных сосудов плавно отогнуты наружу, со скругленным краем (рис. 3*,2,3,5*). Встречен один прямой венчик, с горизонтально срезанным краем и заглаженными кромками (рис. 3,*1*). В одном случае ниже края венчика проведен горизонтальный островерхий валик (рис. 3,*5*). Также найден фрагмент уплощенного дна лепного сосуда (рис. 3,*10*). Часть стенок сосудов покрыта глубокими расчесами разных направлений (рис. 3,*8*), на некоторых сохранились следы врезного орнамента.

Среди типов орнаментации мы выделяем следующие: горизонтальные, вертикальные и косые линии, нанесенные по сырой глине (рис. 3,*7*); орнаментация горизонтальными желобками (рис. 3,*6*); горизонтальными рядами зубчиков; горизонтальным рядом ногтевых вдавлений (рис. 3,*9*). Остальные стенки без следов декора.

Обжиг изделий окислительно-восстановительный, цвет внутренней и внешней поверхности варьирует от серого и темно-серого до коричневого и серо-коричневого, на изломе – преимущественно темно-серый. Тесто – слоистое, мелкопористое, в его составе выделяются примеси: мелкозернистый песок, мелкодробленые слюда, дресва, известняк, а также, в единичных случаях – мелкотолченая ракушка.

Время существования памятника соответствует позднему бронзовому веку, вероятно, находится в пределах XIV–X вв. до н.э.

В третьем слое шурфа 1 были найдены два изделия из кремня: фрагмент отщепа без вторичной обработки (1,5×2,3×0,4 см), а также термически растрескавшийся обломок (1,4×2,3×0,6 см). Фрагмент отщепа изготовлен из полупрозрачного кремня воскового оттенка. На дорсальной стороне сохранились три параллельных негатива, по-видимому, от предыдущего скалывания. Края отщепа имеют небольшие повреждения исходной кремневой поверхности, не связанных с рабочей деятельностью.

В культурных слоях в шурфе 1 был найден 181 фрагмент костей животных. В силу не очень хорошей сохранности, удалось определить до вида 43,6% костных остатков. В анализируемой выборке 70,8% фрагментов принадлежит крупному рогатому скоту (КРС) и 23% мелкому рогатому скоту (МРС), костей лошади не обнаружено. Большинство костей содержит следы кухонной разделки, часть костей кальцинирована. В виду недостаточного общего количества костей, определенных выводов о характере состава стада и мясной диеты древних обитателей Большого Шибана сделать не удается.

Два других шурфа (2 и 3), заложенных с южной стороны за пределами распространения магнитных аномалий от полуземлянок (рис. 2,*б*), следов культурного слоя не выявили. Естественными границами поселения с востока и запада являются вершины Большой и Малый Шибан, а с севера – перерытая раскопками позднеантичного некрополя [3, с. 126–128] перемычка между этими возвышенностями. Таким образом, площадь этого поселения определяется в пределах 1,2 га.

Поселение Сагун Дык Кая

Еще одно поселение, выявленное нами в апреле 2024 г., отстоит от предыдущего на расстоянии около 1,5 км и занимает аналогичную ландшафтную позицию – с южной стороны прибрежной гряды холмов под прикрытием горы Сагун Дык Кая (74 м над у.м.) (рис. 1,*б,4*).

Так же как и поселение Большой Шибан, оно было первоначально выявлено по пятну густой травянистой растительности, хорошо заметном на космических снимках, и по немногочисленным фрагментам лепной керамики, найденным на проселочных дорогах, проходящих через плотно задернованную территорию поселения.

Для определения его планировки была проведена магнитная съемка на площади 1,5 га (рис. 4,*а*), которая выявила 8–9 полуземлянок, находящихся компактно на площади около 0,4 га примерно на середине южного склона (высоты от 59 до 63 м) (рис. 4,*б*). На поселении были заложены шурфы 2×2 м (шурф 1 и шурф 2) на месте двух положительных локальных аномалий, а также один небольшой шурф 1×1 м (шурф 3) в середине кластера, но в области фоновых значений магнитного поля.

Шурфы 1 и 2, очевидно, попали в заполнение полуземлянок. Здесь было обнаружено большое количество лепной керамики (299 фрагментов), костей животных, кремневых отщепов и орудий.

Среди керамических находок, относящихся к позднему бронзовому веку, выделяются две категории посуды – кухонная и столовая, представленные фрагментарно (рис. 5; 6). Это лепные горшки, а также лепная миска, от которой сохранилась часть венчика со скругленным краем (рис. 6,*6*).

Среди фрагментов венчиков преобладают отогнутые наружу, по углу наклона выделяются слегка (рис. 5,*8*), либо плавно (рис. 6,*7*) или резко отклоненные (рис. 5,*5,6*). В единичных экземплярах встречен прямой, суженный и заостренный венчик. Край венчика практически всегда скруглен, реже – срезан горизонтально, слегка нависает наружу; кромки его заглажены, в редких случаях – косо. В одном случае край скруглен, а под венчиком проведен горизонтальный валик с ногтевыми вдавлениями (рис. 5*,7*). Также, зафиксирован случай декорирования верхней части сосуда врезным орнаментом – оттиском плетеной веревочки (рис. 6,*13*).

Найден фрагмент верхней части ручки с частью плечика лепного сосуда (рис. 5,*4*). Ручка петлевидная, овальной в сечении формы. Все обнаруженные фрагменты донцев плоские, в подавляющем большинстве – с закраиной (рис. 5*,1,3,10–12*), лишь в одном случае – без нее (рис. 6,*12*). Найдено три фрагмента стенок сосудов со следами лощения.

Так же как и на поселении Большой Шибан, обжиг изделий окислительно-восстановительный, цвет внутренней и внешней поверхности варьирует от черного, темно-серого и серого до коричневого и серо-коричневого, на изломе – преимущественно темно-серый. Тесто примерно такого же состава, как на поселении Большой Шибан.

Судя по керамическому материалу, период существования памятника – поздний бронзовый век.

В каждом из двух шурфов было обнаружено по одной находке из кремня. В четвертом горизонте шурфа 1 был найден осколок кремня (2×1,2×1 см) воскового оттенка, сильно поврежденный многочисленными разнонаправленными сколами, не связанных с обработкой и использованием в качестве орудия.

Во втором горизонте шурфа 2 найден кремневый отщеп (2,5×2,2×0,8 см) с ретушью утилизации (?) (рис. 14,*1*). Отщеп был получен путем раскалывания кремневой гальки воскового оттенка. Ударная площадка не подготовленная, естественная. На дорсальной стороне имеются крупные негативы, возможно, выполненные с целью оформления изделия. Ретушь утилизации представлена двумя видами. На проксимальном конце дорсальной поверхности ретушь полукрутая, нерегулярная, мелкофасеточная. Фасетки с неконическим началом и ступенчатыми окончаниями, при увеличении в 40 раз через микроскоп (Andostar ad208s) видна выкрошенность, межфасеточные ребра умеренно сглажены, заполировки не обнаружено. На проксимальной стороне вентральной поверхности, на выступающем конце изделия зафиксирована мелкофасеточная приостряющая ретушь. Необходим трасологический анализ изделия с целью определения его функции.

На поселении Сагун Дык Кая в двух шурфах было найдено 454 кости животных. Сохранность костного материала здесь наилучшая среди всех четырех исследованных поселений, что обеспечило высокий процент костей, определенных до класса (68,7%). Все кости данной части выборки относятся к домашним животным (кроме единственного фрагмента кости черепа рыбы семейства карповых). Зафиксировано 4 вида домашних животных: КРС (62,1%,), МРС (27,3%), лошадь (9%), свинья (1,6%). Наличие костей свиньи

свидетельствует о присутствие свинины в мясном рационе обитателей, что выделяет специфику хозяйственной деятельности жителей поселения Сагун Дык Кая среди остальных.

Еще три шурфа (3–5) были заложены с южной, восточной и западной сторон от кластеров полуземлянок, выявленных с помощью магнитной съемки (рис. 4,*б*). В них не были обнаружены следы культурного слоя. С северной стороны естественной границей поселения являлась вершина г. Сагун Дык Кая (74 м), круто обрывающаяся к прибрежным локальным долинам. Поэтому площадь поселения может быть определена равной 0,4 га.

Поселение Джарган Кая

Третье поселение, следующее вдоль южного склона линии прибрежных холмов и отстоящее еще на 1,5 км к западу, получило название Джарган Кая по названию ближайшей доминирующей высоты (76,1 м) (рис. 1,*б,7*). Так же как и предыдущие, оно было выявлено вначале по пятну яркой травяной растительности на весенних космических снимках, затем в ходе визуальных осмотров местности его существование было подтверждено находками довольно многочисленного подъемного керамического материала. На поверхности южного склона холма отчетливо «читаются» невысокие всхолмления, которые, как показала дальнейшая магнитная съемка и шурфовка, связаны с развалами групп жилищ-полуземлянок.

Карта заснятого на поселении магнитного поля (рис. 7,*а*) выявила не менее 15 полуземлянок, группирующихся в два плотных кластера. Западный кластер, возможно, состоит из квадратного каменного загона, вокруг которого располагаются полуземлянки.

Любопытным объектом является небольшое курганообразное всхлолмление, стоящее особняком в 50 м к востоку от кластеров полуземлянок (см. А на рис. 7,*б*). Под ним располагается некий достаточно магнитный объект, возможно, купная полуземлянка. При этом похожее всхолмление, находящееся в 20 м к востоку, оказалось немагнитным (см. Б на рис. 7,*б*).

На поселении Джарган Кая было заложено два шурфа: внутри предполагаемого двора (шурф 1) и на месте положительной локальной аномалии (шурф 2) (рис. 7,*б*). Уже в слое дерна в шурфе 1 (2×2 м) было найдено довольно много фрагментов лепной и гончарной керамики, однако культурные напластования в естественном залегании начинаются с глубины около 0,1 м и имеют мощность более 0,8 м. Фрагментов лепной керамики 84, костных остатков почти нет (всего 14 обломков).

В шурфе 2 (2×2 м) в дерне также были найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, но культурные слои, относящиеся к поселению бронзового века, начинаются от отметки 0,1 м и имеют мощность 0,7–0,8 м. Слои насыщены лепной керамикой (88 фрагментов) и обломками костей животных (более 450). В центре шурфа, на глубине около 0,4 м был обнаружен квадратный очаг размерами 0,7×0,7 м, сложенный из известняковых плит, а также продолговатое углубление, в котором было обнаружено более 30 фрагментов керамики от четырех разных лепных сосудов.

Среди лепной керамики (всего обнаружено 273 фрагмента) выделяется две категории – кухонная и столовая, представленные фрагментарно (рис. 8; 9). Это лепные горшки, а также лепная чашечка, от которой сохранилась часть венчика со скругленным краем.

У горшков венчик преимущественно округлен, а край устья либо плавно, либо резко отклонен наружу (рис. 8,*5–9*; 9,*1,9,11*). В некоторых случаях край устья слегка отклонен наружу и венчик округлен, либо же горизонтально срезан и немного выступает наружу, кромки округлены или заглажены (рис. 8,*2,3,13*). В двух случаях ниже венчика сосуд опоясан гладким валиком (рис. 8,*4,7*), в другом – валиком с овальными вдавлениями (рис. 8,*2*). В единственном экземпляре представлен фрагмент средней части ручки сосуда, в сечении уплощенно-трапециевидной формы (рис. 9,3). Среди донцев сосудов выделяются плоские, как с закраиной (рис. 8,*14*), так и без нее (рис. 9*,4,7,15*).

Некоторое количество стенок сосудов имеет следы лощения. Часть стенок декорирована, другая – не имеет орнамента, в единичном экземпляре – стенка со следами ремонта (рис. 8*,12*). Выделяется рельефный и врезной типы орнамента. К первому от-

носятся стенки с горизонтальным валиком (рис. 9*,12,13*), ко второму – орнаментированные горизонтальными линиями, горизонтальными рядами зубчиков, горизонтальным рядом ногтевых вдавлений (рис. 9,*16*).

Обжиг и тесто керамики в изломе примерно такие же, как и у черепков, найденных на поселениях Большой Шибан и Сагун Дык Кая. Предположительный период существования поселения – XIV–X вв. до н.э.

Во втором слое шурфа 2 был найден кремневый краевой отщеп без вторичной обработки, темно-серого оттенка. На дорсальной стороне имеется серия ортогонально направленных негативов. На проксимальном конце имеются краевые повреждения, в виде нерегулярных мелких фасеток.

Всего в двух шурфах на поселении обнаружено 463 фрагмента костей. Их характерной особенностью является низкая степень сохранности и сильная раздробленность, поэтому удалось определить до класса только 28,1% костей. Все обнаруженные кости принадлежат домашним млекопитающим: КРС (57,1%), МРС (30,9%), лошади (11,1%). Найдена одна кость собаки, костей свиньи не обнаружено. Помимо млекопитающих, в выборке зафиксирована одна кость рыбы из семейства осетровых и 2 створки раковины представителя семейства рода *Unio*, а также одна раковина съедобного моллюска *Cerastoderma*.

Для того, чтобы оконтурить площадь поселения, на нем были заложены еще четыре шурфа (3–6) со всех сторон за пределами выявленных магнитной съемкой аномалий от полуземлянок (рис. 7,*б*). В этих шурфах культурного слоя не обнаружено. Таким образом, определенная площади поселения – 0,75 га.

Поселение Ташларка Северная

Это поселение отличается от трех описанных выше. Оно находится на юго-западном склоне группы отдельно стоящих в Сююр-Ташской долине холмов. Из них ближайшей является г. Северная Ташларка (высота 91,4 м), защищающая поселение от северо-восточных ветров (рис. 1,*б,2*). Это поселение, как и другие, было открыто благодаря пятну густой растительности, выделяющемуся на весенних космических снимках. Проведенная затем магнитная съемка на площади 2,25 га выявила крупный двойной каменный загон, состоящий из двух смыкающихся окружностей, бóльшая диаметром около 45–50 м, малая – диаметром 20 м, который проявился в магнитном поле в виде отрицательных аномалий (светлый тон) (рис. 10,*а*). С юга и с севера от двойного загона располагались по нескольку прямоугольных полуземлянок, которые отразились на магнитной карте в виде локальных положительных аномалий (темный тон).

Здесь были заложены три шурфа: шурф 1 – внутри большой части двойного загона, шурф 2 – в малой его части, шурф 3 – на месте одной из локальных положительных аномалий (рис. 10,*б*).

Из четырех исследованных поселений наиболее глубокое залегание культурных слоев зафиксировано для поселения Ташларка Северная. В шурфе 1 культурные слои начинаются на глубине 0,75 м и имеют мощность около 0,5 м. Они насыщены фрагментами керамики (41 экз.) и обломками костей животных. В шурфе 2 мощный культурный слой толщиной 1 м, с фрагментами орнаментированной лепной керамики, костями животных, кремневыми орудиями и отщепами, начинается с уровня 0,4 м от дневной поверхности. В шурфе 3 культурные напластования начинаются с высотной отметки 0,35 м от дневной поверхности и имеют мощность 0,75 м. Здесь встречаются фрагменты лепной керамики, обломки костей животных, кремневые отщепы и изделия.

Из обнаруженных 220 фрагментов лепной керамики в шурфах 1–3 свыше 10 единиц представлены стенками с многорядными горизонтальными и косыми расчесами, проведенными по сырой глине (рис. 11,*10,11*; 13*,2,3,5*). Они, вероятно, относятся к финалу эпохи средней бронзы, согласно анализу планиграфии разведочных шурфов.

В керамическом материале позднего бронзового века встречена кухонная и столовая посуда – лепные горшки. Среди фрагментов венчиков преобладают отогнутые наружу. Край венчика практически всегда скруглен (рис. 12*,5,9*), реже – срезан горизонтально

(рис. 12,*11*) или косо (рис. 12,*6*). Обнаруженные фрагменты донцев либо уплощенные (рис. 11,*2,8,9*), либо с небольшой вогнутостью к центру дна (рис. 11,*1,3*), в подавляющем большинстве – с закраиной (рис. 11,*2,4*), в двух случаях – без нее (рис. 11,*8,9*).

Часть стенок сосудов декорирована. Выделяются рельефный и врезной орнаменты, а также комбинированный, включающий элементы этих двух типов. Врезным орнаментом декорированы стенки с многорядными тонкими косыми линиями, проведенными по сырой глине (рис. 12,*3*), стенка в виде штрихованных треугольников (рис. 11,*12*). Среди рельефного орнамента выделяются следующие виды: горизонтальный валик с косыми овальными вдавлениями (рис. 12,*4*); горизонтальный валик с пальцевыми вдавлениями (рис. 11,*5*); два горизонтальных валика с косыми овальными вдавлениями (рис. 13,*4*). Комбинированный орнамент встречен на фрагментах стенок сосуда с горизонтальным валиком с косыми овальными вдавлениями, под которым следуют горизонтальные ряды оттисков плетеной веревочки (рис. 11,*6,7*).

Обжиг всех изделий (как финала средней бронзы, так и поздней) окислительно-восстановительный, цвет внутренней и внешней поверхности варьирует от темно-серого и серого до коричневого и серо- либо светло-коричневого, на изломе – преимущественно темно-серый. Тесто мелкопористое, в его составе выделяются примеси: мелкозернистый песок, слюда, мелкодробленые дресва, известняк, а также, в единичных случаях – мелкотолченая ракушка.

В целом, культурно-хронологическая атрибуция памятника осложнена малым количеством и слабой выразительностью обнаруженных находок. По нашему мнению, основной массив материала относится к эпохе поздней бронзы (XIV–X вв. до н.э.). Однако присутствие некоторого количества фрагментов стенок лепных сосудов с многорядными вертикальными, горизонтальными и косыми расчесами, а также многорядным горизонтальным рифлением, проведенным по сырой глине, происходящими из нижних пластов разведочных шурфов, позволяет предположить, что поселение существовало и ранее – в период финала средней бронзы.

На поселении Ташларка Северная найдено наибольшее, среди четырех исследованных поселений, количество кремневых изделий (всего 24 экз.), поэтому мы позволим себе остановиться на описании этого материала подробнее. Они были обнаружены в шурфах 1–3. Над культурными напластованиями во всех шурфах было найдено 6 кремневых предметов. Кремневый материал непосредственно из слоев эпохи бронзы представлен 18 кремневыми изделиями: 8 отщепов без вторичной обработки, 5 отщепов с ретушью, 3 кремневых осколка, пластинчатый скол с вторичной обработкой, бифасиальное изделие.

По сырью кремневые находки можно разделить на 4 типа. Бóльшая часть (10 экз.) изделий была изготовлена из непрозрачного кремня серого цвета: пластина, два отщепа без вторичной обработки, два отщепа с ретушью, четыре кремневых осколка. Пять предметов сделаны из полупрозрачного кремня черного цвета: два отщепа без вторичной обработки, отщеп с ретушью, бифасиальное изделие, кремневый осколок. Два отщепа изготовлены из полупрозрачного кремня воскового оттенка; один из них без вторичной обработки, второй – с ретушью. Один отщеп с ретушью изготовлен из непрозрачного кремня желтого цвета.

Отщепы без вторичной обработки, по-видимому, были получены путем раскалывания желвачного кремня, о чем говорят сохранившиеся участки желвачной корки на двух отщепах. Ударная площадка не сохранилась. Степень сохранности – разная, на большинстве отщепов (6 экз.) имеются мелкие краевые повреждения, два отщепа имеют ровные, естественные края.

Отщепы с ретушью (рис. 14,*2–6*) также были получены при раскалывании желвачного кремня. На двух отщепах сохранились ударные площадки, на отщепе (рис. 14,*3*) сохранилась естественная, неподготовленная ударная площадка. Ровная ударная площадка, редуцированная (?) представлена на отщепе (рис. 14,*6*). Ретушь на большинстве

отщепов дорсальная, полукрутая, разнофасеточная. Один отщеп имеет двустороннюю краевую ретушь (рис. 14,*2*). На проксимальном конце пластинчатого отщепа размерами 2,7×2×0,4 см видна мелкая чешуйчатая ретушь (рис. 14,*6*). При 40-кратном увеличении через электронный микроскоп, видна выкрошенность, фасетки немного сглажены. Возможно, изделие является концевым скребком.

Наиболее интересным изделием является бифасиально обработанное орудие, подтреугольной формы с выделенным длинным черенком (рис. 14*,7*). Сечение – линзовидное. Размеры изделия 8,6×2,1×0,6 см. Обработка в центре производилась плоской крупно-фасеточной ретушью, края изделия выполнены приостряющей, местами ступенчатой, разнофасеточной ретушью. В центре изделия межфасеточные ребра сильно сглажены. Черенок (4×1,5×0,5 см) имеет по краям крупнофасеточную, крутую ретушь. На приостренном конце изделия имеется известковое включение. При увеличении в 50 раз на краях изделия, с вентральной стороны видна яркая заполировка, с низкой выкрошенностью, межфасетные ребра скруглены. Изделие могло служить в качестве ножа, но доказать данное предположение без проведения трасологического анализа невозможно.

Среди кремневых сколов также выделяется пластина (3×1,4×0,5 см) (рис. 14,*4*). На дорсальной поверхности имеется серия однонаправленных негативов с несохранившейся ударной площадки. В проксимальной части изделия видна крупнофасеточная полукрутая ретушь (концевой скребок?), а также ретушированная выемка на правой стороне проксимальной поверхности. При увеличении в 40 раз следов использования не обнаружено, возможно, пластина сильно повреждена. Для этого и предыдущего изделия необходим трасологический анализ с целью установления их функций.

В исследуемой выборке костного материала с поселения Ташларка Северная насчитывается 650 фрагментов, из них определено 39,5% костей. Из зафиксированных видов 57,5% составляет КРС. К МРС относится 40,9%. К остаткам лошади относится всего 2 фрагмента, столько же – к собаке. К представителям дикой фауны относятся 3 кости кулика отряда Ржанкообразные (*Charadriiformes*). Также было зафиксировано два фрагмента створки раковины представителя семейства Униоид (*Unionidae*).

Еще два шурфа (4–5) были заложены с южной и юго-восточной сторон поселения. В этих шурфах культурного слоя не обнаружено. С западной стороны границей поселения является небольшая балка, а с северной и северо-восточной – г. Северная Ташларка и отдельно стоящий холм высотой около 65 м (рис. 8,*б*). Таким образом, площадь этого поселения была не менее 1 га.

Фосфатный анализ образцов грунта из шурфов на поселениях

Для установления характера использования построек был проведен анализ содержания фосфатов в культурном слое. Хорошо известно, что в культурный слой фосфор может поступать либо в виде пищевых отходов, экскрементов, бытового мусора и др., формируя пул «биологического фосфора», либо – в виде золы и костей. В этом случает формируется пул «минерального фосфора». Традиционные в настоящее время методы определения фосфатов с помощью рентген-флуоресцентного анализатора не позволяют реконструировать такого рода последствия различных типов антропогенной деятельности [7]. Поэтому в рамках данного исследования мы проводили раздельное определение биологических и минеральных форм фосфора в культурных слоях поселений.

Определение содержания органических и минеральных фосфатов было проведено по методу Сандерса и Вильямса [12]. Суть метода заключается в следующем: на первом этапе содержание минеральных фосфатов оценивают методом экстракции из почвы 0,2Н раствором серной кислоты с колориметрическим окончанием. Далее, для оценки содержания органических фосфатов почву прокаливают в течение 3 часов при 525ºС и также экстрагируют 0,2Н раствором серной кислоты. При прокаливании происходит превращение фосфорорганических соединений в растворимые минеральные формы. По превышению значений содержания фосфатов после прокаливания определяют долю органического фосфора, перешедшего в вытяжку.

На рис. 15 представлены результаты раздельного определения содержания фосфатов в культурных слоях поселений.

Обращает на себя внимание высокое содержание фосфатов в грунте практически всех построек: содержание валового фосфора в 5–10 раз выше, чем в фоновых почвах. Это говорит о длительном и интенсивном антропогеном воздействии на почвы в местах заложения шурфов. Что касается профильного распределения содержания фосфатов, то здесь наблюдаются заметные различия, связанные со спецификой хозяйственной деятельности. Так, в частности, в шурфе 2 на поселении Джарган Кая (рис. 15,*1*) содержание фосфатов превышает 10 мг P2O5/г почвы, при этом практически весь фосфор представлен минеральными формам. По обилию археологического материала и по наличию на дне шурфа заглубленного в материк очага с каменными стенками этот объект можно уверенно реконструировать как часть жилой постройки. В свою очередь, в шурфе 1, который по данным магниторазведки приурочен к внутренней части каменного загона, содержание фосфатов заметно ниже.

Максимальные значения содержания фосфатов характерны для культурного слоя в шурфе 1 на поселении Сагун Дык Кая (рис. 15,*2*). Здесь на глубине 50–60 см содержание валового фосфора достигало 17,6 мг P2O5/г. Этот слой залегает на материке и связан непосредственно с функционированием памятника. Отметим, что в этом шурфе на дне была обнаружена хозяйственная яма, что позволяет рассматривать эту часть поселения как жилую зону. Весьма показателен высокий вклад органических фосфатов в общий фосфатный пул этого слоя. Очевидно, в период функционирования поселения в этом месте в почву поступали большие объемы органического материала. Учитывая, что образцы отбирались вблизи хозяйственной ямы, можно ожидать, это причиной повышения содержания органических форм фосфора являются остатки продуктов питания или кухонные остатки.

Характерно, что такая же ситуация с увеличение доли органических фосфатов была отмечена и в шурфе 3 на поселении Северная Ташларка (рис. 15,*3*). Шурф был заложен на периферии памятника, где, как предполагается, была жилая зона, в то время как центр поселения занимал обширный загон для скота с каменными стенками (шурф 1). Отметим практически однотипный характер абсолютных значений и профильного распределения содержания разных форм фосфатов в шурфах 1 и 2, что позволяет предполагать однотипный же характер антропогенной деятельности в обоих случаях.

Учитывая, что приуроченность шурфа 1 поселения Северная Ташларка к загону для скота не вызывает сомнений, можно рассматривать соотношение форм фосфатов в этом объекте как эталонный вариант для культурного слоя загонов. В этой ситуации практически полное преобладание минеральных форм фосфатов можно рассматривать как результат полной минерализации навоза почвенными микроорганизмами. При этом остаются лишь золистые соединения и фитолиты, что и придает культурному слою характерный белесоватый оттенок, бесструктурность, сыпучесть, пылеватость и иные признаки «зольника».

Выводы

На территории типичного участка Крымского Приазовья проведены исследования, включающие анализ космических снимков, пешие разведки, магнитную съемку, раскопки, изучение культурного слоя и артефактов с помощью широкого спектра методов археологии, археозоологии, трасологии и почвоведения. На территории площадью 50 км^2 выявлены три однотипных поселения: Большой Шибан, Сагун Дык Кая и Джарган Кая, состоящие из кластеров полуземлянок и имеющие сходное ландшафтное положение – они расположены на южной стороне прибрежной гряды холмов (средней высотой 50–60 м) под защитой отдельных горных вершин, выделяющихся высотами от 73 до 96 м.

Впервые для восточного побережья Крыма открыто поселение с двойным каменным загоном Ташларка Северное. Ранее на Керченском п-ве двойные загоны, хорошо различимые на магнитной съемке, не удавалось обнаружить, хотя, вероятно, подобного рода

сооружения были частично раскопаны в 2017 г. на поселении бронзового века «Госпитальный 2» [1, с. 12–14] и на поселении «Городище 11 км» [8, с. 192]. В обоих случаях авторы соотносят данные постройки с каменской культурой Восточного Крыма эпохи средней бронзы.

Впервые двойные загоны бронзового века были открыты в 2007 г. на Тарханкутском полуострове в Северо-Западном Крыму разведками одного из авторов в рамках международного Джарылгачского проекта с помощью магнитной съемки [10, с. 67–68, 93–134]. До этого подобные конструкции археологам не были известны. К настоящему времени в Северо-Западном Крыму их насчитывается уже не менее 28. Большинство двойных загонов имеют примерно одинаковое строение и размеры. Малая часть загона имеет почти круглую форму и диаметр 20–23 м. Большой загон имеет овальную форму, он примыкает к малой части наподобие букв «Со». Общий наибольший размер такой конструкции 45–50 м.

Полученные данные позволяют говорит о том, что в Керченском Приазовье, так же как и в Северо-Западном Крыму, имели место поселения бронзового века двух типов. К первому типу мы относим поселения с кластерами полуземлянок, но без больших загонов для скота. В урочище Сююр-Таш это поселения Большой Шибан, Сагун Дык Кая и Джарган Кая. Ко второму типу относятся поселения с доминирующими крупными двойными каменными загонами для скота и несколькими полуземлянками. В Керченском Приазовье это поселение Ташларка Северная.

В результате археозоологического исследования выяснилось, что 99,6% костей принадлежит сельскохозяйственным животным, выделяя в видовой иерархии крупный и мелкий рогатый скот, заметно присутствие лошади и наличие свиньи. Такое видовое соотношение, а также присутствие «мясных» частей скелета домашних млекопитающих, указывает на важное значение скотоводства для обитателей средней – поздней бронзы в Крымском Приазовье. Из полученных данных следует наличие у населения равнинного Крыма комплексного хозяйства с ведущей ролью скотоводства.

Все исследованные поселения функционировали в течении достаточно продолжительного времени, в результате чего сформировался мощный хорошо выраженный культурный слой, насыщенный артефактами, с характерным белесоватым оттенком, бесструктурный, сыпучий, с высоким содержанием фосфатов.

Таким образом, благодаря полному изучению отдельно взятого микрорегиона Караларского побережья площадью более 50 км² удалось реконструировать интенсивность освоения территории Восточного Крыма в эпоху средней – поздней бронзы. Полученные данные позволяют говорить о высокой концентрации памятников на ограниченной территории и о большой численности населения в указанный период.

Сопоставление полученных данных с материалами по Северо-Западному Крыму [11] позволяет впервые говорить об одинаковом хозяйственном и культурном развитии равнинного пояса Таврики в эпоху среднего и позднего бронзового века.

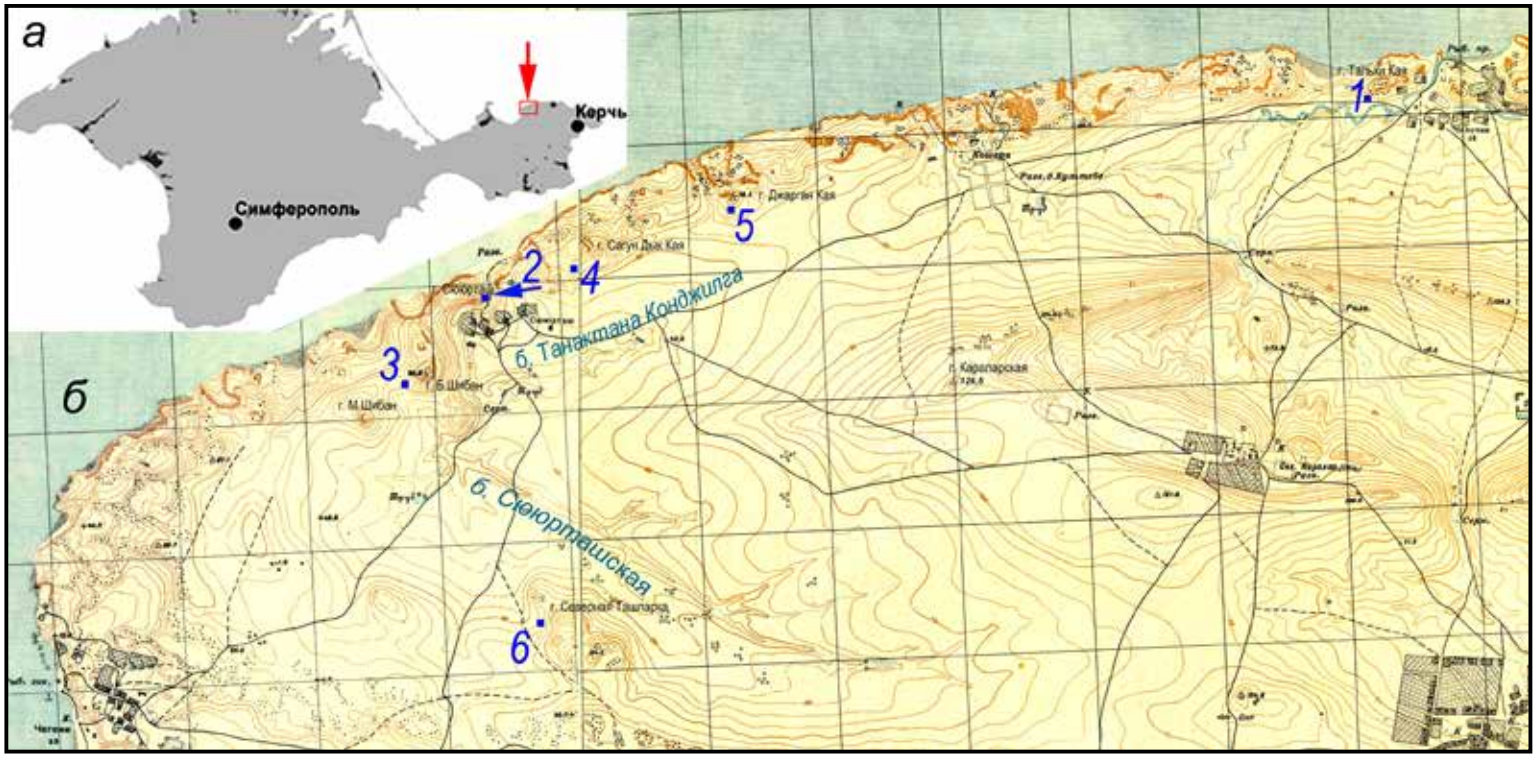

Рис. 1. Западная часть Караларского побережья (Керченское Приазовье) на схематической карте Крыма (а) и на карте 1933 г. масштаба 1:25000 (б). Цифрами отмечены поселения бронзового века: *1* – Генеральское западное (юго-западный склон); *2* – на южном склоне горы Сююр-Таш; *3* – Большой Шибан; *4* – Сагун Дык Кая; *5* – Джарган Кая; *6* – Ташларка Северная

Fig. 1. The western part of the Karalar coast (Azov Sea Kerch Area) on the schematic map of the Crimea (a) and on a 1933 map at the scale of 1:25000 (b). The Bronze Age settlements are marked with numbers: *1* – General'skoe Zapadnoe (south-western slope); *2* – on the southern slope of the mountain of Siuiur-Tash; *3* – Bolshoi Shiban; *4* – Sagun Dyk Kaia; *5* – Dzhargan Kaia; *6* – Tashlarka Severnaia

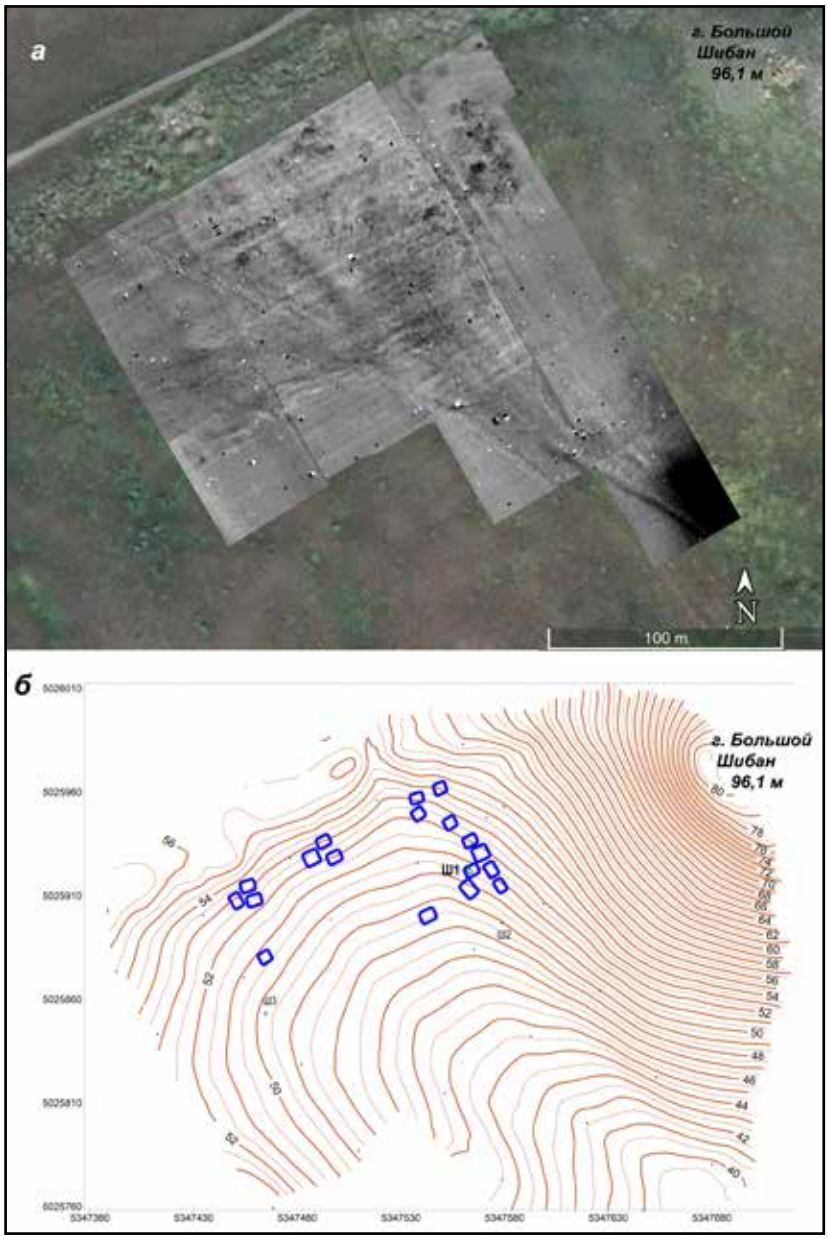

Рис. 2. *а* – Карта магнитного поля поселения Большой Шибан на фоне космического снимка от 3 мая 2019 г. Здесь и далее – темным тоном показаны положительные, светлым – отрицательные аномалии. *б* – Результат интерпретации магнитной съемки на фоне топосъемки поселения в координатах СК-63. Сечение изолиний высот 0,5 м. Показаны кластеры полуземлянок и шурф 1

Fig. 2. *a* – Magnetic field map of the settlement of Bolshoi Shiban against the background of a satellite image from May 3, 2019. Henceforth positive anomalies are shown in dark tones, negative anomalies in light tones. *b* – The result of interpretation of the magnetic survey against the background of the topographic survey of the settlement in the coordinates of SK-63. Cross-section of 0.5 m elevation contours. Clusters of pit houses and trench 1 are indicated

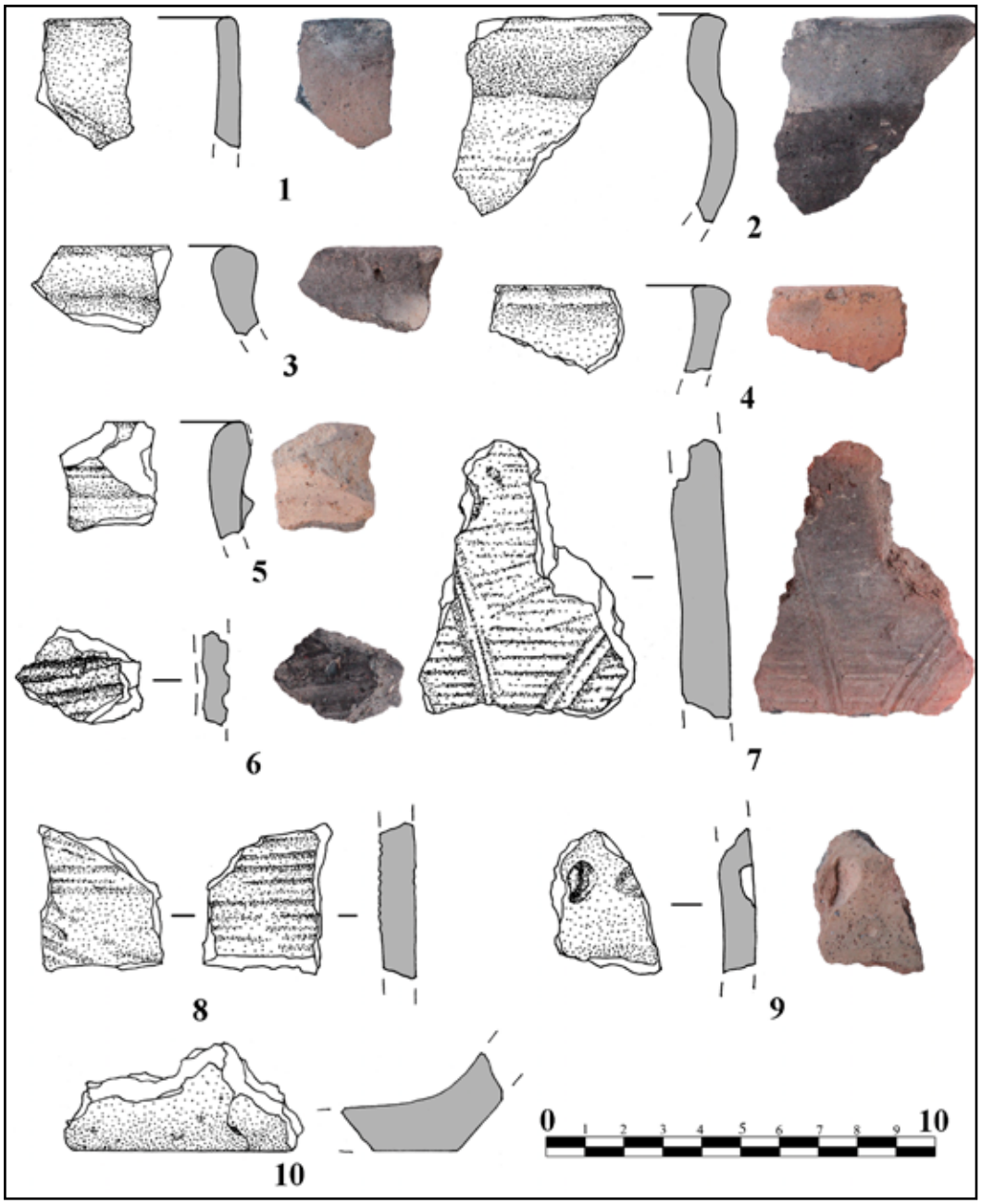

Рис. 3. Поселение Большой Шибан. Шурф 1. Лепная керамика.
Фрагменты венчиков (*3, 5* – слой 1; *4* – слой 2; *1, 2* – слой 3),
фрагменты донцев (*9* – слой 1; *11* – слой 2), фрагменты стенок (*8* – слой 1; *6, 7* – слой 3)

Fig. 3. Bolshoi Shiban settlement. Prospect trench 1. Hand-made ceramic vessels.
Fragments of rims (*3, 5* – layer 1; *4* – layer 2; *1, 2* – layer 3),
bottoms (*9* – layer 1; *11* – layer 2), and walls (*8* – layer 1; *6, 7* – layer 3)

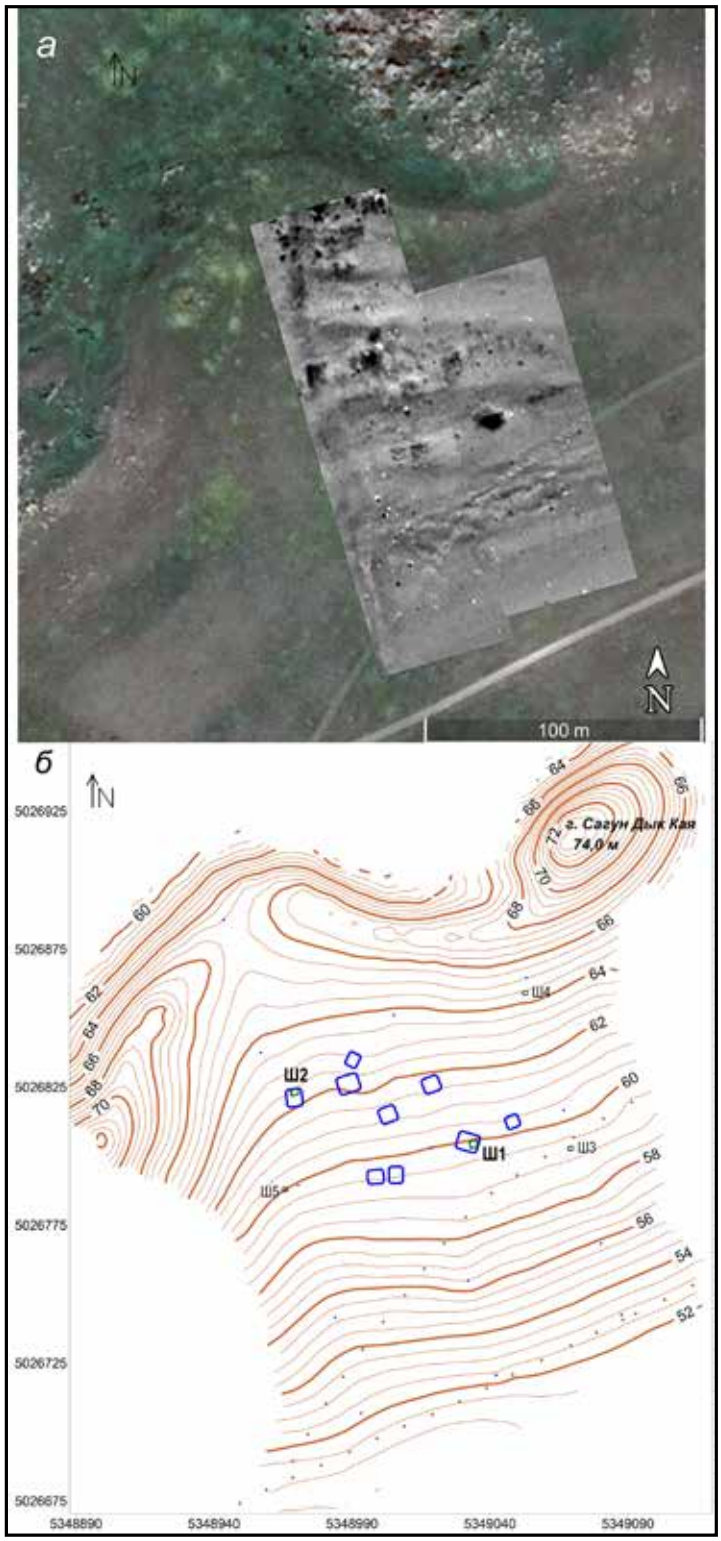

Рис. 4. *а* – Карта магнитного поля поселения Сагун Дык Кая на фоне космического снимка от 3 мая 2019 г. *б* – Результат интерпретации магнитной съемки на фоне топосъемки поселения в координатах СК-63. Сечение изолиний высот 0,5 м. Показаны кластеры полуземлянок и шурфы 1–3

Fig. 4. *a* – Magnetic field map of the settlement of Sagun Dyk Kaia against the background of a satellite image from May 3, 2019. *b* – The result of interpretation of the magnetic survey against the background of the settlement topographic survey in SK-63 coordinates. Cross-section of 0.5 m elevation contours. Clusters of pit houses and trenches 1–3 are indicated

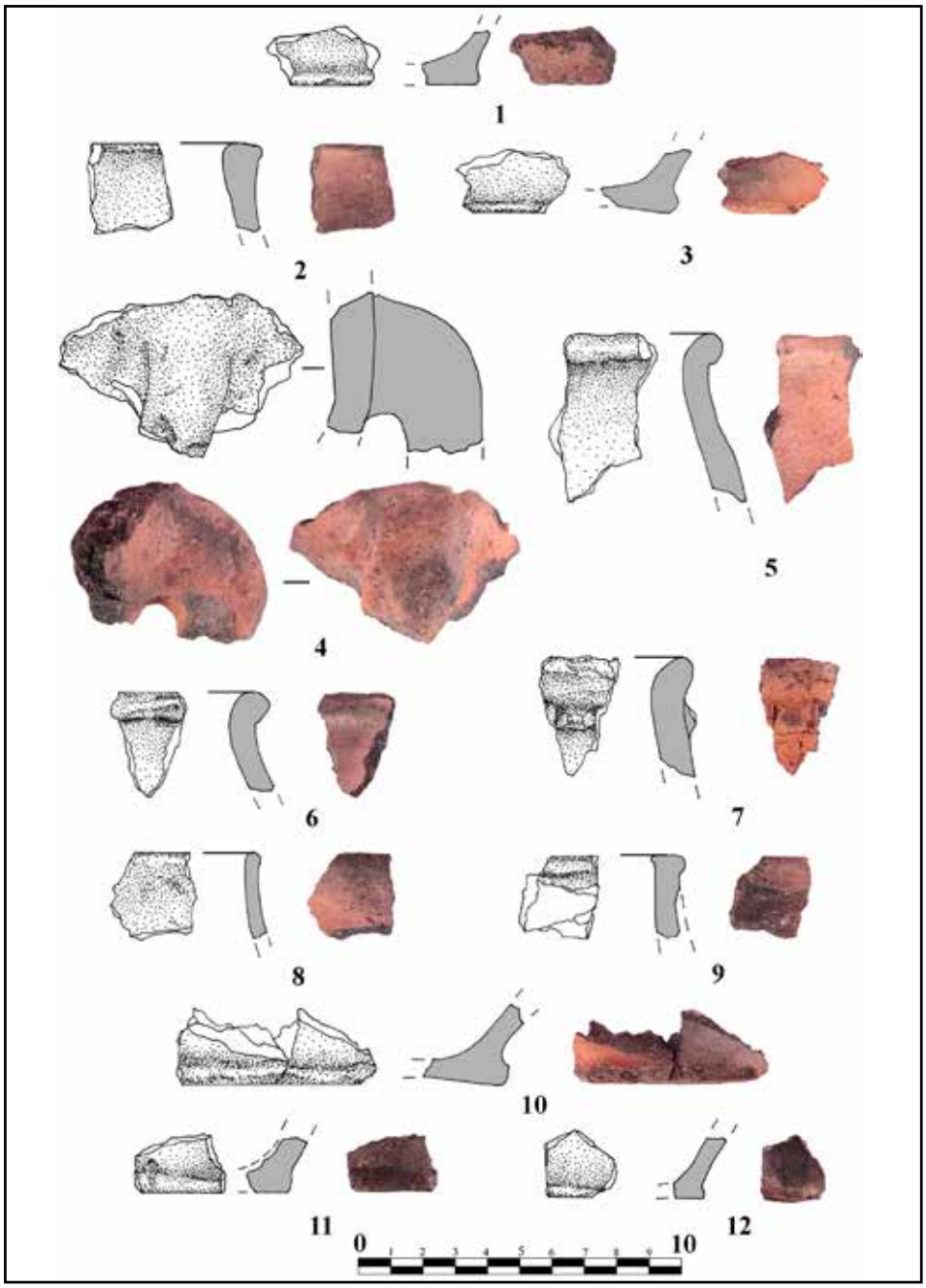

Рис. 5. Поселение Сагун Дык Кая. Шурф 1. Лепная керамика.
Фрагменты венчиков (*1* – слой 1; *3* – слой 2; *6–10* – слой 3), фрагмент ручки (*5* – слой 2), фрагменты донцев (*2* – слой 1; *4* – слой 2; *11* – слой 3; *12* – объект 1)

Fig. 5. Sagun Dyk Kaia settlement. Prospect trench 1. Hand-made ceramic vessels.
Fragments of rims (*1* – layer 1; *3* – layer 2; *6–10* – layer 3), a handle (*5* – layer 2), and bottoms (*2* – layer 1; *4* – layer 2; *11* – layer 3; *12* – object 1)

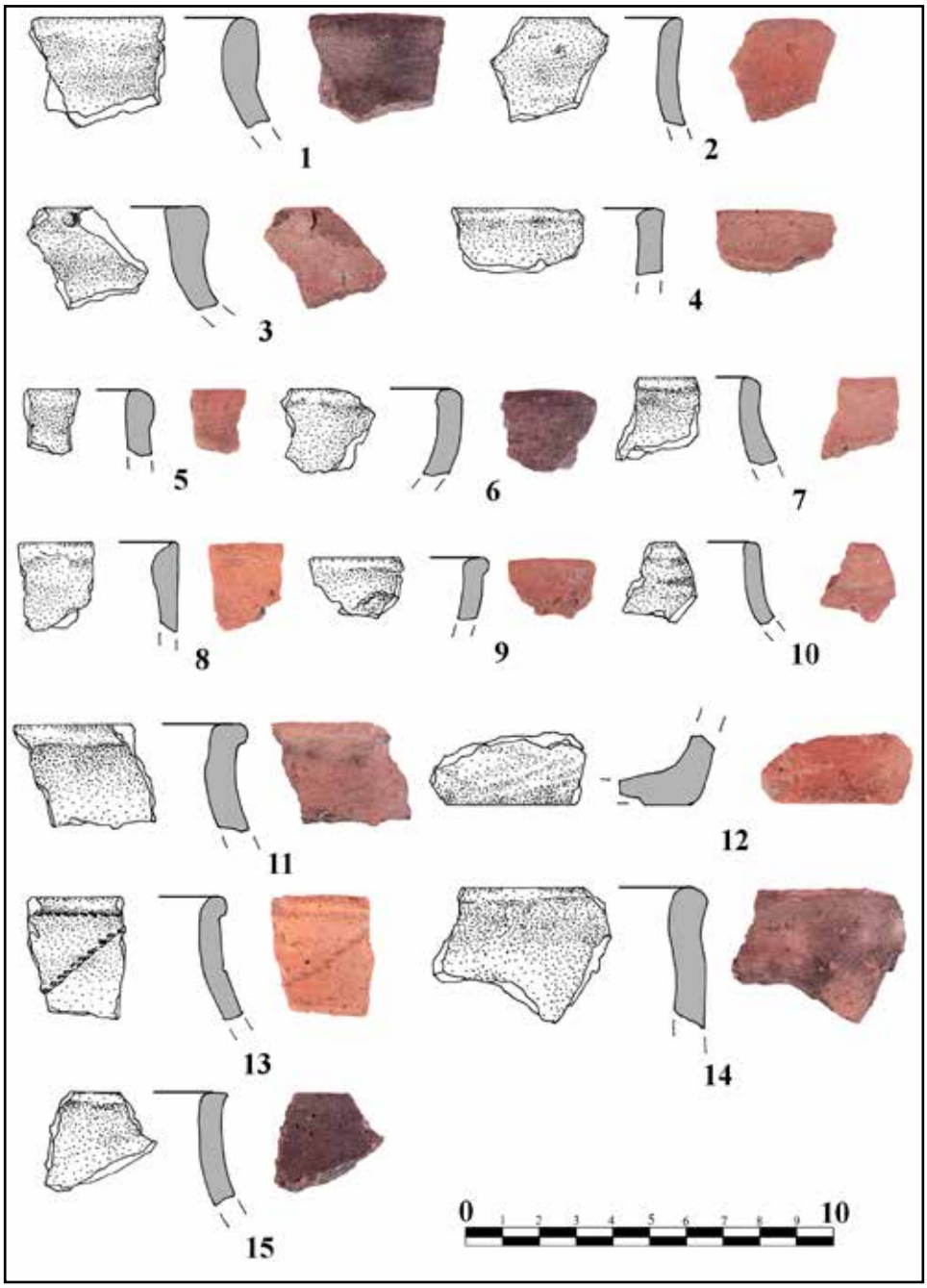

Рис. 6. Поселение Сагун Дык Кая. Лепная керамика. Шурф 2.
Фрагменты венчиков (*8* – слой 1; *1–5, 7, 9, 10, 15* – слой 2; *6, 11, 14* – слой 3), фрагменты донцев (12, 13 – слой 3)

Fig. 6. Sagun Dyk Kaia settlement. Hand-made ceramic vessels. Prospect trench 2.
Fragments of rims (*8* – layer 1; *1–5, 7, 9, 10, 15* – layer 2; *6, 11, 14* – layer 3) and bottoms (*12, 13* – layer 3)

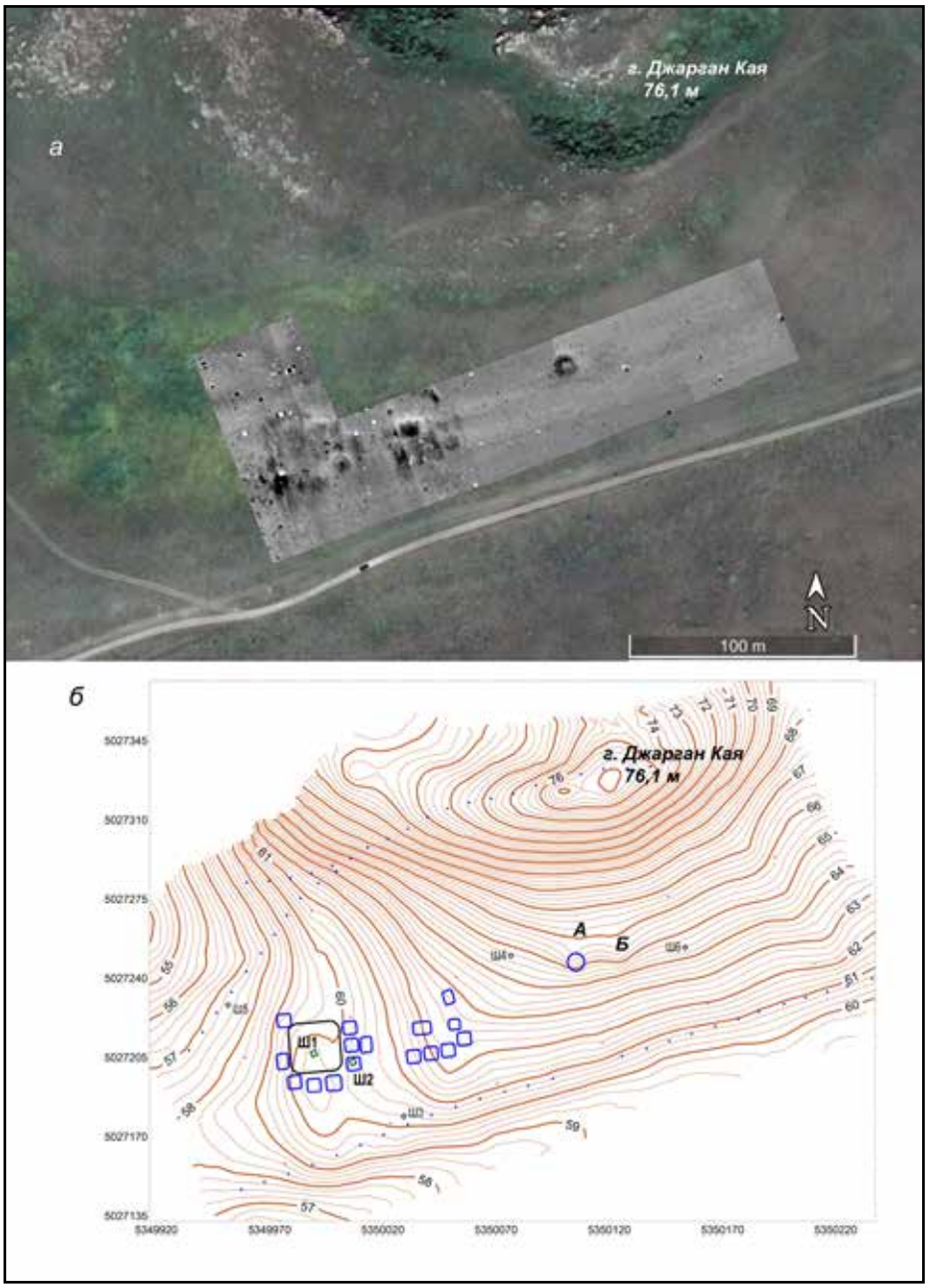

Рис. 7. *а* – Карта магнитного поля поселения Джарган Кая на фоне космического снимка от 3 мая 2019 г. *б* – Результат интерпретации магнитной съемки на фоне топосъемки поселения в координатах СК-63. Сечение изолиний высот 0,5 м. Показаны кластеры полуземлянок и шурфы 1 и 2

Fig. 7. *a* – Magnetic field map of the settlement of Dzhargan Kaia against the background of a satellite image from May 3, 2019. *b* – The result of interpretation of the magnetic survey against the background of the topographic survey of the settlement in SK-63 coordinates. Section of 0.5 m elevation contours. Clusters of pit houses and trenches 1 and 2 are indicated

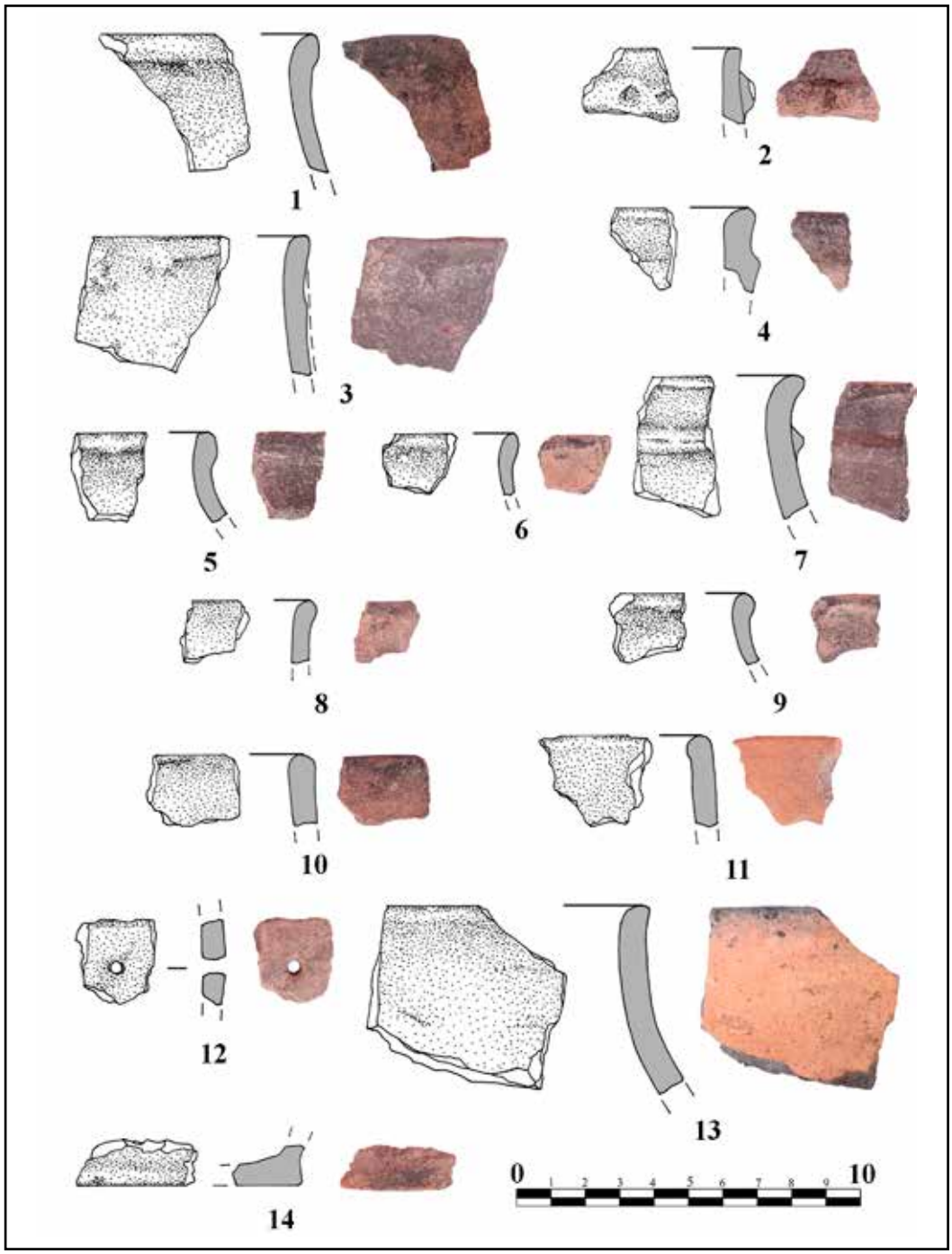

Рис. 8. Поселение Джарган Кая. Шурф 1. Лепная керамика. Фрагменты венчиков (*2, 4* – слой 1; *3, 5–11* – слой 2; *1, 13* – слой 3), фрагмент дна (*14* – слой 2), фрагмент стенки (*12* – слой 2)

Fig. 8. Dzhargan Kaya settlement. Prospect trench 1. Hand-made ceramic vessels. Fragments of rims (*2, 4* – layer 1; *3, 5–11* – layer 2; *1, 13* – layer 3), a bottom (*14* – layer 2), and a wall (*12* – layer 2)

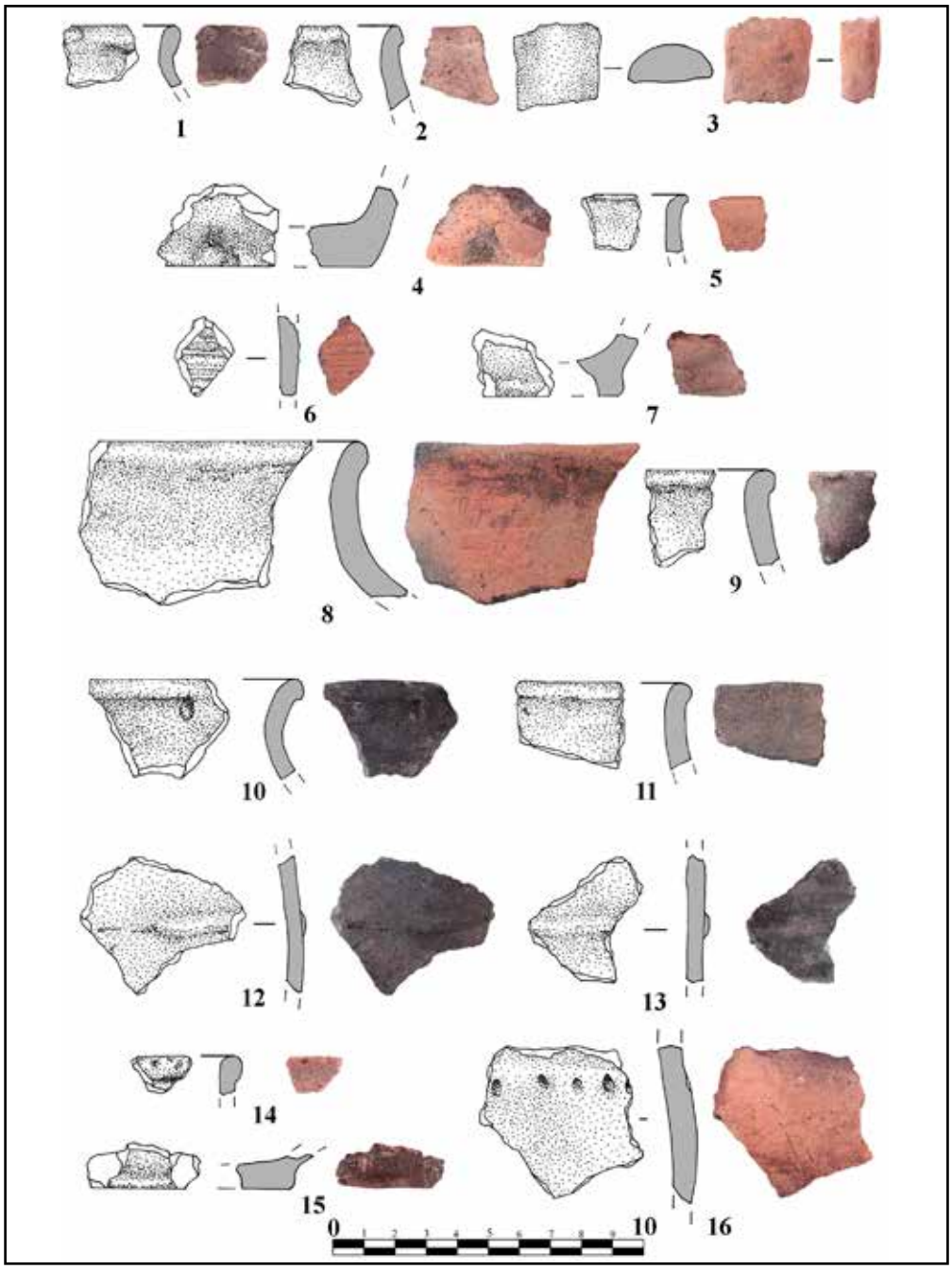

Рис. 9. Джарган Кая. Шурф 2. Фрагменты венчиков (*1, 2* – слой 2; *5, 6, 14* – слой 3; *8–11* – объект 2), фрагмент ручки (*3* – слой 2), фрагменты донцев (*4* – слой 2; *7, 15* – слой 3), фрагменты стенок (*12, 13, 16* – объект 2)

Fig. 9. Dzhargan Kaia. Prospect trench 2. Fragments of rims (*1, 2* – layer 2; *5, 6, 14* – layer 3; *8–11* – object 2), a handle (*3* – layer 2), bottoms (*4* – layer 2; *7, 15* – layer 3), and walls (*12, 13, 16* – object 2)

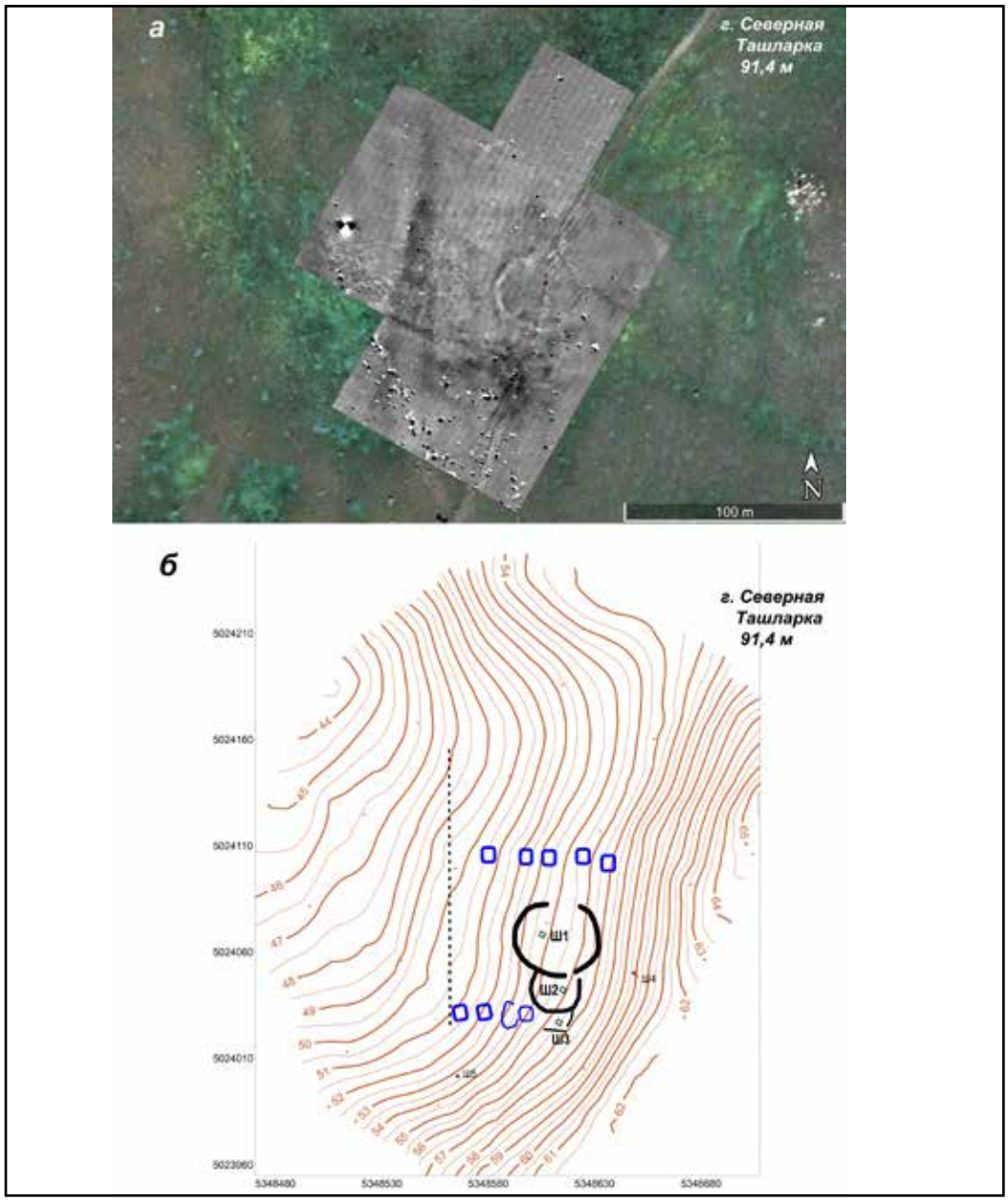

Рис. 10. *а* – Карта магнитного поля поселения Ташларка Северная на фоне космического снимка от 3 мая 2019 г. *б* – Результат интерпретации магнитной съемки на фоне топосъемки поселения в координатах СК-63. Сечение изолиний высот 0,5 м. Показаны шурфы 1–3, двойной каменный загон для скота (1) и полуземлянки (2). Пунктирной линией отмечена небольшая балка

Fig. 10. *a* – Magnetic field map of the settlement of Tashlarka Severnaia against the background of a satellite image from May 3, 2019. *b* – Result of interpretation of the magnetic survey against the background of the settlement topographic survey in coordinates SK-63. Section of the isolines of 0.5 m heights. There are indications of prospect trenches 1–3, a double stone cattle pen (1), and pit houses (2). The dotted line marks a small gully filled with soil

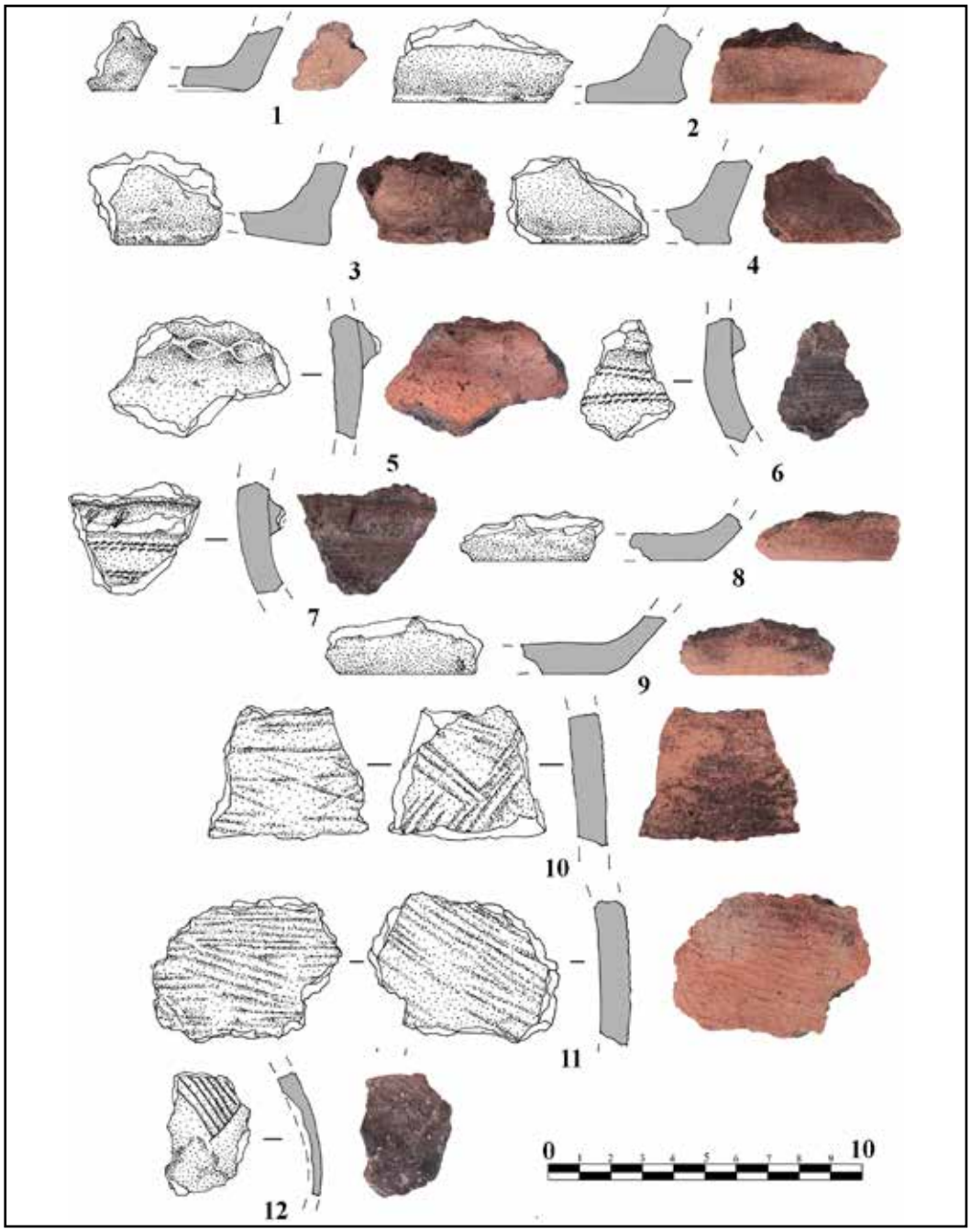

Рис. 11. Поселение Ташларка Северная. Шурфы 1, 2. Лепная керамика. Фрагмент венчика (*1* – шурф 1, слой 2), фрагменты донцев (*2–4* – шурф 1, слой 5; *8, 9* – шурф 2, слой 5), фрагменты стенок (*5, 6, 10–12* – шурф 2, слой 5)

Fig. 11. Tashlarka Severnaia settlement. Prospect trenches 1, 2. Hand-made ceramic vessels. Fragments of a rim (*1* – pit 1, layer 2), bottoms (*2–4* – prospect trench 1, layer 5; *8, 9* – prospect trench 2, layer 5), and walls (*5, 6, 10–12* – prospect trench 2, layer 5)

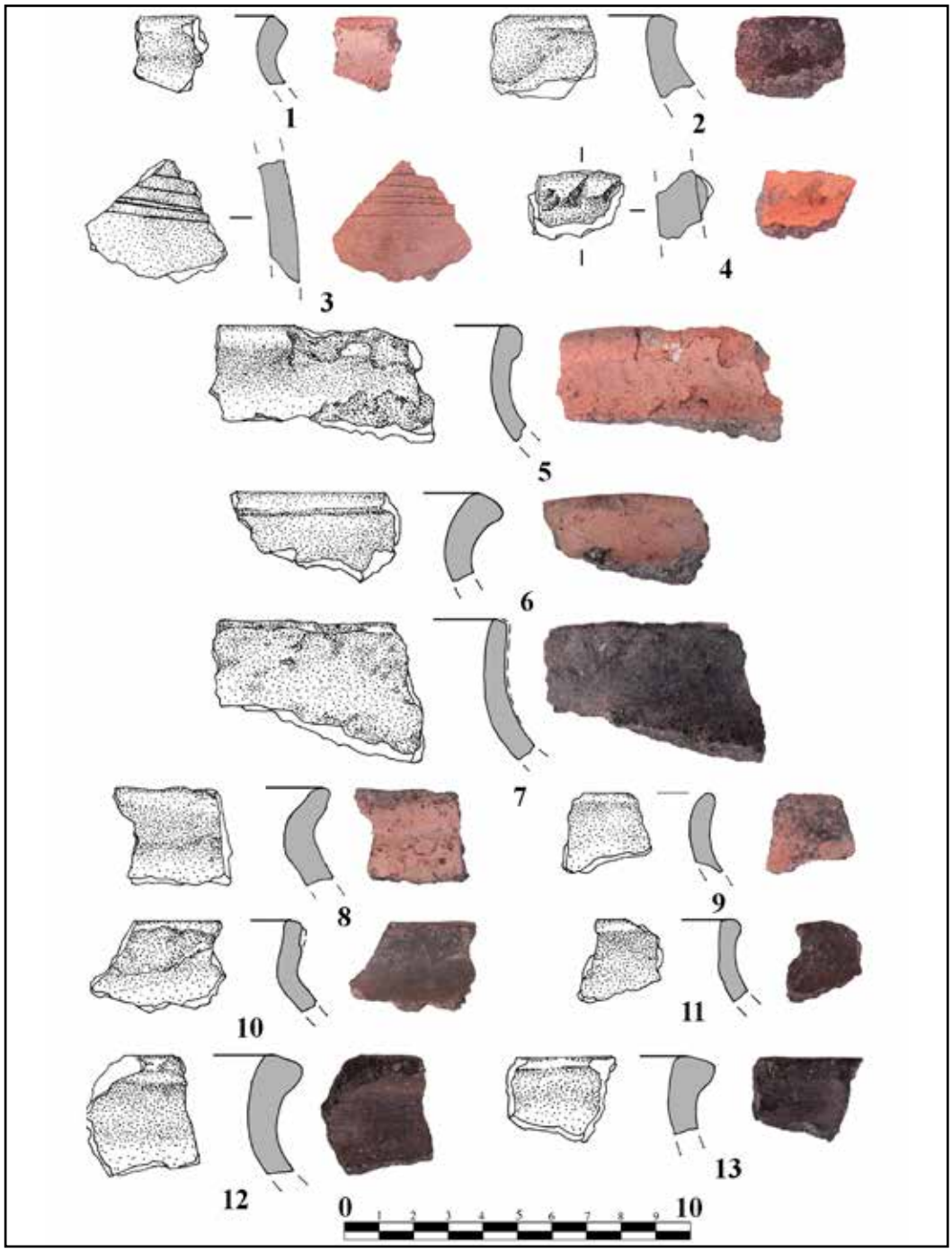

Рис. 12. Поселение Ташларка Северная. Шурф 2. Лепная керамика. Фрагменты венчиков (*1* – слой 2; *2* – слой 4; *5–13* – слой 5), фрагменты стенок (*3, 4* – слой 4)

Fig. 12. Tashlarka Severnaia settlement. Prospect trench 2. Hand-made ceramic vessels. Fragments of rims (*1* – layer 2; *2* – layer 4; *5–13* – layer 5) and walls (*3, 4* – layer 4)

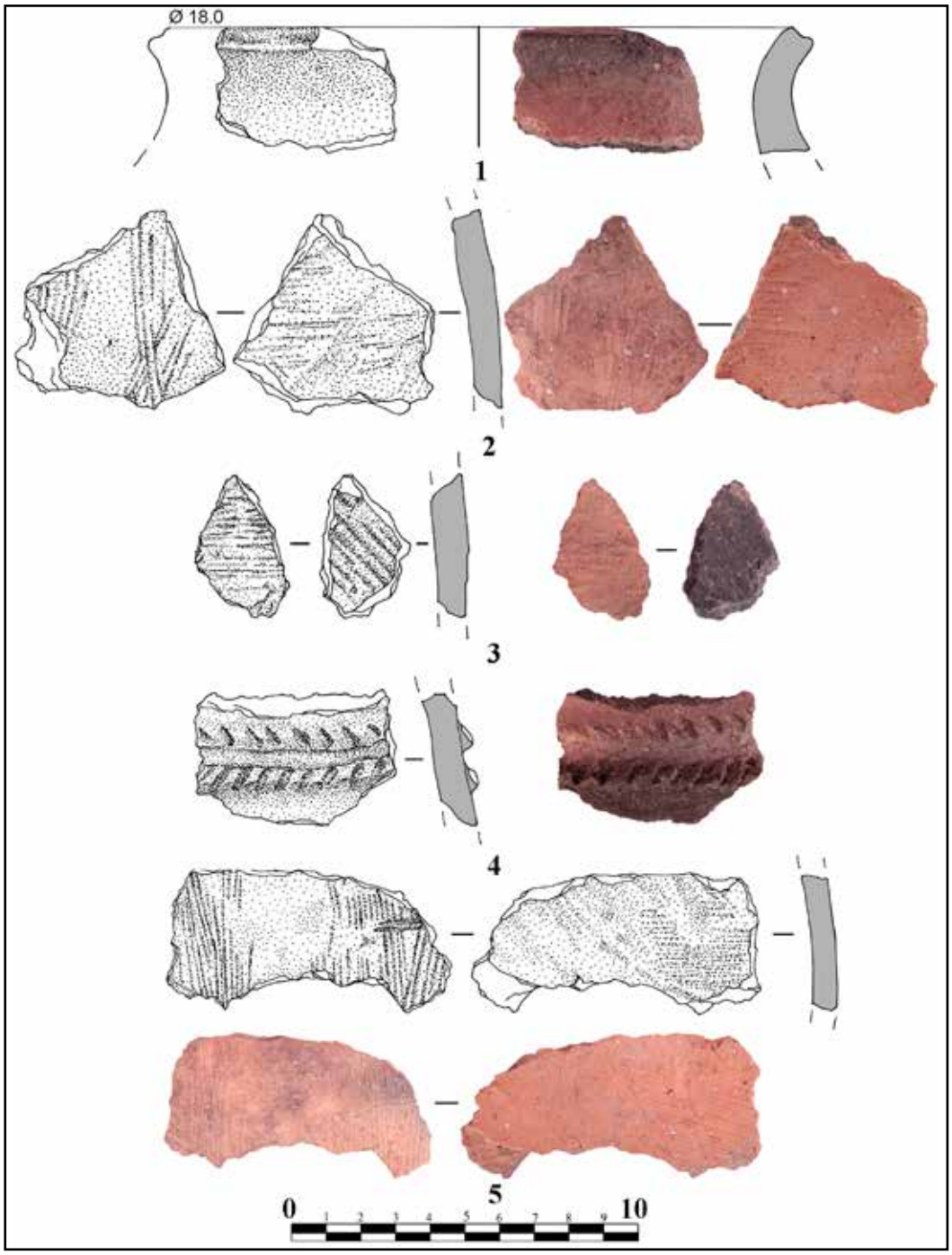

Рис. 13. Поселение Ташларка Северная. Шурф 2. Лепная керамика. Фрагмент венчика (*1* – слой 5), фрагменты стенок (*4* – слой 3; *2, 3, 5* – слой 5)

Fig. 13. Tashlarka Severnaia settlement. Prospect trench 2. Hand-made ceramic vessels. Fragment of a rim (*1* – layer 5) and walls (*4* – layer 3; *2, 3, 5* – layer 5)

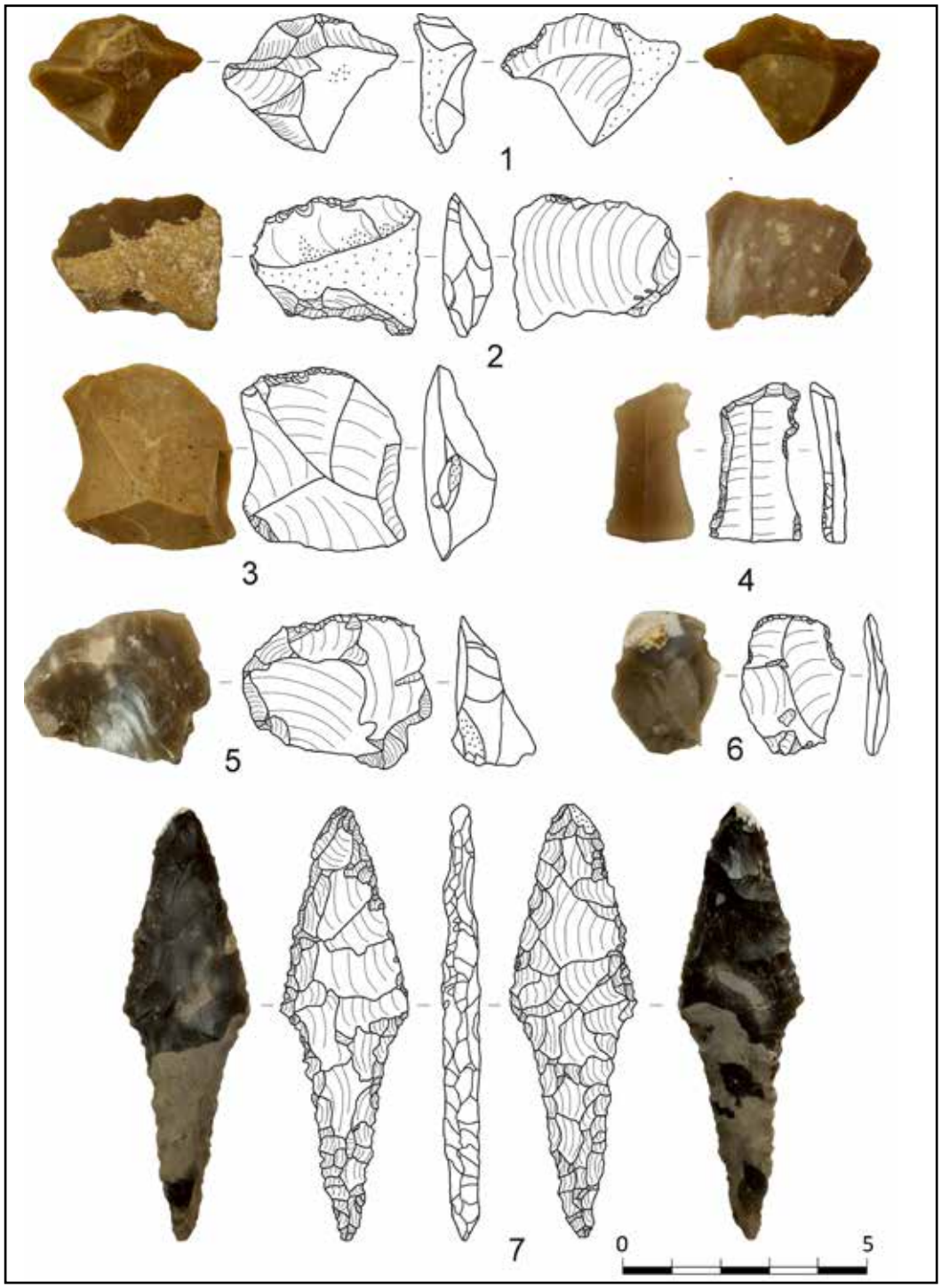

Рис. 14. Поселение Ташларка Северная. Кремневые предметы из шурфов 1–3

Fig. 14. Tashlarka Severnaia settlement. Worked flints from prospect trenches 1–3

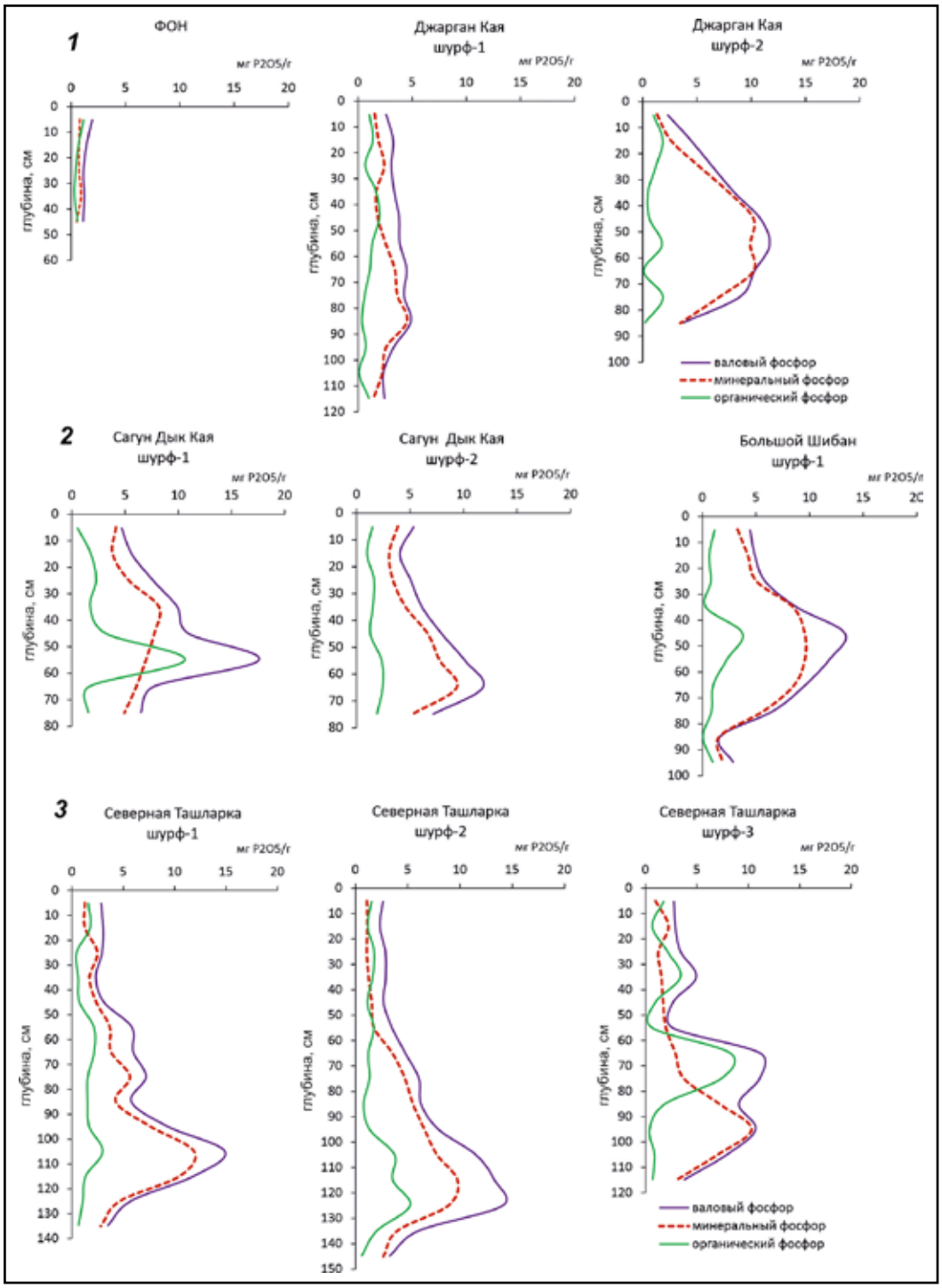

Рис. 15. Содержание органических и минеральных фосфатов в культурном слое поселений

Fig. 15. Contents of organic and mineral phosphates in the cultural layer of the settlements

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейлин Д.В., Кислый А.Е., Михайлов А.М., Рогудеев В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В.Ю. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. 2018. Т. 23. С. 9–35.
2. Дановский А.А., Масленников А.А. Поселение эпохи бронзы «Генеральское-Западное» (юго-западный склон) – предварительные итоги исследования // Древности Боспора. 2006. Т. 9. С. 77–89.
3. Дирин А.А. Мыс Зюк и сделанные на нём археологические находки // ЗООИД. 1896. Т. XIX. С. 121–131.
4. Кислый А.Е. О стенах (специальные постройки Каменской культуры Восточного Крыма) // Древности Боспора. 2016. Т. 20. С. 269–287.
5. Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Буряк Ж.А. Геоархеологические исследования исторических ландшафтов Крыма. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 432 с.
6. Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. I. М.: ИА РАН, 2010. 243 с. (Древности Боспора. Suppl. III).
7. Потапова А.В., Пинской В.Н., Гак Е.И., Каширская Н.Н., Борисов А.В. Изменчивость свойств культурного слоя поселения эпохи бронзы Ксизово-1 в лесостепном Подонье // РА. 2020. № 1. С. 60–75. DOI: 10.31857/S086960630008254-8.
8. Свиридов А.Н., Язиков С.В., Топоривская М.А., Фролов В.В. Раскопки поселения Городище 11 км в 2017 году // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. Т. 1. М., 2019. С. 187–203.
9. Смекалова Т.Н. Два новых поселения в окрестностях урочища Сююр-Таш в Керченском Приазовье // ПИФК. 2023. № 3. С. 218–230.
10. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с.
11. Смекалова Т.Н., Лисецкий Ф.Н., Каширская Н.Н., Борисов А.В. Двойные загоны – новые памятники бронзового века в Северо-Западном Крыму: предварительные результаты геофизических, геохимических и микробиологических исследований // Stratum Plus. 2021. № 2. С. 109–126.
12. Saunders W.M., Williams E.G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // Journal of Soil Science. 1955. Vol. 6. No. 2. P. 254-267. DOI: 10.1111/j.1365-2389.1955.tb00849.
13. Smekalova T.N., Bevan B.W., Kashuba M.T., Lisetskii F.N., Borisov A.V., Kashirskaya N.N. Magnetic surveys locate Late Bronze Age corrals // Archaeological Prospection. 2021. Vol. 28. P. 3–16. DOI: 10.1002/arp.1789.

REFERENCES

1. Beilin D.V., Kislyi A.E., Mikhailov A.M., Rogudeev V.V., Sharapa A.V., Yurochkin V.Yu. Excavations of the bronze age settlement “Hospital II” in Kerch (preliminary report). *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporos], 2018, T. 23, pp. 9–35.
2. Danovskii A.A., Maslennikov A.A. Bronze Age settlement “Generalskoe-Zapadnoe” (south-western slope) – preliminary results of the study. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporos], 2006, T. 9, pp. 77–89.
3. Dirin A.A. Cape Zyuk and archaeological finds made on it. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1896, T. 19, pp. 121–131.
4. Kisly A.E. About the walls (special construction of Kamenka Culture of Eastern Crimea). *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporos], 2016, T. 20, pp. 269–287.
5. Lisetskii F.N., Marinina O.A., Buryak Zh.A. *Geoarkheologicheskie issledovaniia istoricheskikh landshaftov Kryma* [A geoarcheological survey of the historical landscapes of Crimea]. Voronezh, VSU Publishing House, 2017, 432 p.
6. Maslennikov A.A. *Tsarskaia khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)* [The royal chora of the Bosporos (based on materials from excavations in the Crimean Azov region)]. T. I. Moscow, 2010, 243 p.
7. Potapova A.V., Pinskoy V.N., Gak E.I., Kashirskaya N.N., Borisov A.V. Variability of the cultural layer properties of the Bronze Age settlement Ksizovo-1 in the forest-steppe Don region. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2020, no. 1, pp. 60–75. DOI: 10.31857/S086960630008254-8.
8. Sviridov A.N., Iazikov S.V., Toporivskaia M.A., Frolov V.V. Excavations of the settlement “Gorodishche 11 km” in 2017. S.Iu. Vnukov, O.V. Sharov (eds.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg*. [Crimea – Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018], T. 1, Moscow, 2019, pp. 187–203.
9. Smekalova T.N. Two new Bronze Age settlements in the vicinity of the Syur-Tash tract, Kerch Sea of Azov. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2023, no. 3, pp. 218–230.
10. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnii bronzovyi vek. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'* [Archaeological atlas of the Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2017, 448 p.
11. Smekalova T.N., Lisetskii F.N., Kashirskaya N.N., Borisov A.V. Double Corrals – New Sites of the Bronze Age in the North-West Crimea and Their Study by Geophysical, Geochemical and Microbiological Methods. *Stratum plus,* 2021, no. 2, pp. 109–126.
12. Saunders W.M., Williams E.G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils. *Journal of Soil Science*, 1955, vol. 6, no. 2, pp. 254-267. DOI: 10.1111/j.1365-2389.1955.tb00849.
13. Smekalova T.N., Bevan B.W., Kashuba M.T., Lisetskii F.N., Borisov A.V., Kashirskaya N.N. Magnetic surveys locate Late Bronze Age corrals. Archaeological Prospection, 2021, vol. 28, pp. 3–16. DOI: 10.1002/arp.1789.

Информация об авторах

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Researcher ID: R-3665-2016.

Борисов А. В. – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

Масленников А. А. – доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН.

Семенова С. В. – заведующий таксидермической лабораторией Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника.

Горошников А. А. – аспирант, специалист отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.

Горошникова З. В. – лаборант отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.

Деваев А. С. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Савельев Д. О. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Гаврилюк А. Н. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Пинской В. Н. – научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

Потапова А. В. – младший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

Леонов Л. Л. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Фридрихсон С. К. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: R-3665-2016.

Borisov A. V. – Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher of the Institute of Physiccjchemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences.

Maslennikov A. A. – Doctor of Science (History), Head of the Field Research Department of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

Semenova S. V. – Head of the Taxidermy Laboratory of the Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve.

Gorochnikov A. A. – PhD student, Specialist of the Department of Archaeological Heritage Conservation at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Gorochnikova Z. V. – Laboratory assistant of the Department of Archaeological Heritage Conservationat the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Devaev A. S. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Savel'ev D. O. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Gavriluyk A. N. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Pinskoy V. N. – Scientific Researcher of the Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences.

Potapova A. V. – Junior Researcher of the Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences

Leonov L. L. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Fridrikhson S. K. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.34-37

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕНТГЕНО-ФЛУОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА СОСТАВА СПЛАВА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА БАТЫРСКИЙ 1. КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Ирина Викторовна Рукавишникова
Институт археологии РАН, Москва, Россия
rukavishnikovairina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2034-8659
Анна Витальевна Антипенко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132
Сергей Константинович Фридрихсон
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация. С помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра были исследованы украшения из могильника Батырский 1 (район Новороссийска): одна бронзовая и 7 серебряных спиралевидных височных подвесок, две лунницы и гривна. Целью данной статьи является введение этих результатов в научный оборот и пополнение банка данных по металлам и сплавам античного Боспора. Комплекс украшений из могильника Батырский 1 демонстрирует достаточно высокий статус погребенных, которых в загробный мир сопровождали популярные украшения, сделанные из драгоценного высокопробного серебра. Лишь одна подвеска сделана из металла, имитирующего серебро.

Ключевые слова: Боспор, грунтовый могильник Батырский 1, спиралевидная височная подвеска, лунница, гривна, РФлА, состав сплавов

Благодарности: Исследования проводились при поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета гранта в форме субсидии № 075-15-2023-010 от 21.02.2023 (15.СИН.21.0024).

RESULTS OF X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF THE ALLOY COMPOSITION OF METAL ORNAMENTS FROM THE CEMETERY OF BATYRSKII 1: A BRIEF COMMUNICATION

Irina V. Rukavishnikova
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rukavishnikovairina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2034-8659
Anna V. Antipenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132
Sergei K. Fridrikhson
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. The X-ray fluorescence spectrometer allowed the ones to study the ornaments from the cemetery of Batyrskii 1 (in the area of Novorossiysk): one bronze and seven silver spiral temple pendants, two lunular pendants, and one neck-ring. The purpose of this article is to introduce these results into the scholarship and to replenish the database on metals and alloys of the ancient Bosporos. The set of ornaments from the cemetery of Batyrskii 1 demonstrates a fairly high status of the buried persons, who were accompanied to the afterlife by popular ornaments made of precious high-grade silver. Only one pendant is made of metal imitating silver.

Keywords: Bosporos, flat cemetery of Batyrskii, spiral temple pendant, lunular pendant, neck-ring, X-Ray fluorescence analysis, alloy composition

Acknowledgments: This research was supported by the Russian Federation represented by the Ministry of Science and Higher Education within the framework of the Agreement on the Provision of the Grant from the Federal Budget in the form of Subsidy no. 075-15-2023-010 of 21.02.2023 (15.SIN.21.0024).

В 2023 году отрядом Института археологии РАН под руководством И. В. Рукавишниковой исследовался грунтовый могильник Батырский 1, располагающийся к югу от п. Верхнебаканский, в 10 км к северо-западу от Новороссийска. Открыты 22 погребальных комплекса, представляющие собой каменные ящики, захоронения в которых совершались по обряду ингумации. Более подробно могильник, а также найденные в нем украшения будут охарактеризованы в готовящейся публикации [3]. В данной краткой статье отметим только, что он, вероятно, оставлен местным «синдским» населением и датируется второй половиной IV – третьей четвертью III в. до н.э.

В различных погребениях могильника Батырский 1 было обнаружено 11 серебряных и бронзовых украшений (за исключением перстней, которые публикуются отдельно [2]). Для изучения рецептурных тенденций медных и серебряных сплавов, характерных для ювелирных изделий азиатского Боспора в IV–III вв. до н.э., с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра были исследованы следующие предметы: одна бронзовая и 7 серебряных спиралевидных височных подвесок, две лунницы и гривна. Целью данной статьи является введение этих результатов в научный оборот и пополнение банка данных по металлам и сплавам античного Боспора.

Изучение состава сплава металлических изделий проводилось в отделе естественно-научных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского на энергодисперсионном спектрометре Mistral M1 (Bruker), методом неразрушающего безэталонного рентгеновского флуоресцентного анализа (РФлА). Прибор оснащен полупроводниковым кремний-дрейфовым детектором высокого разрешения (50 кэВ, мощность 50 Вт). Использовалось программное обеспечение – XSpectPro. Размер пучка на образце (изучаемая область) составлял 1,5×1,5 мм². Время измерения на каждой точки 20 с. Регистрация флуоресцентного излучения проводилась «на воздухе», что позволило детектировать элементы с атомным номером выше 17 (Cl). Исследование элементного состава проводилось для одиннадцати химических элементов: медь (Cu), цинк (Zn), олово (Sn), свинец (Pb), мышьяк (As), серебро (Ag), железо (Fe), золото (Au), никель (Au), сурьма (Sb), марганец (Mn). Полученные результаты представлены в таблице 1. В ходе измерений выяснилось, что концентрация четырех элементов (Zn, Ni, Mn, As) ниже детектируемого порога спектрометра, поэтому эти металлы были исключены из таблицы.

Семь спиралевидных подвесок, скрученных в полтора оборота из массивного прута, имеющие четырехгранные пирамидальные навершия, изготовлены из высокопробного серебра, содержание которого превышает 95% и доходит почти до 99% (табл. 1,*1–4,6,7*). В сплаве одной из таких подвесок фиксируется заметная концентрация золота (1,43%) и до 3% меди (табл. 1,*7*). В остальных подвесках помимо серебра содержится только медь в количествах от 0,72 до 3,56%. Примесь золота в них очень незначительна (от 0,1 до 0,6%).

Бронзовая спиралевидная подвеска с гладкими четырехгранными окончаниями, венчающимися шарикам, сделана из бронзы с аномально высоким содержанием олова – от 53,58% и малым количеством свинца – 2,47% (табл. 1,*5*). Мастер, отливший подобную подвеску, явно стремился придать ей вид серебряной. Известно, что содержание олова до 20–23% делало цвет сплава на основе меди золотисто-желтым, а повышение концентрации этого элемента в составе сплава до 24–28% – серо-стальным [5, с. 402–403]. Не исключено, что поверхность этого украшения подверглась распространившемуся к этому времени приему лужения, то есть покрывалась слоем олова, что обеспечивало прекрасную полируемость и серебристый цвет поверхности. Известно, что лужение низкооловянных зеркал активно практиковалось в Средиземноморье эллинистического и римского времени для придании им серебристого цвета и ослепительного блеска [6, p. 133, 134; 7, с. 255; 1, с. 75].

Две подвески-лунницы изготовлены из дрота, откованного из высокопробного серебра (Ag 96,83–98%) (табл. 1,*9,10*). В той, что имеет лучшую сохранность, почти нет меди и других примесей и чуть более 1% свинца, который в данном случае, вероятно, можно считать рудной примесью. Во второй, поврежденной, подвеске, наоборот, свинца

практически нет, а меди 1,5%. Возможно, лунницы сделаны из серебра, поступившего из разных источников.

Наконец, гривна из крученого дрота с петлевидными окончаниями изготовлена из серебра, в котором примерно 95% этого драгоценного металла, «разбавленного» медью (4%) (табл. 1,*11*). Отметим довольно низкое содержание примеси золота в этом сплаве (всего 0,37%), что роднит его с серебром спиралевидных подвесок (кроме найденной в погр. 10). Известно, что низкая примесь золота характерна для серебра из рудников Лавриона; это серебро, возможно, использовалось для чеканки ранних боспорских серебряных монет, а также и для изготовления серебряных украшений [8, p. 1045; 4, с. 476, 477].

В целом, комплекс украшений из могильника Батырский 1 демонстрирует достаточно высокий статус погребенных, которых в загробный мир сопровождали популярные украшения, сделанные из драгоценного высокопробного серебра. Лишь одна подвеска сделана из металла, имитирующего серебро.

Таблица 1. Состав сплава металлических украшений из могильника Батырский 1, в масс. %. Измерения 16.02.2024 и 7.03.2024 г. на спектрометре Mistral M1 (Bruker)

№ п/п	Описание предмета	Cu	Fe	Ag	Au	Pb	Sb	Sn
1	Спиралевидная подвеска, погр. № 18, оп. № 14	1,12	0	98,26	0,49	0	0	0,10
2	Спиралевидная подвеска, погр. № 18, оп. № 8	1,24	0	98,15	0,28	0,13	0	0,11
3	Спиралевидная подвеска, погр. № 18, оп. № 9	1,47	0	97,90	0,35	0,19	0	0,09
4	Спиралевидная подвеска, погр. № 17, оп. № 14	0,72	0	98,85	0,10	0,23	0	0,09
5	Бронзовая спиралевидная подвеска, № 11/15	41,83	0,92	0,42	0	2,47	0,78	53,58
6	Спиралевидная подвеска, погр. № 10, оп. № 9	3,56	0	95,57	0,61	0,19	0	0,07
7	Спиралевидная подвеска, погр. № 10, оп. № 14	2,77	0	95,26	1,43	0,38	0	0,13
8	Спиралевидная подвеска, погр. № 13, оп. № 6	1,21	0,25	98,38	0,04	0,08	0	0,03
9	Лунница, погр. № 10, оп. № 24	1,50	0,70	96,83	0,83	0,06	0,14	0,07
10	Лунница, погр. № 13, оп. № 5	0,26	0,47	98,00	0	1,12	0	0,08
11	Гривна, погр. № 10, оп. № 11	4,05	0	95,30	0,37	0,18	0	0

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новичихин А.М., Смекалова Т.Н., Кокоулин А.Г. Зеркало с сюжетными изображениями из Восточного Закубанья: междисциплинарное исследование // ПИФК. 2024. Вып. 2. С. 76–87.
2. Трейстер М.Ю., Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из могильника «Батырский 1» в районе Новороссийска // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. Вып. 16 (в печати).
3. Трейстер М.Ю., Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В. Серебряные и бронзовые украшения из могильника IV–III вв. до н.э. «Батырский 1» в окрестностях Новороссийска // ПИФК. 2025 (в печати).

4. Чугаев А.В., Сапрыкина И.А. Эволюция источников монетного серебра на Боспоре в V–IV вв. до н.э. – II–III вв. н.э. по данным изотопного анализа Pb // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 467–490.
5. Шемаханская М.С. Феномен высокооловянистой посуды – от древности до наших дней // Исследования в консервации культурного наследия. Вып. 2. Материалы международной научно-методической конференции, посвященной 50-летнему юбилею ГосНИИР / отв. ред. А.В. Трезвов, Л.И. Лифшиц, О.В. Яхонт. М., 2008. С. 291–298.
6. Meeks N.D. Tin-rich surfaces on bronze – some experimental and archaeological considerations // Archaeometry. 1986. Vol. 28 (2). P. 133–162.
7. Meeks N. Surface Characterization of tinned bronze, high-tin bronze, tinned iron and arsenical bronze // Metal Plating & Patination / eds. S. La Niece, P.T. Craddock. Oxford, London: Butterworth-Heinemann Ltd., 1993. P. 247–275.
8. Smekalova T.N. Evolution of composition of monetary alloys of ancient Greek states on the Black Sea shores, basing on the data of x-ray-fluorescent spectroscopy with the example of Bosporos Cimmerian // Crystallography Reports. 2018. Vol. 63. No. 6. 1043–1050. DOI: 10.1134/S1063774518060299.

REFERENCES

1. Novichikhin A.M., Smekalova T.N., Kokoulin F.G. Mirror with plot images from the eastern trans-kuban region: an interdisciplinary study. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2024, no. 2, pp. 76–87.
2. Treister M.Yu., Rukavishnikova I.V., Beylin D.V. Bronze Finger Rings with Images on Bezels from the Burial Ground "Batyrskiy 1" in the Novorossiysk Region. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2024, vol. 16 (in print).
3. Treyster M.Yu., Rukavishnikova I.V., Beilin D.V. Silver and bronze jewelry from the burial ground of the 4th–3rd centuries BC "Batyrsky 1" in the vicinity of Novorossiysk. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2025 (in print).
4. Chugaev A.V., Saprykina I.A. Coin Silver Source's Evolution in Bosporos from the Fifth–Fourth Centuries BC to the Second – Third Centuries AD According to Pb-Isotopic Analysis. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 467–490.
5. Shemakhanskaya M.S. The phenomenon of high-tin utensils – from antiquity to the present day. A.V. Trezvov, L.I. Lifshits, O.V. Yakhont (eds.), *Issledovaniya v konservatsii kul'turnogo naslediya. Vyp. 2. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letnemu yubileyu GosNIIR* [Studies in the conservation of cultural heritage. Vol. 2. Materials of the international scientific and methodological conference dedicated to the 50th anniversary of GosNIIR], Moscow, 2008, pp. 291–298.
6. Meeks N.D. Tin-rich surfaces on bronze – some experimental and archaeological considerations. *Archaeometry*, 1986, vol. 28 (2), pp. 133–162.
7. Meeks, N. Surface Characterization of tinned bronze, high-tin bronze, tinned iron and arsenical bronze. S. La Niece, P.T. Craddock (eds.), *Metal Plating & Patination*. Oxford, London, Butterworth-Heinemann Ltd., 1993, pp. 247–275.
8. Smekalova T.N. Evolution of composition of monetary alloys of ancient Greek states on the Black Sea shores, basing on the data of x-ray-fluorescent spectroscopy with the example of Bosporos Cimmerian. *Crystallography Reports*, 2018, vol. 63, no. 6, 1043–1050. DOI: 10.1134/S1063774518060299.

Информация об авторах

Рукавишникова И. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.

Антипенко А. В. – научный сотрудник Лаборатории «Византийский Крым» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: U-2937-2019.

Фридрихсон С. К. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Rukavishnikova I. V. – Candidate of Science (History), Research Fellow at the Scytho-Sarmatia Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Antipenko A. V. – Researcher at the at the Byzantine Crimea Laboratory of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: U-2937-2019.

Fridrikhson S. K. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.38-59

ДРЕВНЯЯ ЯКОРНАЯ СТОЯНКА У МЫСА ТУЗЛА

Алексей Викторович Зинько
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
a.zinko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6017-4449

Аннотация. В статье анализируются результаты подводных исследований автора в 2016–2018 гг. в южной части Керченского пролива (в древности Боспор Киммерийский) у мыса Тузла. В результате работ были выявлены примитивные каменные якоря, детали каменно-деревянных и свинцово-деревянных якорных устройств, а также окаменелые детали и формы железных якорей. Поднятые со дна моря фрагменты античных и раннесредневековых амфор датируются с VI в. до н.э. по VIII–X вв. н.э. Общее распределение археологического материала на исследованных участках Тузлинского рифа дает представление об особой привлекательности этого места для стоянок судов различной грузовместимости в античное и византийское время. Исходя из видов и размерных характеристик найденных якорных элементов, можно сделать вывод, что у скал, расположенных ближе к линии берега в древности, относительно часто отстаивались небольшие лодки; несколько дальше в море – баркасы и малые суда, а у оконечности рифа существовал рейд для судов значительной грузовместимости. Древняя якорная стоянка у мыса Тузла, расположенная у понтийского входа в Боспор Киммерийский – у ворот в варварский мир, играла важнейшую роль в международной и региональной морской торговле эллинского мира.

Ключевые слова: Керченский пролив, Боспор Киммерийский, мыс Тузла, подводные исследования, якорная стоянка, древние якоря

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

ANCIENT ANCHORAGE AT CAPE TUZLA

Aleksei V. Zin'ko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
a.zinko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6017-4449

Abstract. This article analyses the results of the author's 2016–2018 underwater researches in the southern area of the Strait of Kerch (Cimmerian Bosporos in Antiquity) at Cape Tuzla. These works resulted in the discovery of primitive stone anchors, fragments of stone-and-wood and lead-and-wood anchor devices, and also fossilized parts and forms of iron anchors. The fragments of ancient and early medieval amphorae risen from the sea bottom date from the sixth century BC to the eight-to-tenth centuries AD. From the general distribution of archaeological materials in the areas of the bank of Tuzla under study there are reasons to suppose that this place was especially attractive for anchorage of various cargo ships in Classical and Byzantine Periods. Taking the types and size characteristics of the anchor elements uncovered into account, one may conclude that small boats relatively often moored near the rocks located closer to the ancient coastline. A little further out to sea, there was the anchorage for barges and small ships, and at the end of the bank was the roads for big cargo ships. The ancient anchorage at Cape Tuzla, near the Pontic entrance to the Cimmerian Bosporos, or the gates to the barbarian world, played vital role in the international and regional maritime trade of the Hellenic world.

Keywords: Strait of Kerch, Cimmerian Bosporos, Cape Tuzla, underwater researches, anchorage, ancient anchors

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity*, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Якорная стоянка древних судов в южной части Керченского пролива (в древности Боспор Киммерийский) у мыса Тузла, на западной оконечности основной линии его рифа, была локализована исследователями по материалам подводных разведок 1980–1990-х гг. и 2011–2012 гг. [11; 5; 6; 13; 1]. Современный подводный рельеф дна у мыса Тузла сформирован в процессе длительной абразии тектонической складки – антиклиналии. Геологическое строение размытой складки определяет продольную и поперечную конфигурацию всего рифового пояса мыса. Рифовый пояс состоит из трёх линий геологических образований, залегающих дугами от основания мыса к северо-западу. Их протяжённость примерно одинакова, около 2 км. Основная линия пояса – это цепочка обособленных останцев, сложенных монолитами, глыбами и валунами меотических мшанковых известняков. Контурные размеры большинства из них не превышают 60 м, но один имеет диаметр около 90 м, он находится на расстоянии 1,2 км от мыса. На линии пояса отмечены и две компактные группы останцев, одна расположена в 1,5 км, а другая – в 1,75 км от мыса. Глубины у оснований останцев нарастают постепенно, по мере их удалённости от берега. У южных подошв останцев глубины обычно меньше, чем у северных, за счёт большей мощности песчаных отложений. Изменения глубин над вершинами останцев подчинены следующей закономерности – в прибрежной части основной гряды, в пределах от 0 до 250 м, вершины возвышаются над поверхностью воды на высоту 0,5–2,5 м. В интервале 250–450 м от берега они находятся на уровне пролива, а далее постепенно заглубляются от 0,7 до 7 м. В 80 м к югу параллельно линии останцев тянется сплошная полоса понтических каменистых отложений шириной в 20–30 м. В поперечном разрезе эта гряда имеет вид наложенных друг на друга пластов мергеля, песчаника и детритового известняка, которые наклонены к северу под углом 30–45º. Известняковый гребень гряды возвышается над срезанными материковыми глинами на 1–2 м. Между останцами и грядой дно покрыто песчаными наносами незначительной толщины 0,05–0,1 м. Далее к югу, в 200 м от отложений понтической складки и в том же направлении тянется невысокий прерывистый гребень рыхлых железорудных отложений киммерийского времени. Они также наклонены к северу. Во многих местах гребень размыт, а его основа, уходящая в материк, скрыта под песчаными наносами [14].

Гидрологический режим акватории мыса обусловлен общими процессами водообмена в Керченском проливе, небольшими глубинами и метеорологическими условиями. Направление течений и их скорость в акватории мыса в основном определяются преобладающими ветрами. Обычно наблюдается течение с севера на юг. Его скорость 0,3–0,5 узла. В обратном направлении течения очень редки и не превышают скорости 0,3 узла. При штормовых ветрах максимальная скорость течений у мыса может достигать 1–2 узлов, особенно по фронту линии рифовых останцев в узостях между ними. Закрытость акватории мыса от преобладающих в регионе ветров северо-восточных направлений и малая глубина ограничивают развитие волнений. Даже во время сильных штормов этих направлений, степень волнения не превышает одного – двух баллов. Но при этом зачастую наблюдается развитие волн значительной крутизны и малой длины, которые опасны для малых судов, особенно у мелководных вершин рифовых останцев. Мыс Тузла совершенно открыт южным и западным ветрам, которые менее часты, но дуют порывисто и шквалисто, особенно в осенне-весенние периоды. В секторах их прямого волнового воздействия наблюдается интенсивная абразия материкового и аккумулятивного берегов. Особенно разрушительно штормовое волнение с юга. Его сила обусловлена прямым разгоном волн, через всю ширину Чёрного моря. Отмечены случаи, когда высота южных волн в проливе достигала 10 м, и это приводило к гибели крупных судов.

В 2016 г. нашей экспедицией были начаты подводные исследования в северо-западном секторе древней якорной стоянки у мыса Тузла, так как этот участок ранее обследовался поверхностно. Разведки проводились от условного центра якорной стоянки, который приходится на подводный останец «Скала 4», расположенный в 1,5 км к западу от современной вершины мыса (рис. 1). Вокруг этой скалы в 2012 г. были обнаружены

фрагменты амфор античного времени. В 2016 г. возле этого репера в радиусе 10–15 м на песчаном дне было зафиксировано некоторое количество археологического материала. В первую очередь, следует отметить скопление из 10 античных якорных камней различных форм и размеров, весом от 15 до 32 кг. Также были выявлены фрагменты стенок, ручек и ножек эллинистических амфор, среди которых можно отметить ножку хиосской конической амфоры с колпачковой ножкой варианта V-B, датируемой первой – третьей четвертью IV в. до н.э. (рис. 2,*1*) [7, с. 21–22, табл. 12] и горло гераклейской амфоры типа II-A варианта II-A-2, которое датируется 70-30-ми гг. IV в. до н.э. (рис. 2,*2*) [7, с. 135–136, табл. 96].

В 2017–2018 гг. исследования древней якорной стоянки у мыса Тузла были продолжены. Подводные археологические разведки у мыса Тузла в 2017 г. проводились на четырёх участках его акватории общей площадью 4,42 га. Результатом разведок в полосе дна, расположенной в 0,75 км от современной вершины мыса Тузла, явилось открытие у «Скалы 5» фрагментов керамики и скопления якорных камней, относящегося к рыбопромысловому мореплаванию. Здесь найдено пять античных якорных камней, изготовленных из местной породы мергеля светловано-серого цвета (рис. 3). Их форма в плане близка квадрату, а в сечении – трапеции. Посередине камня на его рёбрах высечены углубления для обвязки якорного каната в форме близкой треугольнику или полуовалу. Вес этих примитивных античных каменных якорей колеблется от 14 до 23 кг. Керамика представлена окатанными фрагментами стенок и ручек античных амфор. В пределах обследованного участка дна найден и фрагмент железного вилообразного якоря византийской эпохи. Он залегал на глубине 6 м среди небольших валунов, сохранившейся частью веретена на восток. Остатки якоря представляли собой пропитанную окислами железа конгломератную окаменелость пустотелой формы. Сохранившиеся в таком виде рога якоря имели размах 1 м, а остатки веретена – длину 0,8 м (рис. 4).

На другом участке разведок, расположенном к югу от оконечности рифа мыса Тузла, было исследовано песчаное дно пролива на глубине около 8 м. Здесь на площади 0,36 га выявлен 21 примитивный античный каменный якорь и 5 крупных фрагментов античных амфор. Все артефакты залегали в верхнем уровне слоя песчаных отложений. Якорные камни угадывались на дне по малозаметным обнажениям их частей над песком. Большинство крупных фрагментов амфор находились на дне более чем наполовину погружённые в песчаные наносы, один фрагмент стенки сосуда был найден у основания якорного камня при его зачистке. Для камерального изучения со дна были подняты три якорных камня и вся найденная керамика.

Первый якорный камень близкий в плане к пирамидальной форме и прямоугольный в сечении (рис. 5) был найден на глубине 8,3 м. На дне он был покрыт песчаными отложениями, над их поверхностью выступала его верхушка, которая была несколько наклонена к северо-востоку. Якорь изготовлен из камня местной породы – мшанкового известняка. Его высота 0,45 м, ширина 0,42 м, толщина по основанию 0,36 м, по вершине 0,2 м, вес 39 кг. Углубление для крепления якорного каната опоясывает камень по продольной оси на узких гранях, оно хорошо выражено седловиной. Ширина углубления по основанию камня 0,1 м, а у его вершины – 0,05 м.

Второй поднятый для изучения якорный камень, имевший в плане форму «бабочки» (рис. 6,*1*), располагался на глубине 8 м. На дне якорь залегал в плоскости своих плеч, ориентированный поперечной осью (перехватом) на 45º. Якорь изготовлен из камня местной породы – песчанистого сланца. Его длина по большей (верхней) стороне 0,51 м, по меньшей (нижней) – 0,23 м, высота посередине 0,3 м, вес 21 кг. Поперечное углубление для крепления якорного каната хорошо выражено скругленными краями и полукруглой седловиной, которая имеет ширину 0,07 м.

Третий якорный камень «остроконечный» (рис. 6,*2*) также был поднят с глубины 8 м. На дне предмет залегал в песчаных отложениях на боковой стороне, ориентированный поперечной осью на восток. Якорь изготовлен из плотного мергеля серого цвета. Его

форма в плане продолговатая, а в поперечнике округлая. Поперечный перехват для крепления якорного каната выражен неглубокими треугольными или полукруглыми углублениями только на рёбрах. Длина якорного камня 0,39 м, диаметр 0,2 м, а вес 16 кг.

Среди найденных здесь фрагментов керамики лишь у трех удалось определить центры производства. Так, крупный фрагмент придонной части амфоры конической формы был поднят в 50 м от центрального репера по азимуту 60º с глубины 8,2 м. Несмотря на повреждения, судя по глине и форме, найденный большой фрагмент можно отнести к коническим амфорам с острым дном хиосского производства варианта V-C, которые датируются концом IV – III в. до н.э. [7, с. 23, табл. 13,4]. Другой фрагмент нижней части амфоры был поднят в 6 м от центрального репера по азимуту 120º с глубины 8,2 м. Большая часть артефакта находилась в песчаных отложениях, поэтому она имела незначительную степень окатанности. Ножка амфоры сохранилась полностью и принадлежит фасосской амфоре коническо-биконического типа конического варианта II-C-2, датируемой IV в. до н.э. [7, с. 76, табл. 48,3]. Фрагмент горла амфоры с одной ручкой был поднят в 2-х м от центрального репера по азимуту 270º с глубины 8,1 м. Вся ручка находилась в отложениях песка, над поверхностью дна возвышалась только часть стенки горловины. Обломок амфоры не имел следов окатанности и значительных изменений естественного цвета глины в той части, которая находилась в грунте. Морфология элементов найденного фрагмента соответствует красноглиняной лесбосской амфоре архаического типа варианта I-A, которая датируется VI в. до н.э. [7, с. 49, табл. 30,2].

Сплошные подводные разведки дна пролива по рифовому поясу мыса Тузла в 2018 г. были проведены на четырёх участках общей площадью 1,8 га. На участке 1, расположенном в 225 м по азимуту 190º от «Скалы 4», входящей в центральную скальную цепь рифа, исследованная площадь составила 0,2 га. На участке отмечены незначительные изменения глубин в пределах 6,5–6,7 м. На участке обнаружено 8 археологических предметов, в основном представленных якорным инвентарём лодок и небольших судов.

Так, в западной части участка 1 были найдены два якорных камня. Один из них – якорный камень «брус» (рис. 7), шток античного деревянно-каменного якоря весьма оригинальной формы, напоминающей тяжёлое коромысло с массивными утолщениями на концах. Его длина составляла 1,34 м, вес 77 кг. Поперечное сечение одного конца штока почти квадратное – 0,166×0,16 м, в средней части прямоугольное – 0,13×0,16 м, другого конца штока также прямоугольное – 0,20×0,16 м. Место крепления штока на веретене деревянного якоря, находящееся посередине, выражено потёртостями по граням и сколами на рёбрах, их ширина 0,1 м. Утяжеляющая деталь комбинированного деревянно-каменного якоря изготовлена из плотной породы песчаника светло-коричневого цвета. Шток залегал на глубине 6,4 м, поперечной осью к северо-западу. Там же, на глубине 6,6 м, залегал поперечной осью по меридиану массивный якорный камень (рис. 8). Он имел вид почти правильного блока размером 0,25×0,34×0,23 м и весил 31 кг. Посередине камень имел перехват в виде небольших и слабо выраженных на рёбрах полукруглых углублений, он был изготовлен из известняка ракушечника керченской породы. В юго-западной части участка обнаружен небольшой (20,5×12,5 см) фрагмент предплечевой стенки с желобчатой поверхностью «причерноморских» амфор VIII–IX вв. варианта 2 по Якобсону [15, с. 31, рис. 13,1–4] или желобчатые типов 45–47 по Хейсу [16, p. 73, fig. 25,1].

Большинство находок было сделано в юго-восточной части участка 1. Здесь на площади в 25 м² артефакты были расположены вблизи друг от друга и, очевидно, представляли собой открытый гидроархеологический комплекс, сформировавшийся за длительный период времени в результате частых остановок древних судов в данном месте. На глубине 6,6 м находился массивный якорный камень (рис. 9) в виде аморфного блока размером 0,32(0,3)×0,23(0,18)×0,23 м. Он был изготовлен из плотного песчаника и весил 35,3 кг. Посередине камень имел перехват в виде небольших и хорошо выраженных на гранях и рёбрах полукруглых углублений. На той же глубине лежал еще один якор-

ный камень в виде удлинённого бруска размером 0,85×0,17(0,19)×0,08 м (рис. 10). Его поверхность со всех сторон носила следы сильной окатанности. Посередине камня на его нижней грани имелось дуговидное углубление шириной 0,1 м, хорошо выраженное потёртостями и сколами на рёбрах. Это углубление служило местом обвязки камня канатом или местом его крепления на веретене небольшого деревянного якоря. Каменный шток был изготовлен из плотного песчаника грязновато-серого цвета и весил 23,8 кг.

Невдалеке от каменных якорей была обнаружена конгломератная форма части железного якоря римского времени (рис. 11). Находка представлена в целостности дуговидными рогами и частью веретена с шаровидным утолщением посередине. Верхняя часть веретена якоря, его шток и рым (кольцо) на дне отсутствовали. Исходя из внешних округлых форм веретена в 0,1 м и такой же формы внутренней пустотелости диаметром 0,06 м в месте его разлома, можно предполагать, что стержень веретена якоря был круглым, а размер его сечения соответствовал диаметру пустотелости. Дуговидные рога якоря, которые, судя по поперечной форме и толщине их окаменелости, имели квадратное сечение, очевидно, равное диаметру веретена – 0,06×0,06 м. Рога якоря были посажены к веретену под углом 45º, их общий размах 0,72 м. Длина сохранившейся части веретена от пятки якоря до места слома 1 м. На дне якорь залегал в камнях веретеном на северо-восток на глубине 6,4 м.

К северо-востоку от античного железного якоря на глубине 6,7 м выявлены два небольших якорных камня, один из которых имел размеры 0,32×0,36×0,30 м и вес 18,2 кг, а другой – 0,28×0,24×0,23 м, при весе 16 кг. Посередине на рёбрах камней имелись перехваты в виде хорошо выраженных полуовальных углублений для обвязки канатом. Оба каменных якоря были изготовлены из местной породы глинистого сланца желтоватого цвета.

Следующий объект подводных исследований 2018 г. – участок 2 был расположен в южном секторе «Скалы 5», входящей в центральную скальную цепь рифа (рис. 1). В настоящее время «Скала 5» находится на расстоянии 765 м от вершины мыса Тузла по азимуту 239º. Участок 2 имел размеры 60×200 м и был ориентирован длинной стороной к югу. Его площадь составляла 1,2 га. Рельеф дна участка состоит из нескольких геологических образований, представляющих собой чередование разновременных каменных пластов, разрушенных морем. Северная сторона участка примыкала к южному склону скалы, сложенной крепкими мшанковыми известняками нижне-меотического времени. Скалу подстилают плотные неогеновые глины верхне-сарматского геологического яруса. Они имеют слоистую структуру и темно-серый цвет. Подошва скалы обтянута нешироким развалом глыб и валунов, образовавшимся в результате разрушения самой скалы морем. Далее к югу дно обнажено до материковых глин, глубины в этой части участка достигает 6,5 м. На дне участка 2 в 2018 г. было обнаружено 25 археологических предметов, в основном представленных лодочным и корабельным якорным инвентарём античного времени, а также фрагментами античной и раннесредневековой керамики. Большая их часть была найдена в северной части участка, приходящегося на полосу между «Скалой 5» и подводной грядой известняков.

Вблизи «Скалы 5», с ее северной стороны на глубине 5,9 м были найдены три небольших якорных камня. В плане и сечении они имели форму близкую к прямоугольнику, а их грани и ребра были несколько скруглены. Камни имели вес от 16 до 18,5 кг и были изготовлены из плотной породы мергеля желтоватого цвета. Также с северной стороны «Скалы 5» были найдены большой фрагмент боспорского эллинистического солена, два фрагмента стенок средневековых «причерноморских» амфор с желобчатой поверхностью VIII–IX вв. [15, с. 31, рис. 13,1–4; 16, p. 73, fig. 25,1], а также конгломератная форма обломка детали железного якоря первых вв. н.э.

С западной стороны «Скалы 5» обнаружено три каменных ядра различного размера и один большой фрагмент стенки античной амфоры. Ядро каменное среднего размера диаметром 14 см найдено на глубине 7,3 м. Ядро изготовлено из известняковой породы

камня. Вблизи, на глубине 7,4 м, находилось ядро каменное большого размера диаметром 24 см. Чуть в отдалении найдено третье каменное ядро малого размера диаметром около 10 см.

По южному склону придонного котлована и вдоль северного основания каменной гряды у «Скалы 5» открыта наиболее представительная группа находок, характеризующая навигационную деятельность в античное время на исследуемом участке акватории пролива. В первую очередь, следует отметить находку двух каменных штоков от деревянно-каменных античных якорей. Один из якорных каменных штоков (рис. 12) обнаружен на глубине 6 м. На дне шток залегал среди камней поперечной осью на север. Общая форма предмета в плане – вытянутый прямоугольник длиной 0,81 м, в сечении – прямоугольник, с различными размерами на противоположных концах – 0,15×0,07 и 0,17×0,09 м. На меньшем по толщине конце камня его торцевая плоскость ровная, на большем – со следами разлома. Камень имеет два хорошо выраженных места для обвязки его канатом – большее и меньшее. Большее находится у толстого конца камня, оно выражено широкими заглаженными углублениями на гранях и рёбрах. Меньшее место крепления находится посередине, и оно выражено небольшими заглаженными сколами на гранях и рёбрах. Все эти внешние признаки свидетельствуют о том, что якорный камень имел два этапа своего бытования. На первом этапе, до слома, его размеры составляли 1,28×0,17(0,15)×0,09(0,07) м и вес около 40 кг. На втором этапе, после слома, камень применялся в уменьшенном варианте 0,81×0,17(0,15)×0,09(0,07) м, весом 22,1 кг. В соответствии с этими изменениями якорный каменный шток, очевидно, использовался на различных по водоизмещению судах. Якорный шток изготовлен из кавказской породы песчаника светло-коричневого цвета.

Второй каменный шток деревянно-каменного якоря античного времени (рис. 13) находился на глубине 6,2 м. На дне шток залегал в камнях склона гряды, поперечной осью к северу. Шток в плане имеет вид удлинённой каменной плиты, которая несколько округлыми и усечёнными клиньями сужается от середины к краям. Рёбра и углы плеч штока закруглены. Посередине, на узких гранях плиты симметрично расположены углубления для крепления штока на веретене деревянного якоря. Эти углубления различны по размерам и форме. Меньшее углубление высотой 4 см и шириной 5–9 см имеет овальную форму, большее – высотой 8 см и шириной 6–13 см – трапециевидную форму с закруглёнными углами и гранями. На боковых гранях штока между углублениями отмечена глубокая выборка в виде поясков. Размеры штока 0,92×0,25(0,12)×0,12 м, вес 35,6 кг. Шток изготовлен из плотной породы песчаника светло-серого цвета.

В юго-западной части участка 2 на глубинах от 5,5 до 6,6 м были найдены пять якорных камней. Все якорные камни имеют подпрямоугольную форму и вес их колеблется от 15 до 24,5 кг. Посередине всех якорных камней, по граням его узких сторон, находились слабо выраженные углубления для крепления якорного каната. Также здесь обнаружена конгломератная форма обломка детали железного якоря римского времени, которая находилась на глубине 6,1 м. Длина обломка 0,48 м, внешний диаметр окаменелости 0,08 м. В юго-западной части участка 2 были найдены пять больших фрагментов керамической тары. Это обломок стенки плечевой части античного пифоса размером 0,42×0,31×0,02 м, ручка хиосской эллинистической амфоры, ножка родосской амфоры типа II первой трети III в. до н.э. [7, с. 121, табл. 85,2] и два фрагмента тулова античных амфор, центр производства которых установить не удалось.

Подводные исследования в 2018 г. также проводились на участке 3, расположенном в северном секторе «Скалы 6», входящей в центральную скальную цепь рифа. «Скала 6» находится на расстоянии 910 м к западу от вершины мыса Тузла (рис. 1). Участок имел размеры 25×50 м и его площадь составляла 0,125 га. Рельеф дна участка включает каменистый склон и подошву скалы-останца, переходящие к северо-востоку в сплошную и широкую каменную гряду с глубинами по её гребню 5,2–5,5 м. Северо-западный склон этой гряды спадает до уровня залегания материковых глин, на глубину 6,5 м. Поверх-

ность глин прикрыта незначительными по толщине песчано-раковинными отложениями, среди которых отмечены отдельные камни и скопления галечника. В северной акватории участка обнаружено 7 археологических предметов, представленных фрагментами керамики эллинистического времени и одной свинцовой деталью – элементом штока деревянного якоря античного времени. Вся керамика залегала на дне компактно по каменистому основанию склона гряды.

Свинцовый брусок с U-образным углублением посередине является деталью плеча штока деревянного якоря IV–I вв. до н.э. (рис. 14). [3, с. 112]. Он был обнаружен на глубине 6,6 м. Форма бруска в плане – вытянутый прямоугольник длиной 0,455 м. Его плечи, разделённые посередине углублением пятигранной в плане формы, имеют конические сечения различного размера, одно – 4,4×7,0×2,6 см, другое – 4,2×6,0×2,8 см. Вес свинцового бруска составляет 9,9 кг. Невдалеке были найдены: придонная часть красноглиняной лесбосской амфоры архаического типа варианта I-A, которая датируется VI в. до н.э. [7, с. 49, табл. 30,5]; ножка гераклейской амфоры пифоидного типа I-A первой половины IV в. до н.э. [7, с. 126–127, табл. 90,5]; ручка эллинистической хиосской амфоры; ручка гераклейской амфоры IV – началом III в. до н.э.; ручка двуствольной косской амфоры I в. до н.э.; фрагмент ручки амфоры раннесредневекового времени.

Завершились подводные исследования в 2018 г. на участке 4, расположенном вокруг «Скалы 7», входящей в центральную скальную цепь рифа. В настоящее время «Скала 7» находится на расстоянии 1100 м к западу от вершины мыса Тузла (рис. 1). Площадь участка разведок составила 0,374 га. Рельеф дна участка включает скальный массив скалы-останца, его склоны и подошву, переходящие по всему периметру в каменистый пояс шириной до 5 м. Каменистый пояс состоит из разрозненных глыб, валунов, камней и галечника, которые залегают на плотной материковой глине серого цвета. Глубины вокруг скалы изменяются в пределах 6,3–7 м. Вокруг основания скалы, преимущественно по каменистому поясу, обнаружено 17 археологических предметов, представленных фрагментами керамики античного и раннесредневекового времени, а также пятью свинцовыми деталями деревянных якорей античного времени.

Особый интерес среди свинцовых деталей якорей античного времени представляет свинцовый брусок с П-образным углублением посередине (рис. 15). Эта деталь плеча штока деревянного якоря IV–I вв. до н.э. найдена на глубине 6,5 м. Длина бруска 0,35 м, вес 5,3 кг. Вблизи была найдена свинцовая полоса весом 2,6 кг, с П-образным прогибом в середине, представляющая собой деталь крепежа рогов эллинистического деревянного якоря. Следует отметить и находку трех прямоугольных свинцовых брусков, являвшихся деталями плеча штока деревянных якорей IV–I вв. до н.э., весом 2,75, 2,65 и 1,84 кг.

У «Скалы 7» также были обнаружены большие фрагменты античных амфор. На глубине 6,5 м найдена придонная часть с ножкой красноглиняной лесбосской амфоры пифоидного типа, датируемой концом VI – первой половиной V в. до н.э. [7, с. 48–49, табл. 32,3]. Невдалеке, на глубине 6,7 м, найдено четыре рюмкообразных ножки мендейских амфор типа «портичелло», которые датируются первой половиной IV в. до н.э. [7, с. 95, табл. 63,4–6]. У подошвы северного склона скалы на глубине 6,7 м в песке была обнаружена ножка книдской амфоры, датируемая серединой II в. до н.э. [7, табл. 78,2]. Вблизи нее был найден большой фрагмент амфорного дна, который можно отнести к коническим амфорам с острым дном хиосского производства варианта V-C, датируемый концом IV – III в. до н.э. [7, с. 23, табл. 13,4]. У подошвы северо-восточного склона скалы были обнаружены три больших фрагмента стенок с желобчатой поверхностью «причерноморских» амфор VIII–IX вв. варианта 2 по Якобсону [15, с. 31, рис. 13,1–4] или желобчатые типов 45–47 по Хейсу [16, p. 73, fig. 25,1].

Подводные исследования по рифовому поясу мыса Тузла в 2018 г. позволили выявить 57 археологических находок, из которых 40,4% приходится на детали каменно-деревянных и свинцово-деревянных якорных устройств, а также окаменелые детали и формы железных якорей. Находки античной амфорной тары составили 35,9%, а раннесредневе-

ковых амфор – 8,8%. Прочие фрагменты каменных изделий, из которых удалось определить лишь три каменных ядра, составили 14,9%. Весь этот найденный материал свидетельствует о постоянной и активной морской деятельности в зоне рифового пояса мыса на протяжении всего античного времени, судя по амфорной таре, начиная с VI в. до н.э. В меньшей степени риф использовался в средневековое время [1; 2; 4].

Среди найденных у мыса Тузла якорей наиболее древними являются камни прямоугольной формы с обработанными, более или менее ровными гранями и оформленным поперечным желобком в центральной части. Такие каменные якорные формы могли использоваться на протяжении многих веков [10, с. 63–64]. Они использовались на протяжение всей античной эпохи и служили якорями на лодках и мелких судах, предназначенных для каботажного плавания. Эллинские корабли в VII–IV вв. до н.э. начинают использовать деревянно-каменные якоря с каменным штоком [9]. Несколько каменных штоков от таких якорей также выявлены у мыса Тузла. Позднее, наряду с вышеупомянутыми якорями, появились деревянные, утяжеленные свинцом. А. В. Окороков выделяет 2 главных типа свинцовых штоков, разделяющихся по способу их закрепления на веретене [8; 3, с. 110–112]. Свинцовые бруски-отливки, которые являлись составной частью деревянно-свинцового штока якоря, неоднократно находили на якорной стоянке у мыса Тузла. Деревянно-свинцовые якоря использовались в судовождении греческими моряками практически на протяжении всей античной эпохи и лишь в позднеантичное время этот якорь заменяется железным, но сохранившим прежнюю форму. Наиболее ранняя находка подобного железного якоря относится к III в. н.э., используется он и в византийское время. Проследить общую эволюцию форм железного якоря попытался Г. Капитэн, который выделил пять типов железных якорей [17]. На основании изучения 21 железного якоря, найденных с 1979 по 1993 г. в Керченском проливе, А. Н. Шамрай составил типологический ряд подобных античных и византийских якорей [12, с. 469]. Выявленные у мыса Тузла железные якоря относятся к виду 1 и виду 2 по классификации А. Н. Шамрая и датируются позднеантичным – ранневизантийским временем.

Общее распределение археологического материала на разведанных участках Тузлинского рифа дает представление об особой привлекательности этого места для стоянок судов различной грузовместимости в античное и византийское время. Исходя из видов и размерных характеристик найденных якорных элементов, можно сделать вывод, что у скал, расположенных ближе к линии берега в древности, относительно часто отстаивались небольшие лодки; несколько дальше в море – баркасы и малые суда, а у оконечности рифа существовал рейд для судов значительной грузовместимости.

Пространственное распределение якорного инвентаря античных и ранневизантийских судов по рельефу рифового пояса мыса Тузла, а также сопутствующей ему керамики, указывают на степень навигационной привлекательности того или иного места якорной стоянки в этой акватории пролива. Привлекательность якорных мест определялась возможностью надёжного зацепа за донный грунт якоря и спокойной стоянки на нём судна. Эту надёжность у мыса Тузла обеспечивали каменистый подводный рельеф и надводный ландшафт его прибрежной акватории. Судя по контуру подводного рельефа, выявленного в процессе съёмок батиметрических планов участков, можно предполагать, что вся акватория рифового пояса у мыса Тузла в ранний период античности при меньшем на 4–5 м уровне моря представляла собой сильно изрезанное побережье с множеством заливчиков и бухточек, надводных и подводных скал, т.е. акваторию шхер. Остатки якорных деталей древних судов рассеяны по рифовому поясу вдоль склонов скал основной цепи рифа и параллельных этой цепи с юга гряд. Количественный, видовой и размерный состав якорного материала в общих чертах характеризуют интенсивность стоянок в то или иное время и величину посещавших их судов. Древняя якорная стоянка у мыса Тузла, расположенная у понтийского входа в Боспор Киммерийский – у ворот в варварский мир, играла важнейшую роль в международной и региональной морской торговле эллинского мира.

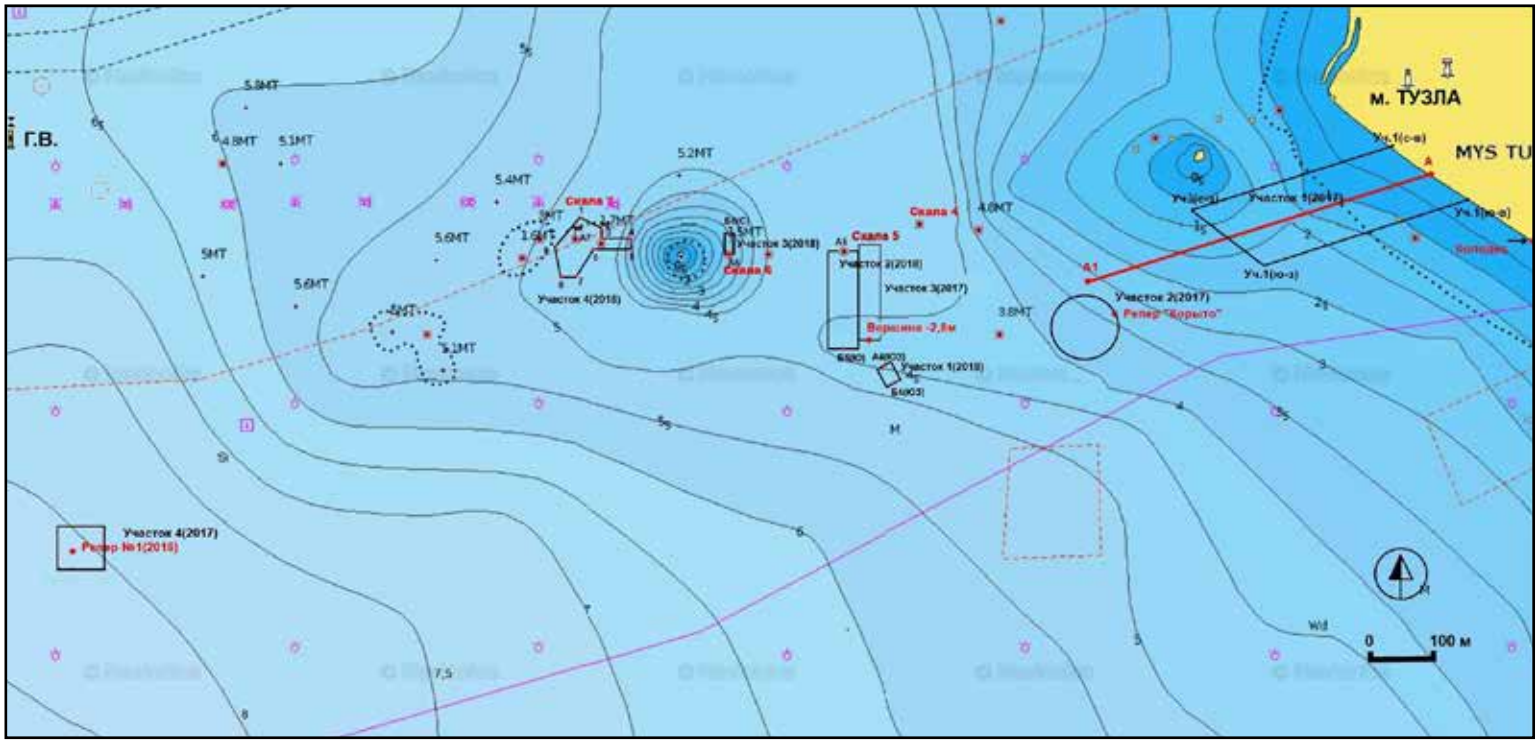

Рис. 1. Карта исследованных участков у мыса Тузла в 2016–2018 гг.
(фрагмент электронной навигационной версии из программы Navionics Sonar Chart)

Fig. 1. Map showing the areas investigated at Cape Tuzla in 2016–2018
(a fragment of digital navigation version by Navionics Sonar Chart software)

Рис. 2. Фрагменты амфорной тары у «Скалы 4»: *1* – ножка амфоры Хиоса; *2* – горло амфоры Гераклеи

Fig. 2. Transport amphora fragments at “Rock 4”: *1* – amphora foot from Chios; *2* – amphora foot from Herakleia

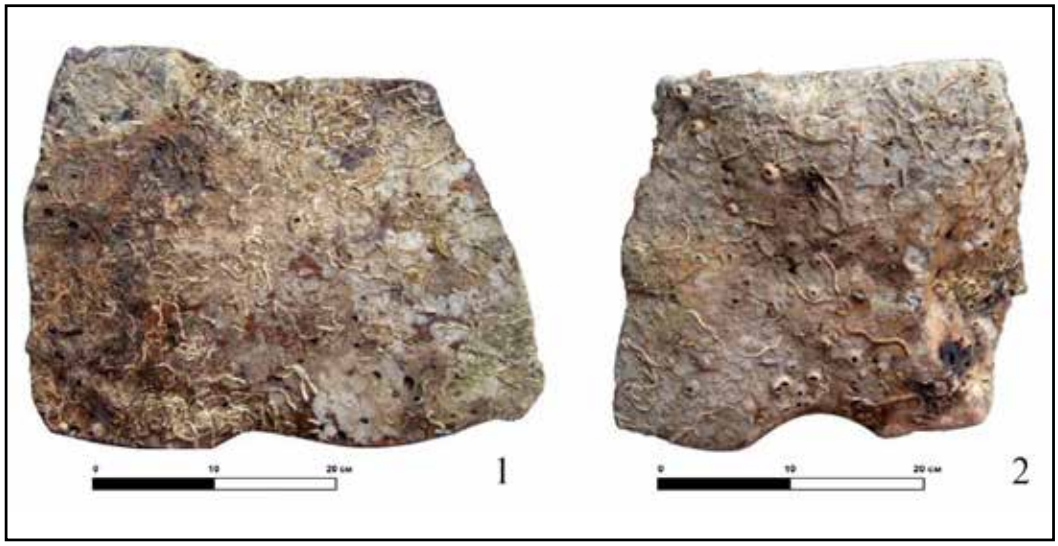

Рис. 3. «Скала 5». Якорные камни 3 и 4

Fig. 3. “Rock 5.” Anchor stones 3 and 4

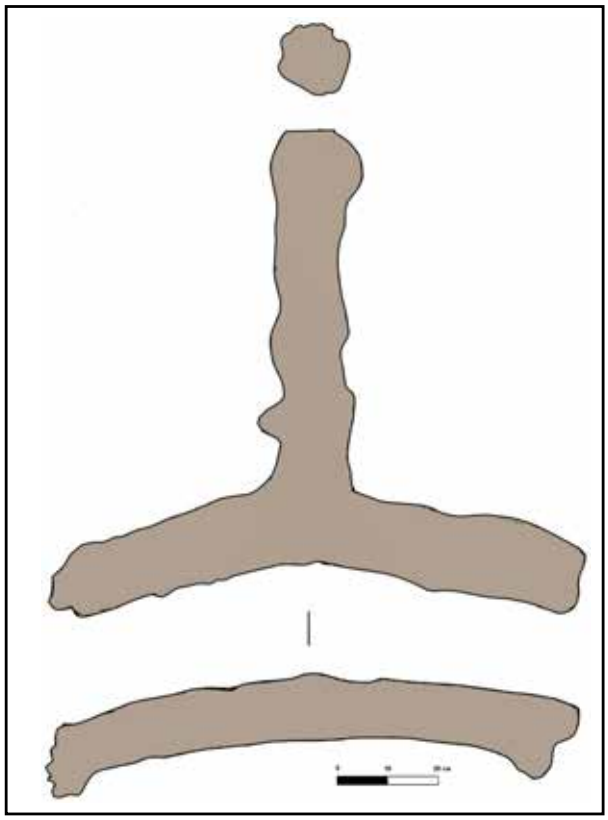

Рис. 4. «Скала 5».
Якорь железный вилообразный
(контуры конгломератной формы)

Fig. 4. “Rock 5.”
Iron pitchfork-like anchor
(conglomerate contours)

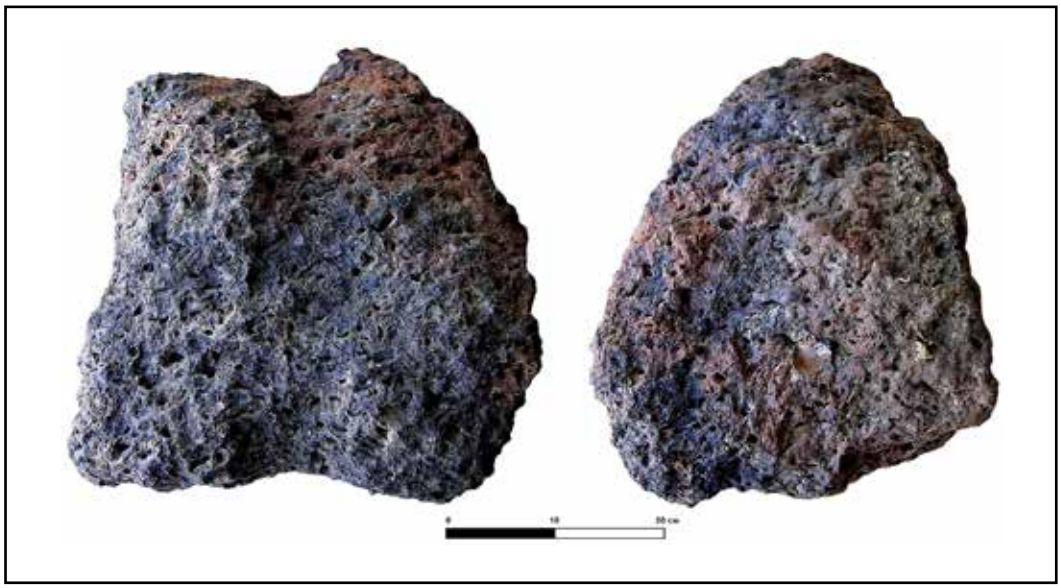

Рис. 5. «Скала 5». Якорный камень «пирамидальный». Вид спереди и сбоку

Fig. 5. “Rock 5.” “Pyramidal” anchor stone. Viewed from the front and from aside

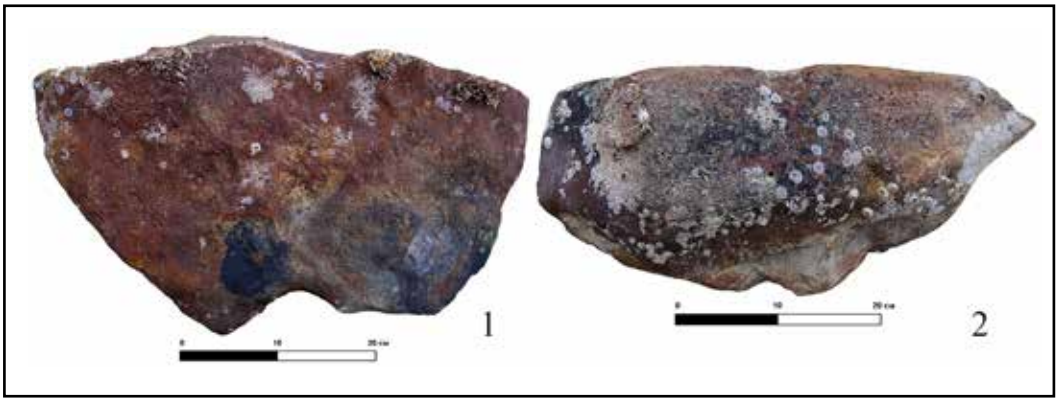

Рис. 6. «Скала 5». Якорные камни: *1* – «бабочка»; *2* – «остроконечный»

Fig. 6. “Rock 5.” Anchor stones: *1* – “butterfly”; *2* – “pointed”

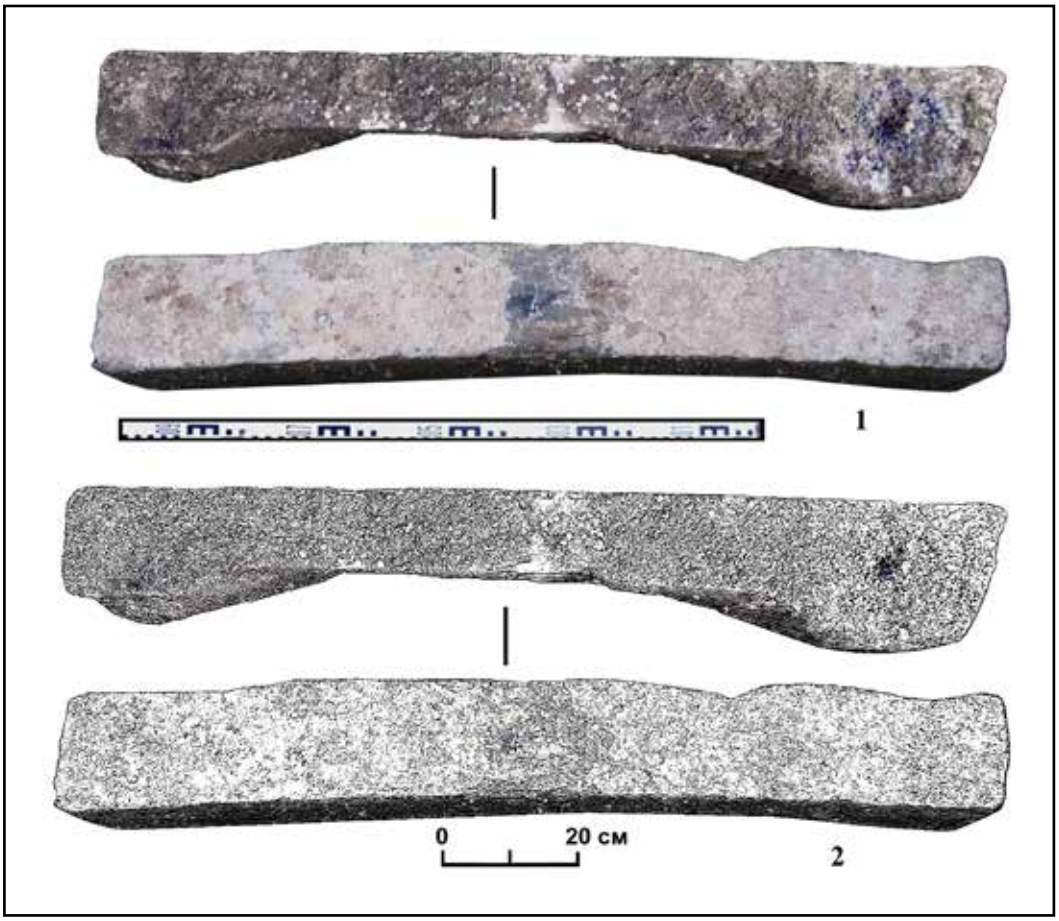

Рис. 7. «Скала 4». Участок 1. Якорный камень «брус»

Fig. 7. “Rock 4.” Area 1. “Beam” anchor stone

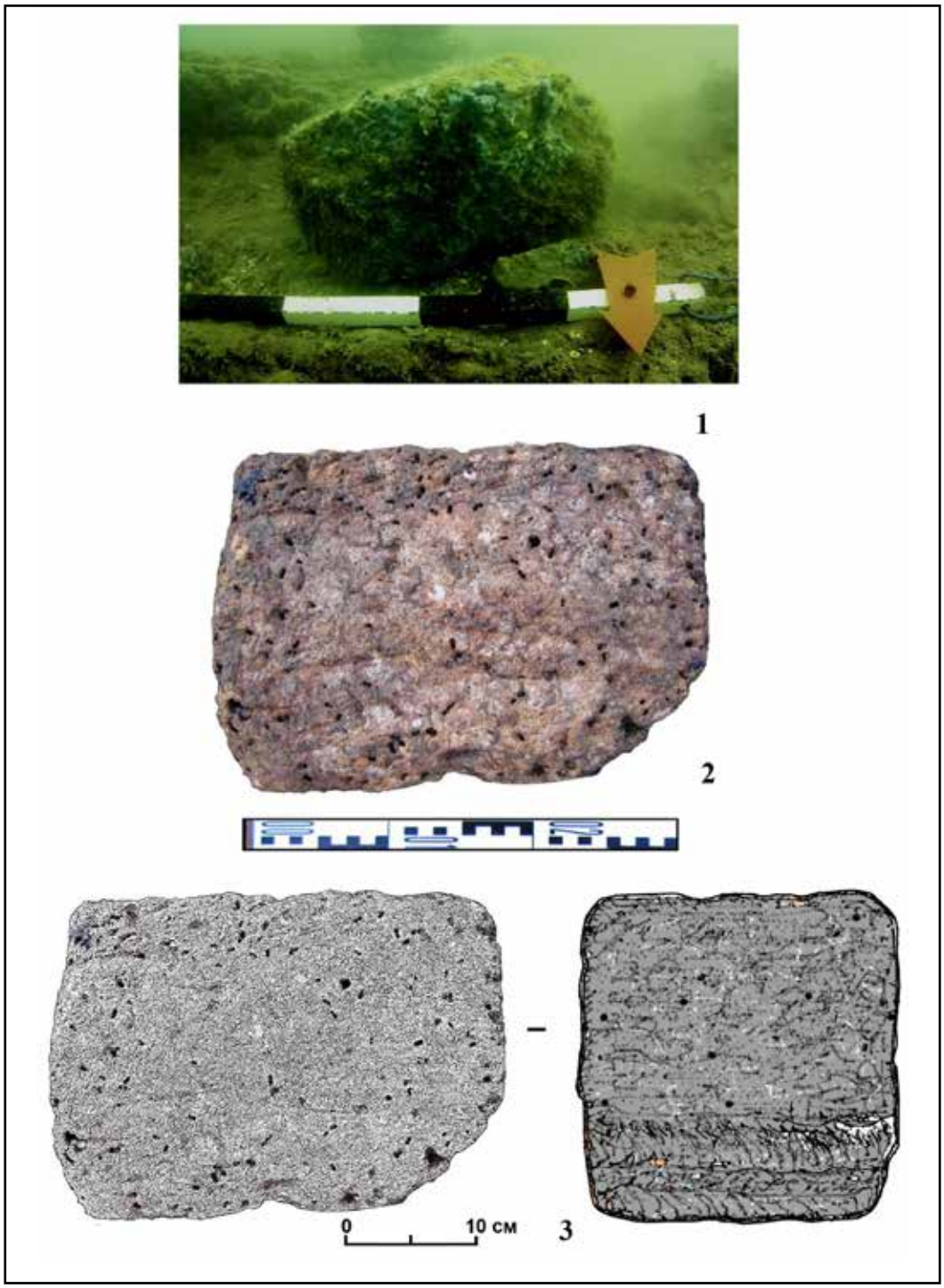

Рис. 8. «Скала 4». Участок 1. Якорный камень «блок»

Fig. 8. “Rock 4.” “Ashlar” anchor stone

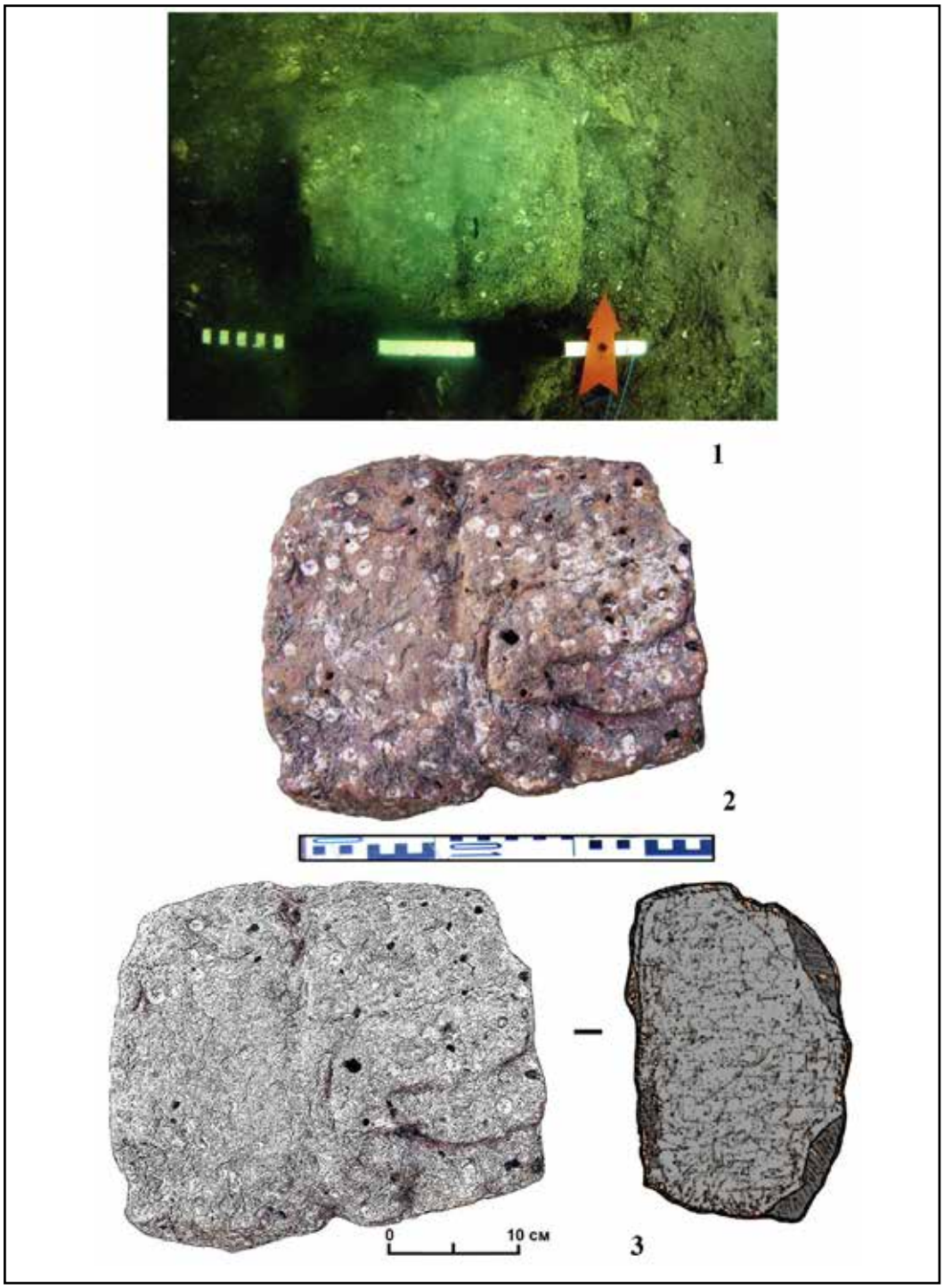

Рис. 9. «Скала 4». Участок 1. Якорный камень «аморфный блок»

Fig. 9. “Rock 4.” “Formless” anchor stone

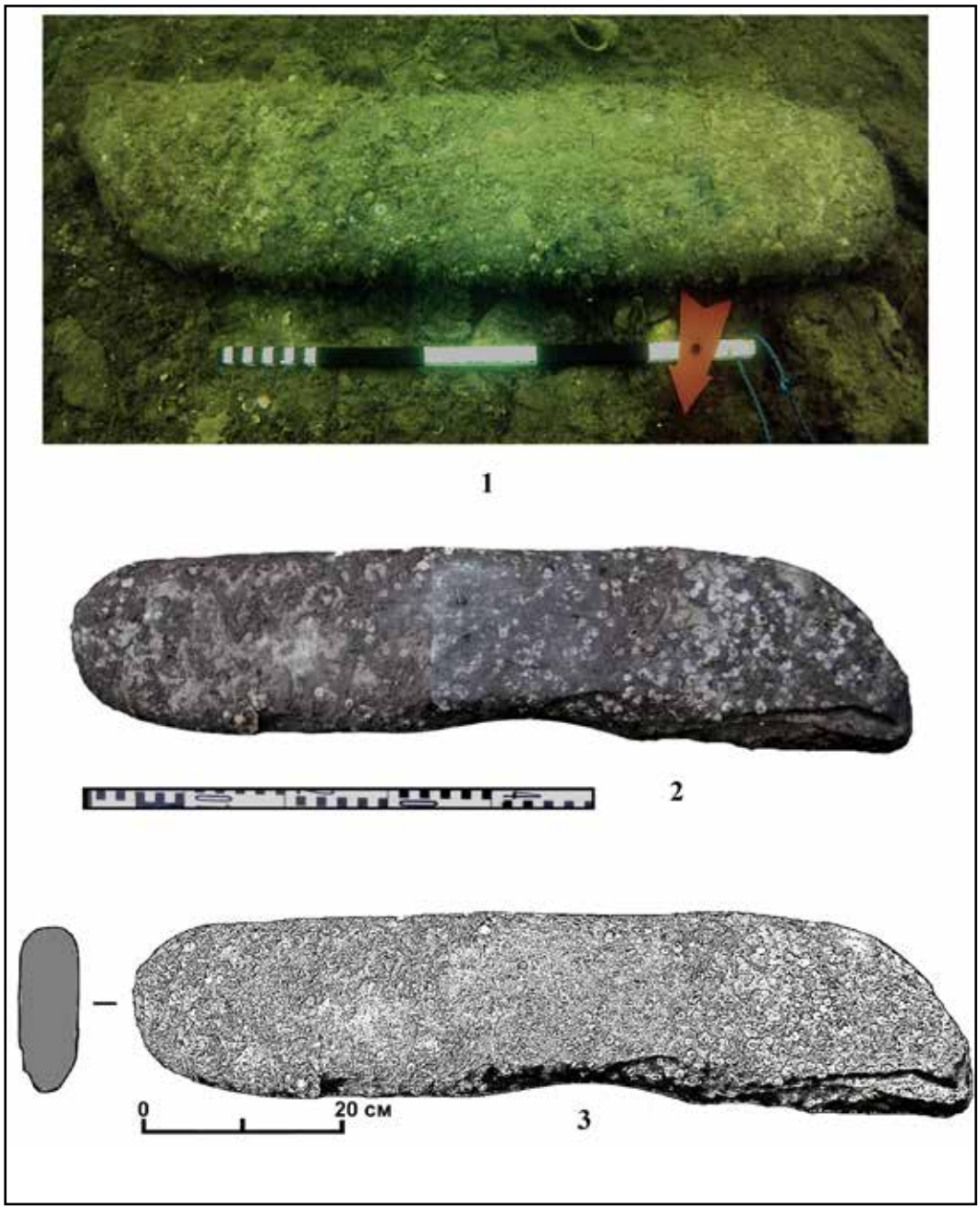

Рис. 10. «Скала 4». Участок 1. Якорный камень «брус»

Fig. 10. “Rock 4.” “Beam” anchor stone

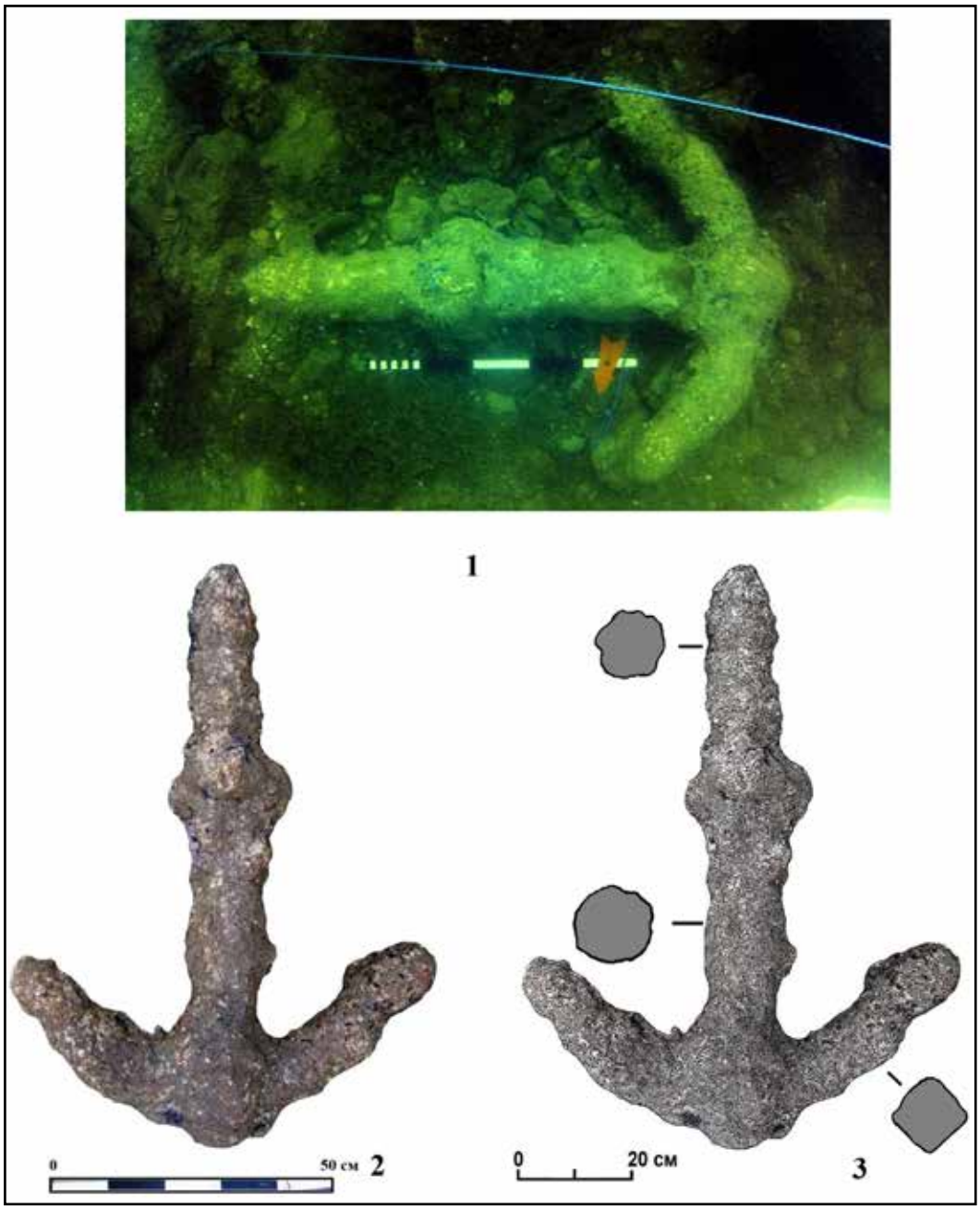

Рис. 11. «Скала 4». Участок 1. Конгломератная форма железного якоря

Fig. 11. “Rock 4.” Area 1. Conglomerate form of an iron anchor

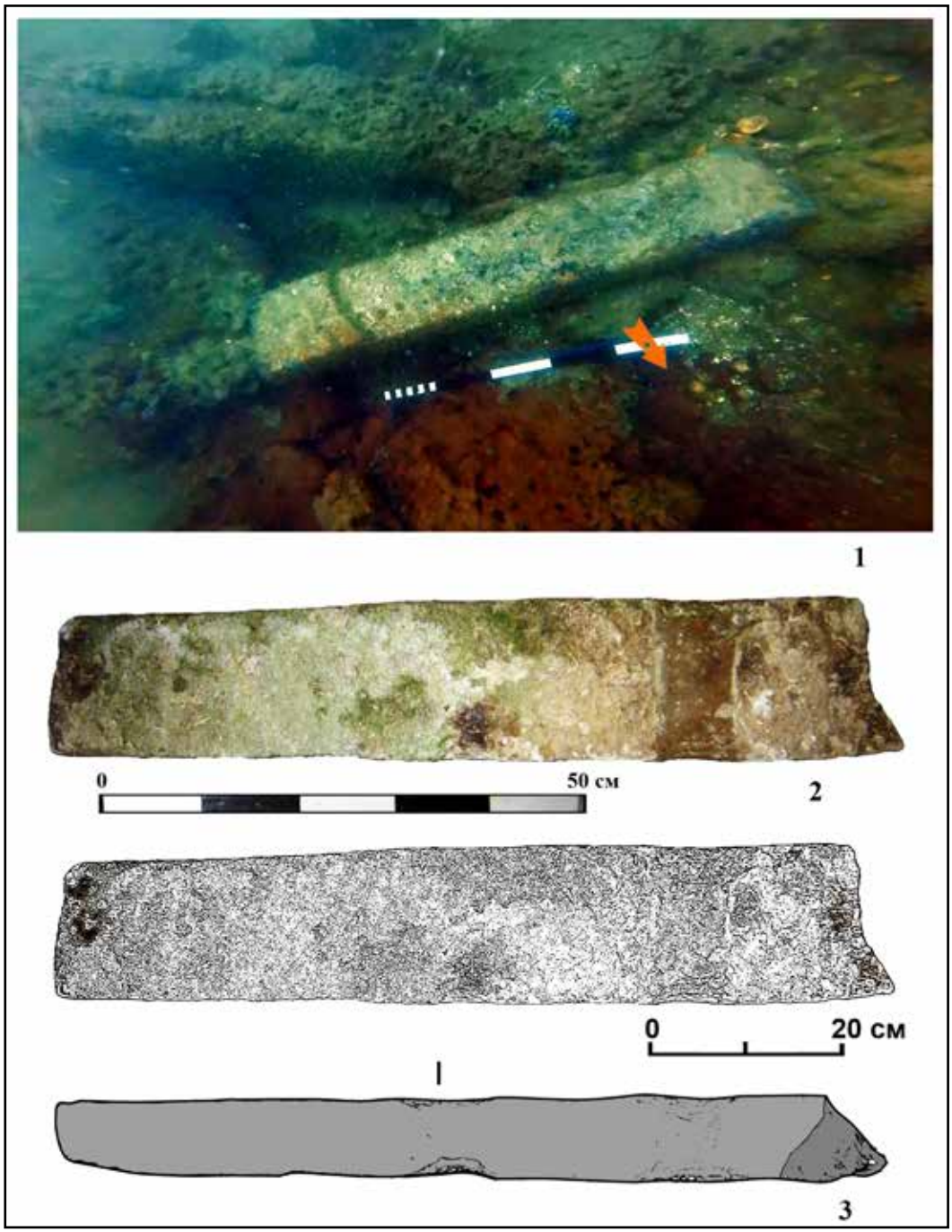

Рис. 12. «Скала 5». Участок 2. Якорный камень «брус»

Fig. 12. “Rock 5.” “Beam” anchor stone

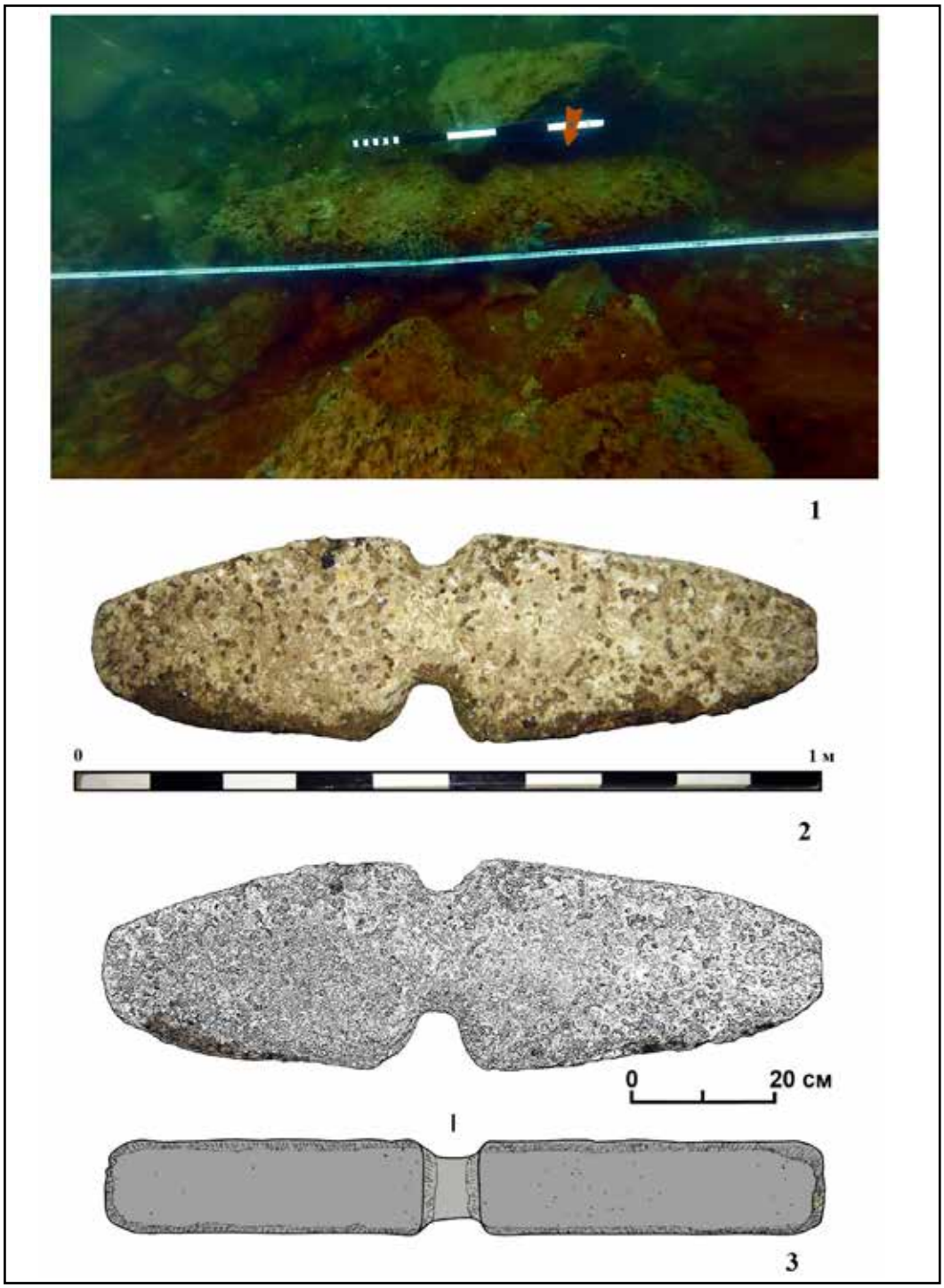

Рис. 13. «Скала 5». Участок 2. Каменный шток деревянно-каменного якоря

Fig. 13. “Rock 5.” Stone stock of a wood-and-stone anchor

Рис. 14. «Скала 6». Участок 3. Деталь плеча штока якоря – свинцовый брусок с U-образным углублением

Fig. 14. “Rock 6.” Area 3. Anchor stock shoulder fragment: lead beam with U-shaped recess

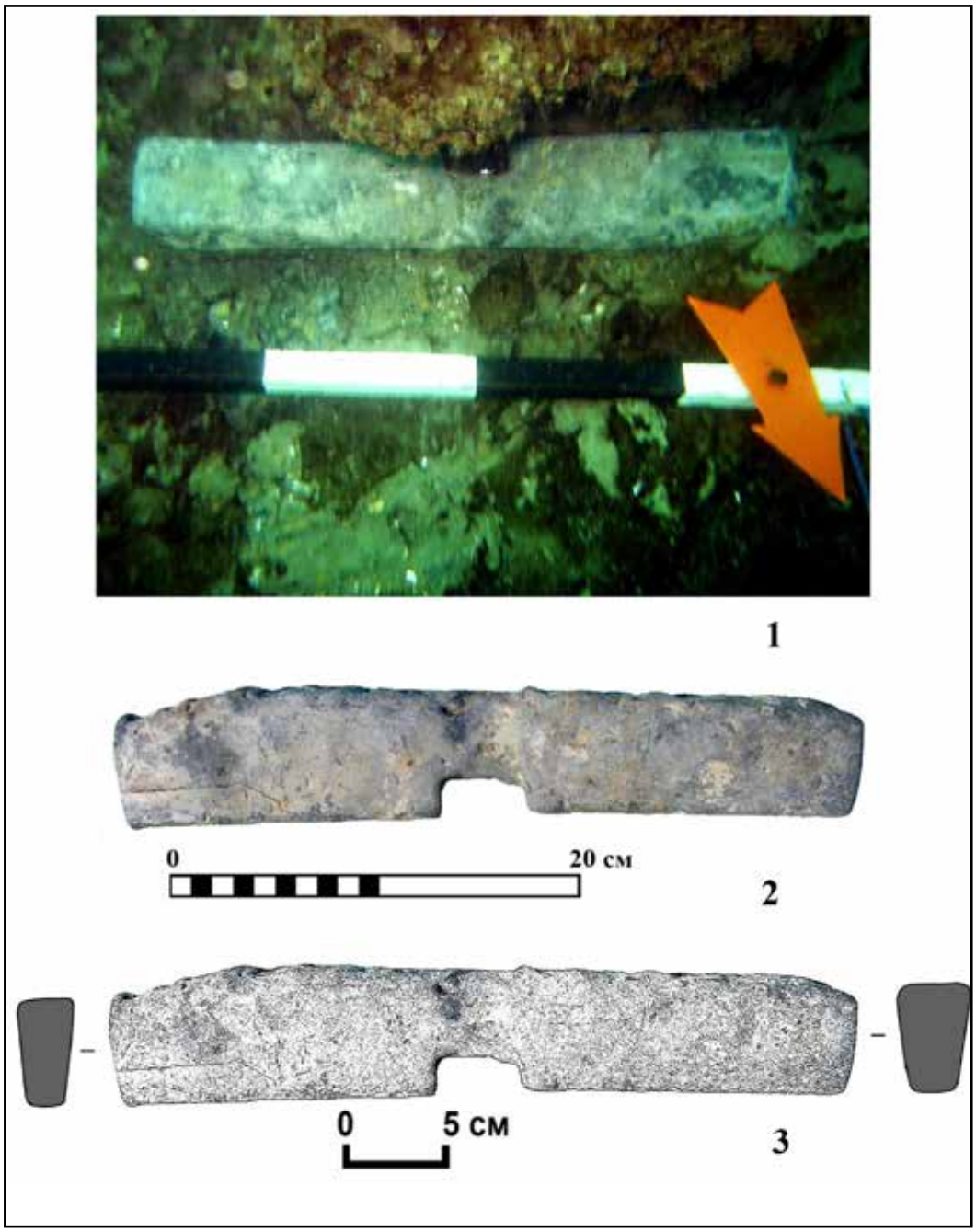

Рис. 15. «Скала 7». Участок 4. Деталь плеча штока якоря – свинцовый брусок с П-образным углублением

Fig. 15. “Rock 7.” Area 4. Anchor stock shoulder fragment: lead beam with П-shaped recess

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинько А.В. К вопросу о локализации якорных стоянок древних судов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 55–85.
2. Зинько А.В. Разведки в южной части Керченского пролива и мысе Такиль в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 48–49.
3. Зинько А.В. Эллинские мореплаватели на Боспоре Киммерийском. Керчь, Симферополь, 2023. 272 с.
4. Зинько А.В., Шамрай А.Н. Подводно-археологические разведки в акватории мыса Тузла (итоги и перспективы по материалам 2016–2018 гг.) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь, 2019. С. 216–225.
5. Кондрашов А.В. Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тезисы докладов международной конференции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 159–160. (Таманская старина. Вып. 3).
6. Кондрашов А.В. Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М., Киев, 2010. С. 118–124.
7. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. 352 с.
8. Окороков А.В. Деревянные якоря со свинцовыми штоками // Вопросы подводной археологии. М., 2011. С. 42–68.
9. Окороков А.В. Деревянные якоря с каменными штоками VII–IV вв. до н.э. // Вопросы подводной археологии. М., 2012. С. 37–59.
10. Окороков А.В., Кулагин А.В. Типология форм древних якорей // Вопросы подводной археологии. М., 2015. С. 61–73.
11. Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Памяти В.В. Шкорпила. Керчь, 2003. С. 277–290.
12. Шамрай А.Н. Античные и средневековые железные якоря Т-образного типа из Керченского пролива (каталог находок) // Боспорские исследования. 2010. Вып. XXIV. С. 469–496.
13. Шамрай А.Н., Сударев Н.И. Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам подводных разведок 2011–2012 гг.) // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории: Материалы международной научной конференции. Керчь, 2013. С. 506–513.
14. Шнюков Е.Ф., Алёнкин В.М., Путь А.Л., Науменко П.И., Иноземцев Ю.И., Скиба С.И. Геология шельфа УССР. Керченский пролив. Киев: Наукова думка, 1981. 159 с.
15. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 197 с.
16. Hayes J. The Pottery // Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992. P. 157–289.
17. Kapitan G. Ancient anchors – technology classification // The International of Nautical Archaeology and Under water Exploration. 1984. Vol. 13. № 1. P. 33–44.

REFERENCES

1. Zin'ko A.V. On the Problem of Location of Anchorages of Ancient Ships in the Cimmerian Bosporos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 55–85.
2. Zin'ko A.V. Reconnaissance in the southern part of the Kerch Strait and Cape Takil in 2017. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], 2018, vol. 8, pp. 48–49.
3. Zin'ko A.V. *Ellinskie moreplavateli na Bospore Kimmeriiskom* [Hellenic sailors on the Cimmerian Bosporus]. Kerch, Simferopol, 2023, 272 p.
4. Zin'ko A.V., Shamrai A.N. Underwater and archaeological reconnaissance in the waters of Cape Tuzla (results and prospects for the materials of 2016–2018). *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanii* [XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main results and prospects of research], Simferopol, Kerch, 2019, pp. 216–225.
5. Kondrashov A.V. Ship anchorage at Cape Tuzla in the Kerch Strait. *Greki i varvary na Bospore Kimmeriiskom (VII–I vv. do n.e.): Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Greeks and Barbarians in the Cimmerian Bosporus (7th–1st Centuries BC): Abstracts of the International Conference Papers], St Petersburg, 2000, pp. 159–160.

6. Kondrashov A.V. New Research Near Cape Tuzla on the Taman Peninsula. ΣΥΜΒΟΛΑ. *Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia. Noveishie nakhodki i otkrytiia* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea Region. The Latest Finds and Discoveries], vol. 1, Moscow, Kiev, 2010, pp. 118–124.
7. Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare: Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae from Leading Centers Exporting Goods in Ceramic Containers: Identification Catalogue]. Moscow, Saratov, 2003, 352 p.
8. Okorokov A.V. Wooden anchors with lead rods. *Voprosy podvodnoi arkheologii* [Issues of underwater archeology], Moscow, 2011, pp. 42–68.
9. Okorokov A.V. Wooden anchors with stone rods of the 7th–4th centuries BC. *Voprosy podvodnoi arkheologii* [Issues of underwater archeology], Moscow, 2012, pp. 37–59.
10. Okorokov A.V., Kulagin A.V. Typology of ancient anchor forms. *Voprosy podvodnoi arkheologii* [Issues of underwater archeology], Moscow, 2015, pp. 61–73.
11. Shamrai A.N. Harbor and anchorage of the ancient Korokondama. *IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Pamiati V.V. Shkorpila* [IV Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. In memory of V.V. Shkorpil], Kerch, 2003, pp. 277–290.
12. Shamrai A.N. Ancient and medieval iron T-type anchors from the Kerch Strait (catalog of finds). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2010, vol. 24, pp. 469–496.
13. Shamrai A.N., Sudarev N.I. Korokondama anchorage (based on underwater exploration materials from 2011–2012). *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob"ekt v kontekste istorii* [XIV Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological site in the context of history], Kerch, 2013, pp. 506–513.
14. Shniukov E.F., Alenkin V.M., Put' A.L., Naumenko P.I., Inozemtsev Iu.I., Skiba S.I. *Geologiia shel'fa USSR. Kerchenskii proliv* [Geology of the shelf of the Ukrainian SSR. Kerch Strait]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 159 p.
15. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Ceramics and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad, 1979, 197 p.
16. Hayes J. The Pottery. *Excavations at Sarachane in Istanbul*, Vol. 2, Princeton, 1992, pp. 157–289.
17. Kapitan G. Ancient anchors – technology classification. *The International of Nautical Archaeology and Under water Exploration*, 1984, vol. 13, no. 1, pp. 33–44.

Информация об авторе

Зинько А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7554-2019.

Author information

Zin'ko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7506-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.60-72

ФИГУРНЫЙ СОСУД ИЗ РАСКОПОК ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА

Виктор Васильевич Вахонеев
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
vvvkerch@mail.ru

Аннотация. В ходе раскопок на Южном пригороде Херсонеса Таврического в 2021 г. было обнаружено погребение ребенка 3–4 лет. Среди погребального инвентаря найден фигурный сосуд в виде человеческой головы. Стилистические особенности изображения позволили автору интерпретировать его в качестве головы молодого сатира. Фигурные сосуды – особая категория керамических изделий. Немногочисленные находки подобных сосудов в форме головы в некрополях ряда северопричерноморских городов хорошо известны с конца XIX в. Такие предметы имели ярко выраженный культовый характер, могли использоваться как при отправлении культов в храмах, так и в качестве погребального инвентаря. Часто они клались в детские погребения. Фигурные сосуды изготавливались в специальных формах в некоторых малоазийских центрах. Подобные сосуды имеют также аналогии, изготовленные в бронзе и стекле. Автор приходит к выводу, что только введение в научный оборот новых подобных находок с конкретным археологическим контекстом позволит решить проблемы их хронологии, функционального назначения, атрибуции, реконструкции идеологических представлений, связанных с ними.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Южный пригород, некрополь, фигурный сосуд, сатир, Дионис, римское время, погребение

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20456, https://rscf.ru/project/24-28-20456

FIGURE VESSEL EXCAVATED AT THE SOUTHERN SUBURB OF CHERSONESE

Viktor V. Vakhoneev
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
vvvkerch@mail.ru

Abstract. The 2021 excavations at the Southern Suburb of Tauric Chersonese uncovered the grave of a 3- or 4-year-old child. The grave goods contained a figure vessel showing human head. Its stylistic features allow the author to interpret the vessel as young satyr's head. The figure vessels form a specific category of ceramic ware. The few finds of similar head-shaped vessels at the cemeteries of the Northern Black Sea cities and towns are well known from the late-nineteenth century on. The artefacts in question were of definitely cult nature and were used possibly both when worshipping in temples and as grave goods. They often occurred in the graves of children. Figure vessels were manufactured with special moulds in a few centres of the Asia Minor. The vessels in question also meet with analogies among bronze and glass wares. The conclusion is that the introduction of new finds of the types with their particular archaeological context into the scholarship will only decide the questions of their chronology, functional purpose, attribution, and reconstruction of ideologies associated with them.

Keywords: Tauric Chersonese, Southern suburb, cemetery, figure vessel, satyr, Dionysus, Roman Period, grave

Acknowledgements: This research was conducted by the grant from the Russian Science Foundation no. 24-28-20456, https://rscf.ru/project/24-28-20456

В 2021–2023 гг. были проведены масштабные археологические исследования в границах выявленного объекта культурного наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» на месте проектируемого историко-археологического парка. Общая площадь археологических исследований составила более 85 тысяч кв. м. Силами комплексной археологической экспедиции на исследуемой территории изучены культурные слои, открыто более тысячи археологических объектов разных эпох – от Классики до Новейшего времени [19, с. 17–26]. О масштабе археологических исследований в Южном пригороде Херсонеса также свидетельствует внушительная коллекция археологических находок. По результатам камеральных работ в полевые описи было включено более 6,5 млн находок, из числа которых более 350 тысяч предметов, в полной мере отражающих многовековую историю пригорода, отобрано для передачи в Херсонесский музей.

Вся территория памятника была разделена на 25 раскопов. Раскоп 3, площадью 3,271 кв. м, располагался в юго-восточной части Южного пригорода Херсонеса. Результатом археологических работ на данном раскопе явилось выявление и исследование техногенного слоя и неповрежденного культурного слоя суммарной мощностью до 3 м. Также обнаружены 92 археологических объекта, представленные строительными комплексами, хозяйственными ямами, цистернами и колодцами, грунтовыми погребениями и вырубленными в скале склепами. Обнаруженный в ходе работ археологический материал представлен 204738 артефактами, датирующимися с IV в. до н.э. до XIII в. н.э., Новым (время Крымской войны) и Новейшим периодами. Отобрана коллекция археологических предметов, насчитывающая 1629 единиц [4, с. 61–81].

В ходе работ был открыт участок грунтового некрополя позднеэллинистического и римского периодов. Особое внимание представляет детское погребение № 16, которое было обустроено в более ранней могильной яме погребения № 17 (рис. 1).

Прямоугольная в плане вырубка была вытянута по линии восток–запад, она сделана в карнизе скалы, которым ограничена с юга и востока. С севера и запада могильная яма была ограничена каменным обкладом из плит грубой обработки: края рваные, четких форм не имели, уложены вдоль стен на тычок. Внешние габариты могильной конструкции составляли 1,08×0,5 м, глубина 0,57 м. Погребение было обнаружено на уровне 3,08 м по БС (южная стенка погребения) и 2,61 м по БС (северный борт конструкции).

Северный борт могилы был разрушен в 1970-х гг. при строительных работах по укладке коллектора ливневой канализации, поэтому в верхних горизонтах отмечено присутствие современного строительного мусора (щебень, подсыпки и пр.). Всего же в заполнении было обнаружено 23 фрагмента керамики. Из них 16 – фрагменты амфор, 1 – кухонной керамики, 1 – лепной, 2 – красноглиняной, 2 – чернолаковой, 1 – строительной. Кроме того, слой содержал три кости животных.

Захоронение было выполнено по обряду трупоположения. Костяк ребенка в анатомическом порядке обнаружен на уровне 2,6 м по БС (рис. 2). Колени согнуты, правая рука в области живота, левая рука перемещена к голове, головой на восток, лицом на юг. Развитие зубной системы соотносится с 3–4 годами[1].

В области груди и шеи обнаружены две округлоребристые бусины бирюзового цвета, тип 16 по Е. М. Алексеевой, второй половины I – II в. [1, с. 33] (рис. 3,*2*). Слева около головы – миниатюрная бусина синего стекла в виде астрагала (рис. 3,*1*). В ногах располагалось два костяных астрагала (рис. 3,*4*) и фигурный сосуд с туловом в виде головы юноши (рис. 4)[2]. В области колен был выявлен еще один астрагал (рис. 3,*3*). Дно могильной ямы было зафиксировано на уровне 2,51 м по БС.

В целом, исходя из датировок бус и фигурного сосуда, погребение может быть датировано второй половиной I – II в.

[1] Автор крайне признателен старшему научному сотруднику НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского В. Ю. Радочину за антропологические определения костных остатков из раскопа 3.

[2] Сосуд передан в фонды ГИАМЗ «Херсонес Таврический», ГМЗХТ КП-218547, инв. № ИКАМ 37789/250

Высота сосуда 14,2 см, высота горла – 3,4 см, диаметр горла – 2,9 см, диаметр основания – 6,4 см, высота ручки – 5 см, тулово – 7,2×8,2 см (рис. 5). Горло цилиндрическое с небольшим расширением в верхней части, а также в месте соединения горла с туловом, места расширений выделены неглубокими желобками.

Прямоугольная в сечении вертикальная ручка профилирована по внешней поверхности двумя несимметричными продольными желобками, в результате чего образовано 3 ребра. Ручка плавно изогнута, крепится верхней частью в центр горла, нижней – на уровне теменной части изображенной головы (верхняя часть тулова). Судя по наличию рожек, изображение головы на тулове можно интерпретировать в качестве головы молодого сатира. Оно изготовлено из двух частей. Лицевая сторона была изготовлена в рельефной форме, в то время как задняя была сглажена от руки. Части тщательно соединены, а швы сглажены.

Лицо сатира невысокое, пухлое, слегка наклонено влево. Глаза большие, широко открыты, хорошо проработаны, верхнее и нижнее веко оформлены в виде рельефных валиков. Нос прямой, губы хорошо выделены, подбородок округлый с ямочкой. Лоб обрамляет венок с коримбами – характерной частью дионисийского венца. Слева и справа выступают маленькие рожки. Уши скрыты прической. В центре прически на лбу – достаточно популярный элемент античных причесок, т.н. «бант Аполлона» – длинные пряди волос, уложенные в форме банта.

Ножка сосуда выполнена в виде длинной широкой шеи. Основание сосуда плоское. Оригинальное дно сосуда было утрачено еще в древности, но было заменено на специально изготовленную керамическую пробку. Глина пробки более светлого, в сравнении с сосудом, оттенка, с примесью мелких темных включений. Вылеплена вручную, на внутренней поверхности после обжига хорошо сохранились отпечатки пальцев. Пробка была специально подогнана под отверстие дна.

Сосуд склеен из множества фрагментов с незначительными утратами и сколами внешнего слоя. Глина коричневая с темными включениями, хорошо отмучена. На поверхности в районе волос сохранились остатки красного лака, в остальной части он полностью стерт. Считается, что фигурные сосуды имеют малоазийское происхождение, чаще всего они изготавливались в мастерских Книда, реже – Пергама [11, с. 119].

Фигурные сосуды – особая, достаточно немногочисленная группа высококачественной греческой керамики, получившей распространение еще в архаический период [15; 27; 21]. В римское время фигурные сосуды продолжили бытовать. Несмотря на то, что история изучения данных памятников насчитывает более века [22], каждая новая находка все же требует отдельной публикации [обзор историографии по теме фигурных сосудов см.: 3, с. 206–230].

Д. С. Герцигер было подмечено, что находки большей части фигурных сосудов в некрополях крупных античных городов могут свидетельствовать о связи данных сосудов с погребальным культом [6, с. 85]. В качестве доказательства она ссылается на фундаментальную работу М. И. Максимовой, посвященную фигурным сосудам архаической эпохи, где она указывала, что такие предметы играли известную роль в культе мертвых и были связаны с представлениями о загробной жизни [15, с. 3–4]. При этом М. И. Максимова писала, что в последующие эпохи эти сосуды перестали играть роль культовых предметов и вошли в быт живых людей [15, с. 4], с чем не смогла согласиться Д. С. Герцигер. К середине 1970-х гг., по ее подсчетам, только в Ольвии было обнаружено около 40 фигурных сосудов, относящихся к первым векам н.э., причем в Эрмитаже находилось на хранении 16 предметов, не менее 10 – в фондах Одесского археологического музея. Важно отметить, что данные сосуды являются разнообразными по форме: широкогорлые кубки, узкогорлые флаконы в форме голов, бюстов и полуфигур, а также сосуды в форме животных и птиц (баранов, кабанов, петуха) [6, с. 85–86].

При этом важно отметить замечание С. Б. Буйских о том, что античные фигурные сосуды из Северного Причерноморья к концу XX в. были изучены крайне слабо. Как итог – до последнего времени практически отсутствовали специальные исследования,

посвященные проблемам типологии, хронологии, функционального назначения, выделения центров производства данных сосудов, атрибуции различных пластических изображений, реконструкции идеологических представлений, связанных с ними и т.д. [3, с. 210]. В связи с этим фигурные сосуды, несмотря на свою научную и художественную ценность, оставались достаточно малоизученной категорией находок. Более того, длительное время не было единого мнения среди исследователей, к какой категории керамики относить данные изделия: исключительно керамическая продукция, изделия коропластики [21, с. 14] или к единичным произведениям отдельных мастеров. Однако, в последнее время появилась серия работ, в которых были предприняты попытки решения указанных научных проблем [3; 12; 21].

Сосуды в форме человеческой головы образуют отдельную представительную группу внутри фигурных изделий, получившую распространение уже в архаический период [8]. Значительная часть таких предметов происходит из дореволюционных раскопок некрополей Пантикапея [5, с. 129, табл. 92; 10, с. 44; 23, с. 311–327; 25, с. 9] и Ольвии [9, с. 26, 27, табл. XII; 17, с. 40, 41, рис. 61]. Некоторые предметы были куплены музеями и вовсе без точных привязок к месту находки.

Д. В. Журавлев отмечает, что в эллинистический период такие памятники воспроизводили портретные черты правящей элиты [12, с. 202]. Один из примеров – сосуд из некрополя Пантикапея, который первоначально Б. В. Фармаковский принял за голову Геракла [23, с. 311–327], но Д. С. Герцигер на основании анализа близкой иконографии в скульптуре, нумизматике и глиптике предположила, что это изображение Митридата VI Евпатора в образе Геракла [7, с. 43–44]. А в римское время появляются сосуды, изображающие конкретных мифологических персонажей, к примеру, Одиссея и Ахилла. В это время популярность фигурных сосудов в форме голов значительно возросла, они начинают изготавливаться во многих центрах [12, с. 202].

В погребальной практике в этот период появляются также специальные лицевые урны. Д. В. Журавлев отмечает, что подобный сосуд, первоначально неверно атрибутированный, был обнаружен и в Херсонесе Таврическом. А с территории хоры Херсонеса происходит фрагмент рельефного флакона с туловом в виде мужской головы [12, с. 202]. С территории Усть-Альминского некрополя происходит уникальный сосуд в виде головы Силена, с горлом в форме головы Деметры-Персефоны книдского производства [18, с. 201–206, рис. 2–3].

Как было сказано выше, основная часть фигурных сосудов римского времени происходит из некрополей. По мнению Н. П. Сорокиной, фигурные сосуды имели ярко выраженный сакральный, культовый характер, предназначались для жидкостей и служили для жертвенных возлияний при проведении различных религиозных обрядов, в том числе и погребальных [21, с. 7, 9, 14, 17, 46; ср.: 3, с. 210–211]. Для нее, фигурные сосуды – это особая группа изделий коропластики, которая связана с культовой жизнью античного общества [21, с. 14]. По мнению И. Рихтер, такие сосуды изначально имели сакральное значение и были напрямую связаны с погребальным культом [28, s. 84].

В первые века н.э. фигурные сосуды, в частности в виде голов или бюстов человека, получили достаточно массовое распространение по всему Средиземноморью и Причерноморью. Важная особенность этого периода – кроме глины они изготавливались из бронзы и стекла. К примеру, из некрополя Херсонеса происходит два сосуда, датированные II – началом III в. [13, с. 93]. Один из них – флакончик в виде двуликой головы сирийского производства из склепа 982: с одной стороны юноша с повязкой на лбу (юный Дионис?), с другой – Медуза [14, кат. № 155]. В коллекции Эрмитажа присутствуют и другие аналогичные предметы [14, кат. № 153–159]. Помимо сосудов закрытого типа (флаконов), известны также и кружки, к примеру, стеклянная кружка сирийского производства в виде головы Диониса середины II в. из Кеп [20, с. 134].

Изучая массив фигурных сосудов первых веков н.э., исследователи неоднократно обращали внимание на то, что значительная часть изделий представляла собой образы

божества, идентифицируемого с Дионисом либо с персонажами его фиаса – сатирами, Силеном, Паном [3, с. 222].

Версия использования этих сосудов исключительно для погребального культа требует дополнительных доказательств. Они в равной степени могли применяться как для храмовых сакральный действий, так и в качестве погребального инвентаря. Ввиду своей особой художественной, а также очевидной сакральной ценности, такие сосуды тщательно оберегались, возможно даже достаточно длительное время, из-за чего при раскопках культурных напластований поселений они нечасто встречаются. Лишь после смерти близкого человека, в первую очередь, ребенка, такой предмет укладывался в могилу.

При ближайшем рассмотрении фигурного сосуда из Южного пригорода Херсонеса обращает на себя внимание его очень сильная потертость, свидетельствующая о длительном использовании перед тем, как он был использован в качестве погребального инвентаря. Красный лак, покрывавший тулово, сохранился только в самых глубоких западинах. Кроме того, дно было утрачено еще в древности и в дальнейшем заменено специально изготовленной пробкой, что также указывает на долгое использование предмета. Сосуд оказался негерметичным, поэтому его наполнение жидкостью перед захоронением оказалось бы невозможным.

Херсонесский сосуд, изображающий молодого сатира, однозначно связан с дионисийскими культами и представлениями о подземном мире и возрождении природы, земледельческими ритуалами. Не вдаваясь в дискуссию о роли культа Диониса в Херсонесе в первые века н.э. [24, с. 13–14], важно отметить, что бытование фигурных сосудов с изображением этого божества или его спутников являлось общераспространенной практикой по всему Северному Причерноморью.

III в. до н.э. датирована детская гробница из некрополя Херсонеса, в которой среди прочего погребального инвентаря были обнаружены четыре терракотовые маски, изображавшие Диониса, сатира, менаду и Пана. По мнению А. В. Шевченко, такие маски в погребениях служили оберегами, являясь одновременно и символами приобщения к дионисийским таинствам. Культ Диониса, как божества растительности, виноградарства и виноделия, имел и хтоническую основу, представляя его также божеством умирающей и воскресающей природы [24, с. 14].

На некрополе Горгиппии было обнаружено погребение I в. н.э., содержавшее захоронение девочки-подростка. В состав погребального инвентаря входил фигурный сосуд в виде головы Диониса [16, с. 245].

Помимо персонажей дионисийского фиаса, в некрополях Северного Причерноморья известны и другие изображения божеств на таких сосудах. К примеру, в погребении 195 некрополя Танаиса в 2012 г. был обнаружен фигурный сосуд в виде головы богини Деметры [22, с. 125]. Стилистически и по манере исполнения данный сосуд очень близок тому, что был обнаружен в Южном пригороде Херсонеса. В Танаисе был погребен ребенок возрастом до 6 месяцев (в Херсонесе – 3–4 лет). Среди погребального инвентаря можно выделить бронзовую фибулу-брошь, ажурную бронзовую подвеску, стеклянные и костяные бусины, ребристые бусины и фаянсовые пронизи с лежащими львами, два бронзовых браслета. Сам фигурный сосуд лежал в ногах, точно так же, как и в погребении из Херсонеса. В данном случае Деметра, как и Дионис со спутниками, является хтоническим божеством, изображение которого было уложено в детскую могилу.

Фигурный сосуд в виде головы человека был найден и в детском погребении при раскопках некрополя Пантикапея в 1909 г. Сосуд располагался снова в ногах костяка, лежавшего головой на северо-восток. Погребальный инвентарь также составляли терракотовая фигурка мальчика с овцой, фрагментированная маска Пана, железный нож, бронзовый браслет, бусы из лигнита и голубой египетской пасты [26, с. 30].

К сожалению, в случае с дореволюционными находками фигурных сосудов в виде голов, которые до сих пор составляют большинство в музейных коллекциях, не всег-

да возможно реконструировать их археологических контекст. Тем не менее, на данный момент достаточно очевидным выглядят следующие наблюдения. Во-первых, такие сосуды в своем большинстве клались в погребения детей. Сосуды располагались в ногах, хотя, в принципе, такое размещение характерно и для других типов закрытых сосудов. Существует мнение, что предметы в ногах погребенных должны были выполнять роль проводников в загробный мир [22, с. 134]. Во-вторых, зачастую использовались изображения божеств, сочетавшие в себе хтонические ипостаси. Сосуды с их ликами к моменту захоронения уже не были новыми, а определенный период использовались для культовых действий, скорее всего, в храмах или домашних святилищах. На это указывает потертость или даже некоторая фрагментарность отдельных находок. Следует согласиться с мнением, что в римское время фигурные сосуды приобретают в погребальных наборах значение, которое прежде имели терракотовые статуэтки [2, с. 95]. Важно отметить, что большинство сосудов представлено изображениями молодых персонажей: практически все они безбородые с достаточно юными лицами.

Наконец, следует отметить, что такие находки нельзя назвать массовыми. Однако обращает на себя внимание их достаточно широкая география распространения в погребениях I–II вв. – практически по всему Северному Причерноморью. Последнее свидетельствует об особых культовых и погребальных практиках, связанных с хтонической сущностью ряда божеств, в первую очередь из дионисийского круга, по отношению к погребению детей и подростков. К тому же, погребальный инвентарь таких захоронений свидетельствует об определенном материальном положении или даже социальном статусе семей погребенных. А. М. Новичихин даже предположил, что в случае с могилой из Горгиппии была погребена юная жрица [16, с. 245], что, конечно же, требует особых доказательств.

В любом случае, решить проблемы хронологии рассмотренных фигурных сосудов, их функционального назначения, атрибуции, реконструкции идеологических представлений, связанных с ними, позволит только дальнейшее введение в научный оборот новых подобных находок с конкретным археологическим контекстом.

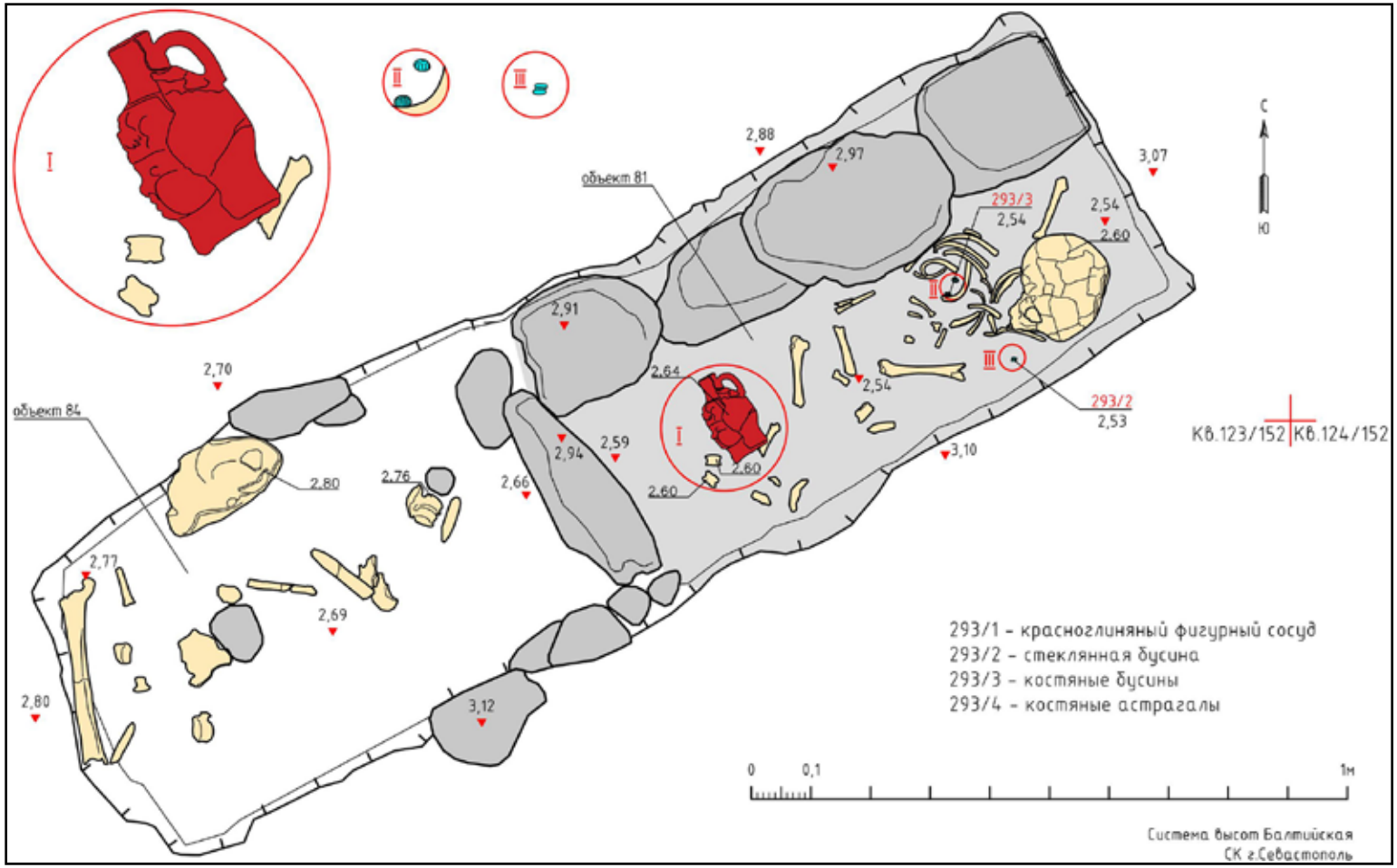

Рис. 1. План погребения № 16
Fig. 1. Ground plan of grave no. 16

Рис. 2. Погребение № 16, вид с юго-востока
Fig. 2. Grave no. 16, viewed from the south-east

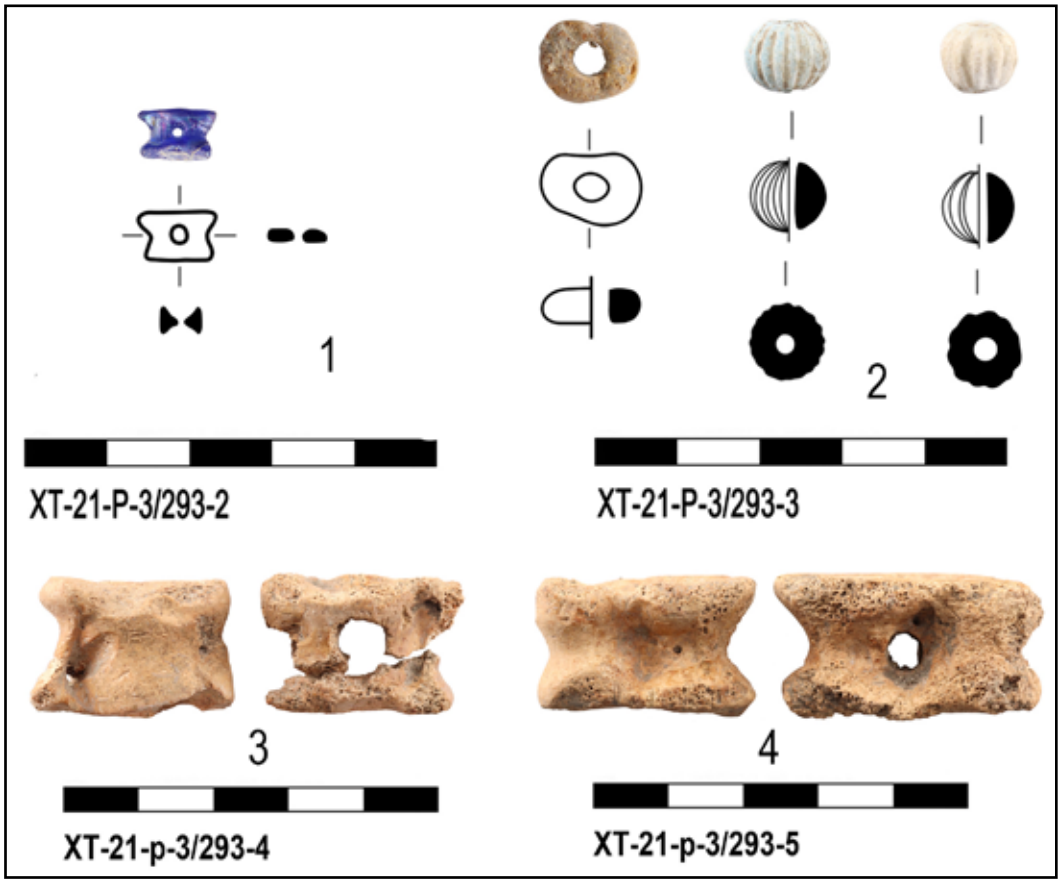

Рис. 3. Погребальный инвентарь: *1, 2* – бусины, *3, 4* – костяные астрагалы
Fig. 3. Grave goods: *1, 2* – beads, *3, 4* – knucklebones

Рис. 4. Фигурный сосуд *in situ*
Fig. 4. Figure vessel *in situ*

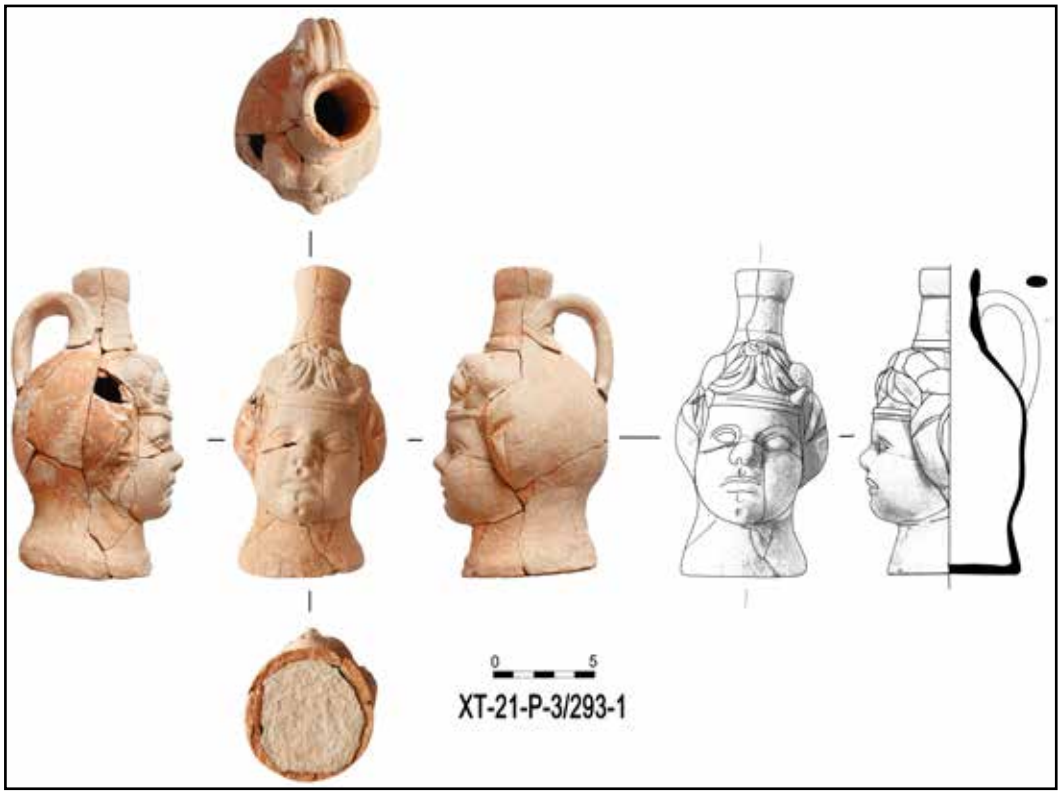

Рис. 5. Фигурный сосуд в виде головы сатира
Fig. 5. Figure vessel showing satyr's head

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. 96 с. (САИ. Вып. Г1-12).
2. Античная коропластика. Каталог выставки. Л.: Аврора, 1976. 112 с.
3. Буйских С.Б. Фигурные сосуды дионисийского круга из Золотого Мыса // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. С. 206–230. (Труды ГИМ. Вып. 159).
4. Вахонеев В.В. Археологические исследования на раскопе 3 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: (охранная археология). 2024. Вып. 15. С. 61–81.
5. Виноградов Ю.А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь, Керчь, 2017. 310 с.
6. Герцигер Д.С. Четыре фигурных сосуда из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б.В. Фармаковского. М., 1976. С. 84–93.
7. Герцигер Д.С. Об одном фигурном сосуде из Пантикапея // СГЭ. 1981. Вып. XLVI. С. 43–44.
8. Горбунова К.С. Аттические вазы в форме человеческих голов в собрании Эрмитажа // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 28–45.
9. Деревицкий А.Н., Павловский А.А, Штерн Э.Р. Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Терракоты. Вып. II. Одесса, 1898. 48 с.
10. Думберг К.Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // ИАК. 1902. Вып. 2. С. 40–60.
11. Журавлев Д.В. Книдский импорт рельефной керамики в Северном Причерноморье в римское время // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения: материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь, 2017. С. 116–126.
12. Журавлев Д.В., Хмелевский Д.Н. Фигурный сосуд в форме головы африканца из Ольвии // ПИФК. 2018. № 3. С. 198–214.
13. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.
14. Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: АРС, 1997. 339 с.
15. Максимова М.И. Античные фигурные вазы. М., 1916. 146 с.
16. Новичихин А.М. Следы похоронных ритуалов на некрополе Горгиппии // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 243–247.
17. Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 год. СПб., 1907. 186 с.
18. Пуздровский А.Е. Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной. М., 2012. С. 201–207. (Труды ГИМ. Вып. 191).
19. Соловьева Н.Ф., Виноградов Ю.А., Мыц В.Л., Соловьев С.Л., Вахонеев В.В. Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: (охранная археология). 2024. Вып. 15. С. 17–28.
20. Сорокина Н.П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // Античный мир и археология. Вып. 3. Саратов, 1977. С. 134.
21. Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997. 88 с. (Труды ГИМ. Вып. 91).
22. Суворова Н.И. Терракота из некрополя Танаиса // Боспорские исследования. 2024. Вып. XLVIII. С. 123–157.
23. Фармаковский Б.В. Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея (Керчи) // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 311–327.
24. Шевченко А.В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 2016. 560 с.
25. Шкорпил В.В. Отчет о раскопах в г. Керчи в 1905 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
26. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 1–41.
27. Maximova M.I. Les vases plastiques dens l´antiques (époque archaïque). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1927. T. 1–2. 233 p.
28. Richter I. Das Kopfgefäss. Zur Typologie einer Gefässform. Koln: Universität zu Köln, 1967. 131 S.

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* [Antique beads of the Northern Black Sea region]. Moscow, 1975, 96 p.
2. *Antichnaia koroplastika. Katalog vystavki* [Antique coroplasty. Exhibition catalog]. Leningrad, Aurora Publ., 1976, 112 p.
3. Buiskikh S.B. Shaped vessels of the Dionysian circle from the Golden Cape. *Severnoe Prichernomor'e v*

epokhu antichnosti i srednevekov'ia. Pamiati N.P. Sorokinoi [The Northern Black Sea region in the era of antiquity and the Middle Ages. In memory of N.P. Sorokina], Moscow, 2006, pp. 206–230.
4. Vakhoneev V.V. Archaeological research at the excavation area 3. *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN: (okhrannaia arkheologiia)* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences: (Rescue Archaeology)], 2024, vol. 15, pp. 61–81.
5. Vinogradov Yu.A. *Drevnosti Bospora Kimmeriiskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN)* [Antiquities of the Cimmerian Bosporus in drawings by K.R. Begichev and F.I. Gross (based on the materials of the Scientific Archive of the IHMC RAS)]. Simferopol, Kerch, 2017, 310 p.
6. Herziger D.S. Four shaped vessels from Olbia. *Khudozhestvennaia kul'tura i arkheologiia antichnogo mira. Sbornik pamiati B.V. Farmakovskogo* [Artistic culture and archaeology of the ancient world. Collection of the memory of B.V. Farmakovsky], Moscow, 1976, pp. 84–93.
7. Herziger D.S. About one figured vessel from the Panticapaeum. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [Messages from the State Hermitage Museum], 1981, vol. XLVI, pp. 43–44.
8. Gorbunova K.S. Attic vases in the shape of human heads in the Hermitage collection. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], 1962, vol. VII, pp. 28–45.
9. Derevitsky A.N., Pavlovsky A.A., Stern E.R. *Muzei Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Terrakoty* [Museum of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities. Terracotta], vol. II, Odessa, 1898, 48 p.
10. Dumberg K.E. Extract from the report on the excavation of tombs in 1900. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission], 1902, vol. 2, pp. 40–60.
11. Zhuravlev D.V. Knidsky import of relief ceramics in the Northern Black Sea region in Roman times. *XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti – tovary – otnosheniia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [XVIII Bosporan readings. The Bosporus of Cimmeria and the Barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Trade: ways – goods – relations: proceedings of the international scientific conference], Simferopol, Kerch, 2017, pp. 116–126.
12. Zhuravlev D.V., Khmelevsky D.N. A figured vessel in the shape of an African head from Olbia. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of history, philology and culture], 2018, no. 3, pp. 198–214.
13. Zubar V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* [Necropolis of Tauric Chersonesos I–IV centuries A.D.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 144 p.
14. Kunina N.Z. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Antique glass in the Hermitage collection]. St. Petersburg, ARS Publ., 1997, 339 p.
15. Maksimova M.I. *Antichnye figurnye vazy* [Antique figurative vases]. Moscow, 1916, 146 p.
16. Novichikhin A.M. Traces of funeral rituals on the necropolis of Gorgippia. *Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Bosporan phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds. Materials of the international scientific conference], issue 1, St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2007, pp. 243–247.
17. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1904 god* [The report of the Imperial Archaeological Commission for 1904]. St. Petersburg, 1907, 186 p.
18. Puzdrovsky A.E. Burial with a figured red-lacquer vessel from the Ust-Alminsky necropolis. *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia. Pamiati I.I. Gushchinoi* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian period. In memory of I.I. Gushchina], Moscow, 2012, pp. 201–207.
19. Solovyova N.F., Vinogradov Yu.A., Myts V.L., Solovyov S.L., Vakhoneev V.V. Brief results of archaeological excavations of the Southern suburb of Chersonesos. *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN: (okhrannaia arkheologiia)* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences: (Rescue Archaeology)], 2024, vol. 15, pp. 17–28.
20. Sorokina N.P. Antique glass vessels from the excavations of the necropolis of the Bosporan city of Kepa on the Taman Peninsula. *Antichnyi mir i arkheologiia* [Ancient world and Archeology], issue 3, Saratov, 1977, p. 134.
21. Sorokina N.P. *Religiia i koroplastika v antichnosti (figurnye sosudy iz sobraniia GIM)* [Religion and coroplasty in antiquity (figured vessels from the collection of the State Historical Museum)]. Moscow, 1997, 88 p.
22. Suvorova N.I. Terracotta from the Tanais necropolis. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporan studies], 2024, vol. XLVIII, pp. 123–157.
23. Farmakovsky B.V. Terracotta vessel in the shape of the head of Hercules from Panticapaeum (Kerch). *Sbornik statei v chest' grafini P.S. Uvarovoi* [Collection of articles in honor of Countess P.S. Uvarova], Moscow, 1916, pp. 311–327.
24. Shevchenko A.V. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhnei sel'skoi okrugi* [Terracotta of ancient Chersonesos and its nearby rural area]. Simferopol, 2016, 560 p.

25. Shkorpil V.V. Report on excavations in Kerch in 1905. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission], 1909, vol. 30, pp. 1–50.
26. Shkorpil V.V. Report on excavations in Kerch and the surrounding area in 1909. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Izvestiya Imperial Archaeological Commission], 1913, vol. 47, pp. 1–41.
27. Maximova M.I. *Les vases plastiques dens l´antiques (époque archaïque).* Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1927, T. 1–2, 233 p.
28. Richter I. *Das Kopfgefäss. Zur Typologie einer Gefässform*. Koln, Universität zu Köln, 1967, 131 S.

Информация об авторе

Вахонеев В. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Севастопольского государственного университета.

Author information

Vakhoneev V.V. – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Head of the Research Laboratory “Interdisciplinary Studies of the coastal Zone” of the Sevastopol State University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.73-84

НАСЕЛЕНИЕ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ НИЖНЕГО ДОНА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕНЕТИКИ

Евгений Викторович Вдовченков
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vdovchenkov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0160-8520
Денис Олегович Фесенко
Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН, Москва, Россия
deferos@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8407-8600
Ольга Юрьевна Арамова
Южный федеральный университет;
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
aramova@sfedu.ru
Дарья Константиновна Леонова
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
dfedchenko@yandex.ru
Игорь Валериевич Корниенко
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
ivkornienko@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0274-3302
Иван Дмитриевич Ивановский
ООО «Центр исследования ДНК», Химки, Россия
dnarescenter@gmail.com

Аннотация. В исследовании рассматривается вопрос об этнокультурной принадлежности населения нижнедонских городищ, а также методами генетики анализируется проблема фенотипа этого населения. Рассматривается античная традиция о меотах Нижнего Подонья, сделан вывод о том, что донские меоты размещены на Певтингеровой карте. В статье изучена культурная традиция нижнедонских меотских городищ и некрополей. На городищах проживали как носители традиции меотской культуры – переселенцы из Восточного Приазовья и Кубани, так и сарматы, следы присутствия которых на городищах и некрополях прослеживаются с I в. н.э. Показано, что на меотских городищах проходил процесс сарматизации. Предложен вслед за И. С. Каменецким термин «меотизация». Понятие «меотизация» вполне применимо к процессам, происходившим на меотских городищах с переселившимися сарматами. Те номады, которые вливались в состав меотских городищ, вынуждены были приспосабливаться и осваивать местные традиции. Также можно говорить о присутствии греческого населения на меотских поселениях. В последнее время исследователи обратили внимание на признаки переселения носителей кавказской аланской культуры. Находки керамических подставок на территории Крепостного городища и его окрестностей позволяют предполагать проживание в Нижнем Подонье выходцев с Кавказа. Нами проведено ДНК-фенотипирование костных останков из погребений некрополя Нижнегниловского городища по признакам цвета глаз, волос, кожи, групп крови по системе АВ0. Установлено, что все 4 погребенных были мужчинами, имели при жизни темные волосы, преимущественно смуглую кожу, группу крови 0 (I). Люди из трех погребений имели карие глаза и из одного погребения – серо-голубые глаза.

Ключевые слова: меотская культура, меоты, сарматы, меотизация, погребения, древняя ДНК, ДНК-фенотипирование, группы крови, Нижнее Подонье

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 22-28-02000 «Комплексное историко-культурное и молекулярно-генетическое исследование древнего населения Нижнего Подонья в сарматское время».

POPULATION OF THE MAIOTIAN SETTLEMENTS IN THE LOWER DON AREA ACCORDING TO ARCHAEOLOGY AND PALAEOGENETICS

Evgeny V. Vdovchenkov
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vdovchenkov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0160-8520
Denis O. Fesenko
Engelhardt Institute of Molecular Biology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
deferos@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8407-8600
Olga Yu. Aramova
Southern Federal University; Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
aramova@sfedu.ru
Daria K. Leonova
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
dfedchenko@yandex.ru
Igor V. Kornienko
Federal Research Centre of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
ivkornienko@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0274-3302
Ivan D. Ivanovsky
DNA Research Centre, Ltd, Khimki, Russia
dnarescenter@gmail.com

Abstract. This research addresses the ethnocultural aspect of the population of the Lower Don settlements and analyses the phenotype of this population by genetic methods. The ancient accounts of the Maiotians living in the Lower Don Area has been studied; the conclusion is that the Maiotians of the Don were shown on the *Tabula Peutingeriana.* This article has also examined the cultural tradition of the fortified settlements and cemeteries of the Lower Don Maiotians. These ancient settlements were inhabited by the people of the Maiotian culture tradition who migrated from the Eastern Azov Sea and Kuban Areas, and the Sarmatians, which presence was traceable at the fortified settlements and cemeteries in question from the first century AD on. The process of the Sarmatization developing at the Maiotian fortified settlements has been uncovered. Following I. S. Kamenetskii, the authors have introduced the term "Maiotization" as appliable to the processes that engaged the Sarmatian migrants at the Maiotian fortified settlements. The nomads that started living in the Maiotian settlements had to adapt and learn the local traditions. It is also possible to discuss the presence of the Hellenic population in the Maiotian settlements. Recently, the researchers have paid attention to the marks the of migration of the people bearing the Alan culture of the Caucasus. Taking the finds of ceramic stands from Krepostnoe fortified settlement and its environs into account, there are reasons to suggest that the people from the Caucasus lived in the Lower Don Area. The DNA phenotyping has been made for the bone remains from the graves at the cemetery of Nizhnegnilovskoe fortified settlement by the signs of eye-colour, hair, skin, and blood groups according to the AB0 system. It has been discovered that all the four buried persons were men, with lifetime dark hair, predominantly dark skin, and blood type 0 (I). Three buried person had brown eyes, and one greyish blue eyes.

Keywords: Maiotian culture, Maiotians, Sarmatians, Maiotization, grabves, ancient DNA, DNA phenotyping, blood groups, Lower Don Area

Acknowledgements: This work has been prepared within the grant provided the Russian Science Foundation, project no. 22-28-02000 *Combined Historical, Cultural, and Molecular Genetic Investigation of the Ancient Population of the Lower Don Region of the Sarmatian Period.*

Меоты – древнее население нижней и средней Кубани, юго-восточного побережья Азовского моря, в VIII в. до н.э. – III в. н.э., а также Нижнего Дона в I–III вв. н.э.

[10; 18, с. 148–162]. Меоты древних авторов и эпиграфических данных сопоставляются с оседлым населением этих регионов, и по этой причине культура получила название меотской.

В настоящее время выдвинуты разные версии этноязыковой и этнокультурной характеристики меотов. Гипотеза об индоарийском происхождении меотов, выдвинутая П. Кречмером и поддержанная О. Н. Трубачевым [19], так и осталась маргинальной [6; 18, с. 173–194]. Другая версия о связи меотов с протоадыгами пользуется большей популярностью и даже отражена в названии сборника «Меоты – предки адыгов» [1]. Для подтверждения этой версии мало языковых данных, хотя есть ряд исследований, сближающих ряд этнонимов с протоадыгским, например, псессов [18, с. 204–217]. Говоря о связи оседлого населения Северо-Западного Кавказа и Приазовья раннего железного века, средневековья и Нового времени, в первую очередь следует указать, что роль меотов в этногенезе народов региона бесспорна, но конкретных языковых данных мало, а археологическая история региона дискретна и прерывиста.

Меоты хорошо известны по данным эпиграфики и античной литературной традиции. В боспорской эпиграфике термин «меоты», а точнее «все маиты» (Μαίτοι πάντοι), как обобщение подвластных боспорским царям варваров на Азиатском Боспоре, появился еще в конце IV в. до н.э. (КБН 8, 10, 25, 971, 1015, 1039, 1040). Термин «маиты» или «все маиты» боспорских надписей обозначает, видимо, совокупность неких племен, обитавших по восточному берегу Азовского моря и в Прикубанье [18, с. 185].

Страбон не выделяет отдельные племена, которые он перечисляет (Strabo XI, 2, 11), но обозначает их обобщенно – «меоты». Также в собирательном значении – варвары у Меотиды – Страбон употребил термин «меоты» и в I книге, где территория, занимаемая этим народом, служит для обозначения границ походов Митридата и его полководцев (Strabo I, 2, 1). Очевидно, что здесь под «меотами» следует понимать варваров, проживающих у Азовского моря. Такой же пример весьма общего употребления слова «меоты» можно обнаружить и в описании частей Азии «по эту сторону Тавра» (Strabo II. 5. 31). По всей вероятности, в данном случае меоты не являются конкретным варварским племенем, а скорее обобщающим обозначением народов региона.

Таким образом, ввиду географического характера употребления термина «меоты», нельзя полностью согласиться с тезисом И. С. Каменецкого о том, что для Страбона меоты – «этническое название, под которым скрывается группа родственных по происхождению и культуре племен» [10, с. 199]. Скорее, для него «меоты» были собирательным географо-этническим понятием. Тем не менее, очевидно, что Страбон называл меотами не всех варваров около Меотиды, а только оседлых. Географ сам об этом свидетельствует, говоря, что меоты – земледельцы, но «воинственны не менее кочевников» (Strabo XI. 2. 4).

По-видимому, объединяли под именем «меоты» ряд варварских племен у Меотиды, помимо Страбона, Псевдо-Скилак (71), Помпоний Мела (I, 14), Дионисий Периэгет (652). Мела использует этноним *Maeotici*, и окончание *–icus* уже предполагает обобщенно-собирательное, привязанное к географическому объекту значение [17, с. 78]. В то же время Плиний Старший пишет, что от имени меотов происходит название озера (Nat. Hist., IV, 88), следовательно, он не мог употреблять этот термин в обобщающем значении – «варвары у Меотиды».

В настоящий момент мы не можем считать меотов единой этнической общностью – в силу отсутствия достаточных для этого данных о языке меотов и информации в письменной традиции. Впрочем, мы можем говорить об определенном культурном единстве оседлого населения, а также, с известной степенью условности, об этнокультурной общности.

В данной статье рассматривается население городищ Нижнего Дона, называемых меотскими. Сближение памятников Нижнего Дона с аналогичными памятниками Кубани происходит на основании сходного погребального обряда [7], особенно тако-

го элемента обряда, как миска под головой погребенного; погребальных сооружений (Г-образные и коридорные катакомбы, подбои); материальной культуры (особенно керамики); сходных традиций жилищного строительства.

Информация античных авторов о проживании меотов на Дону и в Северо-Восточном Приазовье довольно расплывчата. Есть сообщение Страбона, которое мы можем как-то отнести к этому населению: «Все азиатские меоты были подвластны частью владетелям торгового центра на Танаисе, частью же – боспоранам» (Strabo XI, 2, 11). Есть еще косвенные данные Страбона, который говорит о меотах до Танаиса (Strabo XI, 2, 4), и данные Плиния Старшего (Nat. Hist. IV, 88). Кстати, важно отметить, что у Плиния Старшего меоты располагаются по северному побережью Меотиды. Но И. С. Каменецкий объясняет это тем, что у Плиния Старшего смещен Гипанис-Кубань, и вслед за Кубанью сместились меоты [10, с. 169].

На Певтингеровой карте (Tab. Peut. VIII, 1) у северо-западного угла Меотиды мы видим название «meote» [16, с. 309–310]. Однако в Северо-Западном Приазовье не было оседлого населения в античную эпоху. Это место на карте в реальности, на мой взгляд, отображает северо-восточный угол Меотиды. Эти «meote» – донские меоты. На в высшей степени схематическом отображении Меотиды, которая не соединяется на этой карте с Черным морем, такое положение донских меотов вполне логично. На карте они находятся на правом берегу Танаиса, что соответствует реалиям Нижнего Дона, где большинство меотских поселений находилось на правом берегу Дона – от Кобяково до Мокрочалтырского городища (на левом берегу – только поселения Крепостное и Подазовское). Фактически это, если такая интерпретация верна, единственное прямое сообщение о донских меотах [3, с. 341–342].

Но все же, несмотря на данные о культурной близости населения меотских городищ, их этническое единство неочевидно, поэтому следует осторожнее говорить об определенном этнокультурном единстве. Тем более, что после прихода населения на Нижний Дон оно подвергалось воздействию миграций, что видно по смене погребального обряда [15, с. 276; 7].

Значительное влияние на меотов оказали сарматы, при том у нас есть доказательство переселения сарматов на территорию меотских городищ и их оседания. Об этом говорят следующие признаки: распространение подбойных могил с северной ориентировкой погребенных; обычай деформации черепа в некрополях; использование сарматских курильниц в погребальном обряде; предметы с сарматскими тамгами в погребальном инвентаре и на территории городищ; традиция подкурганных ровиков. При этом мы видим яркие черты смешения традиций – в погребальных сооружениях, использовании чучел и туш животных в погребениях, в ориентировке, использовании меотских форм керамики [7]. Анализируя погребальный обряд некрополей, В. К. Гугуев и А. А. Нечипорук приходят к выводу: «если в подбойной могиле отсутствуют надежные этнические индикаторы – курильницы сарматских типов или меотский ритуал помещения под голову миски – этническая атрибуция такого захоронения становится произвольной, зависимой от пристрастий исследователя» [8, с. 210].

На Нижнем Дону сарматизация усиливается со второй половины II в. н.э. – как на меотских городищах, так и в Танаисе (но при этом важно учесть вывод В. К. Гугуева о присутствии сарматов на раннем этапе существования нижнедонских городищ [7, с. 136]). Вместе с этим можно поставить вопрос по-другому – как о «меотизации» переселившихся сарматов. Впервые понятие «меотизация» использовал И. С. Каменецкий, имея в виду процесс варваризации Боспора, особенно делая упор на Танаис и на предполагаемое им включение меотского населения в состав Танаиса [11, с. 237]. Трактовка танаитов как меотов не может быть поддержана – важные их особенности могут быть объяснены только степным происхождением (антропологический тип, тамги, использование подкурганных ровиков, курильниц в погребениях, но, что важнее всего, иранские имена надписей Танаиса).

Но понятие «меотизация» вполне применимо к процессам, происходившим на меотских городищах, когда сарматы поселялись на них. Те номады, которые вливались в состав меотских городищ, вынуждены были приспосабливаться и осваивать местные традиции. Быт номадов подчинен идее движения. Как только номады оседают, они обрастают гораздо более массивным скарбом, начинают жить в стационарных домах. Мы видим это по погребальному обряду, где сарматские признаки с трудом пробиваются через массив меотской культуры – сосуды, жилища, способы хозяйствования.

В то же время на материальную культуру элиты меотских городищ значительное влияние оказывали сарматы, доминирующие в политическом пространстве степной зоны и формирующие во многом тенденции варварской моды.

Хорошо известен факт активной торговли меотов с античными центрами. Более того, тесная связь между меотскими городищами и Танаисом очевидна. Вместе с тем, мы можем говорить и об участии греческого населения в жизни меотских городищ.

На некрополях меотских городищ известен такой признак греческой погребальной традиции, как захоронение младенцев в амфоре. На некрополе Крепостного городища известно одно погребения младенца, захороненное в амфоре – 6(Д) 2003 [14, с. 144, 374]. Другое детское погребение 21(Д) 2003 накрыто обломком амфоры, что является, видимо, вариантом захоронения в амфоре [14, с. 144, 386]. А. Н. Масловский в 2013 г. раскопал еще одно неопубликованное погребение в амфоре [7, с. 134]. В 2000 г. В. А. Ларенок исследовала погребение № 229 в амфоре [15, с. 170, 390].

Еще один признак греческого присутствия – использование кирпича-сырца. Эта традиция связана на Боспоре и округе с греческим населением [9, с. 181]. В 2017 г. при раскопках на территории Темерницкого городища было обнаружено два случая использования кирпича-сырца для создания перегородки между двумя хозяйственными ямами, нарушившими одна другую. Мы полагаем, что все это говорит, хоть и косвенно, о присутствии греческого населения на территории меотских поселений.

Среди сосудов, найденных на меотских городищах, выделяется сероглиняная керамика с характерными включениями кварцевого песка и особыми технологическими приемами. Это одноручные кувшины, фрагменты горшков с отогнутым венчиком, миски с загнутым бортиком. Наличие крупнозернистых окатанных фрагментов кварцевого песка является ключевым маркером аланского керамического производства. Аланская керамика отличается от сероглиняной керамики, имеющейся и производившейся на территории меотских городищ, преобладанием грубой формовочной массы с крупными включениями, выступающими на поверхности сосуда. К особым технологическим приемам аланского гончарного производства относится медленное вращение круга, отпечатки доски и наличие колесовидного клейма на дне изделия.

Особое внимание исследователей привлекают найденные за территорией Крепостного городища (Раскоп II, 2012–2013 гг. работы по Петровской площади 12 [5, с. 212]) керамические подставки II – начала III в. н.э., предназначенные для изготовления керамических изделий. О принадлежности керамических подставок аланскому производству говорят многочисленные включения крупных окатанных обломков кварцевого песка, которые хорошо прослеживаются как на сколах, так и на поверхности. Находки гончарных изделий данного типа, сконцентрированных на небольшой территории на границе с Крепостным городищем, позволяют предполагать существование на Нижнем Подонье кратковременных аланских стойбищ [13].

Характер использования обнаруженных изделий на данный момент является спорным. Мы можем предполагать, что данные подставки-разделители использовались пришедшими на территорию Нижнего Подонья аланами для местного производства керамических сосудов. Однако же, на данный момент археологами не обнаружено мастерских, в которых могли работать предполагаемые аланские гончары. В целом непродолжительность существования аланских стойбищ неподалеку от Крепостного городища не исключает того, что данные подставки-разделители могли использоваться не по прямому

назначению. Тем не менее, эти находки позволяют предполагать проживание на территории Крепостного городища выходцев с Кавказа – носителей культурной традиции аланской культуры раннего этапа.

Разнообразие культурных традиций и плотные контакты как со степью, так и с античным миром – в первую очередь через Танаис, но не только – позволяют видеть в нижнедонских меотских городищах контактную зону, где сталкивалось разное население и шли довольно сложные процессы миксации разных народов.

Один из вопросов, который, в силу разных причин, и в первую очередь состояния источников, остается на периферии исследований – это вопрос о внешности древнего населения. Фенотип – внешний облик человека – обычно не привлекает особого внимания на фоне изучения политической, социальной и экономической истории. Однако следует признать, что изучение фенотипа позволяет значительно детализировать наши знания о людях прошлого. Образ человека, включая цвет волос, глаз и кожи, наряду с одеждой, прической, ювелирными украшениями – является важнейшим признаком идентификации. Деление на свой–чужой, как один из структурообразующих маркеров этничности, во многом исходит из внешнего вида человека. С внешним обликом связаны этнические стереотипы, а внешность является важнейшим маркером родства.

Античные авторы оставили не много сведений о внешности варваров. Приоритетное внимание из народов Северного Причерноморья они уделяли кочевникам – как более опасному и активному соседу. Гален, римский врач во II веке пишет: «те … которые населяют страну сырую и холодную, именно иллирийцы, германцы, далматы, савроматы и все скифское племя, – [имеют волосы] умеренно растущие, тонкие, прямые и рыжие» (Galen. De usu partium corporis humani. II, 5; 585); «…у кельтов, германцев и всего фракийского и скифского племени кожа холодна, влажна и поэтому мягка, бела и лишена волос…» (Ibid. II, 6; 585). Аммиан Марцеллин, описывая аланов в IV в., называет их «mediacriter flavis» – «умеренно светловолосыми» (Amm. Marc. XXXI, 2, 21). Валерий Флакк в «Аргонавтике» упоминает светловолосых сатархов – «flavi crine Satarchae» (Flac. Argon. VI, 145).

Нужно достаточно осторожно распространять эту информацию на всех сарматов и во всех регионах. Что же касается меотов, то данных об их внешности авторы совсем не оставили. Поэтому так важно проведение палеогенетических исследований, которые могут нам помочь восстановить некоторые детали внешности. Антропологические исследования позволяют решить ряд вопросов, в том числе о миграциях населения, об использовании традиции деформации черепов [2]. Но использование достижений палеогенетики позволяет ответить на новые вопросы. Помимо вопросов о происхождении популяций [4], палеогенетика позволяет также установить некоторые фенотипические признаки внешности представителей меотской культуры Нижнего Дона путем анализа ДНК из их останков.

Образцы. В исследовании использованы костные образцы из погребений могильника Нижнегниловского, который располагается на территории г. Ростова-на-Дону и принадлежит к меотской культуре Нижнего Дона. В их числе погребения некрополя Нижнегниловского городища (Екатерининский 2021, раскоп 8) № 238, 274, 285, автор раскопок В. Н. Кузьмин, ГАУК РО «Донское наследие», а также погребение по адресу пер. Кузнечный, д. 8, п. 1, автор раскопок А. А. Посегун[1].

Погребение № 238 представляет собой яму с заплечиками, в которой помещен головой на север погребенный, у ног миска, два оселка и нож.

Погребение № 274 совершено в яме с заплечиками, костяк ориентирован на север, в погребении найдена железная пряжка и лепной горшок.

[1] Авторы статьи выражают искреннюю признательность археологам В. Н. Кузьмину и А. А. Посегуну, предоставившим материал и информацию для работы, несмотря на то, что по всем объектам еще идет работа и не подготовлены отчеты. Описание погребений носит самый общий характер для понимания их культурной принадлежности.

Погребение № 285 представляет собой ограбленный подбой, ориентированный по оси север-юг, ступенька с восточной стороны.

Все три погребения относятся к типичным погребениям меотской культуры и датируются II – первой половиной III вв. н.э.

Погребение № 1 некрополя Нижнегниловского городища по пер. Кузнечный, д. 8 довольно необычно – могильная яма имеет форму круга, скелет вытянут в северном направлении. Вместе с погребенным найдены браслет с бусиной и фрагмент амфоры. Датировка погребения II в. н.э.

Пробоподготовку костных объектов и выделение древней ДНК проводили с использованием оригинальных методик, описанных в работах И.В. Корниенко и соавторов [25], включающих специальную деконтаминационную обработку костного порошка [12]. Экстракцию ДНК из исследуемых образцов проводили в трех независимых параллелях. Далее экстракты ДНК, полученные из одного и того же образца, объединяли и концентрировали с использованием центрифужного концентратора Microcon YM-30 с мембраной Ultracel-30 (“Millipore”, США). На всех этапах работы с археологическими образцами использовали индивидуальные средства защиты.

Оценка концентрации выделенной ДНК. Концентрацию активной ДНК-матрицы определяли методом ферментативной амплификации ДНК в реальном времени (ПЦР-РВ) с использованием коммерческой тест-системы XY-Детект (“Синтол”, Россия) при помощи термоциклера с мультиканальным детектором iQ5 (“Bio-Rad”, США) в четырех повторностях. Использовали следующую программу термоциклирования: предварительная инкубация при 95°C в течение 5 мин, затем 44 цикла, каждый из которых включал денатурацию (95°C, 15 с), отжиг праймеров (61°C, 35 с) и элонгацию цепи (68°C, 10 с). Эффективность ПЦР-РВ, вычисленная по стандартной кривой, составляла 0.92. Данные анализировали при помощи программы iQ5 Optical System Software (версия 2.0). Концентрацию древней ДНК оценивали по каналу FAM (фрагмент гена β-актина размером 82 п.н.) путем сравнения значений пороговых циклов (Ct) опытных образцов с калибровочной кривой.

Генотипирование маркеров, ассоциированных с цветом глаз, волос, кожи, группой крови AB0, базовой гаплогруппой Y-хромосомы и половой принадлежностью человека проводили с использованием набора реагентов Phenotype Expert (ООО “Центр исследования ДНК”, Россия). Генотипирование состояло из трех этапов: мультиплексной ПЦР, гибридизации ПЦР-продукта на биочипе и регистрации генотипа. В ходе мультиплексной ПЦР происходила амплификация и флуоресцентное мечение 53 целевых фрагментов генома человека, содержащих 60 генетических маркеров, ассоциированных с исследуемыми фенотипическими признаками (маркеры приведены в подробно описаны в [21]). Средняя длина ампликонов, нарабатываемых набором праймеров Phenotype Expert (“Центр исследования ДНК”), составляет около 79 п.н., что повышает вероятность успешного генотипирования древней деградированной ДНК в сравнении с ближайшим аналогом, использующим методику SNaPshot [22]. ПЦР выполняли по следующей программе: активация полимеразы при 95°C в течение 2 мин, далее 50 циклов симметричной амплификации (95°C, 20 с; 65°C, 30 с; 66°C, 30 с; 69°C, 40 с) и 40 циклов асимметричной амплификации (94°C, 20 с; 56°C, 30 с; 72°C, 30 с). Каждый образец анализировали в 10–16 повторностях, геномную ДНК (не менее двух выделений из объекта) добавляли в объеме от 0.2 до 5 мкл на ПЦР.

Гибридизация ПЦР-продуктов на биочипе и анализ картины флуоресценции. Гибридизационную смесь готовили следующим образом: 7.5 мкл формамида, 7.5 мкл промывочного буфера и 15 мкл ПЦР-продукта смешивали в пробирке типа Эппендорф и вносили в гибридизационную камеру биочипа. Биочипы с плотно закрытыми крышками помещали в термостат (3–11 сут, 37°C). По окончании гибридизации биочипы помещали в 20-кратно разведенный гибридизационно-промывочный буфер на 15 мин, далее переносили в кювету с дистиллированной водой на 1–2 мин, после чего обдували

сжатым воздухом. Регистрацию картины флуоресценции биочипа и обработку результатов проводили с использованием анализатора Пикодетект (“БИОЧИП-ИМБ”, Россия) в соответствии с руководством по эксплуатации. Более подробное описание методики генотипирования и обработки результатов приведено в [20; 23; 24]. Трансляция генотипа в фенотип. Результаты интерпретировали по признакам группы крови AB0, базовой гаплогруппы Y-хромосомы и половой принадлежности при помощи программы Phenotype Expert (ООО “Центр исследования ДНК”). Для трансляции полученного генотипа в фенотип по признаку цвет (глаз, волос, кожи) использовали интернет-ресурс https://hirisplex.erasmusmc.nl.

Результаты и обсуждение. Во всех объектах мы наблюдали вполне ожидаемую деградацию ДНК-матрицы, обусловленную древностью исследуемых останков. Полученные результаты подтверждают, что успешность генотипирования таких сложных объектов, как древние костные останки, зависит от концентрации выделенной ДНК, степени ее деградации и присутствия ингибиторов ПЦР в образце. В отсутствие ингибиторов для получения более полного профиля очевидной рекомендацией является увеличение объема образца водного раствора ДНК в ПЦР-смеси. Однако, отсутствие ингибиторов в таких объектах – крайне редкое событие, они присутствуют в том или ином количестве, причем, мы не можем заранее знать какой объем раствора выделенной ДНК будет оптимальным по соотношению полезной матрицы и негативно влияющих на реакцию ингибиторов. Это соотношение индивидуально, не только для каждого объекта, но и для каждого выделения ДНК, поэтому тактика исследования состояла в множественных постановках в широком диапазоне объемов.

Получены полные генетические профили 4 образцов по исследуемым полиморфизмам. Методика ДНК-фенотипирования, использованная нами, позволила дополнить малочисленные и отрывочные сведения о внешнем облике представителей меотской культуры Дона. Так, фенотипы костных останков по признакам цвета глаз, волос, кожи, группы крови AB0, пола и базовых гаплогрупп Y-хромосомы, полученные при помощи набора реагентов Phenotype Expert (“Центр исследования ДНК”), представлены в таблице 1.

Все четверо погребенных были мужчинами с 0 (I) группой крови (табл. 1,*2*) и *смуглым* цветом кожи (табл. 1,*6*). По признаку вероятный цвет глаз установлено, что представители меотской культуры из погребений №№ 238, 285, 1 имели карий тип градации цвета глаз. Индивид из погребения № 274 имел серо-голубую градацию цвета глаз (табл. 1,*4*). Скелеты под №№ 274 и 285 по цвету волос определены, как *шатен/темный шатен*, а скелеты №№ 238 и 1, как *темный шатен/брюнет* (табл. 1,*5*).

Настоящая работа дополняет археологические и антропологические источники по населению Нижнего Дона римской эпохи. Все процедуры, выполненные в исследовании, соответствуют этическим стандартам институционального и/или национального комитета по исследовательской этике и Хельсинкской декларации 1964 года и ее последующим изменениям или сопоставимым нормам этики.

Табл. 1. Отчет по установлению фенотипических признаков

№ п/п	Аналитический параметр		Результат по образцам			
			238	274	285	1
1	2	3	4	5	6	7
1	Половая принадлежность (AMEL X/Y)	Генотип	X/Y	X/Y	X/Y	X/Y
		Фенотип	мужской генетический пол	мужской генетический пол	мужской генетический пол	мужской генетический пол

Окончание Таблицы 1

1	2		3	4	5	6	7
2	Групповая принадлежность крови (AB0)		Генотип	01V/01V	01/01V	01/01V	01/01V
			Фенотип	0 (I)	0 (I)	0 (I)	0 (I)
3	Гаплогруппа Y-хромосомы (Y-ДНК)			R	R	R	R
4	Прогнозируемый цвет глаз*	По алгоритму HirisPlex-S DNA Phenotyping Webtool	Наиболее вероятный фенотип	Тёмные (карие, черные)	Светлые (голубые, серые)	Тёмные (карие, черные)	Тёмные (карие, черные)
		По алгоритму вероятностной оценки базовых фенотипических вариантов	Светлые (голубые, серые)	0,001	**0,784**	0,141	0,001
			Смешанные (болотные, зеленые и пр.)	0,021	0,088	0,152	0,035
			Тёмные (карие, черные)	**0,978**	0,128	**0,707**	**0,964**
5	Прогнозируемый цвет волос*	По алгоритму HirisPlex-S DNA Phenotyping Webtool	Наиболее вероятный фенотип	Темный шатен / Брюнет	Шатен / Темный шатен	Шатен / Темный шатен	Темный шатен / Брюнет
		По алгоритму вероятностной оценки базовых фенотипических вариантов	Блондин	0,107	0,236	0,146	0,142
			Шатен	**0,644**	**0,634**	**0,540**	**0,627**
			Рыжий	0,001	0,002	0,278	0,001
			Брюнет	0,248	0,128	0,036	0,230
6	Прогнозируемый цвет кожи*	По алгоритму HirisPlex-S DNA Phenotyping Webtool	Наиболее вероятный фенотип	Смуглая кожа	Смуглая кожа	Смуглая кожа	Смуглая кожа
		По алгоритму вероятностной оценки базовых фенотипических вариантов	Очень бледная кожа	0,030	0,014	0,011	0,008
			Светлая кожа	0,237	0,297	0,393	0,297
			Смуглая кожа	**0,593**	**0,678**	**0,590**	**0,687**
			Темная кожа	0,138	0,011	0,006	0,008
			Черная кожа	0,002	0,000	0,000	0,000

Примечание: * расчетные данные получены с использованием ресурса https://hirisplex.erasmusmc.nl/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов Майкоп: Адыгоблполиграфобъединение, 1989. 158 с.
2. Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
3. Вдовченков Е.В. Этническая ситуация в Северном Причерноморье и Приазовье по данным Певтингеровой карты // Древнейшие государства Восточной Европы. 2023 год: Черноморский регион в античности и раннем средневековье / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: ГАУГН-пресс, 2023. С. 331–353.
4. Вдовченков Е.В., Арамова О.Ю., Ли Джи Ын, Леонова Д.К., Флоринская В.С., Тищенко А.А., Корниенко И.В. Происхождение донских меотов и сарматов по данным палеогенетики (по результатам аутосомных STR-локусов) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 443–456.
5. Гончарова С.М. Отчет об археологических раскопках на территории г. Азова Ростовской области в 2012–2013 гг. Том III. Азов, 2019 // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Ф. 14595/3 – коллекция вспомогательного фонда. Д. 14239.
6. Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология / Отв. ред. Л.А. Гиндин. М.: Наука, 1984. С. 47–66.
7. Гугуев В.К. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ) // Вестник Танаиса / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Недвиговка: АМЗ «Танаис», 2017. Вып. 4. С. 128–148.
8. Гугуев В.К., Нечипорук А.А. Погребение с римским импортом из некрополя Темерницкого городища // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 189–214.
9. Иванов А.В., Сударев Н.И. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре // Древности Боспора. 2022. Вып. 28. С. 178–217.
10. Каменецкий И.С. История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 383 с.
11. Каменецкий И.С. Греки и меоты // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции, посвященной 225-летию Поля Дюбрюкса. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 234–238.
12. Корниенко И.В., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю. Патент № 2789387. Композиция для удаления ДНК и/или РНК-содержащего биологического материала (варианты); заявл. 11.10.2021. Дата государственной регистрации в Государственном реестре изобретений Российской Федерации 02 февраля 2023 г.
13. Косяненко В.М. Новое аланское стойбище I–II вв. н.э. вблизи меотского поселения (в центре г. Азов) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). V / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2019. С. 130–135.
14. Косяненко В.М., Горбенко А.А. Некрополь Паниардиса. Азов: АМЗ, 2011. 512 с. (Донские древности. Вып. 11).
15. Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 годов. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 448 с.
16. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Языки русской культуры, 2002. 720 с.
17. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 502 с.
18. Тохтасьев С.Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // Scripta antiqua. 2017. VI. С. 135–279.
19. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
20. Фесенко Д.О., Гусейнов Т.О., Лапа С.А., Кузнецова В.Е., Шершов В.Е., Спицын М.А., Наседкина Т.В., Заседателев А.С., Чудинов А.В. Исследование субстратных свойств новых флуоресцентно-меченных трифосфатов дезоксицитидина для ферментативного синтеза ДНК полимеразами семейств A и B // Молекулярная биология. 2018. 52(3). С. 533–542.
21. Фесенко Д.О., Ивановский Д.И., Иванов П.Л., Земскова Е.Ю., Агапитова А.С., Поляков С.А., Фесенко О.Е., Филиппова М.А., Заседателев А.С. Биочип для генотипирования полиморфизмов, ассоциированных с цветом глаз, волос, кожи, группой крови, половой принадлежностью, основной гаплогруппой Y-хромосомы, и его использование для исследования славянской популяции // Молекулярная биология. 2022. 56(5). С. 860–880.
22. Chaitanya L., Breslin K., Zuñiga S., Wirken L., Pośpiech E., Kukla-Bartoszek M., Sijen T., de Knijff P., Liu F., Branicki W., Kayser M., Walsh S. The HIrisPlex-S system for eye, hair and skin colour prediction from DNA: Introduction and forensic developmental validation // Forensic Science International: Genetics. 2018. Vol. 35. P. 123–135.

23. Fesenko D.O., Chudinov A.V., Surzhikov S.A., Zasedatelev A.S. Biochip-based genotyping assay for detection of polymorphisms in pigmentation genes associated with cutaneous melanoma // Genetic Testing and Molecular Biomarkers. 2016. Vol. 20(4). P. 208–212.
24. Fesenko D.O., Chudinov A.V., Surzhikov S.A., Nasedkina T.V., Zasedatelev A.S. Biochip for genotyping SNPs defining core Y-chromosome haplogroups in Russian population groups // BioChip Journal. 2014. Vol. 8(3). P. 171–178.
25. Kornienko I.V., Faleevaa T. G., Schurre T. G., Aramovaa O. Yu., Ochir-Goryaeva M. A., Batieva E. F., Vdovchenkov E. V., Moshkov N. E., Kukanova V. V., Ivanov I. N., Sidorenkob Yu. S., Tatarinoval T. V. Y-Chromosome Haplogroup Diversity in Khazar Burials from Southern Russia // Russian Journal of Genetics. 2021. Vol. 57. No. 4. P. 477–488.

REFERENCES

1. Anfimov N.V. (ed.). *Meoty – predki adygov* [The Meots – the ancestors of the Adygs]. Maykop, Adygoblpoligraf Publ., 1989, 158 p.
2. Batieva E.F. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The population of the Lower Don in the 9th century BC – 4th century AD (paleoanthropological research)]. Rostov-on-Don, Publishing House of the YUNTS RAS, 2011, 160 p.
3. Vdovchenkov E.V. The ethnic situation in the Northern Black Sea region and the Azov Sea region according to the Pevtinger map. Podosinov A.V. (ed.), *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2023 god: Chernomorskii region v antichnosti i rannem srednevekov'e* [The oldest states of Eastern Europe. 2023: The Black Sea region in antiquity and the early Middle Ages]. Moscow, 2023, pp. 331–353.
4. Vdovchenkov E.V., Aramova O.Yu., Lee Ji-eun, Leonova D.K., Florinskaya V.S., Tishchenko A.A., Kornienko I.V. The origin of the Don Meots and Sarmatians according to paleogenetics (based on the results of autosomal STR loci). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2023, No. 15, pp. 443–456.
5. Goncharova S.M. *Report on archaeological excavations in the territory of Azov, Rostov region in 2012–2013*. Volume III. Azov, 2019.
6. Grantovsky E.A., Rayevsky D.S. About the Iranian-speaking and "Indo-Aryan" population of the Northern Black Sea region in the ancient era. Gindin L.A. (ed.), *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ia. Lingvistika, istoriia, arkheologiia* [Ethnogenesis of the peoples of the Balkans and the Northern Black Sea region. Linguistics, history, archaeology], Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 47–66.
7. Guguev V.K. The structure of the ritual of the necropolises of the Don Meots (on the role of the Sarmatians in the formation of the population of settlements). Perevozchikov V.I. (ed.), *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais], Nedvigovka, AMZ "Tanais", 2017, vol. 4, pp. 128–148.
8. Guguev V.K., Nechiporuk A.A. Burial with Roman imports from the necropolis of the Temernitsky settlement. Khrapunov N.I. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 6, Simferopol, 2020, pp. 189–214.
9. Ivanov A.V., Sudarev N.I. Raw brick in the construction tradition and funerary practice of ancient Greece and on the Bosporus. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], 2022, vol. 28, pp. 178–217.
10. Kamenetsky I.S. *Istoriia izucheniia meotov* [The history of studying meots]. Moscow, Taus Publ., 2011, 383 p.
11. Kamenetsky I.S. Greeks and Meots. *Bosporskii fenomen. Grecheskaia kul'tura na periferii antichnogo mira: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 225-letiiu Polia Diubriuksa* [Bosporan phenomenon. Greek culture on the periphery of the ancient world: Materials of the international scientific conference dedicated to the 225th anniversary of Paul Dubrucx], St. Petersburg, State Hermitage Publ., 1999, pp. 234–238.
12. Kornienko I.V., Faleeva T.G., Aramova O.Yu. *Patent No. 2789387. Composition for the removal of DNA and/or RNA-containing biological material (variants); application 11.10.2021*. The date of state registration in the State Register of Inventions of the Russian Federation is February 02, 2023.
13. Kosyanenko V.M. The new Alan camp of the I–II centuries AD near the Meotian settlement (in the center of Azov). Khrapunov N.I. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 5, Simferopol, 2019, pp. 130–135.
14. Kosyanenko V.M., Gorbenko A.A. *Nekropol' Paniardisa* [Necropolis Paniardis]. Azov, AMZ Publ., 2011, 512 p.
15. Larenok V.A. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobiakova gorodishcha iz raskopok 1999–2000 godov* [Meotian antiquities. Catalog of the burial complexes of Kobyakov settlement from the excavations of 1999–2000], Part 1, Rostov-on-Don, Don Publishing House, 2013, 448 p.
16. Podosinov A.V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii. Teksty, perevod, kommentarii* [Eastern Europe in the Roman cartographic tradition. Texts, translation, commentary]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2002, 720 p.

17. Podosinov A.V., Skrzhinskaya M.V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponii Mela i Plinii Starshii: Teksty, perevod, kommentarii* [Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder: Texts, translation, commentary]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 502 p.
18. Tokhtasyev S.R. Barbarian tribes, neighbors of the Greek cities of Bosporus. *Scripta antiqua*, 2017, vol. 6, pp. 135–279.
19. Trubachev O.N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [Indoarica in the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.
20. Fesenko D.O., Huseynov T.O., Lapa S.A., Kuznetsova V.E., Shershov V.E., Spitsyn M.A., Nasedkina T.V., Sessatelev A.S., Chudinov A.V. Investigation of substrate properties of new fluorescently labeled deoxycytidine triphosphates for enzymatic synthesis of DNA by polymerases of families A and B. *Molecular Biology*, 2018, 52(3), pp. 533–542.
21. Fesenko D.O., Ivanovsky D.I., Ivanov P.L., Zemskova E.Yu., Agapitova A.S., Polyakov S.A., Fesenko O.E., Filippova M.A., Sessatelev A.S. Biochip for genotyping polymorphisms associated with eye color, hair, skin, blood group, gender, main haplogroup Y-chromosomes, and its use for the study of the Slavic population. *Molecular Biology*, 2022, 56(5), pp. 860–880.
22. Chaitanya L., Breslin K., Zuñiga S., Wirken L., Pośpiech E., Kukla-Bartoszek M., Sijen T., de Knijff P., Liu F., Branicki W., Kayser M., Walsh S. The HIrisPlex-S system for eye, hair and skin colour prediction from DNA: Introduction and forensic developmental validation. *Forensic Science International: Genetics*, 2018, 35, pp. 123–135.
23. Fesenko D.O., Chudinov A.V., Surzhikov S.A., Zasedatelev A.S. Biochip-based genotyping assay for detection of polymorphisms in pigmentation genes associated with cutaneous melanoma. *Genetic Testing and Molecular Biomarkers*, 2016, vol. 20(4), pp. 208–212.
24. Fesenko D.O., Chudinov A.V., Surzhikov S.A., Nasedkina T.V., Zasedatelev A.S. Biochip for genotyping SNPs defining core Y-chromosome haplogroups in Russian population groups. *BioChip Journal*, 2014, vol. 8(3), pp. 171–178.
25. Kornienko I.V., Faleevaa T. G., Schurre T. G., Aramovaa O. Yu., Ochir-Goryaeva M. A., Batieva E. F., Vdovchenkov E. V., Moshkov N. E., Kukanova V. V., Ivanov I. N., Sidorenkob Yu. S., Tatarinoval T. V. Y-Chromosome Haplogroup Diversity in Khazar Burials from Southern Russia. *Russian Journal of Genetics*, 2021, vol. 57, no. 4, pp. 477–488.

Информация об авторах

Вдовченков Е. В. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета, Scopus ID: 56809415200.

Фесенко Д. О. – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН, Scopus ID: 7801378880.

Арамова О. Ю. – специалист по учебно-методической работе, аспирант Южного федерального университета, младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН, Scopus ID: 57222581167.

Леонова Д. К. – ассистент кафедры археологии и истории Древнего мира, аспирант Южного федерального университета.

Корниенко И. В. – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН, Researcher ID: D-8423-2014, Scopus ID: 7003774155.

Ивановский И. Д. – генеральный директор ООО «Центр исследования ДНК».

Authors information

Vdovchenkov E. V. – Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World of the Southern Federal University, Scopus ID: 56809415200.

Fesenko D. O., Candidate of Sciences (Biology), Researcher of the Engelhardt Institute Molecular Biology of RAS, Scopus AuthorID 7801378880.

Aramova O. Yu. – Specialist in educational and methodological Work, Postgraduate Student of the Southern Federal University, Junior Research of the Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scopus ID: 57222581167.

Leonova D. K. – Assistant of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Postgraduate Student of the Southern Federal University.

Kornienko I. V. – Doctor of Sciences (Biology), Chief Researcher of the Federal Research Center Southern Scientific Center of RAS, Researcher ID: D-8423-2014, Scopus ID: 7003774155.

Ivanovsky I. D. – General Director of the «DNA Research Center» LLC.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.85-95

WINDOWPANES FRAGMENTS FROM THE NORTHWEST NECROPOLIS CHURCH OF PAPHLAGONIAN HADRIANOPOLIS

Ersin Çelikbaş
Karabük University, Faculty of Letter, Archaeology Department, Türkiye
ersincelikbas@karabuk.edu.tr
Buket Gündüz
Karabük University, Institute of Social Sciences, Türkiye
gbuket44@gmail.com

Abstract. The Northwest Necropolis Church in Hadrianopolis, one of the cities of the Paphlagonia, is located southwest of the central area, 20 m northwest of the Bath B. Started 2017, excavations at the Northwest Necropolis Church were completed in 2021. The south and apse wall of the church came today at the foundation level, while the north and west came today at a height ranging between 1 m and 2 m. It is understood that the walls of the building were heavily damaged because of agricultural activities. Due to the extensive destruction of the body wall, no trace of the location, dimensions and position of the windows could be found. The only data about the windows are fragments of the windowpanes discovered during the excavations. Fragments of the windowpanes were unearthed in large quantities. The edges of some of the windowpanes were examined to get ideas about the frame. In addition, the paste residues that came today on the edges of some fragments were analyzed in lab to determine the ingredients. In this study, in the light of all datas, how the illumination in the Northwest Necropolis Church could have been, the technique with which the windowpanes were made, how many windows openings could be in which direction, in interpretation of the analysis results and the color scale were mentioned.

Keywords: Paphlagonia, Hadrianopolis, Frame, Glass, Windowpane, Shellac

ФРАГМЕНТЫ ОКОННЫХ СТЕКОЛ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ПАФЛАГОНСКОГО АДРИАНОПОЛЯ

Эрсин Челикбаш
Университет Карабюк, Турция
ersincelikbas@karabuk.edu.tr
Букет Гюндюз
Университет Карабюк, Турция
gbuket44@gmail.com

Аннотация. Северо-западная погребальная церковь в Адрианополе, одном из городов Пафлагонии, расположена к юго-западу от центральной площади, в 20 м к северо-западу от бани Б. Раскопки памятника продолжались в 2017–2021 гг. Южная и апсидная стены церкви открыты до уровня фундамента, а северная и западная части церкви на сегодняшний день открыты на высоту от 1 до 2 метров. Предполагается, что стены здания были сильно повреждены в результате сельскохозяйственной деятельности. Из-за обширных разрушений стен не удалось уставить расположение и размеры окон. Единственными сведениями об окнах являются фрагменты стекол, обнаруженные при раскопках в большом количестве. Для получения представления об оконных рамах проведено исследование краев некоторых оконных стекол. Кроме того, в лабораторных условиях изучен состав остатков пасты, сохранившейся на краях фрагментов. В статье анализируется техника изготовления оконных стекол и их цветовая гамма, предложена реконструкция расположения оконных проемов и их количество.

Ключевые слова: Пафлагония, Адрианополь, рама, стекло, оконное стекло, шеллак

Hadrianopolis is located 3 km west of Eskipazar District of Karabük Province, within a valley formed by the Eskipazar Stream. The city has a radius of approximately 10 km and covers the villages of Beytarla, Çaylı, Büyükyayalar, Budaklar, Kabaarmut, Dereismail and the neighborhoods of Hacamatlar and Bahçepınar (Fig. 1). The remains seen on the surface and the structures uncovered by excavations are concentrated in the Hacamatlar neighborhood [9, p. 364; 4, p. 75; 10, p. 39; 11, p. 661; 5, p. 645]. The Northwest Necropolis Church is located 300 m west of the Eskipazar Stream at the foot of a high cliff where rock graves are dense. In 2007, an excavation was carried out by the excavation scientific team to understand the function of the building and the apse and a part of the mosaic pavement decorating the floor of the apse were discovered. The remains of the building were named "Building with Apse" by the excavation team of that period [14, p. 31]. In 2014, archaeo-georadar scans were carried out at important points of the city. The Northwest Necropolis Church, which is one of the scanned points, was found to be a basilical planned church structure as a result of archaeo-georadar studies. Excavations were resumed in the structure in 2017 and excavations continue today.

As a result of the excavations; it was found that the structure, most of which was uncovered, coincided with the archaeo-georadar results; and it was named as the Northwest Necropolis Church by the excavation committee due to the fact that it was the third church in the city and its location within the city [4, p. 75].

The church has a major change about 100 years after it was built; and the excavations revealed that the church has a stratigraphy consisting of four layers (Fig. 2). The stratigraphy and architectural details indicate that the first construction phase of the church was between the 4th–5th century AD and that it was destroyed by an earthquake or fire [3, p. 14–15]. In 2019, a large amount of glass was found in the northeast of the church, in the part of the body wall facing the outside. The majority of these fragments are of poor quality and are thought to be production residues. The fact that glass fragments similar to production residues were found intensively in a small area raises the question of whether there was a glass workshop belonging to a later phase in the northeast corner of the church.

It is known that during the scientific studies carried out in the church of the Northwest Necropolis of Hadrianopolis, finds consisting of different materials were encountered and many glass fragments were found. These include fragments of vessels characterized as tableware, unguentariums thought to be cream, fragrance or ritual vessels, beads and ring stones with certain meanings and glass fragments, which is the main subject of this article. In the northeast of the church, in the outward-facing part of the body wall of the building, glass fragments were found (Fig. 3). However, considering the proximity of this spot to the bema and apse area, it is thought that there might have been production here after the church lost its function. It is thought that there are two reasons for the establishment of a production workshop in such an area. It may have been due to its functional location, or it may have been due to the predominance of belief elements such as the protection of religion and the utilization of its mystical power, which has been going on since antiquity. The abundance of waste glass fragments suggests that glass was melted and used. As is known, glass is a recyclable material. Therefore, air bubbles may be dense in recycled glass. In fact, it is known that when glass masters cannot reach the desired temperature, dense air bubbles are found in glass that is not fully melted.

Especially in the production of windowpanes, it may not have been necessary to melt the glass at high temperatures [6, p. 188]. Considering the high number of air bubbles in the glass recovered from the scientific excavations in the city and the church, it can be said that it may have been caused by second use or a mistake in production.

During the scientific studies conducted in the church in 2017–2021, a total of 37 trenches were excavated. Fragments of windowpanes were found in almost all of the trenches (Fig. 4–5). It is highly probable that the points where the glasses were found intensively were close to the window of the building. When the windowpanes are analyzed in detail, it is seen that some of them are in the form of fragments, some of them are flat and have rounded edges at one end. It is thought that the rounded ends of these windowpanes were formed by taking the shape of the

frame in which they were cast [12, p. 363], or they were rounded with the help of heat and tools, or they were placed inside the plaster and stone window frame seen in Middle Byzantine glazing (Fig. 6) [2, p. 152–153]. Cylinder blowing technique was identified in the production of the windowpanes found in the church (Fig. 7). The thickness of the glass produced in this technique was measured between 2–4 mm. It is known that the air bubbles in the glass produced in the cylinder blowing technique are elliptical or spindle-shaped due to the blowing. The remains of paste on the windowpanes found in the church indicate that the panes were fastened to the frame with the help of paste [7, p. 15–101]. The different thicknesses of the glass must have resulted from the fact that thin glass was used to benefit from heat and light in the parts where the sun was intense, while thick glass was used to prevent light and heat loss in places where the sun was not seen.

Although the excavations yielded many fragments of windowpanes; no trace of a window network was found. The fact that an intense fire was observed during the last phase of the building's use may be considered as a factor in the absence of a windowpanes frame. The use of spolia in the wall uncovered during the scientific studies and the ancient sources indicate that the city was destroyed after an earthquake and quickly recovered [3, p. 81–82; 17, p. 231; 8, p. 97; 1, p. 65–66]. The reason why the frame of windowpanes were not uncovered during the excavations may be due to the fact that they were made of materials such as wood or mortar [16, p. 61–63; 15, p. 120], which are difficult to reach the present day.

Remains of paste and mortar (Fig. 8) were found on the windowpanes unearthed in the Northwest Necropolis Church, indicating that the glass was fixed to the window grid with putty. Archaeometric analyses were carried out on the putty in order to find out from which materials the putty residue seen on the windowpane was obtained. The presence of lime (CaCO3) as an inorganic substance was found in the powdered putty sample whose spectrum was taken with the Bruker brand Alpha model ATR FTIR device. However, there is only one peak which is thought to be gypsum (CaSO4). As an organic substance, a resin of animal origin, which may be "shellac", was found to be used[1] (Fig. 9).

The shellac detected in the paste on the windowpanes is a thin, transparent, honey-colored resin of insect origin [13, p. 38–39]. Archaeometric studies have proven that the shellac on the windowpanes found in the church was not transparent and was obtained by mixing it with lime. The use of shellac was intended to better seal small cracks, to reduce the water absorption of lime particles, to ensure the longevity of the paste and to provide a glassy layer. Shellac is actually a resin that is not only used for insulation purposes; it is a resin that increases the durability and longevity of the materials used for insulation purposes [13, p. 39]. In addition, since it is a glassy layer, it also increases the water resistance of the places where it is used. The cold and rainy winters in the region where Hadrianopolis is located must have been the main factor that led to the use of shellac, which increases thermal insulation in buildings.

Scientific excavations in the church began in 2017 and were completed in 2021. In the light of the architectural datas obtained as a result of the completed excavations, the restitution studies of the church were started and the ideas about where the window openings in the building could be located were made by taking into account the Chora and Four Rivers Churches in the city, which have great similarities in terms of plan. Looking at the points and directions of the windows in the restitution work carried out in the Chora Church, it can be said that it was designed to benefit from both the heat and light of the sun by establishing a direct proportion with the sun. In order to benefit from heat and light due to climatic factors, the window openings should have been placed in the east (apse), the direction of sunrise, and in the west (entrance), the direction of sunset. The north and south naves of the building are separated by five columns. Five windows on the outer body walls of the naves separated by columns, based on the buildings with similar plans, would be sufficient for the lighting of the church. It is more likely that the windows were brought between the load-bearing architectural elements in order not to interrupt the light. The large diameters of the columns found in the naos and naves confirm that the church may have had

[1] The analysis of the sample was carried out at "Kastamonu University Central Research Laboratory Application and Research Center (MERLAB)".

galleries. For this reason, the windows in the upper part are likely to be smaller than the windows in the naves. The main entrance of the church is through a wide opening in the west. In addition to the main entrance, there is a smaller entrance opening in the southwest corner of the building compared to the main entrance. In order to keep the entrances bright, small openings must have been left above the doors and windows must have been placed. The windows are not only used for lighting, but also for the spiritual atmosphere of the church. The permeability of this transparent material allows the sunlight to be reflected in the church in whatever color the glass is. In fact, the aim here is to create a mystical [19, p. 66–67] atmosphere in the church.

Conclusion

From antiquity to the present day, windows have been the most important means of lighting and heating spaces with sunlight. Almost all of the building remains unearthed during excavations in ancient cities or existing on the surface have survived to the present day at a lower height than the window level. In the buildings that have survived at the window level, very few of them have survived to the present day due to the organic materials used in the windows such as wood, terracotta and the fragile structure of the glass. As a result of the comparisons made with similar examples in the plan of the Northwest Necropolis Church and the evaluation of the possible points that should have been windows by looking at the position of the church to the sun, comments can be made about the windows of the Northwest Necropolis Church. There is also information about the location and number of windowpanes in ancient sources[2]. No scientific publication on the remains of ancient window frames has been found in the literature. Recent articles on the windowpanes discovered at Hendek Castle [19, p. 66–76] and Pompeipolis [18, p. 252–253] do not mention the subject of frames. Due to the lack of information on window frame in the literature, it is very difficult to obtain clear information on how or with which material the windowpanes were attached.

The main subject of this study is the evaluation of the excavated windowpanes in the light of the data recovered in order to understand the construction techniques, the production phase and how they were attached to the frames. Some of the windowpanes recovered during the excavation were found to contain paste residues and archaeometric analyses were carried out on samples taken from the paste. As a result of the archaeometric studies, it was revealed that an insect resin called “shellac” was used in the paste. In addition to being used as a binder, this resin must have been intended to increase the strength of the window, ensure its longevity, strengthen the insulation and increase the resistance of the windowpanes against water. The visible traces on the windowpanes indicate that they were made by casting and cylinder blowing techniques. It was observed that one surface of the window panes made with the casting technique is smooth and the other surface is rough due to the casting. In the photographs taken with a microscope from the windowpanes made by the cylinder blowing technique, the air bubbles formed in the glasses are elliptical and splayed, which is a feature caused by the production technique. Fragments of windowpanes are dated to the 5th–6th centuries AD in the light of the contextual finds of the layer they were recovered from. In addition, with the help of scientific publications on the glass recovered from Hadrianopolis in previous years and by comparing the fragments of windowpanes samples, it is understood that green and blue-green colors were intensely seen in the 5th–6th centuries AD. It is known that scientific publications on ancient glass are insufficient. Most of the scientific publications on glass in our country have not gone beyond catalog studies. It is important to date and evaluate all glass vessels or fragments unearthed during excavations with the help of contextual artifacts and to conduct archaeometric analyses. The fact that many of the glass finds that come to museums are not known where and how they were obtained makes it impossible to fully understand the glass finds. It is possible to fill this gap with glass finds unearthed during scientific excavations. When evaluated regionally, the glass finds unearthed in the excavations of Hadrianopolis of Paphlagonia and transformed into scientific publications will undoubtedly contribute to the understanding of glass technologies in the city and the region.

[2] Seneca mentions that window panes should be fewer in urban and urban buildings located in rural areas [see Seneca II. 86].

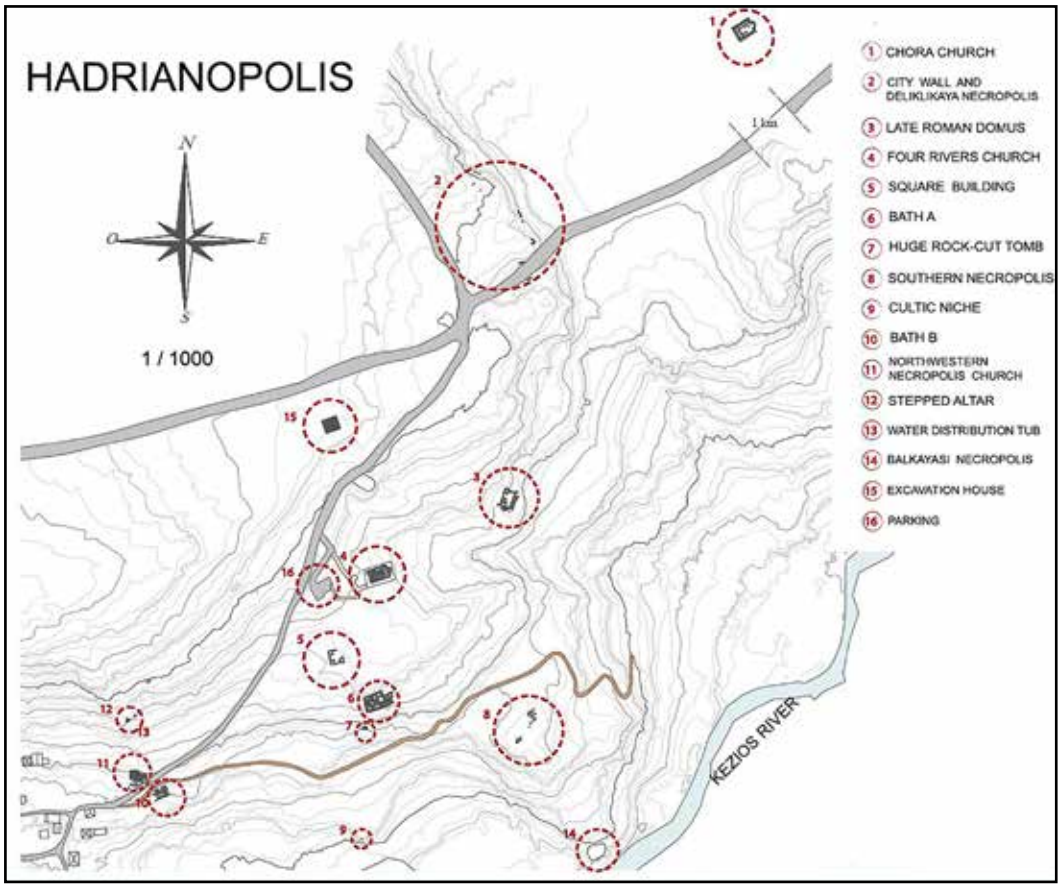

Fig. 1. City plan of Hadrianopolis (Hadrianopolis Archive)

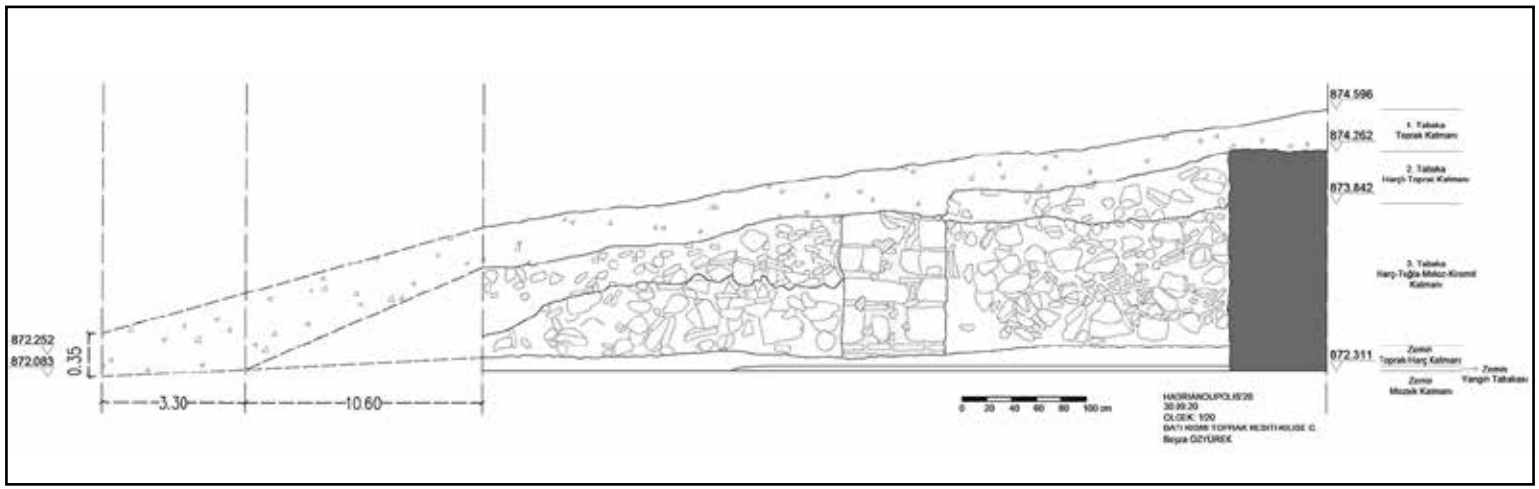

Fig. 2. The Stratigraphy of Northwest Necropolis Church (Hadrianopolis Archive)

Fig. 3. Possible glass workshop of The Northwest Necropolis Church (Hadrianopolis Archive)

Fig. 4. Trenches with dense fragments of windowpanes (Hadrianopolis Archive)

Fig. 5. The Fragments of windowpanes from The Northwest Necropolis Church (Hadrianopolis Archive)

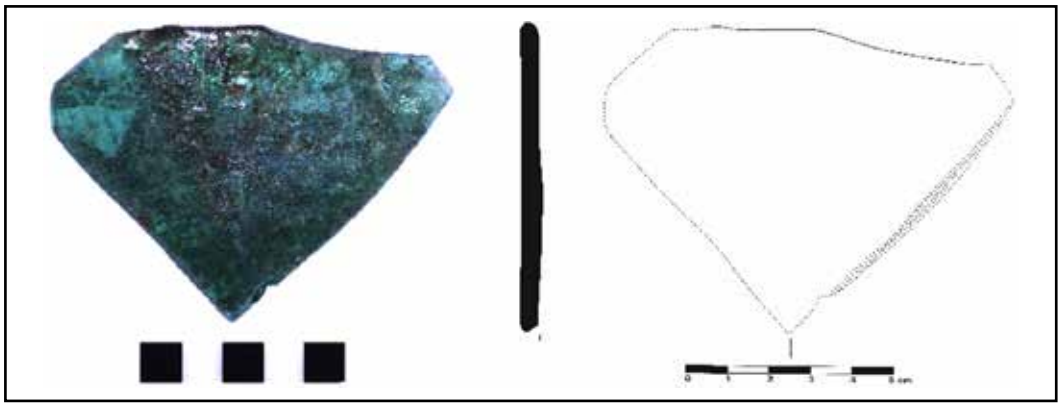

Fig. 6. The fragment of windowpane one rounded end made by casting production technique (Hadrianopolis Archive)

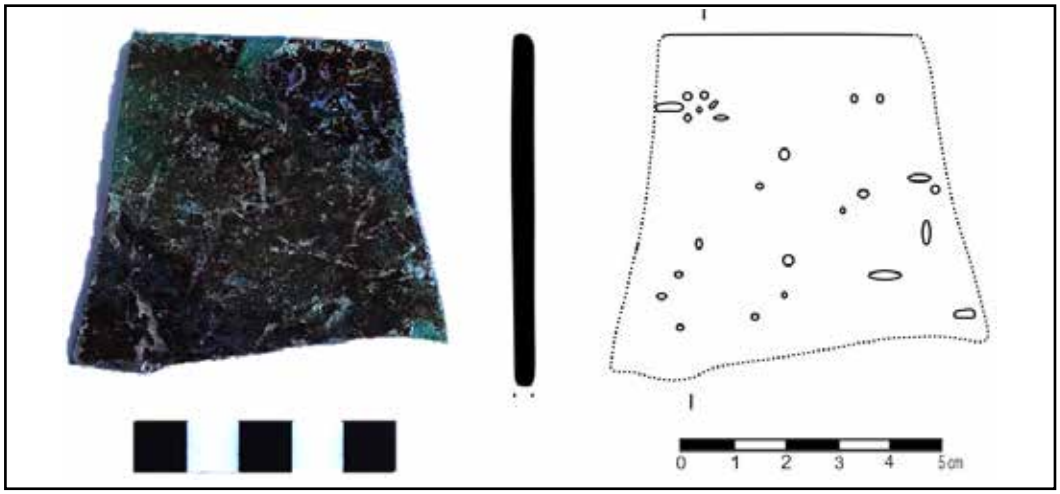

Fig. 7. A fragment of widowpanes made by Cylinder blowing technique (Hadrianopolis Archive)

Fig. 8. Fragments of windowpanes with paste and mortar (Hadrianopolis Archive)

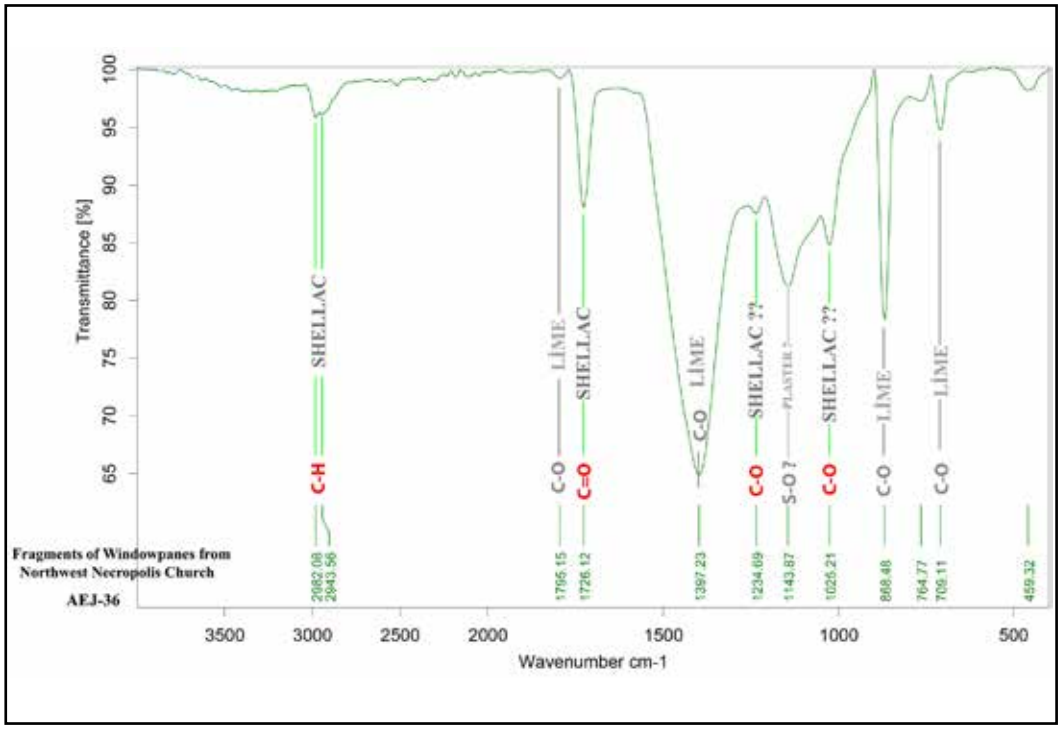

Fig. 9. Analysis Graphic of Paste

BIBLIOGRAPHY

1. Belke K. *Paphlogonien und Honorias*. Wien, Verlag des Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1996. (Tabula Imperii Byzantini. Bd. 9).
2. Çakmakçi Z. Kuşadası Kadıkalesi/Anaia Kazılarından Ortaçağ Bizans Camcılığına Yeni Bir Grup: Cam Unguentariumlar. *Kaunos/Kbid Toplantıları II Anadolu Antik Cam Araştırmaları Sempozyumu.* Cilt 1. Edi. Çiğdem Gençler Güray, Şükrü Devrez. Ankara, 2013, pp. 151–164.
3. Çelikbaş E., Verim E. Hadrianopolis Kuzeybatı Nekropol Kilisesinin (Kilise C) Bema ve Apsis Mozaikleri. *Journal Of Mosaic Research*, 2021, Sayı 14, pp. 80–82.
4. Çelikbaş E. Hadrianopolis Kilise C Yapısında Ele Geçen İki Adet Yün Tarağı Üzerine Değerlendirme. *TÜBA-KED. Türkiye Bilimler Akademisi Kültür Envanteri Dergisi*, 2019, Sayı 20, pp. 75–77.
5. Çelikbaş E., Keleş V., Ergürer E. Hadrianoupolis 2016 Yılı Çalışmaları. *39.Kazı Sonuçları Toplantısı*, Ankara, 2017, Cilt 3, pp. 645–654.
6. Demir E.Ç. *Antik Çağda Camda Perge Konut Alanı "A" Evi Cam Eserleri Kataloğu.* (İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Klasik Arkeloji Bilim Dalı Yayınlanmış Yüksek Lisans Tezi). İstanbul, 1999
7. Fünfschilling S., Laflı E. *Hadrianopolis II: Glasfunde des 6. und 7. Jhs. aus Hadrianupolis, Paphlagonien (Türkei).* Rahden/Vestfalya, Verlag Marie Leidorf, 2012. (Internationale Archäologie 123).
8. Hoepfner W. *Herakleia Pontike – Ereğli: Eine baugeschichtliche Untersuchung*. Graz, Wien, Köln, Verlag des Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1966.
9. Keleş V., Çelikbaş E. Paphlagonia Hadrianoupolis'inde Bulunmuş Kapı Temalı Mezar Steli. *Turkish Studies*, 2013, Sayı 8, no. 6, pp. 363–376.
10. Keleş V., Çelikbaş E., Yılmaz A. Hadrianoupolis 2010 Yılı Çalışmaları (İlk Sezon). *33.Kazı Sonuçları Toplantısı*, Ankara, 2011, Cilt 1, pp. 39–53.
11. Keleş V., Kılavuz B.N., Çelikbaş E., Yılmaz A. Hadrianoupolis 2013 Yılı Çalışmaları. *36.Kazı Sonuçları Toplantısı*, Ankara, 2015, Cilt 3, pp. 661–670
12. Koçak E.A. Metropolis Aşağı Hamam Palaestra Yapısında pencere camları ve aydınlatma. *Anadolu Medeniyetleri Müzesi 100 Yaşında*, Cilt 1. Editörler Yusuf Kıraç, Umut Alagöz, Dr. Zehra Fürüzan Taşkıran, Asuman Alpagut. Ankara, T.C. Kültür Ve Turizm Bakanlığı, 2021, pp. 359–370.
13. Kundul M. *Endüstriyel seramikte alçı ve çamur şekillendirme yöntemleri*. Istanbul, 2013.
14. Laflı E., Christof E. *Hadrianopolis I: Inschriften aus Paphlagonia.* Oxford, 2012. (BAR International Series 2366).
15. Olcay B.Y. *Antalya'nın Demre (Kale) İlçesindeki Aziz Nikolaos Kilisesi Kazısı 1989-1995 Yılları Cam Buluntuları.* Yayınlanmamış Doktora Tezi. Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 1997.
16. Olcay B.Y. Bizans Dönemi Pencere Camları ve Kullanım Biçimleri Üzerine Bazı Bulgular. *Anadolu Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi Dergisi II*, Eskişehir, 2000.
17. Schultze V. *Altchristliche Städte und Landschaften. II. Kleinasien*. Gütersloh, Verlag von C. Bertelsmann, 1922.
18. Summerer L. Pompeipolis (Paflagonia) 2006 Yılı Çalışmaları. *29.Kazı Sonuçları Toplantısı.* Ankara, 2007, Cilt 2, pp. 252–253.
19. Taştemur E., Dinç M. Sebaste Antik Kenti Ve Çevresi Yüzey Araştırmalarında Ele geçen Cam Eserler. *TÜBA-KED. Türkiye Bilimler Akademisi Kültür Envanteri Dergisi*, 2018, Sayı 18, pp. 63–82.

Информация об авторах

Челикбаш Эрсин – доцент, преподаватель кафедры археологии факультета литературы Университета Карабюк.

Гюндюз Букет – Институт социальных наук Университета Карабюк.

Authors information

Çelikbaş Ersin – Associate professor, Lecturer in the Archaeology Department at Karabük University's Faculty of Letters.

Gündüz Buket – Institute of Social Sciences at Karabük University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.96-127

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ С ЧЕТЫРЕХГРАННЫМ ТУЛОВОМ ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ

Лариса Алексеевна Голофаст
Институт археологии РАН, Москва, Россия
larisa_golofast@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057
Денис Валерьевич Журавлев
Государственный исторический музей; НИЦ «Курчатовский институт»;
Институт археологии РАН, Москва, Россия
denzhuravlev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1139-6621
Ольга Сергеевна Румянцева
Институт археологии РАН, Москва, Россия
o.roumiantseva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5648-6079

Аннотация. В статье представлена небольшая коллекция выдутых в форму сосудов с четырехгранным туловом, хранящаяся в Государственном историческом музее в Москве. Условия находки большинства, к сожалению, неизвестны. Все рассматриваемые кувшины, за исключением одного, имеют венчик типа Charlesworth-2 (один варианта 2a, остальные варианта 2b), который считается характерным признаком восточно-средиземноморского происхождения. Единственный экземпляр с венчиком «западного типа» (Charlesworth-1b) отличается от остальных кувшинов, помимо формы венчика, цветом (оливковым) стекла. На дне четырех кувшинов имеются клейма. Все относятся к числу наиболее распространенных как в Восточном Средиземноморье, так и в западных провинциях Римской империи. Пик бытования кувшинов с четырехгранным туловом приходится на период между ок. 70 и 120/130 гг. Скорее всего, приблизительно к этому времени относятся кувшины из коллекции ГИМ. Единственным экземпляром представлены в собрании ГИМ банки. Сосуды, схожие с публикуемым, известны как на Западе, так и на Востоке, но греческое клеймо говорит, скорее, в пользу его восточно-средиземноморского происхождения. Контекст, из которого он происходит, датируется временем не позднее середины III в. н.э. Наконец, аналогии двум бутылям с квадратным туловом и воронковидным горлом удалось найти только на территории Турции и Сирии. Все представленные аналогии относятся к IV–V вв., хотя условия их находки неизвестны. Химический состав семи сосудов был изучен методом СЭМ-ЭДС. Большинство из них представляют собой т.н. римское естественно окрашенное стекло сиро-палестинского происхождения с содержанием оксида марганца до 0,5%. Два сосуда, изготовленные из обесцвеченного марганцем стекла, по составу ближе к стеклу из Джаламе. Один из них – банка, которая происходит из контекста, датируемого до середины III в. Бутыль с воронковидным горлом изготовлена из «смешанного» стекла с двумя обесцвечивателями, марганцем и сурьмой.

Ключевые слова: стеклянные сосуды, выдутые в форму кувшины, банки, бутыли с четырехгранным туловом, римский период, Северное Причерноморье, химический состав, СЭМ-ЭДС, стекло сиро-палестинского происхождения, стекло «смешанного» состава с марганцем и сурьмой

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00510, https://rscf.ru/project/24-18-00510.

SQUARE GLASS VESSELS FROM THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Larisa A. Golofast
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
larisa_golofast@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057
Denis V. Zhuravlev
State Historical Museum; National Research Center "Kurchatov Institute";
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
denzhuravlev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1139-6621

Ol'ga S. Rumyantseva
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o.roumiantseva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5648-6079

Abstract. This article presents a small collection of mould-blown square vessels, residing in the State Historical Museum, Moscow. Regrettably, most of them have come from unknown contexts. All but one of the regarded jugs have a Charlesworth-2 type rim (one of variant 2a, the others of variant 2b), which is considered a characteristic feature of Eastern Mediterranean origin. The only specimen with a 'western-type' rim (Charlesworth-1b) differs from the other ones in the glass colour (olive). Four jugs have base moldings of types widespread both in the Eastern Mediterranean and in western provinces of the Roman Empire. The peak of use of square jugs falls on the period between c. 70 and 120/130 AD. The jugs under consideration are most likely from the same time. Square jars are represented in the collection with the only specimen. Similar vessels are known both in the West and in the East, but the Greek inscription on our vessels speaks in favour of its Eastern Mediterranean origin. The context from which it comes is dated to the mid-third century AD at the latest. Finally, known to us analogies to two square bottles with funnel-shaped necks originate from Turkey and Syria and are dated to the fourth and fifth century, though the conditions of their discovery are unknown. Chemical composition of glass of seven vessels has been studied with SEM-EDS technique. Most samples belong to the group of Roman blue-green glass of the Syrian-Palestinian origin, with MnO content up to 0,5%. The glass of two vessels, decolourized with manganese, have a composition closer to Jalame glass. One of them is a collared square jar originated from a context which is to be dated no later then the mid-3rd century AD. A collared square bottle is made of mixed Mn-Sb glass.

Keywords: glass vessels, mold-blown square jugs, jars, bottles, Roman Period, Northern Black Sea Area, chemical composition, SEM-EDS, Roman blue-green glass, Jalame glass, mixed Mn-Sb glass

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00510, https://rscf.ru/project/24-18-00510.

В собрании Государственного исторического музея представлены три формы сосудов с четырехгранным туловом: кувшины, банки и бутыли. Четырехгранную форму сосудам придавали двумя способами: путем выдувания в форму и путем свободного выдувания с последующим уплощением сторон на плоской поверхности. Считается, что четырехгранные сосуды, изготовленные в технике свободного выдувания и выдутые в форму, бытовали одновременно [103, p. 111]. Во всяком случае, в Помпеях в слое разрушения 79 года их находят приблизительно в равных количествах [48, p. 6].

При выдувании в форму чаще использовали открытые разъемные формы, состоявшие из четырех скреплявшихся между собой штифтами[1] каменных, мраморных, керамических или деревянных плиток для формирования граней тулова и плиты для формовки дна с заглубленным периметром, служившим для установки боковых панелей [62, S. 41, Abb. 23; 48, p. 7, fig. 1.2]. Швы на стыке разных частей формы на выдутом в такую форму сосуде сглаживали путем вторичного его нагревания (огневой полировки) [49, p. 180], поэтому на готовых сосудах они, как правило, не прослеживаются. Не исключено также, что некоторое количество таких сосудов выдували в односоставной форме, что подтверждается находками бутылей со слегка суживающимся к дну туловом, которое можно было легко вынуть из открытой цельной формы.

Верхнюю часть таких сосудов (горло и венчик) формовали свободными манипуляциями уже после того, как тулово было вынуто из формы и от него «отшибалась» стеклодувная трубка. Предполагают, что перехват в основании горла, наблюдаемый на некоторых сосудах, является следом щипцов, использовавшихся при вторичном разогреве для работы с венчиком [96, p. 448; 1, с. 33]. В I в. появляется понтия, которую с помощью кусочка горячего стекла прикрепляли к дну сосуда с целью формирования его верхней части:

[1] На плитах имелись отверстия для штифтов, хотя не исключено, что во время выдувания составные части формы удерживал вместе помощник. Возможно, такой способ был даже предпочтительнее, поскольку сосуд надо было очень быстро вынуть из формы после выдувания [48, p. 7, 9].

самые ранние сосуды со следом от понтии обнаружены в Магдаленсберге и датируются временем до 45 г. н.э. [96, p. 448, 450]. Однако даже в начале II в. стеклоделы не спешили переходить на новую технологию. Регулярно появляться след от понтии начинает только с конца II века [48, p. 9].

Выдутые в форму сосуды отличаются от сосудов, выполненных в технике свободного выдувания, довольно толстыми, иногда слегка вогнутыми стенками и острыми четкими углами. Кроме того, свободно выдутые сосуды никогда не имеют рельефных изображений на дне. Кувшины, выполненные в технике свободного выдувания, почти не встречаются к северу от Альп и характерны, главным образом, для Италии и областей, примыкающих к Средиземному морю [74, p. 64; 43, p. 33; 62, S. 428; 99, p. 43; 47, p. 2; 31, p. 116]. Г. Вайнберг и Е. Штерн пишут более осторожно о более частом их использовании в Италии и примыкающих к Средиземному морю районах [103, p. 111].

Выдувание в форму, по-видимому, было предпочтительнее, поскольку гарантировало производство большого количества сосудов одного размера, что было гораздо удобнее при упаковке. Кроме того, использование сосудов, выдутых в одной форме, позволяло торговцу при необходимости получать хотя бы приблизительное представление о количестве товара, имеющегося у него в наличии в тот или иной момент [67, p. 22; 83, p. 301]. Однако даже выдутые в одной форме сосуды не были абсолютно одинаковы. Разница в объеме четырех выдутых в одну форму кувшинов с четырехгранным туловом, хранящихся в Британском музее, составляет 70 см³ [43, p. 29]. Объясняется это разной толщиной стенок и разной вогнутостью дна. Кроме того, форма свободно формовавшихся плечиков также не могла быть абсолютно одинаковой.

Одноручные кувшины с четырехгранным туловом

Кувшины с четырехгранным туловом наряду с кувшинами с шестигранным, восьмигранным и цилиндрическим туловом, при значительном доминировании первых, особую популярность приобретают с I в. Все граненые сосуды бытовали одновременно и обладали одинаковыми характеристиками. Они имели короткое цилиндрическое горло, горизонтальные, иногда слегка вогнутые плечики, резко переходящие к тулову, плоское или слегка вогнутое дно и согнутую под прямым углом широкую ленточную ручку с разной профилировкой внешней поверхности: с округлыми ребрами по краям, с мелкой гребенчатостью, с тремя или несколькими широкими ребрами; встречаются и простые ленточные ручки без профилировки. Крепились ручки к месту перехода от плечиков к тулову и под венчиком. Сосуды с двумя ручками или вообще без ручек встречаются крайне редко. Венчики представлены двумя типами. Среди венчиков первого типа, с загнутым внутрь краем, выделяют три варианта: массивные с широкой горизонтальной (тип 1a) или покатой (тип 1b, часто называемый грибовидным) верхней поверхностью, и такие же, но узкие (тип 1c) [43, p. 26, fig. 1–3]. Второй тип – это венчики, отогнутые вниз-вверх-в сторону, в результате чего формируется плоская верхняя поверхность (тип 2a), или венчики, завернутые вниз-вверх, часто называемые воротничковыми или муфтообразными (тип 2b) [43, p. 26–27, fig. 3a,b]. Считается, что наряду с мелким рифлением на внешней поверхности ручек венчики типа 1 характерны для западных провинций Римской империи [19, с. 222; 7, с. 119–120]. Венчики типа 2 в сочетании с более тонкими стенками и зеленоватым цветом стекла, как правило, связывают со стеклоделательными мастерскими Восточного Средиземноморья (Кипр, Сирия, Египет) [19, с. 230; 43, p. 32–33; 49, p. 179; 79, p. 256]. Н. П. Сорокина предположила их производство в районе Пергама [19, с. 222, 228; 21, с. 216–218].

Однако, скорее всего, при определении места или региона производства того или иного сосуда не стоит полностью полагаться на форму венчика или тип рифления на ручке. Как объяснить, например, тот факт, что в расположенных на Евфрате Дура-Европос и Зевгме все найденные там кувшины имеют венчик «западного» типа 1 [46, p. 119–120, nos. 588–996, pl. XIII,589,591; 68, p. 237, fig. G56–G57], а набор клейм на дне бутылей с четырехгранным туловом, найденных в Дура-Европос, очень схож с западным

[46, p. 121–122]. Сложная картина наблюдается в Северном Причерноморье: в Танаисе практически все кувшины имеют «западный» венчик [19, с. 222–223, рис. 10,1–5]; такие же венчики – у двух кувшинов из некрополя Нимфея [7]; в Горгиппии из 7 найденных там кувшинов 4 имели венчики типа 1, а три – венчики типа 2 [9, с. 160, рис. 6,23; 1, с. 33, 74–75, табл. 26,1; 53; 54; 66–70; 72]; венчики типа 1 имеют почти все известные на сегодняшний день кувшины рассматриваемого типа, найденные в Юго-Западном Крыму. Совсем другая картина наблюдается в Пантикапее, где подавляющее большинство кувшинов с четырехгранным туловом имеют «восточный» тип венчика (тип 2). Возможно, такая сложная карта находок кувшинов с разными типами венчиков объясняется разнообразием торговых путей, по которым перевозимые в них продукты поступали в разные центры Римской империи. Кроме того, следует учитывать тот факт, что сиро-палестинские стеклоделы активно перемещались в это время по всей Римской империи и основывали в западных провинциях свои мастерские, где применяли привычные им технологии. Этим, возможно, объясняется присутствие кувшинов с муфтообразным венчиком (тип 2b) на некоторых западных памятниках [102, p. 169, sl. 13–15; 66, pl. 33,527 и т.д.]; обширный список находок сосудов с венчиком типа 2 приводит Н.П. Сорокина [21, с. 218]. Возможно, и западные мастера, в свою очередь, переезжали в восточные провинции, например, вслед за подразделениями римских войск.

К. Айсингс выделила кувшины с четырехгранным туловом в форму 50, которую разделила на два варианта: маленькие (форма 50a) и большие (форма 50b)[2] [74, p. 63]. Однако, бутыли отличались друг от друга не только размерами, но и пропорциями, поэтому Д. Чарльзворт, Х. Кул и Дж. Прайс дополнительно к двум группам К. Айсингс выделили еще и третью, которую составляют высокие узкие сосуды (форма B по Д. Чарльзворт) [43, p. 28; 49, p. 180]. Разделение сосудов на группы в соответствии с их размерами и пропорциям достаточно условно, границы между группами размыты.

Клейма. На многих кувшинах рассматриваемой формы имеются рельефные изображения (далее – клейма). Плитки с врезными изображениями, использовавшиеся для получения таких клейм, обнаружены во многих стеклоделательных мастерских в западных провинциях Римской империи [28, p. 182, 184–185, fig. 4, 5; 47, p. 375; 4, p. 7, 9]. Среди клейм доминируют концентрические окружности, одинаково распространенные как на Востоке, так и в западных провинциях Римской империи. Судя по находкам большого количества кувшинов с такими клеймами в датированных погребениях некрополей Задара, Нина, Стариграда и Ассерии, они появляются в середине I в. и бытуют на протяжении всего II столетия [54, p. 207, fig. 2].

Реже встречаются другие геометрические мотивы большей или меньшей сложности (звезды, розетки, ромбы), растительные или фигуративные изображения[3]. Иногда на донья помещали отдельные буквы или надписи, как правило, имена в номинативе[4] или генитиве, или сочетания букв, за редким исключением не поддающиеся расшифровке. Надписи появляются, скорее всего, на сосудах западного производства; сосуды с греческими надписями происходят из более поздних контекстов [98, p. 82]. На поздних экземплярах (середины III – начала V в.) встречаются хризмы и мальтийские кресты [88, p. 59, cat. no. 52; 98, p. 84 fig. 1,1,3; 54, p. 209, fig. 7,43–45]. Часто изображения сочетались с небольшими рельефными окружностями, полусферическими выпуклостями или L-образными выступами в углах, призванными, по-видимому, обеспечивать устойчивость сосуда.

Назначение изображений на дне не до конца понятно. Наиболее распространено мне-

[2] Высота больших кувшинов иногда достигала 40 см, хотя встречаются редкие экземпляры высотой до 52 см, минимальная высота известных на сегодняшних день сосудов формы 50a – 5 см [43, p. 29].

[3] На Пиренейском полуострове, например, были распространены изображения животных, бюстов божеств, пальм и проч. [28, p. 188]. Большое разнообразие сложных фигуративных клейм происходит из раскопок различных памятников на территории Галлии [56].

[4] Известны такие имена греческого или малоазийского происхождения, помещенные на дне квадратных сосудов, как Германос, Александрос, Исидорос, Бассос, Теодорос, Зосимос и другие [2, с. 63, кат. № 136; 15, с. 40].

ние, что они служили знаком владельца стеклоделательной мастерской, которая делала эти сосуды [88, p. 59; 42, p. 62 и др.], или знаком изготовителя формы для выдувания [103, p. 112], или торговой маркой поставщика первоначального содержимого сосуда. Последнему соответствуют клейма производителей вина на римских амфорах [74, p. 64; 49, p. 180–181; 67, p. 22]. Не исключают также, что знаки на бутылях означали продукт, перевозимый в сосудах [54, p. 206; 83, p. 301; 94, p. 109]. Что касается надписей, то предполагается, что это либо имена стеклоделов или названия мастерских[5], либо имена поставщиков товаров. Символы или буквы на дне, означающие торговую марку, могли служить гарантией качества как самого сосуда, так и содержащегося в нем товара [83, p. 301; 15, с. 39].

Датировка. Поскольку к середине I в. кувшины с четырехгранным туловом уже были широко распространены в провинциях, появляются они в первой половине столетия [74, p. 64; 19, с. 228]. В Аугсте самые ранние экземпляры таких сосудов происходят из комплексов, датирующихся временем после 30-х гг. [62, S. 427], в Козе I (Тоскана, Италия) – не ранее 40–45 гг. [66, p. 190].

В комплексах периода правления Клавдия (41–54 гг.) они встречаются редко, к началу правления Нерона (54–68 гг.) их начинают производить в несколько больших количествах, а к концу его правления их производство, по-видимому, резко возрастает: в больших количествах их находят в фортах, строительство которых связывают с продвижением Флавия на север Британии в начале 70-х гг., и в слоях разрушения, образовавшихся в результате извержения Везувия в Помпеях [62, S. 428; 47, p. 374].

Пик бытования кувшинов с четырехгранным туловом приходится на период между ок. 70 и 120/130 гг., но используют их до III в. включительно [74, p. 65–66; 19, с. 228; 43, p. 30; 49, p. 185; 68, p. 237; 73, p. 72; 62, S. 427, 428; 41, p. 173, fig. 5,119–120; 99, p. 43; 47, p. 374]. Так, довольно значительное количество квадратных бутылей и банок, в том числе с рельефными изображениями на дне, найдено на афинской агоре в слое разрушения Афин герулами (267 г.) [103, p. 13, 110, 131–133, cat. nos. 275–295]. В Ариканде (Ликия, пров. Анталья в Турции) в слоях, довольно узко датируемых между 241 и 273 г., также было найдено довольно большое количество их фрагментов [98, p. 82].

Следует отметить, что динамика распространения рассматриваемых сосудов варьировалась от региона к региону. В Фессалониках, например, в I в. выдутые в форму сосуды встречаются довольно редко и происходят, главным образом, из слоев разрушения времени правления Домициана (81–96 гг.). Пика бытования там они достигают в начале II в., но быстро выходят из употребления и в течение III в. практически не встречаются [30, p. 252].

В северо-западных провинциях Римской империи кувшины с четырехгранным туловом выходят из употребления, скорее всего, в первой половине III в. Самые поздние экземпляры происходят из погребений Камбрии (Британия), датируемых приблизительно 220/230–270/280 гг. [103, p. 13].

В Средиземноморье сосуды с четырехгранным туловом, естественно, с соответствующими хронологическими изменениями, бытовали значительно дольше. Они найдены в Сардах в слоях, содержащих монеты Валентиниана I (364–375 гг.) [88, p. 28–29, no. 177, pl. 22]. Свидетельства бытования таких сосудов в IV, V и даже VI в. имеются в Афинах [103, p. 110, cat. nos. 275–295]. Опубликованы клейма на квадратных сосудах, датирующиеся концом IV – началом V в., из Ариканды в Ликии, где их находки настолько многочисленны и разнообразны, что логично предположить возрождение в Малой Азии производства квадратных бутылей с рельефными клеймами на дне в конце IV в. [98, p. 83, 84]. Г. Вайнберг и Дж. Штерн приводят находки квадратных кувшинов в Ефесе и Хорватии, где они датируются второй половиной IV в., на Сардинии и Фазосе, в Коринфе и Врточе Донье (Босния и Герцеговина), откуда происходят одноручные кувши-

[5] Например, буквы CC/AA и CC/PC связывают с мастерскими в Кельне [70, p. 22, fig. 8,7].

ны с воронковидным горлом и четырехгранным туловом, украшенным спиралевидным рифлением, характерным для сосудов второй половины IV в. и позже. Именно в это время в Восточном Средиземноморье появляется новый недорогой и быстрый способ, с помощью которого получали косое или реже вертикальное рифление: заготовку выдували в форму, чтобы на ней отпечатался ее рельеф, затем доставали из нее и уже способом свободного выдувания получали финальную форму сосуда (dip mould-blowing) [30, p. 252]. В Марселе простые квадратные донья происходят из слоев, датирующихся по керамике второй половиной VI – VII в. [103, p. 156–157]. В Каранисе такие сосуды имеют типичный для IV в. воронковидный венчик с оплавленным краем с жгутом стекла под ним [71, pl. XX; 43, p. 32; 51, p. 213–214].

Назначение. Считается, что кувшины с четырехгранным туловом предназначались преимущественно для перевозки и хранения различных продуктов, главным образом, вина и масла[6]. Конечно, для перевозки на дальние расстояния лучше подходили традиционные глиняные амфоры и деревянные бочки, а стеклянную тару, цилиндрические и граненые бутыли, использовали, скорее всего, во внутрирегиональной торговле, когда на относительно близкие расстояния надо было перевезти небольшое количество товара.

Предполагается также, что в римских лагерях небольшим подразделениям солдат, которые жили и готовили вместе, не было необходимости хранить под рукой амфоры с вином или маслом. Поэтому продукты, привозившиеся в лагерь в больших транспортных амфорах, переливали в стеклянные бутыли и раздавали по подразделениям. Подтверждает это предположение информация, содержащаяся в деревянных табличках из Виндоланды, военного лагеря на севере Англии (подробно см. [47, p. 81]).

Однако в таких сосудах, по-видимому, перевозили не только вино или масло, и не только на близкие расстояния. Логично предположить, что в них могли перевозить какие-то лекарственные средства или дорогие благовония [19, с. 228; 39, fig. 17, 18; 54, p. 206; 15, с. 39]. Рациональнее это было делать в небольших емкостях. Существует предположение, что в них перевозили знаменитые римские соусы, маринады или ликеры [98, p. 82]. Предполагают также, что в больших бутылях могли перевозить какие-то твердые продукты [47, p. 374].

Для хранения и перевозки квадратные сосуды подходили как нельзя лучше, поскольку квадратные емкости было значительно легче упаковать в ящики и контейнеры[7], чем сосуды округлой формы. Этому же способствовала широкая, согнутая под прямым углом ручка, не выступающая за границы профиля сосуда, и отсутствие каких бы то ни было выступов. Кроме того, само стекло имеет ряд преимуществ по сравнению с другими материалами: его прозрачность позволяет видеть содержимое сосуда, у него нет запаха, который может испортить вкус продукта; стеклянный сосуд легко помыть перед очередным использованием без опасений, что остатки прежде содержавшегося в нем продукта испортят вкус нового, поскольку в отличие от глины стекло не абсорбирует содержимое.

Хрупкость стекла компенсировалась значительной толщиной стенок, делавшими такие сосуды достаточно прочными, что позволяло неоднократно использовать их на протяжении значительного периода времени. Об этом свидетельствуют следы изнашивания на некоторых экземплярах [49, p. 179; 55, p. 30; 47, p. 374].

Подобные бутыли, конечно, могли использовать и в качестве столовой посуды, хотя имелось большое количество более подходящих для такого применения форм, сделанных из более тонкого стекла. Иногда сосуды этой серии в конце концов использовались в качестве погребальных урн. Такая практика была более характерна для Европы [71, p. 238; 43, p. 26; 49, p. 179; 98, p. 82; 103, p. 110; 51, p. 213–214; 41; 101, p. 259; 70, p. 16, 19; 47, p. 374]. В Восточном Средиземноморье случаи такого использования встречаются значительно реже [98, p. 82]. Гораздо чаще квадратные бутыли попадали в погребения

[6] Подтверждением тому, что в таких бутылях могли перевозить и хранить масло, служит находка в Помпеях квадратных бутылей с его остатками [90, p. 553–554, 557–558].

[7] В Помпеях, в доме Менандра эти сосуды были найдены стоящими в ящике [19, с. 228].

в качестве погребальных даров [54, p. 207; 82; 69, p. 146; 79, p. 256 и т.д.). В западной части Римской империи такая практика становится особенно популярной во II – начале III в.: иногда в могилах этого времени находят до пяти кувшинов [70, p. 22, fig. 8,7]. Особенно показательны в этом плане пять богатых погребений последней четверти I – первой четверти II в., открытых на некрополе Ulpia Noviomagus (совр. Неймеген в Нидерландах). Из 85 обнаруженных там стеклянных сосудов большую часть (46 сосудов) составляли сосуды с квадратным, шестигранным и цилиндрическим туловом [77, p. 69–70, fig. 1, 3, 4]. Много таких сосудов было найдено в погребениях на некрополе Пантикапея [18, с. 222; 8, кат. № 163–168 и т.д.].

Производственные центры. В Восточном Средиземноморье предполагается производство четырех-, шести- и восьмигранных бутылей в Сирии, на Кипре (кипрские сосуды, хранящиеся в музее Метрополитен, К. Лайтфут датирует II–III вв.) [19, с. 222, рис. 10,1–4; 43, p. 32; 55, p. 30; 80, p. 55, cat. nos. 31–35]. Еще одним предполагаемым центром их производства в регионе был Пергам [94, S. 111, Taf. 5,45]. Предполагается их производство в Египте до IV в. включительно [43, p. 32]. Огромное количество стеклоделательных мастерских, выпускавших четырехгранные кувшины, открыто в западных провинциях Римской империи. В Испании и Португалии они выявлены в Аугусто Брига, Конимбриге и Аугуста Эмерита [28, p. 188–189]. С конца I в. функционировала стеклоделательная мастерская Айгельштайн в Кельне, которая среди прочего производила четырехгранные бутыли формы 50a с грибовидным венчиком и квадратные банки формы 62 по К. Айсингс [70, p. 16, 19, fig. 6,4; 8,7; 50, p. 436, 440]. Следы производства квадратных бутылей выявлены в Майнце [28, p. 185]. Во второй половине I в. их делали в Швейцарии в Тичино и Аугсте/Кайзераугсте (Августа Раурика) [28, p. 185; 62, S. 25–35], во Франции в Сенте и Лионе, где располагался один из крупнейших стеклоделательных центров I в. [29, p. 495, fig. 3.4; 50, p. 436, 438], в Аквилее и Аосте на севере Италии [28, p. 187–188; 29, p. 495, fig. 1]. Бутыли с четырехгранным туловом, отогнутым венчиком с загнутым внутрь краем и несколькими концентрическими окружностями на дне производили во второй половине II – начале IV в. в одной из стеклоделательных мастерских Либурнии (запад совр. Хорватии) [53, p. 333, fig. 1,9]. Предполагается, что четырехгранные бутыли с разнообразными клеймами на дне входили в ассортимент продукции мастерской, расположенной в Далмации где-то в районе Задара и функционировавшей во второй половине I – II в. [54, p. 207–209, fig. 4–7]. Большая концентрация форм для производства сосудов с квадратным туловом обнаружена в Дакии в Colonia Aurelia Apulense, где во второй четверти II – середине III в. функционировала стеклоделательная мастерская [85, p. 179–180]. Этот список можно было бы продолжить.

Ареал. В середине I – II в. кувшины с четырехгранным туловом были широко распространены по всей Римской империи. Однако более характерны они были для западных ее провинций, где они относились к доминирующему типу стеклянных изделий. Только в Музее стекла в Задаре (Хорватия) хранится более 400 целых сосудов [54, p. 206]. Обширные списки находок таких кувшинов приводят К. Айсингс, Д. Чарльзворт, Х. Кул и Дж. Прайс, Г. Вайнберг и Е. М. Штерн, А. Антонарас и др. [74, p. 63–66; 43, p. 30–31; 49, p. 179–199; 103, p. 112; 31, p. 116–117]. На наш взгляд, нет смыла дополнять упомянутые списки перечнем новых находок в западных провинциях империи, который будет бесконечным. Ограничимся находками в восточных частях империи, где наблюдается совсем другая картина: сосуды с четырехгранным туловом, как выдутые в форму, так и выполненные в технике свободного выдувания, к числу доминирующих в этом регионе не относились [103, p. 111].

На Кипре в Неа Пафосе в кухонной кладовке, разрушенной землетрясением первой половины II в., найдены 5 фрагментов сосудов с четырехгранным туловом, 4 – формы 50b и один – 50a. Венчики кипрских сосудов имеют загнутый внутрь край, донья четырех экземпляров украшены концентрическими окружностями, а одного – небольшими кружками в углах и розеткой [83, p. 301, fig. 16, 17]. В Турции некоторое количество

кувшинов с четырехгранным туловом хранится в музейных коллекциях. В музее Медуза в Газиантепе хранится несколько квадратных сосудов разных пропорций с загнутым внутрь или отогнутым наружу краем [73, p. 72–73, cat. nos. 127–129]. В музее Самсуна (север Турции) хранится три кувшина с четырехгранным туловом: два выполнены в технике свободного выдувания и один, с венчиком типа 2a, выдут в форму [99, p. 43, cat. nos. 1–3]. Из Пергама происходят несколько фрагментов доньев с рельефными буквами и окружностями по углам и 2 практически целых кувшина, выполненные в технике свободного выдувания [95, S. 168, 170, Taf. 4,35; 6,51,52]. В Себасте обнаружено несколько фрагментов доньев сосудов с четырехгранным туловом [63, p. 246, fig. 5,3–7]. Несколько фрагментов квадратных бутылей найдено в Бейруте, в том числе фрагмент дна с тремя концентрическими окружностями на дне [76, p. 116, fig. 5.30,1–3]. Найдены кувшины с четырехгранным туловом в Дура Европос [46, p. 117–118, pl. 13] и Кусейр ал-Кадиме на Красном море [84, p. 32].

Удивительно мало таких кувшинов известно по раскопкам на территории Израиля. Нам известен один экземпляр, найденный в слое разрушения I или начала II в. [65, p. 273, fig. 1,7].

Представлены они в различных центрах Западного Причерноморья. В Томах выявлены квадратные бутыли с загнутым внутрь (тип 1a) и отогнутым вниз/вверх краем (тип 2b) [38, p. 29–32, type IV–V, no. 10–18; 51, p. 213–214, fig. 13a]. Известны они по раскопкам в Каллатисе [44, p. 532], Малаешты [97, p. 146, fig. 4,5,6], Дионисополисе, Одессосе и Анхиалосе [34, p. 42], Месамбрии и Аполлонии [10]. Большое количество кувшинов с четырехгранным туловом, среди которых лишь один имел венчик типа 2b, остальные – венчик типа 1a, найдено в Дуросторуме в нижнем течении Дуная [35, p. 65–74, cat. nos. 77–108, pl. XXVI,2–5 – XXXIV].

Что касается Северного Причерноморья, то сосуды с квадратным туловом найдены здесь практически на всех памятниках региона, хотя и не в таких количествах как в западных центрах. Известны находки двух доньев с тремя и четырьмя концентрическими окружностями, первое – с полусферическими выступами по углам, второе – с небольшими окружностями по углам и в центре, из Тиры [16, с. 52, рис. 4,2,3]. Находки таких сосудов в Ольвии упоминает Н. П. Сорокина [19, с. 228, 229, рис. 12,4–8]. 20 фрагментов сосудов с четырехгранным туловом найдены на Козырском городище (Николаевская область Украины), все в слое второго этапа жизни поселения и, соответственно, датируются временем от середины II до середины III в. Среди них два донца с клеймами: одно – с тремя рельефными концентрическими окружностями в центре и кружками в каждом из четырех углов, второе – с рельефной окружностью и L-образными фигурами по углам. Оба сосуда выполнены из стекла интенсивно-голубого цвета [3, с. 119–120, табл. XII,35]. Один кувшинчик найден на могильнике Валовый I на Нижнем Дону [23, с. 161–162, рис. 5,2–3; 100, p. 19, fig. 5,5]. Фрагменты кувшинов с квадратным туловом выявлены в комплексах конца I – начала II в. в Танаисе [19, с. 222–223, 226, 228, рис. 10,1–5; 27, с. 187–189, табл. VII,94–96; VIII]. В Горгиппии 6 кувшинов разных пропорций найдены погребениях I в. [9, с. 160, рис. 6,23; 1, с. 74–75, табл. 53, 54, 66–70, 72]. Из них три имели венчики «восточного» типа и три – «западного». Еще один фрагмент верхней части тулова такого сосуда с венчиком типа 1a происходит из скопления стекольного боя, найденного в подвале дома, погибшего при пожаре около 240 г., и предназначенного для продажи для вторичной переплавки или собранного для нужд стекловарения на месте [1, с. 33, 37, табл. 26,1; 12, с. 81]. Выявлены они и в могильнике на мысе Тузла [17, с. 42, табл. 12,3,4; 9, с. 160, рис. 6,20]. Два кувшина найдены в погребениях некрополя Нимфея. Оба с венчиками типа 1 и с клеймами на дне (на одном – две концентрические окружности и окружности по углам, на втором – две концентрические окружности, диагональный крест и полусферические выпуклости по углам) [7]. Находки целых и фрагментированных кувшинов известны на территории Херсонеса [6, с. 90–91, рис. 58,3; 15], через который, скорее всего, они попадали в Юго-Западный Крым. В могиль-

нике Бельбек IV два кувшина с четырехгранным туловом найдены в погребениях первой половины II в. (маленький, высотой 10 см, с венчиком типа 1а и рельефными окружностями с полусферическими выступами по углам и в центре) и третьей четверти II в. (небольшой, высотой 12,2 см, из оливкового стекла, с венчиком 1а и клеймом в форме шестилепестковой розетки на дне) [4, с. 71, 134, 168, табл. 45,10; 232,6; 148,6; 301] [8]. В могильнике «Совхоз № 10» близ Херсонеса два кувшина с четырехгранным туловом и, судя по рисунку одного из них, венчиком типа 1 найдены в погребениях второй половины I – первой половины II в. [22, с. 123–124, табл. 8; XXIX,31; 15, с. 38–39, табл. 2,6; рис. 1,1]. Фрагмент дна с клеймом в виде четырех концентрических окружностей и полусферическими выпуклостями по углам найден в храме Юпитера Долихена в римском лагере в Балаклаве [15, с. 38, табл. 2,2].

Несколько кувшинов с четырехгранным туловом, к сожалению, депаспортизированных, хранится в Центральном музее Тавриды: один с концентрическими окружностями на дне, судя по форме венчика, западного происхождения [24, с. 45, кат. № 12] и четыре – восточно-средиземноморского, в том числе с клеймом в виде небольших окружностей по углам и в центре, все – без следов понтии [24, с. 29, 45–49, кат. №№ 13–16].

Но особенно много их найдено в Пантикапее [18, с. 222, рис. 6, 7; 19, с. 230, рис. 12, 15–20; 9, с. 156, 161, рис. 5,27–28в; 7,23; 20, с. 269, рис. 1,11; 7, с. 121; 8, кат. № 163–168; 5, с. 103, рис. 4,56 и т.д.], откуда происходит большая часть кувшинов с четырехгранным туловом, хранящихся в Государственном историческом музее.

Коллекция из собрания ГИМ распадается на две группы: приземистые кувшинчики, тулово которых в большей или меньшей степени близко к кубу (форма А), и стройные высокие сосуды (форма В).

1. ГИМ 64013; Оп. Б 1357/1. Кавказ, ближе неизвестно. Покупка у О. С. Долговой 12.07.1928 г. Кувшинчик с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с загнутым вниз-вверх (муфтообразным) венчиком (тип 2b) и оплавленным краем (рис. 1,*1*). Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена чуть ниже венчика и к плечикам сосуда в месте их перехода к тулову. Дно плоское гладкое. Стекло с зеленоватым оттенком и единичными мелкими светлыми пузырьками. Радужная побежалость, местами с золотистым оттенком. Значительные утраты на тулове. Высота сосуда – 8,5 см; диаметр венчика – 3,3 см; диаметр горла – 2,15 см; ширина граней тулова – 6,1 см; ширина ручки в самом узком месте – 1,7 см; толщина ручки – 0,4 см.

2. ГИМ 78444; Оп. Б 501/104. Место находки неизвестно. Происходит из коллекции, преданной из НКВД в октябре 1936 г. Кувшинчик с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с загнутым наружу-внутрь грибовидным венчиком (тип 1b) и оплавленным краем (рис. 1,*2*). Горло резко переходит к покатым плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена под венчиком и частично к нему и плечикам сосуда. Дно плоское. Стекло оливковое, практически без пузырьков. Радужная побежалость; местами – серебристая пленка продуктов выветривания. Высота сосуда – 8,6 см; диаметр венчика – 3,15 см; диаметр горла – 1,8 см; ширина граней тулова – 6,1/6,2 см; минимальная ширина ручки – 1,2 см; толщина ручки – 0,4 см.

3. ГИМ 49472; Оп. Б 99/51. Таманский полуостров, Тузлинский некрополь, могила 81, раскопки В. В. Шкорпила 1911 г. [26, с. 31; Отношение ИАК № 121 от 23.01.1915 г.]. Был опубликован Н. П. Сорокиной [17, с. 42, рис. XII,3]. Кувшин с четырехгранным туловом, цилиндрическим слегка раздутым горлом с загнутым вниз-вверх венчиком, верхняя поверхность которого как бы приплюснута (тип 2b) (рис. 1,*3*). Горло резко переходит к слегка вогнутым плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена под венчиком и к плечикам сосуда; на внешней поверхности верхней части ручки – нить стекла, образовавшаяся при формовке ручки. Дно плоское. Стекло с зеленоватым оттенком и единичными мельчайшими светлыми пузырьками, сферическими

[8] Оба эти кувшина также хранятся в собрании ГИМ, но не вошли в нашу публикацию, поскольку уже были изданы ранее.

на тулове и эллиптическими вертикальными, сильно вытянутыми на горле и ручке. Радужно-серебристая пленка продуктов выветривания. Высота сосуда – 19,4 см; диаметр венчика – 3,2 см; диаметр горла – 2,2 см; ширина граней тулова – 5,6 см; минимальная ширина ручки – 1,5 см; толщина – 0,45 см.

4. ГИМ 51921; Оп. Б 981/19. Керчь, покупка В. И. Сизова. Кувшин с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с загнутым вниз-вверх венчиком (тип 2b) и оплавленным краем (рис. 2,*1*). Горло резко переходит к горизонтальным слегка вогнутым плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена под венчиком и частично к нему и плечикам сосуда. Дно плоское с тремя рельефными концентрическими окружностями; в углах – рельефные окружности с легкой выпуклостью в центре. Стекло с зеленоватым оттенком, очень чистое, практически без пузырьков. Радужная побежалость, местами – плотный радужно-серебристый слой продуктов выветривания. Высота сосуда – 12,35 см; диаметр венчика – 5,3 см; диаметр горла – 3,65 см; ширина граней тулова – 9,5 и 7,0 см; минимальная ширина ручки – 3,0 см; толщина – 0,55 см.

5. ГИМ 28789; Оп. Б 55/11. Керчь, раскопки Ю. А. Кулаковского 1891 г. (Отношение ИАК № 1413 от 5.10.1893 г., № 21). Сосуд был опубликован Н. П. Сорокиной [19, с. 239, рис. 12,15]. Кувшин с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с отогнутым вниз-вверх муфтоообразным венчиком (тип 2b); верхняя поверхность венчика как будто приплюснута (рис. 2,*2*). Горло под прямым углом переходит к покатым плечикам. Под венчиком и частично к нему и плечикам прикреплена уплощенная ручка с ребрами по краям и складкой у верхнего прилепа. Дно слегка вогнуто, с тремя рельефными концентрическими окружностями с еле заметной сферической выпуклостью в центре. Стекло с зеленоватым оттенком и мелкими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и вертикальными эллиптическими на горле. Радужно-серебристый слой продуктов выветривания. Высота сосуда – 13,2 см; диаметр венчика – 4,4 см; диаметр горла – 2,8 см; ширина граней тулова – 7,8 см; минимальная ширина ручки – 2,6 см; толщина – 0,6 см.

6. ГИМ 42417; Оп. Б 70/15. Керчь, раскопки К. Е. Думберга 1900 г., гробница 28[9]. Кувшин с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с загнутым вниз-вверх венчиком (тип 2b) с приплюснутой верхней поверхностью (рис. 2,*3*). Горло резко переходит к горизонтальным слегка вогнутым плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена под венчиком и частично к нему и плечикам сосуда. Дно слегка вогнуто и как бы слегка помято; в углах рельефные окружности. Стекло с зеленоватым оттенком и мельчайшими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и эллиптическими вертикальными, сильно вытянутыми на горле и ручке. Радужно-серебристая пленка продуктов выветривания. Склеен из нескольких крупных фрагментов; один из углов частично утрачен. Высота сосуда – 14,2 см; диаметр венчика – 4,6 см; диаметр горла – 3,3 см; ширина граней тулова – 8,7 см; минимальная ширина ручки – 2,7 см; толщина – 0,5 см.

7. ГИМ 54791; Оп. Б 605/623. Место находки неизвестно. Из коллекции А. С. Уварова. Фрагмент кувшина с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с отогнутым наружу, загнутым вниз-вверх и в сторону оплавленным краем (тип 2a); верхняя поверхность венчика как бы приплюснута (рис. 2,*4*). Горло резко переходит к горизонтальным слегка вогнутым плечикам. Ручка уплощенная со слабо выраженными округлыми ребрами по краю и складкой у верхнего крепления, прикреплена под венчиком и частично к нему и плечикам сосуда. Стекло с зеленоватым оттенком и единичными мельчайшими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и эллиптическими вертикальными, сильно вытянутыми на горле и ручке. Радужно-белесая пленка продуктов выветривания, местами радужная побежалость. Диаметр венчика – 4,2 см; диаметр горла – 2,6 см; ширина ручки в самом узком месте – 2,2 см; толщина – 0,3 см.

[9] Среди инвентаря из этой могилы, перечисленного в Отношении Археологической комиссии, значатся «3. Простая медная пряжка; 4. Буса из голубой пасты; 3. Две стеклянные слезницы; 4. Два стеклянных квадратных штофа», причем в описи напротив «штофов» есть приписка «посылается один» (Отношение ИАК № 493 от 06.03.1904 г.).

Вторая группа объединяет стройные высокие кувшины (форма В), ширина которых значительно меньше высоты. У них такие же ручка, венчик и дно, как и у сосудов первого варианта (форма А). Считается, что форма В появляется несколько позже сосудов формы А – самые ранние экземпляры относятся к периоду Флавиев. Часто встречаются в Помпеях и Геркулануме. Бытуют на протяжении II и III вв. Самая поздняя находка происходит из Кельна из контекста первой половины IV в. [74, p. 66].

8. ГИМ 21280; Оп. Б 1792/119. Керчь. Покупка у торговца древностями Е. Р. Запорожского (№ 542), поступил в музей 5.01.1891 г. Кувшин с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом и отогнутым вниз-вверх венчиком (тип 2b) с оплавленным краем (рис. 3,*1*). Горло резко переходит к горизонтальным слегка вогнутым плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена чуть ниже венчика и к плечикам сосуда; из верхнего прилепа выходит нить. Дно плоское гладкое, с еле заметной вогнутостью. Стекло с зеленоватым оттенком и мелкими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и эллиптическими вертикальными на горле и ручке. Радужная побежалость, местами с золотистым оттенком. Высота сосуда – 18,8 см; диаметр венчика – 4,2 см; диаметр горла – 2,85–3,0 см; ширина граней тулова – 6,9 см; минимальная ширина ручки – 2,5 см; толщина – 0,5 см.

9. ГИМ 17337; Оп. Б 33/34. Керчь. Покупка у торговца древностями Е. Р. Запорожского, поступил в музей 24.08.1888 г. Кувшин с четырехгранным туловом, цилиндрическим горлом с отогнутым вниз-вверх венчиком (тип 2b) и оплавленным краем (рис. 3,*2*). Горло резко переходит к горизонтальным слегка вогнутым плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена под венчиком и частично к нему и плечикам сосуда. Дно плоское с круглым углублением в центре, как бы обрамленным рельефной окружностью; в углах дна – четыре рельефные окружности с полусферической выпуклостью в центре. Стекло с зеленоватым оттенком с единичными мельчайшими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и эллиптическими вертикальными, сильно вытянутыми на горле и ручке. Белесая пленка продуктов выветривания, местами радужная побежалость. Высота сосуда – 18,0 см; диаметр венчика – 4,45 см; диаметр горла – 3,1 см; ширина граней тулова – 6,9–7,0 см; минимальная ширина ручки – 2,4 см; толщина – 0,45 см.

Несколько особняком стоят два кувшина, отличающиеся от остальных более высоким относительно тулова горлом, что, по мнению Д. Чарльзворт, является признаком кипрского происхождения сосуда [43, p. 33].

10. ГИМ 21281; Оп. Б 1792/120. Керчь. Покупка у торговца древностями Е. Р. Запорожского (№ 543), поступил в музей 5.01.1891 г. Кувшин с четырехгранным туловом, высоким цилиндрическим горлом с отогнутым вниз-вверх венчиком (тип 2b) (рис. 3,*3*). Горло резко переходит к горизонтальным плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям и треугольным выступом в центре внешней стороны прикреплена к верхней части горла и плечикам сосуда. Дно плоское гладкое. Стекло с зеленовато-голубоватым оттенком, очень чистое, с редкими мелкими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и эллиптическими вертикальными на горле и ручке. Легкая радужная побежалость. Высота сосуда – 20,0 см; диаметр венчика – 4,65 см; диаметр горла – 3,3 см; ширина граней тулова –7,6 см; минимальная ширина ручки – 2,1 см; толщина – 0,5 см.

11. ГИМ 49472; Оп. Б 99/51. Таманский полуостров, Тузлинский некрополь, могила 72, раскопки В. В. Шкорпила 1911 г. [26, с. 31; Отношение ИАК № 121 от 23.01.1915 г.]. Был опубликован Н. П. Сорокиной [17, с. 42, рис. XII,4]. Кувшин с четырехгранным туловом, высоким цилиндрическим еле заметно раздутым горлом с отогнутым вниз-вверх венчиком (тип 2b) (рис. 3,*4*). Горло резко переходит к горизонтальным плечикам. Уплощенная ручка с округлыми ребрами по краям прикреплена под венчиком и к плечикам сосуда. Дно слегка вогнутое гладкое. Стекло с зеленовато-голубоватым оттенком, очень чистое, с редкими мелкими светлыми пузырьками, сферическими на тулове и эллиптическими вертикальными на горле и ручке. Легкая радужная побежалость. Высота сосу-

да – 14,1 см; диаметр венчика – 3,6 см; диаметр горла – 2,6 см; ширина граней тулова – 6,4 см; минимальная ширина ручки –1,5 см; толщина – 0,5 см.

Банки с четырехгранным туловом

Банки с четырехгранным туловом представлены в собрании ГИМ лишь одним экземпляром.

12. ГИМ 28740; Оп. Б 117/38. Это банка с квадратным туловом, воронковидным венчиком с обрезанным зашлифованным (?) краем и вогнутым коническим в сечении дном (рис. 4,*1*). На нижней поверхности дна – клеймо: широкая рельефная окружность, слабо выраженные полусферические выступы по углам и рельефная надпись[10], читающаяся (по часовой стрелке) M AΞ I MO Y, т.е. имя Максим в генитиве[11]. След от понтии в виде окружности-налепа диаметром 1,6 см. Стекло с зеленоватым оттенком со светлыми мелкими, средних размеров и крупными сферическими и вертикальными эллиптическими пузырьками. Радужно-серебристая пленка продуктов выветривания. Два скола на венчике. Высота сосуда – 11,4 см; диаметр венчика – 6,6 см; диаметр горла – 4,7 см; ширина сторон тулова – 7,7–7,9 см.

Сосуд найден К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1892 г. в одном из погребений некрополя Херсонеса у южной оборонительной стены в 1892 г. Происходит из контекста, датируемого временем не позднее середины III в. [11, с. 116, рис. 72; 15, с. 37].

Банки с четырехгранным туловом (форма 62 по Айсингс [74, p. 81]) встречаются значительное реже кувшинов с аналогичным туловом, почти неизвестны на Востоке и более характерны для Италии, Паннонии, Галлии и вдоль Рейна [78, p. 161].

Датировка. Время их бытования в общих чертах совпадает со временем бытования кувшинов. В обиход они входят около середины I в. В Аугуста Раурике, например, самые ранние их экземпляры происходят из контекстов 40–60 гг. [62, S. 396]. Одна из мастерских, производивших банки с клеймом CC/PC, с конца I в. располагалась в Кельне [78, p. 161]. В данном случае речь идет о банках с характерным почти вертикальным широким воротничковым венчиком с двойными стенками [62, S. 396, Abb. 534; 50, p. 57, fig. 2.11,38]. Что же касается банок с воронковидным венчиком и оплавленным краем, то в обиход они входят несколько позже – не ранее II столетия.

Пика бытования банки достигают в период Флавиев (69–96) (их в изобилии находят в Помпеях и Геркулануме). Популярность сохраняют и во II в. [78, p. 161; 103, p. 115]. Точно не установлено, когда они выходят из употребления. В Аугуста Раурике они бытуют до начала III в., в других регионах – до конца III в. [40, p. 180]. На афинской агоре три банки с четырехгранным туловом найдены в слое разрушения Афин герулами в 267 году [103, p. 115, cat. 296, 297], но судя по находкам в Равенне, Венгрии, Израиле, Сирии, Турции и в Фессалониках их продолжают производить и в IV–V вв. [74, p. 81; 33, S. 155–156, no. 349, Taf. XXXII, XCI; 52, p. 92, form BVII. 2425, pl. 18,15; 81, p. 198–199, nos. 133–134; 103, p. 115; 30, p. 251–252, fig. 2,17; 16; 31, p. 132–133].

Использование. Как и кувшины с четырехгранным туловом, банки были полифункциональны. Их использовали для хранения и перевозки различных продуктов, в частности косметических и лекарственных средств [39, p. 96, fig. 18]. Входное отверстие многих банок по ширине почти совпадает с шириной тулова, поэтому можно предположить, что их использовали для хранения твердых и полутвердых продуктов питания. Возможно, такие банки использовали для консервации. Древнеримский автор Колумелла в трактате «О сельском хозяйстве» (лат. *«De re rustica»*) пишет, что консервы лучше хранить в многочисленных небольших сосудах, а не в нескольких больших. Когда часть хранящегося в банке продукта доставали для потребления, остатки нужно было хорошо утрамбовать, т.к. продукт остается свежим, когда он не плавает на поверхности, а покрыт жидкостью [Columella Rust. 12.4.4–5]. Колумелла писал это около 60 года,

[10] Клеймо опубликовано без привязки к сосуду [11, с. 116, рис. 72; 25, с. 96, рис. 3,8; 15, с. 37, табл. 1,5].

[11] Авторы глубоко признательны Андрею Юрьевичу Виноградову за прочтение надписи.

т.е. приблизительно в то время, когда квадратные и цилиндрические стеклянные банки наводнили рынок. Большие банки иногда вторично использовали в качестве погребальных урн [103, p. 115; 78, p. 161].

Ареал. Банки с аналогичным экземпляру из ГИМ с воронковидным широким горлом с оплавленным краем известны по раскопкам в Паннонии. Три найдены в Интерцизе: условия находки двух неизвестны, третья также с воронковидным горлом, но с загнутым внутрь краем, происходит из контекста III в. Еще одна, условия находки которой, к сожалению, неизвестны, найдена в Аквинкуме. К этой же группе банок Л. Баркоци причисляет небольшой экземпляр высотой 6,2 см из Паннонии, который он датирует III–IV вв. [33, S. 155–156, Taf. XXXII, 349–350]. Аналогичные гимовскому экземпляру банки II в. с отогнутым венчиком и оплавленным краем зафиксированы в Дрново и Эмоне [78, p. 158–159, 160–161, fig. 46,7.1.2].

К сожалению, неизвестны место и контекст находки аналогичной банки с воронковидным горлом, оплавленным краем и цветочным рельефным изображением на дне, хранящейся в Археологическом музее в Сплите [40, p. 186, pl. 3, CRO-SP 11]. Очень схожие выдутые в форму банки высотой около 9,0 см, с воронковидным горлом, оплавленным краем и плоским дном с клеймом на одном из экземпляров найдены в Фессалониках [30, p. 251–252, fig. 2,17; 16; 31, p. 132–133, 211, cat. nos. 439–441, pl. 15,430–440]. Точные аналогии гимовской банке происходят из комплекса времени разгрома Афин герулами, т.е. 267 г. Два сосуда выдуты в форму и имеют клейма (свастика в ромбе и четырехлепестковая розетка) на дне, третий выполнен в технике свободного выдувания, но все три имеют воронковидное горло с оплавленным краем [103, p. 115, 133, ill. 8,296,297, pl. 26,296–298]. Находки таких сосудов зафиксированы со II в. в Кельне [31, p. 132].

Банка схожего силуэта и схожим горлом, но с загнутым внутрь краем, выполненная в технике свободного выдувания, найдена в одном из римских лагерей под Масадой и датируется, соответственно, 73/74 гг. Аналогичная банка найдена также на самой Масаде в слое периода восстания. Р. Джэксон-Тал отмечает отсутствие других подобных находок в Палестине [75, p. 75, fig. 10,27].

Два похожих сосуда хранятся в музее Медуза в Газиантеп (Турция). Один выполнен в технике свободного выдувания, второй выдут в форму [73, p. 71, 72, cat. nos. 123, 126].

Похожий экземпляр, но с более высоким воронковидным горлом и пятью округлыми выступами по углам и в центре дна хранится в музее Босры и по аналогии со схожим сосудом из Королевского музея Онтарио (Торонто) датируется концом III – началом IV в. [52, p. 92, pl. 18,2425].

Бутыли с четырехгранным туловом и воронковидным горлом

В собрании ГИМ хранятся две бутыли этого типа, найденные К. К. Косцюшко-Валюжиничем в ходе раскопок Херсонеса.

13. ГИМ 28740; Оп. Б 117/37. Раскопки 1892 г. Бутыль с квадратным слегка расширяющимся кверху туловом, воронковидным венчиком с оплавленным краем и вогнутым коническим в сечении дном (рис. 4,*2*). След от понтии в виде окружности-налепа диаметром 2,1 см. Стекло с зеленоватым оттенком и многочисленными эллиптическими вертикальными пузырьками. Радужно-серебристый слой продуктов выветривания на поверхности. Высота сосуда – 16,3 см; диаметр венчика – 5,9 см; диаметр горла – 3,9 см; ширина сторон тулова в верхней части – 5,7–5,8 см; в нижней – 5,0–5,2 см.

14. ГИМ 26945; Оп. Б 116/68. Раскопки 1891 г. Бутыль с четырехгранным туловом, воронковидным венчиком с загнутым внутрь краем и вогнутым коническим в сечении дном (рис. 4,*3*). На венчике и горле вертикальное утолщение на внешней поверхности. Стекло с зеленоватым оттенком со светлыми мелкими, средних размеров и крупными сферическими и вертикальными эллиптическими пузырьками. Радужно-серебристая пленка продуктов выветривания на поверхности. Вдоль одной из сторон дна и половины

второй – налеп в форме буквы «L». Высота сосуда – 11,9 см; диаметр венчика – 5,4 см; диаметр горла – 3,1 см; ширина сторон тулова – 3,4 см.

В принципе, во всём, за исключением пропорций, такие сосуды схожи с рассмотренными выше банками и также производились двумя способами: выдуванием в форму и в технике свободного выдувания с последующим уплощением сторон.

Аналогии этим сосудам удалось найти только на территории Турции и Сирии. Две бутыли с такими характеристиками, выполненные в технике свободного выдувания, хранятся в музее Медуза в Газиантеп [73, p. 71, cat. Nos. 124–125]. В музее города Самсун (север Турции) хранится 5 сосудов этого типа: три выполнены в технике свободного выдувания, а два выдуты в форму [99, p. 44, cat. nos. 4–8]. В Анкаре в Музее археологии и искусств Юкселя Эримтана имеются 3 аналогичные бутыли, датирующиеся IV в. и более поздним временем [81, p. 135, 198–199, cat. no. 82, 133–134]. 4 таких же сосуда, выполненные в технике свободного выдувания и датируемые IV–V вв., хранятся в музее Сиваса (Турция) [32, p. 165–166, 171, cat. no. 30, fig. 9/30]. К концу III – началу IV в. отнесли аналогичный выдутый в форму экземпляр из Сирии, хранящийся в Королевском музее Онтарио [72, p. 115–116, cat. no. 445].

Химический состав стекла находок

Изучен основной состав семи находок, хранящихся в Историческом музее. Анализ был выполнен на сканирующем электронном микроскопе Tescan Mira LMU (Тескан, Чехия) с энергодисперсионным анализатором X-Max 50 (Oxford Instruments, Великобритания) в Научном центре «Износостойкость» Московского энергетического института (Технического университета) (о методике исследования см.: [13]). В выборку вошло стекло пяти кувшинов форм A и B, с венчиками типов 2a и 2b (табл. 1,*1–5*), единственной банки (табл. 1,*6*) и бутыли с воронковидным горлом (табл. 1,*7*).

Стекло всех образцов относится к типу Na-Ca-Si и отличается низкими концентрациями оксидов магния (0.45–0.63%) и калия (0.53–0.74%), что позволяет говорить об использовании в качестве сырья при его изготовлении природной соды [89; 36]. Стекло шести из семи исследованных сосудов имеет состав, типичный для стекла сиро-палестинского происхождения. Его отличают относительно невысокие содержания оксида натрия (15.1–16.7%) и титана (менее 0.1%) при характерных для левантийского стекла содержаниях оксида алюминия (2.4–2.8%) и кальция (7.1–7.7%). Левантийское стекло в виде сырца в рассматриваемую эпоху было предметом торговли на дальние расстояния, его использовало в качестве полуфабрикатов подавляющее большинство европейских мастерских, производивших готовую посуду [64, там же ссылки на литературу]. Данное обстоятельство делает невозможным привлечение состава для определения места производства самих сосудов, позволяя понять лишь происхождение стекла, из которого они изготовлены.

В первые века нашей эры стекло левантийского производства было особенно широко распространено на территории Римской империи. Общая тенденция, выделяемая исследователями, – повышение в нем со временем содержаний оксида алюминия и снижение оксида натрия [61, там же ссылки на литературу]. Условно считается, что содержание оксида алюминия от 2.7% не характерно для стекла I – первой половины III в. и отличает, скорее, материал IV в. и позже [93], однако оценивать состав единичных образов, а не выборок, стоит с осторожностью.

Образцов с содержанием Al_2O_3 более 2.7% в выборке два. На диаграмме (рис. 5), отражающей содержание и соотношение оксидов алюминия, кальция, натрия и кремния – основных компонентов песка, использованного стеклоделами – эти образцы расположены на границе областей, которые занимают, с одной стороны, стекло из Джаламе (Израиль) IV в., где были изучены стеклоделательные мастерские [37; 86; 61], с другой – образцы из Аполлонии, где стекловаренная мастерская функционировала, предположительно, в VI–VII вв. [61]. Последние, однако, обычно не содержат обесцвечивате-

ля [61], который присутствует в изучаемых образцах. Примечательно, что повышенное (2.83%) содержание Al_2O_3 фиксируется в стекле банки (рис. 4,*1*; табл. 1,*6*), которая по археологическому контексту не может датироваться временем позднее середины III в.; данная находка происходит из Херсонеса. Отметим, что в Юго-Западном Крыму, среди материалов могильника Фронтовое 3 также была выделена группа сосудов из стекла левантийского происхождения с повышенным содержанием алюминия, не типичным для материалов, датирующихся ранее IV в. Во Фронтовом такое стекло (группа 5) распространилось с середины III в. или чуть ранее [13; 14]. Расхождения в хронологии между стеклом левантийского происхождения на территории европейских провинций Римской империи и Юго-Западного Крыма могут быть связаны либо с недостаточной изученностью, либо с разной динамикой его поступления из Леванта в Западную Европу и Северное Причерноморье, либо с одновременным существованием в Сиро-Палестинском регионе двух или нескольких стекловаренных центров, использующих в производстве песок из разных локаций – близкий, но все же не идентичный по составу. Отметим при этом, что образцы с повышенным содержанием алюминия спорадически встречаются и в европейских провинциях Империи ранее IV в. нашей эры [ссылки см.: 13, с. 83].

Повышенное содержание алюминия, не типичное для материалов, датирующихся ранее IV в., зафиксировано также в стекле фрагмента кувшина с венчиком типа 2а из коллекции А. С. Уварова (№ 7; рис. 2,*4*; табл. 1,*4*). Время наибольшего распространения кувшинов с четырехгранным туловом приходится на последнюю треть I – первую треть II в., при этом в Северном Причерноморье, судя по аналогиям, они могли встречаться до середины III в. (см. выше). Вполне возможно, что и в данном случае речь идет об использовании сиро-палестинского стекла подобного состава ранее IV в. Однако возможно и иное объяснение. В коллекцию А. С. Уварова исследуемый кувшин мог попасть не из Северного Причерноморья, а, в частности, с Кипра. В Восточном Средиземноморье подобные формы бытуют и позже, встречаясь в IV в. и в более позднее время (см. выше). При этом, на основании данных о составе стекла, верхняя дата находки может быть ограничена V в., на что указывает высокое содержание обесцвечивателя, оксида марганца (1.05%), добавленного в стекло намеренно. После V в. в продукции сиро-палестинских стекловаренных центров марганец в столь высоких концентрациях уже не фиксируется [58; 91, p. 85]. Стекло, производимое в Сиро-Палестинском регионе в VI–VII вв., известное нам по материалам стекловаренного центра в Аполлонии (Израиль) и синхронным ему европейским материалам, обесцвечивателя не содержало [61]. Незначительные, следовые концентрации марганца могут фиксироваться в случае вторичного использования стекла более раннего времени [91, p. 85–87], однако в подобном случае они были бы существенно ниже.

Стекло остальных четырех сосудов (табл. 1,*1–3,7*; рис. 1,*1*; 3,*1,3*; 4,*2*) – трех кувшинов и бутыли с воронковидным горлом – на диаграмме, отражающей соотношение основных элементов, характеризующих состав песка (рис. 5), расположено в одной области со стеклом левантийского происхождения I–III вв. (т.н. «римским»), в которую попадают также некоторые образцы из Джаламе IV в.

Среди сосудов из стекла левантийского происхождения выделяются два образца с высоким содержанием марганца, в которых он однозначно может рассматриваться как намеренно введенный обесцвечиватель. Это упомянутые выше банка из Херсонеса и фрагмент верхней части кувшина из коллекции А. С. Уварова (табл. 1,*4,6*; рис. 4,*1*; 2,*4*), которые отличает повышенное содержание алюминия. И, если банка практически бесцветная, то у кувшина естественный зеленоватый оттенок более выражен, нейтрализовать его при помощи обесцвечивателя не удалось.

В стекле трех кувшинов (табл. 1,*1–3*; рис. 1,*1*; 3,*1,3*) содержание оксида марганца составляет 0.23–0.50%. Такая его концентрация явно недостаточна для обесцвечивания стекла. Считается, что в подобных случаях присутствие марганца обусловлено добавлением в стекломассу стекольного боя, содержащего фрагменты сосудов бесцветного

стекла [64]. К сожалению, методом СЭМ-ЭДС, которым был исследован состав стекла, иные признаки вторичной переработки практически не фиксируются.

Стекло бутыли с воронковидным горлом (табл. 1,*7*; рис. 4,*2*) содержит два обесцвечивателя одновременно – и марганец, и сурьму. Это – однозначный признак вторичного использования стекла [60, там же ссылки на литературу], причем в стекломассе присутствовал бой сосудов, изготовленных из стекла египетского происхождения. Именно в Египте в роли обесцвечивателя использовалась сурьма, в Сиро-Палестинском регионе в этом качестве применялся только марганец [91, там же ссылки на литературу]. Стекло, обесцвеченное сурьмой, выходит из употребления не позднее начала V в. [45, p. 65]. Это время и является наиболее вероятным *terminus ante quem* для данной находки. И, хотя полностью исключить сбор и использование в более позднем производстве стеклобоя римского времени в данном случае нельзя[12], столь высокая концентрация сурьмы, определяемая методом СЭМ-ЭДС, говорит, скорее, о периоде активного (пере)использования обесцвеченного ею стекла[13].

В римское время стекло, обесцвеченное сурьмой, широко распространилось как в Египте [87], так и в Европе, где оно использовалось в качестве полуфабрикатов в мастерских по производству стеклянных изделий [59; 57], однако среди археологических материалов Сиро-Палестинского региона стекло данной группы практически полностью отсутствует [91, p. 119]. Это позволяет предполагать, что местом производства данного сосуда – из стекла «смешанного» состава, содержащего бой обесцвеченного сурьмой стекла, является не Сиро-Палестинский регион, а зона, где обесцвеченное Sb стекло было достаточно широко распространено.

Один кувшин (*рис. 3,4*; табл. 1,*5*) изготовлен из стекла, близкого по составу левантийскому, однако концентрации в нем алюминия и кальция несколько ниже тех, что типичны для стекла сиро-палестинского происхождения. На диаграмме, отражающей содержание основных элементов, характеризующих песок стеклоделов, этот образец расположен у самой границы зоны, в которую попадают левантийские стекла (рис. 5). Низкая концентрация оксида марганца (0.27%) говорит о том, что в его составе содержится, вероятно, определенная доля стекла вторичной переработки – в том числе обесцвеченного сурьмой, для которого типичны более низкие содержания алюминия и кальция, чем для левантийского. Низкие концентрации сурьмы плохо определяются методом СЭМ-ЭДС. Оценить степень использования стеклобоя точнее будет возможно по итогам анализа стекла сосуда методом ЛА-ИСП-МС.

Заключение

1. Условия находки большинства представленных в собрании ГИМ сосудов с четырехгранным туловом, к сожалению, неизвестны.

2. Все кувшины с четырехгранным туловом из собрания ГИМ, за исключением одного, выполнены из зеленоватого, естественно окрашенного стекла (хотя в одном из них и содержится высокая концентрация обесцвечивателя) и имеют венчик типа 2 (один варианта 2a, остальные варианта 2b), который считается характерным признаком восточно-средиземноморского происхождения сосудов. Единственный экземпляр с венчиком «западного типа» (1b) отличается от остальных кувшинов, помимо формы венчика, цветом (оливковым) стекла.

3. На дне четырех кувшинов имеются клейма. Все они относятся к числу наиболее распространенных как в Восточном Средиземноморье, так и в западных провинциях

[12] Микроконцентрации сурьмы фиксируются в стекле некоторых более поздних групп (например, Foy-2.1) и в определенные периоды времени [см. подробнее: 45; 92 и многие другие].

[13] Низкие концентрации сурьмы могут определяются методом СЭМ-ЭДС со значительной погрешностью, и данный результат должен быть проверен методом ЛА-ИСП-МС, чувствительным к низким содержаниям данного элемента. Однако исследования материалов могильника Фронтовое 3, проведенные в той же лаборатории, показали удовлетворительную сходимость результатов СЭМ-ЭДС и ЛА-ИСП-МС для концентраций сурьмы выше 0.2%, что позволяет доверять полученному результату.

Римской империи: на двух, в том числе на кувшине варианта В, имеется пять рельефных окружностей с полусферической выпуклостью в центре по углам и в центре, на двух – три концентрические окружности с точкой в центре и на одном – три концентрические окружности с точкой в центре и окружностями с полусферическим выступом по углам.

4. Пик бытования кувшинов с четырехгранным туловом приходится на период между ок. 70 и 120/130 гг. Скорее всего, приблизительно к этому времени относятся кувшины из коллекции ГИМ.

5. Единственным экземпляром представлены в собрании ГИМ банки. Сосуды, схожие с публикуемым экземпляром, известны как на Западе, так и на Востоке, хотя греческое клеймо говорит, скорее, в пользу восточно-средиземноморского происхождения сосуда из Исторического музея. Контекст, из которого она происходит, датируется временем не позднее середины III в. н.э.

6. Наконец, аналогии двум бутылям с квадратным туловом и воронковидным горлом удалось найти только на территории Турции и Сирии. Все представленные аналогии относят к IV–V вв., хотя условия их находки неизвестны. Учитывая особенности химического состава стекла, верхняя хронологическая граница для одной из исследованных находок из коллекции ГИМ может быть, вероятно, определена временем не позднее начала V в., а место ее производства находилось, вероятно, вне Сиро-Палестинского региона.

7. Все исследованные сосуды изготовлены из «ординарного» стекла левантийского происхождения, широко распространенного и в большинстве случаев – намеренно не обесцвеченного, что соответствует их утилитарному назначению – в качестве тары для перевозки и хранения определенных продуктов, а не в качестве столовой посуды.

Таблица 1. Химический состав стекла сосудов с четырехгранным туловом из коллекции ГИМ, изученный методом СЭМ-ЭДС (в масс. %). Содержание CoO, CuO, PbO <0,10 %, SnO_2 <0,20% во всех образцах

Table 1. Chemical composition of glass of square bottles from the collection of the State Historical Museum, studied with SEM-EDS technique (wt %). CoO, CuO, PbO <0,10%, SnO_2 <0,20% in all samples

№ п/п	Шифр лаб.; № в описании; рисунок	№ коллекции ГИМ; № по описи	Происхождение	Типологическое определение	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3	Sb_2O_5
1	ГИМ-25; № 10, рис. 3, *3*	ГИМ 21281; Оп. Б 1792/120	Керчь, покупка у Е.Р. Запорожского (№ 543)	Кувшин с 4хгранным туловом формы В, венчик типа 2b	15,84	0,48	2,53	70,11	0,13	0,10	0,96	0,57	7,65	<0,10	0,43	0,34	<0,20
2	ГИМ-26; № 8, рис. 3, *1*	ГИМ 21280; Оп. Б 1792/119	Керчь, покупка у Е.Р. Запорожского (№ 542)	Кувшин с 4хгранным туловом формы В, венчик типа 2b	16,70	0,46	2,42	70,11	0,15	0,13	1,03	0,61	7,11	<0,10	0,23	0,37	<0,20
3	ГИМ-27; № 1, рис. 1, *1*	ГИМ 64013; Оп. Б 1357/1	Кавказ, покупка у О.С. Долговой 12.07.1928	Кувшин с 4хгранным туловом формы А, венчик типа 2b	16,64	0,45	2,42	69,65	0,15	<0,10	1,12	0,55	7,47	<0,10	0,50	0,33	<0,20
4	ГИМ-33; № 7, рис. 2, *4*	ГИМ 54791; Оп. Б 605/623	Место находки неизвестно; из коллекции А.С. Уварова	Фрагмент кувшина с 4хгранным туловом формы А, венчик типа 2а	15,13	0,51	2,73	69,97	0,15	<0,10	1,08	0,53	7,73	<0,10	1,05	0,36	<0,20

Окончание Таблицы 1

№ п/п	Шифр лаб.; № в описании; рисунок	№ коллекции ГИМ; № по описи	Происхождение	Типологическое определение	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3	Sb_2O_5
5	ГИМ-35; № 11, рис. 3, *4*	ГИМ 49472; Оп. Б 99/51	Тузлинский некрополь, могила 72, раскопки В.В. Шкорпила, 1911	Кувшин с 4хгранным туловом формы В, венчик типа 2b	17,07	0,40	2,16	71,73	0,14	0,13	1,08	0,56	5,48	<0,10	0,27	0,34	<0,20
6	ГИМ 35а; № 12, рис. 4, *1*	ГИМ 28740; Оп. Б 117/38	Некрополь Херсонеса, погр. у южной оборонительной стены, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1892	Банка с 4хгранным туловом и воронковидным венчиком	15,06	0,45	2,83	68,97	0,14	0,21	0,88	0,74	7,71	<0,10	1,25	0,33	<0,20
7	ГИМ 36; № 13, рис. 4, *2*	ГИМ 28740; Оп. Б 117/37	Херсонес, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1892	Бутыль с воронковидным горлом	16,63	0,63	2,53	67,42	< 0,10	0,20	1,08	0,62	7,33	<0,10	0,82	0,69	0,28

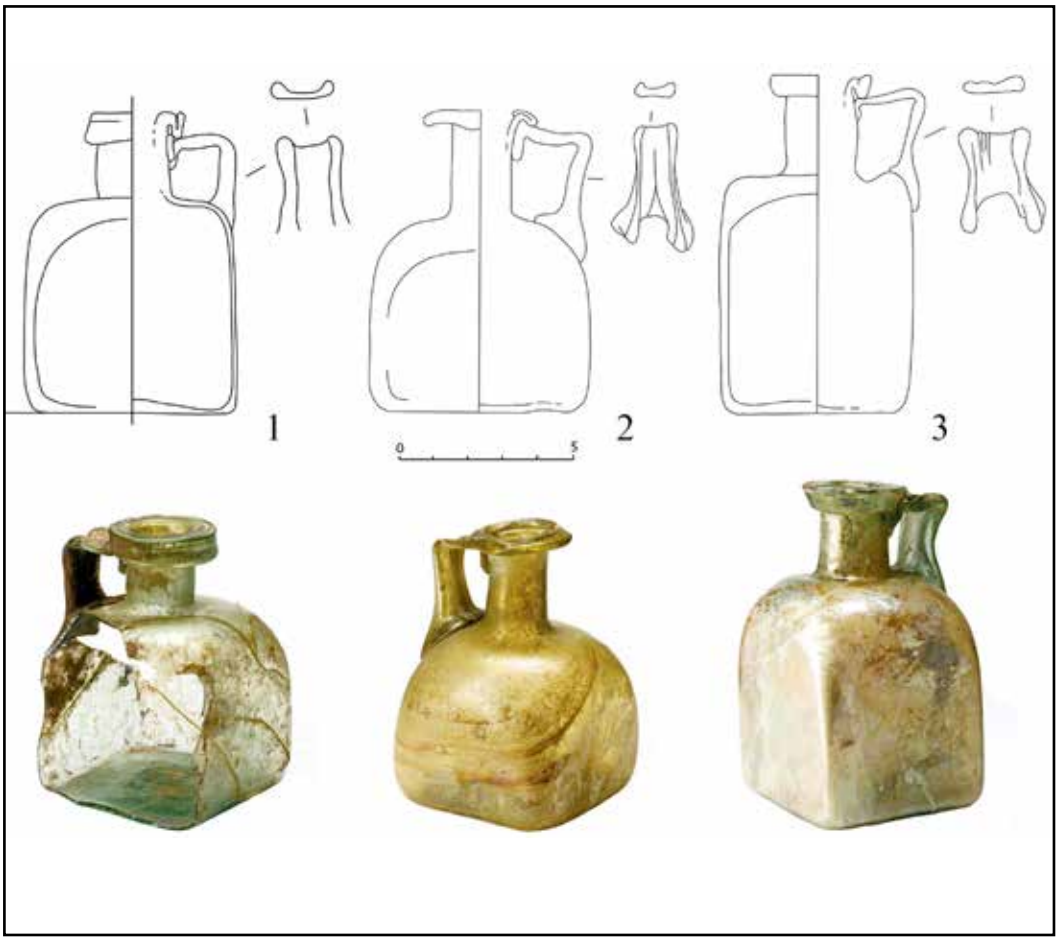

Рис. 1. Кувшины с четырехгранным туловом формы А

Fig. 1. Square jugs of form A

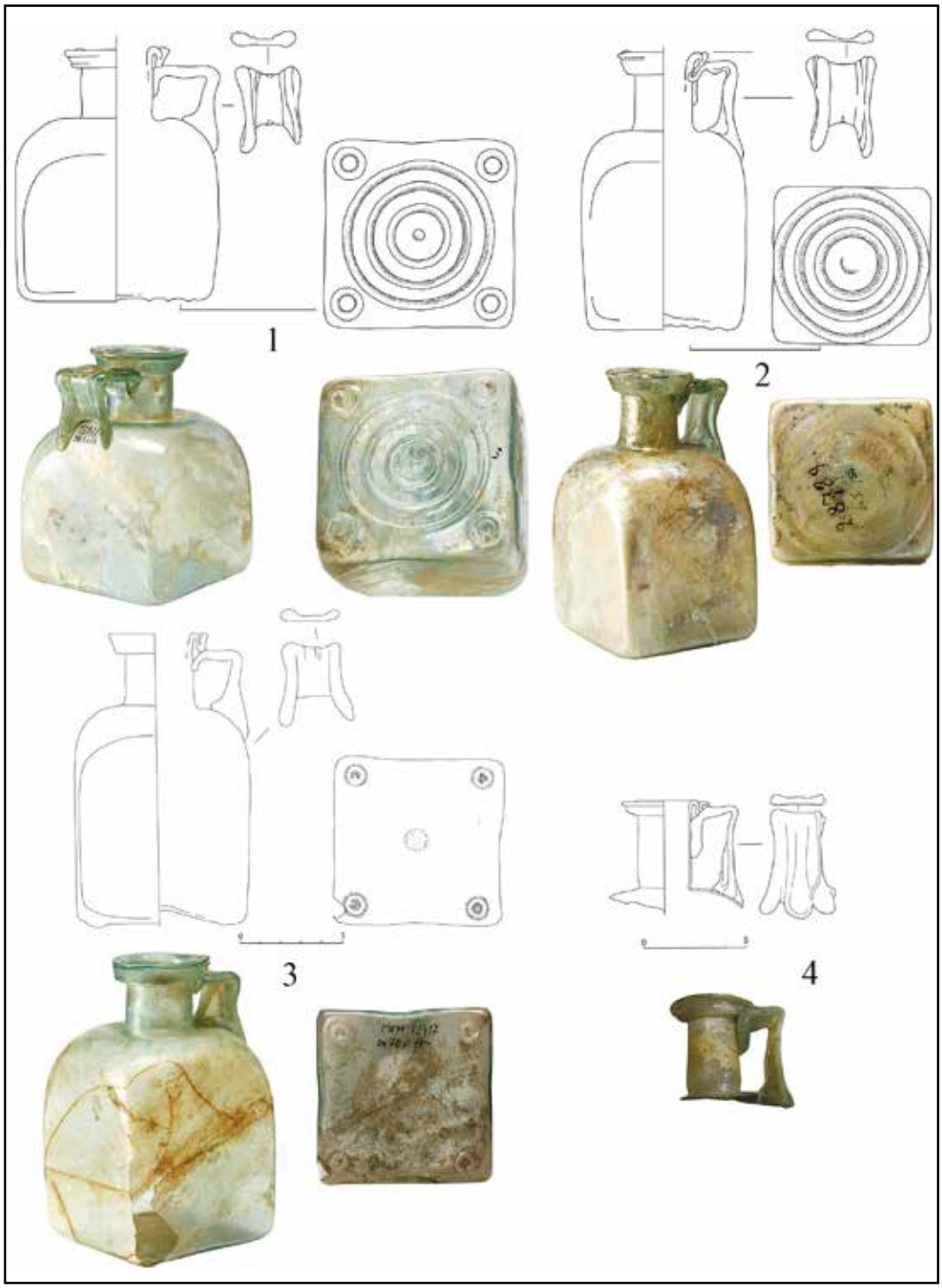

Рис. 2. Кувшины с четырехгранным туловом формы А

Fig. 2. Square jugs of form A

Рис. 3. Кувшины с четырехгранным туловом формы В

Fig. 3. Square jugs of form B

Рис. 4. Сосуды с четырехгранным туловом из раскопок Херсонеса:
1 – банка; *2–3* – бутыли с воронковидным горлом

Fig. 4. Square vessels from Chersonese: *1* – jar; *2–3* – bottles with funnel neck

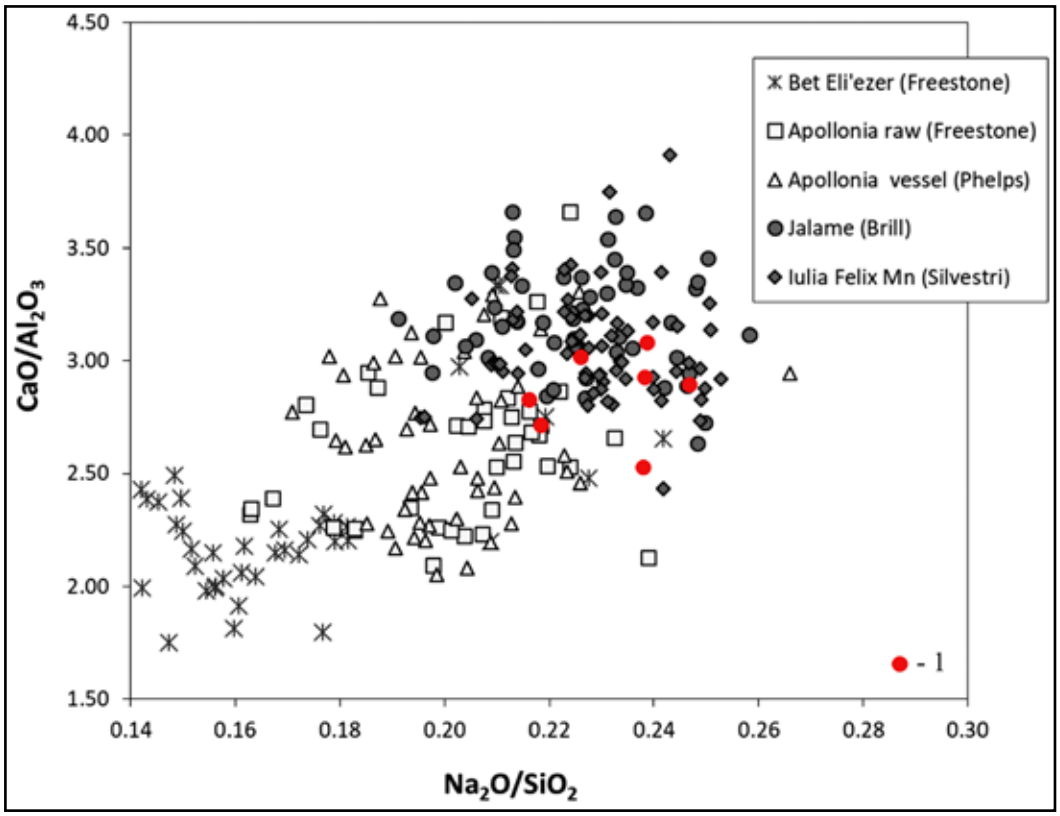

Рис. 5. Стекло сосудов с четырехгранным туловом из коллекции ГИМ (*1*) в сравнении с эталонными коллекциями сиро-палестинского стекла первой половины III – VIII в. н.э. [по: 61]: соотношение оксидов натрия, кремния, кальция и алюминия

Fig. 5. Glass of square bottles from the collection of the State Historical Museum (*1*) compared to the glass from the Syrian-Palestinian region [after: 61]: soda, silica, calcium and aluminium ratios

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.М., Сорокина И.П. Коллекция стекла античной Горгиппии. М., 2007.
2. Аракелян Б.Н., Тирацян Г.А., Хачатрян Ж.Д. Стекло Древней Армении (I–IV вв.) Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969.
3. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976.
4. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV. М., 2016. (Труды ГИМ. Вып. 205).
5. Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея // Древности Боспора. 1999. Т. 2. С. 98–113.
6. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.
7. Кунина Н.З. Два стеклянных кувшина из некрополя Нимфея // Художественные изделия античных мастеров / Отв. ред. С. П. Борисковская. Л.: Искусство, 1982. С. 119–124.
8. Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: АРС, 1997. 360 с.
9. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. 1972. Т. 13. С. 146–177.
10. Минчев А. Антично стъкло от Западното Черноморие (I–IV в.). IV. Бутилки // Известия на Народния музей Варна. 1990. Вып. 26 (41). С. 56–78.
11. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1892 г. СПб., 1894.
12. Румянцева О.С. О стеклоделательной мастерской в Алма-Кермене // РА. 2020. № 2. С. 72–84.
13. Румянцева О.С. Стекло могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: хронология, динамика распространения и производственные центры // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 72–116.
14. Румянцева О.С., Червяковская М.В., Червяковский В.С. Вторичные практики стеклоделов в римское время по данным состава стекла могильника Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. Вып. 15. С. 398–417.
15. Рыжова Л.А. Клейма на доньях призматических бутылок из раскопок Херсонеса // Херонесский сборник. 2020. Вып. 21. С. 36–46.
16. Сон Н.А. Скляні посудини з Тіри // Археологія. 1988. № 63. С. 47–56.
17. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. (Труды ГИМ. Вып. XXVI).
18. Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея // Пантикапей. М., 1962. С. 210–236. (МИА. № 103).
19. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 202–248. (МИА. № 127).
20. Сорокина Н.П. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования северо-западного Причерноморья. Киев, 1978. С. 267–274.
21. Сорокина Н.П. Анатолийские стеклянные сосуды I–II вв. из Северного Причерноморья // Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 214–224.
22. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
23. Трейстер М.Ю. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Подонья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). 2020. Т. 6. С. 154–188.
24. Шабанов С.Б. Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь, 2015.
25. Шабанов С.Б. Клейма на стеклянных сосудах римского времени из Северного и Северо-западного Причерноморья // ПИФК. 2017. № 1. С. 88–104.
26. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Известия Имп. Археологической комиссии. 1914. Вып. 56. С. 1–74.
27. Яценко Е.Г. Стеклянные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.) // Вестник Танаиса. 2007. Вып. 2. С. 173–210.
28. Aguilar-Tablada Marcos B.M., Sánchez M.D. Evidencias de un taller de vidrio en la ciudad romana de “Augustobriga” (Talavera La Vieja, Cáceres) // Lucentum. 2006. Vol. 25. P. 177–194.
29. Amrein H., Nenna M.-D. Inventaire des moules destinés à la fabrication des contenants en verre // Corpus des signaures et marques sur verres antiques. Vol. 2 / Eds. D. Foy, M.-D. Nenna. Aix-en-Provence, Lyon, 2006. P. 491–502.
30. Antonaras A. Roman and Early Christian mould-blown vessels from Thessaloniki and its region, from the 1st to the 5th century AD // D’Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre souflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l’Association française pour l’Archéologie du verre / Dir. Ch. Fontaine-Hodiamont. Bruxelles: Institut royal du Patrimoine artistique, 2010. P. 241–252.
31. Antonaras A.Ch. Glassware and glassworking in Thessaloniki. 1st century BC – 6th century AD. Oxford, 2017. (Archaeopress Roman Archaeology 27).
32. Atila C. Roman glass vessels in Sivas Museum // Arkeoloji dergisi. 2015. XX. P. 161–179.

33. Barkóczi L. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest, 1988. 223 S. (Studia Archaeologica, Band 9).
34. Belivanova A. Early Roman glass from Bulgaria (1st – the first half of the 2nd century AD) // Archaeologia Bulgarica. 1999. Vol. 3.1. P. 35–49.
35. Boțan S.-P., Elefterescu D. Vase de sticlă de epocă romană descoperite la Durostorum/Ostrov – Ferma 4 (secolele I p. Chr – IV p. Chr). Iași, 2018. 192 p.
36. Brill R.H. The chemical interpretation of the texts // Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., von Saldern A. Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. New York: Corning Museum of glass, 1970. P. 105–128.
37. Brill R.H. Scientific investigations of the Jalame glass and related finds // Excavations at Jalame: site of a glass factory in Late Roman Palestine / Ed. G.D. Weinberg. Columbia: University of Missouri, 1988. P. 257–294.
38. Bucovală M. Vase antice de sticlă la Tomis. Constanta, 1968. 174 p.
39. Bucovală M. Atestări arheologice ale practicilor medico-farmaceutice în Dobrogea // Pontica. 1977. X. P. 91–96.
40. Buljević Z. Imprints on the Bottoms of Glass Bottles from Dalmatia Held in the Archaeological Museum in Split // Corpus des signatures et marques sur verres antiques. Vol. 3. Aix-en-Provance, Lyon, 2011. P. 178–195.
41. Buljević Z. The Small Glass Boat from Salona // Annales du 19e Congrès de l'Association internationale pour l'hisoire du verre. Piran, 17–21 September 2012 / Ed. I. Lazar. Koper, 2015. P. 167–177.
42. Buljević Z. Mold Blown Glass Vessels from Salona // Annales du 21e Congrès de l'Association international pour l'histoire du verre. İstanbul, 03–07 Septembre 2018. İstanbul, 2021. P. 233–244.
43. Charlesworth D. Roman square bottles // JGS. 1966. Vol. 8. P. 26–40.
44. Chiriac C., Boțan S.-P. Roman glass vessels in the Western Pontic area (1st–3rd centuries CE). General Remarks // Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods / Eds. V. Cojocaru, A. Coşkun, M. Dana. Cluj-Napoca, 2014. P. 525–553. (Pontica et Mediterranea. Vol. III).
45. Cholakova A., Rehren T. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: interpreting patterns and mechanisms of distribution // Things that travelled: Mediterranean glass in the first millennium CE / Eds. D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone. London: UCL Press, 2018. P. 46–71.
46. Clairmont Ch.W. The Glass Vessels. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report IV, Part V. New Haven, 1963. 158 p.
47. Cool H.E.M. Glass Bottles and Military Production // Britannia. 2022. Vol. 53. P. 373–383.
48. Cool H.E.M. Blue / green glass bottles from Roman Britain. Square and other prismatic forms. Oxford, 2024. 272 p. (Archaeopress Roman Archaeology 113).
49. Cool H.E.M., Price J. Roman vessel glass from excavations in Colchester, 1971–85. Colchester, 1995. 256 p. (Colchester Archaeological Report 8).
50. Cottam S.E. Developments in Roman glass vessels in Italy, France, Britain and the Lower Rhineland – c. A.D. 40 – A.D. 110. PhD Thesis. King's College London, 2019. 475 p.
51. Drăghici C. Glassware from Tomis: Chronological and typological aspects // Annales du 18e Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre. 1996 / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki, 2009. P. 211–216.
52. Dussart O. Le verre en Jordanies et en Syrie du Sud. Beyrouth, 1998. 336 p.
53. Fadić I. Pseudo Merkur boćice s područja Liburnije – proizvodi lokalne staklarske radionice // Roman ceramic and glass manufactures. Production and trade in the Adriatic Region. Proceedings of the 1st International archaeological colloquium. Crikvenica (Croatia), 23–24 October 2008. Crikvenica, 2011. P. 333–359.
54. Fadić I., Štefanac B. Workshop Stamps on Square Bottles from the Zadar Region // Annales du 18e Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre. 1996 / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki, 2009. P. 206–210.
55. Fleming S.J. Early Imperial Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum // Expedition Magazine. 1996. Vol. 38, No. 2. P. 13–36.
56. Foy D. Les marques sur les recipients en verre découverts en Gaule. Indices de production et de relations commerciales (milieu du Ier s. – Ve s. apr. J.-C.) // Gallia. 2015. Vol. 72–2. P. 351–401.
57. Foy D., Fontaine S. L'épave Ouest Embiez 1, Var: le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité // Revue Archéolgique de Narbonnaise. 2007. Vol. 40. P. 235–268.
58. Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux // Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7–9 juin 2001 / eds. D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoil, 2003. P. 41–85.
59. Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine // Revue d'Archéométrie. 2004. Vol. 28. P. 169–177.

60. Freestone I.C. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // JGS. 2015. Vol. 57. P. 29–40.
61. Freestone I.C. Apollonia Glass and its Markets: An Analytical Perspective // Tal O. Apollonia-Arsuf. Final report of the excavations. Vol. II. Excavations outside the Medieval Town Walls. Tel Aviv: Tel Aviv University, 2020. P. 341–348.
62. Fünfschilling S. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica. Augst, 2015. 460 S. (Forschungen in Augst 51).
63. Gençler Güray Ç. The Roman Glass Finds from Elaiussa Sebaste // Olba. 2011. XIX. P. 233–266.
64. Glass Making in the Greco-Roman World / Ed. P. Degryse. Leuven: University Press, 2014. 189 p. (Studies in Archaeological Sciences 4).
65. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from the Early Roman-Period Residence at Nein // ‘Atiqot. 2022. Vol. 107. P. 27–35. English Summary p. 273.
66. Grose D.F. The Hellenistic, Roman, and Medieval Glass from Cosa. Ann Arbor, 2017. 304 p. (Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary Volumes. Vol. 12).
67. Grossmann R.A. Ancient Glass. A Guide to the Yale Collection. New Haven, 2002. 43 p.
68. Grossmann R.A. Glass // Excavations at Zeugma Conducted by Oxford Archaeology II / Ed. W. Aylward. Los Altos, 2013. P. 218–258.
69. Grünewald M. Früh- und mitterkaiserzeitliche Glasgefässe im nördlichen Obergermanien // Annales du 20e Congrès de l’Association internationale pour l’hisoire du verre, Fribourg / Romont, 7–11 Septembre 2015. Rahden/Westfalen, 2017. P. 145–151.
70. Hanut F. La verrerie dans la Cité des Tongres au Haut-Empire: un aperçu general // Roman glass in Germania inferior. Interregional comparisons and recent results. Proceedings of the International conference, held in the Gallo-Roman Museum in Tongeren (May 13, 2005) / Dir. G. Creemers, B. Demarsin, P. Cosyns. Tongeren, 2006. P. 10–28.
71. Harden D.B. Roman Glass from Karanis Found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor, 1936. 349 p.
72. Hayes J. W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1975. 229 p.
73. Höpken C., Çakmakli Ö.D. Fragile Splendour. Glass in the Medusa Collection in Gaziantep. Bonn, 2015. 259 p.
74. Isings C. Roman glass from dated finds. Groningen: Wolters, 1957. 185 p.
75. Jackson-Tal R.E. The glass from the 1995 excavations in Camp F at Masada: the use of Luxury and common Early Roman glass in military context // Levant. 2016. Vol. 48:1. P. 63–78,
76. Jennings S. Vessel glass from Beirut. Bey 006, 007, and 045. Beirut, 2006. 326 p. (Berytus. Archaeological Studies. Vol. XLVIII–XLIX. Archaeology of the Beirut Souks 2. AUB and ACRE Excavations in Beirut, 1994–1996).
77. Koster A. Glass from fibe rich burials in the cemetery of Noviomagus (Nijmegen-West), end of the 1st – beginning of the 2nd century // Roman glass in Germania inferior. Interregional comparisons and recent results. Proceedings of the International conference, held in the Gallo-Roman Museum in Tongeren (May 13, 2005) / Dir. G. Creemers, B. Demarsin, P. Cosyns. Tongeren, 2006. P. 68–72.
78. Lazar I. The Roman Glass of Slovenia (Opera Instituti Archaeologici Sloveniae). Ljubljana 2003. 266 p.
79. Lazar I. A Look through the glass: glass material from the roman necropolis of Budva in the social and economic context of the Empire // Antiçka Budva. Zbornik radova s Međunarodnog mulridisciplinarnog naučnog simpozijuma po pozivu održanog u Budvi 28-30. Novembra 2018. Godine / Urednik D. Medin. Budva, 2021. P. 252–273.
80. Lightfoot Ch.S. The Cesnola Collection of Cypriot Art. Ancient glass. New York, 2017. 354 p.
81. Lightfoot Ch., Arslan M. Anadolu Antik Camları: Yüksel Erimtan Koleksiyonu / Ancient glass of Asia Minor: the Yüksel Erimtan collection. Ankara, 1992. 251 p.
82. Louis A. La place du mobilier en verre dans les sepultures gallo-romaines de Champagne-Ardenne (France) // Annales du 18e Congrès de l’Association internationale pour l’histoire du verre. 1996 / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki, 2009. P. 190–196.
83. Mazanek D. Preliminary typology of glass vessels from the so-called Hellenistic house, explored by the Polish Archaeological Mission in Nea Paphos (Cyprus) // Études et travaux. 2014. XXVII. P. 279–321.
84. Meyer C. Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago, 1992. 201 p.
85. Pánczél Sz.P. The production of prismatic glass bottles in Roam Apulum // Marisia. Studii şi materiale XXXI archeologie. Târgu Mureş, 2011. P. 175–188.
86. Phelps M., Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B. Natron glass production and supply in the Late Antique and Early Medieval Near East: the effect of the Byzantine-Islamic transition // JAS. 2016. Vol. 75. P. 57–71.
87. Rosenow D., Rehren Th. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Bubastis, Northern Egypt // JAS. 2014. Vol. 49. P. 170–184.

88. Saldern Von A. Glass 500 BC to AD 1900. The Hans Cohn collection. Los Angeles/Cal. Mainz on Rhine, 1980. 288 p.
89. Sayre E.V., Smith R.W. Compositional categories of ancient glass // Science. 1961. Vol. 133. P. 1824–1826.
90. Scatozza L.A., Chianese L., Piccioli C., Sacchi R. Prime osservazioni e analisi sul contenuto di alcuni recipienti in vetro rinvenuti nell'area archeologica di Pompei // Ercolano 1738–1988, 250 anni di ricerca archeologica. "Atti del Convegno internazionale, Ravello – Ercolano – Napoli – Pompei, 30 ott. – 5 nov. 1988" / ed. L. F. Dell'Orto. Roma, 1993. P. 551–563. (MONSAP 6).
91. Schibille N. Islamic Glass in the Making: Chronological and Geographical Dimensions. Leuven: University Press, 2022. 261 p. (Studies in Archaeological Sciences 7).
92. Schibille N., Freestone I.C. Composition, production and procurement of glass at San Vincenzo al Volturno: an Early Medieval monastic complex in Southern Italy // PLoS ONE. 2013. 8(10). e76479.
93. Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I.C. Glass groups, glass supply and recycling in Late Roman Carthage // Archaeological and Anthropological Sciences. 2016. Vol. 9 (6). P. 1223–1241.
94. Schwarzer H., Rehren T. Antikes Glas aus Pergamon Ergebnisse archäologischer und naturwissenschaftlicher Untersuchungen // Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten and Ausstrahlung. Berlin, 2015. S. 106–131.
95. Schwarzer H., Rehren T. Glass finds from Pergamon. A report on the results of recent archaeological and archaeometric research // From artificial stone to translucent mass-product. Innovations in the technologies of glass and their social consequences between Bronze Age and Antiquity / Eds. F. Klimscha, H.-J. Karlsen, S. Hansen, J. Renn. Berlin, 2021. P. 161–217.
96. Stern E.M. Roman Glassblowing in a Cultural Context // AJA. 1999. Vol. 103. P. 441–484.
97. Ţentea O., Manea I., Raţiu A. The glassware from Mălăieşti roman fort and bath // Journal of Ancient History and Archaeology. 2023. No. 10.1. P. 145–162.
98. Tek A. Prismatic Glass Bottles with Greek Inscriptions from Arycanda in Licia // Annales du 15e Congrès de l'Association internationale pour l'hisoire du verre, New York / Corning 2001. Nottingham, 2003. P. 82–87.
99. Temür A., Özbilgin Ö. A Group of glass bottles from the collection of Samsum Museum // TÜBA-KED. 2019. Vol. 20. P. 41–72.
100. Treister M. Late Hellenistic and Roman glass vessels in the burials of the nomads of Asian // Стекло на путях Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции 19 сентября – 1 октября 2020 г. / Отв. ред. О.С. Румянцева. М., 2024. С. 11–33.
101. Uboldi M. Glass in Milan from Roman Times to Late Antiquty // Annales du 19e Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre, Piran, 17–21 September 2012 / Ed. I. Lazar. Koper, 2015. P. 329–336.
102. Veličković M. Tipologija i hronologija rimskog stakla iz Budve u zbirci narodnog mezejz u Beogradu // Arheološki vestnik. 1974. Vol. 25. S. 165–174.
103. Weinberg G.D., Stern E.M. Vessel glass. Athens: American school of Classical Studies, 2009. 214 p. (The Athenian Agora. Vol. 34).

REFERENCES

1. Alekseeva E.M., Sorokina I.P. *Kollektsiia stekla antichnoi Gorgippii* [Glass collection of Ancient Gorgippia]. Moscow, 2007.
2. Arakelian B.N., Tiratsian G.A., Khachatrian Zh.D. *Steklo Drevnei Armenii (I–IV vv.)* [Glass of Ancient Armenia (1st–4th centuries). Yerevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1969.
3. Burakov A.V. *Kozyrskoe gorodishche rubezha i pervykh stoletii nashei ery* [Kozyr settlement of the turn of the first centuries AD]. Kiev, 1976.
4. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV* [Necropolis of the Roman period Belbek IV]. Moscow, 2016. (Proceedings of the State Historical Museum, vol. 205).
5. Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A. Ceramic complex of the 2nd century AD from the acropolis of Panticapaeum. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], 1999, vol. 2, pp. 98–113.
6. Zubar' V.M. Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e. [Necropolis of Tauric Chersonesos, 1st–4th centuries AD]. Kiev, 1982.
7. Kunina N.Z. Two glass jugs from the Nymphaeum necropolis. S.P. Boriskovskaia (ed.), *Khudozhestvennye izdeliia antichnykh masterov* [Artistic products of ancient masters], Leningrad, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 119–124.
8. Kunina N.Z. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Antique glass in the Hermitage collection]. St Petersburg, ARS Publ., 1997, 360 p.
9. Kunina N.Z., Sorokina N.P. Glass balsamaria of the Bosporus. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 1972, vol. 13, pp. 146–177.
10. Minchev A. Antique glass from the Western Black Sea region (1st–4th centuries). IV. Bottles. *Izvestiia na Narodniia muzei Varna* [News of the Varna National Museum], 1990, vol. 26 (41), pp. 56–78.

11. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1892 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1892]. St Petersburg, 1894.
12. Rumiantseva O.S. The glass-workshop in Alma-Kermen. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2020, no. 2, pp. 72–84.
13. Rumiantseva O.S. Glass from the cemetery of Frontovoe 3 in the South-Western Crimea: the chronology, distribution dynamics, and production centres. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27. pp. 72–116, pp. 398–417.
14. Rumiantseva O.S., Cherviakovskaia M.V., Cherviakovskii V.S. Glass recycling practices in the Roman period: a case study of the Frontovoye cemetery in the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* [Materials on the archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region], 2023, vol. 15., pp. 398–417.
15. Ryzhova L.A. Stamps on the bottoms of prismatic bottles from the excavations of Chersonesos. *Kheronesskii sbornik* [Cheroneos collection], 2020, vol. 21, pp. 36–46.
16. Son N.A. Glass vessels from Tyra. *Arkheologiia* [Archaeology], 1988, vol. 63, pp. 47–56.
17. Sorokina N.P. *Tuzlinskii nekropol'* [Tuzla necropolis]. Moscow, 1957. (Proceedings of the State Historical Museum, vol. 26).
18. Sorokina N.P. Glass from the excavations of Panticapaeum. *Pantikapei* [Panticapaeum], Moscow, 1962, pp. 210–236. (Materials and research on the archeology of the USSR, 103).
19. Sorokina N.P. Glass vessels from Tanais. *Drevnosti Nizhnego Dona* [Antiquities of the Lower Don], Moscow, 1965, pp. 202–248. (Materials and research on the archeology of the USSR, 127).
20. Sorokina N.P. Antique glass in the collection of the Odessa Archaeological Museum. *Arkheologicheskie issledovaniia severo-zapadnogo Prichernomor'ia* [Archaeological studies of the northwestern Black Sea region], Kiev, 1978, pp. 267–274.
21. Sorokina N.P. Anatolian glass vessels of the 1st–2nd centuries from the Northern Black Sea region. *Antichnyi mir. Vizantiia: K 70-letiiu prof. V.I. Kadeeva* [The Ancient World. Byzantium: On the 70th anniversary of prof. V.I. Kadeev], Khar'kov, 1997, pp. 214–224.
22. Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Population of the Chersonesos region in the first half of the 1st millennium AD (based on materials from the Sovkhoz 10 necropolis). *Stratum plus*, 2003–2004, no. 4, pp. 27–277.
23. Treister M.Iu. Late Hellenistic and Roman glass vessels in burials of the Don region nomads. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], Simferopol, 2020, vol. 6, pp. 154–188.
24. Shabanov S.B. *Rimskoe steklo. Stekliannye sosudy iz sobraniia Tsentral'nogo muzeia Tavridy* [Roman glass. Glass vessels from the collection of the Central Museum of Taurida]. Simferopol, 2015.
25. Shabanov S.B. Marks on the Glass Vessels from the Roman Period in the Northern and Northwest Black Sea Region. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, archeology, culture], 2017, no. 1, pp. 88–104.
26. Shkorpil V.V. Report on excavations in the city of Kerch and on the Taman Peninsula in 1911. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii* [Bulletin of the Imperial Archaeological Commission], 1914, vol. 56, pp. 1–74.
27. Iatsenko E.G. Glass vessels of the Roman and late antique period from Tanais (based on materials from excavation site XIX, research from 1993–2000). *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais], 2007, vol. 2, pp. 173–210.
28. Aguilar-Tablada Marcos B.M., Sánchez M.D. Evidencias de un taller de vidrio en la ciudad romana de "Augustobriga" (Talavera La Vieja, Cáceres). *Lucentum*, 2006, vol. 25. pp. 177–194.
29. Amrein H., Nenna M.-D. Inventaire des moules destinés à la fabrication des contenants en verre. D. Foy, M.-D. Nenna (eds.), *Corpus des signaures et marques sur verres antiques*, vol. 2. Aix-en-Provence, Lyon, 2006. P. 491–502.
30. Antonaras A. Roman and Early Christian mould-blown vessels from Thessaloniki and its region, from the 1st to the 5th century AD. Ch. Fontaine-Hodiamont (dir.), *D'Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre souflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l'Association française pour l'Archéologie du verre*. Bruxelles,Institut royal du Patrimoine artistique, 2010, pp. 241–252.
31. Antonaras A.Ch. *Glassware and glassworking in Thessaloniki. 1st century BC – 6th century AD*. Oxford, 2017. (Archaeopress Roman Archaeology 27).
32. Atila C. Roman glass vessels in Sivas Museum. *Arkeoloji dergisi*, 2015, XX, pp. 161–179.
33. Barkóczi L. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest, 1988. 223 S. (Studia Archaeologica, Band 9).
34. Belivanova A. Early Roman glass from Bulgaria (1st – the first half of the 2nd century AD). *Archaeologia Bulgarica*, 1999, vol. 3.1, pp. 35–49.
35. Boţan S.-P., Elefterescu D. *Vase de sticlă de epocă romană descoperite la Durostorum/Ostrov – Ferma 4 (secolele I p. Chr – IV p. Chr)*. Iași, 2018, 192 p.

36. Brill R.H. The chemical interpretation of the texts. Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., von Saldern A. *Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia*. New York: Corning Museum of glass, 1970, pp. 105–128.
37. Brill R.H. Scientific investigations of the Jalame glass and related finds. G.D. Weinberg (ed.), *Excavations at Jalame: site of a glass factory in Late Roman Palestine*. Columbia: University of Missouri, 1988, pp. 257–294.
38. Bucovală M. *Vase antice de sticlă la Tomis*. Constanta, 1968, 174 p.
39. Bucovală M. Atestări arheologice ale practicilor medico-farmaceutice în Dobrogea. *Pontica*, 1977, X, pp. 91–96.
40. Buljević Z. Imprints on the Bottoms of Glass Bottles from Dalmatia Held in the Archaeological Museum in Split. *Corpus des signatures et marques sur verres antiques*, vol. 3. Aix-en-Provance, Lyon, 2011, pp. 178–195.
41. Buljević Z. The Small Glass Boat from Salona. I. Lazar (ed.), *Annales du 19e Congrès de l'Association internationale pour l'hisoire du verre. Piran, 17–21 September 2012*. Koper, 2015, pp. 167–177.
42. Buljević Z. Mold Blown Glass Vessels from Salona. *Annales du 21e Congrès de l'Association international pour l'histoire du verre. İstanbul, 03–07 Septembre 2018*. İstanbul, 2021, pp. 233–244.
43. Charlesworth D. Roman square bottles. *Journal of Glass Studies*, 1966, vol. 8, pp. 26–40.
44. Chiriac C., Boțan S.-P. Roman glass vessels in the Western Pontic area (1st–3rd centuries CE). General Remarks. V. Cojocaru, A. Coșkun, M. Dana (eds.), *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods*. Cluj-Napoca, 2014, pp. 525–553. (Pontica et Mediterranea. Vol. III).
45. Cholakova A., Rehren T. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: interpreting patterns and mechanisms of distribution. D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone (eds.), *Things that travelled: Mediterranean glass in the first millennium CE*. London, UCL Press, 2018, pp. 46–71.
46. Clairmont Ch.W. *The Glass Vessels. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report IV, Part V*. New Haven, 1963, 158 p.
47. Cool H.E.M. Glass Bottles and Military Production. *Britannia*, 2022, vol. 53, pp. 373–383.
48. Cool H.E.M. *Blue/green glass bottles from Roman Britain. Square and other prismatic forms*. Oxford, 2024, 272 p. (Archaeopress Roman Archaeology 113).
49. Cool H.E.M., Price J. *Roman vessel glass from excavations in Colchester, 1971–85*. Colchester, 1995, 256 p. (Colchester Archaeological Report 8).
50. Cottam S.E. *Developments in Roman glass vessels in Italy, France, Britain and the Lower Rhineland – c. A.D. 40 – A.D. 110*. PhD Thesis. King's College London, 2019, 475 p.
51. Drăghici C. Glassware from Tomis: Chronological and typological aspects. D. Ignatiadou, A. Antonaras (eds.), *Annales du 18*e *Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre. 1996*. Thessaloniki, 2009, pp. 211–216.
52. Dussart O. *Le verre en Jordanies et en Syrie du Sud*. Beyrouth, 1998, 336 p.
53. Fadić I. Pseudo Merkur boćice s područja Liburnije – proizvodi lokalne staklarske radionice. *Roman ceramic and glass manufactures. Production and trade in the Adriatic Region. Proceedings of the 1st International archaeological colloquium. Crikvenica (Croatia), 23–24 October 2008*. Crikvenica, 2011, pp. 333–359.
54. Fadić I., Štefanac B. Workshop Stamps on Square Bottles from the Zadar Region. D. Ignatiadou, A. Antonaras (eds.), *Annales du 18*e *Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre. 1996*. Thessaloniki, 2009, pp. 206–210.
55. Fleming S.J. Early Imperial Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum. *Expedition Magazine*, 1996, vol. 38, no. 2, pp. 13–36.
56. Foy D. Les marques sur les recipients en verre découverts en Gaule. Indices de production et de relations commerciales (milieu du Ier s. – Ve s. apr. J.-C.). *Gallia*, 2015, vol. 72–2, pp. 351–401.
57. Foy D., Fontaine S. L'épave Ouest Embiez 1, Var: le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité. *Revue Archéolgique de Narbonnaise*, 2007, vol. 40, pp. 235–268.
58. Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux. D. Foy, M.-D. Nenna (eds.), Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7*–9 juin 2001*. Montagnac, Éditions Monique Mergoil, 2003, pp. 41–85.
59. Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine. *Revue d'Archéométrie*, 2004, vol. 28, pp. 169–177.
60. Freestone I.C. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches. *Journal of Glass Studies*, 2015, vol. 57, pp. 29–40.
61. Freestone I.C. Apollonia Glass and its Markets: An Analytical Perspective. Tal O. *Apollonia-Arsuf. Final report of the excavations. Vol. II. Excavations outside the Medieval Town Walls*. Tel Aviv, University Press, 2020, pp. 341–348.

62. Fünfschilling S. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica*. Augst, 2015. 460 S. (Forschungen in Augst 51).
63. Gençler Güray Ç. The Roman Glass Finds from Elaiussa Sebaste. *Olba,* 2011, XIX, pp. 233–266.
64. Degryse P. (ed.). *Glass Making in the Greco-Roman World*. Leuven, University Press, 2014, 189 p. (Studies in Archaeological Sciences 4).
65. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from the Early Roman-Period Residence at Nein. *'Atiqot*, 2022, vol. 107, pp. 27–35.
66. Grose D.F. *The Hellenistic, Roman, and Medieval Glass from Cosa*. Ann Arbor, 2017, 304 p. (Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary Volumes. Vol. 12).
67. Grossmann R.A. *Ancient Glass. A Guide to the Yale Collection*. New Haven, 2002, 43 p.
68. Grossmann R.A. Glass. W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma Conducted by Oxford Archaeology II*. Los Altos, 2013, pp. 218–258.
69. Grünewald M. Früh- und mitterkaiserzeitliche Glasgefässe im nördlichen Obergermanien // Annales du 20e Congrès de l'Association internationale pour l'hisoire du verre, Fribourg / Romont, 7–11 Septembre 2015. Rahden/Westfalen, 2017. P. 145–151.
70. Hanut F. La verrerie dans la Cité des Tongres au Haut-Empire: un aperçu general. G. Creemers, B. Demarsin, P. Cosyns (dir.), *Roman glass in Germania inferior. Interregional comparisons and recent results. Proceedings of the International conference, held in the Gallo-Roman Museum in Tongeren (May 13, 2005)*. Tongeren, 2006, pp. 10–28.
71. Harden D.B. *Roman Glass from Karanis Found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29*. Ann Arbor, 1936, 349 p.
72. Hayes J.W. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum*. Toronto, 1975, 229 p.
73. Höpken C., Çakmakli Ö.D. *Fragile Splendour. Glass in the Medusa Collection in Gaziantep*. Bonn, 2015, 259 p.
74. Isings C. *Roman glass from dated finds*. Groningen, Wolters Publ., 1957, 185 p.
75. Jackson-Tal R.E. The glass from the 1995 excavations in Camp F at Masada: the use of Luxury and common Early Roman glass in military context. *Levant*, 2016, vol. 48:1, pp. 63–78,
76. Jennings S. *Vessel glass from Beirut. Bey 006, 007, and 045*. Beirut, 2006, 326 p. (Berytus. Archaeological Studies. Vol. XLVIII–XLIX. Archaeology of the Beirut Souks 2. AUB and ACRE Excavations in Beirut, 1994–1996).
77. Koster A. Glass from fibe rich burials in the cemetery of Noviomagus (Nijmegen-West), end of the 1st – beginning of the 2nd century. G. Creemers, B. Demarsin, P. Cosyns (dir.), *Roman glass in Germania inferior. Interregional comparisons and recent results. Proceedings of the International conference, held in the Gallo-Roman Museum in Tongeren (May 13, 2005)*. Tongeren, 2006, pp. 68–72.
78. Lazar I. *The Roman Glass of Slovenia (Opera Instituti Archaeologici Sloveniae)*. Ljubljana 2003, 266 p.
79. Lazar I. A Look through the glass: glass material from the roman necropolis of Budva in the social and economic context of the Empire. D. Medin (ed.), *Antiçka Budva. Zbornik radova s Međunarodnog mulridisciplinarnog naučnog simpozijuma po pozivu održanog u Budvi 28-30. Novembra 2018. Godine*. Budva, 2021, pp. 252–273.
80. Lightfoot Ch.S. *The Cesnola Collection of Cypriot Art. Ancient glass.* New York, 2017, 354 p.
81. Lightfoot Ch., Arslan M. *Ancient glass of Asia Minor: the Yüksel Erimtan collection*. Ankara, 1992, 251 p.
82. Louis A. La place du mobilier en verre dans les sepultures gallo-romaines de Champagne-Ardenne (France). D. Ignatiadou, A. Antonaras (eds.), *Annales du 18*e *Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre. 1996*. Thessaloniki, 2009, pp. 190–196.
83. Mazanek D. Preliminary typology of glass vessels from the so-called Hellenistic house, explored by the Polish Archaeological Mission in Nea Paphos (Cyprus). Études et travaux, 2014, XXVII, pp. 279–321.
84. Meyer C. *Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean Trade*. Chicago, 1992, 201 p.
85. Pánczél Sz.P. The production of prismatic glass bottles in Roam Apulum. *Marisia. Studii şi materiale XXXI archeologie*. Târgu Mureş, 2011, pp. 175–188.
86. Phelps M., Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B. Natron glass production and supply in the Late Antique and Early Medieval Near East: the effect of the Byzantine-Islamic transition. *Journal of Archaeological Science*, 2016, vol. 75, pp. 57–71.
87. Rosenow D., Rehren Th. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Bubastis, Northern Egypt. *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 49, pp. 170–184.
88. Saldern Von A. *Glass 500 BC to AD 1900. The Hans Cohn collection*. Los Angeles, Cal. Mainz on Rhine, 1980, 288 p.
89. Sayre E.V., Smith R.W. Compositional categories of ancient glass. *Science*, 1961, vol. 133, pp. 1824–1826.
90. Scatozza L.A., Chianese L., Piccioli C., Sacchi R. Prime osservazioni e analisi sul contenuto di alcuni recipienti in vetro rinvenuti nell'area archeologica di Pompei. L.F. Dell'Orto (ed.), *Ercolano 1738–1988, 250*

anni di ricerca archeologica. "Atti del Convegno internazionale, Ravello – Ercolano – Napoli – Pompei, 30 ott. – 5 nov. 1988". Roma, 1993, pp. 551–563. (MONSAP 6).
91. Schibille N. *Islamic Glass in the Making: Chronological and Geographical Dimensions*. Leuven, University Press, 2022, 261 p. (Studies in Archaeological Sciences 7).
92. Schibille N., Freestone I.C. Composition, production and procurement of glass at San Vincenzo al Volturno: an Early Medieval monastic complex in Southern Italy. *PLoS ONE*, 2013, 8(10), e76479.
93. Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I.C. Glass groups, glass supply and recycling in Late Roman Carthage. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2016, vol. 9 (6), pp. 1223–1241.
94. Schwarzer H., Rehren T. Antikes Glas aus Pergamon Ergebnisse archäologischer und naturwissenschaftlicher Untersuchungen. *Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten and Ausstrahlung*. Berlin, 2015, pp. 106–131.
95. Schwarzer H., Rehren T. Glass finds from Pergamon. A report on the results of recent archaeological and archaeometric research. F. Klimscha, H.-J. Karlsen, S. Hansen, J. Renn (eds.), *From artificial stone to translucent mass-product. Innovations in the technologies of glass and their social consequences between Bronze Age and Antiquity*. Berlin, 2021, pp. 161–217.
96. Stern E.M. Roman Glassblowing in a Cultural Context. *American Journal of Archaeology*, 1999, vol. 103, pp. 441–484.
97. *Ţentea O., Manea I., Raţiu A. The* glassware from Mălăieşti roman fort and bath. *Journal of Ancient History and Archaeology*, 2023, no. 10.1, pp. 145–162.
98. Tek A. Prismatic Glass Bottles with Greek Inscriptions from Arycanda in Licia. *Annales du 15e Congrès de l'Association internationale pour l'hisoire du verre, New York / Corning 2001*. Nottingham, 2003, pp. 82–87.
99. Temür A., Özbilgin Ö. A Group of glass bottles from the collection of Samsum Museum. *TÜBA-KED*, 2019, vol. 20, pp. 41–72.
100. Treister M. Late Hellenistic and Roman glass vessels in the burials of the nomads of Asian. O.S. Rumiantseva (red.), *Steklo na putiakh Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 19 sentiabria – 1 oktiabria 2020 g.* [Glass on the routes of Eurasia in ancient times and the Middle Ages. Proceedings of the international scientific conference September 19 – October 1, 2020]. Moscow, 2024, pp. 11–33.
101. Uboldi M. Glass in Milan from Roman Times to Late Antiquty. I. Lazar (ed.), *Annales du 19e Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre, Piran, 17–21 September 2012*. Koper, 2015, pp. 329–336.
102. Veličković M. Tipologija i hronologija rimskog stakla iz Budve u zbirci narodnog mezejz u Beogradu. Arheološki vestnik, 1974, vol. 25, pp. 165–174.
103. Weinberg G.D., Stern E.M. *Vessel glass*. Athens, American school of Classical Studies, 2009, 214 p. (The Athenian Agora. Vol. 34).

Информация об авторах

Голофаст Л. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-7642-2018.

Журавлев Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея, ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт», научный сотрудник Института археологии РАН, Researcher ID: AAE-5572-2022.

Румянцева О. С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН, Researcher ID: ABF-6234-2021.

Authors information

Golofast L. A. – Candidate of Science (History), Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: J-7642-2018.

Zhuravlev D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Archaeological Monuments of the State Historical Museum, Leading Specialistof the National Research Centre "Kurchatov Institute", Researcher of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Researcher ID: AAE-5572-2022

Rumyantseva O. S. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Researcher ID: ABF-6234-2021.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.128-145

СКЛЕП 384 С НИШАМИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕНА

Эльзара Айдеровна Хайрединова
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Аннотация. В 2015 г. на нижней террасе южного склона плато Эски-Кермен, на раннем участке некрополя открыт склеп 384 с камерой, в стенах которой были вырублены ниши-подбои для детских погребений. Склеп использовался в последние десятилетия VI – первой половине VII в. В нем были захоронены четыре человека – двое взрослых и двое детей, скорее всего, представители одной семьи. На стенах и своде камеры видны многочисленые следы от инструмента, возможно, кирки, при помощи которого могильщики вырубили в толще мергеля склеп. Сохранились и следы разметки, нанесенной на стену для обозначения центра склепа. Ниши для погребения детей, вырубленные в стенах камеры, зафиксированы впервые в погребальном сооружении, принадлежавшем представителям гото-аланского населения Юго-Западного Крыма раннесредневекового времени.
Ключевые слова: Юго-Западный Крым, крепость на плато Эски-Кермен, некрополь, склеп, погребальный обряд

VAULT 384 WITH NICHES FROM THE NECROPOLIS ON THE SOUTH-EASTERN SLOPE OF THE ESKI-KERMAN PLATEAU

Elzara A. Khairedinova
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Abstract. In 2015, on the lower terrace of the southern slope of the Eski-Kermen plateau, in the early part of the necropolis, vault 384 was opened with a chamber in the walls of which niches were cut out for children's burials. The vault was used in the last decades of the 6th – first half of the 7th century. Four people were buried in it – two adults and two children, most likely representatives of the same family. On the walls and roof of the chamber there are numerous traces of a tool, possibly a pick, with which the gravediggers carved out a crypt in the thick marl. Traces of markings applied to the wall to mark the centre of the crypt have also been preserved. Niches for the burial of children, carved into the walls of the chamber, were recorded for the first time in a burial structure that belonged to representatives of the Gothic-Alan population of the South-Western Crimea in the early Middle Ages.
Keywords: Southwestern Crimea, fortress on the Eski-Kermen plateau, necropolis, vault, funeral rite

На юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, где, начиная с последних десятилетий VI в. и на протяжении не менее трех столетий функционировал некрополь, в настоящее время открыто более двухсот погребальных сооружений [12; 5, с. 167]. На некрополе преобладают Т-образные в плане склепы, состоящие из дромоса и погребальной камеры, соединявшихся между собой коротким коридорчиком [5, с. 233, рис. 153,1]. В основном, камеры склепов имели подпрямоугольную, реже – овальную или неправильную в плане форму. В 2015 г. на нижней террасе южного склона плато, на раннем участке некрополя открыт склеп 384 с камерой, в стенах которой были вырублены ниши-подбои (рис. 1,*384*; 2–4). Необычная планировка склепа заслуживает отдельной его публикации.

Склеп раскопан под 0,52–0,85 метровым слоем натечного грунта, перекрытого дерном. Он Т-образный в плане, ориентирован длинной осью с востока на запад, общая длина – 5,0 м (рис. 2). Дромос в верхней части – овальный в плане (длина 2,14 м; ширина 0,96 м) и трапециевидный в плане по дну, расширяющийся к входу в камеру (длина 1,66 м; ширина 0,5–0,7 м), с ровными бортами, сужающимися ко дну (глубина 2,3 м; у входа в камеру – 2,7 м) (рис. 2; 5). Дно дромоса плавно понижается на 0,36 м к входу в камеру склепа. В юго-восточной части дромоса грабители оставили овальный в плане лаз, разрушивший верхнюю часть бортов. В рыхлом светло-коричневом глинистом грунте, заполнявшем дромос, лежал известняковый блок размерами 0,7×0,8 м, толщиной 0,35 м (рис. 2; 5,*1*). Такие мощные блоки характерны для кладок панцирей оборонительных стен или больших общественных зданий. В погребальном сооружении блок, скорее всего, использовался в качестве своеобразной стелы: был вкопан в засыпь дромоса, тем самым обозначая местоположение склепа. Входное отверстие в камеру, вырубленное в западном борту дромоса, оказалось заваленным рыхлым светло-коричневым грунтом. Оно сделано с арочной верхней частью, прямыми откосами и полом, имеющим наклон в 0,15 м в сторону камеры (рис. 3,*3*; 5,*2*). Его длина – 0,28 м, ширина – 0,54 м, высота = – 0,5 м.

Камера почти квадратная в плане, со сводчатым потолком (длина – 2,4 м; ширина 2,5 м; высота – 1,44 м; глубина от древней поверхности – 3,5 м). В центральной части свода прорублена грубая борозда длиной 0,8 м и глубиной 0,08 м, имитирующая конек крыши (рис. 6,*1,2*; 7,*2*). На своде и на стенах видны неглубокие подрубки шириной 7–10 см – следы инструмента, которым они подтесывались (рис. 3,*2*; 7,*1,2*; 8). Отметим, что следы таких же орудий отмечены и на стенах других склепов, вырубленных в мергеле на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен [12, рис. 31; 6, рис. 6]. Зафиксированы они и в склепах VII–VIII вв. из могильников у с. Большое Садовое и у с. Аромат [9, с. 146]. Для выборки камер в мергеле использовалась, скорее всего, небольшая мотыга или инструмент наподобие современной кирки.

На западной стене камеры склепа 384 сохранилась вертикальная линия, прочерченная острым инструментом (острием ножа?) от «конька» и почти до самого пола (рис. 7,*1а*). Линия разделяет стену на две равные части и, возможно, была нанесена строителями погребального сооружения, отметившими таким образом центр склепа и место, с которого следует начинать вырубку ниши 2 (рис. 6,*1*).

Уровень пола камеры на 0,7 м ниже уровня дна дромоса. Пол в камере склепа почти ровный, с уклоном в 0,08 м к западной стенке. У входа в камеру оставлена ступень длиной 0,2 м, шириной 0,4 м, высотой 0,6 м (рис. 3,*4*). В южной стене камеры, в ее юго-западной части выкопана почти трапециевидная в плане ниша 1 размерами 0,15–0,3×1,6 м, высотой 0,34 м, ориентированная длинной осью с востока на запад (рис. 4,*1*; 8,*1*; 9,*1*). В западной, противоположной от входа стенке камеры, в ее юго-западной части также сделана почти трапециевидная в плане наша 2 размерами 0,2–0,4×1,06 м, высотой 0,34 м, ориентированная длинной осью с юга на север (рис. 4,*2*; 8,*1*). Пол в обеих нишах ровный, сделан на одном уровне с полом камеры, без порожков. На потолке ниши 1 видны следы грубой подтески (рис. 9,*2,3*). Судя по размерам, обе ниши предназначались для погребения детей. В восточной стенке камеры склепа, на расстоянии 0,3 м от северо-восточного угла и 0,2 м от ступени вырублена полуовальная в плане ниша 3 шириной 0,34 м, высотой 0,38–0,5 м, глубиной 0,15 м (рис. 4,*4*).

Склеп ограблен в древности. На полу камеры оказался засыпавшийся из дромоса рыхлый светло-коричневый глинистый грунт, достигавший у входа высоты 0,5 м, а у западной стены – 0,07–0,1 м. В нем выявлены переворошенные кости не менее четырех скелетов (двух – взрослых и двух – детей)[1] и немногочисленные находки, не замеченные грабителями (рис. 4). У входа в камеру и в северо-восточном углу, в слое натечного грун-

[1] Антропологические материалы исследованы В. Ю. Радочиным, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

та лежали: на высоте 0,2–0,5 м от пола – закладная известняковая плита почти овальной формы (размерами 53,0×78,0 см, толщиной 17,0 см; рис. 4,*1*); рядом, на высоте 0,32–0,41 м от пола – две известняковые плиты меньших размеров (27,0×43,0 и 14,0×44,0 см, каждая толщиной 6,0 см; рис. 4,*2,3*). Около одной из плит, на высоте 0,23 м от пола найдены золотая подвеска (**№ 1**; рис. 4,*4*; 10,*3*) и янтарные бусы (**№ 2**; рис. 4,*15*; 10,*4*). Рядом с плитами, в северо-восточной части камеры, на высоте 0,16–0,2 м от пола лежали без анатомического порядка три бедренные и тазовые кости, принадлежавшие двум костякам взрослых, а также браслет из белого металла (**№ 3**; рис. 4,*6*; 10,*2*), бронзовый перстень (**№ 4**; рис. 4,*5*; 10,*1*) и фрагменты железных ножей (**№№ 5–7**; рис. 4,*7*; 10,*13–16*). В северо-западной части камеры, на высоте 0,07–0,15 м от пола выявлены относящиеся к скелету 1 фрагменты черепа, нижняя челюсть, лопатка и локтевая кость, а также две янтарные бусины (**№ 8**; рис. 4,*14*; 10,*5*). В юго-западной части камеры, на высоте 0,06–0,1 м лежали фрагменты двух детских черепов, около одного из них – мелкие стеклянные и янтарные бусины (**№ 9**; рис. 4,*19*; 10,*7–10*), фрагменты костей, бронзовая серьга (**№ 10**; рис. 4,*16*; 10,*12*) и крупная янтарная бусина (**№ 11**; рис. 4,*20*; 10,*6*). В юго-восточной части камеры склепа, на высоте 0,05–0,11 м лежали переворошенные фрагментированные кости детских скелетов, три железные пряжки (**№№ 12–14**; рис. 4,*8–10*; 11,*10–12*), бронзовый перстень (**№ 15**; рис. 4,*13*; 11,*3*), янтарная бусина (**№ 16**; рис. 4,*21*; 10,*11*), бронзовая бляшка (**№ 17**; рис. 4,*13*; 11,*2*), стеклянная вставка, возможно, от перстня № 4 (**№ 18**; рис. 4,*17*; 11,*1*). В юго-восточном углу камеры, на высоте 0,14–0,2 м зафиксированы фрагменты черепа взрослого, бронзовое кольцо (**№ 19**; рис. 4,*12*; 11,*5*), бронзовые пряжки (**№№ 20–24**; рис. 4,*11,18*; 11,*4,6,7,15,16*) и фрагменты деталей ременной гарнитуры (**№№ 25 и 26**; рис. 4,*18*; 11,*8,9*). Из натечного грунта также извлечены железные пластина и стержни (**№№ 27 и 28**; рис. 11,*13,14*), три кремня (**№ 29**; рис. 11,*17–19*). Отметим, что все сохранившиеся кости из погребений и перечисленные находки зафиксированы в натечном грунте, они были переворошены грабителями.

Описание находок

1. Подвеска золотая в форме трилистника, украшенная тремя гнездами – двумя круглыми и одним каплевидным, из напаянной ребром узкой пластины. В одном из круглых гнезд сохранился фрагмент плоской вставки из красного полупрозрачного стекла. Вокруг каждого гнезда напаяна крупная зернь. В нижней части припаяна проволочная золотая петелька, а сверху – петелька для подвешивания из круглой в сечении бронзовой проволоки. Высота 2,7 см; ширина 1,5 см (рис. 10,*3*).
2. Четыре янтарные эллипсовидные уплощенные бусины. Длина 1,0–1,1 см (рис. 10,*4*).
3. Браслет серебряный из круглого в сечении массивного стержня с утолщенными, несомкнутыми концами, украшенными пятью поперечными, параллельными врезными линиями. Размер 5,7×6,8 см (рис. 10,*2*).
4. Перстень бронзовый литой, с сегментовидной в сечении шинкой и плоским, овальным щитком. Размер 2,2×2,3 см (рис. 10,*1*).
5. Фрагмент железного однолезвийного черешкового ножа с прямой спинкой. Длина 7,0 см (рис. 10,*16*).
6. Два фрагмента железного однолезвийного черешкового ножа с прямой спинкой. Длина 1,4 и 3,5 см (рис. 10,*13,14*).
7. Фрагмент лезвия железного однолезвийного ножа с прямой спинкой. Длина 4,7 см (рис. 10,15).
8. Две янтарные эллипсовидные уплощенные бусины. Длина 1,1 и 1,2 см (рис. 10,*5*).
9. Набор бус: А) бусина сферическая из черного глухого стекла. Диаметр 0,3 см (рис. 10,*7*); Б) пронизь в виде четырех сферических, объединенных в единую цепь бусин из стекла плохой сохранности с внутренней металлической прокладкой. Длина 1,8 см (рис. 10,*8*); В) две эллипсоидные бусины из стекла желтоватого прозрачного стекла с внутренней металлической прокладкой. Длина 0,7 и 0,8 см (рис. 10,*9*);

Г) одиннадцать янтарных эллипсовидных уплощенных бусин. Одна фрагментирована. Длина 0,8–1,2 см (рис. 10,*10*).

10. Серьга бронзовая в виде кольца из круглой в сечении проволоки с заостренными, сомкнутыми концами. Размер 1,4×1,5 см (рис. 10,*12*).
11. Бусина из слегка подправленной янтарной гальки с широким поперечным отверстием. Размер 1,8×2,0 см (рис. 10,*6*).
12. Пряжка железная с узкой, овальной, вытянутой в ширину рамкой из круглого в сечении стержня с сохранившейся в тыльной части петлей от рассыпавшегося язычка. Длина 2,7 см; ширина 4,4 см (рис. 11,*12*).
13. Пряжка железная с овальной, вытянутой в ширину рамкой из овального в сечении стержня и подвижным, пластинчатым язычком. Фрагментирована. Длина 2,7 см; ширина 3,9 см (рис. 11,*11*).
14. Пряжка железная с прямоугольной тыльной частью и округлой передней стороной, с остатками кожаного ремня. Длина 3,2 см; ширина 3,3 см (рис. 11,*10*).
15. Перстень бронзовый с узкой пластинчатой шинкой и небольшим овальным гладким щитком. Диаметр 2,0 см (рис. 11,*3*).
16. Бусина из слегка подправленной янтарной гальки с широким поперечным отверстием. Фрагментирована. Размер 1,5×2,0 см (рис. 10,*11*).
17. Бляшка бронзовая, круглая, украшенная в технике перегородчатой инкрустации плоскими стеклянными вставками. По краю напаяна сканная проволочка, имитирующая зернь. Разломана на 4 части, фрагментирована, стекло плохой сохранности. Диаметр 1,7 см (рис. 11,*2*).
18. Вставка полуэллипсоидная, полая из темно-синего полупрозрачного стекла. Возможно, украшала щиток перстня № 4. Размер 0,8×1,1 см (рис. 11,*1*).
19. Кольцо бронзовое литое сплошное, пластинчатое. Диаметр 2,8 см (рис. 11,*5*).
20. Пряжка бронзовая с круглой рамкой с прямой тыльной стороной и прогнутым, сегментовидным в сечении язычком. Длина 2,3 см; ширина 2,1 см (рис. 11,*6*).
21. Пряжка бронзовая граненая, с треугольным выступом в передней части и подвижным, граненым язычком. Длина 2,4 см; ширина 2,5 см (рис. 11,*7*).
22. Пряжка обувная бронзовая цельнолитая с В-образной рамкой, небольшим квадратным щитком и остатками железного язычка. На обратной стороне щитка – две небольшие заклепки для крепления на ремне. Длина 2,0 см; ширина рамки 1,7 см (рис. 11,*4*).
23. Обувная пряжка с В-образной рамкой и геральдическим щитком, штампованная из тонкой бронзовой пластины. Фрагментирована. Длина 2,6 см (рис. 11,*16*).
24. Язычок от пряжки бронзовый из узкой, тонкой пластины. Возможно, от пряжки № 23. Длина 1,4 см (рис. 11,*15*).
25. Нижняя, закругленная часть наконечника ремня из тонкой бронзовой пластины. По центру – узкая прорезь. Размер 1,1×1,4 см (рис. 11,*9*).
26. Бронзовая заклепка-гвоздик с небольшой полусферической шляпкой. Высота 0,8 см (рис. 11,*8*).
27. Железная узкая пластина. Размер 1,1×2,7 см (рис. 11,*14*).
28. Два железных кованых, квадратных в сечении стержня. Один загнут. Возможно, от гвоздей. Длина 3,5 и 3,7 см (рис. 11,*13*).
29. Три кремня. Размеры: 1,8×2,4, 1,2х2,5 и 2,0×2,4 см (рис. 11,*17–19*).

Для датировки склепа 384 показательны выявленные в нем находки. Цельнолитая обувная застежка с В-образной рамкой (рис. 11,*4*) характерна для второй половины VI – первой половины VII в. [1, с. 39, тип II/4-2, рис. 39,14; 40,4]. Бронзовая граненая пряжка с треугольной передней стороной (рис. 11,*7*) относится к треугольнорамчатым застежкам 4-го варианта, бытовавшим в Крыму во второй половине VI – VII в. [1, с. 41, рис. 38,9,10]. Они найдены в Алмалык-Дере – в склепе 56/1997 с инвентарем VI в. [14, Taf. 18,3,4],

в Суук-Су – в могиле 192 с поясным набором второй половины VI – VII в. [1, с. 41, рис. 2,82; 38,9,10], на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен – в склепе 338, вместе с бронзовой пряжкой типа «Сиракузы» VII в. и в склепе 380, с вещами второй половины VI – первой половины VII в. [5, с. 235, рис. 155,8; 6, с. 31, рис. 10,1]. Застежки этого типа хорошо известны по находкам на территории Византийской империи: в Анемориуме – в слоях VI – первой половины VII в. [15, p. 138, fig. 6,4,5], в Коринфе – вместе с предметами VII в. [13, p. 266, Pl. 113,2175,2177], в крепостях Подунавья – в комплексах VI в. [10, с. 460, Табл. 98,1102; 101,1144–1147]. Особенно много их выявлено в Големаново Кале [16, Taf. 12,8–11; 126,4–7]. З. Уэнце атрибутировала названные пряжки как застежки для сумочек или для узкого ремня, на котором подвешивался нож к поясу [16, S. 192–193].

Железные пряжки из склепа 384 сделаны с овальной рамкой (рис. 11,*11,12*). Они аналогичны железным застежкам из погребений VI – первой половины VII в. из могильников Юго-Западного Крыма [7, с. 179; 4, с. 183, табл. 49,12; 12, с. 158, рис. 8,1–4; 12,1,2; 21,5]. В VI в. такими пряжками застегивали поясные ремни, сумочки или ремешки для подвешивания ножа к поясу [12, рис. 16,4].

Среди украшений, найденных в склепе 384, отметим золотую фигурную подвеску со стеклянной вставкой и декором из зерни (рис. 10,*3*), относящуюся к группе изделий византийского круга, в раннесредневековое время пользовавшихся популярностью у элиты варваров – союзников империи [8, с. 97–99, кат. № 133, 134]. Браслеты с утолщенными концами с поперечными насечками или бороздками, аналогичные найденному в склепе 384 (рис. 10,*2*), в Крыму вошли в моду во второй половине V в., а в VI–VII вв. стали одним из самых распространенных украшений для рук в парадном женском костюме крымских готов [5, с. 260].

Набор бус из склепа 384 (рис. 10,*4–10*) типичен для погребений второй половины VI – первой половины VII в. из Юго-Западного Крыма. Для них характерно сочетание черного бисера и небольших, уплощенных янтарных бусин. Отметим, что обилие янтарных бусин в ожерелье можно считать хронологическим показателем. Так, из 291 янтарных бусин, происходящих из Лучистого из женских погребений с орлиноголовыми пряжками, только 43 связаны с комплексами второй половины VII в. Остальные обнаружены в захоронениях с пряжками 1-го и 2-го вариантов второй половины VI – первой четверти VII в. Небольшое количество янтарных бусин или их полное отсутствие в погребениях второй половины VII в. отмечено и в других могильниках Юго-Западного Крыма [11, с. 106].

Для уточнения датировки раскопанного склепа важно отметить тот факт, что в составе инвентаря отсутствуют византийские бронзовые цельнолитые пряжки VII в., которые в большом количестве встречаются в разграбленных, расположенных выше по склону погребальных сооружениях. Видимо, склеп 384, как и другие погребальные сооружения, открытые на этом участке некрополя, использовался в последние десятилетия VI – первой половине VII в.

Склепы Т-образной планировки с коридорчиком-входом между дромосом и камерой появились в Юго-Западном Крыму около середины III в. на могильниках, принадлежавших переселившимся из Приазовья аланам [5, с. 42–43]. Склепы с такой конструкцией в Юго-Западном Крыму существовали до конца IX в., а на могильнике у с. Лучистое в них хоронили и до XII в. [2, с. 127; 4, рис. 34,14–29, табл. 9]. Особенность конструкции камеры – наличие ниш-подбоев для детских погребений – зафиксирована впервые в погребальном сооружении, принадлежавшем представителям гото-аланского населения Юго-Западного Крыма раннесредневекового времени. Обычно такие подбои вырубались в длинных бортах дромоса [2, с. 127; 3, рис. 11; 14, Taf. 362,1; 363,3,5,6; 370,1; 6, рис. 6]. Необычная планировка камеры склепа позволяет говорить о том, что погребальные сооружения делались не только по определенному стандарту, но и с учетом пожеланий заказчика. Безусловно, публикация материалов, анализ особенностей конструкции погребальных сооружений, обряда и инвентаря дают нам ценнейшие, зачастую новые сведения о повседневной жизни жителей города на плато Эски-Кермен.

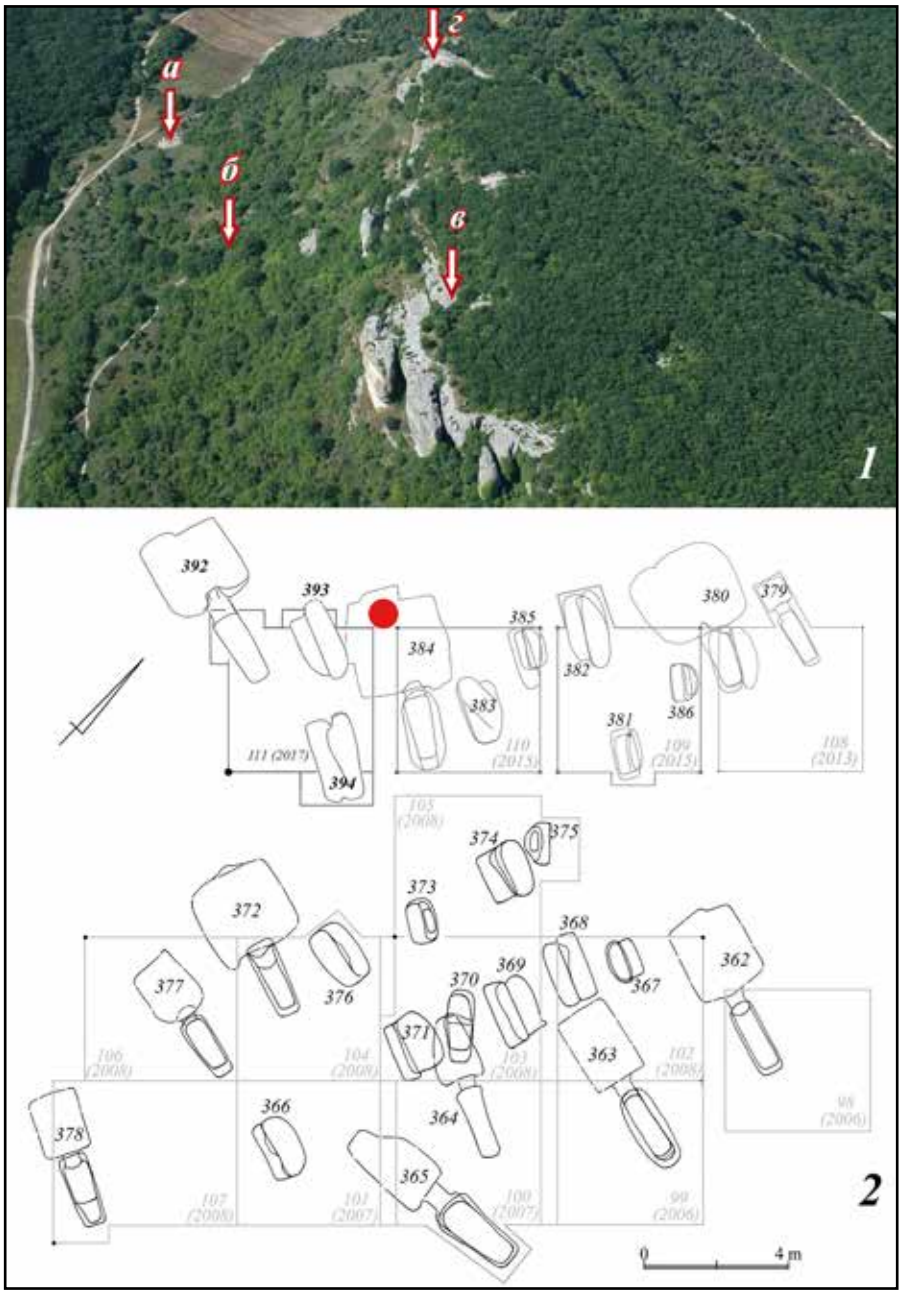

Рис. 1. Вид плато Эски-Кермен с северо-востока (*1*)
и план участка некрополя на юго-восточном склоне плато (*2*)
а – местоположение склепа 384; б – храм «Трех всадников»; в – восточная калитка;
г – главные городские ворота. 1 – аэрофотосъемка 2007 г.; 2 – чертеж автора

Fig. 1. View of the Eski-Kermen plateau from the northeast (*1*)
and plan of the necropolis site on the south-eastern slope of the plateau (*2*)
a – location of vault 384; b – temple of the “Three Horsemen”; c – eastern gate; d – main city gate.
1 – aerial photograph of 2007; 2 – author’s drawing

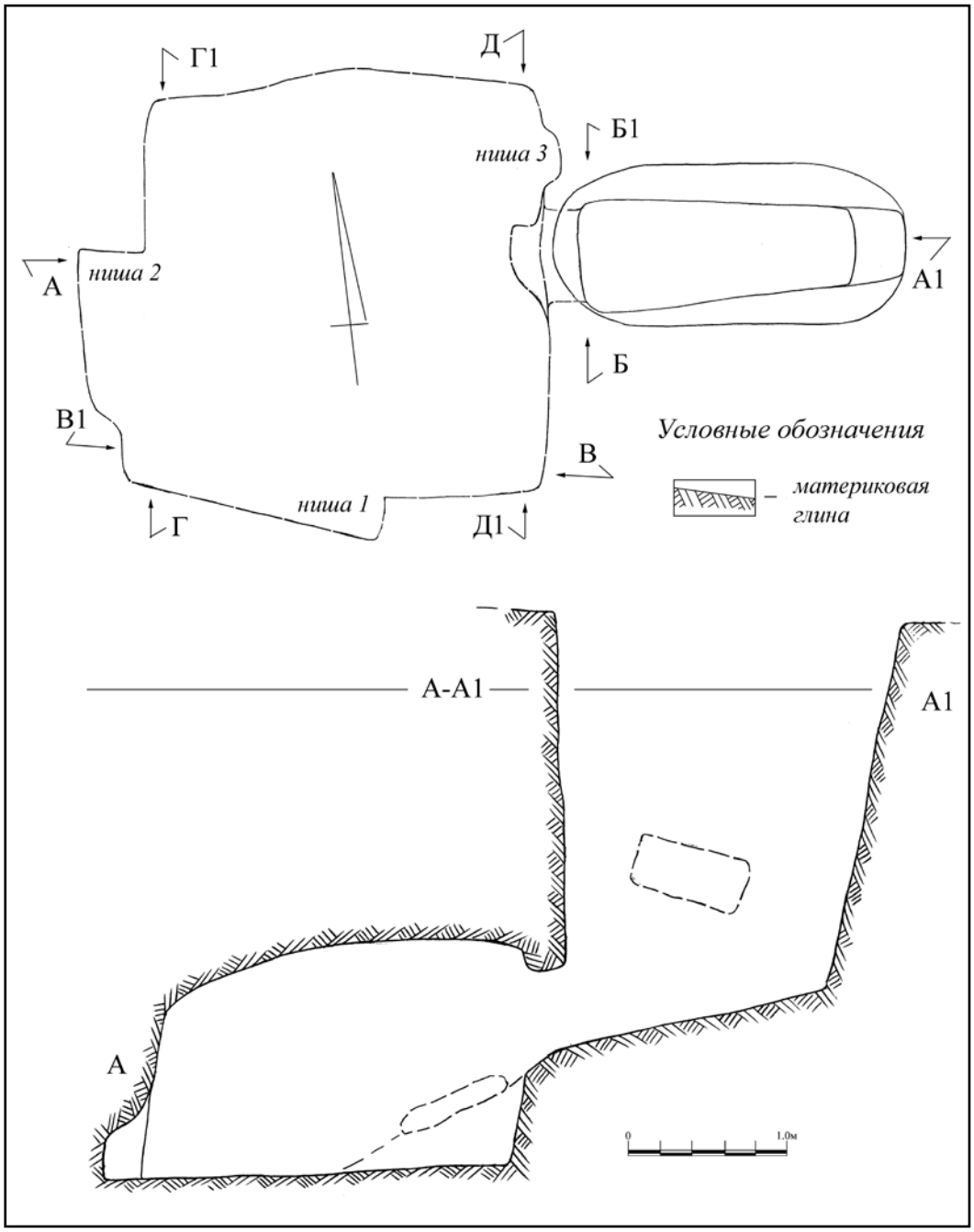

Рис. 2. Склеп 384. План и разрез к плану по линии А-А1 (чертеж автора)

Fig. 2. Vault 384. Plan and section to the plan along line A-A1 (drawing by the author)

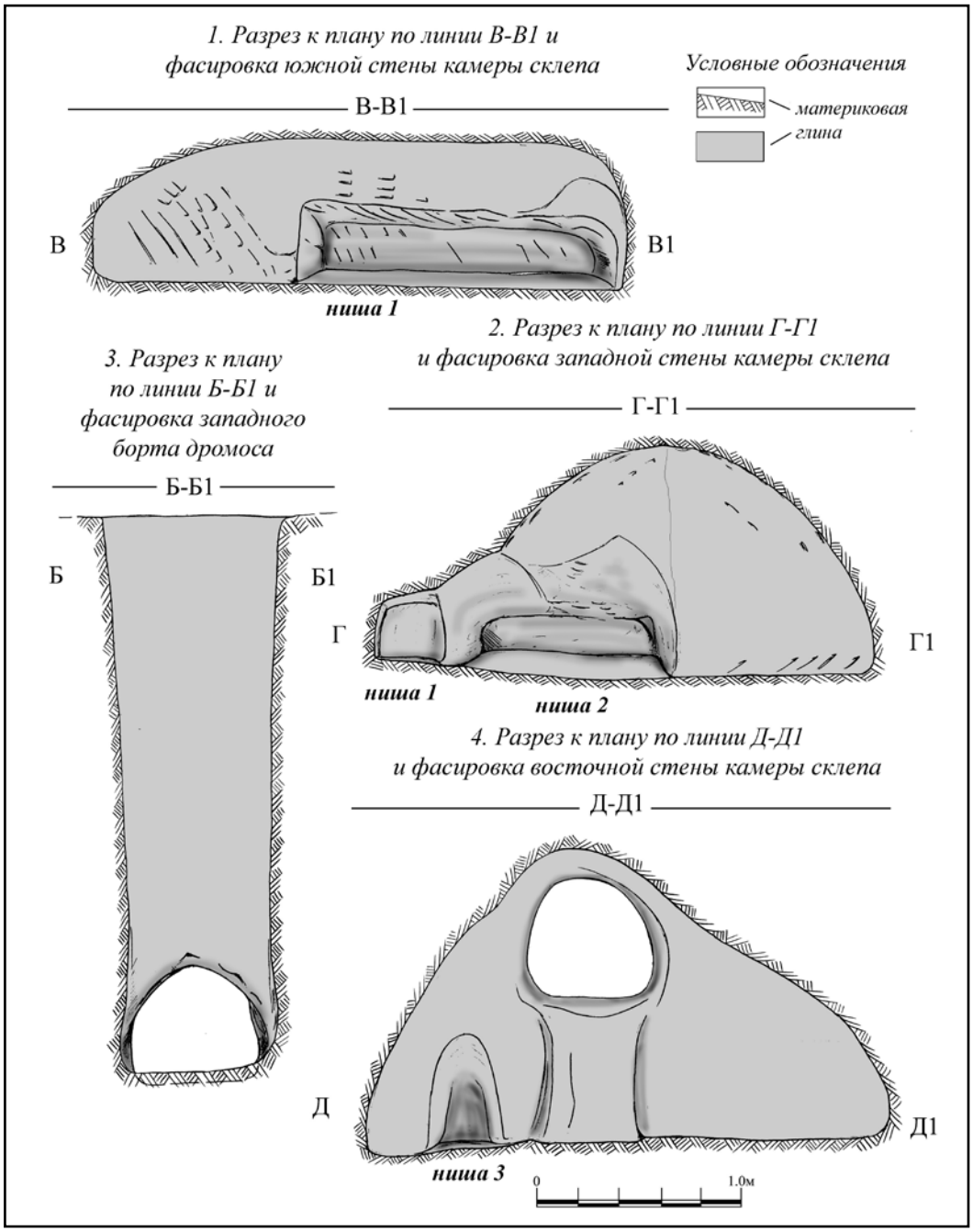

Рис. 3. Склеп 384. Разрезы к плану и фасировки стен (чертеж автора)

Fig. 3. Vault 384. Sections to the plan and wall facings (drawing by the author)

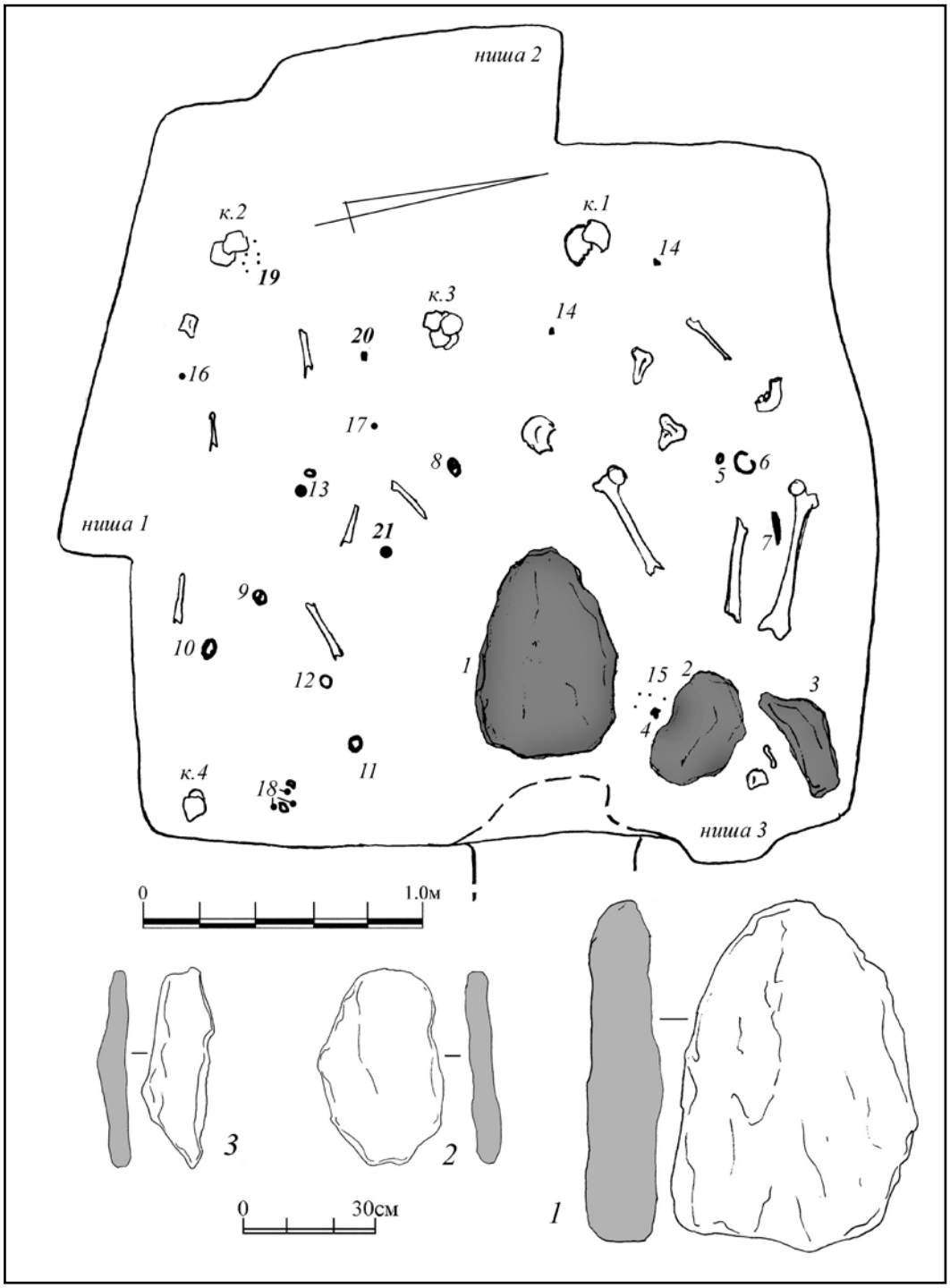

Рис. 4. Склеп 384. План камеры с находками (чертеж автора)

Fig. 4. Vault 384. Plan of the chamber with finds (drawing by the author)

Рис. 5. Склеп 384: *1* – дромос в процессе зачистки, вид с юго-востока; *2* – дромос после зачистки, вид с востока; *3* – юго-западная часть камеры с двумя нишами, вид с северо-востока (фото автора)

Fig. 5. Vault 384: *1* – dromos in the process of clearing, view from the southeast; *2* – dromos after clearing, view from the east; *3* – southwestern part of the chamber with two niches, view from the northeast (photo by the author)

Рис. 6. Склеп 384. Общие виды камеры с юго-востока (фото автора)

Fig. 6. Vault 384. General views of the chamber from the southeast (photo by the author)

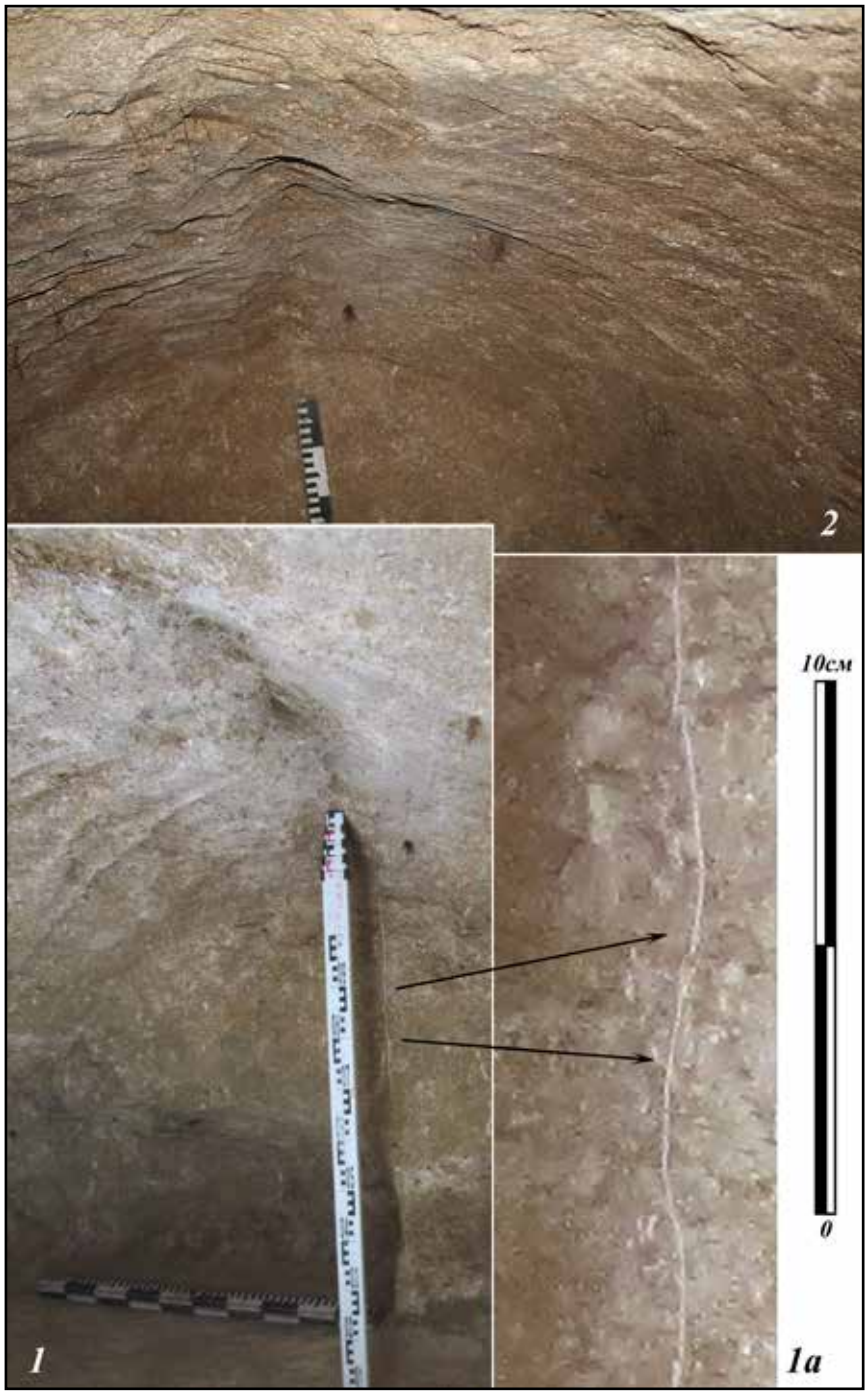

Рис. 7. Склеп 384. Свод камеры (*1, 2*) и линия разметки, прочерченная на западной стене (*1а*) (фото автора)

Fig. 7. Vault 384. The vault of the chamber (*1, 2*) and the marking line drawn on the western wall (*1a*) (photo by the author)

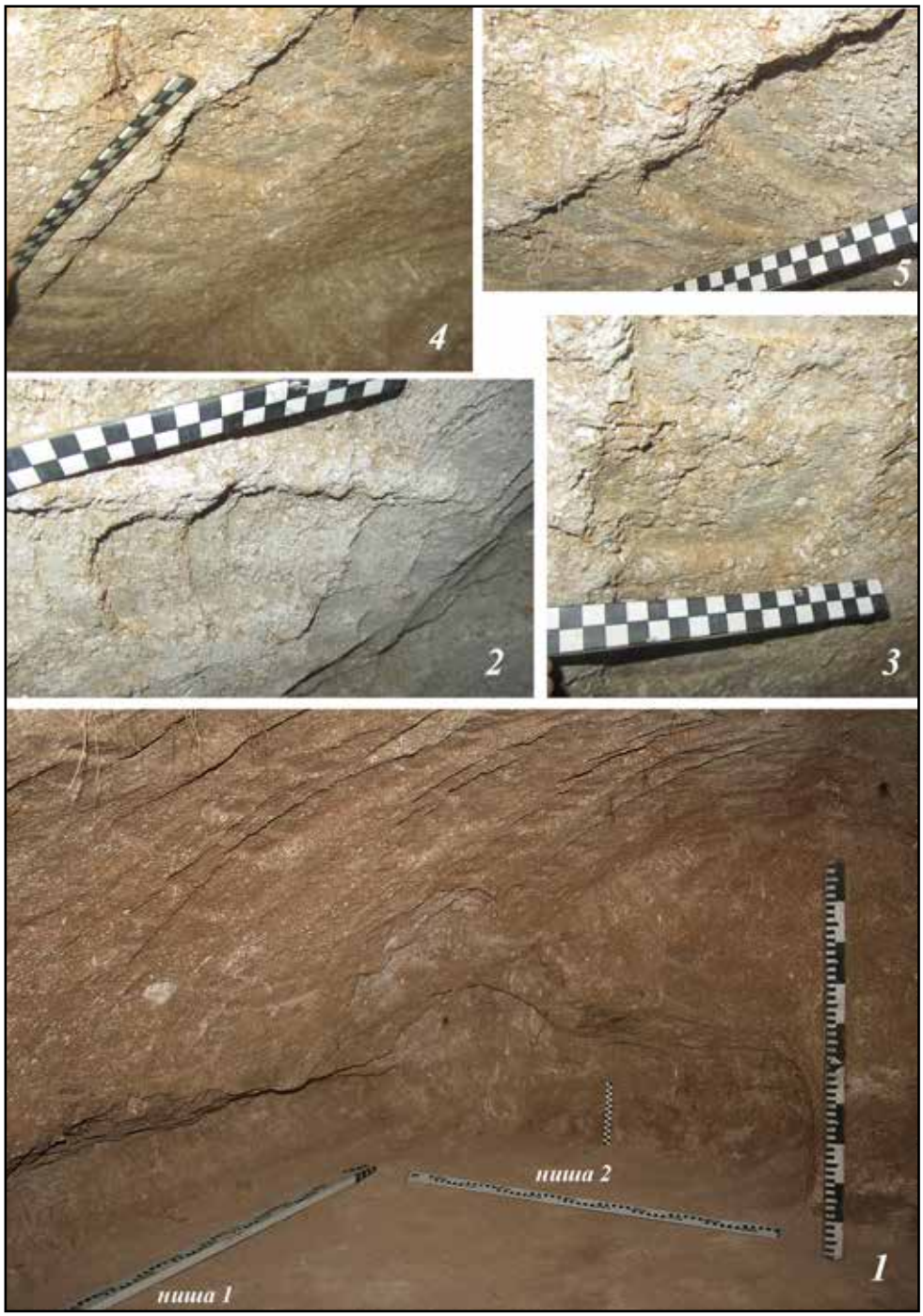

Рис. 8. Склеп 384. Свод камеры со следами инструмента, которым работали могильщики. Общий вид (*1*) и детали (*2–5*) (фото автора)

Fig. 8. Vault 384. The vault of the chamber with traces of tools used by gravediggers. General view (*1*) and details (*2–5*) (photo by the author)

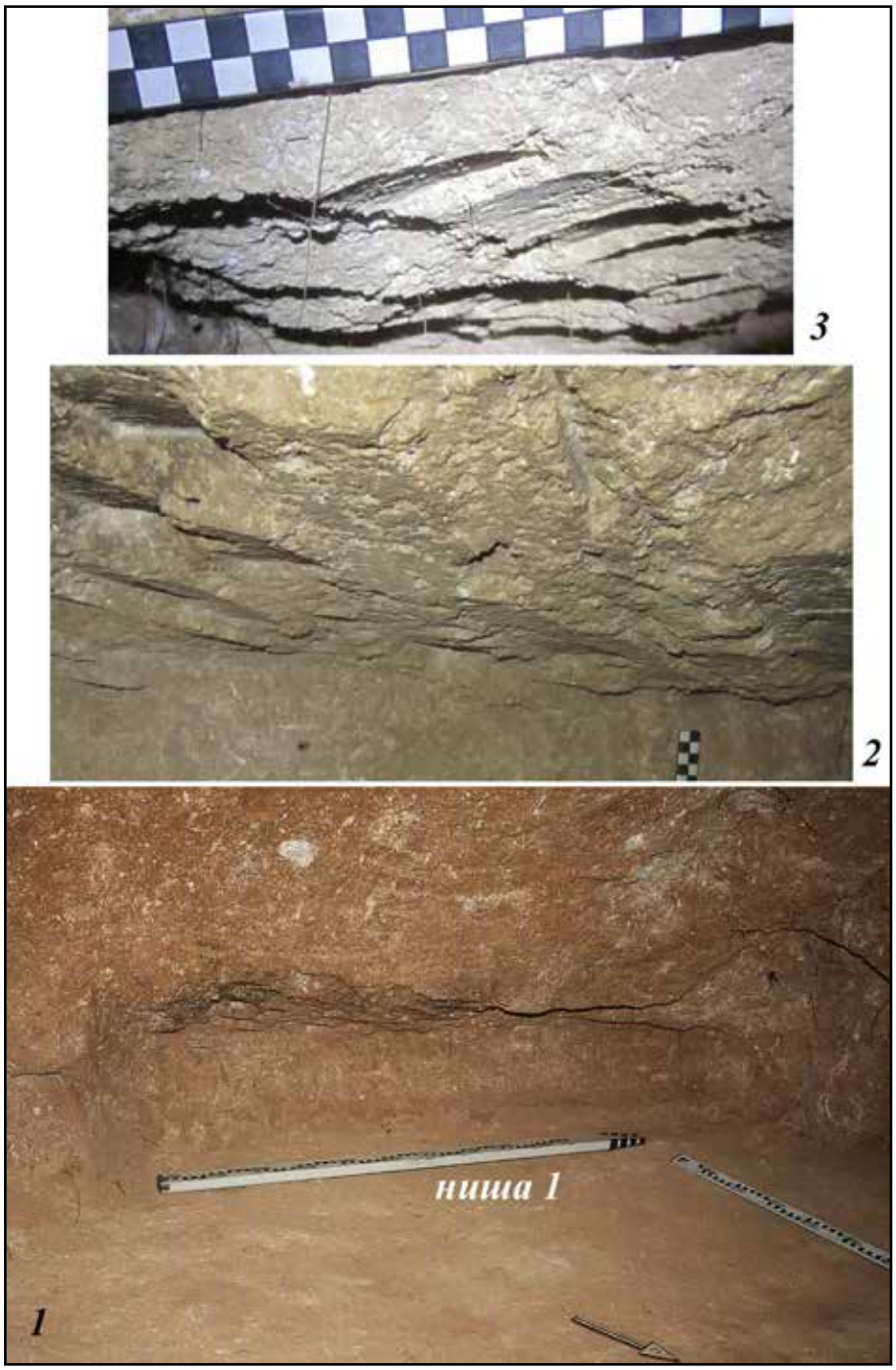

Рис. 9. Склеп 384. Ниша 1. Общий вид с северо-востока (*1*) и участки потолка со следами инструмента, которым работали могильщики (фото автора)

Fig. 9. Vault 384. Niche 1. General view from the northeast (*1*) and sections of the ceiling with traces of tools used by gravediggers (photo by the author)

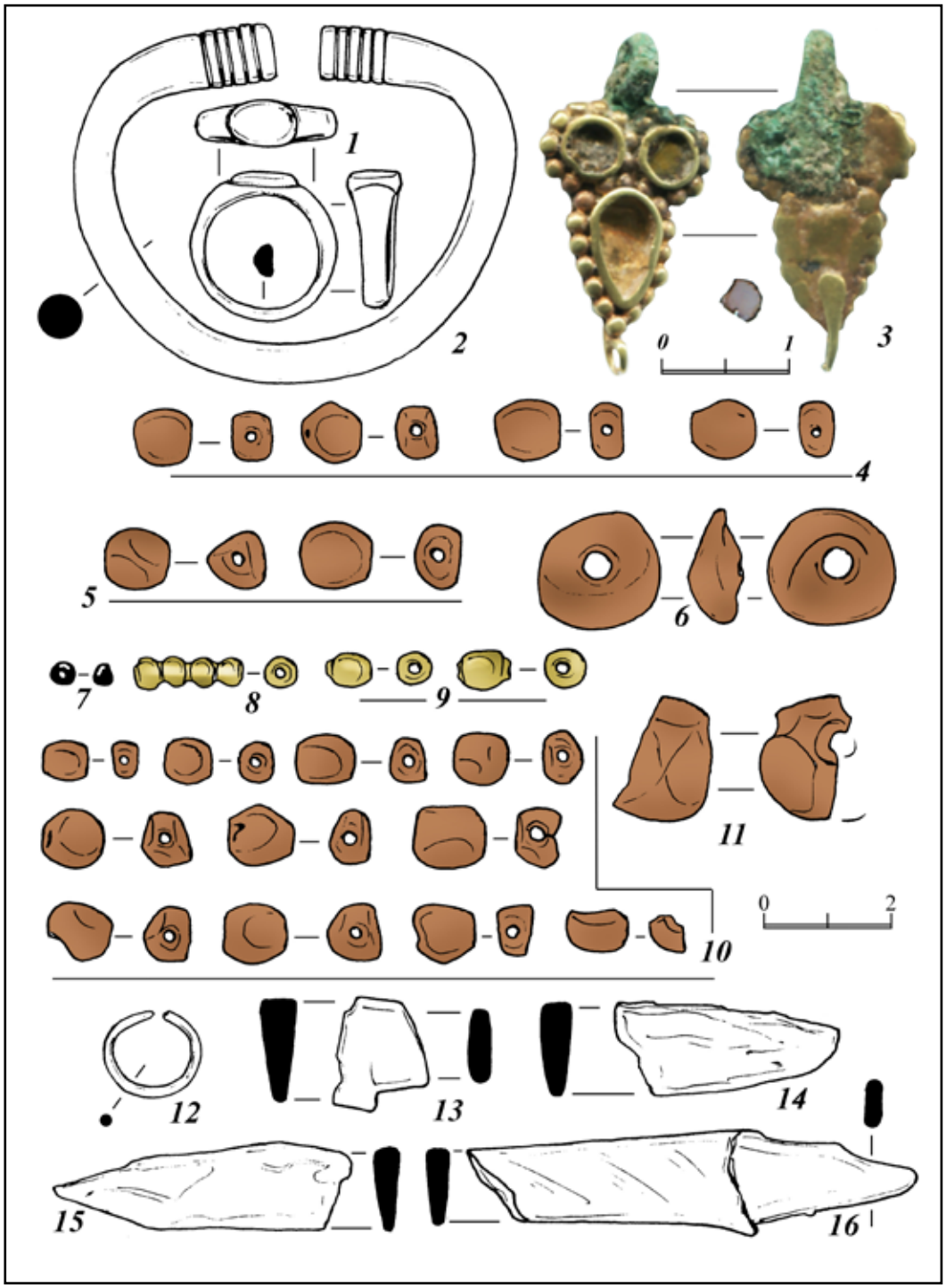

Рис. 10. Находки из склепа 384 (рисунок и фото автора)

Fig. 10. Finds from vault 384 (drawing and photo by the author)

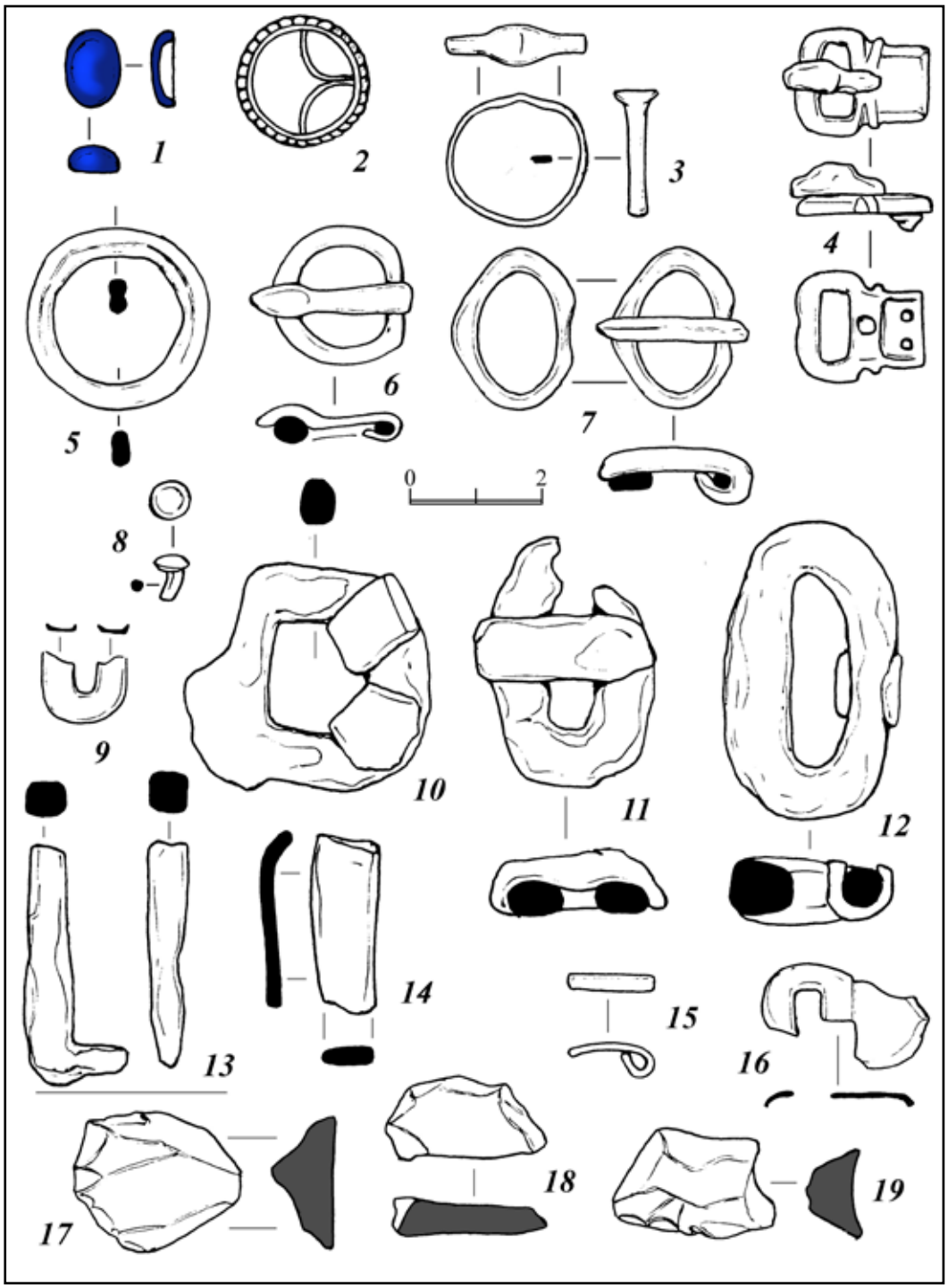

Рис. 11. Находки из склепа 384 (рисунок автора)

Fig. 11. Finds from vault 384 (drawing by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–85, 175–241.
2. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–133, 365–383.
3. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раннесредневековые склепы некрополя на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен (по результатам раскопок 2013 г.) // Город на Внутренней гряде Крымских гор. Симферополь: Антиква, 2024. С. 8–33.
7. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
8. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 271 с.
9. Лобода И.И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 2. С. 135–147.
10. Трайкова Л.А. Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей, 2017. 556 с.
11. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
12. Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 140–213.
13. Davidson G.R. Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Volume XII: The Minor Objects. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1952.
14. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Cernyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim. Mainz: RGZM, 2016. 214 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
15. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context // City, Town and countryside in the Early Byzantine Era / ed. R.L. Hohlfelder. New York: Columbia University Press, 1982. P. 133–163.
16. Uenze S. Die Spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Ergebnisse der deutsch-bulgarisch-österreichischen Ausgrabungen 1934–1937. Munich: C. H. Beck, 1992. 600 S. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43).

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Chronology of the Cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine Periods. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 3–85, 175–241.
2. Aibabin A.I. Cemeteries of the 8th – the beginning of the 10th centuries in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 121–133, 365–383.
3. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Early medieval vaults of the necropolis on the south-eastern slope of the Eski-Kermen plateau (based on the results of excavations in 2013). *Gorod na Vnutrennei griade Krymskikh gor* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains], Simferopol, Antikva Publ., 2024, pp. 8–33.
7. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogil'nik* [Skalistinsky cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
8. Zalesskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii* [Monuments

of Byzantine applied art of the 4th–7th centuries: collection catalogue]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2006, 271 p.
9. Loboda I.I. New early medieval burial grounds in the South-West Crimea. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1976, no. 2, pp. 135–147.
10. Traikova L.A. *Kolan»t iuzhno ot Dolen Dunav – kraia na III – nachaloto na VII v.* [Kolant south of Dolen Dunav – edges in the 3rd – beginning in the 7th century]. Sofia, National Archaeological Institute with Museum Publ., 2017, 556 p.
11. Khairedinova E.A. Woman's costume with Southern-Crimean eagle-headed buckles. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 91–133.
12. Khairedinova E.A. Excavations of Necropolis on the Slope of Eski-Kermen Plateau in 2006–2008. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 140–213.
13. Davidson G.R. *Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Volume XII: The Minor Objects*. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1952.
14. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Cernyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim*. Mainz, RGZM, 2016. 214 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
15. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context. R.L. Hohlfelder (ed.), *City, Town and countryside in the Early Byzantine Era*. New York, Columbia University Press, 1982, pp. 133–163.
16. Uenze S. Die *Spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Ergebnisse der deutsch-bulgarisch-österreichischen Ausgrabungen 1934–1937*. Munich, C. H. Beck Verlag, 1992, 600 S. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43).

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Author information

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Deputy Director for Research of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.146-156

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В КОНТЕКСТЕ КРЕПОСТНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ФРОНТИРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Никита Дмитриевич Денисенко
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
mongrien.1959@yandex.ru

Аннотация. Возведение крепостных сооружений на плато Эски-Кермен в юго-западном Крыму является частью политики Византийской империи при династии Юстиниана по укреплению рубежей государства в сложных контактных зонах – подобный взгляд в настоящий момент является общепринятым и подтверждается археологическими открытиями. Однако уникальные черты композиции крепостного ансамбля, вписанного в сложный ландшафт плато, позволяли выдвигать и другие предположения об истории его происхождения. Одной из проблем таких гипотез являлось рассмотрение городских укреплений Эски-Кермена вне историко-археологического контекста. Тем не менее, до сих пор их связь с аналогичными комплексами ранневизантийского фронтира рассматривалась лишь поверхностно – решение этой проблемы является необходимым этапом исследований средневекового города на плато Эски-Кермен.

Ключевые слова: оборонительные укрепления, средневековый город, плато Эски-Кермен, Крым, византийский фронтир, городская история

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00076-П «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и новое время», https://rscf.ru/project/20-18-00076.

DEFENSIVE STRUCTURES ATOP OF THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN IN THE CONTEXT OF FORTIFICATION BUILDING ON THE EARLY BYZANTINE FRONTIER: PRESENTATION OF THE QUESTION

Nikita D. Denisenko
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
mongrien.1959@yandex.ru

Abstract. The construction of fortifications atop of the plateau of Eski-Kermen in the south-western Crimea was a part of the policy of the Byzantine Empire under the Justinian dynasty aimed at the strengthening of the borders of the state in difficult contact zones. Today this conclusion is generally accepted and confirmed by archaeological discoveries. However, the unique features in the layout of the fortress ensemble built into the complex landscape of the plateau allowed the researchers to put forward other hypotheses concerning the history of its origin. Among the problems of such hypotheses was that they observed the urban fortifications of Eski-Kermen outside the historical and archaeological context. Nevertheless, today their connection with similar complexes of the early Byzantine frontier has been considered only superficially. The solution of this problem is a necessary step for the researches of the mediaeval town located on the plateau of Eski-Kermen.

Keywords: fortifications, mediaeval city, Eski-Kermen plateau, Crimea, Byzantine frontier, urban history

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00076-П *The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period*, https://rscf.ru/project/20-18-00076.

Оборонительные укрепления на плато Эски-Кермен в юго-западном Крыму представляют собой сложный раннесредневековый фортификационный комплекс, растянувшийся через обрывы и узкие скальные подъемы более чем на километр. Внутри защищенного периметра на площади 8,5 га располагался город, возникший одновременно с крепостью на рубеже VI–VII вв. Плато Эски-Кермен представляет собой вытянутый с севера на юг скальный останец, протяженностью 1040 м, который довлеет над окружающими горными долинами. Высокие, до 60 м, обрывы в северной части плато переходят в более пологие склоны к югу, где оборудован воротный комплекс и подъездная дорога. Для этого строители крепости вырубили в склоне три марша серпантина колесного пути, который заканчивался погруженным на 3–4 м в глубину скалы проездом на вершину плато. Проезд предположительно перекрывался надвратной башней с двумя выступающими площадками, а сами ворота дополнительно защищены протейхизмой. Невысокие обрывы и подъемы на юго-востоке и западе плато защищались куртинами двухпанцирных крепостных стен, сложенных в позднеримской строительной технике *opus emplectum*. Отличительной особенностью данного фортификационного комплекса является использование в обороне вырубленных подземных сооружений, т.н. пещерных казематов. Они использовались для контроля узких пространств, играли роль сторожевых и складских помещений, а также являлись потернами, связывая между собой разноуровневые участки обороны. Уникальным примером потерны является узкий лестничный коридор северного дозорного комплекса, который через толщу скалы связывал боевой ход крепостной стены с площадкой на вершине скалы. Другим выдающимся сооружением является осадный колодец – гидротехническое сооружение глубиной 30 м, ко дну которого ведут 6 вырубленных лестничных маршей, состоящих из 90 ступеней. Название города и крепости неизвестно – впервые описавший их в 1578 г. польский путешественник Мартин Броневский назвал руины «настолько древними, что ни турки, ни татары, ни сами греки не знают названия их». Описания Эски-Кермена, составленные в XVII–XIX вв., носили в основном спекулятивный характер и нередко мифологизировали происхождение крепости [7, с. 293; 16, с. 18–21]

Основываясь на визуальном анализе памятника, проведённом в первой половине 1920-х гг., Н. Л. Эрнст первым предположил, что оборонительные укрепления на Эски-Кермене возведены византийскими зодчими. К сожалению, не имея возможности произвести археологические раскопки, он практически не видел остатков крепостных стен. Тем не менее, он предположил, что культуру строительства «пещерных городов» занесли в Крым византийцы из Малой Азии, а также увидел сходство с пещерными сооружениями византийской эпохи на Балканах и юге Италии [16, с. 37, 42–43].

В 1928–1935 гг. работами экспедиции ГАИМК под руководством Ф. И. Шмита и Н. И. Репникова открыта большая часть сооружений оборонительной линии на плато Эски-Кермен, прежде всего – подъемная дорога и южный воротный комплекс, и два участка стен на западном и восточном краю плато. Кроме того, зачищены некоторые пещерные сооружения в прилегающих к плато скалах, позже названные «казематами», а в нескольких местах открыта примыкавшая к стенам городская застройка. Уже в 1930 г. Ф. И. Шмит в «Отчетном докладе о работах в Эски-Кермене 1928–1930 гг.» делает несколько важных утверждений о характере памятника. Во-первых, безальтернативно определяет крепость на плато как византийскую, ссылаясь на полученный археологический материал. Во-вторых, предполагает, что в сооружении крепости участвовала строительная артель из Коммагены, ответственная за возведение крепости Рум-Кала на берегу Евфрата. В-третьих, утверждает, что укрепления потеряли оборонительное значение еще в первом тысячелетии – на это указывает культурный слой VII–IX вв. толщиной в 1,2 м над стеной (находки в слое стены он относит к V–VI вв.). Открытие «храмика с тарапаном» на линии крепостной стены позволило считать, что ее разобрали к XII в. В нескольких местах Ф. И. Шмит фиксирует попытки восстановления стен, однако не

приводит каких-либо тому подтверждений[1] [ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 28. Л. 10–13]. В отчётном докладе 1932 г. он предполагает, что укрепления города были разобраны в VIII в. после провала антихазарского восстания, а также помещает их в единую оборонительную систему на линии Инкерман – Эски-Кермен – Мангуп – Сюйрень – Качи-Кальон – Тепе-Кермен – Чуфут-Кале – Бакла, своего рода *limes tauricus* [ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–4].

В том же 1932 г. вышел в свет Готский сборник (Krim Gotica), который по большей части был посвящен результатам исследований Эски-Керменской экспедиции и работы Готской группы ГАИМК в целом. Открывала сборник статья В. И. Равдоникаса, в которой он, следуя установленной государством псевдонаучной стадиальной теории, подвергает резкой критике выводы Н. Л. Эрнста и определяет Эски-Кермен как город, возведенный по инициативе и силами местных «феодалов» при консультации византийских специалистов [12, с. 32–38]. Этой же позиции придерживается и Н. И. Репников, более того, он переносит центр готской области Дори, описанной Прокопием, с Мангупа на Эски-Кермен [13, с. 135–150]. Несмотря на неоднозначные выводы, работы Н. И. Репникова отличаются детальным описанием открытых комплексов обороны и являются важным источником по изучению крепостных сооружений на плато [7, с. 294–295]. Последовавшие в конце 1930-х – начале 1940-х гг. репрессии против исследователей Готской группы и начавшаяся война прервали научную дискуссию. Позицию В. И. Равдоникаса и Н. И. Репникова оспорил А. Л. Якобсон, считая Эски-Кермен подчеркнуто византийским памятником. Вместе с другими крепостями горного Крыма, он определил Эски-Керменские укрепления частью «длинных стен», описанных в трактате «О постройках» Прокопия Кессарийского [17, с. 223; 18, с. 63].

В 1957 г. опубликована статья Е. В. Веймарна «Оборонительные сооружений Эски-Кермена (Опыт реконструкции)», сформировавшая общее представление об обороне этого средневекового города, которое до сих пор не подвергалось значительному пересмотру. Однако в этой же публикации он предложил считать крепостные сооружения на плато местными (тавро-скифскими) по происхождению, вступив в спор как с предшественниками (А. А. Васильевым, Н. И. Репниковым, Ф. И. Шмитом), так и с современниками (А. Л. Якобсоном, М. А. Тихановой) [5, с. 29, 48–53]. Отчасти на это повлияли обстоятельства выхода статьи в свет. Так как этот эпизод важен не только для нашей темы, но и для истории науки, остановимся на нём подробнее[2].

В 1947 г. Е. В. Веймарн защитил кандидатскую диссертацию по теме «Оборонительные укрепления Эски-Кермена», написанную по материалам Эски-Керменской экспедиции ГАИМК. В том же году он стал научным сотрудником сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР. Первая версия будущей публикации под названием «Фортификационные сооружения эпохи раннего средневековья на Эски-Керменском городище (опыт реконструкции)» объемом 4 п.л. была готова тогда же и являлась выжимкой из диссертации [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 13. Л. 38]. Она была представлена 23 февраля 1948 г. на совещании сектора и принята положительно. В ходе ответов на вопросы Е. В. Веймарн подчеркнул важность преемственности местных традиций строительства, а в заключительном слове заметил: «*По совету П. Н. Надинского в работе… будут освещены порочные готские и византийские тенденции в исторической науке о Крыме, и отмечены правильные направления, связывающие памятники этого времени с местным населением*» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 16. Л. 6–7]. Сложности науки послевоенной эпохи в Крыму были связаны не только с восстановлением региона, но и с идеологическим давлением, усилившимся после депортаций крымских народов (1941 г. – немцев, 1942 г. – итальянцев, 1944 г. – крымских татар, армян, болгар и греков). Поиски новой крымской идентичности возложили, прежде всего, на историков и археологов – они за-

[1] Вполне вероятно, что в данном случае он имеет ввиду стены базилики в центре города.

[2] Выражаем благодарность заведующему научным архивом ИАК РАН Н. Н. Чемодурову за помощь в поиске данных материалов.

нялись борьбой с «готской теорией» и развитием автохтонных «славянских» гипотез в традициях теории стадиальности. Эти процессы оказали значительное влияние на аналитическую часть работы Е. В. Веймарна.

В ходе первой сессии по истории Крыма, проходившей 20–23 сентября 1948 г., Е. В. Веймарн выступил с докладом «Крепостные сооружения Эски-Кермена», который участники встретили критикой. Основные вопросы были посвящены византийской атрибуции памятника. А. Л. Якобсон предложил рассматривать Эски-Керменские укрепления в широком контексте исаров: «*Будет ли общим суждение, что это памятники Византии, которых так боятся. Да, их строили местные люди, но если бы здесь не было вампира-Византии, то не было бы необходимости строить эти громады. Строительство таких крепостей входило в политические цели Византии. Эта необходимость появилась и при новых кровососах – генуэзцах*». А. Н. Карасёв подытожил: «*Ответы Е. В. Веймарна никого не могут удовлетворить. Необходимо установить,* ***кто же строил крепость****…*» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 5. Л. 116–117]. По результатам сессии к печати был подготовлен сборник трудов, в который вошла и статья Е. В. Веймарна [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 32. Л. 3]. Она была представлена на рецензию доктору архитектуры Н. Б. Бакланову, однако сама рецензия неизвестна [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 10. Л. 5].

Сборник трудов первой сессии по истории Крыма пролежал на полке до 1951 г. На это повлияли и новые политические обстоятельства – выход статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», обозначившей идеологический отказ от теории стадиальности. В связи с этим было принято решение отправить сборник на «дополнительную доработку» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 32. Л. 19]. Статья Е. В. Веймарна была отдана на рецензию доктору исторических наук А. П. Смирнову. Касаемо рассматриваемой темы он дал такую оценку: «*Автор прав, отмечая ошибочность в трактовке готского и византийского вопросов во многих исторических работах. Однако нельзя согласиться с той упрощенной и поверхностной постановкой проблемы какая дана в статье. После выхода в свет работы товарища Сталина… нельзя расценивать положительно труд В. И. Равдоникаса… написанный на основе нового учения о языке акад. Н. Я. Марра. Нет никаких оснований эту глубоко порочную работу называть «интересной, интереснейшей»*[3] *… Отбрасывая мнения о наличии готов в Крыму и необоснованно заявляя: «Мы считаем, что с готским вопросом необходимо раз и навсегда покончить. Раз нет в Крыму памятников материальной культуры и следов языка, которые можно отнести к готам, значит таковых в Крыму, как народа – никогда и не было», автор никак не оценил ни свидетельств Рубрука, ни авторов XVI в., отметивших среди многих языков Крыма готский… Точно также поверхностно дана критика положений, связанных с ролью Византии в Крыму».* А. П. Смирнов не разделил резкую критику предыдущих поколений исследователей, но поддержал борьбу автора с «*преувеличением роли Византии в культурной жизни Тавриды*» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 32. Л. 85-87]. В этой связи необходимо отметить, что «*борьба с лженаучной немецко-фашистской теорией о господстве готов в Крыму и против византийской теории*» обозначена в аннотации научной (плановой) темы Е. В. Веймарна [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 28. Л. 18]. Рукопись статьи от 1948 г. хранится в Научном архиве ИАК РАН. Широкое вступление в ней посвящено «развенчанию» византийского мифа и осуждению А. Л. Якобсона за «слепое преклонение перед Византией». Е. В. Веймарн отвергает представление об Эски-Кермене как о византийском городе и на этом строит работу [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 1. Д. 13. Л. 5–16].

Труды первой сессии по истории Крыма так и не вышли. Скорее всего, статья Е. В. Веймарна готовилась к публикации в выпуске № 34 «Материалов исследований

[3] Критике работы В. И. Равдоникаса также уделено значительное внимание в докладе П. Н. Шульца на сессии, посвященной 30-летию установления советской власти в Крыму (1950 г.) [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 22. Л. 18].

по археологии СССР» (1953 г.), который был посвящен юго-западному Крыму, однако по какой-то причине она в него не вошла [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 3. Д. 4. Л. 14; 7, с. 4]. В 1956 г. началась подготовка к изданию сборника статьей «История и археология средневекового Крыма», в котором многострадальную работу поместили в начало выпуска. Е. В. Веймарн значительным образом переписал аналитическую часть статьи, отказавшись от политизированных утверждений и «риторики борьбы», однако не отошел от позиций «автохтонной» теории возникновения Эски-Керменских укреплений, продолжая развивать гипотезу таврского происхождения строительных техник. Эти утверждения ожидаемо подверглись критике в рецензиях. А. П. Смирнов, который несколько лет назад поддержал взгляды Е. В. Веймарна, на этот раз предложил «*несколько смягчить категоричность утверждения о местном происхождении пещерных городов и усилить освещение существующих связей с Византией и Херсонесом. Эти связи были, не они определили постройку городов, но, по-видимому, византийцы принимали участие в этом мероприятии*» [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 17]. Доктор исторических наук М. И. Максимова отмечает, что в статье «*имеются исторические выводы, вызывающие возражения. Рецензируемая статья грешит ложным пониманием самобытности Крыма, проявляющейся, например, в неправильной оценке якобы специфических таврских приёмов*» [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 25]. К отзыву М. И. Максимовой приложена неподписанная рецензия, которая, скорее всего, также принадлежит её авторству. В ней она несколько раз возвращается к поднятой проблеме, например, называет теорию о местном происхождении системы кладки «*глубоким заблуждением автора, основанным по-видимому, на недостаточном знакомстве с историей античной строительной техники*». По её мнению, «*указанная техника стеностроительства была широко распространена в Средиземноморских и Причерноморских областях еще в античности (в Сирии, М. Азии и т.д.), её описывает еще Витрувий*». М. И. Максимова считает, что она имеет весьма отдаленное сходство с кладкой таврских убежищ, обращая внимание на аналогичные стены Херсонеса. «*Нам представляется, что все рассуждения Е. В. Веймарна ... страдают чрезмерным увлечением автохтонностью*» [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 32]. Также М. И. Максимова обращает внимание, что Е. В. Веймарн пытается изолировать Херсонес от юго-западного Крыма, который отдаёт «местным феодалам», но подобное строительство, по её мнению, требует существования определенного сильного государственного образования, которым может быть только Византия, кроме того, она относит Эски-Кермен к ближайшим крепостям Херсонеса, указанным в «Войне с готами» Прокопия Кессарийского. «*Сколь ни отрицательна была роль Византии в истории Крыма, все же отмахиваться от фактов нельзя. Факты таковы, что Таврика в эпоху гуннского нашествия имела для всей византийской политики взаимоотношений со степняками громадное значение и нет ни малейших оснований сомневаться, что в конце V и в VI вв. Византия в Таврике и прежде всего в прибрежных районах, а также в ю.з. нагорье стремилась к господству и в действительности была господствующей силой. Для опровержения этого факта нужны новые материалы, но их у автора нет*» [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 28–29]. К этому мнению в своей рецензии присоединяется М. А. Тиханова. Она называет «таврскую» гипотезу Е. В. Веймарна «*теорией гипертрофированного автохтонизма, покоящейся на порочной теории стадиальности*» и утверждает, что элементы оборонительной системы Эски-Кермена характерны для Херсонеса, раннесредневековой Византии и укреплений Средиземноморья поздней античности – VII–VIII вв. (к местным особенностям можно отнести только пещерные комплексы и боевые площадки) [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 57]. Согласно отзыву А. П. Смирнова, Е. В. Веймарн смягчил категоричность своих утверждений после рецензии М. А. Тихановой [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 20]. Несмотря на это, «таврская» гипотеза всё равно заняла важное место в итоговой статье, хотя и не получила поддержки в научном сообществе. На протяжении следующих тридцати лет Эски-Кермен рассматривался только в контексте других византийских крепостей юго-западного Крыма.

Интерес к атрибуции памятника вновь появляется в исследованиях конца XX – начала XXI в. А. Г. Герцен в своей типологии относит существование Эски-Керменских укреплений к «догородскому» и «раннегородскому» периодам (VI–XIII вв.) и определяет их как византийские, кроме того, выдвигает предположение, что крепость перестраивалась в IX в. [6, с. 85–86]. А. И. Айбабин на основе нового археологического материала уточнил хронологические этапы существования города и его укреплений и поставил под сомнение теорию об основании крепости при Юстиниане I, перешагнув тем самым многолетний научный спор о месте Эски-Кермена в сообщениях Прокопия [1, с. 44–48]. Это предположение подтвердилось археологическими исследованиями восточной стены города в 2005–2008 гг., находки из слоя которой позволили датировать возведение Эски-Керменских укреплений концом VI – началом VII в., т.е. правлением императора Маврикия (582–602 гг.). Кроме того, новые открытия конструктивных особенностей возведения данной стены позволили опровергнуть гипотезу Е. В. Веймарна о «таврских» строительных приёмах [2, с. 132–136].

Таким образом, к настоящему моменту утвердилось мнение о возведении оборонительных укреплений на плато Эски-Кермен в рамках целенаправленной политики Византии по укреплению рубежей, расширившихся при правлении Юстиниана и его наследников.

Оборона границ Восточной Римской (Византийской) империи в это время играла ключевую роль в государственной политике. Вследствие обострившихся отношений с гуннскими племенами в Северном Причерноморье, император Юстиниан (527–565 гг.) укрепляет Херсонес и возводит в Крыму новые крепости – Алустон (Алушта) и Горзувиты (Гурзуф), как следует из трактата «О постройках» Прокопия Кессарийского, и подчиняет Боспор (534 г.). Новой угрозой в регионе стал Тюркский каганат, в последней четверти VI в. распространивший своё влияние на северо-восточное приграничье Византии. Вполне возможно, что строительство крепости на плато Эски-Кермен было частью ответной политики укрепления границ при императоре Маврикии (582–602 гг.). Если предположить, что это действительно так, то крепостные сооружения со сходными чертами необходимо искать на других участках византийского фронтира – прежде всего в Подунавье, где императоры юстиниановской династии укрепляли границу от авар и славян, а также в пределах созданного для удержания итальянских владений Равенского экзархата, Африканского экзархата и на подвижной восточной границе империи. Как следует из сообщений Прокопия и Агафия, а также из двух военных трактатов начала VII в. – анонимной Стратегики и Стратегикона Маврикия (или Псевдо-Маврикия), Византия стремилась не использовать крупные силы в открытом бою, сосредотачиваясь на возведении и обороне укреплений, которые также служили укрытием для местного населения [22, p. 1–3].

Ранневизантийская система обороны диоцезов Фракия и Дакия строилась на базе крепостей римского лимеса, от которых она унаследовала мощные крепостные стены и прямоугольные или веерообразные башни – данный тип оборонительных сооружений имеет мало общего с укреплениями на плато Эски-Кермен. Значительная часть крепостных стен VI в. здесь построена в технике *opus mixtum* (поочередном использовании кирпичей и каменных блоков в кладке). Тем не менее, все подобные сооружения были дополнены византийским нововведением – протейхизмой и периболом, которые играют важную роль в обороне южного воротного и северного дозорного комплексов Эски-Кермена. Новые крепости возводились в основном на Балканском лимесе для контроля горных проходов (к таким относятся Проватон, Шумены, Петрич-Кале, Тырново-Царевец, Девинград, Красен) [11, с. 19; 25, p. 4–7; 24, p. 54]. Место под их основание выбиралось с учетом высокой контактности приграничных территорий, поэтому чаще всего такие укрепления сооружались на неудобных, но хорошо защищенных скалах или выдающихся мысах, перерезающих русла рек (данный подход применялся повсеместно, похожие крепости встречаются, например, в Анатолии [29, p. 213–221]). Площадь внутри таких

оборонительных линий зачастую была небольшой и не имела источников воды, тем не менее почти всегда внутри таких сооружений возникали поселения. Всё это справедливо и для Эски-Кермена, который имеет с ними структурное сходство. Например, у крепости Проватон (Овеч) у г. Провадия (Болгария) похожим образом организован воротный комплекс с вырубленным в скале проездом, скальные лестничные переходы, соединяющие узлы обороны, на восточном краю крепости имеются вырубленные ниши, напоминающие сооружения у восточной калитки оборонительных укреплений на плато Эски-Кермен [11, с. 30]. Глубокие искусственные колодцы, цистерны и резервуары для сбора дождевой воды являются неотъемлемой частью ранних византийских крепостей, расположенных на вершинах скал (Проватон, Петрич-кале и др.). В ряде поселений городского типа к крепостным сооружениям примыкают зернохранилища, по форме напоминающие зерновые ямы Эски-Кермена и Баклы, где они также располагались вплотную к линии обороны (на Эски-Кермене известно как минимум три таких комплекса – первый, самый крупный, расположен прямо над восточной калиткой, второй – у «каземата № 1» южного воротного комплекса, а третий вытянулся по краю скалы возле западной крепостной стены). В крепостях Мезии данные сооружения встречаются как внутри городских стен, так и перед ними, нередко они располагаются внутри башен (как и цистерны для сбора воды). На Балканском лимесе часто встречаются кладки крепостных стен, построенных в технике *opus emplectum* с применением крупных квадров, как на Эски-Кермене (например, в стенах Девинграда), данная техника превалирует также и в крепостях Северной Африки [11, с. 64]. Её популярность объясняется простотой и скоростью возведения при высокой эффективности против стенобитных и камнеметательных орудий. Ширина куртин ранневизантийских укреплений Балканского лимеса колеблется от 1 до 4 м, чаще всего в диапазоне 1,5–2 м. Относительно небольшая высота при такой толщине объясняется сооружением стен около обрывов и крутых склонов. При этом боевой ход таких стен обычно имел деревянное расширение с тыльной стороны, некоторые исследователи предполагают наличие крытых галерей, подобных тем, что встречаются на крепостях африканского лимеса. Ворота защищались выступающими башнями, чаще всего U-образной формы. Для большего контроля, внутренняя сторона ворот иногда представляла собой пропунгакулум. На то, что Эски-Керменские надвратные укрепления необходимо реконструировать именно как пропунгакулум, указывал В. П. Кирилко [9, с. 284]. Всего по оценкам исследователей на территории диоцезов Фракия и Дакия в исследуемый период византийская администрация возвела не менее 116 укреплений [23, p. 479–480]. Множество крепостей небольшой площади на вершинах крутых холмов и скал встречаются в Далмации [30, p. 563; 4, с. 139–145]. В Сербии изучение таких памятников началось относительно недавно (Царичин Град, Елица-Градина, Маскаре-Бедем, Брангович-Еринин Град), но уже сделаны важные шаги – например, исследована эволюция боковых ворот этих крепостей, роль и значение которых в линии укреплений Эски-Кермена неоднозначны [28, p. 187–189]. На территории Эпира зафиксированы не менее 33 ранневизантийских укреплений, преимущественно возведенных в труднодоступных местах. Среди особенностей некоторых из них – встроенные в естественный ландшафт линии стен и подъездные дороги в несколько маршей [20, p. 238–240].

В Италии византийцы воспользовались не только позднеантичными укреплениями, но и остготскими крепостями, которые массово возводились при Теодорихе и прежде всего служили «хорошо охраняемыми зернохранилищами» [22, p. 29–30]. Линия византийской обороны от лангобардов была несколько отодвинута за естественную дугу Апеннинских гор, где перестроенные римские «кастеллари» и укрепления в естественно защищенных местах использовались для предотвращения проникновения в долины и, таким образом, вглубь фортификационной сети [22, p. 39]. Из-за подвижности границ и использования римского наследия как византийцами, так и остготами и лангобардами, археологи сталкиваются с трудностями при атрибуции памятников. Тем не менее, в Италии имеется целый ряд раннесредневековых поселений, занимавших вершины скал-

останцев и обладавших схожими с Эски-Керменскими укреплениями чертами – незамкнутой линией стен и пещерными сооружениями, в том числе глубокими колодцами с лестничными маршами (например, в Орвиетто).

В последние годы активизировалось исследование пещерных оборонительных и церковных сооружений в Каппадокии. Новые открытия в подобных комплексах позволили датировать многие из них V–VII вв., что хронологически соотносится с возведением крепости на Эски-Кермене [26, p. 55]. Пещерные сооружения встречаются в крепостях юго-восточного Причерноморья [30, p. 30]. Ранневизантийская крепость на крутом холме Кале-Тепе в Северной Лидии практически не имела башен – исследователи считают, что в них не было необходимости ввиду расположения укреплений на большой высоте [31, p. 375–377]. Оборонительные стены Эски-Кермена также не имеют башен, однако их роль обычно отводится пещерным «казематам», вырубленным в примыкающих к краю плато скалах. Ранневизантийские стены Амория в Фригии конструктивно схожи с Эски-Керменскими, сложены из крупных квадров и поставлены прямо на скальную поверхность [32, p. 199–202].

Суммируя вышесказанное, можно говорить о широком контексте ранневизантийских памятников, имеющих комплексы, аналогичные оборонительным укреплениям на плато Эски-Кермен. В статье намерено не приводились хорошо известные крупные укрепления городского типа, за рамками исследования остались многочисленные памятники других регионов империи. Оборонительная система Эски-Кермена представляет собой уникальный пример византийского инженерного искусства, однако отдельные его комплексы имеют много общего с традициями крепостного строительства V–VII вв. Их рассмотрение в контексте возможно только при полноценном анализе каждого такого комплекса. Анализу топографии и сравнительным исследованиям юго-восточной линии укреплений, северного дозорного комплекса, западных крепостных сооружений и южного воротного комплекса будут посвящены дальнейшие публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермена // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51, 236–242.
2. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 129–150.
3. Айбабин А.И. Укрепления ранневизантийской крепости на плато Эски-Кермен // IV Свято-Владимирские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Ариал, 2023. С. 6–13.
4. Бугарски И.Р., Додић С.Д., Здравковић В.М. Касноантичка и рановизантијска утврђења у левачком крају // САОПШТЕЊА. 2021. LIII. С. 135–162.
5. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–54.
6. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. С. 85–90.
7. Денисенко Н.Д. История исследований средневековых оборонительных сооружений на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 292–304.
8. Динчев В. Ранновизантийските крепости в България и съседните земи (в диоцезите Thracia и Dacia). София: АИМ-БАН, 2006. 140 с. (Разкопки и проучвания. Кн. 35).
9. Кирилко В.П. Надвратные башни укреплений юго-западной Таврики (XIV–XV вв.) // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 283–308.
10. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е.Ч. Скржинская. М., 1953. 436 с. (МИА. № 34).
11. Овчаров Д. Византийски и български крепости, V–X век. София, 1982. 171 с.
12. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и Готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 5–106.
13. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 107–152.
14. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 181–212.
15. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии: в 4-х т. Сухуми, 1975. Т. 4. 257 с.
16. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 15–43.
17. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. VI. С. 205–226.
18. Якобсон А.Л. О раннесредневековых стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 55–63.
19. Böhlendorf-Arslan B. Behind the Walls and in the Countryside. Reconstructing Byzantine Settlements and Their Environments in Anatolia: The Case of the Southern Troad // Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Eds. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar. 2021. P. 73–93.
20. Bowden W. A Window on an Uncertain World: Butrint and the Fortified Sites of Epirus in the 7th–9th Centuries AD // Fortified settlements in early medieval Europe: defended communities of the 8th–10th centuries. Oxford, Philadelphia, 2016. P. 235–247.
21. Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of The Pontos. Vol. 1. Washington, D.C., 1985. 398 p. (Dumbarton Oaks Studies. XX).
22. Christie N. Settlement and Defense of Byzantine and Longobard Northern and Central Italy. PhD Thesis. University of Newcastle, 1985. Vol. I. 375 p.
23. Dintchev V. The Fortresses of Trace and Dacia in the Early Byzantine Period // The Transition to Late Antiquity on the Danube and Beyond / ed. A.G. Poulter. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 479–546.
24. Dintchev V. Zikideva – an example of Early Byzantine urbanism in the Balkans // Archaeologia Bulgarica. 1997. No. 1/3. P. 54–77.
25. Grigorov V. The Byzantine Fortress “Krasen” Near Panagyurishte // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. F. Daim. J. Drauschke. Mainz: Verlag des RGZM, 2010. Teil 2.2. S. 1–28.
26. Jolivet-Lévy C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review // Eastern Christian Art. 2012–2013. Vol. 9. P. 53–62.
27. Mamuladze Sh., Kakhidze E. Roman and Byzantine Forts Survey in The South Eastern Black Sea Area // Pro Georgia. 2016. T. 26. P. 29–51.
28. Milinković M. Archäologische Notizen zu fortifikatorischen Lösungen bei frühbyzantinischen befestigten Anlagen in Serbien // Arheološki vestnik. 2015. Vol. 66. P. 173–203.
29. Niewöhner P., Vardar A. Churches, Caves, and Fortifications in the Upper Siberis/Kirmir River Valley. On the Byzantine Settlement Archaeology of Rural Galata, Central Anatolia. With an Appendix on a Roman Statue for Oragon, Tetrarch of the Tolistobogii by Stephen Mitchell and Levent Egemen Vardar

// Istanbuler Mieilungen. 2022. Bd. 72. P. 195–233.
30. Spehar P. Late Antique and Early Byzantine fortifications in Bosnia and Herzegovina (hinterland of the province of Dalmatia) // Höhensiedlungen zwischen Antike und Mittelalter von den Ardennen bis zur Adria / Hrsg. H. Steuer, V. Bierbrauer. De Gruyter, 2008. P. 559–594.
31. Tok E. Kharakipolis: A Byzantine Settlement and a Fortress in Northern Lydia // ANODOS: Studies of the Ancient World. 2008. No. 8. P. 375–384.
32. Tsivikis N. Amorium and the Ever-Changing Urban Space: From Early Byzantine Provincial City to Middle Byzantine Provincial Capital // Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Eds. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar. 2021. P. 191–215.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Main Stages in the History of the Town Site at Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51, 236–242.
2. Aibabin A.I. Problems on Chronology of Byzantine Fortress on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 129–150.
3. Aibabin A.I. Fortifications of the early Byzantine fortress on the Eski-Kermen plateau. V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Iu. Iashaeva (eds.), *IV Sviato-Vladimirskie chteniia: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1035-letiiu Kreshcheniia Rusi* [4th St. Vladimir's readings. Materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 1035th anniversary of the Baptism of Rus'], Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 6–13.
4. Bugarski I.R., Dodić S.D., Zdravković V.M. Late antique and early Byzantine fortifications in the Levac area. *SAOPSHTENA* [COMMUNICATIONS], 2021, LIII, pp. 135–162.
5. Veimarn E.V. Defensive structures of Eski-Kermen (Reconstruction experience). *Istoriia i arkheologiia srednevekovogo Kryma* [History and Archaeology of Medieval Crimea], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7–54.
6. Gertsen A.G. On the problem of the typology of medieval settlements in South-Western Taurica. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 85–90.
7. Denisenko N.D. Research history of mediaeval town fortifications atop of the plateau of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 292–304.
8. Dinchev V. *Rannovizantiiskite kreposti v B"lgariia i s"sednite zemi (v diotsezite Thracia i Dacia)* [Early Byzantine fortresses in Bulgaria and neighboring lands (in the dioceses Thracia and Dacia)]. Sofia, 2006, 140 p. (Razkopki i prouchvania [Excavations and surveys], 35).
9. Kirilko V.P. Gate towers of the fortifications of southwestern Taurica (14th–15th centuries). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 283–308.
10. *Materialy po arkheologii yugo-zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup)* [Materials on the archeology of the South-West Crimea (Chersonesos, Mangup)]. Ed. E.Ch. Skrzhinskaya, Moscow, 1953, 436 p. (Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 34).
11. Ovcharov D. *Vizantiyski i blgarski kreposti* [Byzantine and Bulgarian fortresses, V–X century], Sofia, 1982, 171 p.
12. Ravdonikas V.I. Cave cities of Crimea and the Gothic problem in connection with the stage-by-stage development of the Northern Black Sea region. *Izvestiia Gosudarst vennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 5–106.
13. Repnikov N.I. Eski-Kermen in the light of archaeological explorations of 1928–1929. *Izvestiia Gosudarst vennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 107–152.
14. Repnikov N.I. Remains of the fortifications of Eski-Kermen. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181–212.
15. Trapsh M. M. *Materialy po arkheologii srednevekovoi Abkhazii: v 4-kh t.* [Materials on the archeology of medieval Abkhazia: in four volumes]. Sukhumi, 1975, vol. 4, 257 p.
16. Ernst N.L. Eski-Kermen and cave cities of Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography], 1929, vol. 3, pp. 15–43.
17. Iakobson A.L. From the history of medieval architecture in Crimea. 2. Mangup Basilica. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1940, VI, pp. 205–226.
18. Iakobson A.L. About the early medieval walls of Mangup. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materi-*

al'noi kul'tury [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1949, vol. 29, pp. 55–63.
19. Böhlendorf-Arslan B. Behind the Walls and in the Countryside. Reconstructing Byzantine Settlements and Their Environments in Anatolia: The Case of the Southern Troad. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar (eds.), *Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*, 2021, pp. 73–93.
20. Bowden W. A Window on an Uncertain World: Butrint and the Fortified Sites of Epirus in the 7th–9th Centuries AD. *Fortified settlements in early medieval Europe: defended communities of the 8th–10th centuries*, Oxford, Philadelphia, 2016, pp. 235–247.
21. Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of The Pontos*. Vol. 1. Washington, D.C., 1985, 398 p. (Dumbarton Oaks Studies. XX).
22. Christie N. *Settlement and Defense of Byzantine and Longobard Northern and Central Italy*. PhD Thesis. University of Newcastle, 1985, vol. I, 375 p.
23. Dintchev V. The Fortresses of Trace and Dacia in the Early Byzantine Period. A.G. Poulter (ed.), *The Transition to Late Antiquity on the Danube and Beyond*. Oxford University Press, 2007, pp. 479–546.
24. Dintchev V. Zikideva – an example of Early Byzantine urbanism in the Balkans. *Archaeologia Bulgarica*, 1997, no. 1/3, pp. 54–77.
25. Grigorov V. The Byzantine Fortress "Krasen" Near Panagyurishte. F. Daim. J. Drauschke (Hrsg.), *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. Mainz, Verlag des RGZM, 2010, Teil 2.2, pp. 1–28.
26. Jolivet-Lévy C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review. *Eastern Christian Art*, 2012–2013, vol. 9, pp. 53–62.
27. Mamuladze Sh., Kakhidze E. Roman and Byzantine Forts Survey in The South Eastern Black Sea Area. *Pro Georgia*, 2016, T. 26, pp. 29–51.
28. Milinković M. Archäologische Notizen zu fortifikatorischen Lösungen bei frühbyzantinischen befestigten Anlagen in Serbien. *Arheološki vestnik*, 2015, vol. 66, pp. 173–203.
29. Niewöhner P., Vardar A. Churches, Caves, and Fortifications in the Upper Siberis/Kirmir River Valley. On the Byzantine Settlement Archaeology of Rural Galata, Central Anatolia. With an Appendix on a Roman Statue for Oragon, Tetrarch of the Tolistobogii by Stephen Mitchell and Levent Egemen Vardar. *Istanbuler Mieilungen*, 2022, Bd. 72, pp. 195–233.
30. Spehar P. Late Antique and Early Byzantine fortifications in Bosnia and Herzegovina (hinterland of the province of Dalmatia). H. Steuer, V. Bierbrauer (Hrsg.), *Höhensiedlungen zwischen Antike und Mittelalter von den Ardennen bis zur Adria*. De Gruyter, 2008, pp. 559–594.
31. Tok E. Kharakipolis: A Byzantine Settlement and a Fortress in Northern Lydia. *ANODOS: Studies of the Ancient World*, 2008, no. 8, pp. 375–384.
32. Tsivikis N. Amorium and the Ever-Changing Urban Space: From Early Byzantine Provincial City to Middle Byzantine Provincial Capital. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar (eds.), *Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*, 2021, pp. 191–215.

Информация об авторе

Денисенко Н. Д. – младший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, AuthorID: 1174790.

Author information

Denisenko N. D. – Junior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.157-182

К ДИСКУССИИ О «ПРИЧЕРНОМОРСКИХ» И «ГЛОБУЛЯРНЫХ» АМФОРАХ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКЕ. НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ИХ ХРОНОЛОГИИ И АТРИБУЦИИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Валерий Евгеньевич Науменко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314

Аннотация. В работе рассматриваются результаты современных исследований основных видов амфорной тары в Византийской Таврике для периода «темных веков». Анализируются новые археологические комплексы из Крыма, Нижнего Подонья, Таманского полуострова и Северного Кавказа с привозными «глобулярными» амфорами и производившимися в гончарных центрах Крымского полуострова «причерноморскими» амфорами, опубликованные за последние 15 лет. Делается вывод о том, что во второй половине VII – первой половине VIII вв. на местном рынке основным видом амфорной продукции являлись импортные византийские «глобулярные» амфоры, которые продолжали регулярно поступать в Северное Причерноморье и позднее, вплоть до середины – второй половины IX в. Об этом свидетельствуют, прежде всего, материалы раскопок Мангупской крепости в Горном Крыму. Доминирующим видом тарных сосудов для второй половины VIII – IX в. выступают уже «причерноморские» амфоры двух основных типов – гладкостенные с мелким зональным рифлением и с желобчатым корпусом (типа 1 и 2 по А. Л. Якобсону). Несмотря на показательную стратиграфическую ситуацию, выявленную в Сугдее и Фанагории, в их хронологической десинхронизации все еще нет необходимости. Примеры из раскопок Мангупского городища, производственных центров и поселений на южном берегу Крыма в целом показывают одновременность изготовления и обращения этих типов амфор. «Причерноморские» амфоры продолжали использоваться в торговле византийской Таврики вплоть до начала – первой половины X в. Помимо традиционного восточного направления (Таманский полуостров, Подонье, Приазовье) они массово вывозились и в другие регионы Причерноморья и, скорее всего, Восточного Средиземноморья. На это указывают находки желобчатых амфор типа 2 вдоль южного и западного побережья Черного моря, в портовой части Константинополя и, возможно, если обратить внимание на их морфологическую близость с амфорами типа Бутринт 2 / Бозбурун 1 / Еникапу 12 и нерешенность вопроса центра производства последних, в Эгейском и Адриатическом море. В заключении приведены аргументы о преждевременности попыток в историографии полностью отказаться от разработки традиционной типологической схемы развития «причерноморских» амфор и перейти на международную систему их атрибуции. Как следует из обзора наиболее важных современных открытий в области исследований средиземноморских «глобулярных» амфор, их изучение продолжает находиться на стадии формирования презентабельной источниковой базы, что сопоставимо с ситуацией с их аналогами из Крыма.

Ключевые слова: Византийская империя, «темные века», Византийская Таврика, «причерноморские» амфоры, «глобулярные» амфоры, византийская экономика, морская торговля, кораблекрушения

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

FOR THE DISCUSSION ON THE “BLACK SEA” AND “GLOBULAR” AMPHORAE IN BYZANTINE TAURICA. SOME OBSERVATIONS CONCERNING THEIR CHRONOLOGY AND ATTRIBUTION IN THE LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DATA

Valerii E. Naumenko
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russi
byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314

Abstract. This article addresses the results of modern studies of the main types of transport amphorae in the Byzantine Taurica for the period of the "Dark Ages." The analysis attracts new archaeological complexes from the Crimea, the Lower Don Area, the Taman Peninsula, and the North Caucasus containing imported "Globular" amphorae and the "Black Sea" amphorae produced in the pottery centres of the Crimean Peninsula and published over the past 15 years. The conclusion is that from the second half of the seventh to the first half of the eighth centuries, the main type of amphora products on the local market were imported Byzantine "Globular" amphorae, which continued to arrive to the Northern Black Sea Area also later, as long as the middle or the second half of the ninth century. First of all, it comes from the materials excavated at the castle of Mangup in the mountainous Crimea. However, the dominant type of transport vessels from the second half of the eighth and ninth century were the "Black Sea" amphorae of two main types: smooth-walled with zones of fine corrugation and those with a grooved body (types 1 and 2 according to A. L. Iakobson). Despite the indicative stratigraphic situation revealed in Sougdaia and Phanagoreia, there is still no need for their chronological desynchronization. The examples excavated at the ancient town of Mangup, production centres and settlements on the Southern Coast of the Crimea generally show the synchroneity in the manufacture and circulation of these types of amphorae. The "Black Sea" amphorae continued to be used in the trade of the Byzantine Taurica as long as the beginning or the first half of the tenth century. In addition to the traditional eastern direction (Taman Peninsula, Don and Azov Sea Areas), they were also largely exported to other regions of the Black Sea and, most likely, the Eastern Mediterranean. This is indicated by the finds of grooved amphorae of type 2 along the Southern and Western coasts of the Black Sea, in the port area of Constantinople, and, possibly, if one pays attention to their morphological similarity to the amphorae of the Butrint 2 / Bozburun 1 / Yenikapu 12 types and the unsolved question of the centre of production of the latter, in the Aegean and the Adriatics. In conclusion, there appeared arguments that historiographic attempts in historiography to set aside the clarification of the traditional typological scheme of the development of the "Black Sea" amphorae and to replace it with the international system of their attribution are too anticipatory. As the review of the most important modern discoveries in the field of research of Mediterranean "Globular" amphorae has shown, their study is still at the stage of forming a presentable source base, which is comparable to the situation with their analogues from the Crimea.

Keywords: Byzantine Empire, "Dark Ages," Byzantine Taurica, "Black Sea" amphorae, "Globular" amphorae, Byzantine economy, maritime trade, shipwrecks

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Ministry of Education and Science, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

При всей значимости находок монет, эпиграфических надписей, предметов группы «small finds» в культурном слое археологических памятников, основополагающим для их атрибуции, особенно если речь идет о поселенческих структурах и городищах, по-прежнему остается анализ массового археологического материала, происходящего из раскопок и представленного, по большей части, различными группами керамических изделий. Говоря об актуальных проблемах изучения так называемой керамической хронологии[1] средневекового Крыма в византийский период его истории, необходимо специально остановиться на крайне дискуссионной проблеме соотношения между собой двух хорошо известных видов керамической тары – так называемых «причерноморских» амфор, изготовлявшихся в большом количестве во многих гончарных центрах южной части Крымского полуострова, и их византийских аналогов – «глобулярных» амфор.

«Причерноморские» амфоры давно известны в русскоязычной литературе применительно к археологии Крыма VIII–X вв. Еще в 1979 г. А. Л. Якобсон разработал их

[1] Здесь использован термин «керамическая хронология» по примеру хорошо известной работы Дж. Магнесс, посвященной атрибуции и хронологии археологических комплексов из раскопок Иерусалима для периода 200–800 гг. [55].

классификацию, сохраняющую свою актуальность до настоящего времени, выделив три основных морфологических варианта (типа) таких амфор – с вытянутым (яйцевидным) гладким корпусом, часто украшенным зонами мелкого гребенчатого рифления (далее – МЗР; тип 1), желобчатые (тип 2) и с шаровидным туловом, также, как правило, с МЗР в его верхней части (тип 3) [45, с. 29–32, рис. 12–13]. Византийские «глобулярные» амфоры (Byzantine Globular Amphorae) конца VII – IX в. стали предметом специальных исследований значительно позднее. По всей видимости, лишь в 2005 г. И. Врум впервые выделила их в отдельный класс с таким названием в своем керамическом гиде-определителе [63, p. 60–61], хотя в литературе для атрибуции находок продолжают использоваться и другие термины – тип LRA 2/13, тип «Отранто», тип «Ясси-Ада 2b (поздний вариант)», тип «Mitello 1», тип LRA 2C по Д. Пиери, тип Бутринт 2, класс Бозбурун 1, Ени-Капу 12 и др.

В 2009 г. были изданы материалы раскопок салтово-маяцкого неукрепленного поселения на месте античного городища Тиритака. Поселение имело три строительных яруса достаточно плотной, но иррегулярной по характеру застройки, которые датировались второй половиной VIII – первой половиной IX в., второй половиной IX в. и началом X в., после чего было оставлено жителями. Основу археологического комплекса находок составили «причерноморские» амфоры и салтово-маяцкая керамика, причем первые явно преобладали (около 75%). В ходе анализа выделены пять типов амфор: два основных (типы 1 и 2), соответствующих типам 1 и 2 по А. Л. Якобсону, и три более редких – с массивными ручками и сформованные из темно-красного сильно шамотированного теста (тип 3), с широким горлом и орнаментом в виде зон чередующегося мелкого линейного и волнистого рифления (тип 4) и с воронковидным горлом и венчиком в виде полувалика (тип 5) [20, с. 35–50]. Все разновидности амфорной тары из Тиритаки были определены как «причерноморские», но сейчас уже нет необходимости выделять в качестве отдельного 4-го типа амфоры с линейно-волнистым зональным орнаментом (это вариант общепринятого типа 1 по А. Л. Якобсону), а амфоры 5-го типа, скорее всего, необходимо атрибутировать как разновидность византийских «глобулярных» амфор. В монографии также обобщены все имеющиеся на середину 2000-х гг. сведения о хронологии, типологии, производстве и ареале находок «причерноморских» амфор. Если суммировать их, то можно сделать следующие выводы:

1. Датировка основных типов «причерноморских» амфор была отнесена ко второй половине VIII – началу XI в., хотя активный цикл их использования представлялся ограниченным периодом IX–X вв. Наиболее ранний и единственный на тот момент археологический комплекс второй половины VIII в. с амфорами типа 2 по А. Л. Якобсону из кургана в округе г. Чистяково (совр. г. Торез), датированный солидом Константина V (741–775) [38, с. 163–165, табл. 5], сейчас может быть дополнен синхронной ему могилой № 250 из могильника Лучистое с такими же амфорами [1, с. 63, 66, рис. 32,5,12,20]. Этого, как мы по-прежнему полагаем, достаточно, чтобы считать началом изготовления всех основных типов «причерноморских» амфор середину – вторую половину VIII в., не ранее. Наиболее проблемная верхняя граница бытования амфор обосновывалась рядом археологических комплексов из Херсонеса с монетами от Константина VII Багрянородного выпуска 945–959 гг. (засыпь цистерны на месте «базилики 1987 г.») [29, с. 240–242, 254–255, рис. 11,12] до Романа IV Диогена (1067–1071) (слой разрушения усадьбы № 32 на Гераклейском полуострове) [46, с. 354–355, рис. 7–8]. Правда, теперь становится понятным, что эту границу следует все-таки опустить до середины X в., не позднее.

2. «Причерноморские» амфоры производились в многочисленных гончарных центрах на южном берегу полуострова, а также в Юго-Восточном и Юго-Западном Крыму [28, с. 53–72, рис. 1]. Одновременность изготовления амфор с МЗР и желобчатым корпусом подтверждалась материалами раскопок печей на Радиогорке, в Мисхоре, Сотере, Чабан-Куле и Канакской балке.

3. Основное направление импорта крымских амфор на момент издания материалов раскопок Тиритаки определялось как восточное (Таманский полуостров, Приазовье, По-

донье), так как к этому времени еще не были известны находки таких тарных сосудов в Западном и Южном Причерноморье, а также в Средиземноморье.

4. Отмечалась морфологическая близость «причерноморских» и византийских «глобулярных» амфор, особенно показательная после публикации Дж. Хэйсом материалов раскопок квартала Сарачхане в Стамбуле [ср.: 51, p. 71, 73 (types 29, 32–42)]. Однако, вопрос их полного тождества не казался вероятным из-за отсутствия специальных химико-технологических исследований. Лишь тип 3 «причерноморских» амфор мог быть достаточно надежно отождествлен с амфорами типов 29 и 36–38 по Дж. Хэйсу. Сводка же известных А. Л. Якобсону таких амфор на юге Восточной Европы была дополнена нами находками из Судака, Среднего Поволжья (курганы Самарской Луки), Танаиса и Пастырского городища на Днепре [подробнее см.: 20, с. 39].

За прошедшие 15 лет с момента выхода монографии, посвященной археологии салтово-маяцкого поселения на месте Тиритаки, предложенная в ней концепция истории «причерноморских» амфор в целом выдержала проверку временем. Присутствующая в литературе критика отдельных ее положений, о чем ниже, не касается многих основных заключений. Тем не менее, максимально обобщая, можно выделить три основных направления дальнейшего изучения «причерноморских» амфор в современной историографии.

Наиболее многочисленными по-прежнему являются работы, направленные на расширение источниковой базы исследования и введение в научный оборот новых археологических комплексов с «причерноморскими» и, реже, «глобулярными» амфорами, обнаруженных в ходе раскопок памятников Крыма, Нижнего Подонья, Таманского полуострова и Северного Кавказа.

Для Крыма чрезвычайно важными являются монографические издания всех археологических объектов, связанных с ранним (второй половины VII – первой половины X в.) периодом в истории Сугдеи [15] и крупным салтово-маяцким поселением на месте античного городища Артезиан [2]. Особо отметим работу В. В. Майко, которому удалось выделить три строительных горизонта на территории и в округе Судакской крепости, датировав их второй половиной VII – первой половиной VIII в., второй половиной VIII – первой половиной IX в. и второй половиной IX – первой половиной X в. Сопоставляя керамические комплексы этих периодов, автор обратил внимание на важную стратиграфическую деталь: доминирование амфор с МЗР среди материалов второй половины VII – первой половины IX в. и их отсутствие в комплексах более позднего времени, где состав тарной керамики представлен почти исключительно «причерноморскими» желобчатыми амфорами [15, с. 66–68, 77–78, 112–114, рис. 111; 115; 133]. В. В. Майко рассматривает все амфоры с МЗР и желобчатым корпусом из Судака как «причерноморские», удревняя, тем самым, начальный этап их изготовления на Крымском полуострове. Однако, это не совсем так. По крайней мере, археологически целые экземпляры амфор с МЗР из Сугдеи, вероятно, являются примерами импорта византийских «глобулярных» амфор, производившихся за пределами Крыма во второй половине VII – первой половине IX в. [см: 15, с. 66–68, 77–78, рис. 111,7,10; 115,11].

В отличие от Судака, в ходе раскопок Артезианского городища археологические комплексы салтовского поселения не удалось детально стратифицировать. Все они и, соответственно, найденные амфоры датируются в широких пределах всего периода существования поселения, то есть второй половиной VIII – первой половиной X в. Абсолютно преобладают «причерноморские» амфоры типа 2, хотя изредка встречаются и амфоры с МЗР [2, с. 140–142, рис. 51; 61; 64,9; 82,21]. Некоторые из последних, по мнению авторов монографии, являются византийскими «глобулярными» амфорами [2, с. 142, рис. 51,1], что, на наш взгляд, выглядит очень сомнительным.

Новые материалы из раскопок Херсонесского и Мангупского городищ, признанных центров византийского присутствия в регионе в эпоху раннего средневековья, не столь многочисленны. Однако они содержат важную информацию относительно хронологии поступления «глобулярных» амфор на территорию Крыма и их соотношения с местной

тарной продукцией в это время. К примеру, из Херсона происходит наиболее ранний (предположительно конца VII в.) археологический комплекс с амфорами с МЗР (Северный район городища, квартал VIII, помещение 9а, засыпь цистерны), скорее всего, типа LRA 2C по Д. Пиери, переходного типа к «глобулярным» византийским амфорам [7, с. 383, 387, рис. 18; об амфорах типа LRA 2C см.: 58, p. 88–89, pl. 27, fig. 49]. Для изучения византийской истории Мангупа настоящим открытием стали раскопки раннесредневековой улицы на месте княжеского дворца 1425–1475 гг., в стратиграфии которой удалось выделить три горизонта последовательного мощения, датированных, соответственно, второй половиной VI – первой половиной VIII в., второй половиной VIII – первой половиной IX в. и второй половиной IX – первой половиной XI в. Амфоры класса Byzantine Globular Amphorae с МЗР встречены только в нижнем (ранневизантийском) горизонте мощения улицы, оба основных типа «причерноморских» амфор – с МЗР и желобчатым корпусом, характеризуют более поздние культурные напластования на данном участке исследований [23, с. 194, 197, рис. 11,6; 12,2–6; 16,4–8; 17,1]. О том, что «глобулярные» амфоры продолжали поступать в качестве импортной тары на территорию Мангупской крепости и позднее, как в первой половине IX в., так и в середине – начале второй половины этого столетия, однозначно свидетельствуют два закрытых комплекса из раскопок того же дворца (2021 г., Западный участок, квадрат № 47, яма 81) [21, с. 175–176, рис. 12,8] и укрепления А.XI Главной линии обороны в ущелье Табана-дере [22, с. 176–178, ил. 9,3]. Примечательно, что в обоих случаях они сопровождались фрагментами или целыми формами «причерноморских» амфор типа 2, что указывает на одновременность их использования. Таким образом, на примере стратиграфии Мангупа-Дороса хорошо видно, что византийские «глобулярные» амфоры появляются в культурном слое городища в конце ранневизантийского периода и в дальнейшем, на протяжении второй половины VIII – IX в., сосуществуют с местными типами «причерноморских» амфор. Последние, как с МЗР, так и с желобчатым корпусом, также имеют синхронную хронологию в пределах всего периода «темных веков» в истории памятника и даже позднее, вплоть до первой половины X в.

Географию находок «причерноморских» амфор в Крыму пополняют недавние раскопки новых салтово-маяцких памятников в его северо-западной, юго-восточной и восточной частях – поселений на месте античных городищ Кульчук и Белинское [11, с. 195–198, рис. 1,1–9; 13, с. 387–392, рис. 7,3,9; 17, с. 96–110, рис. 5,3,9; 10, с. 90–94, рис. 3; 9, с. 212–222, рис. 3,4,6,8], в округе Солнечной Долины [14, с. 207–218, рис. 5], г. Матрач-Оба [16, с. 115–120, рис. 2] и могильника Конрат вблизи с. Андреевка на Керченском полуострове [18, с. 294–303, цв. вставка 5,1]. Наиболее ранними из них, датированными, по всей видимости, VIII в., являются поселения Кульчук и Солнечная долина, где в заполнении жилых и хозяйственных комплексов обнаружены только амфоры с МЗР. Ко второй половине IX – первой половине X в. относятся поселения Белинское, Матрач-Оба и некрополь Конрат. «Причерноморские» амфоры здесь представлены исключительно сосудами типа 2 по А. Л. Якобсону. Однако, с учетом предварительного характера публикаций, говорить определенно о хронологической несинхронности амфор с МЗР и желобчатым корпусом на примере этих памятников представляется преждевременным.

Для дальнейшего изучения поселенческих структур в южнобережной византийской Таврике большое значение имеют полные издания результатов раскопок храмово-монастырского комплекса на холме Тузлух близ с. Семидворье [39, с. 146, 154–158, рис. 3,34–37] и ремесленного поселения в урочище Сотера [40, с. 201–226, рис. 2; 5,6,8–10; 6–8; 11; 14–15; 29–34; 35,1–8; 40–41; 59; 69–71; 74–76]. Оба археологических объекта имеют близкую хронологию в пределах второй половины VIII – начала X в. И. Б. Тесленко на материалах этих исследований считает, что амфоры с МЗР являются более ранними и датируются VIII – первой половиной IX в.; соответственно, «причерноморские» желобчатые амфоры относятся к более позднему периоду времени, то есть ко второй половине IX – первой половине X в. На наш взгляд, стратиграфия изданных поселений и структура

связанных с ними керамических комплексов не дают оснований для такого рода категоричных заключений. Оба основных типа «причерноморских» амфор производились и использовались здесь одновременно. Из других памятников региона отметим публикацию раскопок поселения Ливадия, в ходе которых частично была раскрыта средневековая усадьба VIII–IX вв. Из заполнения построек происходят фрагменты амфор, в том числе «причерноморских» типа 2 [27, с. 71, рис. 8,2].

Византийские «глобулярные» и «причерноморские» амфоры обнаружены в последние годы на многих памятниках Таманского полуострова, где они являются основным видом керамической тары с конца VII до IX в. Об этом свидетельствуют, прежде всего, максимально полно изданные В. Н. Чхаидзе материалы раскопок второй половины XX в. средневековых горизонтов на Таматархе и в Фанагории [42, с. 145–151, рис. 78–82 (типы А, Б, В, Г, Д); 43, с. 147–161, рис. 75–93 (типы VIII–XVI)]. При всей значимости этих публикаций следует признать искусственной излишне дробную классификацию обнаруженных «причерноморских» амфор, основанную на множестве второстепенных морфологических признаков (форме венчиков, горла и т.п.), и ошибочные представления о начале их производства в Крыму уже в VI в., что связано с отождествлением с ранневизантийскими амфорами VI–VII вв. типов LRA 2 и Антонова 5, отличными по морфологии и составу глиняной формовочной массы. Также обращает внимание отсутствие в Таматархе амфор с МЗР и в целом «глобулярных» амфор в культурном слое указанных городищ. Очевидно, разрешение этих вопросов возможно в процессе будущих раскопок памятников, что показательно на примере публикаций современных результатов исследований той же Фанагории, в ходе которых «причерноморские» амфоры типов 1 и 2 уже хорошо атрибутированы и стратифицированы [5, с. 194–199, рис. 3; 13–14], и одновременно присутствуют тарные сосуды некрымского, возможно, восточно-средиземноморского, происхождения [6, с. 63, рис. 4,2; 4, с. 159, рис. 1–2].

Среди многочисленных сельских поселений, раскопанных на широкой площади в начале XXI в. на территории Таманского полуострова, отметим только три памятника, материалы исследований которых, хотя и не полностью, уже введены в научный оборот и дают общее представление об их стратиграфии и структуре керамических комплексов – поселения Вышестеблиевская-16 [19, с. 111–116], Гора Чиркова 1 [32; 33; 34; 35] и Балка Лисовицкого-1 [44; 8; 12]. Все они датируются, вероятно, в широких пределах второй половины VIII – первой половины X в. Основу группы тарных сосудов составляют «причерноморские» амфоры с МЗР и желобчатым корпусом, однако в публикациях встречаются свидетельства присутствия в комплексах и византийских «глобулярных» амфор [см., например: 44, с. 131, рис. 1,4; 35, с. 315–316, рис. 1,3–4; 19, с. 116, рис. 45]. Необходимо обратить внимание на необычные археологические объекты, выявленные на поселениях Вышестеблиевская-16 и Балка Лисовицкого-1 – крупные хозяйственные ямы, в которых целенаправленно складировалось в 1–2 ряда большое количество привозных амфор разных типов (рис. 1,*1–2*). Попытка объяснить их назначение особенностями технологии процесса домашнего виноделия на примере меньших по размеру ям с «причерноморскими» амфорами типа 2 из Белинского нам не кажется удачной [см. об этом: 10, с. 94, рис. 3] и справедливо подвергается критике в историографии [3, с. 248].

Безусловный интерес для понимания границ распространения «причерноморских» и «глобулярных» амфор в восточном направлении представляют недавние публикации их находок из культурного слоя Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии [37, с. 164–167, рис. 1–2] и разрушенного кургана с воинским погребением у с. Садовое на Ставрополье, сопровождавшееся двумя солидами совместного правления Льва III Исавра и Константина V Копронима, то есть периода 720–741 гг. [41, с. 116–118, рис. 1]. В обоих случаях, как считают авторы работ, речь идет об амфорах типа 1 по А. Л. Якобсону. Однако изданная фотография сосуда из Садового не дает полной уверенности в такой атрибуции (рис. 1,*3*). Если перед нами все-таки «причерноморская» амфора типа 1, но без МЗР, то это наиболее ранний, на сегодняшний день, пример производства и импорта крымской

тарной продукции, надежно датированный первой половиной VIII в. Если же принять ее атрибуцию, как византийской «глобулярной» амфоры, то это лучше всего отражает современные представления о начальном этапе их поступления в Причерноморский регион.

Завершая обзор современной историографии по интересующей нас проблематике, остановимся на амфорах из раскопок поселений Недвигово и Мартыново I в Нижнем Подонье, которые были изданы Л. Ю. Нидзельницкой и привлекли большое внимание специалистов, особенно в части их ранней датировки и различных вариантов атрибуции [25, с. 197–198, 202, рис. 5; 6,1–9; 24, с. 261–266, 279–281, рис. 2–3; 9; 26, с. 24–29, рис. 11–12; 13,1–10]. На наш взгляд, оба поселения относятся к VIII в. и функционировали небольшой промежуток времени: Недвиговское селище в первой половине, Мартыново I – во второй половине этого столетия. Такая датировка памятников объясняет абсолютное доминирование в Недвигово амфор с МЗР и совместное их использование с «причерноморскими» желобчатыми амфорами в комплексах Мартыновского поселения. Главной трудностью при интерпретации донских памятников остается атрибуция найденных здесь амфор с МЗР (рис. 1,*4–7*): являются ли они одной из ранних разновидностей «причерноморских» амфор типа 1, или же все-таки их следует соотносить с «глобулярными» амфорами? Нам представляется последняя версия более вероятной. В таком случае, речь идет о целенаправленном поступлении небольшой партии византийских амфор в конце VII – первой половине VIII в. на одно из варварских поселений в низовьях Дона (Недвигово) и периодическом импорте однотипных тарных сосудов в течении VIII в. в этот регион (Мартыново I). Также следует признать ошибочной попытку Л. Ю. Нидзельницкой отождествить основные типы «причерноморских» амфор с византийскими амфорами типа LRA 1 и LRA 2 и на этом основании предложить замену общепринятого термина «причерноморские» на «византийские» амфоры [24, с. 279–280]. Как мы полагаем, для этого также нет никаких оснований.

Многие проблемы изучения амфорной тары VIII–IX вв. в Северном Причерноморье нашли отражение в диссертации Е. В. Суханова, посвященной «причерноморским» амфорам на Нижнем и Среднем Дону и успешно защищенной в 2018 г. [36]. Источниковая база исследования включает 422 фрагментированные амфоры, происходящие из археологических исследований 17 крупных салтово-маяцких поселений региона, а также 197 археологически целых экземпляра, опубликованных ранее. Автору работы удалось расширить общую проблематику исследований «причерноморских» амфор, особенно в части изучения их археометрических параметров. Однако в отношении хронологии и типологии таких тарных сосудов он в целом следует сложившейся традиции, разделяя их на два больших класса – с гладким корпусом, украшенным в верхней части МЗР, и с желобчатым рифлением поверхности, соответственно, с объемами более и менее 10 л, и датируя в пределах второй половины VIII – первой половины X в. [36, с. 60–62, 77–88, рис. 40–41]. При этом, как и многие другие исследователи, Е. В. Суханов принимает гипотезу о том, что амфоры с МЗР доминируют в комплексах до середины IX в., после чего уступают в количественном отношении находкам «причерноморских» желобчатых амфор [36, с. 131].

Наконец, в третий блок современных работ, посвященных «причерноморским» и «глобулярным» амфорам в Крыму и на юге Восточной Европы, следует выделить исследования аналитического характера, в которых авторы попытались внести изменения в существующие представления об их происхождении и датировке. Если И. Б. Тесленко в уже упоминавшейся публикации материалов раскопок храма у с. Семидворье близ Алушты предлагает лишь отказаться от излишне «длинной» хронологии «причерноморских» амфор и ограничить ее второй половиной VIII – серединой X в. [39, с. 146, 154–158], с чем сейчас необходимо согласиться, то Л. А. Голофаст и А. В. Сазанов настаивают на полном пересмотре результатов их многолетнего изучения.

Л. А. Голофаст в статье, посвященной амфорам с МЗР из раскопок Фанагории, приходит к выводу о несинхронном производстве и бытовании таких тарных сосудов и «причерноморских» желобчатых амфор. Первые, опираясь на стратиграфию городища, она

датирует VIII в., вторые – соответственно, IX в. Самый же главный вывод заключается в том, что предлагается в дальнейшем вообще отказаться от регионального термина «причерноморские» амфоры с МЗР и перейти на международную систему атрибуции сосудов – шаровидные и шаровидно-яйцевидные амфоры, составляющие общую семью византийских амфор для периода VIII–IX вв. [5, с. 199–200].

Еще более категоричен А. В. Сазанов. Он также отказывается от привычной классификации «причерноморских» амфор и заменяет ее новой типологической схемой, в основе которой лежит стремление совмещения с общей линией развития византийских «глобулярных» амфор. В результате, традиционный тип 1 «причерноморских» амфор обозначается им как «Крымские глобулярные амфоры» (Crimean Globular Amphorae), которые делятся на два больших класса (круглодонные и плоскодонные) и датируются VIII – началом IX в. Тип 2 объявляется эволюционным развитием византийских амфор типа LRA 1 (?), через серию имитаций и пережитков (так называемые LRA 1 survivals) VIII – второй половины X в. (рис. 2) [30, с. 266–268; 31, с. 157, рис. 2].

Как представляется, работы Л. А. Голофаст и А. В. Сазанова содержат множество ценных наблюдений, имеющих перспективу для дальнейшего изучения интересующей нас группы тарной керамики. Однако, на сегодняшний день, принципиальный отказ от разработки региональной классификации изготовляемых в Крыму амфор и попытка заменить ее международной (средиземноморской) типологической схемой являются преждевременной и недостаточно аргументированной гипотезой. Проблема заключается не столько в точности терминологии – причерноморские или византийские амфоры, хотя в последнем случае, очевидно, должен подразумеваться полный контроль со стороны Византии за политической ситуацией на полуострове в течение VIII–IX вв., что в целом противоречит имеющимся данным источников. Главным препятствием для такой точки зрения выступает современная степень изученности византийских «глобулярных» амфор Средиземноморья, которая по-прежнему находится на стадии формирования презентабельной источниковой базы и демонстрирует значительное региональное разнообразие выпускаемых форм тарной продукции. Ниже мы попытаемся показать это на примере результатов ряда крупных археологических проектов в Италии, Восточном Средиземноморье, Болгарии и Южном Причерноморье, опубликованных в последние годы.

В Италии наиболее показательными являются результаты работ в Венецианском заливе, где на месте портового местечка Комаккьо (Comacchio) были открыты культурные горизонты VIII–IX вв. с различными вариантами «глобулярных» амфор, внешне и по своей морфологии напоминающих хорошо известные в Крыму и на сопредельных территориях амфоры типа 3 по А. Л. Якобсону [см.: 48, p. 307–326, fig. 11–12; 49, p. 167, fig. 8; ср.: 45, с. 32, рис. 13,5–8]. Также отметим публикацию материалов раскопок гончарного центра по производству подобных амфор в Отранто на юге Апеннинского полуострова (тип «Mitello 1») [53, p. 327–334, fig. 2–3; 54, p. 47–53, fig. 2–3]. В целом же, на примере раскопок в Комаккьо и Отранто фиксируется значительное разнообразие форм среди изготовленных на месте и привозных «глобулярных» амфор, обращавшихся в регионе в это время (рис. 3).

Для Эгейско-Восточносредиземноморского региона наиболее важным за последние годы является введение в научный оборот результатов проекта Pythagoras II под руководством Н. Пулу-Пападимитриу, направленного на специальное изучение амфорной керамики из различных центров о. Крит, в том числе местных «глобулярных» амфор [59, p. 873–875; 60]. Именно по итогам этих работ была сформулирована концепция существования с конца VII до IX в. большой семьи византийских «глобулярных» амфор, распадающихся на два разряда – шаровидных и шаровидно-яйцевидных амфор, которую сейчас пытаются перенести на крымский материал. Важно отметить, что в ходе систематизации материалов раскопок выявлен ряд новых гончарных центров по изготовлению таких амфор – на о. Липси, о. Кос, о. Псейра. Морфологически они очень близки двум основным типам «причерноморских» амфор, производившимся и обращавшимся

в Крыму и соседних регионах в это время. Так, в гончарном центре на о. Липси изготавливались небольшие красноглиняные амфоры с желобчатым корпусом (рис. 4,*1*) [о результатах этих раскопок см.: 57], визуально ничем не отличимые от амфор типа 2 по А. Л. Якобсону, и которые сейчас атрибутируются как подражания (survivals) VIII–IX вв. амфорам типа LRA 2 [59, p. 875; 60, p. 199–200] или как отдельный тип 45 по Дж. Хэйсу [60, p. 199–200; ср.: 51, p. 73, fig. 58,16]. На о. Псейра производились амфоры с гладким яйцевидным корпусом, часто украшенным МЗР (рис. 4,*2*), что позволяет видеть в них максимально близкие аналогии «причерноморским» амфорам типа 1. Таким образом, общая стандартизация транспортной керамической тары, обращавшейся в период «темных веков» на территории Эгейского моря и Северного Причерноморья, не вызывает сомнений, но абсолютного тождества также не наблюдается.

В ходе раскопок оборонительной башни VIII – начала IX в. в византийской крепости Бутринт на Албанском побережье важным результатом стало выделение отдельной разновидности импортных тарных сосудов этого периода – амфор типа Бутринт 2 [64, p. 289–296, fig. 4–5; 7–8; 12; 66, p. 292–295, fig. 4–7]. По мнению И. Врум, они имеет восточно-средиземноморское происхождение (о. Самос или о. Липси) (рис. 5), хотя не исключено, что речь может идти о крымском импорте [ср.: 52, p. 4–5]. Такие же амфоры составляли основной груз двух хорошо известных морских судов – потерпевшего кораблекрушение близ мыса Бозбурун у западного побережья Малой Азии [52] и открытого во время недавних раскопок в Константинопольской гавани (корабль Еникапу 12) (рис. 6) [56]. Визуально, по своей морфологии, характеру обработки поверхности и объемным параметрам, амфоры типа Бутринт 2 / Бозбурун 1 / Еникапу 12 вместе с хорошо известными нам «причерноморскими» амфорами типа 2 из Крыма, безусловно, образуют общий класс тарных сосудов, распространенных на огромной территории Средиземноморья и Причерноморья в VIII–IX вв. Однако, можно ли лишь на этом основании признать их полное тождество? На наш взгляд, нет. Необходимы сравнительные химико-технологические исследования археологических материалов для окончательного определения центров их производства и ареалов использования.

На территории Болгарии находки «глобулярных» амфор, обнаруженных в причерноморской зоне и вдоль крупных речных долин, систематизированы в последнее время Э. Тодоровой [61, p. 65–71, fig. 1–3]. В основном, этот материал, сейчас находящийся на хранении в местных музеях, происходит из подводных исследований, плохо документирован и поэтому вызывает закономерные трудности у автора публикации при атрибуции и поиске надежных аналогий за пределами региона. На наш взгляд, в предложенном делении найденных амфор на две большие группы нет необходимости. Судя по иллюстрациям к статье, все анализируемые амфорные экземпляры принадлежат к различным вариациям тарных сосудов, которые входят в общий класс амфор типа Бутринт 2 / Бозбурун 1 / Еникапу 12 / «причерноморские» типа 2. Как справедливо отмечено самой Э. Тодоровой, по крайней мере, часть из них была изготовлена в гончарных центрах Горного и Южнобережного Крыма, другие – в синхронных им центрах Эгейского бассейна. Если наши наблюдения верны, а они основаны, к сожалению, только лишь на визуальном сравнении морфологии изделий, это резко расширяет современную источниковую базу для изучения «причерноморских» амфор и их византийских аналогов.

Для формирования сегодняшних представлений о том, что основные рынки сбыта товаров в «причерноморских» амфорах не были ограничены территорией Хазарского каганата, как считалось ранее, но включали также многие регионы Византии, ценным является недавнее издание каталога тарных сосудов, в том числе крымского происхождения, из коллекции Археологического музея Синопы, обнаруженных в ходе подводных исследований и в качестве подъемного материала вдоль побережья Южного Причерноморья (рис. 7,*3–6*) [47, p. 43–54, pl. 22–32]. Отметим в этой связи недавнюю публикацию «причерноморской» амфоры IX в. из раскопок квартала Еникапу в Стамбуле с граффити в виде небольшого парусного круглодонного с низкой посадкой судна, на котором, оче-

видно, такие амфоры перевозились (рис. 8,*2*) [50]. Обратим также внимание на группу шаровидных амфор с МЗР из синопского каталога (рис. 7,*1–2*), которые, как уже говорилось, обычно атрибутируются как тип LRA 2C и датируются последней третью VI – первой половиной VII в. [58, p. 88, pl. 27, fig. 49], хотя, на самом деле, продолжали производиться до конца VII в. и, скорее всего, несколько позднее [47, p. 35–40, pl. 15–21]. Основная интрига заключается в том, что во фрагментированном виде такие амфоры принципиально ничем не отличаются от «причерноморских» амфор типа 1 с МЗР и ранних «глобулярных» тарных сосудов с такой же орнаментацией поверхности. Таким образом, присутствие амфор типа LRA 2C в археологических комплексах Крыма и Северного Причерноморья, по крайней мере, для второй половины VII – первой половины VIII в., представляется вполне вероятным. Вопрос же поиска на практике надежных критериев для их выделения среди общего массива амфор этого периода, очевидно, еще потребует специального исследования.

Наконец, И. Врум принадлежит ряд обобщающих недавних исследований, посвященных систематизации известных данных о географии находок «глобулярных» амфор в Средиземноморско-Причерноморском регионе, реконструкции главных коммуникаций и характера региональной и межрегиональной морской торговли в период «темных веков» византийской истории [65; 66; 67]. Из этих работ следует, что в конце VII – IX в. на территории Византии и сопредельных областей, над которыми империя, даже утратив политический контроль, продолжала сохранять свое культурное и экономическое влияние, во многих гончарных центрах выпускалась в целом стандартизированная, но все же отличающаяся глиняной формовочной массой и морфологией амфорная продукция (рис. 8,*1*). Ее унификация, типологическая и хронологическая, без проведения специальных натурных и химико-технологических исследований нам пока представляется преждевременной [о причинах и последствиях стандартизации тарной керамики VIII–IX вв. в Византии в целом и применительно к отдельных регионам см. также: 62, p. 298–300; 68, p. 301–319].

Подведем некоторые общие итоги нашего исследования. За последние годы изучение основных видов амфорной тары VIII–IX вв. из Причерноморья и Средиземноморья постепенно превратилось в одно из основных направлений византийской археологии, сконцентрированном на всестороннем анализе особенностей организации торговли и экономики в «темные века» византийской истории. Введение в научных оборот новых археологических комплексов из Италии, Адриатики, Греции, Эгейского бассейна и некоторых других регионов позволило резко расширить проблематику исследований, которая ныне включает множество вопросов, связанных с реконструкцией торговых морских и сухопутных коммуникаций, стандартизацией и региональной спецификой перевозимых амфор и средств для такой перевозки, структурой рыночных связей на местном (региональном) и общесредиземноморском уровнях, ролью государства в организации внутренней и международной торговли Византии и др. Правда, и это следует подчеркнуть, все эти серьезные историко-археологические проблемы пока еще в основном рассматриваются на примере производства и обращения византийских «глобулярных» амфор в Средиземноморье. Для Причерноморья круг вопросов более традиционен и сводится, как правило, к публикации новых археологических материалов и уточнению существующих типологических и хронологических схем для «причерноморских» амфор.

Одной из главных особенностей современного этапа изучения амфорной продукции Византии периода «темных веков» является попытка ее терминологической и типологической унификации, которая выражается не только в использовании общего термина «глобулярные» амфоры по отношению к изготовленным в разных регионах тарным сосудам, но и в ограничении всего разнообразия данной категории керамических изделий двумя основными разрядами шаровидных (globular) и шаровидно-яйцевидных (globular-ovoid) амфор. Трудно сейчас сказать, насколько эта классификация отражает реальный ассортимент амфорной продукции, обращавшейся одновременно на широких просто-

рах Средиземноморья и Причерноморья, и насколько она применима в археологической практике, особенно на стадии атрибуции сильно фрагментированного керамического материала. Основные сложности здесь общеизвестны: отсутствие общей базы данных с презентабельными образцами амфор из различных производственных центров; редкость и выборочный характер их химико-технологических исследований, дополненный сравнительным анализом полученных результатов; немногочисленный круг специалистов, имеющих опыт работы с коллекциями средиземноморских «глобулярных» и «причерноморских» амфор и способных точно определить место их изготовления. В результате, такая двуразрядная классификация византийских амфор VIII–IX вв. все еще остается на практике лишенной надежной аргументации. В связи с этим высказанное недавно Л. А. Голофаст и А. В. Сазановым предложение перейти на нее в работе с «причерноморскими» амфорами, отказавшись от их традиционной региональной типологии, кажется все-таки преждевременным решением.

В случае с «причерноморскими» амфорами из Южной Таврики разработка традиционной региональной схемы их развития остается, на наш взгляд, более реалистичной задачей для будущих исследований. Нужно сказать, что за последние годы в этом отношении достигнут серьезный прогресс, особенно в части изучения их хронологии и выделения в археологических комплексах группы импортных средиземноморских амфор. Можно считать установленным, что для периода второй половины VII – первой половины VIII в. на местном рынке основным видом амфорной тары являлись привозные «глобулярные» амфоры. Среди них, скорее всего, необходимо отдельно рассматривать амфоры типа LRA 2C по Д. Пиери, но это задача специального исследования. Импортные византийские «глобулярные» амфоры продолжают регулярно поступать в Крым и Северное Причерноморье и позднее, во второй половине VIII – IX в., о чем свидетельствуют, прежде всего, материалы раскопок Мангупа-Дороса. Однако, на протяжении всего этого периода доминируют уже «причерноморские» амфоры двух основных типов – гладкостенные с МЗР и с желобчатым корпусом (типа 1 и 2 по А.Л. Якобсону), массово производившиеся в многочисленных гончарных центрах Крыма. Несмотря на показательную стратиграфическую ситуацию в Сугдее и Фанагории, в их хронологической десинхронизации пока еще нет необходимости. Примеры из раскопок того же Мангупского городища, производственных центров и поселений на Южном берегу полуострова в целом показывают одновременность изготовления и обращения этих типов амфор. «Причерноморские» амфоры продолжали использоваться в торговле византийской Таврики вплоть до начала – первой половины X в. Помимо традиционного восточного направления они массово вывозились и в другие регионы византийского мира. На это указывают их находки, в основном амфор типа 2, вдоль южного и западного побережья Черного моря, в портовой части Константинополя и, возможно, если обратить внимание на их морфологическую близость с амфорами типа Бутринт 2 / Бозбурун 1 / Еникапу 12 и нерешенность вопроса центра производства последних, в Эгейском и Адриатическом море.

В заключение необходимо сказать, что специальные исследования «причерноморских» амфор, найденных в Крыму и Северном Причерноморье, необходимы не только для установления точной хронологии археологических объектов. Очевидно, наступил этап их изучения в контексте более широкого круга научных проблем, связанных с общей историей экономики и организацией торговли в византийской Таврике в период «темных веков».

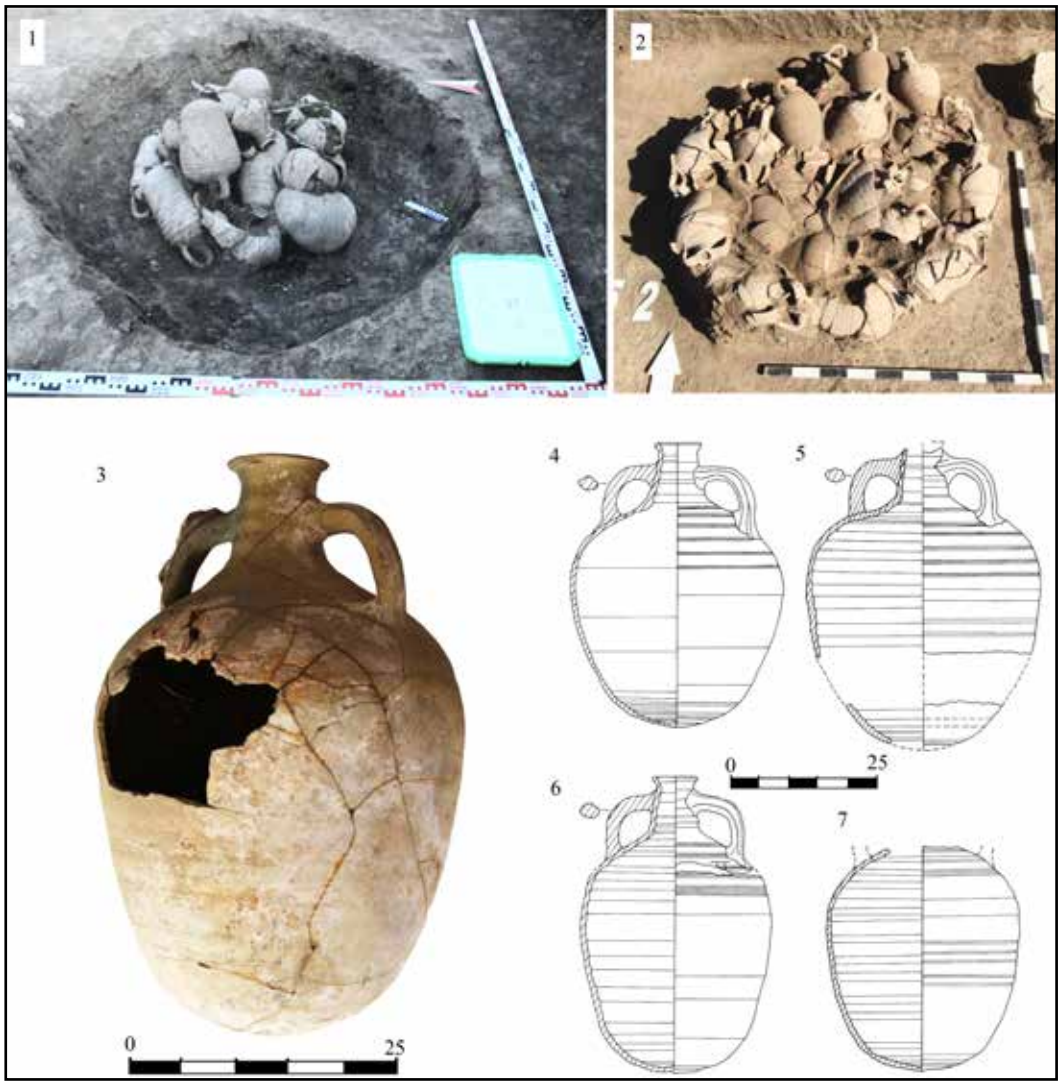

Рис. 1. Хозяйственные ямы для складирования «причерноморских» и «глобулярных» амфор на памятниках Таманского полуострова:
1 – поселение Вышестеблиевское 1, яма 10 [по: 19, с. 115, рис. 43];
2 – поселение Балка Лисовицкого 1, яма У25-2 [по: 8, с. 296, рис. 4].
«Глобулярные» амфоры на памятниках Северного Кавказа и Нижнего Подонья:
3 – из кургана у с. Садовое на Ставрополье [по: 41, с. 119, рис. 1];
4–7 – Недвиговское поселение [по: 25, с. 208, рис. 5]

Fig. 1. Household pits for storing the “Black Sea” and “globular” amphorae at the sites on the Taman Peninsula:
1 – the settlement of Vyshesteblievskoe 1, pit 10 [after: 19, p. 115, fig. 43];
2 – the settlement of Balka Lisovitskogo 1, pit U25-2 [after: 8, p. 296, fig. 4].
“Globular” amphorae at the sites in the North Caucasus and the Lower Don Area:
3 – from a barrow near the village of Sadovoe in Stavropol [after: 41, p. 119, fig. 1];
4–7 – Nedvigovskoe settlement [after: 25, p. 208, fig. 5]

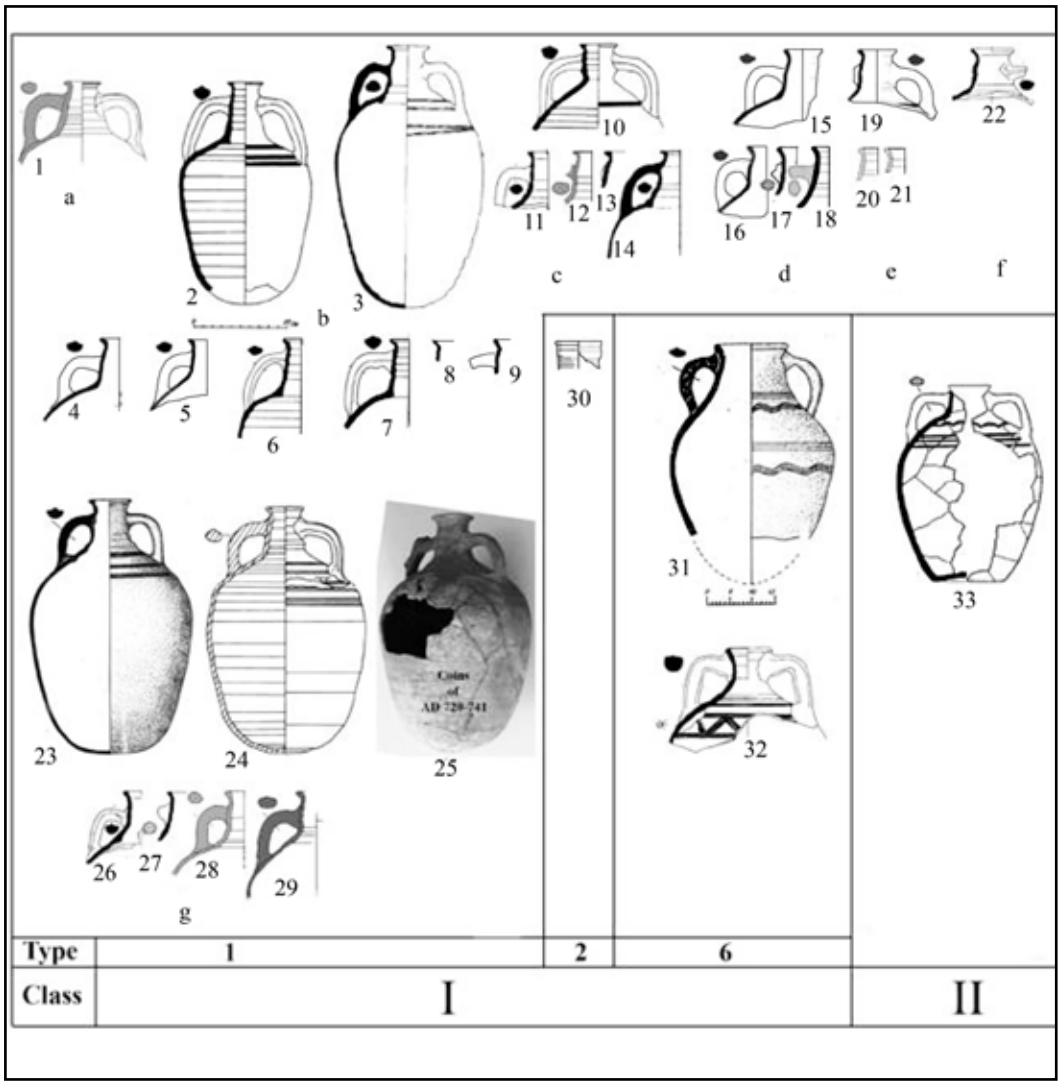

Рис. 2. Классификация «Crimean Globular Amphorae» (CGA) по А. В. Сазанову: класс I, тип 1, варианты a–g; класс I, тип 2; класс I, тип 6; класс II [по: 31, с. 158, рис. 2]

Fig. 2. Classification of A. V. Sazanov's "Crimean Globular Amphorae" (CGA): class I, type 1, variants a–g; class I, type 2; class I, type 6; class II [after: 31, p. 158, fig. 2]

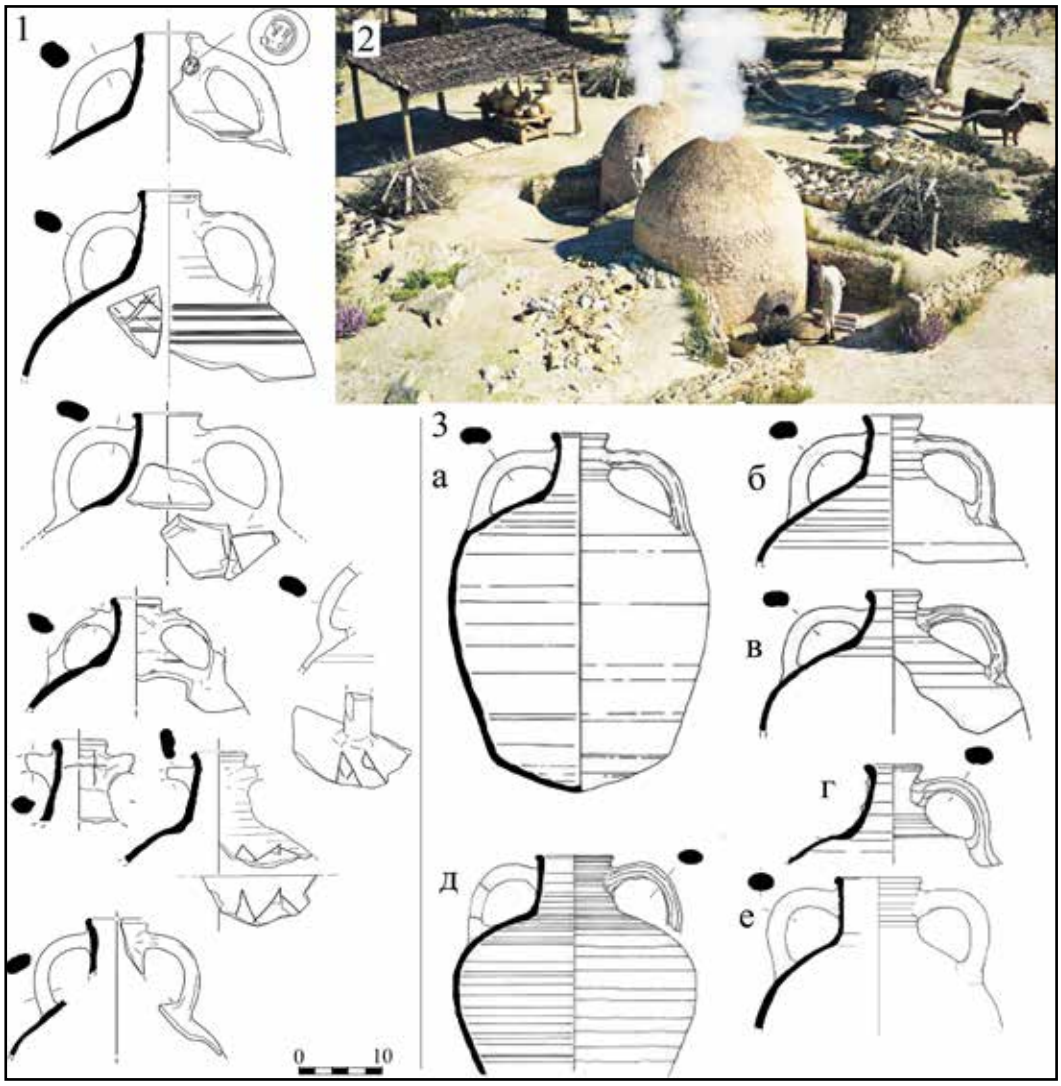

Рис. 3. «Глобулярные» амфоры в Италии:
1 – из раскопок в Комаккьо [по: 49, p. 175, fig. 8];
2 – визуальная реконструкция гончарной печи № 2 производственного центра Mitello в Отранто [по: 54, p. 49, fig. 2]; *3* – амфорная продукция гончарного центра Mitello: *а–г* – тип Mitello 1; *д–е* – тип Mitello 2/3 [по: 54, p. 50, fig. 3]

Fig. 3. "Globular" amphorae in Italy:
1 – excavated at Comacchio [after: 49, p. 175, fig. 8]; *2* – graphic reconstruction of pottery kiln no. 2 of the Mitello production center in Otranto [after: 54, p. 49, fig. 2];
3 – amphora production of the Mitello pottery center: *a–g* – type Mitello 1;
d–f – type Mitello 2/3 [after: 54, p. 50, fig. 3]

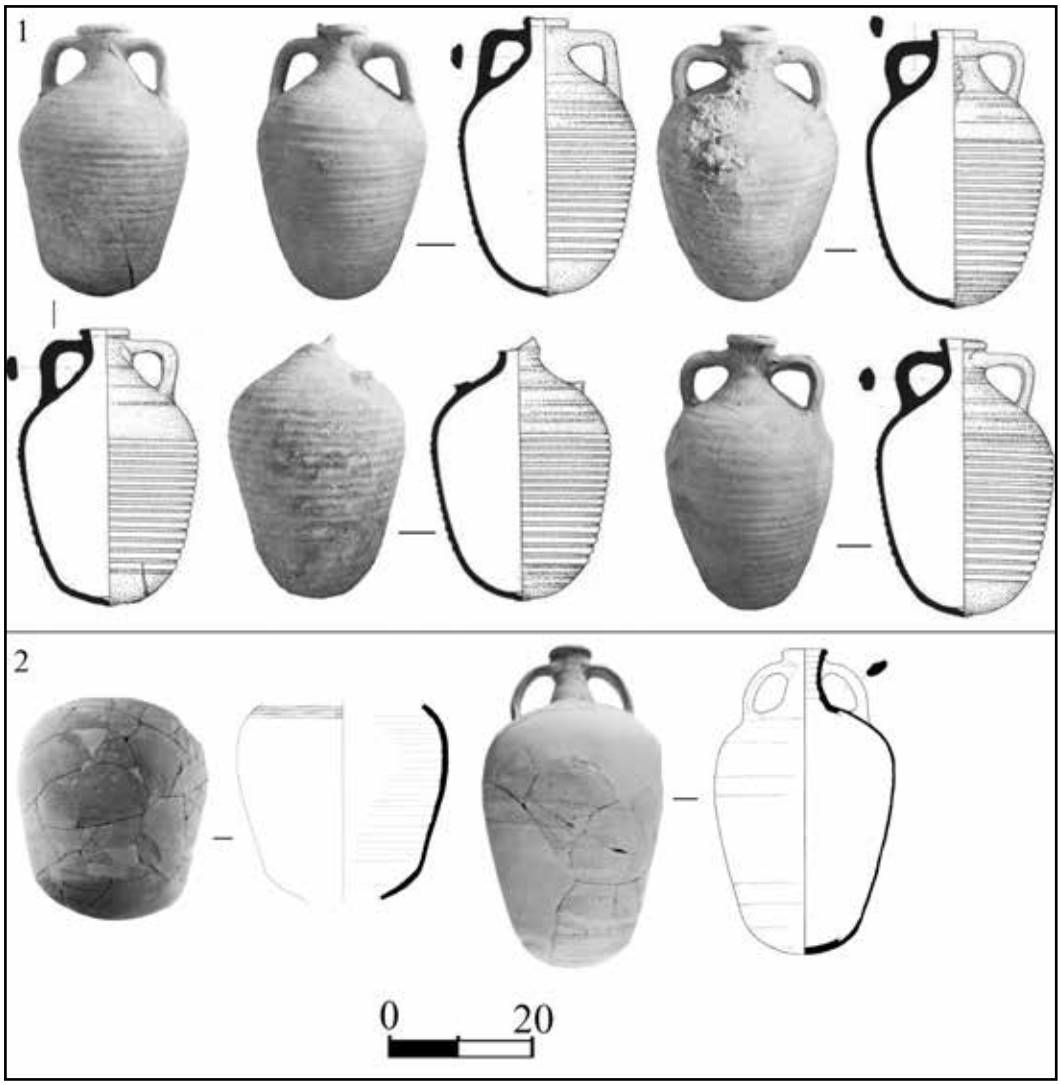

Рис. 4. «Глобулярные» амфоры в Эгейском море:
1 – производственный центр на о. Липси [по: 57, p. 167–168, fig. 9,a–b];
2 – производственный центр на о. Псейра [по: 59, p. 881, fig. 3,a–b; 5,a–b]

Fig. 4. “Globular” amphorae in the Aegean Sea:
1 – production center on the island of Lipsi [after: 57, p. 167–168, fig. 9. a–b];
2 – production center on the island of Pseira
[after: 59, p. 881, fig. 3. a–b; 5. a–b]

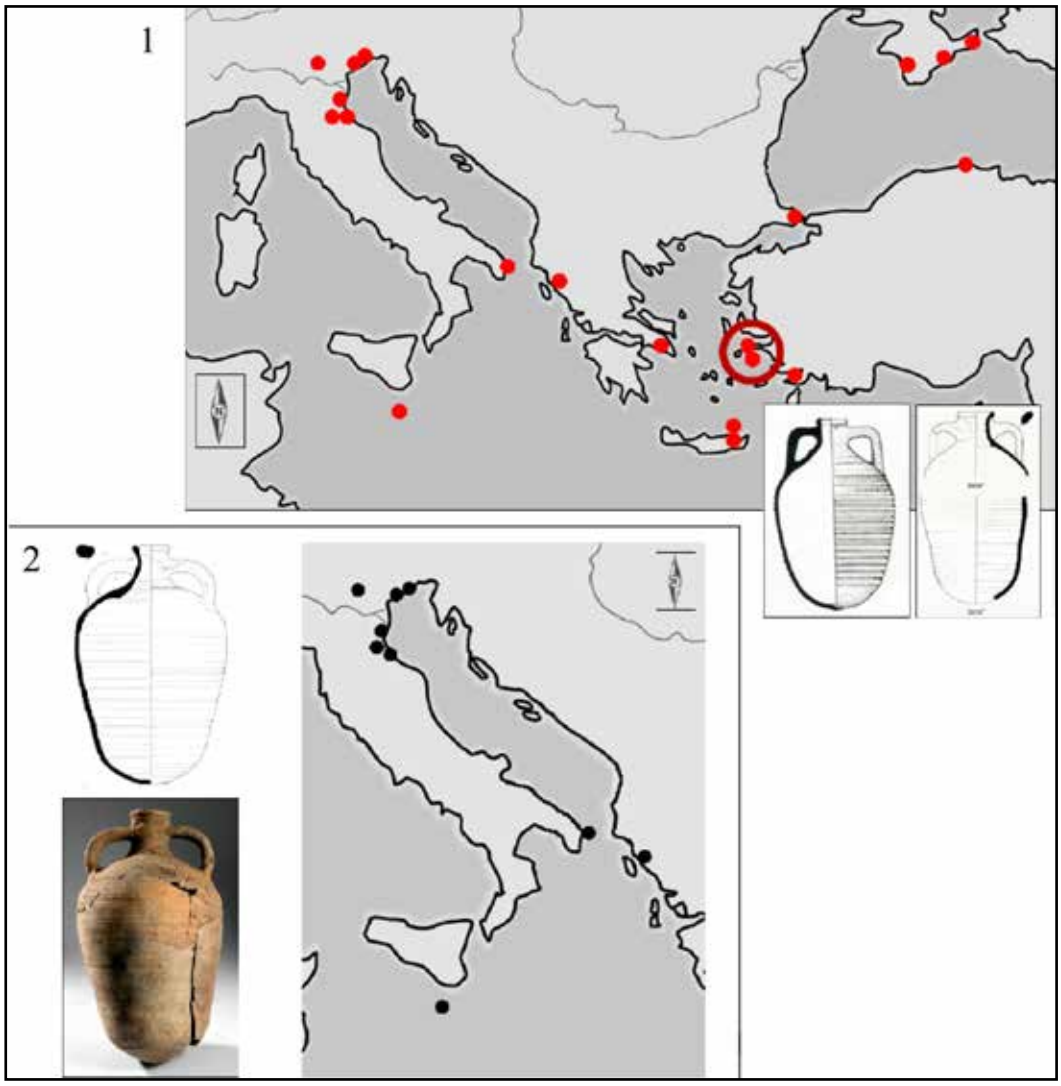

Рис. 5. «Глобулярные» амфоры типа Бутринт 2:
1 – география находок в Средиземноморье и Причерноморье
с указанием предполагаемого места производства
на о. Липси или о. Самос (выделено кругом);
2 – география находок в Италии и Адриатике [по: 66, p. 291, 295, fig. 4; 6]

Fig. 5. “Globular” amphoras of the type Butrint 2:
1 – geographic location of the finds in the Mediterranean and Black Sea indicating
the supposed place of production
on the island of Lipsi or the island of Samos (highlighted by a circle);
2 – geographic location of the finds in Italy and the Adriatic [after: 66, p. 291, 295, fig. 4; 6]

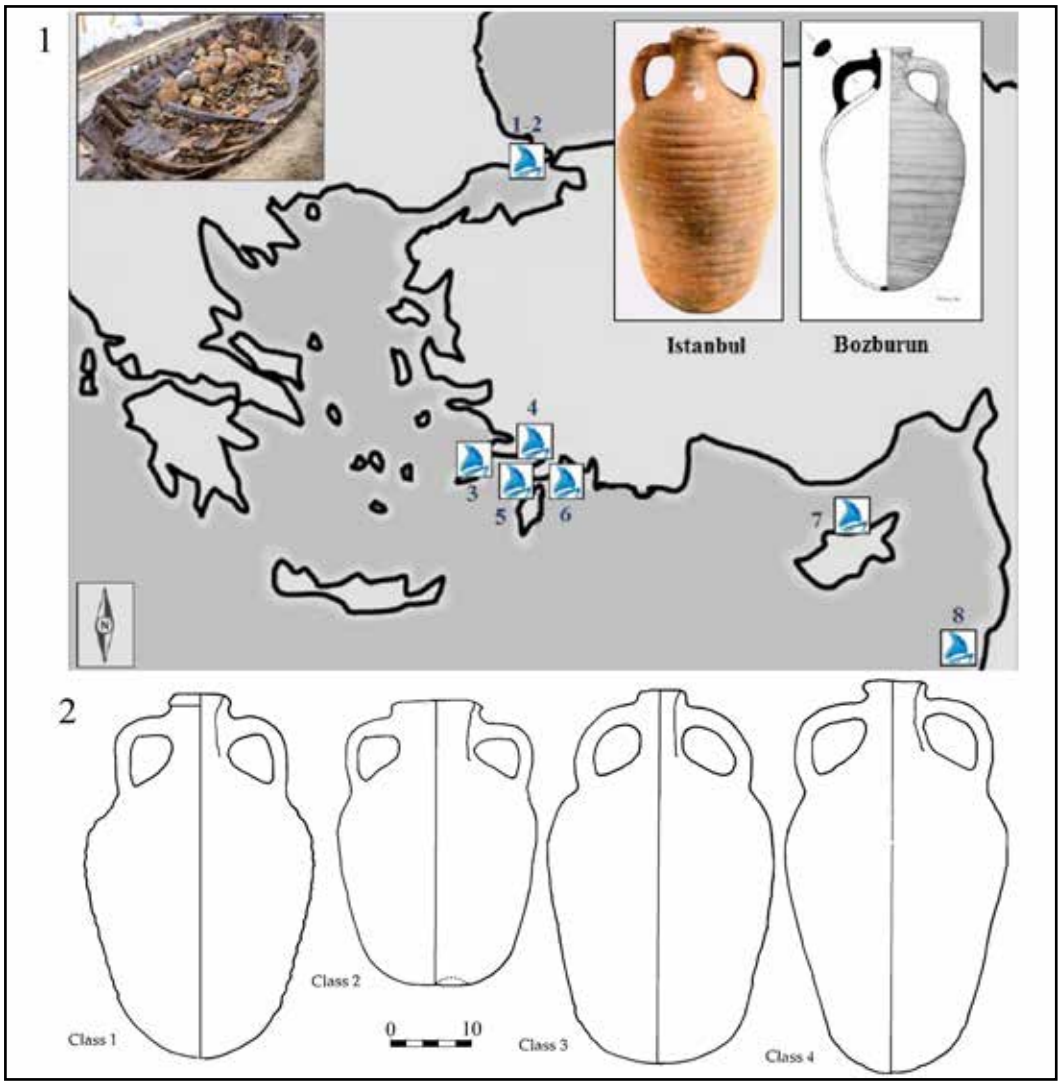

Рис. 6. *1* – Карта кораблекрушений ранневизантийского и средневизантийского времени в Восточном Средиземноморье: *1* – Еникапу 12; *2* – Еникапу 1; *3* – Яси-Ада; *4* – Бозбурун; *5* – Серче Лимани (Serçe Limanı); *6* – Датча Б (Datça B); *7* – мыс Андрея Б (cape Andreas B); *8* – Дор (Dor; Израиль) [по: 66, p. 294, fig. 5]. *2* – Основные типы «глобулярных» амфор из кораблекрушения у мыса Бозбурун западного побережья Малой Азии [по: 52, p. 5, fig. 3]

Fig. 6. *1* – Map of shipwrecks from the Early Byzantine and Middle Byzantine Periods in the Eastern Mediterranean: *1* – Yenikapu 12; *2* – Yenikapu 1; *3* – Yasi-Ada; *4* – Bozburun; *5* – Serçe Limanı; 6 – Datça B; 7 – Cape Andreas B; 8 – Dor (Israel) [after: 66, p. 294, fig. 5]. *2* – Main types of “globular” amphorae from the shipwreck at Cape Bozburun on the Western Coast of Asia Minor [after: 52, p. 5, fig. 3]

Рис. 7. «Глобулярные» и «причерноморские» амфоры
из подводных исследований вдоль южного побережья Черного моря
(коллекция Археологического музея в г. Синоп, Турция):
1–2 – амфоры типа LRA 2C по Д. Пиери; *3–4* – амфоры типа 1 по А. Л. Якобсону;
5–6 – амфоры типа 2 по А. Л. Якобсону
[по: 47, p. 134, 136, 140, 142, 145, 148, pl. 16, 18, 22, 24, 27, 30]

Fig. 7. “Globular” and “Black Sea” amphorae
from underwater researches along the Southern Coast of the Black Sea
(collection of the Archaeological Museum in Sinope, Turkey):
1–2 – amphorae of D. Pieri’s type LRA 2C; *3–4* – amphorae of A. L. Iakobson’s type 1;
5–6 – amphorae of A. L. Iakobson’s type 2
[after: 47, p. 134, 136, 140, 142, 145, 148, pl. 16, 18, 22, 24, 27, 30]

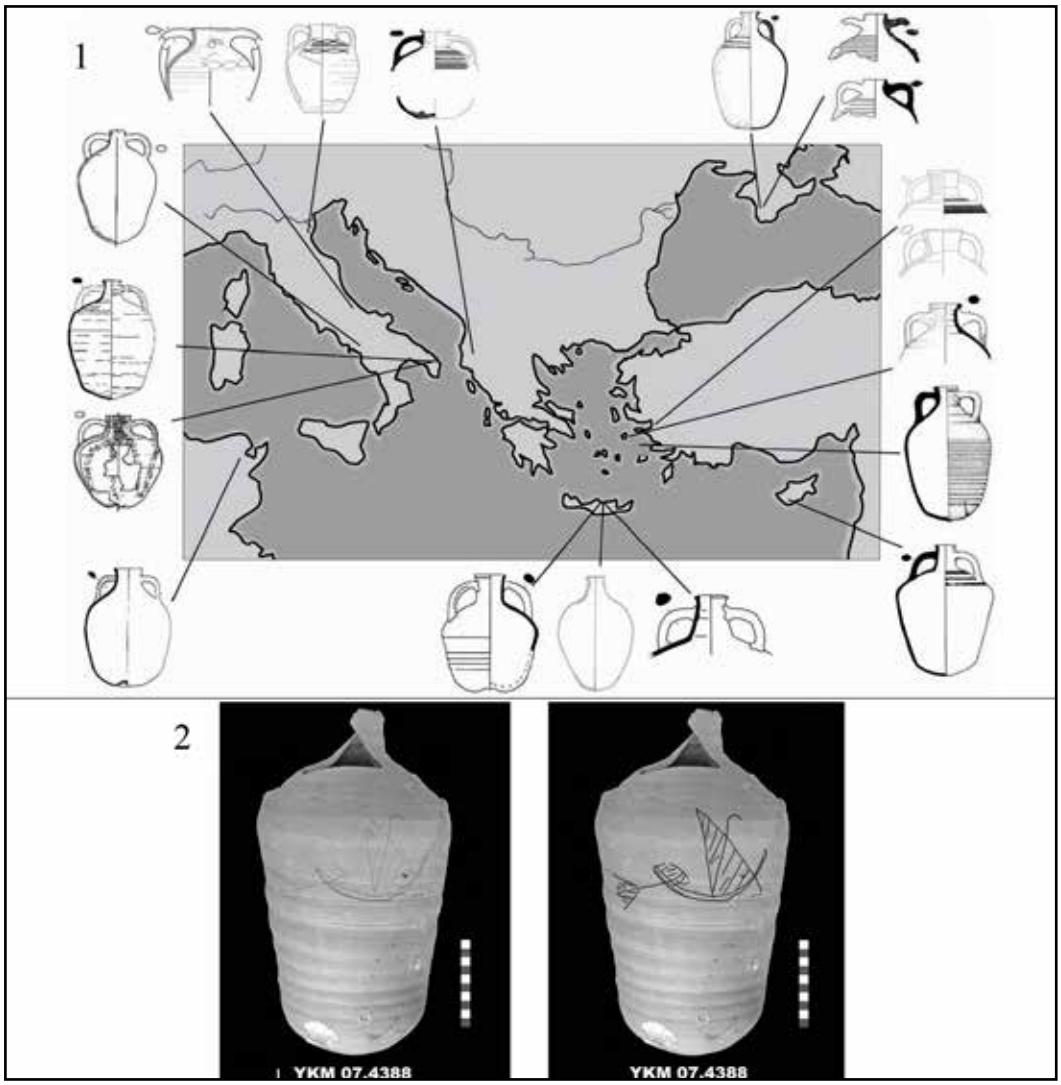

Рис. 8. *1* – Общая карта производственных зон «глобулярных» амфор в Средиземноморье [по: 67, p. 183, fig. 13,4]; *2* – «Причерноморская» амфора типа 2 по А. Л. Якобсону из раскопок квартала Еникапу в Стамбуле с граффити с изображением небольшого парусного судна [по: 50, p. 159, fig. 3–4]

Fig. 8. *1* – General map of the production zones of "globular" amphoras in the Mediterranean [after: 67, p. 183, fig. 13,4]; *2* – "Black Sea" amphora of A. L. Iakobson's type 2 excavated in the Yenikapu quarter of Istanbul showing the graffiti depicting a small sailing ship [after: 50, p. 159, fig. 3–4]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 334 с.
2. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Городище Артезиан в эпоху Средневековья. М.: ИНФРА-М, 2022. 343 с.
3. Ганцев В.К. Датировка скальных виноградодавилен Юго-Западной Таврики в современной историографии // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 243–258.
4. Голофаст Л.А. Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории // РА. 2020. №3. С. 159–172.
5. Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
6. Голофаст Л.А., Ольховский С.В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. 2013. № 2(40). С. 55–78.
7. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
8. Жупанин О.Ф., Иванов А.А., Кутуков Д.В. Исследования поселения «Балка Лисовицкого 1» и «Усадьба (хут. Воскресенский, ЮЗ окраина)» в 2018–2019 гг. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2020. Вып. 18. С. 292–305.
9. Зубарев В.Г., Майко В.В. Комплекс хозяйственных сооружений хазарского времени городища Белинское // Древности Боспора. 2024. Т. 29. С. 212–224.
10. Зубарев В.Г., Майко В.В., Могучева М.Р. Виноделие салтовцев Восточного Крыма. Пути расширения источниковой базы // РА. 2022. № 4. С. 90–95.
11. Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Керамический комплекс средневекового времени городища Белинское // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы Международной научной конференции / отв. ред.-сост. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб., 2018. Ч. 1. С. 195–201.
12. Иванов А.А. Находки причерноморских амфор редкого типа из раскопок поселения «Балка Лисовицкого 1» на Тамани в 2018 году // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2021. Вып. 19. С. 66–71.
13. Ланцов С.Б., Майко В.В. Городище Кульчук в хазарское время. Современная источниковая база // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV научно-практической конференции / отв. ред. С.Б. Ланцов, Н.В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 387–401.
14. Майко В.В. Праболгарское поселение VIII – первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в Юго-Восточном Крыму // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко / отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: ХНУ, 2011. С. 207–219.
15. Майко В.В. Сугдея в конце VII – первой половине X в. Симферополь: Колорит, 2020. 312 с.
16. Майко В.В. Новое поселение салтово-маяцкой культуры Матрач-Оба в Юго-Восточном Крыму // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.В. Зайков. Севастополь: Антиква, 2022. С. 115–120.
17. Майко В.В., Зубарев В.Г., Маркова К.О., Могучева М.Р. Салтово-маяцкие материалы городища Кульчук в Северо-Западном Крыму // ПИФК. 2022. № 4(78). С. 96–114.
18. Майко В.В., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по материалам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. 2018. Вып. VII. С. 294–309.
19. Мыц В.Л., Соловьев С.Л. Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 97–122.
20. Науменко В.Е. Пифосы, амфоры, высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками, фляги, столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы второй половины VIII – X вв. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2009. С. 32–64.
21. Науменко В.Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 166–208.
22. Науменко В.Е. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период истории // АДСВ. 2022. Вып. 50. С. 165–184.
23. Науменко В.Е. Новые материалы по истории и археологии византийского Мангупа. Раскопки улицы VI–XI вв. в центральной части жилой застройки крепости // Боспорские исследования. 2023. Вып. XLVI. С. 185–227
24. Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (из собраний Донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции / отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 257–282.

25. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона / отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 193–215.
26. Нидзельницкая Л.Ю., Кулаков А.А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности: сборник научных статей / ред. В.В. Ключников, А.А. Кулаков. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 7–49.
27. Новиченкова Н.Г. Распространение провинциальной византийской культуры на Южном берегу Крыма по материалам археологических исследований поселения возле Ливадийской больницы // Поволжская археология. 2020. № 2(32). С. 64–77.
28. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье / ред.-сост. Е.А. Паршина. Киев: Стилос, 2001. С. 52–81.
29. Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2. С. 229–256.
30. Сазанов А.В. Глобулярные амфоры причерноморского типа (Crimean Globular Amphorae) и проблемы хронологии комплексов VIII–IX вв. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. 2. С. 266–268.
31. Сазанов А.В. Византийские амфоры: проблемы хронологии, типологии, локализации мест производства // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.В. Зайков. Севастополь: Антиква, 2022. С. 154–161.
32. Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Северо-восточный участок поселения VIII–X вв. Гора Чиркова 1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.) // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVII. С. 263–301.
33. Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. 2019. Вып. X. С. 205–248.
34. Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 2 (по материалам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. 2020. Вып. XII. С. 221–268.
35. Суханов Е.В., Свиридов А.Н. Комплексы раннесредневековых амфор с поселения Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 314–325.
36. Суханов Е.В. Амфоры как источник для изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона: дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2018. Т. 1–3. 164 с.
37. Суханов Е.В. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 гг.) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований / отв. ред. У.Ю. Кочкаров. М.: ИА РАН, 2022. С. 163–192.
38. Тахтай А.К., Комар А.В. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г. Чистяково Сталинской области // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 160–169.
39. Тесленко И.Б. Керамика // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: ИД «Антиквар», 2015. С. 119–177. (Археологический альманах. № 32).
40. Тесленко И.Б., Телиженко С.А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященных юбилею Е.А. Паршиной / ред.-сост. И.Б. Тесленко. Киев: Издатель Олег Филюк, 2015. С. 201–310. (Археологический альманах. № 33).
41. Харитонов И.М. Причерноморская амфора из разрушенного погребения хазарского времени близ села Садового Арзгирского района // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей / под ред. Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невской. Ставрополь: Печатный двор, 2020. С. 116–120.
42. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Ранневизантийский город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
43. Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X вв. М.: ИД «Триумф принт», 2012. 590 с.
44. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции / отв. ред. Н.В. Волкодав. Краснодар, 2016. С. 131–139.
45. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
46. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. 1999. Вып. X. С. 349–358.

47. Csiky G. The Transformation of Pontic Trade from Late Antiquity to the Middle Ages. Transport vessels from the Archaeological Museum of Sinop. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 2017. 181 p.
48. Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age. Rome, 2008. T. 120, no 2. P. 307–326.
49. Gelichi S., Calaon D., Negrelli C., Grandi E. The Mediterranean Emporium of Comacchio and Early Medieval European Trade (the 6th–10th centuries AD) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV ст.) / ред. Я.І. Морозова. Київ: СПД ФОП Чальцев, 2012. С. 165–176.
50. Günsenin N., Rieth E. Un graffito de bateau a voile latine sur une amphore (IX s. ap. J.-C.) du Portus Theodosiacus (Yenikapi) // Anatolia Antiqua. 2012. T. XX. P. 157–164.
51. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Princeton: Princeton University Press, 1992. 455 p.
52. Hocker F.M. Bozburun Byxzantine Shipwreck Excavation: The Final Campaign 1998 // The INA Quarterly. 1998. Vol. 24. No. 4. P. 3–13.
53. Leo Imperiale M. Otranto, cantiere Mitello: un centro produttivo nel Mediterraneo byzantine // Atti del V Congresso di Archeologia Medievale (Roma, CNR, 26–27 novembre 2001): La ceramica altomedievale in Italia / a cura di S.P. Uggeri. Firenze: All'Insegna del Giglio, 2004. P. 327–342.
54. Leo Imperiale M. Anfore e reti commerciali nel basso Adriatico tra VIII e XII secolo // Archeologia medievale. 2018. T. XLV. P. 47–64.
55. Magness J. Jerusalem ceramic chronology: circa 200–800 ce. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1993. 277 p.
56. Özsait-Kocabaş I. The Yenikapi 12 Shipwreck, a 9th Century Merchantman from the Theodosian Harbour in Istanbul, Turkey: construction and reconstruction // The International Journal of Nautical Archaeology. 2018. Vol. 47.2. P. 357–390.
57. Papavassiliou E., Sarantidis K., Papanikolaou E. A Ceramic Workshop of the Early Byzantine Period on the Island of Lipsi in the Dodecanese (Greece): a preliminary approach // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry / eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Information Press, 2014. Vol. I. P. 159–168.
58. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (V–VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: IFPO, 2005. 329 p.
59. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary Results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan Case Study // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry / eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Information Press, 2014. Vol. I. P. 873–883.
60. Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? // Byzantina. 2018. T. 35. P. 195–216.
61. Todorova E. «Dark Age» Amphorae from present-day Bulgaria – state of research, typologies, problems and future perspectives // Archeologie Medievale. 2018. Vol. XIV. P. 65–76.
62. Vionis A.K. Bridging the Early Medieval «Ceramic Gap» in the Aegean and the Eastern Mediterranean (7th–9th C.): Local and Global Phenomena // HEROM. 2020. Vol. 9. P. 291–325.
63. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 223 p.
64. Vroom J. Early Medieval Pottery Finds from Recent Excavations at Butrint, Albania // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo / a cura di S. Gelichi. Venezia: All'Insegna del Giglio, 2012. P. 289–296.
65. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Maditerranean (ca. Seventh–Fourteenth Centuries) // Trade in Byzantium: Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / eds. P. Magdalino, N. Necipoğlu. Koç: Koç University Press, 2016. P. 157–177.
66. Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni / a cura di S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 2017. P. 285–310.
67. Vroom J. Ceramics // The Archaeology of Byzantine Anatolia: from the End of Late Antiquity until the Coming the Turks / ed. by Ph. Niewöhner. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 176–193.
68. Yangaki A.G. In Search of Standardization. The Case of a Globular Amphora Type from Crete // Regional Economies in Action. Standardization of Transport Amphorae in the Roman and Byzantine Mediterranean: Proceedings of International Conference / eds. H.G. Cesteros, L. Leidwanger. Wien: Verlag Holzhausen GmbH, 2023. P. 297–325.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. I. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2008, 334 p.
2. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. *Gorodishche Artezian v epohu Srednevekov'ya* [Artezian settlement in the Middle Ages]. Moscow, INFRA-M publ., 2022, 343 p.
3. Gantsev V.K. The Chronology of the Rock-Cut Wine-Presses in the South-Western Taurica in Modern Scholarship. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 243–258.
4. Golofast L.A. Early Medieval Amphora with a Hebrew Inscription on the Lead Seal from Phanagoria. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology], 2020, no. 3, pp. 159–172.
5. Golofast L.A., Evdokimov P.A. On the Chronology of the Amphorae with fine corrugation zones (according to the excavations in Phanagoreia). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 186–216.
6. Golofast L.A., Ol'khovskiy S.V. Amphorae from Underwater Excavations in the Harbour of Phanagoria. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2013, no. 2(40), pp. 55–78.
7. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in the Early Byzantine Period (Quarters VIII and IX) // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 363–411.
8. Zhupanin O.F., Ivanov A.A., Kutukov D.V. Research of the Settlement «Lisovitsky Balka 1» and «Estate (Voskresensky farm, southwestern outskirts)» in 2018–2019. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus], 2020, vol. 18, pp. 292–305.
9. Zubarev V.G., Maiko V.V. Farm complex of Belinskoye settlement of the Khazar Time. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus], 2024, vol. 29, pp. 212–224.
10. Zubarev V.G., Maiko V.V., Mogucheva M.R. Winemaking of Saltovo Population of Eastern Crimea. Ways to expand the source base. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology], 2022, no. 4, pp. 90–95.
11. Zubarev V.G., Maiko V.V., Yartsev S.V. Ceramic complex of the medieval period of the Belinskoye settlement. V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovsky (eds.), *Bosporskij fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The Bosporan Phenomenon: General and Peculiar Features of Historical and Cultural Space in the World of Classical Antiquities. Proceedings of International Conference], St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2018, Part 1, pp. 195–201.
12. Ivanov A.A. Finds of Rare Amphoras of Black Sea Type from Excavations of the Settlement «Lisovitsky Balka 1» in Taman in 2018. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus], 2021, vol. 19, pp. 66–71.
13. Lantsov S.B., Maiko V.V. Settlement Kulchuk in Khazar Period. Modern Source Base. S.B. Lanstov, N.V. Kukleva (eds.), *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ya. Materialy IV nauchno-prakticheskoj konferencii* [Western Taurida in the History and Culture of the Ancient and Medieval Mediterranean. Proceedings of IV Scientific and Practical Conference], Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 387–401.
14. Maiko V.V. Proto-Bulgarian settlement of the 8th – first half of the 10th centuries in the village of Solnechnaya Dolina in South-Eastern Crimea. S.I. Posokhov (ed.), *Drevnosti Vostochnoj Evropy. Sbornik nauchnyh trudov k 90-letiyu B.A. Shramko* [Antiquities of Eastern Europe. Proceedings by the 90th Anniversary of B.A. Shramko], Kharkov, Kharkov National University Publ., 2011, pp. 207–219.
15. Maiko V.V. *Sugdeya v konce VII – pervoj polovine X v.* [Sugdeja in the late 7th – first half of the 10th century]. Simferopol, Kolorit Publ., 2020, 312 p.
16. Maiko V.V. New settlement of the Saltovo-Maiak culture Matrach-Oba in South-Eastern Crimea. A.V. Zaikov (ed.), *Istoriya i arheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu i srednevekovuyu epohi. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [History and Archeology of the Northern Black Sea region in the Ancient and Medieval epoques. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference], Sevastopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 115–120.
17. Maiko V.V., Zubarev V.G., Markova K.O., Mogucheva M.R. Saltovo-Maiak Materials of Kulchuk Settlement in the North-West Crimea. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2022, no. 4(78), pp. 96–114.
18. Maiko V.V., Ponomarev L.Yu. The Saltovo-Maiak Culture Cemetery of Konrat on the Kerch Peninsula (according to the 2015 excavations results). *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2018, vol. 7, pp. 294–309.
19. Myts V.L., Solovyev S.L. Population of the Taman Peninsula in the Middle Ages (materials from exca-

vations of 2016). *Byulleten' IIMK RAN* [Bulletin of Institute for History of Material culture of Russian Academy of Sciences], 2018, no. 8, pp. 97–122.
20. Naumenko V.E. Piphoi, Amphorae, High Neck Jugs with wide strap handles, Flasks, Tableware. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* [Tyritake. Excavation Trench XXVI. Vol. I. Archaeological Assemblages 8th–10th centuries AD], Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2009, pp. 32–64.
21. Naumenko V.E. Mangup-Doros in the Theme Period of Its History. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 166–208.
22. Naumenko V.E. Two Examples of the Reconstruction of the Main Defence Line of Mangup Fortress in the Theme Period of Its History. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 165–184.
23. Naumenko V.E. New Materials on History and Archeology of the Byzantine Mangup. Excavations of Street of VI–XI Centuries in the Central Part of Residential Development Fortress. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2023, vol. 46, pp. 185–227.
24. Nidzelnitskaia L.Yu. Byzantine Flat-Walled Amphorae with zonal decoration of the 5th – early 9th Centuries from the Local Museums Collections. V.P. Kopylov (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i hazarskoe vremya. Sbornik statej po materialam XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [International Relations in the Black Sea basin in the Scythian-Ancient and Khazar Time. Collection of Articles based on the Materials of the XII International Scientific Conference], Rostov-on-Don, Media-Polis Publ., 2009, pp. 257–282.
25. Nidzelnitskaia L.Yu., Iliashenko S.M. An Early Medieval Settlement at Tanais. Yu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona: sbornik statej* [The Mediaeval Antiquities of the Don: collected articles], Moscow, Jerusalem, Gesharim Publ., 2007, pp. 193–215.
26. Nidzelnitskaia L.Yu., Kulakov A.A. Martynovo I, an Early Medieval Settlement on the Lower Don. V.V. Kliuchnikov, A.A. Kulakov (eds.), *Hazarskie drevnosti: sbornik nauchnyh statej* [Khazar Antiquities: Collection of Scientific Papers], Aksai, Aksai Military and Historical Museum Publ., 2013, pp. 7–49.
27. Novichenkova N.G. Dissemination of Provincial Byzantine Culture in the Southern Coast of Crimea based on the materials of archaeological research of the settlement near the Livadia hospital. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2020, no. 2(32), pp. 64–77.
28. Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Taurika Pottery Centers of VIII–X Centuries AD. E.A. Parshina (ed.), *Morskaya torgovlya v Severnom Prichernomor'e* [Sea Trade in North Black Sea], Kuiv, Stilos Publ., 2001, pp. 52–81.
29. Sazanov A.V. The Ceramic Assemblage of the Early of the 11th Century (amphorae, pithoses and the plain pottery). *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Works], 2001, vol. 2, pp. 229–256.
30. Sazanov A.V. Globular Amphorae of the Black Sea Type (Crimean Globular Amphorae) and the Problems of Chronology of Complexes of the 8th–9th Centuries. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov (eds.), *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress], Samara, Samara State Social and Pedagogical University Publ., 2020, vol. 2, pp. 266–268.
31. Sazanov A.V. Byzantine Amphoras: the Problems of Chronology, Typology, Localization of Production Sites. A.V. Zaikov (ed.), *Istoriya i arheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu i srednevekovuyu epohi. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [History and Archeology of the Northern Black Sea region in the Ancient and Medieval epoques. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference], Sevastopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 154–161.
32. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. North-Eastern Plot of the VIII–X Centuries of Chirkov Mountains 1: economic complexes of group 3 (on the result of explorations 2015). *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2018, vol. 37, pp. 263–301.
33. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. Settlement of VIII–X Centuries on Mount Chirkova 1 on Taman Peninsula: economic complexes of group 4 (following of 2015 excavations). *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2019, vol. 10, pp. 205–248.
34. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. The Settlement of Gora Chirkova from the Eighth to Tenth Century on Taman Peninsula: economic assemblages of group 2 (according to 2015 excavations). *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2020, vol. 12, pp. 221–268.
35. Sukhanov E.V., Sviridov A.N. Assemblages of Early Medieval Amphorae from the Gora Chirkova 1 settlement on the Taman Peninsula. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2017, vol. 247, pp. 314–325.
36. Sukhanov E.V. *Amfory kak istochnik dlya izucheniya torgovyh kontaktov naseleniya saltovo-mayackoj kul'tury Srednego i Nizhnego Dona* [Amphoras as a source for studying trade contacts of the population of the Saltovo-Mayatsk culture of the Middle and Lower Don]. Text of kandidat. diss. Moscow, 2018, vol. 1–3, 164 p.

37. Sukhanov E.V. Pottery of the Humara Hillfort (material of excavations 2007–2017). U.Yu. Kachkarov (ed.), *Humarinskoe gorodishche. Itogi mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Humara hillfort. Results of Interdisciplinary Research], Moscow, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 163–192.
38. Takhtay A.K., Komar A.V. Burial complex of the Khazar Epoch from the area of the city of Chistyakovo, Stalin region. *Vita Antiqua*, Kuyv, 1999, no. 2, pp. 160–169.
39. Teslenko I.B. The Pottery. I.B. Teslenko, A.E. Musin (eds.), *Drevnosti Semidvor'ya I. Srednevekovyj dvuhapsidnyj hram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniya i materialy* [Archaeology Semidvorie I. Double apse medieval church in Yedi Evler valley (Alushta, Crimea): studies and materials], Kyiv, Antikvar Publ., 2015, pp. 119–177. (Archaeological Almanac, no. 32).
40. Teslenko I.B., Telizhenko S.A. Research of a Medieval Settlement at the Cape Sotera (preliminary results of works 2004, 2008–2013. I.B. Teslenko (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyh yubileyu E.A. Parshinoj* [The Ancient and Medieval Taurica. The Volume of Collected Papers Presented to E.A. Parshyna], Kyiv, Oleg Fil'uk Publ., 2015, pp. 201–310. (Archaeological Almanac, no. 32).
41. Kharitonov I.M. Black Sea Amphora from a destroyed burial of the Khazar period near the village of Sadovoye, Arzgir district. Yu.A. Prokopenko, T.A. Nevskaya (eds.), *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnyh statej* [From the History of Culture of the Peoples of the North Caucasus: a collection of scientific articles], Stavropol, Pechatny Dvor Publ., 2020, pp. 116–120.
42. Chkhaidze V.N. *Tamatarha. Rannevizantijskij gorod na Tamanskom poluostrove* [Tamatarkha. The Early Medieval city on Taman Peinisula]. Moscow, TAUS Publ., 2008, 328 p.
43. Chkhaidze V.N. *Fanagoriya v VI–X vv.* [Phanagoria in 6th–10th Centuries]. Moscow, Triumph print Publ., 2012, 590 p.
44. Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V. Research of the Settlement near the Lisovitsky Gally in the Temryuk District of the Krasnodar Region. N.V. Volkodav (ed.), *Ohrana i sohranenie arheologicheskogo naslediya Tamani pri realizacii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov: materialy arheologicheskoj nauchnoj konferencii* [Protection and Preservation of the Archaeological Heritage of Taman during the construction of the Taman LPG and Oil Products Terminal: materials of the archaeological scientific conference], Krasnodar, 2016, pp. 131–139.
45. Jacobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki* [Ceramics and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad, Nauka publ., 1979, 164 p.
46. Yashaeva T.Yu. Early Medieval Settlement in the suburbs of Kherson on the Heraclean Peninsula. *Hersonesskij sbornik* [Khersonesus collection], Sevastopol, 1999, vol. X, pp. 349–358.
47. Csiky G. *The Transformation of Pontic Trade from Late Antiquity to the Middle Ages. Transport vessels from the Archaeological Museum of Sinop*. Budapest, Archaeolingua Alapítvány Publ., 2017, 181 p.
48. Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*, Rome, 2008, t. 120, no. 2, pp. 307–326.
49. Gelichi S., Calaon D., Negrelli C., Grandi E. The Mediterranean Emporium of Comacchio and Early Medieval European Trade (the 6th–10th centuries AD). Y. I. Morozova (ed.), *1000 rokiv vizantijs'koï torgivli (V–XV st.)* [Ten Centuries of Byzantine Trade (the 5th–15th centuries], Kyiv, SPD FOP Chaltsev Publ., 2012, pp. 165–176.
50. Günsenin N., Rieth E. Un graffito de bateau a voile latine sur une amphore (IX s. ap. J.-C.) du Portus Theodosiacus (Yenikapi). *Anatolia Antiqua*, 2012, vol. 20, pp. 157–164.
51. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery*. Princeton, Princeton University Press, 1992, 455 p.
52. Hocker F.M. Bozburun Byxzantine Shipwreck Excavation: The Final Campaign 1998. *The INA Quarterly,* 1998, vol. 24, no. 4, pp. 3–13.
53. Leo Imperiale M. Otranto, cantiere Mitello: un centro produttivo nel Mediterraneo byzantine. S.P. Uggeri (ed.), *Atti del V Congresso di Archeologia Medievale (Roma, CNR, 26–27 novembre 2001): La ceramica altomedievale in Italia*, Firenze, All'Insegna del Giglio Publ., 2004, pp. 327–342.
54. Leo Imperiale M. Anfore e reti commerciali nel basso Adriatico tra VIII e XII secolo. *Archeologia medievale*, 2018, vol. 45, pp. 47–64.
55. Magness J. *Jerusalem ceramic chronology: circa 200–800 ce*. Sheffield, Sheffield Academic Press, 1993, 277 p.
56. *Özsait-Kocabaş I. The Yenikapi 12 Shipwreck, a 9th Century Merchantman from the Theodosian Harbour in Istanbul, Turkey: construction and reconstruction. The International Journal of Nautical Archaeology*, 2018, vol. 47.2, pp. 357–390.
57. Papavassiliou E., Sarantidis K., Papanikolaou E. A Ceramic Workshop of the Early Byzantine Period on the Island of Lipsi in the Dodecanese (Greece): a preliminary approach. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), *LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Ampho-*

rae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry, Oxford, Information Press, 2014, vol. 1, pp. 159–168.
58. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (V–VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule.* Beyrouth, IFPO Publ., 2005, 329 p.
59. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary Results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan Case Study. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), *LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry*, Oxford, Information Press, 2014, vol. 1, pp. 873–883.
60. Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? *Byzantina*, 2018, vol. 35, pp. 195–216.
61. Todorova E. «Dark Age» Amphorae from present-day Bulgaria – state of research, typologies, problems and future perspectives. *Archeologie Medievale*, 2018, vol. 14, pp. 65–76.
62. Vionis A.K. Bridging the Early Medieval «Ceramic Gap» in the Aegean and the Eastern Mediterranean (7th–9th C.): Local and Global Phenomena. *HEROM*, 2020, vol. 9, pp. 291–325.
63. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 223 p.
64. Vroom J. Early Medieval Pottery Finds from Recent Excavations at Butrint, Albania. S. Gelichi (ed.), *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo*, Venezia, All'Insegna del Giglio Publ., 2012, pp. 289–296.
65. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Maditerranean (ca. Seventh–Fourteenth Centuries). P. Magdalino, N. Necipoğlu (eds.), *Trade in Byzantium: Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*, Koç, Koç University Press, 2016, pp. 157–177.
66. Vroom J. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean. S. Gelichi, C. Negrelli (eds.), *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo). Scambi, porti, produzioni*, Venice, 2017, pp. 285–310.
67. Vroom J. Ceramics. Ph. Niewöhner (ed.), *The Archaeology of Byzantine Anatolia: from the End of Late Antiquity until the Coming the Turks*, Oxford, Oxford University Press, 2017, pp. 176–193.
68. Yangaki A.G. In Search of Standardization. The Case of a Globular Amphora Type from Crete. H.G. Cesteros, L. Leidwanger (eds.), *Regional Economies in Action. Standardization of Transport Amphorae in the Roman and Byzantine Mediterranean: Proceedings of International Conference*, Wien, Verlag Holzhausen GmbH, 2023, pp. 297–325.

Сведения об авторе

Науменко В. Е. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма, декан исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Author information

Naumenko V. E. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea, Dean of the Faculty of History of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.183-191

ФИГУРНЫЕ ПОДВЕСКИ (ЧУМБУРНЫЕ БЛОКИ) ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАВРИКЕ

Вадим Владиславович Майко
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Аннотация. В статье проанализированы все известные на сегодняшний день находки фигурных подвесок (чумбурных блоков), представляющие интерес для решения вопроса об этнокультурных связях раннесредневекового населения полуострова и сопредельных регионов. Пять из шести изделий имеют археологический контекст, позволяющий датировать их от середины VIII и до середины IX в. Три находки связаны с погребальными комплексами, две обнаружены на площади поселений. Только одна находка зафиксирована в комплексе с конским снаряжением, относящимся к хазарскому подкурганному погребению раннего этапа салтово-маяцкой культуры. Остальные изделия обнаружены в комплексах алано-готского населения Таврики.

Ключевые слова: Таврика, хазарское время, чумбурный блок, хронология, функциональная принадлежность

FIGURAL PENDANTS (BIND-REINS LOOP) FROM THE KHAZAR PERIOD IN THE TAURICA

Vadim V. Maiko
Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Abstract. This article addresses all the finds of figural pendants (bind-reins loops) known so far. These are of interest for solving the question of ethnic and cultural ties between the early mediaeval population of the Crimean Peninsula and neighboring regions. Five of the six artefacts in question originate from archaeological context, suggesting their chronology from the mid-eighth to mid-ninth century. Three finds are associated with burial complexes, two were found on the settlements. Only one find was documented in a complex with horse harness related to a Khazarian barrow grave from the early stage of the Saltovo-Maichnaia culture. The rest of the artefacts were discovered in the complexes of the Alano-Gothic population of the Taurica.

Keywords: Taurica, Khazarian Period, bind-reins loop, chronology, functional affiliation

Изучение состава конского снаряжения салтово-маяцкого населения Таврики середины VIII – начала X в. – одна из важных проблем крымской медиевистики. Важность ее подчеркивает и редкость подобных комплексов для раннесредневекового населения полуострова. Кроме хазарских курганов у с. Строгоновка, до сего времени погребения с конем для салтово-маяцкой праболгарской культуры Крыма неизвестны, не встречены подобные захоронения и среди гото-аланского населения. Удила, подпружные кольца и пряжки, другие предметы снаряжения лошади в составе находок в культурных слоях различных сельских и городских памятников фрагментированы и единичны. Единственное исключение составляет богатый набор подобных изделий, происходящий из предполагаемого комплекса ремесленной мастерской, расположенной в крымских предгорьях [23, с. 265–272; 24, с. 237–263]. Однако археологический контекст этой находки до конца не ясен.

Тем больший интерес представляют обнаруженные в Таврике такие довольно редкие предметы конского снаряжения этого времени, как фигурные подвески, чаще всего име-

нуемые чумбурным блоком. История их изучения довольно подробно изложена в целом ряде работ [20, с. 42–46; 5, с. 215–216; 15, с. 221–228], что в значительной степени избавляет от повторений.

На сегодняшний день в Таврике автору известны шесть подобных находок. Первая подвеска с удлинённым щитком с отверстием на конце без кольца (рис. 1,*3*), судя по всему, происходит из разрушенного в 80-е гг. XIX в. у подножия горы Аю-Даг Артекского некрополя, но в списке переданных Н. И. Репникову вещей из этого могильника не упоминается. Попытку ее атрибуции предпринял М. И. Артамонов, опубликовав с другими синхронными предметами из этого памятника [9, с. 165, нижняя справа]. Вторая, грубо выполненная подвеска, щиток которой заканчивается отверстием (рис. 1,*5*), так же без кольца, найдена в составе несохранившегося поясного набора салтовского типа из Херсонеса, известного только по фотографиям [1, с. 227, рис. 2,10]. Автор публикации, исходя из контекста находки, отнёс ее к своеобразным петлям, применявшимся в раннесредневековых салтовских поясных наборах для прикрепления вспомогательного ремня или для подвешивания мелких бытовых предметов. Эту же функцию, по мнению учёного, выполняла и подвеска из Артекского некрополя [1, с. 234].

Третья морфологически идентичная подвеска с двумя ажурными перехватами и отверстием для крепления кольца, которое не сохранилось, была найдена в 1956 г. археологической экспедицией Бахчисарайского заповедника под руководством Н. А. Богдановой в детской могиле некрополя Заветное на юго-западной окраине могильника, на площади квадрата 64[1]. Этот памятник хорошо известен, прежде всего, как позднеантичный некрополь [17, с. 249], исходя из чего, должного внимания предмет так и не получил. Исследовательницей он атрибутировался, как часть бронзовой пряжки (рис. 1,*4*). К сожалению, ни плана, ни фотографии погребения, не получившего никакого номера, ни его описания в отчете нет. Судя по описи [11, с. 3], других предметов в этом погребении найдено не было, но уверенно об этом говорить нельзя. В обобщающей работе о раскопках этих лет [13, с. 17–70] данное захоронение не упоминалось вовсе, хотя речь о 9 могилах, перекрывавших основную массу погребений, которые исследовательница датировала V–VI вв. и связывала с раннесредневековым селищем на территории городища Алма-Кермен, упоминалось [12, с. 98].

Четвёртый предмет (рис. 1,*2*), представляющий собой аналогичный щиток, так же с двумя ажурными перехватами с отверстием на конце и так же без кольца, найден в 1985 г. в заполнении центрального дома богатой усадьбы городища Кыз-Кермен [14][2]. Автор публикации А. В. Белый в этой же работе упоминает ещё об одной случайной находке пятой, обнаруженной к юго-востоку от Кыз-Кермена, у села Синапное Бахчисарайского района, но фотографии и прорисовки не приводит. Вероятнее всего, это морфологически идентичная подвеска.

Последнее шестое изделие найдено в 2021 г. в комплексе тайника, зафиксированного возле центрального воинского погребения с лошадью средневекового кургана 3 у с. Строгоновка [19, с. 162, рис. 77,3]. Напомним, что в состав этого комплекса входили железные стремена т.н. «салтовского типа», удила с S-видными псалиями, прямоугольными в разрезе, одни концы которых оформлены в виде сильно стилизованных конских головок, две крупные железные подпружные пряжки для затягивания седельных ремней, а также предметы, состоящие из кольца с припаянным прямоугольным штырем и двумя квадратными пластинами, расположенными под кольцом и в основании этого штыря. В отличие от пяти предыдущих подвесок, эта состояла из щитка и сохранившегося кольца, соединённых при

[1] Выражаю глубокую признательность В. В. Масякину и А. А. Волошинову за предоставленную информацию об этом уникальном для некрополя предмете.

[2] Исследование состава сплава изделия проведено Т. Н. Смекаловой методом рентгено-флуоресцентной спектроскопии на спектрометре Мистраль (фирма Брукер). И судя по соотношению элементов (медь – 81,38%, свинец – 4,74%, олово – 12,92%), это «классическая» бронза, а микропримеси (цинк, железо, серебро, сурьма) в сумме не превышают 1% и, видимо, являются сопутствующими непреднамеренными добавками.

помощи шарнира. Помимо этого, кольцо орнаментировано рельефным волнистым орнаментом (рис. 1,*1*).

Документированные находки этим списком пока исчерпываются. Необходимо, тем не менее, указать, что два чумбурных блока с сохранившимися кольцами достаточно грубой работы, напоминающие Херсонесское изделие, так же без двух ажурных перехватов, приведены в публикации И. А. Баранова [10, с. 148, рис. 2,13,14]. Автор указывал, что они были зафиксированы в составе погребального инвентаря некрополя Судак-II. Однако в полевой документации о раскопках данного могильника никаких упоминаний об этих изделиях нет. Ныне могильник Судак-II полностью введён в научный оборот [22, с. 24–144] и связывать с ним опубликованные учёным подвески нельзя. Нет никаких упоминаний и об их связи с каким-либо другим некрополем раннесредневековой Сугдеи. К сожалению, установить происхождение и место хранения этих предметов автору статьи пока не удалось.

Таким образом, пять фигурных подвесок имеют только щиток с отверстием для кольца и лишь одна, соединённая шарниром, сохранилась полностью. Археологический контекст Херсонесской находки позволяет датировать ее второй половиной VIII – первой половиной IX в., не ранее второй половины IX в. датируется предмет из Кыз-Кермена, ничего нельзя сказать о датировке чумбуров из Заветного, Синапного и Артека, хотя сопровождающий последнюю подвеску инвентарь, по большей части, существовал до середины VIII в. Строгоновская подвеска чётко датируется третьей четвертью VIII в.

В литературе неоднократно указывалось, что рассматриваемые подвески получили наибольшее распространение в захоронениях разнообразных могильников лесостепного Подонья. Конкретизируя эти данные, специалисты указывали факт находки изделий в 8-ми захоронениях Нетайловского могильника, 7-ми погребениях могильника Красная Горка и 5-ти трупосожжениях Сухогомольшанского могильника [7, с. 119].

Действительно, в захоронении 435 воина-всадника с полной тушей коня в нише подбое, зачищенном на Нетайловском могильнике, чумбурный блок с отломанным в древности подвижным концом, подвергавшийся ремонту, найден вместе с аналогичными Строгоновскому тайнику стременами, удилами с прямыми псалиями и подпружными пряжками [4, с. 246, рис. 5,4,5] и так же датируется в рамках середины – третьей четверти VIII в. В целом, в материалах этого могильника получена одна из самых представительных коллекций подобных чумбурных блоков [5, с. 235, рис. 11], происходящих как из богатых погребений типа 435, так и захоронений, где отмечена только шкура и череп животного, либо предметы конского снаряжения. При этом шарнирное крепление кольца к щитку отмечено только на этом одном отремонтированном блоке. На остальных изделиях кольцо продето в отверстие на конце щитка.

Чумбурный блок с шарнирным соединением встречен и в составе разнообразного и богатого погребального инвентаря могилы 264 Красногорского могильника [8, с. 399, рис. 7,27]. Погребенный здесь воин-всадник с целым скелетом коня датируется, скорее всего, серединой VIII в. На основании хорошо датированных комплексов, авторы аргументировано считают, что эти чумбурные блоки существовали в рамках второй половины VII – первой половины VIII в. Датировка чумбурного блока с креплением кольца при помощи отверстия на конце щитка, встреченного в этом некрополе в составе кремации 254 [8, с. 393, рис. 4,4], относится к более позднему времени [8, с. 400]. Тем не менее, вероятнее всего, подвески с отверстием на конце щитка для крепления кольца очень быстро приходят на смену шарнирным. В таком известном комплексе, как погребение всадника в кургане 5 могильника Кривая Лука XXVII, который, исходя из богатого погребального инвентаря, датируется около середины VIII в., встречен чумбурный блок с отверстием для продевания кольца на конце щитка [27, рис. 7,5,8].

Близкая ситуация и с чумбурными блоками из материалов раскопок Сухогомольшанского некрополя. Экземпляры с шарнирным креплением встречены в погребении 262 и комплексе VI, в последнем случае в составе конского снаряжения [7, с. 263, 222, рис. 61,33;

20,3], а изделия с отверстием для крепления кольца – в погребениях 54 и 174 [7, с. 239, 219, рис. 37,37; 17,12]. В комплексе II этого могильника отмечен и цельнолитой чумбур, не предусматривавший кольца [7, с. 212, рис. 10,6]. По справедливому мнению В. С. Аксёнова, чумбурные блоки в целом характерны для привилегированной тюрко-угорской группы номадов в социальной структуре салтовского населения Северского Донца [5, с. 223]. Напомним, что у с. Русская Буйловка на некрополе салтово-маяцкого времени чумбурный блок зафиксирован среди случайных находок вещей мадьярского круга [29, 48. kép.; 28, с. 344, рис. 6,9].

Тем не менее, отметим находки подвесок и в инвентаре тайника катакомбы № 25 Верхнесалтовского III могильника, куда чумбурный блок с шарнирным соединением входил вместе со стременами, удилами и подпружной пряжкой. Датируется комплекс не позже второй четверти VIII в. [2, с. 275, рис. 5,3; 3, с. 255, рис. 5,3]. Чумбурный блок с отверстием для крепления кольца встречен и в более позднем, первой половины IX в., богатом захоронении коня № 3 в Верхнесалтовском I катакомбном могильнике, так же в составе с удилами, стременами, подпружными пряжками и другим многочисленным снаряжением животного [2, с. 273, рис. 3,9; 3, с. 253, рис. 3,9].

В целом, территория распространения чумбурных блоков достаточно широка, что связано, в первую очередь, с модой на украшение сбруи лошади. Так, подобное изделие встречено на такой отдалённой территории, как погребение могильника Питер (Степаново Плотбище) Ломоватовской культуры Пермского Предуралья, наряду с другими предметами конского снаряжения, характерными и для салтово-маяцкой культуры [16, с. 29, рис. 3,13]. Два чумбурных блока известны и среди материалов славянской Роменской археологической культуры Окско-Донского водораздела, где датируются в рамках второй половины IX – начала X в. и анализируются в качестве предметов конского снаряжения [18, с. 274, рис. 6,4].

Большую подборку морфологически чрезвычайно разнообразных чумбурных блоков, найденных на территории северо-восточной Болгарии, почти полностью отражающую состояние источниковой базы к концу первого десятилетия XXI в., представили Б. Тотев и О. Пелевина [26, с. 57, рис. 11]. Авторы рассматривают их в качестве элементов, служащих для прикрепления повода коня, и считают, что их появление у дунайских болгар может свидетельствовать о переселении части праболгар, в том числе и Таврики, в период катаклизмов в каганате на территорию Первого болгарского царства [26, с. 47].

Классификация фигурных подвесок уже была представлена в работах, как частного, так и общего характера [7, с. 119; 5, с. 215–216; 20, с. 50; 15, с. 225–227], что избавляет от повторений. В целом, все изделия делятся на два типа: состоящие из щитка и кольца или только одного щитка. Подвески первого типа разделяются на два варианта в зависимости от крепления кольца – при помощи шарнира или специально оставленного на окончании щитка отверстия.

Традиционно считается, что фигурные подвески с шарнирным креплением более ранние и хронологически связаны с предсалтовским и раннесалтовским горизонтом Столбище-Старокорсунская [3, с. 249; 6, с. 17; 20, с. 59]. При этом отсутствие орнаментации на кольце, как, например, на находке из Херсона [1, с. 235], также является признаком более ранних хронологических рамок бытования изделия [15, с. 226]. Блоки же второго варианта, у которых фигурная рамка соединялась с кольцом при помощи отверстия в щитке – наиболее поздние, встреченные в классических салтовских древностях. Помимо этого, в настоящий момент С. И. Владимиров справедливо выделяет и две стилистические группы подвесок по орнаментальному оформлению кольца [15, с. 227]. Основываясь на подвеске из тайника кургана 3 у с. Строгоновка, можно говорить и о третьей стилистической группе, где орнаментальное оформление кольца не связано с налепными элементами.

Цельнолитые чумбурные блоки А. В. Комар справедливо относит к определенной «лировидной» группе изделий, включающей и аналогично оформленные подвески с прямым окончанием ножки, не предусматривавшей какой-либо петли [21, с. 300,

рис. 2,5]. Ученый аргументированно предполагает их происхождение от полифункциональных тюркских костяных застежек, первоначально использовавшихся в узде, как детали чумбура, и связывает время их появления в Восточной Европе с новым тюркским импульсом VIII в. [21, с. 301].

Нельзя не поддержать мнение В. С. Аксёнова, свидетельствующее о том, что чумбурные блоки относятся к конскому оголовью и не являются подвесками на пояс, характерными для тюркского населения Сибири и аланского населения салтово-маяцкой культуры. В пользу этого, по аргументированному мнению исследователя, подтвержденному конкретными приведенными примерами, указывает факт их нахождения исключительно в составе других элементов конской упряжи. С. И. Владимиров справедливо подчеркивает, что в этих погребениях часто встречены и предметы вооружения [15, с. 221]. Помимо этого, совершенно очевидно, что зависимости между обрядом, по которому совершалось погребение, и количеством фигурных подвесок пока не наблюдается и данные украшения конской упряжи были распространены среди воинов-всадников различных этнических групп, входивших в состав населения Хазарского каганата [15, с. 227].

Несмотря на это, в настоящий момент выделена целая группа погребений с фигурными подвесками и без конской упряжи и вооружения, к которой следует отнести и большую часть подвесок Таврики. Обобщая материалы Подонья, С. И. Владимиров делает принципиальный вывод о том, что помещение подобных изделий в погребение не зависело от пола захороненного и наличия при нём предметов конской упряжи [15, с. 225]. На наш взгляд, надо учитывать и факт сохранности самой подвески. Очень часто в составе погребального инвентаря этих захоронений использовались только щитки с обломанными кольцами, которые уже не могли использоваться в качестве конского снаряжения.

В таком качестве следует рассматривать и находки щитков чумбурных блоков с отверстием на конце в материалах поселенческих памятников, таких как городище Кыз-Кермен в юго-западной Таврике. Напомним, что впервые такие чумбурные блоки были обнаружены в ходе раскопок Правобережного Цимлянского городища. Один из них был опубликован М. И. Артамоновым [9, с. 322, слева вверху]. Эта же и аналогичная ей находка из раскопок этого уникального памятника 1958–1959 гг. были опубликованы С. А. Плетневой [25, с. 390, рис. 53,7,8] и атрибутированы в качестве подвесок на пояс.

Возвращаясь к крымским подвескам, попытаемся подвести некоторые итоги. Необходимо еще раз подчеркнуть, что пять из шести изделий найдены на территории юго-западной и южной Таврики в материалах археологических памятников, связываемых с византийским и алано-готским населением. Все они относятся к одному типу подвесок с отверстием для крепления кольца. Последнее во всех случаях отсутствует, что заставляет предположить вторичное использование всех этих предметов в качестве элемента поясного набора. Только одна подвеска с шарнирным соединением обнаружена в кургане, оставленном кочевым хазарским этносом. Среди всех оседлых памятников праболгар Таврики, сопоставляемых с крымским вариантом салтово-маяцкой археологической культуры, такие подвески неизвестны. Нет их и в захоронениях оседлых праболгар Подонья, оставивших некрополь Червоная Гусаровка. Все это лишний раз свидетельствует о первоначальном использовании фигурных подвесок с шарнирным соединением в качестве элемента конской упряжи. При этом частая поломка шарнира очень быстро способствовала появлению щитков с отверстием для крепления кольца, что было, несравненно, надежнее. Но и они часто ломались, что способствовало появлению практики их дальнейшего применения как составной части поясного набора.

Рис. 1. Чумбурные блоки Таврики
1 – Строгоновка 2021, курган 3; *2* – Кыз-Кермен;
3 – некрополь Артек (по М. И. Артамонову); *4* – некрополь у с. Заветное;
5 – Херсонес (по А. И. Айбабину)

Fig. 1. Bind-reins loop from the
1 – Strogonovka 2021, barrow 3; *2* – Kyz-Kermen;
3 – the cemetery of Artek (according to M. I. Artamonov);
4 – the cemetery of Zavetnoe; *5* – Chersonese (according to A. I. Aibabin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1. С. 225–239.
2. Аксёнов В.С. Комплексы с конскими начельниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Srtatum plus. 2001–2002. № 5. С. 270–281.
3. Аксёнов В.С. Комплексы салтовского времени с начельниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 245–260.
4. Аксенов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 231–258.
5. Аксёнов В.С. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2011. С. 207–242.
6. Аксёнов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населения Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. 2014. Т. 12. С. 4–33.
7. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // Хазарский альманах. 2006. Т. 5. 306 с.
8. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 387–406.
9. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
10. Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. С. 145–159.
11. Богданова Н.А. Отчет об археологических исследованиях 1956 г. могильника I–III вв. в районе с. Заветное Бахчисарайского района // Архив Института археологии НАН Украины. Ф. еКС. № 2694.
12. Богданова Н.О. Могильник I ст. до н.е. – III ст. н.е. біля с. Завітне, Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. XV. С. 95–109.
13. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 70).
14. Белый А.В. Бронзовая фигурная подвеска из раскопок дома правителя на городища Кыз-Кермен // История и археология Крыма. 2024. Вып. XXI. С. 272–276.
15. Владимиров С.И. Фигурные подвески (чумбурные блоки) из погребений Салтово-Маяцкой культуры // Дивногорский сборник. 2016. С. 221–228.
16. Данич А.В. Снаряжение верхового коня (удила из раскопок Питер (Степаново Плотбище) могильника) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2018. Вып. VIII. С. 26–30.
17. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнельт Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н.э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь, 2007. С. 249–290.
18. Колоколов А.М. Находки предметов вооружения и конского снаряжения степного круга древностей с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 2. С. 265–283.
19. Колтухов С.Г., Майко В.В. Курганы у с. Строгоновка (исследования 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2024. 212 с.
20. Комар А.В. Горизонт СтолбищеСтарокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // FinnoUgrica. 2000. № 1. С. 42–66.
21. Комар А.В. Курганы VIII в. у села Астахово // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 295–314.
22. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академпериодика, 2007. 273 с.
23. Майко В.В. Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму. Ч. II // Древности. Харьков, 2010. С. 265–272.
24. Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // Хазарский альманах. 2009. Т. 8. С. 237–263.
25. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 271–396.
26. Тотев Б., Пелевина О. Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 43–59.
27. Фёдоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем

Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово: 1984. С. 80–94.
28. Цыбин М.В. Среднее Подонье в IX–X вв. Археологический контекст Воробьевского погребения // III-й международный Мадьярский симпозиум. A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai. Budapest, 2018. С. 335–346.
29. Erdélyi I. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei. Budapest, 2008. 243 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Saltovsky belt sets from Crimea. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1977, no. 1, pp. 225–239.
2. Aksenov B.C. Complexes with horse chiefs from the Verkhnesaltovsky catacomb burial ground. *Srtatum plus*, 2001–2002, no. 5, pp. 270–281.
3. Aksyonov V.S. Complexes of equestrian equipment of the Salt time in the beginners (according to the materials of the Verkhnesaltovsky catacomb burial ground). *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 4. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 4. Khazar time], Doneck, Donetsk National University Publ., 2005, pp. 245–260.
4. Aksenov B.C. Studies of early medieval burials near the village of Metallovka in 2006 (Netailovsky burial ground). *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 7. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 7. Khazar time], Doneck, Donetsk National University Publ., 2009, pp. 231–258.
5. Aksenov B.C. Burials of riders of the Netailovsky burial ground of Saltov culture: typology and chronology (based on materials from 2003–2010). *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 9. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 9. Khazar time], Doneck, Donetsk National University Publ., 2011, pp. 207–242.
6. Aksenov V.S. New materials on the development of the population of the Khazaria of the Seversky Donets basin. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2014, vol. 12, pp. 4–33.
7. Aksenov V.S., Mikheev V.K. The population of the Khazar Khaganate in historical and cultural monuments. Sukhogomolshan burial ground of the 8th–10th centuries. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2006, vol. 5, 306 p.
8. Aksenov V.S., Mikheev V.K. Burials with compound bows of the biritual burial ground Krasnaya Gorka of Saltovo culture. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 7. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 7. Khazar time], Doneck, Donetsk National University Publ., 2009, pp. 387–406.
9. Artamonov M.I. *Istoriia khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage Publ., 1962, 523 p.
10. Baranov I.A. The Bulgarian-Khazar horizon of medieval Sugdeja. *Problemi na prab"lgarskata istoriia i kultura* [Problems on prabulgarien history and culture], Sofiia, 1991, pp. 145–159.
11. Bogdanova N.A. Report on archaeological research in 1956 of the burial ground of 1st–3rd centuries in the area of Zavetnoe Bakhchisarai district. *Archive of the Institute of Archaeology of the NAS of Ukraine*. F. eKS. No. 2694.
12. Bogdanova N.O. Burial ground of the 1st century BC – 3rd century A.D. near Zavitne, Bakhchisaraiy district. *Arkheologiia* [Archaeology], 1963, vol. 15, pp. 95–109.
13. Bogdanova N.A. Burial ground of the first centuries of our era near Zavetnoe. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe], Moscow, 1989, pp. 17–70. (Proceedings of the State Historical Museum, vol. 70).
14. Belyi A.V. Bronze figured suspension from the excavations of the ruler's house on the Kyz-Kermen settlement. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2024, vol. 21. pp. 272–276.
15. Vladimirov S.I. Curly pendants (plague blocks) from the burials of the Saltovo-Mayatskaya culture. *Divnogorskii sbornik* [Divnogorsk collection], 2016, pp. 221–228.
16. Danich A.V. Riding horse equipment (bit from the excavations of the Peter (Stepanovo Plotbishche) burial ground). *Vestnik muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia* [Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Urals], 2018, vol. 8, pp. 26–30.
17. Zaitsev Iu.P., Voloshinov A.A., Kiunel't E., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. Late Scythians necropolis Zavetnoe (Alma-Kermen) 1st–3rd centuries AD in the southwestern Crimea. Excavations 2004. *Drevniaia Tavrika. Posviashchaetsia 80-letiiu Tat'iany Nikolaevny Vysotskoi* [Ancient Taurica. Dedicated to the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249–290.
18. Kolokolov A.M. Finds of weapons and equestrian equipment of the steppe circle of antiquities from monuments of the 9th–10th centuries. Oka-Don watershed. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 265–283.
19. Koltukhov S.G., Maiko V.V. *Kurgany u s. Strogonovka (issledovaniia 2021 g.)* [Barrows near the village of Strogonovka (research 2021)]. Simferopol, Arial Publ., 2024, 212 p.

20. Komar A.V. Horizon Stolbishche Starokorsunskaya and some problems of the emergence of Salta culture. *Finno Ugrica* [Finno Ugrica], 2000, no. 1, pp. 42–66.
21. Komar A.V. Barrow of VIII century. near the village of Astakhovo. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya*. *T. 7. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 7. Khazar time], Doneck, Donetsk National University Publ., 2009, pp. 295–314.
22. Maiko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoi doliny* [Medieval necropolises of the Sudak Valley]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 273 p.
23. Maiko V.V. A complex of equestrian equipment and household items from the Prabolgar settlement of the 9th – first half of the 10th centuries in southeastern Crimea. Part II. *Drevnosti 2010* [Antiquities 2010], Kharkov, 2010, pp. 265–272.
24. Maiko V.V., Gavrilov A.V., Gukin V.D. A complex of weapons, equestrian equipment and household items from the Prabolgar settlement of the 9th – first half of the 10th centuries in southeastern Crimea. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2009, vol. 8, pp. 237–263.
25. Pletneva S.A. Right-bank Tsimlyansk settlement. Excavations 1958–1959. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria], 1994, vol. 4, pp. 271–396.
26. Totev B., Pelevina O. Archaeological data on contacts between the population of the Khazar Khaganate and the Danube Bulgarians. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya*. *T. 7. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 7. Khazar time], Doneck, Donetsk National University Publ., pp. 43–59.
27. Fedorov-Davydov G.A. Burials of the Khazar time from the tract "Krivaia Luka" in the Lower Volga region. *Problemy arkheologii stepei Evrazii. Sovetsko-vengerskii sbornik* [Problems of archaeology of the steppes of Eurasia. Soviet-Hungarian collection], Kemerovo, 1984, pp. 80–94.
28. Tsybin M.V. Middle Don area in the 9th–10th centuries. Archaeological context of the Vorobyevsky burial. *III-i mezhdunarodnyi Mad'iarskii simpozium* [III International Magyar Symposium], Budapest, 2018, pp. 335–346.
29. Erdélyi I. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest, 2008, 243 p.

Информация об авторе

Майко В. В. – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: A-8603-2019

Author information

Maiko V. V. – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: A-8603-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.192-208

НАВЕСНОЙ ЗАМО́К МАСТЕРА О́МАРА (У́МАРА) СИРИЙЦА ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Валерий Анатольевич Сидоренко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
crimeastor@rambler.ru
Лариса Васильевна Седикова
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия
sedikova7@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена арабским надписям на фигурном бронзовом навесном замо́чке, который был найден в Херсонесе при раскопках, его датировке и атрибуции. Первая надпись размещена вдоль верхней боковой плоскости передней створки его корпуса и представляет собой именное одночленное указательное предложение, в котором сообщаются личное имя мастера, имя его отца (*кунья*), имя по месту рождения (*нисба*) и прозвище (*лакаб*): «Вот творение О́мара (У́мара), сына А́бу Бакра, эз-Забаданийца, Сирийца». Вторая – является каллиграфическим орнаментом, располагаясь на плоскостях обеих сторон фигурного корпуса замка́, третья – находится на нижней стороне его корпуса справа. Они являются стихотворным благопожеланием будущему владельцу замка́, апозитивно связанным посредством слитного личного местоимения 3-го лица ед. числа с подлежащим первой надписи. Современный эз-Забадани – сирийский город мухафазы Дамаска, расположенный в 25 км от него у границы с Ливаном. Находка уникального херсонесского фигурного замка́ позволяет выявить династию сирийских мастеров, обладавших правом авторской подписи своих навесных замо́чков. В херсонесской находке О́маром был впервые использован поворотный ключ для отжима запорных пружин дужки вместо стержневых коленчатых ключей, какими открывались его прежние замо́чки-лошадки, замо́чки его отца в виде единорогов с головой слона вместо крупа и найденный в Поволжье на городище Биляра цилиндрический граненый замо́к А́бу Бакра с датой – 541 г. Хиджры (13.07.1146–1.07.1147 гг.). Усовершенствованный поворотным ключом запорного механизма замо́чек О́мара, сына А́бу Бакра, был сконструирован и создан им уже в Ираке, где он только и мог получить прозвище Сириец. По общим соображениям, переезд его в Мосул стал возможным после того, как султан Египта и Дамаска (Сирии) Саладин, прославленный победами над крестоносцами, подчинил себе и этот город в 1186 г. Последним известным представителем знаменитой династии сирийских мастеров был сын О́мара Ахмад, который и жил, и творил в Мосуле. Он известен как гравер, исполнитель украшенного резным орнаментом и фигурами в медальонах большого бронзового таза, хранящегося с конца XIX в. в музее Лувра. Согласно одной из надписей на нем, таз был изготовлен Ахмадом, сыном О́мара, по прозвищу Дакки. Другая надпись, расположенная на нижней стороне днища, сообщала: «Сделано для подвала Малика Адиля». Айюбидский султан Египта и Дамаска ал-Малик ад-Диль А́бу Бакр II, внучатый племянник Саладина, правил всего два года с 1238 по 1239, что позволяет датировать таз Ахмада Дакки узкими рамками этого времени. Благодаря херсонесской находке, мы получаем возможность определить с достаточной для археологии и истории точностью датировки всех четырех типов навесных замко́в, выпускавшихся представителями знаменитой сирийской династии мастеров, а также и анонимных подражаний им, большинство которых изготовлялось в Сирии. В Херсонесе в разное время были найдены при раскопках, кроме публикуемого, три замка́: замо́чек-единорог А́бу Бакра, сына Ахмада, подобный ему – с неразборчивой надписью, в которой уверенно читается только имя О́мара (оба из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича) и замо́чек-лошадка О́мара, сына А́бу Бакра, нового оригинального типа (раскопки Н. В. Пятышевой). Этот археологический материал позволяет заключить, что до монгольских завоеваний Крыма через средневековый Херсон проходил главный морской торговый путь из Египта, через который изделия сирийских мастеров затем уже сухопутным путем попадали в Поволжье (билярский замо́к 1146/7 г.) и земли русских княжеств, где находимы анонимные египетские подражания замочкам-единорогам А́бу Бакра и «лошадкам» с выгнутой шеей и личиной единорогов – оригинальной формы изделий О́мара, еще не получившего прозвища Сириец.

Ключевые слова: Херсонес; средневековый Херсон; арабские надписи на замка́х; сирийская династия мастеров; навесной фигурный замо́к О́мара Сирийца, сына А́бу Бакра; билярский замо́к А́бу Бакра, сына Ахмада; замо́чки-единороги А́бу Бакра, сына Ахмада; замо́чки-лошадки О́мара, сына А́бу Бакра; Ахмад, сын О́мара, Дакки; город эз-Забадани мухафазы Дамаска; Мосул

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

PADLOCK OF THE MASTER ’OMAR (’UMAR) THE SYRIAN EXCAVATED AT MEDIAEVAL CHERSON

Valerii A. Sidorenko
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
crimeastor@rambler.ru
Larisa V. Sedikova
State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese, Sevastopol, Russia
sedikova7@yahoo.com

Abstract. The article discusses Arabic inscriptions on a figured bronze padlock, which was excavated at Chersonese, its chronology and attribution. The first inscription runs along the upper lateral plane of the front door of its body and is a nominal single-member demonstrative sentence, informing the artisan’s personal name, his father’s name (*kunya*), name by the birthplace (*nisba*), and nickname (*laqab*): “This is the creation of Omar (Umar), son of Abu Bakr, of ez-Zabadani, Syrian”. The other two inscriptions are a poetic wish for the future owner of the castle, apositively connected by means of a continuous personal pronoun of the 3rd person singular numbers with the subject of the first inscription. Modern ez-Zabadani is a Syrian town in the Damascus governorate, located 25 km fare from it, at the border with Lebanon. The discovery of the unique figured lock at Chersonese allows the ones to identify a dynasty of Syrian craftsmen who had the exclusive right to sign their padlocks. In the Chersonesan find, Omar was the first to use a rotary key to press out the locking springs of the lock’s shackle instead of the rod crank keys that were used to open his previous horse locks, his father’s locks in the form of unicorns with an elephant’s head instead of a croup, and the cylindrical faceted lock of Abu Bakr found in the Volga area, at the ancient town of Bilyar showing the date of its manufacture as 541 AH (13/07/1146–01/07/1147 AD). The lock of Omar, son of Abu Bakr, improved by turning the key of the locking mechanism, was designed and created by him already in Iraq, the only place where he could get the nickname Syrian. For general reasons, his move to Mosul became possible, if not forced, after the Sultan of Egypt and Damascus (Syria) Saladin, famous for his victories over the crusaders, subjugated this city in 1186 AD. The last known representative of the famous dynasty of Syrian craftsmen was Omar’s son Ahmad, who lived and worked in Mosul. He is known as an engraver who created a large bronze basin decorated with carved ornaments and figures in medallions, which from the late-nineteenth century on resides at the Louvre Museum. According to one of its inscriptions, the basin was made by Ahmad, the son of Omar, nicknamed Dakki. Another inscription, located on the low bottom, reads: “Made for the basement (sic!) of Malik ad-Dil.” Ayyubid Sultan of Egypt and Damascus, al-Malik ad-Dil Abu Bakr II reigned for only two incomplete years from 1238 to 1239 AD, so the ones can date the basin of Ahmad Dacci narrow. As a result, the Chersonesan find gives enough reason to determine with relative, but sufficient for archeology and history accuracy, the chronology of the four types of padlocks produced by the representatives of the famous Syrian dynasty of craftsmen, as well as anonymous imitations of them, most of which were made in Syria. The excavations in Chersonese, at different times, uncovered three locks made by Syrians in addition to the one under present publication: two unicorn locks of Abu Bakr, son of Ahmad (excavated by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich) and a horse-lock of Omar, son of Abu Bakr (excavated by N. V. Piatysheva). This archaeological material allows the conclusion that before the Mongol conquest of the Crimea, the main sea trade route from Egypt passed through mediaeval Cherson, whence the products of Syrian craftsmen went to the Volga area by land (Bilyar lock of 1146/7 AD) and Rus’ian principalities, where appeared anonymous Egyptian imitations of Abu Bakr’s unicorn locks and “horses” with arched necks and unicorn faces, the latter copied the original form of the products of Omar, made before he received the nickname Syrian.

Keywords: Chersonese; mediaeval Cherson; Arabic inscriptions on locks; Syrian dynasty of craftsmen; figured padlock of Omar the Syrian, son of Abu Bakr; Bilyar lock of Abu Bakr, son of Ahmad; unicorn locks of Abu Bakr, son of Ahmad; horse-locks of Omar, son of Abu Bakr; Ahmad, son of Omar, Dacci; town of ez-Zabadani, Damascus governorate; Mosul

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity*, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

В 2001–2006 гг. объединенная экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Л. В. Седикова) и Института классической археологии Техасского университета (А. Рабиновиц) проводила исследования квартала L в Южном районе Херсонеса. Археологической экспедицией исследованы три усадьбы, погибшие от пожара. В состав комплекса построек входили два помещения, выполнявшие, возможно, роль торговой лавки, в которой одно (№ 28) являлось местом совершения сделок, а другое (№ 33) – кладовой. Здесь были найдены пифосы со следами оливкового масла, амфоры с остатками обугленного зерна, многочисленные фрагменты столовой посуды, металлические изделия – инструменты, гарнитура сундуков и многое другое [11, с. 217]. Комплекс находок из слоя разрушения построек датируется по керамическому материалу второй половиной XIII в. [12, с. 428]. На Главной улице рядом с дверным проемом был найден железный дверной замóк, а на небольшом расстоянии от него – фигурный навесной замóчек из латунистой бронзы (рис. 1,*1–3*). Очевидно, вскрытый взломом с утратой части дужки, он прежде запирал какой-то сундук, который вместе с хранимым в нем содержимым мог быть вынесен из горевшего дома на улицу, или до пожара – к освещенному солнечным светом порогу дома. Если бы это делал хозяин сундука, даже потерявший ключ, то необходимости второпях взламывать его, интересуясь содержимым, явно не было бы, что подтверждает версию об ограблении и связанном с ним пожаре. Это предположение подкрепляется и тем, что разрушения построек со слоем горения и археологическим материалом второй половины XIII в. прослеживаются практически на всем городище средневекового Херсона, что может отражать ситуацию военного вторжения.

Размеры фигурного навесного замкá: длина корпуса (в ширину) – 10,5 см, максимальная высота – 7,0 см, толщина в корпусе – 1,6–1,8 см.

В отличие от ранее находимых в Херсонесе разрозненных створок корпусов и целых бронзовых замкóв под коленчатые штифтовые ключи, ключ этого замкá был поворотным, вставляемым в ключную скважину на лицевой створке фигурного корпуса. Бородкой ключа осуществлялось отжатие запирающих пластинчатых пружин, закрепленных, как и в конструкции со штифтовыми ключами, на скрытой части дужки. Ключная скважинка закрывается накладкой в виде львиной головы, соединенной с корпусом шарнирной петлей. Две маленькие фигурки сидящих львов, обращенные друг к другу, находятся на кольцевидном приемнике верхнего штифта дужки и на его соединении с нижним.

На замкé располагаются три арабские надписи. Первая, однострочная, находится на верхней плоскости лицевой створки корпуса замкá. Она выполнена линейной гравировкой, представляя именное одночленное указательное предложение, с подлежащим которого апозитивно (слитным местоимением 3-го лица ед. числа) связаны две следующие надписи. Вторая надпись располагается на плоскостях створок, начинаясь на лицевой стороне и продолжаясь на оборотной после разрыва слова. Она служит орнаментальным украшением корпуса, выполнена обводкой контуров букв и элементов заполнения участков поля между ними глубокой линейной гравировкой. Третья надпись в две строки, выполненная линейной гравировкой, находится ни нижней плоскости корпуса замкá справа от фигурного выступа под ключную скважину.

Уникальный замóк имеет надпись мастера-конструктора нового типа навесных замóчков с поворотным ключом, которые успешно сосуществовали с используемыми до начала XX в., но уменьшившимися в размерах замкáми известной с римского времени конструкции наиболее простого, подвижно-штифтового отжима запорных пружин, а с изобретением замóчков с перемещающим ригель поворотным ключом вышли из моды и употребления. Подобный херсонесской находке нам известен только замóк (рис. 1,*4*), хранящийся в Бумиллеровой коллекции музея исламского искусства Бамбергского университета в Германии (The Bumiller Collection Bamberg University Museum of Islamic Art). На нем вместо двух маленьких фигурок львов помещены такие же небольшие сидящие химеры или грифоны, а лицевая створка фигурного корпуса украшена медальонами с повторяющимся в них изображениями симметричного рисунка. Накладка на ключную скважинку утрачена, но можно предполагать, что она роднилась с малыми фигурками. К сожалению, неизвестно, имеются ли на замкé надписи, что не позволяет определить, является ли он работой мастера-творца херсонесской находки, или представляет анонимное подражание его изделию.

Первая надпись на херсонесском замкé (рис. 1,*1*; 2,*1*) сообщает:

عَمَلُ عُمَرِ بْنُ أَبُو بَكْرِ أَلْزَبَدَانِيُّ شَمِيُّ

’amallu ’umari bnu ’ābuw baḳri ’āl-zabadaniy shamiy

‘Вот творение Óмара (Ýмара), сына Абу Бакра, эз-Забаданийца, Сирийца’.

شَامِيٌّ = شَمِيٌّ ‘сириец’.

Вторая и третья (рис. 1,*2–3*; 2, *2–4*) – стихотворные:

أَلعِزِّ ٱلدَائِمِ وَ أَلاِ قْبَالُ ٱلدَا(ا) ئِمُ وَ أَبَدُ(ا) ٱلْخِيَا

أَلْعِزُّ ٱلْدَائِمُ لآَلْصَاحِبَهِ

’āl-’izzi ’āl-dā›imi wa ’āl-iqbalu ’āl-dā›imu wa ’ābadu ’āl-hiā

’āl-’izzu ’āl-dā›imu l’āl-şahibahi

‘Для славы вечной – преуспевание постоянное всегда, его выбравшему, слава вечная (тому), кто владелец его’.

Первая надпись начинается с *масдара* (имени действия) عمل глагола عَمِلٌ, ‘работать’, ‘трудиться’, ‘делать’. Принятому для надписей именных изделий мастеров переводу производного от этого глагола существительного عَمَلٌ *’amal*^{un} как ‘работа’ [9, с. 158 (как глагол عَمِلٌ, но в переводе – ‘работа’); 10] следует предпочесть – ‘творение’, ‘произведение’, поскольку подписной замóк, в отличие от анонимных подражаний, является изделием не простого исполнителя, а автора и его конструктора.

Над следующим за существительным личным именем мастера-фабриканта стоит отчетливо читаемый знак удвоения согласного – *ташдид*, который не просто неуместен здесь, но и исключается как недопустимая ошибка в написании имени второго из четырех правоверных халифов Óмара (Ýмара). (В дальнейшем неоднозначность чтения этого имени отражать не будем, используя одно – Óмар). Отметим, что отец мастера Óмара, Áбу Бакр, носил имя первого из халифов (أَبُوبَكْرُ، عُمَرُ، عُثْمَانُ، عَلِيٌّ). Очевидно, *ташдид* относится к последней согласной первого слова, над которым он не смог быть размещен гравером из-за отсутствия места, оказавшегося занятым прямоугольным пазом под опорную стойку открытой части подвижной дужки замкá (рис. 1,*1*). Если бы он был поставлен по ошибке гравера, то легко мог быть переправлен на любой орнаментальный элемент. Остается заключить, что при слове عَمَلٌ *’amal*^{un} находит место постпозиционная указательная частица لَ *la*, которая удваивает совпадающий с ней последний согласный

подлежащего именного одночленного предложения. Долгий гласный частицы замещается падежным окончанием, утрачивающим отображаемую *танвинами* нунацию (так же, как при слитных местоимениях). عَمَلُ *'amallu* переводится: 'вот творение'. Таким пониманием управляющего слова первой надписи фигурного замкá исправляется грамматическая неточность чтения других известных надписей мастеров, где в начале именного указательного предложения опущены необходимые местоимения 'это', 'эта' или указательная частица إِذَا 'и вот' [3, § 264,4, с. 463–464], а последняя согласная в подлежащем, управляющим дополнениями, *лам*.

Аналогией надписи херсонесской находки является подобная по содержанию, размещенная на верхнем справа выступе дужки замкá Áбу Бакра, сына Ахмада (рис. 3,*2–3*), найденном в Поволжье на городище Билярска [9, с. 155–162].

Публикуя надпись на замкé, найденном на Билярском городище в Поволжье, С. Е. Малов был первопроходцем в чтении подобных, а переводимая им надпись не сопровождалась *ташдидом,* как и другими знаками. Но, видимо, Óмар, сын Áбу Бакра, сохраняя традицию подписывать свои изделия, повторял начало надписи отца, помещенную на билярском замкé, в которой недоставало грамматических признаков указательного предложения, которые все-же должны были обнаруживаться читающими надпись и известны Óмару выделено. В результате обнаружения их в надписи Óмара мы получаем возможность внести уточнения в чтение С. Е. Маловым первых двух строк надписи билярского замка: 'Вот творение Áбу Бакра, сына Ахмада'.

Полные имена у арабов состоят из: 1) собственного имени, *áлама* (عَلَمٌ); 2) имени по отцу, *куньи* (كُنْيَةٌ), к которому может добавляться имя деда; 3) относительного имени, *нисбы* (نِسْبَةٌ) , отражающего происхождение по племени, роду, городу, местности и др., одного или нескольких; 4) прозвища, *лакаба* (لَقَبٌ) [3, § 125, с. 267]. *Кунья* и *лакаб* мусульманских правителей или представителей знатных мусульманских родов здесь не рассматриваются. Собственное имя мастера Óмара в надписи на замкé сопровождается куньей, *нисбой* и *лакабом*, дающими представления о его отце, месте рождения и о прозвище. Если, отцом Óмара был мастер билярского замка, то развеиваются надежды на его происхождение из Поволжья, которые высказывал С. Е. Малов, который писал: «Мне хотелось бы думать, что замóк этот болгарско-билярского, а не привозного (из Азии) происхождения. К этому ведет мысль как общий характер выделки замка, так и орнамент на нем» [9, с. 159]. Можно отметить, что рассматриваемый С. Е. Маловым как местный поволжский орнамент, размещенный на нижней грани корпуса билярского замкá и некоторых участках поля, на Руси носил название «коптский глазок».

Нисба 'эз-Забаданий представляет собой имя относительное мужского рода, образованное при помощи окончания يٌّ (из существительного мужского или женского рода [3, § 119, в), с. 257]) от названия населенного пункта, в котором родился Óмар – 'āl-zabadāni или 'āl-zabadānat. Современный эз-Забадани – сирийский город мухафазы Дамаска, расположенный на расстоянии около 25 км от него к западу у границы с Ливаном [4, эз-Забадани]. Если же сын Áбу Бакра родился в сирийском городе, то отец его, должно быть, проживал и трудился при рождении Óмара в том же городе эз-Забадани, ведь если бы он оставил семью, то сын едва ли мог унаследовать профессию отца.

Уникальный фигурный замóк Óмара и ранее сделанные находки при раскопках Херсонеса замóчка (рис. 5,*1–2*) и створок корпусов (рис. 4,*1–6*) с именами фабрикантов, проливают свет на династию сирийских мастеров, обладавших правом подписи своих навесных замóчков. В херсонесской находке Óмаром был впервые использован поворотный ключ для отжима запорных пружин дужки вместо стержневых коленчатых ключей, какими открывались ранее упоминавшийся, найденный на городище Биляра замóк Áбу Бакра, Сына Ахмада, с датой 541 г. Хиджры (13.07.1146–1.07.1147 гг.), найденные в Херсонесе его же замóчек в виде единорога с головой слона вместо крупа (рис. 4,*1–3*),

такой же замóчек сына Áбу Бакра Óмара, продолжившего производить ставший популярным тип замóчков отца (рис. 4,*4–6*), замóчки-лошадки с личиной единорогов оригинального типа, разработанного Óмаром (рис. 5,*1–2*) [10, рис. 7] и его же, публикуемый в данной статье замóчек с фигурками львов, усовершенствованный поворотным ключом отжима запорного пружинного механизма. Поскольку сын Óмара известен как мастер-гравер, творивший в соседствующим с Сирией Ираке, а сам Óмар получает прозвище Сириец, которое ничего бы не значило на родине, последний замóчек с фигурками львов мог быть произведен уже в Мосуле. Переезд его в Мосул, вынужденный или добровольный, очевидно, стал возможным после того, как султан Египта и Дамаска (т.е. Сирии) Саладин подчинил себе этот город в 1186 г. Последний известный представитель знаменитой династии сирийских мастеров, мосулец Ахмад, носивший имя своего прадеда, известен как гравер, исполнитель украшенного резным орнаментом и фигурами в медальонах большого бронзового таза, хранящегося с конца XIX в. в музее Лувра (рис. 5,*7*). Он украшен двумя рядами медальонов, изображающими охотников, хищных птиц, нападающих на антилоп, и противоборствующих зверей. Согласно одной из надписей, он был изготовлен Ахмадом, сыном Óмара, по прозвищу Дакки. Другая надпись, расположенная на нижней стороне днища, сообщала: «Сделано для подвала Малика ад-Диля» [14, p. 51]. Так как айюбидский султан Египта и Дамаска ал-Малик ад-Диль Áбу Бакр II, внучатый племянник Саладина, правил всего два года с 1238 по 1239, мы можем датировать таз Ахмада Дакки этим временем, получая возможность определить с достаточной для истории и археологии точностью относительную хронологию датировок всех четырех типов навесных замкóв, выпускавшихся представителями сирийской династии мастера Áбу Бакра и его потомков – сына и внука. Ее же хронологическими рамками могут датироваться и анонимные подражания замочкам-единорогам Áбу Бакра и лошадкам типа Óмара, большинство которых, вероятно, изготовлялось также в Сирии.

Таблица I. Относительная хронология датировок навесных замóчков

Table I. Relative chronology of padlock datings

Фото, рисунок	*Описание, раскопщик, место находки*	*Место хранения*	*Место производства, датировка*
Длина 5,5 см	Замóчек-собачка с уточкой на голове, анэпиграфный, раскопки О. И. Доибровского (1958) на участке античного театра в Херсонесе	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», № 38/36508	Неизвестно, XI–XII вв.
Длина 8,5 см	Замóчек с цилиндрическим восьмигранным корпусом, Áбу Бакра, сына Ахмада, Билярское городище, Поволжье	Национальный музей Республики Татарстан	Сирия (Дамаск), Эз-Забадани, июнь 1146 – 1150-е гг.
Длина 5,6 см	Замóчек-единорог Áбу Бакра, сына Ахмада, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича (до 1872 г.), городище Херсонеса	Государственный исторический музей, Инв.№ 97110	Сирия (Дамаск), Эз-Забадани, 1160-е – 1170-е гг.

Окончание Таблицы 1

Длина 6,1 см	Замóчек-единорог Óмара, сына Áбу Бакра, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича (до 1872 г.), городище Херсонеса	Государственный исторический музей, Инв.№ 78607	Сирия (Дамаск), Эз-Забадани, 1180-е гг.
Длина 8,6 см	Замóчек-лошадка Óмара, сына Áбу Бакра, раскопки Н. В. Пятышевой (1960), городище Херсонеса	Государственный исторический музей, нет данных	Сирия (Дамаск), Эз-Забадани, 1190-е – первое десятилетие XIII в.
Длина 10,5 см	Фигурный замóчек Óмара, сына Áбу Бакра, эз-Забаджанийца, Сирийца, раскопки Л. В. Седиковой (2006), городище Херсонеса	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», № 37425/53	Ирак, Мосул, первое – второе десятилетия XIII в.

Находки замочков-подражаний сирийским замочкам этого времени в Херсонесе неизвестны, но преобладание здесь над находками в других местах оригинальных замочков сирийских мастеров позволяет предположить, что до монгольских завоеваний Крыма через средневековый Херсон проходил главный торговый морской путь из Египта, через который изделия сирийских мастеров затем уже сухопутным путем попадали в Поволжье, где найден билярский замóк 1146/7 г., и земли русских удельных княжеств, в которых находимы анонимные египетские подражания «единорогам» Áбу Бакра и Óмара и «лошадкам» оригинальной формы Óмара, еще не получившего прозвища Сириец. Среди них, возможно, встречаются и лицевые створки корпуса оригинальных замкóв мастеров сирийской династии, не имевшие надписей, которые располагались на оборотных створках в перевернутом по отношению к висячему положению замка виде (рис. 4,*3,6*).

Благопожелание. Вторая надпись располагается на плоскостях створок корпуса замóчка Óмара Сирийца, начинаясь на лицевой и продолжаясь на оборотной – после разрыва слова. Она представляет собой каллиграфический орнамент украшения корпуса, выполнена обводкой контуров букв и элементов заполнения межбуквенных участков поля глубокой линейной гравировкой. Третья надпись, двустрочная, выполненная линейной гравировкой и вписанная в прямоугольную рамку, отгравированную той же линией на нижней плоскости корпуса замкá справа (рис. 1,*3*; 2,*3*). Она является продолжением и завершением второй, поэтому обе будут далее рассматриваться как благопожелательная надпись на замóчке Óмара Сирийца мосульского периода его творчества.

В отображении первого слова гравер запутался, соединив *лāм* с *алифом*, находящимся после превращающейся при этом в мим пары букв и обращенном во вторую *лāм*. Разобраться в этой ошибке, восстановив предполагавшееся написание, позволяет надпись на луврской резной табличке из слоновой кости (рис. 3,*1*), относящейся к произведениям мусульманского искусства Египта и Сирии XIV в. [13, pl. 6]. Кроме близости по стилю ее каллиграфии нашей надписи, отмечается совпадение в них первой пары слов (рис. 3,*1*,*4*). Надпись на луврской табличке представляет собой строфу, вероятно, стихотворного пожелания, а пары слов являются дефинициями из существительного и прилагательного. Прилагательное и существительное, с которыми оно находятся в атрибутивной связи, снабжены артиклем определенного состояния. По примечанию Б. Н. Гранде,

«В обычных сопряженных сочетаниях первый компонент не может иметь определенного артикля». Возможность использования его здесь можно объяснить тесной семантической связью, грамматически обнаруживаемой в том, что «первый компонент может принять определенный артикль, как если бы оба слова являлись единым словом» [3, с. 120]. Среди сочетания имен (как разряде слов, морфологически выделяемом арабскими грамматиками [3, с. 117–120, §47,2]), таких примеров нет, а в приводимых Б. Н. Гранде «тесно связанных семантически» и «представляющих собой единое понятие» словосочетаниях первыми словами (в именительном падеже) являются прилагательные, за которыми следуют в родительном падеже снабженные артиклем существительные. Но приводимые Б. Н. Гранде примеры извлечены из контекста, где выполняют функции прилагательного после управляющего ими подлежащего одночленного именного предложения: رَجُلٌ طَوِيلُ ٱلْقَامَةُ ‘мужчина высокого роста, иначе: «высокорослый» (собой)’, إِمْرَأَةٌ حَسَنَةُ ٱلْوَجْهُ ‘женщина прекрасная лицом, иначе: «прекрасноликая» (собой)’ [3, с. 119–120]. Предполагаем, что в стихотворных строках артикль состояния при всех словах выполняет несколько функций из многочисленных возможных, а слова являются взаимно сопряженными. Это отличает стихотворные грамматические формы от необязательности выражения артиклем «определенного состояния имен, морфологически находящихся в сопряженном состоянии» [3, с. 290]. Н. Ф. Катанов пришел после правок с уточнениями своего чтения надписей на зеркалах к общему именительному падежу объединяемых артиклями состояния слов в стихосложении, но отдельным словосочетаниям при переводе придавал родительный падеж [6, с. 565; 7, с. 273–291; 8, с. 2–3].

Из шести опубликованных Н. Ф. Катановым металлических зеркал читаемые надписи находились только на двух. Зеркало № 1 имеет надпись, наиболее близкую к надписи на херсонесском замочке, которая начинается с той же пары слов [8, с. 3]. Оно найдено в окрестностях Харькова в 1854 г. Диаметр 15,3 см, диаметр внутреннего круга 3,5 см, диаметр среднего круга 10,8 см. Вес зеркала, расколотого на два фрагмента, равен 804 г. Н. Ф. Катанов пишет: «Что же касается надписи, то она вся состоит из арабских слов, которые лишь в некоторых местах снабжены ташдидом, т. е. знаком удвоенности согласного, а гласных и диакритических знаков нигде не выставлено. Конечные «р», «з» и «м» за неимением внизу места протиснуты почти параллельно ободку среднего круга, а согласный «с» (син) обозначен вместо трех зубчиков одною лишь чертою. Начало надписи и конец ее сошлись так тесно, что самое последнее слово «абадан» вылито слишком убористо и без конечного «алифа»; надо полагать, что плохо была изготовлена и самая форма зеркала; после отливки зеркало не отделывалось, почему некоторые буквы вышли с наростами бронзы. Буквы арабские написаны почерком арабским, более новым (на́сх[1])». Перевод Н. Ф. Катанова: «Прочная слава при безмятежной жизни, всестороннее счастие при спасительной победе, возрастающий успех при вспомоществующей судьбе и благоприятное положение при продолжительности существования (да будут) вовеки!» [8, с. 2].

Предлагаемый нами вариант чтения надписи на зеркале № 1 Н. Ф. Катанова (без корректировки перевода слов): «Для славы вечной – жизнь безмятежная, счастья всестороннего – победа спасительная, успеха возросшего – судьба помогающая, положения высокого – существование продолжительное вовеки».

Разногласия в расстановке падежных окончаний (кроме несовместимого с артиклем винительного) стихотворных надписей на металлических зеркалах (то же на посуде и др. из металла), переводимых Сильвестром де-Саси, Х. М. Френом, Н. Ф. Катановым [библиография: 7] и другими авторами, и идея универсальности именительного падежа в арабской поэзии наводят на мысль, что отсутствующие в письме окончания читатель мог в соответствии со своими знаниями языка на свое усмотрение расставлять при чтении.

[1] У Н. Ф. Катанова ошибка наборщика – «на́ех», но и определение подчерка как насх, обычно характеризуемый как «криволинейный», неточно: он часто угловат, поднятые над строкой союзы «ва» лишены наклона и др.

Это давало возможность и сочинителю варьировать сочетания существительных с прилагательными, придавая им иногда, возможно, не вполне обоснованный грамматикой оригинальный, глубокий смысл.

Пожелание владельцу содержит надпись датированного билярского замкá отца Óмара Áбу Бакра, опубликованного С. Е. Маловым [9, с. 155–162] (рис. 3,*2*,*4*). Чтение и перевод С. Е. Малова:

(1) الْعِزُّ الدَّائِمُ و الْاِقْبَالُ السَّالِمُ و الدَّوْلَةُ

(2) الشامِلُ والبها و النِعْمَةُ لِصاحِبِهِ

(3) بتاريخ سنه احد ² و اربعين و خمسماية

‘Постоянная слава и мирный успех, и счастье
Всеобъемлющее, и величие, и благосостояние (да будут) владетелю сего (замкá)!
В летосчисление пятьсот сорок первого года’

Эта надпись продолжает первую, находящуюся на выступе дужки замкá (рис. 3,*2*–*3*), и в приведенном корректированном нами переводе сообщает: «Вот творение Áбу Бакра, сына Ахмада». Необходимой поправкой перевода С. Е. Малова будет устранение помещенного в скобки дополнения «замкá», поскольку слитное местоимение «его» относится не к нему, а к «творению» (по С. Е. Малову – «работе»). Перевод «в летосчисление» произволен и «летосчисление» для слова tārīh ‘история’ (со слитным предлогом ba ‘в’) необычен и, можно сказать, вымышлен; дословный перевод – ‘в истории’, что, вероятно, обозначало год изобретения и начала выпуска замкóв этого типа – 541 г.х. (13.07.1146–1.07.1147 гг.) и реминисцентную дату образования мастерской Áбу Бакра, очевидно, уже вошедшую в историю, когда был изготовлен билярский экземпляр замкá. Из надписи мы узнаем год начала работы Áбу Бакра, и что замки типа билярского были первой продукцией его мастерской, что особенно важно. В дате ‘год пятьсот сорок первый’ числительное «один» не получает мужской род, а лишено не прописанной в нем последней буквы – алифа, представляющего родовое окончание женского рода, согласуемое с женским родом слова санатун (год). Опускание не загруженного хамзой и долгой гласной «свободного» алифа в конце или середине слова часто для надписей на замках и металлических зеркалах. Здесь принцип сокращения «свободного» алифа применен к родовому окончанию, разумеется, ошибочно, но не лишает надписи уверенного чтения.

Анализируя надпись билярского замкá, С. Е. Малов пишет: «В надписи (конец 1-й строчки и начало 2-й) замечается неправильное согласование слова الشَّامُل (муж. р.) – «всеобъемлющий» с существительным الدَوْلَة(женск. р.) – «счастье». Резчик надписи, стремясь, вероятно, сохранить рифму, допустил грамматическую ошибку. Очень может быть, что мастер копировал надпись с какого-либо другого предмета и изменил ее, напр., в целях вместить надпись в данном пространстве (в трех строчках) на нашем замке. При этом он легко мог перепутать и переставить существительные имена с относящимися к ним прилагательными» [9, с. 156–157]. Но слово الدَوْلَة, (دَوْلَةٌ неопр. сост.) dawlat, является существительным мужского рода с окончанием на ـَةٌ [3, с. 269, 271]. Мужской род, собственно, и определяется родом управляемого существительным прилагательного الشَّامُل. Однако существует и другой индикатор мужского рода этого прилагательного – мужское имя Давлат, которое приводит автор справочной книги «Имя и история» А. Гафуров, переводя его как ‘счастье’, ‘богатство’ [2, с. 141]. Несомненно, что ошибочное выявление грамматической неточности в надписи билярского замкá подкрепляло надежду С. Е. Малова на билярско-поволжское производство его местным, плохо знакомым с арабским языком мастером. Но, как видим, эта надежда окончательно рассеивается.

Стихотворная надпись Óмара схожа по каллиграфии и начальному дифтонгу с неполным благопожеланием на луврской костяной табличке, а по содержанию и построению – с надписью билярского замкá и надписями на металлических посуде и зеркалах,

что отмечалось С. Е. Маловым, и более всего – с надписью на минусинском зеркале, опубликованной в 1900 г. Н. Ф. Катановым [7, с. 273–291]. Минусинская надпись по Н. Ф. Катанову читается и переводится так:

اَلعزُّ اَلدّائِمُ وَ اَلعُمرُ اَلسّالِم وَ اَلسَّعَا (دةُ فِي اَدّارَيْن) لِصَاحِبِهِ وَ اَلسّلاَمُ اَلقَائِمُ

‘Слава вечная и жизнь спокойная и благоденствие прочное, и блаж(енство в обоих мирах) владельцу его’ [7, с. 282].

Сходство с надписями замкóв Óмара Сирийца и билярского заключается в построении строфы, состоящей из двух дифтонгов, и совпадении последнего в пятой строфе выражения لِصَاحِبِهِ ‘его владельцу’ или ‘его хозяину’. В чтении необходимо было выделить начала строф *хамзой* и гласной «а» над алифом, что обнаруживало бы ошибку в восстановлении утраченной части текста. Буква ba во втором слове, очевидно, ошибка наборщика. Последняя пара слов не отражена в переводе, но он не входит в наши задачи.

Предлагаемый нами принцип расстановки падежных окончаний и перевод отличается от чтений и переводов подобных арабских стихов на билярском замкé С. Е. Маловым и бронзовых зеркалах, сделанных Сильвестром де-Саси, Х. М. Френом, Н. Ф. Катановым [7] и др. Разумеется, мы не настаиваем на нем, рассматривая как предположение, позволяющее устранить те шероховатости и неясности, которые возникают при переводах подобных стихотворных текстов. Это касается как зеркал со стихами, строфа которых состоит из разделяемых союзом wa слов, так и сопровождающих замóчки и зеркала благопожеланий со строфой из двух дефиниций, разделенных тем же союзом. Все образующие их слова, кроме заключительного пожелания владельцу (если оно есть), могут рассматриваться как связанные артиклем определенного состояния дополнения, а пара составляющих первый дифтонг в строфе слов может иметь не выраженный в письме, передаваемый в русском переводе родительным или другими падежами, родительный падеж. В результате такого объяснения выявляется логическая связь между дефинициями строфы, выражаемая их сопоставлениями: «для вечного – настоящее», «для общего – частное», «для беспредельного – существующее» и т.п.

Первая в стихе пара слов (существительное и прилагательное) задает следующим сопоставлениям диапазон тематики в соответствии с родом занятий будущего хозяина изделия. Наибольшая популярность существительного ’izzun, возможно, объясняется разнообразием его значений (‘сила’, ‘мощь’, ‘могущество’; ‘величие’, ‘слава’, ‘честь’ [1, с. 512_{32} пр.]), меняющихся в зависимости от следующего за ним прилагательного. Оно же, имеющее трехбуквенную корневую основу и артикль определенного состояния, является элативом, именем абсолютной степени превосходства, «в которой прилагательное изменяется по родам и числам» [3, с. 265, §124.1.2)]. Надпись на луврской табличке из слоновой кости, в зависимости от чтения, могла пониматься как ‘слава самая продолжительная (вечная) и высокое положение существующее’, а могла и так: أَلْعِزَّ اَلْدَائِمِ وَ أَلْجَاهُ اَلْقَائِمُ ‘для славы самой продолжительной (вечной) – высокое положение существующее’. Желать в начале пожелания «вечной» славы, значит посмертной – живущему, в обоих смыслах весьма преждевременно, тогда как «для вечной славы» (условно «родительным» падежом) – «высокого положения существующего», вполне и уместно, и логично. Это, на наш взгляд, весомый аргумент для перевода надписи, прописанной без расстановки долгих гласных. Из него мы исходим в чтении благопожелания владельцу публикуемого замкá.

Ошибка надписи Óмара Сирийца в слове أَلعزُ, написанном как вместо , была не столь значительной, чтобы нуждаться в исправлении, но любые ошибки в «языке Аллаха» все же считались нежелательными. В средневековом Херсоне, где найден и использовался замок, она не имела никакого значения, поскольку сама надпись воспринималась как орнаментальное украшение. Можно предположить, что замóчки с ошибками в каллиграфии надписей, или без доработки их штихелем, преимущественно отправлялись на продажу в местности, где население не пользовалось арабским языком.

Рис. 1. *1* – Надпись с именам мастера на верхней боковине передней створки корпуса навесного замóчка из Херсонеса. *2* – Замóчек с маленьким фигурками сидящих львов и началом второй надписи на лицевой створке корпуса, продолжающейся на оборотной и представляющей собой каллиграфический орнамент. *3* – Замóчек из Херсонеса, вид снизу с третьей надписью, расположенной в прямоугольной рамке справа. *4* – Аналогичный херсонесскому замóчек с химерами или грифончиками, Коллекция Бумиллера, Университетский музей исламского искусства, Бамберг, Германия. *1–3* – Фото К. В. Зыковой, *4* – The Bumiller Collection, University Museum of Islamic Art, Bamberg, Germany

Fig. 1. *1* – Inscription showing the artisan's name on the upper half of the front body leaf of a fine padlock from Chersonese. *2* – Lock featuring fine figures of sitting lions and the beginning of the second inscription on the face body leaf, continuing from the back side, which is a calligraphic ornamentation. *3* – Lock from Chersonese, viewed from below, with the third inscription, located within a rectangular frame on the right. 4 – Parallel to the Chersonesan find lock featuring chimeras or griffins, Bumiller's collection, University Museum of Islamic Art, Bamberg, Germany. *1–3* – Photographed by K. V. Zykova, *4* – The Bumiller Collection, University Museum ofIslamic Art, Bamberg, Germany

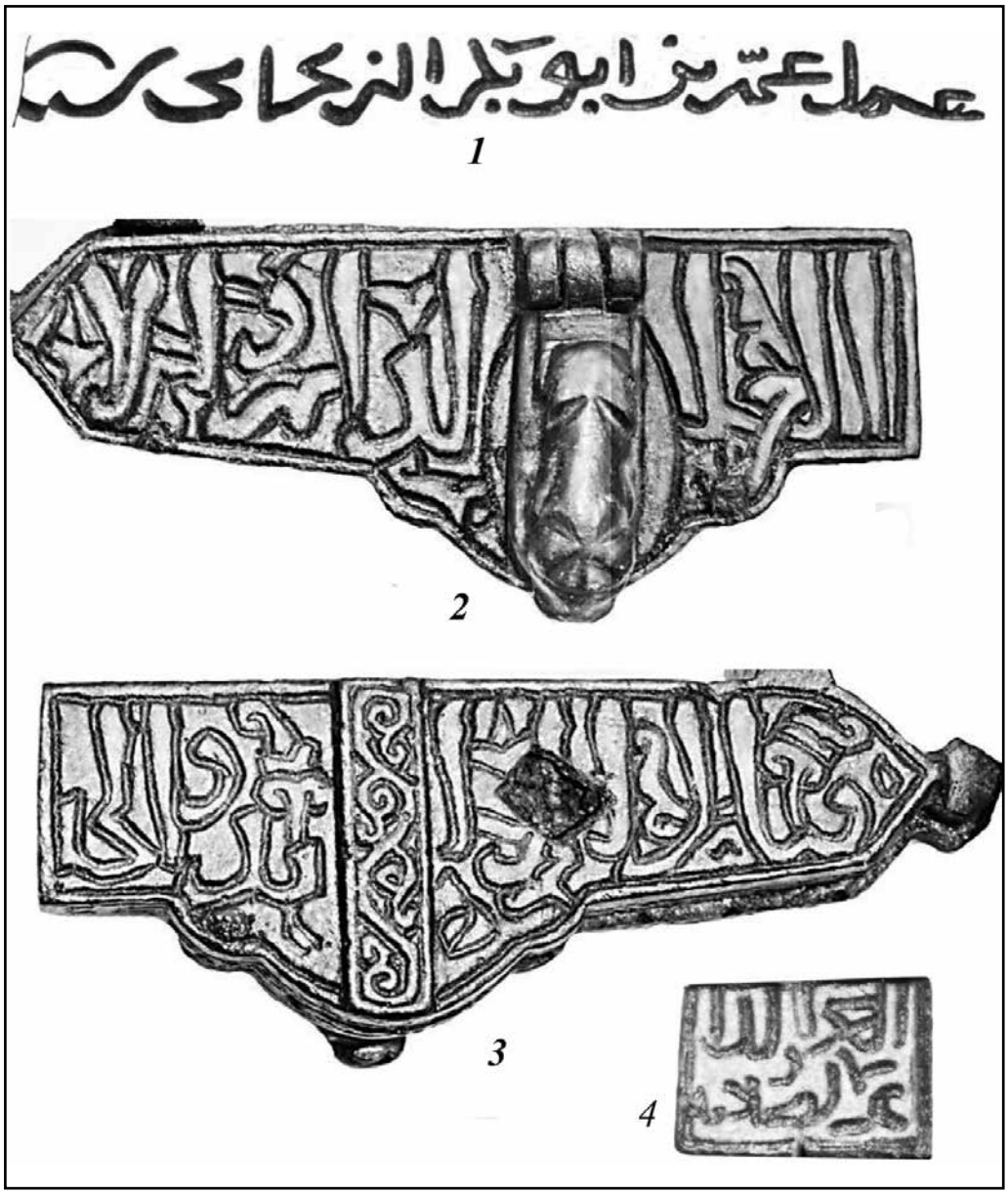

Рис. 2. Прорисовки надписей на херсонесском замóчке:
первой – с именем Óмара, сына Áбу Бакра, эз-Забаданийца, Сирийца (*1*),
второй – с благопожеланием хозяину замочка (*2–3*), и третьей, завершающей (*4*).
Рисунки авторов

Fig. 2. Line-drawings of inscriptions on the lock from chersonese:
the first shows the name of Omar, son of Abu Bakr, of ez-Zabadani, Syrian (*1*),
the second wishes good to the lock owner (*2–3*), and the third is final (*4*).
Drawings by the author

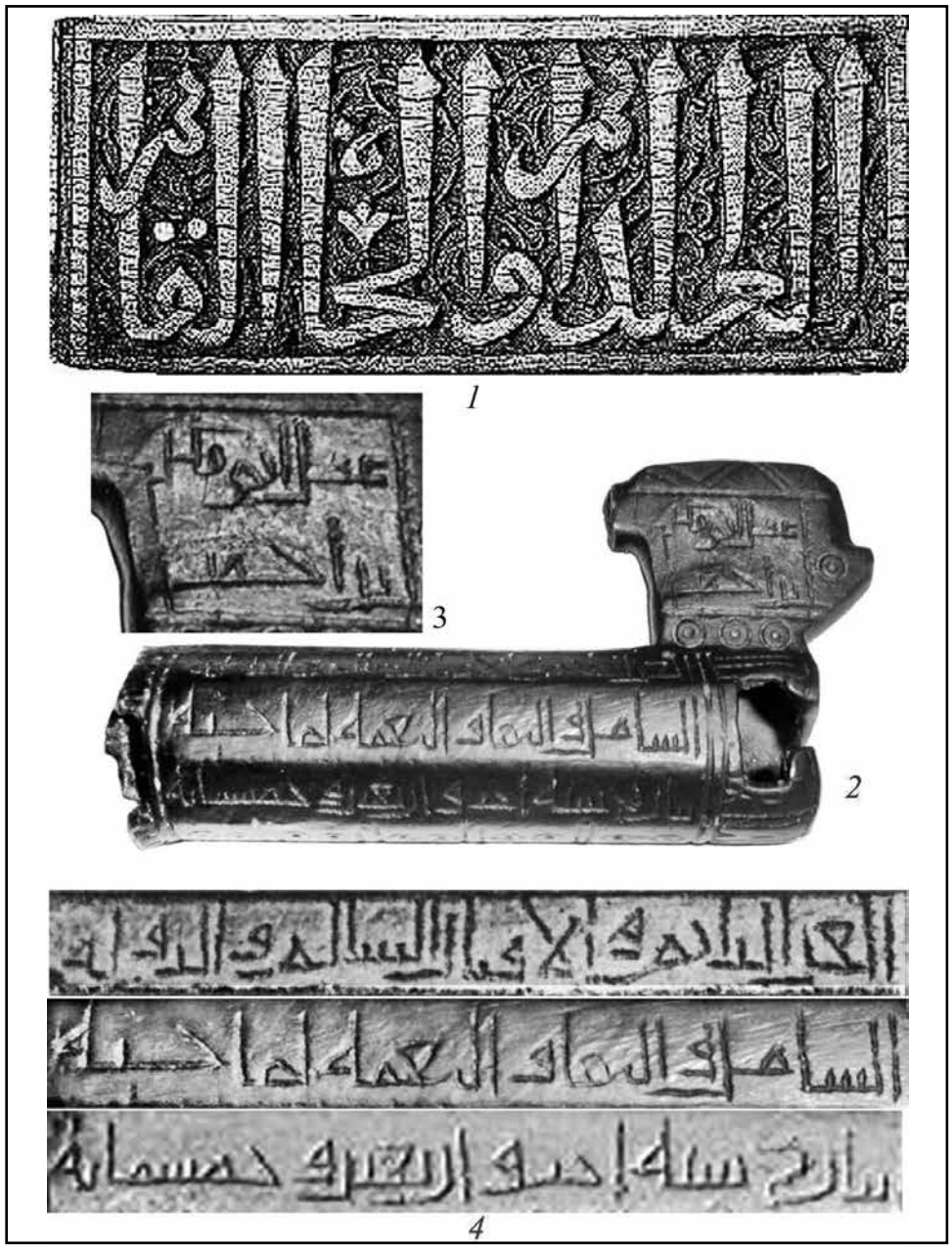

Рис. 3. 1 – Дверная табличка из слоновой кости – памятник костяной пластики Сирии и Египта XIV в., Лувр [по: 13, Pl. 6]. Билярский замóк (*2*), двустрочная надпись с именем мастера Абу Бакра на верхнем выступе приемника дужки замкá (*3*) и надписи на гранях корпуса (*4*) [по: 9, с. 155–158]

Fig. 3. Ivory door plate, a monument of the fourteenth-century bone plastic art of Syria and Egypt, Louvre [after: 13, Pl. 6]. Lock from Bilyar (*2*), two-line inscription showing the name of artisan Abu Bakr on the top projection of the receiver of the padlock shackle (*3*) and inscriptions on the body facets (*4*) [after: 9, c. 155–158]

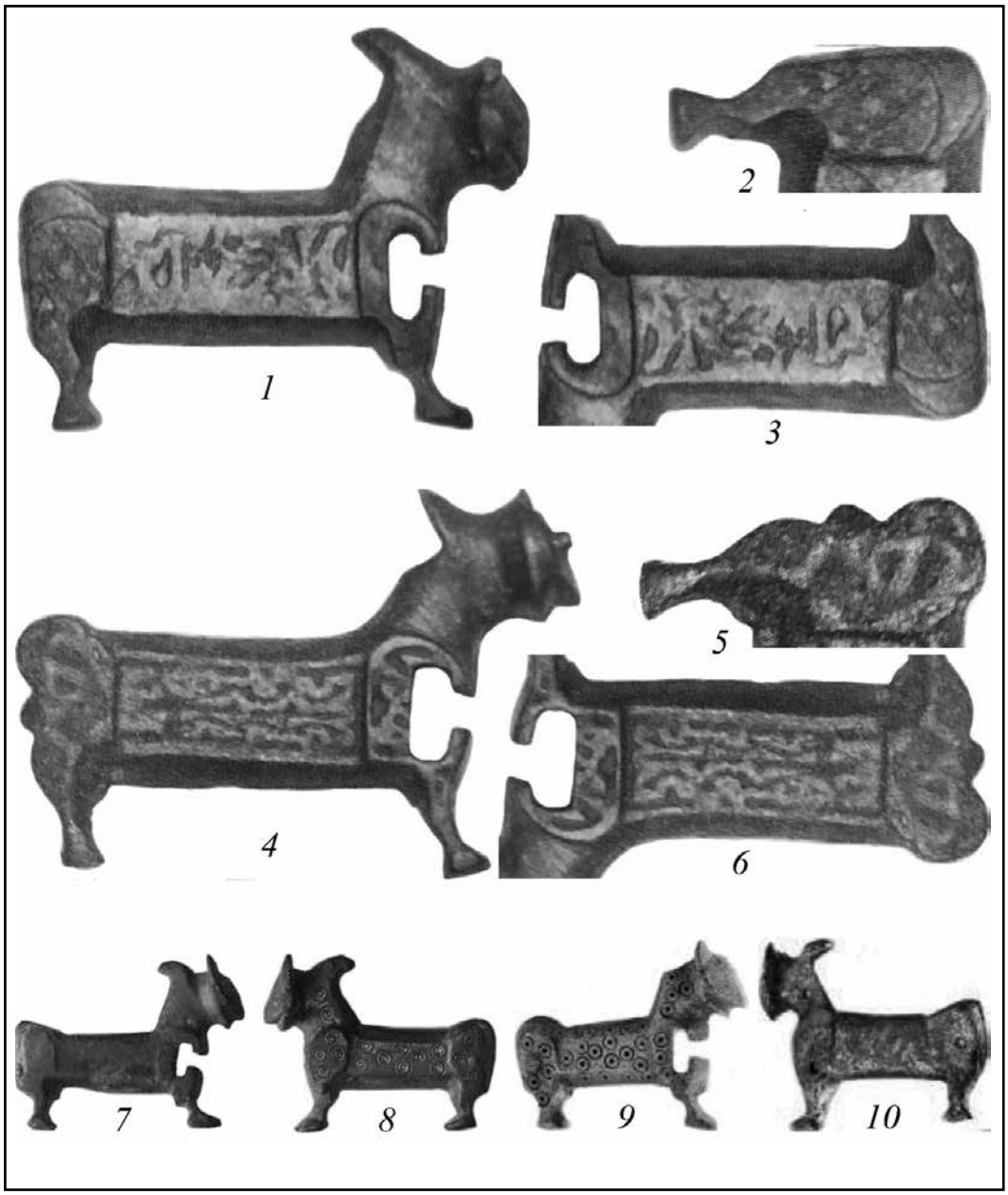

Рис. 4. Створки замóчков-единорогов из ГИМа,
найденные в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжиничем: *1–3* – Áбу Бакра, сына Ахмада,
4–6 – Óмара (*1–6* – Фото Д. В. Журавлева). *7–10* – створки корпуса замóчков-единорогов
без надписей или подражаний замóчкам-единорогам (уменьшено), фото из интернета

Fig. 4. Leaves of unicorn locks from the State Historical Museum,
discovered in Chersonese by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich:
1–3 – of Abu Bakr, son of Ahmad, *4–6* – of Omar (*1–6* – photographed by D. V. Zhuravlev).
7–10 – leaves of the body of unicorn locks featuring no inscription or imitations
of unicorn locks (diminished), Internet photographs

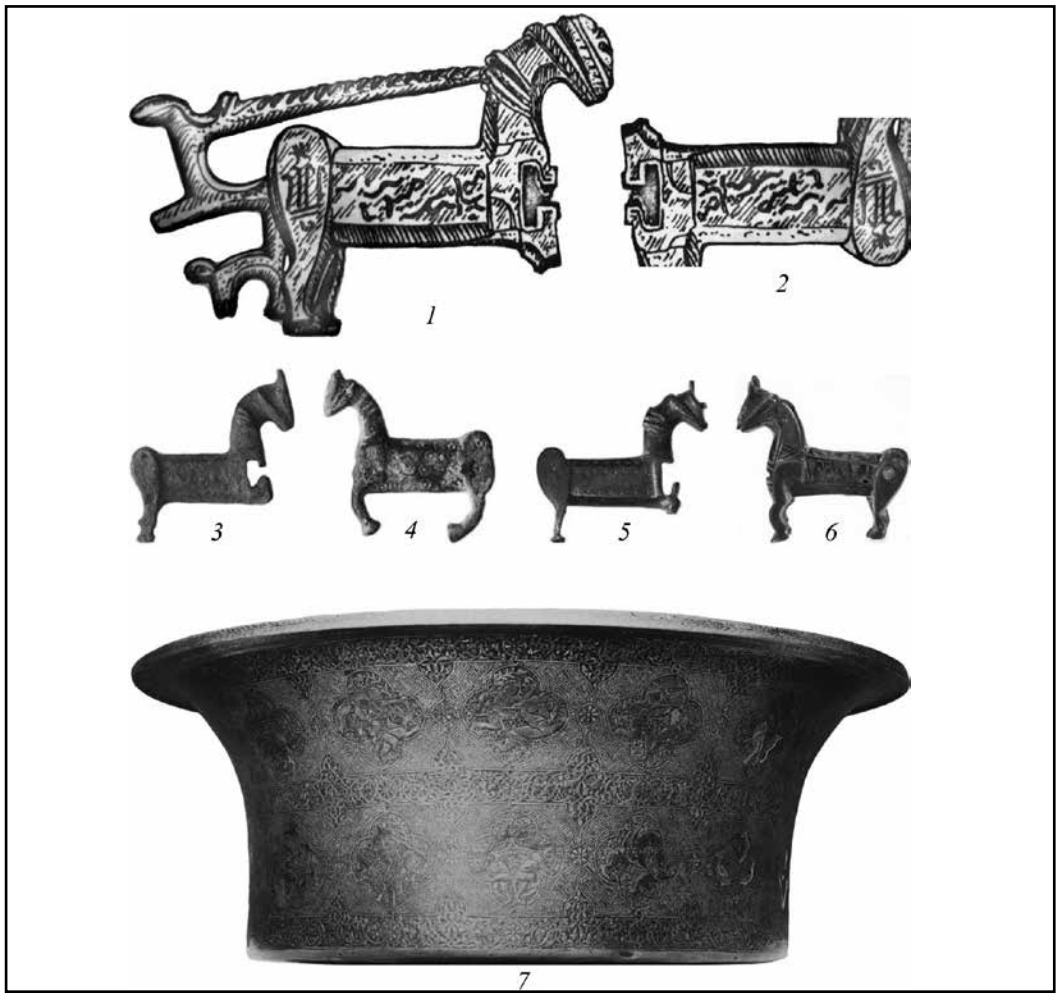

Рис. 5. *1–2* – Замóчек-лошадка Óмара, сына Áбу-Бакра, найденный в Херсонесе при раскопках Н. В. Пятышевой, и арабская надпись [по: 10, рис. 7]. *3–6* – Створки корпуса замóчков-лошадок без надписей или подражаний оригинальному типу замóчка Óмара, сына Áбу-Бакра, из территорий русских княжеств и оригинальная створка анэпиграфной стороны подобного замкá из Афганистана (*6*) (уменьшено). The Bumiller Collection, University Museum Islamic Art, Bamberg, Germany. *7* – Луврский большой таз с именами айюбидского султана Египта и Дамаска ал-Малика ал-Адиля II Абу Бакра (1238–1239) и мастера Ахмада Дакки, сына Омара. Мосул, 1238/9 г. (уменьшено) [по: 13, pl. 13]

Fig. 5. *1–2* – Horse lock of Omar, son of Abu-Bakr, discovered in Chersonese by N. V. Piatysheva's excavations, and the Arabic inscription [after: 10, рис. 7]. *3–6* – Leaves of the body of horse locks showing no inscription or an imitation to the original lock of Omar, son of Abu-Bakr, from Rus'ian principalities, and original leaf of anepigraphic side of similar lock from Afghanistan (*6*) (diminished). The Bumiller Collection, University Museum Islamic Art, Bamberg, Germany. *7* – Big basin from Louvre showing the names of the Ayyubid Sultan of Egypt and Damascus al-Malik al-Adil II Abu Bakr (1238–1239 AD) and artisan Ahmad Dakka, aon of Omar. Mosul, 1238/9 AD (diminished) [after: 13, pl. 13]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Изд-е 6-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1985. 944 с.
2. Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1987. 224 с.
3. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Изд-е 2-е. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 592 с.
4. Густерин П.В. Города Арабского Востока. (Энциклопедический справочник). М.: Восток–Запад, 2007. 352 с.
5. Журавлев Д.В. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного исторического музея // ВДИ. 1997. № 3. С. 194–207.
6. Катанов Н.Ф. Об одном металлическом зеркале // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. 1896. Т. 13. Вып. 6. С. 565.
7. Катанов Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабскою надписью, принадлежащего Публичному музею гор. Минусинска Енисейской губернии, и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. 1900. Т. 16. Вып. 3. С. 273–291.
8. Катанов Н., Айналов Д. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний. Харьков, 1902. С. 1–6; 6 табл. (Отд. отт. из Записок Императорского Харьковского университета).
9. Малов С.Е. Замóк из Билярска с арабской надписью // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР. Т. II / Ред. В.В. Бартольд. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 155–162.
10. Пятышева Н.В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея: доклады на сессии Ученого Совета ГИМ, 5–7 февраля 1969 г. М., 1969. С. 141–158.
11. Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 196–274.
12. Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 402–458.
13. Migeon G. Exposition des arts musulmans au Musée des arts décoratifs. Paris: Librairie Centrale des Beaux-Arts, 1903. 100 p.
14. Migeon G. Manuel d'art musulman. Arts plastiques et industriels T. II. Orfèvrerie – cuivres – cristaux de roche – verrerie – céramique – tissus – tapis. Deuxième edition. Paris: Éd. A. Picard, 1927. 476 p.

REFERENCES

1. Baranov Kh.K. *Arabsko-russkii slovar'* [Arabic-Russian dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985, 944 p.
2. Gafurov A. *Imia i istoriia. Ob imenakh arabov, persov, tadzhikov i tiurkov. Slovar'* [Name and history. About the names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 224 p.
3. Grande B.M. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Course of Arabic grammar in comparative historical coverage]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2001, 592 p.
4. Gusterin P.V. *Goroda Arabskogo Vostoka (Entsiklopedicheskii spravochnik)* [Cities of the Arab East (Encyclopedic Directory)]. Moscow, Vostok–Zapad Publ., 2007, 352 p.
5. Zhuravlev D.V. Collections from Chersonesos in the State Historical Museum. *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History), 1997, no. 3, pp. 194–207.
6. Katanov N.F. About one metal mirror. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Imperatorskom universitete* [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University], 1896, T. 13, vol. 6, p. 565.
7. Katanov N.F. Description of one metal mirror with an Arabic inscription, belonging to the Public Museum of Minusinsk, Yenisei Province, and a few words about metal mirrors described by others. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Imperatorskom universitete* [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University], 1900, T. 16, vol. 3, pp. 273–291.
8. Katanov N., Ainalov D. *Vostochnye metallicheskie zerkala iz Khar'kovskoi i Ekaterinoslavskoi gubernii* [Eastern metal mirrors from the Kharkov and Yekaterinoslav Provinces]. Kharkov, 1902, pp. 1–6, 6 tabl. (Separate notes from the Notes of the Imperial Kharkov University).
9. Malov S.E. Padlock from Bilyarsk with an Arabic Inscription. V.V. Bartol'd (ed.), *Zapiski Kollegii Vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii Nauk SSSR* [Notes of the Collegium of Orientalists at the

Asian Museum of the USSR Academy of Sciences], vol. II, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1927, pp. 155–162.
10. Piatysheva N.V. Excavations of the State Historical Museum in Chersonesos. *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia: doklady na sessii Uchenogo Soveta GIM, 5–7 fevralia 1969 g.* [Expeditions of the State Historical Museum: reports at the session of the Academic Council of the State Historical Museum, February 5–7, 1969], Moscow, 1969, pp. 141–158.
11. Rabinovits A., Sedikova L.V., Khenneberg R. Everyday life of a provincial town in the Late Byzantine period: interdisciplinary research in the southern region of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2009, vol. 15, pp. 196–274.
12. Sedikova L.V. A thirteenth-century pottery assemblage from the destruction layer of urban houses 2 and 3в in quarter l of ancient Chersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 402–458.
13. Migeon G. *Exposition des arts musulmans au Musée des arts décoratifs*. Paris, Librairie Centrale des Beaux-Arts, 1903, 100 p.
14. Migeon G. *Manuel d'art musulman. Arts plastiques et industriels T. II. Orfèvrerie – cuivres – cristaux de roche – verrerie – céramique – tissus – tapis*. Deuxième edition. Paris, Éd. A. Picard, 1927, 476 p.

Информация об авторах

Сидоренко В. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7227-2019

Седикова Л. В. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

Autors information

Sidorenko V. A. – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Web of Science ResearcherID: AAH-7227-2019.

Sedikova L. V. – Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Science of the State Historical and Archaeological Museum-Preserve "Tauric Chersonesos".

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.209-215

ЗЕРКАЛО С ДРАКОНАМИ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Анна Витальевна Антипенко
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132

Аннотация. В статье публикуется металлическое зеркало, найденное в Юго-Западном Крыму. Изучаемое зеркало, как и значительная часть находок этой категории, не имеет контекста и памятника, с которыми достоверно его можно было бы связать. Данное обстоятельство не уменьшает ценности артефакта, поскольку находка отличается высоким художественным исполнением и рядом аутентичных свойств, которые позволяют датировать ее и связать с культурно-исторической эпохой. Исследуемое зеркало представляет собой фигурный «диск» с восьмилепестковым фестончатым краем, лицевая сторона которого гладко отполирована. На обратной стороне орнамент в виде двух драконов, головы которых обращены к центру диска. Этот сюжет известен на металлических зеркалах в киданьском государстве Ляо, затем становится широко распространенным в сунскую эпоху. Для композиции с драконами встречаются и другие сюжетные вариации: с одним драконом, играющим с жемчужиной; с четырьмя драконами, движущими по кругу; с драконом и фениксом; драконом и тигром. Зеркала с драконами являются копиями китайских зеркал, произведенными ремесленниками Золотой Орды. Данная находка имеет аналогии в памятниках второй половины XIII – XIV в. Бронзовые зеркала в средневековье в странах Дальнего Востока изготавливали методом литья. Затем с поверхности изделия удалялись неровности и литейные швы. Зеркальную сторону шлифовали, полировали и амальгамировали смесью ртути с оловом. Материалом для изготовления находки из Юго-Западного Крыма служила оловянисто-свинцовая бронза с высоким содержанием олова (21,8%), что коррелируется с результатами элементного анализа зеркал золотоордынского времени из других памятников.

Ключевые слова: Золотая Орда, Юго-Западный Крым, косметические принадлежности, зеркало, элементный анализ сплава

Благодарности: Исследование проведено в рамках выполнения госзадания Министерства образования и науки РФ по теме «Город и его округа в средневековом Крыму» (№ 1022040600787-3-6.1.2).

DRAGON MIRROR FROM THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Anna V. Antipenko
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132

Abstract. This article publishes a metal mirror found in the southwestern Crimea. Similar to a significant part of the finds of this category, the mirror under study finds no context or monument to be reliably associated with. This circumstance, however, does not diminish the value of the artefact, since the find is distinguished by high artistic performance and a number of authentic features allowing the one to determine its chronology and cultural and historical period. The mirror under analysis is a figured “disk” with an eight-petal festooned edge, the front side of which is smoothly polished. On the reverse side there is a decoration showing two dragons, with the heads looking on the centre of the disk. This image is known on metal mirrors in the Khitan state of Liao, then becomes widespread in the Song period. For the dragon scenes, there are other variations: with one dragon playing with a pearl; with four dragons moving in a circle; with a dragon and a phoenix; a dragon and a tiger. Dragon mirrors are copies of Chinese mirrors but made by the workers in the Golden Horde. The find in question meets with analogies in the sites from the second half of the thirteenth and fourteenth century. Bronze mirrors from mediaeval states of the Far East were made by casting. Then,

irregularities and casting seams were removed from the surface of the artefact. The mirror side was grinded, polished, and amalgamated with a mixture of mercury and tin. The material used in the making of the find from the south-western Crimea was tin-lead bronze with a high tin content (21.8%), which correlates with the results of elemental analysis of mirrors of the Golden Horde period uncovered in other monuments.

Keywords: Golden Horde, south-western Crimea, cosmetic set, mirror, elemental analysis of alloy

Acknowledgments: This research was conducted within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation *The City and Its Environs in the Mediaeval Crimea* (No. 1022040600787-3-6.1.2).

Металлические зеркала представляют собой яркую и информативную категорию находок на территории Евразии, начиная со скифо-сарматской эпохи. Во второй половине XIII – XIV в. металлические зеркала встречаются как в комплексах городского и сельского, так и кочевого населения в регионах, попавших под контроль Золотой Орды. Находки этих артефактов распространены на широкой территории от Поволжья и Средней Азии на востоке до северо-западного Причерноморья на западе. Их коллекции с некоторых памятников данного времени достигают десятков и даже сотен экземпляров [20, с. 78–84; 14, с. 215–230; 11, с. 32–51; 10, с. 48–67; 16, с. 111–156].

Изучаемое зеркало, как и значительная часть находок этой категории, не имеет контекста и памятника, с которыми достоверно его можно было бы связать. Известно, что оно было обнаружено в Юго-Западном Крыму. Данное обстоятельство не уменьшает ценности артефакта, поскольку находка отличается высоким художественным исполнением и рядом аутентичных свойств, которые позволяют датировать ее и связать с культурно-исторической эпохой.

Зеркало представляет собой фигурный «диск» с восьмилепестковым фестончатым краем, диаметром 12,5–13,0 см, лицевая сторона которого гладко отполирована (рис. 1). На обратной стороне – широкий бортик трапециевидного сечения и слабовыступающий рельефный орнамент. В центре зеркала расположена трапециевидная петля с прямоугольным отверстием для подвешивания. Вокруг петли орнамент в виде двух драконов, головы которых обращены к центру диска, между ними помещено изображение дымящегося треножника.

В литературе эту форму зеркал называют еще зеркалами в виде восьмилепестковой розетки «ба лэн цзин», из-за сходства с цветком водяного каштана на поверхности воды. Лепестки розетки имеют арочную форму завершения со скобчатым верхним краем. Считается, что на зеркалах этого типа изображены драконы, играющие с пылающей жемчужиной (символ грома и молнии). В канонической версии композиции головы драконов расположены одна против другой. Драконы с длинным змеевидным туловом и когтистыми лапами изображались с опорой на одну переднюю лапу и с угрожающе поднятой второй; задние лапы вытянуты назад и почти сливаются с хвостом. Часто в этой композиции присутствует треножник. Этот сюжет известен на металлических зеркалах в киданьском государстве Ляо (907–1125), затем становится широко распространенным в сунскую эпоху (960–1279). Композиция на сунских зеркалах с парой драконов строится по принципу симметрии, где ось проходит через треножник (снизу), центр зеркала и между кончиками хвостов драконов (сверху). Однако детали на правой и левой стороне различаются: вокруг одного из драконов показано полыхающее пламя (справа), а напротив – бушующая водная стихия. В этой паре изображались небесные драконы Лун – по китайской мифологии самые могущественные из их разновидностей: Ли – водного и Цзяо – горного драконов [17, с. 315, 320].

В период Сун орнаменты с двумя драконами имели сходство с образцами Танской эпохи: существа располагались симметрично, голова располагалась снизу, а тело извивалось вверх, один дракон представал с открытой пастью, а другой – закрытой. Орнаменты с изображением рыбы и дракона, которые также именовались узорами с дьявольским скорпионом, стали уникальной разновидностью орнаментов с драконом в

XII–XIII вв. Хвост существ был подобен рыбе, а голова – дракону. Это было связано с легендой о том, как «Карп перепрыгнул ворота дракона». В «Записках о трех частях бывшего княжества Цинь» сказано: «У переправы были врата Дракона… В конце весны появился карп, поднимавшийся вверх против течения, ему удалось перепрыгнуть ворота, и он превратился в дракона». Впоследствии студентов, выдержавших императорские экзамены, сравнивали с «карпом, перепрыгнувшим ворота дракона». Данный орнамент отразил желание граждан одержать победу на императорских экзаменах [3, с. 82, рис. 5]. Эта композиция очень схожа с представленной на зеркале из Юго-Западного Крыма, на которой изображены существа с головами драконов и телом, напоминающем рыбье за счет раздвоенности хвоста.

Для композиции с драконами встречаются следующие вариации сюжетов: с одним драконом, играющим с жемчужиной (изрыгающим огненную жемчужину среди благовещих облаков) [19, с. 46, рис. 1,2]; с четырьмя драконами, движущимися по кругу [12, с. 185, рис. 2]. Изображения дракона были представлены также орнаментами с драконом и фениксом, драконом и тигром [3, с. 83].

Зеркала, аналогичные обнаруженному в Юго-Западном Крыму, найдены при раскопках Болгарского городища. Г. Ф. Поляковой они выделены в тип В-IIIб-3 [14, с. 225]. Этот тип встречается на городище наиболее массово из зеркал с фигурным краем. Отмечается, что изделия являются копиями дальневосточных зеркал, известных еще с сунского времени. Изделия указанного типа получили распространение в Волжской Болгарии в XIII–XIV вв. [14, с. 229; 1, с. 69, рис. 35]. Преимущественно, такие зеркала представляют собой случайные находки вне комплексов и датированных памятников. Только несколько зеркал из Поволжья имеют привязку к месту обнаружения и датируются XIII–XIV вв. (1 экз. из погребения и 3 экз. с городищ золотоордынского времени – Увек, Новый Сарай и Водянское) [13, с. 218].

Г. А. Федоровым-Давыдовым зеркала с двумя драконами выделены в отдел Л с двумя типами, различающимися оформлением края [20, с. 82]. По типологии Л. Ф. Недашковского, зеркала подобного облика относятся к отделу Б типу 6, внутри которого выделяются два варианта: зеркала с фестончатым краем и круглые, где восьмилепестковая розетка является внутренней границей плоского бортика. Аналогии этим зеркалам известны в Поволжье в материалах XIII–XIV вв. [10, с. 56–59].

Находки аналогичных зеркал известны на территории Ростовской области [15, с. 236, рис. 9,2]. Еще одно зеркало происходит из раскопок Мангупского княжеского дворца в 2008 г. Как следует из результатов раскопок, в культурный слой оно попало в период формирования археологического комплекса (около 1450–1475 гг.) [4, с. 98; 5, с. 252, рис. 3].

Технологию изготовления и обработки бронзовых зеркал в средневековых странах Дальнего Востока реконструируют следующим образом: после отливки и извлечения из литейной формы зеркала, с его поверхности напильником, крупнозернистым песчаником, а также шабером удалялись все видимые неровности и литейные швы. Затем зеркало обрабатывали уксусом с целью удаления с его поверхности окислов. Следующий этап состоял из шлифовки рефлекторной стороны зеркала абразивом, а в Японии иногда и железными опилками. Для полировки зеркал использовался истолченный в порошок точильный камень либо жемчужная пудра (истолченные в порошок раковины морских моллюсков). Завершающим этапом было амальгамирование зеркальной стороны смесью ртути с оловом, реже с серебром и золотом, после чего поверхность зеркала еще раз полировалась водным раствором измельченного в порошок нефрита или древесного угля [9, с. 7–8].

Нами было проведено изучение элементного состава зеркала. Исследования проводились на рентгенофлуоресцентном спектрометре M1 Mistral (Bruker). Определение элементного состава осуществлялось по шести точкам на каждой из сторон зеркала – лицевой («зеркальной) и орнаментированной тыльной, а также отдельно на петле.

Результаты анализа состава сплава приведены в таблице 1. В итоге установлено, что сплав зеркала с орнаментом в виде драконов представляет собой оловянисто-свинцовую бронзу с высоким содержанием олова (Sn 21,8%), концентрация свинца составляет в среднем 10,8%. Распределение элементов на поверхности изделия равномерное, сплав хорошо перемешан, различия между орнаментированной и «зеркальной» стороной не зафиксировано. В числе микропримесей присутствуют цинк, марганец, серебро и сурьма. Отдельно стоит отметить наличие мышьяка в составе, процентное содержание которого приближается к порогу легирования (1%). Известен состав идентичного зеркала, найденного в Ростовской области. Оно было отлито из оловянисто-свинцовой бронзы с содержанием олова 17% и свинца 2,5% [15, табл. 1, инв. 144]. Зеркало с традиционным китайским сюжетом с изображением пары рыб, найденное в могиле 16/2022 некрополя XIV в. на плато Эски-Кермен, отлито из оловянисто-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (23%), доля свинца незначительна – 3%. Подобный состав сплава обеспечивал серебристый цвет изделий и возможность полировки лицевой стороны [2]. Результаты изучения химического состава зеркал золотоордынского времени из раскопок городища Мангуп также демонстрируют, что они изготовлены из оловянистой бронзы с добавками свинца. Содержание олова колеблется в пределах 10–38% [6, с. 67–68]. Большая часть выборки зеркал золотоордынского времени из нижневолжских памятников изготовлена из аналогичного сплава – оловянисто-свинцовой бронзы с повышенными концентрациями олова [8, с. 19].

Таблица 1. Элементный состав зеркала

№	*Область измерения*	*Cu*	*Zn*	*Mn*	*Ag*	*As*	*Pb*	*Sb*	*Sn*
1	тыльная (орнаментированная) сторона	57,70	0,10	0,00	0,16	0,77	16,96	0,52	23,80
2		67,54	0,11	0,28	0,15	0,71	10,48	0,46	20,27
3		67,39	0,10	0,46	0,16	0,60	10,64	0,46	20,19
4		65,94	0,09	0,10	0,14	0,68	11,84	0,46	20,74
5		63,40	0,11	0,00	0,15	0,84	13,20	0,49	21,80
6		71,61	0,09	0,34	0,11	0,63	8,88	0,38	17,95
7	петля	68,95	0,27	0,00	0,13	0,74	9,33	0,48	20,11
8	лицевая (зеркальная) сторона	70,07	0,11	0,00	0,14	0,52	8,05	0,43	20,69
9		66,32	0,14	0,00	0,14	0,76	9,88	0,50	22,25
10		64,98	0,18	0,00	0,15	0,52	9,97	0,48	23,72
11		66,98	0,14	0,00	0,15	0,56	9,33	0,44	22,40
12		69,75	0,17	0,00	0,13	0,56	7,77	0,42	21,20
13		62,17	0,26	0,00	0,14	0,62	11,79	0,50	24,51
14	среднее	65,934	0,148	0,071	0,144	0,656	10,770	0,469	21,808

Кочевники Золотой Орды носили зеркала в футлярах, чехлах, либо сумках. Зеркала с петелькой привешивались к поясу с помощью специальных ремешков [7, с. 73–76]. У каменных изваяний южнорусских степей монгольского времени присутствуют изображения зеркал, подвешенных на поясном ремне [20, с. 173–175, рис. 26,3–4; 28,4].

В погребениях кочевников Улуса Джучи зеркала чаще всего лежат в изголовье погребенного, либо в области пояса и груди. Большинство из них преднамеренно сломаны [7, с. 73–76].

Таким образом, рассматриваемое зеркало представляет собой оригинальный артефакт, который, исходя из аналогий, возможно датировать XIII–XIV вв. Оно представляет собой средневековую реплику с дальневосточных прототипов. Сюжет с парой драконов был широко распространен в средневековых государствах на территории современного Китая и имел множество вариаций сюжета. На территории южнорусских степей эти изделия стали популярны в золотоордынскую эпоху и, по сути, стали одним из показателей общеимперской моды. При этом, скорее всего, потребности в таких зеркалах закрывались преимущественно собственным производством. В числе мест, где могли отливать реплики с китайских зеркал, называют Волжскую Болгарию [14, с. 229]. Зеркала маркировали караваны торговцев Великого шелкового пути и, скорее всего, воспринимались, как некие особенные изделия, доступные избранным [18, с. 7].

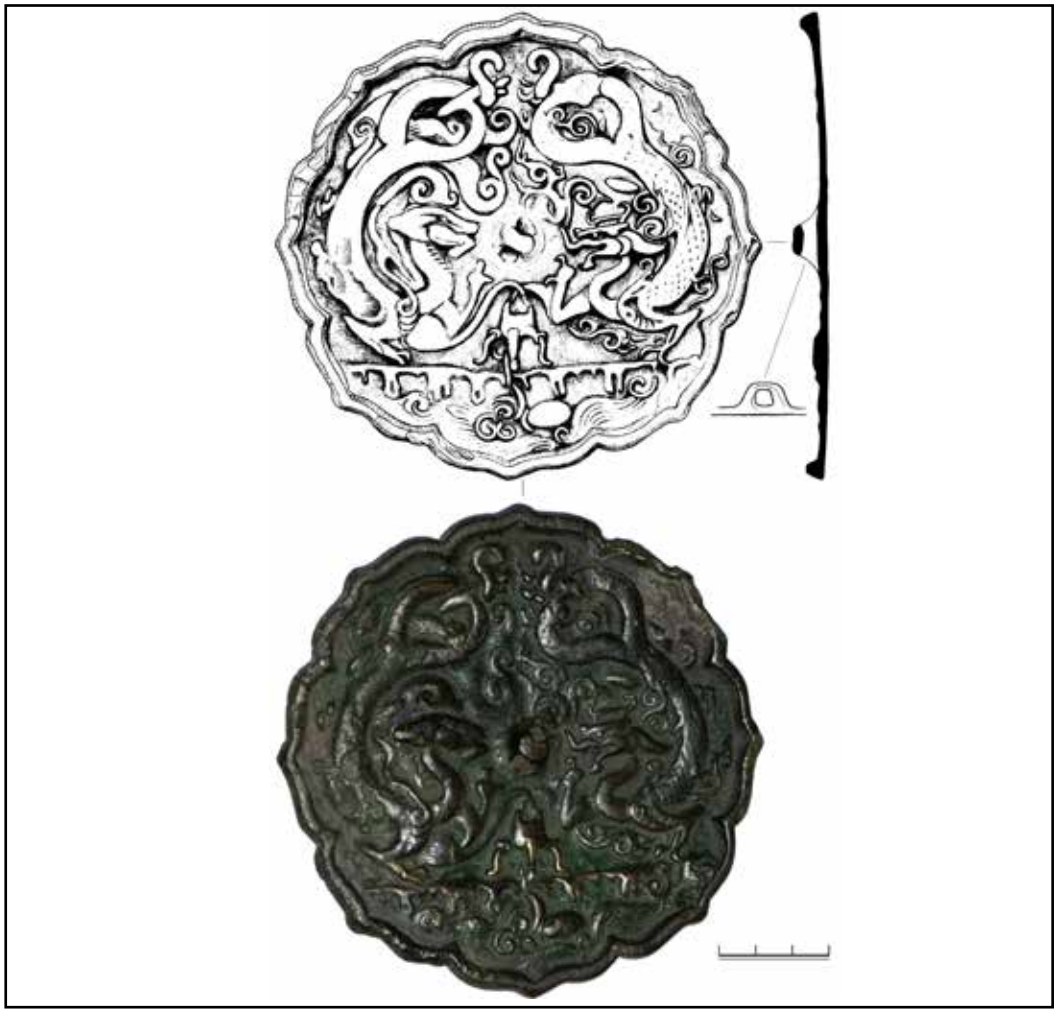

Рис. 1. Зеркало с драконами из Юго-Западного Крыма (рисунок С. А. Мульда, фото автора)

Fig. 1. Dragon mirror from the south-western Crimea (drawing: S. A. Mul'd; photo: the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 63–80.
2. Антипенко А.В. Зеркало золотоордынского времени из раскопок городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2024 (в печати).
3. Бянь Ц. Изображения дракона на древнекитайских бронзовых зеркалах // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 11 (77). С. 78–84. DOI: 10.23670/IRJ.2018.77.11.053.
4. Герцен А.Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского двора Мангупа // Откровения древнего Солхата: материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма» / Под ред. А.Г. Герцена. Керчь, 2010. С. 96–105.
5. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 247–258.
6. Душенко А.А., Антипенко А.В. Результаты анализа химического состава металлических зеркал золотоордынского времени из раскопок Мангупа // Поволжская Археология. 2022. № 4(42). С. 61–73. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.61.73.
7. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 220 с. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 16).
8. Ковалева К.С. Химический состав металла средневековых зеркал из раскопок памятников золотоордынского времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 17–29. DOI: 10.15688/volsu4.2021.5.2.
9. Кононенко Н.А., Шавкунов Э.В. Бронзовые зеркала у чжурчжэней. К технологии обработки // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 5–10.
10. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 222 с.
11. Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. 1998. № 1(2). С. 32–51.
12. Николаев В.С., Масумото Тэцу, Кустов М.С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия лаборатории древних технологий. 2008. № 1(6). С. 184–193.
13. Полякова Г.Ф. Зеркала с драконами из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 216–219.
14. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
15. Пъянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. 2004. Вып. 2. С. 219–250.
16. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.
17. Руденко К.А. Зеркала с изображениями драконов и фениксов из Среднего Поволжья // Средневековые древности Приморья. 2022. Вып. 5. С. 311–341.
18. Руденко К.А. Булгар и Великий шелковый путь (металлические зеркала). Казань: РИЦ Школа, 2023. 196 с.
19. Серегин Н.Н., Нарудцева Е.А., Чистякова А.Н., Радовский С.С. Металлическое зеркало юаньского времени из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 42–49.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 276 с.

REFERENCES

1. Akchurina Z.A., Efimova A.M., Smirnov A.P., Khovanskaia O.S. Excavations of the Great Bolgars. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1950, vol. 23, pp. 63–80.
2. Antipenko A.V. Mirror of the Golden Horde period from excavations of the settlement on the Eski-Kermen plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2024 (in print).
3. Bian Z. Dragon images on ancient chinese bronze mirrors. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [*International Research Journal*], 2018, no. 11 (77), pp. 78–84. DOI: 10.23670/IRJ.2018.77.11.053.

4. Gertsen A.G. Golden Horde mirror from the excavations of the princely court of Mangup. A.G. Gertsen (ed.), *Otkroveniia drevnego Solkhata: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sokhranenie kul'turnogo i istoricheskogo naslediia Kryma»* [Revelations of ancient Solkhat: materials of the International scientific and practical conference "Preservation of the cultural and historical heritage of Crimea"], Kerch, 2010, pp. 96–105.
5. Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the question of individualization of the Golden Horde period in the history of Mangup ancient settlement in the Southwestern Crimea. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde Civilization], 2016, no. 9, pp. 247–258.
6. Dushenko A.A., Antipenko A.V. Results of the Chemical Composition Analysis of Metal Mirrors of the Golden Horde Period Excavated in Mangup. *Povolzhskaia Arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2022, no. 4(42), pp. 61–73. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.61.73.
7. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostiuma kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiia i sotsiokul'turnaia interpretatsiia)* [Elements of decoration and accessories of the costume of the Golden Horde nomads (typology and socio-cultural interpretation)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2013,. 220 p. (Series "Archaeology of the Eurasian Steppes". Vol. 16).
8. Kovaleva K.S. Chemical composition of non-ferrous metal from Golden Horde cities: preliminary data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 17–29. DOI: 10.15688/volsu4.2021.5.2.
9. Kononenko N.A., Shavkunov E.V. Jurchens's Bronze Mirrors. Towards processing technology. *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific], 2000, no. 4, pp. 5–10.
10. Nedashkovskii L.F. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde town of Ukek and its surroundings]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000, 222 p.
11. Nedashkovskii L.F., Rakushin A.I. Medieval metal mirrors from the Uvek settlement. *Tatarskaia arkheologiia* [Tatar Archaeology], 1998, no. 1(2), pp. 32–51.
12. Nikolaev V.S., Masumoto Tetsu, Kustov M.S. Bronze mirrors from the Angara Valley. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii* [News of the Laboratory of Ancient Technologies], 2008, no. 1(6), pp. 184–193.
13. Poliakova G.F. Mirrors with dragons from Bolgar. V.I. Kozenkova, Iu.A. Krasnov, I.G. Rozenfel'dt (eds.), *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy* [Problems of ancient and medieval archeology of Eastern Europe], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 216–219.
14. Poliakova G.F. Products from non-ferrous and precious metals. G.A. Fedorov-Davydov (ed.), *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov* [The city of Bolgar. Crafts of metallurgists, blacksmiths, foundrymen], Kazan, 1996, pp. 154–268.
15. Piankov A.V., Raev B.A. Metal mirrors from the collection of the Don Museum (Novocherkassk). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei* [Materials on the archeology of the Volga-Don steppes], 2004, vol. 2, pp. 219–250.
16. Rudenko K.A. Metal mirrors of the Golden Horde period from the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan. *Tatarskaia arkheologiia* [Tatar Archaeology], 2004, no. 1–2 (12–13), pp. 111–156.
17. Rudenko K.A. Mirrors with images of dragons and phoenixes from the Middle Volga region. *Srednevekovye drevnosti Primor'ia* [Medieval antiquities of Primorye], 2022, vol. 5, pp. 311–341.
18. Rudenko K.A. *Bulgar i Velikii shelkovyi put' (metallicheskie zerkala)* [Bulgar and the Great Silk Road (metal mirrors)]. Kazan, Shkola Publ., 2023, 196 p.
19. Seregin N.N., Narudtseva E.A., Chistiakova A.N., Radovskii S.S. Metal mirror of the Yuan period from the collection of the Altai State Museum of Local History. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2021, no. 1 (52), pp. 42–49.
20. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamiatniki* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. Archaeological monuments]. Moscow, Moscow University Publ., 1966, 276 p.

Информация об авторе

Антипенко А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: U-2937-2019.

Author information

Antipenko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: U-2937-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.216-233

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИКЕ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДИЩА СОЛХАТ

Эмиль Исаевич Сейдалиев
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия
codexcummanicus@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2822-3930

Джемиле Эльвировна Сейдалиева
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

Мемедулла Адилович Усеинов
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Аннотация. При археологических исследованиях золотоордынского Солхата и ближайшей округи в слоях конца XIII – начала XV в. встречаются керамические находки, на которые нанесены арабографичные эпиграфические надписи или орнамент, их имитирующий. Эти надписи отражают значительный пласт информации о мировоззрении, уровне развития культуры и кросскультурных взаимодействиях, грамотности и многих других аспектах жизнедеятельности населения Улуса Джучи и соседних стран и регионов. В художественном оформлении золотоордынской керамики, наряду с геометрическим и растительными мотивами, как и в целом в исламском искусстве, часто использовались арабографические надписи, выполненные в стиле «насх», «куфи» и «сулюс». История изучения арабографичных эпиграфических надписей на керамических сосудах не очень широка. Все представленные в публикации материалы были выявлены в ходе археологических исследований столицы золотоордынского Крыма города Солхат (современный Старый Крым). Среди находок встречаются фрагменты сосудов открытого типа с подглазурной росписью белым ангобом (типа «Slip-painted Ware»), в том числе нанесенными в такой технике надписями, отдельными арабскими буквами или орнаментальными мотивами, имитирующими арабские буквы; штампованные сосуды с рельефным тисненым орнаментом в виде арабографичных надписей, мотивами или буквами, стилизованными под надписи, клеймами с именем мастера, нанесенными также рельефным штампом; фрагменты сосудов открытого типа с орнаментом, стилизованным под арабографичные надписи и выполненным в технике «сграффито»; керамические изделия с прочерченными по сырой или обожжённой глине надписями. Текст надписей содержит коранические и благопожелательные надписи, имена мастеров. Некоторые рисунки представляют из себя псевдоэпиграфический орнамент, вероятно, местные мастера чисто технически переносили их с других сосудов, не придавая смыслового значения. Среди керамических изделий присутствуют как изделия местного производства, так и привозные вещи. Введение в научный оборот солхатских находок дополняет наши знания об уровне грамотности, культуры, социально-экономических связях и мировоззрении как местного населения, так и жителей Улуса Джучи в целом.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, глазурованная керамика, тарная керамика, столовая керамика, эпиграфические надписи, эпиграфический орнамент

Благодарности: Работа Д. Э. Сейдалиевой выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени». Авторы выражают благодарность М. Г. Крамаровскому и В. В. Майко за возможность публиковать материал.

EPIGRAPHIC INSCRIPTIONS ON CERAMIC WARE EXCAVATED AT THE GOLDEN HORDE SETTLEMENT OF SOLKHAT

Emil' I. Seidaliev
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University; Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia; Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
codexcummanicus@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2822-3930

Dzhemile E. Seidalieva
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432
Memedulla A. Useinov
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

Abstract. Archaeological researches at the Golden-Horde settlement of Solkhat and its immediate environs suppled ceramic ware showing epigraphic inscriptions in Arabic script or designs imitating them, originating from the layers from the late-thirteenth to the early-fifteenth centuries. These inscriptions contain a significant layer of information concerning the worldview, the level of cultural development and cross-cultural interactions, literacy and many other aspects of the life of the population of the Ulus of Jochi and neighboring countries and regions. The artistic design of the Golden Horde ceramic ware, along with geometric and plant patterns, similar to Islamic art in general, often use inscriptions in Arabic script in the styles of "naskh," "kufi," and "thuluth." The history of the research of epigraphic inscriptions in Arabic script on ceramic ware is not very extensive. All the materials presented in this publication were discovered by archaeological researches in the capital of the Golden-Horde Crimea, the city of Solkhat (modern Staryi Krym). Among the finds there are fragments of open-type vessels with underglaze painting with white engobe (such as "Slip-painted Ware"), including inscriptions applied using this technique, individual Arabic letters or ornamental patterns imitating Arabic letters; stamped vessels showing relief embossed patterns in the form of Arabic inscriptions, designs or letters stylized as inscriptions, the stamps showing the potter's name, also applied with a relief stamp; fragments of open-type vessels with an ornament stylized as Arabic inscriptions and made with the "sgraffito" technique; potteries featuring the inscriptions incised on raw or baked clay. The text of the inscriptions contains Koranic and good-wishing inscriptions, potters' names, some drawings feature pseudo-epigraphic patterns, as the local potters probably transferred them from other vessels as such, but not giving semantic meaning. Among the ceramic ware, there are both locally produced and imported artefacts. The introduction of the Solkhat finds into scholarly circulation enlarges our notion of the level of literacy, culture, socio-economic ties and worldview of both the local population and the inhabitants of the Ulus of Jochi in general.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, glazed pottery, transport pottery, table pottery, epigraphic design.

Acknowledgments: D. E. Seidalieva's work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity*, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Орнаментальные мотивы, которыми древние и средневековые мастера покрывали поверхность керамических изделий, несут различную информацию о мировоззрении, уровне развития культуры и кросскультурных взаимодействий, грамотности и многих других аспектах человеческой жизни. Высочайшего уровня достигает традиция декорирования керамических изделий в Улусе Джучи. В художественном оформлении золотоордынской керамики, наряду с геометрическим и растительными мотивами, как и в целом в исламском искусстве, часто использовались арабографические надписи, выполненные в стиле «насх», «куфи» и «сулюс».

В историографии представлен ряд публикаций вещей с арабографичными надписями. Е. А. Давидович опубликовал среднеазиатские штампованные кувшины с надписями, содержавшими имя мастера («Работа мастера Абд-ар-Рахмана; семьсот двадцать первый год» (резчика «калыпа»?)) и дату изготовления сосуда – 1321 год [5, с. 109–113]. В коллективной статье «Керамический кувшин с оттиском текста айата суры из Корана из Южного Дагестана (XII в.)» исследователи публикуют сосуд, найденный в 2014 г. [3]. Надпись представляет собой неполный текст айата (стиха) суры Корана. Дается ее перевод, отмечены стилистические особенности, приведена информация о технологических приёмах нанесения надписи на поверхность керамического сосуда [3, с. 32]. Г. А. Федоров-Давыдов в своей монографии пишет о надписи на золотоордынском штампованном кувшине и переводит ее как «успех» [21, с. 146]. На некоторых сфероконусах имелись надписи

«Аллах», «Победа» или собственные имена, которые, возможно, были именами мастеров, изготовивших эти сосуды. Некоторые исследователи отмечают, что сфероконические сосуды с надписью «Фатх» («Победа») использовались для «метания нефти» [15, с. 53]. В Азербайджане при исследовании ремесленной мастерской были обнаружены бракованные сосуды. Одна из надписей гласила: «Сделал Ахмед, сын Фадлуна. [Благословение?] владельцу сего (сосуда)! Пей на здоровье!» [7, с. 32]. А. Д. Искандерова и М. Н. Султанова публикуют некоторые эпиграфические надписи на глазурованной керамике Хорезма. На сосудах встречается куфическая надпись из повторяющегося слова «икбаль» (успех) [6, с. 66–68]. Также в коллективной статье опубликованы некоторые керамические изделия с эпиграфическими надписями, которые хранятся в фондах археологического музея Казанского Федерального университета [2, с. 681–686]. Н. Н. Вактурская приводит псевдоэпиграфическую надпись на кашинной чаше из Шемаха-калы [1, рис. 35,2–3]. Сосуды с куфическими надписями также обнаружены в Маджаре [4, рис. 1,4] и на Селитренном городище [22, с. 203]. Везде повторяется слово «успех» на арабском языке [6, с. 67].

В процессе раскопок Солхатского городища в значительном количестве были обнаружены фрагменты керамических сосудов, украшенных эпиграфическими и псевдоэпиграфическими надписями, среди которых для настоящей публикации были отобраны наиболее показательные фрагменты. Большинство изделий происходят из закрытых комплексов, в общем датированных концом XIII – началом XV в.

В ходе археологических исследований на территории Караван-сарая Солхата, на участках 50 и 63 раскопа XII были локализованы остатки ремесленной мастерской. В 1991 г. за пределами мастерской была выявлена хозяйственная яма 5, в заполнении которой был найден фрагментированный сероглиняный сосуд (рис. 4,*3*). По нумизматическому материалу яма датируется первой половиной – 50-ми гг. XIV в. [9, с. 11]. В 1993 г. в северном углу участка 50 была раскопана яма 1 (№ 14/1, колодец?) глубиной 3,26 м от современной дневной поверхности, где в значительном количестве были выявлены фрагменты керамических сосудов, в том числе и с эпиграфическим орнаментом (рис. 2,*6*). Датируется яма по определённым монетам второй половиной XIV в. [10, с. 15]. В том же году на участке 50 были локализованы остатки землянки (сооружение 1), в заполнении которой среди значительного количества разнообразных находок был выявлен фрагмент сфероконического сосуда с клеймом. Заполнение постройки 1 представляло собой пережжённый глинистый грунт темно-коричневого цвета, насыщенный большим количеством углей и линзами углистых прослоек. В заполнении в большом количестве присутствуют как обугленные и оплавленные фрагменты керамики, так и, под углистыми прослойками, фрагменты сосудов, не подвергшихся воздействию огня, каменный котелок, фрагменты бронзовых зеркал, украшения, пуговицы и монеты. По всей вероятности, появление сооружения 1 датируется по нумизматическому материалу концом XIII в., а функционировало оно до второй половины XIV в., вероятно, погибает в пожаре, после чего в последней трети XIV в. на этой территории и возводится комплекс караван-сарая [10, с. 16–18].

Фрагменты керамических сосудов с эпиграфическим орнаментом и надписями были обнаружены и в ходе исследований на территории поселения Кринички II. Поселение существовало с XIV по рубеж XV–XVI вв. Интересующие нас материалы происходят из следующих закрытых комплексов и слоёв поселения. На раскопе XIX в 1998 г. была выявлена хозяйственная яма 2 [8, с. 8] (в публикации [12] яма 2А или полуземлянка), которая представляла собой сооружение общими размерами 4,40×2,60 м. Выявлена на глубине 1,95 м от уровня дневной поверхности. В процессе исследований выяснилось, что ее восточную часть перерезала более поздняя яма, дно которой зафиксировано на глубине 2,16 м. С южной стороны прослежены три оплывшие ступеньки, вырубленные в материке, которые ведут вовнутрь полуземлянки. С полуземлянкой связаны три столбовые ямки диаметром 20–25 см и глубиной от 10 до 22 см. Заполнение этого объекта состояло из черноземно-глинистой массы с гончарной керамикой, костями животных, древесным углем и камнями [8, с. 14–15]. Глазурованная керамика представлена стен-

кой штампованного кувшина, дном на кольцевом поддоне от сосуда с полихромным покрытием, орнаментом в технике «сграффито» и круглым отверстием в центре, а также археологически целыми пиалами с монохромной глазурью, в том числе был обнаружен фрагмент сосуда с эпиграфическим орнаментом (рис. 2,*7*). В 1999–2000 гг. на территории поселения были раскопаны жилище 1 (раскоп XX) и хозяйственная яма сооружения 1 (раскоп XXI), которые исследователи датируют по нумизматическому материалу 50-ми гг. XIV в., а сопровождающий керамический материал – второй половиной XIV – началом XV в. [12, с. 19, 33]. Тогда же экспедиция производила разведки на территории южной сельской периферии Солхата, где было выявлено поселение Плато 2. В заполнении ямы 1 шурфа 2 также был выявлен фрагмент чаши с орнаментом в технике «сграффито» в виде псевдоэпиграфического орнамента (рис. 2,*9*). В заполнении ямы также обнаружены испанские импортные сосуды, тонкостенный красноглиняный кувшин так называемой группы «Elaborate Incised Ware» (EIW, группа IV по И. Б. Тесленко). Датируется комплекс достаточно широко – серединой XIV – началом XV в. [18, с. 365–366]

На поселении Бокаташ II в 2003 г. в ходе исследования раскопа XXII в квадрате В–Г III–IV был выявлен фрагмент сосуда с эпиграфическим орнаментом, комплекс также относится к золотоордынскому времени функционирования ремесленного поселения.

При раскопках средневековой бани в 2011 г. были обнаружены фрагменты чаш с подглазурной росписью белым ангобом в виде эпиграфического орнамента (рис. 1,*1,2*). Находки происходят из каменного завала в помещении А и слоя коричневой глины, перекрывающего слой разрушения в помещении Б. Слой каменного завала – третий слой в стратиграфии внутреннего заполнения бани, относится ко времени разрушения объекта, учитывая, что в слое, его перекрывающем, выявлены монеты времени правления хана Абдаллаха (правил в 1367–1370 гг. с перерывом), вероятно, следует датировать время руинирования постройки не позднее 60-х гг. XIV в. В слое коричневой глины, перекрывающем слой разрушения, выявлены фрагменты тарных сосудов, в том числе амфор константинопольского производства, кувшины, оранжевоглиняные неполивные подсвечники и обломки керамических водопроводных труб. Найдено множество фрагментов столовой посуды, покрытой светло-желтой, желтой и зеленой глазурью, в том числе тарелок с орнаментом в технике «сграффито», сосудов с рельефным орнаментом под кроющей глазурью светло-желтого, желтого и зеленого цветов. Из слоя также происходят изделия из стекла, камня, железа, бронзы. В. В. Майко связывает этот горизонт со временем, когда археологический объект уже перестал использоваться в качестве бани [14, с. 306].

В 2013 г. в ходе исследований каменного канала водовода на предпортальной площади медресе (участки А1–А2) в заполнении был обнаружен фрагмент красноглиняного кувшина. Датируется контекст достаточно широко, учитывая время его функционирования как системы подвода или отвода воды, по нумизматическому материалу 70-ми гг. XIII – началом XV в. [13, с. 67–68]

В продолжение исследований 2011 г. с целью уточнения исторической топографии округи средневековой бани в 2017 г. были заложены шурфы, в двух из которых (шурфы 3 и 7) были выявлены фрагменты сосудов с эпиграфическим орнаментом (рис. 3,*4,6,7*). Находка в шурфе 3 (рис. 3,*4*) происходит из слоя дерна и датировать ее ввиду этого не представляется возможным. Находки в шурфе 7 (рис. 3,*6,7*) происходят из заполнения колодца, который, учитывая близость к бане (12 метров к западу), вероятно, синхронен времени функционирования бани и использовался для обеспечения ее водой. В центральной части шурфа на уровне материковой поверхности было локализовано пятно колодезной ямы. Размеры устья колодца 1,75–1,8 м, глубина осталась не выясненной, удалось углубиться лишь на 4 м от уровня обнаружения. Датируется материал, происходящий из заполнения колодца, второй половиной XIV в. [8, с. 270–271]. В том же году были проведены исследования на раскопе 46, где на участке А6 в дерновом слое был выявлен фрагмент дна чаши на кольцевом поддоне с эпиграфическим орнаментом (рис. 3,*3*). Датируется участок исследований в пределах начала – второй половины

XIV в., но условия обнаружения фрагмента в слое дёрна не позволяют установить для вещи точную датировку. Отметим, что, по всей вероятности, такие чаши производились на ремесленном поселении Бокаташ II.

В 2021 г. в 30 метрах к юго-востоку от мечети Крушун-Джами был заложен участок 1 раскопа XIA. Тут не было выявлено каких-либо заметных хозяйственных или жилых сооружений, но участок дал значительное количество находок и четкую стратиграфическую ситуацию. В слое темно-коричневого суглинка (возможно яма?) были обнаружены фрагменты чаш с подглазурной росписью белым ангобом. По содержащимся в слое сопутствующим находкам и нумизматическим материалам (монеты времени правления ханов Узбека, Джанибека, Абдаллаха, Тохтамыша (правили с 1312 по 1395 гг.), сельджуков Рума и фельсы анатолийских бейликов) он может быть датирован XIV в. [17, с. 20–21, 150–154]. В том же году были проведены частичные спасательные работы на территории мусульманского некрополя на южной окраине Старого Крыма. Тут на участке К14 раскопа 46 была локализована хозяйственная яма, к сожалению, частично уничтоженная в ходе земляных работ тяжелой техникой. В верхнем слое ямы была обнаружена фрагментированная амфора с нанесенной на верхнюю часть тулова арабографичной надписью (рис. 4,*1*). Среди материалов в том же слое были выявлены монеты хана Токты (правил 1291–1312 гг.) и сельджукского султана Гияс ад Дина Масуда II первого правления (1280–1284 гг.) [17, с. 38, 157–159].

В 2023 г. был заложен шурф 1 на территории мечети хана Узбека. В нем обнаружена хозяйственная яма правильной формы, округлая в плане. Стенки ровные, вертикальные, слегка подкруглены у дна. В слое заполнения ямы обнаружено большое количество фрагментов тарных сосудов (амфоры типа IV по Гюнзенин, пифосы, тарные кувшины местного производства и др.), столовой керамики с монохромной и полихромным покрытием, без декорирования и с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome Glazed (Green) Ware»; «Monochrome Sgraffito (Green) Ware»; «Polychrome (Green and Brown) Sgraffito Ware»; «Slip-painted Ware»). Также обнаружено большое количество фрагментов штампованных кувшинов местного, солхатского производства с покрытием монохромной глазурью («Monochrome Stamped (Green) Ware»). В том числе был обнаружен штампованный кувшин с эпиграфической надписью (рис. 4,*2*).

В том же полевом сезоне продолжались работы на территории мечети Куршун Джами, где в серо-коричневом суглинке на участке 3’ раскопа XI был выявлен фрагмент черепицы типа «татарка» с нанесённой на неё арабографичной надписью. В слое серо-коричневого суглинка не содержалось датирующих материалов, но учитывая, что фрагмент черепицы был обнаружен под кладкой, сооружение которой условно относится ко времени после прекращения функционирования мечети, как культового объекта, то можно датировать эту находку концом XIV – началом XV в.

Условно, все обнаруженные материалы можно разделить на следующие категории:

1. Фрагменты сосудов открытого типа с подглазурной росписью белым ангобом (типа «Slip-painted Ware»), в том числе нанесёнными в такой технике надписями, отдельными арабскими буквами или орнаментальными мотивами, имитирующими арабские буквы.
2. Штампованные сосуды с рельефным тиснёным орнаментом в виде арабографичных надписей, стилизованными под надписи мотивами или буквами, клеймами с именем мастера, нанесённым также рельефным штампом.
3. Фрагменты сосудов открытого типа с орнаментом, стилизованным под арабографичные надписи и выполненным в технике «сграффито».
4. Керамические изделия с прочерченными по сырой или обожжённой глине надписями.

Встречаются чаши с монохромной глазурью зеленого или коричневого цвета, с подглазурной росписью белым густым ангобом, типа «Slip-painted Ware». На таких изделиях надписи в основном псевдоэпиграфические (рис. 1,*1–5*; 2,*1–7*).

Также псевдоэпиграфические надписи встречаются на сосудах открытого типа (чаши или пиалы), покрытые монохромной глазурью зеленого цвета (цвет варьируется от светлого, тёмного или болотного оттенка), изнутри или снаружи надпись выполнена в технике «сграффито» (рис. 2,*8–9*; 3,*3–4*). Единичный экземпляр арабографической надписи представлен на изделии (фрагмент чаши?), которая подкрашена красной краской (охра?) (рис. 3,*1*).

Большинство надписей встречаются на штампованных кувшинах местного (рис. 4,*2*) или импортного производства (вероятный центр изготовления – Хорезм или Поволжье) (рис. 4,*3*; 3,*6–8*). Арабографичные надписи на керамике, найденные в Крыму, немногочисленны и, в большинстве, сильно фрагментированы. В основном они содержат отдельные благопожелательные слова: الاقبال (al-ikbal) «успех»; ليمن (al-yumn) «счастье, благополучие»; المد (al-madd) «обеспеченность»; البر «благодеяние». Встречаются и фрагменты словосочетаний: «долгая благополучная жизнь», «здоровье и друзья» и подобные.

Почерк надписей – *насх* и *сулюс*. В отличие от соседних регионов почерк *куфи* в Крыму не зафиксирован, причем не только на керамике, но и на лапидарных памятниках, что, вероятно, является региональной отличительной особенностью.

Многие надписи, по-видимому, выполнялись мастерами наспех, и из-за рутинности подобной работы по большей части выглядят как псевдоэпиграфические надписи. Также можно предположить, что часть такой работы исполняли мастера, не знавшие арабского письма.

Встречаются и изначально псевдоэпиграфические рисунки (рис. 1,*2*). Иногда надпись с определённым смыслом лишь угадывается, к примеру, на некоторых изделиях (рис. 2,*7*) читается трижды очень небрежно и по-разному написанное второе слово – الاقبال «успех», которое достаточно четко читается только в одном из написаний. Первое слово в словосочетании не сохранилось на всех трёх фрагментах (рис. 2,*1,5,7*), поэтому прочитать выражение полностью на данный момент не удаётся.

На фрагменте края чаши, с внешней стороны (рис. 2,*8*) с большим допущением, больше в виде арабески, угадывается слово البر – «благодеяние».

Но встречаются примеры и безупречной каллиграфии. Так, на внутренней стороне стенки сосуда (рис. 3,*1*) красивым почерком *насх* выведены несколько букв, которых, к сожалению, недостаточно для прочтения слова полностью.

Надписи, хорошо поддающиеся прочтению, представлены на штампованных кувшинах, изготовленных в Солхате (рис. 4,2) или импортного производства (центр изготовления – Хорезм или Поволжье) (рис. 3,*6–8*; 4,*3*).

На штампованной керамике чаще всего фиксируются повторяющиеся благопожелания, например, на штампованном кувшине (рис. 4,*3*), изготовленном в Хорезме, в верхней левой части читается благопожелание: اليمن (al-yumn) – «счастье, благополучие». Это слово повторяется как на верхней, так и на нижней полусферах.

На другом фрагменте штампованного кувшина (рис. 3,*6*) ясно читается слово الاعمال (al-amal) – «деяние». Надпись занимает небольшую часть стенки сосуда и возможно является частью распространённого высказывания на средневековой керамике: الاخلاص يحصن الاعمال و الصدقة – «Ал-ихлāṣу йуḥаṣṣину ’л-‘амāл…» – «Искренность защищает деяния (труды)…, [а милостыня умножает милости]». Либо более короткое благопожелательное высказывание: «благое деяние».

Другое благопожелание также обнаружено на стенке штампованного сосуда (рис. 3,*7*), второе слово, вплетённое в орнамент, предположительно, читается – الاقبال (al-ikbal) – «успех», без начального «алифа». Практика опускания некоторых букв в словах была широко распространена на подобных изделиях, для сохранения ритма орнамента.

На штампованном кувшине солхатского производства (рис. 4,*2*) имеется практически полностью сохранившаяся, повторяющаяся надпись: الاقبال (al-ikbal) – «успех».

Сложнее обстоит вопрос с прочтением оттисков и прочерченных на керамике надписей. Интересный единичный фрагмент нижней части сфероконуса с оттиском

клейма был обнаружен в 1993 г. на архитектурном комплексе Караван-сарая (рис. 3,*5*). Известные из других регионов подобные надписи на сфероконусах обычно содержат слова – «Аллах», «Победа» или собственные имена, которые, возможно, были именами мастеров-керамистов. Некоторые исследователи отмечают, что сфероконические сосуды с надписью «Фатх» («Победа»), возможно, использовались для метания зажигательных гранат с нефтью [15, с. 53]. В нижней части сфероконуса (рис. 3,*5*), обнаруженного в Солхате, на оттиске в первой строке видны четыре арабские буквы: س «син», ن «нун», ق \ ف «къаф», либо «фе», и буква ر «ра» (?). Возможно, это личное имя. Во второй строке две неясные буквы م «мим» (?). Подобрать подходящее по контексту слово пока не удалось.

В 2021 г. в хозяйственной яме на территории мусульманского некрополя на южной окраине городища был обнаружен тарный сосуд (амфора) с вычерченной двойным контуром надписью в верхней части тулова (рис. 4,*1*) [16, с. 274]. Отсутствие диакритических точек увеличивает количество вариаций букв и значительно усложняет прочтение этого слова. Подобные надписи часто содержат личные имена, либо показывают назначение сосуда. На амфоре предположительно читается слово: كار – (крымтат. «выгода», «польза»). Но нельзя исключать и другой вариант прочтения: первые три буквы – محا «мим» (?), «ха», «алиф». Последняя буква может быть: ف «фе», ق «къаф», либо ر «ра». Пока не удалось подобрать какое-либо слово под этот вариант прочтения.

Найденный в 2023 г. при исследовании Свинцовой мечети фрагмент черепицы типа «татарки» с врезной арабографической надписью (рис. 3,*2*) полностью прочитать пока не удалось. Надпись очень мелкая, выполнена врезным способом по сырой глине, предположительно, либо:

...مك... بو لد يري – <…>*мак бу (л)(д) йери* (…мак это … место, земля);

либо

... تولد يري – <…> *тевелюд йери* (… место рождения).

Первое слово, являющееся либо личным именем, либо географическим названием, разобрать пока не удалось.

Таким образом, все обнаруженные на территории золотоордынского Солхата керамические изделия с эпиграфическим орнаментом датируются в пределах конца XIII – начала XV в., что соответствует золотоордынскому периоду истории городища. Большинство изделий содержат стилизованные под надписи слова или буквы, так называемые псевдоэпиграфические орнаменты. Среди содержащих смысл надписей подавляющее большинство нанесены на так называемые штампованные сосуды, как правило, поступившие в Солхат из других ремесленных центров. Большинство надписей представляют собой благопожелательные надписи или коранические цитаты. В заключение следует отметить, что фрагментарность керамических изделий, содержащих эпиграфический материал, затрудняет прочтение надписей. Многие надписи чаще всего представляют из себя псевдоэпиграфический орнамент, вероятно, местные мастера чисто технически переносили их с других сосудов, не придавая смыслового значения. В то же время, орнаментальные надписи на сосудах, которые нанесены более тщательно с соблюдением правил и норм, образующие слова, поддающиеся прочтению, могут свидетельствовать об уровне грамотности золотоордынских ремесленников. Наиболее уверенно читаются надписи на штампованной керамике. Отдельно в этом ряду стоят граффити, прочтение которых затруднено из-за сложности рукописного почерка, отсутствия диакритических знаков и неясности языка надписи, которая может быть как на арабском, персидском, тюркском, так и на каком-либо из языков местного христианского населения. Отчасти проблему идентификации отдельных надписей на керамических изделиях может решить составление обобщающего каталога таких находок на синхронных памятниках как Улуса Джучи, так и в целом средневекового мусульманского мира или соседних стран и регионов.

Приложение 1

Каталог керамических сосудов с эпиграфическими надписями из раскопок Солхатского городища и округи

1. **Чаша.** Средневековая баня – 2011. Каменный завал в помещении А. К.О. 51. Археологически полный профиль чаши (рис. 1,*1*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дроблённого шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, закруглён; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: начало – середина XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей [20].

2. **Чаша.** Средневековая баня – 2011. Слой коричневой глины, перекрывающий слой разрушения в помещении Б. К.О. 50. Археологически полный профиль чаши (рис. 1,*2*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дроблённого шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: конец XIII – середина XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей [20].

3. **Чаша.** СКАЭГЭ–2000. Кринички–II. Раскоп XXI. Квадрат Г9. Слой 4. Фрагмент нижней части на кольцевом поддоне (рис. 1,*3*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дроблённого шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, закруглён; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: конец XIV – начало XV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

4. **Чаша.** СКАЭГЭ–1999. Кринички–II. Раскоп XX. Жилище 1. Фрагмент венчика вертикального (рис. 1,*4*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дроблённого шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен вовнутрь, закруглён; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: середина – конец XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

5. **Чаша.** СКАЭГЭ–2000. Кринички–II. Раскоп XXI. Сооружение 1. Хозяйственная яма. Фрагмент нижней части на кольцевом поддоне (рис. 1,*5*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дроблённого шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен вовнутрь, закруглён; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: середина XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

6. **Чаша.** СКАЭГЭ–1999. Кринички–II. Раскоп XX. Квадрат В3/40. Фрагмент стенки (рис. 2,*1*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен вовнутрь, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай.

Датировка археологического комплекса: середина – конец XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

7. **Чаша.** СКАЭГЭ–2018. Баня. Шурф 12. Яма 5. Археологически полный профиль чаши (рис. 2,*2*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен вовнутрь, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

8. **Чаша.** СКАЭГЭ–2021. Куршун Джами. Раскоп XIA. Участок 1. Темно-коричневый суглинок. Яма. Заполнение. П.О. 166. Фрагмент венчика вертикального (рис. 2,*3*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен наружу, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной зеленой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Green) Slip-painted Ware»). Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

9. **Чаша.** СКАЭГЭ–2021. Куршун Джами. Раскоп XIA. Участок 1. Темно-коричневый суглинок. Яма. Заполнение. П.О. 166. Фрагмент верхней части изделия с вертикальным венчиком (рис. 2,*4*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен наружу, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной зеленой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Green) Slip-painted Ware»). Датировка археологического комплекса: XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

10. **Чаша.** СКАЭГЭ–2003. Раскоп XXII. Бокаташ–II. Квадрат В–Г III–IV. Слой 13. Фрагмент дна на кольцевом поддоне (рис. 2,*5*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, слегка наклонен вовнутрь, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат. Датировка археологического комплекса: конец XIII – конец XIV вв. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

11. **Чаша.** СКАЭГЭ–1993. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 50. Хозяйственная яма 1 (14/1). Фрагмент верхней части изделия с вертикальным венчиком (рис. 2,*6*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: начало – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

12. **Чаша.** СКАЭГЭ–1998. Раскоп XIX. Кринички–II. Хозяйственная яма 2. Заполнение. Фрагмент стенки (рис. 2,*7*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной коричневой глазурью и орнаментом с подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome (Brown) Slip-painted Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: вторая половина XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

13. **Чаша.** СКАЭГЭ–1993. Караван Сарай. Раскоп XII. Участок 40. Яма в центре. Фрагмент венчика вертикального (рис. 2,*8*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне, венчик вертикальный, закруглен; покрыта изнутри и снаружи монохромной зеленой глазурью и орнаментом в технике «сграффито» («Monochrome (Green) Sgraffito Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: начало – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

14. **Чаша.** СКАЭГЭ–2000. Плато 2. Шурф 2. Яма 1. Заполнение. Фрагмент стенки (рис. 2,*9*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне; покрыта изнутри и снаружи по краю монохромной светло-зеленой глазурью и орнаментом в технике «сграффито» («Monochrome (Green) Sgraffito Ware»). Производство: Солхат/Бокаташ. Датировка археологического комплекса: начало – вторая половина XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

15. **Чаша.** СКАЭГЭ–2023. Шурф 1/23. Яма 1. Заполнение. К.О. 46. Фрагмент стенки (рис. 3,*1*). Черепок в изломе темно-красного цвета, с примесью шамота; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне; изнутри имеется врезной орнамент, подкрашенный красной краской. Производство: Солхат. Датировка археологического комплекса: вторая половина XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

16. **Черепица.** СКАЭГЭ–2023. Городище Солхат. Куршун-Джами. Раскоп XI. Участок 3’. Серо-коричневый суглинок под кладкой. К.О. 6. Фрагмент стенки (рис. 3,*2*). Черепок в изломе ярко-красного цвета, рыхлое, плохо промешанное тесто, с примесью крупно дробленного шамота, известняка и органики; снаружи имеется врезной орнамент, выполненный по сырой глине. Тип «Татарка». Производство: Солхат. Датировка археологического комплекса: конец XIV – начало XV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

17. **Чаша.** СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46. Участок А6. Дерн. К.О. 78. Фрагмент дна на кольцевом поддоне (рис. 3,*3*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота и известняка; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне; покрыта изнутри монохромной зеленой глазурью и орнаментом в технике «сграффито» линиями разной ширины («Monochrome (Green) Sgraffito Ware»). Производство: Солхат/Бокаташ. Датировка археологического комплекса: начало – вторая половина XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

18. **Чаша.** СКАЭГЭ–2017. Шурф 3. Дерн. П.О. 42. Фрагмент стенки (рис. 3,*4*). Черепок в изломе красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота; тулово полусферической формы, дно на кольцевом поддоне; покрыта изнутри монохромной светло-зеленой глазурью и орнаментом в технике «сграффито» («Monochrome (Green) Sgraffito Ware»). Производство: Солхат/Бокаташ. Датировка археологического комплекса: начало – вторая половина XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

19. **Сфероконус.** СКАЭГЭ–1993. Караван-сарай. Раскоп XII. Участок 50. Землянка. Фрагмент дна конусного (рис. 3,*5*). Черепок в изломе серого цвета, с примесью кварцевого песка, известняка; тулово каплевидной формы; изделие не орнаментировано, имеется клеймо, выполненное арабской вязью. Производство: Хорезм. Датировка археологического комплекса: конец XIII – вторая половина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. [19, с. 405, рис. 3,21].

20. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2017. Шурф 7. Колодец 2. К.О. 109. Фрагмент стенки (рис. 3,*6*). Черепок в изломе насыщенно красного цвета, с примесью известняка и незначительных включений мелко дробленного шамота; тулово сферической формы, горло

цилиндрическое, венчик вертикальный, ручка овальная в сечении, дно на кольцевом поддоне; снаружи покрыты темным ангобом и в верхней части штампованным орнаментом. Производство: Поволжье (?). Датировка археологического комплекса: вторая половина – конец XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

21. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2017. Шурф 7. Колодец 2. К.О. 90. Фрагмент стенки (рис. 3,*7*). Черепок в изломе насыщенно красного цвета, с примесью известняка и незначительных включений мелко дробленного шамота; тулово сферической формы, горло цилиндрическое, венчик вертикальный, ручка овальная в сечении, дно на кольцевом поддоне; снаружи покрыты темным ангобом и в верхней части штампованным орнаментом. Производство: Поволжье (?). Датировка археологического комплекса: вторая половина – конец XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

22. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2013. Медресе. Заполнение канала водовода. Участок А1-2. К.О. 58. Фрагмент стенки (рис. 3,*8*). Черепок в изломе насыщенно красного цвета, с примесью известняка и незначительных включений мелко дробленного шамота; тулово сферической формы, горло цилиндрическое, венчик вертикальный, ручка овальная в сечении, дно на кольцевом поддоне; снаружи покрыты темным ангобом и в верхней части штампованным орнаментом. Производство: Поволжье (?). Датировка археологического комплекса: вторая половина – конец XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

23. **Амфора.** СКАЭГЭ–2021. Раскоп XLIX. Могильник. Участок К14. Яма 1. Слой 1. Светло-коричневый суглинок с углем. К.О. 9. Археологически полный профиль (дно утеряно) (рис. 4,*1*). Черепок в изломе светло-красного цвета, с примесью шамота и известняка; тулово овалоидной формы, венчик воронковидный, слегка отогнут наружу, двуручная, ручки овальные в сечении, дно плоское; в верхней части сосуда имеется врезной орнамент в виде двух поясов линий вокруг тулова и арабографичная надпись; снаружи покрыта красным ангобом. Производство: Солхат (?). Датировка археологического комплекса: конец XIII – начало XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия [16, с. 272].

24. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2023. Шурф 1/23. Яма 1. Заполнение. К.О. 6. Фрагмент средней части сферического тулова (рис. 4,*2*). Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, с примесью крупно дробленного шамота, известняка, органики; тулово сферической формы, горло цилиндрическое, ручка овальная в сечении, дно на кольцевом поддоне; снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью и штампованным орнаментом («Monochrome (Green) Stamped Ware»). Производство: Солхат/Караван-Сарай. Датировка археологического комплекса: вторая половина XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Публикуется впервые.

25. **Кувшин.** СКАЭГЭ–1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 63. Яма 5. Фрагмент средней части полусферического тулова на кольцевом поддоне (рис. 4,*3*). Черепок в изломе серого цвета, с примесью известняка; тулово сферической формы, горло цилиндрическое, ручка уплощенная, овальная в сечении, дно слегка конусовидной формы, на кольцевом поддоне. Производство: Хорезм. Датировка археологического комплекса: первая половина – середина XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей. Публикуется впервые.

Рис. 1. Фрагменты и археологически целые профили чаш с подглазурной росписью белым ангобом с эпиграфическим орнаментом

Fig. 1. Fragments and archaeologically intact profiles of bowls with underglaze painting in white engobe showing epigraphic design

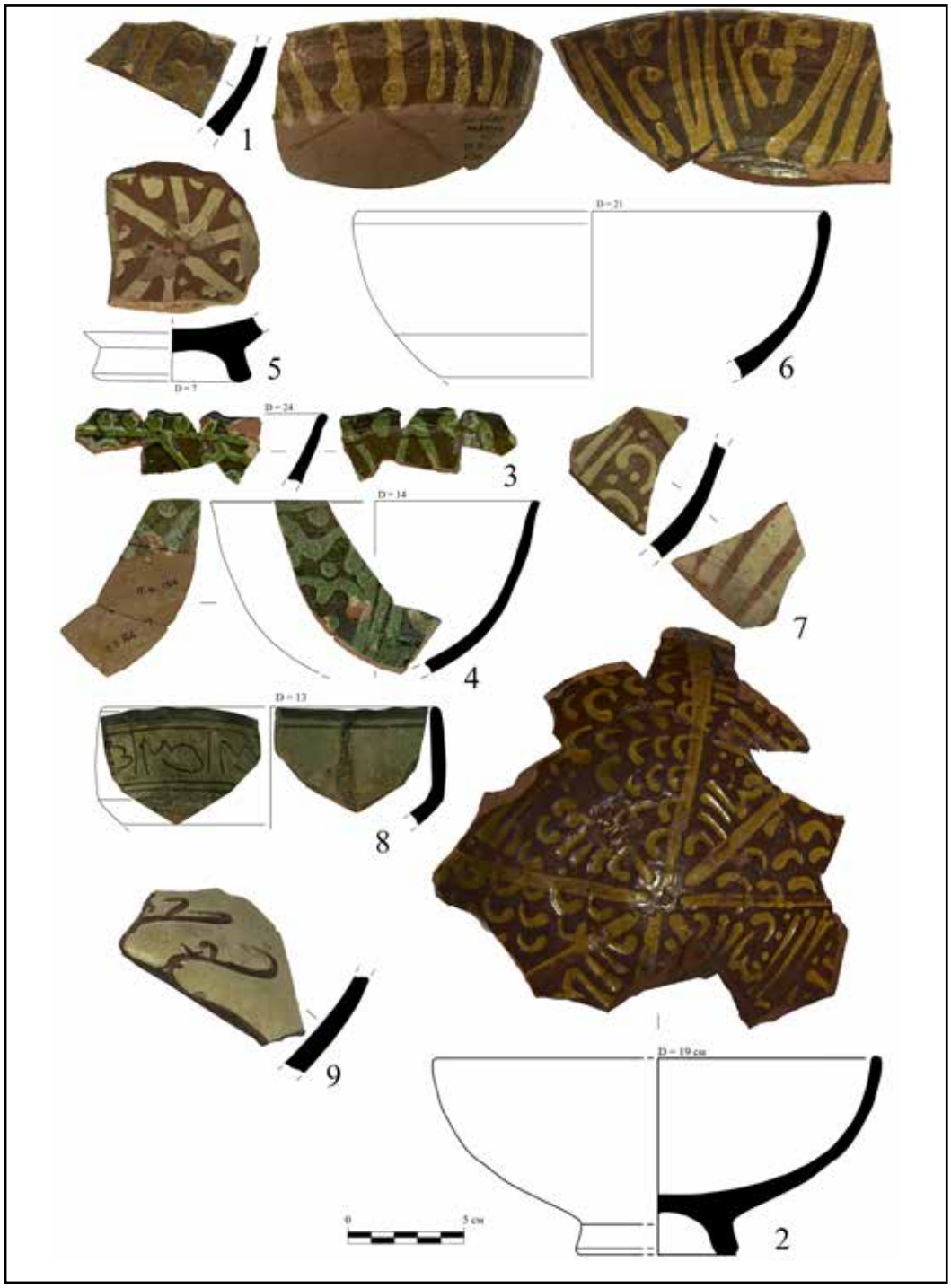

Рис. 2. Фрагменты и археологически целые профили чаш с эпиграфическим орнаментом

Fig. 2. Fragments and archaeologically intact profiles of bowls showing epigraphic design

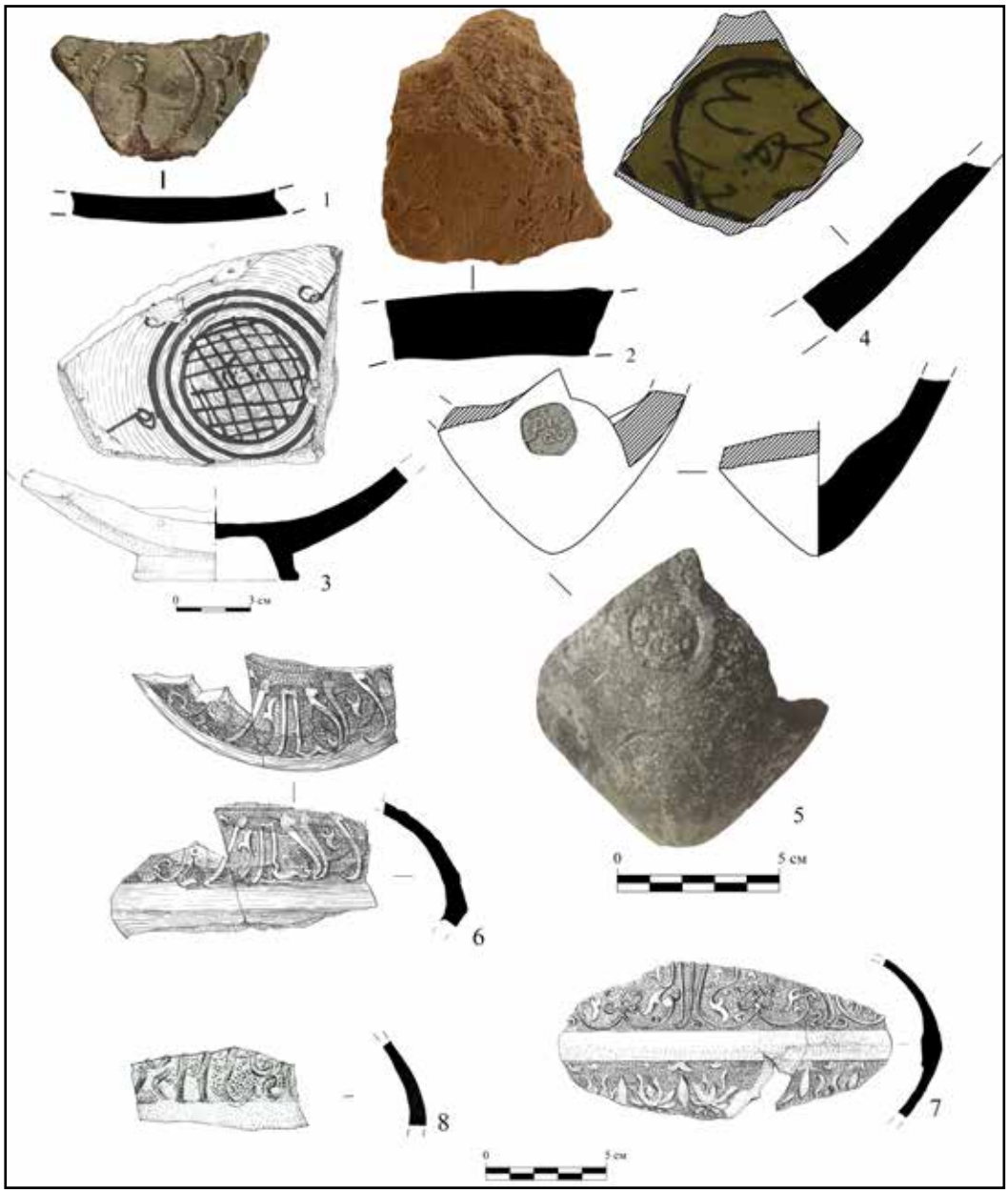

Рис. 3. Фрагменты керамических изделий с эпиграфическим орнаментом

Fig. 3. Fragments of ceramic ware showing epigraphic design

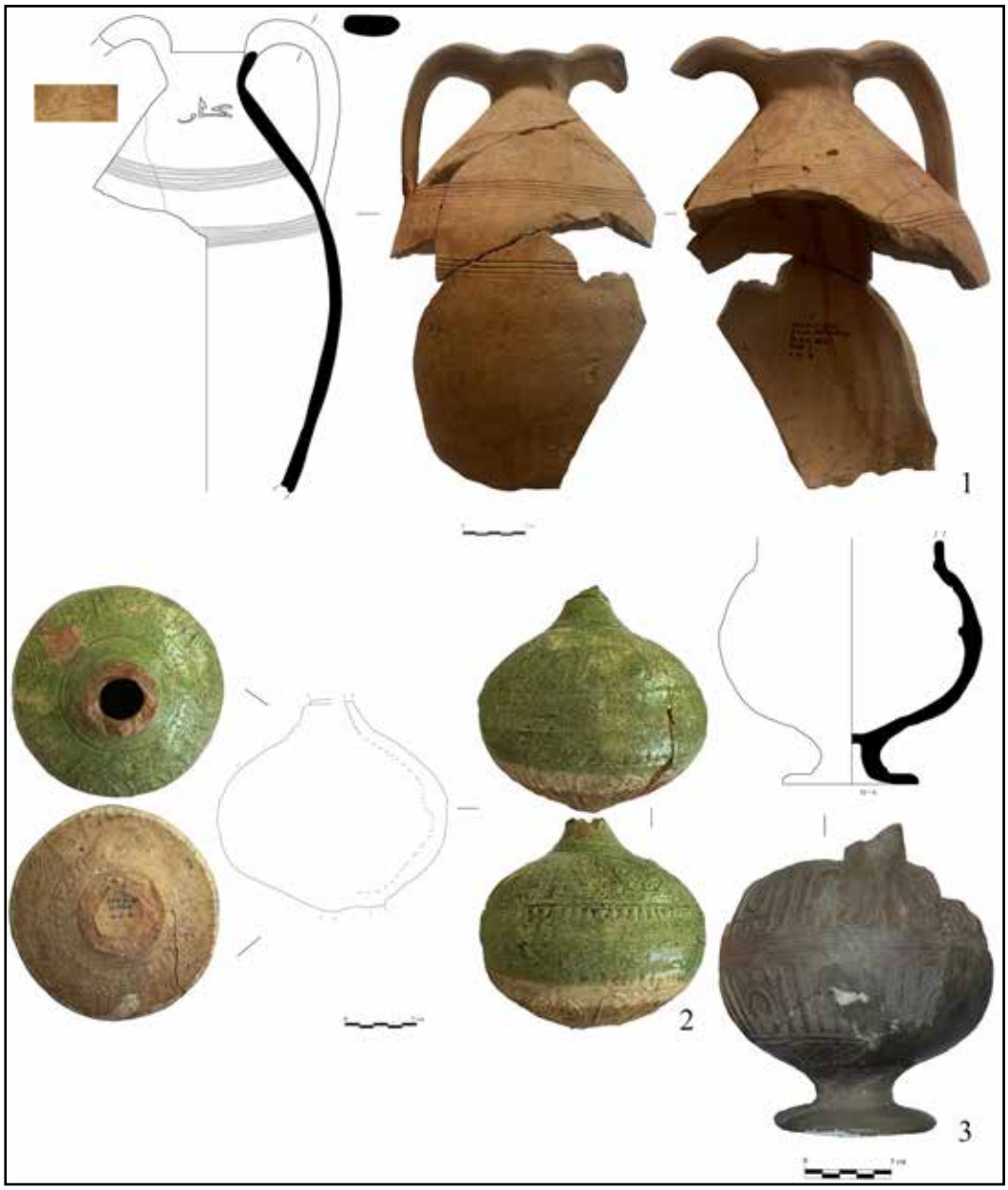

Рис. 4. Амфора и столовые кувшины с арабографичными надписями

Fig. 4. Amphora and table jugs showing inscriptions in Arabic script

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 261–342.
2. Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р., Шагавиев Д.А. Произведения средневекового исламского искусства с эпиграфическими надписями в собрании археологического музея КФУ // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 673–690.
3. Гмыря Л.Б., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г., Кузеева З.З. Керамический кувшин с оттиском текста айата суры из Корана из Южного Дагестана (XII в.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. Вып. 56. С. 28–35.
4. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1. С. 128–132.
5. Давидович Е.А. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 109–113.
6. Искандерова А.Д., Султанова М.Н. Орнаментация глазурованной керамики Хорезма (XIII–XIV вв.) // Археология евразийских степей. 2022. № 3. С. 57–73.
7. Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку, 1983. 108 с.
8. Крамаровский М.Г. Отчет Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2017 г. Т. 1. СПб., 2018. 281 с. [Рукопись].
9. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1991–1992. 94 с. [Рукопись].
10. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1994. 160 с. [Рукопись]
11. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1998 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1999. 200 с. [Рукопись].
12. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички (результаты полевых исследований). СПб.; Гос. Эрмитаж, 2002. 183 с. (Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. I).
13. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет об полевых исследованиях 2013 года на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) объединённой археологической экспедицией Отдела Востока Государственного Эрмитажа и КРУ Бахчисарайского историко-культурного заповедника по изучению архитектурно-исторического комплекса «Мечеть и медресе Солхата». Старый Крым, Бахчисарай, СПб., 2013–2014. 362 с. [Рукопись].
14. Майко В.В. Средневековые бани Керчи и Солхата. К вопросу о месте в городской инфраструктуре // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 304–309.
15. Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 51–62.
16. Сейдалиев Э.И. Амфора с арабской надписью из раскопок золотоордынского Солхата в 2021 г. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский Семинар. Севастополь, Балаклава, 2022. С. 271–276.
17. Сейдалиев Э.И. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Солхат, XIII–XVIII вв.» в Кировском районе Республики Крым в 2021 г. Том 1. Симферополь, 2022. 226 с. [Рукопись].
18. Сейдалиева Д.Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.) // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 359–390.
19. Сейдалиева Д.Э. Сфероконические сосуды золотоордынского времени из раскопок Солхата и ближайшей округи // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 397–419.
20. Сейдалиева Д.Э., Майко В.В., Сейдалиев Э.И. Керамический комплекс бани средневекового Солхата (по материалам раскопок 2011 г.) // Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма. I Солхатские чтения. Симферополь, 2022. С. 15–24.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
22. Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 133–248.

REFERENCES

1. Vakturskaia N.N. Chronological Classification of Medieval Ceramics of Khorezm (9th–17th Centuries). *Keramika Khorezma* [Ceramics of Khorezm], Moscow, 1959, pp. 261–342.
2. Valiulina S.I., Nuretdinova A.R., Shagaviev D.A. Valiulina S.I., Nuretdinova A.R., Shagaviev D.A. The works of medieval Islamic art with epigraphic inscriptions in the collection of the Archaeological Museum of Kazan University. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2016, vol. 158, no. 3, pp. 673–690.
3. Gmyria L.B., Shikhaliev Sh.Sh., Shekhmagomedov M.G., Kuzeeva Z.Z. Ceramic jug with an imprint of the text of an ayat sura from the Koran from Southern Dagestan (12th century). *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center], 2015, vol. 56, pp. 28–35.
4. Grazhdankina N.S., Rtveladze E.V. The influence of Khorezm on the ceramic production of the Golden Horde city Majar. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology], 1971, no. 1, pp. 128–132.
5. Davidovich E.A. Two Samarkand Jugs with the Date and the Master's Name in the Inscription. *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief communications of the Institute of History of Material Culture], 1960, vol. 80, pp. 109–113.
6. Iskanderova A.D., Sultanova M.N. Ornamentation of Glazed Ceramics of Khorezm (13th–14th Centuries). *Arkheologiia evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2022, vol. 3, pp. 57–73.
7. Ismizade O.Sh., Ibragimov F.A. *Khudozhestvennaia shtampovannaia keramika srednevekovogo Baku* [Artistic stamped ceramics of medieval Baku], Baku, 1983, 108 p.
8. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1998 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1998 at the Solkhata settlement (Crimea) by the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. Staryi Krym, St Petersburg, 1999, 200 p. [Manuscript].
9. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1991 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1991 at the medieval settlement of Solkhat (Crimea, Stary Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage]. Staryi Krym, St Petersburg, 1991–1992, 94 p. [Manuscript].
10. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1993 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1993 at the settlement of Solkhat (Crimea) by the archaeological expedition of the State Hermitage]. Staryi Krym, St Petersburg, 1994, 160 p. [Manuscript].
11. Kramarovsky M.G. *Otchet Zolotoordynskoi (Starokrymskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) v 2017 g.* [Report of the Golden Horde (Stary Krym) archaeological expedition on the work at the medieval settlement of Solkhat (Stary Krym) in 2017], vol. 1, St Petersburg, 2018, 281 p. [Manuscript].
12. Kramarovsky M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki (rezul'taty polevykh issledovanii)* [The Golden Horde settlement of Krinichki (results of field research)]. St Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2002, 183 p. (Materials of the Starokrymskaya archaeological expedition. Vol. I).
13. Kramarovsky M.G., Seidaliev E.I. *Otchet ob polevykh issledovaniiakh 2013 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) ob"edinennoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha i KRU Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika po izucheniiu arkhitekturno-istoricheskogo kompleksa «Mechet' i medrese Solkhata»* [Report on field research in 2013 at the medieval settlement of Solkhat (Stary Krym) by the joint archaeological expedition of the Department of the East of the State Hermitage and the Bakhchisaray Historical and Cultural Reserve to study the architectural and historical complex "Mosque and Madrasah of Solkhat"], Staryi Krym, Bakhchisarai, St Petersburg, 2013–2014, 362 p. [Manuscript].
14. Maiko V.V. Medieval baths of Kerch and Solkhat. On the issue of place in the urban infrastructure. *XIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii* [XIII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Problems of urbanization], Kerch, 2012, pp. 304–309.
15. Nuretdinova A.R. Sphero-Conical Vessels: The Problem of Attribution. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2011, vol. 153, no. 3, pp. 51–62.
16. Seidaliev E.I. Amphora with Arabic inscription from excavations of Golden Horde Solkhat in 2021. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. *XIV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis. XIV International Byzantine Seminar], Sevastopol, Balaklava, 2022, pp. 271–276.
17. Seidaliev E.I. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii vyiavlennogo ob'ekta arkheologicheskogo naslediia «Gorodishche Solkhat, XIII–XVIII vv.» v Kirovskom raione Respubliki Krym v 2021 g.* [Report on archaeological excavations on the territory of the identified archaeological heritage site "Solkhat settlement, XIII–XVIII centuries"], vol. 1. Simferopol, 2022, 226 p. [Manuscript].

18. Seidalieva D.E. The Imported Glazed Ceramic Ware from the Golden Horde Period Excavated at Ancient Solkhat and the Sites in Its Vicinity (According to the Materials of 1978–2019 Researches). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 359–390.
19. Seidalieva D.E. Sphero-conical Vessels from the Golden Horde Period Excavated at Solkhat and the Sites in Its Immediate Vicinity. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 397–419.
20. Seidalieva D.E., Maiko V.V., Seidaliev E.I. Ceramic complex of the bathhouse of medieval Solkhat (based on excavations of 2011). *Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma. I Solkhatskie chteniia.* [The Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea. I Solkhat readings], Simferopol, 2022, pp. 15–24.
21. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, 228 p.
22. Fedorov-Davydov G.A., Bulatov N.M. Ceramic workshop of the Selitrennoye settlement. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia* [Treasures of Sarmatian leaders and ancient cities of the Volga region], Moscow, 1989, pp. 133–248.

Информация об авторах

Сейдалиев Э. И. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAA-3179-2019.

Сейдалиева Д. Э. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7797-2019.

Усеинов М. А. – лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Authors information

Seydaliev E. I. – Candidate of Science (History), Head of the chair of history of the Fevzi Jacubov Crimean Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher of the Institute of Archaeology of the Crimea RAS; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Researcher ID: AAA-3179-2019.

Seidalieva D. E. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7797-2019.

Useinov M. A. – Laboratory Assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.234-242

ШТАМПОВАННЫЕ СОСУДЫ С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА

Джемиле Эльвировна Сейдалиева
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

Аннотация. При археологических исследованиях золотоордынского Солхата и ближайшей округи среди находок в слоях конца XIII – начала XV в. встречается штампованная керамика местного и импортного производства. Импортная группа глазурованных керамических изделий золотоордынского Солхата и его округи представлена фрагментами сосудов из кашина, селадона, испанского люстра, желтоглиняных штампованных и красноглиняных привозных сосудов из других регионов Улуса Джучи. Особенно выделяются желтоглиняные тисненые изделия с подсветом орнамента голубой (бирюзовой) глазурью. Сосуды сферической формы с высоким коническим горлом, расширяющимся кверху. Как правило, одноручные, вертикальная ручка в сечении сложнопрофилированная, верхний прилеп располагается в середине горла, нижний – в верхней части тулова. Дно на высоком, слегка конусовидном кольцевом поддоне. Единое мнение, где изготавливались данного вида штампованные кувшины, отсутствует. Так как находки таких сосудов редки, И. В. Волков предполагает, что они производились небольшой отрезок времени. В Солхате они происходят из комплексов, датирующихся второй половиной XIV в. Вероятнее всего, данные желтоглиняные тисненые кувшины поступали в Крымский Юрт Золотой Орды с населением, которое переезжало в Солхат. На территории городища и ближайшей округи данные изделия малочисленны. На данный момент точное место производства данных кувшинов не известно, но исследователи предполагают, что они могли изготавливаться на территории Северокавказкого региона, в городе Маджар. Штампованные изделия с росписью бирюзовой глазурью, происходящие из раскопок средневекового городища Солхат, публикуется впервые.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, штампованная керамика, бирюзовая глазурь

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени». Выражаю благодарность М. Г. Крамаровскому за возможность публиковать материал.

STAMPED POTTERY FEATURING TURQUOISE GLAZE EXCAVATED AT GOLDEN-HORDE SOLKHAT

Dzhemile E. Seidalieva
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

Abstract. Archaeological researches of Golden-Horde city of Solkhat and its close environs uncovered local and imported stamped pottery originating from the layers from the late-thirteenth to the early-fifteenth centuries. The group of imported glazed ware from Golden-Horde Solkhat and its environs consists of the fragments of vessels made of *kashi*, celadon, Spanish lustre, as well as stamped yellow-clay and imported red-clay vessels from other areas of the Ulus of Jochi. Especially interesting are embossed yellow-clay artefacts showing the ornament with under-painting of blue (turquoise) glaze. These vessels are globular, with a high conical neck, widening towards the top. As a rule, they are single-handled: the vertical handle of

specifically profiled cross-section, the upper junction is located in the middle of the neck, the lower one in the upper body. The bottom rests on a high, slightly conical ring-foot. The place where this ware was made is a matter of discussion. As the finds in question are rare, I. V. Volkov has supposed that they were produced for a short period of time. In Solkhat, they originate from the assemblages dating back to the second half of the fourteenth century. Most likely, the Crimean Yurt of the Golden Horde got these embossed yellow-clay jugs with the population migrating to Solkhat. These artefacts are very few in number on the territory of the settlement and in its close environs. So far, the place where they were produced remains obscure; however, the researchers have suggested that they could have been made in the North Caucasus region, in the city of Madzhar. Stamped ware with turquoise glaze painting, excavated at the medieval city of Solkhat, are published for the first time.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, stamped pottery, turquoise glaze

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity*, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Изделия с тисненым орнаментом изготавливали в странах Востока с IX по XV в. для подражания дорогим чеканным сосудам [7, с. 91; 6, с. 174–175; 15, с. 203]. Вероятно, штампованная посуда была рассчитана на среднюю социальную категорию населения города, так как металлические сосуды, скорее всего, были дорогими для значительной части жителей.

Объектом нашего исследования являются особые штампованные кувшины, раскрашенные бирюзовой или синей глазурью. На территории городища Солхат и ближайшей округи данные изделия малочисленны. Некоторые исследователи предполагают, что штампованные кувшины, у которых детали орнамента расписывали бирюзовой глазурью, изготавливались в Маджаре [5, с. 89–90], хотя там их находки так же немногочисленны [3, с. 35] и пока на городище матрицы-калыпе не обнаружены [4, с. 176–182]. Н. М. Булатов отмечает, что эти изделия активно экспортировались, в том числе и в Крым [1, с. 46–59]. Аналогичные изделия были обнаружены на Царевском городище и хранятся в Государственном Эрмитаже [16, с. 60, рис. 9; 8, с. 145, 203, № 161], при раскопках Куня-Ургенча [20, с. 41–45], на Селитренном городище [19, с. 146–147], также встречаются в Хорезме [2, с. 306, 308], на городище Сарайчика (Западный Казахстан) [17, с. 154–159; 13, с. 281]. Аналогичный кувшин опубликован также из Западного Казахстана, датируют его XIV–XV вв. [21, p. 28–29, 197].

Сосуды сферической формы с высоким коническим горлом, расширяющимся кверху. Как правило, одноручные, вертикальная ручка в сечении сложнопрофилированная, верхний прилеп располагается в середине горла, нижний – в верхней части тулова. Дно на высоком, слегка конусовидном кольцевом поддоне. Черепок в изломе желтого (цвет варьируется от темного к светлому оттенку) цвета, тесто плотное с высокой пористостью, без видимых включений. Снаружи сосуды декорированы штампованным орнаментом в виде геометрических мотивов, отдельные элементы которого выделены монохромной бирюзовой и синей глазурью до половины сосуда.

Желтоглиняная тисненая керамика, которая обнаружена в Солхате, происходит из следующих комплексов: Средневековая баня (рис. 2,*5*) и ее округа (рис. 1), архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека (рис. 2,*2–3,6*), Куршун Джами (Свинцовая мечеть) (рис. 2,*4*) и поселение Кринички II (рис. 2,*1*). Большинство фрагментов и археологически полный профиль кувшина происходят из закрытых контекстов, датирующихся по нумизматическим материалам и сопутствующим находкам второй половиной XIV в.

Целый кувшин (рис. 1) обнаружен в 2018 г. в Георгиевской балке, в округе средневековой бани в колодце. Одноручный кувшин шаровидной или сферической формы с узким коническим горлом, слегка расширяющимся кверху, на высоком кольцевом поддоне. Тулово составлено из двух штампованных половин. На горле сосуда расположены

вертикальные линии бирюзового цвета и точки ультрамариновой (синей) краской между ними. Тисненый орнамент верхней части тулова украшен бирюзовой и ультрамариновой (синей) поливами. Декор располагается так называемыми ярусами. Верхний ярус заполнен сельджукским узлом счастья, который идёт по кругу и соединяется между другими V-образными фигурами. Следующая линия составлена из плетёнки, в виде соединяющихся медальонов овальной формы, образуемых стилизованными побегами. Внутри медальонов – цветок с тремя лепестками, раскрашенными ультрамариновой глазурью. Третий ряд, который находится на стыке двух половин кувшина (так называемый пояс), декорирован рисунком бирюзовой глазурью в виде семи точек, образующих стилизованный цветок. Нижняя часть тулова орнаментирована штампованным орнаментом в виде вертикальных линий-ёлочек (первый ряд) и линий медальонов, расположенных в три ряда. Нижняя часть кувшина не расписана глазурью. Ручка с внешней стороны подкрашена бирюзовой поливой в виде z-образной линии, расположенной вертикально.

Глубина колодца составила 4 м, диаметр 2,05 м. Заполнение колодца было вынуто методом разреза до дна, благодаря чему удалось установить, что заполнение колодца сложилось в три этапа (слоя), в верхней части колодца заполнение такое же как в яме 3 и, вероятно, относится к позднему этапу функционирования комплекса. После фиксации был вынут грунт во второй половине колодца. В заполнении колодца обнаружено значительное количество археологического материала (археологически полные профили керамических сосудов, изделия из металла, нумизматический материал) [11, рис. 235–249]. Примыкающая к колодцу «траншея» в западной части шурфа 7 в ходе дальнейших исследований (расширения шурфа на запад) оказалась ямой (яма 3 по общей нумерации хозяйственных ям участка исследований). Яма 3 впущена в материковую поверхность. Форма ямы сложно поддаётся реконструкции, так как нарушена траншеей газопровода 2011 г. Глубина ямы 1,5 м, ширина около 2 м [11, рис. 95–91]. Заполнение ямы – плотный коричневый суглинок, содержащий значительное количество материала (фрагменты керамических сосудов, металлические изделия, монеты).

В заполнения колодца обнаружено большое количество фрагментов и археологически целых форм кухонной и столовой керамики с монохромным и полихромным покрытием, без декорирования и с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome Glazed (Green) Ware»; «Monochrome Sgraffito (Green or Brown) Ware»; «Polychrome (Green and Brown; Green, Yellow and Brown) Sgraffito Ware»; «Slip-painted Ware»; («Monochrome Stamped (Green) Ware») и др. Из импортных сосудов встречаются фрагменты изделий из Хорезма, Поволжья, а также керамика группы «юго-западного Крыма» [10, с. 19; 11, рис. 235–249].

Фрагмент стенки горла желтоглиняного кувшина (рис. 2,*1*) снаружи расписан завитками бирюзового цвета. Он обнаружен на поселении Кринички II, происходит из заполнения хозяйственной ямы 4 (закрытый комплекс, диаметр – до 2,15 м, глубина – до 0,74 м), обнаруженной на участках В4 и Г4 на глубине 2,11 м от уровня дневной поверхности. Профиль грушевидной формы, борта ямы сужаются ко дну. Заполнена черноземом, перемешанным с материковым суглинком, гончарной керамикой и костями животных [9, с. 14–15]. Из нижней части заполнения происходит фрагмент дна от чаши на кольцевом поддоне, покрытой изнутри монохромной светло-зеленой глазурью с орнаментом в технике «сграффито» (группа «Monochrome (Green) Sgraffito Ware»); с внешней стороны на дне присутствует граффити в виде тамги. Также обнаружено множество фрагментов сосудов открытого типа, покрытых монохромной и полихромной глазурью с орнаментом в технике «сграффито» и с подглазурной росписью белым густым ангобом (группа «Slip-painted Ware»), обломок дна на кольцевом поддоне от сосуда открытого типа (чаши?) со сквозным отверстием по центру, заготовки пряслиц или фишек для игр, изготовленных из стенок керамических изделий.

Фрагмент ярко выраженного воронковидного горла желтоглиняного кувшина (рис. 2,*5*) с рельефным валиком посередине горла. Внешняя поверхность орнаментиро-

вана звездочками, расположенными в виде мелкого шахматного узора. Данный орнаментальный пояс отделен упомянутым ребром от расположенного ниже и состоящего из лепестков. Внешняя поверхность валика и края венчика покрыты толстым слоем голубой глазури, с внутренней стороны переходящей в темно-синюю. Орнаментальный пояс в виде звездочек, помимо этого, украшен чередующимися точками темно-синей и голубой глазури. Он происходит из слоя коричневой глины, перекрывающей слой разрушения в помещении Б в средневековой бане в Георгиевской балке. Площадь помещения Б составляет 13,75 м² (3,58×3,84 м). Западная стена сохранилась полностью, ее длина составляет 3,84 м, максимальная сохранившаяся высота – 0,96 м. При этом сама стена толщиной 0,78 м сохранилась на высоту 0,2 м и с внутренней стороны покрыта тройным слоем штукатурки. Остальную сохранившуюся часть стены составляет гиппокауст высотой соответственно 0,76 м. Восточная стена помещения Б также сохранилась полностью. Северная стена помещения Б оказалась практически полностью разобранной, сохранился только участок длиной 0,9 м, примыкающий к северо-восточному углу. Высота его не превышает 0,4 м, а толщина составляет 0,82 м. Внутренний панцирь южной стены помещения Б, смежной с помещением А, конструктивно несколько отличается от остальных панцирей стен бани. Максимальная его высота составляет 0,75 м, выступающего паза для установки плит перекрытия пола помещения Б здесь предусмотрено не было. Его роль выполняла однопанцирная кладка толщиной до 0,18 м, пристроенная вплотную к внутреннему панцирю стены гиппокауста. Кладка сложена небрежно на известковом растворе, смешанном с глиной. Верхняя отметка этой кладки в юго-западном углу практически соответствует уровню паза в западной стене помещения Б. Не исключено, что столь мощная подпорная кладка была вызвана тем, что в юго-восточном углу внутренний панцирь южной стены и внутренний панцирь восточной стены помещения Б дал трещину.

Слой рыхлой коричневой глины максимальной толщиной возле западной стены до 0,5 м. Верхняя отметка этого горизонта полностью соответствует верхней отметке сохранившихся стен помещения Б. Археологический материал, представленный в этом горизонте, богат и разнообразен. Тарная керамика представлена фрагментами оранжевоглиняных кувшинов разных типов и константинопольских амфор с дуговидными ручками. Значительный процент керамического комплекса составляют фрагменты горшков, иногда с рифленым туловом, часто с плоским венчиком, отогнутым практически под прямым углом по отношению к горлу и овоидному тулову под поливой зеленого цвета. Поливная столовая керамика представлена фрагментами стенок и кольцевых поддонов красноглиняных тарелок под одноцветной поливой светло-желтого или зеленого цвета. Крупными фрагментами верхних и нижних частей представлены красноглиняные тарелки с растительным и геометрическим орнаментом «сграффито» и др. Импортная керамика представлена мелкими фрагментами кашинных сосудов с росписью голубой глазурью, а также фрагментом кашинной облицовочной плитки, покрытой глазурью голубого цвета [14, с. 13–14].

В 2015 году при исследовании территории мечети Хана Узбека на участке А5/А6 в заполнении строения 1 был найден фрагмент стенки желтоглиняного штампованного изделия (рис. 2,*6*). Снаружи покрыт белым ангобом и декором в виде геометрических фигур (точек и квадратов), подкрашенных бирюзовой глазурью [12]. В 2023 г. так же на территории архитектурного комплекса медресе-мечети Хана Узбека обнаружено 12 фрагментов от одного желтоглиняного кувшина (рис. 2,*2–3*). Фрагментированный одноручный кувшин шаровидной или сферической формы с узким коническим горлом, слегка расширяющимся кверху, на высоком кольцевом поддоне. Тулово составлено из двух штампованных половин. Роспись глазурью на данных фрагментах отсутствует. Они найдены в 18-ти метрах на запад от северо-западного угла мечети, где в 4-х метрах от стены был заложен шурф 1. В нем обнаружена яма правильной формы, округлая в плане (диаметр – около 1,62 м, глубина – 2,47–2,52 м). Стенки ровные, вертикальные, слег-

ка подкруглены у дна. В заполнении ямы обнаружено большое количество фрагментов тарных сосудов (амфоры типа IV по Гюнсенин, пифосы, тарные кувшины местного производства и др.), столовой керамики с монохромным и полихромным покрытием, без декорирования и с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и подглазурной росписью белым ангобом («Monochrome Glazed (Green) Ware»; «Monochrome Sgraffito (Green) Ware»; «Polychrome (Green and Brown) Sgraffito Ware»; «Slip-painted Ware»). Так же обнаружено большое количество фрагментов штампованных кувшинов местного, солхатского производства с покрытием монохромной глазурью («Monochrome Stamped (Green) Ware»). Из импортных сосудов встречаются фрагменты изделий из Византии, Маджара, Китая, Хорезма, Поволжья, Ирана.

При исследовании Свинцовой мечети в 2023 г. на участке 3’ в слое темно-коричневого суглинка найден фрагмент дна на кольцевом поддоне, черепок в изломе жёлтого цвета, снаружи имеется остаток голубой глазури (рис. 2,*4*).

В Центральном музее Тавриды хранится богатая коллекция (343 единицы), которая, возможно, происходит из раскопок 20–30-х гг. XX в. (экспедиция А. С. Башкирова, У. А. Боданинского, И. Н. Бороздина). В ней обнаружен фрагмент желтоглиняного кувшина со штампованным орнаментом, снаружи покрыт белым плотным ангобом и декорирован бирюзовой глазурью (рис. 2,*7*) [18, с. 290].

Таким образом, на данный момент установить происхождение данных сосудов затруднительно. Так же отсутствует единое мнение, где изготавливались данного вида штампованные кувшины. Так как находки таких сосудов редки, И. В. Волков предполагает, что они производились небольшой отрезок времени. В Солхате они происходят из комплексов, датирующихся второй половиной XIV в. Вероятнее всего, данные желтоглиняные тисненые кувшины поступали в Крымский Юрт Золотой Орды с населением, которое переезжало в Солхат.

Рис. 1. Штампованный кувшин с бирюзовой глазурью из Солхата из раскопок в Георгиевской балке

Fig. 1. Stamped jug with turquoise glaze from Solkhat, excavated in Georgievskaia Ravine

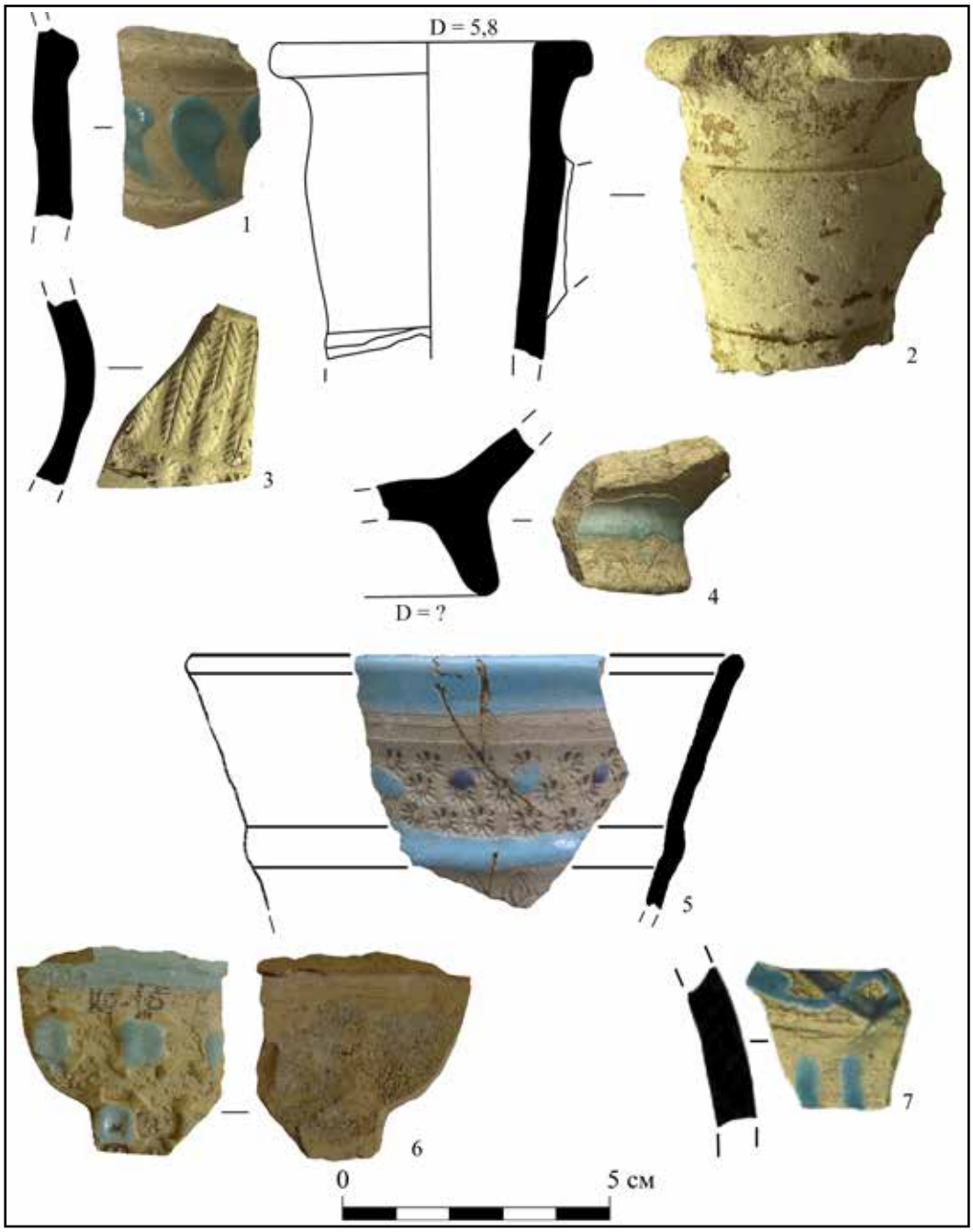

Рис. 2. Штампованные изделия,
происходящие из раскопок Солхата и ближайшей округи

Fig. 2. Stamped ware excavated at Solkhat and its close environs

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. № 2. С. 46–59.
2. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 261–342.
3. Волков И.В. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тезисы II международной научной конференции (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.). Ялта: Крымский филиал ИА НАНУ, 2007. С. 33–42.
4. Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджар // Археология евразийских степей. 2016. Вып. 23. С. 139–222.
5. Волков И.В., Панина Э.Л. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. История. Археология. Культура. Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М.: Государственный музей Востока, 2001. С. 89–91.
6. Гражданкина Н.С. К истории керамического производства в Средней Азии (методы изготовления сероглиняной керамики в IX–XIII вв.) // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1964. Вып. 5. С. 42–76.
7. Дьяконов М.М. Керамика Пайкенда // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 89–94.
8. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
9. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1998 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1999. 200 с. [Рукопись].
10. Крамаровский М.Г. Отчет Золотоордынской археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2018 г. СПб., 2019. Т. I. 209 с. [Рукопись].
11. Крамаровский М.Г. Отчет Золотоордынской археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2018 г. СПб., 2019. Т. II. 197 с. [Рукопись].
12. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет об археологических исследованиях за 2015 г. СПб., Симферополь, 2016. [Рукопись].
13. Кузнецова О.В. Керамика со штампованным орнаментом с городища Сарайчик // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Межд. конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 278–282. (Донские древности. Вып. 10).
14. Майко В.В. Отчет об охранных археологических раскопках по трассе газопровода в г. Старый Крым в 2011 г. Симферополь, 2012. 359 с. [Рукопись].
15. Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Штампованная керамика Золотой Орды: история изучения // Золотоордынская цивилизация. 2017. Вып. 10. С. 203–210.
16. Папа-Афаносопуло К.Н. Золотоордынская керамика. (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. III. Вып. 3. С. 52–74.
17. Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика. Алматы: ЖШС «Археология» шағариашылык топ, 2008. 264 с.
18. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Глазурованная керамика золотоордынского периода в фондах Центрального музея Тавриды: попытка атрибуции одной коллекции // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 283–307
19. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 232 с.
20. Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке // ИГАИМК. 1931. Т. VIII. Вып. 2–3. С. 1–48.
21. The artistic culture of central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th centuries. Vol. I. Ceramics / K. Baypakov, O. Kuznetsova, B. Amanbaeva, V. Kol'chenko, Yu. Yakubov, N. Byashimova, E. Muradova, D. Mirzaakhmedov, T. Dostiev. Samarkand, Tashkent, 2011. 256 p.

REFERENCES

1. Bulatov N.M. On the Formation of Ceramic Crafts in the Golden Horde Citieskh. *Vestnik MGU* [Moscow State University Bulletin], 1969, no. 2, pp. 46–59.
2. Vakturskaia N.N. Chronological Classification of Medieval Ceramics of Khorezm (9th–17th Centuries). *Keramika Khorezma* [Ceramics of Khorezm], Moscow, 1959, pp. 261–342.
3. Volkov I.V. Glazed Ceramics of Majar. *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X–XVIII vv. Tezisy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Glazed Ceramics of Eastern Europe, the Black Sea Region and the Mediterranean in the 10th–18th Centuries. Proceedings of the II International Scientific Conference]. Yalta, Crimean branch of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2007, pp. 33–42.
4. Volkov I.V. Ceramics of the Golden Horde City of Majar. *Arkheologiia evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], Kazan, 2016, vol. 23, pp. 139–222.

5. Volkov I.V., Panina E.L. Stamped ceramics of the Golden Horde cities. *Sredniaia Aziia. Istoriia. Arkheologiia. Kul'tura. Materialy konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti G.V. Shishkinoi* [Central Asia. History. Archaeology. Culture. Proceedings of the conference dedicated to the 50th anniversary of the scientific activity of G.V. Shishkina]. Moscow, State Museum of the East Publ., 2001, pp. 89–91.
6. Grazhdankina N.S. On the history of ceramic production in Central Asia (methods of manufacturing gray clay ceramics in the 9th–13th centuries). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan], Tashkent, 1964, vol. 5, pp. 42–76.
7. D'iakonov M.M. Paikend Ceramics. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], 1949, vol. 29, pp. 89–94.
8. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura: Katalog vystavki* [Golden Horde. History and Culture: Exhibition catalogue]. St Petersburg, Slaviia publ., 2005, 264 p.
9. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1998 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1998 at the Solkhata settlement (Crimea) by the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. Staryi Krym, St Petersburg, 1999, 200 p. [Manuscript].
10. Kramarovskii M.G. *Otchet Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) v 2018 g.* [Report of the Golden Horde archaeological expedition on the work at the medieval settlement of Solkhat (Stary Krym) in 2018]. Vol. I. St Petersburg, 2019, 209 p. [Manuscript].
11. Kramarovskii M.G. *Otchet Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) v 2018 g.* [Report of the Golden Horde archaeological expedition on the work at the medieval settlement of Solkhat (Stary Krym) in 2018]. Vol. II. St Petersburg, 2019, 197 p. [Manuscript].
12. Kramarovskii M.G., Seidaliev E.I. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh za 2015 g.* [Archaeological Research Report 2015]. St Petersburg, Simferopol, 2016, 263 p. [Manuscript].
13. Kuznetsova O.V. Ceramics with stamped ornament from the Saraichik settlement. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora MGU G.A. Fedorova-Davydova* [Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Proceedings of the IV International Conference dedicated to the memory of Moscow State University professor G.A. Fedorov-Davydov], Azov, Azov Museum-Reserve Publ., 2009, pp. 278–282. (Don antiquities, vol. 10).
14. Maiko V.V. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh po trasse gazoprovoda v g. Staryi Krym v 2011 g.* [Report on the archaeological excavations along the gas pipeline route in the city of Stary Krym in 2011. Simferopol, 2012, 359 p. [Manuscript].
15. Naumenko V.E., Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Stamped ceramics of the Golden Horde: history of study. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde civilization], Kazan, 2017, vol. 10, pp. 203–210.
16. Papa-Afanosopulo K.N. Golden Horde ceramics. (An attempt at systematization and description of Golden Horde pottery). *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Saratov State University], 1925, vol. 3, pp. 52–74.
17. Samashev Z., Kuznetsova O., Plakhov V. *Keramika Saraichika* [Ceramics of Saraichik]. Almaty, 2008, 264 p.
18. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Glazed Ware from the Golden Horde Period in the Central Museum of Taurida: An Attempt of Attribution of a Collection. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 283–307.
19. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, 228 p.
20. Iakubovskii A.Iu. On the origin of the Saray-Berke handicraft industry. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [News of the State Academy of the History of Material Culture], 1931, vol. 8, issue 2–3, pp. 1–48.
21. *The artistic culture of central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th centuries. Vol. I. Ceramics* / K. Baypakov, O. Kuznetsova, B. Amanbaeva, V. Kol'chenko, Yu. Yakubov, N. Byashimova, E. Muradova, D. Mirzaakhmedov, T. Dostiev. Samarkand, Tashkent, 2011, 256 p.

Информация об авторе

Сейдалиева Д. Э. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7797-2019.

Author information

Seidalieva D. E. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7797-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.243-260

НАРУЧИ-БАЗУБАНД ИЗ РАСКОПОК ЦИТАДЕЛИ МАНГУПА

Антон Анатольевич Душенко
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnu.dushenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7287-0086

Аннотация. Объектом исследования стала уникальная для Крыма находка двухстворчатых наручей. Предмет найден в культурном слое конца XIV – первой четверти XV в. на территории улицы, проходившей к западу от октагональной церкви цитадели Мангупа. Картографирование находок двухстворчатых наручей в Восточной Европе позволило выделить три группы аналогий рассматриваемому артефакту: наручи из древнерусских поселенческих комплексов середины XIII – XIV в., наручи из курганов XIII–XIV вв. в Северном Причерноморье, наручи из погребальных комплексов XIV–XV вв. на Северном Кавказе. Анализ конструктивных особенностей наручей из цитадели Мангупа позволил отнести их к типу «базубанд», появившемуся в Восточной Европе в конце первой половины XIII в. и в течение XIV в. распространившемуся на территориях, подконтрольных Золотой Орде или находившихся в тесном контакте с государствами Чингизидов. Попадание наручей в культурный слой Мангупа может быть связано с военной катастрофой конца XIV в., известной по сочинению иеромонаха Матвея.

Ключевые слова: Мангуп, золотордынский период, военное дело, доспех, двухстворчатые наручи, базубанд

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

BAZUBAND VAMBRACE EXCAVATED AT THE CITADEL OF MANGUP

Anton A. Dushenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnu.dushenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7287-0086

Abstract. This research addresses the double-leaf vambrace, a unique find for the Crimea. This artefact was discovered within the cultural layer dating from the late-fourteenth and the first quarter of the fifteenth centuries and deposited on the street, located to the west of the octagonal church, in the citadel of Mangup. The mapping of the finds of double-leaf vambraces in Eastern Europe allowed the one to identify three groups of parallels to the artefact in question: the vambraces from Rus'ian settlement assemblages from the mid-thirteenth and fourteenth century; the vambraces from the thirteenth- and fourteenth-century barrows in the Northern Black Sea Area; and the vambraces from the fourteenth- and fifteenth-century burial complexes in the North Caucasus. The analysis of the construction of the vambrace from the citadel of Mangup allows the one to attribute this artefact to the *bazuband* type, which appeared in Eastern Europe in the end of the first half of the thirteenth century, and distributed in the countries controlled by the Golden Horde or being in close contact with the Genghisid polities throughout the fourteenth century. The vambrace in question appeared in the cultural layer of Mangup possibly in relation to the military disaster of the late-fourteenth century, which was described by hieromonk Matthew.

Keywords: Mangup, Golden Horde Period, warfare, armour, double-leaf vambrace, *bazuband* vambrace

Acknowledgement: This research was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

Позднесредневековое защитное вооружение на археологических памятниках Юго-Западной Таврики, как правило, представлено небольшими фрагментами кольчужного плетения или разрозненными деталями пластинчатого доспеха [см., напр.: 22,

рис. 145,*14–17*,*22,23*; 361,*8–11*; 362,*11*; 25, рис 2,*5–6*; 29, рис. 74]. Находки относительно целых предметов единичны. К таковым относятся бригандина из Чембало [16] и сабатон, найденный на мангупском дворце [15]. Еще один предмет – двустворчатые наручи – был введен в научный оборот вместе с комплексом материалов из раскопок октагонального храма Мангупа [9, с. 449, рис. 11,*3*; 10, с. 245, ил. 8,*3*]. Авторы публикации А. Г. Герцен и В. Е. Науменко ограничились лишь его атрибуцией. Как представляется, находка заслуживает специального изучения, результатам которого посвящена данная статья.

Рассматриваемые наручи состоят из двух дуговидных в сечении створок, соединенных шарниром (рис. 1). Верхняя створка, защищавшая переднюю сторону предплечья, имеет форму вытянутого прямоугольника с косо срезанным верхним краем. Судя по направлению среза, наручи носились на левой руке. Максимальная длина верхней створки составляет 263 мм, минимальная – 228 мм. Ее ширина в верхней части составляет 85 мм, в нижней – 59 мм. Толщина металла колеблется в пределах 1,1–1,4 мм. Верхний и нижний края створки имеют слегка отогнутые бортики шириной 4–5 мм.

Нижняя створка, закрывавшая тыльную сторону предплечья от кисти до локтевого сустава включительно, имеет подпрямоугольную форму, расширяющийся скругленный верхний край и отогнутый бортик по нижнему краю. Ее максимальная длина составляет 319 мм. Ширина створки в нижней части – 58 мм, в верхней – 84 мм. Толщина пластины составляет 1–1,1 мм.

Створки наручей соединены между собой двумя железными шарнирными петлями с картами трапециевидной формы размером 10×10 мм. Карты закреплены на створках с помощью железных заклепок с диаметром шляпки около 2 мм. К противоположной боковой стороне верхней створки с помощью согнутых вдвое пластин прикреплены две пряжки с квадратными рамками без язычков. Размеры пряжек – 10×10 мм. Напротив пряжек на нижней створке сохранились остатки железных заклепок, использовавшихся, вероятно, для крепления ремней. Судя по описанным деталям, наручи фиксировались на руке с помощью двух ремней, продевавшихся сквозь пряжки.

Наручи были найдены на территории цитадели Мангупа, расположенной на мысе Тешкли-бурун (рис. 2, *1*). В результате масштабных археологических исследований 1990-х – первой половины 2000-х гг. здесь был раскопан ярус застройки, предварительно датирующийся периодом около 1400–1475 гг. (рис. 2, *2*)[1]. В центральной части раскопанного участка была зафиксирована улица, ведущая от арки ворот цитадели на северо-восток, в направлении оконечности мыса. Рассматриваемая находка происходит из слоя № 5 на участке улицы между зданием 14 и кладкой-крепидой 103, в 8 м к северу от октагональной церкви (рис. 3). Горизонт вместе с подстилавшими его слоями № 6 и № 7 представляли собой грунтовую подсыпку, формировавшуюся в процессе строительства октагона. Анализ комплекса находок керамики в слоях №№ 5–7 позволил А. Г. Герцену и В. Е. Науменко аргументировано датировать формирование поверхности улицы периодом конца XIV – первой четверти XV вв. [9, с. 444–445, 450; 10, с. 240, 245].

Наиболее полная сводка находок двустворчатых наручей XIII–XV вв. на территории Восточной Европы собрана А. Н. Каменским и Ю. А. Кулешовым [17, с. 155–158]. С учетом мангупского экземпляра она включает 23 предмета. Картографирование находок (рис. 4) позволяет выделить три группы наручей: происходящие с территорий древнерусских княжеств (рис. 4, *1–6*), Северного Причерноморья (рис. 4, *7–16*) и Северного Кавказа (рис. 4, *17–23*).

Два предмета первой группы найдены на территории Неревского раскопа в Новгороде. Первая находка депаспортизирована, вторая связана с мостовой 1369 г. (рис. 4, *1–2;* 5, *1–2*) [17, с. 155–156, рис. 7–10]. Два предмета происходят из Гомеля (рис. 4, *3–4*). Фрагменты створки, найденные в центральной части окольного города, датированы временем не позднее XIII в. (рис. 5, *3*) [21, с. 120, рис. 103]. Многочисленные обломки

[1] Подробнее об истории и результатах изучения этого участка Мангупского городища см.: [7; 8; 6].

наручей обнаружены в оружейной мастерской Гомеля, функционировавшей в первой половине XIII в. и погибшей в пожаре 1239 г. (рис. 5, *4*) [20, с. 184–185, рис. 1–16]. Фрагмент створки наручей, датированный серединой XIII в., происходит из Червена в Верхнем Побужье (рис. 4, *5*; 5, *5*) [41, s. 145, tabl. XVI,*65*]. Двустворчатые наручи были найдены на поселении Сахновка, погибшем в результате ордынского набега около 1240 г. (рис. 4, *6*; 5, *6*) [18, с. 20–21, рис. 23].

Вторую группу составляют находки наручей в Северном Причерноморье. Пара наручей найдена в одном из погребений XIV в. в кургане у с. Каирка в Херсонской области (рис. 4, *13*; 6, *1*) [27, рис. 47,*1–2*]. Наручи происходят из погребения 2 кургана № 1 у ст. Дмитриевская в Краснодарском крае (рис. 4, *16*; 6, *2*). Датировка погребения остается дискуссионным вопросом. В. Г. Блохин, А. Н. Дьяченко и А. С. Скрипкин отнесли его к группе половецких погребений XII – перовой половины XIV в. [2, с. 185, 195, 197–198, рис. 3,*3*]. У. Ю. Кочкаров предложил дату в пределах конца XII – начала XIII в. [19, с. 96, 106, рис. 2,А,*5*]. По мнению М. В. Горелика, погребение следует датировать рубежом XIII–XIV вв. или первой третью XIV в. [13, с. 309, рис. 17,*3*, 19; 14, с. 339–340, рис. 5А,*3*, 5Б]. Фрагмент нижней створки наручей найден в одном из погребений XIII–XIV вв. в кургане № 18 у с. Балабаны в Молдове (рис. 4, *9*; 6, *3*) [36, fig. 7,*2*]. Наручи происходят из культурного слоя поселения Яловены в Молдове, датированного периодом 1300–1375 гг. (рис. 4, *8*; 6, *4*) [40, p. 204–206, fig. 9].

Возможно, фрагментами наручей являются дуговидные в сечении обломанные пластины из клада XIV в. с предметами снаряжения всадника и боевого коня, найденного в Старом Орхее[2] (рис. 4, *7*) [4, с. 78, рис. 117,*4–7*]. Кроме перечисленных выше аналогий, известны упоминания находок двухстворчатых наручей в кургане № 180 у с. Парканы (Молдова) (рис. 4, *10*) [28, с. 29], кургане у с. Озерное в Херсонской области (рис. 4, *12*) [17, с. 156], кургане XIII в. у с. Ботиево в Запорожской области (рис. 4, *14*) [3, с. 15], в округе г. Опака (Болгария) (рис. 4, *11*) [17, с. 158].

Территориально компактную третью группу аналогий составляют наручи, найденные на Северном Кавказе, главным образом, в Чечне и Ингушетии (рис. 4, *17–23*). Сводка этих находок опубликована Е. И. Нарожным и Д. Ю. Чахкиевым [23, с. 137–140]. Фрагмент верхней части нижней створки наручей происходит из склепа XIV–XV вв. у с. Верхний Лейми (рис. 4, *19*; 7, *1*) [23, с. 138, рис. 10,*1*]. Фрагмент створки с остатками шарнирного соединения обнаружен в культурном слое поселения XIV–XV вв. Цеча-Ахк (рис. 4, *22*; 7, *2*) [23, с. 138, рис. 10,*2*]. Фрагмент створки наручей с отогнутым краем и бронзовой пряжкой найден в склепе XIV в. могильника у с. Кели в Ингушетии (рис. 4, *20*; 7, *3*) [23, с. 138–139, рис. 10,*3*]. Пара наручей происходит из разрушенного погребения в каменном ящике у с. Верхний Алкун (рис. 4, *21*; 7, *4*), содержавшего помимо иного инвентаря две монеты начала XV в. [30, с. 130, рис. I,*5–6*; 23, с. 139, рис. 10,*4*]. Комплект базубандов вместе с монетой XIV в. найден в разрушенном погребении у с. Макажой (рис. 4, *23*; 7, *5*) [23, с. 139, рис. 11,*1*]. Аналогичный комплект происходит из более позднего комплекса – склепа некрополя XVI–XVIII вв. у с. Верхний Оздик (рис. 4, *18*; 7, *6*) [23, с. 139, рис. 11,*2*]. Кроме археологических находок, авторы кавказской сводки приводят упоминание наручей среди материалов святилища Реком в Северной Осетии (рис. 4, *17*), датированного концом XIII – началом XIV в. [23, с. 138].

Необходимо отметить, что не все из перечисленных находок двухстворчатых наручей могут быть отнесены к типу «базубанд». В словаре американского оружиеведа Д. К. Стоуна характерной особенностью базубанда названа скругленная пластина, закрывавшая внешнюю сторону предплечья от запястья до локтя [38, p. 107]. Согласно терминологическому словарю хрестоматийной монографии Г. Р. Робинсона, базубанд – пластинчатый доспех для предплечья с или без дополнительной защиты кисти [37, p. 219]. Более широкое определение термина дано в тексте, где базубандом названы наручи трубчатой формы, состоящие из двух скрепленных шарниром пластин. Нижняя

[2] В публикации предметы атрибутированы как фрагменты поножей.

пластина имеет расширение для защиты локтевого сустава [37, p. 29]. Последнее уточнение представляется важным, так как позволяет дифференцировать базубанд от более коротких наручей европейского образца, часто сопровождавшихся отдельным элементом для защиты локтя [31, p. 64–65].

С учетом рассмотренной выше морфологической особенности, к типу «базубанд» могут быть отнесены один предмет первой группы – находка из Сахновки (рис. 5, *6*), наручи из кочевнических курганов XIII–XIV вв. и поселения Яловены в Северном Причерноморье (рис. 6, *1–4*), наручи из погребальных комплексов XIV–XV вв. на Северном Кавказе (рис. 7, *1, 4–6*).

Необходимо отметить, что базубанды продолжали применяться после XV в., о чем свидетельствуют материалы музейных коллекций. В качестве примеров приведем наручи XVI в. из Оружейной палаты Московского Кремля [5, с. 68, № 18], наручи с надписью 1711 г. из коллекции Национального музея Шотландии [32, p. 12, fig. 13], комплекты доспехов с базубандами конца XVII и XVIII вв., хранящихся в Музее Польской армии [42, fig. 234, 245], базубанды с кольчужными рукавицами из Собрания Уоллеса в Лондоне [37, plate 4,*a*].

Базубанды хорошо известны в изобразительных источниках. Самым ранним изображением этого типа защитного вооружения считается изображение всадника на пергаменте, обтягивавшем деревянный щит VIII в., найденный в укреплении на горе Муг в северном Таджикистане (рис. 8, *1*) [37, p. 26, fig. 13; 26, с. 128, рис. 46]. Схожие по форме наручи со створками, набранными из узких поперечных пластин, защищают руки Голиафа, изображенного на рельефе фасада церкви X в. на острове Ахтамар [35, p. 169, fig. 182]. Наручи с удлиненной нижней створкой носит персонаж миниатюры рукописи астрологического трактата Абу Машара аль-Бахли, датирующейся около 1240 г. (рис. 8, *2*) [35, fig. 39].

Со второй половины XIV в. изображения двухстворчатых наручей с удлиненной нижней створкой, закрывающей локтевой сустав, массово появляются на миниатюрах ближневосточных рукописей (рис. 8, *3–8*) [33, p. 46, fig. 44, 46, 47, 50–54, 171–173, 177]. Воины в базубандах часто изображаются на рисунках к «Шахнаме» Ширазской и Гератской школ и иллюстрациях других рукописей XV в. (рис. 9) [33, p. 49, fig. 55–57, 186, 188, 189, 191, 192, 194, 196, 197, 199–204; 37, p. 28–29, fig. 17,*e,f*, 18, 19,*b–f*]. Аналогичные изображения продолжают встречаться на миниатюрах XVI – первой половины XVII в. [37, fig. 20].

В отечественной литературе сформировались две точки зрения на проблему происхождения двухстворчатых наручей, найденных в Восточной Европе. На первом этапе объектом дискуссии стали наручи из Сахновки. А. Н. Кирпичников считал их продуктом развития древнерусского доспешного дела, отмечая их раннюю, в сравнении с европейскими двухстворчатыми наручами, датировку [18, с. 20–21].

По мнению М. В. Горелика, наручи из Сахновки имеют восточное происхождение, а их появление на Руси связано с ордынскими завоеваниями [12, с. 257–258]. Аргументируя свою точку зрения, исследователь привел две находки трехстворчатых бронзовых поножей с шарнирными соединениями, раскопанных в погребениях середины I тыс. н.э. в Корее [34, s. 77–78, taf. 14,*15*, abb. 53], а также изображение на щите, найденном на горе Муг (рис. 8, *1*) [37, p. 26, fig. 13; 26, с. 128, рис. 46].

Точку зрения М. В. Горелика поддержали Е. И. Нарожный и Д. Ю. Чахкиев, предположивших появление двухстворчатых наручей на Северном Кавказе в результате контактов населения региона с Золотой Ордой или Улусом Хулагу [23, с. 140].

Новыми аргументами в пользу производства двухстворчатых наручей на Руси стали находки из Гомеля, в первую очередь, фрагменты, найденные в мастерской первой половины XIII в. Авторы последней публикации Ю. М. Лупиненко и О. А. Макушников констатировали древнерусское происхождение не только этих предметов, но и наручей, найденных в Сахновке и Червене [20, с. 188].

Возможным решением вопроса может стать четкая типологическая дифференциация двухстворчатых наручей, найденных в Восточной Европе. Предмет из Сахновки имеет удлиненную нижнюю створку с характерным закруглением в верхней части (рис. 5, *6*), предназначавшимся для защиты локтя, что позволяет отнести его к типу «базубанд». Судя по изобразительным источникам, наручи этой конструкции были известны в Средней Азии в VIII в. (изображение всадника на щите с горы Муг) (рис. 8, *1*) [37, p. 26, fig. 13; 26, с. 128, рис. 46], в Малой Азии в X в. (изображение Голиафа на рельефе церкви на острове Ахтамар) [35, p. 169, fig. 182], на Ближнем Востоке в первой половине XIII в. (миниатюра из трактата Абу Машара аль-Бахли) (рис. 8, *2*) [35, fig. 39].

Совпадение датировки самой ранней восточноевропейской находки базубанда с началом западных походов Золотоордынского государства выглядит неслучайным. Найденные в Сахновке наручи могли быть утрачены во время набега, уничтожившего поселение около 1240 г. [18, с. 20]. В течение XIV в. этот тип защитного вооружения распространился на территориях, контролируемых Золотой Ордой (Северное Причерноморье) или находившихся в тесном контакте с государственными образованиями Чингизидов (Северный Кавказ).

Ю. М. Лупиненко и О. А. Макушников отмечают отсутствие у находок из Гомеля закругления нижней створки, характерного для типа «базубанд» [20, с. 186]. Они имеют другую конструктивную особенность – ряд отверстий вдоль нижнего края наручей (рис. 5, *3*) [20, с. 186–187, рис. 16]. Аналогичные отверстия имеют депаспортизированные наручи из Новгорода (рис. 5, *1*) [17, с. 155–156, рис. 9–10] и фрагмент из Червена (рис. 5, *5*) [41, s. 145, tabl. XVI,*65*]. Этот факт может указывать на параллельное проникновению базубандов развитие иного типа двухстворчатых наручей с креплением кольчужной защиты кисти. А. Н. Каменский и Ю. А. Кулешов отмечают, что наручи с такими конструктивными особенностями за пределами Древней Руси не известны [17, с. 160].

Таким образом, наручи, найденные в цитадели Мангупа, относятся к типу «базубанд», появившемуся в Восточной Европе в конце первой половины XIII в. в результате завоевательных походов Империи Чингизидов. Находка дополняет группу хронологических маркеров золотоордынского периода истории городища[3]. Учитывая археологический контекст мангупского базубанда, его попадание в культурный слой может быть связано с военной катастрофой конца XIV в., известной по «Рассказу о городе Феодоро» иеромонаха Матвея [1, с. 286–309], которую В. В. Васильев связал с противостоянием Тамерлана (1370–1405) и Тохтамыша (1376–1395) [39, p. 188–192].

[3] Подробнее о нем см.: [11; 24].

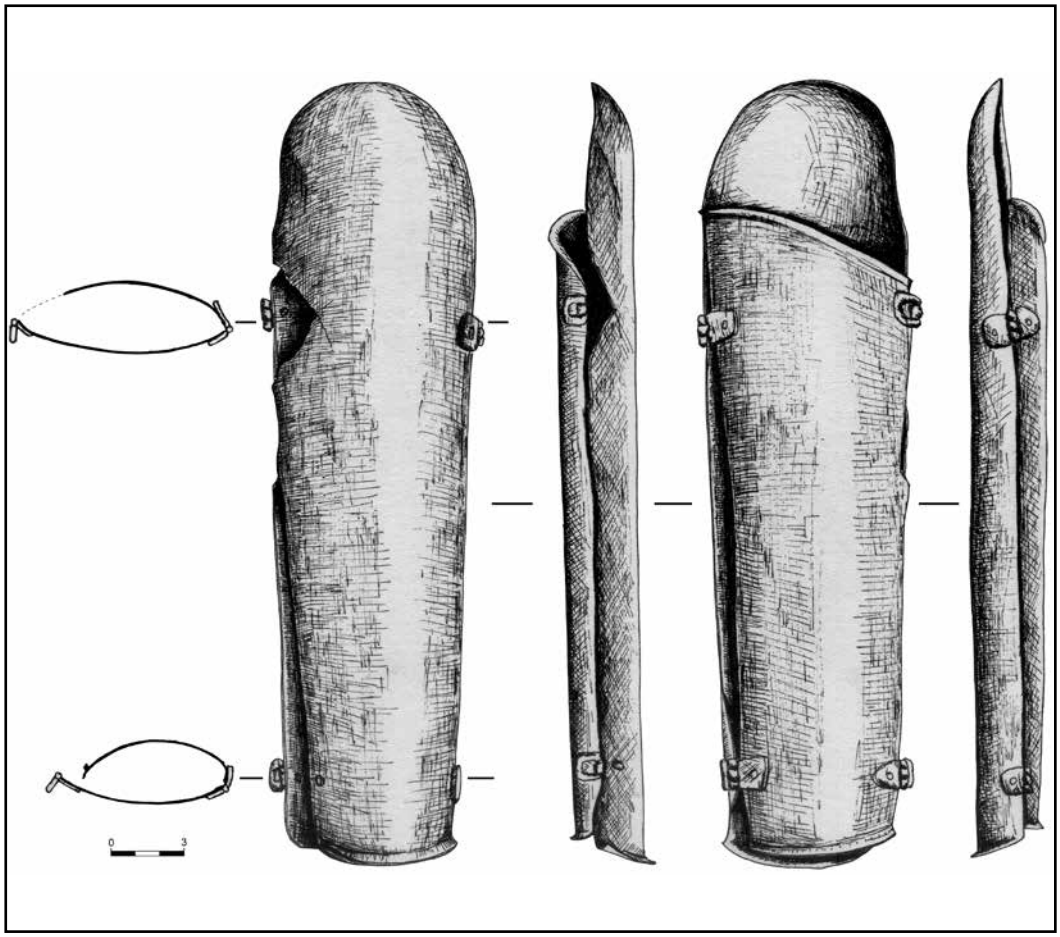

Рис. 1. Наручи из раскопок цитадели Мангупа

Fig. 1. The vambrace excavated at the citadel of Mangup

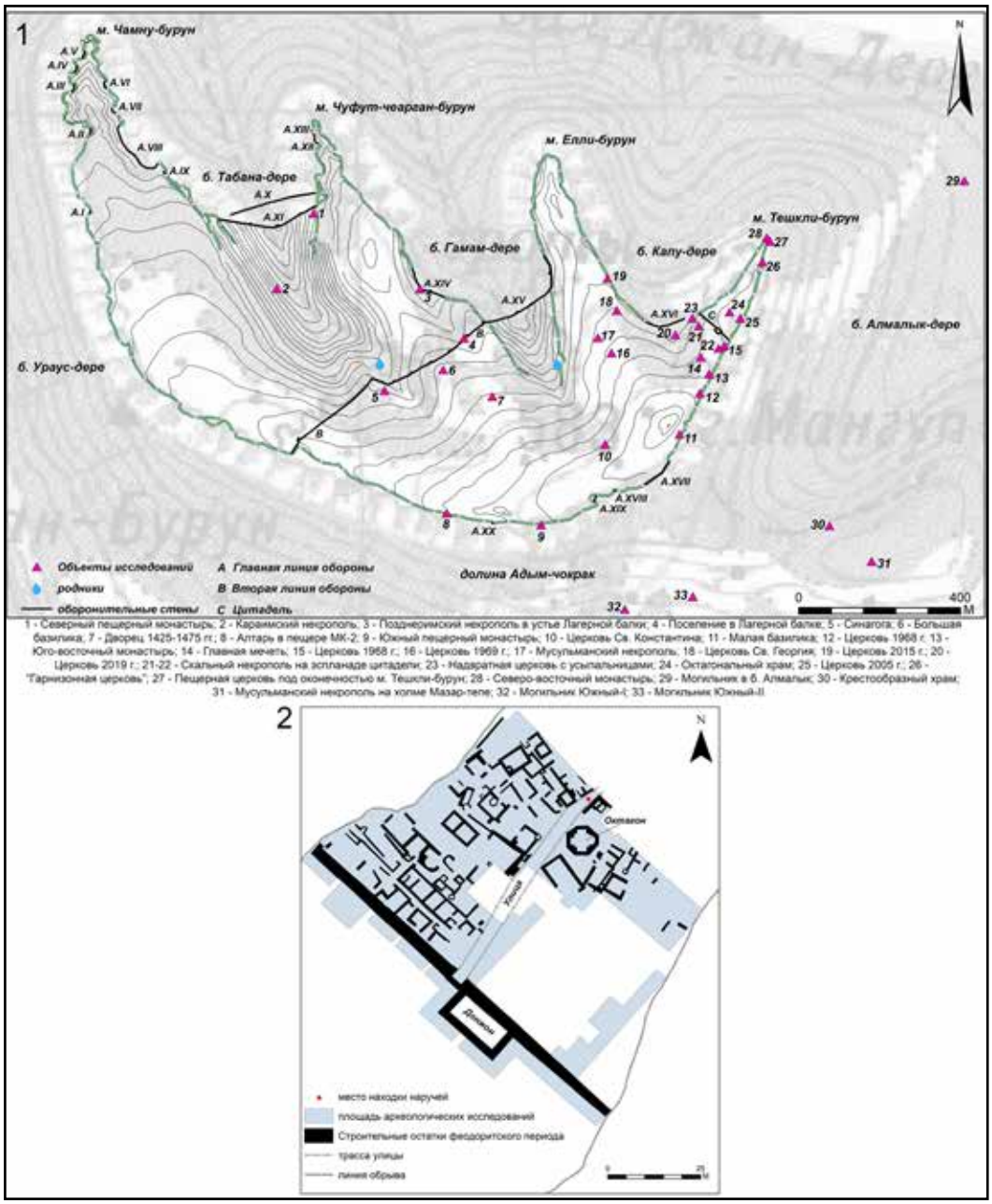

Рис. 2. *1* – План-схема Мангупского городища
с указанием основных объектов археологических исследований.
2 – План-схема строительного яруса 1400–1475 гг. внутри цитадели

Fig. 2. *1* – Schematic plan of the ancient town of Mangup
indicating the main objects of archaeological research.
2 – Schematic plan of the 1400–1475 building tier inside the citadel

Рис. 3. Участок улицы к северу от октагональной церкви: *1* – план; *2* – стратиграфический разрез А–А1; *3* – стратиграфический разрез В–В1

Fig. 3. The part of the street north of the octagonal church: *1* – ground plan; *2* – stratigraphic section A–A1; *3* – stratigraphic section B–B1

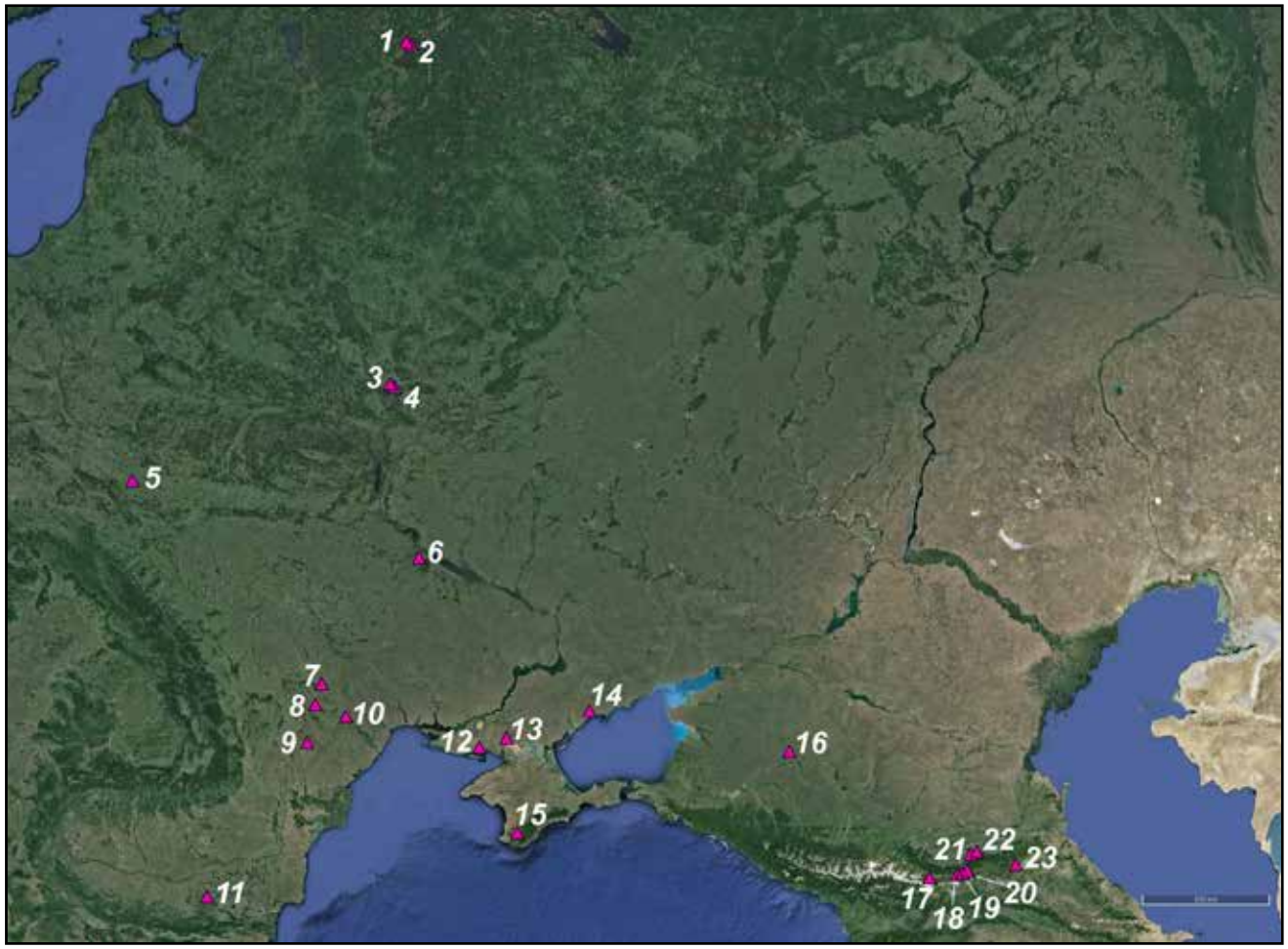

Рис. 4. Карта находок двухстворчатых наручей в Восточной Европе

Fig. 4. Map of the finds of double-leaf vambraces in Eastern Europe

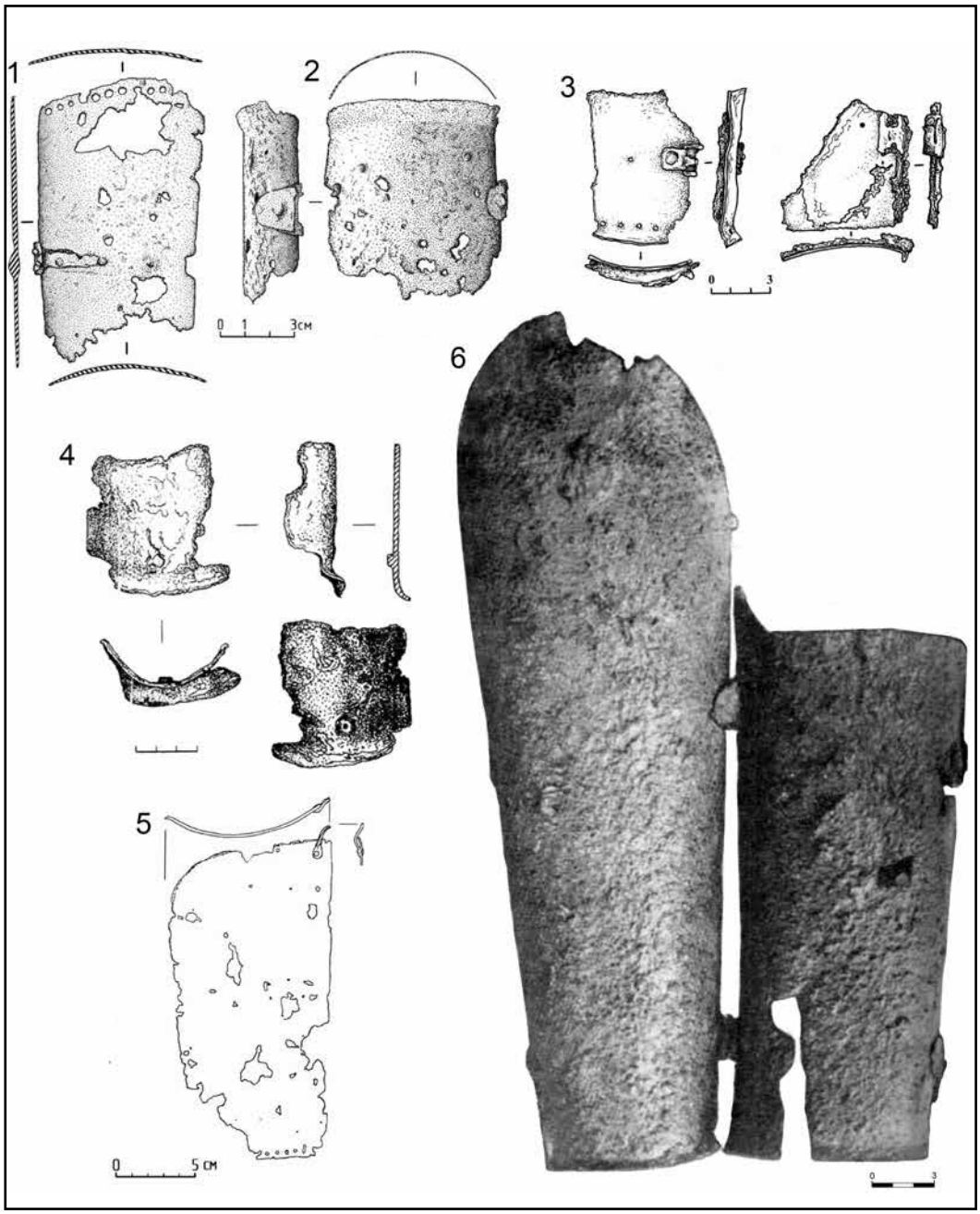

Рис. 5. Двухстворчатые наручи, найденные на территории древнерусских княжеств:
1–2 – Новгород [по: 17, рис. 7–10]; *3–4* – Гомель [по: 21, рис. 103; 20, рис. 1];
5 – Червен [по: 41, tabl. XVI,*65*]; *6* – Сахновка [по: 18, рис. 23]

Fig. 5. Double-leaf vambraces discovered in Rus'ian principalities:
1–2 – Novgorod [after: 17, fig. 7–10]; *3–4* – Gomel [after: 21, fig. 103; 20, fig. 1];
5 – Cherven [after: 41, pl. XVI,*65*]; *6* – Sakhnovka [after: 18, fig. 23]

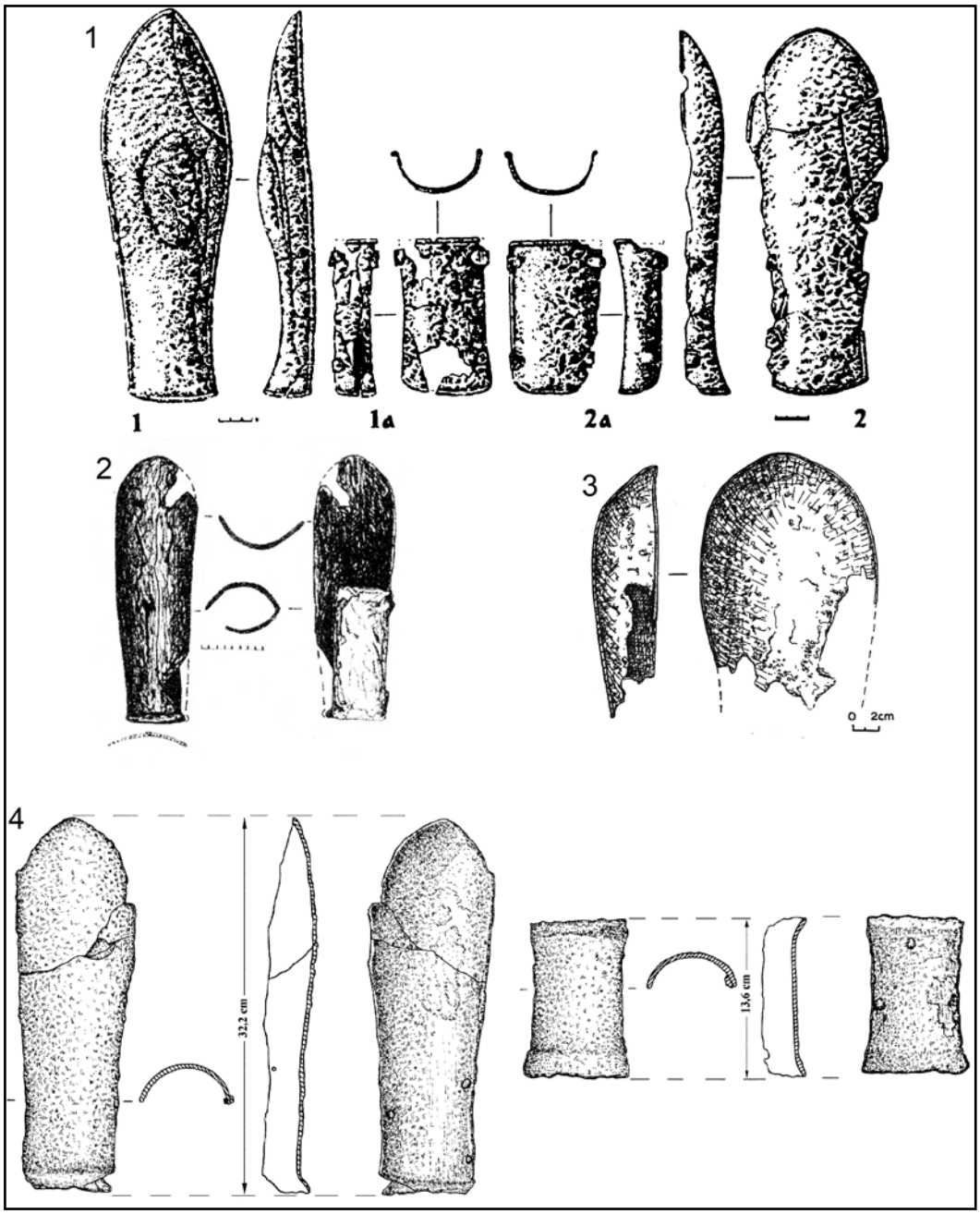

Рис. 6. Двухстворчатые наручи, найденные в Северном Причерноморье:
1 – курган у с. Каирка [по: 27, рис. 47,*1–2*]; *2* – курган № 1 у ст. Дмитриевская [по: 2, рис. 3,*3*]; *3* – курган № 18 у с. Балабаны [по: 36, fig. 7,*2*]; *4* – поселение Яловены [по: 40, fig. 9]

Fig. 6. Double-leaf vambraces discovered in the Northern Black Sea Area:
1 – barrow near the modern village of Kairka [after: 27, fig. 47. *1–2*]; *2* – barrow no. 1 at the Cossack village of Dmitrievskaia [after: 2, fig. 3. *3*]; *3* – barrow no. 18 at the modern village of Balabany [after: 36, fig. 7. *2*]; *4* – Ialoveny settlement [after: 40, fig. 9]

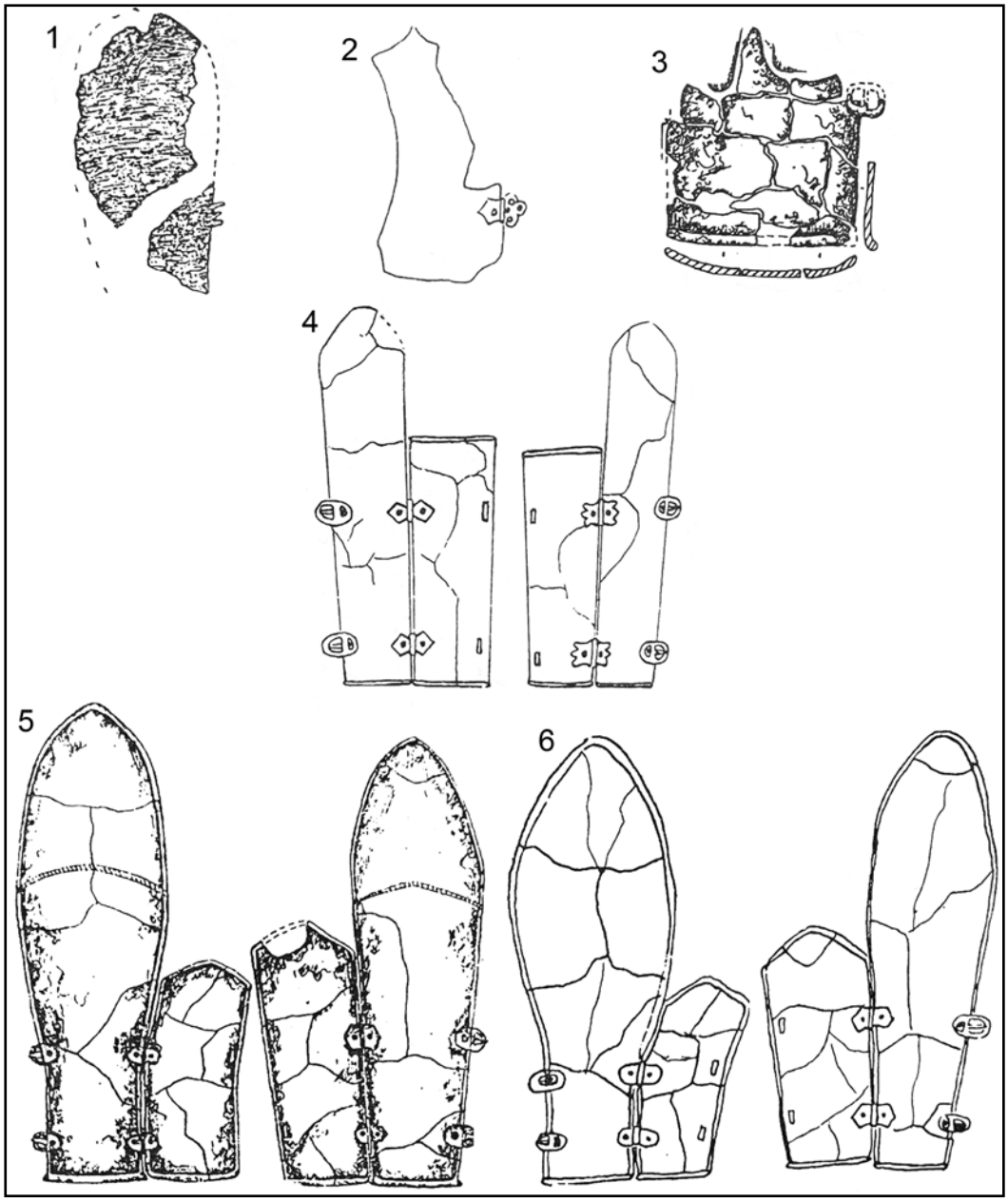

Рис. 7. Двухстворчатые наручи, найденные на Северном Кавказе:
1 – склеп у с. Верхний Лейми [по: 23, рис. 10,*1*]; *2* – поселение Цеча-Ахк [по: 23, рис. 10,*2*]; *3* – склеп у с. Кели [по: 23, рис. 10,*3*]; *4* – погребение у с. Верхний Алкун [по: 23, рис. 10,*4*]; *5* – погребение у с. Макажой [по: 23, рис. 11,*1*]; *6* – склеп у с. Верхний Оздик [по: 23, рис. 11,*2*]

Fig. 7. Double-leaf vambraces discovered in the North Caucasus:
1 – burial vault at the modern village of Verhnii Leimi [after: 23, fig. 10. *1*]; *2* – Tsecha-Akhk settlement [after: 23, fig. 10. *2*]; *3* – burial vault at the modern village of Keli [after: 23, fig. 10. *3*]; *4* – a grave at the modern village of Verkhnii Alkun [after: 23, fig. 10. *4*]; *5* – grave at the modern village of Makazhoi [after: 23, fig. 11. *1*]; *6* – burial vault at the modern village of Verkhnii Ozdik [after: 23, fig. 11. *2*]

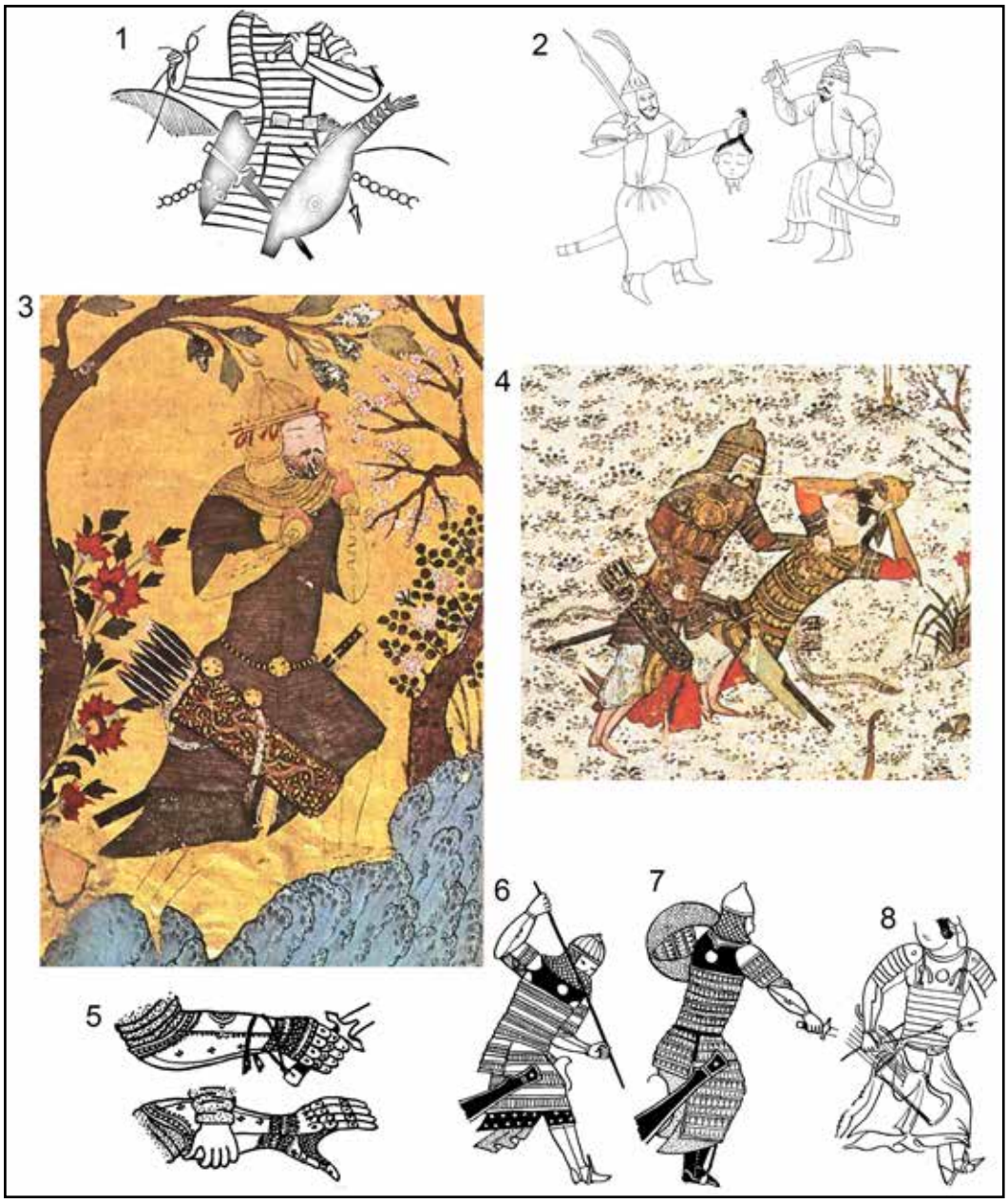

Рис. 8. *1* – Изображение всадника на щите, найденном на горе Муг, VIII в. [по: 37, fig. 13]. *2* – Прорисовка фрагмента миниатюры трактата Абу Машара аль-Бахли, около 1240 г. [по: 35, fig. 39]. *3–8* – Миниатюры ближневосточных рукописей второй половины XIV в. с изображениями базубандов и их прорисовки [по: 33, fig. 52, 53, 171–173, 177]

Fig. 8. *1* – The horseman presented on the shield discovered at the Mountain of Mug, eighth century [after: 37, fig. 13]. *2* – line-drawing of a miniature fragment from the treatise by Abu Mashar al-Bahli, ca 1240 [after: 35, fig. 39]. *3–8* – miniatures from the second half of the fourteenth century Near Eastern manuscripts showing the *bazubands* and the line-drawings of the latter [after: 33, fig. 52, 53, 171–173, 177]

Рис. 9. Миниатюры ближневосточных рукописей XV в.
с изображениями базубандов и их прорисовки
[по: 33, fig. 56, 57, 188, 189, 191, 192, 194, 196, 197, 199, 200]

Fig. 9. Miniatures from the fifteenth-century Near Eastern manuscripts
showing the *bazubands* and the line-drawings of the latter
[after: 33, fig. 56, 57, 188, 189, 191, 192, 194, 196, 197, 199, 200]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 500 с.
2. Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2003. Вып. 3. С. 184–208.
3. Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Кургани доби бронзи та розвиненого середньовіччя біля гирла р. Корсак у Приазов'ї // Археологічні дослідження в Україні 1993 року / Ред. М.Ю. Відейко. Київ, 1997. С. 14–15.
4. Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Два клада из Старого Орхея. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2000. 98 с.
5. Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного / Автор вступ. ст. и сост. кат. Т.Е. Самойлова. М.: Музеи Московского Кремля, 2007. 245 с.
6. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
7. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 257–287.
8. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 384–432.
9. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997–1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 423–466.
10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. LIII. С. 227–253.
11. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. Вып. 9. С. 247–258.
12. Горелик М.В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.
13. Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Археология Евразийских степей. 2017а. № 5. С. 303–336.
14. Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // Археология Евразийских степей. 2017б. № 5. С. 337–351.
15. Душенко А.А. Сабатон из раскопок дворца Мангупского городища // АДСВ. 2021. Вып. 49. С. 219–239.
16. Дьячков С.В. Бригандина арбалетчика из Чембало // Древности. 2010. Вып. 9. С. 273–289.
17. Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология. 2014. Вып. 3. С. 147–183.
18. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с. (САИ. Вып. Е1–36).
19. Кочкаров У.Ю. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. 2004. Вып. 217. С. 94–106.
20. Лупиненко Ю.М., Макушников О.А. Створчатые наручи первой половины XIII в. из летописного Гомия // Военная археология. 2014. Вып. 3. С. 184–190.
21. Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.
22. Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
23. Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2003. Вып. 2. С. 126–153.
24. Науменко В.Е. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «"Via Tatarica": Золотая Орда на Великом Шелковом пути» / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.; Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательский дом «Исламская книга», 2020. С. 232–249.
25. Науменко В.Е., Душенко А.А. Предметы вооружения из раскопок княжеского дворца Мангупского

городища (предварительный обзор коллекции) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 159–168.
26. Распопова В.И. Щит с горы Муг // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 124–129.
27. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. 160 с.
28. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1951. 131 с.
29. Хайрединова Э.А. Могильник первой половины XIV в. на плато Эски-Кермен (по результатам археологических раскопок 2020–2021 гг.) // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 8–108.
30. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина из селения Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. Новосибирск, 1990. С. 129–140.
31. Blair C. European Armour circa 1066 to circa 1700. London: B.T. Batsford LTD, 1958. 241 p.
32. Elwell-Sutton L.P. Persian armour inscriptions // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. London: Scholar Press, 1979. P. 5–19.
33. Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. London: Scholar Press, 1979. P. 30–63.
34. Ito A. Zur Chronologie der frühsillazeitlichen Gräber in Südkorea. B. Tafelband. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1971. 160 s.
35. Nicolle D. An introduction to arms and warfare of classical Islam // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. London: Scholar Press, 1979. P. 162–186.
36. Postică G., Sava E. Complexe funerare nomazilor medievali de lăngă satul Bălăbani, raionul Traclia, Republica Moldova // Studii şi Cercetări de Itorie Veche şi Arheologie. 1996. T. 47. Nr. 1. P. 63–89.
37. Robinson H.R. Oriental armour. New York: Walker & Company, 1967. 228 p.
38. Stone G.C. A glossary of the construction, decoration and use of arms and armor in all countries and in all times. New York: Jack Brussel Publ., 1961. 694 p.
39. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.
40. Vornic V., Tabuncic S., Ciobanu L., Ursu I., Iarmulschi V. Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a oraşului // Revista Arheologică. Seria nouă. 2008. Vol. IV. Nr. 1. P. 186–208.
41. Zbierski A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czermna nad Huczwą // Arceologia Polski. 1959. T. IV. Z. 1. S. 105–148.
42. Zygulski Z. Islamic weapons in Polish collections and their provenance // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. London: Scholar Press, 1979. P. 213–238.

REFERENCES

1. Baier Kh.-F. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro* [The history of the Crimean Goths as an interpretation of Matthew's Story about the city of Feodoro]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2001, 500 p.
2. Blokhin V.G., D'iachenko A.N., Skripkin A.S. Medieval knights of the Kuban. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani* [Materials and research on the archeology of the Kuban], 2003, vol. 3, pp. 184–208.
3. Boltrik Iu.V., Fialko O.E. Burial mounds of the Bronze Age and the Advanced Middle Ages at the mouth of the Korsak river in the Azov region. Videiko M.Iu. (Ed.), *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 1993 roku* [Archaeological research in Ukraine in 1993], Kyiv, 1997, pp. 14–15.
4. Byrnia P.P., Riaboi T.F. *Dva klada iz Starogo Orkheia* [Two treasures from the Old Orhei]. Chisinau, Vysshaia antropologicheskaia shkola Publ., 2000, 98 p.
5. Samoilova T.E. (Ed.), *Vera i vlast'. Epokha Ivana Groznogo* [Faith and power. The era of Ivan the Terrible]. Moscow, Moscow Kremlin Museums Publ., 2007, 245 p.
6. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraphic studies on the southeastern slope of Cape Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2006, vol. XII, pp. 371–494.
7. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Glazed pottery excavated at the citadel of Mangup. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed pottery of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th cc.], Kyiv, Stilos Publ., 2005, pp. 257–287.
8. Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the history of the Mangup citadel (based on the materials of archaeological research on the southeastern slope of Cape Teshkli-burun). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2006, vol. 37, pp. 384–432.

9. Gertsen A.G., Naumenko V.E. The octagonal church of the Mangup citadel according to archaeological research data from 1997-1999: layout, stratigraphy, chronology. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 423–466.
10. Gertsen A.G., Naumenko V.E. The octagonal Church of the citadel of Mangup (Crimea): issues of chronology and architectural composition. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], 2010, vol. LIII, pp. 227–253.
11. Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the issue of the allocation of the Golden Horde period in the history of the Mangup settlement in Southwestern Crimea. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde civilization], 2016, vol. 9, pp. 247–258.
12. Gorelik M.V. Mongol-Tatar armament of the second half of the 14th – beginning of the 15th cc. Rybakov B.A. (Ed.), *Kulikovskaia bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny (materialy iubileinoi nauchnoi konferentsii)* [Kulikovo battle in the history and culture of our Motherland (materials of the jubilee scientific conference)], Moscow, MSU Publ., 1983, pp. 244–269.
13. Gorelik M.V. Polovtsian nobility in the Golden Horde military service. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes], 2017a, vol. 5, pp. 303–336.
14. Gorelik M.V. The armoury warriors of the Golden Horde in the Kuban region. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes], 2017b, vol. 5, pp. 337–351.
15. Dushenko A.A. Sabaton excavated at the palace of the ancient town of Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2021, vol. 49, pp. 219–239.
16. D'iachkov S.V. Brigandine of arbalest from Cembalo. *Drevnosti* [Antiquities], 2010, vol. 9, pp. 273–289.
17. Kamenskii A.N., Kuleshov Iu.A. Protection of limbs in the armament complex of the ancient Russian warrior (based on the materials of Veliky Novgorod). *Voennaia arkheologiia* [Military Archeology], 2014, vol. 3, pp. 147–183.
18. Kirpichnikov A.N. *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3. Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv.* [Ancient Russian weapons. Issue 3. Armor, a complex of military equipment of the 9th–13th cc.]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 92 p. (Collection of archaeological sources, vol. E1–36).
19. Kochkarov U.Iu. Late Polovtsian burials of horsemen in the Krasnodar region. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology], 2004, vol. 217, pp. 94–106.
20. Lupinenko Iu.M., Makushnikov O.A. Casement vambracers of the first half of the 13th c. from the annalistic Gomel. *Voennaia arkheologiia* [Military Archeology], 2014, vol. 3, pp. 184–190.
21. Makushnikov O.A. *Gomel'skoe Podneprov'e v V – seredine XIII vv.: Sotsial'no-ekonomicheskoe i etnokul'turnoe razvitie* [Gomel Dnieper region in the 5th – middle of the 13th cc.: Socio-economic and ethnocultural development.]. Gomel', F. Skorina GSU Publ., 2009, 218 p.
22. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty* [Caffa and Feodoro in the 15th c. Contacts and conflicts]. Simferopol', Universum Publ., 2009, 528 p.
23. Narozhnyi E.I., Chakhkiev D.Iu. On the finds of some samples of blunt and defensive weapons in the North Caucasus (13th–15th cc.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus], 2003, vol. 2, pp. 126–153.
24. Naumenko V.E. On the historical topography and political and administrative status of Mangup in the Golden Horde period. Mirgaleev I.M. (Ed.), *Oazisy shelkovogo puti: istoricheskie istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii: materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma «Pax Tatarica: genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoi Ordy», kruglogo stola «"Via Tatarica": Zolotaia Orda na Velikom Shelkovom puti»* [Oases of the Silk Road: historical origins of integration processes in Eurasia: materials of the VI International Golden Horde Forum "Pax Tatarica: genesis and legacy of the Golden Horde statehood", round table "Via Tatarica": The Golden Horde on the Great Silk Road"], Moscow, Kazan', Islamic Book Publ., 2020, pp. 232–249.
25. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Arms and armor excavated at the prince's palace of the ancient city of Mangup (preliminary review of the collection). Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [XI International Byzantine Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and polis"], Simferopol', 2019, pp. 159–168.
26. Raspopova V.I. Shield from mount Mug. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1973, vol. 136, pp. 124–129.
27. Tolochko P.P. *Kochevye narody stepei i Kievskaia Rus'* [Nomadic peoples of the steppes and Kievan Rus], St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003, 160 p.
28. Fabritsius I.V. *Arkheologicheskaia karta Prichernomor'ia Ukrainskoi SSR* [Archaeological map of the Black Sea region of the Ukrainian SSR], Kyiv, Akademia nauk Ukrainskoi SSR Publ., 1951, 131 p.
29. Khairedinova E.A. Burial ground of the first half of the 14th c. on the Eski-Kermen plateau (according to the results of archaeological excavations in 2020–2021). Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (Eds.), *Issledovaniia tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.* [Studies of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2020–2021], Simferopol', Antikva Publ., 2022, pp. 8–108.

30. Chakhkiev D.Iu., Narozhnyi E.I. Burial of a noble mountain warrior from the village of Verkhny Alkun (Mountainous Ingushetia). Khudiakov Iu.S., Plotnikov Iu.A. (Eds.), *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Military affairs of the ancient and medieval population of North and Central Asia], Novosibirsk, 1990, pp. 129–140.
31. Blair C. *European Armour circa 1066 to circa 1700*. London, B.T. Batsford LTD, 1958, 241 p.
32. Elwell-Sutton L.P. Persian armour inscriptions. Elgood R. (Ed.), *Islamic Arms and Armour*. London, Scholar Press, 1979, pp. 5–19.
33. Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art. Elgood R. (Ed.), *Islamic Arms and Armour*. London, Scholar Press, 1979, pp. 30–63.
34. Ito A. *Zur Chronologie der frühsillazeitlichen Gräber in Südkorea. B. Tafelband.* München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1971, 160 s.
35. Nicolle D. An introduction to arms and warfare of classical Islam. Elgood R. (Ed.), *Islamic Arms and Armour*. London, Scholar Press, 1979, pp. 162–186.
36. Postică G., Sava E. Complexe funerare nomazilor medievali de lăngă satul Bălăbani, raionul Traclia, Republica Moldova. *Studii şi Cercetări de Itorie Veche şi Arheologie*, 1996, vol. 47, nr. 1, pp. 63–89.
37. Robinson H.R. *Oriental armour*. New York, Walker & Company, 1967, 228 p.
38. Stone G.C. *A glossary of the construction, decoration and use of arms and armor in all countries and in all times*. New York, Jack Brussel Publ., 1961, 694 p.
39. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, The Medieval Academy of America, 1936, 292 p.
40. Vornic V., Tabuncic S., Ciobanu L., Ursu I., Iarmulschi V. Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a oraşului. *Revista Arheologică. Seria nouă*, 2008, vol. IV, nr. 1, pp. 186–208.
41. Zbierski A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czermna nad Huczwą. *Arceologia Polski*, 1959, vol. IV, nr. 1, pp. 105–148.
42. Zygulski Z. Islamic weapons in Polish collections and their provenance. Elgood R. (Ed.), *Islamic Arms and Armour*. London, Scholar Press, 1979, pp. 213–238.

Информация об авторе

Душенко А. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: N-6345-2019.

Author information

Dushenko A. A. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: N-6345-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.261-276

НОВЫЙ КЛАСС СКАЛЬНЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Валентин Константинович Ганцев
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
valentin.gancev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6097-1923

Аннотация. В Юго-Западной Таврике, на территории или в округе «пещерных городов» (Мангуп, Эски-Кермен, Качи-Кальон и др.), локализуется более 230 скальных виноградодавилен раннесредневекового времени. На основании этой источниковой базы была разработана их классификация. Было выделено четыре основных класса скальных виноделен (класс I–IV). Открытие и фиксация в округе Бахчисарая новых устройств по первичной переработке винограда (тарапанов), конструктивно отличных от ранее известных экземпляров, потребовала внесения дополнений в эту классификацию. Между г. Бахчисарай и с. Скалистое, в районе бывших деревень Улаклы и Балта-Чокрак, выявлено четыре скальных виноградодавильни. Они состоят из давильной площадки, суслоприемника и вырубки, предназначенной для установки вертикальной стойки, к которой крепили рычаг пресса. У них отсутствует суслоотводной канал / желоб, соединяющий давильню с суслоприемником. На основании этого они выделены в отдельный V-й класс. Предварительно их следует относить к эпохе позднего Средневековья – Раннего Нового времени (XVI–XIX вв.). Возможно, их вырубили в XIX в. Еще одна группа из трех переносных тарапанов, состоящих из давильной площадки и суслоотводного канала с «носиком», находится на территории Бахчисарайского ханского дворца (2) и на Чуфут-Кале (1). Эти три винодельни отнесены к VI классу. Если виноградодавильни класса I–V функционировали исключительно на одном месте, то есть были стационарными, то тарапаны класса VI могли перемещать. Эти переносные винодельни, на основании письменных упоминаний, следует датировать концом XVIII – началом XX в.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, округа Бахчисарая, виноделие, виноградодавильня, тарапан, классификация

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

NEW CLASS OF THE ROCK-CUT WINE-PRESSES IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Valentin K. Gantsev
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
valentin.gancev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6097-1923

Abstract. There are more than 230 rock-cut wine-presses from the Early Mediaeval Period located in the south-western Taurica, at the local “cave towns” (Mangup, Eski-Kermen, Kachi-Kal’on, and others) or in their environs. This source base allows the one to develop a classification with four main classes of rock-cut wine-presses (named I–IV) identified. As the new devices for the primary processing of grapes in the Bakhchisarai administrative area, structurally different from the previously known monuments, are discovered and documented, the existing classification needs to be amended. There are four rock-cut wine-presses discovered in the area in between of the town of Bakhchisarai and the village of Skalistoe, where the former villages of Ulakly and Balta-Chokrak were located. These wine-presses consist of a pressing platform, a juice receiver, and a rock-cut base to install the vertical post carrying the press lever. These constructions do not have a juice drain connecting the press with the receiver. These features allow the one to unite these constructions into class V. Although the preliminary estimation relates them to the Late Mediaeval or Early Modern Period (sixteenth to nineteenth century), they may have been carved out already in the nineteenth century. Another group of three portable wine-presses, consisting of a pressing platform and a juice drain with a spout, is locat-

ed on the territory of the Khan's Palace in Bakhchisarai (2) and atop of Chufut-Kale (1). These three wineries are identified with class VI. While wine-presses of classes I–V existed at the same site only, being stationary structures, the wine-presses of class VI were portable. The account of written sources allows the one to date the portable wineries in question from the late-eighteenth to the early-twentieth century.

Keywords: south-western Crimea, Bakhchisarai administrative area, winemaking, wine-presses, rock-cut wine-press, classification

Acknowledgments: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

Во второй половине IX – первой половине X в. население, проживающее в юго-западной части Таврики, которая была включена в 841 г. в состав византийской фемы, специализировалось на виноградарстве и виноделии. Материальным доказательством развития этих отраслей сельского хозяйства являются специальные установки для первичной переработки винограда – скальные виноградодавильни (тарапаны). В этой части полуострова на сегодняшний день известно более 230 винодельческих комплексов. Ранее, на страницах этого авторитетного журнала была предложена их классификация [4]. Недавно в окрестностях Бахчисарая нами было обследовано семь новых виноделен (рис. 1). Конструктивно они отличаются от известных нам раннесредневековых вариантов. В связи с этим появилась необходимость выделения новых классов скальных виноградодавилен, чему и будет посвящена эта статья.

Группа из четырех стационарных виноделен, вырубленных в скале, располагается между г. Бахчисарай и с. Скалистое. Три из них локализуются в округе бывшей деревни Улаклы[1] (УлВ-1 – УлВ-3)[2] (рис. 1,*класс V,1–3*), одна рядом с ныне не существующим селом Балта-Чокрак (рис. 1,*класс V,4*).

УлВ-1 находится в 0,99 км к юго-востоку от дома № 83 по ул. 50 лет Октября в с. Глубокий Яр (рис. 1,*класс V,1*). Она располагается у скального обрыва, над северным бортом небольшой балки, прорезающей западный склон куэсты, вершина которой на топографических картах именуется г. Геофизик. Виноградодавильня состоит из давильной площадки, суслоприемника и вырубки, предназначенной для установки деревянной стойки, к которой крепили рычаг пресса (рис. 3,*1–2*). Продольной осью она ориентирована с востока на запад, ее общие размеры 2×0,76 м.

Давильная площадка УлВ-1 имеет прямоугольную в плане форму со скругленными углами. Ее размеры 1,18×0,76 м, фиксируемая высота бортов достигает 0,1 м. Ширина слабовыраженного западного борта между суслоприемником и давильней не превышает 0,1 м. Суслоприемник имеет овальную в плане форму, размерами 0,54×0,5 м, глубиной до 0,37 м. Он имеет закругленное дно и практически вертикальные борта. В 0,42 м к юго-юго-востоку от борта давильной площадки находится вырубка, связанная с конструкцией пресса. Она в плане имеет овальную форму, размеры 0,36–0,53×0,3 м, глубину до 0,25 м.

УлВ-2 находится в 1,7 км к юго-востоку от дома № 83 по ул. 50 лет Октября в с. Глубокий Яр (рис. 1,*класс V,2*). Она располагается у южного скального обрыва г. Геофизик. Винодельня состоит из давильной площадки, суслоприемника и вырубки, предназначенной для установки деревянной стойки, к которой крепили рычаг пресса (рис. 3,*3–4*). Продольной осью она ориентирована с юго-востока на северо-запад, ее общие размеры 1,9×0,73 м.

Давильная площадка УлВ-2 имеет прямоугольную в плане форму со скругленными углами. Ее размеры 1,16×0,73 м, высота бортов не превышает 0,2 м. Ширина слабовыраженного северо-западного борта между суслоприемником и давильней не более 0,15 м.

[1] Выражаю признательность архитектору Л. П. Щусь, которая сообщила нам о месторасположении этих виноделен.

[2] Индекс, присваиваемый винодельням при их картографировании, аббревиатура «УлВ-1», означает «Улаклы, винодельня № 1», «БЧВ-1» – «Балта-Чокрак, винодельня № 1».

Суслоприемник у этой виноградодавильни имеет подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами. Его размеры 0,6×0,52 м, глубина 0,36 м. Он имеет слегка закругленное дно и борта, расширяющиеся ко дну. В 0,25 м к югу от борта давильни находится вырубка, связанная с конструкцией пресса. Она имеет в плане прямоугольную форму, размеры 0,28×0,16 м, глубину до 0,26 м.

УлВ-3 находится в 2,67 км к юго-востоку от дома № 83 по ул. 50 лет Октября в с. Глубокий Яр (рис. 1,*класс V,3*). Она располагается у восточного скального обрыва куэсты, вершина которой имеет наименование г. Биюк-Чарыш (или Каблук). Винодельня состоит из давильной площадки, суслоприемника и вырубки, предназначенной для установки деревянной стойки, к которой крепили рычаг пресса (рис. 4,*1–2*). Продольной осью винодельня ориентирована с юго-востока на северо-запад, ее общие размеры 1,58×0,7 м.

Давильная площадка УлВ-3 имеет прямоугольную в плане форму со скругленными углами. Ее размеры 1,14×0,7 м, высота бортов не более 0,15 м. Борт между суслоприемником и давильней отсутствует. Суслоприемник имеет овальную в плане форму. Его размеры 0,6×0,47 м по верху и 0,7×0,7 м по дну, глубина 0,3 м. Он имеет слегка закругленное дно и борта, расширяющиеся ко дну. В 0,14 м к северу от борта давильни находится вырубка, связанная с конструкцией пресса. В плане она имеет трапециевидную форму. Ее общие размеры 0,18×0,14 м, глубина 0,25 м. Между северо-западным углом этой вырубки и скальным обрывом высечен водоотводной желоб длиной 0,51 м, шириной 0,04 м, глубиной до 0,04 м. В 1,42 м к востоку от описанной выше вырубки находится еще одно искусственное углубление. Вторая вырубка имеет в плане подпрямоугольную форму, размеры 0,17×0,12 м, глубину 0,12 м.

Четвертая винодельня из описываемой нами группы находится в 2,8 км к востоку-северо-востоку от дома № 83 по ул. 50 лет Октября в с. Глубокий Яр и в 2,3 км к юго-западу от дома № 2 по ул. Ленина в с. Скалистое (рис. 1,*класс V,4*). **БЧВ-1** располагается в южной части небольшого скального выступа, у восточного края куэсты, вершина которой именуется г. Таз-Бурун. Эта куэста ограничивает с запада Балточокракскую балку. Рассматриваемая виноградодавильня открыта в 2023 г. В. Л. Руевым [15, с. 57, рис. 1]. БЧВ-1 состоит из давильной площадки, суслоприемника и вырубки, предназначенной для установки деревянной стойки, к которой крепили рычаг пресса (рис. 3,*5–6*). Продольной осью она ориентирована с юго-востока на северо-запад, ее общие размеры 1,73×0,8 м.

Давильная площадка БЧВ-1 имеет подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами. Ее размеры 0,95×0,8 м, высота бортов не превышает 0,2 м. Борт между суслоприемником и давильней не выражен, расстояние между ними 0,2 м. Суслоприемник БЧВ-1 имеет овальную в плане форму. Его размеры 0,55×0,5 м, глубина 0,3 м. Он имеет слегка закругленное дно и борта, закругляющиеся ко дну. В 0,15 м к юго-западу от борта давильной площадки находится вырубка, связанная с конструкцией пресса. Она имеет округлую в плане форму, размеры 0,11×0,11 м, глубину 0,13 м.

УлВ-1–УлВ-3 и БЧВ-1 типологически похожи, имеют практически одинаковую продольную ориентацию и близкие размеры, разница в их параметрах не превышает 0,1 м (ср. рис. 3–4). У всех четырех экземпляров не выражен борт между давильной площадкой и суслоприемником, отсутствует суслоотводной канал или желоб. Это может указывать на их близкое или даже синхронное время сооружения.

Следующая группа тарапанов располагается на Чуфут-Кале (ЧКВ-2)[3] и в лапидарном фонде Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БМЗВ-1 и БМЗВ-2) (рис. 1,*класс VI,1–3*). Их главное отличие от описанных выше ви-

[3] ЧКВ-2 – «Чуфут-Кале, винодельня № 2». ЧКВ-1, по нашей нумерации, находится на склоне балки Пенджере-Исар. Она открыта в 1975 г. М. Я. Чорефом [20, л. 1–2]. По классификации раннесредневековых скальных виноградодавилен ЧКВ-1 относится к варианту А типа 2 класса I [4, с. 213] (рис. 2).

БМЗВ-1 – «Бахчисарайский музей-заповедник, винодельня № 1».

ноградодавилен заключается в том, что они являются переносными. Впервые подобные винодельни зафиксировали в 1914 г. сотрудники Комиссии по охране памятников природы и старины (КОППС), созданной при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы. Оценка работы этой комиссии по изучению древностей Тепе-Кермена, Баклы и Качи-Кальона уже дана в историографии, что избавляет нас от повторения [12, с. 210–211].

Для целей нашего исследования значение имеет научная экскурсия КОППС на Качи-Кальон, предпринятая сотрудниками в июне 1914 г. [13, с. 5, 25]. О результатах этой поездки мы можем судить на основании составленного одним из ее участников – В. А. Тимаевым – альбома с зарисовками обследованных объектов на территории этого «пещерного города». Ныне этот альбом хранится в фондах Центрального музея Тавриды [9][4]. В нем, кроме рисунков и схем стационарных качи-кальонских виноградодавилен, содержится две зарисовки переносных тарапанов, вырубленных в камне [9, с. 1, лист-вкладка] (рис. 5,*1–2*). Эти виноградодавильни состоят из давильной площадки, торцовые стенки которой имеют двускатный треугольный верх, и суслоотводного канала с «носиком»[5], пробивающего один из коротких бортов давильни.

Первый из зарисованных тарапанов состоит из давильной площадки и суслоотводного канала, завершающегося U-образной формы «носиком» (рис. 5,*1*). По замерам В. А. Тимаева, высота бортов тарапана составляет 0,7 м, ширина 0,12 м, размеры давильной площадки 1,80×1,27 м. Параметры «носика» 0,38×0,37 м, длина 0,39 м, глубина слива 0,3 м, ширина 0,1 м, диаметр суслоотводного канала 0,09 м. Второй тарапан идентичен первому, только с тем отличием, что от его давильной площадки, по всей видимости, сохранилась только половина (рис. 5,*2*). В. А. Тимаевым также приведены размеры его «носика» – 0,35–0,4×0,38 м и глубина слива 0,2 м. В подрисуночной подписи к зарисовке указано – «*тарапан-давильня в им. Гана (в Сарае) б. Качи*». Исходя из этого описания, к сожалению, сказать точно о месте обнаружения этой переносной винодельни не представляется возможным. Выскажем лишь гипотезу, что эта находка сделана членами КОППС в «им. Гана», которое находилось между Бахчисараем и деревней Пычки (нынешнее с. Баштановка), то есть на пути следования экспедиции к Качи-Кальону (рис. 1). На территории самого городища подобные винодельни нам не известны.

Два тарапана, подобные зарисованным В. А. Тимаевым, ныне находятся на территории Бахчисарайского ханского дворца (рис. 1,*класс VI,1–2*). К сожалению, время и обстоятельства их появления в фондах БИКАМЗ нам не известны. Следует надеется, что в результате дальнейшего изучения архивных материалов можно будет установить место, из которого эти винодельни были привезены в музей. Несмотря на это обстоятельство, их аутентичность не вызывает сомнений.

БМЗВ-1 вырублена в глыбе камня, которая тщательно обработана (рис. 6,*1–2*). Она имеет прямоугольную в плане форму. Ее общие размеры 1,9–2,07×1,25 м, высота бортов 0,56–0,7 м. Тарапан состоит из давильной площадки и суслоотводного канала с «носиком».

Давильная площадка БМЗВ-1 имеет прямоугольную форму со слегка скругленными углами. Ее размеры по дну 1,6×0,99 м, по верху 1,68×1,02 м, глубина 0,45 м. Толщина бортов не превышает 0,1 м. Один из ее продольных бортов, на высоте 0,25 м над уровнем дна, пробит сквозным отверстием округлой формы, диаметром 0,05 м. Торцовые борта давильни имеют треугольный двускатный верх. Суслоотводной канал пробивает короткий борт давильни. Он имеет трубообразную форму, завершается «носиком», имеющим в фасе U-образную форму. Его длина 0,26 м, ширина 0,1 м, высота 0,06 м. Размеры «носика» 0,28×0,2 м, выступает на 0,17 м за край борта давильни.

---

[4] Выражаю признательность главному хранителю Н. Б. Майко за оказанную помощь в обнаружение этих материалов. Так же отметим, что впервые об этом альбоме в своей неопубликованной статье упоминает В. М. Маликов [10, с. 14].

[5] «Носик» – это часть суслоотводного канала или желоба, которая выступает за край борта давильни и нависает над емкостью для сбора виноградного сока.

БМЗВ-2, так же как и БМЗВ-1, вытесана в глыбе камня (рис. 6,*3–4*). Она прямоугольной формы, размерами 1,6–1,92×0,9–0,95 м, высотой 0,56–0,65 м. Винодельня состоит из давильной площадки и суслоотводного канала с «носиком».

Давильная площадка БМЗВ-2 имеет прямоугольную форму. Ее размеры по дну 1,41×0,84 м, по верху 1,42×0,82 м, глубина 0,43 м. Толщина бортов не превышает 0,1 м. Один из продольных бортов, на высоте 0,35 м над уровнем дна давильни, пробивает сквозное отверстие округлой формы, диаметром 0,06 м. Поперечные борта давильни имеют треугольный двускатный верх. Суслоотводной канал пробивает один из коротких бортов давильной площадки. Он имеет трубообразную форму, завершается U-образной формы «носиком». Его длина 0,39 м, ширина 0,11 м, высота 0,09 м. Размеры «носика» 0,34×0,25 м, выступает на 0,28 м за край борта давильни.

Третий переносной тарапан находится на Чуфут-Кале, внутри искусственной скальной пещеры, которая расположена в 40 м к востоку от кенассы (рис. 5,*3*). **ЧКВ-2** вырублена в небольшом известняковом блоке, который ныне расколот на четыре части. В литературе впервые о ней упоминает А. А. Гуськов [6, с. 179]. Тарапан имел прямоугольную форму, размерами 0,92–1,1×0,65 м, его высота 0,35–0,4 м. Он состоит из давильной площадки и суслоотводного канала с «носиком» (рис. 5,*4–5*).

Давильная площадка ЧКВ-2 имеет прямоугольную форму. Ее размеры 0,75×0,42 м, глубина 0,3 м, толщина бортов не превышает 0,08–0,1 м. Суслоотводной канал пробивает поперечный борт давильни, в 0,17 м от ее угла, в 0,07 м над уровнем дна. Он имеет трубообразную форму, завершается U-образным «носиком». Его длина 0,26 м, ширина 0,06 м, высота 0,07 м. Размеры «носика» 0,26×0,2 м, выступает на 0,16 м за край борта давильни.

После необходимого описания основных конструктивных деталей вновь обследованных семи тарапанов мы можем их классифицировать. Напомним, что при разработке классификации скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма нами учитывалось два критерия. Первый из них – это наличие / отсутствие конструктивных элементов у винодельни: давильная площадка, суслоотводной канал, суслоприемник и вырубка для монтирования пресса. Второй критерий учитывал разновидность прессового устройства, применяемого при давке винограда с целью получения сусла. На основании этого было выделено четыре класса с типами и вариантами (рис. 2, классы I–IV) [4, с. 213–214]. Основываясь на вновь полученных данных, к этим двум критериям следует добавить еще один. А именно – функционировала ли винодельня исключительно на одном месте, то есть была стационарной, или ее могли перемещать, и она была «мобильной». Исходя из этого, к имеющимся четырем классам виноградодавилен мы можем добавить еще два – **класс V** и **класс VI** (рис. 2).

К классу V следует причислять винодельни, состоящие из давильной площадки, суслоприемника и подрубки, связанной с конструкцией простого рычажного пресса. У них отсутствует суслоотводной канал или желоб, который является неотъемлемым элементом для виноделен классов I–II. Также немаловажным является отсутствие ярко выраженного борта между давильней и суслоприемником. К этому классу относятся четыре винодельни: УлВ-1, УлВ-2, УлВ-3 и БЧВ-1 (рис. 3–4).

Если винодельни классов I–V являются стационарными, так как они вырублены в монолитной скальной породе, то тарапаны класса VI могли перемещать. Их высекали в глыбе камня необходимого размера. Они состоят из давильной площадки и суслоотводного канала с «носиком», имеющим U-образную форму. Давка винограда осуществлялась ногами. При этом не следует исключать возможности накрывания мезги после первичной давки деревянной доской, на которую могли класть груз для максимально полного извлечения сока из винограда. Исходя из вышесказанного, к классу VI следует отнести БМЗВ-1, БМЗВ-2, ЧКВ-2 и два тарапана, зафиксированные в 1914 г. В. А. Тимаевым (рис. 5–6).

Уделим теперь внимание проблеме датировки вновь выделенных классов скальных виноделен. Предварительно виноградодавильни классов I, III и IV датированы второй

половиной IX – первой половиной X в., класса II – VI в. [5, с. 147]. Тарапаны класса VI использовались в Крыму в конце XVIII – начале XX в. Об этом свидетельствуют письменные данные. П. С. Паллас сообщает, что для давки винограда в конце XVIII в. «*во всей Тавриде*» применяли каменные или деревянные чаны, простые прессы [14, с. 178].

Особо ценные сведения о первичной переработке винограда содержатся в отчете министру государственных имуществ А. А. Зеленому, составленном инспектором сельского хозяйства С. П. Щепкиным [19]. Из этого опубликованного в 1870 г. документа мы узнаём, что виноделами в долинах Альмы, Качи и Бельбека использовались каменные четырехугольные тарапаны. Их покупали в Бахчисарае, и в зависимости от величины они стоили 25–30 руб. [19, с. 18–19]. В одном из бортов или на углу каменного или деревянного чана, у самого его дна, делали отверстие для стока сусла. Тарапаны размещали под наклоном, в сторону стока виноградного сока [19, с. 19]. Давка винограда в этих тарапанах осуществлялась ногами. Затем выжимки могли дополнительно помещать под пресс с деревянным[6] или чугунным винтом. Также С. П. Щепкин отметил, что в долинах Юго-Западного Крыма переработка винограда в каменных винодельнях чаще всего осуществлялась на виноградниках, только прессование производили в специальных помещениях [19, с. 20]. Практически идентичные данные о стадиях и способах переработки винограда приведены М. К. Балласом, автором историко-статистического очерка о виноделии в России [1, с. 111–112]. В. М. Маликов в фондах ЦМТ видел фотографию, датированную 1910 г., на которой было запечатлено две каменных винодельни, схожих с теми, что зарисовал В. А. Тимаев и описали П. С. Паллас, С. П. Щепкин и М. К. Баллас [10, л. 14][7]. Краткие сведения о функционировании крымских переносных давилен в начале XX в., дополненные фотографией двух тарапанов, расположенных в долине р. Альма, приведены в работе М. А. Ховренко «Частное виноделие» [24, с. 187, рис. 52].

Если в вопросе датировки виноделен класса VI особых затруднений нет, то по иному выглядит ситуация с виноградодавильнями класса V. Выше нами было указано сходство в метрических показателях между УлВ-1–УлВ-3 и БЧВ-1, что указывает на относительно близкое или синхронное их сооружение, возможно, даже одним мастером. Тогда возникает вопрос, когда же это могло произойти?

Виноградодавильни класса V находятся относительно рядом с позднескифиским городищем Балта-Чокрак, которое локализуется на вершине куэсты Таух-Бай и в научной литературе датируется I–III вв. н.э. [18, с. 62] (рис. 1). В 2003 г. проводились охранно-спасательные раскопки на могильнике, оставленном жителями городища. В могиле № 7, в закладе подбоя № 1 был обнаружен фрагмент переносного известнякового тарапана [8, с. 170, 183, рис. 5]. Это указывает на занятие населением, отставившим этот памятник, виноградарством и виноделием. Несмотря на это, монолитные скальные винодельни УлВ-1–УлВ-3 и БЧВ-1 вряд ли стоит датировать этим временем. На самом городище при его осмотре подобные виноградодавильни не выявлены, при этом в границах оборонительной стены, вдоль края куэсты фиксируются вырубки различного назначения. Подчеркнем, что обнаруженный на Балтачокракском могильнике тарапан является переносным. Также известные нам винодельни, открытые на других памятниках позднескифской культуры, конструктивно и типологически отличаются от рассматриваемых экземпляров [2, с. 110–112; 3, с. 26–28].

На территории Баклинского городища и в его округе, на Чуфут-Кале и в Бахчисарайском ущелье находится десять скальных тарапанов (БГВ-1–БГВ-6, БГокрВ-1, СкВ-1, ЧКВ-1 и БУВ-1) [5, с. 54–57]. Эти винодельни располагаются к северо-востоку и юго-за-

[6] М. К. Баллас сообщает, что у татар деревянный пресс называется «скендже» [1, с. 111].

[7] Отметим, что подобного рода тарапан за пределами Крыма известен нам в Яйладагском районе провинции Хатай Турция [22, s. 518, res. 9]. К сожалению, в публикации приведенное изображение интересующей нас винодельни осталось без комментариев. Возможно, к этому классу виноделен относится тарапан, расположенный на территории Судакской крепости (Кравченко И. Тарапан. URL: https://sudakmuseum.ru/Tarapan (дата обращения – 18.08.2024 г.)).

паду от УлВ-1–УлВ-3 и БЧВ-1 и датируются второй половиной IX – первой половиной X в. Они суммарно относятся к классу I, у которого, в отличие от класса V, кроме давильной площадки и суслоприемника обязательным элементом конструкции является суслоотводной канал с «носиком». В связи с этим относить виноградодавильни, расположенные на г. Геофизик, г. Биюк-Чарыши г. Таз-Бурун, к раннесредневековому времени также затруднительно. Неизвестно нам и поселенческих структур этого времени в районе с. Глубокий Яр, с которыми можно было связать использование этих тарапанов. Нет подобных виноделен и на других памятниках, где встречаются тарапаны классов I–IV.

Обращает на себя внимание расположение этих четырех виноградодавилен класса V рядом с деревней Улаклы и Балта-Чокрак. Село Улаклы упоминается в письменных источниках, начиная с XVI в.; до 1778 г. здесь проживало христианское население [16, с. 16]. История деревни Балта-Чокрак обстоятельно изложена в недавней работе В. Л. Руева и Ю. Т. Лейбенсон [15]. Ими установлено, что в 1806 г. это село было заселено греками из Анатолии [15, с. 62]. По этнографическим данным мы знаем, что скальные виноградодавильни в Каппадокии и на о. Гавдос использовались местным греческим населением для получения сусла до начала XX в. [21, p. 67–70; 23, σ. 568]. Возможно, среди переселенцев были люди, которые на родине занимались виноградарством и виноделием. В связи с этим мы можем предположить, что рассматриваемые нами винодельни могли быть сооружены в XIX в. Это обстоятельство не исключает использования скальных виноградодавилен для производства вина крымскими татарами, о чем упоминает П. С. Паллас [14, с. 182]. Татары могли и не производить конечный продукт – вино, а продавать не бродивший виноградный сок сразу же после его давки / прессования [11, с. 310]. Несмотря на это, виноделие оставалось сосредоточенным в руках немусульманского населения Крыма [17, с. 144].

Таким образом, обследованные виноградодавильни между г. Бахчисарай и с. Скалистое, на территории Ханского дворца и Чуфут-Кале дополняют наши представления об истории виноделия в Юго-Западном Крыму. Тарапаны класса VI являются материальным доказательством использования переносных установок для получения виноградного сока виноделами в конце XVIII – начале XX в. Подобного рода винодельни упоминают в своих работах П. С. Паллас, С. П. Щепкин, М. К. Баллас и М. А. Ховренко. На сегодняшний день достоверно известно три таких тарапана, состоящих из давильной площадки и суслоотводного канала с «носиком». Два из них находятся на территории Бахчисарайского ханского дворца, один на Чуфут-Кале. Локализация еще двух экземпляров, зарисовку которых в 1914 г. выполнил В. А. Тимаев, остается открытой.

Четыре скальных виноградодавильни, расположенных в районе бывших сел Улаклы и Балта-Чокрак, отнесены к классу V. Их главное отличие от виноделен класса I заключается в отсутствие суслоотводного канала / желоба, соединяющего давильню с суслоприемником. Их датировка, из-за отсутствия в их заполнении или рядом какого-либо археологического материала, затруднительна. Как было указано выше, из-за того, что они конструктивно отличаются от известных нам виноделен, открытых на территории или в округе «пещерных городов» Крыма, следует полагать, что они не относятся к раннесредневековому времени. Производство и употребление вина в Крымском ханстве не прекращалось, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники [7, с. 116–119]. Так как рассматриваемый нами класс тарапанов локализуется в округе деревень Улаклы и Балта-Чокрак, мы можем предполагать, что эти винодельни следует датировать эпохой позднего Средневековья – Раннего Нового времени (XVI–XIX вв.). Учитывая, что деревня Балта-Чокрак была заселена греками, выходцами из Анатолии, где традиция использования скальных установок для переработки винограда сохранялась до начала XX в., мы можем, предварительно, сузить датировку УлВ-1–УлВ-3 и БЧВ-1 до XIX – начала XX в. Следует полагать, что окончательное решение этого вопроса – дело будущих исследований, которые зависят от расширения нашей источниковой базы.

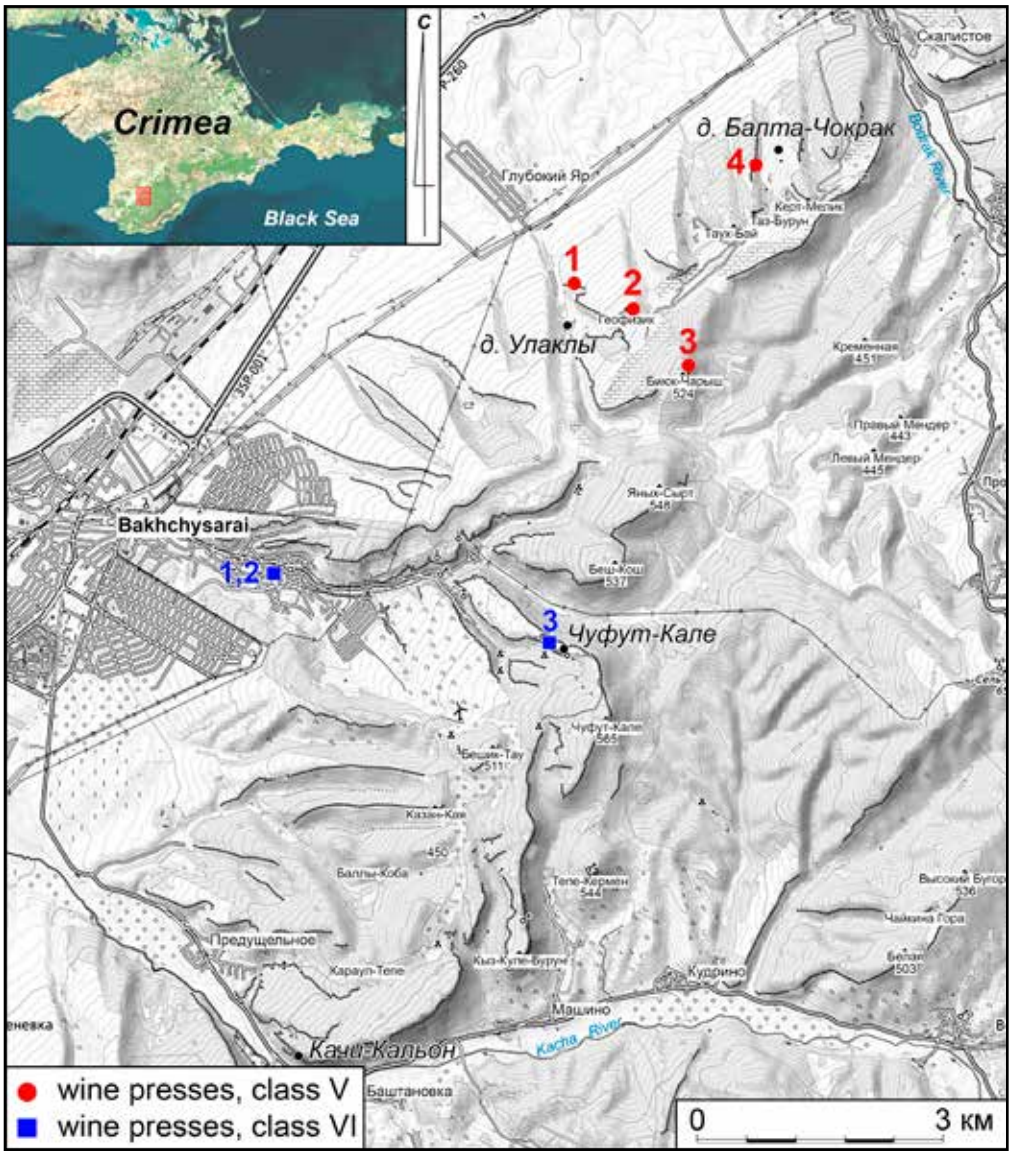

Рис. 1. Карта окрестностей Бахчисарая с указанием месторасположения скальных виноградодавилен класса V и VI. Винодельни класса V, расположенные на: *1* – северо-западном склоне г. Геофизик (УлВ-1); *2* – вершине г. Геофизик (УлВ-2); *3* – вершине г. Биюк-Чарыш (Каблук) (УлВ-3); *4* – скальном выступе над Балточокракской балкой (БЧВ-1). Винодельни класса VI, расположенные на: *1–2* – территории БИКАМЗ (БМЗВ-1 и БМЗВ-2); *3* – Чуфут-Кале (ЧКВ-2)

Fig. 1. Map of the environs of Bakhchisarai showing the location of class V and VI rock-carved wine-presses. Class V wineries located on: *1* – the north-western slope of Mount Geofizik (UlV-1); *2* – the summit of Mount Geofizik (UlV-2); *3* – the summit of Mount Biiuk-Charysh (Kabluk) (UlV-3); *4* – the rocky ledge above Baltochokrakskaia Ravine (BChV–1). Class VI wineries located on: *1–2* – the territory of the Bakhchisarai Museum Preserve (BMZV–1, BMZV–2); *3* – Chufut-Kale (CHKV–2)

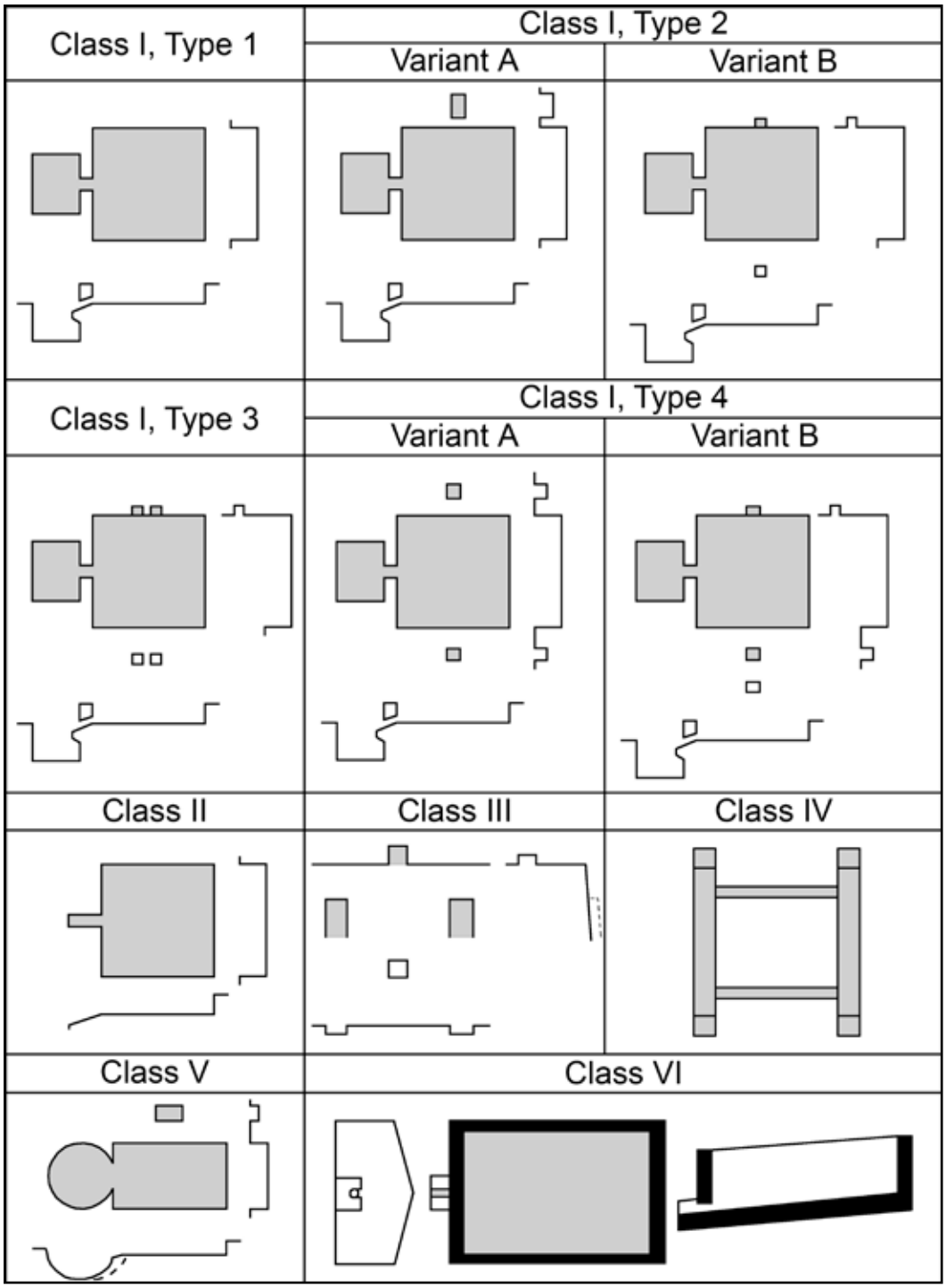

Рис. 2. Классификация скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма

Fig. 2. Classification of rock-carved wine-presses in the south-western Crimea

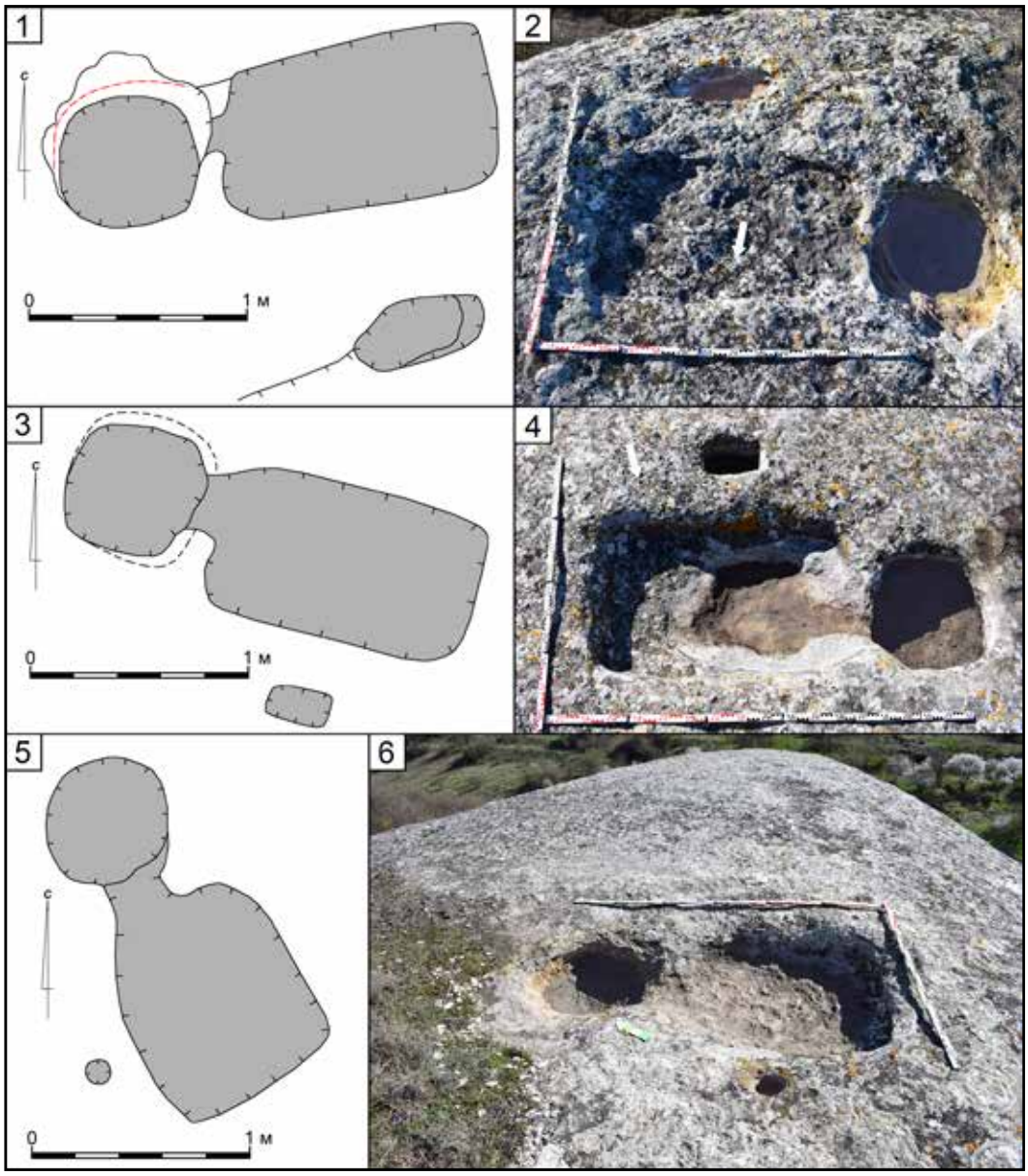

Рис. 3. Винодельни класса V: *1* – план УлВ-1; *2* – фото УлВ-1, вид сверху, с севера; *3* – план УлВ-2; *4* – фото УлВ-2, вид сверху, с севера; *5* – план БЧВ-1; *6* – фото БЧВ-1, вид с юго-запада

Fig. 3. Class V wineries: *1* – ground plan of UlV-1; *2* – photograph of UlV-1, viewed from above, from the north; *3* – ground plan of UlV-2; *4* – photograph of UlV-2, viewed from above, from the north; *5* – ground plan of BChV-1; *6* – photograph of BChV-1, viewed from the south-west

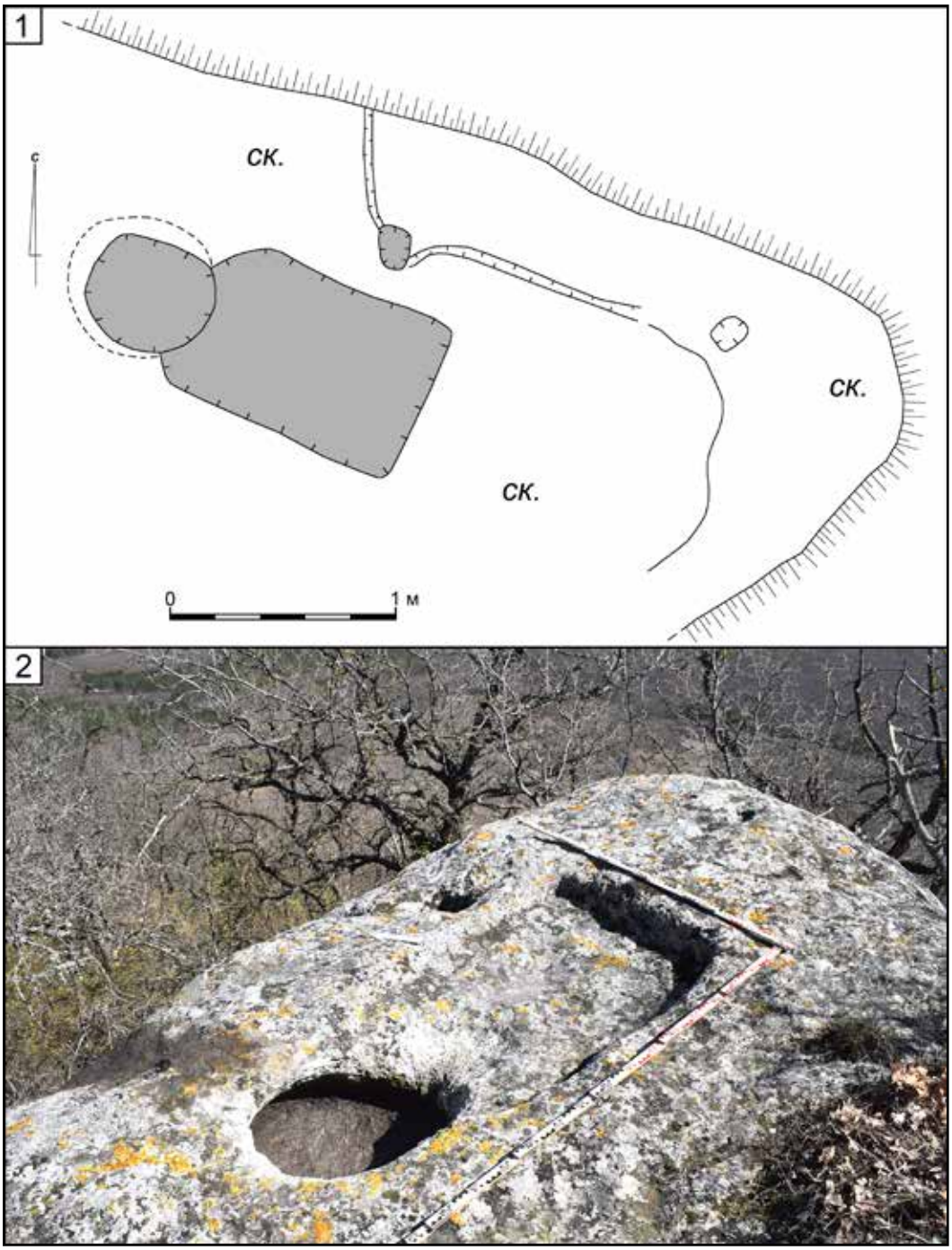

Рис. 4. Винодельня класса V: *1* – план УлВ-3; *2* – фото УлВ-3, вид с запада

Fig. 4. Class V winery: *1* – ground plan of UlV–3;
2 – photograph of UlV–3, viewed from the west

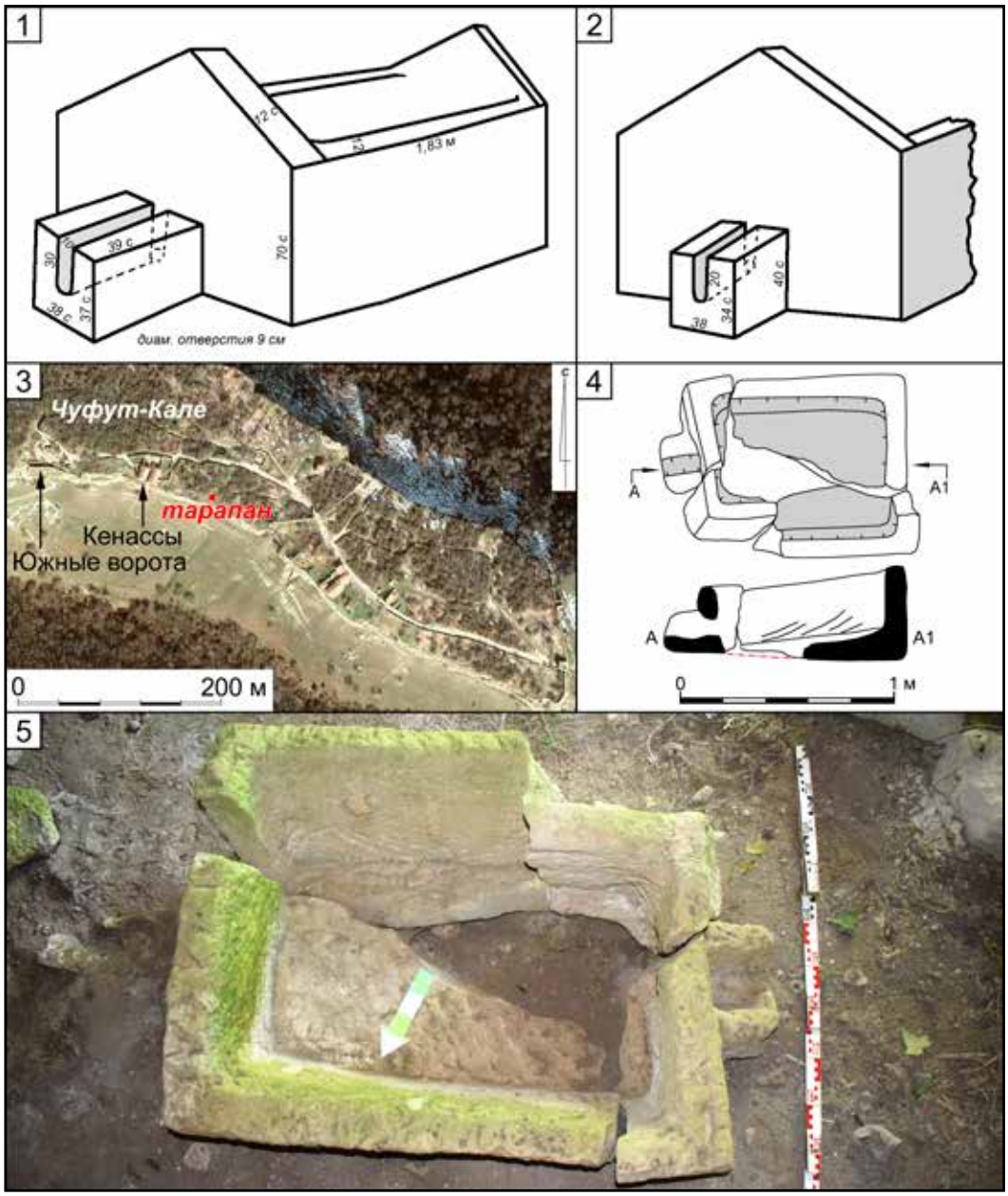

Рис. 5. Винодельни класса VI: *1–2* – схемы виноделен класса VI, выполненные В. А. Тимаевым в 1914 г. [9, с. 1, лист-вкладка]; *3* – космический снимок из ресурса Google Earth «пещерного города» Чуфут-Кале с указанием расположения ЧКВ-2; *4* – план и разрез ЧКВ-2; *5* – фото ЧКВ-2, вид сверху, с северо-запада

Fig. 5. Class VI wineries: *1–2* – diagrams of class VI wineries by V. A. Timaev, 1914 [9, p. 1, inserted leaf]; *3* – satellite image by Google Earth showing the “cave town” of Chufut-Kale with the location of CHKV–2; *4* – ground plan and cross-section of CHKV–2; *5* – photograph of CHKV–2, viewed from above, from the north-west

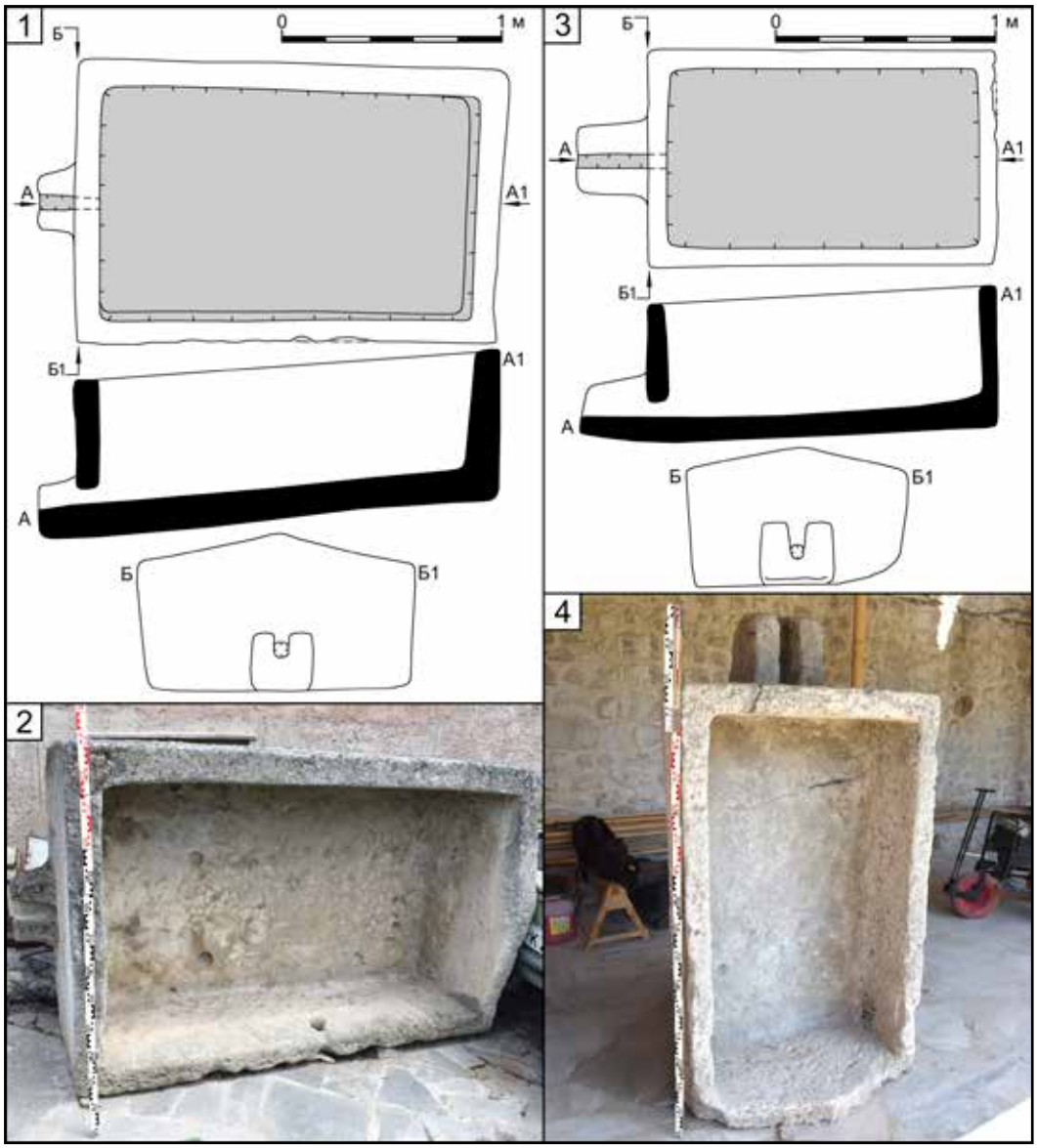

Рис. 6. Винодельни класса VI:
1 – план и разрезы БМЗВ-1; *2* – фото БМЗВ-1;
3 – план и разрезы БМЗВ-2; *4* – фото БМЗВ-2

Fig. 6. Class VI wineries:
1 – ground plan and cross-sections of BMZV–1; *2* – photograph of BMZV–1;
3 – ground plan and cross-sections of BMZV–2; *4* – photograph of BMZV–2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баллас М.К. Виноделие в России (историко-статистический очерк). Ч. I. Крым, степная часть Таврической губернии, Дон и Астрахань. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. 220 с.
2. Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 109–117.
3. Волошинов А.А. Находки переносных монолитных давилен в варварских могильниках римского времени // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: матер. науч. конф. (г. Севастополь, 18–22 сент. 2023 г.) / Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева. М.: Буки Веди, 2023. С. 26–34, 207–209.
4. Ганцев В.К. Классификация средневековых виноградодавилен Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2022. Вып. 27. С. 209–221.
5. Ганцев В.К. Средневековые скальные виноградодавильни Юго-Западной Таврики: Дисс. … канд. ист. наук. Симферополь, 2023. 443 с.
6. Гуськов А.А. Атлас пещерных городов Крыма. Путешествие к строителям и обитателям пещер. Харьков: Курсор, 2007. 196 с.
7. Зайцев И.В. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // Orientalistica Iuvenile: сб. ст. аспирантов и молодых сотрудников ИВ РАН / Ред.-сост. И.В. Зайцев, Я.В. Тарасюк. М., 2001. Вып. 2. С. 100–137.
8. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 169–196.
9. Комиссия по охране памятников старины и природы при Обществе естествоиспытателей и любителей природы. Поездка на Качи-Кален 14 и 15 июня 1914 г. Альбом № 2 // Фонды ЦМТ. КП-9914. Ф. 5944. 52 с.
10. Маликов В.М. Виноградарство в средневековом Крыму // НА ИАК РАН. Рукописный фонд. Д. 214. Л. 1–21. [без даты].
11. Нейенкирхен В. Население // Крым. Путеводитель / Под. ред. К. Ю. Бумбера, Л.С. Вагина, Н.Н. Клепинина, В.В. Соколова. Симферополь: Тип. Тавр. Губ. Земства, 1914. С. 284–316.
12. Непомнящий А.А., Синичкин А.В. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 210–216.
13. Отчет о деятельности Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы за 1914 г. Год V-й // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1916. Т. 5. С. 1–48.
14. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с. (Серия «Научное наследство», Т. 27).
15. Руев В.Л., Лейбенсон Ю.Т. «Мы поселены между гор …»: к истории села Балта-Чокрак в Юго-Западном Крыму в конце XVIII – XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 56–88.
16. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. II. Бахчисарайский район. Симферополь: Форма, 2016. 184 с.
17. Секиринский С.А., Секиринский Д.С. Аграрный строй крымских татар в XVI–XVIII вв. // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 140–149.
18. Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 248 с. (Серия «Материалы к археологической карте Крыма», Вып. 15).
19. Щепкин С.П. Виноградарство и виноделие в долинах Крыма: (Из отчета г. министру Гос. имуществ). СПб.: Тип. К. Сорванова и К°, 1870. 34 с.
20. Чореф М.Я. Винодельческий комплекс средневекового городища Чуфут-Кале. Отчет об археологических работах на Чуфут-Кале в 1975 г. // НА БИКАМЗ. Ф. 2. Оп. 18. Д. 11. Л. 1–2.
21. Balta E. The Underground Rock-Cut Winepresses of Cappadocia // Journal of Turkish Studies. 2008. Vol. 32/I. P. 61–88.
22. Temiz F.M. Hatay İli'nde Türk ve İslam Dönemi Yüzey Araştırması – 2014 // Araştırma Sonuçları Toplantısı. 2015. Sayı 33, cilt 1. S. 495–518
23. Χριστοδουλακοσ Γ., Μοσχοβη Γ., Κοπακα Κ., Δροσινου Π. Λαξευτα πατητηρια στη Γαυδο // Πεπραγμενα η Διεθνουσ Κρητοαογικου Συνεδριου (Ηράκλειο, 9–14 Σεπτεμβρίου 1996) / Επιμέλεια Θ. Ε. Δετοράκης, Σ. Παπαδάκη. Ηράκλειο, 2000. Σ. 557–580.
24. Ховренко М.А. Частное виноделие. Ч. 1. М., 1917. 515 с.

REFERENCES

1. Ballas M.K. *Vinodelie v Rossii (istoriko-statisticheskii ocherk). Chast I. Krym, stepnaia chast' Tavricheskoi gubernii, Don i Astrakhan* [Winemaking in Russia (Historical and Statistical Essay). Part I. Crimea, Steppe Part of Taurida Province, Don and Astrakhan]. Saint Petersburg, Tip. V. Kirshbauma Publ., 1895, 220 p.
2. Veimarn E.V. About viticulture and winemaking in ancient and medieval Crimea. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk USSR* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR], 1960, vol. 10, pp. 109–117.
3. Voloshinov A.A. Nakhodki perenosnykh monolitnykh davilen v varvarskikh mogil'nikakh rimskogo vremeni. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii: materialy nauchnoi konferentsii* [Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Findings, Theories: Materials of a Scientific Conference], Moscow, Buki Vedi Publ., 2023, pp. 26–34, 207–209.
4. Gantsev V.K. Classification of Mediaeval Wine-Presses in the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 209–221.
5. Gantsev V.K. *Srednevekovye skalnye vinogradodavilni Iugo-Zapadnoi Tavriki* [Medieval Rock-Cut Wine Presses in the South-Western Taurica]. Text of kandidat. diss. Simferopol, 2023, 443 p.
6. Gus'kov A.A. *Atlas peshchernykh gorodov Kryma. Puteshestvie k stroiteliam i obitateliam peshcher* [Atlas of the Cave Cities of Crimea. Journey to the Builders and Dwellers of the Cave]. Kharkov, Kursor Publ., 2007, 196 p.
7. Zaitsev I.V. Alcohol in the Golden Horde and the Crimean Khanate (14th–18th centuries). Zaitsev I.V., Tarasiuk Ia.V. (eds.), *Orientalistica Iuvenile: sbornik statei aspirantov i molodykh sotrudnikov IV RAN* [Orientalistica Iuvenile: a Collection of Articles by Postgraduate Students and Young Staff of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], Moscow, 2001, vol. 2, pp. 100–137.
8. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I., Nenevolia I.I., Firsov K.B., Radochin V.Iu. Late Scythian burial ground Balta-Chokrak near the village Skalistoe Bakhchisarai region of the Autonomous Republic of Crimea. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2005, vol. 14, pp. 169–196.
9. Commission for the Protection of Antiquities and Natural Monuments under the Society of Naturalists and Nature Lovers. Trip to Kachi-Kalen June 14 and 15, 1914. Album No. 2. *Fondy Tsentralnogo muzeia Tavridy* [Collections of the Central Museum of Taurida]. KP-9914. F. 5944.
10. Malikov V.M. Viticulture in the medieval Crimea. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences]. Rukopisnyi fond. D. 214.
11. Neienkirkhen V. Population. Bumber K. Iu., Vagin L.S., Klepinin N.N., Sokolov V.V. (eds.), *Krym. Putevoditel* [Crimea. Travel Guide], Simferopol, Tip. Tavr. Gub. Zemstva Publ., 1914, pp. 284–316.
12. Nepomniashchii A.A., Sinichkin A.V. Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers and the Development of Historical Local History of Crimea. *Kultura narodov Prichernomor'ia* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 1998, no. 3, pp. 210–216.
13. Report on the activities of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers for 1914. Year V. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody* [Notes of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers], 1916, vol. 5, pp. 1–48.
14. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* [Observations Made During a Journey Through the Southern Viceroyalties of the Russian State in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
15. Ruev V.L., Leibenson Iu.T. We are settled between the mountains...»: to the history of the village of Balta-Chokrak in the Southwestern Crimea at the end of the XVIII–XX centuries. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2024, vol. 10 (76), no. 1, pp. 56–88.
16. *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. T. II. Bakhchisraiskii raion* [Code of Historical Monuments, architecture and Culture of the Crimean Tatars. Vol. II. Bakhchisrai District]. Simferopol, Forma Publ., 2016, 184 p.
17. Sekirinskii S.A., Sekirinskii D.S. The Agrarian Formation of the Crimean Tatars from the Sixteenth to the Eighteenth Century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 140–149.
18. Smekalova T.N., Koltukhov S.G., Zaitsev Iu.P. Atlas *pozdneskifskikh gorodishch Predgornogo Kryma* [Atlas of the Late Scythian Settlements of the Foothills of Crimea]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2015, 248 p.
19. Shchepkin S.P. *Vinogradarstvo i vinodelie v dolinakh Kryma: (Iz otcheta gospodinu ministru Gosudarstvennykh imushchestv)* [Viticulture and Winemaking in the Valleys of Crimea: (From a Report to the Minister of State Property)]. Saint Petersburg, Tip. K. Sorvanova i Ko Publ., 1870, 34 p.
20. Choref M.Ia. Wine-making complex of the medieval settlement of Chufut-Kale. Report on

archaeological work at Chufut-Kale in 1975. *Nauchnyi arkhiv Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia zapovednika* [Scientific archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve]. F. 2. Op. 18. D. 11.
21. Balta E. The Underground Rock-Cut Winepresses of Cappadocia. *Journal of Turkish Studies*, 2008, vol. 32/I, pp. 61–88.
22. Temiz F.M. Hatay İli'nde Türk ve İslam Dönemi Yüzey Araştırması – 2014. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* [Research Results Meeting], 2015, vol. 33, no. 1, pp. 495–518.
23. Christodoylakos G., Moschobh G., Kopaka K., Drosinoy P. Laxeyta paththria sth Gaydo. Detorákhc Th.E., Papadákh S. (Eds.), *Pepragmena h Diethnoys Krhtoaogikoy Synedrioy (Hrákleio, 9–14 Septembríoy 1996)*, Hrákleio, 2000, pp. 557–580.
24. Khovrenko M.A. *Chastnoe vinodelie. Chast 1*. [Private Winemaking. Part 1]. Moscow, 1917, 515 p.

Информация об авторе

Ганцев В. К. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия», младший научный сотрудник Лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAR-6599-2020, Scopus ID: 57222042139.

Author information

Gantsev V. K. – Candidate of Science (History), Senior Lecturer at the Department of Archaeology and World History, Junior Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAR-6599-2020, Scopus ID: 57222042139.

НУМИЗМАТИКА

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.277-283

МОНЕТНЫЕ ВЫПУСКИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО 187–175 ГГ. ДО Н.Э.

Игорь Валентинович Шонов
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
aspyrg@gmail.com

Аннотация. Зависимость Херсонеса от Селевкидов и одновременно от Боспора заставляет по-иному рассматривать монетное дело этого города в данный период. Благодаря неизвестным нам договорам, влияние на Херсонес получает царь Боспора Перисад III. Иконография монет Херсонеса в период 187–175 гг. до н.э. несет атрибуты боспорского правителя. Это изображения грифона и горита на младших номиналах. На старшем номинале серебра изображение головы Девы и бодающего быка, известное ранее, когда Херсонесом владел Боспор. Очевидно, благодаря какому-то союзу, уже не только Селевка IV, но и Филиппа V Македонского, в лице боспорского царя Перисада III, определялась политика Херсонеса, которая отражалась на его монетах.

Ключевые слова: Херсонес, Филипп V Македонский, Антиох IV, Перисад III, гемидрахма, диобол, грифон

COIN ISSUES OF TAURIC CHERSONESE IN 187–175 BC

Igor' V. Shonov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
aspyrg@gmail.com

Abstract. The dependence of Chersonese from the Seleucids and at the same time from Bosporos allows another interpretation of the Chersonesan coinage in the period in question. Bosporan King Perisades III gained influence over Chersonese due to some agreements that remains unknown to us. Iconography of Chersonesan coins from 187–175 BC shows the Bosporan ruler's attributes, namely the images of a griffin and a *gorytos* on the lower denominations. On the senior denomination of silver coins there is an image of the head of Parthenos and a butting bull, the latter previously known when Chersonese was owned by Bosporos. Obviously, there was some kind of alliance, not only with Seleukos IV, but also with Philip V of Macedon in the person of the Bosporan King Perisades III, determining the policy of Chersonese and reflecting on the coins.

Keywords: Chersonese, Philip V of Macedon, Antioch IV, Perisades III, hemidrachm, diobol, griffin

Монетные выпуски Херсонеса, их номинал, весовая система, иконография, зависели от того государства, которое в данный период влияло на город, который в свою очередь зависел от этого государства. Город мог быть лишен права чеканки собственной монеты. Для ее возобновления Херсонесу необходимо было получать разрешение от правителя того государства, которое влияло на Херсонес. С изменением верховной власти, изменялась и политика по отношению к подчиненному городу в ту или иную сторону [1, с. 55–56]. Например, о такой зависимости сообщает Страбон [11, VII, 4, 3]. Зависимость Херсонеса от Селевкидов, затем одновременно с этим от Боспора, заставляет по-иному рассматривать систему монет Херсонеса. Очевидно, благодаря каким-то союзам между

Македонией и Сирией, теперь не только селевкидский царь, но и македонский правитель, в лице царя Боспора, определяли монетную политику, изменяя ее по обстоятельствам. При таком стечении событий, монетные выпуски необходимо рассматривать и распределять по правлениям этих правителей, которое основывалось на аналогии с остальной чеканкой этих правителей. Ранее считалось, что отражением борьбы аристократии и демократии в Херсонесе являлось развитие двух основных монетных типов: богини Девы и Геракла. В монетной чеканке Херсонеса изображение Девы и ее атрибутов является основным. В ее образе слились греческая Артемида и женское божество местных варваров Таврики – тавров. Эту таврскую Деву херсонеситы воспринимали как местную Артемиду, которая покровительствовала на их новых территориях. Культ херсонесской Девы подтверждается существованием городских храмов и праздников в честь богини. В присяге города указано, что она стоит выше олимпийских богов и богинь, являясь защитницей и спасительницей города от варваров. Наибольшее количество изображений Девы существует на монетных типах Херсонеса. Монеты с ее изображением, очевидно, указывают на какие-то свободы херсонеситов и независимость от кого-либо, либо частичную зависимость. В определенные периоды истории Херсонеса значительное распространение получил культ Геракла. Как отмечал В. А. Анохин, дорическое происхождение Херсонеса не объясняет полностью историю развития изображения монетной типологии с Гераклом [1, с. 51]. Дорическое происхождение города от Гераклеи, как метрополии Херсонеса, могло сохраняться лишь в виде атрибутов Геракла (палицы) до конца IV в. до н.э. Изображение самого Геракла на херсонесских монетах появляется в конце IV в. до н.э. [19, табл. XX,202]. Это изображение сохраняется на протяжении всего III в. до н.э. [1, с. 51], с иконографией полностью соответствующей монетам Сирии. Изображение Геракла сохранятся вплоть до 190 г. до н.э., когда в Сирии правил царь Антиох III Великий. Но в 190 г. до н.э. в битве при Магнесии Антиох III потерпел поражение от Рима и изображение Геракла пропадает на монетах Херсонеса. Могущество Селевкидов было потеряно навсегда. С этого времени территория Селевкидов ограничивалась Тавром. О своей независимости объявили армянское царство и Софена. В 188 г. до н.э. был подписан Апамейский мир, по которому Антиох терял все земли от запада до Таврских гор. Помимо этого, он должен был выплатить Риму контрибуцию в 15 000 талантов. После победы во второй Македонской войне Рим дает свободу всем греческим городам Азии и Европы. По-видимому, в 188 г. до н.э. Херсонес Таврический частично выходит из зоны влияния Сирии. Из-за экономических трудностей Антиоха III, Херсонес частично начинает переподчиняться Македонии в лице Боспора, что связано с какой-то неизвестной нам симмахией между Сирией и Македонией. В 215 г. до н.э. македонский царь Филипп V, через своего посла Ксенофана, заключил наступательный и оборонительный союз с Ганибалом. Текст этого договора известен от Полибия [8, VII, 9]. Стороны договорились оберегать друг друга. Филипп V Македонский заключал этот союз от имени «македонян и прочих эллинов, находившихся в союзе с ним». В 216 г. до н.э. македонский царь соорудил флот из легких суденышек, собираясь на них совершить поход на Иллерию. Получив известие о выходе римской эскадры в Ионийское море, Филипп вернулся в Кефаллению [8, V, 109–110]. После союза с Ганибалом, Филипп ничего не предпринимал против римлян. В своих стремлениях к мировому господству, помыслы Филиппа V были обращены к Эгиде, материковой Греции и особо к царству Селевкидов. Какой-то союз между Сирией и Македонией очевиден. Но на самом деле эти два царства скрыто оставались соперниками. Антиох III Великий имел союзников в Эпире, Элиде и Фокиде [8, XX, 2–3, 7–11; XXI, 6, 12–6]. Антиох III переоценил сопротивление греков Риму. В 192 г. до н.э. Набис был предательски убит, после неудачной попытки стратега Ахейской лиги Филопемена сокрушить его. Лишь Этолия вела борьбу на стороне Антиоха III. Филипп V со своей стороны не счел нужным усилить Антиоха III, вступая вновь в конфликт с Римом [9, с. 282–283, 286]. Завоевания Филиппа в районе Боспора [9, с. 289], очевидно, повлияли к 188 г. до н.э. на союз с Ан-

тиохом III, который позволил Македонии, в лице боспорского царя Перисада III, влиять на Херсонес, пока находился в тяжелых экономических условиях.

К данной группе монет относятся два номинала. Старший номинал, очевидно, гемидрахма (рис. 1,*1–4*).

Л. С. Голова Девы вправо.

О. С. Бодающий бык влево. Внизу имя ΞΑΝΘΟΥ или ΜΙΚΑ, либо ΝΑΝΩ. Вверху надпись ΧΕΡ. Вес монет 2,58 г; 2,45 г; 2,57 г.

В последнее время стал известен магистрат ΥΜΝΟΥ [15, с. 245]. Данный тип первым опубликовал В. А. Анохин [1, с. 142, № 121–124], номинируя данные монеты как 4,5 обола. По характеристике этих монет ученый лишь датировал их 230–220 гг. до н.э. Позднее В. А. Анохин оставил для данных монет ту же датировку [3, с. 114–117, № 746–749]. Е. Я. Туровский, исследуя эти монеты, сгруппировал ряд известных имен, расположенных на реверсах этой группы: Гимн, Мик, Нанон, Ксанф [12, с. 77, рис. 2]. Из изображений этих монет он предоставил только один экземпляр с именем ΝΑΝΩ [12, с. 60, 79, № 132]. Это все, что на сегодняшний день было сказано о данном типе монет. Следует отметить, что каждое имя на данном типе монет соответствует одному году правления. Таким образом, четырем именам соответствует четыре года правления четырех лиц. Данный тип монет мог чеканиться после 188 г. до н.э., а именно после создания Апамейского союза, после которого Антиох III Великий теряет часть территорий. Данный тип монет «Дева – бодающий бык» уже использовался на херсонесских монетах. Как пример, тетрадрахмы конца IV в. до н.э. [1, табл. VI,82–86]. Исчезновение изображения Геракла на аверсе монет указывает на ослабленное влияние на данный регион Сирии и получение Херсонесом каких-то дополнительных свобод. Реверс этих монет несет изображение бодающего быка, что, очевидно, указывает на сирийское влияние, хоть и второстепенное. Формируется данный тип монет, по-видимому, между Антиохом III Великим и Филиппом V Македонским, в лице Перисада III, который в эти годы правил Боспорским царством. Косвенно данный тип может быть связан с боспорским влиянием на Херсонес. Исходя из вышесказанного, данные гемидрахмы могли чеканиться в 187–185 гг. до н.э.

Второй номинал данной серии – диобол (рис. 1,*5–6*).

Л. С. Идущий грифон вправо.

О. С. Горит вправо, вверху имя ΞΑΝΘΟΥ или ΝΑ. Вес монет 1,3 г; 1,2 г.

Первым опубликовал этот тип А. В. Орешников [7, табл. II,31]. В. А. Анохин номинировал этот тип как 2,25 обола [1, табл. IX,125–126; 3, с. 116–117, № 751–752]. Е. Я. Туровский представляет эти монеты с двумя именами: Ксанф и Нанон [12, с. 77, рис. 2]. Из изображений данного типа представлено две монеты с именем ΝΑ и ΞΑΝΘΟΥ [12, с. 60, 81, № 133, 135]. Датировка данного диобола, как и гемидрахмы, очень расплывчата – 270–260 гг. до н.э. Позднее была опубликована разновидность данного типа с магистратом Υmnος [16, с. 36, № 43; 10, с. 558, рис. 8], редкая в ономастике Херсонеса. Известно конкретное лицо Ὕmνος Σκύϑ[α] [IPE I² 403a A], Ὕmνος Σκύϑ[α] астином. По И. В. Кацу, данное клеймо датируется 230–215 гг. до н.э. [6, с. 110, № 49], но, вероятнее, дата функционирования Гюмна Скифова в астиномной должности ближе к 200 г. до н.э., поскольку, очевидно, в 200–195 гг. до н.э. он занимал наиболее высокие должности, достигнув их исполнения ко времени предоставления ему дельфийской проксении в 195/4 г. до н.э. Другой астином Σώπλις Ὕmνος, вероятно, сын того же Гюмна, осуществляет свою деятельность в этой должности, по В. И. Кацу, в 175–160 гг. до н.э. А отцом Гюмна мог являться Σκύϑ ας Σώπλις, астиномское клеймо которого датируется по В. И. Кацу 230–215 гг. до н.э. [6, с. 110, № 49]. Отождествляемое имя можно соотнести с одноименным херсонеситом дельфийского декрета, получившим проксению в 195/4 г. до н.э. [5, с. 249, № 14]. Возможно, этот самый Гюмн, сын Скифа первоначально выступает в качестве магистрата в тройке имен ΞΑΝΘΟΥ, ΜΙΚΑ, ΥΜΝΟΥ, а вторично в монетной серии с именами ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ, ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ, ΥΜΝΟΥ [1, с. 133, 142; 17, с. 342–343; 10, с. 558–559].

В херсонесской нумизматике, кроме данного случая, изображение грифона фигурирует лишь единожды [3, с. 120–121, № 785–786], что может быть связано с боспоро-македонским союзом, и грифон на монетах Херсонеса может являться боспорским влиянием. Для Боспора изображение грифона является приемлемым. Но в III–II вв. до н.э. изображение грифона на монетах Боспора наблюдается единожды [2, с. 95, рис. 24,5]. В. А. Анохин датирует данный тип 165–155 гг. до н.э., относя его к чеканке Пантикапея, когда на Боспоре правила царица Камасария, уже будучи вдовой боспорского царя Перисада III. Если относить эти типы к самому Перисаду III, то видно, что этот правитель реставрирует старые спартокидовские изображения. В частности типы, несущие на своих реверсах изображение грифона в профиль и фасовое изображение морды льва [3, с. 148–149, № 1006, 1008, 1013, 1014], которые изначально относятся к чеканке Спартока I [19, с. 238–239, табл. XV,170; XVI,174]. Типы повторяются на монетах Перисада III [3, с. 154–155, № 1066, 1067]. Этот факт, хоть и косвенно, доказывает, что Перисад III мог быть сыном Спартока III. Данный тип «грифон – горит», по-видимому, чеканился в последующие годы после старшего номинала, а именно, приблизительно, в 188–181 гг. до н.э. Очевидно, в эти годы Перисад III, муж Камасарии, еще был жив и правил Боспором, находясь в союзе с Македонией и Сирией. Чеканка серебряных монет Херсонеса типа «Дева – бык» и «грифон – горит», скорее всего, происходила в 187–182 гг. до н.э.

К последним трем годам правления в Сирии Селевка IV Филопатора могут относиться медные выпуски (рис. 1,*7–8*).

Л. С. Голова Девы вправо.

О. С. Бодающий бык влево, под ним имя магистрата. Вес монет 3,47 г; 4 г.

Такие монеты были известны с двумя именами: ΑΓΑΣΙΚΛ и ΗΡΩΙΔΑ. Позднее к ним прибавилось еще одно имя ΣΩΤΗΡΙΟ [18, с. 430]. Впервые был опубликован данный тип медной монеты П. О. Бурачковым. Свои выводы автор основывает на мифологической связи Геракла и Артемиды, лунного и солнечного божеств, выраженных в образе на монетах типа «Артемида – бык», где бык выступает как атрибут Геракла. Автор причислял данный тип монет к типам заимствованных из Азии [4, с. 107, табл. XIV,20–21]. В. А. Анохин датирует монеты типа «Дева – бык» 200–190 гг. до н.э. [1, с. 144, № 156–157]. Позднее он уточнил датировку данного выпуска 190–180 гг. до н.э. [3, с. 118–119, № 782–783]. Е. Я. Туровский безосновательно датировал данный выпуск началом II в. до н.э. [14, табл. 15,201–202; 13, с. 97]. Наиболее точную датировку вывел В. А. Анохин – 190–180 гг. до н. э. Монеты чеканились в 177–175 гг. до н.э. – последние три года царствования в Сирии Селевка IV, годы правления 187–175 гг. до н.э. Монеты, выпущенные в эти три года, не несут на своих поверхностях никаких надчеканок, которые появляются лишь в 163 г. до н.э., когда к власти приходит Антиох IV Эпифан, двоюродный брат Селевка IV Филопатора.

При правлении в Сирии Антиоха IV на херсонесском монетном дворе происходило надчеканивание этих медных монет изображением орла на аверсе и реверсе. Также этот правитель использовал изображение орла, смотрящего назад, на своих драхмах в Сирии типа «голова Антиоха IV вправо – орел вправо, голова смотрит назад влево» [20, pl. 6,1404], как и на медных надчеканках Херсонеса. Опираясь на этот факт, данную сирийскую драхму можно датировать 177–175 гг. до н.э. У остальных Селевкидов изображение орла на их монетах развернуто влево без поворота головы. Например, у сына Селевка IV Антиоха V орел смотрит влево [20, pl. 10,1583b].

Рис. 1. Монетные выпуски Херсонеса Таврического 187–175 гг. до н.э.

Fig. 1. Coin issues of Tauric Chersonese in 187–175 BC

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
2. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 250 с.
3. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: Стилос, 2011. 328 с.
4. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям существовавших в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. М.: ИД Триумф принт, 2009. 289 с. (Репринтное издание).
5. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3(8). С. 231–315.
6. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 87–112.
7. Орешников А.В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // Нумизматический сборник. М., 1915. Т. III.
8. Полибий. Всеобщая история: в 2-х т. / Пер. Ф.Г. Мищенко. М.: Академический проект, 2020. 1317 с.
9. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. СПб.: Алетейя, 2019. 430 с. (Репринтное издание).
10. Сидоренко В.А., Шонов И.В. Несколько неизданных монет античного Херсонеса // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 550-563.
11. Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского; под ред. О.О. Крюгера; общ. ред. С.Л. Утченко. 2-е изд., репр. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
12. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь: Южногородские древности, 1997. 86 с.
13. Туровский Е.Я. Особенности херсонесской медной чеканки во II в. до н.э. // ПриPONТийский меняла: деньги местного рынка. III Международный Нумизматический Симпозиум: Материалы научной конференции / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2016. С. 97–99.
14. Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 160 с.
15. Цепков Ю.А. Новые нумизматические артефакты античного Херсонеса // ПриPONТийский меняла: деньги местного рынка. X Международный Нумизматический Симпозиум: Материалы научной конференции / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2023. С. 245–254.
16. Шонов И.В. Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000. 143 с.
17. Шонов И.В. Клад серебряных херсонесских монет II в. до н. э. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 342–354.
18. Шонов И.В. Клад медных монет II в. до н.э. из округи Херсонеса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 430–436.
19. Шонов И.В. Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н.э. Симферополь: Ариал, 2019. 475 с.
20. Houghton A., Catherin L., Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus III. Vol. II. New York, Lancaster, PA, 2008. 536 p., 119 pl.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
2. Anokhin V.A. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo* [History of the Cimmerian Bosporus]. Kiev, Odigitriia Publ., 1999, 250 p.
3. Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog* [Antique coins of the Northern Black Sea region: Catalog]. Kiev, Stilos Publ., 2011, 328 p.
4. Burachkov P.O. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniiam sushchestvovavshikh v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria, v predelakh nyneshnei Iuzhnoi Rossii* [Catalog of coins belonging to the Hellenic colonies that existed in antiquity on the northern coast of the Black Sea, within the current southern Russia]. Moscow, Triumf print, 2009, 289 p.
5. Grakov B.N. Materials on the history of Scythia in Greek inscriptions of the Balkan Peninsula and Asia Minor. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1939, no. 3(8), pp. 231–315.
6. Kats V.I. Typology and chronological classification of Chersonesos magistrate stamps. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1985, no. 1, pp. 87–112.
7. Oreshnikov A.V. Excursions into the field of ancient numismatics of the Black Sea coast. *Numizmaticheskii sbornik* [Numismatic collection], Moscow, 1915, T. III.
8. Polybius. *Vseobshchaia istoriia* [General history]. In 2 volumes. Transl. F.G. Mishchenko. Moscow, Academic project Publ., 2020, 1317 p.

9. Ranovich A.B. *Ellinizm i ego istoricheskaia rol'* [Hellenism and its historical role]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, 430 s.
10. Sidorenko V.A., Shonov I.V. Several unpublished coins of ancient Chersonesus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 550–563.
11. Strabo. *Geografiia* [Geography]. Transl. G.A. Stratanovsky, edited by O.O. Kruger. Moscow, Ladomir Publ., 1994, 944 p.
12. Turovskii E.Ia. *Monety nezavisimogo Khersonesa IV–II vv. do n.e.* [Coins of independent Chersonesos in the 4th–2nd centuries BC]. Sevastopol, Iuzhnogorodskie drevnosti Publ., 1997, 86 p.
13. Turovskii E.Ia. eatures of Chersonesos copper minting in the 2nd century BC. Alekseenko N.A. (ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. 3th International numismatic symposium], Simferopol, 2020, pp. 7–99.
14. Turovskii E.Ia., Gorbatov V.M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: katalog-opredelitel'* [Coins of ancient and medieval Chersonesos: a catalogue-guide]. Simferopol, DIAIPI Publ., 2013, 160 p.
15. Tsepkov Iu.A. New numismatic artifacts of ancient Chersonesos. Alekseenko N.A. (ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. 10th International numismatic symposium], Simferopol, 2020, pp. 245–254.
16. Shonov I.V. *Monety Khersonesa Tavricheskogo. Katalog* [Coins of Tauric Chersonesos. Catalog]. Simferopol, 2000, 143 p.
17. Shonov I.V. Silver coins hoard of Chersones 2nd century BC. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 342–354.
18. Shonov I.V. Copper coins hoard from neighborhood of the Chersonesos 2nd century BC. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2005, vol. 11, pp. 430–436.
19. Shonov I.V. *Monetnaia chekanka pravitelei Bospora VI–I vv. do n.e.* [Coinage of the rulers of Bosporus in the 6th–1st centuries BC] Simferopol, Arial Publ., 2019, 475 p.
20. Houghton A., Catherin L., Oliver H. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus III*. Vol. II. New York, Lancaster, PA, 2008, 536 p., 119 pl.

Информация об авторе

Шонов И. В. – младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABH-1185-2021.

Author information

Shonov I. V. – Junior Researcher, Institute of Archeology of Crimea of RAS, Researcher ID: ABH- 1185-2021.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.284-290

ФАЛЬШИВЫЙ ТИРОЛЬСКИЙ ТАЛЕР КОНЦА XVI В. ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Николай Александрович Алексеенко
Институт археологии Крыма Российской Академии наук, Симферополь, Россия
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1992-680X

Аннотация. В статье рассматривается находка в Юго-Восточном Крыму (окрестности с. Грушевка, Судакский район) фальшивого тирольского талера австрийского эрцгерцога Фердинанда (1564–1595) современной ему эпохи. Высококачественный фальсификат европейской монеты крупного номинала, изготовленный уникальной технологией – методом пайки серебряных пластин на заготовку из недрагоценного металла, вместе с другими подделками наряду с аутентичными экземплярами иноземных денег, обнаруженными на территории Крыма, свидетельствуют не только о проникновении на полуостров и присутствии в регионе в XVI–XVII вв. денег различных европейских эмитентов, но и указывают на то, что, судя по всему, иностранная валюта в начале Нового времени так или иначе принимала участие в денежном обращении Таврики вместе с эмиссиями крымских ханов и турецких султанов.

Ключевые слова: Таврика, нумизматика, денежное обращение, монеты Тироля, эрцгерцог Фердинанд, фальсификат

COUNTERFEIT LATE-SIXTEENTH-CENTURY TYROLEAN THALER FROM THE SOUTH-EASTERN CRIMEA

Nikolay A. Alekseienko
Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Science, Simferopol, Russia
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1992-680X

Abstract. This article discusses a counterfeit Tyrolean thaler of the Erzherzog Ferdinand of Austria (1564–1595) minted in the period contemporary to him and discovered in the south-eastern Crimea (in the environs of the modern village of Grushevka, Sudak administrative area). This is high-quality counterfeit of a large-denomination European coin, made with a unique technology of soldering silver plates onto a base metal blank. Along with other counterfeits and authentic examples of foreign coins discovered in the Crimea, this find shows that the sixteenth- and seventeenth-century money of various European issuers penetrated to the peninsula, and that, apparently, in the Early Modern Period, foreign currency took part in the coin circulation in the Taurica in this or that way along with the coins minted by the Crimean khans and Ottoman sultans.

Keywords: Taurica, numismatics, coin circulation, coins of Tyrol, Erzherzog Ferdinand, counterfeit

В последнее время в исследованиях по крымской нумизматике позднего Средневековья и начала Нового времени всё чаще звучит вопрос о вероятности участия в денежном обращении полуострова XVI–XVII вв. кроме местных ханских денег и эмиссий турецких султанов, в юрисдикцию которых входило южное побережье полуострова, но и самых разнообразных монет европейских эмитентов [1, с. 29–33; 2, с. 11–15; 3, с. 44–50]. Очевидным аргументом в подтверждение данного тезиса становится постоянное расширение базы данных о находках новых экземпляров не только традиционных выпусков Речи Посполитой, Великого княжества Литовского или Польско-Шведской

Прибалтики, но порой даже самых неожиданных монет из Западной Европы. К примеру, достаточно широкий спектр иноземной валюты конца XVI – первой половины XVII в., попадавшей на территорию Таврики, прекрасно иллюстрирует недавно изданный феодосийский клад [8, с. 293–374], хотя его состав достаточно далёк от полного перечня известных к настоящему времени в Крыму монет начала Нового времени.

Понятно, что присутствие в денежном обращении крымского региона разномастной монеты создавало все предпосылки проникновения на рынок и различного рода фальсификатов. В последнее время число таких примеров постоянно растёт и ширится. Достаточно вспомнить хотя бы находку субэратного гданьского орта Сигизмунда III Вазы в Юго-Западном Крыму [7, с. 438–448] или других подделок, в том числе и достаточно крупных номиналов [5, с. 12–15; 6, с. 129-134, цвет. вкладка XLIII], обнаруженных в разных районах полуострова.

В этой категории находок особое место занимает фальшивый талер австрийского эрцгерцога Фердинанда (1564–1595) той эпохи, который был обнаружен в окрестностях села Грушевка (Судакский район) в Юго-Восточном Крыму[1]. В настоящее время монета передана в собрание Центрального музея Тавриды (Симферополь).

1. Н–11244. Центральный музей Тавриды (ГК-51083504).

Диаметр – 39 мм; вес – 25,29 г; соотношение осей – 3 час.

Аверс. Поясной портрет монарха, вправо, в короне и парадном доспехе. По кругу расположена латинская легенда с разделительными знаками между литерами: ·FERDINAND**:**D**:**G**:**ARCH[ID⁘AV]STRIA· – *Ferdinand(us) D(ei) G(raia) Arch*[*idux Au*] *stria(e)* – Фердинанд, божьей милостью эрцгерцог Австрии. Внешний рубчатый ободок практически не сохранился.

Реверс. Четырёхчастный геральдический щит с австрийским гербом в центре в обрамлении цепи ордена Золотого руна; сверху – корона. По кругу латинская легенда с разделительными знаками между литерами: DVX ·BVRGVNND**:** – CO**:**TIROLIS· ⁎ – *Dux Burgund(iae) Co(mes) Tirolis* – герцог Бургундии, граф Тироля. По краю – рубчатый ободок. Дата и обозначение монетного двора отсутствуют.

Исходя из изображений и легенды, представленных на рассматриваемом артефакте, последний должен быть ничем иным как талером австрийского эрцгерцога Фердинанда (1564–1595). Аналогичные монеты хорошо известны в западноевропейской нумизматике и отнесены к чеканке графства Тироля на монетном дворе г. Халль (Hall). В известном каталоге талеров Дж. С. Давенпорта представлено значительное количество австрийских талеров, в том числе и несколько типов, отчеканенных для эрцгерцога Фердинанда [см.: 15, nr. 8088–8103; ср.: 16, p. 426]. Все они не имеют даты.

Судя по всему, прототипом для крымского экземпляра послужил экземпляр № 8099 из каталога Дж. Давенпорта [15, nr. 8099].

Однако, характерные особенности крымской находки не оставляют сомнений в том, что это имитация-подделка той эпохи, хотя и изготовленная весьма профессионально с использованием специальной сложной технологии.

При этом следует отметить, что и размер, и вес крымского фальсификата достаточно близки по метрическим показателям к эмиссиям официальной чеканки того времени.

По классификации европейской фальшивой монеты, наш экземпляр относится к категории кустарных подделок, выполненных при помощи припаивания серебряных пластин с изображением аверса и реверса имитируемой монеты на гладкую заготовку из недрагоценного металла при помощи легкоплавкого припоя, в основе которого предполагался свинец [9, s. 165–170; 12, с. 18–19; 13, с. 340; 14, с. 37]. Важно отметить, что при этом автор особо отмечает, что такие подделки требовали от фальшивомонетчика не только ювелирного мастерства, но и высоких навыков металлообработки [12, с. 18].

[1] Впервые данный артефакт был представлен в докладе автора на Двадцать второй Всероссийской нумизматической конференции (Смоленск) в 2023 г. [4, с. 129, рис. 1]. Благодарю Е. М. Ушанкова и Д. А. Староверова за помощь при подготовке монеты к публикации.

Насколько можно судить по крымской находке, художественный уровень исполнения изображений здесь действительно достаточно высок: элементы портрета, геральдические символы и легенда вполне соответствуют оригинальному прототипу (точнее сказать, они достаточно хорошо скопированы при помощи оттиска на тонкой серебряной фольге; имитацию выдаёт лишь нечёткий оттиск отдельных элементов).

Заметим, что характерную специфику получаемого на тонкой фольге изображения при помощи прочеканки (эстампажа) через мягкий материал (кожу, войлок и т.п. [12, с. 18]) прекрасно демонстрирует аверс рассматриваемого экземпляра. Известно, что при оттиске далеко не всегда на копии получалось чёткое изображение: зачастую лишь края рельефных участков оригинала передавались достаточно уверенно, а остальные элементы заметно искажались (сглаживались). Что мы собственно и наблюдаем на крымской находке, особенно чётко это видно на литерах легенды: в результате использования монеты-имитации чёткий рельеф сохранился только в наиболее жёсткой части литер – по их периметру, а пустотелая внутренняя область букв из-за недостаточной толщины серебряной фольги существенно «просела». Аналогичная картина наблюдается и на отдельных частях портрета правителя.

Степень сохранности монеты (частичная утрата покрытия поля и гурта) позволила провести рентгено-флуоресцентный анализ состава монетного сплава не только её поверхности, но и ядра-заготовки.

Анализ элементного состава монеты (диаметр коллиматора 1,5 мм, время измерения в каждой точке 20 с) был проведён в лаборатории НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского[2] при помощи спектрометра M1 MISTRAL (Bruker).

Результаты элементного анализа отражены в таблице 1:

	Cu	Zn	Mn	Fe	Ag	As	Au	Pb	Sb	Sn
ядро	69,49	0,00	0,00	0,59	1,59	0,86	0,13	0,83	0,56	25,94
поле	2,49	0,00	0,00	0,00	79,06	0,00	3,62	0,00	0,00	14,82

Как можно видеть из данных таблицы, заготовка монеты выполнена из качественного сплава высокооловянистой бронзы (медь – 69,49%, олово – 25,94%). Состав сплава поверхностного поля на обеих сторонах показал, что фальсификат покрыт пластинами (фольгой) из высокопробного серебра (79,06%), вероятно, с небольшими присадками золота (3,62%). Примечательно, что на поверхности абсолютно отсутствует свинец, а вот олово, напротив, представлено достаточно существенно (14,82%).

Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет высказать предположение, что для пайки пластин, скорее всего, по крайней мере в нашем случае – точно, применялся припой на основе олова, а отнюдь не свинца [ср: 12, с. 18].

А. С. Бойко-Гагарин, называя известные в то время фальсификаты с применением метода пайки серебряных пластин, указывал лишь экземпляры, датируемые не ранее первой половины XVII в. [12, с. 18–19]. Отсутствие даты выпуска на оригинальных талерах, выпущенных от имени эрцгерцога Фердинанда, определяет их датировку в пределах всего его австрийского правления, т.е. в период между 1564 и 1595 г. Надо полагать, что и рассматриваемый крымский фальсификат также принадлежит этому времени. Таким образом, сегодня с уверенностью можно констатировать, что изготовление фальсификатов европейских монет крупных номиналов, выполненных методом пайки серебряных пластин, началось уже во второй половине XVI столетия или даже раньше.

[2] Автор выражает глубокую благодарность к. и. н. А. В. Антипенко за постоянную помощь в работе с монетами и определение элементного состава их сплавов при помощи РФлА ..

И это подтверждают сами находки таких фальсификатов, например, талера Фердинанда I Габсбурга 1535 г. в Черкасской области [13, с. 159, 160, 454, рис. 346] и трансильванского талера Сигизмунда Батория 1591 г. в Молдавии [10, с. 39; 13, с. 181, 462, рис. 405].

Насыщение денежного рынка дорогостоящими подделками в самых разных европейских регионах общеизвестно. Подобные находки в большинстве своём происходят с территории соседнего с Крымом Пруто-Днестро-Днепровского региона. Среди них, посеребрённый при помощи ртутного амальгамирования, венгерский талер Рудольфа II Габсбурга 1580 г. из окрестностей Белгород-Днестровского [11, с. 8], талеры саксонского курфюрста Йоганна Георга I (1611–1656) и австрийского эрцгерцога Леопольда 1620 г. из Винницкой области [13, с. 186, 190, 191, 469, 470, рис. 455–456], а также левендаальдеры голландских провинций [13, с. 475, 476, рис. 501–503]. В Крыму ранее было зафиксировано лишь четыре подобные находки: в Бахчисарайском районе – австрийского талера 1588 г., в Белогорском (в районе с. Богатое) – голландского левендаальдера 1626 г., в Сакском (в районе с. Шелковичное) – левендаальдера Ультрехта 1629 г., а в Черноморском (в районе с. Водопойное) – рейхсталера Леопольда Австрийского [13, с. 545, 546, таблица 2].

По наблюдения А. С. Бойко-Гагарина «на территории исторических земель Трансильвании, Бессарабии и Буковины находки фальсификатов талеров – не редкость», большинство из них составляют подделки левендаальдеров голландских провинций [10, с. 39; 13, с. 181]. При этом автор особо отмечает, что масса последних обусловлена широким присутствием аутентичных «левков» в денежном обращении Пруто-Днестровского региона в конце XVI – середине XVII в. Надо полагать, что известные крымские находки монет крупных номиналов и их фальсификатов, в том числе и, к сожалению, из разошедшихся по рукам кладов, также свидетельствуют о том, что на территории Таврики в начале Нового времени в практике совершения крупных торговых сделок широко использовалось европейское серебро.

Несмотря на то, что ввиду высокой стоимости монет крупного достоинства на рынке, население всегда было более бдительным именно к монетам крупного достоинства, как нам представляется, рассматриваемая находка, скорее всего, не была своевременно изобличена. В первую очередь, на это указывает отсутствие на ней каких бы то ни было отметок, свидетельствующих о раскрытии её контрафактности (специфические отверстия от ножа и т.п. [13, с. 345, 346]). Работа фальшивомонетчика в нашем случае оказалась достаточно мастерской и, очевидно, лишь после изъятия fake-талера из обращения (утери!) и соответствующего попадания монеты в грунт, вследствие коррозии металла, она получила лишь на некоторых участках частичную утрату поверхности поля и отслоение припаянной гуртовой полоски.

Подобная находка в Крыму обнаружена впервые, её редкость подчеркивает и использование для копирования монеты графства Тироль. Заметим, что в известном своде множества имитационных монет Ц. Г. Скарфеа фигурирует лишь единственный экземпляр тирольского талера эрцгерцога Леопольда, датированный 1621 г. [17, p. 290, nr. LXXXI]. По мнению А. С. Бойко-Гагарина, монеты-подделки, находимые на территории Восточной Европы, могли подделываться в регионах, находившихся в непосредственной близости к основному ареалу обращения официальных выпусков, а затем в составе крупных денежных сумм торговыми путями проникали в те или иные регионы Право- и Левобережья Украины и Крыма [13, с. 327]. Видимо, таким же образом попал в Таврику и тирольский фальсификат талера.

Но, так или иначе, новая находка вместе с другими фальшивыми монетами, наряду с аутентичными экземплярами иноземных денег, обнаруженными на территории Крыма, даёт нам все основания полагать, что иноземные деньги целого ряда европейских эмитентов не только проникают на полуостров в XVI–XVII вв., но и, судя по всему, в этот период так или иначе участвуют в денежном обращении Таврики вместе с эмиссиями крымских ханов и турецких султанов.

Рис. 1. Фальшивый талер австрийского эрцгерцога Фердинанда (Тироль, Халль, 1564–1595 гг.) из Юго-Восточного Крыма (фото автора)

Fig. 1. Counterfeit thaler of Erzherzog Ferdinand (Tyrol, Hall, 1564–1595) from the south-eastern Crimea (photographed by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. К вопросу о составе денежного рынка Балаклавы в оттоманский период (1475–1783 гг.) (по данным раскопок крепости Чембало) // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2014 г.: Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 29–33.
2. Алексеенко Н.А. Заморские деньги на рынках средневековой Таврики // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. IV Международный нумизматический симпозиум: Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 11–15.
3. Алексеенко Н.А. Иноземная монета (XIV–XVII вв.) в денежном обращении юго-западной Таврики. Эмитенты Речи Посполитой // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Второй Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2019. Вып. II. С. 44–50.
4. Алексеенко Н.А. Новый нумизматический фальсификат из Крыма // Двадцать вторая Всероссийская нумизматическая конференция (Смоленск, 22–26 мая 2023 г.): Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 2023. С. 129–131.
5. Алексеенко Н.А. Фальшивый западноевропейский гульден из Юго-Восточного Крыма // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России: Материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь, 2024. С. 12–15.
6. Алексеенко Н.А. Фальшивая монета как фактор участия иноземных монет в денежном обращении Крыма в начале Нового времени // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Второй Международной научной конференции (23–25 октября 2024 г., Санкт-Петербург) / под ред. А.А. Богданова. Вып. VII. СПб., 2024. С. 129–134.
7. Алексеенко Н.А., Антипенко А.В. Находка субэратного гданьского орта Сигизмунда III в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 438–448.
8. Алексеенко Н.А., Староверов Д.А. Клад европейских монет конца XVI – первой половины XVII в. из Феодосии // История и археология Крыма. 2021. Вып. XIV. С. 293–374.
9. Бойко-Гагарин А.С. Фальшивые орты Сигизмунда III Вазы, изготовленные методом пайки серебряных пластин // Studia i Materialy ”Pieniadz i sistemy monetarne wspolne dziedzictwo Europy”. Augustow, Warsazawa, 2012. S. 165–170.
10. Бойко-Гагарін А.С. Фальсифікат з епохи трансільванського талера Сигізмунда Баторія // Львівські нумізматичні записки, 2009–2010. Львів, 2012. № 6–7. С. 39–41.
11. Бойко-Гагарин А.С. Фальшивый венгерский талер 1580 г. // Нумизматика и фалеристика. 2015. № 1. С. 8.
12. Бойко-Гагарин А.С. Новые данные о фальсификатах монет, изготовленных методом пайки пластин // Нумизматика и фалеристика. 2015. № 2. С. 18–19.
13. Бойко-Гагарин А.С. Фальшивомонетничество в Центральной и Восточной Европе в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Киев, 2017.
14. Бойко-Гагарин А.С., Шаталин И.С. Подделки ортов Сигизмунда III Вазы // Шаталин И.С. Орты Сигизмунда III Вазы. Киев, 2013. С. 31–39.
15. Davenport J.S. European Crowns 1484–1600 (Nr. 8001–8899). Frankfurt, 1977.
16. Draskovic F., Rubenfeld S. Standard Price Guide to World Crowns & Talers 1484–1968 as cataloged by Dr. John S. Davenport. 2nd ed. Iola: Krause Publication, 1984.
17. Scarfea C.G. Le imitazioni e le contraffazioni monetarie nel Mondo. Parte IV. Bologna, 1972.

REFERENCES

1. Alekseienko N.A. On the composition of the Balaklava money market in the Ottoman period (1475–1783) (based on excavations of the Cembalo fortress). *Numizmaticheskie chtenija GIM 2014 goda: Materialy dokladov i soobshheniy* [Numismatic readings of State Historical Museum, 2014: Abstracts of Reports], Moscow, 2014, pp. 29–33.
2. Alekseienko N.A. Foreign money in the markets of medieval Taurica. *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IV Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. 4th International Numismatic Symposium], Sevastopol, 2016, pp. 11–15.
3. Alekseienko N.A. Foreign coin (14th–17th centuries) in circulation in southwestern Taurica. Coins of the rulers of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 2nd International Scientific Conference], St. Petersburg, 2019, pp. 44–50.
4. Alekseienko N.A. New Numismatic Fake from Crimea. *XXII Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia*: *tezisy dokladov i soobshchenii* [The 22th All-Russia Numismatic Conference. Abstracts of Reports], Smolensk, 2023, pp. 129–131.

5. Alekseienko N.A. Counterfeit Western European Guilder from South-Eastern Crimea. *XXV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy issledovanii drevnostei iuga Rossii* [25th Bosporian Readings. Cimmerian Bosporus and World of Barbarian in Antiquity and the Middle Ages. Problems of Researching Antiquities in the South of Russia], Simferopol, Kerch, 2024, pp. 12–15.
6. Alekseienko N.A. Counterfeit coin as a factor in the participation of foreign coins in the monetary circulation of Crimea at the beginning of the New Time. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 7th International Scientific Conference], St. Petersburg, 2024. pp. 129–134..
7. Alekseienko N.A., Antipenko A.V. The find of a suberate Gdansk Ort of Sigismund III in the South-western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. XXV, pp. 438–448.
8. Alekseienko N.A., Staroverov D.A. A Hoard of European Coins from the Late Sixteenth to the First Half of the Seventeenth Centuries from Feodosiya. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of Crimea], Simferopol, 2020, vol. 14, pp. 183–186.
9. Boiko-Gagarin A.S. Fake Orts of Sigismund III Vases made by Soldering Silver Plates. *Money and monetary systems – the common heritage of Europe Studies and Materials.* Augustow, Warsazawa, 2012. S. 165–170.
10. Boiko-Gagarin A.S. A forgery from the era of the Transylvanian thaler of Sigismund Batory. *L'vivs'ki numizmatichni zapiski. 2009–2010* [Lviv Numismatic Notes. 2009–2010], Lviv, 2012, no. 6–7, pp. 39–41.
11. Boiko-Gagarin A.S. Fake Hungarian thaler of 1580. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics], 2015, no. 1, p. 8.
12. Boiko-Gagarin A.S. New data on counterfeit coins made by soldering plates. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics], 2015, no. 2, pp. 18–19.
13. Boiko-Gagarin A.S. *Fal'shivomonetnichestvo v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope v epokhu Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni* [Counterfeiting in Central and Eastern Europe in the Middle Ages and Early Modern Periods]. Kiev, 2017.
14. Boyko-Gagarin A.S., Shatalin I.S. Counterfeits of the Orts of Sigismund III Vasa. Shatalin I.S. *Orts of Sigismund III Vasa*. Kiev, 2013, pp. 31–39.
15. Davenport J.S. *European Crowns 1484–1600 (Nr. 8001–8899)*. Frankfurt, 1977.
16. Draskovic F., Rubenfeld S. *Standard Price Guide to World Crowns & Talers 1484–1968 as cataloged by Dr. John S. Davenport*. 2nd ed. Iola, Krause Publ., 1984.
17. Scarfea (di) C.G. *Le imitazioni e le contraffazioni monetarie nel Mondo*. Parte IV. Bologna, 1972.

Информация об авторе

Алексеенко Н. А. – dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAB-2881-2020.

Author information

Alekseenko N. A. – dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAB-2881-2020.

ИСТОРИЯ

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.291-304

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ГОТОВ ОБЛАСТИ ДОРИ

Александр Ильич Айбабин
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Аннотация. Готскую область Дори (Δόρυ) византийский историк VI в. Прокопий локализовал в Юго-Западном Крыму. Прокопий обошел молчанием религиозные воззрения жителей Дори. Несомненно, они «как и другие готские народы» исповедовали христианство. Поскольку в письменных источниках отсутствуют заслуживающие доверия сведения о существовании готской епархии в Горном Крыму в IV–VI вв., то о дате начала распространения христианства среди варваров Юго-Западного Крыма следует судить по материалам раскопок оставленных ими некрополей. Археологические материалы позволяют говорить о возникновении в Горном Крыму с конца IV в. готских и аланских христианских общин, для которых привозили амфоры с дипинти εὐλογία и τρυγία с вином для богослужения. Очевидно, христианизация приграничных «варваров» интенсифицировалась после издания императором Феодосием I в 380 и 381 годах эдиктов, провозгласивших христианство никейского исповедания единственной государственной религией и приравнявших церковные структуры к государственным учреждениям. С первой половины VI в. жители страны Дори хоронили умерших в прижизненной, как правило, парадной одежде вместе с носившимися при жизни индивидуальными предметами христианского культа. Строительной активности времени правления императора Юстиниана I (527–565) приписывают христианские храмы, раскопанные на плато Мангуп и в балке Каралез близ его подножия.

Ключевые слова: область Дори, готы, христианство, пряжки, амулеты, кресты

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

CHRISTIANIZATION OF THE GOTHS IN THE REGION OF DORY

Aleksandr I. Aibabin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Abstract. The sixth-century Byzantine historian Procopius placed the Gothic region of Dory (Δόρυ) in the south-western Crimea. Procopius kept silence religious views of the inhabitants of Dory. Undoubtedly, they confessed Christianity, “like other Gothic peoples.” As written sources contain no reliable information about the existence of a Gothic diocese in the mountainous Crimea from the fourth to sixth century, the date when Christianity started spreading among the barbarians of the south-western Crimea is to uncovered by the materials of excavations of the cemeteries they created. Archaeological materials suggest that Gothic and Alan Christian communities emerged in the mountainous Crimea from the late-fourth century on: they imported amphorae with dipinti εὐλογία and τρυγία with wine used at divine service. Apparently, the Christianization of the borderland “barbarians” intensified after the Emperor Theodosius I issued edicts in 380 and 381, proclaiming the Nicene Creed of Christianity as the only state religion and equated church structures with state institutions. From the first half of the sixth century on, the inhabitants of the region of Dori buried their dead in their lifetime, usually ceremonial clothing, together with individual objects of Christian worship which the deceased wore during life. The churches excavated atop of the plateau of Mangup and near its foot, in the Karalez Ravine, are usually attributed to the construction activity of the age of the Emperor Justinian I (527–565).

Keywords: region of Dory, Goths, Christianity, buckles, amulets, crosses
Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity,* supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Область Дори (Δόρυ) византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский в сочинении «De Aedificiis» локализовал в горном регионе между приморскими городами Херсон и Боспор [51, Vol. VII, Book III, VII,10–17; 5, с. 315]. По словам Прокопия: «13 ἔστι δέ τις ἐνταῦθα χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα, ἵνα δὴ ἐκ παλαιοῦ Γότθοι ᾤκηνται οἱ Θευδερίχῳ ἐς Ἰταλίαν ἰόντι οὐκ ἐπισπόμενοι, ἀλλ᾽ ἐθελούσιοι αὐτοῦ μείναντες, Ῥωμαίων καὶ εἰς ἐμέ εἰσιν ἔνσπονδοι· ξυνστρατεύουσί τε αὐτοῖς ἐπὶ πολεμίους τοὺς σφετέρους ἰοῦσιν, ἡνίκα ἂν βασιλεῖ βουλομένῳ εἴη. – И есть некая область здесь вдоль побережья, именуемая Дори, где готы жили с древних времен, а именно те, кто не последовали за Теодорихом, когда он ушел в Италию, но остались здесь по их собственному согласию, и даже в мое время они были в союзных отношениях с римлянами. И они выступают с римлянами против их врагов каждый раз, когда Император так желает. 14 ἐξικνοῦνται δὲ ἐς τρισχιλίους, καὶ τά τε πολέμια ἔργα εἰσὶν ἄριστοι τά τε ἐς τὴν γεωργίαν αὐτουργοὶ δεξιοί, καὶ φιλοξενώτατοι δέ εἰσιν ἀνθρώπων ἁπάντων. – Их число достигает три тысячи, и они – и превосходные воины, и искусные земледельцы и самые гостеприимные люди в мире» [51, Vol. VII, Book III, VII,13,14]. Прокопий именовал готов Дори ἔνσπονδοι – энспондами (союзниками) Восточной Римской империи, подчинявшимися приказу императора.

В трех параграфах Прокопий охарактеризовал ландшафт области готов: «15 αὐτὴ δὲ ἡ χώρα τὸ Δόρυ τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῷ κεῖται, οὐ μέντοι οὔτε τραχεῖα οὔτε σκληρά ἐστιν, ἀλλ᾽ ἀγαθή τε καὶ εὔφορος καρπῶν τῶν ἀρίστων. – Сама область Дори находится на возвышенности, еще она ни неровна, ни тверда, однако плодородная почва и производящая лучшие зерновые. 16 πόλιν μὲν οὖν ἢ φρούριον οὐδαμῆ τῆς χώρας ὁ βασιλεὺς ἐδείματο ταύτης, κατείργεσθαι περιβόλοις τισὶν οὐκ ἀνεχομένων τῶν τῇδε ἀνθρώπων, ἀλλ᾽ ἐν πεδίῳ ἀσμενέστατα ᾠκημένων ἀεί. – Однако Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине. 17 ὅπη ποτὲ δὲ τῶν ἐκείνῃ χωρίον βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιοῦσιν ἐδόκει εἶναι, ταύτας δὴ τειχίσμασι μακροῖς τὰς εἰσόδους περιβαλών, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδου φροντίδας ἀνέστειλε Γότθοις… – Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подходы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением…» [51, Vol. VII, Book III, VII,15–17].

Для определения границ области Дори необходимо принимать во внимание как соответствие описанию Прокопия ландшафта местности, так и оставленную жителями Дори археологическую культуру, запечатленную в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии и бытовой утвари. Ландшафту Дори, описанному в цитированных выше параграфах 15–17, близок ландшафт местности между Внутренней и Главной грядами (от устья Чёрной речки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (на южных склонах Главной гряды близ Ялты, Ореанды и Симеиза). Следуя тексту §16, участок берега между крепостями Алустон и Горзубиты нельзя включать в Дори. Ведь в Дори император не строил крепостей. На территории области выявлена археологическая культура, существовавшая как во время правления короля остроготов Теодориха Великого (470–526 гг.), так и в период царствования Юстиниана I (527–565 гг.). Судя по материалам раскопок, данную археологическую культуру создали аланы, известные в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса с начала II в., и германцы, мигрировавшие около середины III в. [34, S. 96–104; 12, с. 26–102; 10, с. 32–45]. Прокопий именовал готами не только жителей Дори. Например, в трактате «О войнах» он писал о готском племени алан [48, Vol. II, Book III, III,1; 49, Vol. III, Book V, I,3).

В сочинениях историка Прокопия Кесарийского содержатся и противоречивые сведения о крымских готах и христианстве. В «De Bello Gotico» Прокопий локализовал на Керченском полуострове готов – тетракситов (Τετραξῖται), преградивших путь гуннам утигурам, возвратившимся к Меотиде из Подунавья. В повествовании Прокопия указаны три даты пребывания тетракситов в Восточном Крыму: переселение вандалов в Ливии в 429 г., распад гуннского государства Аттилы в 454 г., переселение визиготов в Испанию в 488 г. По словам Прокопия, готов тетракситов в древности называли скифами [50, Vol. IV, VIII, V,5,6]. В параграфе V,23 он уточняет: «…скифы и тавры владеют всей страной, которая и теперь называется Таврикой» [50, Vol. IV, VIII, V,23].

По утверждению Прокопия, при Юстиниане I (527–565) теракситы и другие готские народы уже были христианами: «παρὰ δὲ τὸν χῶρον αὐτὸν ὅθεν ἡ τῆς Δίμνης ἐκβολὴ ἄρχεται, Γότθοι οἱ Ῥετραξῖται καλούμενοι ᾤκηνται, οὐ πολλοὶ ὄντες, οἳ δὴ τὰ Χριστιανῶν νόμιμα σεβόμενοι περιστέλλουσιν οὐδενὸς ἧσσον….Εἴτε δὲ τῆς Ἀρείου δόξης ἐγένοντο πότε οἱ Γότθοι οὗτοι, ὥσπερ καὶ τὰ ἄλλα Γοτθικὰ ἔθνη, εἴτε καὶ ἄλλο τι ἀμφὶ τῇ δόξῃ αὐτοῖς ἤσκητο, οὐκ ἔχω εἰπεῖν, ἐπεὶ οὐδὲ αὐτοὶ ἴσασιν, ἀλλ᾽ ἀφελείᾳ τε τανῦν καὶ ἀπραγμοσύνῃ πολλῇ τιμῶσι τὴν δόξαν. Οὗτοι ὀλίγῳ πρότερον (λέγω δέ, ἡνίκα πρῶτόν τε καὶ εἰκοστὸν ἔτος Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς τὴν αὐτοκράτορα εἶχεν ἀρχὴν) πρέσβεις τέτταρας ἐς Βυζάντιον ἔπεμψαν, ἐπίσκοπον σφίσι τινὰ δεόμενοι δοῦναι ἐπεὶ ὅστις μὲν αὐτοῖς ἱερεὺς ἦν τετελευτήκει οὐ πολλῷ πρότερον, ἔγνωσαν δὲ ὡς καὶ Ἀβασγοῖς ἱερέα βασιλεὺς πέμψειε καὶ αὐτοῖς προθυμότατα Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ἐπιτελῆ ποιήσας τὴν δέησιν ἀπεπέμψατο. – Но вблизи того места, где начинается выход из озера, (Меотида) живут готы, называемые тетракситами, народ не очень многочисленный, но они почитают и соблюдают христианские обряды так же тщательно, как и любой другой народ. …А что касается того, придерживались ли эти готы когда-то арианской веры, как и другие готские народы, или же вера, исповедуемая ими, имела какую-то другую особенность, я не могу сказать, поскольку сами они совершенно невежественны в этом вопросе, но в настоящее время веру чтят в духе полной простоты и без пустых вопросов. Этот народ недавно (а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления императора Юстиниана) послал к Византию четырех послов, умоляя его дать им епископа; ибо тот, кто был их священником, незадолго до этого умер, и они узнали, по их словам, что и абасгам император послал священника, и император Юстиниан очень охотно исполнил их просьбу, прежде чем отпустить их» [50, Vol. IV, VIII, IV,6–12]. Обращение тетракситов к императору с просьбой прислать епископа демонстрирует их приверженность никейскому (православному) изводу.

Хотя Прокопий обошел молчанием религиозные воззрения жителей Дори, несомненно, они «как и другие готские народы» исповедовали христианство [50, Vol. IV, VIII, IV,9]. Готы – энспонды империи, получавшие за службу регулярные выплаты, в соответствии еще с эдиктами императора Феодосия I 380 и 381 годов должны были быть христианами. На территории страны Дори не известны христианские храмы V – первой половины VI в.

Первым епископом крымских готов Ф. К. Брун, В. Г. Васильевский и А. А. Васильев называли Унилу [13, с. 208; 14, с. 369–370; 54, p. 32–36], которого рукоположил архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст (Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος). Напомню, в данном письме шла речь об опасности зимнего плавания не только к Боспору, но и в некие «те страны» на Черном море (‘Οὐδὲ γάρ δυνατὸν αὐτοῖς πλεῦσαι εἰς τὸν Βόσπορον νῦν, ουδέ εἰς τὰ μέρη ἐκεῖνα) [41, col. 501]. По свидетельству епископа Кирского Феодорита (393–458/466), архиепископ Константинополя Иоанн Златоуст отправил в Подунавье к готам миссионеров, которые «говорили на том же языке, как те» (ὁμόγλωττοι ἐκείνος) [53, V, 30,31, S. 330–331; 44, p. 266; 21, с. 216]. Безусловно, Иоанн Златоуст писал о дунайской Готии [7, с. 73].

Поскольку в письменных источниках отсутствуют заслуживающие доверия сведения о существовании готской епархии в Горном Крыму в IV–VI вв., то о дате начала распространения христианства среди варваров Юго-Западного Крыма следует судить по материалам раскопок оставленных ими некрополей.

Через Херсон в Горный Крым из Византии и других территорий поступали необходимые товары, в том числе керамика. Торговцы завозили в регион изготовлявшиеся в Гераклее Понтийской во второй половине IV – начале V в. светлоглиняные узкогорлые амфоры типа F по классификации Д. Б. Шелова [30, с. 18–19, рис. 7; 10]. Амфоры типа F найдены в слое конца IV в. на Афинской агоре [52, p. 110, p1. 29,M274], также в погребениях алан и готов с инвентарем второй половины IV – первой половины V в. [12, с. 46–47, рис. 45,2,6–11]. В амфорах из Гераклеи перевозили вино или масло [32, p. 256, fig. 1f; 46, p. 111, 116–117]. Производители красной краской наносили на сосуды дипинти на греческом языке, в которых указывали название и объем их содержимого, место происхождения товара или имя торговца [18, с. 104–106; 19, с. 40]. Э. И. Соломоник дипинти ΕΥΛΟΓΙ на амфоре из Инкерманского могильника интерпретировала как христианский термин εὐλογία – «благословление» и связала его появление на сосуде с распространением в этот период нового вероучения [19, с. 42, № 10]. В Инкермане найдены еще две амфоры с надписью ΕΥΛΟΓΙ [16, с. 206, № 76, рис. 44,76; с. 223, № 151, рис. 50,151]. На амфорах типа F с Афинской агоры и из склепа 1 из Дружного написано τρυγία [12, рис. 45,11]. По заключению Э. И. Соломоник, τρυξ, τρυγος означает «молодое вино или отстой вина» [18, с. 111–112, рис. 4]. М. Лэнг отмечала использование τρυγία как для обозначения масла, так и вина [43, p. 80, pl. 46, He32]. Судя по анализам органических остатков из некоторых сосудов, в них содержалось вино [16, с. 107]. В порт Херсонеса амфоры привозили с уже нанесенными на них дипинти.

Под влиянием христианства к середине V в. германцы, так же, как и жители Херсона отказались от использования традиционного погребального обряда кремации и перестали хоронить не только на всех упомянутых выше южнобережных некрополях, но и на могильнике Черная речка. Готы переняли у аланских соседей более приемлемый для новой религии погребальный обряд трупоположения в склепах [5, с. 318].

Свидетельства христианского вероисповедании населения страны Дори в период правления Юстиниана I выявлены на некрополях. В Алмалык-Дере в камере склепа 56/1997 над входом склеп изображен крест (рис. 1,*1*). Из камеры извлекли наконечники ремней первой половины VI в. (рис. 1,*2*) [12, с. 150, рис. 100]. Судя по многочисленным находкам в захоронениях, в Дори женщины носили широкие пояса с большими пряжками с плоским в сечении кольцом и прямоугольным щитком с христианской символикой. На щитках пряжек вытиснены равноконечные кресты с углублениями на углах (рис. 1,*5,7*; 2,*1*), а также звери, напоминающие львов или пантер (рис. 1,*4*; 3,*1*), или более реалистично выполненные львы с гривами. По конструкции и форме язычка, рамки и щитка они близки остготским и гепидским пряжкам, а декор характерен для византийской продукции. Почти все данные пряжки датируются второй половиной VI – началом VII в. Самым ранним экземпляром пряжек с крестами считается найденная в Херсонесе в склепе 62/1909 (рис. 1,*5*) с византийскими пряжками первой половины VI в. (рис. 1,*6*) [2, с. 31, 32; 3, табл. XXVIII; 11, с. 54; 6, с. 156]. Захоронения с пряжками с прямоугольными щитками с вытисненными равноконечными крестами или львами найдены в Лучистом в подбойной могиле 99, в склепах 124, 216, в Карши-Баире, в склепах 2 и 4, Алмалык-Дере, в склепе 192 с византийскими трехчастными литыми пряжками, деталями поясных и обувных наборов первой половины VI в. (рис. 1,*7–8*; 2,*1–8*) [1, с. 31, 32; 2, с. 36, рис. 37,5–13; 11, рис. 27,11; 12, с. 150–151, рис. 96; 24, рис. 2,3,6]. Большие пряжки с христианской символикой на прямоугольном щитке известны только в Херсоне и Юго-Западном Крыму. Скорее всего, их изготовляли в Херсоне с первой половины VI в.

В погребальных сооружениях с этими пряжками и деталями византийских поясных и обувных наборов (рис. 2,*11–13*) лежали краснолаковые миски с христианской символикой (рис. 1,*3,8*). В Лучистом в склепе 211 найдена краснолаковая миска группы «Поздний римский С/Фокейская краснолаковая» – типа LRC/PhRS 3F [40, p. 338, fig. 69,23; 11, с. 52, рис. 27,1] с оттиснутым в центре дна клеймом в виде креста – моно-

граммы (рис. 2,*10*) с открытым завитком в виде ☧ и буквами «А» и «Ω» под боковыми ветвями варианта 66.h по Дж. Хайсу [40, p. 365, fig. 78,66.h]. Христограмма состоит из наложенных друг на друга греческих букв Χ и Ρ, которые являются первыми двумя греческими буквами имени Χριστός. В монограмме «А» и «Ω» сочетаются первая и последняя буквы греческого алфавита, которые являются наименованием Бога в Книге Откровения Иоанна Богослова, символами Бога как начала и конца всего сущего (Откр. 22:12, 13). Миски с изображением аналогичного монографического креста известны в Херсоне [15, с. 118, рис. 69,18]. Аналогичные миски найдены в комплексах второй четверти VI в. из Афинской Агоры, Коринфа, Антиохи и на острове Фасос [40, p. 338, fig. 69,23; 33, p. 27, fig. 9,CF132]. В Алмалык-Дере в склепе 192/2007 миска LRC/PhRS 3C [12, с. 150–151, рис. 97,1] с крестом варианта 71b подобна обнаруженным в Салониках и Афинах в слоях конца V – первой трети VI в. [40, p. 335–338, fig. 69,31; 79,71c]. В Лучистом в склепе 188/2008 лежала однотипная одновременная миска (рис. 2,*9*) с оттиснутым на дне изображением льва [40, p. 333, 336–338, fig. 67,7; 12, с. 150–151, рис. 94,5]. На некрополе Черная Речка в склепе 5/1988 фрагмент тарелки со штампованным крестом позднего варианта III группы первой половины VI в. [40, p. 349, 367–368, fig. 79,f,i,k,n] обнаружен с узкими наконечниками ремней и византийскими трехчастными пряжками с овальной рамкой и граненым язычком первой половины VI в. [3, рис. 21,4,6–9,12–15,27,29].

С середины VI в. жители страны Дори хоронили умерших вместе с носившимися при жизни индивидуальными предметами христианского культа. Византийские перстни с крестами или с греческими монограммами и наперсные кресты в Лучистом в женских погребениях в склепах 207 и 268 нашли с орлиноголовыми пряжками 1 варианта [36, рис. 2,8–15] второй половины VI в. [2, с. 33, рис. 2,81; 29,1,2; 22, с. 334–348]. В Алонии типичный для Византии наперсный крест (рис. 3,*3*) обнаружен в склепе 2, в погребении 3 с большой пряжкой с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва (рис. 3,*9*) [12, рис. 176; 36, рис. 2,7]. Указанное захоронение было совершено вдоль стены камеры. Одновременно или чуть позже рядом похоронили женщину с перстнем с вырезанным на щитке равноконечным крестом с расширяющимися концами, с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта и с парой двупластинчатых фибул второй половины VI в. [28, с. 90, 91, 97, рис. 2]. На щитке перстня из захоронения в склепе 42 из Лучистого погрудно изображен ангел и прорезана греческая монограмма Μ (мю), Ι (йота), Χ (хи), Α, Η (эта), Λ (лямбда), образующая имя Μιχαήλ – Михаил [29, с. 34, рис. 1,9]. На щитке перстня из одновременного женского захоронения в склепе 154 с того же некрополя изображен равноконечный крест с поперечными черточками на концах, совмещенный с христограммой из инициалов имени Христа – Ἰ(ησοῦς) Χ(ριστός) [28, с. 93, 94, рис. 5,2а]. С середины VI в. в области Дори носят амулеты с изображением святых всадников Сисинния, Мины и других [25, с. 151–179; 26, с. 171–181; 37, S. 89–125].

Христианизация горнокрымских варваров стимулировала активизацию ассимиляционных процессов в регионе. Материалы раскопок некрополей области Дори подтверждают сведения Прокопия. О многочисленности населения Дори в период правления Юстиниана I (527–565 гг.) свидетельствуют как продолжавшие функционировать упомянутые выше некрополи, так и могильники Суук-Су, Артек, Кореиз, Симеиз, в балке Каралез под Мангупом, Баштановка, Аромат, Большое и Малое Садовое и др., на территории которых хоронили или могли хоронить во второй половине VI в. Близ могильников в Гурзуфской котловине и некоторых других обнаружены связанные с ними сельские поселения [31, с. 111, 120, рис. 48,2–4; 50].

Строительной активности времени правления императора Юстиниана I приписывают христианские храмы, раскопанные на плато Мангуп и в балке Каралез близ его подножия.

Согласно М. А. Тихановой, на плато Мангуп храм с крещальней соорудили в VI в. [20, с. 382–386]. В крещальне в I период вырубили в скале две гробницы IV–V, а позд-

нее – гробницу VI. Время совершения захоронения в гробнице V она определяет по единственной находке – золотой серьге с тремя зернинками, отнесенной к VI–VII вв. Однако эта серьга типична не для VI–VII вв., а для VII–IX вв. [23, с. 98].

Крестившиеся готы и аланы для участия в богослужении и понимания религиозных текстов осваивали греческий язык. В балке Каралез в вывале камней из внешней кладки северо-восточной стены центральной апсиды базилики найден круглый известняковый камень с вырезанным равноконечным крестом и несколькими граффити (рис. 4). На лучах креста и в его центре тонкими линиями одновременно вырезаны буквы, образующие крестограмму «ΦΩC ZΩH – Свет – жизнь», а в левой верхней части камня – пять строк граффити, начинающиеся с формулы «K(ύρι)ε βοήθ(ει…)» [8, с. 9, рис. 1]. По мнению П. Пердризе, в VI–VII вв. «φώς ζωή» использовали для символического обозначения Христа вместо изображения распятого Иисуса [47, p. 235]. Христиане Юго-Западного Крыма восприняли популярные в Византии крестограмму «Φώς, ζωή – Свет – жизнь» [27, с. 88–94] и формулу «K(ύρι)ε βοήθ(ει…) – Господи, помоги…» [39, p. 69, 72, 73, 76–79, 142, 148, 193, 246; 38, p. 31, № 8; 42, p. 288–289, № 168–169; 35, p. 485–486; 17, с. 98] во второй половине VI в. [8, с. 9; 9, с. 83–84]. Крестограммы «ΦΩC ZΩH» выгравированы на щитках сделанных в Константинополе перстней, найденных в более поздних захоронениях второй половины VII в., зачищенных на некрополях Лучистое и Эски-Кермен [9, с. 84; 27, с. 88–94, рис. 1,1–2; 2,2–3].

Рассмотренные выше археологические материалы позволяют говорить о возникновении в Горном Крыму в конце IV в. готских и аланских христианских общин, для которых привозили амфоры с дипинти εὐλογία с вином для богослужения. Очевидно, христианизация приграничных «варваров» интенсифицировалась после издания императором Феодосием I в 380 и 381 годах эдиктов, провозгласивших христианство никейского исповедания единственной государственной религией и прировнявших церковные структуры к государственным учреждениям. При Юстиниане I для жителей союзной области Дори империя построила первые крупные храмы.

В правление императора Маврикия (582–602 гг.) область Дори присоединили к Херсонскому дукату и разделили на архонтии, в которых не ранее 590 г. возвели для алан и готов крепости на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале. Во второй половине VII в. архонтии также именовали климатами [6, с. 42]. В перечисленных крепостях византийские инженеры одновременно с укреплениями соорудили большие базилики. Новые приходы, равно как и возникшие в V–VI вв. входили в Херсонскую епархию. Ее епископ «Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» участвовал в 692 г. в Трулльском Вселенском соборе [45, p. 151; 4, с. 617; 12, с. 306].

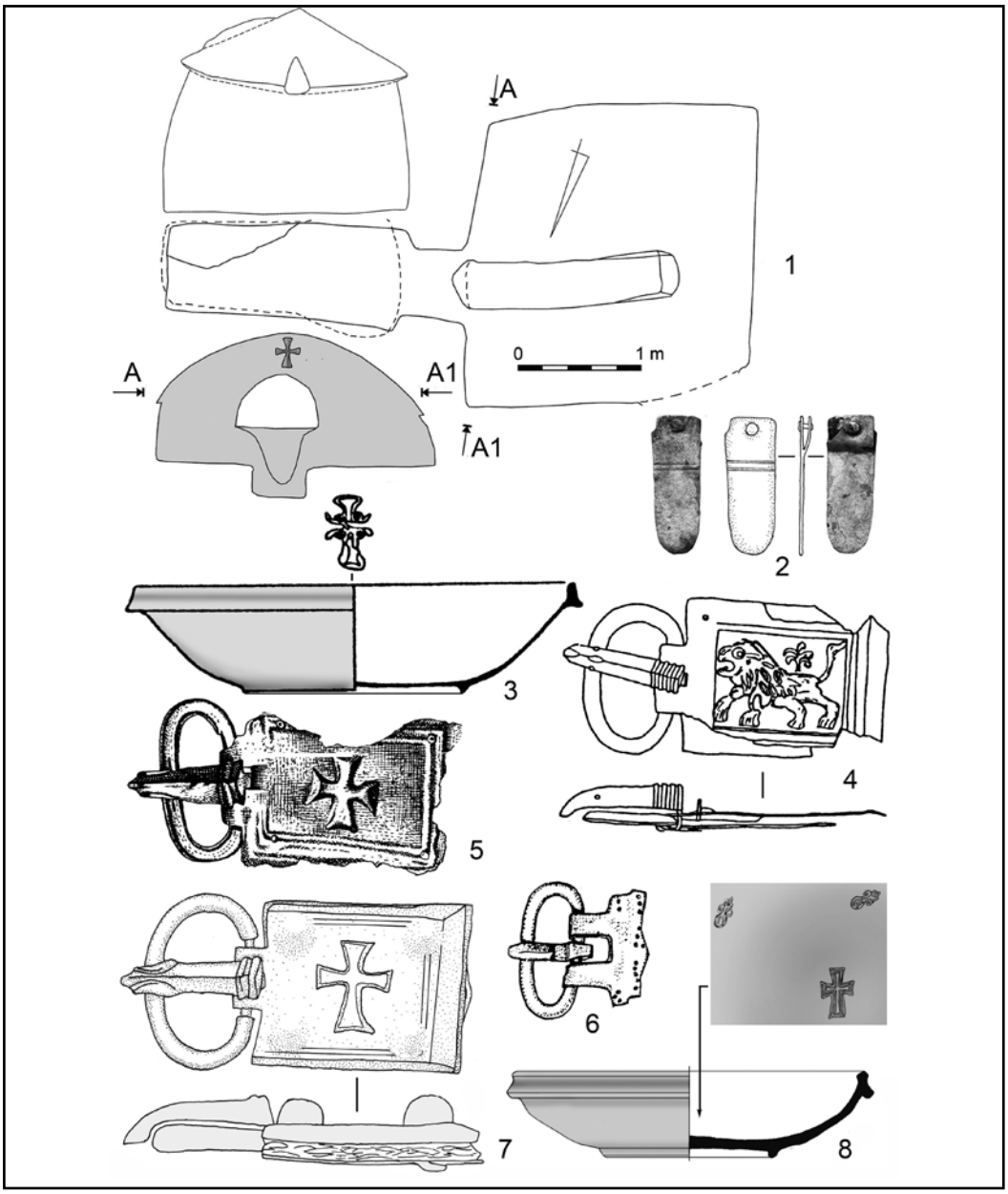

Рис. 1. Захоронения христиан первой половины VI в.
1 – могильник Алмалык-Дере, камера склепа 56/1997 с крестом; *2* – наконечник из заполнения камеры склепа; *3, 4* – могильник Карши-Баир, склеп 4; *5, 6* – Херсонес, склеп 62/1909; *7, 8* – могильник Алмалык-Дере, находки из склепа 192/2007

Fig. 1. Christian graves from the first half of the sixth century.
1 – the cemetery of Almalyk-Dere, chamber of burial vault 56/1997 with a cross;
2 – end-piece from the soil filling the chamber of the burial vault;
3, 4 – the cemetery of Karshi-Bair, burial vault 4; *5, 6* – Chersonese, burial vault 62/1909;
7, 8 – the cemetery of Almalyk-Dere, the finds from burial vault 192/2007

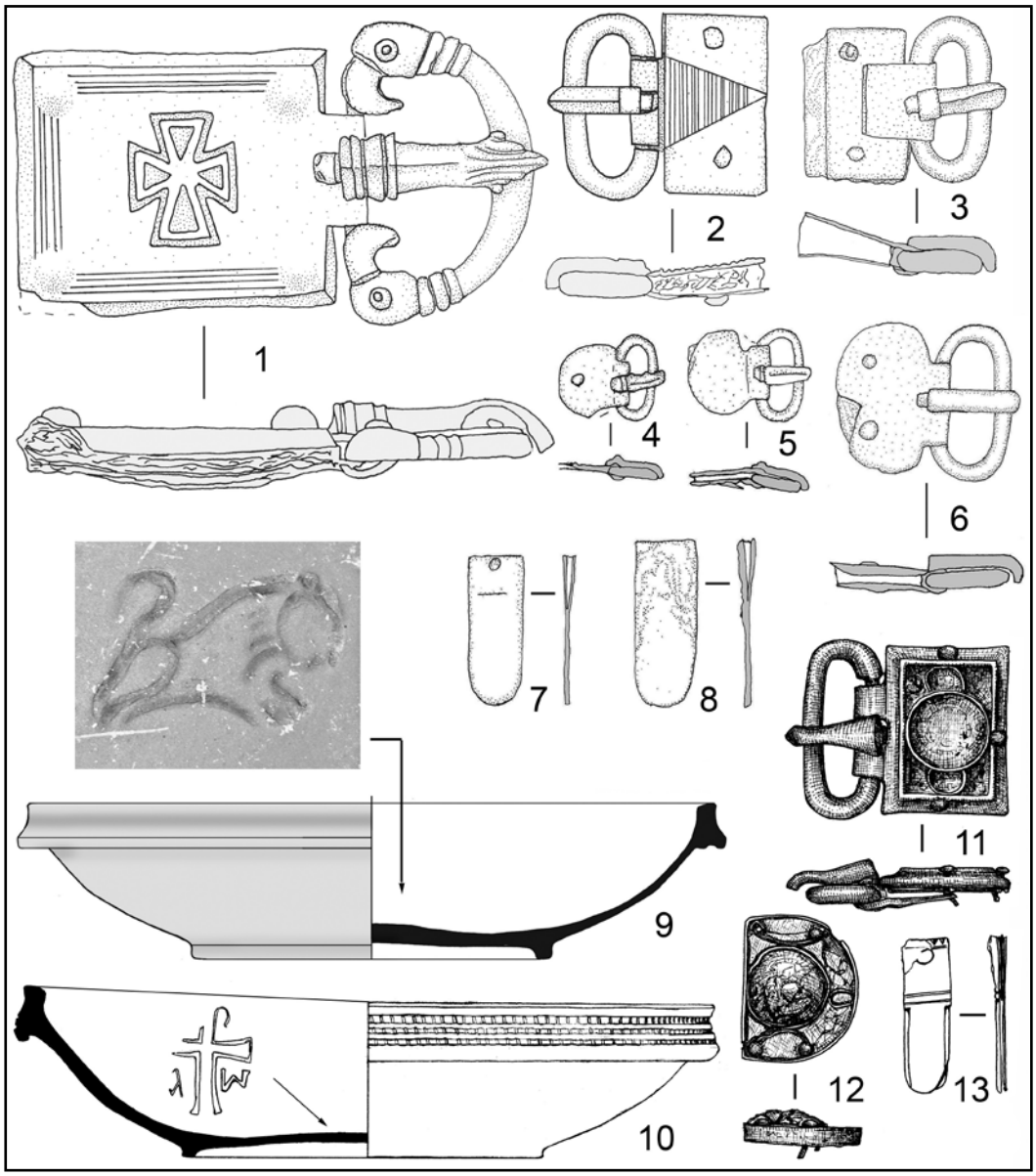

Рис. 2. Захоронения христиан первой половины VI в.
1–9 – могильник Алмалык-Дере (1–8 – из склепа 192/2007; *9* – из склепа 188/2008);
10–13 – могильник Лучистое (10, 13 – из склепа 211; 11, 12 – из склепа 124)

Fig. 2. Christian graves from the first half of the sixth century.
1–9 – the cemetery of Almalyk-Dere (1–8 – from burial vault 192/2007;
9 – from burial vault 188/2008); *10–13* – the cemetery of Luchistoe
(10, 13 – from burial vault 211; 11, 12 – from burial vault 124)

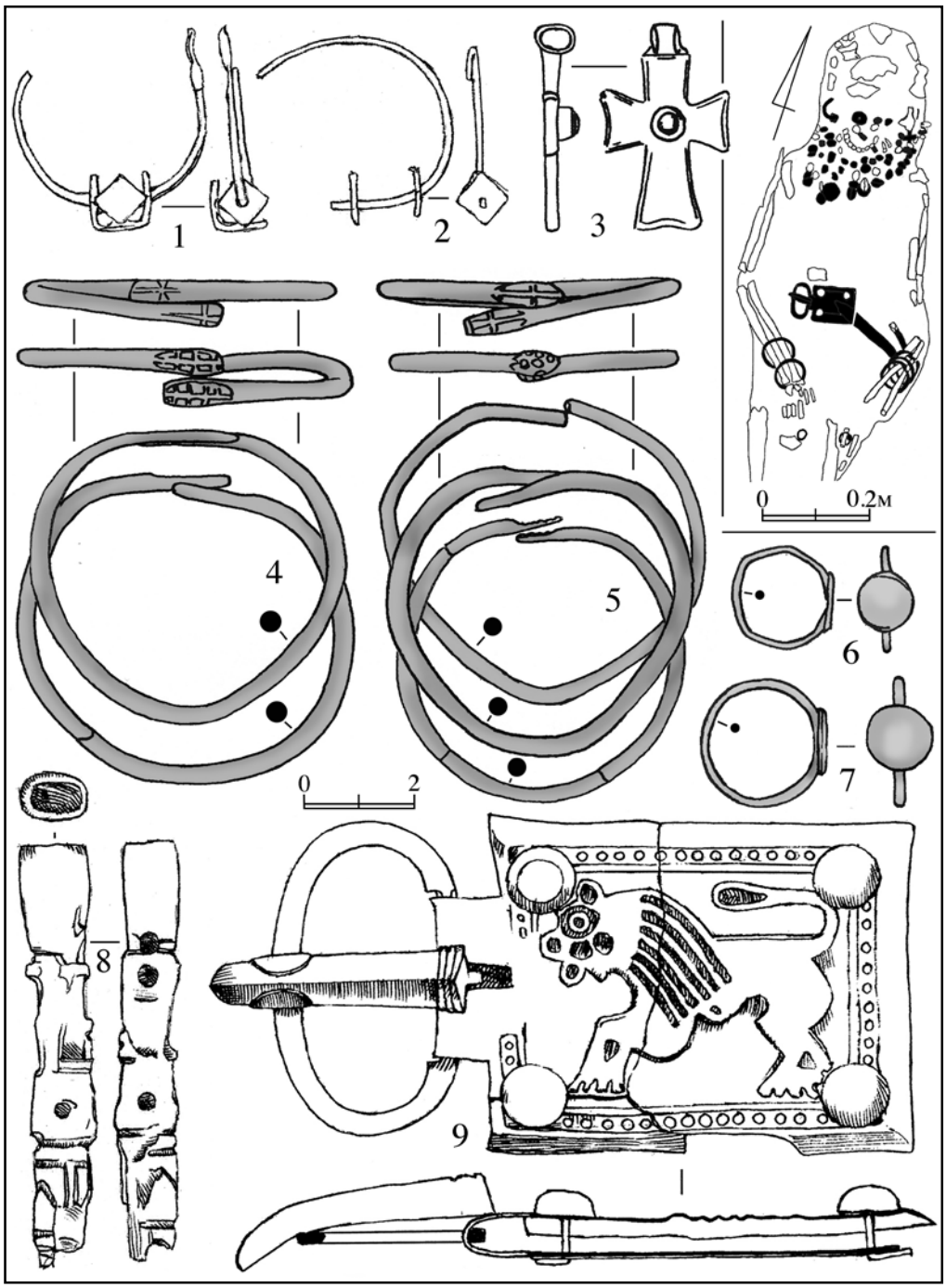

Рис. 3. Могильник Алония, склеп 2. Женское погребение 3 второй половины VI в. *I* – план погребения; *1–9* – находки из погребения

Fig. 3. The cemetery of Aloniia, burial vault 2. Women's grave 3 from the second half of the sixth century. *I* – ground plan of the grave; *1–9* – grave goods

Рис. 4. Камень с вырезанным крестом и граффити из базилики в балке Каралез

Fig. 4. The stone with carved cross and graffiti from the basilica in the Karalez Ravine

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 22–34.
2. Айбабин А.И Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып I. С. 5–86.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
5. Айбабин А.И. О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 311–332.
6. Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.5.4.
7. Айбабин А.И. О дате образования Крымской Готии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 71–78. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.5.6.
8. Айбабин А.И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в горном Крыму в VI веке // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 6–18. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.6.1.
9. Айбабин А.И. Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма // АДСВ. 2021. Вып. 49. С. 79–96.
10. Айбабин А.И. Миграции аланов и германцев в Равнинный и Горный Крым в конце I – III в. // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 32–45.
11. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь, 2008. 336 с.
12. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
13. Брун Ф.К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880. С. 189–241.
14. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Том II. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1912. С. 351–427.
15. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
16. Ильяшенко С.М. Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III–IV вв. н. э. // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXIX. 285 с.
17. Евдокимова А.А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М.: Пробел-2000, 2019. С. 95–104.
18. Соломоник Е.І. Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. № 2. С. 102–116.
19. Соломоник Э.И. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь: Таврия, 1995. С. 38–46.
20. Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334–389.
21. Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. 276 с.
22. Хайрединова Э.А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. 1999. Вып. X. С. 334–348.
23. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
24. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125–160.
25. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые крестыиз Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
26. Хайрединова Э.А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210.
27. Хайрединова Э.А. Византийские перстни с надписью «ΦΩC ZΩH» из погребений крымских готов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 88–104. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.5.8.
28. Хайрединова Э.А. Перстни с изображением креста второй половины VI–VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 89–109.
29. Хайрединова Э.А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI–VII в. из Крыма. Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019а. Т. 24, № 6. С. 32–46.
30. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.

31. Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 109–120.
32. Abadie-Reynal C. Les amphores romaines en mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Actes du colloque internationale d'Istanbul, 25–28 mai 1994 / Ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999. P. 255–263.
33. Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliki, Delkos, Fouilles anciennes) // Études Thasiennes. 1992. XIII. P. 8–98.
34. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. 318 S. (Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Bd. 98).
35. Asdracha C. Inscriptions protobyzantines et byzantines de la Thrace Orientale et de l'île d'Imbros (IIIe–XVe siècles). Athènes: Éditions Sot. Vouyoukas, 2003. 521 p.
36. Chajredinova E.A. Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. 2017. Bd. 23. S. 63–91.
37. Chajredinova E.A. Fingerringe mit christlicher Symbolik der zweiten Hälfte des 6. und 7. Jhs. von der Krim // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. 2019. Bd. 25. S. 89–125.
38. Feissel D., Morrisson C., Cheynet J.-Cl. Trois donations byzantines au Cabinet des Medailles. Paris, 2001. 56 p.
39. Guillou A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie. Rome: Publications de l'École française de Rome, 1996. 257 p.
40. Hayes J.W. Late Roman pottery. London: British School at Rome, 1972. 477 p.
41. Joannis Chrysostomi. Epistola XIV Olimpiadi diaconissae / Ed. J.-P. Migne. Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca. LII. Paris, 1862. 872 Col.
42. Kalavrezou I. Byzantine Women and Their World. New Haven, London: Yale University Press, 2003.
43. Lang M. Graffiti and Dipinti. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1976. 116 p., 56 pl. (The Athenian Agora. Vol. XXI).
44. Maenchen-Helfen O.J. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1973. 602 p.
45. Öhme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin, New York: Verlag de Gruyter, 1990. 423 S.
46. Opaiţ A. Pontic wine in the Athenian market // Κεραμική της Ύστερης Αρχαιότητας από τον ελλαδικό χώρο (3ος – 7ος αι. μ. Χ.): Επιστημονική Συνάντηση, Θεσσαλονίκη, 12–16 Νοεμβρίου. Θεσσαλονίκη, 2010. P. 108–130.
47. Perdrizet P. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte par G. Lefebvre // Revue des études anciennes. 1911. T. 13, № 2. P. 233–236.
48. Procopius. History of the Wars. The Vandalic Wars. (De Bello Vandalico). Vol. II / Transl. by H.B. Dewing. Loeb Classical Library. London, 1916. 488 p.
49. Procopius. History of the wars. Books V and VI, The Gothic War. (De Bello Gotico) Vol. III / Transl. by H.B. Dewing. Loeb Classical Library. London, 1919. 452 p.
50. Procopius. History of the wars (De Bello Gotico). VII. 36 and VIII / Transl. by H.B. Dewing. The Loeb Classical Library. V. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. 442 p.
51. Procopius. On Buildings (De Aedificiis) / Transl. by H.B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940.
52. Robinson H.S. Pottery of the Roman Period, Chronology. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens, 1959. 149 p., 76 pl. (The Athenian Agora. Vol. V).
53. Theodoret, Bishop of Cyrrhus. Kirchengeschichte / Ed. L. Parmentier. Leipzig, 1911. 425 S.
54. Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Burials of the second half of the 5th – first half of the 6th century in Crimea. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1979, vol. 158, pp. 22–34.
2. Aibabin A.I Chronology of Crimean burial grounds of the late Roman and early medieval period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 5–86.
3. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
4. Aibabin A.I. Some aspects of the history of the Gothic diocese in the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 615–626.
5. Aibabin A.I. On the Location of the Region of Dory. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 311–332.
6. Aibabin A.I. On the Reform of the Administrative System of Byzantium's Possessions in the Crimea in the Last Quarter of the 6th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regiono-*

vedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.5.4.
7. Aibabin A.I. About the Date of the Crimean Gothia Creation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 71–78. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.5.6.
8. Aibabin A.I. For a Discussion About Epigraphic Evidence of the Activities of Byzantium in the Mountainous Crimea in the 6th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 6–18. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.6.1.
9. Aibabin A.I. How the Goths and Alans of the Mountainous Crimea Assimilated Greek Language. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2021, vol. 49, pp. 79–96.
10. Aibabin A.I. Migration of the Alans and the Germanic peoples to the Plain and Mountainous Crimea at the end of the 1st–3rd centuries. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2022, vol. 268, pp. 32–45.
11. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u s. Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. I. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
12. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
13. Brun F.K. The Black Sea Goths and Traces of Their Long Stay in Southern Russia. *Chernomor'e* [Black Sea], Part II, Odessa, 1880, pp. 189–241.
14. Vasil'evskii V.G. Life of John of Gothia. *Trudy* [Works], vol. II, Issue 2, St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, pp. 351–427.
15. Golofast L.A. Glass of Early Byzantine Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2001, vol. 8, pp. 97–260.
16. Il'iashenko S.M. *Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetloglinianykh amforakh Tanaisa i ego okrugi III–IV vv. n. e.* [Standard dipinti on narrow-necked light clay amphorae from Tanais and its vicinity in the 3rd–4th centuries AD]. Kerch, 2013, 285 p. (Bosporos Studies, vol. 29).
17. Evdokimova A.A. Byzantine inscriptions of Crimea, formulas and linguistic features. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East], Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 95–104.
18. Solomonik E.I. Inscriptions on the Crimean amphoras of the first centuries of our time. *Arkheologiia* [Archaeology], Kiev, 1993, no. 2, pp. 102–116.
19. Solomonik E.I. Two groups of inscriptions on ceramic vessels from Crimea of the first centuries AD. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma* [Problems of archeology of ancient and medieval Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1995, pp. 38–46.
20. Tikhanova M.A. Basilica. *Arkheologicheskie pamiatniki Iugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup)* [Archaeological monuments of Southwestern Crimea (Chersonesos, Mangup)], Moscow, 1953, pp. 334–389. (Materials and research on archeology of the USSR, vol. 34).
21. Tompson E.A. *Rimliane i varvary. Padenie Zapadnoi imperii* [Romans and Barbarians. The fall of the Western Empire]. St Petersburg, 2003, 276 p.
22. Khairedinova E.A. Women's costume with large buckles with Christian symbols from South-Western Crimea. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 1999, vol. 10, pp. 334–348.
23. Khairedinova E.A. Women's costume with southern Crimean eagle-headed buckles. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 91–133.
24. Khairedinova E.A. Shoe sets of the 5th–7th centuries from South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 125–160.
25. Khairedinova E.A. Early medieval crosses from South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 151–182.
26. Khairedinova E.A. Medallions with the image of Holy Rider from the necropolis near the village of Luchistoye. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 147–210.
27. Khairedinova E.A. Byzantine Finger Rings with the Inscription ΦΩC ZΩH from Burials of the Crimean Goths. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 88–104. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.5.8.
28. Khairedinova E.A. Finger-Rings with the Image of Cross from the Second Half of Sixth and Seventh Centuries from the South-Western Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2019, vol. 47, pp. 89–109.
29. Khairedinova E.A. Finger Rings with the Image of Archangel Michael of the Late 6th – 7th Centuries from

Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 32-46. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.6.3.
30. Shelov D.B. Narrow-necked light-clay amphorae of the first centuries AD. Classification and chronology. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1978, vol. 156, pp. 16–21.
31. Iakobson A.L. Exploratory excavations of the medieval settlement of Gorzuvites. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1954, vol. 53, pp. 109–120.
32. Abadie-Reynal C. Les amphores romaines en mer Noire. Y. Garlan (Ed.), *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Actes du colloque internationale d'Istanbul, 25–28 mai 1994*. Aix-en-Provence, 1999, pp. 255–263.
33. Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliki, Delkos, Fouilles anciennes). *Études Thasiennes*, 1992, XIII, pp. 8–98.
34. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, 2011, 318 p. (Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Bd. 98).
35. Asdracha C. *Inscriptions protobyzantines et byzantines de la Thrace Orientale et de l'île d'Imbros (IIIe–XVe siècles).* Athènes, Éditions Sot. Vouyoukas, 2003, 521 p.
36. Chajredinova E.A. Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*, 2017, Bd. 23, pp. 63–91.
37. Chajredinova E.A. Fingerringe mit christlicher Symbolik der zweiten Hälfte des 6. und 7. Jhs. von der Krim. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*, 2019, Bd. 25, pp. 89–125.
38. Feissel D., Morrisson C., Cheynet J.-Cl. *Trois donations byzantines au Cabinet des Medailles*. Paris, 2001, 56 p.
39. Guillou A. *Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie*. Rome, Publications de l'École française de Rome, 1996, 257 p.
40. Hayes J.W. *Late Roman pottery*. London, British School at Rome, 1972, 477 p.
41. Joannis Chrysostomi. *Epistola XIV Olimpiadi diaconissae*. Ed. J.-P. Migne. Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca. LII. Paris, 1862, 872 Col.
42. Kalavrezou I. *Byzantine Women and Their World*. New Haven, London, Yale University Press, 2003.
43. Lang M. *Graffiti and Dipinti*. Princeton, New Jersey, American School of Classical Studies at Athens, 1976, 116 p., 56 pl. (The Athenian Agora. Vol. XXI).
44. Maenchen-Helfen O.J. *The World of the Huns: Studies in Their History and Culture*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1973, 602 p.
45. Öhme H. *Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692.* Berlin, New York, Verlag de Gruyter, 1990, 423 S.
46. Opaiţ A. Pontic wine in the Athenian market. *Κεραμική της Ύστερης Αρχαιότητας από τον ελλαδικό χώρο (3ος – 7ος αι. μ. Χ.): Επιστημονική Συνάντηση, Θεσσαλονίκη, 12–16 Νοεμβρίου*. Θεσσαλονίκη, 2010, pp. 108–130.
47. Perdrizet P. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte par G. Lefebvre. *Revue des études anciennes*, 1911, T. 13, no. 2, pp. 233–236.
48. Procopius. *History of the Wars. The Vandalic Wars. (De Bello Vandalico).* Vol. II. Transl. by H.B. Dewing. Loeb Classical Library. London, 1916, 488 p.
49. Procopius. *History of the wars. Books V and VI, The Gothic War. (De Bello Gotico).* Vol. III. Transl. by H.B. Dewing. Loeb Classical Library. London, 1919, 452 p.
50. Procopius. *History of the wars (De Bello Gotico). VII. 36 and VIII.* Transl. by H.B. Dewing. The Loeb Classical Library. V. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1962, 442 p.
51. Procopius. *On Buildings (De Aedificiis)*. Transl. by H.B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1940.
52. Robinson H.S. *Pottery of the Roman Period, Chronology*. Princeton, N.J., American School of Classical Studies at Athens, 1959, 149 p., 76 pl. (The Athenian Agora. Vol. V).
53. Theodoret, Bishop of Cyrrhus. *Kirchengeschichte*. Ed. L. Parmentier. Leipzig, 1911. 425 p.
54. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, Mass., The Medieval Academy of America, 1936, 292 p.

Информация об авторе

Айбабин А. И. – доктор исторических наук, профессор, директор НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

Author information

Aibabin A. I. – Doctor of Science (History), Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.305-312

К ВОПРОСУ О ГОТСКОМ СЛЕДЕ В КРЫМСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Диана Александровна Шалыга
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
d.shalyga@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4801-6947

Аннотация. В статье показана ошибочность или гипотетичность германской этимологии топонимов, связываемых с гото-аланским населением Юго-Западного Крыма. Готские версии не имеют убедительного обоснования. Авторы и их последователи привлекают ошибочные аналогии. Значения германских вариантов не всегда мотивированы. В некоторых рассмотренных случаях основанием для германской интерпретации происхождения служит созвучие со словами в современных германских языках или неправильная реконструкция.

Ключевые слова: топонимы, этимология, Крым, Алустон, Балгота, Бельбек, Елли-Бурун, Лунда, Мангуп, Стиля, Форос, Фуна

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

ON THE QUESTION OF THE GOTHIC TRACE IN THE CRIMEAN ONOMASTICS

Diana A. Shalyga
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
d.shalyga@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4801-6947

Abstract. This article shows erroneous or hypothetic nature of the Germanic etymology of the toponyms associated with the Gotho-Alan population of the south-western Crimea. The Gothic versions have no convincing justification. Their authors and those who followed them used erroneous analogies. The meanings of Germanic variants are not always motivated. Some of the cases under consideration based the ideas of Germanic origins of the toponyms on the formal resemblance with words in modern Germanic languages or incorrect reconstructions.

Keywords: toponyms, etymology, Crimea, Alouston, Balgota, Bel'bek, Elli-Burun, Lunda, Mangup, Stilia, Foros, Funa

Acknowledgement: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

Попытки предложить для крымских топонимов и связанных с Крымом антропонимов германскую этимологию в большинстве случаев встречают обоснованную критику. Объяснение происхождения таких имен предполагает не только корректное сопоставление и реконструкцию языковых форм, но и обязательное привлечение сведений из других областей научного знания о времени и условиях бытования обозначаемого объекта или субъекта и появления наименования. Лакуны в дошедших до нас сведениях, многокомпонентный этнический состав населения полуострова и многослойность крымской топонимики обуславливают сложность этимологизации и появление разных версий. Тиражирование в современной научной литературе и популяризация в локальных словарях топонимов германских трактовок, ошибочных или гипотетичных и недостаточно аргументированных, актуализируют продолжение изучения. Данная работа имеет целью опровергнуть приписываемое и обсуждаемое готское происхождение некоторых имен, выделить приоритетные варианты и минимизировать распространение ложных этимологий.

Алустон – Алушта. Готскую интерпретацию названия Алушта в 80-е годы прошлого века предлагают в совместной статье немецкие исследователи Гюнтер Нойман и Клаус Дювель [36]. Соавторы обращаются к первому упоминанию топонима Алустон в трактате «О постройках» (De Aedificiis) Прокопия Кесарийского и связывают информацию о строительстве крепостей Алуста и в Горзувитах в правление Юстиниана I (527–565 гг.) со сведениями о проживании на побережье готов области Дори из того же источника [37, III, VII,11, VII,13]. Из формы Aluston исследователи реконструируют крымско-готскую форму *alust (ср.р., склонение на -a- по типу waurd) и проводят параллели с нидерландскими топонимами, возводимыми к общегерманской форме *alista/alusta со значением «ольховый», «ольховая». Топонимы с компонентом «ольха» в Западной Европе часто происходят от названия рек со значением «поросший ольхой», которые в свою очередь получили название от ольшаников на их берегах. В качестве аргумента авторы привлекают упоминание этого вида среди крымской растительности в советской справочной литературе, а также наличие гидронима Алушта [36].

Германскую версию Г. Ноймана и К. Дювеля, обозначая вслед за О. Н. Трубачевым ключевую роль Г. Ноймана, принимает В. Л. Мыц, исследовавший памятник в 1984–1995 гг. В качестве доказательства объективности германской интерпретации топонима автор пишет о зарослях ольхи, которые покрывают «русла рек Улу-Узень и Демерджи, огибающие крепостной холм» [19, с. 64]. Однако источник данной информации ученым не раскрывается. В V томе «Флоры СССР», на который ссылаются немецкие исследователи, Крым лишь фигурирует в обширном списке регионов, где растет Alnus glutinosa – Ольха клейкая или черная [28, с. 312]. П. С. Паллас, перечисляя лиственные деревья Крыма, относит ольху к видам мелколесья «в горах и их лесах» и характеризует как растущую «редко и высоко» [20, с. 189]. Н. А. Головкинский называет ольху среди деревьев леса, покрывающего северный склон выше предгорий [12, с. 33]. Н. И. Рубцов отмечает сохранившиеся прирусловые леса с преобладанием ольхи в верховьях рек Альмы и Качи [23, с. 68]. В верховьях этих рек локализует произрастание единичных деревьев и небольших групп Л. Н. Згуровская [13, с. 84].

Для обоснования немецких исследователей релевантным было бы значительное произрастание ольхи вдоль русла реки Улу-Узень (Алушта-Су, Алушта), что дало бы название реке, которое, по мнению авторов, в свою очередь обусловило название крепости. В прошлом нижнюю часть южного склона Главной гряды покрывали леса из сосны, пушистого дуба, древовидного можжевельника, земляничного дерева, фисташки и т.д.; ольха среди растений этой зоны не называется [14; 21; 22]. Гидроним Алушта (das Thal des Baches Alušta) в литературе досоветского периода авторы готской версии находят у В. Томашека [38, S. 73]. Однако И. Л. Белянский приводит примеры, когда названия крымских рек вторичны по отношению к названиям населенных пунктов: «алуштинская Улу-Узень упоминалась как Алушта-Су, Дерекойка была известна как Ялта, Суук-Су – как Судак» [4, с. 47]. Само крымскотатарское название Улу-Узень «большая река» и подобные ему Кучук-Узень «малая река» и Куру-Узень «сухая река» калькировали и со временем вытеснили греческие названия: Мегапотам, Микропотам и Ксеропотам [7, с. 11; 2, с. 211]. Таким образом, основа аргументации германской этимологии при ближайшем рассмотрении теряет свою прочность.

Постулируемую в работе немецких ученых крымско-готскую форму критикуют О. Н. Трубачев [26, с. 215–216] и Н. А. Ганина [10, с. 239]. Кроме того, словарь Г. Кёблера фиксирует в готском языке существительное со значением «ольха» *aliza, *alisa [35].

О. Н. Трубачев этимологизирует топоним как состоящее из двух компонентов таврское имя *sal-ōsta со значением «устье гор» [26, с. 216]. Таврская этимология строится автором на гипотезе, что вариант названия с утерянным впоследствии начальным s- более древний. При этом автор обращается к источнику XII в. Вариант Salusta (в латинском переводе) или Schalusta (в немецком переводе) / šalusta (на карте, реконструированной К. Миллером) известен благодаря арабскому географу и картографу Мухаммаду

аль-Идриси (1100–1165 гг.), «который при дворе Рожера Сицилийского мог пользоваться сообщениями норманнских или итальянских купцов и путешественников» [11, с. 244; 15, с. 104, 183–184; 32, S. 151]. На искажения крымских топонимов в арабских и итальянских источниках обращают внимание А. Л. Бертье-Делагард и А. И. Маркевич [7, с. 21; 18, с. 25].

А. И. Маркевич разделяет названия более ранних греческих поселений, усвоенных греками от местного киммерийского и тавро-скифского населения, и греческие названия более поздних поселений, к которым и относит топоним Алустон [18, с. 18]. Поскольку археологические исследования подтверждают строительство крепости в VI в. [19, с. 66], а ее назначение заключается в обеспечении византийцам безопасного каботажа вдоль Южного берега [1, с. 301], то наиболее вероятной представляется греческая интерпретация топонима. А. И. Маркевич вслед за А. Я. Гаркави и А. Л. Бертье-Делагардом приводит перевод названия с греческого «неумытая» [7, с. 8; 18, с. 20], И. Л. Белянский трактует его как «недоступная воде» [3, с. 147].

Балгота (Бал-Гота). Н. А. Ганина выдвигает гипотезу о готском происхождении названия урочища Бал-Гота на склоне горы Балготур (Балгатура, Болгатура, Болгатур) на юго-восточной окраине Гурзуфа. Первый компонент обозначения из германского не этимологизируется, в то время как второй компонент автор связывает с этнонимом *Gut-/ Got- [10, с. 246]. А. И. Маркевич, рассматривая греческие, итализированные и отатаренные топонимы, включает название урочища Балгота близ Гурзуфа, как и «интересные термины» Готфрид и Катфрид-Гота в Коккозах, в список не вполне поддающихся объяснению [18, с. 26]. В. А. Бушаков выводит значения компонентов топонима из крымскотатарского языка: Бал- от bal «мед», -гота от ğavta «лощина, ложбина» [8, с. 120, 153]. В Крыму известны и другие тюркские топонимы с первым компонентом «бал»: Бал-Кая «медовая скала», Бал-Алма «медовое яблоко», Бал-Чокрак «медовый источник» и т.д.

Бельбек. Готское происхождение гидрониму Бельбек приписывает А. К. Шапошников, интерпретируя название по произвольному созвучию с формами из какого-либо германского языка как *bil-bek со значением «источник топора» [27, с. 393]. Н. А. Ганина критикует общий подход к толкованию топонима, выявляет ошибки в реконструкции германских праформ (*bīl- «топор» и *bak(-ja-z) «ручей» → кр. гот. *bak(i), но гот. rinnō) и обращает внимание на странную для названия реки семантику [10, с. 241].

Аналогией для автора германской версии служит название родника Балта-Чокрак (правильнее было бы переводить «источник от топора»). Однако в данном случае компоненты гидронима отражают обстоятельства появления источника: «Местность селения сего занята была татарами и получила свое название от такого случая: “татарин вырубывал в скале камень для постройки и вдруг от удара топором в скалу пробил отверстие, и источник воды чистой хлынул оттуда…” (балта – топор, а чокрак – родник). Этот фонтан и доселе питает всех жителей» [24, с. 112]. П. С. Паллас констатирует, что имя Бельбек принадлежало не всей реке: «Эта речка быстро течет малыми перепадами в довольно облесенных горных долинах, но в известковых горах, начиная с Албата, где она принимает название собственно Бельбека, она течет только между дикими, разорванными островерхими, зубчатыми, известковыми скалами, представляющими великолепные виды. В верховье эта речка называется Кабарта…» [20, с. 36]. П. И. Кеппен приводит оба названия: «Бе́льбек р. (у русских Бельбе́к), Хабарта тоже; по тур. Кабарта (верховье именуется Бююк-Ёзен)» [16, с. 33]. Поскольку название Бельбек никогда не относилось к источнику, различия между обозначаемыми объектами послужили бы преградой для калькирования, предполагаемого А. К. Шапошниковым.

Название Бельбек более убедительно этимологизируется как тюркское. Наиболее широко представленную в крымоведческой литературе трактовку «спина крепкая» связывают с мощным потоком, в который река превращается во время паводков [17, с. 19]. И. Л. Белянский, опираясь на сведения П. С. Палласа, полагает, что название Бельбек

распространилось на нижнее течение реки и позже на всю реку от озера в ее устье и переводит гидроним как «пересыпь крепкая» [5, с. 60; 6, с. 111]. В топонимических словарях встречаются варианты перевода «узкий проход в горе главный» и «ущелье главное», где второй компонент рассматривается как существительное bek, перешедшее в прилагательное [25]. В данных трактовках смущает нетипичная словообразовательная модель, когда определение следует после определяемого им понятия. Как существительное второй компонент воспринимает В. А. Бушаков. Исследователь реконструирует эндемичный крымский этноним «белбек», используя этноойконимы Белбек-Бахтияр-Кесек и Белбек-Орта-Кесек, которые дали название реке [9, с. 105].

Елли-Бурун (Элли-Бурун). Второй компонент топонима А. К. Шапошников возводит к готскому существительному hallus «скала, камень» [27, с. 393]. Сильное искажение звучания готского слова в процессе восприятия «некоего гортанного звука» в тюркоязычной среде, предполагаемое автором, вызывает сомнения в состоятельности такой гипотезы. Существительное burun присутствует не только в крымскотатарском, но и в других тюркских языках. В качестве географического термина оно входит в состав многих оронимов в разных частях полуострова [8, с. 129], а также за пределами Крыма. Перевод этого компонента должен соотноситься с морфологией обозначаемого объекта – мыс, гора, скала [6, с. 83]. В данном случае название входит в ряд подобных обозначений для схожих объектов, мысов горы Баба-Даг.

Лунда. Для названия скалы Лунда, восточного отрога горы Авунда, А. К. Шапошников предполагает древневерхненемецкое существительное lunda со значениями «поясница, почка; узкий перешеек», если это название не является «письменной порчей топонима Аунда или Кунда» [27, с. 394]. В словаре древневерхненемецкого языка существительное lunta*, lunda зафиксировано со значением «жир, сало» [34]. Значение «поясница, почка» имеет в этом языке существительное lenti [31], а в готском – *landjō [35]. Перенос значения в тюркоязычных топонимах с компонентом «бель», который А. К. Шапошников использует в качестве аналогии, объясняется сходством изогнутой линии поясницы и седловины, перевала, ущелья. Лунда же представляет собой ступенчатый скальный обрыв.

А. И. Маркевич, А. Л. Бертье-Делагард, В. Томашек сходятся во мнении, что часть названий с исходом на -нда и непонятной семантикой (среди них Авунда (Аунда, Авинда, Авында) и Лунда) являются древним пластом топонимов, принадлежавших таврам [18, с. 19; 7, с. 31; 38, S. 72].

Мангуп. А. К. Шапошников трактует топоним как германский, где первый компонент интерпретируется как готское существительное *manna «человек», второй компонент сопоставляется с существительным из южно-немецкого диалекта Gupf «вершина» [27, с. 394]. Н. А. Ганина критикует такое толкование второй части названия, считает германскую этимологию в целом сомнительной, отдавая предпочтение таврской версии О. Н. Трубачева [10, с. 245]. О. Н. Трубачев этимологизирует топоним как таврский или синдомеотский и восстанавливает форму *ma(ia)n-kap- «гора меотов», «материнская гора» [26, с. 50]. Однако авторы германской и таврской версий не учитывают, что название появляется в довольно поздних источниках. Так, П. И. Кеппен перечисляет известные ему свидетельства: в русских летописях название Манкуп впервые встречается в 1481 г., согласно Н. М. Карамзину, в турецких документах – в 1514 г., в крымских документах – в 1474 г. и 1564 г.; а также у «европейских писателей»: Mancup у польского историка и географа Матвея из Мехова – в 1521 г., у дипломата и ученого Сигизмунда Герберштейна на карте Московии – 1549 г., в отрывках Михалона Литвина – 1550 г., а также Mancopia и Mangutum у дипломата и ученого Мартина Броневского – в 1595 г. [15, с. 262, 265 и сл.]. А. Л. Бертье-Делагард приводит название Мангуп-Кале как татарское для греко-византийского Феодоро и генуэзского Тодоро в качестве иллюстрации к наблюдению, что монголо-татары в отличие от генуэзцев давали городским поселениям (кроме Кафы) свои осмысляемые названия [7, с. 21]. По мнению В. А. Бушакова, упо-

требление названия Мангуп по отношению к городу и княжеству Феодоро Н. М. Карамзиным и другими исследователями при описании событий ранее 1475 г. следует рассматривать как анахронизм, а его этимологию искать в бытовавших в XV в. в Крыму греческом, татарском и турецком языках [9, с. 28]. П. И. Кеппен видит причину появления вариантов Манкуп и Мангуп в двояком чтении согласной в записанном турками арабской графикой названии [15, с. 268]. На основании этого В. А. Бушаков трактует значение обозначения Мангуп-Кале из турецкого языка как «разгромленная крепость» [9, с. 29].

Стиля. Название селения и соответственно реки, по мнению А. К. Шапошникова, происходят от прилагательного still со значением «тихий» в разных германских языках [27, с. 394]. Н. А. Ганина обращает внимание на необоснованность семантики и формальные ошибки такой реконструкции: основа прилагательного *still- не зафиксирована в восточногерманском ареале [10, с. 242].

А. Л. Бертье-Делагард отмечает сохранение в селении Стиля (Истиля) греческой речи наряду с татарской к моменту выселения из Крыма христианского населения и переводит ойконим с греческого языка как «столб» [7, с. 8]. В. Х. Кондараки считает, что название селению дало имя св. Стилиана, в честь которого была освящена местная церковь [14, с. 73].

Форос. Готскую этимологию названия мыса и селения Форос А. К. Шапошников выводит, связывая топоним Fori на портоланах XIV–XVII вв. с предлогом «перед, впереди» в разных германских языках [27, с. 394]. Н. А. Ганина видит в этимологизации названия непосредственно от предлога или наречия с похожим значением нарушение семантических законов топонимики, а также подчеркивает невозможность изменения формы данных частей речи [10, с. 243]. П. И. Кеппен считает названия селений южного Крыма, среди них Фóрос – с ударением не на последнем слоге, усвоенными татарским населением из греческого и других языков [15, с. 125]. А. И. Маркевич называет вариант Fori, известный благодаря К. Десимони из сохранившихся в Генуе казначейских списков Кафы 1381–1382 гг., «итализированным термином»; сам К. Десимони также отождествляет название Fori с Foros [18, с. 25; 33, p. 254]. Значение греческого топонима интерпретируется разными авторами по-своему: φόρος «подать, дань» у А. Л. Бертье-Делагарда и А. И. Маркевича [7, с. 17; 18, с. 23], φαρός «маяк» у В. П. Яйленко [29, с. 15].

Фуна. Название горы, селения и укрепления Фуна А. К. Шапошников выводит из готского существительного fōn «огонь» [27, с. 395]. Однако целый ряд исследователей отмечают, что крымскотатарские ойконим и ороним Демерджи / Демирджи со значением «кузнец» калькируют греко-византийское название Фуна «курящая, дымящая», «т.е. иносказательно та же кузница» [7, с. 11; 18, с. 23; 9, с. 59]. Название селения зафиксировано в Актах Константинопольского патриархата от ноября 1384 г.: «περὶ τῆς ἐνορίας τῆς Συκήτας, τῆς Παρθενίτας, τῆς Λαμπάδος, τῆς ‘Αλούστας, τῆς Φούνας καὶ τῆς ᾽Αλανίας» [30, S. 67]. К. Десимони приводит название южнобережного селения Fonna, которое он не знает, с чем соотнести [33, p. 254]. С селением Фуна топоним Fonna на основании свидетельств из рукописного сборника архиепископа Гавриила о переселении христиан из Крыма в Приазовье отождествляет А. Л. Бертье-Делагард [7, с. 5 и сл.]. Исследователь высказывает также несколько выводов относительно своеобразия вариантов названий в генуэзских документах: с одной стороны, ученые не представляют, «как эти слова звучали в народном говоре того далекого времени», с другой стороны, генуэзцы не переводили чуждые им названия, а осваивали их средствами своего языка с искажениями в произношении и написании; искажения могли возникнуть и вследствие ошибки писца или переписчика [7, с. 21]. Проанализировав список К. Десимони, А. И. Маркевич также заключает, что в XIV–XV вв. в юго-восточной и южной части Крыма греческие названия были заменены татарскими, а также искажены генуэзцами [18, с. 25]. Следовательно, такая запись топонима не должна вводить в заблуждение и рассматриваться как подтверждение готской этимологии. Она может отражать искажение услышанного

названия, уподобление способа написания фонетике генуэзского диалекта или ошибочную транслитерацию греческих букв.

Подытоживая, констатируем частично ошибочность, частично гипотетичность и недоказуемость представленных выше германских этимологий. Готские названия могли не сохраниться из-за ограниченного использования самого готского языка и многовековых ассимиляционных процессов. Сами готы могли использовать греческие или более древние названия из других языков. Какие-то названия были утрачены после гибели поселений. Какие-то, как и греческие, могли продолжить свое существование в переводе на крымскотатарский язык. Выявлению таковых препятствует отсутствие их письменной фиксации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
2. Белецкий А.А. Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология – 1967 / ред. Варбот Ж.Ж. и др. М.: Наука, 1968. С. 201–214.
3. Белянский И.Л. Заметки по крымской топонимике // Топонимика Крыма – 2010: Сб. статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 2010. С. 147–152.
4. Белянский И.Л. Здесь рождается Бельбек // Топонимика Крыма – 2010: Сб. статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 2010. С. 47–48.
5. Белянский И.Л. В тени Эски-Кермена // Топонимика Крыма – 2010: Сб. статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 2010. С. 57–60.
6. Белянский И.Л., Усеинов С.М. Симферополь: по городу и окрестностям // Топонимика Крыма – 2010: Сб. статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 2010. С. 81–112.
7. Бертье-Делагард А.Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1–135.
8. Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003. 320 с.
9. Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма: дисс. … канд. фил. наук: 10.02.06. М., 1991. 341 с.
10. Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. 288 с. (Славяно-германские исследования. [Т.] V).
11. Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. Т. 2. С. 239–248.
12. Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894. 551 с.
13. Згуровская Л.Н. Рассказы о деревьях Крыма: Краеведческие очерки. Симферополь: Таврия, 1984. 224 с.
14. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873. Ч. 1. 253 с.
15. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Имп. Акад. наук, 1837. 412 с.
16. Кеппен П.И. Указатель к карте южного Крыма. СПб.: Имп. Акад. наук, 1836. 68 с.
17. Ляхович А.А., Шорин Л.А., Веникеев Е.В., Шавшин В.Г. У карты Севастополя: справочник. Симферополь: Таврия, 1982. 224 с.
18. Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал (памяти А.Л. Бертье-Делагарда) // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59). С. 17–32.
19. Мыц В.Л. Крепость Алустон в VI–XV вв.: от византийского фруриона до генуэзского консульства // Byzantinotaurica: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. СПб.: Алетейя, 2023. С. 63–70.
20. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство. Т. 27).
21. Педдакас И.М. Что представляет собой восточный район Южного берега от Алушты до Кутлака // Экономика и культура Крыма. Симферополь, 1935. Т. 1–2. С. 108–117.
22. Плугатарь Ю.В. Леса Крыма. Симферополь: Ариал, 2015. 385 с.
23. Рубцов Н.И. Растительный мир Крыма. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с.
24. Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии: общий и частный обзор / сост. кафедральным прот. Михаилом Родионовым. Симферополь: тип. С. Спиро, 1872. 269 с.
25. Топонимический словарь Севастополя // Словари онлайн. URL: https://rus-sevastopol-toponyms-dict.slovaronline.com.

26. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
27. Шапошников А.К. Феодоро в письменных источниках // Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 295–396.
28. Флора СССР / ред. В.Л. Комаров. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 5. 762 с.
29. Яйленко В.П. Топонимика античного Крыма // Боспорские исследования. 2017. Вып. XXXV. С. 3–88.
30. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII // Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / F. Miklosich, I. Müller. Wien, 1975. Bd. 2. S. 608.
31. Althochdeutsches Wörterbuch. URL: https://awb.saw-leipzig.de/?sigle=AWB&lemid=L00765.
32. Arabische Welt- und Länderkarten. Die Länder Europas und Afrikas im Bilde der Araber / Hrg. K. Miller. Stuttgart, 1927. 195 S.
33. Desimoni C. Nuovi studi sull' atlante Luxoro // Atti della Societa ligure di storia patria. Vol. V. 1868. 270 p.
34. Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. URL: http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html.
35. Köbler G. Gotisches Wörterbuch. URL: https://www.koeblergerhard.de/gotwbhin.html.
36. Neumann G., Düwel K. Alust – ein krimgotischer Ortsname? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1985. Bd. 98. H. 2. S. 280–284.
37. Procopius. On Buildings / Transl. by H.B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. P. 3–363.
38. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. 75 S.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
2. Beletskii A.A. Greek Elements in the Geographical Names of Crimea. *Etimologiia 1967* [Etymology 1967], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 201–214.
3. Belianskii I.L. Notes on Crimean Toponymy. *Toponimika Kryma 2010* [Toponymy of Crimea 2010], Simferopol, Universum Publ., 2010, pp. 147–152.
4. Belianskii I.L. Belbek is Born Here. *Toponimika Kryma 2010* [Toponymy of Crimea 2010], Simferopol, Universum Publ., 2010, pp. 47–48.
5. Belianskii I.L. In the shadow of Eski Kermen. *Toponimika Kryma 2010* [Toponymy of Crimea 2010], Simferopol, Universum Publ., 2010, pp. 57–60.
6. Belianskii I.L., Useinov S.M. Simferopol: around the City and its Environs. *Toponimika Kryma 2010* [Toponymy of Crimea 2010], Simferopol, Universum Publ., 2010, pp. 81–112.
7. Bert'e-Delagard A.L. A Study of Some Unclear Questions of the Mediaeval Taurida. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Lerned Archival Commission], 1920, no. 57, pp. 1–135.
8. Bushakov V.A. *Leksychnyi sklad istorichnoï toponimïï Krymu* [Lexical Structure of the Historic Toponymy of Crimea]. Kyiv, 2003, 226 p.
9. Bushakov V.A. *Tiurkskaia etnooikumiia Kryma* [The Turkic Ethno-Oikonymy of Crimea]. Doctoral dissertation. Moscow, 1991, 264 p.
10. Ganina N.A. *Krymsko-gotskii iazyk* [Crimean Gothic language]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2011, 288 p.
11. Garkavi A.Ia. The Crimean Peninsula before the Mongol Invasion in Arabic Literature. *Trudy Chetvertogo Arkheologicheskogo sezda v Rossii* [Proceedings of the Fourth Archaeological Congress in Russia], Kazan, Printing House of the Imperial University, 1891, vol. 2, pp. 239–248.
12. Golovkinskii N.A. *Putevoditel' po Krymu* [Crimea Travel Guide]. Simferopol, 1894, 551 p.
13. Zgurovskaia L.N. *Rasskazy o derev'iakh Kryma: Kraevedcheskie ocherki* [Stories about Trees of Crimea: Local History Essays]. Simferopol, Tavriia Publ., 1984, 224 p.
14. Kondaraki V.Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal Description of Crimea]. Nikolaev, 1873, P. 1, 253 p.
15. Keppen P.I. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [Crimean Collection. On the Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauride Mountains]. St Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1837, 409 p.
16. Keppen P.I. *Ukazatel' k karte iuzhnogo Kryma* [Index to the Map of Southern Crimea]. St Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1836, 68 p.
17. Liakhovich A.A., Shorin L.A., Venikeev E.V., Shavshin V.G. *U karty Sevastopolia: spravochnik* [At the Map of Sevastopol: Reference Book]. Simferopol, Tavriia Publ., 1982, 224 p.
18. Markevich A.I. Geographical Nomenclature of Crimea as Historical Material (in Memory of A.L. Berthier-Delagarde. *Izvestiia Tavricheskogo obshcheva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1928, vol. 2 (59), pp. 17–32.

19. Myts V.L. Aluston Fortress in the 6th–15th Centuries: From a Byzantine Frourion to a Genoese Consulate. *Byzantinotaurica: Vizantiia i vizantiiskoe nasledie v Prichernomor'e, Sredizemnomor'e i Vostochnoi Evrope* [Byzantinotaurica: Byzantium and the Byzantine Heritage in the Black Sea, Mediterranean and Eastern Europe], St Petersburg, Aleteiia Publ., 2023, pp. 63–70.
20. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations Made during the Travel through the Southern Provinces of Russia in the Years 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
21. Peddakas I.M. What is the eastern region of the South Coast from Alushta to Kutlak. *Ekonomika i kul'tura Kryma* [Economy and Culture of Crimea], Simferopol, 1935, vol. 1–2, pp. 108–117.
22. Plugatar' Iu.V. *Lesa Kryma* [Forests of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015, 385 p.
23. Rubtsov N.I. *Rastitel'nyi mir Kryma* [Flora of Crimea]. Simferopol, Tavriia Publ., 1978, 128 p.
24. Rodionov M. (comp.) *Statistiko-khronologichesko-istoricheskoe opisanie Tavricheskoi eparkhii: obshchii i chastnyi obzor* [Statistical-chronological-historical Description of the Tauride Diocese: General and Specific Review]. Simferopol, S. Spiro's Printing House, 1872, 269 p.
25. Toponymic dictionary of Sevastopol. *Slovari onlain* [Online dictionaries]. URL: https://rus-sevastopol-toponyms-dict.slovaronline.com.
26. Trubachev O.N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [Indoarica in the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.
27. Shaposhnikov A.K. Theodoro in written sources. Fadeeva T.M., Shaposhnikov A.K. *Kniazhestvo Feodoro i ego kniaz'ia. Krymsko-gotskii sbornik* [The Principality of Theodoro and its Princes. Crimean-Gothic Collection]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2011, pp. 295–396.
28. Komarov V.L. (ed.). *Flora SSSR* [Flora of the USSR]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 5, 762 p.
29. Yailenko V.P. A Toponymy of Ancient Crimea. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2017, vol. 35, pp. 3–88.
30. *Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Wien, 1975, vol. 2, 608 p.
31. *Althochdeutsches Wörterbuch*. URL: https://awb.saw-leipzig.de/?sigle=AWB&lemid=L00765.
32. Miller K. (ed.). Arabische Welt- und Länderkarten. *Die Länder Europas und Afrikas im Bilde der Araber*, Stuttgart, 1927, 195 p.
33. Desimoni C. *Nuovi studi sull' atlante Luxoro*. Atti della Societa ligure di storia patria, vol. V, 1868, 270 p.
34. Köbler G. *Althochdeutsches Wörterbuch.* URL: http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html.
35. Köbler G. *Gotisches Wörterbuch*. URL: https://www.koeblergerhard.de/gotwbhin.html.
36. Neumann G., Düwel K. Alust – ein krimgotischer Ortsname? *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1985, Bd. 98. H. 2, pp. 280–284.
37. Procopius. *On Buildings.* Translated by H.B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1940, pp. 3–363.
38. Tomaschek W. *Die Goten in Taurien*. Wien, 1881, 75 p.

Информация об авторе

Шалыга Д. А. – старший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAT-4916-2020.

Author information

Shalyga D. A. – Senior Researcher of the laboratory "Byzantine Crimea" of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAT-4916-2020.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.313-340

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Виктория Алексеевна Колганова
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
vika.Kolganova.98@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы 124 письменных источника, содержащих сведения о пандемии чумы 1346–1352 гг. Источники классифицированы на две большие группы: повествовательные и документальные. Внутри каждой группы выделены типы текстов, отличающихся происхождением. Их анализ продемонстрировал различную степень информативности и разный характер содержащихся в них сведений. Повествовательные источники позволяют реконструировать географию и хронологию «Черной смерти», реакцию медицины XIV в. и психологическое восприятие пандемии ее современниками. Документальные источники позволяют частично реконструировать социально-экономические и политические последствия эпидемии. Обе группы источников не позволяют объективно оценить демографический аспект пандемии. Кроме того, «Черная смерть» в разных регионах в источниках освещена неравномерно. Наиболее подробно реконструируются события эпидемии на Британских островах.

Ключевые слова: Европа, Ближний Восток, XIV в., пандемия, чума, письменные источники, классификация

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

“BLACK DEATH” THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES: AN ATTEMPT TO CLASSIFY WRITTEN SOURCES

Viktoriia A. Kolganova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
vika.Kolganova.98@mail.ru

Abstract. This article has analysed 124 written sources supplying information on the plague pandemic of 1346–1352. The sources have been classified into two large groups: narrative and documentary, with the types of texts of different origin specified within each group. Their analysis has demonstrated different degrees of informativeness and different nature of the accounts they contain. Narrative sources allow the one to reconstruct the geography and chronology of the Black Death, the reaction of fourteenth-century medicine, and the psychological perception of the pandemic by its contemporaries. Documentary sources allow the one to make a partial reconstruction of the socio-economic and political consequences of the epidemic. Both groups of sources do not allow objective evaluation of the demographic aspect of the pandemic. Additionally, the sources unevenly uncover the Black Death in different regions. The events of the epidemic in the British Isles are reconstructed in most detail.

Keywords: Europe, Near East, fourteenth century, pandemic, plague, written sources, classification

Acknowledgments: This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

«Черная смерть» – пандемия чумы, охватившая Европу и Ближний Восток в середине XIV в. По разным подсчетам болезнь унесла от 30 до 50% населения Старого Света [23, p. 382–383; 57, p. 33], что повлекло за собой ряд важнейших изменений в средневековом обществе. Интерес к данной теме среди историков стал появляться в XX – начале XXI в. Большая часть исторических исследований посвящена изучению чумы в

конкретных регионах и рассмотрению отдельных аспектов, связанных с эпидемией [26, p. 1–34.; 40, p. 390 p.; 41, p. 39–66; 44, p. 425–496; 46, p. 123–161; 48, p. 59; 49, p. 415–432; 51, p. 75–183]. Существуют работы обобщающего характера [23; 24; 51; 82]. Несмотря на значительный объем специальной литературы, в изучении «Черной смерти» остается ряд нерешенных проблем. К наиболее важным из них относятся разная степень изученности хода и последствий эпидемии для отдельных регионов, а также низкая степень достоверности подсчетов демографических потерь [5, с. 99]. Таким образом, продолжение исследований этого события сохраняет свою актуальность.

Любое историческое исследование основано на источниках. Одной из ключевых проблем, связанных с изучением «Черной смерти», является отсутствие исследований, обобщающих сведения многочисленных письменных свидетельств. Попытки систематизации нарративных данных о пандемии середины XIV в. предпринимались Р. Хоррокс [55] и Д. Абертом [21].

Работа британской исследовательницы представляет собой сборник из 117 средневековых, главным образом, английских текстов, переведенных на современный английский язык. Информацию о «Черной смерти» и ее последствиях содержат 91 источник. 26 документов связаны с локальными вспышками чумы в Англии в конце XIV – XV в. Источники сгруппированы в три раздела. Первый из них содержит тексты, связанные с проникновением и распространением чумы в Западной и Центральной Европе [55, p. 3–92]. Второй раздел включает источники, отражающие восприятие эпидемии современниками [55, p. 95–226]. В заключительной главе приведены тексты, отражающие последствия «Черной смерти» для Европы [55, p. 229–351]. Каждый раздел сопровождается комментариями автора [5, с. 89–90].

Нужно отметить, что структура монографии Р. Хоррокс в целом отражает текущую ситуацию с нарративными данными о «Черной смерти». История эпидемии в разных регионах Европы в источниках отражена неравномерно. Видимо, по этой причине, автор акцентировал внимание на источниках, связанных с чумой на Британских островах. В работе не отражены события эпидемии в Византии, на Руси и в Золотой Орде, известные по хроникам Иоанна Кантакузина, Никифора Григоры, письмам Димитрия Кидониса, русским летописям и текстам арабских авторов.

В 2005 г. американский исследователь Д. Аберт опубликовал сборник выдержек из 43 средневековых источников [21]. 39 из них имеют непосредственное отношение к «Черной смерти» и ранее уже были учтены Р. Хоррокс. Документы сгруппированы по категориям, отражающим отдельные аспекты истории пандемии: происхождение чумы, симптомы болезни и пути ее распространения, реакция средневековой медицины, социально-экономические, культурные и психологические последствия эпидемии. Исследователь использует византийские хроники, при этом, игнорируя письменные данные о чуме в Древнерусском государстве и Золотой Орде.

Данная работа представляет собой попытку систематизации и анализа 124 письменных источников, содержащих сведения о пандемии 1346–1352 гг. и ее последствиях. Для ряда источников, оригинальные тексты которых оказались недоступными, объектами анализа стали их переводы на современные европейские языки.

Источники разделены на две большие группы: повествовательные и документальные. Внутри каждой группы выделен ряд типов документов, различающихся происхождением. Категория повествовательных источников включает хроники, личную корреспонденцию, литературные произведения, медицинские трактаты и литургические тексты. В группу документальных источников входят законодательные акты локального и общегосударственного характера, официальная корреспонденция, юридические документы, а также документы, связанные с деятельностью церкви. Количественно, первая группа насчитывает 75 источников, вторая – 49. Учтенные в работе письменные источники сгруппированы по видам в отдельном каталоге, где снабжены библиографическими ссылками на публикации или переводы.

Наиболее многочисленным и информативным видом повествовательных источников являются **исторические хроники**, группа которых включает 46 сочинений. Большая часть из них носит локальный (региональный) характер, освещая события эпидемии в конкретной стране, провинции или городе. К таковым относятся, в первую очередь, хроники, составленные в итальянских городах и английских монастырях. Некоторые хроники имеют более широкую географию и рассматривают «Черную смерть» как событие общеевропейской истории. Примером такого сочинения может служить «Вселенская хроника» Германа Гигаса, составленная в 1349 г. и содержащая описание эпидемии на территории современных Германии, Англии и Франции [53, p. 138–139].

Хроники являются ключевой группой письменных источников для реконструкции *географии распространения «Черной смерти»* в Европе. Нужно отметить, что сведения хронистов о направлении развития эпидемии с востока на запад совпадают. Неясным остается регион первой вспышки заболевания. Хроники в целом указывают три возможных варианта исходного района пандемии: Индия, территория Золотой Орды и «страны Востока».

Об индийском происхождении «Черной смерти» сообщал, к примеру, итальянский хронист Маттео Виллани, писавший о начале мора в 1346 г. в «восточных странах, Индии, Каттае (Китае – авт.) и других прибрежных провинциях океана» [3, с. 453]. Упоминания о вспышке чумы в Индии также содержат британские хроники Генри Найтонского и Рочестерского монастыря [55, p. 70, 76]. Английский хронист Джеффри Ле-Бейкер указывал на вспышку чумы 1348 г. в Индии и землях турок [31, p. 99].

Зарождение чумы в землях Улуса Джучи отмечено в византийских хрониках. Никифор Григора писал о начале эпидемии «в землях скифов, Меотиды и устье Танаиса» [62, p. 797]. Согласно сведениям Иоанна Кантакузина, пандемия началась у «скифов Гиперборей» [56, p. 49]. Аналогичные данные приведены в хронике итальянского нотариуса Габриэля де Мюсси: «…в 1346 г. бесчисленные племена татар и сарацин пали от необъяснимой болезни» [81, p. 144]. На распространение болезни в татарском войске указывал в своей хронике Жиль ле Мюзи [55, p. 45]. Арабский автор Ибн аль Варди указывал на появление чумы «в землях Узбековых, от которой обезлюдели города и деревни» [19, с. 530, прим. 1; 39, p. 444]. Начало эпидемии в золотоордынских городах Орначь, Сарай и Хозторокан летом 6854 г. (1346 г.) отмечено в Софийской первой летописи [12, с. 225]. Такие же данные имеются в Никоновской летописи: «в 6854 начался мор в землях крестіанехъ, арменехъ, орязехъ, черкасехъ, татарехъ, обязехъ» [13, с. 217]. О начале чумы в землях Улуса Джучи сообщают летопись Авраамки, Русский хронограф и Симеоновская летопись [14, с. 78; 15, с. 410; 16, с. 96].

Ряд источников сообщают о восточном происхождении чумы без указания конкретного региона. В хронике «Historia de Novitatibus Paduae et Lombardiae» указано, что «Судный день начался в самой дальней части мира, в странах Востока» [55, p. 34]. Английский хронист Томас Уолсингем отмечал распространение чумы среди «сарацин и других неверующих» [55, p. 66]. По сведениям французской хроники Жана де Венетта чума появилась в «стране неверующих»[1] [32, p. 212]. Кроме этих хроник «восточное» происхождение «Черной смерти» упоминается также в трактатах французских медиков Симона де Кувина и Ги де Шолиака [42, p. 32; 21, p. 64] и в реестре епископа Шрусберри Ральфа [67, p. 555].

Противоречивость данных письменных источников нашла отражение в современной историографии. Принимая общий вектор распространения чумы в направлении с востока на запад, точная локализация первого очага заболевания остается дискуссионным вопросом. Среди возможных вариантов исследователи называют пустыню Гоби [7, с. 8], территорию Китая [23, p. 48], район озера Иссык-Куль [20, с. 679; 72, с. 718]. Последняя версия на сегодняшний день выглядит наиболее аргументированной, так как здесь, в Чуйской долине на севере Кыргызстана были археологически исследованы некрополи

[1] Европейские хронисты под «страной неверующих» понимали страны Востока, где исповедуется ислам.

с каменными надгробиями, датирующимися 1338–1339 гг. Костные останки погребенных содержали ДНК возбудителя чумы – бактерии Yersinia Pestis [72, p. 718–724].

Исторические хроники являются незаменимой группой источников для реконструкции *хронологии распространения пандемии чумы* по территории Азии, Европы и Северной Африки. Первые вспышки этого заболевания на территории Улуса Джучи в 1346–1347 гг. отмечены в ряде независимых друг от друга источниках: русских летописях [13, с. 217; 14, с. 78; 15, с. 96; 16, с. 96], хрониках Габриэля де Мюсси [81, p. 144], Маттео Виллани [3, с. 452–453], Жиля Ле Мюизи [55, p. 46], Джеффри Ле-Бейкера [31, p. 98]. Те же даты указаны в литературном сочинении Ибн аль-Варди «Весть о чуме» [39, p. 444].

Византийские хронисты Никифор Григора, Иоанн Кантакузин, Михаил Панарет и Леонтий Махера сообщали о начале эпидемии в Византии и на Кипре в 1347 г. [62, p. 797; 56, p. 49; 10, с. 87; 9, с. 86]. По сообщениям итальянских современных авторов Маттео Виллани и Микеля де Пьяцца, к последней четверти этого года чума достигла Аппенинского полуострова [3, с. 452–453; 21, p. 29].

Затем «Черная смерть» продолжила свое распространение двумя путями. Проникновение болезни на территорию Египта и Сирии в 1348–1349 гг. засвидетельствовано историческими сочинениями Беддредина Элайни [19, с. 529], Ибн Касира [21, p. 111] и Ахмеда ибн Али Макризи [21, p. 84]. Одновременно эпидемия началась в Центральной и Западной Европе. Вспышка чумы на территории современной Австрии в 1348 г. зафиксирована в анналах Нойбергского монастыря [55, p. 59]. Начало эпидемии во Франции в том же году отмечалось в Великой хронике [59, p. 314], сочинениях Жана де Венета [32, p. 210] и Жиля Ле Мюизи [55, p. 46]. Более точная дата – январь 1348 г., указана в трактате французского медика Ги де Шолиака [21, p. 63]. По сообщению «Великой хроники» Германа Гигаса, в Германии чума начала распространяться в 1349 г. [53, p. 139].

Особой информативностью с точки зрения данных о хронологии распространения чумы отличаются исторические сочинения, составленные в Англии. Ряд местных хроник, составленных, как правило, при монастырях, позволяет реконструировать развитие эпидемии на Британских островах с точностью до времени года или даже месяца. По данным «Всемирной хроники» бенедиктинца Ранульфа Хигдена, чума проникла в Бристоль в день праздника Св. Иоанна (24 июня) в 1348 г. [55, p. 62–63]. В анонимной хронике, составленной в аббатстве Св. Марии в Йорке, в качестве отправной точки начала эпидемии указан праздник Св. Петра (1 августа) [77, p. 30]. Та же дата указана в хронике Роберта из Эйвсбери [55, p. 64]. По данным хрониста Джеффри Бейкера, в Бристоле эпидемия началась в праздник Успения Богородицы (15 августа) [31, p. 98].

В хронике францисканского монастыря в Линне описана история прибытия летом 1348 г. кораблей в Мелкомб (графство Дорсет) из Гаскони с первыми инфицированными моряками, впоследствии заразившими местных жителей [55, p. 63]. Начало эпидемии в порту Мелкомб в этом году отмечено также в хронике аббатства Малмсберри [43, p. 213].

Осенью 1348 г. «Черная смерть» достигла Лондона. Джеффри Бейкер указывает дату начала эпидемии в столице – день Святого Михаила (29 сентября) [31, p. 98]. По сведениям Роберта из Эйвсбери, чума свирепствовала в Лондоне в период между праздником Всех святых (1 ноября 1348 г.) и днем сошествия благодати Святого Духа (31 мая 1349 г.) [55, p. 64–65].

На север Англии болезнь проникла в первой половине 1349 г. Согласно «Хроники архиепископов Йоркских», эпидемия вспыхнула в Йорке около Дня Вознесения Господня (21 мая) и свирепствовала до праздника Святого апостола Иакова (25 июля) [78, p. 418]. В хронике, составленной в цистерцианском аббатстве Лаут-парк (графство Линкольншир), отмечена высокая смертность среди монахов именно в 1349 г. [55, p. 66–67].

Следующим, с точки зрения хронологии, регионом, где вспышка эпидемии зафиксирована письменными источниками, являются земли Северной Руси. В ряде летописей отмечен мор, охвативший территории Псковского и Смоленского княжеств в 1352 г. [11, с. 60; 13, с. 223; 14, с. 83; 17, с. 61]. Эти сведения привели крупнейшего современ-

ного исследователя «Черной смерти» У. Бенедиктова к логичному выводу об обратном продвижении эпидемии с запада на восток через территорию Северной Европы в начале 50-х гг. XIV в. [24, p. 606–607].

Еще одним аспектом изучения «Черной смерти», отмеченным в целом ряде исторических сочинений, являются ее *клинические симптомы*. По Никифору Григоре, «признаком этой болезни и предвестниками смерти были объемные опухоли на бедрах и подмышках, рвота кровью, которая уносила жизнь в тот же день, в который настигала» [62, p. 798]. Иоанн Кантакузин в числе внешних проявлений заболевания называл лихорадку, слабость, бессонницу, черные пятна на теле, боль в груди и кровавую мокроту. Кроме того, византийский император отмечал передачу заболевания от человека к человеку [56, p. 50–51]. Кашель с кровью, как основной симптом болезни, зафиксирован в русских летописях [11, с. 60; 14, с. 83] и хронике Беддредина Элайни [19, p. 530].

Достаточно подробно симптомы чумы и скоротечность протекания болезни описаны в итальянских хрониках. По сведениям Аньоло ди Тура, больные «умирали сразу, после возникновения опухолей в паху и подмышками» [27, p. 13]. В сочинении Маттео Виллани отмечалась индивидуальная переносимость заболевания: появление тех или иных симптомов, длительность болезни и ее итог [3, с. 453]. Описывая вспышку чумы в осажденной Каффе, Габриэль де Мюсси в качестве основных признаков болезни называл лихорадку и бубоны, но ничего не говорил о кашле с кровью [80, p. 145]. Это позволяет предположить, что в осаждавшем Каффу золотоордынском войске бубонная форма чумы была преобладающей [4, с. 155–156].

Ряд итальянских хронистов отмечали передачу чумы воздушно-капельным путем. В сочинении Микеля де Пьяцца указывалось, что «болезнь распространялась между беседовавшими друг с другом людьми» [21, p. 29]. По сведениям Падуанской хроники, написанной Гульельмо и Альдригетто Кортузи, чума передавалась «одним только взглядом, дыханием и прикосновением» [55, p. 34], что в целом соответствует современным медицинским данным о передаче легочной формы чумы воздушно-капельным путем.

Схожие описания симптоматики содержат британские хроники. Хронист Джон из Рединга в качестве основных признаков чумы отмечал бубоны в подмышках и паху и следующую за их появлением смерть в течение трех дней [29, p. 108]. Священник из Суинбрука Джеффри Ле-Бейкер в своей хронике указывал два основных симптома: сухие и твердые фурункулы у одних больных, маленькие черные пустулы, разбросанные по всему телу – у других. В первом случае еще сохранялся шанс на выздоровление, во втором смерть была неизбежной [31, p. 100]. По сообщению францисканца Джона Клинна, симптомами чумы в Ирландии были фурункулы, пустулы и абсцессы на ногах и в подмышках, сильная головная боль и кровавый кашель. Он же отмечал передачу болезни через прикосновение [22, p. 36]. Шотландский хронист Иоанн Фордунский указывал, что смерть зараженных чумой наступала в течение нескольких дней [58, p. 369].

Описание симптомов «Черной смерти» в исторических сочинениях, составленных в разных регионах Европы и Ближнего Востока, практически идентичны, что повышает достоверность таких сведений. Основной акцент их авторы делали на внешних проявлениях заболевания: бубонах и кровавом кашле. С точки зрения современных медицинских знаний о чуме, эти признаки указывают на одновременное распространение двух форм болезни: бубонной и легочной. Судя по сведениям некоторых хронистов, заболевшие первой формой болезни еще могли пережить эпидемию. Больные легочной формой, развивавшейся как осложнение бубонной чумы, шансов на выздоровление практически не имели. Отметим, что данные средневековых хроник о последствиях проявления тех или иных симптомов чумы подтверждаются современной медициной [18, с. 93].

Наконец, еще одним блоком информации о «Черной смерти», затронутым практически во всех сочинениях исторического характера, являются ее *демографические последствия*. В ряде источников количество умерших не указывается, а высокий уровень смертности передается за счет слов и фраз, носящих ярко выраженный эмоциональ-

ный характер. Например, описывая эпидемию на Кипре, Леонтий Махера сообщал о смерти половины населения острова [9, с. 86]. В Трапезундской империи, по Михаилу Панарету, «многие потеряли детей, супругов, братьев, матерей и родственников» [10, с. 87]. Многие авторы для передачи высокого уровня смертности использовали мотив нехватки живых людей для организации похорон умерших. Он встречается, например, в русских летописях [11, с. 61; 13, с. 217; 14, с. 78; 17, с. 57] и в некоторых английских хрониках [43, p. 213; 78, p. 30].

В то же время большинство источников рассматриваемой группы все-таки содержит количественные показатели смертности в том или ином регионе или населенном пункте во время пандемии. По данным Рогожского летописца, в Новгороде ежедневно умирали от 20 до 100 человек [17, с. 76]. Сирийский хронист Ибн Касир сообщал, что в Дамаске этот показатель в среднем составлял до 100 человек в день [21, p. 111–112]. Согласно хронике Элайни, смертность в Дамаске достигала 1000 человек в день, в Алеппо – до 500. По оценке этого арабского хрониста, Египет и Сирия в течение эпидемии всего потеряли около двух третей своего населения [19, с. 529]. Другой арабский автор – Ахмед Ибн Али Макризи, в качестве иллюстрации высокой смертности в Египте приводит город Асьют, где до начала эпидемии налоги платили 6000 человек, а по ее завершении – только 105 [21, p. 85–86].

Высокая смертность в крупных городах Аппенинского полуострова засвидетельствована итальянскими хронистами. По сообщению Аньоло ди Тура, до начала эпидемии население Сиены составляло 52000 человек, после нее – около 10000. Такие же показатели для округи города составляли, соответственно, 80000 и 30000 человек [27, p. 14]. Падуанская хроника сообщает о смерти 100000 человек в Венеции и трети населения для всего региона [55, p. 34]. По данным Нойбергских анналов, эпидемию в Венеции удалось пережить лишь четверти ее населения [55, p. 59]. Автор «Вселенской хроники» Герман Гигас включает Венецию в перечень крупных европейских городов, где показатель смертности достигал 1000 человек в день [53, p. 138].

Сведения французских хронистов об уровне смертности в Париже разнятся. Жан де Венет говорил о 500 умерших в течение дня [32, p. 210–211]. Анонимный автор «Великой хроники Франции» сообщал о ежедневной смерти 800 парижан [21, p. 164].

Английский хронист Генри Найтонский приводит конкретные примеры высокого уровня смертности в период «Черной смерти» во Франции. По его информации, в один из дней эпидемии в Авиньоне скончались 1312 человек, в другой – более 400. Из 140 монахов монастыря в Монпелье эпидемию пережили только семеро. Вспышка чумы в миноритской обители Марселя унесла жизни всех ее обитателей [55, p. 76].

Другой британский автор, Роберт из Эйвсбери, сообщал о том, что в одном из районов Лондона (Смитфилде) ежедневно умирали несколько десятков человек, что вынудило городские власти выделить участок земли для организации нового кладбища [55, p. 64]. По сообщению хроники монастыря Св. Альбана, за время эпидемии умерло 47 насельников обители и ее настоятель [55, p. 252–253]. В Анналах Ирландии отмечены 14000 жертв эпидемии в Дублине, умерших в период август – декабрь 1348 г. [22, p. 35].

Содержащиеся в исторических хрониках сведения об уровне смертности в городах и регионах Европы и Ближнего Востока во время пандемии середины XIV в. слишком расплывчаты. Нужно отметить, что количественные показатели, приводимые их авторами, зачастую разнятся даже для конкретных населенных пунктов, что хорошо иллюстрируют примеры из истории Дамаска, Венеции и Парижа. Представляется, что основной задачей, стоящей перед средневековыми хронистами, была передача масштабов происходящей трагедии, что не требовало абсолютно точных подсчетов количества жертв эпидемии. Очевидно, содержащиеся в хрониках показатели смертности всегда требуют критического к себе отношения.

Некоторые хроники фиксируют ряд последствий «Черной смерти», имеющих социальный характер. Рост антицерковных настроений отмечен в сочинении Иоганна из

Винтертура. Хронист упоминает слухи о скором воскрешении трижды отлученного от церкви императора Фридриха II, умершего в 1250 г. Его возвращение на престол должно было ознаменовать начало реформирования церкви в Священной Римской империи. Отметим отношение автора сочинения к этим слухам, считавшего их «верхом безумия и глупости» [55, p. 155–157].

Другим последствием социального характера является рост антисемитских настроений. Сочинение каноника собора Констанца Генриха Трухзеса содержит информацию о массовых казнях евреев в Германии, обвиненных в отравлении колодцев с водой, приведшем к многочисленным смертям, реальной причиной которых была начинающаяся эпидемия. По сообщению автора, в период между 1 ноября 1348 г. и 29 сентября 1349 г. на землях между Кельном и Австрией были сожжены все евреи. Хронист предрекает аналогичную судьбу иудеям других территорий Священной Римской империи [55, p. 208–210].

Небольшую группу письменных свидетельств об истории пандемии чумы в середине XIV в. составляют **эпистолографические источники**. Сохранились три примера личных писем современников этих страшных событий.

Автором первого из них является византийский интеллектуал Димитрий Кидонис. Его письмо неизвестному адресату, написанное в Константинополе в 1348 г., не содержит конкретных сведений об эпидемии в столице Византии, но ярко передает восприятие автором происходящих вокруг бедствий [7, с. 10; 8, с. 47–48]. Оно наполнено охватившим Кидониса ощущением неотвратимости скорой и суровой божественной кары за грехи человеческие [37, p. 122].

Полной противоположностью является письмо фламандского монаха и теоретика музыки Людовика Хейлигена неизвестным друзьям в Брюгге [21, p. 21–22, 33–34]. Оно было написано 27 апреля 1348 г. при Авиньонском папском дворе, где Хейлиген служил учителем музыки. Текст письма содержит известные ему научные сведения об охватившей Европу эпидемии. По мнению автора, первая вспышка чумы произошла в Индии в сентябре 1347 г., а к декабрю следующего года болезнь была занесена в Геную вместе с прибывшими сюда торговыми кораблями [21, p. 21–22]. Значительное внимание в письме уделено описанию различных форм и проявлений чумы. Хейлиген выделяет три формы заболевания. Симптомами первой являются воспаление легких и кровавый кашель, второй – бубоны в подмышках и в паху. Для третьей формы характерны все перечисленные выше симптомы, проявляющиеся в произвольной последовательности. В первом случае смерть заболевшего наступала в течение двух дней. Кроме того, автор упоминает примеры вскрытия тел жертв эпидемии, производившихся медиками Авиньона с научными целями [21, p. 33–34].

Два рассмотренных текста ярко иллюстрируют различное восприятие «Черной смерти» ее современниками. Для части общества чума была неотвратимым наказанием за человеческие грехи, другие воспринимали ее как болезнь с характерными симптомами.

Третье письмо, написанное Уильямом, монахом кармелитского монастыря в Кембридже, содержит информацию об апокалиптических настроениях в охваченной эпидемией Европе. Автор передает своему корреспонденту слухи, услышанные им во время паломнической поездки в Рим в 1349 г. По его словам, в округе города действуют некие проповедники, возвещающие скорое пришествие Антихриста. Его воплощением должен был стать некий прекрасно образованный ребенок, которому в 1349 г. исполнилось 10 лет [55, p. 154–155]. Судя по этому источнику, часть средневековых европейцев воспринимали «Черную смерть» в качестве одного из признаков надвигающегося конца света.

Литературные источники. Эпидемия чумы середины XIV в., охватившая всю Европу и Ближний Восток, не могла не оставить свой след в литературе этого времени. Классикой в этом смысле является «Декамерон» Джованни Бокаччо, написанный в 50-х гг. XIV в. Во вступительной части к «Первому дню» автор дает достаточно

подробную картину эпидемии, охватившую Флоренцию и ее округу в 1348 г., очевидцем которой он был.

В тексте «Декамерона» присутствует подробное описание признаков чумы: бубоны в паху и подмышках, темные пятна и синяки на руках, бедрах и других частях тела, передача через контакт с заболевшими [50, p. 50]. Беспомощность медицины привела к тому, что жители Флоренции искали спасения от чумы самостоятельно. Часть из них изолировалась и вела почти аскетический образ жизни, другие предавались чревоугодию, пьянству и разврату. По мнению автора поэмы, обе модели поведения оказались неспособными противостоять болезни: представители обеих групп флорентинцев в равной степени продолжали заражаться и умирать [50, p. 53].

«Декамерон» содержит ряд наблюдений его автора об общих последствиях «Черной смерти» во Флоренции. По информации Бокаччо, жертвами эпидемии стали почти 100 000 жителей города [50, p. 57]. Остро ощущалась нехватка земли для организации традиционных индивидуальных погребений, что вынудило городские власти перейти к практике коллективных захоронений [50, p. 56–57]. В результате высокой смертности сельскохозяйственная округа Флоренции на некоторое время оказалась заброшенной [50, p. 57].

Современник и друг Бокаччо – Франческо Петрарка, в одном из писем сборника «Epistolae de rebus familiaribus et variae» эмоционально реагирует на события эпидемии в Италии [21, p. 71–74]. Это письмо было написано в Парме в мае 1349 г., и его адресатом являлся уже упомянутый Людовик Хейлиген. Петрарка отмечал высокую скорость распространения чумы и беспомощность медицины и властей перед бушующей эпидемией [21, p. 72, 74]. Чума, по мнению поэта, являлась справедливой божественной карой. При этом, в письме звучит риторический вопрос-обращение к Богу: почему за грехи всего человечества расплачивается именно это поколение? [21, p. 72–73].

Аналогичное восприятие «Черной смерти» как божественного наказания за человеческие грехи звучит в анонимном английском стихотворении «О моровой язве», написанном во второй половине XIV в. [65, p. 279–281]. Его автор акцентировал внимание на корыстолюбии представителей государственной власти, дворянства и священнослужителей.

Другим примером представлений о чуме как о божественной каре является проповедь монаха Ордена Св. Бенедикта Феофила Миланского [55, p. 149]. По его мнению, медицинские средства против болезни оказались неэффективными. Лучшими лекарствами являлись исповедь и искреннее покаяние.

Совершенно иное восприятие «Черной смерти» демонстрирует сочинение арабского географа и историка Ибн аль-Варди «Весть о чуме» [39, p. 447–455]. По мнению автора, эпидемия была послана Аллахом в качестве испытания на пути в Рай. Заболевшие чумой являются мучениками, и правоверный мусульманин должен воспринимать эту болезнь как благо [39, p. 454]. Работа Ибн аль-Варди содержит интересные, хоть и несколько противоречивые данные об уровне смертности от чумы в Крыму. Он упоминает некоего «кади из Крыма», сообщившего о 85 тысячах умерших [19, с. 530, примечание 1]. Известно, что в арабских источниках топонимом «Крым» обозначался Солхат [2, с. 25]. В этом случае число умерших в сообщении Ибн аль-Варди представляется нереальным для города, население которого, по оценке М. Г. Крамаровского, в первой половине XIV в. составляло 8–9 тысяч человек [6, с. 60]. Более вероятным кажется, что в сочинении арабского автора речь идет о всем полуострове.

Картина общего падения нравов в период эпидемии в Англии красноречиво передана в одном из «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. Его герои, три молодых человека, проводят время в чревоугодии, разврате и азартных играх, в итоге убивают друг друга в борьбе за единоличное обладание сокровищем [55, p. 342–344].

С учетом отсутствия объективных научных данных о происхождении и способах лечения чумы, современники пандемии середины XIV в. предлагают различные объ-

яснения происходящего бедствия. По мнению французского придворного астролога Жоффруа де Мо, ее причинами стало лунное затмение 18 марта 1345 г. и определенное взаиморасположение Солнца, планет и созвездий [55, p. 167–172]. Совпадение начала «Черной смерти» и неблагоприятного взаимного расположения небесных тел отмечал и священник из Льежа Симон де Кувин в своем сочинении «О суде Солнца на празднике Сатурна» [42, p. 32–33].

Упомянутый выше рост антисемитских настроений в период эпидемии в Германии нашел отражение в современной литературе. В автобиографическом сочинении немецкого писателя и богослова Генриха Сузо описан эпизод обвинения монаха в отравлении колодцев ядом по указанию еврейской общины, выдвинутого психически нездоровым человеком [76, p. 76–80].

Схожие обвинения в адрес евреев Германии зафиксированы немецким писателем Конрадом Мегенбергским в сочинении «О смертности в Германии» [21, p. 155–158]. Задачей порчи колодцев мешочками с ядом было уничтожение христианского населения. По мнению автора, эти обвинения были беспочвенными, так как иудеи становились жертвами чумы наравне с христианами [21, p. 157].

Интересные детали событий «Черной смерти» в Англии переданы в сочинении «Описание Лондона», написанном Джоном Стоуном во второй половине XVI в., через два столетия после этой пандемии [73]. Текст источника представляет собой своеобразный путеводитель по городу, содержащий информацию об архитектурных сооружениях, условиях жизни, нравах и обычаях лондонцев и основанный на более ранних документах и хрониках. По сведениям автора, высокий уровень смертности вынудил церковные и светские власти города покупать новые участки земли для обустройства кладбищ, тратя при этом собственные деньги. Так, в 1348 г. епископ Раф Стратфорд купил в Лондоне участок земли для захоронений и построил на нем церковь. Аристократ Уолтер Мэнни купил тринадцать акров земли в районе Спитл-Крофт, где впоследствии были похоронены более 50000 жертв эпидемии [73, p. 81].

Наиболее важная ценность литературных сочинений как источников по истории «Черной смерти» заключается в передаче их авторами восприятия эпидемии ее современниками. Интересно отметить разную оценку бедствия христианами Европы и мусульманами стран Ближнего Востока. Для первых пандемия стала неотвратимой божественной карой за человеческие грехи, для вторых, если следовать Ибн аль-Варди – жизненным испытанием, прохождение которого обеспечивало пропуск в Рай.

Медицинские средневековые трактаты о «Черной смерти». Одним из наиболее обстоятельных сочинений такого рода является коллективный трактат, написанный в 1348 г. магистрами коллегии медицинского факультета Парижского университета [42, p. 70–145]. Трактат разделен на две части, посвященные причинам эпидемии и способам борьбы с нею.

По мнению авторов медицинского трактата, видимо, придерживавшихся миазматической теории Гиппократа[2], вспышки чумы были вызваны нездоровым воздухом. На его качество повлиял ряд совпавших по времени факторов: неблагоприятное взаиморасположение небесных тел, климатические аномалии и стихийные бедствия [42, p. 77–93]. Наиболее эффективными методами профилактики чумы магистры считали изоляцию, окуривание помещений, соблюдение умеренной диеты с широким применением свежей зелени и специй, питье проточной воды и качественного вина, избегание физических нагрузок и душевных потрясений [42, p. 95–115]. Для лечения рекомендовались уксус, кислое молоко, щавель и чеснок [42, p. 121–125]. Кроме того, в трактате содержится несколько рецептов пилюль, предназначенных для окуривания помещений и принятия больными вовнутрь [42, p. 125–145]. Схожих взглядов на происхождение и профилактику чумы придерживался и врач из Монпелье Иоанн Якоб, чей трактат, написанный в

[2] Миазм (с др. греч.) – загрязнения, ядовитые испарения; Гиппократ считал, что миазмы распространяются по воде и воздуху, а вдыхание миазмов людьми приводит к эпидемиям.

1364 г., дошел до нас в составе компилятивного сочинения епископа Стокгольма Бенгта Кнутсона [55, p. 173–177].

В анонимном немецком трактате «О чуме, как о божественном наказании» астрологический аспект происхождения чумы полностью отрицается. По мнению его автора, ключевую роль в начале эпидемии сыграло землетрясение 1347 г. в Южной Австрии, высвободившее ядовитые подземные пары [76, p. 48]. В трактате также отмечено влияние диеты на течение болезни. Сообщается, что обеспеченные обильным питанием люди дольше сопротивлялись чуме [76, p. 49].

Автор другого анонимного сочинения «Сообщение о передаче чумы», написанного в 1349 г., акцентировал внимание на распространении болезни воздушно-капельным путем. Он настаивал на необходимости избегать контактов с больными. В случаях же, когда они были неизбежны, например, при лечении или исповеди, на лицо больного следовало накладывать пропитанную уксусом губку для предотвращения прямого контакта с его дыханием [61, p. 46–52].

Медицинский трактат «Великая хирургия» практиковавшего около 1363 г. в Авиньоне врача Ги де Шолиака содержит подробное описание внешних проявлений чумной болезни. Основываясь на ее симптомах, автор выделил две формы заболевания – бубонную и легочную, приводившие к смерти больного, соответственно, в течении 5 и 3 дней. Наилучшими методами профилактики он считал изоляцию больных и регулярные кровопускания им [21, p. 64–66].

Автор сочинения «Размышления об этиологии и профилактике чумы, написанные во время эпидемии 1348 г.», итальянский врач Джентиле да Фолиньо, также считал кровопускания наилучшей профилактикой заболевания [75, p. 84]. Следуя распространенной в это время миазматической теории, он считал, что причиной заболевания была некая ядовитая субстанция, передававшаяся от человека к человеку [75, p. 83].

Подробные рекомендации по лечению бубонной формы чумы содержит трактат «Contra morbum pestilentialem», написанный врачом из Льежа, Иоанном Бургундским в 1365 г. По мнению медика, бубоны следует прижигать кипящей смолой или смазывать средством на основе корня валерианы, полыни и нашатырного спирта. Для кровопусканий необходимо использовать ближайшую к месту появления бубонов вену для скорейшего удаления «испорченной» крови [75, p. 62–69].

Испанский врач Альфонсо де Кордоба также полагал, что эпидемия чумы является результатом совпадения двух природных факторов: неблагоприятного положения небесных светил и землетрясения в Италии в 1345 г. В качестве мер профилактики он рекомендовал избегать потенциально зараженной пищи, употреблять только проточную воду или хорошее вино, использовать териаки (противоядия) и минимизировать контакты с больными [74, p. 223–226].

Меры, необходимые для предотвращения распространения чумы, подробно описал португальский врач Жакме д'Аграмонт. К ним отнесены очистка воздуха в помещении, соблюдение режима сна, умеренное питание, избегание физической нагрузки, а также принятие слабительных для чистки организма. Очистку воздуха в помещении медик рекомендовал производить путем сжигания в очаге веток розмарина, кипариса или можжевельника [36, p. 57–89].

Арабский врач из Гранадского эмирата Ибн аль-Хатиб в трактате «Важное исследование ужасной болезни» акцентировал внимание на передаче чумы воздушно-капельным путем и через контакт с личными вещами больных. По этой причине, коллективные молитвы и другие массовые мероприятия в период эпидемии являлись недопустимыми. Медик привел два примера спасения от чумы в результате изоляции. В первым случае, некий Ибн Абу Мадьян со своей семьей заперся в доме и успешно пережил эпидемию, уничтожившую все население марокканского города Сале. Второй эпизод произошел в Севилье, где заключенные в местной тюрьме мусульмане выжили, в отличие от подавляющего большинства горожан [21, p. 115].

Еще один медик из Гранады, практиковавший в Альмерии, Абу Джафар Ахмад ибн Хатима, оставил подробное описание симптомов чумы: бубоны на теле, кашель с кровью, головная боль, отеки и судороги. Набор симптомов мог варьироваться в зависимости от особенностей организма заболевшего и времени года. Ключевым внешним проявлением болезни, непосредственно предшествовавшим смерти больного, он считал лихорадку. Наилучшими методами профилактики считались соблюдение режима питания и чистоты, минимизация физических нагрузок, ежедневное употребление воды с уксусом или яблочным сиропом натощак, регулярные кровопускания, избегание контактов с больными [38, p. 32–33].

Все перечисленные сочинения отражают, в первую очередь, реакцию средневековой медицины на пандемию середины XIV в. В них сочетаются псевдонаучные рассуждения о вызвавшем «Черную смерть» взаиморасположении планет и созвездий, популярная вплоть до появления микробиологии теория миазмов Гиппократа и вполне адекватный метод современной профилактики чумы – карантин.

В отдельный тип повествовательных источников выделены **литургические тексты**. Подавляющая часть современников «Черной смерти» воспринимали ее в качестве Божественной кары. Поэтому неудивительно, что одним из действенных средств борьбы с чумой считалась молитва. Один из сохранившихся молитвенных текстов «*Stella Celi Extirpavit»* обращен к Деве Марии. Богоматерь сравнивается с путеводной звездой и противопоставляется «злым» созвездиям, борьба между которыми привела к началу эпидемии [55, p. 124]. Текст молитвы является очередным свидетельством веры средневековых европейцев в происхождение чумы в результате неблагоприятного взаиморасположения небесных тел.

Адресатом другого молитвенного текста, сохранившегося в упомянутой выше хронике Жиля ле Мюизи, был Св. Себастьян Миланский, согласно легенде, исцеливший Зою, супругу Никострата от немоты [55, p. 125–126].

Средством «профилактики» чумы считалась месса «*Recordare Domini»*, авторство которой приписывают Папе Клименту VI. Прослушавшие ее прихожане получали индульгенцию сроком на 260 дней. Кроме того, считалось, что слушатели, простоявшие весь срок мессы на коленях с зажженной свечой, получали иммунитет против чумы [55, p. 122–124].

Если перечисленные выше тексты в большей степени отражают восприятие «Черной смерти» современниками как некоего сверхъестественного явления, то следующий источник содержит конкретные данные об уровне смертности в рамках одной ячейки средневекового общества. Документ представляет собой список членов семьи Вейкбридж, умерших в период с 18 мая по 15 августа 1350 г., переданный приходской церкви г. Крич (Англия) для проведения поминальных служб. В течение 4 месяцев эпидемии автор списка Уильям Вейкбридж потерял семь близких родственников [55, p. 250–251].

Теперь остановимся на **документальных источниках**, отражающих, главным образом, реакцию светских и религиозных властей на эпидемию чумы середины XIV в. и, отчасти, на ее экономические, социальные и демографические последствия. Эта группа письменных источников включает четыре типа документов: общегосударственные и региональные законодательные акты, официальная корреспонденция, юридические документы, а также документы, связанные с деятельностью церкви.

Общегосударственные и региональные законодательные акты. Единственной известной нам попыткой ограничить распространение эпидемии на законодательном уровне является постановление муниципалитета Пистойи в Тоскане, изданное в 1348 г. Документ устанавливал введение в городе режима карантина, нарушение которого каралось системой штрафов. Городские власти предприняли также ряд противоэпидемиологических мер. Тела умерших теперь должны были доставляться на кладбища только в закрытых гробах, накрытых тканью. Глубина могил жертв чумы не должна была быть меньше длины двух с половиной рук. Кроме того, в городе ограничивался ввоз тканей, как потенциального источника заражения [28, p. 3–24].

Как хорошо известно, высокий уровень смертности в период эпидемии середины XIV в. в Западной Европе в целом привел к острому дефициту рабочих рук и резкому росту цен на товары и услуги. Правительства отдельных государств предпринимали попытки законодательно ограничить рост оплаты труда. «Статут от трудящихся», изданный в 1349 г. английским королем Эдуардом III (1327–1377), запрещал требовать повышенную оплату за свои услуги и просить милостыню. За нарушение закона предполагалось тюремное заключение. Кроме того, региональные власти получали право контроля розничных цен на продукты питания. Чрезмерно завысивший их торговец мог быть приговорен к уплате штрафа, значительно превышающего полученную прибыль [55, p. 287–289].

Близкое по содержанию постановление было принято парламентом Кастилии по инициативе короля Педро I (1350–1369) в 1351 г. Этот закон обязывал всех трудоспособных граждан в возрасте от 12 лет трудиться за установленную властями плату [21, p. 89–91].

Городские власти Сиены пытались решить вопрос нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве путем привлечения иностранцев. Изданное в том же 1349 г. постановление местного городского совета освобождало приезжих в возрасте от 15 до 70 лет от уплаты налогов на 5 лет при условии обработки участков земли определенной площади [26, p. 26].

Одним из социальных последствий «Черной смерти» в Европе стала активизация движения флагеллантов – радикальной религиозной секты, противопоставлявшей себя официальной церкви [82, p. 84–109; 51, p. 266–272]. В 1350 г. французский король Филипп VI издал указ, осуждавший и запрещавший «бичующихся», а также определявший физические наказание за участие в этом движении [35, p. 116–117].

Упомянутый выше рост антисемитских настроений в годы «Черной смерти» также нашел отражение в документальных источниках. В 1348 г. в каталонском городе Таррега произошел погром, в результате которого были убиты около 300 евреев, а их имущество было разграблено. После обращения лидеров общины король Арагона Педро IV (1336–1387) в декабре 1349 г. издал распоряжение о восстановлении финансовой документации с целью возврата средств и имущества семьям погибших [21, p. 142–143]. Интересно отметить, что история с погромом в Тарреге подтверждается археологическими материалами. В ходе раскопок еврейского кладбища Тарреги в 2007 г. были открыты шесть братских могил с останками не менее 150 человек. По данным антропологических исследований, более половины погребенных имели следы тяжелых травм, ставших причиной их смерти [33, p. 73–83].

Несмотря на королевский указ 1349 г., еврейские погромы на территории Арагона не прекратились, что зафиксировано в другом документальном источнике. Речь идет о такканоте – письменном постановлении лидеров еврейских общин Каталонии и Валенсии, составленном в 1354 г. на иврите. Авторы постановления обращались к Педро IV с просьбой о защите [45, p. 145–179].

Всплеск антисемитизма в Западной Европе в годы «Черной смерти» засвидетельствован в официальной переписке городского совета Страсбурга с властями соседних городов по вопросу обвинений иудеев в отравлении колодцев. В ответном письме бургомистра Лозанны содержится данное под пытками признание еврея в порче воды и сведения о его казни способом колесования [55, p. 210–211]. Аналогичные признания, сделанные группой евреев, живших в графстве Савойя, приведены в письме, присланном в Страсбург кастеляном замка Шильон [55, p. 211–219]. Еще одно письмо, отправленное в Страсбург городскими советниками Кельна, сообщает об отсутствии доказательств связи между еврейской общиной и вспыхнувшей эпидемией. Последняя была вызвана Божьим гневом и являлась карой за грехи. В письме декларируется намерение властей Кельна обеспечить евреям надлежащую защиту, что рекомендуется сделать и городскому совету Страсбурга [55, p. 219–220].

Официальная корреспонденция. Единственным документальным источником этого вида, не имеющим отношения к еврейскому вопросу, является письмо английского

короля Эдуарда III правителям Кастилии Альфонсо XI (1312–1350) и Марии, отправленное 15 сентября 1348 г. В нем идет речь о смерти дочери Эдуарда Жанны от чумы, обрученной с наследником Кастилии, будущим королем Педро I [69, p. 39–40].

Юридические документы. Большая часть из них связана с деятельностью английских судов в период эпидемии и в первые годы после ее завершения. Единственным источником такого рода, имеющим неанглийское происхождение, являются письменные показания гражданина Нарбонны Андре Бенезейта, отправленные им в 1348 г. в суд города Жирона. В тексте идет речь об аресте группы нищих в Нарбонне, Каркасоне, Грасе, обвиненных в отравлении воды и продуктов питания. Согласно признаниям арестованных, яд вместе с деньгами был получен от неизвестных, которых Бенезейт называет врагами Франции. Причиной эпидемии чумы в это время, по его мнению, являлся яд, действие которого усиливалось неблагоприятным положением небесных тел [55, p. 222–223].

Ряд английских юридических документов содержит информацию о количестве умерших от чумы жителей тех или иных населенных пунктов. Например, в показаниях архидиакона Ричмонда, данных им по делу о сокрытии церковных доходов, указаны цифры для нескольких городов и селений графства Ланкашир. Исходя из них, в Престоне от чумы умерли 3000 мужчин и женщин, в городке Поултон – 800, в Ланкастере – 3000, в Гарстанге – 2000 [60, p. 524–530].

Протокол суда, проводившегося в июне 1349 г. по поводу неоплаченной аренды земли в селении Уолшем-ле-Уиллоуз, содержит список 99 умерших от чумы жителей и перечень их имущества [55, p. 256–262]. Схожие по характеру сведения присутствуют в протоколах судебных процессов, проходивших в селении Плеши в графстве Эссекс [55, p. 276], городе Дарем [55, p. 283–284], королевском поместье Дрейклоу в графстве Чешир [55, p. 280–281].

Документы суда, проходившего летом 1349 г. над шерифом Девона Эймером Фицуорином, обвиненным в неявке на заседание королевского совета для предоставления отчета, содержат его оправдательные показания. По словам шерифа, причиной неявки стала чума [55, p. 275].

Ряд юридических источников содержит сведения о социально-экономических последствиях «Черной смерти» на территории Англии. Одним из них стало значительное (до 50%) снижение доходности поместий, которое фиксируется на примере владений Клюнийского монашеского ордена в Суссексе. Судя по этому документу, составленному в ходе королевской ревизии, доходность поместий упала, в первую очередь, за счет высокой смертности среди арендаторов [55, p. 292–295].

Уже упомянутый «Статут о трудящихся» 1349 г. не встретил поддержки в английском обществе. Протокол суда присяжных, прошедшего в 1352 г. в Уилтшире, содержит список обвиняемых жителей графства – сельскохозяйственных рабочих, ремесленников, клерков, отказывавшихся работать за установленную законом плату или повышавших цены на продукты своего труда. Наказанием за нарушение Статута стало тюремное заключение [80, p. 384–409]. Документально зафиксирован ряд аналогичных процессов, проходивших в 50–70-е гг. XIV в. в графстве Линкольншир [55, p. 319–322].

Другим примером судебного разбирательства, связанного со «Статутом о трудящихся», стало дело Уильяма из Мерроу в графстве Суррей. Уильяму, работавшему в поместье настоятеля местной церкви, предложили другую работу, от которой он, в нарушение Статута, отказался [66, p. 248–250].

Английские документы середины XIV в. сохранили свидетельства поддержки наиболее пострадавших от эпидемии населенных пунктов и поместий, оказанной государством или их владельцами. Сохранился список денежных субсидий селениям Ист-Райдинга в Йоркшире, выплаченных за счет доходов, полученных от исполнения «Статута о трудящихся» [55, p. 296–299]. Другим примером является соглашение, заключенное в 1351 г. перед судом присяжных между Томасом де Чебхемом, управляющим поместьями графа

Оксфорда в Олдхэме, и его арендаторами. Учитывая ущерб, нанесенный арендаторам эпидемией чумы, управляющий согласился сократить их трудовые повинности и выплаты на треть сроком на три года [55, p. 286–287]. Схожее по содержанию соглашение было заключено с арендаторами поместья Вуд Итон в графстве Оксфордшир [55, p. 285–286].

Документы, связанные с деятельностью церкви. Большинство этих текстов также имеет английское происхождение. Они отражают реакцию религиозных властей на события эпидемии и ее последствия.

Как уже отмечалось, «Черная смерть» рассматривалась значительной частью средневекового общества как Божественная кара за человеческие грехи. В этих условиях молитвы представлялись наилучшим способом остановить эпидемию. В письме епископу Лондона, написанном в сентябре 1348 г. настоятелем церкви Христа в Кентербери, исполнявшим в этот момент обязанности умершего архиепископа Кентерберийского Джона Стратфорда, содержится распоряжение короля Эдуарда III о проведении молебнов и шествий для спасения страны от эпидемии. Регулярным участникам этих мероприятий были обещаны индульгенции [34, p. 738]. Отмеченное в письме распоряжение короля было передано другим епископам, которые, в свою очередь, рассылали его подчиненным им настоятелям церквей [55, p. 115–117]. В письме архиепископа Йорка Уильяма Зуша перечислены необходимые для остановки эпидемии мероприятия: ежедневные молитвы за здравие короля и церкви и благочестивые шествия по средам и пятницам [79, p. 395–397].

Через год, в 1349 г., Эдуард III рассылает новое письмо епископам своего королевства с призывом побуждать паству к покаянию и регулярным молитвам [55, p. 117]. Распоряжения короля вновь передаются вниз по церковной иерархии. Назначенный новый архиепископ Кентерберийский Саймон Ислип повторяет их в письме епископу Лондона [55, p.118–119]. В реестре[3] епископа Бата и Уэльса Ральфа Шрусбери сохранилось его письмо с распоряжением о проведении коллективных молитв и шествий каждую пятницу во всех храмах епархии [67, p. 555–556].

Ряд документов фиксирует высокий уровень смертности среди священников, которые по долгу службы контактировали с больными чумой во время исповеди и других обрядов. В ответном письме Уильяму Зушу папа Климент VI дает архиепископу Йорка право на четыре дополнительных рукоположения в течение года, начиная с 12 ноября 1349 г. Нужно отметить, что это разрешение было получено постфактум. В сентябре 1349 г. архиепископ письмом назначил каноника монастыря св. Освальда на освободившуюся должность викария Тикхилла [55, p. 273–274]. Епископ Бата и Уэллса Ральф в письме духовенству своей епархии допустил возможность исповеди мирянину в экстренных случаях [55, p. 271–273].

В реестре епископа Рочестера Хамо Хете отмечено большое количество приходских церквей, оставшихся без своих настоятелей. В нем же сообщается о резком снижении доходов священнослужителей, связанном с высокой смертностью среди паствы [21, p. 106–107]. В ряде епархий произошло перераспределение собственности между приходами. В 1350 г. архиепископ Йорский Уильям передал селение Котхэм монастырю Фургартон в качестве возмещения потерь, вызванных эпидемией [55, p. 300]. В следующем году аналогичные меры предпринял епископ Эксетера Джон Грандисон, передавший селение Витчерч монастырю в городе Тависток [55, p. 300–301]. Для поддержки беднеющих приходских настоятелей епархии Эли епископ Томас де Лисле снабдил их продуктами питания и одеждой сроком на два года [21, p. 106–107]. Высокая смертность среди населения и нехватка средств на содержание церквей вынудили жителей Большого и Малого Колингтона обратиться к епископу Джону Трилеку с просьбой об объединении двух приходов [63, p.174–176].

[3] Епископские реестры – особый вид английских церковных документов, в которых фиксировалась деятельность и официальная переписка епископов и архиепископов.

Под угрозой заражения чумой в период «Черной смерти» некоторые английские священники отказывались выполнять свои обязанности за прежнюю плату. «Необузданной жадности» таких священнослужителей посвящен текст, написанный в 1350 г. архиепископом Кентерберийским Саймоном Ислипом. Кроме осуждения, документ содержит предписание приходским настоятелям епархии брать за свои услуги не более одной марки[4] [21, p. 104–106]. После принятия «Статута о трудящихся» Хамо Хете в письме поручил своему архидиакону контролировать соблюдение нового закона приходскими священниками под угрозой лишения сана [55, p. 290–291].

Еще одной проблемой, вставшей перед церковными властями Англии в годы «Черной смерти», стала нехватка земли для обустройства кладбищ. По просьбе викария Ньюарка, Уильям Зуш в мае 1349 г. предоставил ему право использовать купленный за собственные средства участок земли для захоронений [55, p. 269]. По поручению Зуша, новые кладбища в ряде приходов Йоркшира были освящены титулярным епископом Дамаска Хью, что зафиксировано в их переписке [55, p. 269–271]. Нехватка земли для погребений жертв эпидемии отмечена также в письме епископа Вустершира Волстана де Бренсфорда настоятелю Вустерского собора [55, p. 268].

Озабоченность церковных властей ростом антисемитских настроений во время пандемии нашла отражение в булле *Sicut Judeis*, изданной Климентом VI в октябре 1348 г. Документ отмечает, что христиане и иудеи в равной степени подвержены риску заболеть чумой. В тексте содержатся призывы к христианам остановить насилие под угрозой отлучения от церкви [21, p. 159; 70, p. 64–65].

Общие выводы. Предложенная в настоящей статье классификация письменных источников об эпидемии чумы середины XIV в. в Европе и на Ближнем Востоке демонстрирует разный уровень информативности выделенных типов текстов для изучения отдельных аспектов «Черной смерти». Сочинения исторического характера позволяют реконструировать хронологию и географию развития эпидемии. Несколько типов повествовательных источников – хроники, трактаты средневековых медиков, отдельные литературные произведения, дают представление о внешних симптомах чумы. Медицинская литература также демонстрирует уровень современных научных знаний о болезни, основанных, в первую очередь, на античной теории миазмов. Личная переписка и литературные произведения иллюстрируют различное восприятие происходящего бедствия современниками.

Документальные источники позволяют частично реконструировать экономические последствия эпидемии. Нехватка производительных сил, вызванная высоким уровнем смертности, в итоге, стала одной из основных причин экономического кризиса второй половины XIV – XV в. в Западной Европе [83, p. 89–129]. Документы фиксируют такие явления в социальной жизни средневековой Европы как всплеск антисемитских настроений и активизацию движения флагеллантов. Законодательные источники показывают меры, предпринимаемые светскими и религиозными властями для борьбы с эпидемией и ее последствиями.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники не позволяют объективно оценить один из ключевых аспектов истории эпидемии середины XIV в. – демографические потери среди населения многих европейских стран. Количественные показатели, содержащиеся в отдельных хрониках, произведениях литературы и документах довольно условны и, как показано на примере Парижа, Венеции и Дамаска, не совпадают у разных авторов. Для более точной оценки уровня смертности представляется необходимым привлечение других категорий источников, в первую очередь, археологических. С учетом того, что чума не оставляет следов на костной ткани [1, с. 7], фиксация факта смерти от этой болезни возможна лишь при условии проведения анализов ДНК. Редким примером подобных исследований является проект Института истории человечества Макса Планка [71].

[4] Около 0,5 фунта.

Кроме разного характера информации, содержащейся в письменных источниках, следует также отметить неравномерность освещения событий эпидемии в различных регионах. Из 108 рассмотренных текстов, 48 были составлены на территории Британских островов. Источники для некоторых регионов, таких как Северная Европа, отсутствуют почти полностью. Их обнаружение и введение в научный оборот позволит более объективно реконструировать картину распространения пандемии, охватившей Европу и Ближний Восток в середине XIV в.

Приложение 1

КАТАЛОГ

№	Источник	Датировка источника	Географическое происхождение источника	Публикация источника (перевода)
1	2	3	4	5
I. Повествовательные источники				
1. Хроники				
1	«История ромеев», Никифор Григора	около сер. XIV в.	Византия	62, p. 797–799 [5]
2	«История», Иоанн Кантакузин	1350-е – 1360-е гг.	Византия	56, p. 49–51
3	«Повесть о сладкой земле Кипр», Леонтий Махера	конец XIV – начало XV вв.	Кипр	9, с. 86
4	«О великих Комнинах», Михаил Панарет	1440–1450 гг.	Трапезундская империя	10, с. 87
5	1-я Псковская летопись	1368 г. – сер. XV в.	Русские княжества	13, с. 190
6	4-я Новгородская летопись	XV в.	Русские княжества	13, с. 60–62
7	1-я Софийская летопись	вторая пол. XV в.	Русские княжества	14, с. 225
8	Никоновская летопись	XVI в.	Русские княжества	11, с. 217, 223
9	Рогожский летописец	первая пол. XV в.	Русские княжества	15, с. 57, 61, 76
10	Летопись Авраамки	1495 г.	Русские княжества	12, с. 78, 82–83
11	Симеоновская летопись	конец XV – начало XVI в.	Русские княжества	17, с. 95, 102
12	Русский хронограф	1512 г.	Русские княжества	16, с. 410
13	«Начало и конец», Ибн Касир	1350–1351 гг.	Сирия	21, p. 110–112
14	Хроника Беддредина Элайни	вторая пол. XIV в. – первая пол. XV в.	Египет	19, с. 529–530
15	«Книга путей к познанию правящих династий», Ахмед ибн Али Макризи	XV в.	Египет	21, p. 84–87

[5] Здесь и далее указаны страницы, содержащие информацию о «Черной смерти».

Продолжение Приложения 1

1	2	3	4	5
16	«Новая хроника», Джованни Виллани, Маттео Виллани	XIV в.	Италия	3, с. 452–455
17	Хроника Микеле де Пьяцца	1347–1361 гг.	Италия	21, p. 29–30, 100–103
18	«Хроника Сиены», Аньоло ди Тура	1348–1351	Италия	27, p. 13–14
19	«Начинается история мора или великой смертности, которая случилась в год Господа 1348», Габриэль де Мюсси	1348 г.	Италия	80, p. 138–152
20	«*Chronica de novitatibus Padue et Lombardie*», Гульельмо Кортузи, Альдригетто Кортузи	50-е гг. XIV в.	Италия	55, p. 34–35
21	«Книги достопамятных времён и событий», Генрих Херфордский	1349–1355 гг.	Священная Римская империя	52, p. 280–282
22	«Вселенская хроника, созданная в год Господа 1349 г.», Герман Гигас	1349 г.	Священная Римская империя	53, p. 138–139
23	Нойбергские анналы	XIV в.	Священная Римская империя	55, p. 59–61
24	Хроника Генриха фон Диссенховена	XIV в.	Священная Римская империя	47, p. 68–71; 55, p. 208–210
25	«Хроника с приложением жития Бертольда фон Бухегга», Маттиас Нойенбургский	середина XIV в.	Священная Римская империя	47, p. 261–263
26	«Хроника со времён императора Фридриха II до 1348 г.», Иоганн из Винтертура	1340–1348 гг.	Священная Римская империя	55, p. 155–157
27	Хроника Жана де Венета	1359–1360 гг.	Франция	32, p. 210–216
28	Хроника Фридриха Клозенера	1360–1362 гг.	Франция	21, p. 126–131
29	Хроника Жиля Ле Мюизи	1350-е гг.	Франция	55, p. 45–54
30	«Великие хроники Франции»	XIII–XV вв.	Франция	59, p. 314–316
31	Хроника аббатства Св. Марии	конец XIV в.	Англия	78, p. 30
32	Хроника монастыря св. Альбана	XIV в.	Англия	55, p. 252–253
33	«Всемирная хроника», Ранульф Хигден	около 1327 г. – 1364 гг.	Англия	64, p. 344–346, 355
34	Хроника монастыря в Линне	вторая пол. XIV в.	Англия	55, p. 63
35	Хроника аббатства Малмсбери	вторая пол. XIV в.	Англия	43, p. 213–214
36	«Об удивительных деяниях короля Эдуарда III», Роберт из Эйвсбери	середина XIV в.	Англия	55, p. 64–65, 153–154

Продолжение Приложения 1

1	2	3	4	5
37	«Хроника архиепископов Йоркских», Томас Стабс	вторая пол. XIV в.	Англия	79, p. 418
38	«Хроника Англии», Томас Уолсингем	вторая пол. XIV в.	Англия	54, p. 272–275
39	Хроника аббатства Лаут-Парк	XIV–XV вв.	Англия	55, p. 66–67
40	Хроника аббатства Мо, Томас Бёртон	около 1388–1396 гг.	Англия	30, p. 37, 40, 72
41	Хроника Рочестерского монастыря, Уильям Дин	1314–1350 гг.	Англия	55, p. 70–73
42	Хроника Джона из Рединга и Анонима Кентерберийского	около 1366–1367 гг.	Англия	29, p. 106–110
43	Хроника Генри Найтонского	начало 1390-х гг.	Англия	55, p. 75–80, 130
44	Хроника Джеффри Ле-Бейкера	вторая пол. XIV в.	Англия	31, p. 98–100
45	«Анналы Ирландии», Джон Клин	середина XIV в.	Ирландия	22, p. 35–38
46	«Хроника шотландского народа», Иоанн Фордунский	вторая пол. XIV в.	Шотландия	58, p. 368–369
2. Личная корреспонденция				
47	Письмо Димитрия Кидониса	1348 г.	Византия	37, p. 122
48	Письмо Луи Санктуса друзьям в Брюгге	1348 г.	Франция	21, p. 21–22, 33–34
49	Письмо монаха кармелитского монастыря в Кембридже монаху доминиканского монастыря в Норвиче	1349 г.	Англия	55, p. 154–155
3. Литературные произведения				
50	«Весть о чуме», Умар Ибн аль-Варди	1348 г.	Сирия	39, p. 447–455
51	«Декамерон», Джованни Бокаччо	1350-е гг.	Италия	50, p. 50–57
52	«Epistolae de rebus familiaribus et variae», Франческо Петрарка	вторая пол. XIV в.	Италия	21, p. 71–74
53	«Лекарство от чумы», Феофил Миланский	XV в.	Италия	55, p. 149
54	«О смертности в Германии», Конрад Мегенбергский	1350 г.	Священная Римская империя	21, p. 155–158
55	«Жизнь слуги», Генрих Сузо	середина XIV в.	Священная Римская империя	78, p. 76–80
56	«О суде Солнца на празднике Сатурна», Симон де Кувин	1352 г.	Франция	42, p. 32–33

Продолжение Приложения 1

1	2	3	4	5
57	«О моровой язве»	вторая пол. XIV в.	Англия	65, p. 279–281
58	«Астрологическое влияние на эпидемию», Жоффруа де Мо	середина XIV в.	Англия	55, p. 167–172
59	«Кентерберийские рассказы», Джеффри Чосер	конец XIV в.	Англия	55, p. 342–344
60	«Описание Лондона», Джон Стоу	вторая пол. XVI в.	Англия	73, p. 81–82
4. Медицинские трактаты				
61	«Размышления об этиологии и профилактике чумы, написанные во время эпидемии 1348 г.», Джентиле да Фолиньо	1348 г.	Италия	75, p. 83–87
62	«Режим защиты от эпидемии чумы и смертности», Жакме д'Аграмонт	1348 г.	Португалия	36, p. 57–89
63	«Описание и средство спасения от чумы», Абу Джафар Ахмад ибн Хатима	1349 г.	Королевство Гранада	38, p. 27–81
64	«Важное исследование ужасной болезни», Ибн аль-Хатиб	1349–1352 г.	Королевство Гранада	21, p. 114–116
65	«О чуме как о божественном наказании»	вторая пол. XIV в.	Священная Римская империя	76, p. 44–92
66	*«Contra morbum pestilentialem»,* Иоанн Бургундский	1365 г.	Священная Римская империя	75, p. 62-69
67	«Письмо и режим, касающиеся эпидемии чумы», Альфонсо де Кордоба	1348–1349 гг.	Франция	74, p. 223–226
68	«Великая хирургия», Ги де Шолиак	1363 г.	Франция	21, p. 63–66
69	«Консультация по эпидемии», Коллегия медицинского факультета Парижского университета	1348 г.	Франция	42, p. 70–145
70	«Сообщение о передаче чумы»	1349 г.	Франция	61, p. 46–52
71	«Книга о чуме», Бенгт Кнутсон	середина XV в.	Швеция	55, p. 173–177
5. Литургические тексты				
72	Месса «*Recordare Domini»* Климента VI	середина XIV в.	Франция	55, p. 122–124
73	Молитва Св. Себастьяну	XIV в.	Франция	55, p. 125–126
74	Молитва «*Stella Celi Extirpavit»*	XIV в.	Англия	55, p. 124
75	Поминальный список семьи Вейкбридж в приходской церкви Крича (Дербишир)	1349 г.	Англия	55, p. 250–251

Продолжение Приложения 1

1	2	3	4	5
II. Документальные источники				
1. Законодательные акты общегосударственного и локального характера				
76	Постановление Городского совета Сиены	1349 г.	Италия	26, p. 26
77	Санитарные правила муниципалитета Пистойи против чумы 1348 г.	1348 г.	Италия	28, p. 3–24
78	Указ Педро IV по вопросу еврейского погрома в Тарреге	1349 г.	Королевство Арагон	21, p. 142–143
79	Постановление кортесов Кастилии	1351 г.	Королевство Кастилия	21, p. 89–91
80	Мандат Филиппа VI на подавление флагеллантов	1350 г.	Франция	35, p. 116–117
81	Статут о трудящихся	1349 г.	Англия	55, p. 287–289
2. Официальная корреспонденция				
82	Такканот (Постановление) лидеров еврейской общины Барселоны (Моссе Натан, Крескес Соломон, Джафуда Алатцар)	1354 г.	Королевство Арагон	45, p. 145–179
83	Письмо бургомистра Лозанны Мишеля де Виви городскому совету Страсбурга	1348 г.	Священная Римская империя	55, p. 210– 211
84	Письмо кастеляна замка Шильон городскому совету Страсбурга	1348 г.	Священная Римская империя	55, p. 211–219
85	Письмо городского совета Кельна городскому совету Страсбурга	1349 г.	Священная Римская империя	55, p. 219–220
86	Письмо английского короля Эдуарда III королю Кастилии	1348 г.	Англия	69, p. 39–40
3. Юридические документы				
87	Показания Андре Бенезейта в суде Жироны	1348 г.	Франция	55, p. 222–223
88	Протокол суда присяжных по делу о нарушении «Статута о трудящихся» в Уилтшире	1352 г.	Англия	80, p. 384–409
89	Протокол суда по делу о нарушении «Статута о трудящихся» в Линкольне	1353 г.	Англия	55, p. 319–320
90	Протокол суда по делу о нарушении «Статута о трудящихся» в Болингброке	1360 г.	Англия	55, p. 320
91	Протокол суда по делу о нарушении «Статута о трудящихся» в Холланде	1373 г.	Англия	55, p. 320

Продолжение Приложения 1

1	2	3	4	5
92	Протокол суда по делу о нарушении «Статута о трудящихся» в Линдси	1374 г.	Англия	55, p. 320
93	Список дел суда в Кестивене, связанных с нарушением «Статута о трудящихся» в 1371 г.	1371 г.	Англия	55, p. 321–322
94	Показания архидьякона Ричмондского по делу хищения церковного имущества	1349 г.	Англия	60, p. 524–530
95	Перечень оставшегося имущества умерших жителей селения Уолшем-ле Уиллоус	1349 г.	Англия	55, p. 256–262
96	Показания шерифа Девона Эймера Фицуорина	1349 г.	Англия	55, p. 275
97	Протокол суда по делу о поместье Уолтхем	1349 г.	Англия	55, p. 276
98	Соглашение о сокращении трудовых повинностей в поместье Вуд Итон	1349 г.	Англия	55, p. 285–286
99	Соглашение о сокращении трудовых повинностей в поместье Олдхем	1351 г.	Англия	55, p. 286–287
100	Документ о стоимости земли до и после чумы	1351 г.	Лондон	55, p. 292–295
101	Список субсидий населенным пунктам Йоркшира, пострадавшим от эпидемии	1354 г.	Англия	55, p. 296–299
102	Протокол суда по делу Уильяма из Мерроу	1350 г.	Англия	66, p. 248–250
103	Отчет королевского поместья Дрейклоу	середина XIV в.	Англия	55, p. 280–281
4. Документы, связанные с деятельностью церкви				
104	«Необузданный», архиепископ Кентерберийский Саймон Ислип	1350 г.	Англия	21, p. 104–106
105	Письмо архиепископа Кентерберийского Саймона Ислипа епископу Лондона	1349 г.	Англия	55, p.118–119
106	Реестр епископа Рочестера Хамо Хете	1349 г.	Англия	21, p. 106–107
107	Письмо епископа Рочестера Хамо Хете архидьякону	1349 г.	Англия	55, p. 290–291
108	Реестр епископа Эли Томаса де Лисле	1349 г.	Англия	21, p. 107

Окончание Приложения 1

1	2	3	4	5
109	Реестр епископа Бата и Уэллса Ральфа Шрусбери	1348 г.	Англия	67, p. 555 – 556; 55, p. 271–273
110	Письмо архиепископа Йоркского Уильяма Зуша викарию Ньюарка	1349 г.	Англия	55, p. 269
111	Письмо архиепископа Йоркского Уильяма Зуша архиепископу Дамаска	1349 г.	Англия	55, p. 269–271
112	Письмо архиепископа Йоркского Уильяма Зуша неназванному чиновнику в Йорке	1348 г.	Англия	78, p. 395–397
113	Письмо архиепископа Йоркского Уильяма Зуша канонику монастыря Святого Освальда	1349 г.	Англия	55, p. 273–274
114	Письмо Климента VI архиепископу Йорка Уильяму Зушу	1349 г.	Франция	78, p. 401–402
115	Булла Климента VI *Sicut Judeis*	1348 г.	Франция	21, p. 158–159
116	Письмо епископа Вустерского Волстана де Бренсфорда настоятелю Вустерского собора	1349 г.	Англия	55, p. 268
117	Письмо настоятеля церкви Христа в Кентербери епископу Лондона	1348 г.	Англия	34, p. 738
118	Письмо епископа Эксетера Джона Грандисона декану Эксетера	1348 г.	Англия	55, p. 115
119	Письмо епископа Винчестера Уильяма Эдингтона духовенству епархии	1348 г.	Англия	55, p. 116–117
120	Письмо Эдуарда III епископам Англии	1349 г.	Англия	55, p. 117
121	Распоряжение епископа Херефорда Джона Трилека по вопросу объединения церкви Большого и Малого Колингтона	1352 г.	Англия	63, p. 174–176
122	Распоряжение архиепископа Йоркского Уильяма Зуша о передаче селения Котхем монастырю Фургартон	1350 г.	Англия	55, p. 300
123	Распоряжение епископа Эксетера Джона Грандисона о передаче селения Витчерч монастырю Тависток	1351 г.	Англия	55, p. 300–301
124	Книга записей поместья епископа Дарема	XIV в.	Англия	55, p. 283–284, 326–331

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.П. Факторы Y. pestis, обеспечивающие циркуляцию и сохранение возбудителя чумы в экосистемах природных очагов. Сообщение 1 // Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. 2002. № 3. С. 3–23.
2. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ. 2014. 212 с.
3. Джованни Виллани. Новая хроника, или история Флоренции / Пер., вступ. ст. и прим. М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.
4. Колганова В.А. «Черная смерть» в Крыму: обзор письменных источников // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь, 2023. С. 153–159.
5. Колганова В.А. Пандемия чумы середины XIV в. в Европе: актуальные проблемы современной историографии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2022. Т. 8(74). № 4. С. 86–103.
6. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 55–88.
7. Кущ Т.В. «Черная Смерть» в Византии как фактор дестабилизации общества // Известия УрГУ. Серия 2: гуманитарные науки. 2008а. Вып. 16. № 59. С. 6–17.
8. Кущ Т.В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. 2008б. Т. 67 (92). С. 38–56.
9. Леонтий Махера. Повесть о сладкой земле Кипр / Пер. с кипрского диалекта среднегреческого языка, вступительная статья и комментарий С.В. Близнюк. М.: Academia, 2018. 496 с.
10. Михаил Панарет. О великих Комнинах (Трапезундская хроника) / пер. и коммент. С.П. Карпова, Р.М. Шукурова. СПб.: Алетейя, 2019. 200 с.
11. Полное собрание русских летописей. Псковская летопись. СПб.: въ типографіи Эдуарда Праца, 1848. Т. 4. 360 с.
12. Полное собрание русских летописей. Псковские и Софийские летописи. СПб.: въ типографіи Эдуарда Праца, 1851. Т. 5. 275 с.
13. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: В типографии Министерства внутренних дел, 1885. Т. 10. 244 с.
14. Полное собрание русских летописей. Летописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1889. Т. 16. 320 с.
15. Полное собрание русских летописей. Русскій Хронографъ. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. Т 22. 568 с.
16. Полное собрание русских летописей. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. Т. 18. 316 с.
17. Полное собрание русских летописей. Рогожский летописец. Петроград, 1922. Т. 15. 216 с.
18. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. I: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 467 с.
19. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 564 с.
20. Шамильоглу Ю. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество и цивилизация // Золотая Орда в мировой истории: Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 670–694.
21. Abert J. The Black Death. The Great Mortality of 1348–1350. A Brief History with Documents. New York: Bedford/St. Martin's, 2005. 189 p.
22. Annalium Hibernae Chronicon / Ed. R. Butler. Dublin: Irish Archaeological Society, 1849. 471 p.
23. Benedictow O.J. The Black Death 1346–1352: the complete history. Woodbrige: The Boydell Press, 2004. 433 p.
24. Benedictow O.J. The Black Death 1346–1352: the complete history. Woodbrige: The Boydell Press, 2021. 1026 p.
25. Borsh S.J. The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study. Austin: University of Texas Press, 2005. 195 p.
26. Bowsky W.M. The Impact of the Black Death upon Sienese Government and Society // Speculum. 1964. Vol. XXXIX. P. 1–34.
27. Bowsky W. The Black Death: a turning point in history? New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 128 p.
28. Chiappelli A. Gli Ordinamenti Sanitari del Comune di Pistoia contro la Pestilenza del 1348 // Archivio Storico Italiano. 1887. Serie 4. T. XX. P. 3-24.
29. Chronica Johannis de Reading et anonymi Cantuariensis 1346–1367 / Ed. J. Tait. Manchester: The University Press, 1914. 414 p.

30. Chronica Monasterii de Melsa / Ed. E.A. Bond. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1868. Vol. 3. 433 p.
31. Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke / Ed. E. M. Thompson. Oxford: The Clarendon Press, 1889. 174 p.
32. Chronique Latine de Guillaume de Nangis de 1113 a 1300, avec les continuations de cette chronique / Ed. H. Geraud. Paris: J. Renouard et cie, 1843. 2 vats. 459 p.
33. Colet A., Santiveri J.X., Ventura J.R., Saula O., Eulàlia Subirà de Galdàcano M., Jauregui C. The Black Death and Its Consequences for the Jewish Community in Tàrrega // Lessons from History and Archeology. 2014. P. 63–96.
34. Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae / Ed. D. Wilkins. London: R: Gosling, 1737. Vol. 3. 877 p.
35. Corpus Documentorum Inquisitionis Haereticae Pravitatis Neerlandicae / Ed. Frédéricq P. Ghent: J. Vuylsteke, 1896. 411 p.
36. D'agramont J. Regimen of Protection against Epidemics or Pestilence and Mortality // Bulletin of the History of Medicine. 1949. Vol. 23. P. 57–89.
37. Demetrius Cydones. Correspondance / Ed. R.-J. Loenertz. Vaticano: Cittä del Vaticano, 1960. Vol. 2. 220 p.
38. Dinanah T. Die Schrift von Abi G'far Ahmed ibn 'Ali, ibn Mohammed ibn 'Ali ibn Hatimah aus Almeriah tiber die Pest // Archiv für Geschichte der Medizin. 1927. Bd. 19. H. 1. P. 27–81.
39. Dols M. Ibn al-Wardi's Risatah al-naba' Un al-waha', A Translation of a Major Source for the History of the Black Death in the Middle East // Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History: Studies in Honor of George C. Miles. Beirut: American University of Beirut, 1974. P. 443–455.
40. Dols M.W. The black death in the Middle East. New Jersey: Princeton University Press, 1977. 390 p.
41. Dufourcq C.E. Les relations de la Péninsule Ibérique et l'Afrique du Nord au XIV siècle // Anuario de estudios medievales. 1970–1971. № 7. P. 39–66.
42. Etude historique et critique sur la Peste / Ed. H.E. Rebouis. Paris: A. Picard, 1888. 148 p.
43. Eulogium Historiarum sive Temporis / Ed. F.S. Haydon. London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863. Vol. 3. 572 p.
44. Falsini A.B. Firenze dopo il 1348. Le conseguenze della peste near // Archivio Storico Italiano. 1971. P. 425–496.
45. Fellu E. Els acords de Barcelona de 1354 // Calls. 1987. Núm. 2. P. 145–179.
46. Fontes J. T. Tres epidemias de peste en Murcia en el siglo XIV // De historia médica murciana. 1981. Vol. 1–2. P. 123–161.
47. Fontes Rerum Germanicarum / Ed. J.F. Boehmer. Stuttgart: J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1868. Vol. 4. 725 p.
48. Franko G.N. La Peste Negra en la Península Ibérica durante la Baja Edad Media. Zaragoza: Universidad de Zaragoza Repository, 2016. 59 p.
49. Fuente M.J. El impacto de la peste en una ciudad castellana en la Baja edad Media Palencia // Publicaciones de la Institución Tello Téllez de Meneses. 1988. № 59. P. 415–432.
50. Giovanni Boccaccio. The Decameron / Transl. by G.H. McWilliam. Harmondsworth: Penguin books, 1972. 833 p.
51. Harrison D. Stora Döden: Den Värsta Katastrof Som Drabbat Europa. Stockholm: Ordfront, 2000. 480 p.
52. Henricus de Hervordia. Liber de Rebus Memorabilioribus sive Chronicon / Ed. A. Potthast. Gattingen: Dieterich, 1859. P. 411.
53. Hermanni Gygantis, ordinis fratrum minorum, Flores Temporum seu Chronicon Universale ab Orbe condito ad annum Christi MCCCXLIX / Ed. J.G. Meuschen. Leiden: Lugduni Batavorum, 1750. 230 p.
54. Historia Anglicana / Ed. H.T. Riley. London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863. Vol. 1. 484 p.
55. Horrox R. The Black Death. Manchester: Manchester University Press, 1995. 354 p.
56. Ioannis Cantacuzen. Historiarum libri IV / Ed. L. Schopen. Bonnae: Impensis E.D. Weberi, 1832. Vol. 3. 616 p.
57. Jedwab R., Johnson N., Koyama M. Pandemic, Places, and Populations: Evidence from the Black Death // CESifo Working Papers Munich. 2019. № 7524. P. 1–69.
58. Johanis de Fordum. Chronica Gentis Scotorum / Ed. W.F. Skene. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1871. 452 p.
59. Les Grandes Chroniques de France / Ed J. Viard. Paris: Librairie Ancienne Honoré champion, 1937. Vol. IX. 356 p.
60. Little A. G. The Black Death in Lancashire // English Historical Review. 1890. Vol. V. Issue 19. P. 524–530.
61. Michon L.A.J. Documents inédits sur la grande peste de 1348, thèsepour le doctorat en medicine. Paris: Londres, 1860. 99 p.
62. Nicephori Gregorae. Byzantina historia / Ed. L. Schopen. Bonnae: Impensis E. D. Weberi, 1830. Vol. 2. 1385 p.

63. Parry J.H. Registrum Johannis de Trillek, Canterbury and York Society. London: Issued for the Canterbury and York society, 1912. Vol. VIII. 691 p.
64. Polychronicon Radulphi Higden Monachi Cestrensis / Ed. J.R. Lumby. London: Longman & Co, 1882. 587 p.
65. Political Poems and songs relating to English History / Ed. T. Wright. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1859. Vol. 1. 475 p.
66. Putnam B.H. The Enforcement of the Statutes of Labourers 1349–1359. London: P.S. King & Son, 1908. Vol. XXXII. 480 p.
67. Register of Bishop Ralph of Shrewsbury 1329–1363 / Ed. T.S. Holmes. London: Harrison and sons, 1896. 877 p.
68. Rogers J.E.T. A history of agriculture and prices in England. Orford: At the Clarendon Press, 1866. Vol. 1. 711 p.
69. Rymer T. Foedera, Conventiones, Litterae, et cujuscunque generis acta publica. Hagae Comitis: Apud Neaulme, 1740. 100 p.
70. Simonsohn S. The Apostolic See and the Jews. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1988. 469 p.
71. Spyrou M.A., Tukhbatova R.I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltra'n de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A.G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I.R., Nurgaliev D.K., Herbig A., Bos K.I., Krause J. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. № 19. P. 874–881.
72. Spyrou M.A., Musralina L., Gnecchi G.A., Kocher A., Borbone P.-G., Khartanovich V., Buzhilova A., Djansugurova L., Bos K.I., Kühnert D., Haak W., Slavin P., Krause J. The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia // Nature. 2022. Vol. 606. P. 718–724.
73. Stow J. A Survey of London / Ed. C.L. Kingsford. Oxford: At the Clarendon Press, 1908. Vol. 2. 476 p.
74. Sudhoff K. Epistola et regimen Alphontii Cordubensis de pestilential // Archiv für Geschichte der Medizin. 1909. Bd. 3. H. 3. P. 223–226.
75. Sudhoff K. Pestschriften aus den ersten 150 Jahren nach der Epidemie des „schwarzen Todes" 1348 // Archiv für Geschichte der Medizin. 1911. Bd. V. H. 1/2. P. 36–87.
76. Sudhoff K. Pestschriften aus den ersten 150 Jahren nach der Epidemie des „schwarzen Todes" 1348 // Archiv für Geschichte der Medizin. 1918. Bd. 11. H. 1/2. P. 44–92.
77. Suso H. The Life of the Servant / Ed. J.M. Clark. London: James Clarke & Co, 1952. 150 p.
78. The Anonimalle Chronicle / Ed. V.H. Galbraith. Manchester: At the University Press, 1927. 216 p.
79. The Historians of the Church of York and its Archbishops / Ed. J. Raine. London: Longman & Co., Paternoster Row, 1886. Vol. 2. 590 p.
80. Thompson E.M. Offenders against the Statute of Labourers in Wiltshire, AD 1349 // The Wiltshire Archaeological and Natural History Magazine. 1904. Vol. 33. P. 384–409.
81. Tononi A.G. La Peste Dell' Anno 1348 // Giornale ligustico de archeologia, storia e letteratura. 1884. Vol. XI. P. 139–152.
82. Ziegler Ph. The Black Death. London: Harper Collins, 1969. 312 p.
83. Zinn K.G. Kanonen und Pest, über die Ursprünge der Neuzeit im 14. und 15. Jahrhundert. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. 384 s.

REFERENCES

1. Anisimov A.P. Y. pestis factors that ensure the circulation and preservation of the plague pathogen in ecosystems of natural foci. Message 1. *Molekuliarnaia genetika, mikrobiologiia i virusologiia* [Molecular genetics, microbiology and virology], 2002, vol. 3, pp. 3–23.
2. Gavrilov A.V., Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym)* [The medieval settlement of Solkhat-Crimea (materials for the archaeological map of the city of Old Crimea)]. Simferopol, Business-Inform Publ., 2014, 212 p.
3. Iusim M.A. (Ed.). *Dzhovanni Villani. Novaia khronika, ili istoriia Florentsii* [Giovanni Villani. New Chronicle, or History of Florence]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 551 p.
4. Kolganova V.A. The Black Death in Crimea: the review of written sources. *XXIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiiakh* [XXIV Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and Written Sources in Historical Reconstructions], Kerch, 2023, pp. 153–159.
5. Kolganova V.A. Plague pandemic of the mid-14th century in Europe: current problems of modern historiography. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University of the named after], 2022, vol. 8(74), no. 4, pp. 86–103.

6. Kramarovskii M.G. Crimea and Rum in the XIII–XIV centuries (Anatolian diaspora and urban culture of Solkhat). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2016, no. 1, pp. 55–88.
7. Kushch T.V. "The Black Death" in Byzantium as a factor of destabilization of society. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Series 2, Humanities], 2008a, vol. 16, no. 59, pp. 6–17.
8. Kushch T.V. Plague in Late Byzantium. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 2008b, vol. 67(92), pp. 38–56.
9. Bliznyuk S.V. (Ed.). *Leontii Makhera. Povest' o sladkoi zemle Kipr* [The Tale of the Sweet Land of Cyprus]. Moscow, Academia Publ., 2018, 496 p.
10. Karpov S.P., Shukurov R.M. *Mikhail Panaret. O velikikh Komninakh (Trapezundskaia khronika)* [On the Great Comneni (Trebizond Chronicle)]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, 200 p.
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Pskovskaia letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Pskov Chronicle]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1848, vol. 4, 360 p.
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Pskovskie i Sofiiskie letopis* [Complete collection of Russian chronicles. Pskov and Sofia chronicles]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1851, vol. 5, 275 p.
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoi letopis'iu* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Ministry of Internal Affairs Publ., 1885, vol. 10, 244 p.
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Letopisnyi sbornik, imenuemyi letopis'iu Avraamki* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle collection, called the Chronicle of Avraamka]. St. Petersburg, F. Eleonskii Publ., 1889, vol. 16, 320 p.
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Russkii Khronograf"* [Complete collection of Russian chronicles. Russian Chronograph]. St. Petersburg, M.A. Aleksandrov Publ., 1911, vol. 22, 568 p.
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Simeonovskaia letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Simeon Chronicle]. St. Petersburg, M.A. Aleksandrov Publ., 1913, vol. 18, 316 p.
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Rogozhskii letopisets* [Complete collection of Russian chronicles. Rogozhsky chronicler]. Petrograd, 1922, vol. 15, 216 p.
18. Supotnitskii M.V., Supotnitskaia N.S. *Ocherki istorii chumy: v 2-kh kn. Kn. I: Chuma dobakteriologicheskogo perioda* [Essays on the history of plague: in 2 books. Book I: Plague of the pre-bacteriological period]. Moscow, University book Publ., 2006, 467 p.
19. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* [A collection of materials related to the history of the Golden Horde]. St. Petersburg, 1884, 564 p.
20. Shamil'oglu Iu. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: politics, economics, society and civilization. *Zolotaia Orda v mirovoi istorii: Kollektivnaia monografiia* [The Golden Horde in World History: Collective monograph], Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016, pp. 670–694.
21. Abert J. *The Black Death. The Great Mortality of 1348–1350. A Brief History with Documents.* New York, Bedford, St. Martin's, 2005, 189 p.
22. Butler R. (Ed.). *Annalium Hibernae Chronicon*. Dublin, Irish Archaeological Society, 1849, 471 p.
23. Benedictow O.J. *The Black Death 1346–1352: the complete history.* Woodbrige, Boydell Press, 2004, 433 p.
24. Benedictow O.J. *The Black Death 1346–1352: the complete history.* Woodbrige, Boydell Press, 2021, 1026 p.
25. Borsh S.J. *The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study*. Austin, University of Texas Press, 2005, 195 p.
26. Bowsky W.M. The Impact of the Black Death upon Sienese Government and Society. *Speculum,* 1964, vol. XXXIX, pp. 1–34.
27. Bowsky W. *The Black Death: a turning point in history?* New York, Holt, Rinehart and Winston, 1971, 128 p.
28. Chiappelli A. Gli Ordinamenti Sanitari del Comune di Pistoia contro la Pestilenza del 1348. *Archivio Storico Italiano*, 1887, series 4, vol. XX, pp. 3–24.
29. Tait J. (Ed.). *Chronica Johannis de Reading et anonymi Cantuariensis 1346–1367.* Manchester, University Press, 1914, 414 p.
30. Bond E.A. (Ed.). *Chronica Monasterii de Melsa.* London, Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1868, vol. 3, 433 p.
31. Thompson E.M. (Ed.). *Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke.* Oxford, Clarendon Press, 1889, 174 p.
32. Geraud H. (Ed.). *Chronique Latine de Guillaume de Nangis de 1113 a 1300, avec les continuations de cette chronique.* Paris, J. Renouard et cie, 1843, vol. 2, 459 p.
33. Colet A., Santiveri J.X., Ventura J.R., Saula O., Eulàlia Subirà de Galdàcano M., Jauregui C. The Black Death and Its Consequences for the Jewish Community in Tàrrega. *Lessons from History and Archeology*, 2014, pp. 63–96.
34. Wilkins D. (Ed.). *Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae.* London, R. Gosling, 1737, vol. 3, 877 p.

35. Frédéricq P. (Ed.). *Corpus Documentorum Inquisitionis Haereticae Pravitatis Neerlandicae*. Ghent, J. Vuylsteke, 1896, 411 p.
36. D'agramont J. Regimen of Protection against Epidemics or Pestilence and Mortality. *Bulletin of the History of Medicine*, 1949, vol. 23, pp. 57–89.
37. Loenertz R.-J. (Ed.). *Demetrius Cydones. Correspondance*. Vaticano, Città del Vaticano, 1960, vol. 2, 220 p.
38. Dinanah T. Die Schrift von Abi G'far Ahmed ibn 'Ali, ibn Mohammed ibn 'Ali ibn Hatimah aus Almeriah tiber die Pest. *Archiv für Geschichte der Medizin*, 1927, bd. 19, h. 1, pp. 27–81.
39. Dols M. Ibn al-Wardi's Risatah al-naba' Un al-waha', A Translation of a Major Source for the History of the Black Death in the Middle East. Kouymjian D.K. (Ed.*). Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History: Studies in Honor of George C. Miles*. Beirut, American University of Beirut, 1974, pp. 443–455.
40. Dols M.W. *The Black Death in the Middle East.* New Jersey, Princeton University Press, 1977, 390 p.
41. Dufourcq C. E. Les relations de la Péninsule Ibérique et l'Afrique du Nord au XIV siècle. *Anuario de estudios medievales*, 1970–1971, vol. 7, pp. 39–66.
42. Rebouis H.E. (Ed.). *Etude historique et critique sur la Peste*. Paris, A. Picard, 1888, 148 p.
43. Haydon F.S. (Ed.) *Eulogium Historiarum sive Temporis.* London, Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863, vol. 3, 572 p.
44. Falsini A.B. Firenze dopo il 1348. Le conseguenze della peste near. *Archivio Storico Italiano*, 1971, pp. 425–496.
45. Fellu E. Els acords de Barcelona de 1354. *Calls,* 1987, vol. 2, pp. 145–179.
46. Fontes J. T. Tres epidemias de peste en Murcia en el siglo XIV. *De historia médica murciana*, 1981, vol. 1–2, pp. 123–161.
47. Boehmer J.F. (Ed.). *Fontes Rerum Germanicarum*. Stuttgart, J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1868, vol. 4, 725 p.
48. Franko G.N. *La Peste Negra en la Península Ibérica durante la Baja Edad Media*. Zaragoza, Universidad de Zaragoza Repository, 2016, 59 p.
49. Fuente M.J. El impacto de la peste en una ciudad castellana en la Baja edad Media Palencia, *Publicaciones de la Institución Tello Téllez de Meneses*, 1988, vol. 59, pp. 415–432.
50. McWilliam G.H. (Ed.) *Giovanni Boccaccio. The Decameron*. Harmondsworth, Penguin books, 1972, 833 p.
51. Harrison D. *Stora Döden: Den Värsta Katastrof Som Drabbat Europa.* Stockholm, Ordfront, 2000, 480 p.
52. Potthast A. (Ed.). *Henricus de Hervordia. Liber de Rebus Memorabilioribus sive Chronicon.* Gattingen, Dieterich, 1859, 411 p.
53. Meuschen J.G. (Ed.). *Hermanni Gygantis, ordinis fratrum minorum, Flores Temporum seu Chronicon Universale ab Orbe condito ad annum Christi MCCCXLIX.* Leiden, Lugduni Batavorum, 1750, 230 p.
54. Riley H.T. (Ed.). *Historia Anglicana*. London, Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863, vol. 1, 484 p.
55. Horrox R. *The Black Death*. Manchester, Manchester University Press, 1995, 354 p.
56. Schopen L. (Ed.) *Ioannis Cantacuzen. Historiarum libri IV*. Bonnae, Impensis E. D. Weberi, 1832, vol. 3, 616 p.
57. Jedwab R., Johnson N., Koyama M. Pandemic, places, and populations: evidence from the Black Death. *CESifo Working Papers Munich*, 2019, vol. 7524, pp. 1–69.
58. Skene W.F. (Ed.). *Johanis de Fordum. Chronica Gentis Scotorum*. Edinburgh, Edmonston and Douglas, 1871, 452 p.
59. Viard J. (Ed.). *Les Grandes Chroniques de France.* Paris, Librairie Ancienne Honoré champion, 1937, vol. IX, 356 p.
60. Little A.G. The Black Death in Lancashire. *English Historical Review*, 1890, vol. V, iss. 19, pp. 524–530.
61. Michon L.A.J. *Documents inédits sur la grande peste de 1348, thèsepour le doctorat en medicine.* Paris, Londres, 1860, 99 p.
62. Schopen L. (Ed.). *Nicephori Gregorae. Byzantina historia*. Bonnae, Impensis E. D. Weberi, 1830, vol. 2, 1385 p.
63. Parry J.H. *Registrum Johannis de Trillek*. London, Canterbury and York society, 1912, vol. VIII, 691 p.
64. Lumby J.R. (Ed.). *Polychronicon Radulphi Higden Monachi Cestrensis*. London, Longman & Co, 1882, 587 p.
65. Wright T. (Ed.). *Political Poems and songs relating to English History*. London, Longman, Green, Longman and Roberts, 1859, vol. 1, 475 p.
66. Putnam B.H. *The Enforcement of the Statutes of Labourers 1349–1359*. London, P.S. King & Son, 1908, vol. XXXII, 480 p.
67. Holmes T.S. (Ed.). *Register of Bishop Ralph of Shrewsbury 1329–1363*. London, Harrison and sons, 1896, 877 p.
68. Rogers J.E.T. *A history of agriculture and prices in England*. Oxford, Clarendon Press, 1866, vol. 1, 711 p.
69. Rymer T. *Foedera, Conventiones, Litterae, et cujuscunque generis acta publica*. Hagae Comitis, Apud Neaulme, 1740, 100 p.

70. Simonsohn S. *The Apostolic See and the Jews.* Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1988, 469 p.
71. Spyrou M.A., Tukhbatova R.I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltra'n de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A.G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I.R., Nurgaliev D.K., Herbig A., Bos K.I., Krause J. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics. *Cell Host & Microbe*, 2016, vol. 19, pp. 874–881.
72. Spyrou M.A., Musralina L., Gnecchi G.A., Kocher A., Borbone P.-G., Khartanovich V., Buzhilova A., Djansugurova L., Bos K.I., Kühnert D., Haak W., Slavin P., Krause J. The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia. *Nature,* 2022, vol. 606, pp. 718–724.
73. Stow J. *A Survey of London.* Oxford, Clarendon Press, 1908, vol. 2, 476 p.
74. Sudhoff K. Epistola et regimen Alphontii Cordubensis de pestilential. *Archiv für Geschichte der Medizin*, 1909, bd. 3, h. 3, pp. 223–226.
75. Sudhoff K. Pestschriften aus den ersten 150 Jahren nach der Epidemie des „schwarzen Todes" 1348. *Archiv für Geschichte der Medizin*, 1911, bd. V, h. 1/2, pp. 36–87.
76. Sudhoff K. Pestschriften aus den ersten 150 Jahren nach der Epidemie des „schwarzen Todes" 1348. *Archiv für Geschichte der Medizin*, 1918, bd. 11, h. 1/2, pp. 44–92.
77. Suso H. *The Life of the Servant*. London, James Clarke & Co, 1952, 150 p.
78. Galbraith V.H. (Ed.). *The Anonimalle Chronicle.* Manchester, University Press, 1927, 216 p.
79. Raine J. (Ed.). *The Historians of the Church of York and its Archbishops*. London, Longman & Co., Paternoster Row, 1886, vol. 2, 590 p.
80. Thompson E.M. Offenders against the Statute of Labourers in Wiltshire, AD 1349. *The Wiltshire Archaeological and Natural History Magazine*, 1904, vol. 33, pp. 384–409.
81. Tononi A.G. La Peste Dell' Anno 1348. *Giornale ligustico de archeologia, storia e letteratura*, 1884, vol. XI, pp. 139–152.
82. Ziegler Ph. *The Black Death*. London, Harper Collins, 1969, 312 p.
83. Zinn K.G. *Kanonen und Pest, über die Ursprünge der Neuzeit im 14. und 15. Jahrhundert.* Opladen, Westdeutscher Verlag, 1989, 384 s.

Информация об авторе

Колганова В. А. – младший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Author information

Kolganova V. A. – Junior Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.341-378

«ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА» КРЫМА И ЛЕГЕНДЫ О ВСЕМИРНОМ ПОТОПЕ

Никита Игоревич Храпунов
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6141-9487

Аннотация. В статье проанализированы легенды о «следах Всемирного потопа» в Крыму, описанные в трудах «западных» и «восточных» путешественников и литераторов Нового времени. В этих легендах утверждалось, что древние жители полуострова были свидетелями ситуации, когда море заливало большую часть Крыма, и лишь вершины гор поднимались над волнами. Там они и строили свои жилища, остатки которых сохранились в виде «пещерных городов», по современным представлениям относящихся к Византийской эпохе. Данные легенды отразили влияние факторов разнокультурного происхождения: сочинений античных авторов, преданий крымских татар, попыток учёных эпохи Просвещения объяснить наличие окаменелостей в высокогорных слоях, а также фантазии путешественников, заинтересованных в том, чтобы поразить читателей экзотикой дальних стран. В отсутствие современных представлений об истории Земли, горообразовании, геологии, фантазия, логика и так называемый здравый смысл становились едва ли не единственными методами изучения прошлого. Не удивительно появление подобных псевдоисторических реконструкций в эпоху, когда о памятниках Византийской эпохи не было достоверных сведений, а методика археологических исследований, в лучшем случае, делала первые шаги. Однако ценность исследованных описаний заключается в другом: они помогают понять особенности ментальности своей эпохи, а также сложный, комплексный процесс межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: «пещерные города» Крыма, историческая имагология, записки путешественников, легенда о Всемирном потопе, XVIII–XIX вв., межкультурные коммуникации

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

“CAVE TOWNS” IN THE CRIMEA AND THE LEGENDS OF THE DELUGE

Nikita I. Khrapunov
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khrapunovn@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6141-9487

Abstract. This article analyses the legends of the “traces of the Deluge” in the Crimea, as described in the works of the “Western” and “Eastern” travellers and writers in the Modern period. These legends stated that the ancient inhabitants of the peninsula witnessed that the sea flooded most of the Crimea, so only the mountain tops rose above the waves. There the people built their dwellings, which remains survived as the “cave towns,” the sites, according to our present knowledge, dating back from the Byzantine period. The legends under study reflected the influence of the factors of multicultural origin: the accounts of classical writers, the Crimean Tatar tradition, the attempts of the scholars of the Enlightenment to explain the presence of fossils in highland layers, as well as the fantasies of travellers who tried to impress their readers by the exoticism of distant lands. In the absence of modern ideas concerning the history of the Earth, mountain formation, and geology, travellers’ fantasy, logic and so-called common sense became almost the only methods of studying the past. It is not surprising therefore that pseudo-historical reconstructions appeared in the years when there was no reliable information about the Byzantine-period sites, and the methods of archaeological research were taking their first steps. However, the value of the accounts under present study lies elsewhere: they allow the one to understand the peculiarities of the mentality of the period, as well as to reconstruct the complex, comprehensive process of intercultural communications.

Keywords: “cave towns” in the Crimea, historical imagology, travelogues, Deluge legend, eighteenth and nineteenth centuries, intercultural communications

Acknowledgement: This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project no. 075-15-2022-1119.

Постановка проблемы

Путешественники и писатели Нового времени не раз писали о «следах Всемирного потопа», связанных с «пещерными городами» – поселениями и монастырями, высеченными в мягких известняковых скалах на вершинах или склонах Крымских гор (рис. 1), которые, по современным представлениям, относятся к Византийской эпохе [см.: 3; 16; 45]. Несмотря на яркость соответствующий описаний, рассуждения авторов XVI–XIX веков о том, что древние жители Крыма были свидетелями Всемирного потопа, современные исследователи анализировали редко – видимо, поскольку считали их анекдотичными и потому не заслуживающими внимания. Можно перечислить немногочисленные исключения. Так, В. И. Равдоникас упомянул некоторые свидетельства такого рода в очерке изучения «пещерных городов» в Крыму. Ясно, что исследователь относился к ним скептически, но подробно обсуждать их не стал [60, с. 12–13, 22–23]. А. А. Формозов в научно-популярной книге, посвящённой разнообразным археологическим памятникам на территории Советского Союза, обратился к истории изучения крымских «пещерных городов». По его мнению, путешественники Раннего Нового времени связали эти памятники с глубокой древностью, а создателями их считали киммерийцев – первых жителей Причерноморья, название которых сохранилось в источниках. Именно эти киммерийцы и были теми мореплавателями, которые якобы причаливали к стенам «пещерных городов», когда большая часть Крыма находилась под водой. Разумеется, исследователь считал подобного рода рассуждения ошибочными [82, с. 14–15]. К числу курьёзов следует отнести ряд публикаций Т. М. Фадеевой, претендующих на «научность», в которых рассказы о следах Всемирного потопа в Крымских горах восприняты вполне серьёзно и стали основой для самых невероятных рассуждений в стиле одержимцев из романа Умберто Эко [79, с. 36–58; 80, с. 89–144. Ср.: 109]. Я неоднократно обращался к вопросу о том, как и почему путешественники XVII–XIX веков «обнаруживали» в Крыму следы Всемирного потопа и интерпретировали соответствующим образом отдельные элементы археологических памятников [88, с. 81–82; 92, с. 421–422; 96, с. 250–251; 98, с. 77–78, 109, 132–133; 99, с. 47, 58–59, 147; 100, с. 182–183]. Эти наблюдения и стали основой для данной статьи, причём были значительно расширены и дополнены. Здесь впервые размышления историков и путешественников XVII–XIX веков о «следах Всемирного потопа» в Крыму проанализированы в контексте современных им научных представлений.

Речь будет идти именно о ложных идеях. Путешественники и писатели Нового времени искали следы Всемирного потопа в Крымских горах, занимавших юго-западную часть полуострова, в структуре которых важную роль играют осадочные породы с хорошо заметными следами окаменелостей. Современные геологические реконструкции говорят о том, что процесс формирования Крымского полуострова был длительным и сложным, заняв сотни миллионов лет, когда происходили движения земной коры и Крымские горы то оказывались на дне моря, то поднимались на поверхность. Их формирование продолжается и сейчас, но под водой они находились в любом случае за миллионы лет до того, как на полуостров прибыли первые люди [52, с. 28–41]. Однако авторы, работы которых рассматриваются в этой статье, были уверены, или, по крайней мере, допускали мысль о том, что свидетелями Всемирного потопа в Крыму были его древние жители. Именно поэтому в стороне остаются труды естествоиспытателей, занимавшихся научным изучением геологического прошлого Крыма [см. об этом: 23].

Основным источником для исследования стали записки путешественников (травелоги). Этот литературный жанр имеет долгую историю. Возникнув в эпоху Античности, он приобрёл особое значение в культуре Западной Европы Нового времени, когда пу-

тешествие стало восприниматься как важнейший «инструмент» познания других стран и народов, популяризации этих знаний, а также образования и формирования личности. Травелоги публиковали люди самых разных интересов и профессий – учёные и литераторы, чиновники и военные, гувернёры и предприниматели, путешествовавшие по государственному заданию, деловой необходимости или из личной прихоти и использовавшие различные литературные приёмы и формы. В поездке следовало вести дневник, а после возвращения правила хорошего тона требовали его издать. Сочинения путешественников завладели вниманием публики, поскольку сочетали достоинства рассказа о других, нередко казавшихся экзотическими, странах, народах, культурах – и развлекательного чтения [115; 132; 141, p. 17–52; 142, p. 77–124, 408–500; 145].

Постепенно сформировалась культура *grand tour* – длительного зарубежного путешествия с образовательными и познавательными целями. Если путешественник был молод, поездка давала ему практические знания, недоступные при домашнем образовании или обучении в университетских аудиториях. Если же в поездку отправлялась зрелая, сформировавшаяся личность, она получала возможность для саморазвития через наблюдения и осмысление увиденного. Присоединение к России в 1783 г. сделало Крым значительно более открытым для русских и зарубежных путешественников, а также пробудило всеобщий интерес к региону, который казался совершенно неизвестным, буквально «белым пятном» на географических или исторических картах. Начавшаяся вскоре французская Революция и последовавшие за ней Наполеоновские войны (1789–1815) «закрыли» традиционный маршрут *grand tour* по Франции, Швейцарии и Италии. Путешественники стали ездить в Германию, Скандинавию, Россию и Крым [122, p. 5–6]. Публикация путевых записок, в свою очередь, стимулировала интерес к Крыму, в результате чего на полуостров отправлялись новые и новые путешественники.

В отличие от Западной Европы, в России до XVIII века травелоги писали достаточно редко. Лишь начиная с Петровской эпохи жанр путевых записок стал развиваться в русской культуре – под «западным» влиянием. Особую роль в его популяризации сыграли «Письма русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина (1791–1792). В результате были изданы десятки сочинений, преследовавших разные цели, от сентиментальной литературы до политического памфлета, принадлежавшие к разным жанрам и имевшие разную литературную ценность [107; 123; 19, с. 283–545]. Как и на Западе, травелоги стали важнейшим источником сведений о Крымском полуострове для русских читателей.

Разумеется, путевые записки были далеки от объективности и зачастую гораздо больше рассказывали о своих авторах, особенностях их мышления, знаниях и стереотипах сознания, чем о наблюдаемых странах, людях или явлениях. Потому особое значение имеет методика дискурсивного анализа, изучающая то, как путешественники осмысливали экзотические страны, их жителей, природные феномены и памятники прошлого. В последнее время её активно разрабатывают и применяют зарубежные и отечественные исследователи [см. обзоры: 24, с. 7–23, 41–51; 48, с. 517–604; 75, с. 50–76; 98, с. 9–17].

Путешественники интересовались памятниками прошлого. Английский философ Френсис Бэкон в «Опытах» (1625), сформулировав идею путешествия как паломничества в поисках знания, привёл список того, что следовало «видеть и наблюдать» путешественнику. Среди прочего, в нём значатся *antiquities and ruins* – «древности и развалины» [144, p. 138. Ср.: 12, с. 70]. Впоследствии изучение археологических памятников стало важным элементом путешествий XVIII–XIX веков по Европе и Северной Африке, Центральной Азии и Латинской Америке. Путешественники не только осматривали, описывали и зарисовывали объекты самых разных культур – древнеегипетской и вавилонской, египетской и классической античной, персидской и средневековой мусульманской, доколумбовых цивилизаций и многих других, но и собирали коллекции разнообразных артефактов [128].

О крымских древностях изредка писали и до 1783 г., но по-настоящему популярными они сделались благодаря множеству травелогов, опубликованных после присоединения полуострова к России. Отметим, что и прежде западноевропейские нумизматы публико-

вали монеты правителей Боспорского царства, в Античности располагавшегося по обоим берегам нынешнего Керченского пролива. Не все атрибуции были точными, но эти находки вызвали узкоспециальный интерес к истории Боспора. Появились исследования по хронологии правления боспорских царей [118].

Русское образованное общество впервые познакомилось с крымскими памятниками во время войны с турками 1768–1774 гг., когда российская армия заняла полуостров, а старшие офицеры обнаружили в Кафе[1] (Кефе, Феодосии) средневековые генуэзские надписи и принялись вывозить их в свои поместья [77, с. 12–23]. В это же самое время их соратники по оружию, оказавшиеся в Архипелаге, то есть на берегах Эгейского моря, занимались примерно тем же самым, пытаясь отыскать «могилу Гомера» и одновременно отправляя на родину древние мраморы [66, с. 100–104, 214–217; 67, с. 204–213]. Поведение русских в Крыму отражало общеевропейскую моду – XVIII столетие было временем моды на Античность и вообще древность [5, с. 139–140; 116, p. 28–88; 120, p. 26–27, 29–33, 102–106, 113, 125–127, 344–345, 347–348; 126, p. 63–88; 132; 140, p. 120–121, 143–158].

В России широкомасштабное изучение античного прошлого и памятников Северного Причерноморья началось во второй половине XVIII века, очевидно, в результате экспансии империи на юг [76]. Интерес у исследователей и путешественников вызывали также древности Византийской эпохи [16, с. 433–437; 86, с. 595–630; 101, с. 169–204; 129, S. 65–71], памятники средневековых генуэзцев [77, с. 11–78] и развалины Золотоордынского времени [90, с. 832–860; 91, с. 383–403]. В то время ещё не были открыты современные методы и принципы историко-археологических исследований, а потому значительная часть наблюдений и выводов, сделанных в соответствующих публикациях, сегодня кажутся наивными или фантастическими. Д. А. Костромичёв справедливо отметил, что ценность свидетельств путешественников заключается «чаще всего не в деталях, а в самом появлении и в дальнейшей популяризации интереса к древнему прошлому Крыма» [34, с. 3]. Обращаясь к одним и тем же историческим сюжетам и описывая одни и те же памятники, путешественники способствовали закреплению соответствующих образов в общественном сознании. До определённого времени «кабинетные» исследователи использовали травелоги как источник разнообразных сведений – описаний памятников, интерпретаций письменных источников и иных «научных» гипотез. Наконец, путешественники записали (иногда несколько «олитературив») предания, связанные с некоторыми памятниками, возникшие в среде старожильческого населения – крымских татар и караимов, а также легенды, которые рассказывали и пересказывали недавно прибывшие в Крым русские офицеры, чиновники и священники, возможно – переселившиеся из материковых губерний представители рядового населения, а также выехавшие с берегов Эгейского моря греки.

В Крыму путешественники видели древности, принадлежавшие к самым разным эпохам и культурам – античной и византийской, средневековой генуэзской и золотоордынской, османской и крымско-ханской. Сведения письменных источников по античной и византийской истории были ограничены. Потому они опрашивали местных жителей, которые зачастую сами не знали, кем были древние владельцы «замков», расположенных близ их селений. Например, в 1784 г. француз Шарль де Бар (1750/1751–1825) со слов местных жителей писал о том, что в заброшенной средневековой крепости Эски-Кермен, расположенной на вершине горы, имеются «*пещеры, наполненные костями людей, перерезанных, как говорят татары, при завоевании города, чем они весьма похваляются…*» [103, с. 405; 114, p. 19–20, n. 2]. На самом деле кости, о которых писал француз, вероятнее всего, находились в высеченных в скале могилах при «пещерных»

[1] Название этого города в средневековых источниках писалось по-разному: *Cafa*, *Gafa*, *Caffa*, *Gaffa*, *Kaffa* [81, с. 283, 289, 293, 299, 304, 309, 314, 320, 336–337, 355, 358]. В отечественной историографии единого написания не сложилось: используют как одинарную, так и удвоенную *ф*. Существует предположение, что форма «Каффа» отражает латинизированную (генуэзскую) версию, тогда как «Кафа» ближе к греческим, тюркским, еврейским и армянским источникам [22, с. 5].

церквях и не имели отношения к массовой гибели жителей города [см.: 44, с. 40–49; 83, с. 95–98]. Зафиксированное путешественником предание свидетельствует о том, что жившие в окрестностях древнего города крымские татары не помнили его прошлого и потому рассказывали вымышленные, пусть и лестные для их сознания истории.

Доверяя рассказам местных жителей, путешественники тем самым «восполняли» нехватку информации о крымских древностях. Собранные сведения они были склонны оценивать с позиций «здравого смысла», а не научного метода. В подавляющем большинстве путешественники не были исследователями-гуманитариями даже по меркам своей эпохи. Желание поразить читателей удивительными фактами и необычными описаниями было важнейшим творческим мотивом для авторов многих травелогов. Путевые записки рассказывали об экзотических странах, а потому в большинстве случаев читатель не мог проверить, где правда, а где ложь. Редкому автору удавалось избежать неточностей, а также тенденциозных или стереотипных суждений – наоборот, незнакомый мир провоцировал непонимание и ошибки, которые, парадоксальным образом, делали травелоги ещё более привлекательным чтением. В силу консерватизма жанра путевой литературы, ошибочные интерпретации повторялись новыми путешественниками, которые ещё до отъезда «знали» о том, что им предстояло увидеть вдали от родины. Наконец, ложные интерпретации и легенды из травелогов могли попадать к местным жителям и утверждаться в сознании последних как эпизоды их собственной истории. Так происходила мифологизация памятников, «обретавших» новое прошлое и иные культурные параллели.

Разумеется, абсурдно требовать от авторов XVIII–XIX вв. умения анализировать источники на современном научном уровне, с использованием методики исследований, наработанной за последние два столетия. Труды путешественников и «кабинетных» авторов отразили уровень знаний и интеллектуальных навыков своего времени со всеми их достоинствами и недостатками. Задача состоит в том, чтобы раскрыть эти особенности ментальности. Отражённые в источниках Нового времени легенды, возникшие вокруг памятников и сюжетов крымской истории, интересны как особый феномен, характеризующий не только интеллектуальную работу авторов источников, но и взаимодействие и взаимовлияние культур – античной, западноевропейской, русской, османской, крымско-татарской.

У. Эко, исследовав описания легендарных сооружений и местностей, созданных в сочинениях различных авторов от Античности до наших дней (Атлантиды и Фулы, Эльдорадо и Аламута, Агарты и тому подобного), показал, что подобные «иллюзии» способны многое рассказать об интеллектуальной обстановке своего времени, о поисках и фантазиях, идеологиях и художественных формах, использованных авторами соответствующих текстов и изображений. Наконец, некоторые вымышленные памятники, как, например, квартира Шерлока Холмса или дом Ниро Вульфа, появились на планах современных городов и в туристических путеводителях. Другие же, вполне реальные, вроде подземелий Вены или утёса Игла в нормандской Этрете, «обрели» новые фрагменты своей истории, связанные с фильмом «Третий человек» и приключениями Арсена Люпена [110]. В знаменитом сборнике статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера показано, как некоторые возникшие в Новое время историко-культурные феномены (например, традиционный шотландский костюм с мужской юбкой из тартана, или же волынка) со временем были осмыслены как «традиции», которые общественное мнение связывает с глубокой древностью [143]. Тем самым наблюдения историков подтвердили актуальность социологической «теоремы Томаса»[2], согласно которой ментальные структуры, вне зависимости от их отношения к реальности, определяют восприятие действительности и действия людей. Иначе говоря, если ситуация мыслится как реальная, она будет иметь реальные последствия [135, p. 380].

[2] *Thomas theorem*; принятый в русской традиции перевод не слишком адекватен – правильнее будет «теорема Томасов», поскольку её сформулировали супруги, американские психологи У.-А. и Д.-С. Томас.

Античные писатели и авторы начала Нового времени

Поиски следов Всемирного потопа на Крымском полуострове имеют долгую историю. Живший в I в. до н.э. античный историк Диодор Сицилийский записал легенду о том, что Чёрное море в далёком прошлом было замкнутым водоёмом. Однажды его воды прорвались в Средиземное море, в буквальном смысле потопив прилегающие районы Малой Азии и часть острова Самофракии на севере Эгейского моря: «*Море на месте нынешнего Понта было тогда по существу озером, которое настолько переполнилось от изливавшихся в него рек, что избыточные воды бурным потоком излились в Геллеспонт, затопив значительную часть приморской Азии, и образовали также обширное море в равнинной части Самофракии*» [20, с. 111 = Diod. *Bibl*., 5. 47. 4]. Понт – это Чёрное море, Геллеспонт – пролив Дарданеллы.

Римский учёный-энциклопедист Плиний Старший (23/4–79) в описании Крымского полуострова отметил: «*А от Каркинита начинается Таврика, некогда окружённая морем в тех местах, где теперь лежат равнины…*» [53, с. 172–173, 267, прим. 237 = Plin. *Hist. nat*. 4. 85]. Каркинит – это одноимённый залив к северо-западу от Крыма, а под «Таврикой» писатель имел в виду весь Крымский полуостров [53, с. 267, прим. 237; 101, с. 16–17, 25–26]. Таким образом, по мнению Плиния северная часть Таврики некогда находилась на морском дне.

По всей видимости, важное влияние на формирование легенды о «следах Всемирного потопа» оказало сочинение французского инженера Гийома Левассёра де Боплана (ок. 1600–1673). Поступив на польскую службу, он строил крепости в Среднем Поднепровье для защиты от турок и татар, где имел немало возможностей для сбора информации об этих беспокойных соседях Речи Посполитой. Вернувшись на Родину, Боплан опубликовал трактат об Украине (1-ое издание – 1651, 2-ое, расширенное – 1660), в дальнейшем не раз переиздававшийся и пользовавшийся заслуженной популярностью у современников и потомков [85, с. 56–105].

Боплан, вероятно, знал о сообщении Диодора, согласно которому Чёрное море некогда было озером. Кроме того, судя по тексту его трактата, он обсуждал этот вопрос с какими-то образованными жителями Украины. По словам француза, Босфорского пролива не существовало ещё «*в то время, когда древний Киев находился в своем расцвете*», то есть в эпоху Древней Руси. Боплан полагал, что море тогда занимало всё левобережье Днепра «*до самой Московии*». Подтверждением этому он считал находки старинных якорей в районе Лохвицы (ныне город в Полтавской области Украины), обстоятельство, что «*все развалины старинных замков и древних городов, встречаемых в тех краях, расположены на возвышенных местах и на самых высоких горах и ни одного – на равнинном месте*», византийские монеты, обнаруженные в развалинах упомянутых городов, а также низменный характер местности от Борисфена (Днепра) до Московии [9, с. 162–165, 397, прим. 68, с. 399, прим. 74]. Крым в этом сообщении не упомянут, однако впоследствии путешественники по полуострову явно вспоминали о трактате француза.

Параллельно предания о Всемирном потопе зафиксированы среди живших в Крыму татар[3]. Прославленный османский путешественник Эвлия Челеби (1611–1679/1682) побывал в Крыму дважды, в 1641–1642 и 1666–1667 годах [6, с. 18–24; 131, p. III–XIV]. Во время первой поездки Эвлие не удалось подробно познакомиться с полуостровом, но именно

[3] В исследуемую эпоху этногенез продолжался, а потому вряд ли можно ставить знак равенства между современными крымскими татарами и «крымскими татарами» источников Раннего Нового времени. В частности, причерноморские ногайцы, ныне ставшие этнографической группой крымских татар, ещё в 1854 г. заявляли о чуждости *«народа ногайского»* по отношению к *«крымским неблагонамеренным татарам»*, перешедшим на сторону врагов России во время Крымской войны [21, с. 18–20]. К тому же, на Западе «татарами» или «тартарами» принято было называть значительную часть жителей огромной территории, простиравшейся от Крыма до Тихого океана и от Арктики до северных пределов Индии. Предполагалось, что эти люди обладали общностью языка и культуры [95, с. 143–163; 98, с. 6–7]. Потому в источниках Средневекового и Раннего Нового времени выражение «крымские та(р)тары» подразумевало более региональную, чем этническую специфику.

тогда он, по-видимому, узнал от местных жителей предание о следах Всемирного потопа, которое совпало со сведениями, которые путешественник получил из других источников.

Со ссылкой на учёных, труды которых он, видимо, читал, Эвлия сообщил, что Чёрное море – это не что иное, как остаток Ноева потопа. В давние времена оно якобы не соединялось с «Белым» (то есть Средиземным) морем, но зато его воды покрывали значительную часть современной суши, включая местности на территории нынешних Сербии, Венгрии, Румынии и Болгарии – вплоть до самого Венецианского залива. Под водой находились также и Крым, Кыпчакская степь, а также вся страна Сакалиба («страна славян») до самого Каспийского моря. По словам Эвлии (который доверился не то народным преданиям, не то трудам вышеупомянутых «учёных»), однажды Искандер Двурогий (Александр Македонский, 356–323 до н.э., правил с 336 до н.э.) приказал выкопать пролив между Чёрным и Средиземным морями, в результате чего черноморские воды хлынули на юг и утопили врагов царя, зато уровень моря понизился, и из-под воды появились прежде затопленные местности [108, с. 29–31. Ср.: 127, p. 6–7]. Впоследствии, рассказывая о путешествии в Дербент, Эвлия вновь повторил историю о том, как Искандер соорудил пролив между Чёрным и Средиземным морями [108, с. 153]. Эвлия был свидетелем того, как во время рытья колодцев в причерноморской степи находили панцири крабов и креветок, а также раковины мидий и устриц. По его мнению, это доказывало, что некогда там было море [108, с. 29–30. Ср.: 127, p. 6].

По словам путешественника, существовали и другие обстоятельства, указывающие на древний потоп: «*Даже крепость Пыравади, что в эйялете Силистры, которая является высокой крепостью, тянущейся к краю небес, в ту эпоху находилась на берегу моря. Сейчас там есть железные кольца для привязывания кораблей и видны зарубки на скалах, в местах, где их в старые времена касались поручни и носовые балки судов. Ещё один знак Чёрного моря – на Крымском острове, в крепости Менкуп, что расположена ближе, чем в одном переходе от Багче-Сарая. Эта высокая крепость тянется к синим облакам, но и там имеются гавани для пристающих судов, а на скалах – высокие колонны, чтобы привязывать корабли*» [108, с. 29. Ср.: 127, p. 6]. Пыравади (в других источниках Пробатон, Синанкёй) – это нынешний город Провадия в Болгарии, в 40 км от морского побережья. На окраине города находится труднодоступное горное плато, которое занимает средневековая крепость [139, S. 415–416]. Её и имел в виду Эвлия. Багче-Сарай – столица Крымского ханства, Бахчисарай. Менкуп, то есть Мангуп или Мангуп-Кале – крупнейший «пещерный город» в юго-западном Крыму, близ современного села Ходжа-Сала Бахчисарайского района (рис. 2). Вероятно, здесь находилась столица крымской Готии и средневекового княжества Феодоро. На вершине горы археологами изучены оборонительные сооружения, дворцы, жилые дома, монастыри и церкви, осадный колодец [16, с. 459–468; 45, с. 120–144]. Ясно, что рассказ Эвлии о «причальных столбах» основан на каких-то местных преданиях, которые он услышал от крымских татар. Любопытно, что после того, как в 1666–1667 гг. османский путешественник подробно познакомился с Крымом и составил детальное описание полуострова, в его развёрнутом отчёте о поездке в крепость Мангуп уже ничего не говорилось о «всемирных потопах» [108, с. 386–389].

«Открыватели» Крыма последней четверти XVIII в.

Новый этап в осмыслении памятников Крыма как «свидетелей» Всемирного потопа наступил в Российскую эпоху. Барон Франсуа де Тотт (1733–1793) в 1767–1769 гг. был французским консулом в Бахчисарае. В 1784 г., то есть через год после ликвидации Крымского ханства, он опубликовал воспоминания о своих приключениях в Османской империи и в Крыму, ставшие «литературным бестселлером» и выдержавшие множество изданий на разных языках – среди их читателей были, например, Екатерина II и Наполеон Бонапарт [102, с. 36–53, с библиографией]. Помимо всего прочего, отрывок из этой книги стал для других путешественников источником «сведений» о следах Всемирного потопа. Барон обратил внимание на то, что Крымские горы состоят из осадочных пород, содержат

многочисленные окаменелости и несут следы, которые он счёл результатом воздействия воды – в реальности же бывшие следствием выветривания [134, p. 134–137]. Эти наблюдения удивительным образом совпали со словами знакомого де Тотта – местного жителя. Путешественник рассказал о том, как однажды осматривал окрестности ханской столицы (рис. 3) в обществе не названного по имени проводника-татарина: «*Я прогуливался [в обществе] этого человека по ущельям, примыкающим к тому, где расположен Бахчисарай. Там я заметил железное кольцо, находившееся на вершине неприступной скалы, нависавшей над этим ущельем и запиравшей его своим изгибом. Я спросил у своего татарина о назначении этого кольца. "Полагаю, что оно служило, – спокойно ответил он мне, – для крепления судов, поскольку море, омывая эти скалы, образовало порт в этом ущелье." Я был поражен…*» [134, p. 137–138].

Данный отрывок из сочинения де Тотта отразил интерес к проблеме Всемирного потопа, возникший у его современников. Ещё в XVI–XVII вв. в европейской науке возникает антикварианизм – направление, последователи которого, в отличие от историков, изучали прошлое не по нарративным источникам, а по древним развалинам, различным артефактам, гербам, надписям и т.п. В трудах «антикваров» познание прошлого сблизилось с изучением природы, естественно-научным знанием. Особую проблему представляли собой окаменелости, найденные как под землёй, так и на вершинах холмов и гор, вдали от воды. Их приходилось объяснять как последствия или всемирного потопа, или природных феноменов вроде землетрясений или извержений вулканов, которые, правда, не отразились в письменных источниках [25, с. 764–765, 767–769]. В XVIII в. вопрос о Всемирном потопе (или нескольких потопах) широко обсуждался в учёных кругах. Зарождавшееся естествознание пыталось примирить библейскую традицию с эмпирическими фактами, вроде ископаемых раковин на вершинах гор или окаменелых скелетов древних животных в пластах земли. Явления горообразования и вертикальных движений земной коры ещё не были открыты, что приводило к появлению гипотез, с современной точки зрения, наивных или фантастических [39, с. 36–42; 140, p. 33–40]. Потому рассуждения де Тотта не были чем-то необычным в контексте его времени. Вот только «причальные кольца» в «пещерных городах» Крыма в реальности были каменными, а не железными (рис. 4). Эти конструкции служили, например, для привязывания домашних животных [82, с. 14; 111, с. 35–36].

В дальнейшем сюжет о следах Всемирного потопа в Крыму неоднократно возникал в травелогах. В 1786 г. на полуостров приехала знатная англичанка Элизабет Крейвен (1750–1828), впоследствии опубликовавшая описание своего путешествия, стилизованное под письма к любимому мужчине [98, с. 61–78; 99, с. 43–47 – обе публикации с библиографией]. В этом травелоге реальность иногда смешивается с фантазиями, так что считать его известия полностью достоверными вряд ли стоит.

Как бы то ни было, Крейвен утверждала, что в Бахчисарае была приглашена на обед к знатной крымской татарке, «*гарем которой, вместе с домом её мужа, расположен самым романтичным образом у подножья очень необычных скал, из которых изливается множество чистых ручьёв, снабжающих дома и её баню всегда свежей водой; вершины этих скал имеют странный вид, в местах, где, несомненно, проходили и привязывались огромные канаты. По этому поводу татары утверждают, что некогда их подножья достигало море, и к ним привязывали корабли*» [113, p. 181–182]. Скалы в Бахчисарайской долине действительно живописны – вот только их облик объясняется естественными причинами, а не воздействием корабельных канатов (рис. 5). Как бы то ни было, перед нами новая версия, повествующая о следах Всемирного потопа, причём неясно, возникла ли она независимо от де Тотта или под его влиянием.

Одновременно с Крейвен в Крыму находились юный граф Павел Александрович Строганов (1774–1817) и его французский гувернёр Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795). Последний оставил весьма любопытный дневник, сокращённый русский перевод которого был опубликован лишь в 1941 г., а французский оригинал – в 2016 г. [см.: 105; 106, с. 202–243. Также: 94, с. 454–467; 99, с. 56–58]. Когда Ромм побывал в Восточном Крыму,

то, общаясь с местными жителями-татарами узнал, что на противоположном, восточном берегу Азовского моря находится крепость Ахтар-Бахтар[4]. Якобы некогда там был порт, но со временем море обмелело, и та его часть превратилась в болото. Француз сопоставил эти слова с тем, что он видел и слышал в Судаке, где, как утверждали татары, море также отступило, и прежний порт стал недоступен для больших кораблей. Далее Ромм записал в дневнике: «*Нас уверяют, что подле Бахчисарая мы увидим в скалах кольца, высеченные, как говорят, для причала кораблей*» [138, p. 105; cf. p. 82–85. Ср.: 63, с. 56; также с. 45–47]. Очевидно, путешественник независимо от де Тотта зафиксировал татарское предание о «причальных кольцах». Через несколько дней ему довелось увидеть их своими глазами.

Однажды Ромм и его воспитанник отправились на Тепе-Кермен – «пещерный город» на вершине горы к югу от Бахчисарая, у современного села Машино Бахчисарайского района [см.: 16, с. 470–472; 45, с. 154–159]. Высеченная в скале, но давно заброшенная крепость, в которой путешественники осмотрели пещерную церковь, произвела на них сильное впечатление (рис. 6). Среди прочих объектов, Ромм обратил внимание на «*отверстия или скорее кольца, высеченные в самой скале, как будто чтобы привязывать скот*» [138, p. 131. Ср.: 63, с. 70–71]. Как видно, француз интуитивно правильно понял назначение «каменных колец».

В другой раз, уже в Симферополе, «губернатор» (очевидно, правитель Таврической области Василий Васильевич Коховский или Каховский, 1738–1795) рассказал Ромму о том, что три такие же кольца находятся «*подле Казнадороги, над небольшой речкой, впадающей в Кабарду*» [138, p. 133. Ср.: 63, с. 71]. Название «Казнадорога» (*Kaznadoroga*) не имеет параллелей в топонимике Крыма, однако слова Рома позволяют сделать некоторые предположения. Это или искажённое «казённая дорога», или же – испорченный тюркский титул. Кабарда – другое название реки Бельбек. У места впадения в неё левого притока, реки Ураус-Дереси (также Пелагос, Быстрянка), находится гора Арман-Кая (народное название – «Крокодил»), на вершине которой имеются две искусственные пещеры, вероятно, составлявшие дозорный комплекс византийского времени [50]. Ныне это территория села Красный Мак (старое название – Биюк-Каралез) Бахчисарайского района Республики Крым (рис. 7). В 1805 г. селение это принадлежало «*статскому советнику Казнадар аге*» [38, с. 87]. «Казнадар» – название должности в Крымском ханстве. *Казнадар-баши* был великим казначеем, который вёл счёт всем доходам хана, а *малый казнадар* служил частным ханским казначеем [137, p. 262–263, 266]. «Ага» – форма обращения, почётный титул. Пост казнадара при последних ханах занимал Мегмет ага Балатуков (1731 – после 1805), отец героя Войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии Кая бея (Кирилла Матвеевича) Балатукова (1774–1827), после 1783 г. поступивший на российскую службу. Родовое поместье Балатуковых находилось в Каралезе [46, с. 2, 15, прим. 2; 78, с. 438]. В российских документах Мегмет агу иногда называли «Казындар-Мегметом» или «Казнадар Мегмет Агой» [57, с. 99; 78, с. 438] – то есть название его былой должности превратилось в прозвище. Таким образом, вполне возможно, что Ромму рассказали о «каменных кольцах» во владениях бывшего казнадара Мегмет аги, на горе Арман-Кая. «*Среди татар сохраняется предание, что некогда эти кольца служили для причала укрывавшихся здесь судов*», – заключил путешественник [138, p. 133. Ср.: 63, с. 71].

В поездке на Тепе-Кермен Ромма и Строганова сопровождал некий образованный крымский татарин, который со ссылкой на своего знакомого – знатока древних рукописей, поведал путешественникам «*любопытные предания, между прочим, о том, что некогда [Чёрное] море покрывало весь [Крымский] полуостров, за исключением гор, но уже в очень давние времена изменения, происшедшие в Константинопольском проливе, кото-*

[4] Мнения исследователей по поводу этого памятника разнятся. Одни полагают, что крепость была построена османами в конце XVII в. и захвачена российскими войсками сначала в 1738, а затем, окончательно, в 1774 г. Другие же считают, что никакого турецкого укрепления в том месте не было (и, следовательно, информаторы Ромма ошибались). Ныне это территория города Приморско-Ахтарск Краснодарского края [13, с. 39; 55, с. 364; 56, с. 35, 42].

рый стал шире, повели к большому отливу воды из Чёрного моря, обнажившему низменные части Крыма, и тогда-то этот полуостров и выступил из-под воды». Собеседники Ромма утверждали, что это случилось при Александре Македонском, причём данное предание было широко распространено среди (крымских) татар. Сам путешественник, впрочем, счёл данную хронологию маловероятной [138, p. 132. Ср.: 63, с. 71]. Нужно сказать, что легенды об Александре Македонском были очень распространены в фольклоре различных стран Востока и нередко имели совершенно фантастический характер. Например, в одной из сказок Искандер-Александр взаимодействовал с царём подводного царства [35, с. 103–172]. Как уже говорилось, Эвлия Челеби воспроизвёл легенду о том, как Александр Македонский приказал прорыть пролив между Чёрным и Средиземным морями. Очевидно, подобные предания были распространены среди крымских татар, а потому Ромм ничего не придумал и лишь добросовестно записал то, что услышал от собеседников.

Из сокращённого русского перевода травелога Ромма может создаться впечатление, что француз скептически оценил известия о «следах Всемирного потопа». Однако в самом конце опубликованного полностью французского оригинала его записок имеется список Всемирных потопов (всего три) с попыткой выявить их хронологию и связать со Священным писанием и древнегреческими мифами [138, p. 144]. Можно думать, что легенды крымских татар оказали определённое воздействие на путешественника-эрудита.

Дипломатический агент Неаполитанского королевства граф Константин де Людольф (Лудольф, Ледольф, 1755–1839) оказался в Крыму в 1787 г. Он прибыл в составе правительственной делегации для встречи с Екатериной II во время её южного путешествия. Впоследствии де Людольф издал записки о Крыме, стилизованные под письма, но написанные по материалам дорожного дневника [65, с. 21, 34–41, 51–60; 99, с. 85–86]. Де Людольф не знал о «каменных кольцах» – в отличие от «*генуэзских гербов*», изображения которых привиделись ему на скалах, окружающих Бахчисарай [40, с. 163]. Возможно, путешественник слышал популярные среди крымских татар легенды о том, что строителями «пещерных городов» были средневековые генуэзцы [см.: 92, с. 418–419]. Впоследствии он вновь обратился к теме Всемирного потопа в Крыму, сославшись, в частности, на вышеупомянутые слова античного историка: «*Некоторые древние, и между прочим Диодор Сицилийский, полагали, что Понт Эвксинский или Чёрное море некогда было вроде обширной реки или обширного озера, не имевшего никакого сообщения с Греческим [Средиземным] морем, но что озеро это с течением времени увеличилось вследствие впадающих в него рек и наконец промыло себе сток сперва близь гор Ционнийских, а затем и в Геллеспонт. Мнение это кажется правдоподобным г. Бюффону. “Не трудно”, говорит он, “объяснить этот факт, ибо предположив, что ложе Чёрного Моря некогда было ниже теперешнего, будет очевидно, что впадающие в него реки подняли его дно приносимыми ими с собой илом и песками, и что вследствие этого могло случиться, что уровень этого моря поднялся настолько, чтоб устроить сток для его вод”. Что до меня, то если позволительно предположению противопоставлять предположение, то я нахожу более правдоподобным, что Понт Эвксинский или Чёрное море представляет собой продолжение моря Средиземного, и что оно изливается в Босфор лишь затем, чтоб освободиться от избытка изливаемых в него вод впадающими в него большими реками Европы и Азии*» [40, с. 200–201]. «Горы Ционнийские» – это Кианейские острова, или Симплегады, легендарные движущиеся скалы древнегреческих мифов, преграждающие вход из Средиземного в Чёрное море через Босфорский пролив [26, с. 60–61, 84; 61, с. 362]. Граф Жорж-Луи Леклерк де Бюффон (1707–1788) – знаменитый французский учёный эпохи просвещения, автор «Естественной истории», который, как выясняется, с доверием воспринял Диодорову традицию. Однако де Людольф скептически отнёсся к идеям де Бюффона, касавшимся древней истории Чёрного моря.

Сочинение де Бюффона по естественной истории не раз переиздавалось, причём в новые издания вносились различные дополнения, не менявшие, однако, сути. Де Людольф, очевидно, воспользовался одной из французских публикаций. Разумеется, ни о каких

«кольцах» в Крымских горах де Бюффон не знал. Он оперировал глобальными факторами, такими как направления течений или характер горных пород и морских отложений. Де Бюффон полагал, что Чёрное море изначально было озером, не связанным с Мировым океаном, но возникшим благодаря воде, которую принесли питающие его реки: «*Происшествие Черного моря не приписываю к нашествию вод из Океана: ибо кажется, что доставляемое великое количество вод впадающими в него реками Дунаем, Днепром, Доном и многими другими с излишком достаточно к произведению оного…*» [15, с. 106–107; 117, p. 100–101]. Со временем воды Чёрного моря нашли выход в море Средиземное. В будущем же, возможно, связь между двумя морями прервётся, и на месте Босфорского пролива возникнет перешеек. Это может произойти, поскольку впадающие в Чёрное море реки несут огромное количество грунта, а также и потому, что их воды со временем уменьшатся в объёме [15, с. 109; 117, p. 102–103]. Как видим, рассуждения де Бюффона действительно отличались от де Людольфовых.

Диодорово известие знал ещё один путешественник Нового времени – Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен (1746–1808), выходец из переселившегося в Россию немецкого рода, состоявший секретарём для иностранной переписки при наместнике Юга Григории Александровиче Потёмкине. В 1807 г. он опубликовал книгу, суммировавшую наблюдения автора о Северном Причерноморье и Крыме в частности [87, с. 456–473; 99, с. 174–175 – с библиографией]. По словам фон Кампенгаузена, в скалах близ Севастополя находилось девятнадцать железных колец, которые в древности использовались для привязывания кораблей. По его мнению, эти кольца свидетельствовали о том, что прежде уровень Чёрного моря был выше, чем в современности, но понизился в результате прорыва воды в Средиземноморье через Босфор, о чём писал Диодор [119, S. 109]. Источник его сведений неизвестен – но, кажется, немец связал крымско-татарское предание с античной традицией.

Энциклопедисты рубежа XVIII–XIX вв. и их последователи

Немец Петер-Симон Паллас (1741–1811), в молодости избранный членом Российской академии наук, прославился благодаря учёному путешествию по Сибири в 1768–1774 гг. Он сделал успешную карьеру в Петербурге, пользовался доверием Екатерины II и даже стал воспитателем её внуков – Александра (будущего императора Александра I) и Константина. Однако по не вполне понятным причинам Паллас был сначала отправлен в поездку для изучения южных губерний России (1793–1794), а затем поселился в Крыму в фактической ссылке (1795–1810) [74; см. также: 97, с. 126–131; 99, с. 143–145 – с библиографией]. В 1801 г. он опубликовал научное описание полуострова. Паллас был энциклопедически образованным, дотошным, аккуратным автором, интересы которого находились прежде всего в области естественных наук. Много внимания уделил он вопросам экономики и возможностям для хозяйственного развития региона. Тем не менее, как ответственный исследователь он не стал избегать описания и обсуждения прошлого полуострова.

Паллас читал Плиния, а потому сделал следующее замечание со ссылкой на античного автора: «*Так как весь Крымский полуостров соединен с материком только Перекопским перешейком, то весьма вероятно, что Крым с его южной возвышенной частью был островом, когда уровень Чёрного моря стоял выше, как о том свидетельствуют древние писатели*» [49, с. 21, 225, прим. 5; 136, S. 4, und F. *].

В дальнейшем путешественник несколько раз возвращался к этой теме. Описывая окрестности Бахчисарая, он заметил, что в районе Успенского монастыря «*по указанию графа Тотта*[5] *– говорят, подтверждаемому некоторыми жителями Бахчисарая, – были вделаны на недоступном месте в обрывы скал медные или железные кольца, существование которых я не могу подтвердить как очевидец. Впрочем, скалы долины Джурюк-су, как и многие другие в этих известковых горах, имеют вид как бы размытых морем, волны которого их омывали*» [49, с. 33; 136, S. 36–37]. Успенский монастырь – пещерная обитель

[5] Немецкий учёный допустил ошибку, передавая титул французского дипломата.

на склоне балки Марьям-Дере к востоку от старой части Бахчисарая, вероятно, основанная в XIII в., но запустевшая после выселения христиан из Крыма в 1778 г. (рис. 8). В настоящее время монастырь возрождён, но существенно перестроен [17, с. 5–19]. Джурюк-су (*Dschuruk-su*), или в современном написании, Чурук-Су – это речка в юго-западном Крыму, правый приток Качи, который протекает через Бахчисарай в направлении с востока на запад. Судя по всему, Паллас либо читал сочинение Крейвен, либо слышал похожую историю о скалах вблизи Бахчисарая, якобы размытых водами моря.

В следующем отрывке немецкий энциклопедист «пересмотрел» идею античных авторов. Изучив природу крымских скал, горных долин и водных потоков в окрестностях Мангупа, исследователь заключил, что «*несколько замкнутых долин могли заключать в себе озера, пока напор воды не образовал прорыв*» [49, с. 63–66; 136, S. 120–127]. Одна из таких долин, прежде бывших озёрами, по словам немецкого испытателя, находилась к юго-западу от Мангупа. Татары называли её «Филегус» (*Philegus*), а греки – «Пелагос» (*Pelagos*) [49, с. 63; 136, S. 120–121]. Путешественники следующего поколения обратили внимание на сходство этого топонима с греческим πέλαγος – «(открытое) море», что приводило к выводу о том, что некогда здесь плескались морские волны, и лишь вершины гор с «пещерными городами» поднимались над водой [30, с. 270; 42, с. 403–404]. С точки зрения современной ономастики это ложная этимология. Название долины, вероятно, происходит от новогреческого πλαγίως – «склон горы» [11, с. 69, 106].

Друзьями Палласа были супруги Гатри. Доктор медицины Маттью Гатри (1743–1807), шотландец по происхождению, большую часть жизни провёл в России, которую искренне полюбил. Гатри занимал должность главного врача Кадетских корпусов в Петербурге. Он был человеком широкого кругозора и энциклопедических интересов, включавших, например, музыку и античную историю, химию, ботанику и геммологию. В 1781 г. доктор Гатри женился на овдовевшей француженке Мари Дюнан, урожденной Ромо-Сюрвен (ум. 1800), служившей в Смольном институте благородных девиц. По-видимому, мадам Гатри страдала туберкулезом. Во всяком случае, в 1793 и 1795 гг. она дважды ездила на Юг России для поправки здоровья, присоединившись к экспедиции профессора Палласа, но это не смогло предотвратить печальный конец. Через два года после смерти мадам Гатри появилась книга, якобы составленная из переведенных на английский писем, которые она отправила мужу из своего второго южного путешествия. В реальности текст написал доктор Маттью, решив таким образом почтить память ушедшей супруги [98, с. 95–121; 99, с. 225–227 – с библиографией].

Травелог Гатри является причудливым переплетением информации, взятой из сочинений других путешественников, и материалов, кропотливо собранных в Петербурге антикваром и коллекционером-любителем. Немудрено, что шотландец не смог пройти мимо темы «Всемирных потопов» в Крыму. Рассказывая о Севастополе, Гатри вспомнил цитированные выше слова Диодора. Вероятно, от де Тотта шотландец знал о «кольцах в скалах», а потому написал (от имени своей жены) следующее: «*Нам показали несколько железных колец в скалах на большой высоте, согласно традиции, некогда служивших для привязывания кораблей*» [130, p. 92–93]. В дальнейшем, описывая Южный берег Крыма, Гатри вновь вернулся к мысли о том, что некогда уровень Чёрного моря был значительно выше. Тогда он вспомнил «*древние железные кольца в скалах Севастопольского порта, которые сегодня [находятся] слишком высоко для их старинной цели привязывания кораблей*». Наряду со свидетельствами Диодора и Палласа, данное «наблюдение» якобы говорило о том, что море некогда покрывало значительную часть Крыма [130, p. 126].

В 1800 г. в Крым прибыл британец Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822), автор одного из самых известных описаний полуострова. Как и Ромм, Кларк служил воспитателем-гувернёром, но не русского дворянина, а своего соотечественника Джона-Мартена Криппса (1780–1853). Путешествие в Крым было частью длительной образовательной поездки по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту, предпринятой Кларком и Криппсом в 1799–1802 гг. После возвращения Кларк до самой смерти рабо-

тал над изданием описания своих путешествий, дополняя материалы путевых дневников сведениями, почерпнутыми из источников и материалами кабинетного анализа. «Российский» том впервые вышел в 1810 г. и впоследствии неоднократно переиздавался и был переведён на разные языки [98, с. 123–156; 99, с. 193–197 – с библиографией].

31 июля и 1 августа Кларк и Криппс находились в Бахчисарае. Отсюда они отправились на Чуфут-Кале – «пещерный город», который в конце XVIII в. населяли лишь неталмудические иудаисты караимы [см.: 17. Также: 16, с. 474–477; 45, с. 163–179]. По словам Кларка, в окрестностях Успенского монастыря они двигались по узкой долине, окружённой скалами. Очевидно, сначала это была Ашлама-Дере, а потом Марьям-Дере. «*Дальше нам показали железное кольцо на самом верху скал, к которому согласно их*[6] *легендам, в прошлом якобы привязывали корабли; хотя они должны были ходить на много сотен футов*[7] *выше нынешнего уровня Чёрного моря. Легенду, однако, можно или даже следует отбросить в пользу куда более рационального свидетельства об этом кольце; а именно, что в дни праздников сюда прикрепляли канат, шедший поперёк теснины к подобному кольцу на противоположной её стороне, а ханы развлекались, наблюдая за человеком, пересекавшим долину по этому канату, от одного склона до другого, подобно тому, как прежде в Венеции, во время карнавала, наёмного канатоходца поднимали на верхушку башни Св. Марка, откуда он спускался по другому канату, держа в руке букет цветов, чтобы подарить его дожу. Вот свидетельство, которое самые информированные [авторы] дают о волшебном кольце близ Бахчисарая; но барон де Тотт весьма доверчиво воспринял оригинальную легенду, при всей её абсурдности. Единственное возражение против более рационального свидетельства заключается в том, что сложно представить, как натянутый таким образом канат сможет выдержать вес человека и не порваться*» [121, p. 478]. В последующих изданиях путешественник (или редактор) внёс небольшую стилистическую правку в этот отрывок, не изменив его смысла [см.: 99, с. 218]. Таким образом, Кларк знал о рассказе де Тотта, но предпочёл ему сообщение неназванных по имени «самых информированных» авторов. Обычно путешественник приводил ссылки на источник сведений, будь то античные или средневековые писатели или путешественники и исследователи Нового времени. Не мог ли он в данном случае просто выдумать источник, чтобы прикрыть собственную теорию?

Предлагая новое объяснение для колец в бахчисарайских скалах, Кларк имел в виду популярный элемент Венецианского карнавала, известный как «полёт голубки». Дело происходило на главной площади города, одна из сторон которой выходит на лагуну, а вокруг находятся собор Св. Марка, Дворец дожей и расположенная отдельно колокольня собора (рис. 9). От стоявшего на якоре судна натягивали канат до колокольни, а от неё – ещё один до балкона дворца. Одетый ангелом акробат поднимался на вершину колокольни, а затем спускался к ногам правителя города [4, с. 333]. Свидетелями подобных (с некоторыми вариациями) представлений не раз становились иностранцы. Например, русский государственный деятель Пётр Андреевич Толстой (1645–1729), отправившийся в путешествие по Европе для изучения военной науки [47, с. 251–291], наблюдал венецианский карнавал в 1698 г. Во время этого праздника он видел следующее: «*И потом был привязан толстой канат одним концом за верх Марковой колоколни, о которой я писал выше сего, а другой конец того каната был привязан на краю Марковой площади при самом море, и по тому канату с низу на верх той колоколни взъехал один человек на лве, зделанном из дерева изрядною работою, власно как живой. И тот лев поставлен был на тот помяненный канат и утвержден к нему инструментами, чтоб с него человек упасть и перевернуться не мог. И другой канат привязан был за того лва и приведен в верх тое колоколни, которым канатом того лва на верх тое колоколни встянули. А человек на том лве сидел просто, как на лошади, и ничем к тому лву тот человек был не привязан, и так, на том лве сидя, взъехал на тое калаколню. И тем того году каранавал в Венецы окончил-*

[6] Очевидно, крымских татар.

[7] Английский фут равен 30,48 см.

ся…» [59, с. 107]. Заметим, что никаких иных источников, кроме Кларка, повествующих о представлениях канатоходцев в ханском Бахчисарае, не существует.

Англичанин совершенно справедливо отметил, что проблема заключается в том, сможет ли натянутый над крымскими долинами канат выдержать вес человека. В каком именно месте англичанам указали на точку в скалах, где якобы находилось железное кольцо, из текста книги неясно. К самому кольцу они не поднимались, а увидеть нечто подобное со дна долины можно, разве что вооружившись хорошим биноклем. Так что или проводники попросту указали путешественникам какое-то примерное место в скалах, или же Кларк попросту выдумал этот эпизод, ознакомившись с записками де Тотта уже после возвращения в Англию. Как бы то ни было, расстояние между скалами вблизи Ханского дворца около 700 метров, а высота их достигает около 70 метров, а значит, если считать, что канат натягивали там (а где ещё было наблюдать за представлением крымскому правителю?), то рассказ Кларка плохо согласуется не только с историческими реалиями, но и с законами физики. Восточнее долина сужается, и по мере продвижения в сторону Успенского монастыря расстояние между скалами составляет около 200 метров (рис. 10). Это уже сопоставимо с известиями о венецианском карнавале (от колокольни Св. Марка до моря около 120 метров по прямой линии, высота самой колокольни около 98 метров, а смотровой балкон (куда, очевидно, крепились канаты акробатов) находится ещё ниже. В итоге канат, протянутый от балкона на колокольне до борта стоявшего у берега судна, должен был быть по меньшей мере 150 метров длиной. Однако, как уже говорилось, никаких независимых подтверждений словам Кларка нет, не найдены и железные кольца в упомянутых путешественником местах, а потому перед нами, вероятно, результат фантазии.

В 1828 г. была опубликована статья генерала Фёдора Андреевича Козена (1782–1840), который побывал в Крыму за несколько лет до того во время службы на Юге России [37, с. 371–374]. Пытаясь разобраться в обстоятельствах происхождения «пещерных городов» Крыма, Козен применял свои навыки, полученные на военной, а впоследствии инженерной службе. В наше время его рассуждения кажутся наивными, что не помешало развернуть вокруг них целую дискуссию [см. обзор в: 93, с. 417–418; 99, с. 228]. Среди прочего, генерал упомянул о том, что его проводник на Эски-Кермен, крымский татарин по имени *Мехмет-Чех-Мурза* (Мехметша мурза?), сказал: «*Генуэзцы, пришедшие после потопа поселиться в Крыму, иссекли все скалы…*» [32, с. 41]. Это ещё одно свидетельство того, что легенда о связи между Всемирным потопом и «пещерными городами» была распространена среди крымских татар.

Исследователи, краеведы, литераторы второй половины XIX – XX в.

Легенды о следах Всемирного потопа в Крыму получили «вторую жизнь» в научной и краеведческой литературе второй половины XIX в. В 1871 г. вышло первое издание путеводителя по Крыму Марии Александровны Славич (1821–1891), писавшей под псевдонимом Сосногорова [8, с. 10–15; 64, с. 126]. В описании Чуфут-Кале и его искусственных пещер (рис. 11) имелась отсылка к легенде о Всемирном потопе – здесь «*указывают отверстия, в которые, говорят, были ввинчены железные кольца для привязывания лодок, так как предание говорит, что во времена глубокой древности во все ущелья, среди стоящих в этих местах гор меловой формации, заливалось море*» [69, с. 189–190]. Ясно, что автор путеводителя ориентировался на рассказы местных жителей – но к истории о «причальных кольцах» и «следах древнего моря» в крымских горах она впоследствии вернулась ещё не раз.

По словам Славич-Сосногоровой, «*В начале 30-х годов мне удалось видеть в отвесных стенах Тепекермена массивные железные кольца, которых, как говорят, теперь там не существует*» [69, с. 191]. Их, якобы, показал ей Александр Иванович Султан-Крым-Гирей (1788/1789–1847), человек замечательной судьбы[8]. Он был потомком крымских ха-

[8] Прежде в русской исследовательской литературе династическое имя крымских ханов и их потомков обычно передавали как «Гирей», очевидно, следуя традиции, заложенной дипломатическими документами эпохи Крымского ханства [14, с. 176]. Однако в наши дни постепенно стало преобладать другое написание – «Герай», следующее особенностям турецкого и современного крымско-татарского языков. Интересно, что сохранился английский экслибрис Александра Ивановича, явно составленный по его собственному набро-

нов, но обратился в христианство и пытался реализовать миссионерский проект среди татар, а также открыл столицу государства поздних скифов – предполагаемый Неаполь (городище Керменчик) на окраине Симферополя. Человек образованный, он интересовался прошлым [89, с. 461–469; 98, с. 204–205, 234–235 – с библиографией]. Султан-Крым-Гирей якобы рассказал Славич-Сосногоровой «*подробно любопытное народное предание о том, что посреди этих скал некогда проходило море*» [69, с. 191–192]. В другой раз писательница вспомнила об этих кольцах, когда описывала «пещерный город» у ныне исчезнувшего селения Черкес-Кермен (впоследствии Крепкое). Оно располагалось в 4 км к юго-западу от совр. села Красный Мак (в прошлом – Бююк-Каралес, Биюк-Каралез и пр.), у подножья горы, которую занимал средневековый «пещерный город» Эски-Кермен. Здесь хорошо сохранились высеченные в скалах оборонительные сооружения, осадный колодец и церкви, что привлекало к памятнику многих путешественников [2; 3; 84]. По словам Славич-Сосногоровой, «*И здесь, как и в других пещерных городах, кроме Качикалена, мне показывали ввинченные в наружную сторону утесов железные кольца*» [69, с. 201]. Качи-Кальон – «пещерный город» на склоне горы у современного села Баштановка Бахчисарайского района, не вполне понятный по назначению. Вероятно, здесь находились функционировавшие на разных этапах поселение и монастырь [16, с. 473; 45, с. 150–153]. Любопытно следующее обстоятельство. Путеводитель Славич-Сосногоровой не раз переиздавался; появились соавторы, с её разрешения внесшие в текст различные исправления и дополнения. В результате отрывок о поездке не Тепе-Кермен в обществе Султан-Крым-Гирея был опущен, а вот мысль о железных кольцах во многих «пещерных городах» сохранена – со ссылкой на Славич-Сосногорову [70, с. 167, 171, 180]. Но можно ли доверять свидетельству, сделанному через 40 лет после поездки? Следующий исследователь полагал, что да.

В 1871–1872 гг. историк, краевед и переводчик Григорий Эммануилович Караулов (1824–1883) [см.: 112] опубликовал исследование о крымских «пещерных городах» в виде статьи в региональном научном журнале и как отдельный оттиск, который по каким-то причинам датирован на год раньше, чем сама статья. По мнению автора, это были памятники тех первобытных времён, «*когда народы, – незнакомые еще, вероятно, с искусством класть правильные стены и цементировать их в устраиваемых для себя на поверхности земли жилищах, – искали себе дома в горных скалах и создавали, таким образом, целые пещерные города*» [27, с. 39; 28, с. 39]. Как видим, Караулов исходил, прежде всего, из внешнего облика древних построек, якобы характеризующего современный им уровень строительных технологий, а не из свидетельств исторических источников.

Учёный, как и его предшественники, обратил внимание на форму крымских скал, посчитав её результатом воздействия морских вод. Караулов читал, в частности, Палласа, и вспомнил слова немецкого энциклопедиста о (возможном) воздействии морских вод на скалы в окрестностях Бахчисарая. Знал он и рассказы Эвлии Челеби и барона де Тотта о «причалах» в крымских горах – но Караулов утверждал, что сам слышал нечто подобное от местных жителей: «*На неприступной высоте отвесных и отдельно стоящих скал Черкес-кермена, Мангуп-кале и Чуфут-кале и на противоположных им подобных же скалах видны до настоящего времени какие-то небольшие круглые дыры или отверстия, которые, судя по их округленной форме, явно проделаны здесь искусственно, рукою человека. Отверстия эти, находящиеся всегда на гладких боках скал или горных стен, у самой их вершины, могли видеть все, кто посещал названные нами местности и внимательно осматривал их. Мы сами видели их несколько раз, и на вопросы наши о них у проводников-татар и у жителей соседних деревень нам всегда отвечали, что это места, в которые ввинчены были здесь на скалах большие желез-*

ску. Здесь родовое имя дважды указано как *Gherry*, что, конечно, ближе к *Гирею* [36, с. 18]. В делах, связанных с включением Александра Ивановича в число таврических дворян, он назван «Крымгиреевым» или «Крым-Гиреем» [62, с. 109; 68, с. 217].

ные кольца. В Бахчесарае и в деревне “Буюк-Каралез” некоторые старики татары уверили нас, что они сами видели эти кольца, находившиеся здесь, по их словам, еще недавно, именно не позже, как в [18]30-х годах» [27, с. 40, 3–5[9]; 28, с. 40–43].

Исследователь ссылался не только на «авторитетов», но и на свидетельства людей, с которыми общался сам, причём не только крымских татар, но и русских путешественников – в том числе бывшего смотрителя Ханского дворца в Бахчисарае Е. Е. Булатова и на Сосногорову-Славич, которую, впрочем, назвал «г-жой С.». Они, якобы, видели железные кольца, вставленные в кольца каменные. Сам же Караулов железных колец, в отличие от каменных, не видел. Однако это не помешало ему прийти к следующему заключению: «*Почти на всех скалах, где иссечены пещерные города и на скалах, соседних с ними, указываемые углубления и дыры, в которых, по рассказам, были ввинчены кольца, находятся в местах, совершенно неприступных по своему положению. Вколотить или ввинтить в этих местах кольца возможно было бы не иначе, как подплыв к ним по воде, на лодках; ибо иначе нет никакой возможности подступить к этим отвесным скалам. <…>*

Таким образом, если в этих местах находились кольца, то они не могли служить ни для какой другой цели, как только для того, чтобы привязывать к ним лодки, принадлежащие первобытным жителям пещерных городов. Следственно, в то время здесь пребывало море» [27, с. 5–7; 28, с. 43–45]. Романтичный путешественник, кажется, забыл, что сам успешно взбирался на скалы к «пещерным городам» и «каменным кольцам», то есть возможность сделать это всё-таки была – в чём может убедиться и любой современный турист. Показательно и то, что (если не считать известия Славич-Сосногоровой) «железные кольца» выступают в роли, похожей на ту, что играли розенкрейцеры в романе Умберто Эко: все знали об их существовании, но своими глазами никто их не видел [109, с. 224–238]. Учитывая, что ничего подобного не смогли обнаружить современные археологи, кажется, что «железные кольца» – продукт не реальности, а воображения. Вероятно, в некоторых случаях мог сказаться и «казус переводчика». Хорошо известно, что в описываемое время большая часть татарских крестьян не владела языками за пределами родного – а путешественники не знали крымско-татарского. Потому прибегали к услугам переводчиков, всегда непрофессиональных, и нередко двух одновременно [104, с. 160–161]. Это могло приводить к разнообразным казусам – и кто знает, не был ли случай с «железными кольцами» одним из них?

Не исключено также, что эта игра воображения основана на следующей аналогии. Во время второго путешествия в Крым Эвлия Челеби осмотрел и подробно описал город Кефе. Здесь на морском берегу он увидел следующую картину: «*За воротами Пристани, если войти через них, справа на крепостной стене, близко к земле имеются железные кольца, шириной в три человеческих руки. В эти кольца может пролезть человек. Суда, останавливающиеся в порту, привязывают за корму к этим железным кольцам*» [108, с. 441]. Эти конструкции, судя по всему, были вполне реальными и предназначались для швартовки кораблей у берега [29, с. 144]. Быть может, видевшие настоящие причальные кольца создатели легенды впоследствии вообразили их аналоги в «пещерных городах»?

В итоге Караулов предположил, что «пещерные города» строились в несколько этапов, причём самые ранние в них постройки относятся к глубокой древности [27, с. 10–12, 29, 34–70; 28, с. 48–50, 67, 72–108]. Очевидно, именно тогда – по его представлениям – море и покрывало большую часть Крыма, а к «железным кольцам» на вершине скал привязывали лодки. Думается, Карулов разработал теорию о следах Всемирного потопа в «пещерных городах» в наиболее полном виде.

В 1872 г. вышло первое издание «Очерков Крыма» краеведа и литератора Евгения Львовича Маркова (1835–1903), которое впоследствии не раз переиздавалось. Частью этого издания стал рассказ о «пещерных городах», предварительно опубликованный в жур-

[9] В этом издании первые две страницы пронумерованы, как в журнале; в дальнейшем же «возвращается» нумерация в традиции оттисков XIX века, которая начиналась с единицы, а в данном случае – на третьей по порядку странице с номера 3.

нале «Вестник Европы». Марков был не исследователем, а популяризатором прошлого Крыма. Уроженец Курской губернии, он пять лет прожил в Симферополе, занимая пост директора местной мужской гимназии (1765–1770). Именно тогда он и собрал материалы для книги, соединившей в себе черты травелога и путеводителя [71, с. 195–323].

Благодаря Маркову имеется свидетельство того, что о «Всемирном потопе» в Крыму рассказывали не только татары, но и караимы. Марков был знаком с Авраамом Самуиловичем Фирковичем (1787–1874), путешественником, коллекционером, историком и писателем, который, впрочем, пользовался неоднозначной репутацией и, по-видимому, подделывал рукописи и эпиграфические памятники, дабы удревнить историю крымских караимов [17, с. 251–260; 31, с. 272–281]. Марков не пожалел добрых слов для своего знакомого, которого назвал «*стражем и патриархом Чуфута*», восхищаясь его учёностью, открытиями, энергией, энтузиазмом и любовью к караимской культуре. По словам путешественника, к тому времени единственными обитателями древнего города были Фиркович и его семья – остальные караимы спустились с безводной горной вершины в куда более комфортные крымские города [41, с. 183–187; 42, с. 413–418][10].

Прежде, рассказывая о поездке на Эски-Кермен, Марков писал: «*Фиркович рассказывал мне, со слов своих караимских предков, что в глубокой древности Чуфут-Кале был островом, а долина, по которой пролегает дорога в Мангуп, была покрыта морем*» [41, с. 174; 42, с. 403]. Не вполне понятно, шла речь об устной или письменной традиции, ведь в другом месте путешественник сообщил, что именно уникальное собрание рукописей открыло Фирковичу «*таинственные предания караимских старцев, ожидавшие целыми столетиями достойного восприемника*» [41, с. 183; 42, с. 414].

В другом отрывке Марков описал разговор со стариком-караимом, который был его проводником на Чуфут-Кале. Вместе стояли они на краю обрыва: «*–Здесь кругом было прежде море! – с какою-то тихою торжественностью сказал мне мой путеводитель, простирая вперед обе руки. – Чуфут был остров, и где теперь дорога, там плавали корабли…*

– Когда же это было, и кто это узнал? – спросил я также тихо.

– Это было 1000 лет назад, и знает один наш старик, – с непоколебимою уверенностью ответил мне караим и опять стал смотреть на далекие горы.

Древние географы то же предполагали о всем горном Крыме» [42, с. 81]. Итак, Марков знал о свидетельствах Диодора и Плиния, и сопоставил их с караимскими преданиями. Кроме того, перед нами свидетельство того, что во второй половине XIX века и караимы заимели легенду о Всемирном потопе в Крыму. Однако нельзя исключить, что они заимствовали её у своих соседей, татар, ведь известие Маркова остаётся единственным в этом отношении.

Марков, человек весьма образованный, собрал много свидетельств о Всемирном потопе. По его словам, проводники-татары рассказывали, что гора, на вершине которой находятся развалины Эски-Кермен, «*называется Денгис, но они объясняли это название тем, что кругом горы в древности было море (по-татарски денгис)*». В дальнейшем путешественник повторил эту мысль: «*Эски-Керман называется также у татар – денгис (море)*» [42, с. 400, 403][11]. Хотя Маркову это обстоятельство показалось весьма важным, проблема заключается в том, что данный топоним крайне редко фиксируется источниками. Так, по словам Козена, развалины древней крепости татары называют *Джингискерман*, а селение у подножья горы – *Черкескерман.* Однако «морской» этимологии он не привёл [32, с. 28–31, 37–38; ср.: 34, 36]. К тому же, читавший статью Козена Марков предполагал для *Джингискермана* или *Джингис-Кермана* другую этимологию, от имени монгольского правителя Чингисхана (ум. 1227) [42, с. 400]. Наконец, в поздних изданиях

[10] Правда, имеются свидетельства того, что и после смерти Фирковича в древнем городе ещё несколько лет теплилась жизнь – его обитателями оставались, в буквальном смысле, пара человек [58, с. 174–175].

[11] В статье из «Вестника Европы» фрагмент с первой фразой отсутствует, в отличие от второй [41, с. 171, 174].

путеводителя Славич-Сосногоровой *Джингиз-Кермен* – одно из названий «пещерного города», наряду с Эски-Керменом и Черкес-Керменом [70, с. 178. Ср.: 69, с. 199–201]. Ясно, что первый топоним мог появиться здесь под влиянием книги Маркова.

Марков сопоставил собранные им сведения с цитированными выше отрывками из сочинений Плиния Старшего о том, что Крым прежде был островом, и Палласа (имени которого не назвал) о долине под Мангупом, которую татары называли *Филегус*, а греки – *Пелагос*. Но если немецкий учёный оставил эту информацию без комментария, то русский писатель заметил, что первоначальным был греческий топоним, означавший «море», а татары просто исказили его. Ничего не сказавший о «причальных кольцах», Марков был готов поверить во Всемирный потоп благодаря сочетанию отмеченных выше факторов: «*Меня поражает то обстоятельство, что каждая столовая гора пещерных городов Крыма непременно соединена с преданием о море, окружавшем когда-то гору. <…> Если люди жили в эпоху этих горных озер, то пещеры по их соседству получают еще больший смысл*» [41, с. 173–174; 42, с. 403–404].

О популярности книги Маркова свидетельствует, например, следующий факт. В 1888–1890 гг. были опубликованы отчёты об учебных экскурсиях Симферопольской мужской гимназии, предпринятых по указанию её нового директора Григория Ивановича Тимошевского. Эти книги имели не научный, а педагогический характер, и призваны были помочь в организации последующих экскурсий. В рассказе об осмотре Эски-Кермена и его окрестностей упомянуто «*народное предание о том, что горы Тепе-Кермена, Мангупа, Эски-Кермена и др. были окружены морем, и даже самые названия местностей носят имя моря…*». Это почти дословная цитата из Маркова [54, с. 116. Ср.: 41, с. 173–174; 42, с. 403].

В 1879 г. в Москве состоялась большая Антропологическая выставка. В экспозиции были представлены, в частности, изображения и гипсовые модели некоторых археологических памятников Крыма, выполненные художником, реставратором и археологом Дмитрием Михайловичем Струковым (1828–1899) по чертежам, снятым с натуры во время путешествия на полуостров за год до того [см.: 33]. Впоследствии в материалах выставки была опубликована статья Струкова, в которой тот объявил «пещерные города» доисторическими памятниками. По мнению исследователя, известковые горы Крыма изначально находились под водой, но постепенно стали «*образовывать острова*», к которым прибыли древние люди: «*по воде же могли и приплыть первые обитатели Тавриды, укрывавшиеся от влияния стихий в пещерах, выбитых прибоем волн*». По мере того, как вода отступала, люди строили новые ярусы пещер, в этот раз искусственных и находившихся ниже предыдущих. Свидетельством этого Струков считал высеченные в камне лестницы, соединявшие пещерные сооружения, но не шедшие к подошве гор. Качество обработки стен у нижних пещер по сравнению с верхними показалось Струкову более высоким, из чего следовало предположение, что верхние сработаны каменными, а нижние – металлическими орудиями. Самые поздние пещеры сделаны уже в христианское время. В этой теории нашлось место и пресловутым «каменным кольцам»: «*Во всех ярусах пещер можно встретить продолбленное отверстие овальной формы, подобное тем, какие выдалбливают наши современники по побережью моря для привязывания судов; поэтому нельзя ли предположить, что сохранившиеся на скалах долбленые отверстия в форме кольца служили для той же цели, как и современные, чем совершенно докажется мысль, прежде высказанная, что действительно пещерные долбления начинались сверху, ближе к вершинам гор*» [72, с. 193]. Так Струков создал по-своему логичную, но совершенно фантастическую реконструкцию истории «пещерных городов», первым жителям которых была отведена роль современников если не Всемирного потопа, то эпохи, когда воды Чёрного моря стояли много выше, чем сейчас. Любопытно, что исследователь обошёлся без использования крымскотатарских легенд и топонимических созвучий. Но, кажется, его рассуждения можно назвать не просто оригинальными, но самыми «наукообразными» из всех им подобных.

В 1905 г. председатель Императорской археологической комиссии, праправнук Екатерины II, граф Алексей Александрович Бобринской (Бобринский, 1852–1927) [см.: 43,

с. 76–77, 84, 96, 109–120] опубликовал исследование по истории Херсонеса. Рассказывая об истории изучения городища, он вспомнил слова Марии Гютри (Гатри), которую счёл реальной путешественницей, о «*железных кольцах*» в севастопольских скалах, некогда служивших «*для привязи барок*». Бобринский утверждал, что сам наблюдал этот феномен: «*Подобные кольца мне пришлось лично видеть в окрестностях херсонесского маяка. Они укреплены в скале высоко над уровнем моря*» [7, с. 174]. Впрочем, исследователь воздержался от рассуждений о Всемирном потопе, ограничившись констатаций наличия колец.

По-видимому, к началу XX века накопление научных знаний привело к тому, что легенды о «причальных кольцах» стали забываться, а этим сооружениям, по крайней мере в научной литературе, стали искать более прозаическое (и реалистичное) объяснение. Так, например, заведующий Симферопольской городской библиотекой, эрудит, психолог-любитель и член Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы Николай Африканович Боровко (1863–1913) [см.: 1, с. I–VI] опубликовал отчёт об экспедиции, предпринятой им с коллегами на Тепе-Кермен в мае 1912 г. Среди сооружений, зафиксированных в «пещерном городе», было несколько десятков «каменных колец». Боровко заметил, что «*Эти кольца татары называют коновязями и теперь так и пользуются ими, напр., на Мангупе и Эски-Кермене*». Сам автор, очевидно, не сомневался в именно таком функциональном назначении «каменных колец» [10, с. 146–148]. Показательна ссылка на сообщение крымско-татарских крестьян, как будто совершенно забывших рассказы о древних причалах, которые якобы слышали от их предков путешественники.

Тем не менее, легенда о «причальных кольцах» на вершинах крымских гор дожила до Советской эпохи. По словам Александра Александровича Формозова (1928–2009), который вёл археологические исследования в Крыму после Великой Отечественной войны, о «*кольцах для кораблей*» рассказывали землекопы, в 1952 г. работавшие на раскопках пещерной стоянки Староселье (ныне на территории города Бахчисарай). Впоследствии ему показали каменные кольца на Чуфут-Кале – разумеется, исследователь понял, что они «*служили для привязывания, но не кораблей, а домашнего скота*». Формозов не знал, сохранилась ли соответствующая легенда в устной передаче, или «просочилась» к его собеседникам из книг [82, с. 14]. О том, что современные любители «крымской сакральности» склонны серьёзно относиться к «известиям» о Всемирном потопе в исторические времена, говорилось в историографической части главы.

Выводы

Проанализированный сюжет показывает причудливое взаимодействие традиций – устных преданий крымских татар, сочинений античных авторов, трудов «кабинетных» исследователей эпохи Просвещения и путешественников, учёных, писателей, краеведов. Наверняка, и на крымских крестьян, и на образованных путешественников повлиял живописный облик крымских скал, причудливостью своей обязанный процессам выветривания, а также морские отложения и окаменелости, хорошо заметные во многих «пещерных городах». В отсутствие современных представлений об истории Земли, горообразовании, геологии и первобытной истории фантазия, логика и так называемый здравый смысл становились едва ли не единственными методами исследования. Так и возникли рассуждения о Всемирном потопе в Крыму, свидетелями которого якобы были жители «пещерных городов». Вовсе не удивительно появление подобных псевдоисторических реконструкций в эпоху, когда о памятниках Византийской эпохи не было достоверных сведений, а соответствующие археологические исследования, в лучшем случае, делали первые шаги. Помимо всего прочего, подобные захватывающие описания позволяли вызвать интерес читателей к неизвестному, но экзотическому региону, а потому попадали в некоторые травелоги и путеводители. К чести путешественников, следует сказать, что далеко не все они поверили подобным легендам и реконструкциям – во многих известных травелогах такого рода рассказы попросту отсутствуют.

Рис. 1. Уильям Хадфилд. Селение древних татар в скалах Инкермана (1787)
[Государственный Эрмитаж. Официальный интернет-сайт. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/02.+drawings/223791. Дата обращения: 17.08.2024]

Fig. 1. William Hadfield. The habitation of ancient Tartars in the rocks of Inkerman (1787)
[State Hermitage Museum's official web site. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/02.+drawings/223791. Accessed: 17.08.2024]

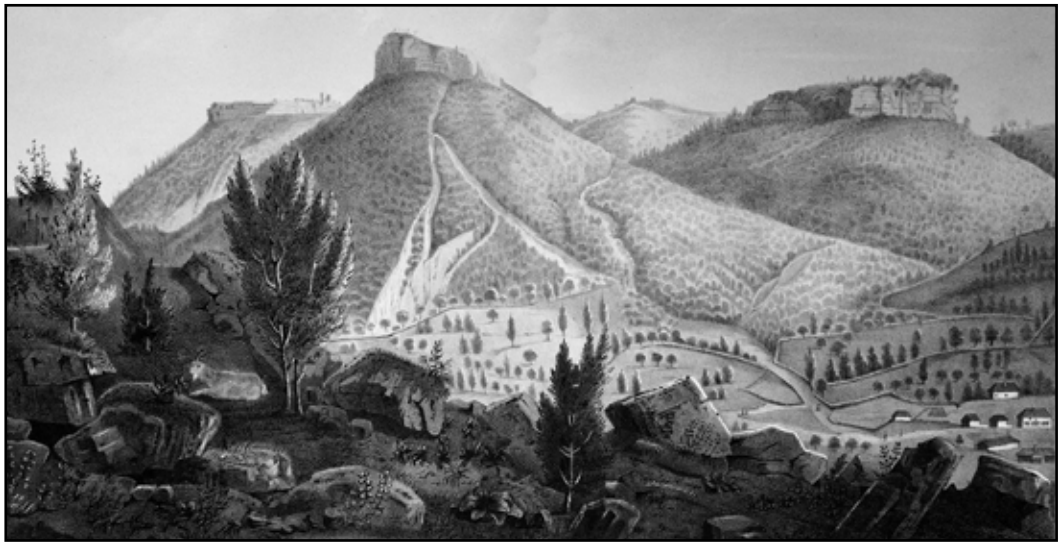

Рис. 2. Фредерик Дюбуа де Монперё. Мангуп-Кале.
Древняя крепость скифов и готов в Крыму, вид с севера (1832–1843) [124, pl. LXV]

Fig. 2. Frédéric Dubois de Montpéreux. Mangoup-Kale. Ancient fortress
of the Scythians and the Goths in the Crimea, viewed from the north (1832–1843) [124, pl. LXV]

Рис. 3. Христиан-Готлиб-Генрих Гейслер. Верхняя часть узкой долины и в ней – город Бахчисарай; около ханского дворца – главная мечеть, гробницы ханов и дворцовые сады, рисованные с высот. Изобилие садов с ломбардскими тополями, минареты мечетей и изящные дымовые трубы придают городу приятный вид (1794–1801) [136, Pl. 2. Ср.: 49, с. 217]

Fig. 3. Christian Gottlieb Heinrich Geissler. The upper part of the narrow valley, and the town of Bachtschisarai, together with the Khan's palace, the principal mosque, the sepulchral monuments of the khans, and the garden belonging to the castle; the whole being drawn from a slight eminence. By the intermixture of gardens surrounded with Lombardy poplars, by the turrets of the mosques, and the ornamental chimneys, this town affords an agreeable picture [136, Pl. 2. Ср.: 49, с. 217]

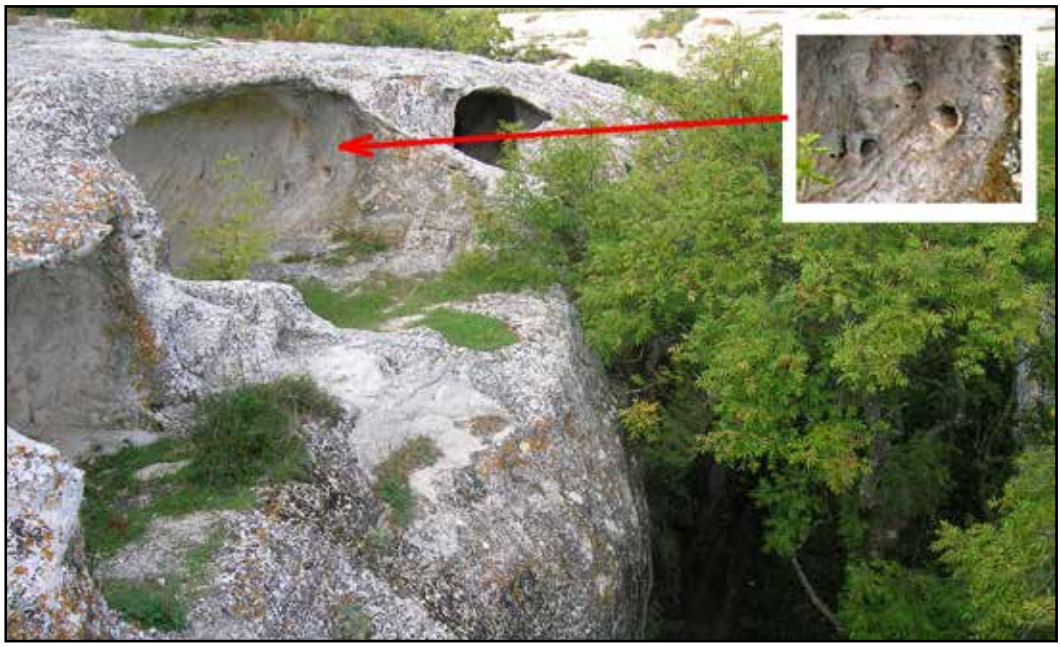

Рис. 4. «Каменные кольца» на городище Эски-Кермен. Фото Ю. М. Могаричева

Fig. 4. “Stone rings” in the ancient town of Eski-Kermen. Photo: Yu. M. Mogarichev

Рис. 5. Карло Боссоли. Бахчисарай (1841–1856) [51, № 38]

Fig. 5. Carlo Bossoli. Bakhchisarai (1841–1856) [51, № 38]

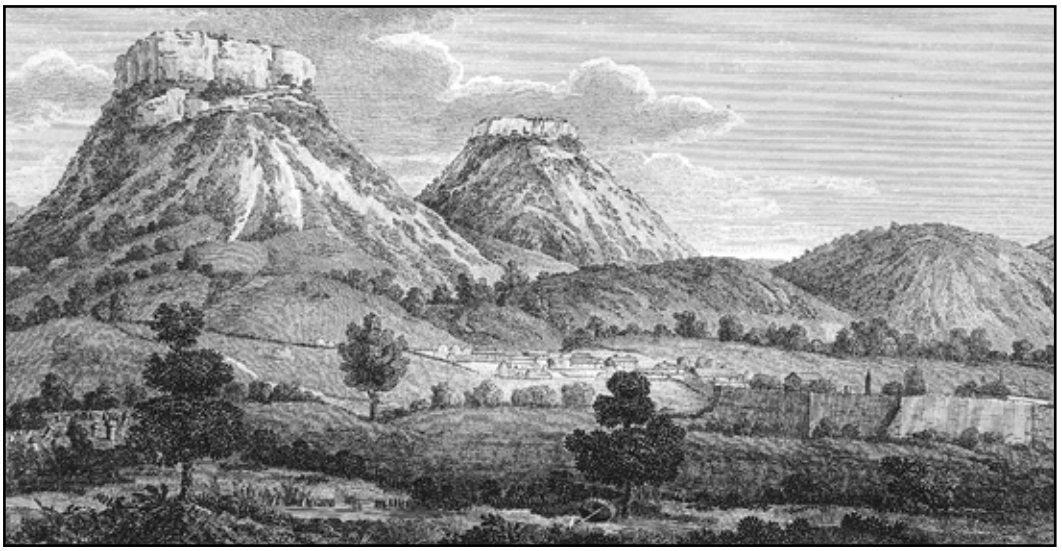

Рис. 6. Гравюра по рисунку Емельяна Михайловича Корнеева.
Теппе Кирман (Тепе-Кермен, 1804–1805) [73, рис. 4. См. также: 18, с. 119, 188]

Fig. 6. Copper plate cut from the drawing by Emel'ian Mikhailovich Korneev.
Tepe-Kermen (1804–1805) [73, рис. 4. См. также: 18, с. 119, 188]

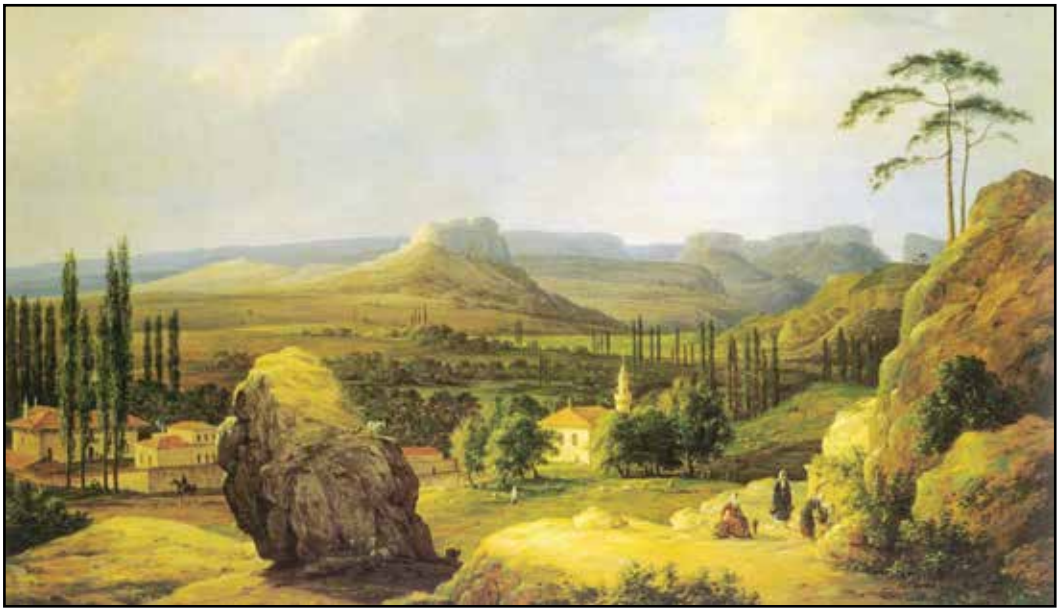

Рис. 7. Никанор Григорьевич Чернецов. Вид Каралезской долины
на южном берегу Крыма (1839) [Моя Третьяковка.
URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21688. Дата обращения: 17.08.2024]

Fig. 7. Nikanor Grigor'evich Chernetsov. View of the valley of Karalez,
on the southern coast of the Crimea (1839) [My Tretyakov.
URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21688. Accessed: 17.08.2024]

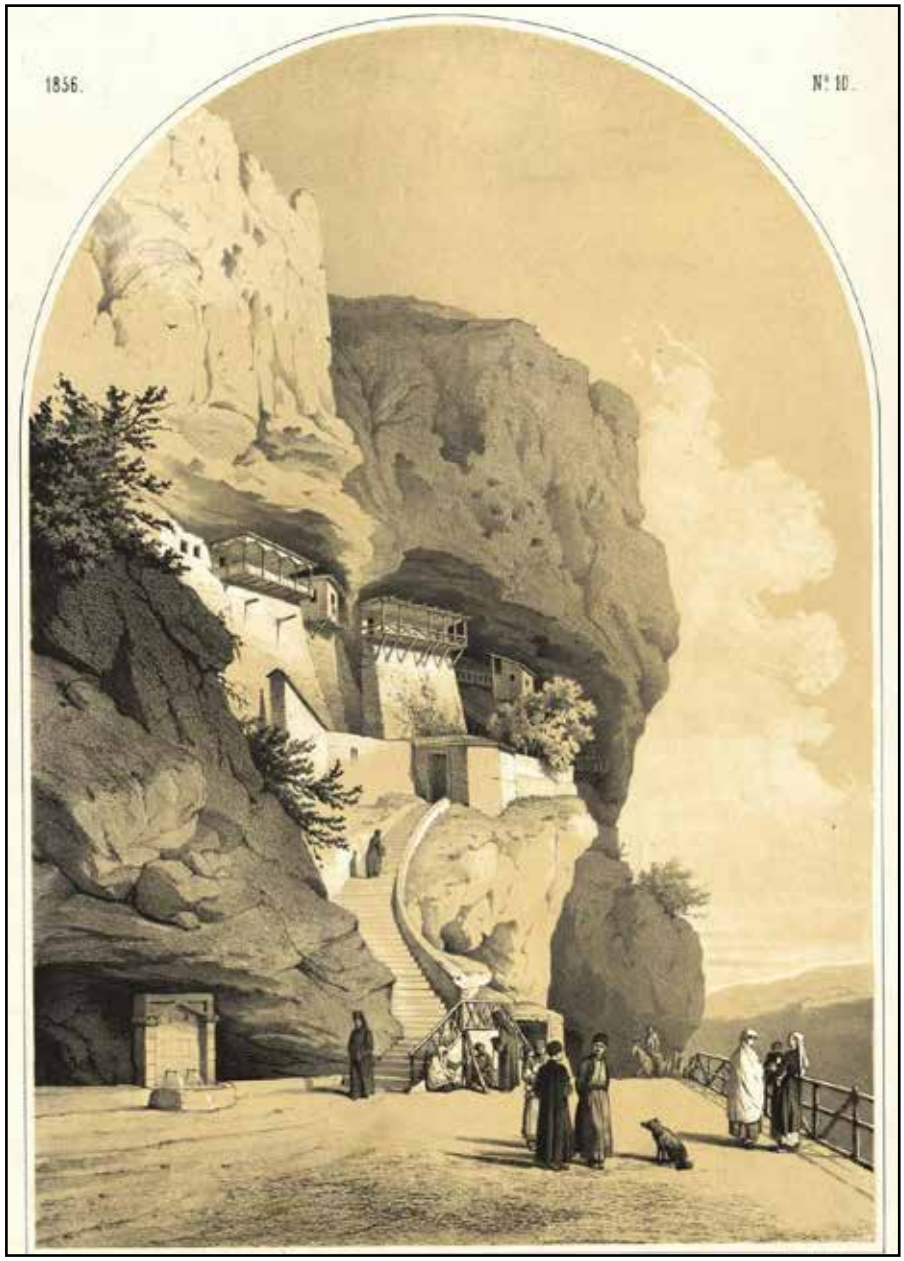

Рис. 8. Литография по рисунку Фёдора Ивановича Гросса.
Успенский монастырь, близ Бахчисарая, в Крыму (1856)
[Государственный исторический музей. Официальный интернет-сайт.
URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6038126?index=4&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=6143363&attribute=like_predm. Дата обращения: 17.08.2024]

Fig. 8. Lithograph from the drawing by Fedor Ivanovich Gross. Dormition Monastery, near Bakhchisarai, in the Crimea (1856) [State Historical Museum's official web site.
URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6038126?index=4&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=6143363&attribute=like_predm. Accessed: 17.08.2024]

Рис. 9. Каналетто (Джованни-Антонио Каналь).
Возвращение «Буцентавра» к причалу у Дворца дожей (1728–1729).
Слева – колокольня Св. Марка, справа – Дворец дожей,
в глубине – собор Св. Марка и небольшая часть площади
[Google Arts & Culture. URL: https://artsandculture.google.com/asset/
mwEV7sO9uSFCpw. Дата обращения: 17.08.2024]

Fig. 9. Canaletto (Giovanni Antonio Canal).
Bucentaur's return to the pier by the Palazzo Ducale (1728–1729).
St Mark's belfry on the left, Palazzo Ducale on the right,
St Mark's Cathedral and a small part of the square on the background
[Google Arts & Culture. URL: https://artsandculture.google.com/asset/
mwEV7sO9uSFCpw. Accessed: 17.08.2024]

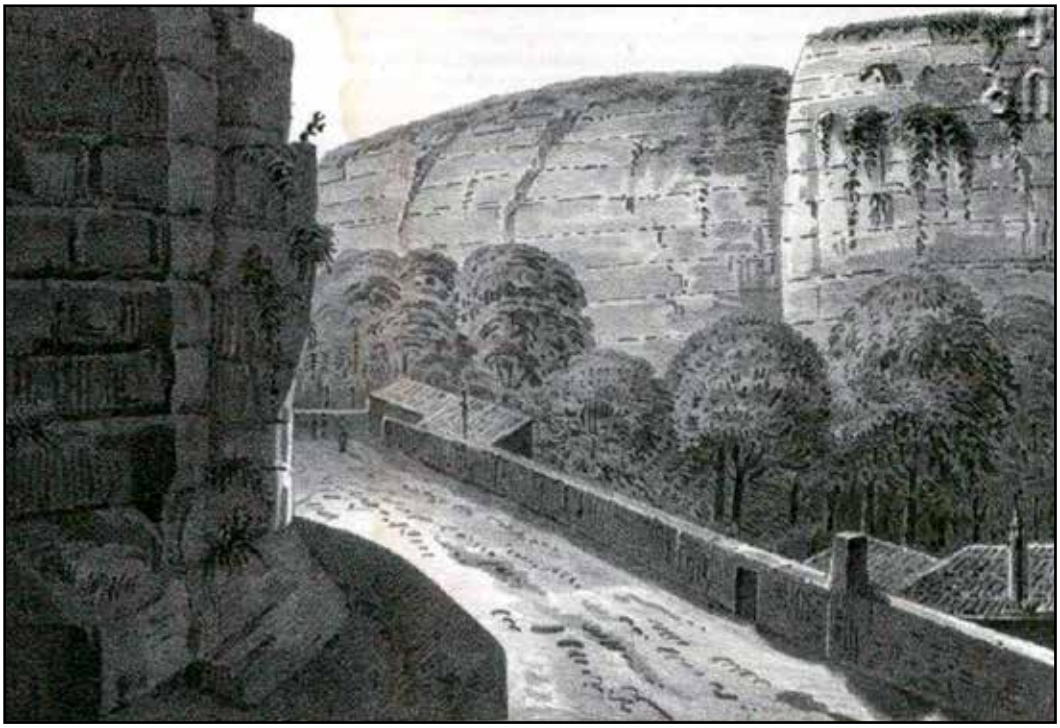

Рис. 10. Фредерик Дюбуа де Монперё. Долина Бахчисарая, прорезанная в зелёном песчанике (1832–1843) [125, pl. XIV, f. 2]

Fig. 10. Frédéric Dubois de Montpéreux. The valley of Baktchisarai, cut through green sandstone (1832–1843) [125, pl. XIV, f. 2]

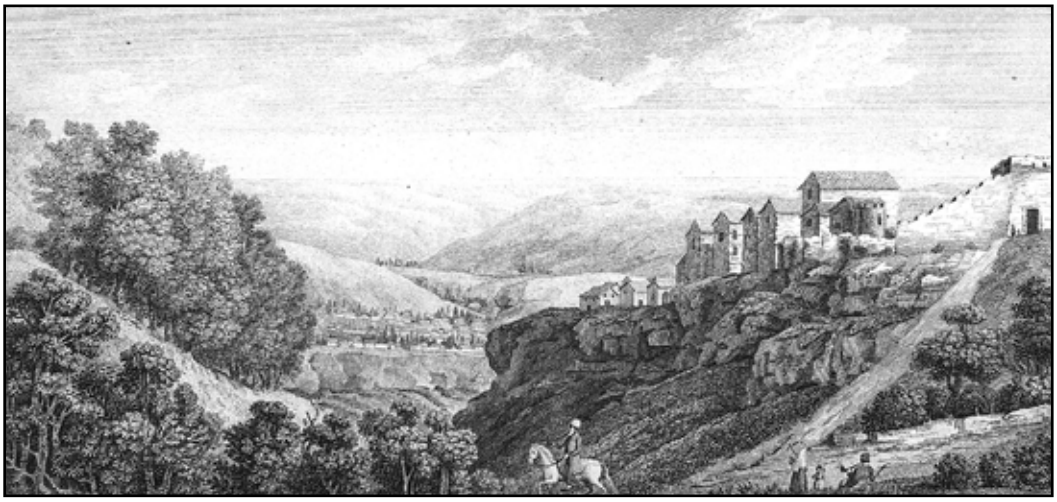

Рис. 11. Гравюра по рисунку Емельяна Михайловича Корнеева. Вид Дчуфут Кале (Чуфут-Кале) от кладбища (1804–1805) [73, рис. 9. См. также: 18, с. 119, 188, рис. № 118]

Fig. 11. Copper plate cut from the drawing by Emel'ian Mikhailovich Korneev. Chufut-Kale, viewed from the cemetery (1804–1805) [73, рис. 9. См. также: 18, с. 119, 188, рис. № 118]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.З. Николай Африканович Боровко (некролог) // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1913. Т. 3. С. I–VI.
2. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. 13. С. 129–150.
3. Айбабин А.И. Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор // Город на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время. Симферополь: Антиква, 2022. С. 7–85.
4. Акройд П. Венеция. Прекрасный город / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2012. 496 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
6. Бахревский Е.В. Эвлия Челеби – «путешественник по миру» и «приятель человечества» // Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли исторической России и сопредельные области. М.: Институт наследия, 2023. С. 18–25.
7. Бобринский А.[А.] Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 196 с.
8. Бондаренко Е., Риндюк Н. От издательства // Сосногорова М.А., Караулов Г.Э., Вернер К.А., Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Киев: Стилос, 2010. С. 10–15.
9. Боплан Г.Л. де. Описание Украины / пер. с фр. З.П. Борисюк. М.: Древнехранилище, 2004. 576 с.
10. Боровко Н. Тепе-Кермен // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1913. Т. 3. С. 107–183.
11. Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003. 226 с.
12. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. с англ. З.Е. Александровой. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 238 с.
13. Вахрин С.И. Биографии кубанских названий (популярный топонимический словарь Краснодарского края). Учебное пособие. Изд. 2-е., испр. и доп. Краснодар; Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 58 с.
14. Веселовский Н. Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887 // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261: январь. С. 168–203.
15. Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона / пер. с фр. С. Румовского, И. Лепехина. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1801. 378 с.
16. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник. Средневековый Херсон в X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 433–481.
17. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
18. Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: Искусство, 1987. 208 с.
19. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 608 с.
20. Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / пер. с др.-греч. О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 222 с.
21. Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 4. СПб.: Типография Департамента уделов, 1872. 141 с.
22. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы. СПб.: Алетейя, 2022. 734 с.
23. Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 520 с.
24. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 318 с.
25. Зверева В.В. Глава 30. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М.: Кругъ, 2010. С. 756–771.
26. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. 311 с.
27. Караулов Г. Крымские пещерные города и крипты. Извлечено из записок Одесского общества истории и древностей, том VIII. Одесса: Гор. тип. сод. Х. Алексомати, 1871. С. 39–70.
28. Караулов Г. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 39–70.
29. Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. Феодосия: Арт Лайф, 2007. 176 с.

30. Кеппен П.[И.] Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1837. 409 с.
31. Кизилов М.Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 336 с.
32. Козен [Ф.А.] Выписка из письма о Троглодитах // Журнал путей сообщения. 1828. Кн. 12. С. 13–48.
33. Козлов В.Ф. Деятельность московского художника и археолога, члена Московского археологического общества Д.М. Струкова (1828–1899) по выявлению, изучению и сохранению христианских святынь Крыма // Журнал Института наследия. 2023. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://nasledie-journal.ru/ru/journals/67/593.html (дата обращения: 17.08.2024).
34. Костромичев Д.А. Рец. на автореф.: Храпунов Н. И. Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX в.: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Симферополь, 2023. 4 с. [Электронный ресурс]. URL: https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2023/09/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%B2.-%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2-%D0%A5%D1%80%D0%B0%D0%BF%D1%83-%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf (дата обращения: 17.08.2024).
35. Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 188.
36. Лайелл Р. Симферополь и его окрестности. Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» / пер. с англ. О. Корчевской // Крымский альбом 2002. Феодосия; Москва: Издательский дом «Коктебель», 2003. С. 17–33.
37. Лапина И.Ю. «…Всегда аттестовался и был достоин повышения чином и знаком отличия безпорочной службы» (О первом директоре Училища гражданских инженеров) // Вестник гражданских инженеров. 2012. № 6. С. 371–374.
38. Лашков Ф. Ф. Сборник документов для истории крымско-татарского землевладения (окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24–154.
39. Любарский Г. Ю. Простодушное Просвещение. Естествознание во время и после Вольтера: Россия – родина слонов // Екатерина II и Вольтер. Переписка. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2022. С. 35–53.
40. Людольф [К.] де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2 (март). С. 155–201.
41. Марков Е.[Л.] Пещерные города Крыма. Путевые впечатления. II–IV // Вестник Европы. 1872. Т. 4. Кн. 7 (июль). С. 169–213.
42. Марков Е.Л. Очерки Крыма. Киев: Стилос, 2006. 512 с.
43. Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Глава I. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Булавин, 2009. С. 21–247.
44. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 384 с.
45. Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.
46. Муфтийзаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год (по архивным материалам) // ИТУАК. 1899. № 30. С. 1–24.
47. Олышевская Л.А., Травников С.Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М.: Наука, 1992. С. 251–291.
48. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX в. / сост. М.В. Белов. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.
49. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А.Л. Бертье-Делагард, С.Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 246 с.
50. Паспорт на памятник «Средневековый дозорный комплекс» (Крымская область, Бахчисарайский район, Куйбышевский п/с, с. Красный Мак, в 1,5 км к с.-в. от села, шоссе Бахчисарай-Терновка), индекс I.I.2030-2.12.2 // Архив Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры Республики Крым.
51. Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли. Киев: Мистецтво, 2004. 76 с.
52. Подгородецкий П.Д. Крым: природа. Справочное издание. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
53. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
54. Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности – Салачик, Успенский скит, Кыркор (Чуфут-Кале), Тепе-Кермен, Качи-Кальен, Эски-Кермен, Черкес-Кермен, Мангуп-Кале и Сюрень. Отчет. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1888. 131 с.
55. Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь. Более 4000 названий географических объектов России. М.: АСТ; Астрель, 2008. 523 с.

56. Приймак Ю.В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир, 1997. 82 с.
57. Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 95–108.
58. Прохоров Д.А., Воронков С.М., Кузин В.А. Караимские общины: биографии, факты и документы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь: Антиква, 2019. 456 с.
59. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 / подгот. Л.А. Олышевская, С.Н. Травников. М.: Наука, 1992. 380 с.
60. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. Т. 12. Вып. 1–8: Готский сборник. С. 5–108.
61. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. 1552 с.
62. Родословная книга дворян Таврической губернии. 1804–1890 гг. Т. 3 / ред. А.В. Ефимов, А.П. Сенин. М.: Институт наследия, 2023. 346 с.
63. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К.И. Раткевич. Л.: Издательство ЛГУ, 1941. 78 с.
64. Русский биографический словарь / ред. А.А. Половцев. Т. [19:] Смеловский – Суворина. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1909. 608 с.
65. Скаммакка дель Мурго Е. Графы Лудольф. М.: Зебра Е, 2013. 400 с.
66. Смилянская Е.Б. Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. 424 с.
67. Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелажская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. 840 с.
68. Соболевская Т.В. Забытые имена: Александр Иванович и Николай Александрович Султан-Крым-Гиреи (по архивным документам) // XVII Таврические научные чтения: сборник материалов. Симферополь: Антиква, 2016. С. 216–221.
69. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса: Типография Л. Нитче, 1871. 370 с.
70. Сосногорова М.А., Караулов Г.Э., Вернер К.А., Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Киев: Стилос, 2010. 416 с.
71. Стрижёв А.Н., Бирюкова М.А. Евгений Львович Марков (1835–1903): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 195–323.
72. Струков Д.М. О доисторических памятниках Тавриды // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском московском университете. 1879. Т. 35: Труды Антропологического отдела, т. 5 (Антропологическая выставка 1879 года, т. 3, ч. 1). С. 193–196.
73. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография, 1805. 244 с.
74. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 456 с.
75. Толочко А.[П.] Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012. 256 с.
76. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
77. Тункина И.В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 237 с.
78. Тункина И.В. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е.Е. Кёлера 1821 г. // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 433–447.
79. Фадеева Т.М. Сакральная география Крыма. Очерки. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 304 с.
80. Фадеева Т.М. Сакральные древности Крыма. Мифы, легенды, символы, имена и их отражение в искусстве. М.: Прогресс-традиция, 2017. 382 с.
81. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVIII в. М.: Индрик, 2011. 424 с.
82. Формозов А.А. Археологические путешествия. М.: Наука, 1974. 116 с.
83. Хайрединова Э.А. Повседневная жизнь средневекового города на плато Эски-Кермен // Город на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время. Симферополь: Антиква, 2022. С. 86–109.
84. Хайрединова Э.А. Легенды Эски-Кермена // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь, 2023. С. 409–415.

85. Хорошкевич А.Л. Боплан и его описание Украины // Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М.: Древнехранилище, 2004. С. 56–105.
86. Храпунов Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. 17. С. 595–630.
87. Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. 18. С. 456–473.
88. Храпунов Н.И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник. 2014. Т. 2. С. 63–101.
89. Храпунов Н.И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя // История и археология Крыма. 2015. Вып. 2. С. 461–469.
90. Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 832–860.
91. Храпунов Н.И. Мусульманские памятники Старого Крыма в историческом воображении путешественников и исследователей // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 383–403.
92. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 421–433.
93. Храпунов Н.И. Новые времена, новая святость: о переосмыслении археологических памятников Крыма в начале российской эпохи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2: Миры Византии. Симферополь, 2019. С. 409–430.
94. Храпунов Н.И. О французском издании сочинения Жильбера Ромма «Путешествие в Крым» // Французский ежегодник. 2019. С. 454–467.
95. Храпунов Н.И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: Онто-Принт, 2020. С. 143–163.
96. Храпунов Н.И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Российская империя и Крым. Симферополь: Издательский дом КФУ им. В.И. Вернадского, 2020. С. 241–258.
97. Храпунов Н.И. Изучение Крыма как пример научного сотрудничества ученых путешественников на рубеже XVIII–XIX вв. // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII – первой половине XIX века. СПб.: РНБ, 2021. С. 125–145.
98. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
99. Храпунов Н.И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. Севастополь: Альбатрос, 2022. 360 с.
100. Храпунов Н.И. Сотворение мифа: переосмысление памятников культурного наследия Крыма в конце XVIII – XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 2. С. 178–194.
101. Храпунов Н.И. В поисках Херсонеса: исследования по истории, топонимике и исторической памяти. Симферополь: Антиква, 2023. 256 с.
102. Храпунов Н.И. Крымский хан в поход собрался: барон де Тотт о набеге татар на Россию 1769 г. // Французский ежегодник. 2023. С. 36–53.
103. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 395–430.
104. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Практические особенности поездки в Крым на рубеже XVIII–XIX веков: свидетельства Реджинальда Хебера и других путешественников // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VII международной научной конференции. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2023. С. 158–164.
105. Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М.: НЛО, 2010. 344 с.
106. Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М.: РГГУ, 2001. С. 202–243.
107. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. с англ. Л. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
108. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли исторической России и сопредельные области / пер. с осм. Е.[В.] Бахревского. М.: Институт наследия, 2023. 724 с.
109. Эко У. Маятник Фуко / пер. с ит. Е. Костюкевич. СПб.: Симпозиум, 1999. 764 с.
110. Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / пер. с ит. А.А. Сабашников. М.: Слово, 2014. 480 с.

111. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 15–43.
112. Яковлев В.А. Григорий Эммануилович Караулов // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 795.
113. A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven to His Serene Highness the Margrave of Brandebourg, Anspach, and Bareith. Written in the Year MDCCLXXXVI. London: G.G.J. and J. Robinson, 1789. 327 p.
114. [Baert Ch.A. de.] Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printems de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne; contenant des détails nouveaux sur les peuples qui les habitent, des observations relatives à la topographie ancienne et moderne de cette contrée, un vocabulaire des dialectes du Caucase et deux grandes cartes géographiques: suivis d'un voyage en Crimée et dans les parties méridionales de l'Empire Russe. Paris: Deterville, 1798. [Pt. 3]. P. 1–96.
115. Black J. The British and the Grand Tour. London; Sidney; Dover (N.H.): Croom Helm, 1985. 196 p.
116. Blix G. From Paris to Pompeii: French Romanticism and the Cultural Politics of Archaeology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. 310 p.
117. [Buffon G.-L. de.] Histoire naturelle, générale et particuliére. T. 1. Paris: Imprimerie royale, 1749. 612 p.
118. Callataÿ F. de. Early Numismatic Research on Royal Bosporan Coins (XVIIth–XVIIIth Century) // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. Т. 4. С. 561–592.
119. Campenhausen B. von. Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm. Leipzig: Christian Dürr, 1807. 199 S.
120. Chaney E. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. London; Portland (Oreg.): Frank Cass, 1998. 426 p.
121. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1: Russia Tartary and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1810. 812 p.
122. Cross A.G. From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807) // Journal of European Studies. 2012. Vol. 42/1. P. 5–21.
123. Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam; New York: Rodopi, 2006. 291 p.
124. Dubois de Montpéreux F. Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses & les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Série pittoresque ou IIe Série. Neuchatel: chez l'Auteur; Paris: chez Gide, 1843. 65 pl.
125. Dubois de Montpéreux F. Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses & les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Série de géologie ou Ve Série. Neuchatel: chez l'Auteur; Paris: chez Gide, 1843. 25 pl.
126. Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. 304 p.
127. Evliyá Efendí. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century / tr. from the Turkish by J. von Hammer. London: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834. 186 p.
128. Fagan B. From Stonehenge to Samarkand: An Anthology of Archaeological Travel Writing. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 291 p.
129. Gercen A.G. Der Mangup in den Augen von Forschern und Reisenden vom 16. bis zum beginnenden 20. Jahrhundert // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. S. 57–99.
130. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the Once-powerful Republic of Tauric Cherson, and All the Other Countries on the North Shore of the Euxine, Ceded to Russia by the Peace of Kainardgi and Jassy. London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802. 446 p.
131. [Hammer J. von.] Biographical Sketch of the Author // Evliyá Efendí. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century. London: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834. P. III–XIV.
132. James "Athenian" Stuart, 1713–1788: The Rediscovery of Antiquity. New Haven: Yale University Press, 2006. 688 p.
133. Mead W.E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. Boston; New York: Houghton Mifflin Company; Cambridge: The Riverside Press, 1914. 478 p.
134. Mémoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares. Pt. 2. Amsterdam, 1784. 301 p.
135. Merton R.K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74. No. 2. P. 379–424.

136. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.
137. Peysson[n]el [Cl.-Ch.] de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. T. 2. Paris: Cuchet, 1787. 377 p.
138. Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. Paris: L'Harmattan, 2016. 149 p.
139. Soustal P. Tabula Imperii Byzantini. Bd. 6: Thrakien (Thrakē, Rodopē und Haimimontos). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1991. 579 S.
140. Stiebing W.H., Jr. Uncovering the Past: A History of Archaeology. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. 315 p.
141. The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 318 p.
142. The Cambridge History of Travel Writing / ed. N. Das, T. Youngs. Cambridge (UK); New York; Port Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2019. 639 p.
143. The Invention of Tradition / ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
144. The Works of Francis Bacon. Vol. 2: Literary and Religious Works. New York: Hurd and Houghton, 1877. 256 p.
145. Trease G. The Grand Tour. London: Heinemann, 1967. 251 p.

REFERENCES

1. A.Z. Nikolai Afrikanovich Borovko (obituary). *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody* [Proceedings of the Crimean Society of Naturalists and Lovers of Nature], 1913, vol. 3, pp. I–VI.
2. Aibabin A.I. Aspects of the chronology of the Byzantine castle atop the plateau of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history, and ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 129–150.
3. Aibabin A.I. The evolution of the towns on the Inner range of Crimean mountains. *Gorod na Vnutrennei griade Krymskikh gor v srednie veka i novoe vremia* [The town on the Inner range of Crimean mountains in Middle Ages and Modern Period]. Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 7–85.
4. Ackroyd P. *Venetsiia. Prekrasnyi gorod* [Venice: Pure City]. Moscow, Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi Publ., 2012, 496 p.
5. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 416 p.
6. Bakhrevskii E.V. Evliya Celebi, "traveller through the World" and "friend of humankind." *Evliya Celebi. Kniga puteshestviia* [Evliya Celebi. Book of travels]. Moscow, Institut naslediia Publ., 2023, pp. 18–25.
7. Bobrinskii A. *Khersones Tavricheskii. Istoricheskii ocherk* [Tauric Chersonese: an historical essay]. St Petersburg, Tipografiia I.N. Skorokhodova publ., 1905, 196 p.
8. Bondarenko E., Rindiuk N. From the publishers. Sosnogorova M.A., Karaulov G.E., Verner K.A., Golovkinskii N.A. *Putevoditel' po Krymu* [A travel guidebook on the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2010, pp. 10–15.
9. Beauplan G.L. de. *Opisanie Ukrainy* [A description of Ukraine]. Moscow, Drevnekhranilishche Publ., 2004, 576 p.
10. Borovko N. Tepe-Kermen. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody* [Proceedings of the Crimean Society of Naturalists and Lovers of Nature], 1913, vol. 3, pp. 107–183.
11. Bushakov V.A. *Leksychnyi sklad istorychnoï toponimiï Krimu* [Lexical composition of historical toponymy of the Crimea]. Kiev, 2003, 226 p.
12. Bacon F. *Novaia Atlantida* [New Atlantis]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962, 238 p.
13. Vakhrin S.I. *Biografii kubanskikh nazvanii* [Biographies of Kuban toponyms]. Krasnodar; Armavir; Stavropol, Dizain-studiia B Publ., 2020, 58 p.
14. Veselovskii N. Review: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka. St Petersburg, 1887. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Ministry of People's Education Magazine], 1889, vol. 261, pp. 168–203.
15. *Vseobshchaia i chastnaia estestvennaia istoriia grafa de Biuffona* [Count de Buffon's General and particular natural history], vol. 1. St Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1801, 378 p.
16. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Cherson and its environs in the late tenth and eleventh century: "cave towns." *Russkii istoricheskii sbornik. Srednevekovyi Kherson v X–XI vv.* [Russian historical collection: Mediaeval Cherson in the tenth and eleventh centuries]. Moscow, Kimmeriiskii tsentr Publ., 2015, pp. 433–481.
17. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata* [Kyrk-Er – Chufut-Kale: the castle on the edge of the seventh *klima*]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.

18. Goncharova N.N. *E.M. Korneev. Iz istorii russkoi grafiki nachala 19 veka* [E. M. Korneev: from the history of Russian graphic art in the early-nineteenth century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 208 p.
19. Guminskii V.M. *Russkaia literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [Russian travel writing within the world historical and cultural context]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, 608 p.
20. Diodorus Siculus. *Grecheskaia mifologiia* [Greek mythology]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 222 p.
21. Dubrovin N. *Materialy dlia istorii Krymskoi voiny i oborony Sevastopolia* [Materials on the history of the Crimean War and the defence of Sevastopol], vol. 4, St Petersburg, Tipografiia Departamenta udelov Publ., 1872, 141 p.
22. Emanov A.G. *Nebesnyi Ierusalim ili Vavilon: vybor sud'by srednevekovoi Kafy* [Jerusalem of Heaven or Babylon: mediaeval Kafa's choice of destiny]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2022, 734 p.
23. Ena V.G., Ena Al.V., Ena An.V. *Otkryvateli zemli Krymskoi* [The discoverers of the Crimean land]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 520 p.
24. Erofeev N.A. *Tumannyi Al'bion. Angliia i anglichane glazami russkikh. 1825–1853 gg.* [Misty Albion: England and Englishmen through the Russian eye, 1825–1853]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 318 p.
25. Zvereva V.V. Sixteenth- and Seventeenth-century Antiquarianism: the idea of the past in the context of the scholarly tradition. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniia: Rossiia – Vostok – Zapad* [Images of time and historical ideas: Russia – East – West]. Moscow, Krug Publ., 2010, pp. 756–771.
26. Ivanchik A.I. *Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoi literaturnoi traditsii: fol'klor, literatura i istoriia* [On the eve of colonization: Northern Black Sea Area and the nomads of the steppe in the eighth and seventh centuries BC in Classical literary tradition: folk lore, literature, and history]. Moscow, Berlin, 2005, 311 p.
27. Karaulov G. *Krymskie peshchernye goroda i kripty. Izvlecheno iz zapisok Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, tom VIII* [Crimean cave towns and crypts: an excerpt from the Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities, vol. 8]. Odessa, Kh. Aleksomati Publ., 1871, pp. 39–70.
28. Karaulov G. Crimean cave towns and crypts. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1872, vol. 8, pp. 39–70.
29. Katiushin E.A. *Feodosiia. Kaffa. Kefe. Istoricheskii ocherk* [Feodosia, Caffa, Kefe: an historical essay]. Feodosia, Art Laif Publ., 2007, 176 p.
30. Keppen P. *Krymskii sbornik* [Crimean collection]. St Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1837, 409 p.
31. Kizilov M.B. *Krymskaia Iudeia* [Crimean Judea]. Simferopol, Dolia Publ., 2011, 336 p.
32. Kozen F. An excerpt from the letter concerning Troglodytes. *Zhurnal putei soobshcheniia* [Ministry of Railroads' Magazine], 1828, vol. 12, pp. 13–48.
33. Kozlov V.F. The works of D.M. Strukov (1828–1899) of Moscow, artist and archaeologist, a member of the Moscow Archaeological Society for the discovery, study, and preservation of Christian sites of the Crimea. *Zhurnal Instituta naslediia* [Institute of Heritage's magazine], 2023, no. 3. URL: https://nasledie-journal.ru/ru/journals/67/593.html (accessed: 17.08.2024).
34. Kostromichev D.A. *Retsenziia: Khrapunov N.I. Formirovanie obraza Kryma v angliiskoi literature puteshestvii kontsa XVIII – nachala XIX v. Avtoreferat diss. ... d. i. n.* [Review: Khrapunov N.I. The shaping of the image of the Crimea in English travel writing from the late eighteenth top early nineteenth century: abstract of the doctoral dissertation]. Simferopol, 2023. 4 p. URL: https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2023/09/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%B2.-%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2-%D0%A5%D1%80%D0%B0%D0%BF%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf (accessed: 17.08.2024).
35. Kostiukhin E.A. *Aleksandr Makedonskii v literaturnoi i fol'klornoi traditsii* [Alexander of Macedonia in literature and folklore tradition]. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1972. 188 p.
36. Layall R. Simferopol and its environs. *Krymskii al'bom 2002* [2002 Crimean album], Feodosia, Moscow, Koktebel' Publ., 2003, pp. 17–33.
37. Lapina I.Iu. On the first director of the Civil Engineers School. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Civil engineers' magazine], 2012, no. 6, pp. 371–374.
38. Lashkov F.F. A collection of documents on the history of the Crimean Tatar land-property. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1897, no. 26, pp. 24–154.
39. Liubarskii G.Iu. Natural science in the years of Voltaire and after. *Ekaterina II i Vol'ter. Perepiska* [Catherine II and Voltaire. Correspondance], Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2022, pp. 35–53.
40. Ludolf C. de. Letters on the Crimea. *Russkoe obozrenie* [Russian review], 1892, vol. 2, pp. 155–201.
41. Markov E. Cave towns of the Crimea. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1872, vol. 4, no. 7, pp. 169–213.
42. Markov E. *Ocherki Kryma* [Crimean essays]. Kiev, Stilos Publ., 2006, 512 p.

43. Medvedeva M.V., Vseviov L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. Glava I. Essays on the history of the works of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917. *Imperatorskaia Arkheologicheskaia komissiia (1859–1917)* [Imperial Archaeological Commission, 1859–1917], St Petersburg, Dmitrii Bulavin Publ., 2009, pp. 21–247.
44. Mogarichev Iu.M. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [Cave churches of the Taurica]. Simferopol, Tavriia Publ., 1997, 384 p.
45. Mogarichev Iu.M. *«Peshchernye goroda» v Krymu* ["Cave towns" in the Crimea]. Simferopol, Sonat Publ., 2005, 192 p.
46. Muftiizade I. An essay of the Crimean Tatars' military service in 1783–1889. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1899, no. 30, pp. 1–24.
47. Olyshevskaia L.A., Travnikov S.N. "The most clever head in Russia…" *Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [Table-keeper P.A. Tolstoi's travel through Europe, 1697–1699], Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 251–291.
48. Belov M.V. (ed.). *Otkrytie «brat'ev-slavian»: russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX v.* [Discovering the "Slavic Brothers": Russian travellers in the Balkans in the first half of the nineteenth century]. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018, 672 p.
49. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during the travel through the southern provinces of Russia in the years 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
50. Site identity of the "Mediaeval Observation Post." *Arkhiv Departamenta gosudarstvennoi okhrany kul'turnogo naslediia Ministerstva kul'tury Respubliki Krym* [Archive of the State Cultural Heritage Protection Department of the Ministry of culture of the Republic of the Crimea].
51. *Peizazhi i dostoprimechatel'nosti Kryma v risunkakh Karlo Bossoli* [Landscapes and attractions of the Crimea as drawn by Carlo bossoli]. Kiev, Mystets'tvo Publ., 2004, 76 p.
52. Podgorodetskii P.D. *Krym: priroda* [The Crimea: nature]. Simferopol, Tavriia Publ., 1988, 192 p.
53. Podosinov A.V., Skrzhinskaia M.V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponii Mela i Plinii Starshii* [Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 504 p.
54. Popov A.N. *Vtoraia uchebnaia ekskursiia Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii v Bakhchisarai i ego okrestnosti* [The second educational excursion of the Simferopol Men's Grammar School to Bakhchisarai and its environs]. Simferopol, Tavricheskaia gubernskaia tipografiia Publ., 1888, 131 p.
55. Pospelov E.M. *Geograficheskie nazvaniia Rossii: toponimicheskii slovar'* [Geographical names of Russia: a toponymic dictionary]. Moscow, AST & Astrel' Publ., 2008, 523 p.
56. Priimak Iu.V. *K khronologii osmanskogo prisutstviia v Severo-Vostochnom Prichernomor'e (konets XV – pervaia tret' XIX vv.)* [On the chronology of the Ottoman presence in the North-Eastern Black Sea Area, late eighteenth to the first third of the nineteenth entury]. Armavir, 1997, 82 p.
57. Prokhorov D.A. The participation of Crimean Tatars in the work of state offices of the Taurida governorate and their role in the strengthening of the Russian influence in the region. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Aspects of the Crimea's integration into Russia, 1783–1825]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2017, pp. 95–108.
58. Prokhorov D.A., Voronkov S.M., Kuzin V.A. *Karaimskie obshchiny: biografii, fakty i dokumenty* [Karaite communities: biographies, facts, and documents]. Simferopol, Antikva Publ., 2019, 456 p.
59. Olyshevskaia L.A., Travnikov S.N. (eds.). *Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [Table-keeper P.A. Tolstoi's travel through Europe, 1697–1699]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 380 p.
60. Ravdonikas V.I. Cave towns of the Crimea and the Gothic problem in the view of the stadial development of the Northern Black Sea Area. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy for the History of the Material Culture], 1932, vol. 12, nos. 1–8, pp. 5–108.
61. *Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei po Liubkeru* [Lubker's Real dictionary of classical antiquities]. St Petersburg, Obshchestvo klassicheskoi filologii i pedagogiki Publ., 1885, 1552 p.
62. Efimov A.V., Senin A.P. (eds.). *Rodoslovnaia kniga dvorian Tavricheskoi gubernii. 1804–1890 gg.* [The book of genealogy of the nobility of the Taurida governorate, 1804–1890], vol. 3. Moscow, Institut naslediia Publ., 2023, 346 p.
63. Romme J. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* [A travel to the Crimea in 1786]. Leningrad, LGU Publ., 1941, 78 p.
64. Polovtsev A. A. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary], vol. 19. St Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1909, 608 p.
65. Skammacca del Murgo E. *Grafy Ludol'f* [The Counts of Ludolf]. Moscow, Zebra E Publ., 2013, 400 p.
66. Smilianskaia E.B. *Grecheskie ostrova Ekateriny II* [Catherine II's Greek islands]. Moscow, Indrik Publ., 2015, 424 p.

67. Smilianskaia I.M., Velizhev M.B., Smilianskaia E.B. *Rossiia v Sredizemnomor'e. Arkhipelazhskaia ekspeditsiia Ekateriny Velikoi* [Russia in the Mediterranean: Catherine the Great's Archipelago Campaign]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 840 p.
68. Sobolevskaia T.V. Lost names: Aleksandr Ivanovich and Nikolai Aleksandrovich Sultan-Krym-Girei. *XVII Tavricheskie nauchnye chteniia: sbornik materialov* [XVIIth Taurida scholarly readings: collected materials], Simferopol, Antikva Publ., 2016, pp. 216–221.
69. Sosnogorova M. *Putevoditel' po Krymu dlia puteshestvennikov* [A guidebook on the Crimea for travellers]. Odessa, L. Nitche Publ., 1871, 370 p.
70. Sosnogorova M.A., Karaulov G.E., Verner K.A., Golovkinskii N.A. *Putevoditel' po Krymu* [A travel guidebook on the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2010, 416 p.
71. Strizhev A.N., Biriukova M.A. Evgenii L'vovich Markov (1835–1903): Materials for his bibliography. *Literaturovedcheskii zhurnal* [Literary journal], 2019, no. 46, pp. 195–323.
72. Strukov D.M. On the prehistoric monuments of the Taurida. *Izvestiia obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii, sostoiashchego pri Imperatorskom moskovskom universitete* [Proceeding of the Society of Natural History, Anthropology, and Ethnography Lovers at the Imperial Moscow University], 1879, vol. 35, pp. 193–196.
73. Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Crimean judge's leisure, or the second journey to the Taurida]. St Petersburg, Imperatorskaia tipografiia Publ., 1805, 244 p.
74. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas* [Peter Simon Pallas as botanist]. Moscow, KMK Publ., 2014, 456 p.
75. Tolochko A. *Kievskaia Rus' i Malorossiia v XIX veke* [Kievan Rus and Little Russia in the nineteenth century]. Kiev, Laurus Publ., 2012, 256 p.
76. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science of the classical antiquities of South Russia, eighteenth to mid-nineteenth century]. St Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
77. Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei, 1771–1871* [Discovering Feodosia: pages of the archaeological studies of the south-eastern Crimea and the earliest stages in the history of the Feodosia Museum of Antiquities, 1771–1871]. Kiev, Bolero Publ., 2011, 237 p.
78. Tunkina I.V. The ill-known pages in the history of studies of Mangup: E.E. Koeler's archaeological expedition of 1821. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history, and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 433–447.
79. Fadeeva T.M. *Sakral'naia geografiia Kryma. Ocherki* [Sacral geography of the Crimea: essays]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2010, 304 p.
80. Fadeeva T.M. *Sakral'nye drevnosti Kryma. Mify, legendy, simvoly, imena i ikh otrazhenie v iskusstve* [Sacral antiquities of the Crimea: myths, legends, names, and their reflections in art]. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2017, 382 p.
81. Fomenko I.K. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII v.* [An image of the World on ancient portolan charts. Black Sea. Late thirteenth to seventeenth century]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 424 p.
82. Formozov A.A. *Arkheologicheskie puteshestviia* [Archaeological travels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 116 p.
83. Khairedinova E.A. Daily life of the mediaeval town atop of the plateau of Eski-Kermen. *Gorod na Vnutrennei griade Krymskikh gor v srednie veka i novoe vremia* [The town on the Inner range of Crimean mountains in Middle Ages and Modern Period]. Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 86–109.
84. Khairedinova E.A. The Legends of Eski-Kermen. *XXIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia* [24th Bosporan readings: The Cimmerian Bosporos and the world of barbarians in Aintquity and Middle Ages]. Simferopol, Kerch, 2023, pp. 409–415.
85. Khoroshkevich A.L. Beauplan and his Description of Ukraine. G.L. de Beauplan. *Opisanie Ukrainy* [A description of Ukraine]. Moscow, Drevnekhranilishche Publ., 2004, pp. 56–105.
86. Khrapunov N.I. Chersonese as described by European travellers from the late-eighteenth and early-nineteenth century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 595–630.
87. Khrapunov N.I. The Crimean peninsula after its unification with Russia according to Balthasar von Campenhauzen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 456–473.
88. Khrapunov N.I. Gilbert Romme's memoire on the Crimea: an archaeological commentary. *Frantsuzskii ezhegodnik* [Annual of French studies], 2014, vol. 2, pp. 63–101.
89. Khrapunov N.I. Some new data on the beginning of the researches at the ancient town site of Kermenchik, alleged Scythian Neapolis. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of the Crimea], 2015, vol. 2, pp. 461–469.

90. Khrapunov N.I. Staryi Krym and its monuments as viewed by the travellers from the late-eighteenth and early-nineteenth century. *Golden Horde Review*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 832–860.
91. Khrapunov N.I. Muslim monuments of Staryi Krym through the historical imagination of travellers and scholars. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Aspects of the Crimea's integration into Russia, 1783–1825]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2017, pp. 383–403.
92. Khrapunov N.I. The ancient town of Mangup in travelogues from the late-eighteenth and early-nineteenth century: researches and illusions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 421–433.
93. Khrapunov N.I. New times, new sanctity: on the reconsideration of archaeological sites of the Crimea in the early Russian period. *ΚΗΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*, vol. 2, Simferopol, 2019, pp. 409–430.
94. Khrapunov N.I. On the French edition of Gilbert Romme's Travel to the Crimea. *Frantsuzskii ezhegodnik* [Annual of French studies], 2019, pp. 454–467.
95. Khrapunov N.I. Central Asia as imagined by the West in the Eighteenth Century. *Tsentral'naia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia on the crossroad of European and Asian political interests, eighteenth and nineteenth century]. Moscow, Onto-Print Publ., 2020, pp. 143–163.
96. Khrapunov N.I. Crimean antiquities as viewd by Western European travellers from the late-eighteenth and early-nineteenth century. *Rossiiskaia imperiia i Krym* [Russian empire and the Crimea], Simferopol, 2020, pp. 241–258.
97. Khrapunov N.I. Studying the Crimea as the case of academic cooperation between learned travellers ca. *Rossiiskaia nauka v evropeiskom kontekste vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Russian science in the European context in the second half of the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries], St Petersburg, RNB Publ., 2021, pp. 125–145.
98. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaia tret' XIX v.* [English travellers and the Crimea: late eighteenth to the first third of the nineteenth century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
99. Khrapunov N. . *Bakhchisarai v opisaniiakh inostrannykh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX veka* [Bakhchisarai as described by foreign travellers from the late eighteenth and early-nineteenth century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 360 p.
100. Khrapunov N.I. The creation of myth: reconsideration of cultural heritage sites in the Crimea in the late-eighteenth and nineteenth century. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University, series 2: humanities], 2022, vol. 24, no. 2, pp. 178–194.
101. Khrapunov N.I. *V poiskakh Khersonesa: issledovaniia po istorii, toponimike i istoricheskoi pamiati* [Searching for Chersonese: researches in history, toponymy, and historical memory]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 256 p.
102. Khrapunov N.I. Crimean Khan has left for the war: Baron François de Tott on the Last Raid of the Tatars on Russia in 1769. *Frantsuzskii ezhegodnik* [Annual of French studies], 2023, pp. 36–53.
103. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. The Crimea in 1784 according to French traveller Baron de Baert. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 395–430.
104. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Practical aspects of the Crimean tour ca 1800: the accounts of Reginald Heber and other travellers. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, international, religious, and political connections of the Crimea and the Mediterranean region and the countries of the East: materials of the 7th international scholarly conference], vol. 2, Moscow, IV RAN Publ., 2023, pp. 158–164.
105. Tchoudinov A.V. *Zhil'ber Romm i Pavel Stroganov: istoriia neobychnogo soiuza* [Gilbert Romme and Pavel Stroganov: a history of the unusual alliance]. Moscow, NLO Publ., 2010, 344 p.
106. Tchoudinov A.V. French agents on the situation in the Crimea on the eve of the russo-Turkish war of 1787–1791. *Russko-frantsuzskie kul'turnye sviazi v epokhu Prosveshcheniia* [Russian-French cultural connections in the Age of the Enlightenment], Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 202–243.
107. Schonle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii, 1790–1840* [Authenticity and fiction in the Russian literary journey]. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 272 p.
108. Evliya Celebi. *Kniga puteshestviia* [Book of travels]. Moscow, Institut naslediia Publ., 2023, 724 p.
109. Eco U. *Maiatnik Fuko* [Foucault pendilium]. St Petersburg, Simpozium Publ., 1999, 764 p.
110. Eco U. *Istoriia illiuzii. Legendarnye mesta, zemli i strany* [A History of Illusions: Legendary Places, Lands, and Countries]. Moscow, Slovo Publ., 2014, 480 p.

111. Ernst N.L. Eski-Kermen and the cave towns of the Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Taurida Society for the History, Archaeology, and ethnography], 1929, vol. 3, pp. 15–43.
112. Iakovlev V.A. Grigorii Emmanuilovich Karaulov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1886, vol. 14, p. 795.
113. *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven to His Serene Highness the Margrave of Brandebourg, Anspach, and Bareith. Written in the Year MDCCLXXXVI*. London, G.G J. and J. Robinson, 1789, 327 p.
114. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printems de 1784, dans la partie méridionale de la Russie. *Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne; contenant des détails nouveaux sur les peuples qui les habitent, des observations relatives à la topographie ancienne et moderne de cette contrée, un vocabulaire des dialectes du Caucase et deux grandes cartes géographiques: suivis d'un voyage en Crimée et dans les parties méridionales de l'Empire Russe*. Paris, Deterville, 1798, [pt. 3], pp. 1–96.
115. Black J. *The British and the Grand Tour*. London, Sidney, Dover (N.H.), Croom Helm, 1985, 196 p.
116. Blix G. *From Paris to Pompeii: French Romanticism and the Cultural Politics of Archaeology*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2009, 310 p.
117. Buffon G.-L. de. *Histoire naturelle, générale et particuliére*, t. 1. Paris, Imprimerie royale, 1749, 612 p.
118. Callataÿ F. de. Early Numismatic Research on Royal Bosporan Coins (XVIIth–XVIIIth Century). *Scripta Antiqua*, 2015, vol. 4, pp. 561–592.
119. Campenhausen B. von. *Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm*. Leipzig, Christian Dürr, 1807, 199 S.
120. Chaney E. *The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance*. London, Portland (Oreg.), Frank Cass, 1998, 426 p.
121. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1: Russia Tartary and Turkey*. London, T. Cadell and W. Davies, 1810, 812 p.
122. Cross A.G. From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807). *Journal of European Studies*, 2012, vol. 42/1, pp. 5–21.
123. Dickinson S. *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam, New York, Rodopi, 2006, 291 p.
124. Dubois de Montpéreux F. *Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses & les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Série pittoresque ou IIe Série*. Neuchatel, chez l'Auteur; Paris, chez Gide, 1843, 65 pl.
125. Dubois de Montpéreux F. *Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses & les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Série de géologie ou Ve Série*. Neuchatel, chez l'Auteur; Paris, chez Gide, 1843, 25 pl.
126. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1993, 304 p.
127. Evliyá Efendí. *Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century*. London, Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834, 186 p.
128. Fagan B. *From Stonehenge to Samarkand: An Anthology of Archaeological Travel Writing*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2006, 291 p.
129. Gercen A.G. Der Mangup in den Augen von Forschern und Reisenden vom 16. bis zum beginnenden 20. Jahrhundert. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim*. Mainz, Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013, S. 57–99.
130. Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the Once-powerful Republic of Tauric Cherson, and All the Other Countries on the North Shore of the Euxine, Ceded to Russia by the Peace of Kainardgi and Jassy*. London, T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802, 446 p.
131. Hammer J. von. Biographical Sketch of the Author. *Evliyá Efendí. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century*. London, Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834, pp. III–XIV.
132. *James "Athenian" Stuart, 1713–1788: The Rediscovery of Antiquity*. New Haven, Yale University Press, 2006, 688 p.
133. Mead W.E. *The Grand Tour in the Eighteenth Century*. Boston, New York, Houghton Mifflin Company; Cambridge, The Riverside Press, 1914, 478 p.
134. *Mémoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares*, pt. 2. Amsterdam, 1784, 301 p.
135. Merton R.K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, 1995, Vol. 74, no. 2, pp. 379–424.

136. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801, 525 S.
137. Peyssonnel Cl.-Ch. de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, t. 2. Paris, Cuchet, 1787, 377 p.
138. Romme Ch.-G. *Voyage en Crimée en 1786*. Paris, L'Harmattan, 2016, 149 p.
139. Soustal P. *Tabula Imperii Byzantini, Bd. 6*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1991, 579 S.
140. Stiebing W.H., Jr. *Uncovering the Past: A History of Archaeology*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995, 315 p.
141. Hulme P., Youngs T. (eds.). *The Cambridge Companion to Travel Writing.* Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 318 p.
142. Das N., Youngs T. (eds.). *The Cambridge History of Travel Writing*. Cambridge (UK), New York, Port Melbourne, New Delhi, Singapore, Cambridge University Press, 2019, 639 p.
143. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 320 p.
144. *The Works of Francis Bacon*, vol. 2. New York, Hurd and Houghton, 1877, 256 p.
145. Trease G. *The Grand Tour*. London, Heinemann, 1967, 251 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Author's details

Khrapunov N. I. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-8101-2017.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.379-403

МЕЧЕТЬ ЭСКИ-ДЖАМИ (С. ПИОНЕРСКОЕ, РЕСПУБЛИКА КРЫМ)

Дмитрий Анатольевич Ломакин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
LomakinDA@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8832-4867

Аннотация. Систематизирован опыт исследования средневековых историко-археологических памятников, расположенных на современной территории с. Пионерское близ Симферополя, прежде всего, мечети Эски-Джами и руинированных остатков, предположительно, караван-сарая, на современном этапе исследования которых возникло множество гипотез, зачастую противоречащих друг другу, основанных как на научных фактах, так и на ничем не обоснованных догадках. Работа направлена на устранение пробелов в истории изучения указанных объектов, начиная с последней четверти XVIII века. Широко использованы путевые записи многочисленных вояжеров, посетивших Крымский полуостров, как в личных целях, так и по долгу службы (А. Н. Демидов, Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Монтандон, П. С. Паллас, П. И. Сумароков и др.), а также научные разработки отечественных исследователей в сфере памятниковедения (Б. Н. Засыпкин, Э. Д. Зиливинская, В. П. Кирилко, А. Л. Якобсон др.). Задействованы более ранние исторические источники (сочинения Эвлии Челеби и др.), материалы из картографического фонда научной библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды (Симферополь). Выделены основные этапы изучения памятников, обобщен опыт идентификации в отечественной историографии. Охарактеризованы первые попытки сохранения и охраны архитектурных объектов, связанные с деятельностью Таврической ученой архивной комиссии в конце XIX века. Представлен опыт археологического изучения мечети.

Ключевые слова: мечеть Эски-Джами, с. Пионерское, памятник архитектуры, объект культурного наследия, история изучения, историография

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

ESKI-DZHAMI MOSQUE (MODERN VILLAGE OF PIONERSKOE, REPUBLIC OF THE CRIMEA)

Dmitrii A. Lomakin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
LomakinDA@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8832-4867

Abstract. This article has systematized the experience in research of mediaeval historical and archaeological monuments located in the modern village of Pionerskoe near Simferopol, primarily Eski-Dzhami mosque and the ruins of, presumably, caravanserai. The current stage of research produced numerous hypotheses, often contradicting each other and based both on scientific facts and on groundless guesses. This study is aimed at the elimination of the gaps in the history of research of the said objects from the last quarter of the eighteenth century on. It widely uses the writings of many travellers who visited the Crimean Peninsula both for personal reasons and by office duty (A. N. Demidov, F. Dubois de Montpereux, Ch. Montandon, P. S. Pallas, P. I. Sumarokov, and others), and also academic publications by Russian researchers of ancient monuments (B. N. Zasypkin, E. D. Zilivinskaia, V. P. Kirilko, A. L. Iakobson, and others). Historical sources from earlier period (the works of Evliya Çelebi and others) and materials from the map collection of the A. Kh. Steven Taurica Scholarly Library at the Central Museum of the Taurida (Simferopol) are also attracted. The main stages of the research of the monuments have been determined, and the experience of monument identification in the Russian scholarship has been summarized. The first attempts to preserve and protect architectural sites related to the works of the Taurida Scholarly Archival Commission in the

late-nineteenth century have been characterized. The experience of archaeological research of the mosque has been presented.

***Keywords**:* Eski-Dzhami mosque, modern village of Pionerskoe, monument of architecture, cultural heritage site, history of research, historiography

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity*, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

На современной территории с. Пионерское Добровского сельского поселения (Симферопольский район, Республика Крым), на правом берегу р. Салгир, в ее пойме, расположены руинированные остатки средневековой мечети Эски-Джами[1] (рис. 6–15). Территория вокруг памятника в советское время подвергалась регулярной распашке, в 1990-е гг. была самовольно застроена. Первые упоминания мусульманских памятников поселения в отечественной историографии относятся к концу XVIII в. и связаны с исследовательской деятельность П. С. Палласа. Академик, находясь в Крыму, обратил внимание на неизученные к тому моменту объекты старины: «…Заметна деревня Ески-Сарай в расстоянии почти 12 верст от Ак-Мечети на левой стороне вышеназванной речки [Салгир – *Д. Л.*], как самая любопытная по находящейся в ней старой крепости, состоящей из неправильной четырехугольной стены, построенной подле горы с четырьмя башнями, все на известковом растворе; может быть, она составляет работу генуэзцев. В этой деревне, красиво расположенной, есть большая мечеть» [28, с. 87].

Оригинальный тезис в 1802 г. был предложен П. И. Сумароковым. Чиновником сделано ничем не обоснованное предположение о первоначальном месте строительства Белой мечети, давшей в дальнейшем название поселению, на территории близ Эски-Сарая: «В 1500 году Ибрагим-Бей за счастливый поход против россиян получил от хана по Салгиру места себе в награду, и от построения им тут Белой мечети селение то назвалось Ак-мечеть. Кажется, не подвержено сомнению, что та Ак-мечеть существовала верстах в 12 отсюда, вверх по Салгиру близ деревни Магмут-Султан[2], где по ныне видны каменные стены небольшой крепостцы и опустелая мечеть. <…> Но, наконец, неизвестно по какой причине оная оттуда перенесена была» [34, с. 114]. Смелое утверждение всерьез воспринято не было и в дальнейшем не рассматривалось.

Попытки осуществить ремонт значительно поврежденной к тому моменту мечети Эски-Джами предпринимались в 20-х гг. XIX в. Детали не увенчавшихся успехом начинаний известны благодаря публикации на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии» ряда дел из архива канцелярии Таврического губернатора А. Х. Стевеном, работавшим в тот момент над составлением археологической карты Таврической губернии [33]. Информативным является дело № 170 «О поддержании достопамятных древностей Тавриды», раскрывающее отдельные результаты экспедиции в Крым академика Е. Е. Кёлера и архитектора Эжена Паскаля в 1821 г. [26; 35; 6, с. 77–80]. В отчете о поездке была названа сумма в 41 тысячу рублей ассигнациями, необходимая на реставрацию памятников Крыма, из которой 5 тысяч было предусмотрено на ремонт «укреплений мечети в Эски-Сарае» [26, с. 385; 33, с. 37]. Министром внутренних дел графом В. П. Кочубеем, ссылаясь на консультации с Таврическим губернатором Н. И. Перовским, в смету были внесены существенные корректировки. Общая сумма сокращалась до 10 тысяч рублей [26, с. 402] и предназначалась исключительно для поддержания укреплений Балаклавы, Мангупа и Судака. Мусульманские памятники предполагалось привести в порядок за счет

[1] Памятник расположен по адресу: Республика Крым, Симферопольский район, сельское поселение Добровское, с. Пионерское, ул. Эски-Джами, д. 2, литера «А». Взят на учет постановлением Совета Министров УССР от 24.08.1963 г. № 970. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 22.05.1979 г. № 284 установлена охранная зона в радиусе 50 м от здания. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2015 г. № 2073-р имеет статус памятника федерального значения.

[2] Мамут-Султан (с 1945 г. – Доброе) – село в Симферопольском районе Республики Крым, центр Добровского сельского поселения.

пожертвований местного населения. Мечеть в Эски-Сарае «нужно отделать только внутри, для отправления в ней богослужения, мера эта предохранит ее от дальнейшего разрушения. Для приведения оной в исполнение можно пригласить к пожертвованиям жителей окрестных мест <…> не вводя казну в излишние издержки» [33, с. 39].

Н. И. Перовский с целью предотвращения разорения памятников древности предпринял самостоятельную попытку получить информацию об их состоянии, обратившись к владельцам имений, где они располагались. «Мемет-мурза Крымтаев отвечал, что древние стены и мечеть в Эски-Сарае принадлежат ему и по возможности будут поддерживаться от разорения. Чтобы отделать мечеть нужен капитал, а для нынешних жителей для отправления богослужения достаточен и притвор к мечети, который поддерживается в своем виде» [33, с. 40]. Далее Н. И. Перовским, после одобрения муфтия, была открыта «между магометанами добровольная подписка для поддержания и отделки евпаторийской и эски-сарайской мечетей» [33, с. 41]. Подводя итог, А. Х. Стевен был вынужден констатировать, что «все благие начинания окончились лишь этой канцелярской перепиской» [33, с. 41].

Швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Крымский полуостров в начале 30-х гг. XIX в., в своих подорожных записях оставил скудные описания, вероятно, относящиеся к руинам караван-сарая, располагавшегося некогда близ мечети. Последняя не была удостоена внимания: «…Эски-Сарай – загадочное сооружение, окруженное высокой стеной в форме параллелограмма и увенчанное зубцами, которое татары считают незаконченным дворцом одного из своих ханов» [6, с. 129].

Практически отсутствуют сведения о мечети в записках еще одного уроженца Швейцарии, автора первого путеводителя по Крыму Шарля Монтандона, как и его предшественник, любовавшегося величественными остатками постоялого двора, принимая их то ли за генуэзскую крепость, то ли за разрушенный ханский дворец: «Хорошо сохранившиеся руины, которые заметны слева на небольшом расстоянии от дороги, называются Эски-Сараем. По словам татар, это ханский дворец, который не был достроен. Господин Паллас предполагает, что это небольшая генуэзская крепость. Большая деревня, которую пересекаем в трех верстах оттуда, называется Султан-Махмудом. <…> Мечеть и прекрасные фруктовые сады возле дома мурзы придают этому месту изящество, которое не встречается в других селениях долины» [24, с. 113–114].

Идентичные рассуждения присутствуют в путевых записях А. Н. Демидова, посетившего Крым в 1837 г.: «Мы переехали через реку Салгир по Джольмскому мосту и видели невдалеке оттуда развалины, известные под именем Эски-Сарая, что на татарском языке значит “Старый дворец”. По уверению туземцев, развалины эти составляют остатки дворца, начатого ханами, только недостроенного. Но если верить ученому Палласу, историку, географу и натуралисту Тавриды, которую он изучал с особенной к ней любовью, то стены Эски-Сарая, еще до сих пор не упавшие, есть не что иное, как остатки небольшого генуэзского укрепления» [4, с. 431; 5, с. 192].

Руины массивного сооружения привлекли внимание и автора «Крымского сборника» П. И. Кёппена, в своей работе отметившего, что «нельзя не упомянуть мимоходом о Эски-Сарайской постройке, которую едущие из Симферополя в Алушту видят за рекой, влево от дороги, ведущей к первой станции (в Мамут-Султан). <…> Что касается Эски-Сарайской развалины, то кажется, что это остатки находившегося там монетного двора, по упразднении которого устроен новый в Феодосии (в марте месяце 1784 года)» [11, с. 335–337]. При этом, сомневаясь в своем предположении, добавил: «Странно, однако же то, что этот эски-сарайский монетный двор, сколько мне известно, ориенталистами не упоминается в числе мест, где чеканилась монета» [11, с. 337]. П. И. Кёппен по поводу домыслов П. И. Сумарокова заключил, что «нет сомнения, Сумароков говорит об Эски-Сарайской постройке, которую Паллас несправедливо приписывал генуэзцам» [11, с. 337].

Информативные сведения содержит опубликованный текст третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии 1889 г. Преподаватель истории Ф. Ф. Лашков

впервые указал на наличие погребений непосредственно у стен мечети, которые экскурсанты тогда могли наблюдать. При этом автор подчеркнул их «древность», сославшись на характерные признаки в устройстве могильных памятников. Ф. Ф. Лашков отметил наличие «древнего кладбища на ближайшей горе по другую сторону Салгира» [21, с. 43]. Он же предположил единовременность постройки караван-сарая и мечети, относя их возведение ко времени Крымского ханства. Бездоказательная, но популярная тогда идея о функционировании на территории поселения монетного двора в работе не фигурирует. Устройство малой мечети Ф. Ф. Лашков сравнил с мавзолеями Бахчисарая. Он же впервые обратил внимание на наличие наружной алтарной ниши: «Древнейшее поселение татар на Салгире было, вероятно, в Мамут-Султане, в долине, где возле не очень старой мечети есть старые могилы (по своему устройству). На одну из них указывает, как на принадлежавшую бывшему владельцу – Крымтаеву, первому, принявшему магометанство в этой долине. <…> Эски-Сарайская крепость и мечеть существуют и в настоящее время, на 12-й версте от Симферополя. По характеру постройки одновременны. Характер постройки не древний и скорее – татарских времен. <…> Ни в крепости, ни в мечети жители ничего не находили. В крепости попадались изредка совершенно истлевшие кости. Мечеть – лучшая татарская постройка в Крыму: четырехугольное, большое здание с круглым куполом. При ней пристроена маленькая мечеть для владельца (говорят – хана) – напоминает азизы и памятники в Бахчисарае. Население было большое, потому что молящиеся, очевидно, не вмещались в мечети, и поэтому снаружи была приделана алтарная часть» [21, с. 43].

В 1891 г. на страницах ИТУАК опубликована «Записка о древностях Таврической губернии», составленная А. Х. Стевеном. Автором представлено наиболее полное на тот момент описание руинированных остатков караван-сарая, исключено его генуэзское происхождение: «На реке Салгир, при татарской деревне Эски-Сарай, находится на покате горы небольшое древнее укрепление. Некоторые полагают, что оно генуэзское, но мнение это не имеет основания, т. к. нет точных сведений, что генуэзцы имели пребывание в этой части полуострова, не имеется признаков, каковы встречаются в крепостях, действительно ими построенных. Укрепление это составляет четырехугольник из высоких, зубчатых и четырьмя четырехугольными же башнями укрепленных, каменных, на извести положенных стен. Оно значительно повреждено. Из башен одной только некоторая часть уцелела, а прочие разрушились. В стенах имеются два пролома. Внутри укрепления видны остатки какого-то строения, совершенно разрушившегося» [33, с. 52]. А. Х. Стевен обратил внимание на значительные повреждения купола мечети, грозившего своим обрушением: «В недалеком от сего укрепления расстоянии находится древняя каменная на извести кладенная мечеть. Она не может равняться с главными старинными здешними мечетями, какова, например, евпаторийская, однако же, заслуживает примечания. Стены оной довольно хорошо сохранились, но свод очень поврежден и частью обрушился. Как укрепление, так и мечеть находятся в имении крымского помещика Мехмет-Мурзы Крымтаева и ему принадлежат» [33, с. 52].

В 1896 г. на страницах «Записок Крымского горного клуба» также была высказана обеспокоенность состоянием памятника: «Развалины, известные под именем Эски-Сарай, находятся на частновладельческой земле и представляют куполообразное здание, окруженное стеной. <…> Нельзя поручиться, что не пройдет и несколько лет, как рухнет купол Эски-Сарая и вообще развалины эти будут уничтожены на камень, как уничтожено уже не мало старинных памятников в Тавриде» [10, с. 32]. В качестве выхода из сложившейся ситуации автор публикации предлагал «экспроприировать развалины Эски-Сарай из частной собственности и передать в ведение губернского строительного отделения. Еще лучше, если бы какое-нибудь археологическое общество приобрело эти развалины» [10, с. 32]. Был предложен оригинальный тезис о том, что памятник является ни чем иным, как «остатками единственного подлинного ханского дворца, потому что Бахчисарайский дворец есть собственно исторически архитектурная фальсификация, так как он заново устроен во времена русские по старым следам сгоревшего дворца» [10, с. 32].

Регулярная выемка камня из памятников старины селения Эски-Сарай местными жителями для собственных нужд, что привело летом 1895 г. к обрушению части стен караван-сарая, вызвала серьезные опасения членов Таврической ученой архивной комиссии за дальнейшую судьбу мечети, располагавшейся там же. Вопрос сохранения древностей был поднят на заседании ТУАК 22 февраля 1896 г.: «Правитель дел обратил внимание членов Комиссии на продолжающееся уничтожение памятников древности в губернии, в пример чего указал на сломку без ведома Императорской археологической комиссии летом истекшего года части каменных стен (правда, сильно пострадавших от времени) в деревне Эски-Сарай, окружавших в старину, по преданию, ханский дворец или, по мнению некоторых, монетный двор» [30, с. 160]. Участниками заседания было принято решение «обратиться к Его Сиятельству князю Долгорукову, как владельцу Эски-Сарая, с покорнейшей просьбой Комиссии, не найдет ли он возможным принять меры к прекращению сломки означенных стен, а также к поддержке все более и более разрушающейся древней мечети устройством в ней крыши, дверей и окон, а если окажется нужным, то и контрфорсов, чтобы предохранить этот изящный памятник восточной архитектуры в Крыму от окончательной гибели» [30, с. 160].

На заседании ТУАК 25 сентября 1899 г. секретарь Комиссии уведомил присутствующих, что «ходатайство Комиссии перед светлейшим князем Долгоруким, владельцем имения Мамут-Султан, о необходимости ремонта развалин находящейся в его имении Эски-Сарай древней мечети было уважено, и князь Долгорукий препроводил в распоряжение Таврического губернатора 500 рублей на ремонт означенной мечети» [31, с. 116]. По распоряжению последнего летом 1899 г. ремонтные работы были произведены под руководством губернского инженера С. П. Иванова, «состоявшие в возобновлении обрушившегося купола мечети и исправлении обвалившихся в некоторых местах карнизов. Реставрация сделана внимательно, и первоначальный вид мечети восстановлен вполне. При этом правитель дел передал для музея Комиссии сделанные С. П. Ивановым рисунки мечети в Эски-Сарай, представляющие вид ее, план и разрез» [31, с. 116].

В картографическом фонде научной библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды (Симферополь) выявлен уникальный документ со штампом библиотеки ТУАК под инвентарным номером 34803, имеющий название «Остатки существующей древней мечети в имении князя Долгорукого Мамут-Султан» (рис. 1). Чертеж с указанием фрагментов реставрации мечети выполнен губернским инженером С. П. Ивановым на листе плотной бумаги (34×68 см), датирован 25 сентября 1899 г. Впервые опубликован в 2007 г. Л. И. Королёвой [15, с. 142].

П. В. Никольский, автор краеведческого очерка о Симферополе и его окрестностях, на страницах последнего в 1923 г. впервые указал на возможное наличие азиза в поселении Эски-Сарай, «в саду, по левую сторону дороги [Ялтинское шоссе – *Д. Л.*]» [25, с. 27]. Исследователь наблюдал надгробную плиту и «ротонду над ней сравнительно недавнего происхождения – начала 90-х годов» [25, с. 27]. Автор упомянул «остатки какого-то большого здания неизвестного назначения, которые известный исследователь Крыма Кеппен считал остатками монетного двора» [25, с. 28]. П. В. Никольский также заметил, что «на горке напротив находятся следы большого татарского кладбища, указывающего на многолюдство в прошлом этого поселения» [25, с. 28].

Автором очерка представлено наиболее полное к тому моменту описание мечети: «Мечеть представляет из себя совершенно квадратное здание, над которым на восьмиугольном основании возвышается просторный купол. Стены сложены из хорошо отделанных известковых плит, в нижней части более крупных, достигают солидной толщины в 1 арш. 11 вер. На высоте верхней части нижних окон в толщину всей стены проходят массивные деревянные балки хорошей сохранности. Здание освещается пятью окнами с каждой стороны <…>. Четыре ничем не орнаментированных паруса <…> служат переходом от четырехугольной нижней к круглой верхней форме здания. Напротив входной двери, орнаментированной глухой стрельчатой аркой, над которой сохранилось углубление

от вытянутой металлической или мраморной доски, расположен михраб, свод которого в верхней части постепенно суживающийся, украшен характерными для мусульманского искусства сталактитами. Весьма интересная орнаментация идет и по бокам ниши. У задней стены на высоте 4 арш. 7 вер. сохранились остатки балок, некогда поддерживавших хоры» [25, с. 29] (рис. 2; 3).

П. В. Никольский не обошел вниманием малую пристроенную мечеть: «К восточной стене мечети примыкает меньших размеров также квадратное помещение, более низкое, но увенчанное такой же формы куполом. Между двух окон, выходящих на юг, с прекрасным видом на Чатыр-Даг, помещается весьма похожий на только что описанный михраб. Эта малая мечеть не сообщалась с большой, т. к. широкое окно, соединяющее их, носит на себе следы решетки. Верхние окна заделаны. С внешней стороны крыша этой мечети представляет собой полукупол, примыкающий к стене главного помещения» [25, с. 29]. Интересна ремарка автора, в которой он упомянул «под окном [малой мечети – *Д. Л.*] надгробный памятник. Старый на вид, украшенный по борту изображениями полумесяца» [25, с. 29]. Судьба данного памятника не известна, дальнейших упоминаний о нем не выявлено.

Опираясь на ряд сомнительных построений, П. В. Никольским сооружение мечети было отнесено к концу XV – началу XVI в.: «Если допустить, что название Эски (старый) сарай (дворец) имеет связь с Ак-Мечетью – Симферополем, где уже с начала XVI века существовал сарай Калги-Султана и с 1508 г. была своя мечеть – Кебир-Джами, то расцвет Эски-Сарая надо отнести ко времени более раннему. <…> Аналогией к данному случаю может служить другое урочище, в Бахчисарае – Эски-Юрт <…>» [25, с. 30].

Б. Н. Засыпкин, опубликовавший в 1927 г. на страницах журнала «Крым» обширную статью по мусульманской архитектуре Крыма, ставшую его своеобразным отчетом по результатам командировки с целью обследования древностей полуострова, лишь бегло в общем контексте упомянул мечеть Эски-Джами: «Есть еще целый ряд памятников, мало исследованных и даже совсем не обследованных, главным образом, из числа тех, кои находятся в руинах или от коих остались холмы, требующие археологических раскопок. <…> Настойчиво требуют дальнейшего исследования купольные мечети Евпаторийского района, развалины мечети Султан-Сале в пос. Джанкой, развалины мечети около Коктебели, купольная мечеть XIV в., в д. Эски-Сарай» [7, с. 156]. Обращает на себя внимание то, что зачастую излишне педантичный архитектор, оставивший по результатам поездки детальные архитектурные описания целого ряда мусульманских памятников полуострова, лишь вскользь упомянул на тот момент хорошо сохранившуюся мечеть близ Симферополя.

Возрождение интереса к древностям Эски-Сарая пришлось на 60-е гг. XX в. (рис. 4; 5). Памятник начал фигурировать на страницах различных научных и научно-популярных трудов. В академическом издании Ю. С. Асеева и Г. А. Лебедева по архитектуре Крыма 1961 г. Эски-Джами отнесена к «первым мусульманским мечетям» полуострова, отмечено, что она имеет сульджукские черты. Объект датирован XIV в.: «Наиболее ранним из сохранившихся памятников этого периода являются мечеть и медресе хана Узбека в Старом Крыму (1314 г.), мечети в Судаке, Эски-Сарае, в Дуванкое» [2, с. 23]. Крымские мечети авторами были разделены на два типа, Эски-Джами отнесена ко второму – купольному: «Купола мечетей второго типа опираются либо на тромпы, либо на паруса. Стены построек сложены из бута на известковом растворе с чередованием полос кирпичной кладки по византийскому обычаю в некоторых памятниках. Резьбой украшаются порталы и особенно михрабы» [2, с. 23].

А. Л. Якобсон, рассматривая влияние османских традиций на архитектуру Крыма, отметил, что «ханская мечеть в Гезлеве была единственным крупным произведением столичного турецкого зодчества на почве Крыма. Другие многочисленные татарские мечети XVII–XVIII вв. были намного скромнее, большей частью представляя собой каменный нерасчлененный куб, перекрытый куполами на восьмигранном основании или просто с деревянным перекрытием. Таковы мечети в Феодосии (Муфтии-Джами, перестроенная в

1623 г.), <…> в Дуванкое (совр. с. Подгорное Кировского района). Реже кубическое пространство мечети расчленено на три нефа, как в мечети Бахчисарайского дворца, с таким же, как там деревянным перекрытием (например, мечеть Шор-Джами в Карасубазаре)» [41, с. 147]. К первому типу автором была отнесена и мечеть Эски-Джами.

15 марта 1967 г. комиссией областной секции археологии Симферопольского городского отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры обследована мечеть Эски-Джами. Результаты отражены в специальном акте, направленном в Общество охраны памятников и в отдел охраны памятников архитектуры областного исполнительного комитета. Документ опубликован на страницах журнала «Ватан» в 1993 г. [37, с. 3–4]. Осмотр выявил удручающую картину состояния памятника: «Разрушены и обвалены внутри мечети купол и его восьмиугольное основание. Почти целиком уничтожено и примыкающее к восточной стенке помещение, которое первоначально так же было увенчано куполом. Из стен основного здания извлечены деревянные балки, многие плиты, слагающие мечеть, обрушены. Особенно пострадала северная и южная стенки, около стен, дверного проема. Это привело к образованию трещин на всю высоту стен, которые угрожают сохранности мечети» [37, с. 4]. Члены комиссии, председатель секции археологии Симферопольского городского отделения УООПИК А. А. Щепинский и его заместитель Е. Н. Черепанова, пришли к выводу, что «если в самое ближайшее время здесь не будет осуществлен капитальный ремонт выломанных участков стен, мечеть обрушится, что приведет к гибели этого интересного и далеко недостаточно изученного памятника средневековой архитектуры Крыма» [37, с. 4]. Для спасения памятника от разрушения комиссией был предложен ряд мер: «В текущем году до начала курортного сезона провести капитальный ремонт мечети. К ремонту привлечь с/з “Перевальненский”, на территории которого находится памятник. Установить вокруг мечети ограду и дополнительную охранную доску. Убрать территорию памятника от мусора. Обязать с/з “Перевальненский”, на территории которого находится мечеть, обеспечить охрану данного памятника, для чего составить на него охранное обязательство» [37, с. 4]. К сожалению, реакции на данный документ ни со стороны общественности, ни со стороны государственных органов не последовало.

Продолжением борьбы за памятник стала газетная публикация А. А. Щепинского три года спустя с призывом принять срочные меры для его спасения. Автор отметил, что «ценнейший памятник средневековой архитектуры Крыма находится в крайне запущенном, аварийном состоянии. Купол обрушен, балки из стен вывернуты, северная стена едва держится на одном ряде камней. Областная секция археологии, обследовав еще три года назад мечеть, составила акт, который был направлен в Президиум Общества охраны памятников, но никаких мер до настоящего времени так и не принято. Не сегодня, так завтра это здание может обвалиться. Необходимо принять срочные меры к его спасению. Как минимум, надо немедленно закрепить стенку, грозящую рухнуть, а всю мечеть обнести металлической сеткой. Все это потребует небольших затрат и вполне под силу даже совхозу “Перевальненский”, на территории которого находится уникальное здание и который обязан его охранять» [38]. Понадобилось еще несколько лет, прежде чем местными властями была найдена возможность укрепления памятника, что, увы, уже не могло спасти полностью обрушившийся к тому моменту купол. Были проведены работы по консервации памятника: произведены инъекции трещин, частично восстановлена кладка нижнего ряда оконных проемов, изнутри стены укреплены железобетонным поясом [29, с. 333].

Отсутствие детальных натурных исследований мечети продолжало порождать многочисленные теории и концепции, касающиеся датировки и происхождения мечети, ее первоначального устройства, зачастую являющиеся далекими от истины. В четырехтомном академическом издании о памятниках архитектуры УССР мечети Эски-Джами уделен один незначительный по объему абзац, включивший в себя лишь общую архитектурную справку о памятнике. При этом в издании допущена серьезная недоработка: основание минарета было принято за контрфорс [29, с. 333].

В 1991 г. Горно-Крымской археологической экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины проведены исследования памятника. Археологические работы велись внутри обоих помещений мечети и на участках, примыкающих к строению снаружи. Результаты работ частично опубликованы лишь в 2012 г. в обстоятельной научной публикации одного из участников экспедиции В. П. Кирилко [13]. Результаты исследований позволили ему сделать ряд выводов и наблюдений. Закладка шурфа в юго-восточном углу помещения дала возможность утверждать о том, что здание мечети было поставлено на необжитом месте, т. к. ниже уровня строительного горизонта признаков культурного слоя выявлено не было. На поверхности пола обнаружено 27 ям, большинство из которых, по мнению В. П. Кирилко, имеют кладоискательный характер [13, с. 287].

В результате исследований В. П. Кирилко пришел к выводу, что малая мечеть является более поздней пристройкой к основному объему здания. На это указывает отсутствие перевязи в нижней части между кладками обоих мечетей. Кроме того, фундаменты обоих сооружений впущены с разных уровней дневной поверхности, перепад которых составил 0,25 м. В связи с этим высказано предположение, что «возведение малой мечети изначально не планировалось, а архитектурный замысел подвергся изменению уже в процессе строительства, после того, как стены главной части сооружения были подняты до уровня перекрытия окон первого яруса» [13, с. 281].

Археологические находки представлены коваными железными гвоздями, фрагментами черепицы и столовой посуды, которая отнесена исследователем к XVIII–XX вв. В горизонте, расположенном между мощным слоем строительного мусора и уровнем пола, внутри кострища была найдена красноглиняная курительная трубка, датированная В. П. Кирилко второй половиной XVIII в. [13, с. 285]. Перед входом в малую мечеть в верхней части слоя обнаружен обломок полустертой бронзовой монеты конца XIV – начала XV в., по определению С. М. Жука – времени правления Токтамыша [13, с. 291]. «Ключевая находка», относящаяся ко времени возведения мечети, по мнению В. П. Кирилко, была сделана у западной стены – обнаружена донная часть небольшого толстостенного фаянсового сосуда открытого типа на низком кольцевом поддоне с двусторонней росписью синим и черным пигментами. Изделие интерпретировано автором публикации как «фрагмент кофейной чашечки, которая может быть определена как турецкий полуфаянс, соотносимый с керамическими мастерскими Кютахьи» [13, с. 292]. На основании находки В. П. Кирилко сделан однозначный вывод: «Чашечка предварительно может быть отнесена к XVIII в., а, учитывая условия находки, ее дату следует определить как terminus post quem строения» [13, с. 292].

Подтверждением данной датировки возведения памятника, по мнению В. П. Кирилко, является обнаруженный в кладочном растворе основного объема мечети бесформенный осколок прозрачного стекла без каких-либо признаков иризации. Кроме того, исследователь обратил внимание на отсутствие в структуре культурного слоя внутри мечети седиментных признаков (подновление пола, накопление мусора), что, по его мнению, объясняется тем, что вскоре после завершения строительства произошло серьезное повреждение купола, вследствие чего действующей какое-то время продолжала оставаться лишь малая мечеть. Высказано предположение, что в качестве деструктивного фактора могло выступить семибалльное землетрясение 1751 г. с эпицентром в районе Керченского полуострова [13, с. 293]. Это позволило уточнить дату строительства здания и отнести ее ко второй четверти XVIII в. Подобная датировка памятника фигурирует и в более поздней публикации автора [12, с. 707]. Были предложены аналогии мечети в Эски-Сарае, выполненные в стиле османской архитектуры классического периода: мечеть в селении Колечь и мечеть Валиде-Шериф (Симферополь). Автором публикации выполнен скрупулезный исчерпывающий архитектурный анализ строения.

В. П. Кирилко упомянул наличие граффити на поверхности памятника. Справа от входа, на западной части наличника, обнаружены изображения трех суден: две парус-

ные лодки и один трехмачтовый корабль. Автор справедливо отметил, что «вследствие условности рисунков тип и возможная дата представленных на граффити суден определению не поддается. Подобные изображения во все времена были достаточно популярными, получив распространение повсеместно» [13, с. 269]. На боковой поверхности входа в минарет обнаружена тамга Гераев [13, с. 277]. На поверхности дверного проема малой мечети выявлена монограмма в виде латинской буквы «N», которая, по мнению В. П. Кирилко, представляет собой схематически изображенный вензель Наполеона Бонапарта [13, с. 294].

А. А. Щепинский, считая мечеть «одним из самых ранних мусульманских памятников Крыма» с ярко проявившимися чертами сельджукской архитектуры [37, с. 6], в 1993 г. также указал на наличие граффити, «тамгообразных и других знаков на внешней стороне южной стенки». Он подчеркнул, что «все они концентрируются на участки, примыкающие к оконным проемам, на высоте от 0,95 до 1,2 м от земли. Наибольшую группу составляют тонко процарапанные, очень ровные круги, диаметром от 4,5–5 см. В некоторых случаях они перекрывают друг друга или расположены группами. В их геометрическом центре – одинарные меньшие круги диаметром до 7–8 см. Всего таких циркульных кругов 60. Иногда они сочетаются с рядами глубоких вертикальных полос. Привлекает внимание выполненный в той же технике сложный тамгообразный знак высотой 10 см <…>. К другому типу изображений относится четкая фигура креста (10×8 см)» [37, с. 7]. Автором впервые предпринята попытка проследить происхождение строительного материала, использованного при возведении памятника: по его мнению, стены сложены из «камней, добытых из рядом расположенного карьера мелкозернистого песчаника, обрамление окон, дверей и ниш – из тщательно обработанных блоков мшанковых известняков, доставленных из карьера у с. Скалистого на р. Бодрак, купол легкого пористого туфа, добытого у Кизил-Кобинских пещер, близ села Перевального» [37, с. 5]. Около мечети, по замечанию автора, «находилось татарское кладбище, а на холме, в 0,3 км к северо-востоку, второе, очевидно, более древнее» [37, с. 9].

Автором детально описаны руинированные остатки близ мечети: «Постройка частично врезана в склон долины правого берега р. Салгир. <…> В плане она имела прямоугольную форму. Вход находился в южной части со стороны мечети. Ориентация <…> строго по сторонам света. Лучше всего сохранились руины северной стены <…>. В этом месте ее высота достигает 4 м, толщина – 1,3–1,5 м, протяженность сохранившейся части – 15 м. В 10–15 м восточнее – второй ее фрагмент длиной 8–10 м и высотой до 4–4,5 м. <…> Несколько хуже сохранилась восточная оконечность стены. <…> Верхняя ее часть обвалена, основание местами засыпано грунтом. <…> Толщина основания стены на обследованном участке до 2 м. <…> Стена сложена из специально подобранных, но не обработанных камней местного плитчатого песчаника. <…> С внутренней стороны стены, на высоте 1,7–1.8 м от земли на расстоянии 3,0–3,5 м друг от друга (по одной линии) небольшие подпрямоугольные окошки размером 0,2×0,2 м <…>. Второй ряд таких же окошек находится и в верхней части стены. В разрезе видно, что стена состоит из двух, внешнего и внутреннего, панцирей. <…> Между панцирями забутовка из более мелких и менее тщательно уложенных камней» [37, с. 9]. А. А. Щепинский указал на наличие источника пресной воды во внутренней части постройки, у основания средней части северной стены. Вдоль северной стены, на террасообразном уступе, автор наблюдал «руины и развалы каменных строений, кладок, возраст и назначение которых не ясен» [37, с. 9]. Исходя из сохранившихся остатков постройки и опроса старожилов, А. А. Щепинский предположил, что сооружение близ мечети являлось караван-сараем, возведенным в XIV–XVI вв. и имевшим длину 90 м, ширину не менее 75 м.

К оригинальному выводу пришел Е. В. Крикун. Указывая на расположение дворцового комплекса калги-султана в Петровской балке Симферополя, он считает, что в Эски-Сарае могла находиться еще одна резиденция должностного лица, т. н. «старая» или более ранняя [18, с. 70–71; 19, с. 96]. Представив общий архитектурный анализ мечети Эски-Джа-

ми, автор датировал памятник периодом Золотой Орды [18, с. 71; 19, с. 96]. Е. В. Крикун заключил: «Архитектура сооружений Солхата в XIV в. и позже послужила, вероятно, образцом для аналогичных построек в других местах Крыма. Это относится, прежде всего, к резьбе по камню. Похожую можно встретить в мечети XIV–XV вв. у нынешнего села Пионерского Симферопольского района» [17, с. 19].

Л. И. Королёва считает, что «относительно древностей Эски-Сарая (мечети и руин здания неизвестного назначения) можно утверждать, что построены они были в разное время. <…> Мы определяем более позднюю датировку мечети, а именно: XVI–XVIII вв. <…> Мечеть, судя по ее размерам и наличию дополнительного михраба снаружи, была соборной, малая мечеть служила для посещений высокопоставленного сановника (очевидно, калги-султана). Мечеть в Эски-Сарае по ряду особенностей является уникальной и к тому же одной из немногих, среди уцелевших памятников периода Крымского ханства в Симферопольском районе» [15, с. 145; 16, с. 32]. Дата возведения мечети автором была уточнена на основании путевых записей Эвлии Челеби, посетившего Крымский полуостров в 1666 г. В детальном описании путешествия, несмотря на наличие описания двух соборных и трех квартальных мечетей владений калги-султана [14, с. 69; 39, с. 139; 40, с. 153], нет упоминаний мечети Эски-Сарая. По мнению Л. И. Королёвой, «в связи с этим можно предположить, что исследуемая мечеть на момент 1666 г. вообще не существовала и была построена после этой даты. Ясно одно, что ее строительство было приурочено к определенному месту, это могло быть обычное поселение или старый дворцовый комплекс калги-султана, или монетный двор» [15, с. 145; 16, с. 32]. По поводу руинированных остатков строения близ мечети автор отметила, что «существует две версии: либо это остатки монетного двора, либо старый дворец калги-султана. Первая версия не подтверждается данными нумизматики. В пользу последней версии говорит тот факт, что Эски-Сарай переводится, как “старый дворец”» [15, с. 145; 16, с. 32]. Версия о возможности расположения на территории средневекового поселения караван-сарая Л. И. Королёвой не рассматривается.

На основе архитектурного анализа мечети Э. Д. Зиливинская отнесла ее, «без сомнения, к эпохе Крымского ханства», отметив при этом, что «золотоордынские купольные мечети Крыма имеют несколько другую структуру: они значительно ниже, перекрыты куполами на треугольных тромпах и не имеют пристроек. Купольные мечети в виде высокого призматического здания с лишенными внешнего декора стенами, прорезанными окнами в несколько ярусов, и перекрытого куполом на парусах весьма типичны именно для османской архитектуры» [8, с. 35; 9, с. 182]. В качестве аналогии приведена мечеть султана Баязида II в г. Эдирне. Автор, в целом соглашаясь с выводами В. П. Кирилко, оставила ряд скептических замечаний, касающихся, прежде всего, достаточно узкой датировки памятника: «Датировать археологический объект по одному, даже самому достоверному артефакту нельзя. Да и сама кютахьинская керамика имеет широкую дату. Фрагмент стекла вообще ни о чем не говорит, так как степень иризации зачастую зависит не от возраста стекла, а от его химического состава. Что касается отсутствия мусора внутри здания – это абсолютно естественно: в мечети заходят босиком, полы там обычно застелены коврами, полы регулярно выметаются, а ковры вытряхиваются» [8, с. 35; 9, с. 182]. Научная полемика была продолжена в 2019 г. В. П. Кирилко указал на ряд неточностей в публикациях Э. Д. Зиливинской, касающихся рассматриваемого архитектурного объекта [12, с. 707–708].

Э. И. Сейдалиев, отметив, что «традиционно мечеть датируется XIV–XV вв.», ссылаясь на результаты исследований В. П. Кирилко, пришел к выводу, что «эта мечеть может быть отнесена ко времени Крымского ханства и считать ее золотоордынской на данном этапе исследований нет оснований» [32, с. 198]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживается А. Е. Гайворонский. Опираясь на подобранные им аналогии, к каковым отнесены утраченные в настоящий момент мечети в поселениях Колечь и Карагоз, считает все три сооружения памятниками золотоордынской эпохи, которые «по своему возрасту едва ли намного моложе 700-летней мечети Узбека в Старом Крыму» [3, с. 35].

Интересна мысль исследователя о назначении малой мечети: «Можно предположить, что большая мечеть служила для всего населения округи, тогда как малая была устроена при каком-нибудь закрытом религиозном заведении: медресе или текие при основной мечети» [3, с. 34]. А. Е. Гайворонский одним из первых предпринял попытку проследить историю происхождения топонима «Эски-Сарай». Автор склонен считать, что на месте современного Симферополя могло существовать крупное золотоордынское поселение, предшественник Ак-Мечети [3, с. 38], косвенным подтверждением чему является обнаруженный в 1967 г. Симферопольский клад [22].

А. Е. Гайворонский высказал еще одно заслуживающее внимания предположение, основанное на упоминании в ряде документов, подписанных крымскими калга-султанами в первой половине XVII в., дворца Орда-Сарай [23, с. 19, 84, 119, 265, 329]: «Было ли это одним из нескольких названий калгайского дворца в Акмесджиде (что выглядит более вероятным), либо же под Орда-Сараем следует понимать какую-то иную, отдельную резиденцию? Не она ли оставила топонимический след в наименовании села Эски-Орда неподалеку от Эски-Сарая, и не она ли подала повод к упорным преданиям о некоем дворце в этой местности?» [3, с. 38].

В одной из последних работ о древностях Симферополя по-прежнему высказано мнение о золотоордынском происхождении мечети. При этом автор, М. В. Кутайсова, не приводя убедительной аргументации, указывает на наличие близ памятника монетного двора: «В долине Салгира, которой владел калга-султан, в селении Эски-Сарай или Старый дворец (теперешнее Пионерское-2), в XIV в. была выстроена мечеть, носившая черты сельджукской архитектуры, и монетный двор. Мечеть Эски-Сарай сохранилась еще с ордынского времени» [20, с. 18].

Анализ выявленных сведений в отечественной историографии об историко-археологических памятниках на территории современного с. Пионерское близ Симферополя указывает на то, что некогда в данной местности мог располагаться крупный мусульманский центр (торговый, возможно, и культовый), имеется ряд косвенных подтверждений данной гипотезы. При этом с полной уверенностью об этом утверждать нельзя, фактически полное отсутствие каких-либо исследований на территории поселения (кроме археологических раскопок мечети в 1991 г.) сводит на нет наличие серьезно аргументированных тезисов как «за», так и «против».

Мечеть, архитектурные формы которой практически полностью сохранились до наших дней, продолжает вызывать у современных исследователей массу требующих серьезных научных изысканий вопросов. Одним из центральных, бесспорно, остается датировка памятника. Археологические исследования не поставили точку в этом вопросе. Несмотря на достаточно узкие хронологические рамки возведения мечети, определенные В. П. Кирилко, тезисы ряда исследователей с ними не совпадают, а порой и отличаются кардинальным образом. Возможно, свою роль сыграло то, что выводы участников экспедиции были опубликованы относительно недавно (2012 г.), по прошествии более чем двадцати лет после полевых работ, сделав их доступными широкой научной аудитории. При этом тезисы В. П. Кирилко относительно датировки объекта не были восприняты за абсолютную истину.

К настоящему моменту в отечественной историографии представлены различные варианты датировки памятника: XIV в. (Б. Н. Засыпкин, 1927; Ю. С. Асеев, Г. А. Лебедев, 1961, отнесена авторами к «первым мусульманским мечетям» Крыма); XIV–XV вв. (Е. В. Крикун, 1977, 1998, 2001); период Золотой Орды, мечеть «едва ли намного моложе 700-летней мечети Узбека в Старом Крыму» (А. Е. Гайворонский, 2016); памятник «татарских времен» (Ф. Ф. Лашков, 1890); конец XV – начало XVI в. (П. В. Никольский, 1923); XVI–XVIII вв. (Л. И. Королёва, 2007, 2013); XVII–XVIII вв. (А. Л. Якобсон, 1964); вторая четверть XVIII в. (В. П. Кирилко, 2012); мечеть «эпохи ханства» (Э. Д. Зиливинская, 2014; Э. И. Сейдалиев, 2014). Выводы В. П. Кирилко из всех представленных вариантов делают мечеть наиболее «молодой», отодвигая дату ее возведения к последним десятилетиям существования Крымского ханства.

Ряд свидетельств указывает на наличие погребений в непосредственной близости с мечетью. Последнее из упоминаний датировано 1923 г., когда П. В. Никольский отметил наличие под одним из оконных проемов с наружной стороны надгробного памятника, «старого на вид», с изображением полумесяца. Его судьба остается неизвестной, дальнейших свидетельств не выявлено. При этом следует отметить важное наблюдение участников археологической экспедиции 1991 г., заключивших, что захоронений на вскрытых участках не было обнаружено.

Не исключено, что ранее в этой местности мог располагаться как минимум один из азизов. Ф. Ф. Лашков указывал на наличие могилы первого принявшего ислам жителя долины реки Салгир. П. В. Никольский наблюдал «надгробную плиту и ротонду над ней». Кто был удостоен столь богатого захоронения – не ясно. По данным крымского муфтията близ рассматриваемой мечети ранее могли находиться следующие азизы: Джалман-азизи, Кильбурун-азизи, Эски-Орда-азизи. Стоит ли их сопоставлять с приведенными описаниями Ф. Ф. Лашкова и П. В. Никольского, на данном этапе однозначного ответа нет.

Интересно назначение практически утраченных к настоящему моменту расположенных в непосредственной близости от мечети руин. Отсутствие информации породило множество домыслов, зачастую не выдерживающих критики. Более чем за полтора столетия постройка была трактована как: генуэзская крепость (П. С. Паллас); крепость «татарских времен» (Ф. Ф. Лашков); «небольшое древнее укрепление» (А. Х. Стевен); «незавершенный дворец ханов» (Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Монтандон, А. Н. Демидов); «остатки единственного подлинного ханского дворца» («Записки Крымского горного клуба», 1896); монетный двор (П. И. Кёппен); караван-сарай (А. А. Щепинский, А. Е. Гайворонский); «старый» дворец калги-султана (Л. И. Королёва). Монументальность постройки, конфигурация сооружения говорят о том, что ранее руины являлись типичным образцом караван-сарая. Массивные стены, защищенные по углам оборонительными башнями, наличие внутри источника пресной воды позволяли выдержать продолжительную осаду, что делало постройку идеальным пристанищем для многочисленных торговцев.

При этом огульно отвергать свидетельства о расположении здесь некоего ханского дворца не стоит. Об этом практически слово в слово упоминали в своих путевых записках различные вояжеры (Ф. Дюбуа де Монпере, А. Н. Демидов), визиты которых датированы 30-ми гг. XIX в. Логично предположить, что источником информации о древностях для них являлись местные старожилы, в один голос твердившие о существовании ранее ханской резиденции. Несмотря на то, что это, скорее всего, не более чем народные предания, стоит учитывать, что они, зачастую, имеют определенные реальные основания. Народная память сильна, предания, с трансформациями или без, передаются из поколения в поколение. Наличие дворца нет оснований связывать с руинированными остатками постройки близ мечети. Гипотетически он мог располагаться в данной местности, его местоположение в настоящий момент может не иметь явных признаков, учитывая интенсивную распашку в советский период и хаотическую застройку в дальнейшем.

Любопытными представляются данные, полученные в результате анализа местных топонимов. Название села «Эски-Сарай», что в переводе означает «старый дворец», указывает на наличие подобного сооружения в этой местности. К этому стоит добавить, что соседнее с Пионерским село Лозовое до 1945 г. носило название Эски-Орда. Слово «orda» в современном крымскотатарском языке не используется, однако в прошлом, как в крымскотатарском, так и в других тюркских языках применялось в значении «ставка», «лагерь», «расположение командующего войском». Историческое название села означает в переводе «старая ставка», «старый лагерь». Если на территории современного села Пионерское ранее располагался некий «старый» дворец, то логично предположить, что должен был быть и новый. Теоретически в качестве последнего мог выступать дворец калги-султана в Акмесджите[3], место расположения которого хорошо известно. Он был построен, предположительно,

[3] Акмесджит – крупное татарское поселение, располагавшееся на месте современного Симферополя. Место пребывания калги-султана.

в конце XV – начале XVI в. [1, с. 68], разрушен в последней четверти XVIII в. Имелась ли более старая резиденция по сравнению с этой – не известно. Любопытным является одно из наиболее ранних упоминаний дворца, принадлежащее итальянскому священнослужителю, монаху Доминиканского ордена Джованни да Лукка, посетившему Крымский полуостров в 20–30-х гг. XVII в. В «Описании Перекопских и Ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин», говоря о дворцах, принадлежавших Гераям, он отметил: «У хана пять дворцов, у [калги – *Д. Л.*]-султана – два. <…> Дворцы султана находятся в Ак-Мечети» [27, с. 483]. Джованни из Лукки явно говорит о двух дворцах калги в районе современного Симферополя, но, к сожалению, из его повествования не ясно, где именно они располагались.

Определенный интерес вызывают логические построения Л. И. Королёвой, указывающей на возведение мечети после 1666 г., т. е. после визита в Крым Эвлии Челеби, не оставившего сведений о постройке в своих описаниях. При этом автор, ссылаясь на то, что место для возведения крупной мечети, коей бесспорно являлась Эски-Джами, тщательно выбиралось, «строительство должно было быть приурочено к определенному значимому месту», коим вполне могла являться бывшая резиденция калги-султана. К выводу о расположении дворца калги-султана на территории современного с. Пионерское пришел и Е. В. Крикун. Здесь же следует вспомнить кажущиеся на первый взгляд нелепыми рассуждения П. И. Сумарокова о том, что именно в этом районе была построена первоначальная Белая мечеть, позже, по его мнению, отсюда перенесенная.

До настоящего момента не установлено назначение т. н. малой мечети, пристроенной с восточной стороны основного строения. Л. И. Королёва считает, что она могла служить для посещения высокопоставленным чиновником, коим вполне мог являться калга. А. Е. Гайворонский, не исключая возможности существования при мечети текие или медресе, видит назначение малой мечети в ее посещении служителями или учениками этих заведений.

Ряд источников указывает на расположение мусульманского кладбища на возвышенности к северо-востоку от здания мечети. Первые упоминания относятся к концу XIX в. (Ф. Ф. Лашков). В 1923 г. П. В. Никольский отметил наличие «большого татарского кладбища на горке напротив». Спустя 70 лет А. А. Щепинский подчеркнул, что «на холме в 0,3 км» от мечети расположено «более древнее» кладбище по сравнению с захоронениями близ самого памятника. Детальные описания, как самого кладбища, так и отдельных надгробий отсутствуют. До настоящего момента специальные исследования не проводились, поэтому что-либо утверждать о времени захоронений или о границах возможности нет. Тем не менее, ряд исследователей, используя в качестве одного из аргументов присутствие «большого древнего» кладбища, предполагают наличие в этой местности крупного золотоордынского поселения. П. В. Никольский связывал его упадок со временем строительства дворца калги-султана в Акмесджите в начале XVI в. В качестве аналогий им указано поселение Эски-Юрт (район современного Бахчисарая). На наличие крупного золотоордынского торгового центра, утратившего свое значение и запустевшего ко времени образования Крымского ханства, указывает А. Е. Гайворонский. В качестве возможного доказательства автором приведен Симферопольский клад, обнаруженный в 1968 г. Еще одним косвенным подтверждением догадки может служить наличие внешнего михраба на северной стене мечети, необходимого для удовлетворения религиозных потребностей большого количества населения, так как внутренний объем мечети некогда, видимо, не вмещал всех желающих.

В настоящий момент с полной уверенностью можно говорить лишь о том, что все подобные рассуждения нуждаются в весомых аргументах и доказательствах. Для выяснения даже общих данных о характере существовавшего поселения осуществленных в 1991 г. изысканий явно недостаточно. Требуется проведение комплекса полномасштабных исследований междисциплинарного характера, центральное место среди которых должно быть отведено археологическим работам. Перспективными направлениями могут стать работы на территории предполагаемого караван-сарая, мусульманского кладбища, прилегающей к мечети территории, требуется доисследование и самой мечети, изучение которой нельзя считать завершенным.

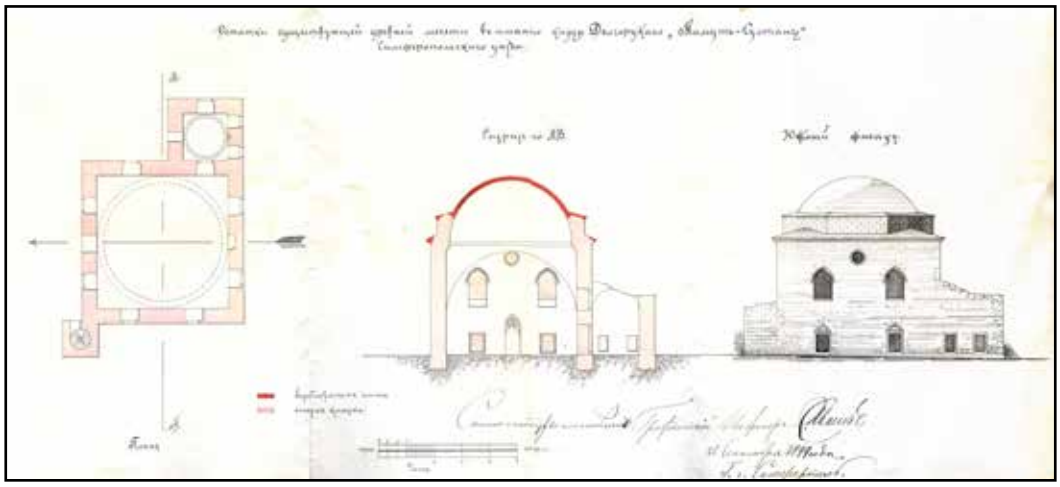

Рис. 1. «Остатки существующей древней мечети в имении князя Долгорукого “Мамут-Султан” Симферопольского уезда». Чертеж губернского инженера С. П. Иванова. 1899 г. Картографический фонд библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды (Симферополь), инв. № 34803

Fig. 1. “Ruins of the ancient mosque still standing in Prince Dolgorukii’s Mamut-Sultan estate, Simferopol *uezd*.” Drawn by the governorate engineer S. P. Ivanov. 1899. Map collection of A. Kh. Steven Taurica Library at the Central Museum of the Taurida (Simferopol), inv. no. 34803

Рис. 2. Мечеть Эски-Джами. Вид с северо-запада. Фотоснимок 1923 г. [25, с. 28]

Fig. 2. Eski-Dzhami mosque. View from the north-west. Photograph of 1923 [25, с. 28]

Рис. 3. Мечеть Эски-Джами до разрушения купола. Вид с юго-запада. Фотоснимок 1920-х гг.

Fig. 3. Eski-Dzhami mosque before its dome collapsed. View from the south-west. Photograph of the 1920s

Рис. 4. Мечеть Эски-Джами. Вид с юго-востока. Фотоснимок Ю. Панютина. 1950 г.

Fig. 4. Eski-Dzhami mosque. View from the south-east. Photograph by Iu. Paniutin. 1950

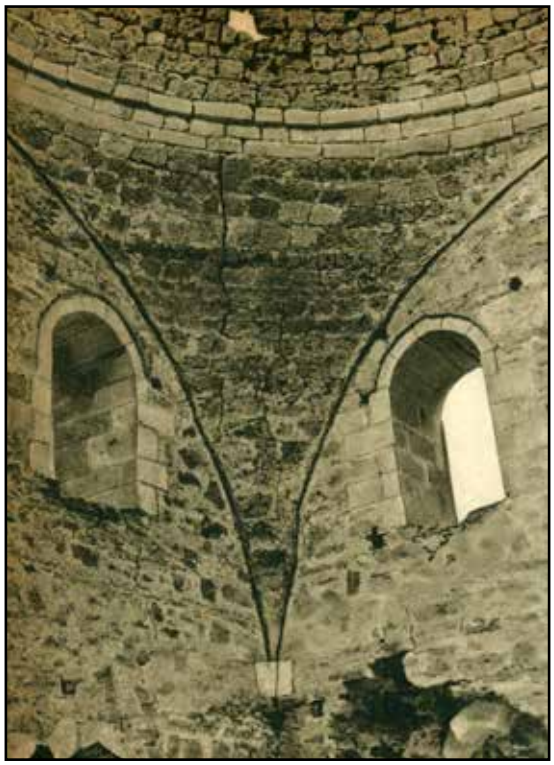

Рис. 5. Свод мечети Эски-Джами. Фотоснимок Ю. Панютина. 1950 г.

Fig. 5. The vaulting of Eski-Dzhami mosque. Photograph by Iu. Paniutin. 1950

Рис. 6. Мечеть Эски-Джами. Вид с северо-востока. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 6. Eski-Dzhami mosque. View from the north-east. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 7. Мечеть Эски-Джами. Вид с юго-востока.
Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 7. Eski-Dzhami mosque. View from the south-east.
Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 8. Мечеть Эски-Джами. Вид с юго-запада. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 8. Eski-Dzhami mosque. View from the south-west. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 9. Мечеть Эски-Джами. Вид с запада. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 9. Eski-Dzhami mosque. View from the west. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 10. Мечеть Эски-Джами. Примыкание минарета к северо-западному углу мечети. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 10. Eski-Dzhami mosque. The minaret joining the north-western corner of the mosque. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 11. Мечеть Эски-Джами. Внутреннее пространство мечети. Вид с севера. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 11. Eski-Dzhami mosque. The inner space of the mosque. View from the north. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 12. Мечеть Эски-Джами. Михраб основного помещения мечети. Вид с севера. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 12. Eski-Dzhami mosque. The mihrab of the main room of the mosque. View from the north. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 13. Мечеть Эски-Джами.
Конха михраба. Вид с севера.
Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 13. Eski-Dzhami mosque.
The conch of the mihrab.
View from the north.
Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 14. Мечеть Эски-Джами.
Внешняя молитвенная ниша
на северной стене мечети.
Вид с севера.
Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 14. Eski-Dzhami mosque.
The outer niche for praying
in the north wall of the mosque.
View from the north.
Photograph by D. A. Lomakin. 2018

Рис. 15. Мечеть Эски-Джами. Портал основного помещения мечети. Вид с севера. Фотоснимок Д. А. Ломакина. 2018 г.

Fig. 15. Eski-Dzhami mosque. Portal to the main room of the mosque. View from the north. Photograph by D. A. Lomakin. 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульваап Н. Калга-султан Крыма и его дворец в Акмесджите // Qasevet. 2014. № 42. С. 56–73.
2. Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. Киев: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре УССР, 1961. 240 с.
3. Гайворонский О. Страна Крым. Очерки о памятниках истории Крымского ханства. Симферополь: ФЛ Аблаева Н. Ф., 2016. 336 с.
4. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное под руководством г-на Анатоля Демидова гг. Сансоном, Гюйо, Левелье, Раффе, Руссо, Нордманом и Дю Понсо. М.: Типография Семена, 1853. 543 с.
5. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году // Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (к 200-летнему юбилею Н. В. Гоголя). Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 95–256.
6. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5–6 / Под ред. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
7. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
8. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1: Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 448 с.
9. Зиливинская Э. Д. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), Коктебель, 14–18 октября 2014 г. Симферополь: Тарпан, 2014. С. 175–193.
10. Из газет // Записки Крымского горного клуба. 1896. № 2. С. 30–34.
11. Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1837. 409 с. Назв. обл.: «Крымский сборник».
12. Кирилко В. П. Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань, 2019. С. 691–740. (Серия «Археологические источники Восточной Европы»).
13. Кирилко В. П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // Stratum plus. 2012. № 6. С. 261–297.
14. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму: 1641–1667 гг. / Пер. М. Б. Кизилова; ред. П. В. Коньков. Симферополь: Таврия, 1999. 240 с.
15. Королёва Л. И. О древней мечети в Эски-Сарае (письменные свидетельства, история охраны памятника) // VII Таврические научные чтения: сборник материалов, г. Симферополь, 19 мая 2006 г. Ч. 1. Симферополь, 2007. С. 139–147.
16. Королёва Л. И. О древней мечети в Эски-Сарае (письменные свидетельства, история охраны памятника) // Культура народов Причерноморья. 2013. № 261. С. 30–32.
17. Крикун Е. [В.] Архитектурные памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1977. 58 с.
18. Крикун Е. В. Памятники крымско-татарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 112 с.
19. Крикун Ю. В. Пам’ятники кримськотатарської архітектури (XIII–XX століття). Сімферополь: Тавріда, 2001. 168 с.
20. Кутайсова М. В. Симферопольская старина в фотографиях и описаниях. Симферополь, 2017. 254 с.
21. Лашков Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь. Симферополь: Тип. П. Т. Гордиевского, 1890. 137 с.
22. Мальм В. А. Симферопольский клад. М.: Внешторгиздат, 1987. 28 с.
23. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел / Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: типография Императорской АН, 1864. 941 с.
24. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Сост., подгот. текста и вступ. ст. В. В. Орехова; пер. В. В. Орехова при участии Л. Ю. Алексеевой и др. Киев: Стилос, 2011. 416 с.
25. Никольский П. В. Симферополь и его окрестности: историко-археологические экскурсии. Симферополь: Крымиздат, 1923. 48 с.
26. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных / Публ. В. Г. Тизенгаузена, примеч. Н. Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 363–403.
27. Описание Перекопских и Ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 473–493.
28. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с. (Серия: «Научное наследство»; вып. 27).

29. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог: в 4-х т. / Отв. ред. И. А. Игнаткин. Т. 2. Киев: Будивельник, 1983. 336 с.
30. Протоколы заседания Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 22 февраля 1896 г. // ИТУАК. 1896. № 25. С. 159–161.
31. Протоколы заседания Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 25 сентября 1899 г. // ИТУАК. 1899. № 30. С. 108–118.
32. Сейдалиев Э. И. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), Коктебель, 14–18 октября 2014 г. Симферополь: Тарпан, 2014. С. 194–204.
33. Стевен А. [Х.] Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54.
34. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду: в 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Имп. типография, 1803. 226 с.
35. Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214.
36. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX века. СПб.: Наука, 2002. 676 с.
37. Щепинский А. [А.] Памятники крымскотатарской культуры. Мечеть XIV–XV вв. при дер. Эски-Сарай // Ватан. 1993. № 3. С. 3–10.
38. Щепинский А. [А.] Под охранной доской // Правда Украины. 1970. 19 марта.
39. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
40. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.
41. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 233 с.

REFERENCES

1. Abdul'vaap N. Kalga Sultan of Crimea and his palace in Akmesjit. *Qasevet*, 2014, vol. 42, pp. 56–73.
2. Aseev Iu. S., Lebedev G. A. *Arkhitektura Kryma* [Architecture of Crimea]. Kiev, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture USSR Publ., 1961, 240 p.
3. Gaivoronskii O. *Strana Krym. Ocherki o pamiatnikakh istorii Krymskogo khanstva* [Country Crimea. Essays on the historical monuments of the Crimean Khanate]. Simferopol', Ablaeva Publ., 2016, 336 p.
4. Demidov A. N. *Puteshestvie v Iuzhnuiu Rossiiu i Krym cherez Vengriiu, Valakhiiu i Moldaviiu, sovershennoe pod rukovodstvom g-na Anatolia Demidova gg. Sansonom, Giuio, Level'e, Raffe, Russo, Nordmanom i Diu Ponso* [Journey to Southern Russia and Crimea via Hungary, Wallachia and Moldavia, made under the direction of Mr. Anatole Demidov g. Sanson, Guyot, Levelier, Raffe, Rousseau, Nordman and Du Ponseau]. Moscow, Tipografiia Semena Publ., 1853, 543 p.
5. Demidov A. N. Journey to Southern Russia and Crimea through Hungary, Wallachia and Moldova, made in 1837. Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: N. N. Murzakevich, A. N. Demidov (k 200-letnemu iubileiu N. V. Gogolia)* [Crimean travel: N. N. Murzakevich, A. N. Demidov (to the 200th anniversary of N. V. Gogol)]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2011, pp. 95–256.
6. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i Krym* [Travel through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and Crimea]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
7. Zasypkin B. N. Architectural monuments of Crimean Tatars. *Krym* [Crimea], 1927, vol. 2(4), pp. 113–168.
8. Zilivinskaia E. D. *Arkhitektura Zolotoi Ordy* [Architecture of the Golden Horde]. Iss. 1. Kazan', Otechestvo Publ., 2014, 448 p.
9. Zilivinskaia E. D. Mosques of Crimea and their place in the cult architecture of the Golden Horde. *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo naslediia Kryma», posviashchennoi 700-letiiu mecheti khana Uzbeka (g. Staryi Krym)* [Collection of materials of the international scientific and practical conference «Actual problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea» dedicated to the 700th anniversary of the mosque of Khan Uzbek (Stary Krym)], Simferopol', Tarpan Publ., 2014, pp. 175–193.
10. From newspapers. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba* [Notes of the Crimean Mountain Club], 1896, vol. 2, pp. 30–34.

11. Кёппен P. I. *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On the antiquities of the southern coast of Crimea and the Tauride mountains]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1837, 409 p.
12. Kirilko V. P. Cult architecture of the Golden Horde Crimea: version of E. D. Zilivinskaya. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov (eds.), *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde], Kazan', 2019, pp 691–740.
13. Kirilko V. P. Mosque in Eski Sarai (Pioneersky). *Stratum plus*, 2012, vol. 6, pp. 261–297.
14. Kon'kov P. V. (eds.), *Kniga puteshestvii Evlii Chelebi. Pokhody s tatarami i puteshestviia po Krymu: 1641–1667 gg.* [Travel Book of Evlia Celebi. Campaigns with the Tatars and travels in the Crimea: 1641–1667]. Simferopol', Tavriia Publ., 1999, 240 p.
15. Koroliova L. I. About the ancient mosque in Eski Sarai (written evidence, history of the protection of the monument). *VII Tavricheskie nauchnye chteniia: sbornik materialov* [VII Taurida Scientific Readings: a collection of materials], vol. 1, Simferopol', 2007, pp. 139–147.
16. Koroliova L. I. About the ancient mosque in Eski Sarai (written evidence, history of the protection of the monument). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2013, vol. 261, pp. 30–32.
17. Krikun E. [V.] *Arkhitekturnye pamiatniki Kryma* [Architectural monuments of Crimea]. Simferopol', Tavriia Publ., 1977, 58 p.
18. Krikun E. V. *Pamiatniki krymsko-tatarskoi arkhitektury (XIII–XX vv.)* [Monuments of Crimean Tatar architecture (XIII–XX centuries)]. Simferopol', Krymuchpedgiz Publ., 1998, 112 p.
19. Krikun Iu. V. *Pam'iatniki krims'kotatars'koï arkhitekturi (XIII–XX stolittia)* [Monuments of Crimean Tatar architecture (XIII–XX centuries)]. Simferopol', Tavrida Publ., 2001, 168 p.
20. Kutaisova M. V. *Simferopol'skaia starina v fotografiiakh i opisaniiakh* [Simferopol antiquity in photographs and descriptions]. Simferopol', 2017, 254 p.
21. Lashkov F. F. *Tret'ia uchebnaia ekskursiia Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii: Simferopol'* [The third educational excursion of the Simferopol male gymnasium: Simferopol]. Simferopol', P. T. Gordievsky Publ., 1890, 137 p.
22. Mal'm V. A. *Simferopol'skii klad* [Simferopol treasure]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., 1987, 28 p.
23. Vel'iaminov-Zernov V. V. (eds.), *Materialy dlia istorii Krymskogo khanstva, izvlechennye, po rasporiazheniiu Imperatorskoi Akademii nauk, iz Mosk. glav. arkhiva M-va inostr. del* [Materials for the history of the Crimean Khanate, extracted by order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864, 941 p.
24. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym* [A traveler's guide to Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways to move from Odessa to Crimea]. Kyiv, Stilos Publ., 2011, 416 p.
25. Nikol'skii P. V. *Simferopol' i ego okrestnosti: istoriko-arkheologicheskie ekskursii* [Simferopol and its environs: historical and archaeological excursions]. Simferopol', Krymizdat Publ., 1923, 48 p.
26. On the preservation and renewal of ancient monuments in Crimea and on the publication of descriptions and drawings of these. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1872, vol. 8, pp. 363–403.
27. Description of Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrels and Georgians Jean de Luc, monk of the Dominican Order. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1879, vol. 11, pp. 473–493.
28. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorates of the Russian state in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
29. Ignatkin I. A. (eds.), *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR. Illiustrirovannyi spravochnik-katalog* [Monuments of urban planning and architecture of the Ukrainian SSR. Illustrated Directory Guide]. Vol. 2. Kyiv, Budivel'nik Publ., 1983, 336 p.
30. Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archival Commission. Meeting on February 22, 1896. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1896, vol. 25, pp. 159–161.
31. Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archival Commission. Meeting on September 25, 1899. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1899, vol. 30, pp. 108–118.
32. Seidaliev E. I. Muslim cult monuments of Crimea during the Golden Horde. The current state of the problem. *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo naslediia Kryma», posviashchennoi 700-letiiu mecheti khana Uzbeka*

(g. Staryi Krym) [Collection of materials of the international scientific and practical conference «Actual problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea» dedicated to the 700th anniversary of the mosque of Khan Uzbek (Stary Krym)], Simferopol', Tarpan Publ., 2014, pp. 194–204.
33. Steven A. [Kh.] Affairs of the archive of the Taurida Provincial Board relating to the search, description and preservation of ancient monuments within the Taurida province. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1891, vol. 13, pp. 33–54.
34. Sumarokov P. I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Leisure of the Crimean judge or the second trip to Taurida]. Vol. 1. St. Petersburg, Imperial Printing House, 1803, 226 p.
35. Tunkina I. V. Academic archaeological expedition to the Novorossiysk Territory in 1821 under the leadership of academician E. E. Köhler (New archival materials). *Vestnik drevnei istorii* [Herald of Ancient History], 2013, vol. 1, pp. 197–214.
36. Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii: XVIII – seredina XIX veka* [Russian science of classical antiquities of the south of Russia: XVIII – mid-XIX century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
37. Shchepinskii A. [A.] Monuments of Crimean Tatar culture. Mosque of the XIV–XV centuries at the village Eski-Saray. *Vatan* [Vatan], 1993, vol. 3, pp. 3–10.
38. Shchepinskii A. [A.] Under the security board. *Pravda Ukrainy* [Truth of Ukraine], 1970, March 19.
39. *Evliia Chelebi. Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [Evliya Celebi. Travel book. Crimea and adjacent regions (extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century)]. Simferopol', Dolia Publ., 2008, 272 p.
40. *Evliia Chelebi. Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlechenie iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.* [Evliya Celebi. Travel book. Crimea and neighboring areas: extraction from the composition of the Turkish traveler of the XVII century]. Simferopol', Mediatsentr im. I. Gasprinskogo Publ., 2017, 312 p.
41. Iakobson A. L. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury* [Medieval Crimea. Essays on the history and history of material culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 233 p.

Информация об авторе

Ломакин Д. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-4428-2017.

Author information

Lomakin D. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-4428-2017.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.404-414

МУСУЛЬМАНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЗНАЧИМОСТИ РОЛИ МЕДРЕСЕ В КРЫМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ксения Дмитриевна Шульман
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
ksenia_shulman@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7510-358X

Аннотация. В исследовании систематизируется и анализируется отображение (попытки реплики) архитектурных форм, свойственных медресе («медресевидность»), в надгробных памятниках средневекового Крыма (Кырк-Азизлер, Солхат и др.). Предпринимается попытка поиска синхронных аналогий в регионах со схожим этноконфессиональным составом. Анализируется вопрос о связи статуса лиц, занимавшихся науками и образованием – предполагаемых учеников или учителей медресе и типа их надгробных памятников.

Ключевые слова: средневековье, Золотая Орда, Крым, надгробные памятники, медресе, исламское образование, Кырк-Азизлер

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00076-П «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и новое время», https://rscf.ru/project/20-18-00076.

MEDIAEVAL MUSLIM TOMBSTONES IN THE CRIMEA AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE SIGNIFICANCE OF MADRASAH IN THE CRIMEAN SOCIETY

Kseniia D. Shul'man
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
ksenia_shulman@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7510-358X

Abstract. This research has systematised and analysed the images (attempts to replicate) of architectural forms typical of madrasah ("madrasah-ness") on the tombstones from the mediaeval Crimea (Kyrk-Azizler, Solkhat, and so on). An attempt has been made to search for synchronous analogues in regions with similar ethnoconfessional structure. The analyses also addresses the relationship between the status of persons associated with scholarship and education, or alleged students or teachers of madrasah, and the type of their tombstones.

Keywords: Middle Ages, Golden Horde, Crimea, tombstones, madrasah, Islamic education, Kyrk-Azizler

Acknowledgement: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076-П *The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period,* https://rscf.ru/project/20-18-00076.

Ни одно стихотворение не может быть таким же национальным, как надгробие. Потому что в них есть рукоделие, работа глаз и искусство. Они рассказывают нам о нас.

Яхья Кемаль Беятлы, турецкий поэт, писатель, политик, дипломат

В средневековом исламском обществе религиозное образование, неразрывно связанное с образованием в области гуманитарных и естественных наук, было высоко ценимым благом. Исламская философия ставила во главу угла синтез высшего неоспоримого открове-

ния и полученного путем собственных размышлений философов и ученых практических направлений знания. Исламское общество превозносило статус и роль ученого как мудреца, при этом он не мог творить вне морально-духовных установок ислама [15, с. 271]. Таким образом, стремиться к знанию должен был каждый; но получать его мог не каждый, и те, кто посвятил свою жизнь этому процессу, выделялись, были заметны, высоко уважаемы и ценимы в обществе. Это же общество фиксировало наличие подобных людей, создавая источники, по которым мы сегодня можем проследить их существование: посвятительные тарихи на зданиях общественного и образовательного характера, воспоминания путешественников и надгробные надписи.

Нужно отметить наличие изначальной связи между местами захоронения и местами обучения. Концепция османских куллие предполагает собой образование группы зданий «богоугодного назначения», центром которых всегда является захоронение либо устроителя комплекса, либо почитаемого человека [8, с. 133]. Отдельно на крымских примерах можно проследить близость кладбищ (некрополей) городов с преимущественно мусульманским населением (Бахчисарай, Старый Крым) к мечетям и медресе, иногда с обратным порядком возникновения (сначала мечеть/медресе, затем кладбище рядом).

Наличие надгробий, надписи на которых свидетельствуют о связи покойного с интеллектуальной сферой (астроном, ученый, мудрец, etc.), обычно трактуется как признак наличия среди этнической или территориальной группы «людей знания». В историографии подобное захоронение указывается обычно как демонстрация высокого статуса учености и ученых лиц среди этнографической группы [6, с. 54]. Но те, кто посвятил свою жизнь наукам, все же являлись участниками социально-общественных отношений. Для жизни, питания и обеспечения потребностей им были нужны финансы, которые они могли получить исключительно в рамках осуществления какой-либо деятельности, вероятно, связанной с их профессией или увлечением. Даже если это была не «заработная плата», а пожертвования, достаточные для существования, то и они были получаемы за осуществление понятной и очевидной жителям населенных пунктов интеллектуальной деятельности. Таковая традиционно проводилась в медресе или суфийских обителях.

Таким образом, можно предполагать, что на территории Крыма лица, в атрибутирующих надписях или архитектуре чьих надгробных памятников можно проследить связь с науками, реализовывали свою деятельность преимущественно в медресе или относились к суфиям.

Доказательство данного предположения возможно через анализ формы и надписей средневековых надгробных исламских памятников. В первую очередь рассмотрим те из них, где аналогии исходят из формы. В работе преимущественно анализируются те восьмигранные надгробия с имитацией сооружения на одном из «рогов», что в отечественной литературе получили название «дюрбеобразные» [11, с. 127].

Основанием для данной гипотезы послужили выводы экспедиции А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и У. А. Боданинского 1924 года. Ее история такова. В октябре 1922 г. на проходившем в Севастополе Первом съезде КрымОХРИСа У. А. Боданинский прочел доклад о памятнике татарского зодчества XIV века в Эски-Юрте и выразил надежду на скорейшее исследование этого некрополя. В сентябре 1924 г. от Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в Крым были направлены профессора И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров, для «разработки, совместно с КрымОХРИСом, исследовательского плана» и предварительных разведывательных работ. Научные результаты археологических исследований в Эски-Юрте были изложены А. С. Башкировым и У. А. Боданинским в статье «Памятники крымскотатарской старины: Эски-Юрт», опубликованной в журнале «Новый Восток» [4, с. 15].

Кроме итоговой публикации, нами были изучены находящиеся в личном архиве А. С. Башкирова дневники исследований экспедиции и собственноручно подписанные им фотоснимки: «Документальная коллекция археолога-антиковеда А. С. Башкирова (1885–1963 гг.). (Фотографии, выписки, дневники работ, письма и др.)». Они находятся в 598

личном фонде А. С. Башкирова в Отделе письменных источников ГИМ. К рассматриваемой проблеме относятся дела №№ 25–26 («Фото памятников Бахчисарая»), дело № 25 – за 1924 год. Повторяя логическую хронологию исследований А. С. Башкирова, в первую очередь опишем сделанные в 1924 году подписи к фотографиям, а затем приведем выводы о надгробных памятниках, которые были сделаны в статье журнала «Новый Восток».

Итак, в деле № 25 фото на листе 22 подписано как «Фото памятников Бахчисарая. Надгробие из Эски-Юрта медресовидного характера», также надгробия №№ 39, 47, 54, 55 – «медресовидного характера» [13, л. 22, 39, 47, 54, 55]. Подобных описаний (термина) более в отечественной литературе не встречается, даже с учетом фонетических особенностей (более верно было бы написать «медресевидного»). Более того, в самих работах А. С. Башкирова этот термин будет упомянут еще всего лишь раз – в отчетной публикации об этих раскопках в номерах 8–9 журнала «Новый Восток».

Перейдем к анализу данной публикации, в цитате сохранена орфография автора. «Двурогие надгробия Кырк-Азизлера совершают интересную эволюцию: основной корпус их и двурогие части надгробий принимают формы архитектурных деталей и не каких-либо фантастических, а вполне реальных образцов монументальных сооружений. В подобных памятниках формы настолько иногда реалистичны, точно они выполняют по особому заказу монолитные архитектурные модели. Сюжетом для этих своеобразных моделей (или архитектурных реплик в миниатюрных формах), являются монументальные сооружения погребального культа и связанные с ними соответствующие пристройки. За образцы берутся разные формы дюрбе (мавзолеи) и *примыкающие к ним длинные галлереeобразные медресе* (здесь и далее выделено мной – К.Ш.) или базиличного типа формы мечети» (рис. 1, внизу). Здесь же Усеином Боданинским делается примечание 1, в котором конкретизируется следующее: «В монументальной архитектуре одно дюрбе с могилой какого-либо уважаемого человека с пристроенным к нему *коридорообразным медресе*, а иногда два дюрбе, *соединенные медресевидным корпусом*, встречаются по всему мусульманскому Востоку и в особенности в Турции (напр., в Бруссе и др.)». Под Бруссой следует понимать в современной орфографии Бурсу (тур. Bursa), бывшую в 1326–1365 гг. столицей османского государства на заре его существования. До начала XX века было распространено греческое название Пруса (греч. Προύσα, Прусса), а также Брусса [3, с. 299].

Все упоминания медресе в данном тексте крайне дискуссионны и требуют отдельного комментария. Упомянутый принцип строительства «пристроенных» к дюрбе медресе для Крыма неизвестен: в обоих известных нам случаях сохранившихся крымских медресе, дюрбе в прилегающем комплексе имеет позднейшее происхождение. Дюрбе Инджибек-хатун (сводчатая усыпальница) со склепом (погребальной камерой) в одном из зимних помещений западного крыла медресе Узбека появилось путем перестройки, возможно, в связи с окончанием функционирования самого учебного заведения в последней трети XIV столетия [9, с. 716]. Дюрбе Менгли-Герая возле построенного им же медресе Зинджырлы также появилось позже сооружения медресе, рядом с ним, и непосредственно не примыкает к нему. Далее идут ассоциации по форме сооружения: длинная крытая галерея, идущая от восьмигранного купольного сооружения – «галереeобразные» и «коридорообразные» медресе. В данном случае погребальное сооружение представляет собой реплику не всего медресе, суть которого в различных формах – окруженный галереями двор, а лишь его детали – той самой крытой галереи, идущей не по кругу, а между двух «куполов» могилы.

Можно предположить, что А. С. Башкиров, говоря о аналогиях в Бурсе, комментирует наличие в обоих случаях феномена куллие – комплексов дюрбе, мечети, медресе и др. зданий и попытку передачи этого комплекса в надгробном сооружении. Дюрбе или любой формы усыпальница в османской и иногда золотоордынской традиции действительно становились центром подобных комплексов. И вновь прослеживается связь поминовения и обучения: в мечетях, входящих в состав куллие, обязательно предоставлялось помещение-табхана для длительного пребывания духовных учителей, молившихся об упокоении основателя такого комплекса. Наконец, ни одно куллие той же Бурсы, первой османской

столицы, не обходилось без медресе, превращающихся из духовных училищ в «кузницу кадров» для формирующейся османской административной системы, остро нуждавшейся в грамотных чиновниках [8, с. 136]. А. С. Башкиров не указал прямой аналогии, но можно предположить, что речь идет о куллие Худавендигар в Бурсе, где Мурад I последовал практике сельджукских правителей и членов их семей, строивших мавзолеи либо в непосредственной близости от основанной ими мечети, либо даже на периферии здания медресе в расчете на регулярные поминания имени учредителя вакфа [8, с. 140].

Далее в работе У. А. Боданинского и А. С. Башкирова приводится детальная характеристика и анализ формы надгробий Кырк-Азизлера. Среди них описываются три интересующих нас, которые могут быть сопоставлены с фотографиями из личного архива.

«Развитие форм эски-юртских надгробий в область архитектурных деталей идет дальше: дюрбеобразную форму принимают оба рога надгробий; их основной монолит-корпус обрабатывается деталями внешних *базиличных форм медресе*» [3, с. 301].

«Надгробие № 2 (Рис. № 6 – памятник находящийся на втором плане (рис. 1 в данной статье)) с дюрбеобразными рогами и *медресевидным базиличного типа корпусом* увлекательно интересно по своим деталям. <…> Основной корпус надгробия уже определенно передает архитектурные формы двускатно-перекрытой галереи; так, под фризом орнаментальной ленточной плетенкой знакомых нам форм намечены врезом стрельчатые окна» [3, с. 302].

«Среди усложненных и в форме, и в деталях особо интересное надгробие по описи № 9. Этот *дюрбеобразно-медресевидный* памятник трактован в своеобразной перспективной форме постепенно понижающим высоту его и суживающимся от головной – западной части к восточной. Это объясняется желанием мастера придать ему не только архитектурные формы, но еще и форму гробовидного саркофага. <…> Основной корпус надгробия повторяет формы № 1, но с разницей в деталях орнаментации: также верхний этаж с часто расположенными окнами, нижний покрыт орнаментом, в виде широко-переплетающихся стеблей вьющегося растения с иссушенными листьями плюща» [3, с. 305].

Отдельно следует отметить привлекший внимание исследователей геометрический орнамент, представляющий «перекрещивающиеся продолговатые и заостренные квадратики, выродившиеся из оваликов того же положения и представляющий своеобразную форму средневекового восточного меандра». Аналоги ему А. С. Башкиров и У. А. Боданинский видели в монументальных мусульманских памятниках в Сельджукской Конии, на обрамлении арки портала Сиркели-Медресе XIII века; на мусульманских мавзолеях Ахлат'а XIII века, etc. [3, с. 300].

Датировка найденных на Кырк-Азизлере захоронений была осуществлена авторами частично, лишь для могил с сохранившимся написанием даты. В публикации 1925 года среди всех указывается два типа надгробий; второй из перечисленных, «двурогий тип», получающий усложнение до дюрбеобразно-медресевидной формы, в целом не датируется точнее, чем «близкий по времени» к первому, «древнейшему» – монолитным надгробиям. На основании имеющих дату в сохранившемся тексте надгробий, А. С. Башкиров и У. А. Боданинский делают вывод, что «Эски-Юрт своим некрополем Кырк-Азизлер дал нам памятники в большей своей части относящиеся ко 2-ой половине XIV века и к началу XV в.» [3, с. 310].

Однако находки экспедиции 1924 года не стали последними для данного памятника. В 2016 г. участок некрополя, попадающий в зону строительства, был обследован отрядом ИА РАН под руководством И. В. Рукавишниковой. Охранные раскопки В. П. Кирилко и Е. М. Пигарева прошли здесь в 2017 г. и включали в себя исследование 37 захоронений. Среди приведенных в публикации иллюстраций надгробие (рис. 2) безусловно относится к тому же типу дюрбеобразных-медресевидных надгробий по классификации А. С. Башкирова. «Южная, более древняя часть» некрополя, где оно было найдено, по мнению авторов раскопок, может датироваться XIV–XVII вв. [7, с. 59–60]. Совпадающие даты дали основание в настоящее время сделать вывод о том, что кладбище было некрополем золотоордынского городища Эски-Юрт. Некоторые исследователи, среди

них М. М. Чореф, считают, что в XIV–XV вв. здесь существовал культовый центр, связанный с почитанием могил Чингизидов. В 2018 г. Институтом археологии РАН, в связи со строительством трассы «Таврида», были продолжены археологические исследования некрополя и близлежащего поселения.

Почему А. С. Башкиров использует для обозначения формы надгробий Кырк-Азизлера именно слово «медресевидное»? Учитывая приводимые ими среднеазиатские и малоазийские аналогии, можно предположить, что, впервые приступая к изучению памятников такого типа, ученые выбрали для ассоциации форму, с которой были знакомы на историографических примерах.

Конструктивно подобные «дюрбеобразные» памятники встречаются и в Старом Крыму, возле руин Солхатского медресе-мечети, исследования на месте которой проводились теми же людьми уже в следующем, 1925 году. Поэтому загадкой является то, почему в дневниках и описаниях А. С. Башкирова, несмотря на прилегание данных могил непосредственно к комплексу медресе-мечети Узбека, ни разу не встречается указание на архитектурное сходство их восьми- или шестигранного навершия или корпуса с медресе. Позднейшие исследования крымских средневековых исламских надгробных памятников не акцентируют внимания на упомянутую А. С. Башкировым «медресевидность» [1, с. 362–373]. При этом форма восьмигранных надгробий носит называние «дюрбеобразные», без дополнительного выделения медресевидного компонента [11, с. 127].

Солхатский комплекс погребений более изучен и начата его систематизация. Именно в отношении этих памятников после их исследования было сделано предположение О. Акчокраклы о том, что вертикальные восьмигранные, а также цилиндрические надгробия устанавливались над мужскими погребениями, в отличие от вертикальных плоских надгробий, которые устанавливались над погребениями женщин [2, с. 153]. По классификации М. А. Усеинова, вертикальные надмогильные солхатские памятники в форме восьмигранной призмы можно разделить на два подтипа: 1) с фигурным навершием, у которого верхняя часть памятника по форме похожа на купол дюрбе, или мужской головной убор, и 2) подтип без фигурного навершия [12, с. 206]. В новейшей его работе интересующий нас первый подтип (получивший название «баш-таш») был, в свою очередь, разделен на 5 подтипов (рис. 3), которые М. А. Усеинов связывает с видами куполов золотоордынских дюрбе: 1) 8-гранные памятники с куполообразным навершием, разделенным на 8 секторов; 2) 8-гранные памятники с навершием – рубчатым куполом, каждая грань которого внизу оканчивается сталактитом (именно этот подтип М. А. Усеинов считает описанным в работе Башкирова и Боданинского); 3) безсталактитовые навершия со стилизацией под рубчатый купол дюрбе, возможно, похожие на мужской головной убор; 4) 8-гранные с навершием-полусферой; 5) 8-гранные с коническим навершием («карандаши», похожие на купол золотоордынских дюрбе). Согласно исследованиям, такие памятники несут следующую информацию: имя, имя отца, нисба (образованная по географическому принципу), имеют диаметр восьмигранника размером от 17 до 22 см, высота целых памятников от 60 до 120 см [11, с. 126–128].

Хронологически солхатский некрополь возле медресе-мечети синхронен периоду существования комплекса, наибольшее количество могил относится к периоду 40-х годов XIV – началу XV в. Однако, по словам исследователей, 8-гранных наверший надгробий слишком много – около 40% от более чем 300 находок, для того чтобы однозначно привязать подтип «баш-таш» к захоронениям лиц, причастных к медресе. Гораздо более вероятна привязка типа к захоронению членов суфийской обители. Тем не менее, прослеживается совпадение периодов существования медресе и наибольшей концентрации памятников.

Кроме необходимости наличия обоснования выбора формы надгробия и места расположения некрополя, объяснений также требует причина возникновения и прекращения традиции погребения в данном конкретном месте. По мнению М. Г. Крамаровского, данная территория, после появления дюрбе на месте одного из помещений медресе, стала мавзолеем-мазаром [9, с. 716]. Возникает вопрос о том, что происходило с научной жизнью Сол-

хата с момента постройки дюрбе в части медресе и до землетрясения, предположительно 1423 г., уничтожившего постройку. Функционировало ли учебное заведение параллельно с существованием на его территории дюрбе, или обучение здесь прекратилось и совершалось лишь поминовение?

Все приведенные данные дают представление о неком всплеске наук, учености, в определенный период XIV века на этой небольшой территории Солхата; жизни яркой и хорошо прослеживаемой по эпиграфическим надгробным источникам общины. При этом имеющийся диссонанс в письменных и археологических источниках приводит к необходимости заострить следующую проблему. На основании данных Ибн Батутты и Эвлии Челеби в научной литературе год за годом транслируется информация о существовании нескольких медресе (в контексте – зданий медресе) в Старом Крыму в этот период [6, с. 17]. Путем контент-анализа, проведенного А. Г. Герценом и другими исследователями, в том числе издателями и переводчиками, неоднократно доказывался факт того, что числа, приводимые средневековыми арабскими путешественниками, являются очевидным преувеличением [14, с. 10]. В то же время, археологически на территории средневекового Солхата на данный момент фиксируется лишь одно медресе, и время его существования не столь продолжительно. Число его возможных учеников и учителей, если предполагать их погребение возле «альма-матер» и связать погребения типа «баш-таш» с погребениями ученых, не превышает 40% от 300 – то есть, чуть менее 140 человек за практически 100 лет. Окончательные выводы из-за отсутствия достаточной изученности местности делать невозможно, отрицать существование иных солхатских медресе как учреждений также безосновательно. Тем не менее, трудно не выдвинуть версию, которая может быть опровергнута только фактом археологического открытия, что в Солхате было лишь одно здание, специально построенное для медресе, с особой, нашедшей отражение даже в прилегающих надгробных памятниках, архитектурой – то самое медресе Инджбек-хатун, оно же хана Узбека. После его уничтожения в результате землетрясения научная жизнь в городе затихла, а в начале XVI в. место Солхата как центра учености занял Бахчисарай, благодаря Зинджырлы-медресе. На территории Кырк-Азизлера вполне могли быть погребены лица, причастные и к нему; однако, если основываться на сходстве архитектуры, дюрбеобразно-медресевидные надгробия гораздо больше напоминают портал и оды Солхатского медресе, чем скромные очертания Зинджырлы.

Отдельного упоминания требует надгробие астронома Уруса-Ходжи в Старом Крыму. В отношении заявленной темы наличие такового надгробия может трактоваться следующим образом: он был выпускником какого-либо из крымских медресе или мог преподавать астрономию, которая, по некоторым предположениям, входила в круг изучавшихся в медресе светских наук. С другой стороны, близлежащая могила Махмуда Эхи (№ 41 по описи А. С. Башкирова) свидетельствует, по трактовке А. С. Баширова и У. А. Боданинского, о наличии в Крыму деятельности суфийского братства «эхи». Целесообразным было бы также предположить, что деятельность братства не могла быть оторвана от местности и строиться исключительно на иммиграции турецких представителей. Предположение о создании суфийскими братствами своих медресе с локальными особенностями подготовки также неоднократно фигурировало в литературе [5, с. 404].

Поиски внекрымских аналогий – трактовки местными исследователями нанесенных на надгробные памятники объемных или рельефных изображений зданий именно как медресе, дали лишь одну, достаточно далекую в хронологическом отношении находку. О ней, тем не менее, следует упомянуть. Единственным отчетливо атрибутируемым примером изображения медресе на надгробных памятниках можно считать собранные в работе H. Kamil Biçici примеры надгробий из города Гёрдес, провинции Маниса, Турция. Сам город с 1071 года принадлежал туркам, однако кладбище относится к более позднему периоду. Могилы (№№ 2, 5, 6, 7, 20, 23, 24, 28, 29), на которых нанесено изображение, трактуемое автором как медресе, примерно в равной мере распределены по общей хронологической выборке – с 1709 по 1877 гг. Изображенное на надгробиях, кроме остальных зданий, медресе, веро-

ятнее всего, является тем самым местным медресе, о наличии которого сообщает Эвлия Челеби. Для нас в данном случае важно понять, опираясь на какие именно детали постройки, ученый выделяет из внешне сходных учреждений контур медресе. Для атрибуции изображения как медресе H. Kamil Biçici приводит следующие основания: арочно-галерейная форма купольного здания, в случае если рядом изображено два разновысотных купольных здания – это куллие из дюрбе и медресе (рис. 4). Медресе и дюрбе Гёрдеса, в отличие от большинства крымских, шестигранные [16, p. 1695–1752]. Описывая традицию изображения медресе на надгробных памятниках, ученый, в частности, ссылается на работу Yılmaz Önge, где указывается на мотив мечети в росписи и рельефном украшении анатолийского стиля, где изображались «религиозные здания, такие как мечети, медресе и гражданские здания, дворцы, особняки, фонтаны, на куполах, потолках или стенах зданий, световых люках, минаретах, а также на надгробных плитах» [17, p. 9].

Из иных аналогий можно отметить также влияние Регистана (площади трех медресе в Самарканде) на архитектуру близлежащего некрополя Шахи-Зинда. Впрочем, в городе со столь большим числом медресе сложно уследить копирование архитектурной формы одного из них для мавзолея.

Отметим также интересную деталь, касающуюся связи захоронений и медресе вплоть до настоящего времени, которая доставляет некоторые неудобства при исследовании современным ученым. Рубить деревья и кусты на кладбищах, чтобы сфотографировать надгробия или для других целей, кроме для использования их в строительстве или ремонте мечетей и медресе, по шариату не допускается [10, с. 79].

Подводя итоги и возвращаясь к выдвинутой вначале гипотезе, следует подчеркнуть, что вывод о роде занятий погребенных, исходя из формы избранного для них надгробного сооружения, может показаться излишне смелым предположением. В качестве иных факторов выбора формы надгробия, проводя этнографические параллели, невозможно упускать из внимания также личную волю покойного, финансовое положение семьи, волю семьи и местную традицию. Возможность трактовки восьмигранных крымских «дюрбеобразно-медресевидных» надгробий как признака отношения их к ученым или, по крайней мере, к мужчинам (или особо уважаемым женщинам – жертвователям, женам или родственницам шейхов) определенного социального статуса может встретить обоснованные сомнения, в первую очередь, в связи с количеством подобных могил. Однако при наличии такого варианта трактовки формы надгробного сооружения можно, вслед за А. С. Башкировым и У. А. Боданинским, рассматривать и подобную гипотезу. Вторым вариантом объяснения существования именно такой формы надгробных памятников может служить описанный выше принцип подбора мастером (или родственниками покойного) образца для конструкции надгробия среди значимых местных общественных зданий.

Отдельной исследовательской задачей остаётся создание свода надгробных «дюрбеобразно-медресевидных» и «дюрбеобразных» в целом памятников, с опорой на переводы О. Акчокраклы. Тогда будет возможна корреляция формы известных надгробий и надписей на них. Решению данной задачи будет посвящена отдельная работа.

Говоря о повсеместности подобной практики и комментируя сложность поиска аналогий, следует очерчивать границы погребальной традиции местной, иногда даже городской, культурой. Несмотря на то, что «городов учености» в исламском средневековом мире было немало, учитывая этнографические различия, каждый из них формировал особый ритм города для живых и особые порядки и традиции для образа почитания умерших.

Приводимые А. С. Башкировым и У. А. Боданинским параллели, кроме того, демонстрируют включенность крымских медресе в комплексы типа куллие путем копирования мастерами-каменотесами и резчиками реальности (формы зданий, общей орнаментики) в надгробных памятниках. При этом такую же трактовку формы надгробий исламских погребений как повторение (реплику) формы важных общественных сооружений в иных регионах пока найти не удалось.

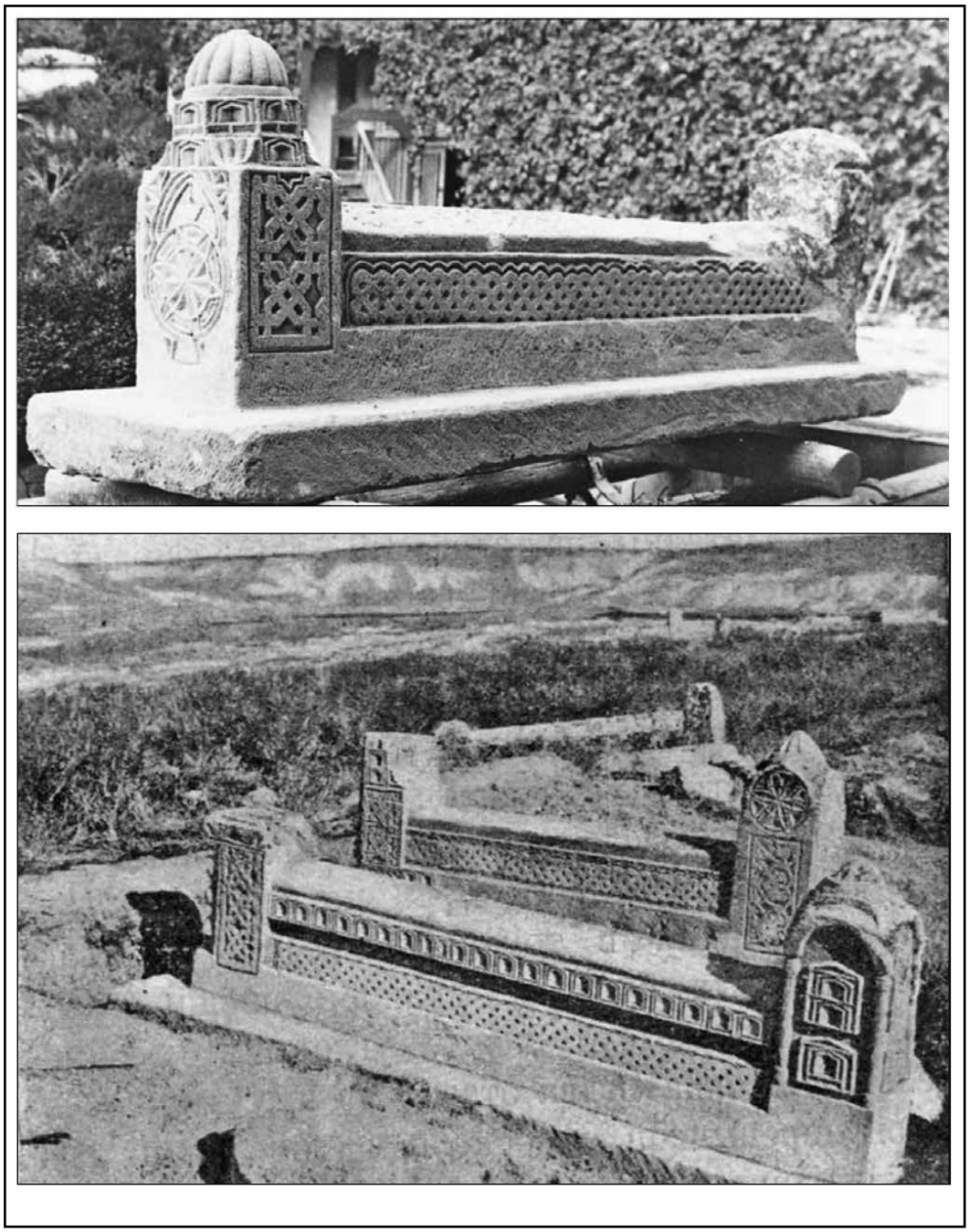

Рис. 1. «Медресевидные надгробия» по А. С. Башкирову и У. А. Боданинскому [по: 3, с. 300, 303]

Fig. 1. A. S. Bashkirov and U. A. Bodaninskii's "madrasah-like tombstones" [after: 3, c. 300, 303]

Рис. 2. Надгробие дюрбеобразно-медресевидной формы [по: 7, с. 60, рис. 2,4]

Fig. 2. Tombstone featuring a türbe-like or madrasah-like form [after: 7, с. 60, рис. 2,4]

Рис. 3. Типология надгробий подтипа «баш-таш» («дюрбеобразные») по М. А. Усеинову [по: 11, с. 131, рис. 1]

Fig. 3. M. A. Useinov's typology of the tombstones of subtype "baş-taş" ("türbe-like") [after: 11, с. 131, рис. 1]

Рис. 4. Надгробия Гёрдеша с изображением медресе [по: 16, p. 1738]

Fig. 4. Tombstones from Gördes showing a madrasah [after: 16, p. 1738]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Средневековые надгробные памятники степного Крыма // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 362–373.
2. Акчокраклы О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152–159.
3. Башкиров А.С., Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт // Новый Восток. 1925 . № 8–9. С. 295–311.
4. Боданинский У. Собрание сочинений. Том I. Научное наследие. Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 272 с.
5. Боданинский У. Собрание сочинений. Том III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
6. Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: ЧП «Элиньо», 2009. 432 с.
7. Кирилко В.П., Пигарев Е.М. Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. 8. С. 59–60.
8. Кононенко Е.И. Роль куллие в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. № 1 (6). С. 133–148.
9. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV – начала XV вв. в Солхате (новые материалы) // Золотоордынское обозрение. 2020. № 4. С. 714–736.
10. Маммаев М.М. Мусульманские надмогильные памятники XIV–XV вв. из с. Кубачи: особенности декоративной отделки // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2017. № 3 (51). С. 77–99.
11. Усеинов М.А. Восьмигранные надмогильные памятники города Солъхат/Кырым: типология форм // Солхатские чтения II. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма (г. Старый Крым, 12 сентября 2024 г.): Материалы научной конференции / Отв. ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Ариал, 2024. С. 126–132.
12. Усеинов М.А. Старокрымские мусульманские надмогильные памятники золотоордынского периода (на примере подтипа в форме восьмигранной призмы без фигурного навершия) // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 205–209.
13. Фото памятников Бахчисарая, 1924 г. // Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 25. Л. 22–55.
14. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер., вступ. ст. и ком. Е. В. Бахревский. Изд-е 2-е, испр. и доп. Симферополь: Доля, 2008. 274 с.
15. Шульман К.Д. Образование и ученость в философии и мировоззрениях ислама: видение изнутри и вне культуры // Практическая философия: состояние и перспективы. Сборник материалов VI научной конференции, Симферополь – Ялта, 24–26 мая 2023 г. Симферополь: Ариал, 2023. С. 271–275.
16. Biçici H. Kamil. Gördes'te bulunan mimari tasvirli mezar taşlarindan bazi örnekler // Geçmişten Günümüze Manisa, Şehzade II. Mehmet ve Manisa Tarihi. Manisa Celal Bayar Üniversitesi, 2018. P. 1695–1752.
17. Önge Yılmaz. Anadolu Mimari Sanatinda Ahşap Stalaktiti Sütun Başiklari // Onasya. 1968. Sayi 4/37. P. 8–9.

REFERENCES

1. Aibabina E.A. Mediaeval Gravestones from the Crimean Steppe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 362–373.
2. Akchokrakly O.-N.A. Old Crimean inscriptions: based on excavations of 1928. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1929, vol. 3, pp. 152–159.
3. Bashkirov A.S., Bodaninskii U. Monuments of Crimean Tatar antiquity: Eski-Yurt. *Novyi Vostok* [New East], 1925, no. 8–9, pp. 295–311.
4. Bodaninskii U. *Sobranie sochinenii. Vol. I. Nauchnoe nasledie* [Collected Works. Volume I. Scientific Heritage]. Kazan, Simferopol, Sh. Marjani Institute of History Publ., 2019, 272 p.
5. Bodaninskii U. *Sobranie sochinenii. Vol. III. Materialy: dnevniki ehkspeditsii, risunki, plany, otchety i dr. Bakhchisaraiskogo dvortsa-muzeya (1920–1934)* [Collected Works. Volume III. Materials: expedition diaries, drawings, plans, reports, etc. of the Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934)]. Kazan, Simferopol, Sh. Marjani Institute of History Publ., 2020, 544 p.

6. Boitsova E.E., Gankevich V.Yu., Muratova E.S., Khairedinova Z.Z. *Islam v Krymu: ocherki istorii funktsionirovaniya musul'manskikh institutov* [Islam in Crimea: essays on the history of the functioning of Muslim institutions]. Simferopol, Elinyo Publ., 2009, 432 p.
7. Kirilko V.P., Pigarev E.M. Research of the Kirk-Azizler burial ground in 2017. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2018, vol. 8, pp. 59–60.
8. Kononenko E.I. The role of kulliye in the layout of early Ottoman Bursa. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* [Questions of general history of architecture], 2016, no. 1 (6), pp. 133–148.
9. Kramarovsky M.G., Seydaliev E.I. A Türbe of the late fourteenth or early fifteenth century in Solkhat (new materials). *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2020, vol. 8, no. 4, pp. 714–736. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.714-736.
10. Mammaev M.M. Muslim gravestones of the 14th–15th centuries from the village of Kubachi: features of decorative finishing. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN* [Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS], 2017, no. 3 (51), pp. 77–99.
11. Useinov M.A. Octagonal gravestones of the city of Solkhat/Kyrgyzstan: typology of forms. E.I. Seydaliev (ed.), *Solkhatskie chteniia II. Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma (g. Staryi Krym, 12 sentiabryi 2024 g.): Materialy nauchnoi konferentsii* [Solkhat readings II. The Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea (Stary Krym, September 12, 2024): Proceedings of the scientific conference]. Simferopol, Arial Publ., 2024, pp. 126–132.
12. Useinov M.A. Stary Krym Muslim gravestones of the Golden Horde period (exemplified by a subtype in the form of an octagonal prism with no figured top section). *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes], 2017, no. 6, pp. 205–209.
13. Photos of Bakhchisarai Monuments, 1924. *Otdel pis'mennykh istochnikov GIM* [Department of Written Sources, State Historical Museum], F. 598, Op. 1, D. 25, pp. 22–55.
14. Chelebi E. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [The Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions (Extracts from the Work of a 17th Century Turkish Traveler)]. Transl. and comment. by E.V. Bakhrevsky. Simferopol, Dolya Publ., 2008, 274 p.
15. Shul'man K. D. Education and scholarship in the philosophy and worldviews of Islam: a vision from within and outside the culture. *Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy. Sbornik materialov VI nauchnoi konferentsii, Simferopol – Yalta, 24–26.05.2023* [Practical philosophy: state and prospects. Collection of materials of the VI scientific conference, Simferopol – Yalta, May 24–26, 2023], Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 271–275.

Информация об авторе

Шульман К. Д. – аспирант исторического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, AuthorID: 1108213.

Author information

Shulman K. D. – Postgraduate Student of the faculty of history of the Institute "Tavricheskaya Academy" of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Junior Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of RAS, AuthorID: 1108213.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.415-429

ОСОБЕННОСТИ ВООРУЖЕНИЯ САЛГИРСКОГО ФЕЛЬДШАНЦА – ПЕРВОЙ РУССКОЙ КРЕПОСТИ В КРЫМУ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Татьяна Николаевна Смекалова*
Алексей Сергеевич Деваев
Андрей Николаевич Гаврилюк
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
* *tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372*

Аннотация. Статья посвящена изучению вооружения Салгирского фельдшанца 1772–1784 гг. – первой русской крепости в Крыму. Местоположение самой крепости и ее арсенала было локализовано с помощью магнитной съемки в одной из излучин реки Салгир к югу от с. Мускатное Красногвардейского р-на Республики Крым. На плане крепости в «Атласе планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г., хранящемся в РГВИА, отмечены два артиллерийских погреба. Один из них отразился на карте магнитного поля в виде мощной магнитной аномалии. Раскопки выявили часть артиллерийского погреба с 516 чугунными снарядами четырех калибров (четыре трехфунтовых ядра, 216 шестифунтовых гранат и 8 шестифунтовых ядер, 286 двенадцатифунтовых ядер и 2 двадцатифунтовых ядра). По указу Екатерины II 1784 года пушки из Салгирского фельдшанца были вывезены, однако боеприпасы в одном из погребов так и остались в крепости, где пролежали более 240 лет. Клеймо «ШУ» на одной из гранат, возможно, означает «Шувалов». Не исключено, что эта и другие найденные в Салгирской крепости гранаты и ядра были отлиты на одном из заводов, входящих в уральский Горноблагодатский комплекс, хозяином которого в 1754–1762 гг. был граф Петр Иванович Шувалов. Будучи с 1756 года «при артиллерии главным командиром», он способствовал разработке и внедрению новых орудий, пушек-гаубиц, получивших имя «единороги» от геральдического изображения этого фантастического животного на гербе графа Шувалова. Вероятно, и ядра к ним также изготавливались по распоряжению П.И. Шувалова на его собственном заводе.

Ключевые слова: *Салгирский фельдшанец, Крым, магнитная съемка, артиллерийский погреб, чугунные ядра и гранаты*

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10025 «Первые русские крепости в Крыму накануне его присоединения к России. Междисциплинарное исследование», https://rscf.ru/project/23-28-10025/.

FEATURES OF THE ARMAMENT OF THE SALGIR FIELDWORK, THE FIRST RUSSIAN FORT IN THE CRIMEA: AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Tatiana N. Smekalova*
Aleksei S. Devaev
Andrei N. Gavriliuk
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
* *tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372*

Abstract. This article researches the weaponry of the Salgir fieldwork from 1772–1784, the first Russian fort in the Crimea. The location of the fort and its arsenal was localized with magnetic surveys on a bends of the Salgir River south of the modern village of Muskatnoe, Krasnogvardeiskoe administrative area of the Republic of Crimea. The plan of the fort in the *Atlas of Plans and Profiles of Field Fortifications*

(Fieldworks) in the Crimea and Its Environs of 1778, which resides in the Russian State Military Historical Archive (RSMHA), shows two artillery cellars. One of them appears on the magnetic field map as a great magnetic anomaly. The excavations uncovered a part of the artillery magazine containing 516 cast iron shells of four calibers (four three-pound cannonballs, 216 six-pound grenades, and 8 six-pound cannonballs, 286 twelve-pound cannonballs and 2 twenty-pound cannonballs). Although Catherine II's decree of 1784 ordered to remove the cannons from the Salgir fieldwork, the ammunition remained in one of the cellars in the fort for more than 240 years. The mark "*ШУ*" on one of the grenades possibly means "Shuvalov." It is possible that this and other grenades and cannonballs excavated in Salgir fort were cast at one of the factories of the Gornobladatskii complex on the Urals, which was owned by Count Petr Ivanovich Shuvalov. "The chief commander of the artillery" from 1756 on, he contributed to the development and implementation of new howitzers, called "edinorog/unicorn" after the heraldic image of this monster on Count Shuvalov's coat-of-arms. The cannonballs were probably made by P. I. Shuvalov's order at his own factory.

Keywords: Salgir fieldwork, Crimea, magnetic survey, artillery cellar, cast-iron cannonballs and grenades

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation and the Republic of the Crimea within the project no. 23-28-10025 *The First Russian Fortresses in the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia. An Interdisciplinary Research*, https://rscf.ru/project/23-28-10025.

К 250-летию Кучук-Кайнарджийского мирного договора

Первая Русско-Турецкая война, начавшаяся в 1768 году, закончилась 10 июля 1774 г. заключением Кучук-Кайнарджийского мира. Крымский поход русских войск в 1771–1772 гг., возглавляемый князем Василием Михайловичем Долгоруковым, был важнейшей частью этой кампании, целью которой было взятие Кафы (Феодосии). На пути следования русской армии в 1771 г. от Перекопа на юг было несколько стоянок, отмеченных на карте «Крымского полуострова с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В.М. Долгорукого. 1771 г.» [См.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Таврическая губерния. № 4]. Салгирский фельдшанец возник на месте одной из таких стоянок в излучине левого берега при крутом повороте реки Салгир (рис. 1б,*1*) [15, с. 79–81, рис. 2].

Строительство крепости началось не сразу; вначале, для охраны переправы через реку, на ее правом берегу был построен небольшой фортификационный объект, отмеченный условным знаком на карте 1771 г. (рис. 1в,*2*) и отчетливо вычерченный в виде квадратного ретраншемента на карте 1772 г., выпущенной в Берлине[1] (рис. 1г). Рядом с обозначением редута имеется подпись по-французски "Retranchement prés du Fleuve Salgir" (ретраншемент у реки Салгир). Его возвели русские ретраншемент-инженеры и саперы под руководством генерала Сен-Марка. На месте понтонной переправы позднее был построен каменный мост, в перестроенном виде функционирующий по сей день у с. Коренное (рис. 1б,*2*).

Строительство большой крепости на левом берегу Салгира

Большую крепость на северном, левом берегу реки Салгир начали строить только весной 1772 г. части русской армии, оставшиеся на зимовку. Крепость была закончена в 1773 году. Её детальный красочный план открывает «Атлас планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г.[2] [13, с. 110.

[1] "*Carté la Crimée Levée pendant la derniere guerre de 1772 dédiée á fon Altesse Royale Monseigneur Prince Henri de Prusse Frére du Roi. Par son trés humble et trés obeissant serviteur de Kinsbergen Capitaine de Haut Bord au service des Provinces Unies et Chevalier de l'orde Militaire de st. Geogre de Prussie le 18. Janv. 1776*" («Карта Крыма, составленной в конце войны 1772 года, преподнесенной Его Королевскому Величеству, принцу Генриху Прусскому, брату Короля, через де Кинсбергена, капитана береговой службы, кавалера ордена св. Георгия, в России. 18 января 1776 года»), издана в Берлине на французском языке.

[2] См.: Атлас планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей. 33 л. в красках, размер до 37×50 см, масштаб от 1:1680 до 1:240. Подписали инженер-поручики Александр Кемпен и Михаил Башалзин // РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

рис. 50; 14, с. 58. рис. 37]. Крепость представляет собой шестиугольную фигуру несколько вытянутой неправильной формы, очертания которой повторяют крутой изгиб реки (рис. 2). Размеры укрепления по внутреннему обводу составляют примерно 82×43 саженей, или 175×90 м. Детальное описание особенностей строения этого фортификационного сооружения опубликовано [15, с. 81–83]. Для нас важно, что в Салгирском фельдшанце, судя по его чертежу, были предусмотрены 23 артиллерийские позиции. Они располагались по всему периметру крепости: в восточном, северном, южном бастионах, в юго-восточном и южном полубастионах и прилежащей куртине, а также на реданном выступе.

В крепость можно было попасть с напольной стороны через проезд, устроенный в середине северной куртины. Переправиться через мост, наведенный через Салгир, можно было только проехав через крепость и выехав из неё через проезд в юго-восточной части крепости. Таким образом, крепость являлась своеобразным «замкóм» для переправы через Салгир. Оба проезда имели надежное артиллерийское и стрелковое прикрытие перекрестным огнем с бастионов. Внутри крепости располагались заглубленные казематированные постройки: казармы для офицеров и солдат, пороховые склады и два артиллерийских погреба. Последние, как можно будет увидеть далее, будут особенно важны для нашего исследования, поэтому они отмечены на рис. 2 цифрами 1 и 2.

Эта крепость выполняла функцию опорного укрепления, защищая переправу через р. Салгир на пути от Перекопа – «ворот Крыма» – к Кафе, а также обеспечивая охрану перекрестка важных дорог, идущих на юг и запад вдоль Салгира по левому берегу в Ак-Мечеть (Симферополь) и Бахчисарай.

Крепость просуществовала недолго. 10 февраля 1784 года именным указом Екатерины II, данным Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину, в Крыму оставались крепости Перекоп, Евпатория (или Козлов), батарея у Сербулата, большая крепость у Севастополя, укрепления у Балаклавы, Феодосии (или Кафы), а вместо Керчи и Ени-Кале создавалась сильная крепость Воспор у Павловского редута. Остальные укрепления отныне крепостями предписывалось «не почитать», а гарнизонами и артиллерией «распорядиться по своему усмотрению» [11, с. 21–22].

Поиски и исследование крепости

Долгое время местонахождение Салгирской крепости оставалось неизвестным, так как ее руины к настоящему времени оказались полностью разрушенными. Поиски крепости на местности осложнялись чрезвычайной естественной извилистостью русла реки Салгир, протекающей по равнинной местности, что породило множество изгибов, в которых могла располагаться искомая крепость. На некоторых участках река была спрямлена во второй половине XX в. в связи с активным возделыванием её берегов под образцовые орошаемые сады и виноградники. В начале XXI в. отслужившие фруктовые деревья были выкорчеваны, а поверхность полей нивелирована. В результате следы крепости были полностью стерты с лица земли.

Обнаружение следов крепости

Примерное ее местонахождение было локализовано на обширном пахотном поле в большой излучине реки к югу от с. Мускатное благодаря поисковой деятельности краеведов Красногвардейского районного отделения Военно-исторического общества [6, с. 3–8]. Частые находки металлических предметов и фрагментов керамических изделий XVIII в. на этом поле указывали на нахождение здесь крепости.

Для того, чтобы более точно определить положение самого укрепления и отдельных его частей, исследовательской группой Крымского федерального университета были проведены масштабная магнитная съемка, охватившая территорию всей излучины реки, а также прецизионная топографическая съемка в точных GPS координатах [15, с. 78–94].

Магнитная съемка

Полученная магнитная карта в виде теневых изображений в градации серого приведена на рис. 3*а*. На ней светлыми тонами показаны отрицательные, а темными – положительные аномалии. Хорошо заметны плавные, «текучие» линии протяженных положительных и отрицательных аномалий, которые занимают подчас площадь всей излучины. Это аномалии, создаваемые старыми руслами блуждающей реки. Помимо этих, «природных» аномалий можно видеть большое количество точечных знакопеременных аномалий, концентрирующихся, в основном, в юго-западной части излучины р. Салгир (рис. 3а). Они создаются множеством мелких железных предметов, оставшихся со времен функционирования крепости и в результате распашки оказавшихся на поверхности поля. Это единственные внешние проявления некогда крупного и грозного Салгирского фельдшанца, следы которого разрушены глубокой неоднократной плантажной вспашкой, а также нивелированием поверхности с помощью тяжелой техники.

Среди многочисленных мелких магнитных аномалий выделяется одна очень значительная по величине и площади (5,5×6 м) положительная аномалия, имеющая существенную отрицательную часть к северу от максимума, общей амплитудой более 525 нТл (рис. 3*а*, *1*). Расчетная оценочная масса намагниченных железных предметов, которая необходима, чтобы создать такую мощную и обширную аномалию, составляет более 1,1 тонны, а глубина залегания – более 1,5 м [15, с. 88].

Раскопки

При наложении чертежа Салгирской крепости из «Атласа» 1778 года на магнитную карту можно убедиться, что положение этой аномальной зоны совпадает с местонахождением одного из двух артиллерийских погребов (рис. 3б). В связи с этим была выдвинута гипотеза, что аномалия может быть связана с арсеналом крепости. Заложенный на месте аномалии вначале шурф (2×2 м), затем небольшой раскоп (5×5 м) точно попали на артиллерийский погреб. Его контуры проявились на глубине около 1 метра от поверхности: прямоугольный в плане, размерами около 3×3,7 м, глубиной 0,8 м, ядра располагались в трёх секциях (рис. 4*а*). Рядом, на уровне погребенной дневной поверхности XVIII в., обнаружено скопление (№ 1–2) из 86 ядер, уложенных плотно в три слоя (рис. 4*б*). В средней части эта группа была нарушена грабительской ямой. Эта же грабительская яма задела восточную часть погреба, в которой были обнаружены лежащие в беспорядке 89 ядер (скопление № 4). Наиболее крупная концентрация ядер обнаружена в северо-западной части артиллерийского погреба. В этом скоплении (№ 3) 299 ядер лежали аккуратно уложенными в 3–4 слоя (рис. 4*б*). Ядра прокладывались соломой, следы которой отпечатались на некоторых из них. Еще 42 ядра было извлечено нами ранее, при раскопках шурфа [16, с. 182, 183, 185]. Таким образом, общее количество извлеченных ядер составило 516 штук.

Помимо ядер при раскопках слоев над артиллерийским погребом были встречены кучка свинцовой шрапнели сферической формы, находившейся первоначально, вероятно, в «картузе», литые форменные латунные пуговицы от мундира, медная монета-«деньга» 1731 г., три крымско-татарских монеты из низкопробного серебра, часть разбитого татарского надгробия в виде «чалмы», каменная поилка для животных, большое количество желобчатой черепицы-«татарки», осколки фаянсовых чашек, винных бутылок и т.д. [16, с. 183].

Арсенал Салгирской крепости

В артиллерийском погребе и рядом с ним было обнаружено 4 скопления боеприпасов. Размеры и масса всех ядер и гранат были измерены; в таблицу 1 помещены предельные значения весов и средние величины диаметров. Всего обнаружены ядра четырёх калибров: 3-х, 6-ти, 12-ти и 20-ти фунтовые, а также 6-ти фунтовые гранаты (рис. 5). Общая масса обнаруженных снарядов составила 2 178,8 кг.

Таблица 1. Количественные характеристики ядер и гранат, обнаруженных в арсенале Салгирской крепости

Скопление №	*Вес,в кг*	*Вес, в фунтах*	*Диаметр, в мм*	*Диаметр, в дюймах*
3-х фунтовые ядра (4 шт.)				
1–2	1,336–1,360	2,95–2,99	72	2,87
6-ти фунтовые гранаты (216 шт.)				
1–2, 3, 4	2,291–2,775	5,05–6,10	98	3,85
6-ти фунтовые ядра (8 шт.)				
1, 4, 3	3,036–3,752	6,69–8,27	98	3,85
12-ти фунтовые ядра (286 шт.)				
3	5,048–5,737	12,08–12,64	115	4,52
20-ти фунтовые ядра (2 шт.)				
Выше уровня погреба	9,10–9,205	20,06–20,29	138	5,43

Подавляющее количество боеприпасов принадлежат двум калибрам: 12-ти фунтовые ядра (286 шт., или 55,4%) и 6-ти фунтовые гранаты и ядра (224 шт., или 43,4% от общего количества). Ядра 3-х и 20-ти фунтовых калибров представлены единичными экземплярами (4 и 2 шт. соответственно) (рис. 6). Это противоречит данным, приведенным в «Перечне артиллерийского вооружения укреплений в Крыму» для 1779 г., согласно которым Салгирская крепость была укреплена двумя 12-ти фунтовыми и двумя 3-х фунтовыми пушками-«единорогами»[3]. Однако, судя по большому количеству 6-ти фунтовых гранат и ядер, в крепости должны были быть также орудия соответствующего калибра.

Большинство 6-ти фунтовых снарядов представлены гранатами – чугунными литыми снарядами, имеющими внутри полость, в которую помещались порох и поражающие элементы. Соответственно, гранаты были легче цельнометаллических ядер почти на 1 кг. Гранаты были сложены в северо-восточной части арсенала и составляли скопления № 1–2 и № 4. Только 17 гранат находились в скоплении № 3 поверх ядер 12-ти фунтового калибра. Напротив, всего два цельнолитых ядра 6-ти фунтового калибра из 8 оказались в скоплениях № 1 и № 4, остальные шесть были помещены в скоплении № 3 (рис. 4*б*). По-видимому, северо-западной сектор арсенала отводился под ядра, а северо-восточная часть погреба предназначалась для гранат.

Отделялись ядра и гранаты разных калибров с помощью черепиц-«татарок» и крупных камней, в том числе вторичного использования, например, обломков татарских надгробий, грубо вытесанной каменной поилкой для скота.

Неизвестное клеймо на гранате

Все снаряды, извлеченные из раскопа, были покрыты толстой коркой окислов железа. К настоящему времени от неё очищены 20 ядер и гранат. Одна из гранат 6-ти фунтового калибра была отобрана для первоочередной расчистки в связи с наличием заметного уплощения в ее верхней части, где располагалось отверстие для засыпания пороха. На боковой очищенной поверхности гранаты проявилось четкое клеймо в виде двух грубо начертанных букв «ШУ», глубоко уходящих в тело литого чугунного снаряда (рис. 7*а*).

По имеющимся литературным данным точных аналогий данному клейму найти не удалось [12, с. 158–169; 17], хотя в своде клейм уральских заводов XVIII в. имеется близкое клеймо из двух букв «ШЛ», означающее «Шуралинский завод» Аканфия Демидова [5, с. 26].

Поиски в интернет-ресурсах также не дали результата, за исключением одного ядра или, скорее, судя по фотографии, гранаты, неизвестного калибра и неясного происхождения, с клеймом «ГШУ» (рис. 7*б*), начертанным точно таким же образом, что и клеймо «ШУ» на

[3] См.: Перечень артиллерийского вооружения укреплений в Крыму // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75.

гранате из Салгирской крепости. Это позволило выдвинуть гипотезу, что оба клейма могут указывать на графа Петра Ивановича Шувалова. Клеймо «ШУ» в таком случае передает начальные буквы его фамилии, а в клейме «ГШУ» перед сокращением фамилии прибавлена первая буква его графского титула. Для подкрепления данной гипотезы отметим, что позднее, в 1880-х гг., потомки Петра Шувалова ставили клейма «К. З. Г. Ш.», которое расшифровывается как «Кусье-Александровский завод графа Шувалова» и «Б. З. Г. Ш.» – «Бисерский завод графа Шувалова» [5, с. 58].

Граф Петр Иванович Шувалов (1711–1762) и его брат Александр начинали свою службу в корпусе пажей двора при особе цесаревны Елизаветы Петровны [10, с. 19]. Благодаря участию в возведении Елизаветы на престол, а в дальнейшем – в активной деятельности по поддержанию боеспособности армии и обучению артиллерийских офицеров, а также инновационной разработки «секретной» гаубицы с эллипсовидным в сечении каналом [9, с. 315–326] и других новаторских артиллерийских орудий, Петр Шувалов в 1756 г. стал генерал-фельдцейхмейстером – начальником всей русской артиллерии [10, с. 27, 30; 18, с. 27–31].

Заслуги П. И. Шувалова по развитию отечественной артиллерии были настолько велики и очевидны, что М. В. Ломоносов даже посвятил ему строку в своей оде «На всерадостное объявление о превосходстве новоизобретенной артиллерии пред старою генералом-фелдцейгмейстером и кавалером Графом Петром Ивановичем Шуваловым»:

Все ждут, в который край надежда полетит.
Мне весь Парнас сказал: «Туда полком стоит
С Елисаветой бог и храбрость генералов,
Российска грудь, твои орудия, Шувалов.

Несмотря на ажиотаж вокруг «секретной гаубицы» П. И. Шувалова, в историю отечественной военной науки он вошел во многом благодаря своему главному достижению – новым пушкам-«единорогам», которые впоследствии стояли на вооружении русской армии почти полтора века [4, с. 82]. Были они и на вооружении в Салгирской крепости, что зафиксировано в вышеупомянутом «Перечне артиллерийского вооружения укреплений в Крыму» 1779 г. [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75]. Главным их отличием от прежних пушек стала конусовидная конструкция «зарядной каморы», что позволяло при более коротком, чем у обычных пушек, стволе стрелять на большее расстояние – до 3 км, поверх своих войск. Был также существенно снижен вес орудий [18, с. 34, 35].

Название этих пушек – «единорог» – непосредственно связано с Петром Шуваловым, возведенным вместе с братом в графское достоинство в 1746 г. с получением родового герба с изображением единорога – фантастического животного в виде лошади с рогом, излюбленного геральдического символа высокородной знати и даже королей Англии. Издавна считалось, что единороги приносят рыцарям победу, чему способствует сама Дева Мария [18, с. 34]. Традиция именовать этим термином тяжелые пушки восходит к XVI в., когда «Единорога» называли ещё «Инрогом»[4].

С начала XVIII в. основным снарядом для стрельбы из «единорогов» являлись разрывные снаряды – полые чугунные шары с отверстием (очком) – бомбы и гранаты, принцип действия которых был одним и тем же, они различались только размерами (до 12-ти фунтов – гранаты, более 12-ти фунтов – бомбы). Эти снаряды должны были обеспечить противостояние массам наступающих войск. Изготавливались снаряды методом литья в сложную песчано-глиняную форму, предусматривающую смещение центра полости вверх, для того чтобы в полете снаряд разворачивался и падал на землю утяжеленным дном вперед, во избежание угасания зажигательной трубки. Засыпанный внутрь снаряда заряд пороха

[4] В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге хранится пищаль «Инрог», отлитая в 1577 г. в Москве мастером Андреем Чоховым. Заднюю поверхность заряжавшегося с дула орудия (торель) украшают литые изображения единорога. В музее Московского Кремля имеется пушка «Инрог» середины XVII века мастера Мартына Осипова с изображением единорога, держащего в передних лапах ядро [см.: 18, с. 34].

воспламенялся от поджига горючего состава на основе пороховой мякоти с огнепроводной нитью, помещавшейся в трубке из березового дерева [3, с. 199–200].

Благодаря несомненным достоинствам «единорогов» очень быстро было развернуто массовое для XVIII в. их производство в связи с необходимостью перевооружения всех полевых войск артиллерией новой конструкции. К началу 1759 года уже было изготовлено 477 разнообразных «единорогов» шести калибров. Также требовалось значительно увеличить число ядер и гранат на каждую пушку. Военные заказы выполняли, в основном, уральские заводы. Увеличение их сети в третьей четверти XVIII века позволило справиться с этой сложной задачей, однако до 1780-х годов правительство еще вынуждено было размещать военные заказы не только на казенных, но и на крупных частных заводах [2].

Граф Петр Иванович Шувалов также владел (вплоть до своей смерти в 1762 г.) одним из крупнейших уральских металлургических комплексов – Горноблагодатским, включавшим Верхнетуринский, Кушвинский, Баранчинский и «вновь строящийся на речке Туре» заводы, который был передан ему из казны Указом Сената от 10 мая 1754 г. [7; 8, с. 178–180]. С самого начала Верхнетуринский завод специализировался на выпуске пушечных ядер, штыкового железа, а также якорей и оснастки для флота. Отливались ядра от 3-х до 12-ти дюймов, картечь для их начинки и трехпудовые «брандскугели» [1, с. 35]. Возможно, что именно на этом, а также и других уральских заводах производились ядра и гранаты для наиболее успешного детища Петра Шувалова – «единорога» и, не исключено, что маркировались они клеймом, содержащим начальные буквы фамилии их владельца «ШУ».

***

Несмотря на то, что Салгирский фельдшанец, построенный в 1772 году, прослужил боевой крепостью всего 13 лет, он внес свой вклад в успешное окончание войны 1768–1774 гг., результатом которой явился Кучук-Кайнарджийский мир, выгодный для России. В 1784 г. пушки из крепости по указу Екатерины II были вывезены, однако, в силу неизвестных причин, значительный запас ядер в крепости остался. Он был, вероятно, замаскирован свалкой отходов, как это было обнаружено в ходе раскопок [16, с. 182, 183], и снаряды, никем не замеченные, пролежали в крепости без малого 240 лет.

В ходе раскопок артиллерийского погреба были найдены ядра четырех размеров, однако незначительное количество 3-х и 20-ти фунтовых ядер (всего 6 экз., или 1,2% от общего числа снарядов) открывает возможность для различных предположений. По одному из них, крепость была оснащена орудиями только двух калибров (6-ти фунтовых и 12-ти фунтовых), для которых найдено подавляющее большинство снарядов. Наличие 12-фунтовых пушек в крепости подтверждают архивные данные, относящиеся к 1779 г., свидетельствующие о том, что крепость была вооружена четырьмя бронзовыми пушками, двумя 12-ти фунтовыми и двумя 3-х фунтовыми «единорогами» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75].

Справедливым может оказаться, однако, иное предположение, что в крепости были орудия всех четырёх калибров, а незначительное количество найденных в раскопках 3-х и 20-ти фунтовых ядер говорит о том, что основная их масса могла быть вывезена вместе с пушками соответствующих калибров, только несколько ядер по оплошности были забыты.

Местонахождение обнаруженного с помощью магнитной съемки и последующих раскопок артиллерийского погреба точно соответствует положению одного из двух таких объектов на плане крепости из Атласа 1778 года (рис. 3а, б, *1*). Второй артиллерийский погреб, обозначенный на плане, вероятно, не содержит боеприпасов, иначе они обязательно проявились бы на магнитной карте. Таким образом, получается, что при вывозе пушек из крепости в 1784 году значительное количество снарядов было по какой-то причине оставлено только в одном из погребов и впоследствии об этом забыли.

Обнаруженные в Салгирском фельдшанце ядра сданы на временное хранение в фонды Центрального музея Тавриды в Симферополе, и научной и творческой общественностью обсуждается их возможное использование в составе памятника важному событию в истории нашего государства – 250-летию присоединения Крыма к России.

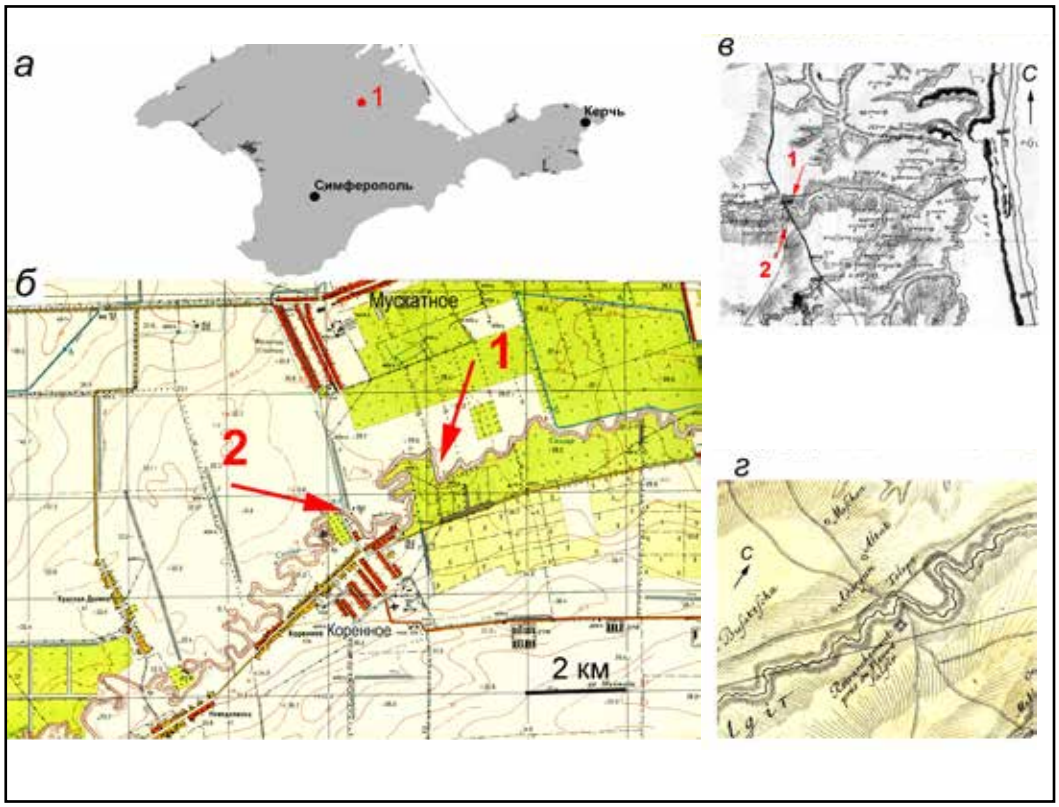

Рис. 1. Салгирский фельдшанец на картах: *а* – на мелкомасштабной карте Крыма; *б* – на топографической карте издания 1974 г. масштаба 1:25 000 съемки 1952 г., обновленной в 1971 г.; *в* – на карте Крымского полуострова с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В. М. Долгорукого. 1771 г. [РГАДА, ф. 192, оп. 1. Таврическая губерния, № 4]; пункт следования русской армии кн. Долгорукого на правом берегу р. Салгир (*1*) и редут на левом берегу (*2*); *г* – ретраншемент на правом берегу Салгира на «Карте Крыма, составленной в конце войны 1772 года, преподнесенной Его Королевскому Величеству, принцу Генриху Прусскому, брату Короля, через де Кинсбергена, капитана береговой службы, кавалера … св. Георгия в России. 18 января 1776 года». Карта издана в Берлине, на французском языке. Из фондов Евпаторийского краеведческого музея

Fig. 1. Salgir fieldwork on the maps: *a* – on a small-scale map of the Crimea; *б* – on the topographic map published in 1974 to scale 1:25 000, taken in 1952 and renewed in 1971; *в* – on the map of the Crimean Peninsula indicating the route of the 2nd army commanded by General-en-Chef Prince V. M. Dolgorukii, 1771 [RSAAA, f. 192, op. 1. Tavricheskaia guberniia, no. 4]; destination point of Prince Dolgorukii's Russian army on the right bank of Salgir River (*1*) and the redoubt on its left bank (*2*); *г* – retrenchment on the right bank of the Salgir on the *Map of the Crimea Compiled in the End of the War of 1772, Given to His Royal Majesty the Prince Henrich of Prussia, King's Brother, via de Kinsbergen, Captain of Shore Service, Knight of … St George in Russia. January 18, 1776*. This map was published in Berlin, in French. From the collection of the Yevpatoria Regional Museum

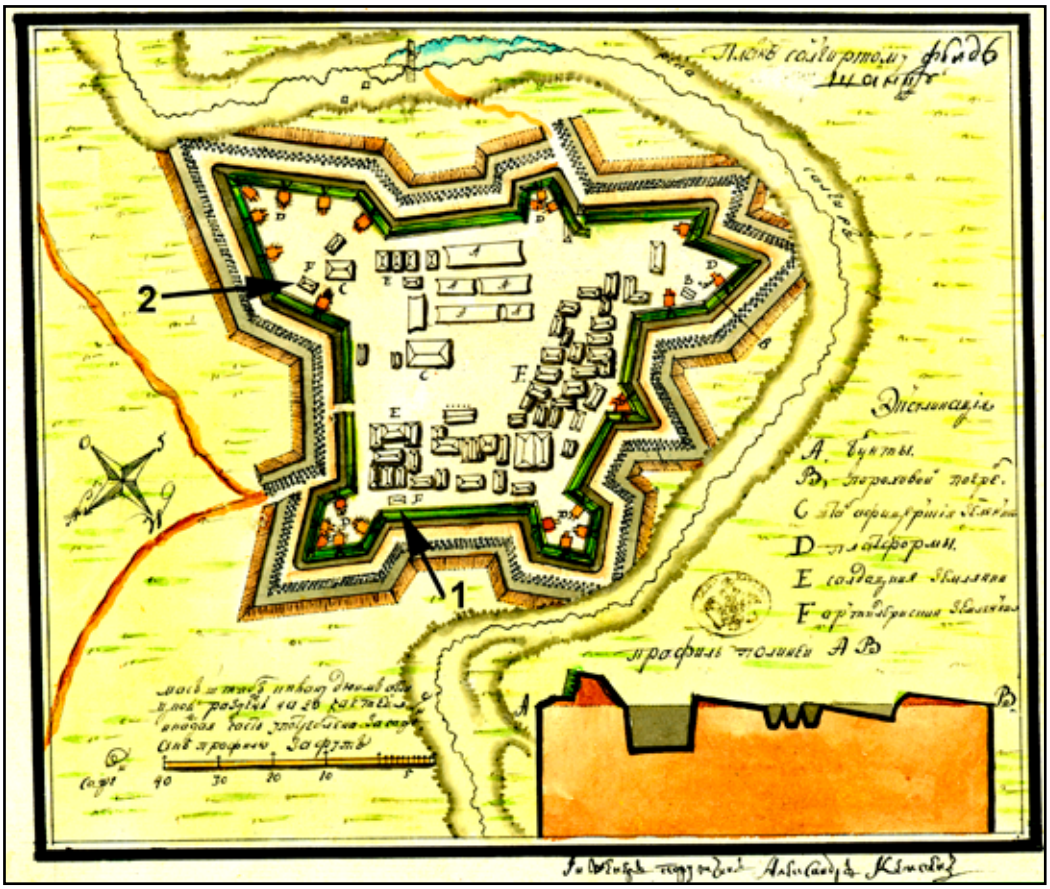

Рис. 2. Чертеж крепости на Салгире,
выполненный инженер-поручиком Александром Кемпеном
из хранящегося в РГВИА в г. Москве «Атласа планов и профилей
полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г.
[РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 1].
Стрелками и цифрами 1 и 2 показано местоположение двух артиллерийских погребов

Fig. 2. Draft of the fort on the Salgir made by Lieutenant Engineer Aleksandr Kempen,
from the *Atlas of Plans and Profiles of Field Fortifications (Fieldworks)*
in the Crimea and Its Environs of 1778, now residing in the RSMHA, Moscow
[RSMHA. F. 418. Op. 1. D. 716. L. 1].
Arrows and numbers 1 and 2 indicate the location of two artillery cellars

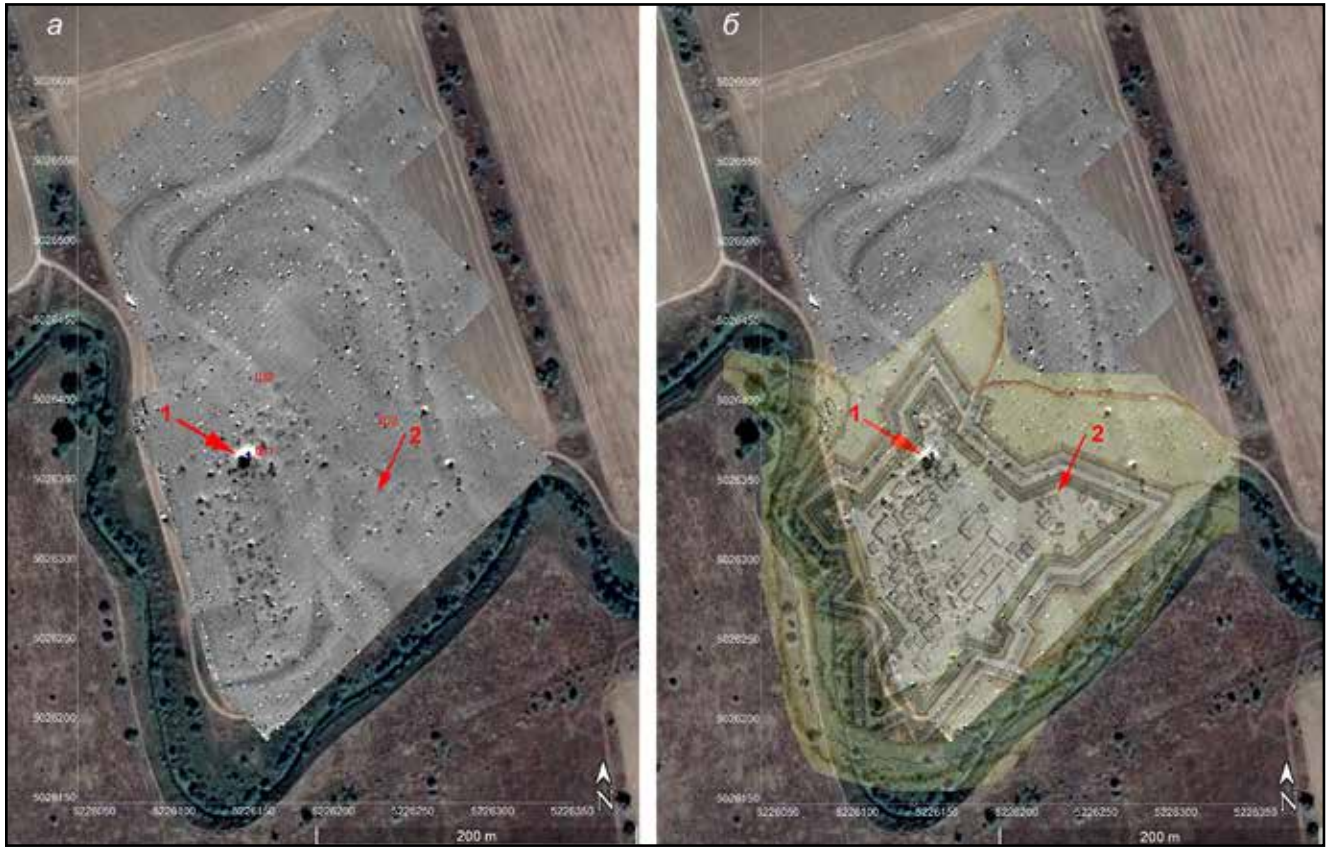

Рис. 3. *а* – Магнитная карта Салгирской крепости и окрестностей. Положительные магнитные аномалии показаны темным, отрицательные – светлым. Отмечены шурфы 1–3. *б* – Совмещение плана Салгирского фельдшанца 1778 г. и магнитной карты. *1* и *2* – местоположение двух артиллерийских погребов, отмеченных на чертеже крепости (рис. 2)

Fig. 3. *a* – Magnetic map of Salgir fort and its environs. Positive magnetic anomalies are shown with dark, negative with light. Prospect trenches 1–3 are indicated. *б* – Combination of the draft of Salgir fieldwork of 1778 and magnetic map. *1* and *2* – location of two artillery cellars marked on the draft of the fort (fig. 2)

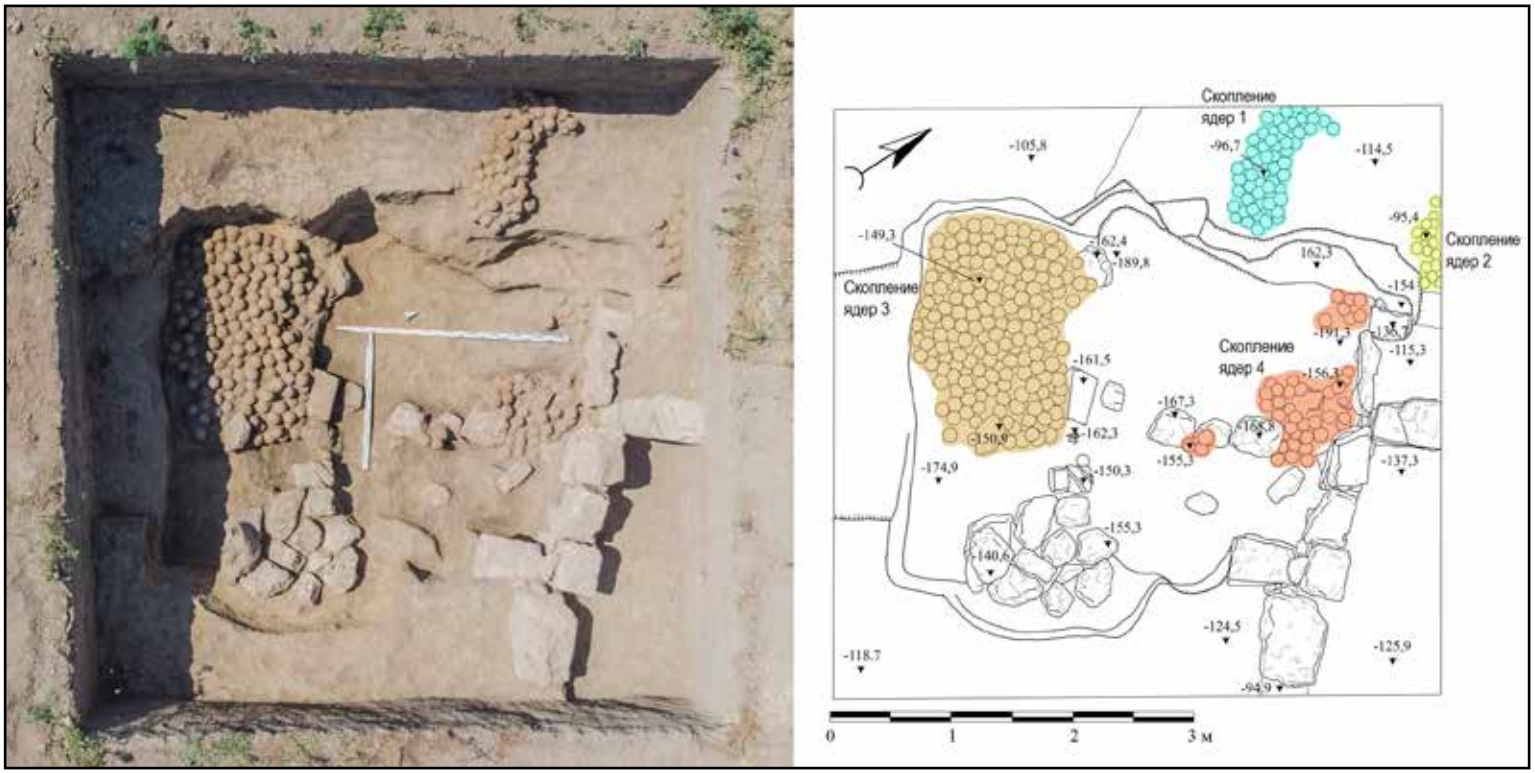

Рис. 4. Раскопки артиллерийского погреба Салгирской крепости: *а* – фотография раскопа; *б* – чертеж раскопа

Fig. 4. Excavation of an artillery cellar in Salgir fort: *a* – photograph of the excavation trench; *б* – draft of the excavation trench

Рис. 5. Калибры снарядов, раскопанных в артиллерийском погребе Салгирского фельдшанца: *1* – 3-х фунтовое ядро; *2* – 6-ти фунтовое цельнометаллическое ядро; *3* – 6-ти фунтовая граната; *4* – 20-ти фунтовое ядро; *5* – 12-ти фунтовое ядро

Fig. 5. Calibers of the shells excavated in an artillery cellar of Salgir fieldwork: *1* – three-pound cannonball; *2* – six-pound solid metal cannonball; *3* – six-pound grenade; *4* – twelve-pound cannonball; *5* – twelve-pound cannonball

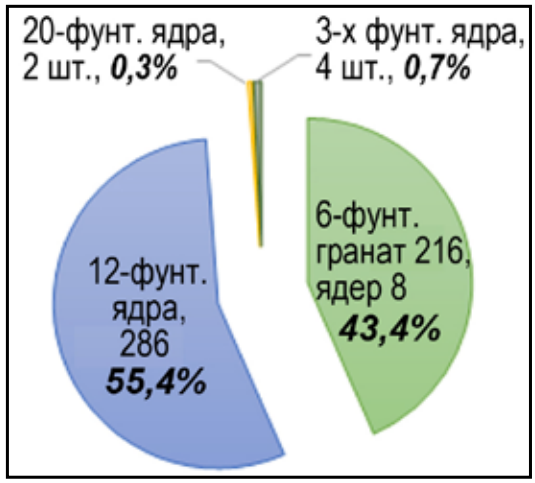

Рис. 6. Количественное соотношение ядер, найденных в раскопе артиллерийского погреба

Fig. 6. Quantitative ratio of cannonballs discovered in the excavation trench of the artillery cellar

Рис. 7. *а* – Клеймо «ШУ», обнаруженное на одной из гранат Салгирской крепости; *б* – клеймо «ГШУ» на гранате.
Источник: https://yandex.ru/images/search?cbir_id=1907495%2F4RZCKkJkmEF-IbxHasUzww573&lr=11463&rpt=imageview&url=https%3A%2F%2Favatars.mds.yandex.net%2Fget-images-cbir%2F1907495%2F4RZCKkJkmEF-IbxHasUzww573%2Forig

Fig. 7. “ШУ” mark discovered on a grenade from Salgir fort; *б* – “ГШУ” mark on a grenade.
Source: https://yandex.ru/images/search?cbir_id=1907495%2F4RZCKkJkmEF-IbxHasUzww573&lr=11463&rpt=imageview&url=https%3A%2F%2Favatars.mds.yandex.net%2Fget-images-cbir%2F1907495%2F4RZCKkJkmEF-IbxHasUzww573%2Forig

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л.Н. Верхнетуринский завод и его управители (XVIII – нач. XX в.) // Шестые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции (Екатеринбург, 16–17 февраля 2012 г.) / сост. Т.А. Колосова. Екатеринбург, 2012. С. 33–41.
2. Бескровный Л.Г. Производство пушек и боеприпасов. Сайт «Страницы истории. Каменск-Уральский». Дата публикации: 10.02.2017. URL: https://history-kamensk.ru/history/185-proizvodstvo-pushek-i-boepripasov.html.
3. Игошин К.Г. Развитие боеприпасов отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн // Война и оружие. Новые исследования и материалы–2014. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Часть 2. С. 194–210.
4. Игошин К.Г. О русском единороге. К вопросу о разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы // Война и оружие. Новые исследования и материалы–2021. Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Часть 2. С. 77–98.
5. Корепанов Н.С., Рукосуев Е.Ю. Клейма уральских заводов XVIII–XIX веков. Екатеринбург: ИИнА УрО АН, 2002.
6. Линевич В.В. Крепость на берегу Салгира. Симферополь, 2021.
7. Матвеева И., Колпакова Н. Лабиринты промышленного Урала // Время. Газета Нижней Туры. № 59 от 27 августа 2020 года.
8. Назарова Г.Х. Предпринимательство графов Шуваловых на Южном Урале // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. Т. 2. С. 175–180.
9. Оточкин В.В. «Секретная гаубица» // Война и оружие. Новые исследования и материалы–2015. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Часть 3. С. 315–326.
10. Оточкин В.В. Военные предпосылки назначения П.И. Шувалова на пост генерал-фельдцехмейстера русской армии // Война и оружие. Новые исследования и материалы–2021. Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Часть 3. С. 18–33.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXII. 1784–1788 гг. Составитель М.М. Сперанский. СПб., 1830.
12. Рябухин И.В. Отечественные боеприпасы в собрании музея // Музей военной истории и боевой славы. Сборник статей и материалов, посвященных 240-летию музея / Под общ. ред. Н.И. Караулова. СПб.: ВИМАИВиВС, 1996. С. 158–169.
13. Смекалова Т.Н., Белик Ю.Л. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху. Симферополь, 2013. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. IX).
14. Смекалова Т.Н., Белик Ю.Л. А.В. Суворов и присоединение Крыма к России. История забытых крепостей. СПб.: Алетейя, 2016. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVI).
15. Смекалова Т.Н., Герцен А.Г., Деваев А.С., Белик Ю.Л., Гаврилюк А.Н., Леонов Л.Л., Антипенко А.В. Салгирский ретраншемент: локализация и междисциплинарные исследования первой русской крепости в Крыму // ПИФК. 2022. № 3. С. 78–94.
16. Смекалова Т.Н., Деваев А.С., Герцен А.Г., Гаврилюк А.Н. Новые исследования Салгирского фельдшанца: раскопки артиллерийского погреба с пушечными ядрами // ПИФК. 2023. № 4. С. 178–188.
17. Ткаченко В.А. Клейма и знаки на пушечных ядрах. Б.м., 1998.
18. Широкорад А.Б. Тайны русской артиллерии. М.: Яуза, Эксмо, 2003.

REFERENCES

1. Aleksandrova L.N. Verkhneturinsky plant and its managers (18th – early 20th century). *Shestyye Chupinskiye krayevedcheskiye chteniya: materialy konferentsii (Yekaterinburg, 16–17 fevralya 2012 g.)* [Sixth Chupin local history readings: conference materials (Ekaterinburg, February 16–17, 2012)], Ekaterinburg, 2012, pp. 33–41.
2. Beskrovnyj L.G. *Proizvodstvo pushek i boyepripasov* [Production of guns and ammunition]. Website “Pages of History. Kamensk-Uralsky”. Date of publication: 02/10/2017. URL: https://history-kamensk.ru/history/185-proizvodstvo-pushek-i-boepripasov.html.
3. Igoshin K.G. Development of ammunition for domestic field artillery during the Napoleonic wars. *Vojna i oruzhiye. Novyye issledovaniya i materialy–2014. Trudy Pyatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii 14–16 maya 2014 g.* [War and weapons. New research and materials–2014. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference, May 14–16, 2014], St. Petersburg, 2014, part 2, pp. 194–210.
4. Igoshin K.G. About the Russian unicorn. On the issue of the design and development of unicorns as an artillery system. *Vojna i oruzhiye. Novyye issledovaniya i materialy–2021. Trudy Desyatoj Mezhdunarodnoj nauchno-*

prakticheskoj konferentsii 12–14 maya 2021 g. [War and weapons. New research and materials–2021. Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference May 12–14, 2021], St. Petersburg, 2021, part 2, pp. 77–98.
5. Korepanov N.S., Rukosuyev Ye.Yu. *Klejma ural'skikh zavodov XVIII–XIX vekov* [Brands of Ural factories of the 18th–19th centuries]. Ekaterinburg, 2002.
6. Linevich V.V. *Krepost' na beregu Salgira* [Fortress on the bank of Salgir]. Simferopol, 2021.
7. Matveyeva I., Kolpakova N. Labyrinths of the industrial Urals. *Vremya. Gazeta Nizhnej Tury* [Time. Nizhnyaya Tura newspaper], no. 59, August 27, 2020.
8. Nazarova G.Kh. Entrepreneurship of the Shuvalov Counts in the Southern Urals. *Ural industrial'nyj. Bakuninskiye chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.: materialy XI Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, Ekaterinburg, 26–27 sentyabrya 2013 g.* [Industrial Urals. Bakunin readings. Industrial modernization of the Urals in the 18th–21st centuries: materials of the XI All-Russian Scientific Conference, Ekaterinburg, September 26–27, 2013], Ekaterinburg, 2013, T. 2, pp. 175–180.
9. Otochkin V.V. "Secret howitzer". *Vojna i oruzhiye. Novyye issledovaniya i materialy–2015. Trudy Shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii 13–15 maya 2015 g.* [War and weapons. New research and materials–2015. Proceedings of the Sixth International Scientific and Practical Conference May 13–15, 2015], St. Petersburg, 2015, part 3, pp. 315–326.
10. Otochkin V.V. Military prerequisites for the appointment of P.I. Shuvalov to the post of Field General of the Russian Army. *Vojna i oruzhiye. Novyye issledovaniya i materialy–2021. Trudy Desyatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii 12–14 maya 2021 g.* [War and weapons. New research and materials – 2021. Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference May 12–14, 2021], St. Petersburg, 2021, part 3, pp. 18–33.
11. *Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoj Imperii. Sobraniye Pervoye. Tom XXII. 1784–1788 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting. Volume XXII. 1784–1788]. Compiled by M.M. Speransky. St. Petersburg, 1830.
12. Ryabukhin I.V. Domestic ammunition in the museum collection. *Muzej voyennoj istorii i boyevoj slavy. Sbornik statej i materialov, posvyashchennykh 240-letiyu muzeya* [Museum of Military History and Military Glory. A collection of articles and materials dedicated to the 240th anniversary of the museum], St. Petersburg, 1996, pp. 158–169.
13. Smekalova T.N., Belik Yu.L. *Polevaya fortifikatsiya Kryma v suvorovskuyu epokhu* [Field fortification of Crimea in the Suvorov era]. Simferopol, 2013. (Materials for the archaeological map of Crimea, vol. IX).
14. Smekalova T.N., Belik Yu.L. *A.V. Suvorov i prisoyedineniye Kryma k Rossii. Istoriya zabytykh krepostej* [A.V. Suvorov and the annexation of Crimea to Russia. History of forgotten fortresses]. St. Petersburg, 2016. (Materials for the archaeological map of Crimea, vol. XVI).
15. Smekalova T.N., Gertsen A.G., Devayev A.S., Belik Yu.L., Gavrilyuk A.N., Leonov L.L., Antipenko A.V. Archaeological and Geophysical Studies of the Salgir Retranchement, the First Russian Fortress in the Crimea. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2022, no. 3, pp. 78–94.
16. Smekalova T.N., Devayev A.S., Gertsen A.G., Gavrilyuk A.N. Current Investigation of Salgir Feldshans: Excavations of the Artillery Cellar with Cannonballs. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2023, no. 4, pp. 178–188.
17. Tkachenko V.A. *Klejma i znaki na pushechnykh yadrakh* [Brands and signs on cannonballs]. [S. n.], 1998.
18. Shirokorad A. B. *Tajny russkoj artillerii* [Secrets of Russian artillery]. Moscow, 2003.

Информация об авторах

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Researcher ID: R-3665-2016.

Деваев А. С. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Гаврилюк А. Н. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: R-3665-2016.

Devaev A. S. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Gavriluyk A. N. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.430-445

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ. БОЙ ПРИ ШУМЕ: ИТОГИ ИСТОРИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОБЫТИЯ

Александр Германович Герцен
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
gertsenag@yandex.ru
Андрей Витальевич Мальгин
Центральный музей Тавриды, Симферополь, Россия
andmalgin@yandex.ru
Виктор Владимирович Ткаченко
Алуштинский филиал Романовского колледжа, Алушта, Россия
harax@mail.ru
Татьяна Николаевна Смекалова
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372

Аннотация. Последнее сражение второй русско-турецкой войны 1768–1774 гг. состоялось на территории Крыма при Шумах близ Алушты уже после того, как в деревне Кучук-Кайнарджи (в настоящее время на территории современной Болгарии) был подписан мирный договор, известие о котором не успело дойти до противоборствующих сторон. Ход этого события подвергался изучению не только на основании архивных и опубликованных источников, но и с применением методов археологических исследований. В настоящей статье подводятся некоторые итоги этих комплексных исследований.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1768–1774 гг., Кучук-Кайнарджийский мир, битва при Шуме, укрепление при Алуште, Шумский фельдшанец

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда и Республики Крым в рамках проекта № 23-28-10025 «Первые русские крепости в Крыму накануне его присоединения к России. Междисциплинарное исследование», https://rscf.ru/project/23-28-10025.

LAST BATTLE OF THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1768–1774. THE FIGHT OF SHUMY: THE RESULTS OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE EVENT

Aleksandr G. Gertsen
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
gertsenag@yandex.ru
Andrei V. Mal'gin
Central Museum of the Taurida, Simferopol, Russia
andmalgin@yandex.ru
Viktor V. Tkachenko
Alushta Branch of the Romanov College, Alushta, Russia
harax@mail.ru
Tatiana N. Smekalova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372

Abstract. The last battle of the Second Russo-Turkish War of 1768–1774 took place in the Crimea, at Shumy near the town of Alushta, already after the peace treaty had been signed in the village of Küçük Kaynarca (now in modern Bulgaria), but this news did not yet reach the opposing sides. The course of the event has been studied not only according to archival and already published sources, but also with archaeological research methods. This article has summarized some of the results of these complex studies.

Keywords: Russo-Turkish War of 1768–1774, peace treaty of Küçük Kaynarca, Battle of Shumy, fort at Alushta, fieldwork at Shumy

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation and the Republic of the Crimea within the project no. 23-28-10025 *The First Russian Fortresses in the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia. An Interdisciplinary Research*, https://rscf.ru/project/23-28-10025.

К 250-летию Кучук-Кайнарджийского мирного договора

21 июля 2024 г. исполнилось 250 лет заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора между Российской империей и Османской империей, подведшего итоги второй русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Его результатом было получение Россией выхода в Черное море, территориальные приобретения владений между Бугом и Днепром, возвращение приазовских земель, завоеванных еще Петром I. Россия получила важные военно-опорные пункты – крепости Кинбурн, Керчь, Еникале. По сути, определилась дальнейшая судьба Северного Причерноморья, зафиксированная в апреле 1783 г. манифестом Екатерины II о включении Крыма и Кубанской стороны в состав Российской империи. Последнее сражение этой войны состоялось на территории Крыма уже после того, как в деревне Кучук-Кайнарджи (в настоящее время на территории современной Болгарии) был подписан мирный договор, известие о котором не успело дойти до противоборствующих сторон. Ход этого события подвергался изучению не только на основании архивных и опубликованных источников, но и с применением методов археологических исследований. В настоящей статье подводятся некоторые итоги этих комплексных исследований.

Итоговое сражение этой кратковременной кампании (событие, лучше всего описанное в литературе) в последнее время привлекло большое внимание историков. Благодаря архивным разысканиям А. В. Мальгина и А. И. Кротова нам известен сегодня рукописный план сражения (рис. 1,*а*), на основе которого авторами была произведена его реконструкция на современной топографической карте (рис. 1,*б*) [3]. Подвергался обследованию сохранившийся близ Алушты участок поля боя [1], и, тем не менее, этот эпизод всё еще содержит некоторые вопросы. Точно неизвестен состав и количество участвовавших в этом бое войск, подвергается сомнению даже дата сражения. Достаточно обоснованно выглядит предположение В. Е. Ткаченко о том, что это сражение произошло не 24-го, как считалось ранее, а 23 июля 1774 г. [6].

Ход событий 10 жарких июльских дней 1774 г. показывает, что операция по «отвоеванию» Крыма имела определённый замысел, который не был осуществлён, но всё же опирался на реальную слабость дислокации русских сил. Сераскир Гаджи-Али-паша сумел создать у командующего 2-й армией В. М. Долгорукова впечатление того, что главный удар будет наноситься на Керчь и Ени-кале. На Керченский полуостров была стянута значительная часть войск – три пехотных полка и еще два находились в непосредственной близости в районе Керченского перешейка. Если бы удалось отрезать эти силы от разбросанных по территории полуострова других русских постов, то задача движения Гаджи-Али-паши на Бахчисарай и Ак-Мечеть после высадки в Алуште существенно бы облегчалась. Именно эту цель преследовало разжигание татарского мятежа в районе Старого Крыма, захватив который можно было бы перекрыть основные дороги, связывавшие Крым с Керченским полуостровом, а также на Керченском полуострове (восстание Адиль-Гирея). Трудно сказать, в чем точно заключался основной стратегический замысел Гаджи-Али-паши. Скорее всего, в его планы входило не столько попытаться нанести поражение основным силам крымского корпуса, сколько

закрепиться на части территории Крыма (например, в горной его части), захватить Бахчисарай, утвердить там нового хана, который дезавуировал бы все ранее установленные договорённости с русскими, имевшие столь большое значение на мирных переговорах между Османской империей и Россией. Отчасти туркам удалось реализовать свой план. По сути, побережье от Балаклавы до Судака так или иначе оказалось под их контролем, поскольку русские посты покинули все пункты на побережье. А. А. Прозоровский отдал приказ и об оставлении Судака, однако из-за того, что посыльные не могли доставить его по назначению, майор Деев остался со своими егерями в Судаке. В количественном отношении русские войска намного уступали соединённым силам турок и татар. Даже если считать, что у Гаджи-Али-паши было 25 тыс. войска, это в два с половиной раза больше, чем численность Крымского корпуса, а к этому числу следует прибавить еще не меньшее количество восставших татар. Решающее превосходство русских в артиллерии здесь могло оказаться недостаточным. Именно на все эти факторы и надеялся Гаджи-Али-паша, и этот расчет, как показало реальное развитие событий, оказался тщетным.

Местом главной высадки Гаджи-Али-паша выбрал Алушту. Вероятно, он рассчитывал, захватив плацдарм на Южном берегу, выйти к перевалам Ангарскому и Кебит-богаз, через последний открывался путь к Бахчисараю, поднять в тылу русских войск татарское восстание и, действуя из труднодоступной горной местности, по частям разгромить и вытеснить с полуострова русские войска. Алушту охранял пост из 150 егерей московского легиона под командованием капитана Н. Колычева при двух легких орудиях. Несмотря на явное превосходство неприятельских сил, алуштинский пост оказал энергичное сопротивление высадке. В ходе шестичасового боя егеря расстреляли почти весь свой боезапас, но 17 июля противник так и не смог высадиться на берег. Из опасения быть отрезанным, Колычев отдал приказ о «ретираде» к деревне Ени-сала (ныне с. Чайковское Симферопольского р-на), на северном склоне главной гряды, каковая и была произведена в «наилутчем, – как сказано в реляции Долгорукова, – порядке». По-видимому, ночью егеря отошли, сохранив пушки, правда, при отступлении весь обоз поста был сброшен в пропасть восставшими окрестными татарами. Русские потеряли трёх человек убитыми и 19 ранеными. В Алуште высадился большой турецкий отряд, а значительная часть флота проследовала дальше – к Гурзуфу и Ялте, где находился ближайший крупный русский пост.

Турецкая позиция была устроена северо-западнее деревни Шумы (ныне Верхняя Кутузовка). Она состояла из двух орудийных батарей, которые прикрывали дорогу, ведущую от Алушты через перевал Ангар-богаз в Енисалу и далее в Ак-Мечеть. Остатки этой дороги существуют и сегодня, сохранился каменный мост через балку, построенный позже описываемых событий. От батарей на юго-запад был сооружен «каменный вал», прикрывавший батареи с западной стороны. Решающую роль в выборе этой позиции сыграло то, что она защищала сразу две дороги: на Алушту – со стороны Ангарского перевала, откуда собственно и подошли русские войска и вторую – через перевал Кебит-богаз с западной стороны Чатыр-дага на Бахчисарай. Еще один отряд турок находился в деревне Демерджи на левом фланге, почти в тылу русской позиции, однако его отделяла от русских боевых порядков глубокая долина. Численность турецкого отряда Долгоруков определял в 7–8 тыс. человек.

На основании имеющихся источников структура отряда Мусина-Пушкина выглядела следующим образом: передовая бригада под командованием Якоби в составе четырёх батальонов и резерв генерала Грушецкого (три батальона). При этом бригада Якоби, хотя и считалась второй, именно на неё были возложены основные боевые задачи. Она, в свою очередь, была организована в две «команды» – одной командовал непосредственно Якоби, она находилась на правом фланге и включала гренадерский батальон московского легиона (подполковник М. И. Кутузов) и егерскую команду. Вторая, находившаяся на левом фланге турецких укреплений, под командованием полковника А. Либгольта состояла из Тамбовского полка и второго мушкетёрского батальона Мо-

сковского легиона. Численность отряда Мусина-Пушкина точно не известна. В своей реляции Екатерине II Долгоруков говорит о двух тысячах восьмисот пятидесяти человеках, но в письме Потёмкину 27 сентября 1774 г. он сообщает, что неприятеля разбили две тысячи четыреста «храбрых россиан». Из реляции Долгорукова известно, что на вооружении отряда находились 12-ти фунтовые «новой пропорции» единороги. Однако сколько их было – сказать затруднительно, в то время они только начали поступать на вооружение русских войск в замену прежних трехфунтовых пушек. Как бы то ни было, огневая мощь семи батальонов была внушительной – 14 орудий намного превосходили огневые возможности турок.

Ход сражения

К позициям атаки русские войска вышли в полночь на 23 июля. Сам этот поход от Ени-салы на расстояние около 30 км «в самую внутренность гор» был непростой задачей. Дорог в современном смысле этого слова в этой части Крыма не было, скорее вьючные и пешеходные тропы. Условия местности диктовали способ действия русских войск. Поскольку находящегося ближе к неприятелю Либгольда отделял от вражеской позиции глубокий овраг с ручьём, Мусин-Пушкин решил наносить главный удар на правом фланге против выстроенной турками «каменной линии». Так как русские войска занимали господствующую высоту, они как-бы спускались, прекрасно видя противника. Атака началась, скорее всего, на рассвете канонадой с обеих сторон. «Для встревожения неприятеля» Якоби направил егерскую команду, которую затем подкрепил полусотней гренадеров. Они и завязали первый бой с противником. Вскоре на неприятеля двинулся и он сам во главе гренадёрского батальона Московского легиона, которым командовал подполковник М. И. Кутузов. На место последнего для поддержания наступления огнём выдвигался сводно-гренадёрский батальон резерва В. В. Грушецкого. Гренадёры подполковника Кутузова были выстроены в каре. При атаке турецкой позиции ему пришлось преодолеть три «рва», скорее всего естественных неглубоких оврага, под яростным огнем неприятеля из-за «каменной линии» и с батарей. Более двух часов потребовалось русским каре для преодоления расстояния до турецкой позиции. Здесь батальон понёс основные потери, в том числе, как пишет Якоби, «при прохождении среднего рва» был в голову ранен подполковник Кутузов («Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая ударивши его между глазу и виска, вышла на пролёт в том же месте на другой стороне лица»). Контужен был и сам Якоби, под ним убита лошадь, ранен его адъютант. Каре Либгольта и батальон сводных гренадер (майор Мейендорф) резерва Грушецкого поддерживали огнём наступающих с правого фланга гренадёр.

В момент приближения к турецкому укреплению, когда огневая поддержка со стороны резерва и команды Либгольта могла больше нанести вред наступающим, чем противнику, Якоби отдал приказ «взять неприятеля в штыки». Хотя фронтальная атака батарей была делом рискованным, однако она сильно облегчалась тем, что масса турецких солдат переместилась на правый фланг для отражения атаки Якоби. 2-й московский батальон Шипилова, «подкрепляемый от Либгольта», переправившись через овраг штурмовал батареи, одновременно или вскоре после этого достигли линии противника и московские гренадёры, командование над которыми было поручено после ранения Кутузова подполковнику Буйносову. Противник не выдержал штыкового удара и спешно ретировался, бросив пушки.

Аналогичным образом события развивались и в деревне Демерджи, находившейся в тылу отряда Мусина-Пушкина, где также расположилась часть турецкого авангарда. «Между тем как» каре Якоби двигалось к турецкому ретраншементу, для атаки Демерджи командующим войсками был отряжен майор Преториус с двумястами мушкетёрами Тамбовского полка и сотней спешенных казаков. Это отряд с уроном для неприятеля выбил турок из деревни.

Во время преследования противник понёс большие потери. По свидетельству Долгорукова, турок было «побито» до 300 человек, погиб также и какой-то важный паша.

В плен попало лишь три человека – офицер-байрактар и двое рядовых, взято несколько знамен и все пушки. Русские потери составили, по сообщенным Долгоруковым в реляции Екатерине II данным, 32 человека убитыми и 163 ранеными.

Разбив передовой турецкий отряд, Мусин-Пушкин, согласно приказа главнокомандующего «Удовольствовавшись одною победою и не вдаваясь с малочислием утомлённых людей в излишнюю отвагу», соединился с Долгоруковым в Ени-сале и двинулся к Ак-Мечети на «разогнание мятежных толп». Вскоре после этого (точная дата в документах не сообщается, очевидно, это произошло 25 или 26 июля), а именно в тот самый момент, когда главнокомандующий, по собственным его словам, собирался выступить к Перекопу, где «кровопролитные струи потечь были должны», в лагерь Долгорукова прибыли два визирские чегодаря с известием о заключении мира в Кучук-Кайнарджи. Военные действия были, таким образом, прекращены.

Отражение турецкого десанта с 17 по 24 июля 1774 г. и бои с мятежниками стоили частям второй армии 395 человек убитых (в том числе 2 штаб-офицера и 9 обер-офицеров), 142 пропавших без вести (в том числе 1 штаб-офицер, 4 обер-офицера) и 384 раненых (1 обер- и 11 штаб-офицеров), к этому нужно прибавить еще 257 убитых мятежниками украинских чумаков. В целом безвозвратные потери армии составили 537 человек. Таким образом, потери в наиболее активной фазе боёв при отражении турецкого десанта в Крыму (18–24 июля) были более высокими, чем средние в полевых сражениях русской армии в этой войне и намного более высокими, чем потери 2-й армии в кампании 1771 г. при занятии Крымского полуострова. Это обстоятельство свидетельствует о том, что боевые действия в этой «войне после войны» носили весьма ожесточённый характер, что ставит их если не по значению, то по кровопролитности в ряд с важнейшими баталиями русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Известие о заключении Кучук-Кайнарджийского мира, радостное для солдат, застало, тем не менее, противоборствующие стороны в состоянии ожидания решающей схватки, что, по сути, не означало окончательного решения крымского вопроса. Действительно, турецкий десант «не был сброшен в море», как об этом можно прочитать в некоторых популярных изданиях, более того, войска Гаджи-Али-паши преспокойно зимовали в Кафе, кроме того, весной 1775 г. на ханский престол в Бахчисарае был избран никто иной, как один из организаторов этой экспедиции, непримиримый противник России Девлет-гирей.

Имела ли какое-либо значение эта «война после войны» в процессе обретения Россией выхода к Черному морю? Положительный ответ на этот вопрос очевиден. Молодая империя продемонстрировала как Порте, так и, прежде всего, Крымскому ханству, что будет бороться за свои приобретения весьма решительно. Неуспех экспедиции Гаджи-Али-паши стал причиной того, что турки в следующей кампании 1787–1791 гг. уже больше не делали серьёзных попыток десантироваться в Крым.

Поиск Алуштинского и Шумского фельдшанцев на местности

В «Атласе планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г. из собрания РГВИА (Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 17, 20) (далее Атлас 1778 г.) представлены чертежи двух русских укреплений, располагающихся в Алуштинской долине: Алуштинский и Шумский фельдшанцы (рис. 2; 6).

Алуштинский фельдшанец

Одно из них, вытянутой восьмилучевой формы (рис. 2), располагалось на мысообразном возвышении в непосредственной близи от побережья Черного моря у г. Алушты. К западу и юго-западу от укрепления шла дорога на южный берег Крыма. Оно защищало алуштинскую гавань от высадки вражеского десанта (рис. 3) [5, с. 152–155, рис. 101; 80,3].

Недавно была предпринята попытка локализовать это укрепление. На чертеже из Атласа 1778 г. [4, рис. 97] изображен ориентированный субмеридионально (длинной осью поперек склона) шанец размером примерно 74×85 м, расположенный в непосредственной близости от восточного края «дороги в Ламбат», и кареобразное в плане, ори-

ентированное поперек склона укрепление «батареи» длиной около 13 м, расположенное примерно в 55 м к югу от шанца и не менее чем в 6 м к юго-востоку от крутого поворота той же дороги. В части отображения локализации объектов план отличается крайним схематизмом (рис. 2).

Как сравнительно надежные ориентиры здесь могут использоваться стрелка, указывающая направление на стороны света, береговая линия Черного моря, примерные трассы дорог и сечение восточной части укрепления, на котором виден характер рельефа места его расположения (склон). Дополнительная информация о топографических реалиях селения Алушта последней трети XVIII в. содержится на созданном до возведения фельдшанца, но близком по времени и манере исполнения (столь же «условном») «Плане Атаки против Турок, вышедших на берег при деревне Алуште Российскими войсками, под командою Генерал-Порутчика Графа Мусина-Пушкина июля 24-дня 1774 году» из собрания РГВИА (Ф. 464. Оп. 1. Д. 39. Л. 1) (рис. 1,*а*) [1, прил. 1, рис. 218, 219], где ясно показаны устья рек (Улу-Узень Западный и Демерджи-Узень) и рельеф водораздела между ними, контур береговой линии, а также руины крепости Алустон.

Позже укрепления последней трети XVIII в. сравнительно точно были показаны на следующих картах: а) Генеральная Карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адьюнктом Федором Черным 1790 года [4, рис. 79,3]; б) Военная топографическая карта полуострова Крыма генерал-майора Мухина; в) Карта Южного Крыма П. И. Кеппена [2], созданная на основе карты генерал-майора Мухина с уточнениями. Наиболее достоверной, вероятно, следует считать информацию карты П. И. Кеппена, который с 1829 г. проживал в Алуштинском регионе и мог видеть остатки шанца, проявлял специальный интерес к фортификационным сооружениям Горного Крыма и отличался тщательностью в фиксации таких объектов. На карте изображены устья речек Улу-Узень Западный и Демерджи-Узень, руины крепости Алустон и огибающая их с востока дорога на Биюк-Ламбат. Небольшое укрепление, топографически сопоставимое с Алуштинским фельдшанцем, показано (видимо, как и Алустон, внемасштабным значком) ниже крепости, практически строго к востоку от крутого поворота упомянутой дороги (что в целом соответствует данным «Плана укрепления при Алуште» 1778 г.), но на значительном расстоянии от нее, между устьями речек Улу-Узень Западный и Демерджи-Узень, ближе к последнему, на небольшом удалении от берега Черного моря (рис. 3).

Сопоставляя все приведенные сведения, можно констатировать, что Алуштинский фельдшанец 1778 г. располагался к востоку от руин крепости Алустон, на восточном – северо-восточном склоне Крепостной горки.

Конкретизация этой локализации пока, учитывая характер исходных данных, неизбежно окажется гипотетической. Так, при попытке соотнесения информации карты Мухина-Кеппена с картографическими материалами начала XX – начала XXI вв. оказывается, что расстояние между устьями алуштинских речек на карте начала XIX в. (около 760 м) примерно на 100 м меньше, чем на более поздних дореволюционных и современных картах (около 870–880 м). Если же допустить, что пропорциональное соотношение расстояний между шанцем, устьями речек и берегом моря на карте П. И. Кеппена отражено более или менее верно, то можно предполагать, что «Укрепление при Алуште» 1778 г. находилось на территории современного Приморского парка, в районе между зданием Алуштинского историко-краеведческого музея (филиал ГБУ РК Центральный музей Тавриды) (ул. Ленина, 8) и мемориальным комплексом на братской могиле членов правительства республики Таврида.

Простому совмещению «Плана укрепления при Алуште» с крупномасштабными картами начала XX – начала XXI вв. препятствует очевидная некорректность показанного на «Плане…» соотношения направлений на стороны света и ориентации береговой линии Черного моря. Однако, если допустить, что трассы дорог, изображенных на «Плане…» и на карте П. И. Кеппена, а также трасса современной улицы «15 апреля» на участке вблизи руин крепости Алустон примерно совпадают, оказывается, что на

«Плане…» неверно показано направление береговой линии Черного моря. Тогда можно предположить, что шанец «Укрепления при Алуште» 1778 г. располагался на территории, ныне занимаемой корпусами пансионата Северная Двина, и был уничтожен при их строительстве, а батарея находилась где-то между перекрестками улицы «15 апреля» с улицами «Энгельса» и «Карла Маркса» (рис. 4; 5).

Точно локализовать объект без дополнительных, в том числе археологических исследований невозможно.

Русские укрепления при деревне Шумы

Второе полевое укрепление, четырехлучевой формы (рис. 6), представленное в Атласе 1778 г., находилось к северу от Алушты, в сложно пересеченной местности, на возвышенном правом берегу р. Демерджи у деревни Шумы (совр. Верхняя Кутузовка). Оно охраняло перекресток важных дорог, одна из которых вела из Алушты в Ак-Мечеть (Симферополь) и Бахчисарай, а другая следовала с южного побережья Крыма через Ангарский перевал к Ени-Сале и далее тоже к Ак-Мечети, но с восточной стороны (рис. 7,*2*) [5, с. 141–143, рис. 93–95; 80,4]. Таким образом, в Атласе 1778 г. приведен чертеж южного по отношению к деревне Шумы укрепления, на основании которого можно дать его детальное описание [5, с. 144, 146]. Укрепление можно вписать в крепостной многоугольник, в плане представляющий четырехугольную фигуру с четырьмя исходящими углами. Аналог этому фельдшанцу мы находим среди чертежей французского военного инженера Себастьяна Ле Претр де Вобана [5, рис. 50]. Попытка локализовать это укрепление на местности привела нас к выводу о том, что этот фельдшанец разрушен современными домами пос. Верхняя Кутузовка (рис. 8,*2*).

Помимо этого фельдшанца, на карте Мухина 1817 г. в окрестностях деревни Шумы показано еще одно укрепление (рис. 7,*3*). Наличие сразу двух крепостей вдоль дороги, ведущей от Ак-Мечети к южному берегу и Алуште, было, вероятно, связано с важностью этой единственной транспортной ветки, ведущей с севера на юг через Ангарский перевал. Сопоставляя карты Мухина 1817 г. и современные карты, удается определить примерное положение обоих фельдшанцев на карте съемки 1957 г., выпущенной в 1973 г., масштаба 1:25 000 (рис. 8,*1,2*).

Если первое, прибрежное, укрепление в Алуште не сохранилось под плотной городской застройкой г. Алушты, то шансы найти остатки крепости у деревни Шумы, а также другие свидетельства Шумского сражения 1774 г. были весьма высоки. Поискам следов позиций участвующих сторон этого боя были посвящены разведочные работы, проводившиеся в 2009 г. под руководством В. Е. Герасимова и В. В. Ткаченко. В результате были выявлены девять объектов, непосредственно связанных с этим знаменитым сражением. Из них для темы нашего исследования наиболее важны следующие.

На юго-восточном отроге горы Пуан-Хыр обнаружено местоположение турецкой позиции и двух батарей на расстоянии примерно 200 м друг от друга. По предположению В. Е. Герасимова и В. В. Ткаченко, именно здесь был ранен М. И. Кутузов. Ниже по склону, недалеко от этого места, находилось позднесредневековое кладбище [1, с. 202].

На холмообразном возвышении напротив этих турецких батарей (к северу и выше по склону) (рис. 8,*1*) найдены остатки земляного укрепления в виде восьмилучевой звезды. Характерные остроконечные очертания этого фельдшанца в 2009 г. еще были хорошо видны (рис. 9). Сотрудником Крымского филиала ИА НАНУ (ныне Институт археологии Крыма РАН) В. В. Семеновым был снят топоплан этого укрепления (рис. 10). Чертеж этого укрепления в «Атласе» 1778 г. отсутствует, однако точные ему аналогии, то есть восьмилучевые фельдшанцы, были запроектированы у деревни Стели (рис. 11) и у деревни Бишуй (рис. 12). Позже остатки этого укрепления были срыты землевладельцем [6, с. 328].

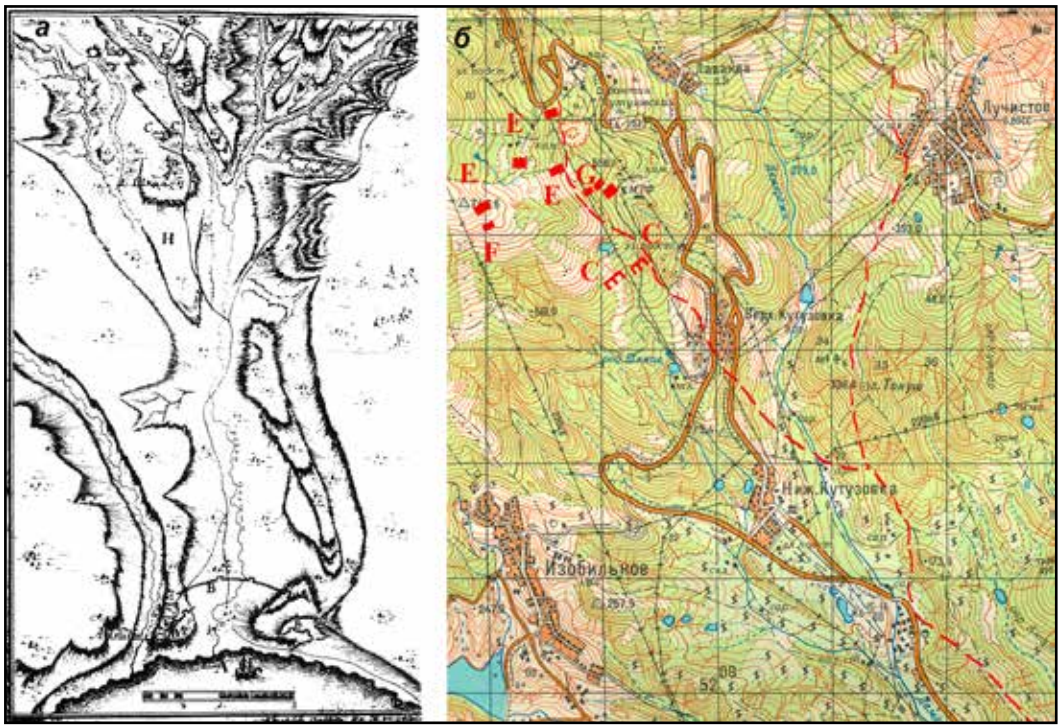

Рис. 1. *а* – «План Атаки против Турок, вышедших на берег при деревне Алуште Российскими войсками, под командою Генерал-Порутчика Графа Мусина-Пушкина июля 24-дня 1774 году» из собрания РГВИА (Ф. 464. Оп. 1. Д. 39. Л. 1) *б* – Реконструкция этого плана на топографической карте съемки 1957 г., выпущенной в 1973 г., масштаба 1:25000. Пунктиром показано положение дорог с карты 1774 г. Буквы на рисунке обозначают (старая орфография): «А – Неприятельский флот; В – Их лагерь, укрепленный выкладенным из камня валом. С – Передовой турецкий пост пред деревнею Шумою, тоже укрепленный из камня в двух ретраншементах. D – часть неприятельского войска, защищающего деревню Демержи. E – Российская пехота, составленная в атаке турецкого ретраншемента. F – Егери. G – Два каре, атакующие ретраншемент под командою Генерал-Майора и Кавалера Якоби, а на их место вступил кордерезерв под командою Генерал Майора Грушецкаго. H – Место, где по прогнании неприятеля атакующие каре остановились»

Fig. 1. Fig. 1. *a – Plan of the Attack against the Turks Who Came Ashore at the Village of Alushta, by the Russian Troops under the Command of Lieutenant General the Count Musin-Pushkin on June 24, 1774,* now residing in the Russian State Military History Archive (F. 464. Op. 1. D. 39. L. 1) *b* – Reconstruction drawing of this plan on the topographic map taken in 1957, published in 1973, to scale 1:25000. Dotted lines indicate the roads by the map of 1774. The letters on the drawing indicate (written in old orthography): “A – Enemy’s front; B – Their camp fortified by the rampart laid of stone. C – Advanced Turkish post in front of the village of Shumy, also strengthened with stone, in two retrenchments. D – A part of the hostile army that protected the village of Demerdzhi. E – The Russian infantry lined to attack the enemy’s retrenchment. F – Rangers. G – Two infantry squares attacking the retrenchment, under the command of Major General and Knight Iakobi, and their place was taken by the reserve troop commanded by Major General Grushetskii. H – The place where, when the enemy was driven away, the attacking infantry square made a stop”

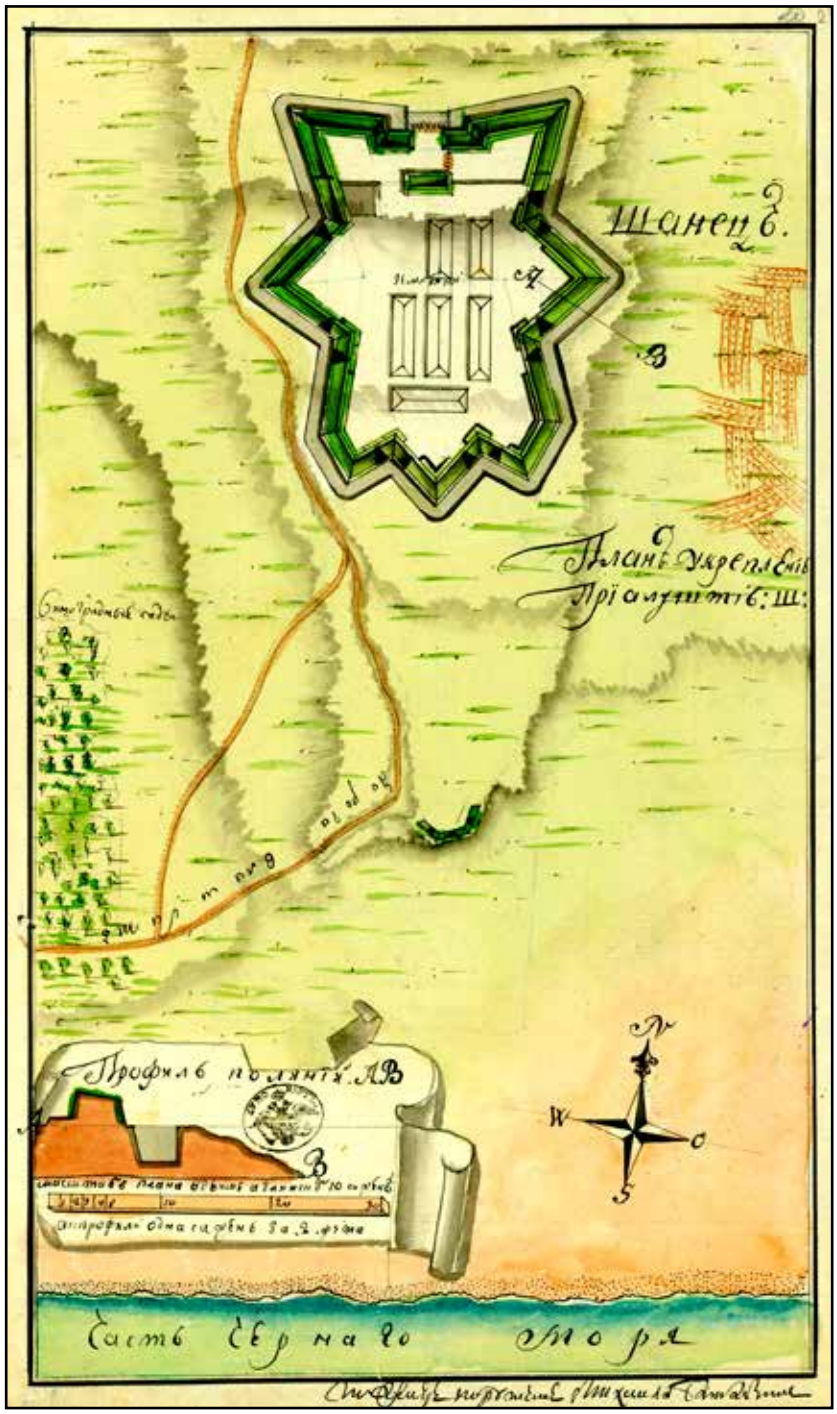

Рис. 2. «План укрепления при Алуште» (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 20)

Fig. 2. *Plan of the fortification Alushta*
(Russian State Military-Historic Archives. F. 418. Op. 1. D. 716. L. 20)

Рис. 3. Руины средневековой крепости Алустон и фельдшанец конца XVIII в. на карте Южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику Петра Кеппена

Fig. 3. The ruins of the mediaeval castle of Alouston and the late-eighteenth-century fieldwork on the map of the southern Crimea, from Peter Köppen's *Krymskii Sbornik* ("The Crimean Collection")

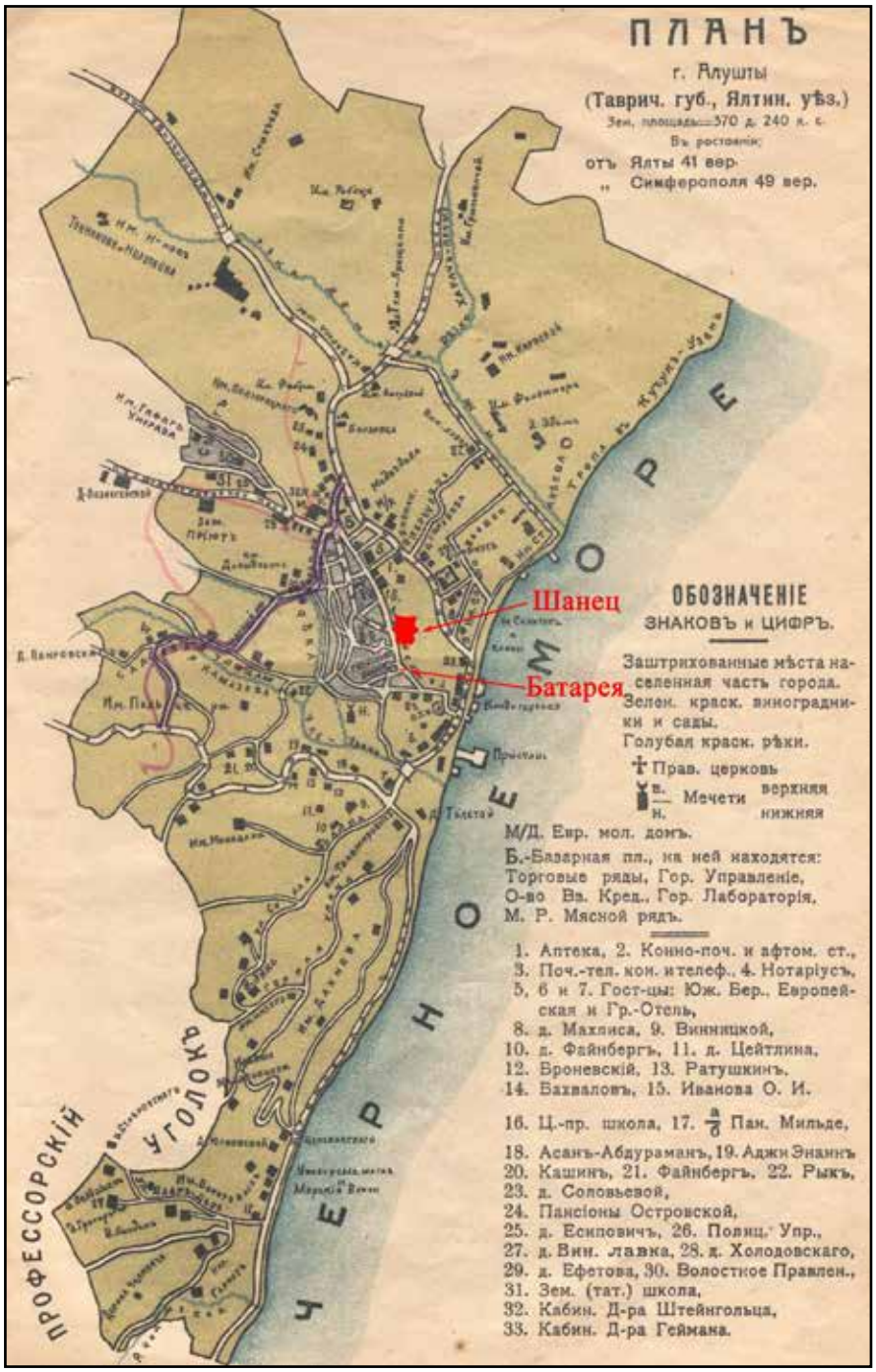

Рис. 4. Предположительная локализация Алуштинского фельдшанца и батареи конца XVIII в. на плане г. Алушта 1913 г.

Fig. 4. Supposed location of Alushta fieldwork and artillery battery from the late eighteenth century on the town plan of Alushta of 1913

Рис. 5. Ориентировочная локализация
Алуштинского фельдшанца и батареи конца XVIII в.
на современной карте г. Алушта

Fig. 5. Approximate location of Alushta fieldwork and artillery battery
from the late eighteenth century on the modern town map of Alushta

Рис. 6. «План шанца при деревне Шумы».
Чертил инженер-поручик Александр Кемпен
(РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 17)

Fig. 6. *Plan of the Fieldwork near the Village of Shumy.*
Drawn by Lieutenant Engineer Alexander Kempen
(Russian State Military History Archive. F. 418. Op. 1. D. 716. L. 17)

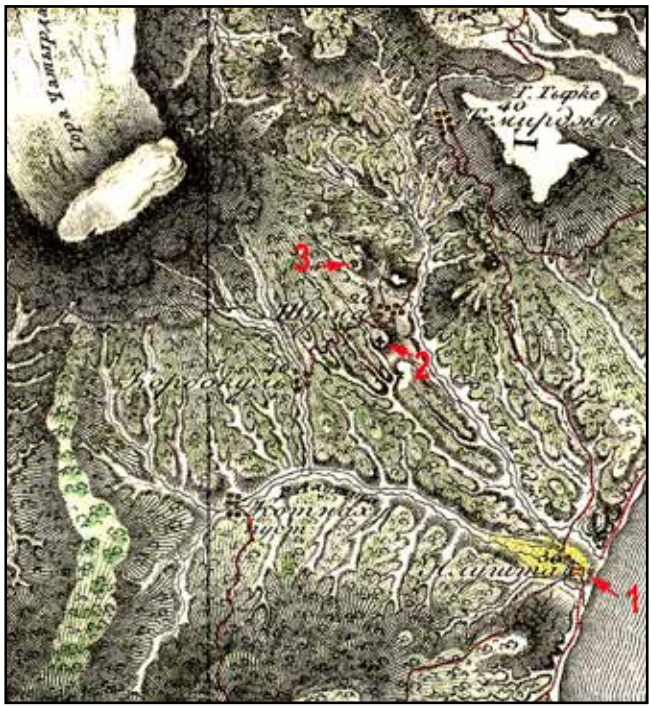

Рис. 7. Часть Военной топографической карты полуострова Крым, составленной генерал-майором Мухиным в 1816 году, на которой показаны укрепления в Алуште (*1*), четырехлучевой (*2*) и восьми-лучевой (*3*) фельдшанцы

Fig. 7. Fragment of the military topographic map of the Crimean Peninsula, compiled by Major General Mukhin in 1816, indicating the fortifications in Alushta (*1*), four-beam (*2*) and eight-beam (*3*) fieldworks

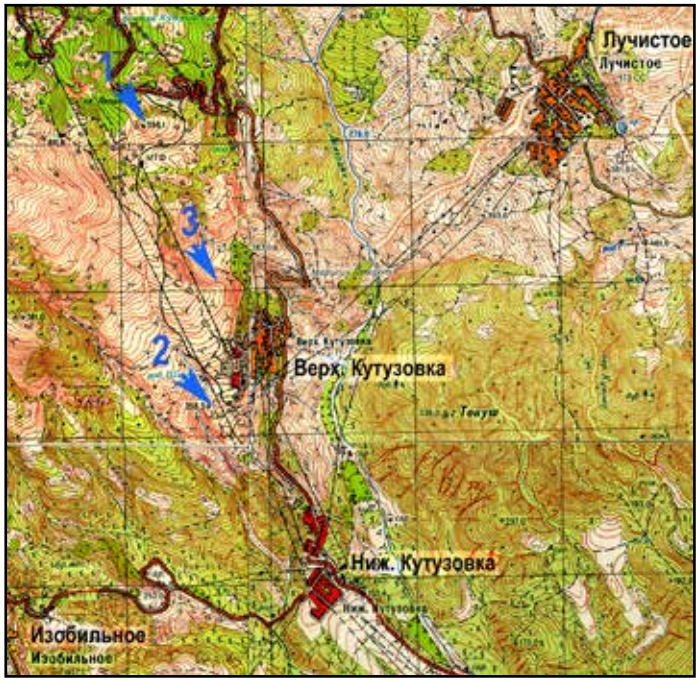

Рис. 8. Положение четырехлучевого (*2*) и восьмилучевого (*1*) фельдшанцев, батареи русских войск (*3*) на карте съемки 1957 г., выпущенной в 1973 г., масштаба 1:25000

Fig. 8. The position of the four-beam (*2*) and eight-beam (*1*) fieldworks, artillery battery of the Russian troops (*3*) on the map taken on 1957, published in 1973, to scale 1:25000

Рис. 9. Один из остроконечных выступов восьмилучевого фельдшанца.
Фотография В. В. Ткаченко 2009 г.

Fig. 9. One of the pointed projections of the eight-beam fieldwork.
Photograph by V. V. Tkachenko, 2009

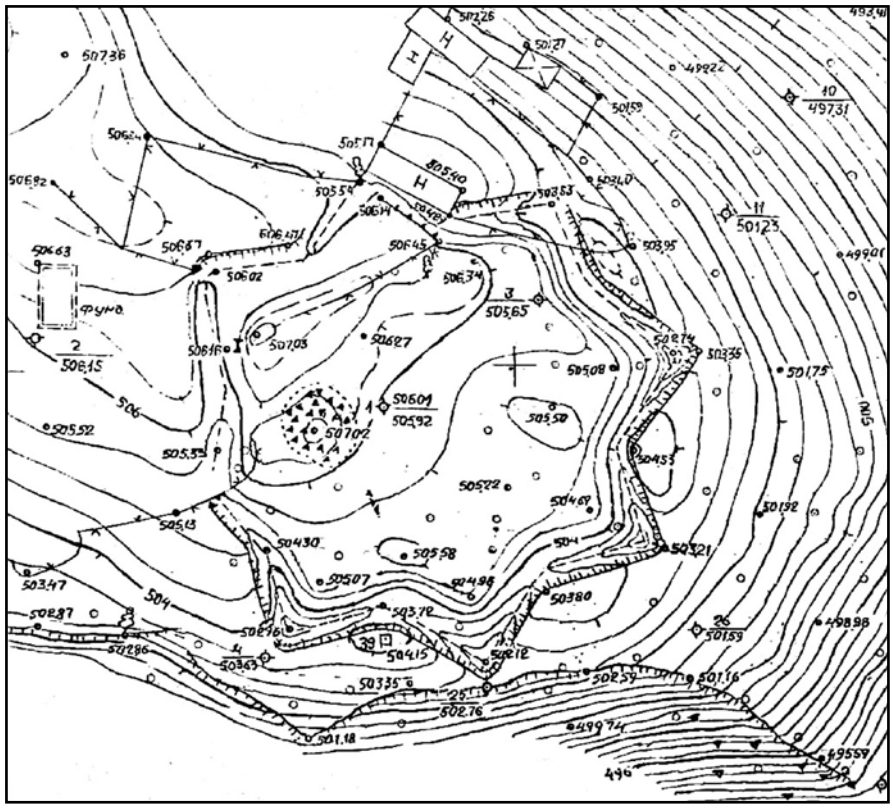

Рис. 10. Топографический план фельдшанца, расположенного
к северу от бывш. д. Шумы, снятый В. В. Семеновым

Fig. 10. Topographical plan of the fieldwork
located north of the former village of Shumy, taken by V. V. Semenov

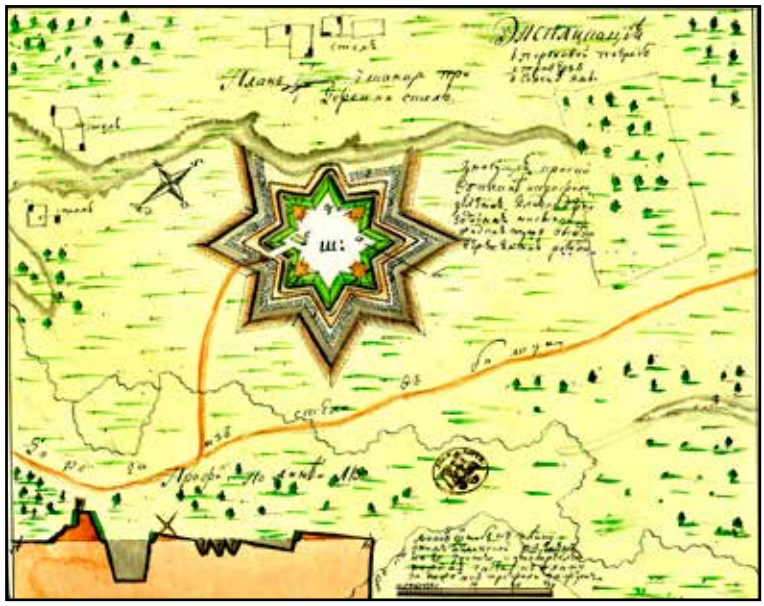

Рис. 11. «План шанца при деревне Стель»
(РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 12)

Fig. 11. *Plan of the Trench at the village of Stel'*
(Russian State Military History Archive. F. 418. Op. 1. D. 716. L. 12)

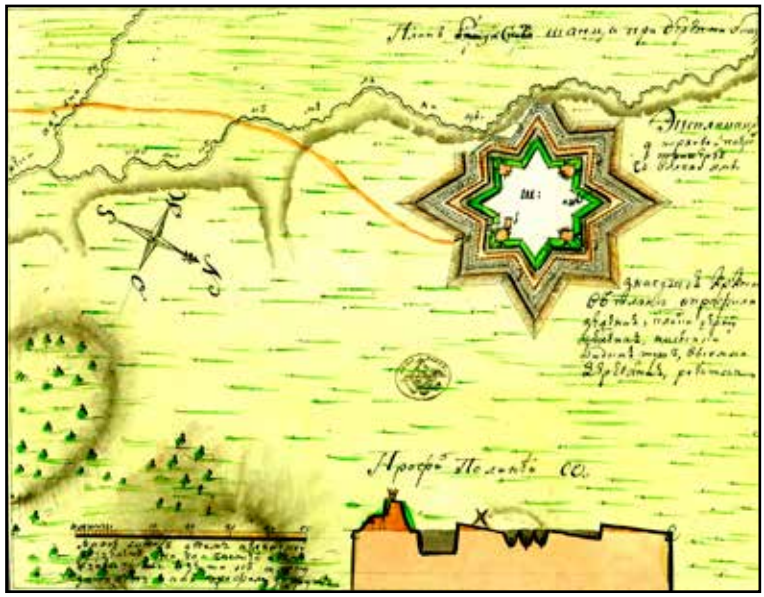

Рис. 12. «План фельдшанца при деревне Бишуй»
(РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 29)

Fig. 12. *Plan of the Fieldwork at the Village of Bishui*
(Russian State Military History Archive. F. 418. Op. 1. D. 716. L. 29)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов В.Е., Ткаченко В.В. Разведки в районе поля Шумского сражения 1774 года на территории Изобильненского сельсовета Алуштинского горсовета // Terra Alustiana MMXI. Сборник научных трудов по материалам X научной конференции, посвященной 110-летию присвоения Алуште статуса города и 1460-й годовщине основания императором Юстинианом крепости Алустон (Алушта, 7–9 октября 2011 г.) / ред.-сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Симферополь: Антиква, 2015. С. 200–233.
2. [Кёппен П.И.] Указатель к карте Южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику Петра Кеппена. СПб.: ИАН, 1836. 69 с.
3. Мальгин А.В., Кротов А.И. Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1786–1774 гг. // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2009. № 24. С. 78–106.
4. Смекалова Т.Н., Белик Ю.Л. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху. Симферополь: Изд-во ЧП «Предприятие Феникс», 2013. 198 с. (Серия «Материалы к археологической карте Крыма». Вып. IX).
5. Смекалова Т.Н., Белик Ю.Л. А.В. Суворов и присоединение Крыма к России. История забытых крепостей. СПб.: Алетейя, 2016. 228 с. (Серия «Материалы к археологической карте Крыма». Вып. XVI).
6. Ткаченко В.В. Топография поля Шумского сражения и проблема Кутузовского фонтана // Топонимика Крыма: сборник статей. Вып. 3 / ред.-сост. Ю.А. Беляев. Симферополь: Н.Оріанда, 2019. С. 322–336.

REFERENCES

1. Gerasimov V.E., Tkachenko V.V. Reconnaissance in the area of the Shumsky battlefield of 1774 on the territory of the Izobilnensky village council of the Alushta city council. Rudnitskaia V.G., Teslenko I.B. (Eds.), *Terra Alustiana MMXI. Sbornik nauchnykh trudov po materialam X nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu prisvoeniia Alushte statusa goroda i 1460-i godovshchine osnovaniia imperatorom Iustinianom kreposti Aluston (Alushta, 7–9 oktiabria 2011 g.)* [Terra Alustiana MMXI. Collection of scientific papers based on the materials of the X scientific conference dedicated to the 110th anniversary of Alushta being granted city status and the 1460th anniversary of the founding of the Aluston fortress by Emperor Justinian (Alushta, October 7–9, 2011)], Simferopol, Antikva Publ., 2015, pp. 200–233.
2. [Keppen P.I.] *Ukazatel' k karte Iuzhnogo Kryma, prinadlezhashchei k Krymskomu sborniku Petra Keppena* [Index to the map of Southern Crimea, belonging to the Crimean collection of Peter Koeppen]. St. Petersburg, 1836, 69 p.
3. Mal'gin A.V., Krotov A.I. War after war. A forgotten episode of the Russian-Turkish campaign of 1786–1774. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of Crimea], Simferopol, 2009, No. 24, pp. 78–106.
4. Smekalova T.N., Belik Yu.L. *Polevaia fortifikatsiia Kryma v suvorovskuiu epokhu* [Field fortifications in Crimea during Suvorov's time]. Simferopol, Predpriiatie Feniks Publ., 2013, 198 p.
5. Smekalova T.N., Belik Yu.L. *A.V. Suvorov i prisoedinenie Kryma k Rossii. Istoriia zabytykh krepostei* [A.V. Suvorov and the joining of Crimea to Russia. A history of the forgotten forts]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2016, 228 p.
6. Tkachenko V.V. Topography of the Shumsky battlefield and the problem of the Kutuzov fountain. Beliaev Iu.A. (Ed.), *Toponimika Kryma: sbornik statei* [Toponymy of Crimea: collection of articles], Vol. 3, Simferopol, N.Orianda Publ., 2019, pp. 322–336.

Информация об авторах

Герцен А. Г. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Resercher ID: AAU-9228-2020, Scopus ID: 57206729509.

Мальгин А. В. – кандидат филологических наук, директор Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Центральный музей Тавриды».

Ткаченко В. В. – преподаватель, Алуштинский филиал Романовского колледжа.

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: R-3665-2016, Scopus ID: 6508163460

Authors information

Gertsen A. G. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Archeology and General History of the Institute "Taurida Academy" of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Resercher ID: AAU-9228-2020, Scopus ID: 57206729509.

Mal'gin A.M. – Candidate of Sciences (Phylology), State budgetary institution of the Republic of Crimea "Central Museum of Taurida".

Tkachenko V.V. – teacher, Alushta branch of Romanovsky College.

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: R-3665-2016, Scopus ID: 6508163460.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.446-456

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КРЫМСКО-ТАМАНСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XVIII В. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Юрий Леонидович Белик
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Керчь, Россия;
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
eni_belik@rambler.ru

Аннотация. В ходе анализа новых архивных данных рассматриваются особенности оборонительных сооружений конца XVIII в., располагавшихся на территории Таманского и Крымского полуостровов. Вводимые в статье новые источники дают более полное представление об объектах фортификации, располагавшихся на Крымском и Таманском полуостровах. В статье акцентируется внимание на особенностях защитных сооружений фортификационных ансамблей. Особый интерес представляет рапорт вице-адмирала Мордвинова, который обращает внимание императрицы на затраты, которые придется понести казне на сооружение тех или иных укреплений. Самыми затратными статьями этой сметы являлись расходы на возведение укрепления при входе в Днепровский лиман, постройка укреплений в Севастополе, Фанагорийской крепости. Планировалось постройка новой береговой батареи вместо Павловской и Александровской, которая должна была контролировать Керченский пролив. В документе особо прописаны в алфавитном порядке материалы и инструменты, необходимые для работы, приводятся нормы оплаты трудозатрат на те или иные виды работ, с учетом их трудоемкости и квалификации рабочих. Среди исполнителей выделена группа так называемых «мастеровых»: каменщики, кузнецы, плотники, дернокладчики и прочие, оплата труда которых составляла 12 копеек в день. Особо выделяется категория разнорабочих – работных людей, оплата труда которых в среднем составляла 10 копеек в день. Введение в оборот новых архивных документов дает представление об истории как самих крепостей Азово-Черноморского региона, так и в целом об уровне развития отечественного военно-инженерного искусства в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Крым, Тамань, крепость, фортификационные сооружения, бастион, архив

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда и Республики Крым в рамках проекта № 23-28-10025 «Первые русские крепости в Крыму накануне его присоединения к России. Междисциплинарное исследование», https://rscf.ru/project/23-28-10025. Автор выражает благодарность руководству Санкт-Петербургского ГБУК «Государственный мемориальный музей А. В. Суворова» за разрешение пользоваться архивными документами из собрания музея.

DEFENSIVE SYSTEM OF THE CRIMEA-TAMAN REGION IN THE LATE-EIGHTEENTH CENTURY: NEW DOCUMENTS

Yurii L. Belik
Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum Preserve, Kerch, Russia
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
eni_belik@rambler.ru

Abstract. The analysis of new archival data is the background to address the features of the late-eighteenth-century defensive structures located on the Taman and Crimean Peninsulas. The new sources introduced into the scholarship supply a more complete picture of the fortification sites located on the Crimean and Taman Peninsulas. This article focuses on the features of the defensive structures of the fortification ensembles in question. Especially interesting is the Vice Admiral Mordvinov's report calling the empress's attention to the cost to be paid for the construction of this or that fortification. The most expensive items of this estimate were related to the fort at the entrance to the Dnieper estuary, the fortifications of Sevastopol, and the fortress of Fanagoria. It was planned to build a new coastal artillery battery instead of Pavlovskaia and Aleksandrovskaia

batteries to control the Strait of Kerch. The document supplies a specific list of the materials and tools necessary for the work in alphabetical order and shows the norms of payment for labour costs for certain works, taking into account their intensity and workers' qualifications. Among the workers, there was a group of the so-called "workmen": masons, blacksmiths, carpenters, sod-layers, and others, paid with 12 kopecks per day. There was a special category of unskilled workers, or *rabotnye liudi*, paid with 10 kopecks per day on the average. The introduction of the new archival documents into the scholarly circulation allows to understand the history of the forts in the Azov and Black Sea Area and, generally, the development level of Russian military engineering in the period under study.

Keywords: Crimea, Taman, fortress, fortifications, bastion, archive

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation and the Republic of the Crimea within the project no. 23-28-10025 *The First Russian Fortresses in the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia. An Interdisciplinary Research*, https://rscf.ru/project/23-28-10025. The author is grateful to the staff of the A. V. Suvorov State Memorial Museum (St Petersburg) for the permission to use the archival documents from the museum's collection.

К 250-летию Кучук-Кайнарджийского мирного договора

Напряженная военно-политическая обстановка, сложившаяся в Азово-Черноморском регионе в конце XVIII в., была вызвана стремлением Османской империи вернуть утраченные владения, а также восстановить свое пошатнувшееся положение в глазах европейских держав. Для реализации этой цели Портой предпринимались разнообразные меры. Одной из главных угроз для вновь приобретенных земель Российской империи можно бесспорно считать попытку военного вторжения на Крымский полуостров и Кубанский край, в частности на так называемый «Таманский остров». Для усиления своих позиций Российское государство предпринимает в регионе беспрецедентные шаги в области политического и административного устройства, экономики и т.д., проводились комплексные реформы, направленные на кардинальные изменения. Это должно было способствовать укреплению связей между центром и новыми окраинами страны, предотвращению центробежных движений и налаживанию нормальной жизнедеятельности в целом на Юге Российской империи. В то же время, осознавая прямую угрозу внезапного вторжения турецкой армии, русское командование предпринимает ряд экстренных мер.

В отечественной историографии существует немало работ, посвященных актуальным вопросам истории этого периода. Большинство исследователей отмечает, что для окончательного решения вопроса, касающегося вхождения новых земель в состав Российской державы, ведущую роль сыграли армия и флот [6; 7; 8; 9]. Однако, по нашему мнению, немалое значение в этом непростом процессе имела реконструкция старых и создание новых систем оборонительных сооружений. Акцент был сделан на создание надежных фортификационных комплексов, которые способны были бы в случае осады выдержать натиск противника и в то же время являлись бы базами для снабжения армии и флота. Предполагалось также создание или реконструкция ряда укреплений, по своей сути являющихся береговыми позициями (батареями), призванными подавить артиллерийским огнем османский флот, не допустив высадку десанта и прорыв врага к базе флота (Севастополю) или, например, в Керченский пролив. Перед военными инженерами ставились соответствующие задачи, решать которые необходимо было в кратчайшие сроки. При этом необходимо было учитывать удаленность региона от центральных областей страны, из которых шло обеспечение лесом, металлом и прочими ресурсами, необходимыми для развертывания программы строительства фортификационных сооружений. Первоочередной мерой ее реализации, после установления контроля над ключевыми населенными пунктами, были ремонтные работы на уже существовавших оборонительных сооружениях, в частности в приморских крепостях Ени-Кале, Керчь, Арабат, а также на важных укреплениях, располагавшихся на магистральных путях – Перекоп (Ор-Капу), Геническая (Генизли), Шунгарская и Арабат [8, с. 55]. В последующем, проведя оценку состояния этих укреплений, были приняты меры по модернизации крепостей, усилению их мощи в

соответствии с уровнем развития артиллерии и фортификации. Часть работ проводилась сразу же после победы в 1771 г. под руководством генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова над объединенным турецко-татарским войском.

Во-вторых, были учтены проблемы, связанные с удаленностью старых крепостей друг от друга, что создавало угрозу в нарушении снабжения армии и флота в случае начала боевых действий. Для этого был создан ряд новых полевых укреплений, которые способны были решать тактические задачи. Некоторые из них (23 укрепления) были возведены при генерал-фельдмаршале князе А. А. Прозоровском, по всей видимости, в период 1776–1777 гг. [8, с. 68].

С назначением главнокомандующим войск в Крыму генерал-поручика А. В. Суворова в апреле 1778 г. структура оборонительных сооружений претерпевает значительные изменения [8, с. 66–70]. Под его непосредственным руководством были спроектированы новые полевые укрепления (29 фельдшанцев) [4; 7]. Он же предпринял меры по совершенствованию старых фортификационных сооружений, которые стали частью сложной системы обороны Крымского полуострова. Учитывая, что ранее была создана оборонительная линия вдоль русла Кубани, можно констатировать, что в конце 70-х гг. XVIII в. в Азово-Черноморском регионе сформировалась система обороны южных границ государства. Условно ее можно разделить на ряд крупных секторов: Северо-Кавказский (Кубанский); Крымский, который представлен был как береговыми, так и сухопутными укреплениями; Днепровско-Дунайский, куда входила группа укреплений от нижнего течения Днепра до устья Дуная.

В последнее время появился ряд публикаций, которые касаются этой проблематики [6; 7]. В то же время следует отметить, что для формирования более полного представления о роли военно-инженерных сооружений в исторических событиях XVIII – начала XIX в. важны новые источники, дающие более полное представлении об объектах фортификации, располагавшихся на Крымском и Таманском полуостровах. В этой связи введение в оборот новых архивных данных предоставляет возможность сформировать более полное представление по истории как самих крепостей Азово-Черноморского региона, так и в целом об уровне развития военно-инженерного искусства в рассматриваемый период.

В фондах Санкт-Петербургского ГБУК «Государственный мемориальный музей А. В. Суворова» хранится рукописное дело № 2028.982, посвященное рассмотрению проектов модернизации ряда укреплений на территории Крымского и Таманского полуостровов [1]. Документ ранее детально не рассматривался в отношении его значимости для изучения объектов фортификации Азово-Черноморского бассейна.

Предложенные А. В. Суворовым проекты укреплений, разработанные Ф. Деволаном, были рассмотрены Екатериной II 25 февраля 1793 г. (по старому стилю). В этот список были включены следующие объекты: укрепление у Днепровского лимана, Фанагорийская крепость, Павловская и Александровская батареи, укрепления у Севастопольской бухты, сооружения в Херсоне, крепости Керчь и Ени-Кале.

В качестве экспертов, если так можно сказать, выступали влиятельные специалисты в области фортификации – инженер генерал-майор Фемерс, полковник Князев и инженер-подполковник Деволан [1, л. 1]. При детальном изучении документа обращает внимание зафиксированное особое мнение касательно сроков возведения, целесообразности постройки того или иного укрепления и прочее [1, л. 2; 9; 10]. Также к документу прилагается детальная смета на возведение военно-инженерных сооружений. Важно, что мы имеем возможность уточнить механизм распределения обязанностей между А. В. Суворовым, военными инженерами и контролирующими органами [1, л. 2.1–2.2]. Большой интерес представляет рапорт вице-адмирала Мордвинова на имя императрицы от 30 января 1793 г. Можно констатировать, что обращение к этому, важному, документу позволяет пролить свет на историю ряда уникальных исторических объектов. В то же время нужно отметить большой объем содержащейся в нем информации. В предлагаемой статье мы акцентируем внимание на особенностях защитных сооружений фортификационных

ансамблей, которым посвящен рассматриваемый источник. В этой связи хотелось бы обратить внимание на отмеченный выше рапорт вице-адмирала Мордвинова, который уже в первой части документа обращает внимание императрицы на затраты, которые придется понести казне на сооружение тех или иных укреплений [1, л. 6–8]. Самыми затратными статьями этой сметы следует считать расходы на возведение укрепления при входе в Днепровский лиман (более 352000 рублей), постройка укреплений в Севастополе (более 231000 рублей), Фанагорийской крепости (вместе с гражданскими сооружениями в самой крепости планировалось истратить более 376670 рублей). Отдельно выделены средства на строительные работы в Херсонской крепости на общую сумму более 208000 рублей. При этом на постройку новой береговой батареи вместо Павловской и Александровской, которая должна была контролировать Керченский пролив, планировалось выделить чуть более 40000 рублей.

Особым разделом в документ включены сметы, в которых указаны расходы на сооружение укреплений в Севастопольской бухте [1, л. 25–33]. Планировалось израсходовать на все сооружения 231792 рубля. Ю. А. Скориков приводит значительно большую сумму, указанную в сметах в размере «около двух миллионов рублей» [9, с. 33]. Любопытно, что под сметой стоит подпись подполковника Деволана [1, л. 33]. В частности, на возведение казематированного морского форта «А» – 56655 рублей, форта «В» – 44110 рублей, форта «С» – 46800 рублей. На морскую батарея «Д» – 11335 рублей. На сухопутные укрепления суммы были меньше. Так, на форт «Е» – 20202 рубля, форт «F» – 12442 рубля, форт «G» – 19111 рубля, форт «Н» (укрепленный Карантин) – 12435 рублей, на батарею – «I» – 9702 рубля. На каждое укрепление в документе приведена отдельная смета, что позволяет уточнить ряд деталей, которые не вошли в более ранние публикации, посвященные строительству Севастопольской крепости [9, с. 11–14, 27–38].

В смете приведены рекомендации по возведению укреплений Севастополя. А. В. Суворов прекрасно знал особенности местного ландшафта, с точки зрения приспособления фортификационных сооружений для успешного применения артиллерии. В документе упор делался на массированный, сосредоточенный огонь артиллерии. В связи с чем, вновь возводимые мощные казематированные форты «А» и «В», приспособленные к эффективной защите бухт, также должны были контролировать прилегающую местность, в том числе и ключевые, рядом расположенные высоты. На северном побережье Севастопольской бухты был запланирован форт «А» (ныне Константиновская батарея), на южной стороне бухты – форт «В» (ныне Александровская батарея). Форт «Е» – Николаевская батарея. Укрепления получали, хотя и быстро возведенные, но надежные сухопутные фронты, необходимые для упреждения внезапных действий противника. В форте «А» планировалось возвести три яруса обороны. Третий ярус являлся открытой платформой для установки береговых орудий. В форте «В» планировалась двухъярусная оборона. Не исключалась установка ядрокалильных печей, которые изготавливались в Херсонском адмиралтействе и потом были доставлены в Севастополь.

При строительстве планировалось использовать местный тесаный камень и бут, уложенные на известковом растворе. Частично камень добывался на месте, при удалении каменного пласта под основание укреплений. Так, под форт «А» было запланировано снять 1200 кубических саженей камня, под форт «В» – 1000.

В фортах «А» и «В» казематы имели типичные арочные сводчатые перекрытия («полуокружные своды»). Отдельные элементы кладки планировалось крепить металлическими стяжками. Для удобства ведения огня амбразуры казематированных сооружений фортов планировалось делать по голландскому образцу. Такая форма обеспечивала отвод пороховых газов в случае интенсивной стрельбы, а также создавались условия для более широкого угла наведения при стрельбе из орудий [1, л. 26–27]. Учтены были и возможные задержки в сроках постройки, вызванные сложностями доставки строительных материалов. К апрелю 1794 г. планировалось завершить основные виды работ [1, л. 27]. Командующему по ряду объективных и субъективных причин было отказано в выделении

средств на постройку укреплений [9, с. 33]. Это вначале вынудило А. В. Суворова с целью завершения строительных работ пойти на крайние меры, вплоть до намерения продажи своих земельных владений для расчета с подрядчиками, но затем откомандированному в Санкт-Петербург помощнику по инженерной части Францу Деволану удалось убедить императрицу в необходимости завершения строительства. Таким образом, А. В. Суворову не пришлось продавать собственные владения. Запланированные сооружения были возведены, хоть и не в полном соответствии с первоначальным замыслом [9, с. 34]. Основные работы были завершены в 1797 г. [9, с. 36–38]. Правда, в ходе стихийного бедствия 11 сентября 1797 г. некоторые из фортификационных сооружений были повреждены, что потребовало дополнительные время и средства на их восстановление.

В документе приводятся данные по оплате труда за разные работы. Так, плотники и каменщики, работавшие на строительстве укреплений, получали по 50 копеек в день, а разнорабочие – по 10 копеек, так же и рабочие на земляных работах. При этом учитывалась сложность работ. При подготовке основания фундамента под форт «А» планировалось задействовать на каждую кубическую сажень по 10 рабочих, а на форте «В» – уже в два раза больше. При этом объемы выполнения отличались незначительно. В форте «А» объем земляных работ составлял 1240 кубических саженей, а в форте «В» – 1200.

Отдельного внимания заслуживает предложение А. В. Суворова о необходимости для более эффективной обороны Керченского пролива возвести одну мощную береговую батарею к югу от Керчи и упразднить Александровскую и Павловскую батареи. Ее следовало оборудовать не только всеми необходимыми постройками, но и создать более удобные условия для действий личного состава [1, л. 7]. Это было вызвано тем, что батареи располагались слишком высоко над береговой линией, что не позволяло вести эффективный огонь по кораблям противника. Для чего в этой большой батарее планировалось валгангу дать возвышение не более 10 футов над уровнем воды [1, л. 9]. К сожалению, данный проект не был реализован, хотя военные инженеры не оставляли надежды возвести в районе Павловского мыса крупную береговую позицию [5]. Попытки осуществить замысел А. В. Суворова предпринимались в конце XVIII – начале XIX в. (рис. 1). Но реализовать его замысел удалось уже после Восточной (Крымской) войны, возведением Керченской крепости, с мощными береговыми батареями.

Крепости Керчь и Ени-Кале было решено оставить в прежнем виде (рис. 2), выделив 10000–15000 рублей на первоначальный ремонт на каждую, а в последующем ежегодно выделять тысячу рублей на решение текущих вопросов по уходу за фортификационными сооружениями. Работы планировалось производить силами гарнизонов крепостей [1, л. 10].

Крепость Фанагория по праву считается уникальным оборонительным сооружением конца XVIII в. Она играла существенную роль в защите вновь присоединенных земель, выполняя ряд ключевых задач. Во-первых, будучи приморской крепостью, она контролировала наряду с крепостью Керчь, Ени-Кале и рядом других укреплений движение судов по Керченскому проливу [12, с. 70]. Крепость являлась форпостом русской армии в случае высадки османской армии с целью овладения азовскими портами. Во-вторых, ее удачное транзитное положение создавало благоприятные условия для снабжения, в случае необходимости, русской группировки войск, размещавшейся в районе Керчи, Ени-Кале. Ранее о самом укреплении, как оборонительном сооружении, сведений было недостаточно, что можно объяснить весьма скудной базой источников, имевшихся в нашем распоряжении. Известно, что проект крепости был подготовлен инженером И. И. Князевым. Строительство велось силами черноморского казачества. Строительство крепости было завершено в 1795 г. [12, с. 70–71]. Рассматриваемое нами архивное дело существенно расширяет объем информации о ее строительстве и устройстве.

Крепость Фанагория располагается на западе Таманского полуострова, на побережье Таманского залива, к северу от небольшого города Тамани (рис. 3). Берега залива обрывистые, сложены из глин. В округе крепости местность всхолмленная, с незначительным перепадом высот. Вблизи протекает небольшая речка (рис. 4). Растительность степная, в

то же время в лиманах произрастает камыш. В отличие от Керченского полуострова, на Таманском берегу нет выходов известняка, что предопределило характер и ряд особенностей Фанагорийской крепости.

Характеризуя фортификационные особенности крепости, нужно отметить, что она является ярким примером укрепления с бастионным профилем ограды [10, с. 28–34] и служит классическим примером подражания французской фортификационной школе [11, с. 114]. Крепостной фронт имеет начертание по наружной линии полигона и состоит из четырех полигонов (рис. 5). Длина каждого составляла 170 сажень (около 340 м), что позволило весьма успешно использовать особенности местного ландшафта для усиления обороны. В профиле ограды четко просматриваются три бастиона с пониженными фланками и двумя полубастионами. В документе весьма подробно описаны затраты на постройку оборонительных сооружений [1, л. 52–55]. На каждую погонную сажень планировалось 25 кубических саженей грунта. Соответственно, на один полигон – 4250 кубических саженя грунта, а на весь полигон – 17000 кубических саженя. Для возведения равелинов планировалось израсходовать более 3300 кубических саженя грунта. Для укладки, выравнивания и трамбовки выделялось по одному человеку (разнорабочему, «работников») на каждую кубическую сажень, при возведении рва вокруг крепости планировалось задействовать по 10 человек (разнорабочих) на каждую погонную сажень. При облицовке эскарпа и контрэскарпа, согласно смете, планировалось задействовать до 25 человек на каждую сажень. После возведения основного профиля крепости планировалось произвести укладку дерна (плакировка) на поверхность земляных сооружений (главного крепостного вала, равелинов, траверсов, гласиса). Плакировка осуществлялась кусками дерна («дернинами»). Дерн укладывался, по всей видимости, в шахматном порядке. Хотя на отдельных участках могли и другим способом, например «тычок – ложок». Это предотвращало сползание дерна, он быстрее укоренялся, и как итог – земляные оборонительные сооружения не разрушались ливнями. Отдельные участки крепились деревянными колышками. Для этого в смете предусмотрено 1705000 штук так называемых дернин. Каждый кусок дерна был размером 1½ фута, толщиной 4 дюйма. В сутки работник обязан был нарезать 150 дернин. В то же самое время, для укладки дерном крепостных сооружений на каждого человека в день норма составляла 200 дернин. Таких специалистов называли «дерноклатчиками». Каждому дернокладчику в помощники выделялось два человека, для подноса дерна и воды.

Крепостной ров был сухим. Эскарп и контрэскарп были сложены из камня на глиняном растворе [1, л. 119]. Перед куртинами было возведено четыре равелина, два из которых контролировали крепостные мосты и ворота. Между рвом и гласисом был возведен прикрытый путь. Это позволяло развить по окружающей местности настильный ружейный огонь. Во входящих углах ограды были оборудованы входящие плацдармы, с дополнительно устроенными траверсами прямоугольной формы. Такие плацдармы позволяли создать условия для вылазок в случае активных оборонительных действий гарнизона крепости, а также вести продольный обстрел крыльев гласиса перед капиталями бастионов и равелинов. Сам гласис имел четкие контуры и надежно скрывал земляные конструкции крепости, в частности валганг ограды. Прикрытый путь, по всей видимости, был защищен палисадом, который располагался у подошвы гласиса. Гласис был плакирован дерном.

Крепостные бастионы заслуживают особого внимания. Во-первых, профиль самих бастион обвалован, собственно как и крепостная куртина. Это было вызвано стремлением создать большую сопротивляемость обстрелам вражеской артиллерией, а также это удешевляло проект. Во-вторых, площадки бастионов достаточно обширные, что обеспечивало удобство маневрирования во время боевых действий. Горжа бастионов открытая. Внутреннее пространство позволяло без тесноты размешать артиллерийские и стрелковые позиции, а также вспомогательные постройки. В-третьих, широкие фасы бастионов обеспечивали эффективный огонь по внешней эспланаде. В-четвертых, с целью усиления обороны крепостного рва, защиты капиталей бастионов и отдельных участков прикрытого пути, были возведены пониженные фланки, что позволяло, несмотря на то что они

были открытыми, эффективно справляться с поставленной задачей. Для усиления фланков часть куртины (примерно 1/4) была изломана под прямым углом к фланку, что позволило возвести перпендикулярно к оборонительной линии. Фланки бастионов имели длину около 60 м (30 саженей). Изменения профиля куртины также создавало дополнительное преимущество в случае брешированиия фланков.

Особую роль играли равелины. Несмотря на то, что эти наружные вспомогательные сооружения имели незначительные размеры, они могли эффективно поддерживать огнем бастионы крепости в случае осады, защищать от брешированиия куртины. Длина фасов каждого равелина составляла 64 м. Через равелины крепости была проложена дорога в крепость, для чего между горжей северного и южного равелина был возведен подъемный мост к воротам крепости. Еще два моста были построены между равелинами и прикрытым путем. Мосты были деревянными, но с каменными опорами. Общая длина мостов крепости составляла около 80 м, ширина мостов в среднем около 8 метров. Стоимость двух мостов через крепостные рвы составляла более 9515 рублей. При постройке крепостных ворот использовался камень и кирпич. В частности, запланировано было израсходовать 232000 штук кирпича, более 300 бочек извести (20 пудов каждая). На строительство было выделено 9177 рублей.

В самой крепости было возведено восемь сортий из камня общей стоимостью 19476 рублей. В дополнение к ним был сооружен большой пороховой погреб. В целом, на постройку пороховых погребов закладывалось 310000 штук кирпича, 500 бочек извести, каждая объемом 20 пудов. В качестве кровельного материала на некоторых пороховых погребах планировалось использовать черепицу, для чего в смету закладывалось более 9000 штук черепицы общей стоимостью 184 рубля. Также были построены провиантские склады.

Для рядового состава были построены четыре казармы [1, л. 76–85]. Для размещения амуниции при них были возведены два сарая на общую сумму более 29144 рублей. Для штаб- и обер-офицеров было возведено одиннадцать отдельных помещений [1, л. 86–91]. Было отрыто и оборудовано шесть колодцев. Для нужд артиллерии были оборудованы два цейхгауза и кузница.

В крепости была построена временная церковь длиной более 24 метров и шириной около 10 метров, высотой от земли до крыши около 5 метров, стоимостью 5301 рубль. В крепости были запланированы и другие сооружения, например, кордегардия [1, л. 92–95].

В приморской части Фанагорийской крепости была оборудована небольшая бухта для приема судов в виде рва с причалом, которая была защищена от волн каменной дамбой, а береговой склон был укреплен камнем.

Анализ документа позволяет судить, что он выполнен тщательно и основательно. В нем особо прописаны в алфавитном порядке материалы и инструменты, необходимые для работы [1, л. 113–118], приводятся нормы оплаты трудозатрат на те или иные виды работ. Среди исполнителей выделена группа так называемых «мастеровых»: каменщики, кузнецы, плотники, дернокладчики и прочие, оплата труда которых составляла 12 копеек. Особо выделяется категория разнорабочих – работных людей, оплата труда которых в среднем составляла 10 копеек в день.

За счет новых сведений мы получаем возможность провести более полный анализ особенностей крепостного фронта Фанагорийской крепости и установить, что она создавалась в соответствии с принципом строгой соразмерности ее элементов и подчиненности рациональным правилам военно-инженерной науки, выработанных отечественной и зарубежными школами долговременной фортификации. Следует подчеркнуть, что рассмотренный документ, благодаря приводимым в нем детальным сведениям, представляет большой интерес для глубокого изучения не только истории Фанагорийской крепости, но и технологии создания фортификационных сооружений. Введенные в научный оборот новые документы дают возможность более детально познакомиться с памятниками оборонительного зодчества, лучше понять исторические процессы, протекавшие в Азово-Черноморском бассейне в конце XVIII в.

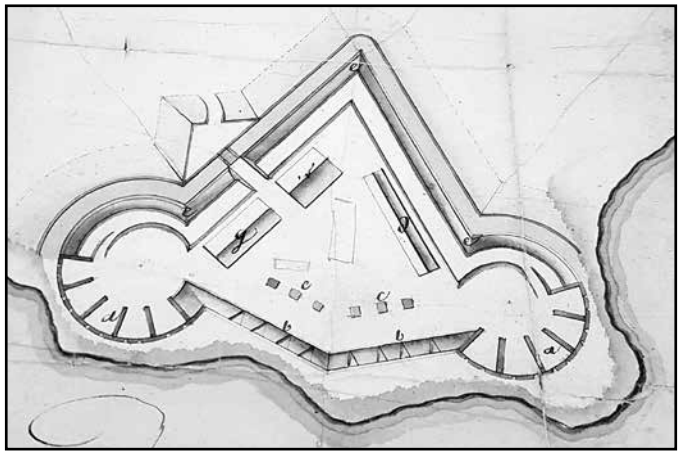

Рис. 1. Фрагмент плана Павловской батареи (РГВИА. Ф. 349. Оп. 18. Д. 12)

Fig. 1. Fragment of the plan of the Pavlovskaia artillery battery (Russian State Military History Archive. F. 349. Op. 18. D. 12)

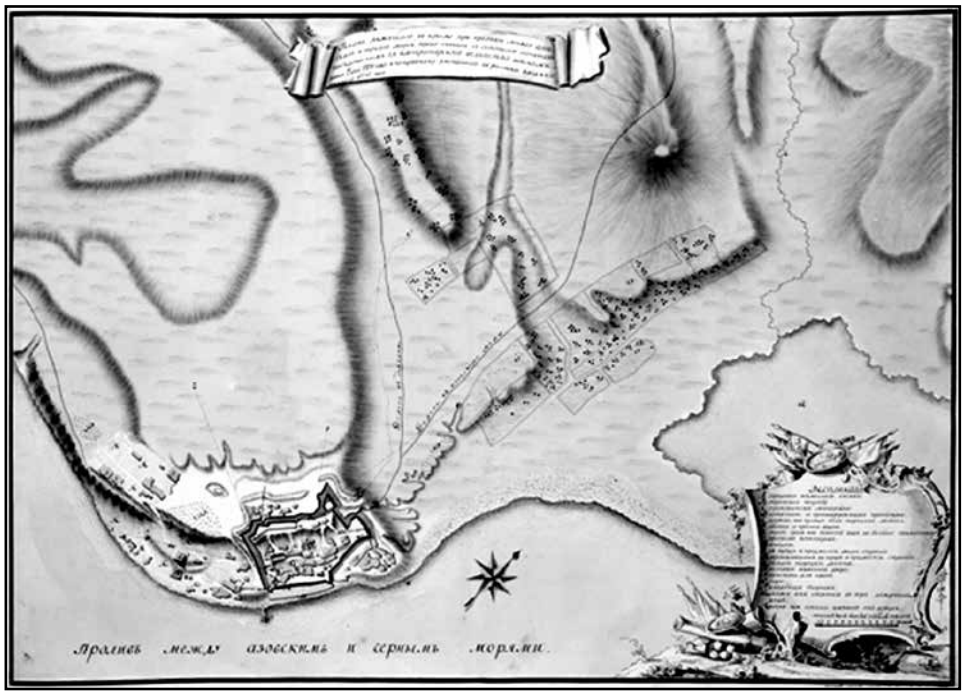

Рис. 2. План лежащего в Крыму при проливе между Азовского и Черного морей города Еникале с ситуациею занятого победоносными ея императорского величества войсками июня 2 дня 1771 года и по трактату уступленного в российское владение сочинен 1775 года. Фрагмент. (Архив Государственного мемориального музея А. В. Суворова. Театр войны меж Российской империей и Оттоманской Портой продолжавшейся с 1768 по 10 число июля 1774 года Книга I «Мордвиновский альбом». Л. 16.)

Fig. 2. *Plan of the Town of Enikale in the Crimea, at the Strait between the Azov and Black Seas, with the Location Taken by the Her Imperial Majesty's Victorious Army on June 2, 1771, and according to the Treaty of What Was Ceded to Russian Power, Compiled in 1775.* Fragment (Archive of the A.V. Suvorov State Memorial Museum. The theater of the war between the Russian Empire and the Ottoman Port, which lasted from 1768 to the 10th of July 1774, Book 1: Mordvinovskii Al'bom. L. 16.)

Рис. 3. Аэрофотосъемка крепости Фанагория

Fig. 3. Aerial photography of the Fort of Fanagoria

Рис. 4. Вид укреплений Фанагорийской крепости с воздуха

Fig. 4. Defences of the Fort of Fanagoria, viewed from the air

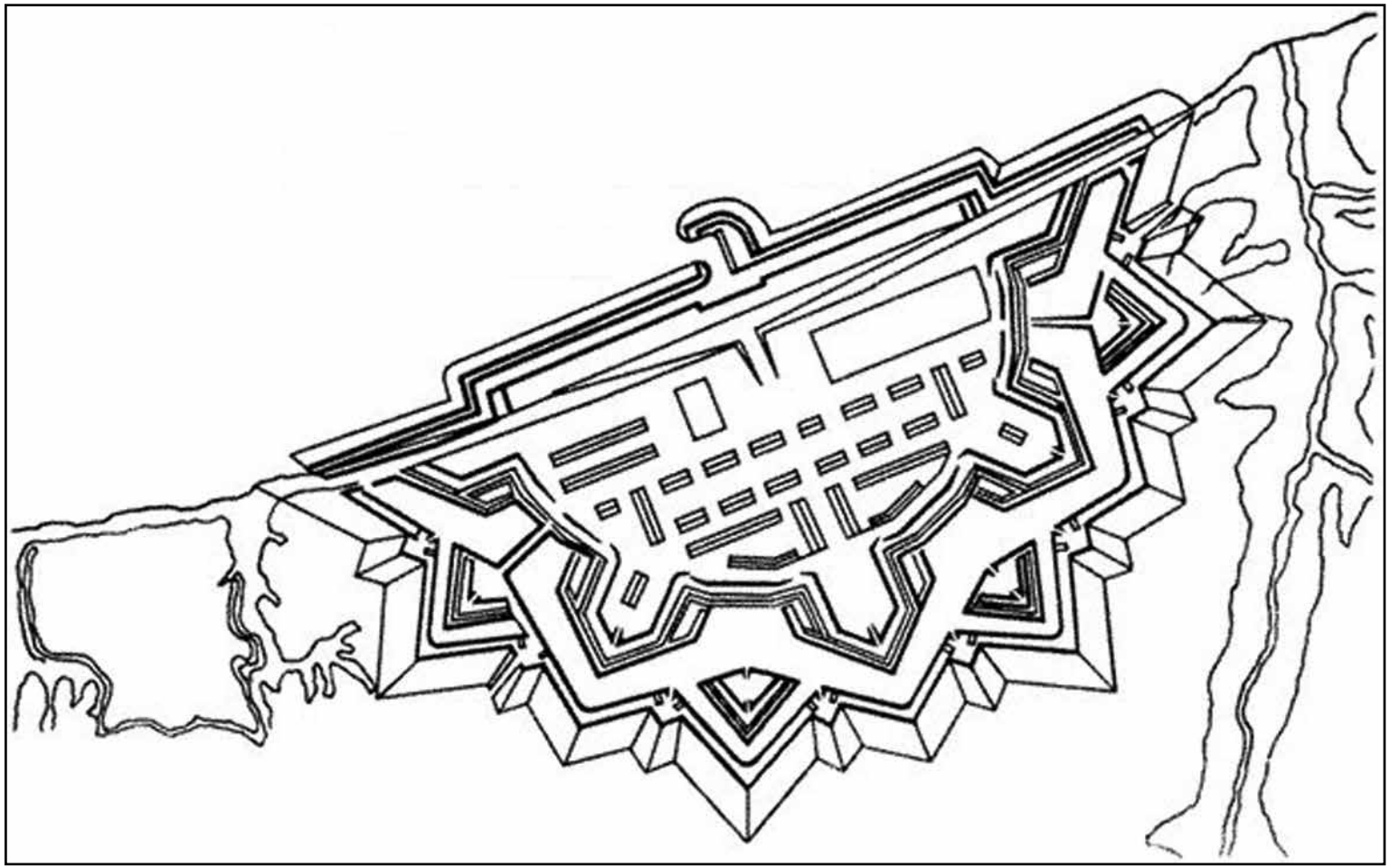

Рис. 5. Схема укреплений Фанагорийской крепости

Fig. 5. Diagram of the defences of the fort of Fanagoria

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей А. В. Суворова». Д. 2028.982.
2. Архив Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». НВФ 17517. План крепости Керчи с форштадтом и ближнею ситуацией, 1793 г.
3. Архив Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». НВФ 17517. План крепости Ени-Кале.
4. РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Атлас планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей, 1778 г.
5. РГВИА. Ф. 349. Оп. 18. Д. 12. Сравнительная ведомость крепостям Российской империи по состоянию на 1724, 1730, 1763, 1797 и 1803 гг.
6. Белик Ю.Л. Оборонительные сооружения на территории Крымского полуострова накануне русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 576–589.
7. Герцен А.Г. План Симферополя с автографом А. В. Суворова // // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 598–616.
8. Смекалова Т.Н., Белик Ю.Л. А.В. Суворов и присоединение Крыма к России. История забытых крепостей. СПб.: Алетейя, 2016. 228 с.
9. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат, 1997. 320 с.
10. Иохер А. Краткий учебник долговременной фортификации. СПб., 1889. 147 с.
11. Теляковский А.З. Долговременная фортификация. СПб., 1855. Ч. II. 359 с.
12. Тимофеенко В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев: Наукова думка, 1984. 219 с.

REFERENCES

1. Archive of the State Memorial Museum of A.V. Suvorov. D. 2028.982.
2. Archive of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. INVF 17517. Plan of the Kerch fortress with the outstadt and the surrounding situation, 1793.
3. Archive of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. INVF 17517. Plan of the Yeni-Kale fortress.
4. Russian State Military-Historical Archive. F. 418. Op. 1. D. 716.
5. Russian State Military-Historical Archive. F. 349. Op. 18. D. 12.
6. Belik Yu.L. Defensive Structures on the Territory of the Crimean Peninsula on the Eve of the Russo-Turkish War of 1768–1774. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 576–589.
7. Gertsen A.G. A Plan of Simferopol with A.V. Suvorov's Autograph. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 598–616.
8. Smekalova T.N., Belik Yu.L. *A.V. Suvorov i prisoedinenie Kryma k Rossii. Istoriia zabytykh krepostei* [A.V. Suvorov and the annexation of Crimea to Russia. History of forgotten fortresses]. St Petersburg, Aleteia Publ., 2016, 228 p.
9. Skorikov Yu.A. *Sevastopol'skaia krepost'* [Sevastopol fortress]. St Petersburg, Stroiizdat Publ., 1997, 320 p.
10. Iokher A. *Kratkii uchebnik dolgovremennoi fortifikatsii* [A short textbook of long-term fortification]. St Petersburg, 1889, 147 p.
11. Teliakovskii A.Z. *Dolgovremennaia fortifikatsiia* [Long-term fortification]. Part II. St Petersburg, 1855, 359 p.
12. Timofeenko V.I. *Goroda Severnogo Prichernomor'ia vo vtoroi polovine XVIII veka* [Cities of the Northern Black Sea Coast in the second half of the 18th century]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1984, 219 p.

Информация об авторе

Белик Ю. Л. – кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом «Крепость Керчь» Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, AuthorID: 845718.

Author information

Belik Yu. L. – Candidate of Science (History), Head of the Research Department "Fortress Kerch" of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.457-466

ОБОРОНА КРЫМА В ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ ПРОЕКТАХ А. В. СУВОРОВА И Ф. ДЕВОЛАНА (1792–1794 ГГ.)

Александр Германович Герцен
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
gertsenag@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности А. В. Суворова и Ф. Деволана в 1792–1794 гг. по модернизации системы стратегической обороны вновь приобретенной территории Российской империи. В плане организации обороны Крыма хорошо заметно изменение в расположение ее основных опорных элементов. До присоединения полуострова к России актуальной задачей был контроль не только за побережьем, но и за его внутренним пространством, что осуществлялось системой фельдшанцев, развернутой в 70-х гг. XVIII в. Теперь главной задачей стала оборона прибрежной полосы от высадки десантов неприятеля. Организация обороны с опорой на систему небольших шанцев уступала место концепции создания крупных крепостей, аккумулирующих значительные материально-технические ресурсы и воинские контингенты. На примере двух проектов – Тираспольского и Симферопольского, хорошо видны новые тенденции в организации стратегической обороны южной приморской границы России, с акцентом на создание мощных базовых крепостей вместо сети многочисленных небольших по размерам укреплений.

Ключевые слова: Крым, Суворов, Деволан, крепости, стратегическая оборона, Тирасполь, Симферополь

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда и Республики Крым в рамках проекта № 23-28-10025 «Первые русские крепости в Крыму накануне его присоединения к России. Междисциплинарное исследование», https://rscf.ru/project/23-28-10025/.

DEFENCE OF THE CRIMEA IN A. V. SUVOROV AND F. DE WOLLANT'S MILITARY ENGINEERING PROJECTS (1792–1794)

Aleksandr G. Gertsen
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
gertsenag@yandex.ru

Annotation. This article addresses A. V. Suvorov and F. de Wollant's works of 1793–1794 aimed at the modernization of the strategic defence system of the newly acquired territory of the Russian Empire. Regarding the organization of the defence of the Crimea, the change in the location of its key main elements is clearly noticeable. Before the unification of the Crimea with Russia, the idea was to control the coast and the inland by the fieldwork fortification system developed in the 1770s. From 1783 on, the main task was to protect the coastland from the enemy's landings. The defence system of small fieldworks was replaced with large fortresses accumulating significant materials and resources and military contingents. The cases of two projects, in Tiraspol and Simferopol, uncover new trends in the organization of strategic defence of the southern coastal border of Russia, with an emphasis on the creation of strong key fortresses instead of a network of numerous small-sized fortifications.

Keywords: Crimea, Suvorov, de Wollant, fortresses, strategic defence, Tiraspol, Simferopol

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation and the Republic of the Crimea within the project no. 23-28-10025 *The First Russian Fortresses in the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia. An Interdisciplinary Research*, https://rscf.ru/project/23-28-10025.

К 250-летию Кучук-Кайнарджийского мирного договора

Второй крымский период жизни А. В. Суворова, весна 1778 – лето 1779 гг., был наиболее плодотворен в его военно-инженерной деятельности. Были отремонтированы и модернизированы укрепления времени военных действий в Крыму армии В. М. Долгорукова (1771 г.) и построен ряд новых, существенно усиливших оборону полуострова перед лицом назревавшего турецкого вторжения. Однако 10 (21) марта 1779 г. между Российской и Османской империями была заключена Айналы-Кавакская конвенция. Она закрепила один из пунктов Кючук-Кайнарджийского мира (июль 1774 г.), а также Карасубазарского договора (1772 г.), согласно которому Крымское ханство становилось независимым государством [7, с. 14, 30]. Это вынуждало А. В. Суворова в сжатые сроки вывести из Крыма и Кубани русские войска. С полуострова вывод начался 21 мая и завершился 29 июня. Отстроенные и модернизированные усилиями военных инженеров укрепления оставлялись гарнизонами. Последним из суворовских фельдшанцев 5 июня был покинут Салгирский. Россия оставляла за собой только крепости Керчь и Ени-Кале, где размещались Азовский и Троицкий пехотные полки, сюда же была доставлена артиллерия из прибрежных укреплений. Покидавшиеся укрепления подвергались разрушению, вопреки пожеланию Шагин-Гирея оставить их в целости для размещения ханских гарнизонов. Однако хану достался только фельдшанец у Бахчисарая.

В дальнейшем деятельность А. В. Суворова протекала в основном за пределами Крыма, но он продолжал заботиться об укреплении обороны полуострова в виду усиливавшейся военной угрозы. Разделы Польши 1772 и 1793 гг. вызвали негативную реакцию со стороны Турции, видевшую в Польше естественного союзника в противостоянии с усиливавшейся Россией, не утихали реваншистские настроения и в связи с поражениями в военных действиях 1787–1791 гг. В предвиденье обострения ситуации в Северном Причерноморье рескриптом от 10 ноября 1792 г. правительство Екатерины II назначает командующим войсками Екатеринославской губернии и Таврической области А. В. Суворова, отозванного с Северо-Запада России, где он находился на укреплении границы с Финляндией [2, с. 36]. Императрицей ему были даны общие инструкции о проведении подготовительных работ к вероятной новой войне с Турцией, которая и после заключения Ясского мира вела себя вызывающе, было предписано «устроить» войсковые части на юге России, создать склады и предупредить возможное внезапное нападение турок, все действия предлагалось сохранить в тайне, чтобы у турок не сложилось мнение, что Россия их опасается. Прежде всего, было поручено осмотреть границы и сообщить, «каким образом оные привести в беспечность против неприятельского нападения» [17, с. 129].

Следует учесть, что в конце правления Екатерины II Платоном Зубовым, ее последним временщиком, вынашивался план наступательных действий на западе, в том числе и в отношении Турции. В соответствии с этими замыслами А. В. Суворовым совместно с Н. С. Мордвиновым был разработан проект [5, с. 11], который 10 ноября 1793 г. в Херсоне был продиктован Суворовым инженер-подполковнику Францу Деволану.

Этот план фортификационных мероприятий на южном рубеже России в Северном Причерноморье имел ввиду не только пассивную оборонительную стратегию, рассчитанную на выжидание и последующее отражение действий противника. Это как раз противоречило стратегии и тактике Суворова. Он считал, что необходимо, не дожидаясь начала наступления неприятеля, двинуться к Дунаю и, не теряя времени на осаду крепостей, разбить врага в поле [18, с. 27]. В этом проявилось глубокое всестороннее знание возможностей и ресурсов потенциального противника. План предусматривал проведение двух военных кампаний с участием армии и флота. Исходным рубежом определялась река Днестр, завершение – взятие штурмом Константинополя. В данной разработке Суворовым были учтены основные идеи военной стратегии Нового времени, касавшиеся вопросов подготовки и планирования войны, взаимодействия между

армией и флотом, привлечение к активным действиям населения Балкан [6, с. 6–9; 15, с. 252–256]. До реализации этого проекта не дошло из-за развития событий в Польше, куда и был направлен А. В. Суворов. Однако он, намечая эти активные действия, не забывал о вмененном в круг его обязанностей надзоре над реализацией проектов укреплений, возводимых или реконструируемых по уже опробованным проектам Франца Деволана.

В конце XVIII в. вопрос о расположении крепостей на границе с Турцией и их вооружении подвергался тщательной разработке. Для реализации плана обороны южной границы в 1792 г. была учреждена «Экспедиция строения южных крепостей», в ведомстве которой находились крепости Кинбурн, Очаков, Феодосия, Симферополь, Севастополь и др. Экспедицию возглавил Екатеринославский губернатор М. В. Каховский, затем А. В. Суворов [1, с. 181–187].

Расположение крепостей на южной границе России в 1780–1790-е гг. определялось А. В. Суворовым, Н. С. Мордвиновым, И. И. Князевым, Ф. Деволаном и В. М. Долгоруковым. Планы создания и реконструкции отдельных крепостей на границе с Турцией передавались через генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина, на рассмотрение императрице.

А. В. Суворов, отдававший в военном деле первенство подвижности войск и решительности действий, тем не менее, прекрасно осознавал необходимость серьезной фортификационной подготовки боевых рубежей. План инженерного укрепления границ, ранее разработанный под руководством Г. А. Потемкина, устарел. В короткий срок А. В. Суворов, в конце ноября 1792 г., объехал места, предполагаемые для строительства крепостей, совместно с Ф. Деволаном им были составлены новые планы. Особое внимание было уделено обороне Крыма и Тамани в районе Керченского пролива, где отмечалась острая необходимость в завершении строительства Павловской батареи, контролировавшей вход в «Еникольский канал», и Фанагорийской крепости, для поддержки черноморского казачества [13, с. 175–176]. И. И. Князевым строительство последней предполагалось завершить только через четыре года [14, с. 177; 16, с. 179].

В своих воспоминаниях Франц Деволан указывал, что получил от императрицы высочайшее повеление в конце 1792 г. прибыть к генералу графу Суворову, который был назначен командующим войсками и военным комендантом на юге России, ставка которого располагалась в Херсоне. Он писал: «В конце января 1793 г. я совершил большую поездку вместе с генералом Суворовым по всей границе Днестра, Черному морю, Крыму и Азовскому морю, где было предусмотрено: 1) строительство 4-х фортов на Днестре и на берегу Черного моря до устья Днестра; проекты их были уже разработаны и денежные средства выделены; 2) освоение рейда и строительство форта в Евпатории где предусматривалось строительство карантина, казарм и мола, который должен был служить дебаркадером (причалом) для военных кораблей и гражданских судов, а также сооружение небольших фортов и батарей, необходимых для обороны; 3) строительство мощных укреплений на большом протяжении в Севастопольском порту устройство там крупных складов, арсенала и госпиталя; по образцу пакгауза в Симферополе; 4) строительство карантина с дебаркадером в Феодосийском порту и небольшого форта с целях обороны, а также казарм на 2 полка войск; 5) восстановление старых фортов Керчи и Еникале, защищавших Еникальский пролив, ворота в Азовское море; 6) строительство форта на полуострове Тамань для нового поселения запорожцев, который должен служить им складом и поддерживать сообщение с фортами вдоль реки Кубань и с фортами Кавказской линии; 7) строительство форта с карантином в устье Кубани в 30 верстах от турецкой крепости Анапа… 9) Турецкую Перекопскую крепость следовало восстановить и иметь там второй укрепленный склад, прикрывающий коммуникации между <…> и Кинбурнской крепостью, Херсонским морским складом и Елисаветградской крепостью» [24, с. 15–18]. А вот инспектировать строительство крепостей императрица поручила Суворову, поскольку генерал

обладал бесценным опытом в организации военной инфраструктуры. Он начинал военную карьеру как администратор тылового снабжения – одного из важнейших элементов войны, занимаясь укреплением границы со Швецией и южного рубежа на реке Кубань. Вскоре в указе императрицы от 30 декабря 1793 г. дана оценка деятельности полководца на этом поприще: «Граф Александр Васильевич. Донесения ваши о произведенных в истекающем году под надзиранием вашим крепостных строений дошли до рук наших со всеми при них подробными щетами, объяснениями и планами. … Принимая труды ваши понесенные в сем важном и полезным для государства делах повелеваем с особливой благоугодностью повелеваем объявить Монаршее благоволение Наше … инженер-подполковнику Деволанту, который под главным начальством вашим управлял крепостными работами…» [23, с. 53–54]. Хорошо известно плодотворное сотрудничество выдающегося полководца и талантливого военного инженера, ярко проявившееся при разработке и реализации проекта и постройке города и порта при нём на месте турецкой крепости Хаджибей. Суворов действительно лично руководил работами по плану, разработанному Деволаном по возведению крепостных сооружений города, который после окончания строительства получил название «Одесса». По плану, разработанному Деволаном, в соответствии с Указом «…работы же производить под надзиранием генерала графа Суворова Рымникского, коему поручены от Нас все строения укреплений и военных заведений в той стране. Придав в пособие вам инженерного подполковника Деволана, коего представленный план пристани и города Гаджибея, утвердив, повелеваем приступить, не теряя времени, к возможному и постепенному произведению оного в действие» [20, с. 34–35][1]. В то же время Александр Васильевич отнюдь не преувеличивал свою роль в руководстве деятельностью Деволана. В свидетельстве о его девятилетней службе в России Суворов пишет: «…этому офицеру было поручено руководство военными работами вдоль южной границы, где мне было доверено командовать войсками, и я был очевидцем той деятельности и неутомимого упорства, которое он проявлял в течение четырех лет, что продолжались в крепостях Тирасполя, в Овидиополе, в порту и крепости Одессы на Черном море, в крепости Кинбурн при входе в Днепровский лиман, в укрепленном порту Севастополя в Крыму и, наконец, в крепости Фанагория на Таманском полуострове. Все эти работы на всем этом пространстве были спланированы этим офицером и выполнены под его руководством вплоть до своего завершения. В подтверждение чего собственноручно подписал и печать приложил. Тульчин, 3/14 февраля 1797 г. Граф Александр Суворов-Рымникский» [19, с. 57–58].

Также согласованно и успешно Деволан и Суворов разрабатывали и реализовывали проект крайней западной фланговой крепости стратегической линии обороны новоприобретенной приморской территории России. В январе 1793 г. план по инженерному укреплению границы на Днестре на месте будущего Тирасполя был направлен в Петербург. В соответствии с проектом, так называемая «Срединная крепость» (цитадель будущего Тирасполя) должна была стать не только оборонительным сооружением, но также и крупным центром снабжения – местом хранения боеприпасов и продовольствия. Таким образом, она приобретала стратегическое значение в будущих военных операциях. Александр Суворов инспектировал строительство и своей визой утвердил план (рис. 1; 2). Строительство было завершено к концу 1795 г. Этот факт был отмечен Екатериной II в специальном рескрипте, в котором особо были признаны заслуги Деволана. Действительно, следует особо отметить его роль в проектировании

[1] Текст этого указа, данный в Царском Селе 27 мая 1794 г., часто цитируется с факсимильным воспроизведением, но без ссылки на его публикацию. В связи с этим ряд исследователей и краеведов высказывают сомнение в реальности существования этого документа. Объяснение дает А. А. Скальковский: «Этот важный документ – основный (sic!) для города Одессы не находится в «Полном Собрании законов», а отыскан мною в Екатеринославле, в архиве II-й Новороссийской губернии» [20, с. 35–36, прим. 6].

и реализации этого и других масштабных проектов опорных пунктов стратегической системы обороны. С 1792 по январь 1797 г. в качестве главы «Экспедиции постройки южных крепостей» он руководил всеми работами на Юге и Юго-Западе России, управлял строительством Кинбурнской, Фанагорийской, Перекопской, Тираспольской, Овидиопольской крепостей и порта в Ахтиаре, составлял статистические обзоры, проекты заселения и освоения новых земель, снимал топографические планы. Под его руководством и по его проектам основаны города Овидиополь, Тирасполь, Григориополь, Вознесенск, созданы проекты застройки Новочеркасска, Таганрогского порта, укреплений Каменец-Подольска, различных сооружений в Евпатории, Феодосии и других городах [4, с. 31; 10, с. 155–158]. Разработка им вопроса о расположении крепостей на границе с Турцией и на южной границе представляла, без сомнения, ценный вклад в теоретические вопросы долговременной фортификации о значении крепостей вообще [25, с. 155]. Определяя направление операционных линий, Деволан располагал крепости в три линии; на тех же участках, где возможны были наиболее активные действия, требовал устройство нескольких крепостей-плацдармов и систему укрепленных постов (фортов-застав) [25, с. 151].

8 (19) апреля 1783 г. Манифестом императрицы Екатерины II Крым был присоединен к России. Сразу же началось укрепление южных границ государства. 10 (21) февраля 1784 г. последовал Указ «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии». Из текста Указа: «…устроить следующие укрепления: крепость большую Севастополь, где ныне Ахти-Яр и где должны быть адмиралтейство, верфь, порт и военное поселение». Через 10 лет положения этого указа в отношении обеспечения безопасности полуострова оставались актуальными и реализовывались.

В начале 1793 г. Суворов прибыл в свою штаб-квартиру в г. Херсон. Ознакомившись с планами и проектами обороны Таврической области и Крыма, он утвердил планы и сметы подготовленные Ф. Деволаном. Хорошо известно внимание Александра Васильевича к обустройству крепости, энергично возводившейся в содружестве с Ф. Ф. Ушаковым на берегах Ахтиярской бухты [8, с. 25; 11, с. 12–13]. В феврале 1793 г. А. В. Суворов посетил Севастополь, осмотрел крепость и состояние инженерных работ, внес коррективы и изменения в план Деволана. В докладной записке «Мысли о состоянии обороны Таврического полуострова и Северного побережья Черного моря до впадения Днепра» Ф. Деволан особое внимание уделил системе защиты южного побережья и, в особенности, Крыма. Севастополь он определил как важнейший пункт обороны границ Таврического полуострова, который, находясь в центре морской границы полуострова, может быть по справедливости назван «цитаделью Тавриды». Будучи разработчиком фортификационной системы Севастополя и хорошо зная топографию Крымского полуострова, он удивительно точно, более чем за полвека, указал наиболее возможное место высадки неприятеля и последующую за ней осаду Севастополя [9, с. 975].

В плане организации обороны Крыма хорошо заметно изменение в расположении ее основных опорных элементов. До присоединения полуострова к России актуальной задачей был контроль не только за побережьем, но и за его внутренним пространством, что осуществлялось системой фельдшанцев, развернутой в 70-х гг. XVIII в. [12, с. 17–19]. Теперь главной задачей является оборона прибрежной полосы от высадки десантов неприятеля, но при наличии флота и его базы в Севастополе актуальным становится наблюдение за прибрежной зоной и своевременный выход эскадры для отражения угрозы. Организация обороны с опорой на систему небольших шанцев уступала место концепции создания крупных крепостей, аккумулирующих значительные материально-технические ресурсы и воинские контингенты [21, с. 66–67]. Суворов не был сторонником излюбленной в его время австрийской кордонной системы размещения укреплений. Он предпочитал занятие «твердыми постами», т.е. крепостями и укреплениями «только важных путей через границы, удобнейших по качествам и

опаснейших для отечества по их направлениях; затем, держание своих полевых сил в кулаке в относительно глубоком тылу за «крепостями» [22, с. 530]. Этот подход в частности был реализован при создании Тираспольской крепости, а в Крыму должен был реализоваться в административном центре Таврической области, Симферополе. Причем, как и первый проект, его разрабатывал Ф. Деволан, а утверждал А. В. Суворов. Обращает внимание графическое сходство чертежей этих проектов, а также подписей Деволана и Суворова.

В свете этих новых тенденций в организации оборонительных систем стратегического назначения представляет интерес недавно введенный в научный оборот картографический документ из архива РГВИА – план Симферополя (рис. 3) без указания даты, подписанный инженером-подполковником Францем Деволаном и утвержденный А. В. Суворовым подписью «Генерал Граф Суворов Рымникский» [3, с. 586–603]. Что касается автора плана, то в 1793 г. он был назначен в должности Первого инженера в Южную армию под командованием А. В. Суворова. В следующем году он находился при той же армии в Польше, в 1795 г. произведен в полковники. Таким образом, наиболее вероятным временем составления плана Симферополя был 1793 г. Нужно отметить, что ранее в литературе о Ф. Деволане при перечислении разрабатывавшихся и реализованных им проектов Симферополь не упоминался.

План Деволана-Суворова демонстрирует озабоченность об усилении военного потенциала столицы Таврической области. Расположение Симферополя в центральной части полуострова предопределяло его роль как важного опорного пункта в системе обороны Крыма в целом. Фельдшанец при Ак-Мечети, заложенный в 1771 г. В. М. Долгоруким, получивший название Александровского редута, послужил отправным пунктом для формирования будущей столицы Крыма, города Симферополя. Очевидно, это укрепление также подлежало ликвидации в 1779 г. Во всяком случае, его главный вал был демонтирован. На всех планах Симферополя с 80-х гг. XVIII в. показан только ретраншемент. В новом проекте военной инфраструктуры молодого города его авторы игнорируют возможность реанимировать еще неплохо сохранившийся ретраншемент, четко прочерченный на плане, они готовятся к активным действиям в зависимости от возможных направлений высадки неприятеля и его продвижения вглубь полуострова. К тому же, ретраншемент имел смысл как тыловая, а не передовая позиция, а план показывает, что территория, находившаяся в пределах главного вала, уже была отдана под квартальную застройку. Следует еще учесть, что Деволан любил проектировать на новом месте, а не переделывать прежние сооружения. На этот раз делается ставка на создание в Симферополе артиллерийского парка. По этому проекту на самом высоком участке возвышенности, на которой располагалась Ак-Мечеть, так называемых «Петровских скалах», должен был создаться отдельный квартал, включающий магазин для хранения провианта, оружейный арсенал, рассчитанный не менее чем на полсотни орудий, и навесные сараи для снаряжения зарядами артиллерийских пустотелых снарядов. Планировалось возведение жилья для старших офицеров и четырех отдельных строений («связи») для младших офицеров. Для размещения четырех артиллерийских рот, общей численностью около пятисот человек, предполагались выстроенные в каре казармы. Проектировался лазарет с жильем для лекаря.

Этот план создания военной структуры на Петровских скалах вряд ли был реализован в полной мере, в связи, во-первых, с ослаблением угрозы активных военных действий со стороны Османской империи, во-вторых, с отзывом А. В. Суворова на польский театр военных действий, а Франц Деволан оказался занятым разработкой сразу нескольких проектов крепостей в восточной части Крыма и на Таманском полуострове.

Таким образом, на примере двух проектов – Тираспольского и Симферопольского, хорошо видны новые тенденции в организации стратегической обороны приморской границы южной России, с акцентом на создание мощных базовых крепостей вместо сети многочисленных небольших по размерам укреплений.

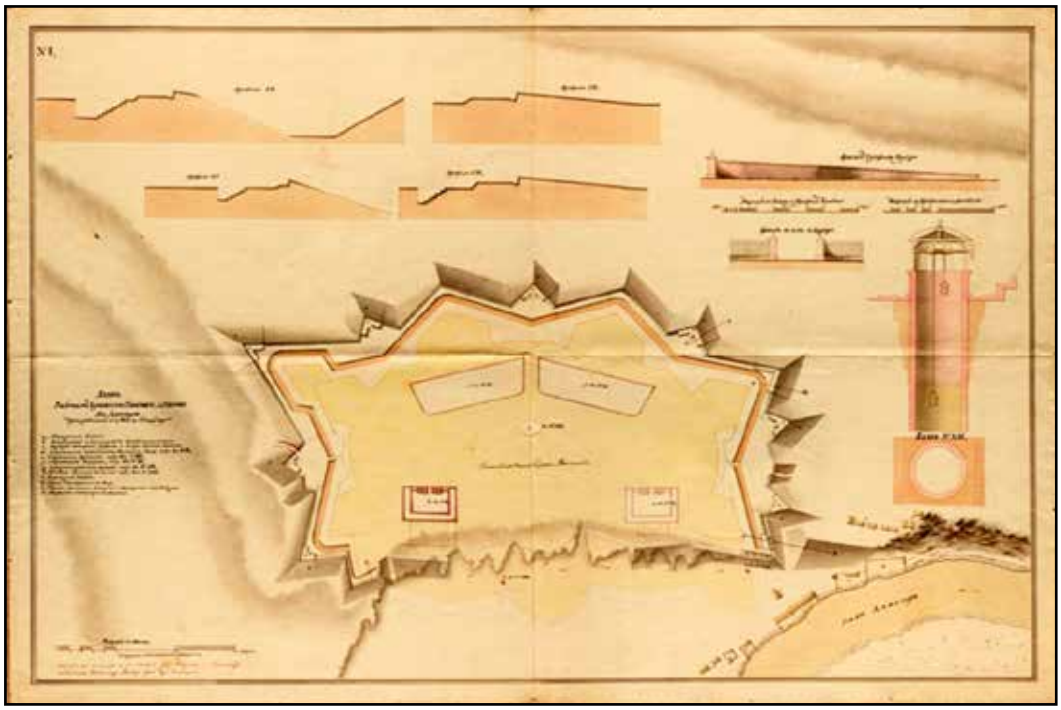

Рис. 1. План Тираспольской крепости.
URL: https://history.gospmr.org/podpis-suvorova-na-plane-tiraspolskoj-kreposti/

Fig. 1. Plan of the Tiraspol fortress.
URL: https://history.gospmr.org/podpis-suvorova-na-plane-tiraspolskoj-kreposti/

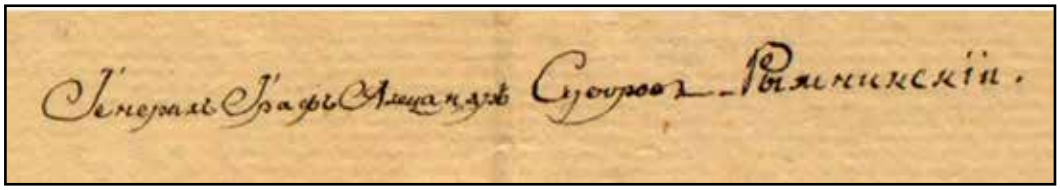

Рис. 2. Подпись А. В. Суворова на плане Тираспольской крепости

Fig. 2. Suvorov's signature on the plan of the Tiraspol fortress

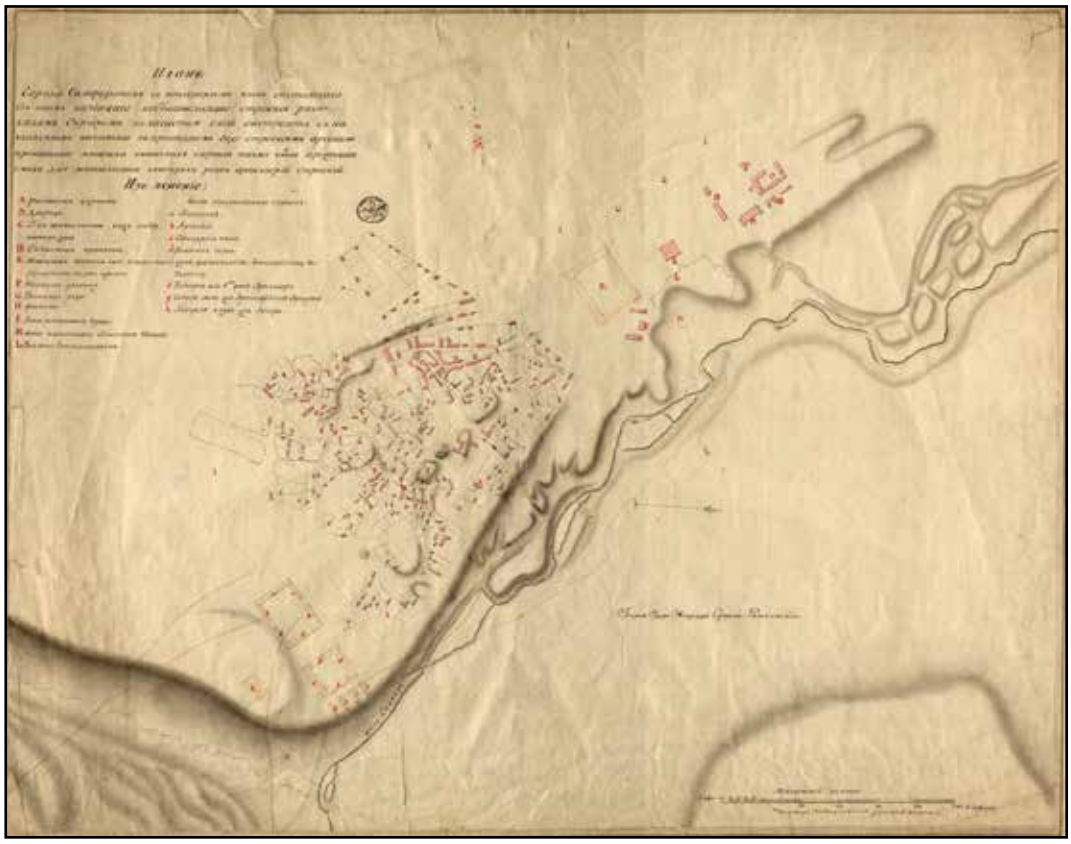

Рис. 3. План Симферополя 1793 г. с подписями А. В. Суворова и Ф. Деволана

Fig. 3. Plan of Simferopol in 1793 with signatures of A. V. Suvorov and F. de Wollant

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачинский А.Д. Комиссия (экспедиция) для строения южных крепостей и одесского порта. 1792 1796 гг. // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Вып. 1. Одесса, Запорожье, 1990. С. 181–187.
2. Бескровный Л.Г. Стратегия и тактика Суворова // Суворовский сборник. М.: АН СССР, 1951. С. 30–60.
3. Герцен А.Г. План Симферополя с автографом А.В. Суворова // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 598–616.
4. Деволан // Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1883. Т. III. 584 с.
5. Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография. СПб., 1873. XXVI, 578 с.
6. Кипнис Б.Г. План войны против Турции, продиктованный А.В. Суворовым инженер-подполковнику де-Волану и развитие содержащихся в нем идей в планах и ходе войн России с Османской империей в XIX столетии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2006. Июль. С. 6–17.
7. Мальгин А.В., Зайцев И.В. Карасубазарский трактат // Карасубазарский трактат 1772 г.: сборник документов. Симферополь: Антиква, 2015.
8. Маркевич А.И. Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6-му мая 1900 года) // ИТУАК. 1901. № 31. С. 1–26.
9. Предсказание об обороне Севастополя, относящееся к XVIII столетию // Инженерный журнал. 1901. № 8. С. 969–982.

10. Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6. 750 с.
11. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат, 1997. 320 с.
12. Смекалова Т.Н., Белик Ю.Л. А.В. Суворов и присоединение Крыма к России. История забытых крепостей. СПб.: Алетейя, 2016. 228 с.
13. № 201. 1793 г. января 20. Письмо А.В. Суворова П.А. Зубову с планом обороны границ // А.В. Суворов. Документы. Т. III. 1791–1798. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1952. С. 175–176.
14. № 203. 1793 г. января 26. Письмо А.В. Суворова П.И. Турчанинову с характеристикой инженеров и проектами строительства // А.В. Суворов. Документы. Т. III. 1791–1798. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1952. С. 177.
15. № 282. 1793 г. ноября 10. План войны против Турции, продиктованный А.В. Суворовым инженер-подполковнику де-Волану // А.В. Суворов. Документы. Т. III. 1791–1798. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1952. С. 252.
16. № 207. 1793 г. февраля 15. Рапорт А.В. Суворова Екатерине II о состоянии Еникольской и Фанагорийской крепостей и предстоящих работах // А.В. Суворов. Документы. Т. III. 1791–1798. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1952 С. 179.
17. Рескрипт Екатерины II А.В. Суворову с поручением ему командованию войсками на Юге России и укрепления южной границы // А.В. Суворов. Документы. Т. III. 1791–1798. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1952. С. 129.
18. Осипов К.М. А.В. Суворов. М.: Воениздат, 1950. 384 с.
19. Свидетельство графа Суворова, выданное Ф. де Волану 3/14 февраля 1797 // От голландского капитана до российского министра. Франц Павлович Деволан (к 250-летию со дня рождения). СПб.: Европейский дом, 2003.
20. Скальковский А.А. Указ о строительстве Одессы. Рескрипт де Рибасу. Дан в Царском Селе Мая 27-го дня 1794 года // Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793–1823. Одесса: Гор. тип., 1837.
21. Тимофеенко В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев: Наукова думка, 1984. 220 с.
22. Тимченко-Рубан Г.И. Суворов и инженерное дело // Инженерный журнал. 1913. № 4. С. 493–532.
23. Указ с изъявлением монаршего благоволения за успешное производство крепостных строений и об отпуске на 1794 г. для начала строений сумм // От голландского капитана до российского министра. Франц Павлович Деволан (к 250-летию со дня рождения). СПб.: Европейский дом, 2003.
24. Франц Сент Деволан. Моя жизнь в России. Очерки. Одесса: Оптимум, 2002. 176 с.
25. Фриман Д. История крепости в России Ч. 1. До начала XIX столетия. СПб., 1895. 241 с.

REFERENCES

1. Bachinskii A.D. Commission (expedition) for the construction of southern fortresses and the Odessa port. 1792–1796. *Okhrannye istoriko-arkheologicheskie issledovaniia na iugo-zapade Ukrainy* [Security historical and archaeological research in the southwest of Ukraine], vol. 1, Odessa, Zaporozh'e, 1990, pp. 181–187.
2. Beskrovnyi L.G. Strategy and tactics of Suvorov. *Suvorovskii sbornik* [Suvorovsky collection], Moscow, AS USSR Publ., 1951, pp. 30–60.
3. Gertsen A.G. A Plan of Simferopol with A.V. Suvorov's Autograph. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 598–616.
4. Devolan. *Entsiklopediia voennykh i morskikh nauk* [Encyclopedia of military and naval sciences], T. III, St Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1883.
5. Ikonnikov V.S. *Graf N.S. Mordvinov. Istoricheskaia monografiia* [Count N.S. Mordvinov. Historical monograph]. St Petersburg, 1873. XXVI, 578 p.
6. Kipnis B.G. The plan of war against Turkey, dictated by A. V. Suvorov to engineer lieutenant colonel de Volan and the development of the ideas contained therein in the plans and course of Russia's wars with the Ottoman Empire in the 19th century. *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2006, July, pp. 6–17.
7. Mal'gin A.V., Zaitsev I.V. Karasubazar treatise. *Karasubazarskii traktat 1772 g.: sbornik dokumentov* [Karasubazar treatise 1772: collection of documents], Simferopol, Antikva Publ., 2015.
8. Markevich A.I. A brief outline of the activities of Generalissimo A. V. Suvorov in Crimea (by May 6, 1900). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1901, vol. 31, pp. 1–26.
9. Prediction about the defense of Sevastopol, dating back to the 18th century. *Inzhenernyi zhurnal* [Engineering magazine], 1901, no. 8, pp. 969–982.

10. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary]. St Petersburg, 1905. T. 6.
11. Skorikov Yu.A. *Sevastopol'skaia krepost'* [Sevastopol fortress]. St Petersburg, Stroiizdat Publ., 1997, 320 p.
12. Smekalova T.N., Belik Yu.L. *A.V. Suvorov i prisoedinenie Kryma k Rossii. Istoriia zabytykh krepostei* [A.V. Suvorov and the annexation of Crimea to Russia. History of forgotten fortresses]. St Petersburg, Aleteia Publ., 2016, 228 p.
13. No. 201. January 20, 1793. Letter from A.V. Suvorov to P.A. Zubov with a plan for border defense. *A.V. Suvorov. Dokumenty* [A.V. Suvorov. Documents], T. III. 1791–1798, Moscow, Military Publishing House of the Military Ministry of the USSR, 1952, pp. 175–176.
14. No. 203. January 26, 1793. Letter from A.V. Suvorov to P.I. Turchaninov with a description of engineers and construction projects 15. *A.V. Suvorov. Dokumenty* [A.V. Suvorov. Documents], T. III. 1791–1798, Moscow, Military Publishing House of the Military Ministry of the USSR, 1952, p. 177.
15. No. 282. November 10, 1793. Plan for war against Turkey, dictated by A.V. Suvorov to engineer lieutenant colonel de Voland. *A.V. Suvorov. Dokumenty* [A.V. Suvorov. Documents], T. III. 1791–1798, Moscow, Military Publishing House of the Military Ministry of the USSR, 1952, p. 252.
16. No. 207. February 15, 1793. Report of A.V. Suvorov to Catherine II on the state of the Yenikol and Phanagoria fortresses and the upcoming work. *A.V. Suvorov. Dokumenty* [A.V. Suvorov. Documents], T. III. 1791–1798, Moscow, Military Publishing House of the Military Ministry of the USSR, 1952, p. 179.
17. Rescript of Catherine II to A.V. Suvorov with the assignment of commanding the troops in the South of Russia and strengthening the southern border. *A.V. Suvorov. Dokumenty* [A.V. Suvorov. Documents], T. III. 1791–1798, Moscow, Military Publishing House of the Military Ministry of the USSR, 1952, p. 129.
18. Osipov K.M. *A.V. Suvorov*. Moscow, Voenizdat Publ., 1950. 384 p.
19. Certificate of Count Suvorov, issued to F. de Volan February 3/14, 1797. *Ot gollandskogo kapitana do rossiiskogo ministra. Frants Pavlovich Devolan (k 250-letiiu so dnia rozhdeniia)* [From a Dutch captain to a Russian minister. Franz Pavlovich Devolan (on the 250th anniversary of his birth)], St Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2003.
20. Skalkovsky A.A. Decree on the construction of Odessa. Rescript de Ribas. Given in Tsarskoye Selo May 27th day of 1794. *Pervoe tridtsatiletie istorii goroda Odessy 1793–1823* [The first thirty years of the history of the city of Odessa 1793–1823]. Odessa, 1837, 296 p.
21. Timofeenko V.I. *Goroda Severnogo Prichernomor'ia vo vtoroi polovine XVIII veka* [Cities of the Northern Black Sea region in the second half of the 18th century]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 220 p.
22. Timchenko-Ruban G.I. Suvorov and engineering. *Inzhenernyi zhurnal* [Engineering magazine], 1913, no. 4, pp. 493–532.
23. Decree expressing the monarch's favor for the successful production of fortress buildings and on the release of sums for 1794 for the beginning of construction. *Ot gollandskogo kapitana do rossiiskogo ministra. Frants Pavlovich Devolan (k 250-letiiu so dnia rozhdeniia)* [From a Dutch captain to a Russian minister. Franz Pavlovich Devolan (on the 250th anniversary of his birth)], St Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2003.
24. Franz de Devolan. *Moia zhizn' v Rossii. Ocherki* [My Life in Russia. Essays]. Odess, Optimum Publ., 2002, 176 p.
25. Friman D. *Istoriia kreposti v Rossii. Chast' 1. Do nachala XIX stoletiia* [History of the fortress in Russia. Part 1. Before the beginning of the 19th century]. St Petersburg, 1895.

Информация об авторе

Герцен А. Г. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAU-9228-2020, Scopus ID: 57206729509.

Author information

Gertsen A. G. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Archeology and General History of the Institute "Taurida Academy" of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAU-9228-2020, Scopus ID: 57206729509.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.467-474

КРЫМСКОЕ «ЭХО» ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА ЖАНА ГАБРИЕЛЯ ПЕЛТЬЕ

Илья Александрович Айбабин
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
aibabin23@gmail.com

Аннотация. В мемориальной библиотеке князя М. С. Воронцова в Алупкинском дворцово-парковом музее-заповеднике хранится десять томов газеты «Амбигю» (“L’Ambigu”), издававшейся в 1802–1818 гг. в Лондоне французским эмигрантом Жаном Габриелем Пелтье. Первый же выпуск газеты наделал много шума: опубликованный там памфлет, призывавший к убийству Наполеона, спровоцировал громкий судебный процесс над издателем. Находящиеся в библиотеке издания французского контрреволюционера Пелтье определенно свидетельствуют о политических пристрастиях их владельцев и показывают живой интерес российской элиты начала XIX в. к политическим интригам в Европе.

Ключевые слова: Российская империя, Англия, Франция, Наполеон I, Жан Габриель Пелтье, газета «Амбигю», библиотечное собрание Воронцовых

CRIMEAN “ECHO” OF FRENCH PUBLISHING ACTIVITY COUNTER-REVOLUTIONARY JEAN GABRIEL PELTIER

Ilya A. Aibabin
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
aibabin23@gmail.com

Abstract. The memorial library of Prince M. S. Vorontsov in the Alupka Palace and Park Museum-Reserve contains ten volumes of the newspaper “L’Ambigu”, published in 1802–1818 in London by the French emigrant Jean Gabriel Peltier. The very first issue of the newspaper caused a lot of noise: a pamphlet published there, calling for the assassination of Napoleon, provoked a high-profile trial against the publisher. The publications of the French counter-revolutionary Peltier in the library definitely testify to the political predilections of their owners and show the keen interest of the Russian elite of the early 19th century to political intrigues in Europe.

Keywords: Russian Empire, England, France, Napoleon I, Jean Gabriel Peltier, “L’Ambigu” newspaper, Vorontsov library collection

В мемориальной библиотеке князя Михаила Семёновича Воронцова в Алупкинском дворцово-парковом музее-заповеднике хранится десять томов газеты *«Амбигю»* (*“L’Ambigu”*) за 1805–1806 и 1810 гг. [7, с. 235, 238, прим. 51], издававшейся в Лондоне французским эмигрантом Жаном Габриелем Пелтье. Эти тома – лишь часть периодического издания, выходившего 3 раза в месяц (10, 20 и 30 числа) на протяжении 16 лет – с 1802 по 1818 гг. Скорее всего, подборка «Амбигю» попала в Алупку из лондонской библиотеки Семёна Романовича Воронцова – отца Михаила Семёновича, выдающегося дипломата, прослужившего более двадцати лет послом России в Англии. В каталоге лондонского книжного собрания С. Р. Воронцова 1824 г. в разделе общей истории Европы и отдельной истории некоторых периодов (*Histoire générale de l’Europe, et particulière de certaines époques*) записана подборка «Амбигю», включающая 54 тома за 1802–1816 гг. (рис. 1) [11, p. 199]. Два экземпляра томов «Амбигю» за 1802–1803 гг. из обширного библиотечного собрания Воронцовых попали в Одесскую библиотеку [7, с. 235].

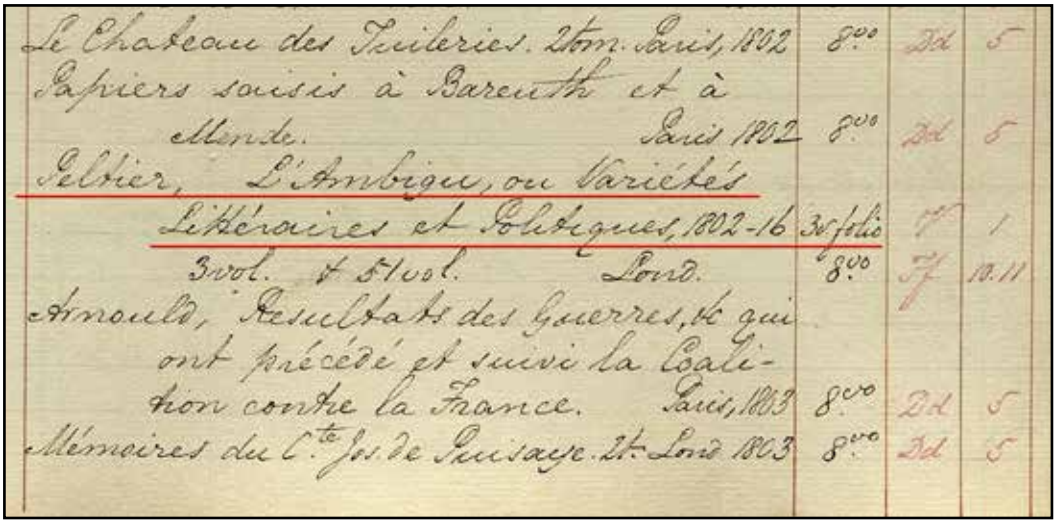
Le Château des Tuileries. 2 tom. Paris, 1802 8vo Dd 5
Papiers saisis à Bareuth et à Munde. Paris 1802 8vo Dd 5
Peltier, L'Ambigu, ou Variétés Littéraires et Politiques, 1802-16 30 folio 1
3 vol. & 5 vol. Lond. 8vo Ff 10.11
Arnould, Resultats des Guerres, &c qui ont précédé et suivi la Coalition contre la France. Paris, 1803 8vo Dd 5
Mémoires du Cte Jos. de Puisaye. 2t. Lond 1803 8vo Dd 5

Рис. 1. Фрагмент страницы 199 из каталога книг Библиотеки его Превосходительства графа Воронцова с записью издания Пелтье «Амбигю» [по: 11, p. 199]

Fig. 1. Fragment of page 199 from the catalog of books of the Library of His Excellency Count Vorontsov with an entry from Peltier's journal "L'Ambigue" [after: 11, p. 199]

Жан Габриель Пелтье (Jean Gabriel Peltier)[1] – интереснейшая личность, памфлетист и журналист, издатель и книготорговец, дипломат, «сын» своего времени (рис. 2). Он родился 21 октября 1760 года в Гонноре (ныне Валанжу), в семье богатого нантского судовладельца. Учился в Нанте, в колледже Ораторианцев, где получил солидную интеллектуальную подготовку, сказавшуюся позже в умении быстро писать статьи и приправлять их цитатами и различными историческими примерами [20, p. 1022]. Затем он был отправлен отцом в Париж, в контору финансистов. В 1785 году, в возрасте двадцати пяти лет, благодаря деньгам отца, Жан-Габриэль основал вместе с родственником другого нантского судовладельца банкирский дом в столице. Однако дело быстро пришло в упадок [13, p. 309]. Французская революция застала Пелтье в Париже. Встретив революцию с воодушевлением и став активным политическим деятелем, Жан Габриель быстро разочаровался в ней. Кровожадность и жестокость революционеров, экономическая нестабильность, страх за будущее заставили перейти его в лагерь контрреволюционеров. В августе 1789 г. появилось первое сочинение Пелтье «Спасая нас, спасетесь сами», обращенное к депутатам Национальной ассамблеи, в котором обрисовывалась мрачная картина положения парижского банка [19].

Именно во время революции Пелтье увлекся журналистикой. Он стал одним из редакторов имевшей явный антиреволюционный характер газеты «Деяния Апостолов» (*Actes des Apôtres*), выходившей со 2 ноября 1789 г. по январь 1792 г. Публиковавшиеся в «*Деяниях*» материалы были направлены, главным образом, на критику революционного правительства, а в основной авторский состав входили роялисты разного толка [17, p. 23–25]. Многих журналистов-роялистов постигла трагическая судьба. Пелтье, которого за умение приспосабливаться называли «политическим хамелеоном» [15, p. 54], избежал такой участи. После жестоких событий 10 августа 1792 г., в ходе которых толпа растерзала его соратника Франсуа-Луи Сюло, Пелтье эмигрировал в Англию, где сразу развернул бурную деятельность. По словам Л. Тренара, Пелтье становится искателем приключений в том мире приключений, которым была эмиграция [20, p. 1022]. Так, ради

[1] В мемуарах и специальной литературе встречаются и другие варианты написания фамилии: Peltier или Pelletier; в русскоязычной литературе – Пелтье, Пельте либо Пеллетье.

заработка он организовал платный аттракцион по обезглавливанию гусей и уток миниатюрной гильотиной, установленной в специальном помещении [13, p. 310].

Пелтье не отошел от своего основного рода деятельности и продолжил работу над выпуском в свет новых газет. Его издательская активность поражает. В 1793 г. выходит «*L'Histoire de la restauration francais, ou la campagne de 1793*», своеобразная эпистолярная корреспонденция с французским эмигрантом, сбежавшим в Америку. Особого успеха газета не приобрела и продержалась всего лишь три выпуска [10, p. 23]. Одна за другой следуют «*La correspondance française ou Tableau de l'Europe*» (1793 г.), «*La correspondance politique ou Tableau de l'Europe*» (1793–1794 гг.), «*Le tableau de l'Europe*» (1794–1795 гг.), «*Paris pendant l'année... (millésime)*» (с 1795 по 1802 г.) [13, p. 310]. Пелтье активно сотрудничал с Британским правительством. С мая 1796 г. на постоянной основе он получал «субсидии» от британского правительства за работу, которая официально именовалась «переводчик государственных документов», но фактически соответствовала деятельности секретных служб Министерства иностранных дел [15, p. 91].

Рис. 2. Жан Габриель Пелтье (1760–1825 гг.) [по: 12]

Fig. 2. Jean Gabriel Peltier (1760–1825) [after: 12]

В своем периодическом издании «Париж в течении года…» Пелтье постоянно нападал на сменявшие друг друга правительства Франции, ядовито высмеивая их членов. С 1798 г. объектами нападок становятся Бонапарт и его жена. В конце июля 1802 г. появляется новое издание – «*L'Ambigu*» (Смесь, двойственность или двусмысленность) [18, p. 8–10]. Это издание стало одной из самых продолжительных и интересных работ Пелтье. Если до этого его газеты состояли в основном из новостных материалов, то в «Амбигю» было гораздо больше эссе, анекдотов, писем и сатирических заметок [10, p. 26]. Первый выпуск газеты, имевшей подзаголовок «Ужасные и забавные всякости*, газета в египетском стиле*» ("*Variétés atroces et amusantes, Journal dans le style égyptien*") открывался Одой «18 брюмера, год восьмой», содержавшей подробную безжалостную характеристику Наполеона – тирана, призывы к его убийству и восстанию против правителя страны. В оформлении использовалась виньетка, на которой Первый консул был представлен в виде Сфинкса с короной на голове.

Безусловно, издание, имевшее яркий антинаполеоновский характер, не осталось не замеченным на родине издателя. Чрезмерная чувствительность Бонапарта к газетам и журналистам хорошо известна. По выражению Е. В. Тарле, Первый консул «из всех своих потенциальных врагов – прессу … презирал больше всех» и «смотрел на газеты, как на такое зло, без которого вовсе обойтись уже, к сожалению, невозможно» [8, с. 3–4, 7]. Во Франции был установлен достаточно жесткий контроль над прессой, существовала негласная цензура. Пристально Наполеон следил и за посвященным его деятельности публикациям, выходившим за пределами страны. Особенно болезненно Первый консул реагировал на статьи во французской эмигрантской прессе в Лондоне [14, p. 264]. Вос-

пользовавшись временным перемирием с Англией, Наполеон попытается призвать к ответственности журналиста за клевету и инициирует судебное разбирательство.

Слушание по делу состоялись 21 февраля 1803 года, в 43-й год правления Его Величества Георга III, в Вестминстере, перед Королевской скамьей. Как сообщалось в прессе, суд состоялся в тот же день, когда было назначено четвертование полковника Эдуарда Маркуса Деспарда, организатора неудачного заговора против Георга III [14, p. 271–272]. Суд возглавил лорд Элленборо, лорд-главный судья Англии; генеральным прокурором назначен Спенсер Персеваль; адвокатами Пелтье стали Джеймс Макинтош и Фергюсон.

Генеральный прокурор открыл от имени короля дело против Жана Пелтье, джентльмена, резидента в округе Миддлсекс, обвиненного в публикации клеветы, преступных и клеветнических посягательств на честь, достоинство и безопасность Наполеона Бонапарта, и рискуя «породить раздоры» между королем Англии и его подданными, с одной стороны, Наполеоном Бонапартом, Французской Республики и граждан указанной республики, «совершив таким образом преступление против спокойствия короля, его короны и его достоинства» [14, p. 261].

После обвинений генерального прокурора, потребовавшего наказания, наступил «звездный час» адвоката Джеймса Макинтоша, речь которого, длившаяся около трех часов, была впоследствии признана «почти несравненным образцом красноречия» [14, p. 273]. Джеймс Макинтош, член партии Вигов, кроме политической деятельности достиг успехов как юрист, историк и философ. Имея достаточно либеральные взгляды, Макинтош, как и многие другие виги, поначалу достаточно положительно отнесся к Французской революции. В ее защиту Дж. Макинтош написал труд, получивший название «Иск Галлов». Труд был хорошо принят, а революционная Франция присвоила Макинтошу звание почетного гражданина. Однако взгляды Макинтоша со временем поменялись. После казни Людовика XVI и кровавого террора якобинцев он разочаровался в революции [9, с. 144].

Дж. Макинтош оправдывал обвиняемого Пелтье ужасными последствиями революции и тиранией со стороны его правительства, нищетой эмигрантов, необходимостью защищать свободу печати. Основные аргументы защиты заключались в том, что тексты не следует воспринимать как клеветнические произведения; что они безвредны, поскольку написаны на языке, мало читаемом в Англии, а их появление во Франции невозможно. Макинтош взывал к чувству национальной гордости англичан, представляя родину единственной страной, где можно свободно выражать свои мысли.

Создается впечатление, что Макинтош гораздо больше заботился о красноречии, чем об оправдании своего клиента. Его защита свободы прессы затмила защиту самого Пелтье. Сразу после судебного процесса речь Макинтоша была переведена на французский язык. Согласно мемуарам самого Макинтоша, «перевод распространил по всей Европе то восхищение, которое вызвала эта речь» [14, p. 274]. Справедливости ради стоит отметить, что выступление адвоката произвело впечатление не на всех. Как написал в своем дневнике один из присяжных Джозеф Фарингтон, «…в целом большая часть его речи была не по теме, и ее длина мне наскучила; моментами я едва удерживался, чтобы не заснуть» [14, p. 273–274]. Уильям Коббетт, английский публицист, памфлетист и историк, отметил, что с Пелтье обошлись очень несправедливо, и фактически его предал Макинтош, чья защитная речь была немногим больше, чем второе издание «Мести галлов» [14, p. 275, note 4].

Подвел итоги судебного процесса лорд Элленборо, который напомнил, что в законе четко говорится о наказуемости подобной клеветы, и призвал присяжных продемонстрировать честность правосудия Британии, признав подсудимого виновным. Присяжным потребовалась всего лишь минута, чтобы вынести вердикт о виновности. Приговор должен был быть оглашен позже, но Пелтье так и не вызвали в суд. В большинстве работ, где упоминается процесс над Пелтье, говорится о штрафе, который был на него наложен. Информация об этом содержится в одном из отчетов министерства юстиции

Франции. Там упоминается слух, согласно которому Пелтье был приговорен к одному году тюремного заключения и 100 фунтам стерлингов штрафа. Поскольку обвиняемый заявил, что он не в состоянии уплатить этот штраф, в его пользу была организована подписка и собрана сумма в 2000 фунтов стерлингов. По мнению Э. Масперо-Клерк, это информация документального подтверждения не имеет и остается на уровне слухов [14, p. 276].

Процесс над Пелтье имел широкий общественный резонанс. Суд упоминался и анализировался в наиболее важных журналах своего времени. Все единогласно хвалили Макинтоша; мнения по поводу приговора разделились в зависимости от политических пристрастий авторов [14, p. 276]. За процессом следили и в России. В «Вестнике Европы», выходившем под редакцией Н. М. Карамзина, появился краткий, но очень точный обзор события. Автор иронизирует над ситуацией и над плохой работой британского правосудия в отношении защиты чести и достоинства Наполеона [4, с. 167–172].

Сам подсудимый извлек максимум выгоды из судебного процесса. Общеизвестно, что Пелтье сделал состояние, опубликовав документы суда над ним. В одной из парижских газет «*L'Argus*», издаваемой на английском языке и оплаченной французским правительством, резко обвинялось английское правительство за то, что оно, вместо наказания, наградило Пелтье, позволив ему сделать из судебного процесса источник прибыли. «Таким образом, дверь открыта для него, и весь континент будет затоплен клеветой на Первого консула» [14, p. 277]. После суда возросли выплаты и за работу переводчиком в Министерстве иностранных дел. Э. Масперо-Клерк предположила, что Пелтье могли заплатить за оскорбление Бонапарта [14, p. 279]. Но эта версия не имеет каких-либо документальных подтверждений. Кроме того, очевиден факт того, что своими высказываниями Пелтье удовлетворял свою искреннюю ненависть к Наполеону. Создается впечатление, что партия войны в Англии стремилась использовать слабости Первого консула и, раздражая его, вызвать разрыв, который наконец случился.

После судебного процесса Пелтье продолжал жить в Англии, занимаясь издательской и политической деятельностью. Он дождался поражения Наполеона и начала реставрации. В 1814 г., после двадцатилетней эмиграции, Пелтье вернулся во Францию, но на родине не нашел себе применения и вынужден был в 1816 г. вновь отправиться в Англию. В Лондоне Пелтье возобновляет публикацию «*L'Ambigu*». Всегда ультрарадикальный, он теперь нападает на Людовика XVIII, называя его «*индюком, который сам себя выщипал*» [15, p. 256]. Но дела газеты шли плохо. После поражения Наполеона и возвращения многих эмигрантов на родину, газета начала терять читателей и финансирование, в результате чего в 1818 г. вынуждена была закрыться [13, p. 313]. Остаток жизни Жан Габриель Пелтье провел в Париже, где умер в забвении и нищете в 1825 г.

Интерес Семёна Романовича Воронцова к изданиям французского роялиста Пелтье закономерен. В своих политических взглядах он был консервативен: «стоял за союз с Англией и недолюбливал Францию, в особенности "выскочку" Бонапарта» [5, с. 62]. После небольшого перерыва в дипломатической карьере, Воронцов вернулся в Англию в декабре 1802 г. и до конца 1806 г. исполнял обязанности посла России в Англии [3, с. 319]. Наверняка, С. Р. Воронцов следил за судебным процессом над Пелтье. Интересно, что тремя годами ранее, в 1799 г. С. Р. Воронцов был инициатором подобного судебного разбирательства – ходатайствовал о судебном преследовании газеты «Курьер», ее владельца и издателя за публикацию статьи, направленной против российского императора Павла. В ней утверждалось, что «император России (имеется в виду его так называемое императорское величество) делает себя невыносимым для своих подданных разнообразными актами тирании и смешным в глазах Европы своей непоследовательностью». Суд признал ответчиков виновными. Приговор в этот же день вступил в силу в отношении владельца газеты «Курьер» Джона Пэрри, издателя Джорджа Росса и печатника Джона Винта за их клевету на императора России. Издателя приговорили к заключению на шесть месяцев в тюрьме Королевского суда, выплате штрафа в £100 и залогов его бес-

порочного поведения в течение пяти лет – £500 им самим и по £250 каждым из двух поручителей. Издатель и печатник приговорены к заключению на месяц в той же тюрьме [3, с. 265–266]. Именно на это судебное разбирательство, как на прецендент, ссылался главный генеральный прокурор С. Персеваль в обвинительной речи против Пелтье [16, p. 41–46].

Возможно, Семён Романович и Жан Габриель Пелтье были лично знакомы [7, с. 234]. Сохранилось письмо, датированное январем 1804 г., в котором граф Аркадий Иванович Морков (Марков), в начале XIX в. бывший послом России во Франции, после того, как покинул Париж, из Вены жаловался С. Р. Воронцову на преследования со стороны Талейрана, вменявшего ему махинации с продажей земли и завалившего русский двор доносами по этому поводу. Морков просит своего коллегу в Лондоне ознакомить Пелтье со «всеми этими мелкими деталями, дабы тот в своих “листах” изложил их и добавил бы еще другие сюжеты, чтобы заставить великую и уважаемую во многих отношениях нацию краснеть от того, что она позволяет управлять и подчинять себя людям, способным на подобные подлости» («*Je voudrais bien que vous fissiez parvenir a la connaissance de m-r Le Pelletier tous ces petits détails. En les exposant dans ses feuilles, il ajouterait encore a tant d’autre sujets de faire rougit une nation grande et estimable a bien des égards de se laisser gouverner et maitriser par des gens capables de pareils turpitudes*») [2, с. 186, № 81]. Семён Романович был постоянным читателем изданий французского журналиста. В его Лондонской библиотеке имелось практически «полное собрание сочинений» Ж. Г. Пелтье: 54 тома «Амбигю» за 1802–1816 гг., два тома «Последней картины Парижа», 35 выпусков «Парижа в течение 1795-1802 гг.», по одному тому «Французской переписки» и «Картины Европы», десять томов «Деяний апостолов» [7, с. 235]. Изданиями Пелтье интересовался и брат Семёна Романовича – Александр Романович. Из переписки братьев Воронцовых следует, что брошюры Пелтье неоднократно присылались из Лондона в Россию («*la continuation du journal de Pelletier*»), пополняя библиотеку А. Р. Воронцова [1, с. 7, № 8]. Достоверно известно, что Александр Романович получил 115 номеров «Деяний апостолов» вместе с другими книгами и периодическими изданиями [7, с. 235].

После назначения в 1823 г. генерал-губернатором Новороссийского края М. С. Воронцов, унаследовавший библиотеки и отца, и дяди, перевез значительную часть книжных собраний на юг Российской империи в свои имения в Одессе и Алупке [6, с. 83]. Находящиеся в библиотеке издания французского контрреволюционера Пелтье определенно свидетельствуют о политических пристрастиях их владельцев и показывают живой интерес российской элиты начала XIX в. к политическим интригам в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив князя Воронцова. Книга десятая. Бумаги графов А. Р. и С. Р. Воронцовых. М.: Типография Грачева, 1876. 531 с.
2. Архив князя Воронцова. Книга двадцатая. Бумаги графов А. Р. и С. Р. Воронцовых. М.: Университетская типография, 1881. 520 с.
3. Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. СПб.: Изд-во «Политехника Сервис», 2020. 446 с.
4. Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. Ч. 8, № 6. С. 167–172.
5. Огарков В.В. Воронцовы: их жизнь и общественная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1892. 96 с.
6. Полевщикова Е.В. Путешествия в библиотеке Воронцовых // Про книги. 2007. № 2. С. 81–96.
7. Полевщикова Е.В. Антинаполеоновская легенда в изданиях Ж.Г. Пельтье: по материалам книжных собраний Воронцовых // Бібліографічний опис. Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: матеріали II міжнародних книгознавчих читань (Одеса, 18–19 вересня 2012 р.) / відп. ред. М.О. Подрезова, О.В. Полевщикова. Одеса: Одеський нац. ун-т, 2013. С. 224–238.
8. Тарле Е.В. Печать при Наполеоне I. Петроград: Изд-во «Былое», 1922. 56 с.
9. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 304 с.

10. Burrows S. French Exile Journalism and European Politics, 1792–1814. Suffolk: Boydell Press, 2000. 288 p. (Royal Historical Society studies in history. New Series. Vol. 19).
11. Catalogue raisonné des Livres de la Bibliothèque de son Excellence le Comte Woronzow avec une table alphabétique. Londres, 1824. ГАУК РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник», КП 20245; КН 6461 // Президентская библиотека. https://www.prlib.ru/section/1985713. Дата обращения: 5.10.2024.
12. Gallois L. Histoire des journaux et des journalistes de la révolution française. Paris: Bureau de la Société de l'industrie fraternelle, 1845.
13. Gindin Cl. Hélène Maspero-Clerc. Un journaliste contre-révolutionnaire, Jean-Gabriel Peltier. 1760–1825. Paris, Société des Etudes robespièrristes, 1973 // Annales historiques de la Révolution française. 1975. N° 220. P. 309–313.
14. Maspero-Clerc H. Un journaliste émigré jugé à Londres pour diffamation envers le Premier Consul // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1971. Tome 18, N° 2, Avril-juin. P. 261–281.
15. Maspero-Clerc H. Un journaliste contre-révolutionnaire, Jean-Gabriel Peltier. 1760–1825. Paris: Société des Etudes robespièrristes, 1973. 360 p.
16. Peltier J.G. The Trial of John Peltier for a libel against Napoleon Buonaparte, first council of the French Republic, at the court of King's-Bench, Middlesex, on Monday the 21st of February, 1803. London: Cox, Son and Baylis, 1803. 312 p.
17. Rétat P. Les journaux de 1789. Bibliographie critique. Paris: Éditions du CNRS, 1988. 430 p.
18. Rinsveld B.V. Une égyptomanie anti-bonapartiste: le journaliste Jean-Gabriel Peltier // Chronique d'Egypte. 1991. LXVI, Fasc. 131–132. 19 p. [Extrait].
19. Sauvez-nous ou sauvez-vous, adresse a messieurs les Députe a l'Assemblée National, et a Messieurs les Députes Bretons en particulier. Par un de leurs concitoyens. Paris, 1789. 28 p.
20. Trénard L. Maspero-Clerc (Hélène). Un journaliste contre-révolutionnaire, Jean Gabriel Peltier (1760–1825) // Revue belge de philologie et d'histoire. 1983. T. 61, fasc. 4. Histoire médiévale, moderne et contemporaine. P. 1022–1024.

REFERENCES

1. *Arhiv knjazja Voroncova. Kniga desjataja. Bumagi grafov A. R. i S. R. Voroncovyh* [Archive of Prince Vorontsov. Book ten. Papers of Counts A. R. and S. R. Vorontsov]. Moscow, Tipografija Gracheva, 1876, 531 p.
2. *Arhiv knjazja Voroncova. Kniga dvadcataja. Bumagi grafov A. R. i S. R. Voroncovyh* [Archive of Prince Vorontsov. Book twentieth. Papers of Counts A. R. and S. R. Vorontsov]. Moscow, Universitetskaja tipografija, 1881, 520 p.
3. Voroncov-Dashkov A.I., Mikeshin M.I. *Semen Romanovich Voroncov. Biografija* [Semyon Romanovich Vorontsov. Biography]. St. Petersburg, "Politehnika Servis" Publ., 2020, 446 p.
4. News and comments. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1803, Part. 8, No. 6, pp. 167–172.
5. Ogarkov V.V. *Voroncovy: ih zhizn' i obshhestvennaja dejatel'nost'* [Vorontsovs: their life and social activities]. St. Petersburg, "Obshhestvennaja pol'za" Publ., 1892, 96 p.
6. Polevshhikova E.V. Travels in the Vorontsov library. *Pro knigi* [About books], 2007, No. 2, pp. 81–96.
7. Polevshhikova E.V. Anti-Napoleonic legend in the publications of J.G. Peltier: based on materials from the book collections of the Vorontsovs. M.O. Podrezova, O.V. Polevshhikova (eds.), *Bibliografichnij opis. Starodruki i ridkisni vidannja v universitets'kij biblioteci* [Bibliographic description. Old prints and rare editions in the university library], Odesa, Odessa National University Publ., 2013, pp. 224–238.
8. Tarle E.V. *Pechat' pri Napoleone I* [Press under Napoleon I]. Petrograd, "Byloe" Publ., 1922, 56 p.
9. Chudinov A.V. *Razmyshlenija Anglichan o Francuzskoj revoljucii: Je. Berk, Dzh. Makintosh, U. Godvin* [English Reflections on the French Revolution: E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin]. Moscow, "Pamjatniki istoricheskoj mysli" Publ., 1996, 304 p.
10. Burrows S. *French Exile Journalism and European Politics, 1792–1814*. Suffolk, Boydell Press, 2000, 288 p. (Royal Historical Society studies in history. New Series. Vol. 19).
11. *Catalogue raisonné des Livres de la Bibliothèque de son Excellence le Comte Woronzow avec une table alphabétique*. Londres, 1824. Presidential Library. https://www.prlib.ru/section/1985713. Date of access: 5.10.2024.
12. Gallois L. *Histoire des journaux et des journalistes de la révolution française*. Paris, Bureau de la Société de l'industrie fraternelle, 1845.
13. Gindin Cl. Hélène Maspero-Clerc. Un journaliste contre-révolutionnaire, Jean-Gabriel Peltier. 1760–1825. Paris, Société des Etudes robespièrristes, 1973. *Annales historiques de la Révolution française*, 1975, n° 220, pp. 309–313.
14. Maspero-Clerc H. Un journaliste émigré jugé à Londres pour diffamation envers le Premier Consul. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1971, tome 18, N° 2, Avril-juin, pp. 261–281.

15. Maspero-Clerc H. *Un journaliste contre-révolutionnaire, Jean-Gabriel Peltier. 1760–1825.* Paris, Société des Etudes robespièrristes, 1973, 360 p.
16. Peltier J.G. *The Trial of John Peltier for a libel against Napoleon Buonaparte, first council of the French Republic, at the court of King's-Bench, Middlesex, on Monday the 21st of February, 1803*. London, Cox, Son and Baylis Publ., 1803, 312 p.
17. Rétat P. *Les journaux de 1789. Bibliographie critique*. Paris, Éditions du CNRS, 1988, 430 p.
18. Rinsveld B. V. Une égyptomanie anti-bonapartiste: le journaliste Jean-Gabriel Peltier. *Chronique d'Egypte*, 1991, LXVI, Fasc. 131–132, 19 p. [Extrait].
19. *Sauvez-nous ou sauvez-vous, adresse a messieurs les Députe a l'Assemblée National, et a Messieurs les Députes Bretons en particulier*. *Par un de leurs concitoyens.* Paris, 1789, 28 p.
20. Trénard L. Maspero-Clerc (Hélène). Un journaliste contre-révolutionnaire, Jean Gabriel Peltier (1760–1825). *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1983, T. 61, fasc. 4, p. 1022–1024.

Информация об авторе

Айбабин И. А. – студент исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

Author information

Aibabin I. A. – Student of the Faculty of History of the State Academic University for the Humanities.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.475-490

ПУТЕШЕСТВИЯ АЛЕКСАНДРА I В КРЫМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВЫСОЧАЙШИХ ВИЗИТОВ В 1818 И 1825 ГГ.)

Денис Валериевич Конкин
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Аннотация. В статье на основе опубликованных работ, а также впервые вводимых в научный оборот источников рассмотрены визиты Александра I в Крым в контексте государственных мероприятий по охране памятников старины на полуострове. На примере Бахчисарайского дворца разобраны механизмы принятия решений по восстановлению и ремонту уникального культурного объекта. Показано, что важной задачей инициированных в правление Александра I ремонтно-восстановительных работ в Бахчисарайском дворце являлось сохранение первоначального архитектурного ансамбля памятника. Реализация данной цели стала возможной благодаря непосредственной поддержке императора, который сначала утвердил прошедший экспертизу в Строительном комитете план архитектора И. Ф. Колодина по ремонту дворца, а затем скорректированный проект архитектора Ф. Ф. Эльсона. При этом понимание уникальности объекта, а значит и необходимости его сохранения, не в последнюю очередь возникли благодаря непосредственному осмотру памятника Александром I в ходе «высочайших визитов» в Крым в 1818 и 1825 гг.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, Бахчисарайский дворец, высочайшие визиты, памятники архитектуры, культурное наследие, император Александр I, И. Ф. Колодин, Ф. Ф. Эльсон

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00076-П «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и новое время», https://rscf.ru/project/20-18-00076.

ALEXANDRE I'S TRAVELS TO THE CRIMEA IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF HISTORICAL AND CULTURAL TERRITORIES (ON THE EXAMPLE OF TRANSFORMATIONS OF THE PALACE OF BAKHCHISARAI ON THE EVE AND AFTER THE MOST HIGH VISITS OF 1818 AND 1825)

Denis V. Konkin
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Abstract. This article uses already published research works and the sources introduced into the scholarly circulation for the first time to examine Alexander I's visits to the Crimea in the context of state measures for the protection of ancient monuments on the Crimean Peninsula. The case of the Palace of Bakhchisarai allows the author to address the ways of making decisions on the restoration and repair of this unique cultural site. It has been shown that an important task of the repair and restoration work in the Palace of Bakhchisarai initiated under the reign of Alexander I was to preserve the original architectural ensemble of the monument. The realization of this goal became possible due to the direct support from the Emperor, who first approved the plan for the repair of the palace, suggested by the architect I. F. Kolodin and examined in the Building Committee, and then the corrected project of the architect F. F. El'son. Simultaneously, Alex-

andre I understood the uniqueness of the site and, therefore, the need for its preservation, greatly after he personally examined the palace during the “most high visits” to the Crimea in 1818 and 1825.

***Keywords*:** Russian Empire, Crimea, Bakhchisarai palace, most high visits, monuments of architecture, cultural heritage, Emperor Alexandre I, I. F. Kolodin, F. F. El’son

***Acknowledgments*:** This study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00076-П *The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period*, https://rscf.ru/project/20-18-00076.

Высочайшие путешествия русских царей по просторам необъятной Российской империи всегда имели глубокое символическое значение. Сопутствующий визитам церемониал, торжественные встречи, празднества в местах пребывания венценосных особ являлись неизменными атрибутами, которые опосредованно привязывали подданных к престолу, утверждали авторитет имперской власти в новообретенных регионах [см.: 51; 9, с. 304–344; 21; 40; 31; 6; 42, с. 6–10]. Не стал исключением и Крым после его присоединения. Знаменитым началом «Высочайших визитов» на полуостров стало торжественное шествие Екатерины II по Тавриде в 1787 году. Последующие посещения российскими императорами полуострова уже не имели такого резонирующего внешнеполитического значения и не сопровождались столь нарочитой помпезностью и лоском окружавших венценосную особу вельмож, однако всегда становились знаменательными событиями в провинциальной истории. Помимо символического, каждый из подобных визитов имел важное практическое значение для региона, поскольку зачастую инициировал серьёзные преобразования в его инфраструктуре. Подготовка мест расселения высокопоставленной делегации, ремонт дорог, общественно-административных зданий, наём рабочих, обслуживающего персонала, ямщиков для извоза, аренда лошадей, закупка фуража для них и т.д. – являлись обязательным атрибутом любой поездки.

Крымской особенностью высочайших визитов можно считать фокусировку на его историческом и природно-ландшафтном аспектах. Южнобережные виды неизменно вызывали восхищение высоких гостей и стали одним из важных факторов последовательного архитектурного, инфраструктурного и рекреационного освоения данной территории. Ознакомление с историко-культурным наследием полуострова также являлось обязательной программой любого царского путешествия. С учетом неослабевающего интереса к региону высокообразованной публики достаточно быстро среди просвещенных представителей власти возникло понимание, что для сохранения обнаруженных там древностей требовались адресные практические мероприятия со стороны государства. Именно в отношении Крыма данная проблема впервые актуализировалась на самом высоком уровне, следствием чего стали утвержденные императором Александром I распоряжения по поддержанию и охране памятников старины [45, с. 132–136; 49, с. 608; 54, с. 39–41].

На конкретном примере Бахчисарайского дворца описанные процессы отчетливо проявлялись. Мероприятия по поддержанию и ремонту знакового для Крыма памятника восточной архитектуры, связанные с посещением царской особы, впервые были осуществлены еще накануне приезда Екатерины II в Крым в 1787 г. [25]. В царствование Александра I схожие действия, приуроченные к высочайшим визитам, были продолжены, итогом чему стали масштабные ремонтно-восстановительные работы, проходившие во дворце в течение 1822–1831 гг. Проблема последовательности, системности и качества проделанных работ – отдельная тема, которая неоднократно рассматривалась исследователями [15; 32; 28; 23; 11; 8; 1; 61; 22; 58; 38; 37; 19; 27 и др.]. Целью настоящей статьи является на основе опубликованных исследований, а также впервые вводимых в научный оборот источников рассмотреть визиты Александра I в Крым в контексте мероприятий по охране памятников старины, акцентируя основное внимание на таком объекте, как бывшая ханская резиденция в Бахчисарае.

***

После восшествия на престол императора Александра I хозяйственные, административные преобразования южных провинций продолжали оставаться приоритетными направлениями внутренней политики Российской империи. В полной мере данная тенденция относилась и к Крыму. В конце 1801 г. в Санкт-Петербурге был учрежден Новороссийский комитет, состоявший из высших чиновников Империи, местных региональных руководителей, на котором неоднократно рассматривались и крымские проблемы, связанные, прежде всего, с экономической сферой [24]. Вопросы землепользования и землевладения в Крыму звучали и на собраниях «негласного комитета» непосредственно в присутствии царя [7, с. 64], а также обсуждались на заседании Непременного совета [3, стлб. 852–853].

С учетом такого неослабевающего интереса неудивительно, что, как удалось выяснить, и сам Александр I планировал посетить причерноморский регион, включая Крымский полуостров, уже в первые годы своего правления. В «Государственном архиве Республики Крым» (ГАРК), среди писем-отношений, полученных в 1804 г. таврическим губернатором Д. Б. Мертваго от херсонского военного губернатора А. Г. Розенберга, в конечном управлении которого находилось управление гражданской частью в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях [39, т. 27, № 20643, с. 482], удалось обнаружить и такое, отправленное 17 мая:

«Милостивый Государь мой, Дмитрий Борисович!

Известясь, что Его Императорское Величество в течение летних сего года месяцев намеревает посетить вверенные начальству моему губернии, в обязанность нахожу уведомить о том и Ваше Превосходительство. Содержание в надлежащей исправности дорог, почт и мостов хотя есть из предметов относящихся к всегдашней и непременной обязанности гражданской земской полиций, и хотя также неизвестно еще заподлинно непременно ли Его Императорское Величество и какою дорогою изволит проезжать; но на всякий случай я прошу Вас, Милостивый Государь Мой, обратить все внимание чиновников, полицией ведующих, чтобы они ныне же осмотрели все большие дороги, мосты, переправы и почтовые станции…» [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 541, л. 76–76об.]. Однако запланированный на лето 1804 г. высочайший визит в Крым так и не состоялся. Возможно, причиной тому стали сложные внешнеполитические обстоятельства: похищение и расстрел весной 1804 г. герцога Энгиенского во Франции и последующее провозглашение Наполеона императором требовали максимальной концентрации власти в «центре принятия решений» – в Санкт-Петербурге.

Несмотря на сорвавшееся путешествие в Новороссию в начале своего царствования, Александр I не оставил данную затею впоследствии. В 1818 г., уже после урегулирования всех главных внешнеполитических конфликтов, визит в «Полуденный край» империи, включая Крым, осуществился. Следует отметить, что предшествовали «высочайшему путешествию» не менее знаменательные посещения Крыма младшими братьями императора – Николаем Павловичем (в 1816 г.) [56, с. 68–70] и Михаилом Павловичем (в 1817 г.) [12, с. 246–247]. Можно не сомневаться, что оба смогли поделиться своими впечатлениями от путешествия со старшим братом. Поездка Александра I планировалась заранее. Побывавший летом 1816 г. в Южных провинциях (в том числе и в Крыму) государственный контролер Российской империи Б. Б. Кампенгаузен в августе 1817 г. в письме А. А. Аракчееву отмечал, что «слухи носятся, Государю угодно будет в будущем году посетить Полуденный Край России» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1904, л. 14–14об.]. И действительно, в следующем году император Александр I прибыл в Крым. Накануне его визита, 13 апреля 1818 г. из Варшавы (где в это время находился император) генерал-адъютант князь П. М. Волконский прислал таврическому губернатору А. С. Лавинскому уточненный «Маршрут по Таврическому полуострову»:

Перекоп: <u>ночлег</u> 8 мая → Ишунь (число верст 24)[1] → Дюрмен (21) → Айбар (24) → Треаблан (22) → Сарабуз (24) → Симферополь (17): <u>ночлег</u> 9 мая / 132 версты[2]/ → Зуя

[1] Здесь и далее в оригинале документа в скобках обозначалось расстояние в верстах между ближайшими пунктами «Маршрута».

[2] Общее расстояние между местами ночёвок.

(20) → Карасубазар (21) → Бурундук (21) → Кринички (22) → Феодосия (22) → Порпач (22) → Аргин (26) → Аккоз или Султановка (22) → Керчь (25): ночлег 10 мая / 201 верста / → Аккоз или Султановка (25) → Аргин (22) → Порпач (26) → Феодосия (22): ночлег 11 мая / 95 верст / → Кринички (22) → Бурундук (22) → Карасубазар (21) → Зуя (21) → Симферополь (20): ночлег 12 мая / 106 верст / → Чавке → Алушта (обед) → Кучук-Ламбат (мимо дачи Бороздина) → Гурзуф (мимо дачи Дюка де Ришелье) → Никита: ночлег 13 мая / 72 версты/[3] → Алубка (25) → Кикинеис (13): ночлег 14 мая / 38 верст / → Мухалатка (12) → Байдарская долина (15): ночлег 15 мая / 27 верст / → Балаклава (20) → Севастополь (18): ночлег 16 мая / 38 верст / → Бахчисарай: ночлег 17 мая / 32 версты / → Симферополь: ночлег 18 мая / 30 верст / → Сарабуз (17) → Треаблан (24) → Айбар (22) → Дюрмен (24) → Ушунь (21) → Перекоп (24): ночлег 19 / 132 версты /. Итого: 903 версты [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 3297, л. 147–148об.].

В этом же письме Волконский традиционно указывал, что для царского экипажа необходимо было подавать только почтовых лошадей, «совершенно заблаговременно объезженных», с исправной сбруей и со «знающими дорогу ямщиками». Для путешествия по горам, помимо верховых лошадей, требовались и вьючные в таком же количестве. Особо Волконский просил обратить внимание на выполнение личной просьбы императора: «…чтобы в вверенной Вашему Превосходительству губернии не было никаких встреч ни на станциях, ни в городах, и чтобы никто из гражданских чиновников не сопровождал Его Императорское Величество…» [там же, л. 146об.].

Помимо царя в поездке по Крыму в составе «высочайшей свиты» должны были участвовать: генерал от артиллерии А. А. Аракчеев, генерал от инфантерии М. А. Милорадович, генерал-адъютанты Ф. П. Уваров, кн. П. М. Волконский и кн. А. С. Меньшиков, флигель-адъютант А. И. Михайловский-Данилевский, лейб-медик Я. И. Виллие и доктор Рихтер, статс-секретари И. А. Каподистрия и В. Р. Марченко, полковник А. Д. Соломка и подпоручик Петровский, метрдотель Ф. И. Миллер, а также камердинер и лакеи императора, семеро придворных кучеров, трое певчих, фельдъегеря и сотрудники канцелярии Аракчеева [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 3297, л. 153; 55, с. 98].

Следует отметить, что заранее присланный таврическому губернатору маршрут следования делегации с указанными в нем датами ночевок полностью совпал с реальностью. График путешествия во время перемещений по Крыму ни разу не сместился. Единственное изменение коснулось количества участников: к изначально составленному списку путешественников неожиданно добавился принц Филипп Гессен-Гомбургский и состоящий при нём подполковник К. И. Кламм вместе с их прислугой [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 3297, л. 202], что потребовало от властей Таврической губернии подготовить ещё по 14 лошадей на каждой станции. Изначально же (без Гессен-Гомбургского) для поездки по Крыму высокопоставленной делегации требовалось 107 лошадей и 19 экипажей. Кроме того для верховой езды в горной местности необходимо было дополнительно иметь в наличие 28 хорошо обученных лошадей и еще столько же вьючных [там же, л. 156–157].

В соответствии с расписанием вечером 8 мая высокие гости въехали в Крым и заночевали в Перекопе. Затем последовал Симферополь, далее – Карасубазар, Феодосия, Керчь и т.д. (все согласно вышеприведенному маршруту и в соответствии с датами, там же указанными). Согласно воспоминаниям, сопровождавшего царя в поездке флигель-адъютанта А. И. Михайловского-Данилевского, в Бахчисарай император прибыл 17 мая и расположился в ханском дворце, где сначала осматривал его внутренние покои. Затем присутствовал на торжественном богослужении в главной мечети, и, наконец, был приглашен на татарскую свадьбу, наблюдая за обрядами традиционного мусульманского бракосочетания [33, с. 338–339], проходившими, по утверждению П. П. Свиньина [44, с. 11–13], в зале Дивана. На следующий день, после аудиенции с исламскими духовны-

[3] Маршрут между Симферополем и Никитой в архивном деле не расписан в подробностях и восстановлен по воспоминаниям А.И. Михайловского-Данилевского [33, с. 97–98].

ми лицами во главе с муфтием и местной крымско-татарской дворянской элитой, император отправился в Чуфут-Кале. Осмотрев достопримечательности древнего города (включая кенасу (синагогу) и кладбище), Александр I посетил дом местного «богатого жителя», где был уже приготовлен завтрак из «орехов, сотового меду, масла, сыра, плодов и константинопольских конфект». После трапезы по приглашению хозяина император в сопровождении гостей последовал в его гарем, в котором насчитывалось до десяти женщин, возрастом от 16 до 50 лет [33, с. 340; 34, с. 371]. Прощаясь с «дамами» Александр I через переводчика попросил передать, что в «в восторге от знакомства с ними» [там же]. И уже на обратном пути путешественники посетили Успенский монастырь [33, с. 339–340] и далее отправились в Симферополь.

Несколько позднее, уже покинув Бахчисарай, в благодарность за изысканный завтрак Александр I пожаловал хлебосольному караиму бриллиантовый перстень. В официальной переписке названо имя, угощавшего императора жителя Чуфут-кале – «Веньямин Шамойлович» [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 3388, л. 3]. По всей видимости, это был глава местной караимской общины Вениамин бен Самуил Ага, который еще в ханские времена возглавлял монетный двор, а затем, после присоединения Крыма к России, не растерял авторитет. В 1787 г. он принимал в своем доме австрийского императора Иосифа II, а в дальнейшем стал важнейшим переговорщиком с российским правительством по вопросам исключения караимов из-под дискриминационного законодательства, распространявшегося на еврейские анклавы [5, с. 436; 43, стлб. 382–383]. Как видно, навыки общения с венценосными особами с возрастом он не утратил, за что и получил почетную награду.

Важным итогом состоявшегося в 1818 г. визита Александра I в Крым стало непосредственное ознакомление императора с «культурным капиталом» полуострова – архитектурными и археологическими памятниками в Керчи, Феодосии, Балаклаве, Севастополе, Инкермане, Бахчисарае [53, с. 82, 84–86]. Прямым следствием этого события можно считать официальные мероприятия по их охране, ремонту и восстановлению. В полной мере данная тенденция коснулась и Бахчисарайского дворца.

Бывшую ханскую резиденцию планировали привести в полный порядок еще накануне императорского путешествия. С этой целью херсонским военным губернатором А. Ф. Ланжероном в Строительный Комитет при Министерстве внутренних дел (далее – МВД) были направлены чертежи и планы дворцовых построек, а также составлена смета запланированного ремонта [32, с. 139; 22, с. 52; 38, с. 104–105]. Но качеством подготовленной документации столичные чиновники оказались недовольны и запросили более подробные планы. В итоге к приезду императора в мае 1818 г. в Бахчисарайском дворце были разобраны только наиболее ветхие комнаты гарема [32, с. 139], все остальное пространство оставалось без изменений.

После отъезда «высочайшего лица» из Крыма вопрос ремонта не был отложен. Процесс актуализировался одновременно с назначением в декабре 1819 г. нового таврического губернатора А. Н. Баранова, получившего должность по непосредственной протекции императора [29, с. 121]. В феврале 1820 г. Ланжерон направил Баранову отношение[4], в котором просил прислать документы, необходимые для подготовки проекта ремонта дворца [32, с. 139]. Составление планов и расходной сметы по ремонту было поручено архитектору И. Ф. Колодину, командированному накануне в Крым для завершения строительства соборной церкви в Симферополе и возведения там же административных зданий [там же]. В сентябре 1820 г. Колодиным было составлено подробное «Описание найденных в натуре ветхостей Азиатскому в Бахчисарае дворцу…» [32, с. 139–150], а также выполнены чертежи дворца и подготовлены два проекта: 1) минимизированный «на самонужнейшие исправления» на 126 076 руб. 76 коп. и 2) на полноценный ремонт в размере 204 944 р. 45 коп. [там же, с. 150].

[4] У А. И. Маркевича неверно указан Перовский вместо Баранова [32, с. 139]. Н. И. Перовский был назначен на должность таврического губернатора 25 февраля 1822 г. [29, с. 129].

Все документы были направлены в столицу для выработки решения по поводу объема и характера необходимых работ. Изучив документацию, в апреле 1821 г. Строительный Комитет при МВД подготовил собственное мнение «О исправлении в городе Бахчисарае дворца Крымских ханов», в котором, в целом, поддержал проект Колодина по максимальному восстановлению дворца, мотивируя это следующим образом: «…если Бахчисарайский дворец, представляющий теперь так сказать развалины, час от часу усиливающиеся, сохранить ***в виде достойного памятника***, то всего ближе пользам казны решится привести его однажды по последнему проекту в совершенно прочное состояние, с возможным, однако же, ограничением суммы на то потребной». Но при этом столичные чиновники предлагали весьма радикальные меры по оптимизации предложенной Колодиным сметы: «…комитет не может оставить без замечания, что нет надобности исправлять без изъятия все строения ханского дворца, ибо некоторыя из них ни наружностию, ни внутреннею отделкою, ни расположением своим в отношении к прочим частям дворца, не представляют ничего примечательнаго; напротив, будучи построенными из дерева, потребуют, кроме настоящей перестройки их, впоследствии частых поправок и, по стесненному своему положению на случай пожара, могут служить проводниками к истреблению дворца» [там же, с. 150–152]. Исходя из сформулированной концепции предлагалось полностью снести следующие строения Бахчисарайского дворца: «1-е) на переднем дворе двухъэтажной флигель (обозначенной на плане цифрою XIV); 2-е) строения малого харема (под цифрою VIII), исключая беседки с фонтаном; 3) все строения Персидскаго дворца, исключая восьмиугольной башни и каменнаго особо стоящаго погреба и 4) прежний старой ханской дворец (под цифрою X), при котором находящуюся каменную галлерею с фонтаном поддержать в том предположении, чтобы на месте дворца вокруг сей галлереи завести сад» [там же, с. 151]. Оставшиеся постройки подлежали исправлению, на что могло понадобиться **161 420 руб. 20 коп**. Работы планировалось совершить в течение двух лет и поручить их исполнение, согласно рекомендации Ланжерона, «опытному художнику» Колодину [там же, с. 151–152]. Важно отметить, акцентирование чиновников Строительного Комитета на идее восстановления исторического облика дворца, курсив с указанием сохранить дворец «***в виде достойного памятника***» присутствовал в подлиннике документа [там же, с. 151, прим. 1]. При этом идея уничтожения части оригинальных дворцовых построек беспокойства среди специалистов не вызывало.

Данный проект во многом был созвучен с еще одним авторитетным мнением, высказанным несколько позднее. Речь идет об академике Е. Е. Кёлере, который вместе с архитектором Э. Паскалем в 1821 г. совершил свою знаменательную научную экспедицию в Крым [50]. По возвращении в Санкт-Петербург, 23 ноября 1821 г. Кёлер представил в Императорскую Академию наук подробное донесение о командировке, в котором изложил собственное видение ситуации, сложившейся с памятниками архитектуры в Крыму. Академик разделил все объекты на два класса, в зависимости от сохранности и необходимых мер по их поддержанию. Первый – здания, которые «весьма малыми издержками могут быть восстановлены на долгое время». И Второй – архитектурные объекты, которые уже не могли быть исправлены, часто представляли собой «одни только развалины», но, тем не менее, «будучи охраняемы от разрушительных рук невежества» могли существовать «целые тысячелетия» [РГИА, ф. 733, оп. 2, д.2, л. 89–94об.; 48, с. 384–387]. Именно к памятникам второго класса Кёлер отнес Бахчисарайский дворец, о котором в донесении было сказано, что этот объект, равно как и укрепления в Гурзуфе, «не могут быть поправлены, ибо при самом прикосновении к оным они разрушаются». А далее предлагал вместо бывшей ханской резиденции построить новый «каменный дворец в восточном вкусе, но гораздо в меньшем виде». При этом ссылался на некое Донесение № 2, в котором были изложены размышления по этому поводу [РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 91об.–92; 48, с. 385].

Речь, скорее всего, шла о рапортах архитектора Паскаля, подготовленных в количестве девяти штук в отношении различных архитектурных памятников Крыма [РГИА,

ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 173–182об.; 48, с. 392–399]. Второй по счету, как раз и был посвящен Бахчисараю. В этом донесении архитектор отмечал, что дворец в Бахчисарае находится «в самом плохом состоянии» и ремонтировать его было бы «совершенно бесполезно» из-за ветхости всех строений. В таком же плачевном виде находились и беседки внутри дворца, в капитальном ремонте нуждались и многочисленные фонтаны. Однако не все постройки оказались в столь ужасном положении. Например, в отношении Хан-Джами (Большая Ханская мечеть) Паскаль отмечал, что эта мечеть «очень большая и очень красивая, находится в хорошем состоянии и требует лишь небольшого ремонта». В достойном виде сохранились и ханские мавзолеи рядом с ней, а также «гробница, расположенная на вершине сада, образующего амфитеатр» (по-видимому, дюрбе Диляры-бикеч) [РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 175–175об.; 48, с. 393; см. также перевод донесения Паскаля у В. Гернгросса: 11, с. 26]. В итоге французский архитектор посчитал, что вместо сложной реставрации целесообразнее стало бы возведение нового, каменного дворца, но который в обязательном порядке должен был повторять его первоначальный восточный облик («…восстановить полностью таким, какой он есть, но в камне»). В том же рапорте Паскаль отмечал, что присланный накануне правительством архитектор (речь, очевидно, шла о Колодине) уже составил план дворца, но «придал своему проекту характер европейской архитектуры», что являлось неприемлемым, поскольку «…мы упустили бы цель, которую ставим перед собой, а именно сохранить памятник, который напоминал бы о его азиатском великолепии») [РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 175; 48, с. 393]. Таким образом, сохранение «азиатского» колорита являлось для него принципиальным.

Как видно, практически единовременно сформулированное мнение чиновников, учёных и архитекторов по поводу возможностей ремонта и восстановления Бахчисарайского дворца разделилось главным образом в масштабах запланированных разрушений. Паскаль, а вслед за ним и Кёлер, посчитали за лучшее снести дворцовые постройки и вместо них возвести схожие копии в «азиатском» вкусе. Представители Строительного Комитета, на основе проектов Колодина, предлагали ограничиться уничтожением наиболее ветхих строений дворцового комплекса. При этом «европейский характер» предложенных Колодиным планов по восстановлению их нисколько не смутил.

В итоге главой МВД В. П. Кочубеем в полном объеме был поддержан проект подчиненного ему ведомства (Строительного Комитета) на вышеуказанную внушительную сумму в размере 161 420 руб. 20 коп. со следующим заключением: «нет надобности исправлять без изъятия все строения дворца» и «для пользы казны» необходимо «уничтожив ненужные строения, исправить важнейшие части онаго». 24 декабря 1821 г. на данное предложение последовало «высочайшее соизволение» императора Александра I [32, с. 152].

Следует отметить, что замечания Паскаля к моменту утверждения ремонтно-реставрационного проекта еще не успели попасть на рассмотрение главы МВД. Министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын направил соответствующее письмо (исх. № 290) Кочубею с выпиской из отчета Кёлера о поездке только в январе 1822 г. [РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 115–115об.]. Причем предложение Паскаля в этом отчёте было донесено в радикальном, лишенном нюансов варианте Кёлера о невозможности «поправить» Бахчисарайский дворец и рекомендацией «выстроить» вместо него новый каменный в «восточном вкусе», но в уменьшенном размере [РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 109–109об.]. Таким образом, в официальных документах нигде не упоминалось об отмеченной Паскалем «европейскости» предложенного Колодиным проектного решения. Ознакомление министра внутренних дел с отчётом Кёлера в уже утвержденное императором «соизволение» изменений внести не могло. В марте 1822 г. в ответном послании Кочубей среди прочего извещал Голицына, что «отправляется ныне в Крым отсель г. Колодин, весьма опытный архитектор, для производства разных построений, как то: в Симферополе Соборной Церкви, в Керчи разных зданий и исправления в Бахчисарае известного Ханского Дворца» [РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 132; 48, с. 403].

Фактические «исправления» дворца в Бахчисарае начались в июле 1822 г., для чего на месте был сформирован особый «строительный комитет» под руководством уже обосновавшегося в Крыму архитектора Колодина [32, с. 152–153]. Но ремонт им до конца доведен не был и прервался спустя полтора года – в начале 1824 г. [там же, с. 162]. Причиной приостановки стали слухи и нарекания по поводу темпов, качества и характера проводимых ремонтно-восстановительных работ, дошедшие до руководства региона.

К этому времени вместо Ланжерона новороссийским генерал-губернатором был назначен влиятельный российский вельможа граф М. С. Воронцов. Именно по его инициативе 9 ноября 1823 г. в Бахчисарай для освидетельствования проведенного ремонта были направлены личный адъютант Воронцова князь З. С. Херхеулидзев и одесский архитектор Фраполли [там же, с. 160]. Выводы ревизоров оказались не самыми утешительными. Согласно подготовленной ими «Записке о перестройке ханского дворца в Бахчисарае» главным просчетом стало несоответствие выполненных работ первоначальному, одобренному императором, замыслу о максимальном сохранении «восточного» облика дворца: «…воля Государя императора, дабы дворец был выстроен в Азиатском вкусе, не исполнена, ибо многие части онаго совершенно по Европейской архитектуре сооружаются; …многие материалы – дурной работы, и потому в строении не может быть большой прочности; …все украшения, как внутренние, так и наружные, некрасивы и не в восточном вкусе». Сам Колодин был назван человеком «малоспособным и нестарательным ни к пользам казны, ни к украшению дворца, возложенного на его ответственность» [там же, с. 161]. Воронцов в письме назначенному в конце 1823 г. вместо Н. И. Перовского таврическому губернатору Д. В. Нарышкину, также акцентировал внимание на стилистических изъянах, нарушавших архитектурный облик всего комплекса: «Ханский Дворец отделывается совсем несоответственно с предположениями Правительства, которое имело главнейшею целью восстановить оный в первобытный вид, т.е. в древнем азиатском вкусе» [там же, с. 162].

Вторила данному мнению и сформированная несколько позднее (2 августа 1824 г.) также по инициативе Воронцова «особая Комиссия» для изучения перестроек во дворце, в которую входил ещё один присланный из Одессы архитектор Ф. Ф. Эльсон. Согласно её «Заключению» работы под руководством Колодина были проведены «не с тем тщанием, которое было нужно для возобновления дворца по предложениям Правительства, в виде достойного памятника азиатского зодчества, которое собственно всю его составляет примечательность». Комиссия отмечала два отступления от утвержденной сметы, которые стали «главнейшими»: «1) внутри двора, на левой стороне от въездных ворот, был флигель летний в два этажа с галереею, и в нем по верхнему этажу 5 комнат и 2 сенцов, а внизу 3 лавки, которое строение назначено было в том же виде исправить; вместо того сделано зимнее жилье европейское, вверху, при галерее, с 5 комнатами и 2 сенцами, а внизу кухня. 2) У задних ворот на правой стороне был флигель же в 2 этажа и под воротами комната, что также только должно бы поправить, а вместо того сделано совсем новое европейское строение для помещения дворцовых инвалидов и смотрителя, с конюшнею, сараем и сеновалом…» [там же, с. 167–168]. Перерасход же средств на ремонт и переустройство дворцовых построек оказался не столь высоким и оставшейся суммы в размере 96 760 руб. 7 ¾ коп., по мнению «особой Комиссии», вполне хватало для окончания всех запланированных работ [там же, с. 168].

Таким образом, ключевым упущением был признан не снос исторических зданий, осуществленный в рамках согласованного Строительным Комитетом проекта, а переделка в «европейском» стиле «летнего флигеля» (т.н. Корпус стражи) слева от Главных северных ворот и флигеля у задних ворот дворцового комплекса (т.н. Конюшенный корпус). Кроме того, просчётом стало отсутствие фиксации оригинальных орнаментов и росписи внутренних покоев, в результате чего «оставалось только заменять ее по произволу живописца, чем приметно теряется вся существенность внутри строения» [32 с. 168].

Сам Колодин, оправдываясь по поводу допущенных нарушений, утверждал, что здания «в европейском вкусе» были построены по «словесному приказанию» отставленного таврического губернатора Перовского, по его же согласованию был изменен и первоначальный облик «восьмиугольной башни»[5] [там же, с. 165]. И позднее Воронцов признал веским это оправдание. В письме к управляющему министерством внутренних дел В. С. Ланскому от 6 апреля 1825 г. новороссийский губернатор отмечал, что вовсе не Колодин «был главным действующим лицом» в возникших «упущениях и беспорядках» при ремонте Бахчисарайского дворца, а что именно Перовский «более или менее» принимал участие в наиболее скандальных и ошибочных решениях [там же, с. 169]. Нужно отметить, что Перовский и ранее неоднократно отмечался в недостаточном внимании к уникальным памятникам восточного наследия в Крыму. В марте 1822 г. именно после личной беседы с таврическим губернатором, бывший министр внутренних дел Кочубей решил исключить из числа приоритетных, а значит предназначенных к сохранению за счёт казны, турецкие и крымско-татарские памятники старины, зафиксированные в рапорте Кёлера [46, с. 38; РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 2, л. 129–132об., 134–136об.].

По итогам всех разбирательств и по настоянию Воронцова Колодин был отстранен от дальнейшего переустройства Бахчисарайского дворца, но из Крыма не уехал и продолжил свою работу по возведению Соборной церкви и присутственных мест в Симферополе [32, с. 169]. Для завершения ремонта в Бахчисарае в 1825 г. был назначен архитектор Ф. Ф. Эльсон, ранее входивший в состав вышеназванной «особой Комиссии». Успев ознакомиться с архитектурными, композиционными особенностями объекта, а главное – с требованиями начальства, к моменту своего назначения он подготовил обновленные планы переделок дворца. При этом пользовался англичанин по происхождению Эльсон наработками и рисунками, выполненными еще в правление Павла I шотландцем У. Хейсти для которого, по замечанию современных исследователей архитектурно-художественного наследия мастера, «точность воспроизведения в чертежах не являлась авторитетом. В духе времени он позволял себе «реконструировать» несохранившиеся детали, заимствуя их из аналогичных построек» [30, с. 222–223; о Хейсти см.: 52, с. 124–187]. Таким образом, Эльсон, используя творческие замыслы коллеги, мог дополнять оригинальные постройки уже своими адаптированными к окружающей действительности авторскими архитектурно-декоративными репликами. Новый проект на этот раз напрямую утвердил император Александр I [32, с. 171].

Сам император в 1825 г. во время своего второго визита в Крым имел возможность непосредственно оценить проделанные во дворце работы. Как известно, на этот раз в Бахчисарай он прибыл 29 октября и остановился в специально подготовленном для него дворцовом флигеле, где была сделана новая лестница из тесанного камня с поручнем на столбах, внутри устроены обитые шелком диваны, повешена люстра и т.д. [32, с. 171; см. также: 15, с. 31–32]. Из дневника, сопровождавшего Александра I в путешествии врача Д. К. Тарасова известно, что на следующий день, то есть 30 октября, царь уже традиционно встретился с таврическим муфтием и местным мусульманским духовенством, посетил Большую Ханскую мечеть и, расположившись в её «скрытых хорах»[6], тайно наблюдал за ритуальными танцами дервишей, а вечером в сопровождении генерала Кая бея Балатукова «присутствовал на обряде обрезания и брака», проходившими в частном татарском доме [47, с. 184]. 31 октября с утра Александр I в сопровождении свиты и мусульманских старейшин отправился на Чуфут-Кале[7], где, как и в первый свой визит в 1818 г., сначала посетил «синагогу» (кенасу), а затем в доме «начальника караимов» отведал «великолепную закуску из всех богатых сластей Востока». Неназванный хозя-

[5] Т. н. Соколиная башня была полностью разобрана еще в 1822 г. вместе со «старым» гаремом, но тогда же и «поднята снова под крышу по старому фасаду» [32, с. 157].

[6] По-видимому, находился в особой ханской ложе (хункар мафиль), куда можно было попасть извне, поднявшись по деревянной лестнице [20, с. 719]

[7] По другим данным, поездка на Чуфут-Кале состоялась 30 октября [см.: 10, с. 75; 18, с. 20; 14, с. 25–26].

ин, также как и в прошлый раз Вениамин бен-Самуил Ага (он умер в 1824 г.), «вопреки закону караимов» познакомил императора со своим семейством: женами и детьми, которые жили в отдельном «серале»[8]. Тарасов, в связи с этим, специально отмечал, что «некоторые из жен очень красивы, но чрезвычайно бледны…Весь этот гарем был одет очень богато в восточном вкусе» [там же, с. 185]. На обратном пути Александр I посетил Успенский монастырь, где к этому времени уже жили два отшельника-монаха. Император вместе со свитой поднялся к высеченной в скале церкви, где «приложился к св. иконе Божией Матери», а затем осмотрел кельи иноков. По возвращению в Бахчисарай состоялся обед, после которого царственная делегация отправилась в Евпаторию [там же, с. 186].

Что касается впечатлений о состоянии дворца у участников высочайшего визита, то, например, по отзыву все того же Тарасова, ханский дворец «сохранен вполне и содержится точно в том виде, в котором он был при ханах». Критика касалась только вспомогательных построек («принадлежностей надворных»), которые, «как видно, с самого покорения Крыма не восстанавливаются и не поддерживаются». В частности, воспетый в поэме А. С. Пушкина «бахчисарайский фонтан» (и менее возвышенно описанный поэтом в переписке с А. А. Дельвигом [41, с. 386–387]) оставался неотреставрированным, находился внутри гарема, окруженный обветшалыми диванами [47, с. 183]. Со стороны самого Александра I нарекания по поводу проводимых уже непосредственно Эльсоном восстановлений и ремонта дворца, если и были, то, по-видимому, минимальные. О доверии к работе архитектора косвенно свидетельствует тот факт, что во время своего пребывания в Бахчисарае царь передал ему собственноручную записку с повелением составить план построек в приобретенном им накануне имении в Ореанде [4, с. 442]. Естественно, что в случае негативного впечатления от работ архитектора, такое поручение не состоялось бы. Следует отметить, что эта работа была выполнена Эльсоном, план строений Ореанды составлен и дополнительно даже был спроектирован проект будущего дворца, который должна была утвердить императрица[9] [16, с. 149–150].

Под руководством Эльсона ремонтно-восстановительные работы в Бахчисарайском дворце были завершены только в 1831 г. В целом, архитектор справился с поставленной задачей. Современники, посещавшие Бахчисарайский дворец в конце 20-х и первой половине 30-х гг. XIX в. неизменно положительно отзывались о ремонте, в результате которого удалось сохранить, отчасти воссоздать заново «азиатский» облик ханской резиденции [см., например: 59, p. 15; 2, с. 161–163; 35, с. 169–170; 17, с. 273–276; 60, p. 102]. О высоком профессионализме Эльсона и глубоком погружении в местную специфику говорит и тот факт, что архитектор удачно применял восточные элементы, в том числе архитектурно-орнаментальные решения заимствованные из ханского дворца, в некоторых своих новых проектах в Крыму (например, кухня загородного дома Воронцова в парке «Салгирка», ряд частных построек на Южном берегу Крыма) [13, с. 59–64; 57, с. 77–80].

В общей сложности растянувшийся на девять лет ремонт Бахчисарайского дворца обошелся казне в огромную сумму в размере 188 188 руб. 99 ½ коп. [32, с. 175]. Это были беспрецедентные для региона траты на подобные цели. Для сравнения, согласно утвержденному 4 июля 1822 г. императором Александром I положению Комитета министров на сохранение всех памятников древности в Крыму было выделено всего 10 000 руб. [39, т. 38, № 29105], но даже эти, весьма скромные средства, так и не были израсходованы по прямому назначению [26].

---

[8] Многоженство не было запрещено в караимизме, и хотя по отзывам более поздних караимских бытописателей в Крыму встречалось крайне редко [62, с. 51–55], но, как видно из воспоминаний Михайловского-Данилевского 1818 г. о семье Беньямин Аги (см. выше) и свидетельству Тарасова 1825 г., среди лидеров общины Чуфут-Кале в н. XIX века являлось вполне обыденным.

[9] В записке М. С. Воронцова сказано, что архитектор выполнил проект фасада по собственной инициативе [4, с. 442].

В завершении, следует отметить, что первоначальная идея инициированных в правление Александра I ремонтно-восстановительных работ в Бахчисарайском дворце состояла не только в том, чтобы планово отремонтировать аварийные постройки. Важной задачей являлось, по возможности, сохранить оригинальный архитектурный ансамбль объекта. Попытка реализации данной цели стала возможной благодаря непосредственной поддержке императора, который сначала утвердил прошедший экспертизу в Строительном Комитете план Колодина по ремонту дворца, а затем скорректированный проект Эльсона. При этом понимание уникальности объекта, а значит и необходимости его поддержки, не в последнюю очередь возникли благодаря личному осмотру памятника Александром I в результате «высочайших визитов» в 1818 и 1825 гг. Подобная задача, с учетом зачаточного реставрационного опыта исполнителей проекта, отсутствия у них квалифицированных знаний об особенностях архитектуры Крымского ханства, и, в целом, непонимания традиций и нюансов многогранной восточной архитектуры, на данном этапе, по-видимому, была неосуществима. В итоге произошедшая замена архитектора Колодина на присланного из Одессы архитектора Эльсона мало повлияла на художественные результаты переделок. Хотя возведение новых построек в «европейской» стилистике прекратилось, но восстановить уже утраченные оригинальные объекты было невозможно. Для качественной реставрации предстояло ещё накопить достаточный объём знаний об уникальном ориентальном архитектурно-художественном наследии новообретенного российского региона, а главное – сформировать общественное понимание необходимости сохранения этого наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Живопись Ханского дворца // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58). С. 1–4.
2. Александер Д. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М.: Аграф, 2008. 304 с.
3. Архив Государственного Совета. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1878. 884 стлб.
4. Архив князя Воронцова. Кн. 36. М.: Университ. тип., 1890. 524 с.
5. Бейм С. Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса: Городская типография, 1858. С. 431–444.
6. Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. От Ярославля до Крыма. М.: Эксмо, 2014. 352 с.
7. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1869. 382+146 с.
8. Боданинский У. О мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму // Собрание сочинений. Т. 1. Научное наследие. Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани, 2019. С. 40–51.
9. Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М.: Вече, 2006. 512 с.
10. Виллие Я.В. Дневник лейб-медика баронета Я.В. Виллие // Русская старина. 1892. Т. 73 (январь-март). С. 69–80.
11. Гернгросс (Всеволодский) В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. № 4–6. Апрель. С. 3–32.
12. Глинка-Маврин Б.Г. Путешествие по России великого князя Михаила Павловича в 1817 г. // Русский архив. 1877. № 7. С. 241–264.
13. Горелов М.В., Столяров О.В. Становление городской архитектурной среды Южного берега Крыма в первой половине XIX века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. № 4. Часть 1. С. 55–66.
14. [Данилевский Н.В.] Подробное описание путешествия государя императора Александра Павловича в Таганрог, Крым, по кавказским горам… М.: Тип. Решетникова, 1829. 73 с.
15. Домбровский Ф. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. Симферополь: Тип. Тавр. Губ. Правления, 1863. 77 с.
16. Дуров Н.П. (Сообщ.) История болезни и последних минут Александра I, перевод с франц. рукописи // Русская старина. 1872. Т. 6 (июль – декабрь). С. 149–158.

17. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. Т. 5, 6 / пер. с фр., предисл и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
18. Заикин И. Последние дни жизни императора Александра I. СПб.: издано И. Заикиным, 1827. 58 с.
19. Зайцев И.В. Дворцовая архитектура Крымского ханства // История крымских татар: в 5 т. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 656–686.
20. Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура Крымского ханства // История крымских татар: в 5 т. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 692–742.
21. Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 469 с.
22. Ибрагимова А.М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2015. 360 с.,
23. Кондаков Н.П. О Бахчисарайском дворце и его «реставрации» // Искусство и Художественная Промышленность. 1899. № 6. С. 435–452.
24. Конкин Д.В. Обзор деятельности Новороссийского комитета (1801-1803 гг.). По материалам из фондов Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1203–1216.
25. Конкин Д.В. Из истории ремонтных работ в Бахчисарайском дворце в конце XVIII в.: хроника восстановлений и разрушений // МАИЭТ. 2023. Вып. 28. С. 617–632.
26. Конкин Д.В. К вопросу о начале целевого государственного финансирования мероприятий по охране крымских памятников старины в Российской империи // IV Свято-Владимирские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси, Севастополь, 4–8 сентября 2023 г. Симферополь: Ариал, 2023. С. 68–70.
27. Конкин Д.В. О роли Романовых в организации ремонтно-реставрационных работ Бахчисарайского дворца в конце XIX – начале XX вв. // История и археология Крыма. 2023. Вып. 20. С. 326–338.
28. Котов И.И. Бахчисарайский дворец // Зодчий. 1896. 25-й год. Вып. 1 (янв.). С. 1–5.
29. Кравчук А.С. Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 244 с.
30. Красносельская Н.Ю. Чугунное литьё в проектах мостов архитектора Гесте // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 1. С. 220–230.
31. Маленко А.Ю. «Была пора: Екатеринин век…». Екатерина II и Крым. По страницам документов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. 328 с
32. Маркевич А.И. К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 130–176.
33. Михайловский-Данилевский А.И. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. Т. 91 (июль – сентябрь). С. 69–102, 333–356.
34. Михайловский-Данилевский А.И. Записки. 1818 год // Исторический вестник. 1892. Т. 48. С. 360–373, 617–634.
35. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев: Стилос, 2011. 416 с.
36. Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 13. № 3 (март). С. 625–691.
37. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Ганцев В.К. Бахчисарайский Ханский дворец как объект культурного (археологического) наследия (по материалам раскопок 2018–2019 гг.) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 21–22 октября 2020 г. Симферополь: Ариал, 2020. С. 104–117.
38. Османов Э.Э. Бахчисарай в середине XVIII – начале XXI вв. М.: НИИ ИЭП, 2019. 321 с .
39. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
40. Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым / отв. ред. К.Ф. Затулин. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2012. 336 с.
41. Пушкин А.С. Письмо Дельвигу А.А., середина декабря 1824 г. – первая половина декабря 1825 г.

Михайловское // Переписка А.С. Пушкина: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 385–388.
42. Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.
43. С. П. [Познанский С.] Ага, Вениамин бен-Самуил // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. I: А–Алмемар. СПб.: Издание Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз и Ефрон, [1908]. Стлб. 382–383.
44. Свиньин П.П. Бакчисарайский дворец (Из путевых записок издателя Отечественных Записок 1825 года) // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. С. 3–27.
45. Смолин В.Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // ИАК. 1917. Вып. 63 С. 121–148.
46. Стевен А. Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54.
47. Тарасов Д.К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. (По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д.К. Тарасова). Петроград: Тип. т-ва А.С. Суворина – «Новое время», 1915. 226 с.
48. Тизенгаузен В.Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. № 8. С. 363–403.
49. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
50. Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е.Е. Кёлера (новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214.
51. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
52. Чекмарёв В.М. Архитектурное наследие британцев в России. 1556–1941 гг. М.: Изд. дом Тончу, 2022. 752 с.
53. Шаманаев А.В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 130. № 3. С. 79–89.
54. Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие / науч. ред. А.С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.
55. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т 4. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1898. 651 с.
56. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. 800 с.
57. Ширяев С.Д. Усадебная культура Крыма в 1820–1840 гг. // Крым. Журнал общественно-научный и экскурсионный. 1928. № 2(8). Вып. II. С. 72–102.
58. Эминов Р.Р. Бахчисарайский дворец-музей. История создания и формирования коллекций (1917–1945). М.: Связь эпох, 2017. 368 с.
59. Alcock Th. Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece, in 1828-9. London: Privately printed by E. Clarke and Son, 1831. viii+227 p.
60. De Ros W. Journal of a tour in the principalities, Crimea, and countries adjacent to the Black Sea, in the years 1835-36. London: John W. Parker & Son, 1855. iv+164 p.
61. Kançal-Ferrari N. Kirim'dan Kalan Miras, Hansaray. Istanbul: Klasic, 2005. 320 s.
62. N.N. [Казас И.И.]. Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4 (август-сентябрь). С. 37–71.

REFERENCES

1. Ainalov D.V. Painting of the Bakhchisarai Palace. *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], Simferopol, 1927, vol. 1, pp. 1–4.
2. Aleksander D. *Rossiia glazami inostrantsa* [Russia through the Eyes of a Foreigner]. Moscow, Agraf Publ., 2008, 304 p.

3. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta* [Archive of the State Council]. St Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya E.I.V. Kantselyarii, 1878, vol. 3, part 1, 884 clm.
4. *Arkhiv kniazia Vorontsova* [Archive of Prince Vorontsov]. Moscow, Universit. Publ., 1890, vol. 36, 524 p.
5. Beim S. Chufut-Kale and its original inhabitants. *Novorossiiskii kalendar' na 1859 god* [Novorossiysk calendar for 1859], Odessa, 1858, pp. 431–444.
6. Bessarabova N.V. *Puteshestvija Ekateriny II po Rossii. Ot Jaroslavlja do Kryma* [Catherine II's travels in Russia. From Yaroslavl to Crimea]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, 349 p.
7. Bogdanovich M.I. *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremia* [The History of the Reign of Emperor Alexander I and Russia in His Time]. St Petersburg, Tip. F. Sushchinskogo, 1869, vol. 1, 382+146 p.
8. Bodaninskij U. About measures for the protection and preservation of monuments of Tatar art in the Crimea. In: *Sobranie sochinenij U. Bodaninskogo* [Collected works of U. Bodaninsky], Kazan, Simferopol, 2019, vol. 1, pp. 40–51.
9. Bolotina N.Yu. *Knjaz' Potemkin. Geroj epohi Ekateriny Velikoj* [Prince Potemkin. Hero of the Era of Catherine the Great]. Moscow, Veche Publ., 2006, 512 p.
10. Villie Ya.V. Diary of the life physician Baronet J.W. Willie. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 1892, vol. 73, pp. 69–80.
11. Gerngross (Vsevolodskii) V. Khan's Palace in Bakhchisarai. *Starye gody* [Old years], 1912, no. 4–6, pp. 3–32.
12. Glinka-Mavrin B.G. The Journey through Russia of Grand Duke Mikhail Pavlovich in 1817. *Russkij arhiv* [Russian archive], 1877, no. 7, pp. 241–264.
13. Gorelov M.V., Stolyarov O.V. The Urban Architectural Environment Formation of the Crimea Southern Coast in the First Third of the XIX Century. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik MGHPA* [Decorative Art and environment. Gerald of the MGHPA], 2020, no. 4, part 1, pp. 55–66.
14. [Danilevskii N.V.] *Podrobnoe opisanie puteshestviia gosudaria imperatora Aleksandra Pavlovicha v Taganrog, Krym, po kavkazskim goram*…[A detailed description of the Journey of Emperor Alexander Pavlovich to Taganrog, Crimea, through the Caucasus mountains]. Moscow, Reshetnikov Publ., 1829, 73 p.
15. Dombrovskii F. *Dvorets krymskikh khanov v Bakhchisarae* [The Palace of the Crimean Khans in Bakhchisarai]. Simferopol, Tip. Tavr. Gub. Pravleniia, 1863, 77 p.
16. Durov N.P. The history of the illness and last minutes of Alexander I. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 1872, vol. 6, pp. 149–158.
17. Dubois de Montpereux F. *Voyage across the Caucasus,to the Circassians and Abkhazians, in Georgia, Armenia and Crimea. Vol. 5, 6*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
18. Zaikin I. *Poslednie dni zhizni imperatora Aleksandra I* [The Last Days of the Life of Emperor Alexander I]. St Petersburg., I. Zaikin Publ., 1827, 58 p.
19. Zaitsev I.V. The Palace Architecture of the Crimean Khanate. In: *Istoriia krymskikh tatar. Vol. III. Krymskoe khanstvo (XV–XVIII vv.)* [History of the Crimean Tatars. Vol. 3. Crimean Khanate (15th–18th centuries)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of AS RT Publ., 2021, pp. 656–686.
20. Zilivinskaya E.D. Religious architecture of the Crimean Khanate/ In: *Istoriia krymskikh tatar. Vol. III. Krymskoe khanstvo (XV–XVIII vv.)* [History of the Crimean Tatars. Vol. 3. Crimean Khanate (15th–18th centuries)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of AS RT Publ., 2021, pp. 692–742.
21. Ibneeva G.V. *Imperskaja politika Ekateriny II v zerkale vencenosnyh puteshestvij* [The Imperial Policies o f Catherine II in the Mirror Regal Travels]. Moscow, Pamjatniki istoricheskoj mysli Publ., 2009, 469 p
22. Ibragimova A.M. *Bahchisarajskij Hanskij dvorec XVI–XVIII vv*. [Bakhchisarai Khan's Palace of the XVI–XVIII centuries]. Kiev, Oleg Filjuk Publ., 2015, 354 p.
23. Kondakov N.P. About the Bakhchisarai Palace and its restoration. *Iskusstvo i Hudozhestvennaja Promyshlennost'* [Art and the Art Industry], 1899, no. 6, pp. 435–452.
24. Konkin D.V. A Review of the Works of the New Russia Committee (1801–1803) (According to the Russian State Historical Archive Collection). *Vestnik arkhivista* [Herald of Archivist], 2021, no. 4, pp.1203–1216.
25. Konkin D.V. From the History of Repair Works in the Palace of Bakhchisarai in the Late Eighteenth Century: a Chronicle of Reconstructions and Destructions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 617–632.

26. Konkin D.V. On the issue of the beginning of targeted state financing of measures for the protection of Crimean antiquities in the Russian Empire. *IV Sviato-Vladimirskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [IV St. Vladimir's readings. Materials of the All-Russian Scientific Conference], Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 68–70.
27. Konkin D.V. About the role of the Romanovs in the organization of repair and restoration work of the Bakhchisarai Palace at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archeology of Crimea], 2023, vol. 20, pp. 326–338.
28. Kotov I.I. The Bakhchisarai Palace. *Zodchij* [Zodchiy], 1896, no. 1, pp. 1–5.
29. Kravchuk A.S. *Dela i dni: tavricheskie gubernatory, 1802–1854 gody* [Affairs and days: Tauride governors, 1802-1854]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2019, 244 p.
30. Krasnoselskaia N.Yu. Iron casting in bridge designs by the architect W. Hastie. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik MGHPA* [Decorative Art and environment. Gerald of the MGHPA], 2015, no. 1, pp. 220–230.
31. Malenko A.Yu. *«Byla pora: Ekaterinin vek…». Ekaterina II i Krym. Po stranitsam dokumentov* [Catherine II and the Crimea. By pages of documents]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2013, 328 p.
32. Markevich A.I. On the history of the Khan's Bakhchisarai Palace. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1895, no. 23, pp. 130–176.
33. Mikhailovskii-Danilevskii A.I. From the memoirs of Mikhailovsky-Danilevsky. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 1897, vol. 91, pp. 69–102, 333–356.
34. Mikhailovskii-Danilevskii A.I. Notes. The year 1818. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1892, vol. 48, pp. 360–373, 617–634.
35. Montandon Ch. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu* [Traveler's Guide to the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2011, 416 p.
36. Murzakevich N.N. A trip to the Crimea in 1836. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1837, part 13, no. 3, pp. 625–691.
37. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Gantsev V.K. Bakhisaray Khans Palace as an Object of Cultural (Archeological) Heritage. Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Kryma. Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Simferopol', 21–22 oktiabria 2020 g. [*Topical issues of protection and use of the cultural heritage of Crimea. Materials of the VII All-Russian Scientific and practical conference. Simferopol, October 21–22, 2020*], Simferopol, Arial Publ., 2020, pp. 104–117.
38. Osmanov E.E. *Bahchisaraj v seredine XVIII – nachale XXI vv*. [Bakhchisarai in the middle of the XVIII – early XXI centuries]. Moscow, NII IEP Publ., 2019, 321 p.
39. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting]. St Petersburg, SEIV Kanceljarii Publ., 1830.
40. Zatulin K.F. (ed.). *Put' na pol'zu: k 225-letiiu puteshestviia Ekateriny Velikoi v Novorossiiu i Krym* [The Way to Benefit: on the 225th Anniversary of Catherine the Great's Journey to Novorossiya and Crimea]. Moscow, Institute of CIS Countries Publ., 2012, 336 p.
41. Pushkin A.S. Letter to A.A. Delvig, mid-December 1824 – the first half of December 1825. Mikhailovskoye. *Perepiska A.S. Pushkina* [Correspondence of A.S. Pushkin], Moscow, Artistic literature Publ., 1982, vol. 1, pp. 385–388.
42. Leskinen M.V., Khavanova O.V. (eds.) *Romanovy v doroge. Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu* [The Romanovs are on the road. Travels and trips of members of the royal family in Russia and abroad]. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, 320 p.
43. S.P. [Poznanskii S.] Aga, Veniamin ben-Samuil. *Evreiskaia entsiklopediia* [Jewish Encyclopedia]. St.-Petersburg, Brokgauz i Efron Publ., [1908], vol. 1, pp. 382–383.
44. Svin'in P.P. Bakhchisarai Palace. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 1827, part 29, pp. 3–27.
45. Smolin V.F. A brief outline of the history of legislative measures for the protection of ancient monuments in Russia. *Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii* [News of the Archaeological Commission], 1917, vol. 63, pp. 121–148.
46. Steven A. Cases of the Archive of the Tauride Provincial Government, related to the search, description and preservation of historical monuments within the Taurida province. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi*

arkhivnoi komissii [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1891, no. 13, pp. 33–54.
47. Tarasov D.K. *Imperator Aleksandr I. Poslednie gody tsarstvovaniia, bolezn', konchina i pogrebenie* [Emperor Alexander I. The last years of his reign, illness, death and burial]. Petrograd, A.S. Suvorin–Novoe vremia Publ., 1915, 226 p.
48. Tizengauzen V.G. On the preservation and renovation of ancient monuments in the Crimea, and on the publication of their descriptions and drawings. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1872, no. 8, pp. 363–403.
49. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science about the classical antiquities of the south of Russia (18th – mid 19th century)]. St Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
50. Tunkina I.V. The Academic Archaeological Expedition to South Russia (Novorossiya Province) in 1821 under the Direction of Academician H.K.E. Köhler. New Archival Data. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history], 2013, no. 1, pp. 197–214.
51. Wortman R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. Vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I.] . Moscow, OGI Publ., 2002, 608 p.
52. Chekmarev V.M. *Arkhitekturnoe nasledie britantsev v Rossii. 1556–1941 gg*. [The Architectural Heritage of the British in Russia. 1556–1941]. Moscow, Hause Tonchu Publ., 2022, 752 p.
53. Shamanaev A.V. Catherine II's and Alexander I's journeys to Crimea as a factor in the establishment of the system of North Black Sea region historic preservation. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, vol. 16, no. 3(130), pp. 79–89.
54. Shamanaev A.V., Zyrianova S.Iu. *Okhrana kul'turnogo naslediia v Rossiiskoi imperii: uchebnoe posobie* [Protection of cultural heritage in the Russian Empire: a tutorial]. Ekaterinburg, Ural. university Publ., 2018, 132 p.
55. Shilder N.K. *Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander I. His Life and Reign]. St Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1898, vol. 4, 651 p.
56. Shilder N.K. *Imperator Nikolai I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His Life and Reign]. St Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1903, vol. 1, 800 p.
57. Shiriaev S.D. The estate culture of the Crimea in 1820-1840. *Krym. Zhurnal obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi* [Crimea. Journal of social-scientific and sightseeing], 1928, no. 2(8), vol. II, pp. 72–102.
58. Eminov R.R. *Bahchisarajskij dvorec-muzej. Istorija sozdanija i formirovanija kollekcij (1917–1945)* [Bakhchisarai Palace-museum. The history of the creation and formation of collections (1917–1945)]. Moscow, Svjaz' epoh Publ., 2017, 368 p
59. Alcock Th. *Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece, in 1828-9*. London, Privately printed by E. Clarke and Son, 1831. viii+227 p.
60. De Ros W. *Journal of a tour in the principalities, Crimea, and countries adjacent to the Black Sea, in the years 1835-36*. London, John W. Parker & Son, 1855. iv+164 p.
61. Kançal-Ferrari N. *Kirim'dan Kalan Miras, Hansaray*. Istanbul, Klasic, 2005. 320 s.
62. N.N. [Kazas I.I.]. General notes on Karaites. *Karaimskaia zhizn'* [Karaite life], 1911, book 3–4, pp. 37–71.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.491-499

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ И КАРАНТИННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Дмитрий Анатольевич Прохоров[1]
Наталья Дмитриевна Борщик[2]
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
[1] *prohorov1da@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9162-4705*
[2] *arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381*

Аннотация. В статье рассмотрены информационные возможности источникового комплекса разноплановых по содержанию документов, хранящихся в Государственном архиве Республики Крым (г. Симферополь), которые содержат сведения о деятельности таможенных и карантинных учреждений имперского периода. Крымский полуостров, вошедший в состав Российской империи в 1783 г., для центральных властей оставался значимым и стратегически важным регионом на южных рубежах государства, форпостом российской внешней и таможенной политики. Одновременно здесь создавалась система карантинных учреждений с целью предупреждения проникновения на территорию Империи и подавления островирусных заболеваний. В этом отношении Крым во многом был «пилотным» краем, где деятельность таможенных и карантинных учреждений стала своеобразным эталоном, распространявшимся по всей территории России. Архивные документы дают полное представление обо всем многообразии функций органов таможенного и карантинного контроля на полуострове, позволяют провести научную реконструкцию истории деятельности этих учреждений, проанализировать специфику организации их работы, проследить за основными направлениями операций по экспорту и импорту, которые реализовывались крымскими таможнями. Одним из важных компонентов исследования стала возможность выявить на основе архивных документов особенности административной коммуникации в структурах таможенных и карантинных учреждений, получить данные об их чиновничье-бюрократическом составе.

Ключевые слова: Российская империя, Таврическая губерния, Крымский полуостров, таможни, карантины, XIX век, источниковедение

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01285 «Таможенные органы, пограничная стража и карантины Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи (вторая половина XIX в.)», https://rscf.ru/project/24-28-01285

WORKS OF THE RUSSIAN EMPIRE'S CUSTOMS AND QUARANTINE OFFICES IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY ACCORDING TO THE DOCUMENTS FROM THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF THE CRIMEA

Dmitrii A. Prokhorov[1]
Natal'ia D. Borshchik[2]
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
[1] *prohorov1da@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9162-4705*
[2] *arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381*

Abstract. This article examines the information capabilities of the complex of documents of various contents residing in the State Archive of the Republic of the Crimea (Simferopol), supplying information on the works of customs and quarantine institutions in the Russian Imperial Period. The Crimean Peninsula, which entered the Russian Empire in 1783, from that time on was considered a significant and strategically important region by the central authorities, because of its location on the southern borders and the role of an outpost of the Russian foreign and customs policy. Simultaneously, there appeared a system of quarantine institutions created with the aim of prevention of viral diseases before they entered the Empire or suppression of them. In this regard, the Crimea became the "testing ground" for the customs and quarantine institutions, later spread through all Russia according to the "Crimean standard". The archival documents suggest a complete picture of the diversity of functions of customs and quarantine control in the Crimean Peninsula, allowing the scholarly reconstruction of the history of the works of these institutions, the analysis of the features of the organization of their work, and the tracing of the main directions of export and import operations covered by the Crimean customs. Among the most important aspects of the given research, there is the possibility to use the archival documents as the background to identify the features of administrative communication in the structures of the customs and quarantine institutions and to obtain the account of their official and bureaucratic composition.

***Key words*:** Russian Empire, Taurida governorate, Crimean Peninsula, customs, quarantines, nineteenth century, source studies

Acknowledgments: this research has been funded by the grant from the Russian Science Foundation no. 24-28-01285 *Custom Bodies, Border Guards, and Quarantines in the Crimean Peninsula within the State Government System of the Russian Empire (Second Half of the Nineteenth Century)*, https://rscf.ru/project/24-28-01285

Изучение проблем таможенного регулирования и карантинного контроля – актуальная тема для современных исследований. Таможенная государственная политика во всех странах мира призвана стабилизировать экономику, регулируя доходность экспорта и импорта товаров. Проблемы распространения инфекционных заболеваний, эффективные методы борьбы с эпидемиями и сегодня вызывают массовый интерес у общественности. Поэтому вполне логично, что в последние годы появились исследования, затрагивающие вопросы создания таможенных и карантинных учреждений в России; активно изучаются вопросы их внутренней организации, этапы формирования бюрократического аппарата, исторический опыт деятельности и т.п. [1, с. 9–20; 4, с. 8–16; 7, с. 327–328; 8–9; 11, p. 528–537; 12, p. 1506–1513]. Тем не менее, необходимо констатировать, что история функционирования таможен и карантинов в Таврической губернии во второй половине XIX в. не получила должного освещения, а многие эпизоды, связанные с их непосредственной работой, в настоящий момент изобилуют лакунами, так как большинство архивных документов по данной тематике ранее не попадали в поле зрения исследователей.

Целью настоящей публикации стал анализ документов, отложившихся в Государственном архиве Республики Крым (далее – ГАРК), дающих представление о функциях и деятельности таможенной и карантинной сети Крымского полуострова во второй половине XIX в., обусловленный назревшей необходимостью продемонстрировать их информационный потенциал. Актуальность исследования состоит и в том, что значительная часть выявленных материалов ранее не вводилась в научный оборот. В ходе работы над статьей привлекались архивные документы об учреждении и деятельности крымских таможен, рапорты и донесения представителей региональной администрации, формулярные списки служащих и иная документация. Следует отметить, что уже реализованный авторами настоящей статьи проект «Таможенные органы Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи конца XVIII – середины XIX в.» (грант РФФИ № 18-09-00480, 2018–2019 гг.) позволил провести первичный анализ структуры и кадровой обеспеченности крымских таможенных учреждений. В частности, составлен и самостоятельный электронный ресурс – электронная база данных

чиновников, проходивших службу в таможенных учреждениях Крымского полуострова [10]. Дальнейшее наполнение просопографической базы данных чиновников крымских таможенных учреждений XIX в. позволит в полной мере изучить «коллективный портрет» российского чиновничества, созданный на основе статистической обработки данных исторических источников.

Крымский полуостров, вошедший в состав Российской империи в 1783 г. согласно указа Екатерины II [ПСЗРИ, 1830, Т. 21, с. 897–898], представлял собой уникальный регион, являясь практически форпостом на пути возможного проникновения инфекций в страну [4, с. 8–16]. Созданные здесь по российскому образцу таможенные учреждения и их персонал, действуя в сложных геополитических условиях внешнеполитического противостояния с Османской империей, а позже (в ходе Крымской войны 1853–1856 гг.) – с коалицией западноевропейских стран, приобретали необходимый опыт, распространяемый центральными властями на другие участки государственной границы [11, p. 528–537; 12, p. 1506–1513].

Таврическая губерния, образованная по указу Александра I в 1802 г. [ПСЗРИ, 1830, Т. 27, с. 288–291], имела сложное административно-территориальное устройство. В XIX – начале XX в. в состав губернии, помимо материковых территорий, входил Крымский полуостров, разделенный на пять уездов: Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский, Ялтинский, Перекопский. Здесь же располагались четыре учрежденные в разное время градоначальства: Феодосийское, Севастопольское, Керчь-Еникальское и Ялтинское. Территориально градоначальства входили в состав Таврической губернии, но административно были самостоятельны, градоначальники подчинялись напрямую министру внутренних дел [2, с. 130–139]. Особенности административно-территориального устройства привели к одновременному наличию в Крыму властных структур Таврической губернии, нескольких градоначальств, отдельных таможенных и карантинных округов, что порой усложняло принятие своевременных и адекватных управленческих решений [1, с. 9–20].

После вступления в 1857 г. в действие нового Таможенного устава по Европейской торговле и принятия нового таможенного тарифа в Российской империи структура таможенных учреждений была подвергнута реформированию. Так, например, таможенное отделение Департамента внешней торговли Министерства финансов после передачи части функций преобразовали в Департамент таможенных сборов Министерства финансов.

Реорганизация отечественных таможенных органов периода Империи проводилась неоднократно и была оправдана стремлением к более эффективному исполнению таможенными органами первоочередных задач внутренней и внешней политики Российского государства. Одним из таких нормативов стал подписанный 24 июня 1811 г. Манифест об «Учреждении Таможенного управления по Европейской торговле», упорядочивший состав таможенных органов Российской империи, а также обозначивший права и обязанности начальников таможенных округов и других чиновников; им предусматривались льготы по службе и меры ответственности. Согласно тексту, изложенному в гл. 1 «Учреждение таможенных округов» Манифеста, на территории Крымского полуострова был образован Феодосийский таможенный округ, состоявший из Феодосийской и Евпаторийской таможен и Балаклавской, Еникальской, Керченской и Бугаской застав [ПСЗРИ, 1830, Т. 31, с. 680–685]. В 1860 г. были учреждены должности начальников Феодосийского и Таганрогского таможенных округов; резиденция первого располагалась в Феодосии, второго – в Керчи соответственно. Череда реорганизаций привела к объединению этих округов в один – Южный, управление которым в 1887 г. было переведено в Одессу [5, с. 69–70].

Сегодня в ГАРК на хранении находятся досоветские фонды таможенных учреждений Таврической губернии: «Евпаторийская таможня» (Ф. 369, 2605 ед. хр., 1784–1920 гг.), «Керченская таможня» (Ф. 359, 2112 ед. хр., 1832–1920 гг.), «Феодосийская таможня»

(Ф. 221, 1509 ед. хр., 1783–1920 гг.), «Ялтинская таможня» (Ф. 220, 655 ед. хр., 1875–1920 гг.) и «Перекопская таможня» (Ф. 439, 4 ед. хр., 1798 г.).

В корпусе документов, отложившихся в указанных фондах, непосредственный исследовательский интерес представляют: именные указы и постановления, указы Сената, мнения Государственного Совета (принимавшиеся по наиболее важным вопросам), циркуляры Департамента внешней торговли и Департамента таможенных сборов. Документы Министерства финансов (правила и распоряжения, регламентировавшие процедурные вопросы торговых взаимоотношений между странами, порядок взимания пошлин за различные виды товаров, пресечение контрабанды и прочее) относятся к подзаконным актам, напрямую регламентировавшим деятельность таможенных учреждений Российской империи.

Обращают на себя внимание предписания Феодосийского, Керчь-Еникальского градоначальников, начальников Феодосийского, Южного таможенных округов о прибытии иностранных судов и о правилах досмотра, ввоза и вывоза товаров, о сборе таможенных пошлин, о конфискации контрабанды, об открытии и закрытии таможенных учреждений. В процессе работы с материалами фонда выявлены документы об изменении таможенных уставов, о запрещении выезда из России и въезда политических эмигрантов, а также о запрете провоза оружия. Имеются годовые отчеты о работе таможен, в которых отражена информация о категориях товарооборота, о суммах, поступивших для растаможивания товаров. Также приведены сведения о движении судов, о числе экспортируемых и импортируемых товаров, справочных ценах на них; встречаются сообщения о крушении в Черном море судов и другие материалы.

Помимо таможен, на Крымском полуострове действовали таможенные переходные пункты, занимавшиеся сбором пошлин с провозимых товаров, пресечением контрабанды. В Таврической губернии последовательно были открыты: Алуштинский таможенный переходный пункт – в 1819 г. (Ф. 245, 98 ед. хр., 1900–1916 гг.), Ак-Мечетский – в 1835 г. (Ф. 368, 105 ед. хр., 1836–1920 гг.) и Бакальский – в 1899 г. (Ф. 171, 24 ед. хр., 1900–1916, 1917–1920 гг.). В корпусе дел указанных фондов: циркуляры и распоряжения Министерства финансов, торговли и промышленности, Департамента таможенных сборов, распоряжения начальников Феодосийского, Крымского и Южного таможенных округов о приеме заграничных судов, о наблюдении за привозимыми товарами, о порядке взимания пошлин, об открытии переходных пунктов и о выдаче паспортов для выезда за границу. Высоким информационным потенциалом обладают ведомости учета привоза и вывоза товаров, документы о ввозе товаров малым каботажем. Таможенные переходные пункты в Таврической губернии были ликвидированы с окончательным установлением на территории Крымского полуострова советской власти в 1920 г.

Судакский таможенный пост (Ф. 223, 75 ед. хр., 1899–1920 гг.), занимавшийся сбором пошлин с провозимых товаров, открылся в 1899 г. под названием «Судакский таможенный переходной пункт Южного таможенного округа». В 1914 г. его преобразовали в «Судакский таможенный пост Одесского таможенного округа». В делах фонда 223 имеется разнообразная документация, демонстрирующая как внутреннюю организацию работы этого таможенного пункта, так и относящаяся к его непосредственной сфере деятельности. Одними из первых сформированных дел фондообразователя стало «Дело о службе надзирателя Судакского таможенного переходного пункта коллежского секретаря Карпинского» и материалы об увольнении, принятии на службу и перемещении чиновников таможни [ГАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–27]. В перечне делопроизводственной переписки фигурируют: циркуляры, приказы Департамента таможенных сборов, начальника Южного таможенного округа, инспектора Одесского таможенного участка о мерах, направленных на предупреждение распространения эпидемических болезней, о порядке выдачи навигационных билетов судам для мореплавания, о борьбе с контрабандой и контрабандистами, о применении конвенционных тарифов в

торговле с Австро-Венгрией (1906) [ГАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–254], о беспошлинном пропуске сельскохозяйственных орудий в Сибирь переселенцам-старообрядцам (1909) [ГАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–115], об обложении акцизом поваренной соли. Имеются ведомости со сведениями о суммах на содержание досмотрщиков и о порядке предоставления документации [ГАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–63]. Судакский таможенный пост, проработав более 20 лет, был ликвидирован в 1920 г.

В июне 1860 г. были учреждены Феодосийский (позже – Крымский) и Таганрогский (позже – Азовский) таможенные округа; в обязанности их начальников входило руководство деятельностью всех таможенных учреждений. Оба чиновника подчинялись Таможенному управлению Министерства финансов. Дела фондов начальников Крымского таможенного округа (Ф. 361, 174 ед. хр., 1860–1889 гг.) и Азовского таможенного округа (Ф. 600, 12 ед. хр., 1860–1883 гг.), хранящиеся в ГАРК, включают в себя разнообразную деловую документацию. Это прежде всего циркуляры и приказы Министерства финансов, Департамента таможенных сборов о конфискации провозимых запрещенных товаров, фальшивых кредитных билетов (1871), сведения об общем количестве контрабандных дел (1882), а также о предоставлении департаменту сведений секретного характера (1871–1880). Вышестоящему начальству направлялись данные о количестве проходящих судов, о движении грузов и беспошлинных товаров. Среди документов имеется также «Положение о таможенных артелях», учрежденных при крымских таможнях весной 1881 г. [ГАРК. Ф. 600. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–13]. Сохранилась информация о торговле и движении судов, о строительстве таможенных зданий (например, для Керченской таможни в 1860–1864 гг. и для Корабельной конторы при ней в 1873–1880 гг.), данные о численности паровых и гребных судов при таможенных постах. В «Проекте штатов таможенных учреждений Таганрогского округа» (1867–1870 гг.) отложились черновики и служебные записки об организации этого учреждения [ГАРК. Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–224]. Сведения о личном составе присутствуют в деле, озаглавленном «О награждении офицеров Керчь-Еникальской бригады орденами Св. Владимира» [ГАРК. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–23].

В числе одного из перспективных для изучения исследуемой темы фондов следует назвать фонд «Таврическая губернская казенная палата» (Ф. 68, 9030 ед. хр., 1803–1920 гг.). В непосредственном подчинении у казенной палаты находились уездные казначейства, созданные в уездах Таврической губернии в разные годы; палата также контролировала работу крымских таможен. В массиве дел фонда 68 – указы Сената, приказы и циркуляры Министерства финансов, управляющего казенной палатой, сметы государственных доходов, генеральные отчеты Таврической губернской казенной палаты и уездных казначейств о доходах и расходах.

Помимо всего прочего, в делах фонда 68 встречаются документы, непосредственно относящиеся к деятельности карантинов и таможен Таврической губернии, и, в том числе, о службе чиновников этих учреждений. Так, например, в деле 4462 имеется информация о перемещении канцеляриста 3-го разряда Таврической губернской казенной палаты Д. Ризаки на службу в Одесское карантинное управление [ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4462. Л. 1–10]. В деле 4503 собраны документы о переводе помощника контролера казенной палаты канцеляриста 3-го разряда А. Воронежского на службу в Евпаторийскую портовую таможню [ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4503. Л. 1–4]. А в деле 4715 – документы «об исходатайствовании» этому же чиновнику «добавочного к жалованью пособия за время служения его в Евпаторийской таможне» [ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4715. Л. 1–4]. Материалы дел 4537 и 4798 информируют о назначении Таврической губернской казенной палатой в сентябре 1856 г. и в октябре 1857 г. торгов на поставку провианта для Феодосийской роты карантинной стражи [ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4537. Л. 1–6; Д. 4798. Л. 1–6].

Что касается учреждений карантинного контроля, то еще в 1803 г. в Крыму была открыта контора Феодосийского портового карантина. На основании «Карантинного устава» 1832 г. ее реорганизовали в Феодосийское карантинное правление, после чего было

учреждено Керченское карантинное правление. В соответствии с «Уставом о карантинах» 1866 г., оба правления были преобразованы в управления карантинными округами, а в 1907 г. – ликвидированы. В двух тематических фондах архива, «Управление Керченским карантинным округом» (Ф. 242, 496 ед. хр., 1833–1908 гг.) и «Управление Феодосийским карантинным округом» (Ф. 195, 2406 ед. хр., 1806–1907 гг.) собраны разнообразные материалы о работе этих учреждений. Карантинные управления осуществляли врачебно-санитарный надзор за приходящими из-за границы и отходящими судами, принимали меры против распространения инфекционных заболеваний. В делах фондов 195 и 242 – циркуляры МВД, ежегодные и помесячные отчеты о работе карантинных застав, сведения о движении военных и коммерческих судов, данные о строительстве новых кордонов, о борьбе с заразными болезнями. Сохранилась переписка о торговле с иностранными государствами, о взимании таможенных сборов, о санитарном надзоре за привозимыми товарами, а также правила прохода судов через Керченский пролив.

Представление о материально-технической базе карантинных учреждений Крымского полуострова дают дела «об обозрении» зданий и строений чиновниками карантинной службы и медиками, в частности, начальником Одесского карантинного округа [ГАРК. Ф. 242. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–18]; информативны сведения «о возобновлении» деятельности карантинов после Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–512; Д. 693. Л. 2–207; Д. 1555. Л. 1–19]. В комплексе документов «Об аптеке Феодосийской карантинной роты и о предоставлении о ней отчета» сохранились данные за разные годы о существовании аптек и аптечных складов, истории крымской фармации в целом [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1664. Л. 1–112; Д. 1712. Л. 1–66; Д. 1725. Л. 1–43].

Как отдельный вид документации можно рассматривать журналы входящих и исходящих бумаг по секретной части и списки неблагонадежных лиц, которым был запрещен въезд на территорию Российской империи [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1621. Л. 1–85]. Особую ценность представляют сведения о личном составе. В контексте изучения истории формирования чиновничье-бюрократического аппарата карантинных учреждений несомненный интерес вызывают такие документы, как: сметы на содержание учреждений карантинов, формулярные списки и ведомости чинов, награжденных орденами, о приведении к присяге чинов карантинной стражи и т.п. [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1629. Л. 1–3, 4–6; Д. 1636. Л. 1–2].

Первичный анализ данных формулярных списков сотрудников карантинных учреждений Крыма позволяет сделать вывод о наличии необходимого медицинского образования у руководящего состава крымских карантинов, о добросовестном исполнении ими своих профессиональных обязанностей. Например, есть сведения о награждении начальника Керченского карантинного округа Андрея Павловича Савицкого знаком отличия «За беспорочную службу» в 1883 г., об исполнении его обязанностей во время командировки старшим врачом Васильевым и т.д. [ГАРК. Ф. 242. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–16; Д. 78. Л. 1–3].

Полуроты карантинной стражи создавались в соответствии с «Карантинным уставом» 1832 г. и просуществовали вплоть до 1907 г. Эти подразделения занимались санитарной охраной границ, предупреждением распространения инфекционных и эпидемических заболеваний. В ГАРК имеются фонды с материалами о работе Керченской карантинной стражи (Ф. 350, 492 ед. хр., 1854–1908 гг.) и Феодосийской карантинной стражи (Ф. 145, 66 ед. хр., 1857–1905 гг.). Среди документов этих фондов – послужные списки офицеров, рядовых и священнослужителей, документы об укомплектовании полурот карантинной стражи, о выплате личному составу жалования, о вещевом и провиантском снабжении служащих («столовых, квартирных и разного рода суточных и прогонных денег и пособиях офицеров», сведения о «лазаретном, провиантском, приварочном, фуражном и путевом довольствиях» и т. п.) [ГАРК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–5; Д. 27. Л. 1–7]. Имеются также приказы командира Феодосийской полуроты карантинной стражи и распоряжения Керчь-Еникальского градоначальника.

В плане изучения межведомственного взаимодействия интересна переписка руководства Керченского карантина с керченским градоначальником о причинах «3-х дневной обсервации» норвежского парохода «Гида», о задержании «в обсервации» английского теплохода «Тревоуз» и подготовке необходимой разъяснительной документации для консулов этих стран в Крыму [ГАРК. Ф. 242. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–10; Д. 182. Л. 1–8; Д. 186. Л. 1–25].

Нельзя обойти вниманием фонды «Канцелярии Керчь-Еникальского градоначальника» (Ф. 162, 7931 ед. хр., 1837–1920 гг.) и «Управления Керченского торгового порта» (Ф. 601, 11 ед. хр., 1879–1920 гг.). Керчь-Еникальский градоначальник, должность которого учредили в 1821 г., на правах губернатора ведал делами местной полиции, судоходства, торговли, образования, здравоохранения, осуществлял надзор за городским самоуправлением. Его деятельность временно прекращалась в период первого установления советской власти в Крыму (январь – апрель 1918 г.). Должность Керчь-Еникальского градоначальника была окончательно упразднена в ноябре 1920 г.

В делах фонда 162 отложились такие документы, как: указы Сената, циркуляры МВД, Министерства финансов, Департамента внешней торговли, отчеты таможен и застав. Имеются рапорты карантинных контор и таможенных застав о судах, направлявшихся через Босфорский пролив к берегам Черного моря, донесения о конфискации контрабандных товаров. Сохранились сведения о прибывших в порты судах и провозимых ими товарах. В ежегодные отчеты Керчь-Еникальского градоначальника включались данные о развитии промышленности и торговли, санитарном состоянии города. Кроме того, дополнительным источником информации могут служить сведения о строительстве и работе промышленных предприятий Керчи, о мерах по благоустройству города и т.д. Имеются данные о распространении эпидемических заболеваний, об убытках, причиненных Керчи во время Крымской войны (1853–1856), об оказании помощи семьям военнослужащих, погибших в Русско-японской войне (1904–1905). Подробные формулярные списки о службе чиновников канцелярий градоначальников и подведомственных учреждений традиционно дополняют просопографическую базу данных российского чиновничества.

Управление Керченского торгового порта, учрежденное в 1879 г., осуществляло руководство вверенной ему структуры, находясь сначала в юрисдикции Отдела торгового мореплавания Департамента торговли и мануфактур Минфина, затем – Отдела торговых портов Министерства путей сообщения, и, наконец, оно было переподчинено Отделу торговых портов Главного управления торгового мореплавания и портов. Дела фонда 601 содержат предписания и распоряжения Главного управления торговым мореплаванием и портами о правилах оценки повреждений судов, о сроках стоянки судов, об обеспечении судов торгового флота квалифицированными судоводителями. Имеются документы по личному составу, книги записи судов, проходивших по Керчь-Еникальскому каналу и заходивших в Керченский порт и в Азовское море (1898, 1910) [ГАРК. Ф. 601. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6; Д. 5. Л. 1–177]. Собраны также сведения о портовых плавучих средствах, об авариях и крушениях, происходивших на Черном и Азовском морях.

Необходимо отметить, что при проведении источниковедческого анализа материалов, имеющихся в фондах Керченского и Феодосийского карантинных округов, неоднократно встречаются сведения о функционировании карантинных постов и застав в других населенных пунктах Крымского полуострова. Например, есть данные за 1808–1817 гг. «о карантинных строениях в Евпатории» [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–520]; о «службе комиссара Балаклавской карантинной заставы Бетафора» за 1851 г. [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1556. Л. 1–31]; об умерших и больных по Евпаторийскому карантину за 1855 г. [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1595. Л. 1–34]; о службе комиссара Ялтинской карантинной заставы Кондараки за 1859 г. [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1698. Л. 1–11]; о переписке комиссара Алуштинской карантинной заставы Гриневича с вышестоящими инстанциями в 1865–1867 гг. [ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1785. Л. 1–203]; о службе комиссара Сева-

стопольского карантинного агентства Деламуре в конце 1870-х гг. [ГАРК. Ф. 242. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–5] и другие документы. К сожалению, фонды этих крымских карантинных учреждений в ГАРК не сохранились, сведения о них носят фрагментарный характер и нуждаются в уточнениях в других архивохранилищах.

Таким образом, на основании рассмотренных сведений можно утверждать, что документы и материалы, собранные в фондах Государственного архива Республики Крым являются уникальным содержательным источником, который необходимо задействовать при осуществлении научной реконструкции прошлого Крымского полуострова, и, в частности, истории таможенных и карантинных учреждений Таврической губернии второй половины XIX в. Полноценный всесторонний анализ массива документов, введение большинства из них в научный оборот позволит восстановить полную картину функционирования и взаимодействия таможенных и карантинных учреждений региона, а также будет способствовать процессу формирования и наполнения просопографической базы данных российских чиновников изучаемого периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борщик Н.Д. Таможенные органы Крымского полуострова в конце XVIII – первой половине XIX века: деятельность, кадры, товарооборот // Экономическая история: Ежегодник. 2020. М.: Институт российской истории РАН, 2021a. С. 9–20.
2. Борщик Н.Д. Всеподданнейшие отчеты губернаторов и градоначальников в фондах Государственного архива Республики Крым // Библиография. Археография. Источниковедение: Сборник статей и материалов. Вып. 5 / Ред.-сост. А. И. Раздорский, Д. Н. Шилов. СПб.; М.: Старая Басманная, 2021b. С. 130–139.
3. Борщик Н.Д., Морозан В.В., Прохоров Д.А. Финансовая система Крыма: факты, события, люди. К 240-летию создания финансовых органов Крыма (1784–2024). Симферополь, 2024. 370 с.
4. Борщик Н.Д., Прохоров Д.А. Пограничная и карантинная стражи Таврической губернии (конец XVIII – середина XIX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3(51). С. 8–16. [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3308/ (дата обращения: 17.06.2024).
5. Государственный архив Республики Крым. Путеводитель. Часть I: Фонды дореволюционного периода / сост. Р.А. Айрычинская, С.А. Андросов, Г.Л. Кузнецова. Симферополь: Антиква, 2016. 176 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830–1859.
7. Прохоров Д.А. История становления и деятельности органов таможенного и карантинного контроля в Крыму в конце XVIII – второй половине XIX века (по архивным материалам) // Таможенные чтения – 2021: наука, технологии, цифровая экономика. Сб. мат-лов международ. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 2021. С. 327–328.
8. Селин А.А. Московские карантины. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб.: Евразия, 2020. 160 с.
9. Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв.: тезисы докладов Пятой международной научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Институт истории Сибирского отделения РАН [и др.]; сост. А.И. Раздорский. СПб.; Новосибирск, 2022. 311 с.
10. Электронная база данных «Штаты таможенных служащих Крыма, конец XVIII – середина XIX в.» // Российское общество историков-архивистов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.roiarch.com/index.php/312-nauchno-issledovatelskij-proekt-krymskogo-respublikanskogo-otdeleniya-rossijskogo-obshchestva-istorikov-arkhivistov (дата обращения: 17.06.2024).
11. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 528–537.
12. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure // Bylye Gody. 2019. Vol. 54. Is. 4. P. 1506–1513.

REFERENCES

1. Borshhik N.D. Customs authorities of the Crimean Peninsula at the end of the 18th – first half of the 19th centuries: activities, personnel, trade turnover. *Jekonomicheskaja istorija: Ezhegodnik. 2020* [Economic History: Yearbook. 2020], Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2021a, pp. 9–20.

2. Borshhik N.D. The most loyal reports of governors and mayors in the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. Razdorskij A.I., Shilov D.N. (Eds.), *Bibliografija. Arheografija. Istochnikovedenie: Sbornik statej i materialov* [Bibliography. Archaeography. Source study: Collection of articles and materials], Iss. 5, St. Petersburg; Moscow: Old Basmannaya Publ., 2021b, pp. 130–139.
3. Borshhik N.D., Morozan V.V., Prokhorov D.A. *Finansovaja sistema Kryma: fakty, sobytija, ljudi. K 240-letiju sozdanija finansovyh organov Kryma (1784–2024)* [Financial system of Crimea: facts, events, people. To the 240th anniversary of the creation of the financial authorities of Crimea (1784–2024)]. Simferopol', 2024, 370 p.
4. Borshhik N.D., Prohorov D.A. Border and quarantine guards of the Tauride province (late 18th – mid 19th centuries). *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 2019, no. 3(51), pp. 8–16.
5. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym. Putevoditel'. Chast 1: Fondy dorevoljucionnogo perioda* [State archive of the Republic of Crimea. Guide. Part I: Funds of the pre-revolutionary period]. Comp. by R.A. Ayirchinskaya, S.A. Androsov, G.L. Kuznetsova. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 176 p.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. First]. St. Petersburg, 1830–1859.
7. Prohorov D.A. History of the formation and activities of customs and quarantine control authorities in Crimea at the end of the 18th – second half of the 19th centuries (based on archival materials). *Tamozhennye chtenija – 2021: nauka, tehnologii, cifrovaja jekonomika. Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii* [Customs readings – 2021: science, technology, digital economy. Coll. of the materials international. scientific-practical conf.]. St. Petersburg, St. Petersburg branch of the State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy" Publ., 2021, pp. 327–328.
8. Selin A.A. *Moskovskie karantiny. Bor'ba s «morovymi povetrijami» v XVI–XVII vv. v Novgorode i Pskove* [Moscow quarantines. The fight against "pestilence" in the 16th–17th centuries. in Novgorod and Pskov]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2020, 160 p.
9. *Torgovlja, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vv.: tezisy dokladov Pjatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Novosibirsk, 27–29 sentjabrja 2022 g.)* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–20th centuries: abstracts of the Fifth International Scientific Conference (Novosibirsk, September 27–29, 2022)]. Comp. by A. I. Razdorsky. St. Petersburg; Novosibirsk, 2022, 311 p.
10. *Elektronnaja baza dannyh "Shtaty tamozhennyh sluzhashhih Kryma, konec 18 – seredina 19 v."* [Electronic database "Staffs of customs officers of Crimea, end of the 18th – mid-19th centuries"]. Russian Society of Historian-Archivists. URL: http://shhshhshh.roiarch.com/indeh.php/312-nauchno-issledovatelskij-proekt-krymskogo-respublikanskogo-otdelenija-rossijskogo-obshchestva-istorikov-arkhivistov (17.06.2024).
11. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822). *Bylye Gody* [Older years], 2018, Vol. 48, Is. 2, pp. 528–537.
12. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure. *Bylye Gody* [Older years], 2019, Vol. 54, Is. 4, pp. 1506–1513.

Информация об авторах

Прохоров Д. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAC-6172-2019, Scopus Author ID: 57198003012.

Борщик Н. Д. – доктор исторических наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

Information about the authors

Prokhorov D. A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Document Management, Archives and Organization of Work with Youth, Faculty of History, Institute "Taurian Academy", V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-6172-2019, Scopus Author ID: 57198003012.

Borshchik N. D. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Document Management, Archives and Organization of Work with Youth, Faculty of History, Institute "Taurian Academy", V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.500-509

КРЫМ НА СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГУБЕРНСКИХ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ В 1914 ГОДУ

Андрей Анатольевич Непомнящий
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия;
Институт истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия
dr.aan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4031-232X

Аннотация. Неопределенность статуса и сложное материальное положение создававшихся с 1884 г. в стране губернских общественных архивных обществ (комиссий) приводили к дальнейшему «архивному неустройству» и потере важных для истории российской провинции документов. В России неоднократно предпринимались попытки провести архивную реформу, подчинив архивы в провинции центральным учреждениям. Очередным этапом осуществления этой идеи стало время передачи методического руководства над общественными губернскими архивистами от Санкт-Петербургского археологического института к Русскому историческому обществу (1912 г.). Организованный в мае 1914 г. Русским историческим обществом съезд представителей ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений собрал представителей 31 ученого архивного сообщества, представлявших большую часть регионов Российской империи. На форуме впервые непосредственными участниками создания губернских архивов обсуждались проблемы, стоящие перед местными научными обществами, и предлагались конкретные мероприятия для улучшения ситуации. Таврическую губернию представлял председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич. В научный оборот вводятся выявленные автором в опубликованных материалах съезда две ранее неизвестные статьи лидера крымских краеведов о состоянии архивного дела на полуострове. Они имеют важнейшее значение в качестве исторического источника о состоянии Таврической ученой архивной комиссии и о комплектовании губернского исторического архива в Симферополе. Благодаря настойчивости подвижников архивного дела на местах были значительно увеличены государственные субсидии и выделены единовременные пособия для организации в губернских центрах архивной службы. Первая мировая война не дала реализоваться дальнейшим планам архивной реформы.

Ключевые слова: съезд представителей ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, Русское историческое общество, А. И. Маркевич, Таврическая ученая архивная комиссия, губернский исторический архив, архивная реформа

CRIMEA ON THE 1914 CONGRESS OF THE REPRESENTATIVES OF THE GOVERNORATE SCHOLARLY ARCHIVAL COMMISSIONS

Andrei A. Nepomniashchii
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
dr.aan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4031-232X

Abstract. The governorate public archival societies (commissions) established in Russia from 1884 on possessed an uncertain status and problematic financial situation, which lead to further “archival disorder” and the loss of documents important for the history of Russian provinces. Russia several times attempted to make an archival reform by subordinating provincial archives to central institutions. The next stage in the implementation of this idea was the transfer of methodological guidance over public provincial archivists from the St Petersburg Archaeological Institute to the Russian Historical Society (1912). On May 1914, the latter organized the congress of the representatives of the scholarly archival commissions and the corresponding institutions to attract the representatives of 31 academic archival institution from the most

regions of the Russian Empire. For the first time, this forum made those who participated in the creation of provincial archives to discuss the questions challenged by the local scholarly societies and to offer particular measures capable of improving the situation. A. I. Markevich as the chair of the Taurida Scholarly Archival Commission represented the Taurida governorate. The author of the article has introduced into the scholarship two previously unknown papers by the leader of Crimean regional studies addressing the state of archival affairs in the peninsula. They are extraordinary important as an historical source on the Taurida Scholarly Archival Commission and on the acquisition to the governorate's historical archive in Simferopol. The persistence of the local archival activists resulted in the significant increase of state subsidies and the granting of one-time allowances for the organization of archival services in governorate centres. The First World War prevented the realization of the further plans for archival reform.

***Keywords**:* congress of the representatives of the governorate scholarly archival commissions and the corresponding institutions, Russian Society for History, A. I. Markevich, Taurida Scholarly Archival Commission, governorate historical archive, archive reform

С 1884 года в Российской империи благодаря подвижничеству архивиста и археографа, председателя Археографической комиссии, академика Николая Васильевича Калачова (1819–1885) стали создаваться общественных научные организации, которые ставили своей целью учреждение на местах губернских исторических архивов. Седьмой по времени основания стала Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), торжественно открытая в январе 1887 года в Симферополе.

Статус губернских ученых архивных комиссий в системе российских общественных организаций и учреждений был неоднозначным. Вся деятельность комиссий регулировалась специальным положением, принятым Комитетом Министров 13 апреля 1884 года. В нем декларировалось восемь позиций. Первый раздел определял, что комиссии учреждаются для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более ли менее важных в историческом отношении» [2, с. 189]. Эти обязанности более подробно раскрывал пункт пятый. Таким образом, определялось, что основной задачей для губернских ученых архивных комиссий было собирание и систематизация архивных документов. При этом пункт седьмой положения давал определенные инициативные возможности комиссии, которые «независимо от прямой своей обязанности могут, по местным обстоятельствам, включать в круг своих знаний разыскания, описания и объяснения всяких других памятников старины».

Важно понимать, что массовые научно-исторические и просветительские организации российской провинции были исключительно общественными структурами. Кроме создания архивов объединенные там краеведы занимались организацией музеев, библиотек, проведением археологических раскопок, обследованием и охраной недвижимых памятников, контролем за реставрацией, сбором этнографического материала и подготовкой трудов. Поэтому практическая работа ученых архивных комиссий сразу же вступила в противоречие с исключительно архивными задачами, которые ставились перед архивными комиссиями положением Комитета Министров от 13 апреля 1884 года. На практике по всей стране появлялись не сугубо архивные, как намечалось, а историко-краеведческие общества [3, с. 17–23].

Каким образом комплектовались средства этих общественных ученых организаций, рассмотрим на примере Таврической ученой архивной комиссии. Таврическое губернское земство ежегодно выделяло субсидию 300 рублей. Аналогичную субсидию в 100–150 рублей комиссия получала от Симферопольского городского управления. Для всех губернских комиссий была предусмотрена «казенная субсидия», она составляла 200 рублей. Существовали еще небольшие членские взносы и средства от продажи «Известий». Практически все перечисленные средства уходили на подготовку и издание новых выпусков научных исследований комиссии. Поэтому ТУАК практически постоянно была стеснена в средствах. В 1912 году Таврическое губернское земство удвоило сумму

субсидии. Это позволило комиссии активизировать издательскую деятельность. В свет вышли сразу три выпуска «Известий» (№№ 47–49) [8, с. 35–74].

Отсутствие у комиссий официального статуса для разбора архивных дел в учреждениях (было только положение общественных подвижников развития краеведения) часто приводило к тому, что местных любителей старины в ведомственные архивы зачастую не допускали. Тяжелое положение с помещениями также негативно сказывалось на работе комиссий. Теснота и другие неблагоприятные условия задерживали прием, приведение в порядок и описание дел. Частые переброски из одного помещения в другое приводили документы в «расстройство», уничтожая плоды работы членов комиссий за длительное время и нанося ущерб историческим источникам. Так, в Симферополе краеведы обосновались в помещении Таврической губернской земской управы, которое им предоставил первый руководитель Комиссии, председатель земской управы Александр Христианович Стевен. Однако после отъезда чиновника на службу в столицу Комиссию несколько раз переводили из комнаты в комнату, выделив для хранения архива чердак, а крупные памятники лежали во дворе управы. Несколько лет пройти в комнату для заседаний можно было только через квартиру, где проживала семья дворника.

Неопределенность прав и обязанностей мешала губернским комиссиям сделать работу по упорядочению архивного дела эффективной. Даже сам метод комплектования исторических архивов путем отбора некоторых дел из числа подлежащих уничтожению и путем случайных поступлений документов являлся неудачным. Созданные таким путем исторические архивы являлись, скорее, коллекциями документов. Ни одной из губернских комиссий, обладавших крупными комплексами дел, не удалось завершить приведение их в порядок, а также составить к ним должный научно-справочный аппарат. Все это затрудняло использование отобранных бумаг в научных целях [15, с. 118–119]. Санкт-Петербургский археологический институт, на который было возложено научное патронирование над архивными обществами, с этой миссией явно не справлялся. В 1912 году методическое руководство над комиссиями было передано Русскому историческому обществу, представители которого энергично взялись провести в стране архивную реформу.

Особая комиссия по сохранению местных архивных материалов Русского исторического общества в течение 1912–1913 годов произвела анкетирование всех действующих в стране губернских ученых архивных комиссий на предмет открытия и состояния местных архивов. Сведения были получены о состоянии двух с половиной тысяч мест хранения документов по всей империи. И это была только 1/12 часть архивохранилищ, существовавших в губерниях империи. Опрос подтвердил факт тяжелого состояния архивного дела, на что ранее активно обращал внимание архивист, профессор истории русского права Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911). Им был разработан проект архивной реформы в стране, предусматривавший образование централизованной системы управления архивами, перевод частных и региональных архивов под государственный контроль [1; 13]. Особенно удручало то, что архивы продолжали гибнуть даже в тех губерниях, где уже развернулась работа губернских ученых архивных комиссий. И этого комиссии скрыть не могли. Анкетирование еще раз продемонстрировало, что «архивное нестроение» в России по-прежнему оставалось масштабным. Для обсуждения наиболее острых проблем в работе ученых архивных сообществ Русское историческое общество выхлопотало в 1914 году разрешение на проведение в столице всероссийского съезда их представителей.

Съезд проходил 6–8 мая 1914 года в столице. Арсений Иванович Маркевич, избранный делегатом от Таврической ученой архивной комиссии, по возвращении в Симферополь выступил перед коллегами с развернутым докладом о работе ученого собрания. По мнению симферопольского архивиста, съезд занял, «несомненно, важное место в деле преобразования архивного дела в России» [6, с. 323].

В Санкт-Петербург прибыли представители от 31 организации со всей страны (представители губернских ученых архивных комиссий и местных исторических обществ, которые именовались иначе, но, по сути, занимались созданием губернских исторических архивов) [РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 113. Л. 184–184 об.]. Первое общее собрание членов съезда – членов Императорского Русского исторического общества и представителей архивных комиссий, носившее неформальный характер, состоялось накануне открытия съезда, вечером 5-го мая, в залах Мариинского дворца, где работал Государственный совет. Каждый делегат получил именной «билет участника» [РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 113. Л. 76].

Собравшиеся были, по выражению Маркевича, «одухотворены мыслью о том, что нестроение архивного дела у нас близится к концу», что реформа местных архивов, о которой говорили уже много лет, серьезно поставлена на очередь, и что подвижки провинциальной интеллигенции в этом деле не пропали даром [6, с. 324–325]. Гостей встречали товарищ председателя Русского исторического общества и председатель Особой комиссии в нем, историк, председатель Государственного совета Анатолий Николаевич Куломзин, член Государственного совета Юлий Александрович Икскуль-фон-Гильдебанта, историк, архивист, один из активных пропагандистов архивной реформы Николай Владимирович Голицын, военный историк, архивист Сергей Алексеевич Панчулидзев, историк Сергей Михайлович Середонин и другие видные деятели исторической науки той эпохи. Для Маркевича особенно радостна была встреча с профессором Сергеем Федоровичем Платоновым, который также приветствовал прибывших. Двух неординарных деятелей эпохи связывала многолетняя дружба [9]. После экскурсии по залам Государственного совета и Совета министров, участников ждал чайный стол. Открытие съезда состоялось 6 мая во дворце председателя Императорского Русского исторического общества великого князя Николая Михайловича.

Съезд открылся докладом профессора С. Ф. Платонова. Это малоизвестное выступление ученого, между тем, было программным для собравшихся провинциальных деятелей – организаторов архивного дела. Историк выделил роль уникальных местных источников, абсолютно неизвестных широкому кругу исследователей, для восстановления истории страны. Он отметил: «Прежде, чем приступить к работам, можно сказать, технического характера, по вопросам, по которым вы, съехавшиеся сюда, являетесь наиболее компетентными людьми, мне бы хотелось установить на занятия Съезда известную точку зрения, которую я, как профессор-историк, быть может, выскажу с некоторой компетентностью и правдоподобностью. Материалы, которые хранятся на местах, иногда в глухих местах нашей родины, имеют огромное значение, но, за немногими исключениями, материалы эти находятся в обороте очень узкого круга населения или администрации, а чаще совсем не находятся ни в каком обращении. Может быть, вы полагаете, что эти материалы прежде всего имеют исключительно местное значение, значение для того края, которому они принадлежат? Я хотел бы, как общий историк России, сказать, что эти местные материалы, и чем дальше, тем больше, получают в общенаучном обороте все большую и большую важность. Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни и надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять, как должно, явления местной социальной, или даже государственной, жизни. <…> Местные документы, как бы они на первый раз не казались мелкими и ничтожными, составляют первостепенную научную важность в глазах историка, они представляются такой же драгоценностью русского государства и общества, как и фонды центральных архивов. Когда мы приступаем к работе над этим материалом, будем относиться к нему с самым большим уважением и с самыми большими научными надеждами. Лично я думаю, что мы имеем дело с охраной документов первостепенной научной важности, цену которых может определить только будущий историк, тот, который введет их в научный оборот. Так вот, это чувство уважения к тому

материалу, о котором мы будем говорить, я хотел бы передать вам от лица общих историков, и хотел бы, чтобы это сознание сопровождало наш Съезд от начала и до конца» [11, с. 3–5].

Как было оглашено на съезде, «…Ответы, полученные в большинстве от губернских ученых комиссий, выяснили полное нестроение архивного дела в России и обрисовали крайне печальное состояние большинства местных архивов, особенно уездных и волостных. Более чем обычны случаи, когда архивы помещались в подвалах, на чердаках, в старых разваливающихся зданиях, иногда даже в конюшнях». Нередкой были ситуации, когда сваленные в груды бумаги желтели и тлели от сырости, поедались мышами и крысами, разносились ветром. Архивы нередко горели, иногда по нескольку раз. порочной была сама система, когда все архивы в провинции были ведомственными и хранились при учреждениях. Немногие учреждения относились с должным вниманием к хранению бумаг. Обыкновенно архив обременял учреждение, а лица, управляющие или заведующие архивом, редко были компетентны и порой не знали содержания архива и не вели описи. «Огромное большинство архивов тесны и потому нередки случаи уничтожения старых дел для того, чтобы дать место другим, более новым, но и этих последних через несколько лет ждет та же участь: и они будут уничтожены – проданы на вес. В итоге большинство уездных архивов заключает в себе дела лишь последних десятилетий. Такой порядок вещей продолжаться не должен. На Западе часто люди среднего состояния легко восстановляют свои родословные с XIV в., а у нас это не всегда могут сделать даже представители знатнейших родов», – отмечали ораторы [РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 113. Л. 127–128].

Профессор С. М. Середонин высказался по вопросу программы съезда и указал на важность выработки программы обзора архивов, категории архивов, решения вопросов о том, какие архивы считать удовлетворяющими своему назначению, об управлении архивами. После этого съезд приступил к занятиям по следующей программе: 1. Порядок производства осмотров местных архивов. Условия, которым должны удовлетворять архивные помещения и управление архивами. 2. Полномочия Губернских ученых архивных комиссий, уничтожение старых дел, отбор дел, ревизия архивов. 3. Материальное положение архивных комиссий. Должностные лица при комиссиях. 4. Устройство центральных (в губернских городах) исторических архивов. 5. Объединение деятельности ученых архивных комиссий [РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 113. Л. 68].

Все вопросы, кроме пункта первого, рассматривались предварительно в избранной съездом комиссии, в которой участвовал и А. И. Маркевич. Опубликованные два выступления лидера крымских краеведов (фактически две отдельные статьи) были выявлены только сейчас. Они не вошли в список опубликованных трудов ученого [7, с. 66–96]. Любая вновь выявленная работа крупного крымоведа представляет несомненный интерес. Особого внимания заслуживают эти публикации. Арсений Иванович, на практике знавший проблемы местного архивного дела, предлагал реальные шаги к реформированию ситуации.

В первом выступлении А. И. Маркевич остановился на состоянии местного архива: «<…> я не могу изложить всего того, что я мог бы сказать о положении Таврической ученой архивной комиссии. По поводу архива я скажу, что ныне он занимает помещение меньше половины пространства между столами этой залы, и в этом помещении собрано несколько тысяч архивных дел, а теперь нам предстоит взять 70000 дел из губернского архива, и мы положительно не знаем, куда девать дела, которые должны быть сейчас же выделены. Придется оставить их на старом месте, без уверенности, что с ними будет. Затем я коснусь вопроса о положении ученых архивных комиссий. Несомненно, что мы должны выработать инструкцию и тут является вопрос, что такое архивная комиссия: ученое это общество, как гласит наш титул, или учреждение, имеющее официальный характер и ведающее государственными интересами, с которыми должны считаться и все правительственные учреждения? Как ученое общество, мы заботимся о сохранении

памятников старины – вещественных и письменных, описывая, исследуя, издавая труды и т.п. Но когда дело касается спасения государственных, исторической важности документов, на которых зиждется наша история, то тогда это уже переходит за границы нашей деятельности, как местного ученого общества, преследующего культурные задачи в том круге, где ему приходится существовать и применять свои знания. И, мне кажется, первый пункт, который должен быть в нашем положении, в нашем уставе, должен выяснить наше положение, потому что и земские учреждения считаются с нами, как с культурным обществом, приходят в наши заседания, слушают рефераты, помогают; но когда дело касается сохранения дел, спасения исторических документов, то тут дело выходит уже за границы этого чисто культурного ученого общества, и нам нужно иметь такие права и такие обязанности, которые позволяли бы, вернее, заставляли бы представителей административных учреждений, начальников отдельных частей считаться с нами и помогать не только из любезности или по знакомству, но и по обязанности, потому что, как было сказано до перерыва, хотя отношения теперь существуют хорошие и сложились удачно, но личные отношения могут измениться и не только в столице, но тем более в провинции, и тогда положение осложнится и затруднится. Так что этот вопрос заслуживает рассмотрения и выяснения. Конечно, когда будут устроены центральные архивы, то положение комиссий значительно облегчится, потому что при центральных архивах будет кружок лиц, которые по своему положению будут занимать соответствующие места, но пока нет на местах крупных архивных учреждений, то положение наше очень затруднительно» [5, с. 35–36].

Положение дел в Симферополе практически не отличалось от других российских регионов. По первому вопросу съезд принял решение («положил») продолжать уже начатое многими учеными архивными комиссиями обследование местных архивов в той последовательности, которой требует состояние архивов в данной местности, начиная с тех, которым угрожает гибель и которые имеют существенное значение для жизни края. Члены собрания указали на желательность определить районы для работы каждой конкретной комиссии, по возможности ограничивая их пределами одной губернии для каждого общества. Для руководства и единства работы съезд просил Особую комиссию при Русском историческом обществе выработать подробную программу обследования архивов и составить опросные листы. Съезд постановил начать обследование архивов опросами, потом сделать осмотр их членами комиссий и, наконец, изучать архивы подробно. Особое внимание было обращено на архивы уездных съездов, а также частные архивы многих дворянских фамилий, которые часто теперь гибнут при продаже имений, и на архивы волостных правлений, более других необеспеченные от порчи и гибели.

По второму вопросу съезд признал, что полномочия комиссий определены законом «весьма неясно», и что поэтому работа комиссий во многом зависит от случайных отношений. Особенно подробно съезд остановился на проблеме уничтожения старых дел. Делегаты объективно замечали, что при учреждении архивных комиссий уставом предусматривалось правило, по которому дела архивов могут быть уничтожаемы ведомствами только по соглашению с комиссиями. Однако последними циркулярами министерств это обыкновение «было поколеблено». Съезд решительно высказался за необходимость обязательного просмотра учеными архивными комиссиями описей, а если нужно, то и самих дел, предназначенных к уничтожению. Съезд признал необходимым издать инструкцию относительно разбора дел и отбора их в исторический архив. Для этого признали необходимым пересмотреть инструкцию 1886 г. и последующие циркуляры 1909 и 1910 гг. и уничтожить деление дел на разряды, так как зачастую по невнимательности или разгильдяйству писарей в конторах дела, подлежащие вечному хранению, переходили в разряд подлежащих уничтожению. Съезд нашел необходимым определить, что ученые архивные комиссии имеют право осматривать и изучать архивы всех ведомств, не исключая земских, городских, духовных, судебных, сословных, коммерческих, а также благотворительных и других учреждений, подлежащих регистрации по закону

об обществах и союзах, по предварительному в каждом отдельном случае сношению с губернатором или начальном учреждения и давать указания относительно составления описей. Постановлено, что комиссии имеют право, осведомившись о плохом состоянии того или другого архива, немедленно информировать об этом губернаторов и начальников учреждений [5, с. 325]. Закрывая дискуссию, профессор Московского университета по кафедре истории русского права, архивист Александр Никитич Филиппов в своей речи указал, что в строго научном смысле неважных для науки архивных дел нет и высказал пожелание, чтобы все дела, подлежащие уничтожению, передавались в архивные комиссии для хранения и изучения.

По третьему вопросу – о состоянии ученых архивных комиссий – опять выступал А. И. Маркевич, который отметил: «Здесь было обращено внимание высокого собрания на те материальные условия, которые лишают архивные комиссии возможности удовлетворять тем задачам, которые им поставлены. Из всех губернских архивных комиссий положение Таврической самое печальное. Если представитель Ставропольской комиссии сказал, что положение их комиссии исключительное, то такое же исключительное положение и Таврической. Таврическая губерния богата не только памятниками письменной старины, но она еще более богата памятниками вещественными. И архивная комиссия занялась как собиранием архивных материалов, так и собиранием предметов старины. Мы в течение 25 лет организовали музей древностей и спасли до 10 тысяч предметов старины. Между тем, бюджет наш состоит из 200 р. казенной субсидии, которую мы получаем в течение 3-х лет, затем из пособия губернского земства 400 р., от Симферопольского земства 100 р. и из 600–700 р. случайных пожертвований. Затем, на этот год Императорское Русское историческое общество исключительно на архивные дела ассигновало 2000 р. Все должностные лица нашей комиссии до сих пор, в течение 25 лет, трудились совершенно бесплатно, ни одной копейки никто не получил, ни заведующий архивом, ни правитель дел. Так складывались обстоятельства, находились люди, которые уделяли свое свободное время этому делу. Помещения у нас нет, мы ютимся в маленьких комнатах; передняя служит библиотекой, но она так мала, что зимой даже пальто снять нельзя, так как некуда повесить. Затем, две маленькие комнатки для музея и помещение для архива дел. Таково наше положение. Чтобы организовать как следует дело, т. е. устроить свой архив и расположить хорошо те дела, которые мы теперь, благодаря субсидии Императорского Русского исторического общества, будем извлекать, мы по самому скромному расчету должны считать: на помещение не менее 1000 р.; затем, на опись архивных материалов, свозку дел и т.д. около 1000 р.; потом на вознаграждение должностных лиц, архивариуса, заведующего музеем; затем, на издание трудов потребуется также известная сумма. Мы, несмотря на наше тяжелое положение, успели издать 50 томов наших трудов, пятидесятый я имею честь сейчас представить. Все, что мы сумели сделать, мы сделали, пользуясь исключительными обстоятельствами, пособиями единовременными и т.д. Но в дальнейшем так существовать невозможно, отсутствие достаточного помещения исключает возможность дальнейшей работы. Вот в кратких словах все, что я хотел сказать, не касаясь подробностей. При самом скромном расчете нам требуется от 2000–3000 р. для того, чтобы исполнять все те обязанности, которые мы должны нравственно нести» [4, с. 52–53]. Как видим, информация, приведенная председателем ТУАК весьма информативна для полной картины условий организации и финансирования комиссии.

Съезд признал совершенно неудовлетворительным текущее материальное положение комиссий. Констатировалось, что «ныне они существуют на случайные добровольные пожертвования и взносы своих сочленов, имея от казны лишь 200 рублей пособия в год. При таких малых средствах губернские ученые архивные комиссии не имеют возможности уделять что-либо на охрану письменных памятников, на их разыскание и печатание. Тем более, что комиссии имеют и иные культурные задачи: устройство

музеев, производство археологических раскопок. Поэтому съезд постановил ходатайствовать об увеличении пособия от казны до 2000–3000 рублей независимо от расхода на помещение комиссии [12, с. 326–327]

О неприглядном положении дел на местах много говорили провинциальные историки. Председатель съезда А. Н. Куломзин резко обрывал докладчиков, проявлявших излишнюю откровенность в формулировках плачевного состояния архивной службы страны или недостаточное чинопочитание. Представители руководства Русского исторического общества пытались доказать прибывшим членам местных научных обществ, что для принципиального улучшения ситуации необходимо проведение всероссийской архивной реформы, а не мелкие хлопоты о получении отдельных финансовых субсидий. Однако, все дебаты на съезде сводились к обсуждению проблем исключительно комиссий на местах. Так, было решено обратиться к верховной власти с просьбой о принятии всех губернских ученых архивных комиссий под свое покровительство. Постановили добиваться обязательного выделения помещений для губернских ученых архивных комиссий, запросить ежегодные денежные субсидии в пользу работы комиссий (3 тысячи рублей в год), а также искать способ расширения допуска представителей комиссий во все местные архивы (для осмотра материала).

Таким образом, на съезде обсуждение архивной реформы свелось в итоге лишь к обсуждению мероприятий по улучшению положения комиссий. Правительство в итоге внесло в Государственную Думу законопроект об увеличении казенной субсидии с 200 до 3000 рублей в год. Кроме того, комиссиям было выдано и единовременное пособие в размере 2000 рублей каждой.

По четвертому вопросу повестки дня съезд признал существенно необходимым, чтобы при каждой комиссии устроен был центральный губернский или областной архив, в который комиссия могла бы помещать дела, признанные ею особенно интересными и ценными в историческом отношении. Предлагалось до учреждения центральных архивов устроить нечто вроде центральных складов архивных дел или депо. Съезд указал ряд мер к обеспечению комиссий казенными помещениями для таких архивов. Договорились, что комиссии должны указать (к сентябрю текущего 1914 г.), какие казенные здания в том или другом губернском или областном городе могли бы быть приспособлены для устройства в них центральных исторических архивов. Однако, в сентябре империя была уже поглощена патриотическим подъемом в связи с вступлением в Великую войну и вопросы интересов общественной службы отошли даже не на второй, а на четвертый план.

К наработкам съезда А. И. Маркевич вернулся, подводя итоги 1914 года на заседании ТУАК. В отчете Комиссии он отметил: «В жизни Таврической ученой архивной комиссии, равно как и в жизни всех губернских ученых архивных комиссий, истекший 1914-ый год имеет особенное значение в смысле обеспечения успехов ее деятельности. По воле Его Императорского Величества, губернские ученые архивные комиссии привлечены к предпринятой Государем Императором реформе архивного дела в России. В истекшем году состоялся первый съезд представителей ученых архивных комиссий, созванный Императорским Русским историческим обществом для выяснения положения архивов на местах и выработки мер, которые дали бы возможность комиссиям правильно и систематично работать в деле охраны письменных памятников нашей истории». По решению съезда обратились к министру внутренних дел с заявлением, что было бы желательно открыть губернские архивные комиссии во всех губерниях, где их до сих пор не имеется, и к министру народного просвещения с выражением пожелания, чтобы было внесено в Государственную Думу представление об ассигновании всем существующим Губернским ученым архивным комиссиям и соответствующим им установлениям по 3000 рублей ежегодных пособий и наем помещений, «на приглашение лиц для постоянных занятий и на опубликование наиболее важных из находящихся у них на хранении документов» [19, с. 263–264].

Таким образом, с переходом научного (методического) руководства над губернскими учеными архивными комиссиями к Русскому историческому обществу воз архивной реформы начал определенное движение. Значительная роль в этом принадлежала ведущим российским историкам, особенно профессору С. Ф. Платонову, сотрудничавшим в РИО. По их инициативе в Санкт-Петербурге в мае 1914 года прошел съезд представителей ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. На форуме состоялся конструктивный диалог между столичными корифеями и архивистами-практиками на местах о причинах «пробуксовки» архивных преобразований в провинции. Комиссии, в том числе и Таврическая, стали получать государственные субсидии, а также единовременную материальную помощь, что облегчило их работу. Был решен и вопрос с помещением для фондов. Однако разразившаяся Первая мировая война не дала реализоваться намеченным планам архивной реформы. Все мероприятия по централизации архивного дела были заморожены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология, история и архивное дело в России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / Курский гос. мед. ун-т; Сост., вступ. ст., комм. С.П. Щавелёв. Курск, 2007. 508 с.
2. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров 13 апреля 1884 года об учреждении губернских исторических архивов и губернских ученых архивных комиссий // Симбирский научный вестник. 2014. № 1(15). С. 189–190.
3. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород: Волго-вятское кн. изд-во, 1991. 120 с.
4. Маркевич А.И. [О положении Таврической ученой архивной комиссии] // Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, 6–8 мая 1914 года. СПб., 1914. С. 52–53.
5. Маркевич А.И. [О состоянии губернского архива в Симферополе] // Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, 6–8 мая 1914 года. СПб., 1914. С. 35–36.
6. Маркевич А.И. Об участии в съезде представителей ученых архивных комиссий и других обществ // ИТУАК. 1914. № 51. С. 323–327.
7. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич и развитие историко-краеведческой библиографии Крыма в конце XIX – начале XX века // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / Российская нац. б-ка. СПб., 2002. Вып. 9. С. 66–96.
8. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.
9. Непомнящий А.А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. Белгород: Константа, 2018. 216 с.
10. Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1914 год // ИТУАК. 1915. № 52. С. 262–265.
11. Платонов С.Ф. [Речь при открытии съезда] // Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, 6–8 мая 1914 года. СПб., 1914. С. 3–5.
12. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 29-го мая 1914 года // ИТУАК. 1914. № 51. С. 316–333.
13. Самоквасов Д.Я. Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе, 1905 / Под ред. П.С. Уваровой. М., 1908. Т. 2. С. 153–165.
14. Съезд представителей губернских ученых архивных комиссий // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1914. Вып. 31. С. 221–224.
15. Цеменкова С.И. История архивов России с древнейших времен до начала XX века. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2015.

REFERENCES

1. Shchavelev S.P. (eds.). *Arkheologiia, istoriia i arkhivnoe delo v Rossii v perepiske professora D. Ia. Samokvasova (1843–1911)* [Archeology, history and archival affairs in Russia in the correspondence of Professor D.Ya. Samokvasov (1843–1911)]. Kursk, 2007, 508 p.
2. The highest approved position of the Committee of Ministers on April 13, 1884 on the establishment

of provincial historical archives and provincial scientists of archival commissions. *Simbirskii nauchnyi vestnik* [Simbirsk Scientific Bulletin], 2014, vol. 1(15), pp. 189–190.
3. Makarikhin V.P. *Gubernskie uchenye arkhivnye komissii Rossii* [Provincial scientists archival commissions of Russia]. Nizhnii Novgorod, Volga-Vyatka Book Publishing House, 1991, 120 p.
4. Markevich A.I. On the situation of the Tauride Scientific Archival Commission. *Trudy Pervogo s»ezda predstavitelei gubernskikh uchenykh arkhivnykh komissii i sootvetstvuiushchikh im ustanovlenii, 6–8 maia 1914 goda* [Proceedings of the First Congress of Representatives of Provincial Scientific Archival Commissions and their Corresponding Regulations, May 6–8, 1914]. St. Petersburg, 1914, pp. 52–53.
5. Markevich A.I. On the state of the provincial archive in Simferopol. *Trudy Pervogo s»ezda predstavitelei gubernskikh uchenykh arkhivnykh komissii i sootvetstvuiushchikh im ustanovlenii, 6–8 maia 1914 goda* [Proceedings of the First Congress of Representatives of Provincial Scientific Archival Commissions and their Corresponding Regulations, May 6–8, 1914]. St. Petersburg, 1914, pp. 35–36.
6. Markevich A.I. On participation in the congress of representatives of scientific archival commissions and other societies. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1914, vol. 51, pp. 323–327.
7. Nepomniashchy A.A. Arseniy Markevich and the development of the historical and local history bibliography of Crimea in the late XIX – early XX centuries. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia* [Historical and bibliographic research], 2002, vol. 9, pp. 66–96.
8. Nepomniashchy A.A. *Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia* [Arseny Markevich: pages of the history of Crimean local history]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2005, 432 p.
9. Nepomniashchy A.A. *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie* [Academician S.F. Platonov and Crimean studies]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018, 216 p.
10. Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1914. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1915, vol. 52, pp. 262–265.
11. Platonov S.F. Speech at the opening of the congress. *Trudy Pervogo s"ezda predstavitelei gubernskikh uchenykh arkhivnykh komissii i sootvetstvuiushchikh im ustanovlenii, 6–8 maia 1914 goda* [Proceedings of the First Congress of Representatives of Provincial Scientific Archival Commissions and their Corresponding Regulations, May 6–8, 1914]. St. Petersburg, 1914, pp. 3–5.
12. Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archival Commission of May 29, 1914. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1914, vol. 51, pp. 316–333.
13. Samokvasov D.Ia. The current state of scientific development of ancient archival materials. *Trudy trinadtsatogo Arkheologicheskogo s»ezda v Ekaterinoslave, 1905* [Proceedings of the Thirteenth Archaeological Congress in Yekaterinoslav, 1905]. Moscow, 1908, iss. 2, pp. 153–165.
14. Congress of representatives of provincial scientific archival commissions. *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission], 1914, vol. 31, pp. 221–224.
15. Tsemenkova S.I. *Istoriia arkhivov Rossii s drevneishikh vremen do nachala XX veka* [The history of Russian archives from ancient times to the beginning of the twentieth century]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2015.

Информация об авторе

Непомнящий А.А. – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Researcher ID: A-4928-2019.

Author information

Nepomniashchy A.A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department archaeology and world history of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Researcher ID: A-4928-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.510-527

ПОДАРОК ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КНИГА О ЦЕЛЕБНЫХ РАСТЕНИЯХ, ПРИНАДЛЕЖАВШАЯ К. Ф. БОГАЕВСКОМУ

Мария Александровна Ломакина
Крымский этнографический музей, Симферополь, Россия
Aibabina87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0214-7033
Елена Акимовна Айбабина
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Аннотация. Выявленная книга из личной библиотеки К. Ф. Богаевского представляет собой антикварное издание 1626 г. – «Травник» итальянского врача и ученого Пьетро Андреа Маттиоли. Книга, напечатанная во Франкфурте-на-Майне, является четвертым изданием на немецком языке, подготовлена с дополнениями врачом Иоахимом Камерарием, посвящена лекарственным растениям альпийского региона, а также способу их употребления с лечебной целью. В результате изучения и перевода рукописных надписей выявлено, что две из них (в том числе 1913 г., дарственная К. Ф. Богаевскому) сделаны П. Ю. Дуранте, матерью жены художника Ж. Г. Богаевской. Авторство остальных записей не установлено. Рассмотрено графическое оформление книги – титульной страницы, рисунков в тексте, орнаментальной виньетки, хвостового убора. Авторство рисунков могло принадлежать Йосту Амману, швейцарскому живописцу и графику середины – второй половины XVI в. Установлена композиция рамки титульного листа, в основу которой положен принцип изображения сюжетных картушей и симметричного расположения аллегорических и мифологических фигур, а также рисунков предметов и орнаментальных элементов. Графическое оформление титула и концевого убора связано с содержанием «Травника», подчеркивает его практическое значение. «Травник» П. А. Маттиоли, представляющий собой содержательный каталог растений, снабженный указателем, позволяющим быстро находить нужные разделы в объемном фолианте, украшенный гравюрами, включающий в себя мастерски сделанные многочисленные рисунки, был, несомненно, раритетным изданием в личной библиотеке К. Ф. Богаевского. Художника книга могла заинтересовать, прежде всего, как пример возрожденческого книгоиздания, сложностью содержательного и образного строя ее художественного оформления, графикой высокого уровня исполнения.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, книжное собрание, «Травник», П. А. Маттиоли, И. Камерарий, дарственная надпись, титул, лекарственные растения, книжная графика

Благодарности: Авторы выражают благодарность директору и коллективу отдела редкой книги ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» за помощь в поиске книги из личного собрания К. Ф. Богаевского

MEDIAEVAL GIFT: A BOOK OF CURATIVE PLANTS OWNED BY K. F. BOGAEVSKII

Mariia A. Lomakina
Crimean Ethnographic Museum, Simferopol, Russia
Aibabina87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0214-7033
Elena A. Aibabina
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Abstract. This article presents a volume found in K. F. Bogaevskii's personal library, an antique edition of 1626, the *Herbal Book* by the Italian physician and scientist Pietro Andrea Mattioli. This book, printed in Frankfurt am Main, is the fourth German edition with amendments by the physician Joachim Camerarius to

discuss the medicinal plants of the Alpine region and the ways of their use for medicinal purposes. The study and translation of the handwritten inscriptions has revealed that two of them (including the presentation inscription to K. F. Bogaevskii of 1913) were made by P. Iu. Durante, the mother of the artist's wife Zh. G. Bogaevskaia. The authors of other inscriptions remain obscure. The graphic design of the book, such as the title page, illustrations in the text, the ornamental vignette, and the final decoration, has been analysed. The illustrations were possibly made by Jost Amman, a Swiss painter and graphic artist from the mid- to late-sixteenth century. The composition of the title page frame has been determined, as it is based on the cartouches with scenes and symmetrically located allegoric and mythological figures, as well as the artefacts and ornamental elements. The graphic design of the title page and final decoration is related to the contents of the *Herbal Book* emphasising its practical value. P. A. Mattioli's *Herbal Book*, being a profound catalogue of plants, supplied with the index to allow the reader quickly finding the necessary sections in a voluminous folio, and decorated with engravings including numerous masterfully made illustrations, certainly was a rare edition in K. F. Bogaevskii's private library. The painter was possibly interested in this book primarily as an example of Renaissance publishing, showing complicated contents and figurative structure of its artistic design, and the high level of graphics.

***Keywords*:** K. F. Bogaevskii, book collection, P. A. Mattioli, I. Kamerarii, presentation inscription, book title, curative plant, book illustrations

Acknowledgements: The authors is grateful to the director and the team of the Rare Book Department of the I. Ia. Franko Crimean Republican Universal Academic Library for their assistance in searching the rare book from K. F. Bogaevskii's private collection

Продолжая тему, посвященную биографии К. Ф. Богаевского, в частности, принадлежавшей ему библиотеки [8], рассмотрим экземпляр «Травника» итальянского врача и ботаника Пьетро Андреа Маттиоли[1], изданного в 1626 г., выявленного в фондах ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» (г. Симферополь, инвентарный № 1497518, поступила в 2014 г.).

Содержание «Травника» (Kreutterbuch) составляют: титульный лист; предисловие, автор Иоахим Камерарий (Joachim Camerarius)[2] – 4 стр.; предисловие (на латинском языке), автор Пьетро Андреа Маттиоли (Petrus Andreas Matthiolus) – 11 стр.; текст из 156 разделов (1–461 стр.), содержащий описание растений с иллюстрациями – рисунками и названиями на немецком и латинском языках (пронумерованы правые страницы по порядку), строки последней страницы текста имеют завершение в форме треугольника, под ними размещена треугольная виньетка из стилизованных листьев и завитков; приложение (3 стр.), указатели (51 стр.); хвостовой убор (на последней странице указателя), а также шесть рукописных записей, выполненных в разное время и принадлежащих разным лицам (5 – на немецком языке, 1 – на русском). Титул, текст книги, одно из предисловий и приложение написаны на немецком языке. Титульный лист, иллюстрации в тексте (изображения растений и приборов для дистилляции и сушки трав) и хвостовой убор выполнены в черно-белой графике (рис. 7, 11, 12, 13, 14). Техника рисунков – ксилография. Издание посвящено лекарственным расте-

[1] Пьетро Андреа Грегорио Маттиоли (1500/01–1578) (рис. 1) – после изучения медицины в Падуе, крупнейшем университетском и культурном центре Венецианской республики, получил врачебную практику в Сиене, затем в Риме, Тренто (столица области Трентино-Альто-Адидже), Гориции (обл. Фриули-Венеция-Джулия), оба – на северо-востоке Италии. В 1555 г. назначен личным врачом эрцгерцога Фердинанда, сына императора Священной Римской империи Фердинанда I, затем – придворным врачом императора Максимилиана II Габсбургов. Последние годы жизни провел в Тренто. Автор ряда работ по медицине и ботанике. Основная работа – «Di Pedacio Dioscoride Anazarbeo libri cinque della historia, & materia medicinale» – критический анализ произведений греческого врача Диоскорида I в. н.э., которую он дополнил собственными наблюдениями и открытиями в области флоры района южных Альп и распространения альпийских растений в других районах. Первое издание этого труда относится к 1544 г. (без иллюстраций), последнее – к 1744 г. Книга переведена на немецкий, французский и чешский языки. П. А. Маттиоли включил материалы ботанических изысканий, полученные от ряда исследователей, расширяя географию изучения растительного мира Италии. Его работы получили общеевропейское признание и распространение.

[2] Иоахим Камерарий Младший (1534–1598) (рис. 2) – немецкий медик, ботаник, зоолог, ученый-гуманист. Доктор медицины (Болонский университет, 1562). Создал первый ботанический сад в Нюрнберге. Состоял в переписке со многими известными учеными, в том числе Конрадом Геснером.

ниям альпийского региона, а также способу их употребления с лечебной целью. «Травник» является шестой выявленной книгой (не считая двух подшивок журналов «Мир искусства» за 1900 г.) из библиотеки К. Ф. Богаевского, причем наиболее ранней, принадлежащей уже в начале XX в. к категории антиквариата.

Книга имеет твердый переплет, покрытие из кожи (?) утрачено (сохранились лишь небольшие участки). На внешней стороне переплетной крышки двойная линия по краю и рисунки (различаются отдельные элементы) являются остатками тиснения, нанесенного первоначально на поверхность кожаного покрытия. Корешок рельефный, имеет утраты и трещины. Сделан из кожи коричневого цвета, в верхней его части сохранились отпечатанные способом тиснения три строки надписи: «…TTHIOLI» (очевидно, «MATTHIOLI») и две строки неразборчивы (рис. 3).

На переплетной крышке внутри в левом верхнем углу помещен экслибрис К. Ф. Богаевского с изображением играющего на флейте Пана, сидящего на фоне горного пейзажа[3] (рис. 4).

На шмуцтитуле книги находится надпись (три строки, черные чернила):

Pauline Durante/
schenkte dieses Buch Косте Богаевскій/
den 12=ten Jannuar 1913 (рис. 5).

В надписи фамилия «Богаевскій» выправлена из немецкого написания «Bogaevski».

Перевод (с немецкого):

Паулина Дуранте/
подарила эту книгу Косте Богаевскому/
12 января 1913[4].

На оборотной стороне шмуцтитула расположены три надписи, сделанные разным почерком и чернилами:

1. *Pauline Durante/*
erhalten v. Tante Liona Bron – 1904 (немецкий, черные чернила).

Перевод:

Паулина Дуранте/
получила от тети Лионы Брон – 1904[5].

---

[3] Экслибрис сюжетный, представляет собой графическую пейзажную миниатюру, нижнюю часть которой занимают надпись латинским шрифтом: «EX-LIBRIS» и под ней – русским: «К. БОГАЕВСКОГО». Авторство экслибриса К. Ф. Богаевского принадлежит Н. И. Пискареву. Выполнен в технике ксилографии. Изображение представляет собой пейзаж долины с рощами, неприступными скалами, горами вдали и водной гладью на переднем плане. В центе композиции – взметнувшийся к небу утес, на котором, как на троне, возвышаясь над облаками, восседает Пан, играющий на флейте, он озирает лежащую под ним долину. Слева от него, ослепительно сияя, разбрасывает лучи утреннее солнце: Пан был богом зарождающегося света. Место его обитания – горная область с хребтом Меналия, Менальским полем, по которому протекает река Гелиссон (ныне Элисон), приток реки Алфей, и священная гора Пана Менал (Меналион) в Аркадии, центральной области Пелопонесса [11, с. 125–126, 599, 808]. В изображении угадываются излюбленные К. Ф. Богаевским киммерийские мотивы. Автору экслибриса удалось создать идиллический образ счастливой страны под покровительством слитого с ней божества. Картина (так можно назвать этот совершенный пейзажный образ) полностью построена в стилистике изображения натуры, свойственной владельцу книг: скалистые горы, кудрявые ренессансные деревья, отражающиеся в прозрачной воде. В 1924 г. Н. И. Пискарев исполнил «в подарок» К. Ф. Богаевскому вышеописанный экслибрис, который очень высоко был оценен самим владельцем книг, а также М. А. Волошиным [8, с. 695–696].

[4] К. Ф. Богаевский родился 12 января 1872 г. (по старому стилю), книгой отмечена 41-я дата его рождения. Здесь и далее транслитерация и переводы текстов с немецкого языка выполнены Дианой Александровной Шалыгой – старшим преподавателем Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). Автор выражает огромную благодарность за работу с немецкими текстами из публикуемой книги, бесценные консультации и помощь

[5] Даритель книги не установлен. Упомянутый «Брон», вероятно, является названием населенного пункта (в Германии город Брон расположен в Верхней Франконии, около 100 км на северо-восток от Нюрнберга). В этом же районе южной Германии находится город Лар (районный центр в земле Баден-Вюртемберг) – место, откуда выехал К. Ф. Килиус, предок П. Ю. Дуранте, в Крым в конце 20-х или начале 30-х гг. XIX в. [7, с. 42]. Между этими городами около 350 км. Книга была получена П. Ю. Дуранте от «тети Лионы», вероятно, представительницы семьи Килиус из г. Брон. Обстоятельства получения книги не выяснены. Оба

2. *1626* (светло-черные чернила).
3. *Ботаника/*
Глубокоуважаемого и известного всему миру/
г-на др. Петра Андрея Матиоли. Четвертое/
издание, иллюстрированое многими рисунка-/
ми; содержит много полезных указаний и/
лекарства. Издано др – медицинских наук/
Иоахимом Камерариусом в столичном/
городе Нюренберге. Приложение трех целе-/
сообразно составленных списков трав с их/
латинскими и немецкими названиями./
Имеются указания лекарств и способа их/
употребления. При этом имеется инструк-/
ция использования дистиляционных и су-/
шильных камер. Авторское право защище-/
но законом и всякое перепечатание преследу-/
ется. Издательство наследников Якова Фи-/
шера – Франкфурт на Майне. 1626 г. (Авторское написание сохранено; фиолетовые чернила) (рис. 6). Текст представляет собой пересказ (перевод?) титула (см. ниже), автор перевода не установлен.

Две записи шмуцтитула выполнены одни лицом – Паулиной Юльевной Дуранте, матерью Жозефины Густавовны Богаевской[6]. П. Ю. Дуранте ведет свое происхождение от Кристиана Фридриха Килиуса (?–1855), цюрихтальского, а затем нейзацкого евангелическо-лютеранского пастора и его супруги Эмилии Вильгельмины Бенигны, вероятнее всего, от их сына Юлия, женившегося на Анне Адамовне Дайбер, являвшихся родителями Паулины (так же как и ее братьев Леопольда и Карла) [6, с. 227]. П. Ю. Дуранте – супруга Дуранте Густава Антониновича (Антоновича), брак состоялся в 1872 г.[7] Фамилии Дуранте (итальянского происхождения, римско-католического вероисповедания) и Килиус (немецкого происхождения, евангелическо-лютеранской конфессии) имели родственные связи, их представители неоднократно вступали в брак на протяжении всего XIX в.[8] В результате этого члены семьи Дуранте владели несколькими языками: итальянским, немецким. Паулина Юльевна Дуранте представлена на фотоснимке, сделанном в мастерской К. Ф. Богаевского [8, с. 696, рис. 1].

Надписи на шмуцтитуле «Травника» свидетельствуют о том, что П. Ю. Дуранте была владелицей книги с 1904 до 1913 гг.

Титульный лист

Однополосный титул размещен на правой четной странице. Композиция титульного листа включает в себя название книги, заключенное в рамку с графическим изображением мифологических и аллегорических фигур, различных атрибутов, картушей с латинскими изречениями и изображениями, символических знаков, растительных мотивов, орнаментальных элементов. В публикуемом издании титул решен в черно-белом цвете.

города располагаются в том же районе страны, что и Франкфурт-на-Майне (место издания «Травника» П. А. Маттиоли – И. Камерария), между ним и городом Лар около 200 км.

[6] Жозефина Наталия София Дуранте (1877–1969), в замужестве Богаевская. К. Ф. Богаевский и Ж. Г. Дуранте женились в 1906 г. [1, с. 104]. Имя Ж. Г. Богаевской неверно названо в ст.: [8, с. 686, 689]. Автор приносит извинения читателям и потомкам семей Дуранте и Килиус.

[7] Паулина Юльевна Дуранте (урож. Килиус) (1847–1932), в браке с Г. А. Дуранте (1836–1906) имели семерых детей: Фердинанда-Антонио (1871–1937), Антуанетту-Марию (1874–1957) Жозефину-Натали-Софию (1877–1969), Антония-Юлия (1881–1937), Льва (1883–1960), Леонарда (1885–1820), Юлия-Цезаря-Аллегьери (1889–1921). П. Ю. Дуранте была замужем вторым браком за Леонардом Антониновичем (Антоновичем) Дуранте, братом Г. А. Дуранте [6, с. 43–51].

[8] Матерью Густава (Александра Томаса) Антониновича (Антоновича) Дуранте была также представительница семьи Килиус – Ида Паулина Эрмина (1814–?). Паулина Юльевна Дуранте была ее племянницей [6, с. 40, 223–227].

Текст титульного листа полностью заполняет плоскость внутри титульной рамки. Титульный лист, транслитерация (немецкий язык):

Kreutterbuch
Deß Hochgelehrten vnd
weitberühmbten Herrn D. Petri Andreæ
Matthioli, Jetzt widerumb mit vielen schönen newen
Figuren / auch nützlichen Artzneyen, vnd andern guten
Stücken / zum vierdten mal auß sonderm Fleiß
gemehret / vnd verfertiget /1250
Durch
Ioachimum Camerarium,
der löblichen Reichstatt Nürn-
berg Medicum, Dock.
Sampt dreyen wolgeordneten nützlichen Registern
der Kreutter Lateinische vnd Deutsche Namen / und dann
die Artzeneyen, darzu dieselbigen zu gebrauchen
jnnhaltendt.
Beneben gnugsamen Bericht / von den Distill-
lier vnd Brennöfen.
Mit besonderm Röm. Keys. Majest. Priuilegio,
in feinerley Format nachzutrucken.
Gedruckt zu Frankfurt am Mayn /
Bey Jacob Fischers S. Erben.
M DC XXVI

Перевод*:*

Травник высоко образованного и широко известного г-на доктора Пьетро Андреа Маттиоли, теперь снова дополненный многими красивыми новыми рисунками / а также полезными лекарствами / и другими хорошими экземплярами / в четвёртый раз с особым старанием подготовленный Иоахимом Камерарием, врачом славного имперского города Нюрнберга, доктором медицины.

Содержит расположенные в трех полезных указателях латинские и немецкие названия трав / затем лекарств, для которых те использовать.

Кроме того, достаточно полное сообщение о дистилляторах и сушильных печах.

С особого разрешения Его Величества, кайзера Священной Римской Империи печатать любым форматом.

Напечатал во Франкфурте-на-Майне /
у Якоба Фишера С. Эрбен.
1626

В центре титула надпись черными чернилами (?), выполненная письменным шрифтом одного из владельцев издания: *«F. Kruk. 1811»* (личность не установлена).

Графическое оформление титула

Титульная рамка, внутри которой расположен текст, представляет собой единое целое, сплошную нерасчлененную полосу, состоящую из мифологических и аллегорических фигур, объединенных орнаментальной конструкцией и заполненной символическими рисунками и атрибутами. Вся композиция построена на симметричном изображении двух картушей и шести фигур.

В центре орнаментированной рамки помещен овальный картуш с волютами, с сидящей Гигиеей, которая кормит змею [2, с. 47]. Слева от ее фигуры – древняя пентаграмма с латинскими символами: «A» (воздух), «Y» (вода), «T» (земля), «E» (огонь), «I» (идея, дух, храм) (рис. 8).

Фигура сидящей вполоборота Гигиеи в средневековом (римском?) наряде представлена на фоне горного пейзажа со скалой слева и архитектурными руинами (возможно, над-

гробным памятником) справа, деревьями, травами, плющом, а также крепостью вдали с высоким донжоном и акведуком. Змея обвивает руку богини, спокойно кормящей ее из сосуда, у ног ее стоит небольшой сосуд с округлым донцем. Гигиея – одна из ипостасей богини Афины, «Афина-Гигия» – один из ее титулов. Появление Гигиеи в композиции оформления титула книги, посвященной лечебным растениям, вполне уместно, т.к. она являлась дочерью мифологического бога врачевания Асклепия и была тесно связана с его культом. Образ Гигиеи воплощал в себе охранительницу здоровья, символ предотвращения болезней [9, с. 302].

По краю картуша размещена латинская надпись: «DICAT. VM BONAE VALENTV DINI», перевод: «Пусть скажет – хорошие дела достойны Бога».

В углах рамки изображены путти в окружении волют, плодов, сосудов в виде колбочек, бутылочки, стакана (слева), а также садовых инструментов: лейки, грабель, лопат (справа). По углам – пышные букеты цветов в драгоценных вазах. Интересно, что у путти опущены глаза на текст, а в руках они держат небольшие жезлы, формы которых напоминают буквы «I» и «C», которые могут означать инициалы Иоахима Камерария – **J**oachim **C**amerarius. Путти держат в руках сосуды, имеющие отношение к изготовлению лекарств из растений и их выращиванию: ступку с пестиком (слева) и лейку (справа).

На продольных сторонах рамки представлены изображения средневекового ученого-ботаника с цветами тюльпанов в одной руке и книгой в другой (слева) и средневекового садовника с лопатой (справа) (рис. 9). Обе фигуры образуют боковые стороны рамки. Образы поражают своей выразительностью и достоверностью костюмов. Ученый эпохи Возрождения – человек средних лет с густыми кудрявыми волосами и длинной бородой. Облачен в плащ, спадающий живописными складками, под плащом – франтоватый камзол с фигурными рукавами и застежками-бантами и длинная туника, а также шапку с высоким верхом и средневековую кожаную обувь. Цветы сорваны, он их изучает. Объемный фолиант в толстом переплете с закладкой показывает, что идет процесс исследования. Несколько грозный взгляд, длинные ногти могут свидетельствовать о принадлежности ученого к какому-либо сообществу – алхимиков (?), магов (?). Садовый работник – практик, удобная одежда и обувь, инструменты в руках, даже садовый нож за поясом, это образ современного человека, занятого своим трудом, не случайно он помещен на фоне цветущих растений. Образы говорят о двух подходах к миру растений – научному и трудовому.

Прямо под мужскими персонажами, в нижних углах титульного листа – женские фигуры: богиня весны Флора [2, с. 136] (Хлорида по-гречески) с рогом изобилия (слева) и Панацея – всеисцеляющая древнегреческая богиня врачевания. Флора изображена в цветочном венке, в платье, перевязанном под грудью и украшенном вышивкой и брошью, на манер средневекового платья эпохи Возрождения, но с обнаженными ногами, более приличествующими греческой богине, с букетами в руках из разных цветов – лилий, орхидей. Красота и нежная телесность фигуры и, особенно, стройных ног подчеркнута резкими линиями тяжелых и острых, грубых садовых орудий и приспособлений – пилы, косилок, решета, ножниц, а также нарочито геометризированных линий волютного орнамента, воспринимаемого здесь как части какого-то механизма. На плоскости лопаты – буквы «C» и «S», возможно, Camerarius – Камерарий, первая и последняя буквы фамилии ученого-ботаника, дополнившего и издавшего книгу Маттеоли.

Панацея, в соответствии с Флорой, изображена в платье ренессансного покроя, с таким же украшенным вырезом, с подчеркнутой грудью и животом греческой богини. Голова с выбритым по средневековой моде высоким лбом украшена затейливой диадемой и прической с взбитыми волосами. На плечи накинут тяжелый плащ. В поднятой руке богини – колба с настоем (?), в другой – коробочка с пилюлями. Ее фигуру окружают различной формы запечатанные бутыли со снадобьями, а под ногами, укрытыми тяжелыми складками платья, медный таз, плошки, ручки ложек – подсобная посуда для приготовления лекарств. Цветы, листья и даже корни растений указывают на их исходный материал. На

круглой крышке сосуда изображены буквы «I» и «A», Jost Amman – Йост Амман[9]. Женские изображения относятся к мифологическим образам, являющимися сутью и содержанием растительного мира и, в частности, его благотворного, целительного воздействия на человека. Средневековые одеяния Флоры и Панацеи – распространенное в иконографии перенесение персонажей древнегреческой и древнеримской мифологии в обстановку эпохи Возрождения и Нового времени с изображением современной им архитектуры, быта, костюмов.

В центре нижней части обрамления – картуш с видом полей и замка, выполненным в духе пейзажей Северного Возрождения (рис. 10). На переднем плане – обнесенный плетеным забором с калиткой округлый садик в стиле монастырских средневековых садов с раскидистым плодовым деревом, нижняя часть ствола которого обвита виноградной лозой. Несомненно, изображение является символом райского сада: на дереве зреют разные плоды – яблоки, груши, среди листьев наливаются крупные гроздья винограда. Изображение поддерживается девизом, запечатленным на извивающейся ленте: «WAN GOTT WIL SPES» (немецкий), что означает «Бог этого хочет».

Вокруг сада раскинулись пашни с пахарем и сеятелем (слева) и поля, среди них – пастух со стадом, играющий на свирели, вольно пасущиеся животные (справа). Деревни земледельцев и скотоводов, вдали высится господский замок с высоким донжоном и акведуком. Вся картина представлена на фоне горного пейзажа и залита лучами улыбающегося солнца. Картина мирной земли, трудовой жизни на лоне природы.

По краю картуша – надпись: «PROSPICIENTE DEO OMNIA FLOREBVNT», перевод с латыни: «Всё перед Богом процветает». В этом утверждении заключается основной итог и смысл графического изображения титульного листа, а также содержания, которому посвящена книга: разнообразию и богатству полезных для лечения растений и всеобщему здоровью людей.

Венчает картуш маскарон, помещенный между женскими фигурами – схематичное старческое мужское лицо, «вылепленное» из мягких растительных и животных форм в окружении геометрического орнамента, образующего «рога», диадему, а также цветов и плодов, заполняющих поле. Маскарон воспринимается как декоративный мотив, противопоставленный одухотворенным женским персонажам и бытовой картине картуша.

Среди основных образов титульной рамки в разных местах разбросаны мелкие «тайные» изображения, заполняющие пустоты орнамента. Кувшин левого путти украшен выпуклым налепным декором, образованным завитками волют и звероподобной личиной с открытой пастью. У путти справа на краю вазы виден бородатый профиль (не Фавна ли голова?). Под вазой – на фоне архитектурной детали силуэт птицы с открытым клювом. Под ногами Панацеи в узорах орнамента можно разглядеть силуэт сидящей совы, голову какого-то существа (рыбы?), бородатую личину, человечка (?). Эти детали заставляют пристально вглядываться в изображение, пытаться разгадать замысел художника.

[9] Йост Амман (1539–1591) – швейцарский живописец, график, рисовальщик, клейнмейстер середины – второй половины XVI в. Уроженец Цюриха, проживал в Нюрнберге [4, с. 25]. Создавал иллюстрации к изданиям древних и современных авторов на разные темы: исторические и юридические труды, медицинские и естественнонаучные трактаты, книги по геральдике, фармакопее, акушерству, городской жизни. С издателем Зигмундом Фейерабендом во Франкфурте-на-Майне работал с 1564 по 1588 гг. Первое франкфуртское издание «Травника» Маттиоли в дополнении И. Камерария было выпущено в 1586 г., его титул совпадает по оформлению с титулом публикуемого экземпляра 1626 г. Начиная с первого франкфуртского издания «Травника» Маттиоли 1586 г. и до 1626 г. использовался титул авторства Йоста Аммана. Исследователь истории франкфуртских издательств определил работы гравера Й. Аммана как новаторские по композиции, выполненные мастерски, на высоком художественном уровне [5]. Собственноручные работы Аммана помечены монограммой «IA». Перечень его работ к изданиям древнеримских авторов соответствует увлечениям эпохи античной тематикой. Автор утверждает, что его книжные гравюры переиздавались «не только при жизни, но и после смерти автора», причем в ряде случаев использование их в оформлении книг происходило произвольно. Йост Амман являлся одним из выдающихся мастеров-графиков, привлечение его произведения к декору титульного листа «Травника» Маттиоли, отражающего смысл и содержание книги, повышало уровень издания, наделяло практический сборник идеей высшей связи житейского с божественным.

Значение титула в издании велико: он предваряет текст книги, вводит читателя в мир лекарственных растений, отражает культурно-исторический период, в который велась подготовка и опубликование материала. По данному титулу «…можно судить о содержании эпохи» [3, с. 45].

В общей симметричной композиции обрамления наблюдаются тематические сопоставления: два овальных картуша с видами, две фигуры путти, два садовода, две фигуры сидящих богинь. Сопоставления даны даже в деталях: горные пейзажи с замками, садовые инструменты, орнаментальные мотивы: волюты, цветы в вазах, элементы архитектуры. Симметрия проявляется в размещении композиционных образов, позах персонажей, в их смысловом значении, а также в геометрии ряда орнаментов. Стилистика барокко в оформлении титульного листа проявляется не только в динамике изображений фигур, но и в насыщенности титульной рамки рисунками архитектурных деталей, картушей, реалистически изображенных предметов, пышных растительных мотивов, причем людские фигуры представлены весьма объемно, они не лишены скульптурности, а некоторые, например, путти или сидящие богини, просто являются весьма часто используемыми в иконографии стиля. В то же время, статичность фигуры ученого или народность образа садовода заставляют вспомнить средневековую скульптуру романских и готических времен. Мелкие полускрытые изображения, маскароны говорят об увлечении в период Возрождения гротескными образами в искусстве, которое особенно ярко проявилось в творчестве И. Босха, и которому отдал дань и великий Леонардо. Они наполняют декоративный архитектурно-растительный орнамент живостью, фантазией природного многообразия. Гравер свободно обращался с разновидным материалом, как из области символики, так и художественной интерпретации образов, античных мифологических, средневековых традиционных и современных народных, повседневных. Принимая во внимание скульптурность фигур, а также изображения ваз, маскарона, растений, можно предположить, что на композицию иллюстрирования титульного листа книги повлияла эстетика оформления сада эпохи Возрождения – барокко, использующая формы и возбуждающая античные и средневековые реминисценции. В этом смысле оформление книги находится в общем потоке стилистического развития европейского искусства и культуры.

Оформление хвостового убора

В той же стилистике выполнено оформление т.н. хвостового убора (рис. 14), расположенного в конце книги, под словом «FINIS», и выделенного крупным шрифтом обозначения места печати:

Gedruckt zu Franckfurt am Mayn/
bey Wolffgang Hoffman/
In Verlegung Jacob Fischers S. Erben.

Перевод с немецкого:

Напечатано во Франкфурте-на-Майне/
у Вольфганга Гоффмана/
в издательстве Якоба Фишера С. Эрбеном.

В центре композиции в овальном картуше изображена фигура Сатурна, несущегося верхом на крылатом олене, занимающая все пространство картины. В глубине – пейзаж пустынного морского побережья с высокими горами и горными замками. Обнаженная фигура развернута спиной, бородатое лицо повернуто к зрителю, голову украшает пышный лиственный венок, в правой руке он держит серп, в воздетой к небу левой руке бога – кольцо змеи, «уробóрос». Фигура бога напряжена, а в мимике лица – грозный жесткий, даже жестокий оскал. Развевающийся плащ Сатурна, раскрытые крылья оленя, поднятые руки, «бегущие облака» – все передает динамику движения.

Картуш Сатурна сопровождают латинские изречения, начертанные на рамке (расположение слов по кругу: справа от центра, вниз, налево, вверх):

AVOLAT. AERIPES. EALX. DEM/
ETIT. ET. CAVET. ANGVIS. RES./

AGE. PRVDENTER. FVGIT. ET./
SECAT. OMNIA. TEMPVS.
Перевод:
Пролетает с отсекающим серпом и змеей;
Поступайте благоразумно,
Проходя через все временные периоды (жизни)[10].

Сатурн первоначально в древнеримском пантеоне являлся богом посевов, зарождения, изобилия, богатства, сельского хозяйства. Впоследствии он был объединен с греческим титаном Кроносом, символом неумолимого времени, роль которого была перенесена на Сатурна [10, с. 18, 417]. Вместе с Янусом в течение времени, получившим название Золотого века, они правили землями Лация[11], установив там мир, изобилие, цивилизацию, жители которого пользовались его природными богатствами. Отождествление Сатурна с Кроносом в римской религиозной традиции и практике придало новое содержание мифологическому образу, состоящее в поддержании циклического хода времен года, всего сущего, а также божества, поглощающего время. Такой смысл несет в себе греческое имя Кроноса, ассоциированное с именем «Хронос», т.е. Время [11, с. 356–357].

Уроборос – змея, кусающая себя за хвост, символ бесконечности Вселенной, цикличности природы, а также чередования созидания и разрушения, жизни и смерти, отражения процесса и законченности трансформации преобразования элементов, имеющий широкое распространение в античной культуре (культуре и искусстве эпохи Возрождения), мифологии, разных отраслях знаний. Крылатый олень с ветвистыми рогами являлся олицетворением благоразумия, чистоты, созидания, духовности, а рога оленя наделялись и практическим свойством: их сожжение должно было отпугивать змей.

Атрибутика мифологического персонажа на миниатюре хвостового убора характерна для образа Сатурна. Серп – символ земледельческой цивилизации, сельского хозяйства (а также инструмент кастрации, которой был подвергнут Сатурн), вместо серпа изображают и косу. Развивающийся плащ и крылья (в данном случае – у оленя), лиственный венок – приметы бога раннего периода. В то же время в образе «пролетающего» Сатурна появляются и черты Хроноса (Времени). Уроборос, как идея цикличности развития, бесконечной смены времен. Это поддерживается изображением пустынного пейзажа с далекими замками, над которыми пролетает Сатурн-Хронос. Смысловое родство с Хроносом-Временем выражено и в латинской надписи картуша (см. выше).

Опираясь на мифологическую, философскую идею сущности Сатурна-Хроноса античного времени (Греция и Рим), автор миниатюры эпохи Ренессанса создал синтетический образ покровителя земледелия и одновременно повелителя времен. Устрашающий облик бога, присущий ему в мифологической (и римской литературной) традиции, здесь поддержан латинскими изречениями, но смягчен отсутствием жестокой роли «пожирателя» как в иконографии, так и в надписи.

Появление в книжной графике Возрождения изображения Сатурна-Хроноса понятно и оправдано самим содержанием лечебного сборника. Создавая этот образ, автор миниатюры использовал традиционную древнеримскую иконографию, представленную целым рядом изображений (монументальная живопись, рельефы), творчески переработав их в соответствии с современными представлениями в области мифологии и литературы.

В верхних углах рисунка изображены сидящие женские фигуры: античная Немесида с мечом и весами (слева) и Вера с чашей Грааля и крестом (справа). Немесида – богиня справедливости, ее меч – атрибут возмездия, весы – символ равновесия, надзора. Вера, оли-

[10] Возможны варианты перевода этих изречений. Вступительная часть фразы, вероятно, имеет отношение к фигуре Сатурна, у которого серп «отсекает» все мешающее дальнейшему процветанию, змея – хранительница всего сущего, следующая сентенция претендует на роль жизненной установки: «быть мудрым», проходя все жизненные периоды.

[11] В Риме у подножия Капитолийского холма на форуме найден руинированный храм Сатурна, построенный в V в до н.э. в районе древнего городского поселения.

цетворение добродетели, изображена со священными христианскими предметами – чашей Грааля и крестом (латинским). Так же как в титуле, античная богиня в легком наряде, почти обнажена, а символическая фигура Веры, хотя и «прикрыта» платьем, но оно также соответствует позднеримско-возрожденческой моде.

Немесида, античный мифологический персонаж, как олицетворение наказания за грехи, полностью соответствовала христианскому мировоззрению, Вера – одна из главных христианских добродетелей и выразителей принадлежности к вероучению. Использование символических фигур христианства с их атрибутами в графике Возрождения, так же как в живописи и скульптуре, было распространенным явлением, например, в рисунках художников Северного Возрождения, фламандцев Мартена де Воса, Амброзиуса Франкена[12] и др.

Верхние фигуры окружены плодами и растительными элементами, а в центре, между волютами – маскарон (путти?). В нижних углах рисунка изображены повернутые спиной к зрителю, но оглядывающиеся на него шаловливые путти в окружении плодов и листьев. В центре между волютами второй маскарон с изображением детского лица. Необходимо отметить декоративную часть рисунка, состоящую из набора геометрических элементов (волюты, клинья, пирамидки, квадраты, «рожки́» и др.), образующих каркас всей композиции, имеющий грубоватый характер, скорее напоминающий деталь какого-то механизма. В целом такой декор подчеркивает телесность и мягкость «плодов земных», включая человеческие фигуры.

Композиция оформления рамки титульного листа и хвостового убора выполнена в одном стиле, с применением подобных элементов. Исполнение ксилографий, вероятно, принадлежит одному лицу (или выполнены в одной мастерской), исходя не только из подобия композиции, элементов, персонажей, но и общесимволического смысла графических миниатюр, т.е. их художественных особенностей. Графическая техника изображений, шрифт латинских изречений также являются идентичными. Предположение об авторстве графики Йоста Аммана является наиболее вероятным. «Травник» Маттиоли впервые на немецком языке был издан в 1563 г., в основе издания Камерария лежит пражский перевод Георга Хандиша, а иллюстрации происходят из наследия Конрада Геснера[13], приобретенного Камерарием.

После хвостового убора на правой стороне, на крышке переплета (страница отрезана и приклеена на крышку переплета) расположен выполненный черными чернилами (?) рукописный текст в два абзаца, 11 строк (почерк надписи не совпадает с другими идентифицированными текстами):

Salbe für grindige Hände/
Nimm Rauten, siede sie mit Baumöhl, thue ein/
wenig Wachs darunter, so wird es eine Salbe, schmiere/
die Hände damit, so werden sie rein.
Regenwurm Oehl/
Es dient vor reissen der Glieder, auch vor das/
Schwinden. Thue die Regenwürmer zusammen/
in einen Topf, und schlage es in ein Laib/
Brod, schieb es in einen Backofen, so lang/
bis das Brod bächt, darnach thue es in ein/

[12] Мартен де Вос (1532–1603) – один из ведущих художников фламандской школы живописи и графики XVI в. периода позднего маньеризма. Амброзиус Франкен I (1544–1618) – фламандский художник позднего маньеризма.

[13] Конрад Геснер (Гесснер, 1516–1565) – швейцарский ученый-энциклопедист, доктор медицины, систематизатор растений и животных. Работал в области практической медицины, фармакологии, ботаники, зоологии, минералогии, один из основоположников ботанической иллюстрации. Его многочисленные зарисовки растений (побегов, цветов, плодов), в которых достиг большого мастерства изображений, позволили ему выделить важнейшие признаки растений, развить методы познания – органографию и систематику. Рисунки К. Геснера послужили эскизами для иллюстраций его книги, ставшей одной из первых трудов по классификации растений «Руководство по истории растений» (Enchiridion historiae plantarum, 1541).

Glas, und distillire es in der Sanne (немецкий, черные чернила) (рис. 15).

Перевод:

Для рук, покрытых экземой. Возьмите руту, прокипятите ее с деревянным маслом (низкосортное оливковое масло), добавьте немного воска, и получится мазь, намазывайте ей руки, так они очистятся.

Масло из дождевого червя. Помогает при ревматических болях суставов, также при атрофии. Сложите в ёмкость земляных червей, замесите с ними хлебец, поставьте в печь, чтобы он испекся, затем положите его в стеклянную банку и дистиллируйте в сливках.

Провенанс книги

Владельцы книги со времени ее выхода до начала XX в. не установлены. Очевидно, в течение какого-то периода ими были представители семьи Килиус (южная Германия, земля Баден-Вюртемберг). Вероятным владельцем в 1811 г. был Ф. Крук, личность которого неизвестна. До 1904 г. была в собственности Лионы, являвшейся родственницей (тетей) Паулины Юльевны Дуранте (Килиус). 12 января 1913 г. издание «Травника» стало подарком П. Ю. Дуранте ко дню рождения мужу одной из ее дочерей, Жозефины, Богаевскому Константину Фёдоровичу. С этого времени книга находилась в личной библиотеке художника (об этом свидетельствует его экслибрис). Время поступления в фонды ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» – 2014 г.

Издания «Травника»

Первая «Новая травяная книга» (New Kreüterbuch) П. А. Маттиоли на немецком языке в переводе Георга Хадша фон Лимуса (Georg Handsch von Limus) была издана в Праге Г. Мелантрич и в Венеции В. Валгриси в 1563 г. В этой публикации использовались ксилографии из издания «Meyerpeck» (Фрайберг). Все более поздние выпуски отредактированы И. Камерарием и снабжены другими иллюстрациями.

В 1586 г. «Травник» напечатан во Франкфурте-на-Майне. Это издание переработано и дополнено Иоахимом Камерарием (Joachim Camerarius der Jüngere), в основе издания лежит пражский перевод Георга Хадша. Издательство Зигмунда Фейерабенда (Sigmund Feyerabend), Петера Фишера (Peter Fischer), Генриха Дака (Heinrich Dack). Иллюстрации происходят из наследия Конрада Геснера, приобретенного И. Камерарием. Книга содержит 460 страниц. Издание иллюстрировано, снабжено указателем перечня болезней и растений. Оформление титула и иллюстрации выполнены без использования цвета, текст титула черно-красный. Рисунок титула совпадает с публикуемым изданием 1626 г., хвостовой убор различен: аллегорическое изображение трех женских фигур в античных нарядах с музыкальными инструментами и атрибутами в характерных для эпохи Ренессанса облике и позе «трех граций».

Издания 1563 г. и 1586 г. были выпущены также с цветным титулом и иллюстрациями. Так, в «Травнике» 1586 г. шрифт титула – черно-красный, титульная рамка расцвечена красным, темно-красным, бордовым, розовым, светло-зеленым, голубым, желто-золотистым, желто-лимонным, светло-терракотовым тонами, иллюстрации в тексте (изображения растений) – зелеными, лиловым, синим, желтым, красным.

Последующие издания «Травника» Маттиоли, дополненного И. Камерарием, во Франкфурте-на-Майне были предприняты в 1590, 1611, 1626, 1678 гг. (также в Базеле, Амстердаме, Праге).

Публикуемое издание «Травника» 1626 г. (франкфуртское, 4-е) было напечатано и в цветном варианте (отличным от книги 1586 г.): титул с черно-красным текстом и титульной рамкой, рисунок которой расцвечен красным, изумрудно-зеленым, сиреневым, оранжевым, голубым, белым, бордовым, фиолетовым тонами. Рисунки растений выполнены в цвете.

Многократное издание «Травника» Маттиоли в переработке И. Камерария выполнено с определенной достоверностью и полнотой, прикладной доступностью, что обеспечивало его популярность и востребованность в течение долгого времени.

Рис. 1. Пьетро Андреа Маттиоли

Fig. 1. Pietro Andrea Mattioli

Рис. 2. Иоахим Камерарий Младший

Fig. 2. Joachim Camerarius the Younger

Рис. 3. Надпись на корешке «Травника» П. А. Маттиоли

Fig. 3. Inscription on the book-spine of P. A. Mattioli's *Herbal Book*

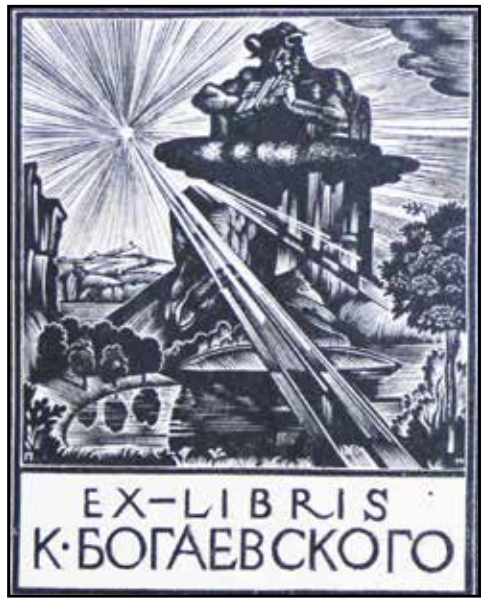

Рис. 4. Экслибрис К. Ф. Богаевского

Fig. 4. K. F. Bogaevskii's bookplate

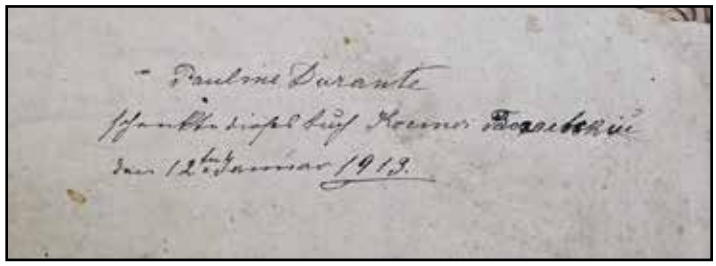

Рис. 5. Дарственная надпись К. Ф. Богаевскому на шмуцтитуле «Травника»

Fig. 5. Presentation inscription to K. F. Bogaevskii on the *Herbal Book*'s half-title

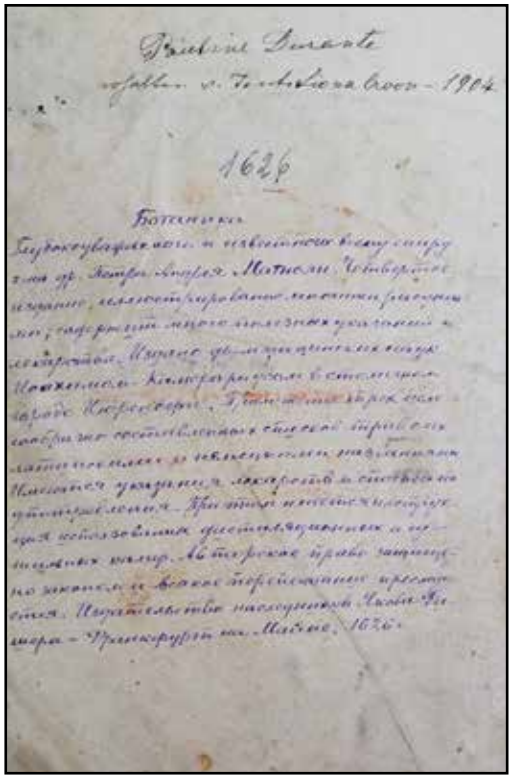

Рис. 6. Надписи на оборотной стороне шмуцтитула «Травника» П. А. Маттиоли

Fig. 6. Inscriptions on the backside of the half-title of P. A. Mattioli's *Herbal Book*

Рис. 7. Титульный лист «Травника» П. А. Маттиоли 1626 г.

Fig. 7. Title page of P. A. Mattioli's *Herbal Book*

Рис. 8. Верхний картуш титульной рамки «Травника» П. А. Маттиоли с рисунком Гигиеи

Fig. 8. Upper cartouche of the title frame of P. A. Mattioli's *Herbal Book* showing Hygiea

Рис. 9. Рисунки фигур ученого-ботаника и садовника боковых сторон титульной рамки «Травника» П. А. Маттиоли

Fig. 9. Illustrations showing a learned botanist and a gardener on the sides of the title frame of P. A. Mattioli's *Herbal Book*

Рис. 10. Нижний картуш титульной рамки «Травника» П. А. Маттиоли

Fig. 10. Lower cartouche of the title frame of P. A. Mattioli's *Herbal Book* showing Hygiea

Von Kräutern vnd Bäumen.

Von Cassia. Cap. XI.

Cassia derselben Blumen / Aßen / Blätt vnd Samen.

Cassia solutiua, ipsius nomen sonat, siquis folium & semen.

Cassia Monspeliensium, cum suo flore, fructu, & cortice radicis.

Gestalt.

Cassia / welche man jetzund gemeintglich zu linden Purgationen braucht / wächst in Egypten auff einem hohen Baume. Dieses Baums eusserliche Rindeist aschenfarb. Das Holtz inwendig fest vnd derb / nahe gegen den Rinden gelb / an dem innerthel oder Kern schwartz / gleichermassen wie das Frantzosenholtz Guaiacum genant. Er hat auch grosse Wurtzeln / wie der Nußbaum. Die Blätter sind spitzig. Der gantze Stamm reucht starck / dieweil er frischlich / alsbald er aber dürre wird / verliert er den Geruch. An den Aesten hat er zu Aere / fast einer Elen lang / vnd bißweilen länger / sind rund / derb / schwartzbraun / inwendig mit weichem / kelschwartzen / süßen Marck gefüllt / doch liegt solch Marck nicht gantz an einander / sondern ist mit vielen holtzächen Häutlen vil wendig vnterschieden. Zwischen jedem häutlen stecken harte Kernen / anzusehen wie kleine Hertzlen / vnd deren in S. Johannesbrod fast ähnlich / daß man sie beyde nicht wol von einander erkennen kan.

Wenn man die Kern wol einweicht / vnd fleissig wartet / gehet dieser Baum auff allerley weise das Johannesbrod / jedoch bekompt er darnach länglichte Blätter / wie an dem Pfirsingbaum / die Blumen sind gelb / fast wie an der Genista, wie mir dieselben an einem Ast mit Blättern der hochgelehrte Herr Bernhardus Paludanus, der Artzney Doctor / der in Egypto vnd andern weiten Orten gewesen / vnd alles mit grossem Fleiß erforschet / neben andern viel frembden schönen Sachen verehret hat.

Stell.

Cassia wächst in gebawtem Erdreich. Die allerbesten Cassienörder werden von Memphi / vnd Alexandria aus Egypten zu vns gebracht / sind frisch / schwer / derb / nicht sehr dick / leicht / vnd so man sie schüttelt / höret man die inwendige Kernen nicht rauschen.

Dann

Рис. 11. Страница «Травника» П. А. Маттиоли издания 1626 г.

Fig. 11. A page of title frame of P. A. Mattioli's *Herbal Book* published in 1626

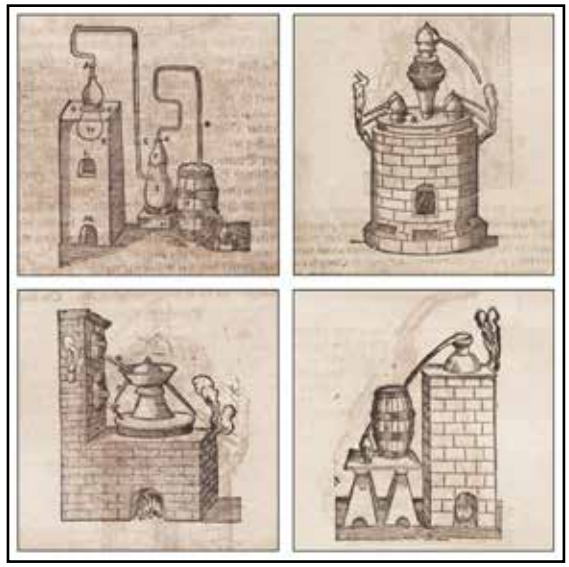

Рис. 12. Рисунки из «Травника» П. А. Маттиоли издания 1626 г. Дистилляционные и сушильные аппараты

Fig. 12. Illustrations from P. A. Mattioli's *Herbal Book* published in 1626: distillation and drying devices

Рис. 13. Виньетка последней страницы текста «Травника» П. А. Маттиоли

Fig. 13. Vignette on the last text page of P. A. Mattioli's *Herbal Book*

Рис. 14. Концевой убор издания «Травника» П. А. Маттиоли издания 1626 г.

Fig. 14. Final design of P. A. Mattioli's *Herbal Book* published in 1626

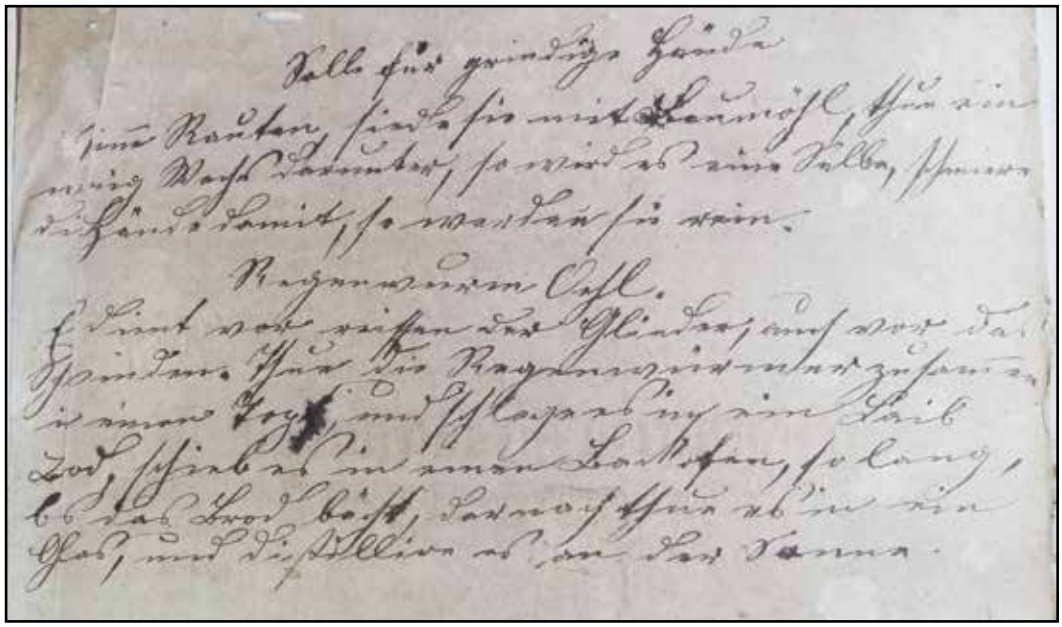

Рис. 15. Рецепты на крышке переплета «Травника»

Fig. 15. Recipes on the binding cover of the *Herbal Book*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бащенко Р.Д. К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. 296 с.
2. Буслович Д.С., Персианова О.М., Руммель Е.Б. Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа. Л.: Аврора, 1978. 158 с.
3. Валуенко Б.В. Наборный титул и рубрики книги. Киев: Техника, 1967. 126 с.
4. Власов В.Г. Амман Йост // Стили в искусстве: словарь в 3-х т. Т. 2. СПб.: Кольна, 1996. 544 с.
5. Долгодрова Т.[А.] Золотой век франкфуртских книг // Наше наследие. 2002. № 61. С. 136–142.
6. Крымский (Петров) А.Е. Дуранте (Стойкие). Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2022. 320 с.
7. Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины немцев (XIX – начало XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Крымский республиканский краеведческий музей; сост. Ю. Н. Лаптев. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 37–49.
8. Ломакина М.А. Книжное собрание и мастерская К.Ф. Богаевского // МАИЭТ. 2023. Вып. 28. С. 686–704.
9. Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 1: «А–К» / Под ред. С.А. Токарева. М.: Советская Энциклопедия, 1980. 672 с.
10. Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 2: «К–Я» / Под ред. С.А. Токарева. М.: Советская Энциклопедия, 1980. 720 с.
11. Реальный словарь классических древностей / О-во классич. филологии и педагогики; авт.-сост. Ф. Любкер; под ред. Ф. Гельбке, П. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885. 494 с.

REFERENCES

1. Bashchenko R.D. *K.F. Bogaevsky*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1984, 296 p.
2. Buslovich D.S., Persianova O.M., Rummel' E.B. *Mifologicheskie, literaturnye i istoricheskie siuzhety v zhivopisi, skul'pture i shpalerakh Ermitazha* [Mythological, literary and historical subjects in painting, sculpture and trellises of the Hermitage]. Leningrad, Avrora Publ., 1978, 158 p.
3. Valuenko B.V. *Nabornyi titul i rubriki knigi* [Typesetting title and book headings]. Kiev, Tekhnika Publ., 1967, 126 p.
4. Vlasov V.G. Amman Jost. *Stili v iskusstve: slovar'* [Styles in Art: Dictionary]. Vol. 2. St Petersburg, Kol'na Publ., 1996, 544 p.
5. Dolgodrova T.A. The Golden Age of Frankfurt Books. *Nashe nasledie* [Our legacy], 2002, vol. 61, pp. 136–142.
6. Krymskii (Petrov) A.E. *Durante (Stoikie)* [Durante (Persistent)]. Simferopol, Mediatsentr im. I. Gasprinskogo Publ., 2022, 320 p.
7. Laptev Iu.N. German religious communities of Germans (XIX – early XX century). *Nemtsy v Krymu. Ocherki istorii i kul'tury* [Germans in Crimea. Essays on history and culture], Simferopol, Tavriia-Plius Publ., 2000, pp. 37–49.
8. Lomakina M.A. Book collection and workshop of K. F. Bogaevsky. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 686–704.
9. Tokarev S.A. (eds.) *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1980, 672 p.
10. Tokarev S.A. (eds.) *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1980, 720 p.
11. Liubker F. (eds.). *Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei* [Real dictionary of classical antiquities]. St Petersburg, A. Suvorin Publ., 1885, 494 p.

Информация об авторах

Ломакина М. А. – научный сотрудник Крымского этнографического музея, Researcher ID: Y-9364-2019.

Айбабина Е. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAC-5735-2022.

Authors information

Lomakina M. A. – Researcher at the Crimean Ethnography Museum, Researcher ID: Y-9364-2019.

Aibabina E. A. – Candidate of Science (History), Associate professor of the Department of geometric and computer modeling of energy-efficient buildings of the Academy of construction and architecture of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-5735-2022.

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.528-544

ВКЛАД БОРИСА ДЕНИКЕ В ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Лидия Алексеевна Сыченкова
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
l.sichenkova@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлена историографическая реконструкция малоизвестной страницы творческого наследия и биографии историка искусства, востоковеда Бориса Петровича Денике (1885–1941). Б. П. Денике удалось определить типологические особенности крымско-татарской архитектуры, раскрыть ее синтетический характер, взаимосвязь с архитектурными стилями других эпох и народов. Синтез архитектурных стилей Востока и Запада сформировал неповторимый облик «культовых» и «гражданских» сооружений крымских татар. Примененная в статье методика сопоставления содержания публикации Б. П. Денике с дневниковыми записями ученого позволяет доказать, что описание памятников, сделанное исследователем, является результатом не только переосмысления известного к тому времени корпуса исследований по крымско-татарской архитектуре. Анализ крымско-татарской архитектуры Б. П. Денике опирается на его личные впечатления от памятников, полученные при посещении Крыма с 1905 по 1937 гг. Прочтение биографии Б. П. Денике в контексте последовательного освоения темы крымско-татарской культуры позволило одновременно выявить список неожиданных связей, переплетение судеб археолога Б. Н. Засыпкина, археолога и этнографа Н. Л. Эрнста, искусствоведа Я. А. Тугенхольда, тюрколога и крымоведа Я. М. Кемаля, музейного деятеля Г. Я. Росселевича. Значимость возвращения в научный оборот забытой статьи Б. П. Денике в настоящее время возрастает, поскольку отдельные из описанных ученым памятников культурного наследия крымских татар в настоящее время не сохранились. Статья Б. П. Денике позволяет восполнить еще один пробел в истории крымоведения.

Ключевые слова: архитектурное наследие крымских татар, Б. П. Денике, художественная культура Востока, Б. Н. Засыпкин, Н. Л. Эрнст, Я. М. Кемаль, крымоведение, синтез архитектурных стилей, «культовая» и «гражданская» архитектура

BORIS DENIKE'S CONTRIBUTION TO THE STUDIES OF THE CRIMEAN TATAR ARCHITECTURAL HERITAGE

Lidiia A. Sychenkova
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
l.sichenkova@yandex.ru

Abstract. This article presents a historiographical reconstruction of a little-known page in the heritage and biography of the art historian and orientalist Boris Petrovich Denike (1885–1941). The research uses the method of comparing the content of B. P. Denike's article with the entries in his journal concerning the visits to the Crimea from 1905 to 1937. This approach allows the one to prove that the description of the monuments provided by B. P. Denike's essay is the result of not only rethinking of the well-known current scholarship on the Crimean Tatar architecture, but also the scholar's personal impressions of the monuments obtained during visits to the Crimea in different years. B. P. Denike managed to make a typological definition of the features of the Crimean Tatar architecture and to determine its place in the system of world architecture. In a brief essay of 1937, B. P. Denike revealed the synthetic nature of the Crimean Tatar architecture. According to B. P. Denike, the unique appearance of the structures belonging to the "cult" and "civil" architecture of the Crimean Tatars shaped in result of the synthesis of many styles. B. P. Denike managed to reveal the Crimean Tatar architecture's unique perception of the architectural styles of the East and West, explainable by its genesis. Simultaneously, the reading of B. P. Denike's biography in the context of the continual researches of the Crimean Tatar culture allows the one to compile a list of unexpected connections, intertwining the destinies of outstanding persons

in the history of Crimea, such as archaeologist B. N. Zasypkin, archaeologist and ethnographer N. L. Ernst, art historian Ia. A. Tugenhol'd, Turkologist and Crimea researcher Ia. M. Kemal', and museum worker G. Ia. Rosselevich. B. P. Denike's forgotten article now returning to the academic circulation is of especial value, as the researcher described several monuments of the cultural heritage of the Crimean Tatars that did not survive.

Keywords: architectural heritage of the Crimean Tatars, B. P. Denike, Oriental art, B. N. Zasypkin, N. L. Ernst, Ia. M. Kemal', Crimean studies, synthesis of architectural styles, "cult" and "civil" architecture

К 140-летию Бориса Петровича Денике (1885–1941)

Статья Бориса Петровича Денике «Зодчество крымских татар» 1937 года [16] оказалась забытой, как и другие его публикации в «Архитектурной газете» [17; 18; 19]. Хотя жизненный путь искусствоведа Б. П. Денике достаточно подробно описан его учениками и последователями [6; 1], однако в его творческой биографии остаются не проясненные моменты. Одним из таких неясных моментов является неожиданное обращение ученого в 1937 г. к истории крымско-татарской архитектуры. К этому времени Б. П. Денике выпустил книги по истории мусульманского искусства, искусства Ирана и подготовил альбомы по искусству Индии, Турции, Китая и Японии. Труды ученого получили мировое признание. На III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде в 1935 г. Б. П. Денике был выбран в члены Международной ассоциации по изучению иранского искусства и археологии[1]. Он работал директором Музея народов Востока в Москве (1925–1929 гг.), профессором Московского университета, принимал участие в многочисленных экспедициях в Средней Азии и на Кавказе.

В 1937 г. Б. П. Денике опубликовал статью о крымско-татарском зодчестве. Обращение ученого к этой теме было «неожиданным» только на первый взгляд. На самом деле Б. П. Денике давно увлекся культурным наследием крымских татар. С 1905 г. и на протяжении последующих двадцати с лишним лет он периодически приезжал в Крым, где знакомился с историей крымско-татарской культуры. Мотивы написания краткого очерка для «Архитектурной газеты», вероятно, связаны со стремлением Б. П. Денике привлечь внимание общественности к проблеме сохранения памятников культурного наследия одного из крымских этносов. Записи из дневника Б. П. Денике, опубликованные в 2006 г., являются основным источником для реконструкции «научной лаборатории» исследователя, они помогают, в том числе, понять мотивы его обращения к теме крымско-татарской архитектуры[2].

Статья Б. П. Денике совпала с программой систематического изучения культурного наследия крымских татар, разработанной советскими учеными [4]. Эта программа значительно расширила дореволюционную традицию преимущественного изучения античных памятников Крыма. Статья Б. П. Денике вышла через десять лет после публикации фундаментальной статьи его друга и коллеги Б. Н. Засыпкина[3] «Памятники архитектуры крымских татар» в журналах «Крым» и «Новый Восток» [24, с. 111–168; 25, с. 277–278][4]. Современными историками статья Б. Н. Засыпкина называется «классикой научного крымоведения» [32, с. 723]. Однако в историографии по истории архитектуры крымских татар статья Б. П. Денике даже не упоминается.

Б. П. Денике посчитал нужным сделать краткую публикацию на эту тему через десять лет после выхода статьи Б. Н. Засыпкина, поскольку за прошедшее время многое измени-

[1] Выборы происходили на заключительном заседании конгресса в Москве. От СССР были выбраны академик Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) и профессор Камилла Васильевна Тревер (1892–1974).

[2] К сожалению, публикаторам дневника удалось идентифицировать не все фигуры, упоминаемые Б. П. Денике без инициалов, и прокомментировать все факты и события.

[3] Засыпкин Борис Николаевич (1891–1955) – архитектор, художник, реставратор. В конце 1920-х годов работал в Крыму. В 1934 г. Б. Н. Засыпкин был арестован и сослан. С 1937 г. жил и работал архитектором в Узбекистане в управлении охраны памятников. Умер в Ташкенте в 1955 г.

[4] Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым» выпускало Московское отделение «Общества изучения Крыма» в 1925–1929 гг.

лось. Во-первых, были проведены новые археологические экспедиции по изучению архитектурного наследия Крыма, выявлены ранее неизвестные памятники. Во-вторых, сами памятники, которые описывал Б. Н. Засыпкин, сильно пострадали и фактически были разрушены после крымского землетрясения летом и осенью 1927 года[5]. Кроме того, Б. П. Денике расширил хронологические рамки рассмотрения архитектурного наследия крымских татар до XVII века. Также статья Б. П. Денике была предназначена для более широкого круга читателей, видимо, с целью привлечения внимания общественности к проблеме сохранения крымско-татарского наследия[6]. Статья Б. Н. Засыпкина оставалась в 1920-е гг. известна только узкому кругу специалистов.

Историк искусства Востока Борис Петрович Денике (1885–1941) – уникальная личность. Он вырос и учился в Казани, воспитывался в русско-немецкой семье. Поликонфессиональность и полиэтничность городской среды, окружавшей мальчика в детстве и молодости, не могли не повлиять на возникновение у него раннего интереса к Востоку [21, с. 25]. Уже в 9–10 лет «Боба», как его звали в семье, начал изучать арабский язык [21, с. 32–33], мечтал о поступлении в Лазаревский институт восточных языков в Москве [28, с. 136]. По собственной инициативе Б. П. Денике продолжил изучать арабский язык в Императорском Казанском университете. Он записался на курс арабского языка к известному профессору-востоковеду Н. Ф. Катанову (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 3473. Л. 12 об.).

Портрет Бориса Денике в студенческие годы. Фото Бориса Денике (Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 34673. Л. 22). Публикуется впервые

Содержание статьи Б. П. Денике «Зодчество крымских татар» интересно рассмотреть в контексте его биографии. Тема Востока не сразу стала доминирующей в его творчестве. Первоначально он писал статьи об античной и русской культуре. Но еще в раннем творчестве ученого можно проследить поступательное погружение в тему художественной культуры Востока. Так, в 1922 г. Борис Петрович выступил с докладом на научной ассоциации востоковедения[7] по теме «Современное состояние и задачи изучения искусства Востока» [21, с. 63]. В этом же году он прочел доклад «О миниатюрах древнейших мусульманских рукописей публичной библиотеки и Азиатского музея в Санкт-Петербурге» в Институте искусствознания[8].

На протяжении всей творческой жизни Б. П. Денике несколько раз обращался к теме тюрко-татарской культуры разных регионов России. Раньше всего ученый проявил инте-

[5] Землетрясения на Крымском полуострове произошли 26 июня и в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г.

[6] Тираж «Архитектурной газеты» почти в 20 раз превышал тираж специального журнала «Крым». В 1925–1926 гг. тираж журнала «Крым» составлял 5 тысяч экземпляров, а в 1927–1928 гг. – всего 1 тысяча экземпляров, а в последний год издания еще уменьшился до 800 экземпляров. За годы существования журнала вышло в свет 10 номеров. Тираж «Архитектурной газеты», выходившей с 1937 по 1939 гг., варьировался от 13 500 до 20 000 экземпляров.

[7] Всероссийская научная ассоциация востоковедения была создана Декретом ВЦИК от 13 декабря 1921 г. при Наркомнаце. В организации работали два постоянных отдела: историко-этнологический и политико-экономический. Ассоциация издавала журнал «Новый Восток» (1922–1930). В 1930 г. подвергалась критике за буржуазность и членство в ней немарксистских востоковедов старой школы. С 1930 г. ассоциация востоковедения вошла в состав Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

[8] Вероятно, имеется в виду Российский институт истории искусств (РИИИ, впоследствии – ГИИИ) в Петрограде, созданный еще в 1913 г. графом В. П. Зубовым.

Семья Денике в Казани, не позднее 1903 г.
Мать, бабушка и пять братьев, Борис 4-й слева. Из книги: «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. Вклейка между с. 32–34

рес к наследию булгаро-татарской и золотоордынской культуры Казанской губернии. Затем он изучал художественное наследие касимовских татар [21, с. 63]. 5 января 1928 г. Б. П. Денике сделал доклад на тему «Художественные памятники касимовских татар» в Историко-Этнологическом отделе Всесоюзной ассоциации востоковедения (ВНАВ) [23, с. 309–310].

В дневниковых записях Б. Денике есть упоминания о посещении Крыма в 1905 г. и многократно – с 1928 по 1941 гг. [21, с. 63]. В разные периоды жизни Б. Денике изучал музеи и памятники культуры крымских татар. Борис Денике увлекся искусством крымских татар еще студентом Императорского Казанского университета. В 1905 г. он впервые побывал на полуострове. С самого начала Б. Денике в Крыму заинтересовали именно крымско-татарские памятники [21, с. 26]. В дневнике Борис Денике записал: «10 марта 1905 года вместе с Митей Демперовым[9] уехал в Крым <…> Памятна поездка в Бахчисарай и Чуфут-Кале» [21, с. 26].

Яркие личные впечатления от посещения Чуфут-Кале в 1905 г. позволили Б. П. Денике написать словесный портрет древнего города. В 1926 г., через двадцать один год после первого пребывания в Крыму, Б. П. Денике в предисловии к книге офортов П. А. Шиллинговского[10] создал художественно-литературный образ Чуфут-Кале с кратким экскурсом в его историю. «Среди выжженной солнцем равнины возвышается величаво и одиноко на бесплодной, голой, каменной горе мертвый город Крыма – Чуфут-Кале. …Входишь в безлюдный город, идешь по каменный плитам мостовой, так гулко отдаются шаги в пустом городе. …Остатки улиц, площадей, груды развалин, порой бесформенных и хаотичных… А когда-то здесь была своя жизнь, город был оживленным торговым центром!» [40, с. 11]. П. Е. Корнилов назвал этот опус Б. Денике «прозой в стихах» [28, с. 134].

[9] Дмитрий Демперов (1883–1954) – двоюродный брат Бориса Денике. В 1919–1921 гг. ассистент кафедры геологии Казанского университета. С 1921 г. в Ленинградском горном институте. Профессор (1941).

[10] Шиллинговский Павел Александрович (1881–1942) – гравёр, живописец, педагог.

Вознеси Господи душу мою в обитель блаженства, сопричти к твоим проводникам и сохрани на том свете.
Во имя Бога Всемилосердного Рахмана. Нет Бога кроме Бога и Мухаммед пророк. Славо Богу.
Во имя Божие, восславим, братия, пророка. Живей на молитву. Помилуй нас, Господи! Мы твои слуги, Боже!

Фото страницы из дневника с открыткой на арабском языке для матери. Из книги: «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. Вклейка между с. 32–34

Б. П. Денике самостоятельно выстраивал свою жизненную стратегию, планомерно дрейфуя в сторону изучения культуры Востока. Знакомясь с биографией Б. П. Денике, поражаешься колоссальному объему специальной литературы и источников по искусству Востока, освоенных им за короткий период времени. Путь Б. П. Денике по осмыслению художественного наследия Востока не был простым, поскольку в советское время Б. П. Денике не имел возможности выезжать за границу и знакомиться с памятниками Востока, которые он описывал. Ученому не удалось побывать в Иране, Индии, Китае, Турции, Японии, хотя, вероятно, он об этом мечтал. Б. П. Денике, как любой ученый, стремился к международным контактам. Ему крайне редко удавалось встречаться с зарубежными специалистами по искусству Востока в советское время. Точно известно, что Б. П. Денике был лично знаком с американским иранистом Артуром Поупом[11] и высоко ценил его как специалиста.

Но еще в ранней молодости Б. П. Денике побывал в Европе, в рамках подготовки к профессорскому званию. В дневнике четко обозначены даты его заграничной командировки: с 25 мая 1913 по 22 марта 1914 г. [21, с. 30–31]. Б. П. Денике оказался в Европе перед первой мировой войной, когда начиналось массовое увлечение культурой Востока. Позднее в книге 1923 года он отмечал, что еще в 1910 г. в «Мюнхене и Берлине с большим успехом прошла выставка мусульманского искусства, в 1912 г. состоялась выставка миниатюры в Musée des Arts décoratifs в Париже» [13, с. 174]. Известно, что в Берлине, Риме и Париже Б.П. Денике имел возможность слушать лекции ведущих французских, немецких и итальянских искусствоведов. В автобиографическом очерке ученый отмечал, что кроме занятий в музеях и библиотеках Германии, Франция и Италии, он «слушал эпизодически лекции по истории искусств в Париже, Берлине, Риме» [21, с. 30–31]. В Париже Б. П. Денике занимался в “École des Hautes d’Études”[12] по истории искусств [39, с. 279–280]. Но, к сожалению, Б. П. Денике не назвал имен профессоров, лекции которых ему удалось прослушать. Остается только догадываться о том, курсы каких профессоров он посетил. Это вполне могли быть лекции по искусству Востока. Значение командировки в Европу в становлении Б. П. Денике, как востоковеда, еще недостаточно осмысленно. Возможно, именно тогда молодой ученый познакомился с ведущими европейскими историками искусства, в том числе и специалистами в области

[11] Поуп Артур Апэм (1881–1969) – американский ученый, историк искусства и историк архитектуры. Он был экспертом по персидскому искусству, редактором «Обзора персидского искусства» (1939).

[12] École pratique des hautes etudes – французское государственное учреждение высшего образования, находящееся в подчинении Министерства высшего образования и научных исследований Франции.

искусства и архитектуры Востока. Огромное впечатление на Б. П. Денике произвело знакомство в Берлине с результатами экспедиции А. Лекока в Восточный Туркестан[13]. По возвращению в Россию он опубликовал брошюру «О памятниках культуры и искусства Турфана» [12]. В 1913 г. напечатал статью «К вопросу об отношении Востока к раннегреческому искусству» [11].

Накопленные в 1910-е годы знания по восточной художественной культуре Б. П. Денике изложил в книге «Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства» [13], которая вышла в Казани. В первой монографии Б. П. Денике представил оригинальную концепцию реконструкции истории художественной культуры в исламских странах, обозначил перспективы ее дальнейшего изучения.

Уже в книге 1923 г. Б. П. Денике продемонстрировал блестящее знание зарубежной литературы по многим разделам художественной культуры мусульманских стран: миниатюре, зодчеству, прикладному искусству и т.д. [13, с. 238–239][14]. В очерке по мусульманской архитектуре Б. Денике рассматривал книгу «Руководство по мусульманскому искусству» французского историка архитектуры Анри Саладина [49], монографию «Исламское искусство» Эрнста Дица [43], альбом «Старый Константинополь: снимки города и его памятников архитектуры и искусства» Эрнста Дица и Генриха Глюка [44], монографии «Искусство османов» Г. Глюка [45] и «Культовые сооружения ислама» Отто Хёвера [46], а также книгу *«Мусульманская архитектура: ее истоки и развитие»* Джованни Ривуара [48] и другие исследования [13, с. 246–247]. Б. Денике был прекрасно осведомлен в новейшей российской историографии по искусству Востока. Он ссылался на труды В. В. Бартольда [2], М. Я. Гинзбурга [8; 9]. Это была самая новейшая литература на тот момент. Следовательно, Б. Денике приступил к осмыслению крымско-татарской архитектуры в 1937 г. уже достаточно подготовленным специалистом по истории архитектуры и по истории мусульманской культуры.

Книга «Искусство Востока» 1923 г. косвенным образом связала Б. П. Денике с первыми советскими крымоведами. Дело в том, что одним из первых рецензентов на книгу стал Я. А. Тугенхольд[15], который к этому времени приобрел известность как специалист по западноевропейскому искусству. Малоизвестный эпизод в биографии московского искусствоведа Я. А. Тугенхольда связан с пребыванием в Крыму. С 1919 по 1922 гг. он работал в Крыму, заведовал отделом искусств Крымского наробраза [37]. Я. А. Тугенхольд сумел оценить значение художественного наследия полуострова [35] и выступал в защиту памятников культуры на страницах газет [34, с. 15].

В рецензии на книгу Б. П. Денике московский искусствовед поддержал интерес автора к Востоку, поскольку тема, по его мнению, отвечала духу времени – «усиленного интереса народов России к судьбам народов Востока» [36, с. 30]. Я. А. Тугенхольд отметил, что Казань стала «гнездом по выпуску отличных книг по искусству», но выразил справедливое сожаление о том, что «автор не сделал конечных выводов» [36, с. 30]. Мнение и поддержка Я. А. Тугенхольда были важны для Б. Денике, поскольку рецензия была напечатана в журнале «Красная нива», главным редактором которого был влиятельный нарком просвещения А. В. Луначарский.

Таким образом, можно заключить, что уже в середине 1920-х годов Б. П. Денике зарекомендовал себя в качестве ведущего специалиста по художественной культуре Востока, демонстрируя в своих трудах блестящее знание новейшей литературы, мастерство в интерпретации изобразительных источников, владение ориенталистской лексикой описания архитектурных памятников.

---

[13] Восточный Туркестан – субрегион Центральной Азии, охватывающий Таримский бассейн и территорию от Тянь-Шаня до Монгольского Алтая.. Восточный Туркестан – это родина тюркоязычных народов Центральной Азии.

[14] Саладин Анри (Saladin, Henri, 1851–1923) – французский архитектор, историк архитектуры, археолог.

[15] Я. А. Тугендхольд напечатал рецензию под одним из своих псевдонимов – «Я.Т-д.».

Этапы знакомства Б. Денике с культурным наследием Крыма

В советское время Б. П. Денике приезжал в Крым несколько раз: в 1928 г., затем в 1934, 1936 и 1937, 1940 гг. В каждый приезд Б. П. Денике открывал для себя в Крыму новые памятники, музеи, заводил знакомства с местными краеведами, посещал археологические раскопки. Комплексная научная программа стимулировала начало процесса музеефикации крымско-татарского наследия: создание Восточного музея в Ялте с крымско-татарской комнатой (1920) и музея культуры крымских татар в Бахчисарае (1917). Планировалось масштабное изучение культуры и истории крымских татар археологами, этнографами, архивоведами и архивистами [5, с. 109–111].

Борис Денике не был кабинетным ученым, поэтому изучение источников и литературы в библиотеках и музеях он совмещал с постоянными поездками и экспедициями в Крым, на Кавказ, в Среднюю Азию. Между первым и вторым (1905 и 1928) посещениями Крыма Б. П. Денике прошло почти 23 года. К второму посещению Крыма Б. П. Денике был уже состоявшимся ученым, получившим признание в области востоковедения.

В 1928 г. Б. П. Денике посетил Восточный и Краеведческий музеи в Ялте [21, с. 67–68], познакомился с директором восточного музея, тюркологом Якубом Кемалем[16]. В 1928 году «28.VI. приехал в Ялту, остановился в Егииль-Айда. 9.VII. Восточный музей[17]. Директор Якуб Магомедович Кемаль. Наверху три зала: татарский, японо-китайский и прикладное искусство татар; зала внизу: арабский (декорация стен бухарских мастеров 90-х гг. 19 века), персидский (несколько хороших персидских ковров, поздняя бронза). 2 – персидский, тюрков Кавказа и Анатолии (хорошие ковры, один датирован 1247 годом Хиджиры). 11 июля посетил музей краеведения в Ялте, 1928 год зав. Росселевич[18]» [21, с. 67–68].

В автобиографических записках Б. П. Денике 1928 года зафиксировано: «12.VII. отъезд на автомобиле через Алушту в Симферополь. В 4 ч. отъезд из Симферополя с Засыпкиным в Евпаторию. Известно, что летом 1928–1929 гг. Бахчисарайским музеем проводилась экспедиция по изучению развалин и останков мечети 14 в. Чуфут-Кале» [21, с. 67–68]. Среди членов экспедиции был сотрудник московского МВК Б. Н. Засыпкин. Топографическую съемку вели стажеры Б. В. Веймарн и В. Н. Чепелев. Никто из людей, упомянутых в этом отрывке из дневника, не были случайными в жизни Б. П. Денике. Так, искусствовед Борис Веймарн был учеником Б. Денике. Искусствовед В. Н. Чепелев (1906–1942) был автором книги «Искусство советского Узбекистана» (1935). Научные интересы В. Н. Чепелева и Б. П. Денике переплетались, поскольку в 1930-е гг. Б. П. Денике готовил монографию «Архитектурный орнамент Средней Азии» [20], которую защитил как докторскую диссертацию в 1941 году.

О дружбе Б. П. Денике и Б. Н. Засыпкина следует сказать особо. Б. П. Денике несколько раз упоминал Б. Н. Засыпкина [21, с. 42, 47, 67–71, 73, 126, 129, 130, 133, 149, 150]. Первый раз фамилия Б. Н. Засыпкина встречается в записях 1924 года: «23.III. У Б. Н. Засыпкина смотрели акварели, снимки и чертежи самаркандских памятников» [21, с. 42]. В 1924 г. Б.П. Денике и Б. Н. Засыпкин были в составе экспедиции в Ташкент по заданию Узкомстариса [21, с. 47]. В 1927 г. Б. П. Денике опубликовал рецензию на статью Б. Н. Засыпкина «Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация» [31, с. 137–178], опубликованную в журнале «Новый Восток» [14, с. 233–239]. В воспоминаниях П. Е. Корнилова о Б. П. Денике также несколько раз упоминается Б. Н. Засыпкин [28, с. 73]. Все эти факты свидетельствуют о том, что Б. П. Денике и Б. Н. Засыпкин были друзьями и делились результатами своих исследований.

[16] Кемал Якуб Магомедович (1885–1938) –востоковед, турколог, получил образование в Стамбуле, обучался у академика А. Крымского в 1913–1914 гг. в спецклассах Лазаревского института восточных языков в Москве. Я.М. Кемаль был знатоком арабского языка и мусульманского права.

[17] Восточный музей в Ялте располагался в здании, конфискованном у эмира Бухарского, построенном в восточном стиле. Музей был основан в 1921 году. В 1930 г. Восточный музей был объединен с Ялтинским музеем краеведения, впоследствии переименован в Ялтинский историко-литературный музей.

[18] Россилевич Григорий Яковлевич – крымский краевед, директор картинной галереи И.К. Айвазовского в Феодосии, Ялте. Даты жизни установить не удалось.

В 1929 г. Б. П. Денике кратко сообщает о себе: «5.II. ушел из музея восточных культур. 20.II. Сдал дела». Никаких эмоций и комментариев о переживаниях, рефлексий по поводу утраты должности директора в музее. Дальше в автобиографических записях Б. П. Денике идет фиксация научных событий, встреч, планов исследований.

1929 год был насыщен события в жизни Б. Денике: он несколько раз побывал в Крыму, осмотрел новые для себя памятники, в том числе и крымско-татарские: «18. VIII. Выехал в Феодосию. Осматривал Феодосию. Интересны фрески 14 в. в ц[еркви] Стефана в Карантине, рельефы и портал украшенный орнаментом интересны в мечети Узбека – рама и крупная плетенка сельджукского типа в церкви Иоанна Предтечи в Карантине. <…> В Синагоге портал с орнаментом сельджукского типа. В Музее особенно интересны татаро-турецкие и армянские памятники. 22.5. ездил в Старый Крым по шоссе. Не доезжая 7 км до Старого Крыма, в селении Кара-Гёз[19], видна старинная мечеть с минаретом. В Старом Крыму осмотрел мечеть Узбека с медресе. Если мысленно восстановить внутреннее белокаменное убранство с колоннами и порталами, то ясно, что это была замечательная постройка (Уж не здание ли это построенное Байбарсом?[20]). Осмотрел также руины неподалеку, а также руину в бывшем владении Айвазовского. В хранилище древностей (1 комната и 40 №№) отмечу рубчатую колонну, двурогие надгробия, часть цоколя эллинистического, византийского типа, базу колонны» [21, с. 74].

В конце августа состоялась поездка Б. П. Денике в Судак. «28.VIII. утром пешком в Новый Свет с сыном Полканова[21]. Поражает мощь Генуэзской крепости[22]. Мечеть теперь, согласно Януковскому[23], датируется 1222 годом. Отмечу интересный для мусульманского искусства орнамент в Судаке, снимки которого надо иметь: 1) Орнамент вроде Ибн-Тулум внутри консульской башни (не видал). 2) Плита башни Паскавали-Джудиче[24] (рис. у Лапина). 3) Плита Торселло[25] (рисунок у Полканова). 4) Сельджукский орнамент на плетенке и побеги – на фронтоне против ворот крепости; 5–8) в мечети: две капители, михраб, обрамление окна.

13.VII. Евпатория гостиница «Дюльбер»[26]. Осмотр: ханская мечеть, медресе, киносы, 3 караимских домика, Музей. В музее великолепное собрание тканей (занавес из кераимской кеносы[27]), до 1000, есть турецкие и персидские 17 в. 14 июля проездом из Евпатории. Осмотрел и симферопольские музеи (в одном интересные татарские вышивки[28]), в другом – большой зал внизу, посвященный археологии (Солхар, каменные Бабы). Днем в Бахчисарае, осмотр дворца. Анна Н. Боданинская[29]. В Бахчисарае. По-

[19] Мечеть в Кара-гёзе находилась на северо-восточной окраине села, у пруда на правом восточном берегу реки Чурук Су. Ныне – село Первомайское Кировского района Республики Крым. В 1903 г. о плачевном состоянии мечети докладывали на Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК. 1903. Т. 35, с. 41–67]. Памятник был разрушен в годы советской власти.

[20] Предположительно мечеть Узбека возвели в 1287–1288 гг. Деньги на её строительство выделил султан Египта Бейбарс I. Руины этой мечети сохранились по сей день в г. Старый Крым.

[21] Полканов Александр Иванович (1884–1971) – крымский краевед, историк, археолог, искусствовед. Организатор «Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта» в 1921–1927 гг.

[22] Храм с аркадой (храм апостола Матфея, Падишах-Джами) – культовое сооружение XIII века в Судаке, в комплексе Генуэзской крепости.

[23] Личность Януковского установить не удалось.

[24] Паскуале Джудиче – боевая генуэзская крепость в Судаке.

[25] Плита с гербами Генуи и рода Торселло с орнаментами расположена на северной стене башни над окном второго яруса.

[26] «Дюльбер», в переводе с арабского означает «красивый», «прекрасный», «великолепный». Гостиница отличалась особой роскошью, была открыта 10 июня 1911 г.

[27] Кенасы – молитвенный дом крымских караимов. По-караимски «кенасса» означает «молитвенный дом».

[28] Техники вышивки назывались: «татар ишлеме», «мыклама», вышивка блестками – «пул». Кстати, татарские вышивки сохранились до настоящего времени в Центральном музее Тавриды в Симферополе.

[29] По версии публикаторов дневника, Анна Н. Боданинская могла быть супругой художника, директора Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае в 1917–1934 гг. Усеина Абдурефиевича Боданинского (1877–1938) [21, с. 68]

ездка в Чуфут-Кале. Раскопка мечети 14 в., резные каменные фрагменты в дворцовом доме» [21, с. 67–68].

С 1928 по 1932 гг. в жизни Б. Денике произошли печальные события. В 1932 г. он получил выговор от нового директора Государственных центральных реставрационных мастерских (ГЦРМ) Г. Я. Лидака за то, что в 1927 г. он привез из города Касимова два могильных камня в Музей Восточных Культур[30]. Г. Я. Лидак в своем доносе 1932 года отмечал, что привезенные камни «не отличаются художественной ценностью и абсолютно не нужны Музею для работы. Привоз этих камней, обошедшийся в общей сложности в 300 руб., является головотяпством б.[ывшего], буржуазного руководства» [7, с. 200]. И постановил: «Музей просит Сектор Науки одновременно со списыванием этих камней с инвентаря, взыскать с быв. директора стоимость перевозки этих камней из Касимова в Москву»[31].

Это событие никак не отмечено в дневнике Б. П. Денике. Он вообще не касался своих личных проблем и социо-политического контекста времени. В дневнике Б. П. Денике никому не давал негативных оценок, ни на кого не жаловался, только лаконично констатировал факты своей жизни.

Б. Денике продолжал расширять свои теоретические познания в области истории архитектуры. В начале 1930-х годов он был привлечен к подготовке перевода и издания на русском языке фундаментального труда «История архитектуры» признанного классика истории архитектуры, французского искусствоведа Огюста Шуази [21, с. 91–92][32]. Труд был опубликован в 1935 г. [41]. Б. П. Денике основательно погрузился в изучение истории архитектуры Китая [22] и Японии [15].

В 1934 г. Б. П. Денике побывал в Севастополе, Херсонесе, Фаросе, Месхиоре, Бати-Лимане, Гаспре [21, с. 91–92]. В 1936 г. Б. П. Денике вновь приехал в Крым. 28 июля посетил Ялту, Алушту. Отметил в дневнике, наверное, не без грусти: «Гурзуфской мечети уже нет» [21, с. 95][33].

В начале 1937 г. Б. П. Денике вновь в Крыму. «Обнаружил на кладбище деревни Мисхор мусульманское надгробие (XVII века) по надписям, 4–5 августа побывал в Бахчисарае (директор музея Зияддинов[34]). Посмотрел Евпаторийский коран XIV в., бахчисарайские ковры и пр.» [21, с. 98].

Вторая половина 1930-х гг. в биографии Б. П. Денике – это сложное время, он был морально подавлен, его подводило здоровье [21, с. 98]. В письме П. Е. Корнилову от 30 марта 1937 г. Б. П. Денике признавался: «Сильно занят, утомляюсь», от 17 сентября того же года: «Пропадаю от обилия всякой хлопотни, и чувствую, что слабею, просто не хватает сил справиться с идущими со всех сторон предложениями» [21, с. 14].

Архитектура крымских татар

К моменту обращения к архитектурному наследию крымских татар Б. П. Денике был признанным специалистом в области истории мусульманской архитектуры, имел личные впечатления от описываемых памятников, обладал знаниями в области материальной культуры татар, мог читать надписи на арабском языке, владел информацией о предварительных результатах экспедиций советских археологов в Крыму 1920–1930-х гг.

[30] 17 декабря 1927 г. Б. П. Денике сделал доклад в РАНИОН под названием «Художественные памятники касимовских татар», в котором использовал памятники, привезенные из Касимова.

[31] Лидак Ян Геннович – бывший красный латышский стрелок, человек, далекий от искусства. В феврале 1932 года он возглавил ЦГРМ.

[32] Шуази Огюст (1841–1909) – французский инженер, историк архитектуры.

[33] Гурзуфская мечеть – Мечеть Айя-София, построенная в 80-е гг. XIX века на средства русского купца Петра Губонина на месте старой мечети, сохранилась только на редких фотографиях. В 1927 г. гурзуфская мечеть пострадала в результате крымского землетрясения. Сегодня от нее осталась только одна стена.

[34] Личность Зияддинова установить не удалось.

В статье Б. Денике дает краткую историческую справку о культурной истории полуострова и о народах, оставивших след на территории Крыма: тавры, греки, готы, гунны, хазары, печенеги, половцы, потом генуэзцы, венецианцы и др. Особое внимание Б. П. Денике уделял крымским татарам, пришедшим на полуостров. «В XIII веке в Крыму появляются татары, чье государство просуществовало до конца XVIII века» [16, с. 4]. Б. П. Денике подразделял археологическую историю татар в Крыму на два периода: «золотоордынский – XIII–XV века, и крымско-татарский в собственном смысле (с конца XV до конца XVIII века)» [16, с. 4].

В статье Б. П. Денике упоминает старинную мечеть Узбека, которую он впервые увидел еще во время посещения Крыма в 1929 г. В статье ученый обратил внимание на рельефы и портал мечети. «К XIV веку относится в г. Старом Крыму мечеть Узбека[35], впоследствии перестроенная. Портал мечети, украшенный пышной, орнаментальной резьбой, сохранился в неприкосновенности и имеет дату… 1314 год» [16, с. 4; 30, с. 552–567; 26, с. 509–558].

Б. П. Денике добавлял новые сведения о памятниках татарского зодчества, добытые в результате первых советских экспедиций в Крыму 1925 и 1928 гг. «Удалось обнаружить еще два интересных памятника XIV века. В Старом Крыму – медресе с уцелевшими фрагментами величественного белокаменного портала. В 1928 году в Чуфут-Кале были открыты руины мечети, которая датирована 1346 годом. Анализ плана мечети и найденных архитектурных и орнаментальных фрагментов позволил делать вывод, что памятник представляет исключительную ценность для изучения строительного искусства крымских татар» [16, с. 4].

Рассматривая памятники, Б. П. Денике делает вывод о том, что зодчество крымских татар золотоордынского периода (XIII–XV вв.) связано с архитектурой эпохи турок-сельджуков Малой Азии и архитектурой Армении. К памятникам XV века Крыма относятся: мавзолей (дюбре[36]) Нинекеджан Ханын (для Джанике-Ханым) в Чуфут-Кале и Эска-Дюбре в Бахчисарае.

В XV в., когда полуостров находился в вассальной зависимости от Османской империи, на протяжении трех веков (вплоть до завоевания Крымского ханства царской Россией). В этот период зодчество крымских татар развивалось под влиянием традиций турецко-османской архитектуры.

Обращает на себя внимание использование Б. П. Денике искусствоведческой лексики 1930-х гг., непривычной в современном историко-культурном знании. Так, в этой статье он разделял памятники архитектуры крымских татар на сооружения: «культового зодчества» (мечети, медресе, дюбре) и «гражданской архитектуры» (дворцы, частные дома, караван-сараи, бани) [16, с. 4]. Однако в одной из более ранних работ 1923 г. в описании памятников архитектуры народов, исповедовавших ислам, у Б. П. Денике можно встретить использование термина «светские постройки» [13, с. 240]. Дифференциация памятников на «светские» и «религиозные» больше соответствует современной историко-культурной лексике. Возможно, в условиях усиливавшегося идеологического контроля Б. Денике был вынужден употреблять более деликатные термины – «культовая» и «гражданская архитектура», чтобы смягчить религиозный компонент крымско-татарского наследия[37].

[35] Мечеть Узбека была построена по повелению Мухаммеда Узбек-хана строителем Абдул-Азизом ибн Ибраим эль-Эрбели родом из Ирака.

[36] «Дюрбе» у татар – мавзолей, усыпальница, где хоронили знатных, влиятельных людей, а также их любимых жен.

[37] Надо сказать, что Борис Денике не подвергался гонениям за название книги «Искусство Востока. Очерки мусульманского искусства» – весьма провокационное в рамках атеистической идеологии. Вероятно, потому, что к тому времени советская власть еще не определилась в своем отношении к исламу. Но после 1923 года в названии трудов ученого больше не акцентировалось внимание на религиозном компаненте.

«От XVI века в Крыму сохранились два памятника из архитектурного наследия крымских татар – Салахчике близ Бахчисарая[38] и дюбре хана Хаджи Гирея[39], портал которого имеет килевидную арку и богато орнаментирован (1500 г.) и медресе (духовная школа) Зынджирлды (1501 г.)» [16, с. 4]. Дюрбе, или гробница хана Хаджи Герая, построенная его сыном Менгли Гераем в 1501 г. В годы советской власти была единственной многокупольной мечетью на территории европейской части СССР [47, p. 15].

Б. П. Денике отмечал, что основным материалом построек крымских татар был серый камень местной породы, главным образом, известняк [16, с. 4]. Цвет и фактура камня определяли облик местной архитектуры. Б. Н. Засыпкин более определенно высказывался о материале крымско-татарских памятников: «Татары, как кочевники, не владели искусством обработки камня и приготовления кирпича, и поэтому, как в первые столетия, так и последующие, они были вынуждены для своих построек и украшения их брать мастеров из других народов и даже иноземцев из других стран» [24, с. 113].

К памятникам раннего периода крымско-татарского зодчества Б. П. Денике относил развалины мечети Куршун Джами (Свинцовая мечеть). «Из базиличных мечетей Крыма наиболее интересная Ешиль-Джами[40]. Этот памятник позднего периода развития крымско-татарского зодчества построен в 1764 году, в духе турецкого рококо, возникшего в XVIII веке под влиянием французского искусства. Внутри мечеть украшена росписью того же стиля, работы художника Омера» [16, с. 4]. Имя турецкого художника Омера сохранилось в истории культуры Крыма благодаря надписи на мечети: «работал Омер, года 1178» [3, с. 127].

Мечеть была разрушена в результате бури еще в 1854 году [10, с. 22–27]. Попытки ее реставрации предпринимались еще при царском правительстве, но не увенчались успехом [29, с. 28–32]. Здание пострадало еще сильнее во время воны – в 1941–1944 гг. Мечеть была окончательно разрушена в 1946 г. [33, с. 76–84].

Самым значительным крымско-татарским памятником гражданской архитектуры Б. Денике назвал Ханский дворец в Бахчисарае, построенный в XVI в.[41] Одна из частей дворца имеет точную дату – 1503 год. Это так называемые Демир Капу («Железные двери»). Действительно, это каменный портал, построенный, согласно надписи, ханом Менгли-Гереем. Это, видимо, древнейшая, уцелевшая часть первоначального дворца [16, с. 4].

Б. П. Денике считал малоубедительной гипотезу одного из корифеев российской византинистики Н. П. Кондакова (1844–1925) о перенесении этого портала из какого-либо другого дворца. Гипотеза о происхождении портала Н. П. Кондакова возникла в 1870–1890-х гг., когда он входил в комиссию по составлению проекта реставрации дворца в Бахчисарае, занимался археологическими раскопками памятников Крыма [27, с. 435–452]. Б. Денике настаивал на том, что, по своему «стилю Демир Капу является характерным произведением итальянского Ренессанса (кроме надписей и некоторых восточных орнаментальных мотивов)» [16, с. 4]. Поскольку статья Б. Денике была опубликована не в научном, а в популярном издании, автор счел возможным не называть имени автора «малоубедительной», на его взгляд, гипотезы. Причины умолчания имени Н. П. Кондакова могли быть связаны с тем обстоятельством, что византинист оказался в эти годы в эмиграции. Упоминание о нем в 1937 г. было небезопасным для Б. П. Денике. К этому времени многие друзья из окружения ученого уже подверглись репрессиям.

Б. П. Денике считал более правдоподобной гипотезу Н. Л. Эрнста[42] о том, что «этот

[38] Салачик — исторический квартал Бахчисарая, а в XIV веке – первая столица Крымского ханства. После 1945 года Салачик стал частью Бахчисарая.

[39] Историко-археологический комплекс XV века «Салачик». Малоизвестный музей, Архитектурный ансамбль, состоит из пяти комплексов: Зынджирлы-медресе, дюрбе Хаджи-Гирея, руин хамама и музея «Ларишес».

[40] Ешиль-Джами (Зелёная мечеть) – мечеть, которая была построена в 1764 году в Бахчисарае, по приказу хана Герая. После убийства муллы была закрыта, служила монастырем дервишей и татарской школой. Сейчас не сохранилось даже следов от этого строения.

[41] В настоящее время памятник находится на реставрации.

[42] Эрнст Николай Львович (1889–1956) – археолог, специалист по истории Крымского ханства, этнографии и фольклору крымских татар.

портал возведен итальянским зодчим, строителем московского Архангельского собора, Алевизом Новым»[43] [42, с. 42]. В 1503–1504 гг. он находился в Крыму вместе с другими мастерами, ехавшими в Москву, но задержанными ханом Мингли Гереем [16, с. 4]. Современные искусствоведы и крымоведы придерживаются гипотезы Н. Л. Эрнста об участии итальянского архитектора Алевиза в строительстве Демир-Капу.

«Остальная группа более старых частей дворца декорирована в стиле Османского Барокко. <…> Дворец представляет собой сложный комплекс, включающий постройки с террасами, фонтанами, и пространства, занятые садами. И в современном его состоянии дворец дает яркое представление о характерном для Востока сочетании архитектуры с садовым искусством» [16, с. 4].

ПО СТАРЫМ ОБРАЗЦАМ

На просмотре проекта ВИЭМ

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

АЛЬБОМ БРАКА

Зодчество крымских татар

Фото статьи из газеты 1937 года

* * *

Дневниковые записи историка искусства Востока Б. П. Денике о посещении Крыма на протяжении 1905–1937 гг. помогают проследить этапы осмысления им татарского архитектурного наследия Крыма. Значительная часть информации из опубликованного дневника – это еще неразгаданный ребус. «Расшифровка» инициалов людей, упоминаемых Б. П. Денике, позволяет реконструировать круг научных и личных контактов, добавляет новые детали в его научной биографии. Однако остается ряд вопросов, ответы на которые могут содержаться в еще не выявленных документах.

В основу статьи Б. П. Денике о зодчестве крымских татар легли как личные впечатления от посещения Крыма разных лет, так и изучение им результатов исследований российских археологов и историков культуры. В статье Б. Денике подвел некоторые итоги своих наблюдений и резюмировал отчеты о крымских экспедициях коллег. Б. П. Денике входил в круг первых советских крымоведов, включавший В. В. Бартольда, У. Е. Боданинского, Б. Н. Засыпкина, М. Я. Гинзбурга, Н. Л. Эрнста, А. И. Полканова, Я. А. Тугендхольда. Записи Б. Денике позволяют восстановить малоизвестные страницы истории музейного дела в Крыму, связанного с культурной историей крымских татар, персоналиями директоров музеев. Фигуры некоторых из них уже возвращены в историографию крымско-татарской культуры (Я. М. Кемаль, У. Е. Боданинский), а имена других еще остаются в забвении (Зияддинов, Г. Я. Россилевич).

[43] Алевиз Новый (Алевиз Фрязин) – итальянский архитектор, работавший в России в начале XVI века. Автор проекта Архангельского собора в Москве и др.

Фото Б. П. Денике (портрет). Обложка книги «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006

Теоретические знания Б. П. Денике и приобретенные навыки по методике искусствоведческого анализа позволили ему самостоятельно провести типологические обобщения и показать специфику и значение архитектурного наследия крымских татар. Б. П. Денике выявил несколько архитектурных стилей, повлиявших на облик крымско-татарских построек, сочетавших в себе традиции зодчества не только арабского Востока, но и Кавказа, Турции, Византии и даже Западной Европы – Ренессанса и Рококо. Неповторимый облик сооружений «культовой» и «гражданской» архитектуры крымских татар сформировался, по мнению Б. П. Денике, благодаря синтезу многих стилей. Уникальность памятникам придавали резные надписи и немногочисленные восточные орнаментальные мотивы.

Б. П. Денике отметил персональные заслуги конкретных архитекторов, принимавших участие в строительстве татарских памятников Крыма – турецкого зодчего Синана, крымского архитектора армянского происхождения Омара, итальянца Алевиза Нового (Фрязина). Статья Б. П. Денике 1937 года стала дополнением комплексного и системного осмысления темы мусульманской культуры на территории СССР. К сожалению, имя искусствоведа, питомца Казанского университета Бориса Петровича Денике не встречается в современной российской историографии крымско-татарского зодчества [38, с. 243–281]. Вклад Б. П. Денике в отечественное крымоведение не определен.

Основной пафос статьи Б. П. Денике – призыв к сохранению архитектурного наследия крымских татар в экстремальных условиях идеологического террора, установившейся практики уничтожения памятников культовой архитектуры, падения интереса научной общественности к этнокультурному компоненту истории Крыма. Значение публикации Б. П. Денике в настоящее время приобретает еще большую значимость в связи с тем, что отдельные из описанных памятников культурного наследия крымских татар не сохранились. Одни пострадали после землетрясения 1928 г., были разрушены во время атеистической компании в 1930-е гг., а другие были утрачены во время немецкой оккупации Крыма в 1941–1944 гг. и позднее. К сожалению, ничего не известно о том, какой общественный резонанс и научный отклик имела эта статья Б. П. Денике. Практика показала, что даже такому авторитетному специалисту как Б. П. Денике не удалось остановить уничтожение крымско-татарского архитектурного наследия.

И хотя Б. П. Денике удалось сделать ряд важных обобщений о месте крымско-татарских памятников в истории архитектуры, следует признать, что ученый не успел осуществить все свои замыслы в этом направлении. Нам представляется, что более тщательное изучение деталей биографии Б. П. Денике, связанных с осмыслением крымско-татарской культуры, выявление комплекса новых документов может привести к уточнению существующих знаний по истории крымоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпаткина Т.Г. Предисловие // «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. С. 3–16.
2. Бартольд В.В. Культура мусульманства: общий очерк. Пг.: Огни, 1918. 112 с.
3. Боданинский У.А. Бахчисарайские памятники // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1917. Т. 6. С. 125–129.
4. Бороздин И.Н. Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция // Новый Восток. 1926. № 15. С. 18–204.
5. Бороздин И.Н. Некоторые очредные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым. 1927. № 2 (4). С. 109–112.
6. Веймарн Б.В. Б.П. Денике – историк искусства Востока // Народы Азии и Африки. 1976. № 1. С. 218–226.
7. Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1918–1950. Люди, вещи, дела. М.: Сканрус, Гос. музей Востока, 2003. 494 с.
8. Гинзбург М.Я. Татарское искусство в Крыму // Среди коллекционеров. 1921. № 11–12. С. 29–40.
9. Гинзбург М.Я. Татарское искусство в Крыму // Среди коллекционеров. 1922. № 3. С. 18–26.
10. Гинзбург М.Я. Омер: придворный живописец и декоратор крымских ханов Селамет и Крым Гиреев // Среди коллекционеров. 1924. № 1–2. С. 22–27.
11. Денике Б. П. К вопросу об отношении Востока к раннегреческому искусству // Гермес. 1913. № 13. С. 23–31.
12. Денике Б.П. О памятниках культуры и искусства Турфана: (Результаты экспедиции А. Лекока в Кит. Туркестан). Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1915. 12 с.
13. Денике Б.П. Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. Казань: Комбинат изд-ва и печати А.Т.С.С.Р, 1923. 250 с.
14. Денике Б.П. [Рец.]. Массон М.Е., Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации, изд. Реставрационных мастерских, Москва, 1926. С. 139–178 // Новый Восток. 1928. № 16–17. С. 233–239.
15. Денике Б.П. Япония. Альбом по архитектуре / Под общ. ред. И. Маца. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935. 103 с.
16. Денике Б.П. Зодчество крымских татар // Архитектурная газета. 1937. № 66 (210) от 23 сентября. С. 4.
17. Денике Б.П. Искусство Грузии // Архитектурная газета. 1937. № 2 от 2 января. С. 4.
18. Денике Б.П. Памятники Татарии // Архитектурная газета. 1937. № 16 от 18 марта. С. 4.
19. Денике Б.П. Народное искусство Узбекистана // Архитектурная газета. 1937. № 29 от 1 мая. С. 4.
20. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., Л.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. 228 с.
21. Денике Б.П. Автобиографическая канва // «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. С. 17–108.
22. Денике Б.П., Згура В.В. Китайская архитектура и её отражение в Западной Европе. М.: РАНИОН, 1929. 42 с.
23. Зайцев И.В. Неизвестные касимовские эпитафии из Нового Иерусалима // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 304–311.
24. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 111–168.
25. Засыпкин Б.Н. Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. 1927. № 18. С. 277–278.
26. Кирилко В.П. Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 509–558.
27. Кондаков Н.П. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6. С. 435–452.
28. Корнилов П.Е. Светлой памяти друга и учителя – Бориса Петровича Денике // «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. С. 116–136.
29. Котляр Е.Р., Эмирасанова Р.М. Становление крымско-татарского народного декоративно-прикладного искусства // Гуманитарная парадигма. 2017. № 2. С. 28–32.
30. Ломакина М.А. Комплекс мечети хана Узбека – медресе и караван-сарай в Старом Крыму в работах К.Ф. Богаевского // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 552–567.
31. Массон М.Е., Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация // Вопросы реставрации. М.: изд-е Реставрационных мастерских, 1926. С. 137–178.

32. Непомнящий А.А. Новые материалы к биографии Б.Н. Засыпкина // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 711–723.
33. Османов Э.Э. Мечеть «Ешиль-Джами» в Бахчисарае» // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2013. Т. 26 (65). № 1. С. 76–84.
34. Тугендхольд Я.А. Художественные задачи советской власти в Крыму // Красный Крым. 1920. 15 декабря.
35. Тугендхольд Я.А. Искусство Крыма. Симферополь, 1922.
36. Тугенхольд А.Я. Новые книги по искусству // Красная Нива. 1923. № 39 от 30 сентября. С. 30.
37. Филимонов С. Неизвестный Тугендхольд // Наша Держава. 29 октября 2013. Режим доступа: https://crimeatime.blogspot.com/2013/10/blog-post_29.html.
38. Халит Н. Архитектура Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 243–281.
39. Ходжаш С.И. Борис Петрович Денике // Памятники и люди: ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Восточная литература РАН, 2003. С. 279–280.
40. Чуфут Кале: офорты П.А. Шиллинговского / вступ. ст. Б.П. Денике и П.Е. Корнилова. Казань: изд-е Центрального музея ТССР, 1926. 15 с.
41. Шуази О. История архитектуры: в 2-х т. / пер., доп. и коммент. В.Д. Блаватского, Б.П. Денике, В.В. Павлова, А.С. Стрелкова; под общ. ред. А.А. Сидорова. М.: Изд-во Всесоюзной акад. архитектуры, 1935. Т. 1. 575 с.; 1937. Т. 2. 694 с.
42. Эрнст Н.Л. Бахчисарайский Ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III фрязин Алевиз Новый // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Т. 2 (59). С. 39–55.
43. Dietz E. Die Kunst der islamischen Völker. Berlin Neubabelsberg: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1915. 100 S.
44. Dietz E., Glück H. Alt-Konstantinopel: Aufnahmen der Stadt und ihrer Bau- und Kunst-Denkmäler. München Pasing: Roland-Verlag Dr. Albert Mundt, 1920. 104 S.
45. Glück H. Die Kunst der Osmanen. Leipzig: Seemann Verlag, 1922. 40 S.
46. von Hover O. Kultbauten des Islam. Leipzig: Wilhelm Goldmann Verlag, 1922. 89 S.
47. Kançal-Ferrari N. Han Camii // Islam Ansiklopedisi. Second Edition. Istanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 1997. Vol. 15 (Hades – Hanefî Mehmed). P. 518–519.
48. Rivoira G. Architectura musuimano. Milano: U. Hoepli, 1915. 426 p.
49. Saladin H. Manuel d'art musulman. I. L'architecture. Paris: A. Picard, 1907. 572 p.

REFERENCES

1. Alpatkina T.G. Preface. *"On nikogda nikomu ne sdelal zla…" (Pamiati Borisa Petrovicha Denike: avtobiograficheskii dnevnik i vospominaniia druzei)* ["He wronger no one…" (In Memory of Boris Petrovich Denike: Autobiographical Diary and Memories of Friends)], Moscow, State Museum of Oriental Art Publ., 2006, pp. 3–16.
2. Bartol'd V.V. *Kul'tura musul'manstva: obshchii ocherk* [Muslim Culture: General Essay]. Petrograd, Ogni Publ., 1918, 112 p.
3. Bodaninskii U.A. Bakhchisarai monuments. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i liubitelei prirody* [Notes of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers], 1917, vol. 6, pp. 125–129.
4. Borozdin I.N. Archaeological monuments of the south of the USSR and the Kerch archaeological conference. *Novyi Vostok* [New East], 1926, vol. 15, pp. 18–204.
5. Borozdin I.N. Some immediate tasks of studying Tatar culture in Crimea. *Krym* [Crimea], 1927, no. 2 (4), pp. 109–112.
6. Veimarn B.V. B.P. Denike – a historian of Eastern art. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], 1976, no. 1, pp. 218–226.
7. Voitov V.E. *Materialy po istorii Gosudarstvennogo muzeia Vostoka. 1918–1950. Liudi, veshchi, dela* [Materials on the history of the State Museum of the East. 1918–1950. People, things, deeds]. Moscow: Scanrus, State Museum of the East, 2003, 494 p.
8. Ginzburg M.Ia. Tatar art in Crimea. *Sredi kollektsionerov* [Among collectors], 1921, no. 11–12, pp. 29–40.
9. Ginzburg M.Ia. Tatar art in Crimea. *Sredi kollektsionerov* [Among collectors], 1922, no. 3, pp. 18–26.
10. Ginzburg M.Ia. Omer: court painter and decorator of the Crimean khans Selamet and Krym Gireyev. *Sredi kollektsionerov* [Among collectors], 1924, no. 1–2, pp. 22–27.
11. Denike B. P. On the question of the attitude of the East to early Greek art. *Germes* [Hermes], 1913, no. 13, pp. 23–31.
12. Denike B.P. *O pamiatnikakh kul'tury i iskusstva Turfana: (Rezul'taty ekspeditsii A. Lekoka v Kit. Turkestan)* [On the monuments of culture and art of Turfan: (Results of the expedition of A. Lecoq to Chinese Turkestan)]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial University, 1915, 12 p.

13. Denike B.P. *Iskusstvo Vostoka: Ocherk istorii musul'manskogo iskusstva* [Art of the East: An essay on the history of Muslim art]. Kazan, Publishing and printing combine A.T.S.S.R, 1923, 250 p.
14. Denike B.P. [Review]. Masson M.E., Zasypkin B.N. Architectural monuments in Central Asia and their restoration. Restoration issues, pub. Restoration workshops, Moscow, 1926. *Novyi Vostok* [New East], 1928, vol. 16–17, pp. 233–239.
15. Denike B.P. *Iaponiia. Al'bom po arkhitekture* [Japan. Album on architecture]. Moscow, All-Union Academy of Architecture Publ., 1935, 103 p.
16. Denike B.P. Architecture of the Crimean Tatars. *Arkhitekturnaia gazeta* [Architectural newspaper], 1937, no. 66 (210) of September 23, p. 4.
17. Denike B.P. Art of Georgia. *Arkhitekturnaia gazeta* [Architectural newspaper], 1937, no. 2 of January 2, p. 4.
18. Denike B.P. Monuments of Tatarstan. *Arkhitekturnaia gazeta* [Architectural newspaper], 1937, no. 16 of March 18, p. 4.
19. Denike B.P. Folk art of Uzbekistan. *Arkhitekturnaia gazeta* [Architectural newspaper], 1937, no. 29 of May 1, p. 4.
20. Denike B.P. *Arkhitekturnyi ornament Srednei Azii* [Architectural Ornament of Central Asia]. Moscow, Leningrad, All-Union Academy of Architecture Publ., 1939, 228 p.
21. Denike B.P. Autobiographical Canvas. *"On nikogda nikomu ne sdelal zla…" (Pamiati Borisa Petrovicha Denike: avtobiograficheskii dnevnik i vospominaniia druzei)* ["He wronger no one…" (In Memory of Boris Petrovich Denike: Autobiographical Diary and Memories of Friends)], Moscow, State Museum of Oriental Art Publ., 2006, pp. 17–108.
22. Denike B.P., Zgura V.V. *Kitaiskaia arkhitektura i ee otrazhenie v Zapadnoi Evrope* [Chinese architecture and its reflection in Western Europe]. Moscow: RANION Publ., 1929, 42 p.
23. Zaitsev I.V. Two Medieval Tatar Tombstones from Kasimov. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2018, vol. 6, no. 2, pp. 304–311.
24. Zasypkin B.N. Architectural monuments of the Crimean Tatars. *Krym* [Crimea], 1927, no. 2 (4), pp. 111–168.
25. Zasypkin B.N. Survey of architectural monuments of Crimea. *Novyi Vostok* [New East], 1927, vol. 18, pp. 277–278.
26. Kirilko V.P. Construction periodization of the so-called Uzbek mosque in Stary Krym. *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde], Kazan, Simferopol, Chisinau, Stratum plus Publ., 2015, pp. 509–558.
27. Kondakov N.P. About the Bakhchisarai Palace and its restoration. *Iskusstvo i khudozhestvennaia promyshlennost'* [Art and art industry], 1899, no. 6, pp. 435–452.
28. Kornilov P.E. In loving memory of a friend and teacher – Boris Petrovich Denike. *"On nikogda nikomu ne sdelal zla…" (Pamiati Borisa Petrovicha Denike: avtobiograficheskii dnevnik i vospominaniia druzei)* ["He wronger no one…" (In Memory of Boris Petrovich Denike: Autobiographical Diary and Memories of Friends)], Moscow, State Museum of Oriental Art Publ., 2006, pp. 116–136.
29. Kotliar E.R., Emirasanova R.M. Formation of the Crimean Tatar folk arts and crafts. *Gumanitarnaia paradigma* [Humanitarian paradigm], 2017, mo. 2, pp. 28–32.
30. Lomakina M.A. The Complex of Khan Uzbek Mosque, Madrasa and Caravanserai in Staryi Krym in K.F. Bogaevskii's Works. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 552–567.
31. Masson M.E., Zasypkin B.N. Architectural monuments in Central Asia and their restoration. *Voprosy restavratsii* [Questions of restoration], Moscow, House of Restoration Workshops Publ., 1926, pp. 137–178.
32. Nepomniashchy A.A. New Materials for B.N. Zasypkin's Biography. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 711–723.
33. Osmanov E.E. Mosque Yesil-Jami located in the Bakhchisaray. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. Series: Historical Scince], 2013. T. 26 (65). № 1. S. 76–84.
34. Tugendkhol'd Ia.A. Artistic tasks of the Soviet power in Crimea. *Krasnyi Krym* [Red Crimea], 1920, December 15.
35. Tugendkhol'd Ia.A. *Iskusstvo Kryma* [Art of Crimea]. Simferopol, 1922.
36. Tugenkhol'd A.Ia. New books on art. *Krasnaia Niva* [Red Niva], 1923, no. 39 of September 30, p. 30.
37. Filimonov S. Unknown Tugendhold. *Nasha Derzhava* [Our State], October 29, 2013. URL: https://crimeatime.blogspot.com/2013/10/blog-post_29.html.
38. Khalit N. Architecture of the Crimean Khanate. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2014, no. 2, pp. 243–281.

39. Khodzhash S.I. Boris Petrovich Denike. *Pamiatniki i liudi: GMII im. A.S. Pushkina* [Monuments and People: The Pushkin State Museum of Fine Arts], Moscow, Eastern Literature of RAS Publ., 2003. S. 279–280.
40. *Chufut Kale: oforty P.A. Shillingovskogo* [Chufut Kale: etchings by P.A. Shillingovsky] Introduction by B.P. Denike and P.E. Kornilov. Kazan, Central Museum of the TsSR Publ., 1926, 15 p.
41. Shuazi O. *Istoriia arkhitektury* [History of architecture]. In 2 vol. Trans. and comment. V.D. Blavatsky, B.P. Denike, V.V. Pavlov, A.S. Strelkov; ed. A.A. Sidorov. Moscow, All-Union Academy of Architecture Publ., 1935, T. 1, 575 p.; 1937, T. 2, 694 p.
42. Ernst N.L. Bakhchisarai Khan's Palace and the architect of Grand Prince Ivan III Fryazin Aleviz Novy. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography], 1928, vol. 2 (59), pp. 39–55.
43. Dietz E. *Die Kunst der islamischen Völker*. Berlin Neubabelsberg, Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1915, 100 S.
44. Dietz E., Glück H. *Alt-Konstantinopel: Aufnahmen der Stadt und ihrer Bau- und Kunst-Denkmäler*. München Pasing, Roland-Verlag Dr. Albert Mundt, 1920, 104 S.
45. Glück H. *Die Kunst der Osmanen*. Leipzig, Seemann Verlag, 1922, 40 S.
46. von Hover O. *Kultbauten des Islam*. Leipzig, Wilhelm Goldmann Verlag, 1922, 89 S.
47. Kançal-Ferrari N. Han *Camii // Islam Ansiklopedisi.* Second Edition. Istanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 1997. Vol. 15 (Hades – Hanefî Mehmed). P. 518–519.
48. Rivoira G. *Architectura musuimano*. Milano, U. Hoepli, 1915, 426 p.
49. Saladin H. *Manuel d'art musulman. I. L'architecture*. Paris, A. Picard, 1907, 572 p.

Информация об авторе

Сыченкова Л. А. – доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) Федерального университета, AuthorID: 731871

Author information

Sychenkova L. A. – Doctor of Science (History), Associate Professor of the World Cultural Heritage Department of the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University, AuthorID: 731871

DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.545-567

ЕВПАТОРИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГАИМК В ПЕРЕПИСКЕ Я. Г. БЛАГОДАРНОГО И П. Н. ШУЛЬЦА

Николай Николаевич Чемодуров
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
hombre_sin_nombre@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0277-4862

Аннотация. Со времени работ Евпаторийской экспедиции ГАИМК минуло ровно 90 лет. Свидетелями этого научного предприятия ныне являются многочисленные архивные документы. Впервые публикуемые эпистолярные материалы помогают пролить свет на причины и обстоятельства организации, основную событийную последовательность, сроки и масштабы проведения экспедиции. Данные нового источника рассматриваются в контексте музейно-археологической среды Крымской АССР 1930-х гг. В статье предпринимается попытка реконструкции биографии одного из корреспондентов – Я. Г. Благодарного. Любопытными подробностями дополняется ранний этап научной биографии П. Н. Шульца, уточняются причины обращения ученого к изучению крымской археологии. Выясняется преемственность работ Евпаторийской экспедиции ГАИМК с предшествующими и последующими археологическими исследованиями в Северо-Западном Крыму.

Ключевые слова: история науки, Евпаторийский музей, ГАИМК, Северо-Западный Крым, Я. Г. Благодарный, П. Н. Шульц

THE SAHMC YEVPATORIA EXPEDITION IN THE CORRESPONDENCE OF IA. G. BLAGODARNYI AND P. N. SHUL'TS

Nikolai N. Chemodurov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
hombre_sin_nombre@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0277-4862

Abstract. 90 years have passed from the investigations of the Yevpatoria expedition of the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC). Numerous archival documents now serve as witnesses of this scholarly undertaking. Epistolary materials shed light on the reasons and circumstances of the organization, the main sequence of events, the timing and scale of the expedition. The new source data have been analyzed in the context of the museum and archaeological environment of the Crimean ASSR in the 1930s. The article attempts to reconstruct the biography of one of the correspondents. Ia. G. Blagodarnyi. The research has added previously unknown details on the period of P. N. Schul'ts's academic biography, and has clarified why the researcher turned to the studies in the Crimean archaeology. There have been revealed the continuity of the work of the SAHMC Yevpatoria Expedition and the previous and subsequent archaeological researches in the north-western Crimea.

Keywords: history of research, Yevpatoria Museum, SAHMC, north-western Crimea, Ia. G. Blagodarnyi, P. N. Schul'ts

Археологическое изучение древностей Северо-Западной Таврики интенсифицируется на рубеже 1920–1930-х гг. В Крымской АССР, утвердившейся в статусе «Всесоюзной здравницы», расширение курортной сети угрожало уничтожением памятникам прошлого. Особенно ощутимой стала опасность утраты древнейшего наследия Евпатории. Местный археолого-этнографический музей (с 1933 г. – краеведческий), образованный в 1921 г., в первое десятилетие своей деятельности приобрел немалый опыт в борьбе за сохранение историко-культурных ценностей [17; 19]. Тем не менее, перед новыми вызовами музейное руководство оказалось почти бессильным, и вынуждено было обращаться за помощью в столичные институции, главным образом в ГАИМК. Диалог двух учреждений в 1930-е гг.

поддерживался в межличностной коммуникации заведующего Евпаторийским музеем Я. Г. Благодарного и сотрудника Сектора античного общества Академии П. Н. Шульца.

Деятельность Я. Г. Благодарного во главе Евпаторийского музея. В истории развития музейного дела Крыма рассматриваемый период связан с коренными организационными преобразованиями [16, с. 127]. Это время совпадает со свертыванием краеведческого движения. В 1928 г. вышло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР», закрепившее контролирующие полномочия Наркомата просвещения в музейной сфере [9, с. 454]. Реализация правительственного решения выразилась в изменении профиля государственных музеев на краеведческий, организационного типа – на научно-просветительский. Важнейшими направлениями исследований и популяризации объявлялась история революции, рабочего движения и быта трудящихся. Перемены неминуемо затронули жизнь Евпаторийского историко-археологического музея: в 1928 г. руководство оказалось отстранено как невыполняющее задачи «социалистического строительства» [19, с. 52].

Новым заведующим музеем становится Яков Георгиевич Благодарный (1882–1942). Документальных сведений о жизни этой, безусловно, яркой личности, до обидного мало[1]. Известно, что Я. Г. Благодарный (рис. 1)[2] родился 21 марта 1882 г. в Курской губернии в семье мещан. В 1901 г. начал военную службу. К 1909 г. – подпоручик 152-го пехотного Владикавказского полка в Брест-Литовске. Встретил начало Первой мировой войны в чине штабс-капитана 300-го Заславского пехотного полка. Дважды был ранен. Воинские заслуги Я. Г. Благодарного отмечены орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом и орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами. С началом Гражданской войны принял сторону Красной армии, был первым советским комендантом Орла. Неизвестно, как произошел переход Я. Г. Благодарного к гражданской службе, но, возглавив музей в Евпатории, он проявил неординарные административные способности.

Первые годы в должности руководителя Я. Г. Благодарный посвятил заботе об увеличении музейного фонда. Требовалась организация новых отделов экспозиции. В августе 1929 г. заведующий сообщал в Главнауку РСФСР и Наркомпрос КАССР сведения о результатах мер по переходу музея на краеведческие формы работы, связанные с просвещением жителей и гостей Евпатории. В связи с последним отмечалось: *«В основном, посетители – это курортники, поэтому музей имеет не обычное уездное значение, но союзное»* [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 118]. При этом возможности культурно-массовой образовательной и воспитательной работы оставались весьма ограниченными: *«Музей, кажется, исчерпал все средства, вплоть до изъятия у населения старины татарской. …В настоящее время еще многое можно приобрести, но у музея нет средств»* [Там же].

С целью пополнения фондов Я. Г. Благодарный пытался заручиться поддержкой других крымских музеев. Не всегда эти инициативы оборачивались успехом. Обращаясь в музей Херсонеса, Я. Г. Благодарный намеревался выяснить судьбы собрания А. Я. Гидалевича и находок из раскопок Л. А. Моисеева 1916–1918 гг. Интерес евпаторийского коллеги в Херсонесе был встречен холодно: *«Вещи из коллекции Гидалевича почти неизвестны[3] в современной коллекции музея, а материалы из раскопок Моисеева 1917 г. и вовсе в Херсонес никогда не поступали[4]»* [Там же, л. 13а]. В дублирующем письме, заведующий античным отделом Херсонесского музея Г. Д. Белов добавлял: *«Ваш приезд сюда, поэтому, совершен-*

[1] Почти все они происходят из открытых источников, по-видимому, основанных на воспоминаниях Виктора Леонидовича Благодарного – внука Я. Г. Благодарного. В фонде Евпаторийского краеведческого музея в ГАРК (Ф. Р-138), а также среди довоенных материалов Научно-вспомогательного фонда Евпаторийского краеведческого музея (НВ ЕКМ) выявить документы, отражающие подробности биографии Я. Г. Благодарного, не удалось.

[2] Выражаем благодарность С. Б. Ланцову за информацию об этой фотографии.

[3] Коллекция А. Я. Гидалевича (1868–1918), севастопольского мецената и любителя древностей, включала несколько тысяч предметов, в том числе нумизматическое собрание, античные изделия из керамики и стекла. Часть ее утрачена, другая в 1925 г. передана в фонды Государственного Херсонесского музея [12, с. 135].

[4] О находках из раскопок Л. А. Моисеева в 1916–1918 гг. ничего не известно. Данные о них представлены в обширной полевой документации, хранящейся в научных архивах ИИМК РАН и музея-заповедника «Херсонес Таврический».

но излишен» [Там же, л. 14]. Значительно более доверительно сложился диалог с музеем в Бахчисарае. Его директор У. А. Боданинский в феврале 1929 г. отвечал на письмо Я. Г. Благодарного: *«По получении Вашего письма я дал задание нашей музейной библиотеке отобрать для Вашего музея дубликаты фотоотпечатков этнографической экспедиции нашего музея в 1925 г. Материалы же по Музею будут отбираться параллельно ходу нашей музейной экспозиции, которую мы сейчас спешно проводим. Мы для Вас отбираем материал как этнографический, так и по истории, памятникам и экономике степной части Крыма.<…> Вообще говоря, нужно непременно наладить взаимоотношения Бахчисарайского и Евпаторийского музеев в сторону их сближения, а работников их в сторону искренней товарищеской совместной работы. Нужно, чтобы эти музеи взаимно друг-другу помогали и научно дополняли бы свой материал и формы своей экспозиции»* [Там же, л. 93]. Позитивные результаты этого взаимодействия выразились в том, что к концу лета 1929 г. в этнографическом отделе Евпаторийского музея открылись два подотдела – крымскотатарский (в составе свадебной и бытовой комнаты) и караимский [Там же, л. 118].

К 1932 г. в составе Евпаторийского историко-культурного музея[5] были образованы пять отделов: историко-археологический, историко-этнологический, историко-революционный, обороны Края и курортно-бальнеологический. При содействии местных колхозов и артелей открылись филиалы: «Музей экономики местного края» и «Антирелигиозный музей» [Там же, д. 13, л. 9]. При этом, организационные условия были далеко не благоприятными. Главным источником денежных поступлений Евпаторийского музея являлась входная плата посетителей. В 1932 г. размер дотации Крымского Наркомпроса уменьшился на 3000 руб. в сравнении с 1931 г. и открытые филиалы остались без финансирования. Искренне ратуя за вверенное ему учреждение, Я. Г. Благодарный вынужденно действовал на грани должностного преступления: *«Райфинотделом предложено мне уволить с 1 января 1932 г. Научного и Технического сотрудника музея (следовательно, ликвидировать два музея). Желая сохранить два музея, с таким трудом и жертвами созданные, я не распустил кадры по настоящее время. Из остатков спецсредств от прошлого года (ок. 1000 р.) производилась выплата зарплаты»* [Там же].

Конструктивный диалог с органами власти, очевидно, не складывался. В начале 1933 г. музею пришлось столкнуться с неожиданной инициативой Крымнаркомпроса о разделении учреждения на три самостоятельных: «Музей экономики местного края», «Антирелигиозный музей», «Музей курортных организаций и здравниц» [Там же, д. 24, л. 3–4]. В то же время, руководство Евпаторийского музея подверглось критике на заседании Президиума Евпаторийского райисполкома 27 февраля 1933 г. Среди главных недостатков отмечалось, что «*администрирование музея превратилось в собирание материалов, экспонатов и пр.»*, в то время как не уделялось внимание качеству экспонирования [Там же, л. 53]. По-видимому, участники заседания эти виды музейной работы представляли себе вполне независимыми друг от друга. Нередко само существование Евпаторийского музея ставилось под вопрос. В заключении одной из докладных записок в 1932 г. заведующий откровенно писал: *«Нельзя угробить этот музей, нельзя»* [Там же, д. 13, л. 9].

Достижением Я. Г. Благодарного стало привлечение внимания к необходимости организации археологических раскопок в Евпатории. Подготовка и осуществление работ Л. А. Моисеева в 1929 г. достаточно полно освещены по материалам архива ИИМК РАН [5; 10]. Выявленные нами источники позволяют раскрыть новые подробности. По-видимому, инициатива проведения исследований исходила от Евпаторийского музея. Известно, что сначала в 1928 г. местный Исполком, а в следующем году Евпаторийское курортное управление и руководство Военно-Курортной станции претендовали на застройку территории евпаторийского «Карантина» [5, с. 48]. В связи с этим, Я. Г. Благодарный обратился в ГАИМК. 8 марта 1929 г. ответ для него подготовил Л. А. Моисеев: *«Мною поставлено в последнее время в Акад. Ист. Мат. Культ. высказанное мне Вами пожелание относительно представления Музею Евпатории копий чертежей и оттисков фотографий моих раскопок в Евпатории в*

[5] Такое название используется в официальной документации музея в 1932 г. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 13, л. 9].

1916–1918 гг. Принципиально ставился вопрос и о продолжении раскопок. Сообщите мне, располагает ли Музей какими-либо средствами на указанные нужды?» [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 11]. Необходимость принятия срочных мер остро ощущалась на месте. В то время как механизм действия ГАИМК прокручивался довольно медленно. Следующее послание Л. А. Моисеева начиналось так: *«Уважаемый товарищ! Я очень задержался с ответом на Ваше письмо от 22.03»* [Там же, л. 12]. Письмо датировано 17-м мая…

Рассчитывая на помощь ГАИМК, Я. Г. Благодарный одновременно искал поддержки других научных центров и отдельных специалистов. Сохранились материалы переписки Евпаторийского музея с членом ВУАН Н. Е. Макаренко[6] и заведующим музеем г. Сумы Н. Х. Онацким[7]. Последний серьезно намеревался приступить к изысканиям в Северо-Западном Крыму, запрашивал возможность выдачи ему открытого листа, а 20 августа 1929 г. писал Я. Г. Благодарному: *«…будем ли заниматься раскопками? Лично я очень хотел бы вне зависимости от того много ли денег или совсем мало»* [Там же, л. 3]. Информация об этих переговорах достигла ГАИМК. 26 июля Л. А. Моисеев спрашивал, имеются ли какие-то конкретные договоренности у Евпаторийского музея с Н. Е. Макаренко. Если таковые существовали, просил сообщить ему лично и в Академию, в ином случае – все равно информировать о состоянии дела [Там же, л. 7]. Опасение поручения раскопок в Евпатории третьим лицам, видимо, было серьезным. В августе 1929 г. Л. А. Моисеев писал Я. Г. Благодарному: *«Пишите же, не откладывая, в Академию, примерно так: "У музея возникла необходимость производства раскопок в Евпатории и районе по причинам Академии уже известным". Музей просит дать ему открытый лист на имя Моисеева…»* [Там же, л. 14]. При этом, Л. А. Моисеев не мог дать твердых гарантий успешности своих организационных действий: *«Вы вероятно, не так поняли меня, решив, что Академия отпускает средства на Евпаторию в этом году. Мне было поручено: 1) помочь Вам в поставленных Вами себе заданиях (раскопка курганов и пр. в этом году на средства музея), 2) провести совместно с Вами переговоры о проведении раскопок на городской территории с заинтересованным в ней ведомствами, – т.о. одно с другим является неразрывно связанным, – и только для переговоров я, конечно, приехать не мог бы – (нет времени)»* [Там же]. Руководство раскопками все же было поручено Л. А. Моисееву. Полагаем, этому решению поспособствовала положительная рекомендация заведующего Музейным отделом Главнауки К. Э. Гриневича, направленная в ГАИМК и Евпаторийский музей [Там же, л. 10].

Пребывание Л. А. Моисеева в 1929 г. в Евпатории оказалось кратковременным, а масштабы его работ так и не позволили решить главную задачу – полное исследование района застройки Военно-Курортной станции. В связи с этим, 29 октября Я. Г. Благодарный обратился в Крымнаркомпрос с просьбой командировать в Евпаторию *«тов.* [В. Г.] *Опалова или проф.* [Н. Л.] *Эрнста для разрешения конфликта между музеем и Упр. Курорт. станции»* [Там же, л. 27]. О положении, сложившемся к этому времени, заведующий музеем писал: *«Раскопки Моисеева 1916 г. и разведки октября этого года обнаружили крепостные стены греческой эпохи и др. сооружения. Часть этого участка находится во владении Курортной станции и в настоящее время на нем строится погреб для картофеля, сарай для свиней, предположительно другие постройки. Во время рытья погреба для картофеля была обнаружена кладка здания с очагом и колодцем. Л. А. Моисеевым они сфотографированы. При дальнейшем рытье кладка снесена рабочими, колодец засыпан, а камни использованы в новой постройке. Постройка другого погреба намечена на месте богатом находками фрагментов археологической керамики и иными. Музей бессилен противодействовать застройке участка и не имеет средств на раскопки его, необходимо вмешательство НКП. Прошу срочно командировать кого-либо»* [Там же]. Ответ, подготовленный инспектором по музеям КАССР Н. Л. Невским, оказался расплывчатым. Кон-

[6] Николай Емельянович Макаренко (1877–1938) – историк, искусствовед, археолог. Первооткрыватель роменской и мариупольской культур. Член ВУАН с 1920 г.

[7] Никанор Харитонович Онацкий (1874–1937) – художник, искусствовед, общественный деятель, организатор и директор Сумского историко-художественного музея.

статировалось, что проблему взаимоотношений музея и курортной станции необходимо выяснять на месте. При этом, чиновники Наркомпроса не торопились становиться на сторону музея: *«…необходимо иметь ввиду, что препятствовать застройке можно лишь в крайнем случае, нарушающем работу музея, а в данном случае необходимо лишь обеспечить свое участие в момент рытья колодца и проч.»* [Там же, л. 28]. Будто не вникая в суть обращения Я. Г. Благодарного, автор ответа резюмировал: *«В случае обнаружения той или иной архивной* [sic!] *ценности, необходимо немедленно сообщить в НКПрос…»* [Там же]. Таким образом, в ведомстве «контроль» за происходящим ослаблять не собирались.

Археологические работы в Евпатории в 1930 г., несмотря на усилия Л. А. Моисеева и Евпаторийского музея, не возобновились. Вместе с тем, не прекращалось санаторное строительство. Я. Г. Благодарный обратился к председателю ГАИМК Н. Я. Марру 24 апреля 1931 г.: *«Северо-Западное побережье* [Крыма] *никогда не пользовалось вниманием археологических обследований и учреждений. Край совсем не изучен, и музей просит Вашего распоряжения о производстве хотя бы небольшой археологической разведки в этом году, о раскопке хотя бы двух-трех курганов. Внимание академии к этому делу, несомненно, окажет свое влияние на местные органы власти, на их более бережное отношение к археологическим недрам. Если настоящая просьба музея будет принята Вами во внимание и в Евпаторию будет послана экспедиция, то позволю себе высказать пожелание ГАИМК привлечь к этому делу М. А. Наливкину – молодой археолог, работавшая в музее Евпатории, участвовавшая в раскопках Л. А. Моисеева и в настоящее время работающая над очерком по истории Евпатории. Живет она в Ленинграде и работникам Академии известна»* [РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, 1931, д. 784, л. 2–3]. Ответ оказался неутешительным, сообщалось, что: *«ввиду ограниченного количества средств, которыми располагает Академия – организация экспедиций и производства раскопок в Вашем районе в ближайшее время невозможны»* [Там же, л. 8]. Предполагаем, что в ГАИМК также не было свободного сотрудника для направления на работу в Евпаторию. Подходящие специалисты Академии с 1930 г. оказались задействованы в изучении проблем античных форм производства [2, с. 167]. М. А. Наливкина, упомянутая в письме заведующего Евпаторийским музеем, в это время в силу личных обстоятельств фактически не работала [8, с. 431]. Л. А. Моисеев с 1929 г. не являлся сотрудником ГАИМК, в его творческой судьбе археологические исследования в Северо-Западном Крыму прервались навсегда.

Обращение П. Н. Шульца к крымской археологии. Перемены в производственном плане ГАИМК, поначалу сделавшиеся одной из причин приостановки изучения древностей Северо-Западного Крыма, спустя время наоборот поспособствовали его продолжению. В составе Сектора античного общества ГАИМК действовала Группа по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье. Изучением вопроса о технике мукомольного производства античных колоний в группе занимался Павел Николаевич Шульц (1901–1983) (рис. 2). Известный археолог, специалист в области древнего искусства, знаменитый открытиями на Неаполе Скифском, не нуждается в дополнительном представлении. Вместе с тем, подробности раннего периода творческой биографии ученого малоизвестны. Остановимся на важных деталях. В 1923 г. П. Н. Шульц закончил обучение на музейном отделении факультета общественных наук Петроградского государственного университета. Следующие два года провел в должности научного сотрудника отдела древностей Государственного Эрмитажа под руководством О. Ф. Вальдагуэра. По каким-то причинам оставил эту работу. В 1926 г. зачислен в аспирантуру ГАИМК, специализировался в области истории материальной культуры античного мира [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 8, л. 2–3]. В связи с подготовкой аспирантской работы П. Н. Шульц в 1928–1933 гг. предпринимал научные командировки в музеи Одессы, Николаева, Первомайска, Херсона, а также городов Крымской АССР и Северо-Кавказского края [22]. За время поездок был накоплен существенный материал для изучения скифской скульптуры, технологии керамического производства, развития орудий труда и мукомольного ремесла [Там же, оп. 3, д. 6, л. 14].

В сентябре 1932 г. молодой исследователь был командирован в Крым для знакомства с античными коллекциями и научной работой местных музеев [подробнее об этом: 22]. Одно из наиболее существенных впечатлений на него произвела ситуация в Евпатории. Познакомившись с заведующим и сотрудниками Евпаторийского музея, П. Н. Шульц получил от них сведения об археологических наблюдениях во время летних работ Военно-курортной станции по постройке складов на месте остатков античного городища: *«Постройка складов производилась на вершине, в центре городища. Работы начались с запозданием на 2 месяца, и поэтому велись ускоренными темпами. Это затрудняло процесс археологических наблюдений. В "котловане", в котором возводились фундаменты в некоторые дни работало до 200 рабочих. Встречавшиеся в процессе работы остатки древних архитектурных сооружений сносились с большой быстротой»* [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 22, л. 29].

Представителем Евпаторийского музея на участке застройки был В. Ф. Штифтар, наблюдения выполнялись под общим руководством Н. Л. Эрнста *«лишь изредка наезжавшего в Евпаторию»* [Там же, л. 33]. Дневник записей В. Ф. Штифтара с подробным описанием выявленных строительных остатков и находок в настоящее время считается утраченным. Очевидно, в дни пребывания в Евпатории в 1932 г. П. Н. Шульц имел возможность познакомиться с полевой документацией наблюдений, сделать необходимые уточнения в личном общении с В. Ф. Штифтаром[8]. Очень краткие замечания из полевого дневника П. Н. Шульца 1933–1934 гг. позволили современным исследователям в общих чертах представить картину в нижнем ярусе строительного котлована [3, с. 59; 13, с. 19; 14, с. 42; 15, с. 32]. Новые данные обнаруживаются на страницах дневника командировки П. Н. Шульца 1932 г.

Вопросом, требующим принципиального решения, ученый считал время возникновения греческой колонии на месте Евпатории. Принимая во внимание находки Л. А. Моисеевым и В. Ф. Штифтаром ионийской керамики, П. Н. Шульц предполагает появление первых переселенцев еще в эпоху архаики. Впрочем, оговаривается: *«этот участок архаической "Керкинитиды" на территории городища еще не обнаружен»* [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 3, д. 22, л. 33]. В дневнике П. Н. Шульца детализирована археологическая ситуации в нижнем слое котлована: *«К нижнему, раннему, первому снизу, наслоению[9] относятся строительные сооружения, обнаруженные при закладке фундаментов подвалов в 1932 г. и обследованные В. Ф. Штифтаром. Эти строительные сооружения представляют собой нижние ряды камней фундаментов кладок, залегающие непосредственно на материке. Ширина кладок сооружений неравномерна для остатков различных зданий, но в общем колеблется между 0,4 и 0,6 м. Сложена она из отесанных, известняковых прямоугольных камней горизонтально в два ряда камней, без забутовки. Кладки принадлежат зданиям, сравнительно крупных размеров, концентрирующиеся вокруг двора (или же площади) небольших размеров, вымощенного плоскими известняковыми плитами. По одной из сторон двора обнаружен колодец, круглый в плане, вырезанный в материке на глубину около 3 м, до воды. Поверх колодца обнаружен прямоугольный каменный сруб колодца, со следами стертости, в результате опускания веревок с сосудами для воды. Во дворе обнаружено также крупное каменное корыто. В непосредственном соседстве с одним из зданий обнаружена яма, выложенная по стенкам камнем.*

Кладки зданий имеют правильную ориентацию с ССЗ на ЮЮВ по направлению к морю. Т.о. планировка города в этот период приобрела уже стройные "шахматные" очертания, общие для целого ряда греческих городов Северного Причерноморья. Материал, встречен-

[8] В литературе встречается неверное утверждение о том, что П. Н. Шульц самостоятельно осматривал участок котлована под постройки Военно-Курортной станции. Строительные работы ко времени приезда ученого в Евпаторию уже были завершены.

[9] Сообщая данные стратиграфии, зафиксированные в котловане, П. Н. Шульц выделяет три «культурных слоя» («русское поселение», «татарское поселение», «греко-скифское городище»). Им отмечена мощная стерильная прослойка между «татарским» и «греко-скифским» слоем. В последнем археологом обозначены три «наслоения» («греческое», «греко-скифское» и «скифское») [НА ИАК РАН, ф. Л–9,оп. 3, д. 22, л. 34].

ный при раскопках нижнего первого наслоения дает картину безусловного преобладания в керамике греческого импорта, и позволяет датировать нижнее наслоение, по своему нижнему горизонту, второй половиной IV в. до н.э., по своему верхнему – III в. до н.э. Таким образом, первое культурное наслоение падает на эпоху возникновения и расцвета "Керкинитиды"» [Там же, л. 34–35].

Второе «наслоение» связывалось ученым с временем проникновения в среду греческого населения скифского элемента: *«Второе культурное наслоение не сохранило в районе раскопок 1932 г. каких-бы то ни было остатков архитектуры, кроме отдельных камней разрозненных кладок. По времени второе наслоение падает на II в. до н.э. и в верхнем своем горизонте имеет явные следы насильственного разрушения города (следы пожарища, беспорядочно разбросанные камни построек). Материал наряду с импортной античной керамикой, имеет значительно большую, чем в предыдущем наслоении, примесь лепной местной, т.н. "скифской" посуды. Именно эта черта наблюдается для этого периода в других районах городища, в соединении с характером монет и эпиграфическими данными позволяет охарактеризовать этот период, как греко-скифский, заканчивающийся насильственным разрушением городища»* [Там же, л. 35]. Следы присутствия негреческого населения на территории городища, фиксируемые выше прослойки пожара, позволили П. Н. Шульцу выдвинуть предположение о третьем «скифском наслоении»: *«Однако жизнь поселения, после его разрушения, не замирает сразу и окончательно. И раскопки предшествующих лет, и наблюдения В. Ф. Штифтара этого года, показали, что в верхних горизонтах античных слоев наблюдается наличие вещественных остатков, относящихся к I в. до н.э. Характерной чертой этого, верхнего последнего наслоения, лишь местами прослеженного в обрезах раскопа 1932 г, является преобладание в керамическом материале местной, т.н. "скифской" туземной лепной керамики над немногочисленным греческим импортом. Именно эти данные и позволяют, пока еще предварительно, ставить вопрос о скифском периоде жизни Керкинитиды»* [Там же, л. 36].

Удручающее положение дел в Евпатории, прямая угроза уничтожения остатков античного городища не оставили П. Н. Шульца равнодушным. Подробности действий, предпринятых исследователем в 1932 г., публиковались ранее [22, с. 282]. Для спасения археологического наследия Евпатории П. Н. Шульц предлагает стратегию исследований. Ученый усматривал возможность успешной охранной и исследовательской работы только при условии соединения усилий местных и центральных научных учреждений. П. Н. Шульц задается вопросом о том, почему крупнейшее музейное учреждение в регионе, Херсонесский музей, совсем не занималось изучением памятников северо-западного побережья Крыма. Оставленный без ответа, этот вопрос представляется любопытным и в наши дни. Ответить на него позволяют архивные материалы, отражающие реалии первой половины 1930-х гг. Как и музей в Евпатории, Херсонес переживал своеобразную «осаду» частями VII пехотного полка, расположившимися на территории южного пригорода и претендовавшими на другие участки городища. Действия солдат не удавалось контролировать в полной мере. «Акт осмотра повреждений береговой оборонительной стены» от 11 марта 1932 г. приводит следующие подробности: *«Зафиксировано, что на северо-востоке городища, на участке оборон. стены ПРЕДНАМЕРЕНО разломаны и большие камни из стены и контрфорса сброшены с обрыва в море. Разрушение приурочивается к 10 марта, когда у 7 полка был выходной и много красноармейцев гуляло по городищу»* [ГИАМЗ ХТ, ф. 1, д. 533, л. 7]. Спустя месяц, 16 апреля руководством Херсонесского музея была составлена резолюция в связи с тем, что караул VII-го полка взломал окна, похитил некоторые предметы экспозиции и повредил мозаичный пол Крестообразного храма [Там же, л. 15]. В мае музейные здания и вовсе оказались заняты солдатами полка, на территории музея был организован питомник для служебных собак. Когда военных удалось выдворить, перед сотрудниками предстала печальная картина: *«из 4 мраморных колонн, стоявших в базилике около музея три сброшены на землю, при этом колонны и капители оказались поврежденными. Для устройства питомника собак памятники из под навеса были выброшены на улицу и*

лежат теперь под открытым небом. Некоторые из мраморных памятников оказались разбитыми. Окна и ставни в Старом музее оказались раскрытыми, квартиры, занятые командой VII-го полка, оставались незапертыми, двери раскрытыми, без присмотра» [Там же, л. 17]. В дополнение к проблемам взаимоотношений с военным ведомством особенно ощутимой была нехватка финансирования. Музей в буквальном смысле выживал. Учреждение находилось на местном бюджете Севастопольского горсовета и ежегодно недополучало средства. В 1933 г. это привело к срыву раскопок [Там же, д. 513, л. 58]. Фантастичны строки докладной записки сотрудника музея И. Т. Хвесько, предлагавшего в целях повышения доходности музея и улучшения материального положения сотрудников засеять площадь городища ячменем, использовав для этого всю рабочую силу сотрудников музея [Там же, д. 549, л. 33]. Таким образом, Херсонесский музей оказать реальную помощь в спасении археологического наследия Северо-Западного Крыма не мог…

Евпаторийская экспедиция ГАИМК по данным переписки. Одной из главных тем диалога Я. Г. Благодарного (рис. 3) и П. Н. Шульца (рис. 4) стала организация раскопок в Евпатории в 1933 г. Некие предварительные договоренности были достигнуты ими уже во время личной встречи в сентябре 1932 г. Инициатива продолжения переговоров принадлежала Я. Г. Благодарному: 25 ноября 1932 г. он пишет первое письмо[10] П. Н. Шульцу, оставшееся без ответа. Суть этого послания становится понятна из контекста следующего подробного обращения Я. Г. Благодарного, составленного в начале 1933 г. Строки письма свидетельствуют об искренней надежде Я. Г. Благодарного на помощь корреспондента. В условиях конфликта с курортным ведомством, недопонимания с Крымским Наркомпросом, музей как никогда нуждался в поддержке.

Начать раскопки в Евпатории в 1931 и 1932 гг. мешало отсутствие средств. По договору с Военно-Курортной станцией на проведение археологического исследования участка застройки были выделены 3000 руб. Тем не менее, соглашение не вступало в силу. Второй стороной договоренностей являлся не Евпаторийский музей, а Крымский Наркомпрос. Руководство последнего поручило организацию исследований заведующему археологическим отделом Центрального музея Тавриды – Н. Л. Эрнсту. По мнению П. Н. Шульца, промедление в выделении средств на раскопки произошло именно: *«…в результате пассивного отношения к работам в Евпатории со стороны сектора науки Крымнаркомпроса, а также в результате недостаточной заинтересованности в этой работе, проявленной Н. Л. Эрнстом»* [НА ИАК РАН, ф. Л–9, оп. 3, д. 22, л. 40]». Такой же точки зрения придерживался Я. Г. Благодарный.

В биографии Н. Л. Эрнста эпизод, связанный с изысканиями в Евпатории, остается неизвестным [21; 20]. Причиной, скорее всего, является отсутствие документальных источников. В то же время, по имеющимся данным, существенного участия в исследованиях Евпатории Н. Л. Эрнст так и не принял. По-видимому, его действительно тяготила эта задача, достаточно далекая от его собственных ученых интересов. Постоянно работая в Симферополе, Н. Л. Эрнст едва ли мог уделять необходимое внимание раскопкам в Евпатории. Должно быть, сказывались трудности личных взаимоотношений с руководством Евпаторийского музея: замечания Я. Г. Благодарного об Н. Л. Эрнсте, высказанные в письме П. Н. Шульцу, далеки от дружелюбных [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 1, д. 11, л 3]. Многочисленные трудности возникали в договоренностях с Крымнаркомпросом. Не удивительно поэтому, что отказаться от руководства хлопотным евпаторийским делом Н. Л. Эрнсту было легко:

«Симферополь, 26 VII 1933

Уважаемый Яков Георгиевич!

Недавно, после бесчисленных моих настояний и напоминаний, Наркомпрос послал Вам полномочия на истребование денег на раскопки от Военного Санатория. Успели ли Вы уже чего-нибудь достигнуть в этом деле и не нужен ли еще какой-нибудь нажим? Пожа-

[10] Нами это письмо не выявлено. Предположительно, оно могло быть утрачено во время почтовой пересылки.

луйста, сообщите до 1-го августа (я ухожу в отпуск). Вчера получил я письмо от Шульца: ГАИМК интересуется этим вопросом и обещает свое содействие, если нужно нажать через Москву. Шульц собирается приехать для обследований. Думаю, ему же нужно будет поручить и раскопки, если получим на них деньги.

С приветом, Ваш Н. Эрнст» [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 24, л. 57].

Когда договоренности с Военно-Курортной станцией были, наконец, достигнуты, от Н. Л. Эрнста пришло еще одно краткое письмо, в котором в частности говорилось: *«я считал бы целесообразным, чтобы раскопки были поручены Шульцу, а я бы наезжал для консультации»* [Там же, л. 28об]. Примечательно, что П. Н. Шульц наоборот предполагал проведение археологической кампании 1933 г. под руководством Н. Л. Эрнста. В письмах к Я. Г. Благодарному он настаивал на том, чтобы «по-дружески» договориться ради успеха общего дела [Там же, л. 26]. Из письма от 21 августа становится известно о факте личной переписки П. Н. Шульца и Н. Л. Эрнста, в которой неопределенности организации археологических работ удалось уладить. Любопытны намерения осуществить разведочные исследования вдоль побережья моря между Евпаторией и Севастополем. Планировалось, что непосредственным исполнителем этой части работ станет Н. Л. Эрнст [Там же, л. 30]. Тем не менее, замысел остался нереализованным.

Думается, что принудить Военно-Курортную станцию к исполнению договорных обязательств помог не столько «нажим» Н. Л. Эрнста, сколько совместные действия ГАИМК и Евпаторийского музея. Было решено привлечь к проблеме внимание сразу нескольких влиятельных ведомств. По настоянию П. Н. Шульца ГАИМК запросила содействия Наркомпроса РСФСР [5, с. 37]. Одновременно Академия направила официальное обращение к Военно-Курортной станции, в котором выражалась уверенность, что средства, указанные в договоре от 3 февраля 1932 г. между Крымнаркомпросом и Станцией, все же будут выделены, а строительные работы приостановлены на время археологических изысканий. Для исследования участка земли размером 100×55 м, выделенного санаторию, Комитет по работам на Новостройках ГАИМК обязывался выделить свой экспедиционный отряд [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 24, л. 57]. В то же время Я. Г. Благодарный направил письма в Крымнаркомпрос, ВЦИК КАССР и Наркомвоенмор СССР. В них обосновывалась необходимость выделения средств и *«прекращения варварских действий санатория: посадки деревьев на археологически не обследованных участках, застройка и пр.), установление нанесенных музею убытков»* [Там же, л. 38]. Помощь наркома силового ведомства К. Е. Ворошилова, в подчинении которого находились военные санатории, вероятно, виделась П. Н. Шульцу и Я. Г. Благодарному особенно важной.

Результатом коллективного бюрократического давления сначала стало заключение договора между Наркомпросом и Наркомвоенмором РСФСР о проведении археологических исследований Евпаторийского городища в 1933–1937 гг. [Там же, л. 30]. В сентябре 1933 г. было достигнуто соглашение с Военно-Курортной станцией. Евпаторийский музей вошел в число договаривающихся сторон и получил полномочия истребования средств у курортной станции [Там же, л. 28 об.]. Уже 9 сентября П. Н. Шульц направил начальнику Евпаторийского санатория, а также в ГАИМК, сектор науки Наркпомпроса РСФСР, Крымнаркомпрос программу предстоящих исследований. В документе предыдущие раскопки Л. А. Моисеева и В. Ф. Штифтара признавались хотя и важными, но неадекватными требованиям раскопок «памятника первостепенного научного значения». Для того, чтобы новые работы позволили прояснять вопрос о местоположении Керкинитиды, а также обогатить фонды Евпаторийского музея предлагалось обследование *«…по крайней мере в 5-ти участках: 1) В Центре, в наиболее возвышенной части; 2) В побережном южном районе; 3) В побережном восточном районе (оборон стены и подход к бухте); 4) В западном районе (выяснение границ города и системы обороны); 5) В северном районе (характер оборонительной системы и границ города в тыльной северной части)»*. Учитывая позднее начало раскопочной кампании в 1933 г., предполагалось выполнение всех перечисленных задач в течение трех лет. Не-

смотря на масштабность запланированного археологического вмешательства, одним из важных условий П. Н. Шульц называл *«максимальный учет интересов санатория в процессе работ»*. Исследователь мыслил перспективно: *«Думаю, что в результате раскопок цветник и парк санатория РККА будет украшен рядом интереснейших исторических экспонатов (остатки оборонительных стен, кладки древних зданий, вымостки улиц и проч.), которые обогатят возможности политико-просветительской работы Санатория»* [Там же, л. 31].

В письмах Я. Г. Благодарному П. Н. Шульц упоминает любопытные подробности организации работ в Евпатории. Так, материальную базу исследований предполагалось позаимствовать у Эски-Керменской экспедиции. В 1933 г. изыскания на средневековом городище проводились совместными усилиями ГАИМК и Филадельфийского университета [1, с. 112]. Известно, что П. Н. Шульц приезжал для знакомства с работами Эски-Керменской экспедиции в 1932 и 1933 гг. Во время визитов у него завязалось знакомство с Е. В. Веймарном и У. А. Боданинским [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 22, л. 40]. Впрочем, круг знакомств П. Н. Шульца в среде научного состава Эски-Керменской экспедиции видится пока еще далеко не четко. В связи с этим, неочевидно, с кем именно П. Н. Шульц планировал договариваться об использовании инструментария экспедиции. Впрочем, факт таких намерений представляется интересным в контексте изучения внутренней организационной системы ГАИМК.

В ряде посланий П. Н. Шульц затрагивает вопрос о возможном составе Евпаторийской экспедиции. Безусловными участниками исследований он называл В. Ф. Штифтара и Я. Г. Благодарного[11]. П. Н. Шульц высказывался о возможности приглашения А. Н. Карасева и Л. М. Славина. Вероятность участия обоих кандидатов действительно существовала: в 1933 г. Ольвийская экспедиция, постоянными сотрудниками которой они являлись, не состоялась. Л. М. Славин принял участие в организованной в том же году Боспорской экспедиции [7, с. 25]. Фактически возглавив раскопки Тиритаки, археолог, по-видимому, уже не смог оказать помощь П. Н. Шульцу. А. Н. Карасев летом 1933 г. был задействован в Эски-Керменской экспедиции в качестве архитектора. О проведенном времени он так писал супруге П. Н. Шульца В. А. Головкиной 18 сентября: «*Очень рад, что закончил работу в этой идиотской американской экспедиции и наконец можно отдохнуть и полечиться»* [НА ИАК РАН, ф. Л–9, оп. 2, д. 19, л. 16]. Действительно, во время летних работ А. Н. Карасев получил осложнение болезни ноги, в том же письме он отмечал: «*Сейчас очень заболел, трудно ходить»*. Письмо было отправлено из Евпатории. По-видимому, намерение А. Н. Карасева принять участие в экспедиции оставалось серьезным. Тем не менее, состояние его здоровья было далеко не подходящим для работы в полевых условиях.

В сентябре 1933 г. П. Н. Шульц прибыл в Евпаторию, в октябре начались работы его экспедиции. По понятным причинам эти события в переписке не отражены. Но затем в эпистолярном диалоге П. Н. Шульца и Я. Г. Благодарного возникает трехлетняя лакуна, однозначного объяснения которой нет. Пока еще не выявлены все сохранившиеся источники. Предполагаем, что переписка не прекращалась совсем. Общение могло стать менее интенсивным в 1934 г., поскольку новых препятствий возобновлению исследований не возникло. Продолжение Евпаторийской экспедиции планировалось в 1935 г. Судя по имеющимся в личном фонде П. Н. Шульца открытому листу [Там же, оп. 1, д. 4, л. 4] и полевым материалам разведок этого года [Там же, оп. 3, д. 38], некий объем работ удалось осуществить. Все же, завершить исследования должным образом не получилось. Обстоятельства личной жизни П. Н. Шульца существенно изменились. В марте 1935 г. археолог был уволен из ГАИМК «за невыполнение производственного плана» [Там же, оп. 1, д. 7, л. 8]. Продолжить исследования в Евпатории он мог лишь как частное лицо. Теперь о финансировании со стороны Академии говорить не приходилось, а потому предмета для переговоров с Евпаторийским музеем не было.

Сохранился черновик письма В. А. Головкиной к Я. Г. Благодарному, написанный в Ленинграде, вероятно, осенью 1935 г. Его строки наполнены теплыми воспоминаниями и

[11] Насколько известно, непосредственного участия они так и не приняли.

надеждой на продолжение исследований в Евпатории в будущем: *«Моя сокровенная мечта, это чтобы Павел Николаевич на год, на два перебрался в Евпаторию к Вам в помощники, вот там-то я с удовольствием под вашим общим руководством делала бы все от собирания комплексов и копания курганов до мытья посуды и кормления свиней. Ведь я на юге совсем другой человек, а здесь мертвая кукла. А с каким удовольствием я вспоминаю 1934-й год и зачистку костяка, и наши вечерние беседы, и наше курение Вашей махорки, и "страшно злую" Тохтер, и постель с музейным ковром, материнскую заботу Надежды Тихоновны, знаменитый умывальник из клистирной трубки, музей, дворик его, чем-то напоминающий мне греческий. Хотелось бы мне у Вас пожить»* [Там же, оп. 2, д. 82, л. 14–15]. Чаяниям В. А. Головкиной суждено было сбыться: П. Н. Шульц в 1936 г. заключил договор о работе внештатным сотрудником Евпаторийского музея [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 50, л. 17]. По данным переписки, продолжившейся с осени 1936 до начала 1937 г., в обязанности П. Н. Шульца входили работы по организации и пополнению историко-археологического отдела Евпаторийского музея.

Возобновить полевые исследования в Евпатории до начала войны не удалось. Для подготовки работ в 1936 г., видимо, не хватило времени. Инициатива продолжения раскопок вновь исходила от Я. Г. Благодарного: 16 сентября он сообщал, что Евпаторийский музей мог бы ассигновать достаточно крупную сумму от 1000 до 3000 руб. [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 1, д. 11, л. 5]. Информация об этом, должно быть, достигла П. Н. Шульца поздно. Из его письма от 19 сентября становится понятно, что сведений о предложении Я. Г. Благодарного он не получал. П. Н. Шульц сетовал на перемены в ГАИМК и регулярные задержки финансирования, из-за которых организация археологических работ в 1936 г. оказалась затруднена [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 50, л. 17]. Обстоятельства сделались еще менее благоприятными в 1937 г., когда шел непростой процесс преобразования ГАИМК в Институт в системе АН СССР. Наконец, в 1938 г. неожиданные перемены произошли в Евпатории: приказом Крамнаркомпроса от 7 мая 1938 г. Я. Г. Благодарный был освобожден от занимаемой должности *«как не обеспечивающий руководства музеем»* [Там же, д. 62, л. 47]. Трудно судить о справедливости этого решения. Впрочем, в год «большого террора», такой исход для Я. Г. Благодарного кажется не самым плохим. На непродолжительное время пост заведующего Евпаторийским музеем замещен Г. Ю. Буш, но уже с 1939 г. на эту должность назначен Н. П. Суханов [Там же]. Последний в 1941 г. направил П. Н. Шульцу письмо с предложением организовать раскопки в Евпатории в июле [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 3, д. 35, л. 21]. Времени для осуществления этих планов уже не оставалось.

Я. Г. Благодарный умер в 1942 г. в оккупированной Евпатории. П. Н. Шульц войну пережил. 15 июля 1945 г. он сообщал В. И. Равдоникасу: *«Наконец-то моя давнишняя, заветная мечта о возобновлении моих археологических исследований в Крыму, так нелепо прерванных 10 лет тому назад, – близка к осуществлению»* [СПбФ АРАН, ф. 1049, оп. 3, д. 196, л. 1]. Один месяц оставался до развертывания Тавро-Скифской экспедиции.

Переписка Я. Г. Благодарного и П. Н. Шульца[12]

№ 1

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

25/XI пр. года запросил Вашей помощи в построении Историко-Археологич. отдела

[12] Документы хранятся в фонде Евпаторийского музея в ГАРК (ф. Р-138) и в личном фонде П. Н. Шульца в Научном архиве Института археологии Крыма РАН (ф. Л-9). Хронологически сохранившиеся письма разделяются на две группы: написанные в 1933 г. (№№ 1–5) и в 1936–1937 гг. (№№ 6–8). Семь посланий представляют собой автографы, выполненные на бумаге чернилами (№№ 1–5, 7, 8). Одно письмо составлено на печатной машинке, на официальном бланке Евпаторийского музея (№ 6). При подготовке писем к публикации соблюдены принципы научного издания исторических документов. Пропущенные буквы, слова, инициалы фамилий, сами фамилии в некоторых случаях дополнены в квадратных скобках. Комментарии, сопровождающие тексты писем, помещены в подстрочных примечаниях.

музея[13]*. Ответа Вашего нет. Иного объяснения, как то, что Вы за что-то сердитесь на меня и не желаете даже ответить – я подыскать не могу. Если это так, – прошу извинить меня за что-то, что Вы лучше меня помните. Сотни раз готов принести Вам мои извинения, если я что напутал или забыл и не сделал, как Вы просили, только не оставляйте музей без Вашего руководства и помощи.*

Я отвел для археологического отдела три комнаты, а материалов так мало и отдел так беден, такое жалкое впечатление производит. [Г.Д.] *Белов-Херсонесский прислал список вещей, Вами отобранных. Дает согласие на передачу их Евпатории, но его дар мало поможет музею.*

Например, нет ничего по скифам, нет… Впрочем, нет надобности перечислять все недостатки музея, – Вы знаете их лучше меня.

Павел Николаевич, простите за надоедливость, но я еще и еще раз прошу Вас не отказать в пополнении Историко-Археологич. отдела и в руководстве им, поскольку это мыслимо на таком удалении от Евпатории. Всем, чем только смогу быть полезен Вам, в свою очередь я это сделаю. Жалею, что мы не заключили договора о моих материальных обязательствах Вам. Но это можно сделать всегда.

Скажите Ваш гонорар и Ваши условия. Зная Вас, я вперед, за глаза, соглашаюсь на них.

А. Н. Бернштам[14] *выразил желание помочь музею в построении татарского отдела; прислал очень милое письмо, обещал приступить к кое-каким практическим мерам и, очевидно, заработался, забыл о Евпатории. Если увидите его, или будете говорить с ним по телефону, не откажите напомнить ему.*

А от Вас я жду письмо.

Ваше детище, изо-мастерская[15] *или изо-музей, как я и предсказывал, – мертворожденное. Мухамедов*[16] *– плохой организатор, и ни малейшим авторитетом не пользуется в местных кругах. Ничего у него не вышло: нет денег, нет помещения, учеников… С работы в музее он перешел на работу в татарской семилетке в качестве искусствоведа. но как педагог оказался слаб и собирается уезжать в Баку, в кино-фабрику.*

Чаплинский[17] *в Евпатории. Очень энергичный работник. Энтузиаст. У себя на квартире устраивает студию. Для всех, желающих работать. Печатает о том объявления в газетке нашей, пишет плакаты о том же на окнах и витринах, обещает краски, кисти, бесплатное обучение, но нет желающих учиться. Организовал кружок любителей-художников, записались членами человек 10, каждую декаду собираются, что-то там говорят, решают. 23/II будет художественная выставка, а 1/V предполагает Чаплинский создать другую такую же. Не человек, – валюта золотая. Хочет создать картинную галерею в Евпатории на основе местного материала и с привлечением произведений из хранилищ государственных. Но в последнем он бессилен, – нет связей, нужных знакомств в Москве, Ленинграде. Для Москвы он только бывший студент и никто более. Я говорил ему о Вас, как о создателе изо-музея в Евпатории; хочет познакомиться с Вами и, кажется, просить Вас о помощи в устройстве художественной галереи. Не напишите ли Вы ему? Адресуйте на музей.*

---

[13] Значительное место в переписке занимает обсуждение вопросов пополнения фондов и формирования экспозиции археологического отдела Евпаторийского музея. Этот аспект, на наш взгляд, требует специального исследования. Поэтому в настоящей статье подробно не раскрывается.

[14] В научной биографии А. Н. Бернштама «крымский» период пока остается наименее изученным. Факт его намерений о работе с экспозицией Евпаторийского музея совсем неизвестен.

[15] Первым официальным местом работы П. Н. Шульца в 1920 г. стала организованная им при Ржевском Пролеткульте Студия изобразительных искусств [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 9]. Сотрудничество ученого с Пролетарскими культурно-просветительскими организациями продолжалось вплоть до расформирования последних в 1932 г. П. Н. Шульц продолжил деятельность по организации изо-кружков и мастерских в 1930-е гг. Во второй половине этого десятилетия им готовилась большая работа, посвященная искусству Советского Крыма.

[16] Абий Ярмухамедов (1880-е–1937) – художник, яркий представитель крымскотатарской национальной школы живописи.

[17] Ян Болеславович Чаплинский (1898–1987) – художник, архитектор. В 1930-е гг. работал в Евпатории.

3000 руб. остались у Военного Санатория неиспользованными Эрнстом. Ни одного раскопа не сделал и уже, конечно, не сделает теперь. Непонятный он для меня человек, странный. Не найдете ли Вы возможность извлечь эти 3000 р. и использовать их на раскопки Керкинитиды или курганов этим годом? Было бы очень хорошо. Затребуйте от Эрнста копию договора Крымского НКП с Евпаторийским санаторием РККА (рабоче-крест. Кр. Армии).

Павел Николаевич, не узнали ли Вы, что представляет из себя имеющийся в музее предмет из мамонтовой кости (разбит на две части) с символическими фигурами? И еще: статую скифа из Ак-Мечети (найденная Моисеевым) разбита на 2 куска, нет головы, в панцирной юбочке и т.д. Вы устанавливали ее. Вы высказали мысль забрать ее в Ленинград в обмен на что-нибудь более полезное музею. Возьмут? Обменяют?

Если увидите Марию Арсеньевну Наливкину, не откажите сообщить ей, что ее рукопись о Керкинитиде по настоящее время в НКП Крыма, в цензуре. Все еще не рассмотрена. Если и будет разрешение на издание ее, то я не уверен в том, что она будет напечатана в ближайшее время: нет бумаги и нет денег[18].

Вместо Мухамедова, работавшего в музее, приглашена мною на работу некая Грекова, молодая художница. Она могла бы сделать несколько копий, иллюстрирующих греков, скифов, половцев, татар-кочевников, но нет ничего в Евпатории, т.е. источников, которыми она могла бы пользоваться для перерисовок. Не поможете ли Вы в этом деле?

Извините за такое длинное письмо, еще раз прошу, не откажите в Вашей помощи.

Крепко жму Вашу руку

Я. Благодарный

Евпатория

4–II–1933 г. [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 1, д. 11, л 1–4].

№ 2

Глубокоуважаемый Яков Григорьевич[19]*!*

Ваши упреки по моему адресу за непростительно долгое молчание, – вполне справедливы. Однако причина молчания совсем не та, что Вы думаете.

Об Евпатории и о работе в Евпаторийском музее я сохранил самые хорошие воспоминания и всегда, по мере сил, буду отстаивать интересы Евпаторийского музея. Сердиться мне на Вас буквально не за что.

Причина моего молчания та, что я не люблю писать платонические письма, лишенные реального содержания, а все эти месяцы вопрос с Эрмитажем оставался открытым из-за 3-месячной болезни заведующей греко-скифским отделом Т. Н. Книпович, в свое время передававшей Евпаторийскому музею, благодаря Вашим просьбам и содействию М. А. Прониной[20]*, коллекцию Н. Ф. Романченко*[21].

По порядку перечислю то, что мне удалось сделать в порядке популяризации и помощи (посильной) Вашему музею.

1. Удалось получить согласие заведующего Античным сектором С. И. Ковалева на предоставление Евпаторийскому музею небольшой рабочей коллекции античных металлов: из Ольвии, Керчи, Херсонеса, из фондов нашего сектора (коллекция, правда, очень маленькая и небогатая). Чтобы ее получить, Вам надо составить отношение в Античный сектор ГАИМК. В отношении укажите, чтобы комплектование поручили мне, так как я знаком с нуждами музея. За пересылку придется заплатить музею.

2. Вел переговоры с Античным отделом Исторического музея о передаче в Евпа-

[18] Вероятно, речь о некой предварительной версии статьи 19 из списка литературы.

[19] Так в источнике.

[20] Пронина – девичья фамилия М. А. Наливкиной.

[21] Подробнее об этом: [6, с. 43].

торию коллекции Н. Ф. Романченко и античной стелы из Евпатории (опубликованы [В. В.] *Латышевым в IOSPE).*

3. Я подробно охарактеризовал летние полевые работы Евпаторийского музея на докладе в Античном секторе 29 X 1932 г. на пленуме Академии 20 XI 1932 г. и на заседании раскопочной комиссии 6 XI 1932 г. Решение Раскопочной комиссии Вам пересылаю. Летом, до раскопок в Ольвии и Керчи охотно бы принял участие в раскопках в Евпатории. На основании моего доклада Академией [Н. Л] *Эрнсту бумажка чрезвычайно неудачно составленная, средактированная без моего ведома. В ней говорится о наличии якобы со стороны Эрнста желания провести раскопки в 1933 г. совместно с Античным сектором (в чем я далеко не уверен). Такая редакция – результат досадного недоразумения. Я бы очень просил Вас, Яков Григорьевич, посоветовать, какие шаги сейчас Академии по отношению к Эрнсту и Крым НКПросу предпринять, чтобы обеспечить возможность раскопок в Евпатории в этом году, и, в частности, добиться выделения средств от Евпаторийской курортной станции. От Академии в этот раз могли бы принять участие А. Н. Карасев (археолог-архитектор) и я. М. А. Наливкина не сможет. Вместе с Вами и В. Штифтаром у нас бы сложился вполне работоспособный отряд.*

4. В сообщениях ГАИМК я поместил небольшую статью (на 2 листа, пойдет в двух номерах) о работе Крымских музеев и об основных результатах полевых работ в Крыму этого года. В статье уделил значит место Евпатории. М. А. Наливкина согласилась со своей стороны поместить в Сообщениях обстоятельную статью, посвященную основным историческим вопросам, связанным с Керкинитидой-Евпаторией. Думаю, что было бы очень хорошо, если бы В. Ф. Штифтар, хотя бы очень сжато, осветил свои работы этого года в небольшой статье. Я бы устроил ее в «Сообщения», где статьи, кстати, оплачиваются вполне прилично (250 р/лист). Было бы прекрасно, если бы Вы также прислали ту или иную статью о разведках в районе Ак-Мечети в 1929 г., описательную заметку об изваяниях скифов-воинов, или что-либо в этом роде. Я охотно бы взял на себя, если бы в этом была надобность, редактирование присланных Вами заметок.

С Эрмитажем происходит задержка из-за того, что Т. Н. Книпович до сих пор еще лежит, а в администрации Эрмитажа отказались решать вопрос о выделении коллекции для Евпатории без ее участия.

Бернштама я видел. Он меня уверяет, что наряду с «милым» письмом выслал через Русский музей в Ваш музей официальное отношение, на которое ответ до сих пор не получен.

О костяной поделке с фигурными изображениями я справлялся. Общее впечатление знатоков резьбы по кости – что это подделка.

С составлением плана реэкспозиции я задерживаю сознательно, так как еще не знаю, каким материалом будет располагать Евпаторийский археологический отдел музея. Если удастся выцарапать материалы из Исторического музея, экспозиция будет одной, а если нет, придется ее строить скромнее. В этом деле я целиком зависим от материала.

Что касается дополнительного материала, то к работе над ним можно было бы приступить и теперь, после сдачи в печать статьи, что я думаю сделать к 15 февраля, я подберу небольшой материал для Вашей художницы и его вышлю.

Жаль Яр. Мухамедова. Талантливый и самобытный художник. Мешает ему его тяжелый характер.

Очень рад, что Чаплинский начинает у Вас действовать. От [А. Н.] *Глаголева*[22] *(Симферополь) получил сообщение, что у Вас открываются в конце февраля (15 лет РККА) выставка Евпаторийских художников (8 человек). Евпатория – делает в Крыму почин.*

С Чаплинским рад буду связаться. В Москву еду на совещание, созываемое ВЦСПС по вопросу о проведении летом Всесоюзной Олимпиады самодеятельного искусства. Глаголев мне сообщил, что из 8-ми художников Евпатории выступает 4 художника-самоучки.

[22] Александр Николаевич Глаголев (1893–1970-е) – художник, график, в 1920–1930-е гг. возглавлял иллюстрационный отдел газеты «Красный Крым».

Не смог бы Чаплинский мне прислать снимки с лучших работ, с тем, чтобы я мог их продемонстрировать на совещании, а быть может и поместить с небольшой статьей (которую может быть составит Чаплинский?) в «За марксистско-ленинское искусствознание» или в каком-либо ином журнале? На всякий случай посылаю для него записку в письмо. Кстати по просьбе Глаголева, мне предстоит составить краткую характеристику художественной жизни Крыма к выпускаемому Крымгизом альбому, посвященному изобразительному искусству в Крыму.

Простите за сумбурное письмо, пишу под вечер, утомленным дневной работой. Передайте мой привет Надежде Тихоновне[23] *и Николай Сергеевичу (как-то его скульптуры и монеты?) и В. Ф. Штифтару. Привет, ваш Шульц*

12 февраля 1933 г. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 24, л. 20–22].

№ 3

Ленинград, 6 VI 1933 г.

Глубокоуважаемый Яков Григорьевич!

Очень рад был из Вашего письма узнать, о Вашем настойчивом желании развернуть археологические работы в Евпатории в это лето.

С содержанием присланных Вами документов я познакомил ученого секретаря Академии. ГАИМК готова, в помощь Вам, принять на себя хлопоты через Москву и КрымВЦИК о продвижении вопроса о раскопках в Евпатории.

Но для этих хлопот необходима официальная просьба с Вашей стороны, в которой бы Вы, в сжатой форме, изложив обстоятельства дела (застройка заповедника, задержка в отпуске гарантированных договором средств на раскопки и наблюдения) выразили бы пожелание, о том, чтобы ГАИМК приняла бы на себя руководство раскопками и разведками в Евпатории, провела бы эти работы совместными силами с Евпаторийским музеем, и оказала бы всемерное содействие в изыскании от курортной станции необходимых средств на работу.

К отношению необходимо приложить копию договора и Вашего письма в Крым ВЦИК и тов. [К. Е.] *Ворошилову.*

Если Вы найдете возможным правильным поставить этот вопрос перед Президиумом ГАИМК, то в ближайшее же время, Президиум Академии свяжется в Москве с соответствующими учреждениями и продвинет, надеюсь, этот вопрос.

Вся соль, как мне кажется, заключается в том, чтобы получить у В.К.С. гарантированные ею 3000 р. При наличии этих средств можно будет заложить в этом году основание и начало серьезному археологическому изучению городища путем раскопок, и района путем разведок. Пора, наконец, разрешить и окончательно разрешить древний вопрос о местоположении Керкинитиды и Прекрасной Гавани.

Теперь о сроке работ, в случае, если средства получить удастся. Мне кажется было бы целесообразнее всего по времени увязать раскопки в Евпатории с раскопками в Эски-Кермене, развернув работы в Евпатории сразу же после окончания работ в Эски-Кермене. Это даст нам возможность получить инвентарь (лопаты, кирки, тачки и пр.), приборы для измерений (тахеометр, мензуру, рейки, рулетки и пр.), опытных рабочих, фотографа ГАИМК и археолога-топографа-архитектора Карасева. Последнее освободит нас от необходимости оплачивать железнодорожный проезд двух работников и значительно удешевит расходы на инвентарь и рабочую силу.

Эски-Кермен заканчивается в сентябре. Этим самым определяются сроки работ в Евпатории. Меня лично этот срок устраивает.

О программе, персональном составе и всех деталях нашей совместной работы мы сразу же спишемся тогда, когда будет вырешен основной вопрос о средствах.

[23] Супруга Я. Г. Благодарного.

Очень жалею, что договор и Ваше отношение Ворошилову попали в ГАИМК так поздно. Но если Вы найдете возможным сразу же выслать отношение на ГАИМК, то сроки еще не потеряны.

Мысленно я уже живу Евпаторийскими раскопками, и сделаю все, что от меня зависит, чтобы продвинуть этот вопрос. В данный момент, дело за Вами.

Несколько осложняет дело, то обстоятельство, что договор заключен Крымнаркомпросом, но не с Вашим музеем. Как быть с Н. Л. Эрнстом?

Списываться ли предварительно Вам, ГАИМК, или мне частным путем с Николай Львовичем, или же поставить его перед разрешенным вопросом post-factam? Надо признаться, что этот вопрос мне неясен. Быть может правильнее с Н. Л. по-дружески договориться и сохранить, даже за ним руководство раскопками.

Не откажите, Яков Григорьевич, написать мне об этом с полной откровенностью и дать тот или иной совет, чтобы не допустить тактической ошибки, которая могла бы помешать благоприятному исходу дела.

Теперь вопрос о самом музее. Не знаю, получили Вы или нет, мое письмо, написанное около 3-х месяцев тому назад, где я писал Вам о предварительном согласии Академии (античного сектора) на выделение для Вашего музея небольшой коллекции Ольвийского материала?

Для реализации этого выделения необходимо Ваше отношение зав. сектору рабовладельческой формации тов. Ковалеву и в Президиум ГАИМК

От Эрмитажа мне также удалось, в результате разговора с Т. Н. Книпович получить принципиальное согласие на выделение материалов Ольвии, Херсонеса и Пантикапея, в порядке обмена. Эрмитаж сугубо заинтересован Вашей статуей скифа-воина, с переломанной талией. Для того, чтобы переговоры с Эрмитажем продвинуть в практическую плоскость, необходимо отношение директору Эрмитажа тов. [Б. В.] *Леграну и отношение того же содержания зав отд. ант. кол. Сев. Прич. Т. Н. Книпович*

В отношении желательно указать на заинтересованность музея в материалах, характеризующих хозяйственный и культурно-бытовой уклад жизни скифов и основных колоний Причерноморья (Ольвия, Херсонес, Пантикапей), и на готовность музея произвести обмен. Обо мне упомяните лишь вскользь, указав, что для просмотра выделенного материала, желательно привлечение сотрудника ГАИМК Шульца П. Н., хорошо осведомленного о состоянии нужд Евпаторийского музея.

В Москву я выеду лишь в середине июля, так что отношение в Исторический музей, дело менее срочное.

В Евпатории я буду даже в том случае, если раскопки не состоятся, так как получаю персональную командировку для работы в Крыму и на Украине. Выезжаю в Крым лишь в конце июля, так что в Евпатории буду не раньше августа и буду Вам очень благодарен, если Вам удастся мне предоставить комнату на это время. Мне очень хочется на месте загладить свою вину перед Вами и Вашим музеем за непростительную задержку составления плана экспозиции. Думаю, что составлять в высылать план сейчас, уже не целесообразно, так как в отрыве от материала он получится абстрактным, не полным и сухим. Все необходимые фотоматериалы для воспроизведений хочу захватить с собой, для того, чтобы на месте, вместе с Вами, практически продвинуть реэкспозицию.

Буду с нетерпением ждать Ваше отношение в Академию и письмо мне. Со своей стороны после получения Академией и Эрмитажем Ваших отношений, сделаю все, что возможно, чтобы обеспечить раскопки и разведки в Евпатории и пополнить Ваш музей новыми материалами.

Если средства на раскопки добыть удастся, уверен, что мы сумеем найти с Вами здоровые, товарищеские формы совместной работы, которые бы полностью отвечали интересам дела, музея, ГАИМК.

Мой искренний привет Надежде Тихоновне.

Жду письма. Ваш П. Шульц

P/s Просьба передать сделанный мной в Евпатории снимок макета с мамонтами Николай Сергеевичу (боюсь, что перепутал его имя и отчество). К сожалению, снимок не удался. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 24, л. 26].

№ 4

9 VI 1933 г. Ленинград

Уважаемый Яков Григорьевич!

Поджидаю ответа на письмо. Поездка моя в Москву откладывается. Часть вещей из Государственного Эрмитажа для Евпаторийского музея мной уже отобрана. Скорее высылайте отношение.

В сданную мной статью о поездке в Крым хочу ввести цифры посещаемости. Пришлите, пожалуйста, сведения о посетителях в 1932 г.[24]

Есть ли надежды на получение 3000 руб. от Военно-Курортной станции на раскопки на лето 1933 г.? Этот вопрос очень занимает в связи с предстоящим распределением летних месяцев. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 24, л. 20].

№ 5

Москва, 21 VIII 1933

Глубокоуважаемый Яков Григорьевич!

Мое молчание и задержка с приездом обусловлены тем, что Евпаторийское дело безбожно затянулось, а разочаровывать Вас неопределенностями мне не хотелось. Вопрос с деньгами и обязательствами Военно-курортной станции еще не пришел в окончательную ясность. Однако разрешение этого вопроса, сейчас, дело нескольких дней.

Ход действий ГАИМК – таков: помимо высланной Вам копии отношения в санаторию, ГАИМК направило отношение в Наркомвоенмор тов. Ворошилову, и через сектор науки Наркомпроса, в соответствии с постановлением Совнаркома[25]*, способствовали заключению договора между Накромпросом и Наркомвоенмором предусматривающее развертывание археологических работ на городище в течение 4 лет с выполнением станцией прошлогодних обязательств в этом году.*

Договор в окончательной форме будет заключен 3 сентября, в день моего отъезда в Евпаторию. Все копии решений по этому вопросу обязуюсь захватить с собой. Приезжаю в Евпаторию 5-го сентября. Пробуду в ней до 10 сентября. После чего выеду в Симферополь и другие пункты Крыма в персональную командировку, которую закончу в конце сентября. В случае если раскопки в Евпатории состоятся, копать будем с 1 октября по 20 октября, оставив 10 дней на разведку. Вернуться в Ленинград рассчитываю 1 ноября. В случае, если раскопки не состоятся (зависит от денег) разведки планирую провести с 1 октября по 15-е октября[26].

В разведках и раскопках примет участие от Ленинграда (ГАИМК) помимо меня А. Н. Карасев (архитектор, археолог-классик), и быть может, в раскопках Л. М. Славин.

С Н. Л. Эрнстом я списался. Он дает согласие на включение в состав экспедиции, и рассчитывает принять участие в разведочной работе, в районах побережья от Евпатории в сторону Севастополя. Письмо прислал очень милое.

Считаю Вас, Яков Григорьевич и Штифтара членами экспедиции в любых ее вариантах. О формах участия в нашей совместной работе договоримся точно на месте.

---

[24] Эти данные зафиксированы в дневнике командировки: «В 1927 г. музей посетило всего 3682 чел. … В 1929 г. посещаемость возросла до 10758 чел. В 1931 г. она достигла 27647 чел. В 1932 г. посещаемость превысила 30000 чел.» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 3, д. 22, л. 29].

[25] Имеется в виду Постановление ВЦИК и СНК СССР от 10 августа 1933 г. «Об охране исторических памятников».

[26] В действительности сроки оказались смещены на месяц вперед.

В историческом музее об обмене Романченского материала с Вашим музеем принципиально договорился. К сожалению, коллекцию мне осмотреть не удалось, так как она сейчас свернута, а хранитель отдела в отпуску. Придется ее смотреть на обратном пути.

В Эрмитаже в эллино-скифском отделе перемены в составе, которые нам, как мне кажется, будут содействовать успеху дела (Книпович ушла, хранителем назначен О. О. Крюгер, работник ГАИМК).

Простите за несколько наспех составленное письмо.

Пишу на почтамте. День отъезда окончательно выяснил только сейчас. Тороплюсь Вас об этом предупредить.

Мысленно уже живу Евпаторией. Мой искренний привет Надежде Тихоновне.

До скорой встречи! Ваш П. Шульц

Очень обидно, что в этом году еще не смог приехать в Евпаторию с вещественным материалом для музея. Вполне уверен, что предстоящий год для античного отдела Вашего музея будет значительно более урожайным. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 24, л. 29–31].

№ 6

Дорогие друзья
Валентина Алексеевна и
Павел Николаевич!

Вы, кажется, всерьез и надолго рассердились на меня, – не пишете, не отвечаете. Если сердиты, скажите и я не буду доставлять Вам неудовольствие напоминанием о себе и музее.

Весь конец лета я ожидаю Вас на раскопки. Мог бы ассигновать на это дело рублей 1000, а то и две, три. Весьма жалею, что не приехали. Эти дни дождливо и холодно, особенно ночью. Но обычно октябрь в Евпатории бывает сухим и теплым. Если будет таковым, – а почему бы не быть ему таким, – приезжайте на октябрь, поройтесь в курганах.

Евпатория *Жму крепко Ваши руки*
16 IX-36 г. *Я. Благодарный*

[НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 1, д. 11, л. 5].

№ 7

19 X 1936

Дорогой Яков Георгиевич!

На этих днях получил Ваше письмо и спешу ответить. Евпаторийская экспедиция сорвалась за пертурбацией в ГАИМКе и отсутствию денег. В ГАИМКе сменилось руководство, задержаны деньги по смете и в ближайшее время его переведут в новое помещение (выселяют из Мраморного дворца). Сейчас в ГАИМКе не до экспедиций. Я очень горюю, что завершение моих Евпаторийских работ так затянулось.

Я рад, что Вы по-прежнему горите планами на будущее и вновь хотите взяться за Ваш античный и скифский отделы. Посоветовавшись с Валентиной Алексеевной и Владимиром Николаевичем Недельским, я решил принять Ваше предложение о временной совместной работе с Евпаторийским музеем, по договорной или временной штатной работе, как Вам это будет удобнее.

За ближайшее время, в течение ноября-декабря месяца я считал бы нужным выполнить для вашей экспозиции след. работы:

1. *Выслать в Евпаторийский музей слепок со стел Скилура и Палака*
2. *Заказать слепок монумент изображения Палака на коне*
3. *Фото наиболее ярких открытий работ 1933–34 гг.*
4. *Чертежи наиболее характерных планов 1933–34 гг.*
5. *Списаться с Одесским музеем относительно передачи коллекции Романченко*

6. Заказы копий находок из Исторического музея, Эрмитажа.

Все это можно было бы выполнить в течение двух месяцев при условии быстрой высылки всех отношений.

Владимир Николаевич готов зять на себя подготовку иллюстративного материала по Риму. На всякий случай прилагаю проект договора и поручения на ведение переговоров для возможных заказов. Все дело рухнет, если будут по примеру прошлого года, затянуты в переписке и подписании с Вашей стороны отношения в соответствующие мастерские и фотолаборатории.

Облегчило бы дело, для быстроты заключение договоров с репродукционными и фото мастерскими, наличие в моих руках предварительного аванса, но не знаю, насколько это практически осуществимо и для Вас удобно.

Как видите, я ответил быстро, т.к. очень хочу загладить мои долги перед музеем и ему через Вас практически помочь.

19 X 1936 г. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 50, л. 17 об.]

№ 8

Ленинград 07 I 1937

Дорогой Яков Георгиевич!

Простите за задержку отчетов о работе и авансового отчета. Меня задержала расплата с репродукционными мастерскими Академии Художеств, которые долго и упорно не принимались за работу из-за загруженности и не хотели принять и оформить 25% аванса. Лишь к концу месяца мне удалось путем ряда нажимов добиться цели. Правда, это пришлось сделать за счет повышения стоимости оплаты слепков рельефов. За большой рельеф Палака на коне (2×1,75м) взяли с меня 400 руб., а за малый рельеф Скилура и Палака 120 р. (всего 520 р.). Внес аванс в 25%

Бычок с повозкой выполнен прекрасно (Путрой) и подкрашены так, что специалисты не всегда улавливают, где подлинник, где слепок.

Чертежи А. Н. Карасева выполнены частично, очень добросовестно. Фото увеличены и снимки также сделаны. Чертежи и фото я частично уже сдал в окантовку. Думаю, что целесообразнее Вам привести вполне и до конца готовые экспонаты. Жду слепков золотых пластинок из Ак-мечети. Репродукционные мастерские берут за три пластинки с оленями и 1 голову грифона – 300 р., по 75 р. за пластину (делают хорошо, с позолотой, так что не отличишь от подлинника). Все приходится завоевывать в бою, с большими трудностями и надоеданиями. К 15 января золотые пластины будут готовы. Слепки рельефов сделают, вероятно, к 20 января. Крымский пленум, как будто вновь перенесли на февраль. В случае, если это произойдет, вышлю вам экспонаты багажом или почтой.

Говорил с И. И. Мещаниновым (МАЭ) о предоставлении Евпаторийскому музею коллекций каменных орудий из Крыма, колеблется и пока еще не дал согласия. Из Одессы ответа еще не получал.

Послал Вам почтой одну из моих последних работ по технике античного общества.

Одной из очередных новостей является то, что ГАИМК вливается в систему Академии Наук и вероятно будет превращен в Институт археологии. Передайте привет Надежде Тихоновне. Ваш Павел Шульц. [ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 57, л. 5]

Рис. 1. Я. Г. Благодарный. Середина 1930-х гг. Фото из фондов Евпаторийского краеведческого музея

Fig. 1. Ia. G. Blagodarnyi. Mid-1930s. Photograph from the collection of the Yevpatoria Regional Museum

Рис. 2. П. Н. Шульц. Фото 1935 г. [РГАЛИ, ф. 3189, оп. 2, д. 1399, л. 2а]

Fig. 2. P. N. Shul'ts. Photograph of 1935. [RSALA, f. 3189, op. 2, d. 1399, l. 2a]

Рис. 3. Я. Г. Благодарный. Конец 1930-х гг. Фото из семейного архива В. Л. Благодарного

Fig. 3. Ia. G. Blagodarnyi. Late-1930s. Photograph from V. L. Blagodarnyi's family archive

Рис. 4. П. Н. Шульц у берега Сакской пересыпи. 1934 г. [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 3, д. 35, л. 44]

Fig. 4. P. N. Shul'ts at the shore of the Sakskaia barrier spit. 1934. [SA at the IAC of the RAS, f. L-9, op. 3, d. 35, l. 44]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Н.А. Исследование «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е–30-е годы XX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. № 7. С. 106–124.
2. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Российская Академия наук; Институт истории материальной культуры. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.
3. Археологические разведки на полуострове Тарханкут / Ун-т г. Орхуса, Музей «Moesgaard», С.-Петерб. гос. ун-т [и др.; авт. ст. Т.Н. Смекалова и др.]. Симферополь: Доля, 2010. 174 с. (Серия: Материалы к археологической карте Крыма; вып. III).
4. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма: Материалы к археологической карте Крыма. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с.
5. Вахтина М.Ю. Об организации археологических исследований в Евпатории и Ак-Мечети (Черноморском) в 1929 и 1933 гг. (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Археология Северо-Западного Крыма: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию созданию заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея, Калос Лимен, 29–31 мая 2017 года. Калос Лимен: Наследие тысячелетий, 2017. С. 27–41.
6. Вахтина М.Ю. Материалы о раскопках Н.Ф. Романченко в окрестностях Евпатории в Научном архиве ИИМК РАН // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 09–11 сентября 2022 года. Симферополь: Ариал, 2022. С. 39–47.
7. Виноградов Ю.А. Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ГАИМК – ИИМК СССР – ЛОИА АН СССР) 75 лет // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–04 декабря 2009 года. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 24–29.
8. Виноградов Ю.А. К 110-летию М.А. Наливкиной (1904–1981) // Археологические вести. 2014. № 20. С. 430–436.
9. ВКП(б), советская власть, комсомол и профсоюзы: О культурном строительстве: (Сборник документов) / Сост. И.Ф. Заколодкин, В.В. Морозов, А.Я. Подземский. М.: Работник просвещения, 1930. 608 с.
10. Григорьева О.В., Медведева М.В. Л.А. Моисеев (1882–1946) и ГАИМК: работы в Крыму 1927–1929 гг. // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 09–11 сентября 2022 года. Симферополь: Ариал, 2022. С. 48–62.
11. Григорьева О.В., Медведева М.В. Лаврентий Алексеевич Моисеев. Начало научной деятельности // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы научной конференции, Севастополь, 18–22 сентября 2023 года. М.: Буки Веди, 2023. С. 48–53.
12. Колесникова Е.В., Прохорова Т.А. Арон Яковлевич Гидалевич и его коллекция в собрании Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (выставка к 155-летию со дня рождения) // Вопросы музеологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 133–141.
13. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида: VI–II вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.
14. Кутайсов В.А. История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 30–63.
15. Кутайсов В.А. От Керкинитиды к Евпатории. Симферополь: Бизнес Информ, 2016. 208 с.
16. Мусаева У.К. Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941). Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. 404 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 21).
17. Мусаева У.К. Плюсы и минусы «национальной музейной политики»: краеведческий музей в Евпатории (20–30-е годы XX века) // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 3(15). С. 41–48.
18. Наливкина М.А. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 161–165.
19. Непомнящий А.А. «Я подниму свой нос гордо и смело вверх»: Полина Чепурина в борьбе за Евпаторийский музей // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 2(12). С. 39–56.
20. Непомнящий А.А. Организатор советского крымоведения Николай Эрнст // Очерки истории Отечественной археологии. Москва, 06–08 апреля 2021 года. М.: ИА РАН, 2022. С. 431–453.
21. Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 212–255.
22. Чемодуров Н.Н. Дневник научной командировки П.Н. Шульца 1932 г.: источник по истории довоенной крымской археологии // Боспорские исследования. 2023. Вып. 46. С. 265–297.

REFERENCES

1. Abramova N.A. Research of the “cave city” Eski-Kermen in the 20s–30s of the XX century. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on archaeology and history of ancient and medieval Crimea], 2015, vol. 7, pp. 106–124.

2. *Akademicheskaia arkheologiia na beregakh Nevy* (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on the banks of the Neva River (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014)]. St Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2013, 416 p.
3. Smekalova T.N. and others. *Arkheologicheskie razvedki na poluostrove Tarkhankut* [Archaeological reconnaissance on the Tarkhankut peninsula]. Simferopol, Dolya Publ., 2010, 174 p. (Series: Materials for the archaeological map of Crimea; vol. 3).
4. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma: Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma* [Archaeological Atlas of Northwest Crimea: Materials for the Archaeological Map of Crimea]. St Petersburg, Aleteia Publ., 2017, 448 p.
5. Vakhtina M.Y. On the organization of archaeological research in Evpatoria and Ak-Mecheti (Chernomorsky) in 1929 and 1933 (on the materials of the scientific archive of IHMC RAS). *Arkheologiia Severo-Zapadnogo Kryma: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu sozdaniiu zapovednika "Kalos Limen" i 30-letiiu otkrytiia Chernomorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia, Kalos Limen, 29–31 maia 2017 goda* [Archaeology of North-West Crimea: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the establishment of the reserve "Kalos Limen" and the 30th anniversary of the opening of the Black Sea Historical and Local History Museum, Kalos Limen, May 29–31, 2017], Kalos Limen, Heritage of millennia Publ., 2017, pp. 27–41.
6. Vakhtina M.Y. Materials about the excavations of N.F. Romanchenko in the vicinity of Evpatoria in the Scientific Archive of IIMK RAS. *Zapadnaia Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ia: Materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii, p. Chernomorskoe, 09–11 sentiabria 2022 goda* [Western Taurida in the history and culture of the ancient and medieval Mediterranean: Proceedings of the IV scientific-practical conference, Chernomorskoye s., September 09–11, 2022]. Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 39–47.
7. Vinogradov Iu.A. The Bosporan Expedition of the IHMC RAS (SAHMC – IHMC SSSR – LDIA AS SSSR) 75 years old. *Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 01–04 dekabria 2009 goda* [The Bosporan phenomenon: art on the periphery of the ancient world: proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 01–04, 2009]. St Petersburg, Nestor-History Publ., 2009, pp. 24–29.
8. Vinogradov Iu.A. To the 110th Anniversary of M.A. Nalivkina (1904–1981). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2014, vol. 20, pp. 430–436.
9. *VKP(b), sovetskaia vlast', komsomol i profsoiuzy: O kul'turnom stroitel'stve: (Sbornik dokumentov)* [VKP(b), Soviet power, Komsomol and trade unions: On cultural construction: (Collection of documents)]. Compiled by I.F. Zakolodkin, V.V. Morozov, A.Y. Podzemsky. Moscow, Worker of Education, 1930, 608 p.
10. Grigor'eva O.V., Medvedeva M.V. L.A. Moiseev (1882–1946) and SAHMC: works in the Crimea 1927–1929. *Zapadnaia Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ia: Materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii, p. Chernomorskoe, 09–11 sentiabria 2022 goda* [Western Taurida in the history and culture of the ancient and medieval Mediterranean: Proceedings of the IV scientific-practical conference, Chernomorskoye settlement, September 09–11, 2022]. Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 48–62.
11. Grigor'eva O.V., Medvedeva M.V. Lavrentiy Alekseevich Moiseyev. Beginning of scientific activity. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii: Materialy nauchnoi konferentsii, Sevastopol', 18–22 sentiabria 2023 goda* [Antique relics of Chersonesos: discoveries, findings, theories: Proceedings of the scientific conference, Sevastopol, September 18–22, 2023]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2023, pp. 48–53.
12. Kolesnikova E.V., Prokhorova T.A. *Aron Iakovlevich Gidalevich i ego kollektsiia v sobranii Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii" (vystavka k 155-letiiu so dnia rozhdeniia)]. Voprosy muzeologii [Voprosy museologii]*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 133–141.
13. Kutaisov V.A. *Antichnyi gorod Kerkinitida: VI–II vv. do n.e.* [Antique city Kerkinitida: VI–II centuries BC]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 176 p.
14. Kutaisov V.A. The History of Research of Antique Monuments in the North-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria], 2011, vol. 17, pp. 30–63.
15. Kutaisov V.A. *Ot Kerkinitidy k Evpatorii* [From Kerkinitida to Evpatoria]. Simferopol, Biznes Inform Publ., 2016, 208 p.
16. Musaeva U.K. *Razvitie muzeinogo dela v Krymskoi ASSR* (1921–1941) [Development of museum business in the Crimean ASSR (1921–1941)]. Simferopol, Krymuchpedgiz Publ., 2013, 404 p. (Series: Biobibliography of Crimean Studies; vol. 21).
17. Musaeva U.K. Pros and Cons of "National Museum Policy": Local History Museum in Yevpatoria (20–30s of the XX century). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences], 2014, no. 3(15), pp. 41–48.
18. Nalivkina M.A. The North-Western coast of Crimea in the epoch of antique colonization. *Problemy istorii doka-*

pitalisticheskikh obshchestv [Problems of the history of pre-capitalist societies], 1934, no. 9–10, pp. 161–165.
19. Nepomniashchy A.A. «I will raise my nose proudly and boldly upwards»*: Polina Chepurina in the fight for the Yevpatoria. Muzei. Pamiatnik. Nasledie* [Museum. Monument. Heritage], 2022, no. 2(12), pp. 39–56.
20. Nepomniashchy A.A. Nikolai Ernst, organizer of the Soviet Crimean studies. *Ocherki istorii Otechestvennoy archeologii* [Essays on the History of Domestic Archeology]. Moscow, April 06–08, 2021. Moscow: Institute of Archaeology of RAS Publ., 2022, pp. 431–453.
21. Filimonov S.B., Khrapunov I.N. Nikolay Lvovich Ernst – researcher of history and antiquities of Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria], 1996, vol. 5, pp. 212–255.
22. Chemodurov N.N. Diary of the scientific trip of P.N. Shultz in 1932: a record on the history of pre-war Crimean archaeology. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporan Studies], 2023, vol. 46, pp. 265–297.

Информация об авторе

Чемодуров Н. Н. – младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Scopus Author ID: 57210161131.

Author information

Chemodurov N. N. – Junior Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea RAS, Scopus Author ID: 57210161131.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на: Zavagno L. The Byzantine City from Heraclius to the Fourth Crusade, 610–1204: Urban Life after Antiquity. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – XIII, 226 p.

Александр Сергеевич Козлов
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
alarich@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

Review: Zavagno L. The Byzantine City from Heraclius to the Fourth Crusade, 610–1204: Urban Life after Antiquity. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – XIII, 226 p.

Alexander S. Kozlov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
alarich@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

Историография свидетельствует, что в западном византиноведении давняя концепция упадка классической цивилизации в Средиземноморье все больше сменяется другим видением, которое часто характеризуется как парадигма «трансформации римского мира» (таково название солидной серии книг, стартовавшей как результат особой программы, профинансированной Европейским научным фондом в 90-е гг. прошлого века и весьма заметно повлиявшей на изучение Поздней Античности). Этот факт следует учитывать, констатируя, что Лука Заваньо, адъюнкт-профессор византиноведения на историческом факультете Билкентского университета (Турция), опубликовавший за последнее десятилетие несколько исследований по рассматриваемой теме, ныне издал монографию, которая по западноевропейским византиноведческим критериям вписывается в существующую парадигму классических исследований эволюции городской жизни восточной части Средиземноморья в Средние века. Посему методика изысканий заслуживает особого внимания.

В связи с этим также следует заметить, что Заваньо принадлежит к тем западным исследователям, которых город интересует не сам по себе, а как явление в широком и исторически конкретном контексте. В монографии красной нитью проводится мысль, что трансформация городского ландшафта с VII по XIII в. позволяет лучше понять изменения в центральном и провинциальном аппарате Византии, его финансовые механизмы, военные и церковные институты, а также экономические и социальные структуры (sic!).

В связи с этим имеет смысл заметить, что выход второго, дополнительного тиража рецензируемой книги (если учитывать, что первый тираж печатался в предыдущем году, а книга отнюдь не принадлежит к числу художественных бестселлеров), – явление нетривиальное. К тому же жанр презентуемой безусловно научной работы вроде бы неоригинален – синтетическая монография, предусматривающая, в первую очередь, апелляцию к многочисленным конкретным исследованиям на избранную тему[1]. Но от среднестатистической историографической работы такого рода отличается капитальным научным

[1] Полагаю, что в современной отечественной медиевистике образцом подобного жанра можно назвать «Историю варварских государств» (2023 г.) Ю. Б. Циркина, а в антиковедении – его же двухтомник «Политическая история Римской империи» (2019 г.).

аппаратом, перманентными отсылками к мнениям конкретных авторов[2] – причем в формах, вполне доступных для восприятия широким кругом читателей.

Основы этой методики излагаются в главе «Византийский город: симфония в трех частях». Подходы автора монографии нацелены на изучение прежде всего различных *трансформаций* ландшафта, функций и структуры византийских городов в Малой Азии, на островах Эгеиды и в континентальной Греции. Он настаивает на определении «византийского города» как многофункционального поселения, на эволюцию которого влияли динамичные отношения между его социальным составом и городскими структурами. Например, отмечается, что городские функции часто распределялись по разным местам (в Эпире епископства располагались в поселениях «гибридного» характера, сочетавших в себе признаки села / города). Вариативное использование общественных и частных сегментов городского пространства, прослеживаемое археологическими исследованиями в разных центрах, свидетельствует, по мнению Заваньо, о выживании городской жизни и противоречит идее о перманентном кризисе, который, вроде бы, начался в VII в.

Вторая глава «Историография византийского города: интерпретации, методология и источники» представляет собой подробный обзор дискуссий о судьбе городской жизни между VII и XIII веками на средиземноморском пространстве. Заваньо смело констатирует, что господствующее в настоящее время среди византинистов мнение о состоянии города в «темные века» противоречит идее упадка экономики и общественной жизни, характерного-де для того периода, поскольку включает город в более широкую перспективу длительного периода «адаптации». Исследователь поясняет, что эта «адаптация» подразумевает взаимодействие между центральной и местной администрацией, церковью, а также между урбанизмом внутренних районов империи и макроэкономикой всего Средиземноморского региона, в котором византийские города были связаны между собой. Переход от одного типа урбанизма (римского) к другому (ранневизантийскому), по мнению исследователя, был сформирован системами обмена всего средиземноморского масштаба точно так же, как это было присуще генезису и эволюции итальянских торго-

[2] В качестве примера приведу сюжеты, касающиеся истории весьма знакомого российским специалистам византийского центра – средневекового Херсона. Наиболее интригующе выглядит (со ссылкой на работу 1993 г. П. Магдалино) весьма сомнительный тезис, гласящий, что Херсон, Монемвасия и Атталия – пример развития городов, которых миновали результаты Четвертого крестового похода, а значит – и последствия венецианской и генуэзской колонизации (p. 37). В связи с этим примечательным кажется, что в одной из своих статей сам Заваньо признается – стены Херсона напоминают ему укрепления Монемвасии и Амастриды (p. 10). Это наблюдение, минуя изрядное число страниц, объективно дополняется апелляцией к опубликованной Н. А. Алексеенко печати конца XI в., свидетельствующей о перевозке зерна между Амастридой и Крымом (p. 97). Со ссылкой на монографию 2007 г. А. Лайу и С. Моррисон констатируется экспорт в Херсон, Коринф и даже в Центральную Азию качественной черепицы, изготавливаемой в Константинополе и Нике (p. 100). Заваньо уверенно присоединяется к мнению специалистов, считающих (на основании новых методик исследования) сокращение чеканки монеты в Константинополе, Херсоне, Сиракузах в «темные века» отнюдь не солидным аргументом в пользу тезиса о деградации городов (аргументом, приводимым К. Манго, А. Лайу, а в наши дни – С. Моррисон). Заваньо основывается на новейших публикациях данных раскопок, прежде всего на Кипре, Крите, Сицилии и Сардинии, свидетельствах того, что островные города оказывались вторыми (после Константинополя) по значимости центрами чеканки медной монеты. Особенно восхищают исследователя данные раскопок Амория, где фиксируется относительно высокий уровень развития даже в VIII–IX вв. (p. 49). Отсюда примечательна апелляция к фактам, сообщаемым Ф. Курта (публикация 2016 г.), о высоком развитии в средневизантийское время экономики Гортины, Амория, Херсона, Бутринта и Неаполя (p. 58). Изыскания, осуществленные Курта, при их сравнении с исследованиями уличной сети и стен Сикиона (в основном труды Э. Айвисона), а также Фессалоники и Коринфа (труды М. Декера) позволили не только увидеть соответствующие аналоги в топографии Херсона и Гортины, но и говорить о крайней живучести инфраструктуры этих городов (p. 90). Отмечу, что подобная методика компаративного анализа топографии центров, принадлежащих, мягко говоря, к весьма разным регионам, характерна и для недавней капитальной книги А. В. Понт, сравнивающей сходным образом позднеантичные полисы Малой Азии и Северной Африки [3, p. 20–21, 113–124, 203–232]. По сути, отрицание такой методики (впрочем, нестрогое) можно увидеть в недавней работе З. Демирель-Гёкалп и Н. Тсивикиса [2, p. 325–344]. Немного раньше этот же подход к проблеме продемонстрировал Дж. Кроу [1, π. 65–68].

вых городов-государств. Этот процесс, считает Заваньо, был не упадком, а трансформацией, о чем говорят археологические исследования, свидетельствующие о развитии ремесленной и коммерческой деятельности в таких городах, как Коринф, Фивы, Монемвасия или Афины.

В связи с этим особой проблемой оказывается значение терминов, применяемых в источниках к византийским центрам, таких как πόλις и κάστρον. Наличие епископств, считает Заваньо, было определяющим для полиса, даже если поселение находилось в упадке, в то время как дефиниция κάστρον (в использовании после VII в.) была применима для любого укрепленного административного или военного центра. Присутствие епископа или церквей с мощами святых покровителей способствовало устойчивости и развитию городской жизни. Считалось, что они давали духовную защиту городам, чьи стены, построенные во многих случаях из повторно использованного камня и не всегда возводимые в ответ на какие-либо нападения, свидетельствуют о необходимости обеспечения безопасности для городского сообщества нового типа. Следует обратить особое внимание на следующее принципиальное суждение Заваньо – некоторые данные о городской жизни периода «темных веков» были предоставлены агиографиями, но прогресс археологических исследований в настоящее время предлагает иной взгляд, чем тот, который был предложен А. П. Кажданом в 1954 г., а именно на упадок и возрождение городов в рамках феодальной системы. Но из списка использованной Заваньо литературы (так же как из соответствующих ссылок) видно, что он использовал лишь несколько англоязычных работ Каждана (русскоязычные исследования в рецензируемой книге не упоминаются вообще). Иначе пришлось бы указать, что концепцию *возрождения* города в обстановке складывания в Византии феодализма по своему презентовали также Е. Э. Липшиц, З. В. Удальцова, Г. Л. Курбатов и другие советские ученые. К тому же приводимые Заваньо данные археологии к феодализму, так же как и к отсутствию оного (в трактовке Каждана), привязать трудно. Конечно, уменьшение количества монет свидетельствует не столько о крахе города, сколько о меньшей потребности в наличных деньгах в новом типе расчетов (и в новом типе военной организации – в форме фемных ополчений, как это было продемонстрировано М. Хенди). Можно также согласиться с тем, что изучение сегодня византийского керамического производства VIII–IX вв. показывает если не процветающую экономику, то ее медленный подъем с IX в., причем экономику, интегрированную в средиземноморское пространство, что противоречит катастрофическому видению, поддерживаемому, например, К. Фоссом. Именно об этом еще с 1960-х гг. писал М. Я. Сюзюмов, но работы Сюзюмова Заваньо также неизвестны.

Абсолютно верно, что в настоящее время обширные раскопки и усовершенствованные исследования керамики позволяют лучше понять византийскую городскую экономику. Но можно ли приведенные факты подобного рода считать аргументом за или против наличия генезиса феодализма как причины возрождения городов? – в трактовке итальянским специалистом старых тезисов Каждана. Здесь опять-таки уместно указать на верный (обоснованный еще опять-таки Сюзюмовым) тезис, что выживанию городской жизни способствовало прибрежное положение многих центров, которое давало этим городам возможность принадлежать к тому, что можно было бы назвать византийским κοινὴ. Заваньо приводит также много фактов в пользу того, что развитию городских центров, ко всему прочему, способствовало присутствие в них архонтов, местных аристократов, которые строили церкви, монастырские комплексы и другие здания. Опять-таки верно отмечается, что потребность всех этих лиц (мы бы сказали – лиц непроизводственных профессий) в различных товарах определила рост торговли и кустарной деятельности в городах. Однако суждение Заваньо об определенном влиянии на эту эволюцию со стороны итальянских городов-государств требует серьезного хронологического и содержательного уточнения.

В этом отношении обращает на себя внимание глава 3 «Урбанизм в центре Византии и прибрежной / островной общности», где эволюция городской жизни в трех регионах

(Анатолии, центре Эгейского моря и на островах или других прибрежных территориях) рассматривается при комбинировании данных письменных и археологических источников – методика, традиционная для подобной тематики, но подразумевающая изрядный плюрализм подходов. Например, абсолютно верно, что в Анатолии одним из наиболее хорошо исследованных городов является Аморий, значение которого как места постоянного проживания возросло после середины VII в. в связи с потребностями обороны от нападений арабов. Но если говорить об обобщении всех имеющихся на сегодня археологических данных, абсолютно уверенными можно быть лишь в том, что верхняя часть города, вскоре восстановленная после осады 838 г., оставалась важным военным и экономическим центром вплоть до экспансии сельджуков.

В той же мере археология показывает, что другой город Анатолии, Анкира, также демонстрирует устойчивость городской жизни после серьезного арабского нападения в 838 г., – в то время как развитие Амастриды выигрывало от морского сообщения[3]. Другими анатолийскими центрами с достойным уровнем (decent standard) городской жизни (приводимая Заваньо аргументация здесь особенно убедительна) были Никея, Эфес и Атталия[4]. Фессалонике закономерно уделяется особое внимание. Заваньо впечатлен мощью ее укреплений (несколько раз ремонтировавшихся после землетрясений), а также «процветающей экономической жизнью», обеспечиваемой, в том числе, наличием превосходной гавани и притоком паломников. Эффектно привлечены соответствующие данные из «Чудес св. Димитрия», из Камениаты и др. Справедливо отмечается, что процветание города возросло, когда были установлены мирные отношения с болгарами, для которых этот центр был рынком сбыта (p. 113).

Не менее важными представляются наблюдения относительно значимости ряда центров Средней Греции. Сделаю акцент на следующих констатациях: 1) Уступая по значимости Фессалоникам, Коринф также был перекрестком сухопутных и морских путей, что помогало его процветанию в ранний и средневизантийский периоды, – особенно как производственного центра; 2) Афины и Фивы были менее значимы, проявляли себя прежде всего как административные и духовные центры, – но и производственная деятельность этих городов документирована литературными источниками и археологическими открытиями последних десятилетий.

К категории «особый случай» (a special case) Заваньо относит Монемвасию, основанную в VII в. как убежище и благодаря своему географическому положению ставшую важным центром на морском пути между Центральным и Восточным Средиземноморьем, приобретя не только военное, но и «коммерческое значение». К той же категории городов, оказывается, тяготеют ряд островных центров – Гортин, Элевтерна (Крит), Саламин (Кипр), Сиракузы, Катания, Палермо (Сицилия), Кальяри (Сардиния). Не менее впечатляющим оказывается в этом ключе сравнение таких «городов побережья» как Диррахий, Бутринт (Далмация) и Херсон (Крым) (p. 112, 144–146). Все эти центры, подпадающие под понятие a special case, являются таковыми потому, что принадлежали к koine of the other sea («койне иного моря»), иначе говоря – к «фрагментированной периферии византийского пространства», которая в разной степени находилась под контролем империи. По мнению Заваньо, фрагментация морских путей (после VII в.) и рейды арабов в определенной мере повлияли на экономическую жизнь этих городов, но функции последних, включая ремесленное производство (гончарное дело, металлообработка, строительство), никуда не делись.

Соображения о факторах устойчивости городской жизни даже в VII–IX вв., устойчивости, подтверждаемой прежде всего данными археологии, исследователь высказывает

[3] Примечательно, что ссылаясь в данном случае на археологические данные, представленные Фоссом, Заваньо не утруждает себя анализом пусть скудных, но ярких сведений «Жития Георгия Амастридского» (p. 97–99).

[4] Очень интересно (правда, не сопровождаемое аргументацией) суждение о том, что даже в XI в. константинопольская знать своими «инвестициями» «проявляла интерес» к городам Вифинии (p. 100).

в «Заключении» (p. 169 sq.). Основное место среди причин выживаемости урбанизма отводится присутствию в городах secular and ecclesiastic elites («светской и церковной элиты»), – мысль сама по себе не новая и в известной степени имевшая место даже в марксистской византинистике (где речь, правда, шла больше о «лицах непроизводственных профессий»). Следует отметить, что какой-либо четкостью обрисовка социального облика названной элиты в монографии не отличается. Тем более, что Заваньо то и дело говорит не о светских и церковных элитах, а о светских и церковных властях, а также о наличии в городах интересов «местных землевладельческих элит» (local landowning elites). Полагаю, вряд ли уместно применять подобную терминологию как универсальную в одинаковой степени к византийскому городу «темных веков» и городу X–XII столетий.

Если на основании всего сказанного характеризовать смысл монографии Званьо, то она производит впечатление прежде всего всестороннего критического обзора исследований города классической Византии. Масштаб охвата таких исследований виден хотя бы по обширным библиографиям, прилагаемым к каждой главе. Безусловно, автору удалось собрать солидный объем данных по разным регионам Византии. Однако использование этих данных для демонстрации своего, авторского подхода к проблеме непрерывности городской жизни в империи ромеев оригинальностью не отличается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crow J. Introduction (to ‘The Byzantine City and the Archaeology of the Third Millennium’ Plenary Session) // Proceedings of the 23rd international Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August 2016. Plenary Papers / Ed. S. Marjanović-Dušanić. Beograd, 2016. P. 65–68.
2. Demirel-Gökalp Z., Tsivikis N. Understanding Urban Transformation in Amorium from Late Antiquity to the Middle Ages // Proceedings of the 24th International Congress of Byzantine Studies, Venice and Padova, 22–27 August 2022. Plenary Papers / Eds. E. Fiore, M. Trizio. Venice, 2022. P. 325–344.
3. Pont A.-V. La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d’un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin. Genève, 2020. XIII, 585 p. (Hautes études du monde gréco-romain, 57).

REFERENCES

1. Crow J. Introduction (to ‘The Byzantine City and the Archaeology of the Third Millennium’ Plenary Session). Marjanović-Dušanić S. (Ed.), *Proceedings of the 23rd international Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August 2016. Plenary Papers*, Beograd, 2016, pp. 65–68.
2. Demirel-Gökalp Z., Tsivikis N. Understanding Urban Transformation in Amorium from Late Antiquity to the Middle Ages. Fiore E., Trizio M. (Eds.), *Proceedings of the 24th International Congress of Byzantine Studies, Venice and Padova, 22–27 August 2022. Plenary Papers,* Venice, 2022, pp. 325–344.
3. Pont A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d’un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin.* Genève, 2020, XIII, 585 p. (Hautes études du monde gréco-romain, 57).

Информация об авторе

Козлов А. С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, AuthorID: 769136.

Author information

Kozlov A. S. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Рецензия на: Cheynet J.-Cl. Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatis. – Izmir, 2019. – 464 p.

Валерий Павлович Степаненко
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
v.stepanenko49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8399-5530

Review: Jean-Claude Cheynet. Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatis. Izmir, 2019. 464 p.

Valery P. Stepanenko
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
v.stepanenko49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8399-5530

В последнее время появился ряд новых работ по византийской сфрагистике, в частности каталоги частных собраний [7; 10]. В рецензируемом томе Жан-Клод Шене публикует византийские печати из частной коллекции Нури Явуз Татуша (Измир). Ранее исследователь совместно с рядом турецких ученых издал небольшие, но очень существенные собрания моливдовулов провинциальных музеев Турции [2; 5; 6; 9]. Структура данного издания традиционна. Из новаций отметим лишь ориентацию на многотомный каталог коллекции Г. Закоса. Печати изданы под теми же номерами, под которыми были опубликованы параллельные экземпляры в данном каталоге, что облегчает работу с материалом.

В **главе I** изданы **императорские печати** Юстиниана, Маврикия, Василия II, Константина IX Мономаха, Константина X Дуки, Михаила VII Дуки, Андроника II Палеолога (1.1–1.7). В ряде случаев указывается место находки печати на территории района или города.

Глава II содержит **гражданские печати представителей центральной администрации империи**, распределенные согласно табели о рангах. Асикриты (2.1, 2.2), хартулярии, (2.3–2.11), коммеркиарии (2.12, 2.13), комиты (2.14, 2.15), кураторы (2.16, 2.17), эйдики (2.18, 2.19), эпархи (2.20), примикирии (2.22), эфоры (2.23), эпископтиты (2.25–2.27) (печати Козьмы представлены в 10 экземплярах), хорреарии (2.28), судьи (2.29–2.32), логофеты (2.33–2.37), магистры оффикия (3.38), мандаторы (3.39), мизотеросы (3.40), нотарии (3.41–3.47), протонотарии (3.48–3.50), сакелларии (3.51), трапезиты (2.52), викарии (2.53), катепаны (2.54), клисурархи (2.55), доместики (2.56), друнгарии (2.57–2.60), дуки (2.61–2.63), эк просопу (флота) (2.64), экскувиторы (2.65), эпи тес великой этерии (2.66, 2.67), манглавиты (2.68), протокентархи (2.69), стратиги (2.70–2.78), тагматофилаксы (2.79), таксиархи (2.80), топотириты (2.81), турмархи (2.83–2.85), вестиариты (2.86) без локализации места службы. Подавляющее большинство печатей датируется VII–VIII вв. Они преимущественно монограммные, что вызывает определенные трудности для их интерпретации, в основе которой лежит классификация В. Лорана. Патронимы появляются к началу XI в. Например, Епифаний Родин (2.9), Аарон Болгарин (2.61), Михаил Кондостефан (2.62), Никифор Вотаниат (2.63), Давид Самуэлит (2.71) Феодор Мархапсаб (2.77), Евстафий Дермокаит (2.79). Тогда же появляются образы святых, в дальнейшем ставшие традиционными. Это Богоматерь с руками перед грудью (2.18, 2.22), Оранта и св. Николай в рост (2.19), Агиосоритиса в рост (2.23), Одигитрия (2.30, 2.73, 2.77), Дексиократуса (2.77), Никопея (2.41), архангел Михаил лоратный (2.44, 2.74, 2.80), св. Феодор в рост (2.61) и погрудно (2.69), св. Дмитрий в рост (2.63).

Глава III. Провинциальная администрация.

АНАТОЛИК (восток). Хартуларии (3.1), коммериарии (3.2), турмархи (3.6), стратиги (3.5). Здесь же изданы печать Романа Склира, как проедра доместика схол Запада и дуки Востока (3.3) и Никифора Мелиссена, как проедра и стратига Анатолика (3.5). Довольно редки печати стратигов **Аназарбы** (Киликия), принадлежавших к известным родам XI в., как Василий Трихинопод (3.7) и Феодор Мархасаб (3.8, 3.9). Последняя печать интересна довольно редким сочетанием сана, поста и эпитета «человек нашего василевса».

АНТИОХИЯ. Катепан (3.10). Здесь показательно для второй половины XI в. сочетание военных и гражданских постов – Христофор, патрикий, вест, препозит, эпи ту койтонос и катепан Антиохии.

АЗИЯ. Коммеркия и коммеркиарий (3.11, 3.12). Печать императорской коммеркии Азии и Карии (3.11) датируется изображениями Льва III и Константина V (730–731). Печать Сисиния, императорского коммеркиария Азии, вторая половина VIII в. (3.12).

ВУКЕЛЛАРИИ с центром в Анкире (3.13, 3.14). Собственник последней печати Панкратий-Баграт – явно армянин, вторая половина X в.

КАППАДОКИЯ. Вест и судья (3.15).

ХАРСИАНОН. Вест, судья Ипподрома и Харсианона (3.16).

КИВЕРРИОТЫ (3.17–3.20). Иоанн Артавазд (3.18) явно имел армянских предков. Вновь сочетание постов – Григорий, императорский (?) спафарий, протонотарий Манган и анаграфевс Киверриотов (3.20). Издатель приводит список лиц, занимавших этот пост.

КИЛИКИЯ. Константин (?), эпо епарх и главный коммеркиарий апотеки Первой и Второй Киликии, 700–704 гг. (3.21).

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Михаил Маракас, протоспафирий и проноит имуществ (монастыря) Христа Антифонита (3.22).

МАНГАНЫ (3.23–3.27). Перестроенный в 1042 г. Константином Мономахом комплекс/ойкос больницы, богадельни и монастыря Георгия Трапайофора. Иоанн, императорский протоспафарий, фесмофилакс и протонотарий (?) Манганы (3.23). Михаил, вестарх и великий эконом Трапайофора (3.27). Иоанн, императорский протоспафарий, великий куратор Манган, хартуларий Геникона и судья Велума (?), первая треть XI в. (3.24) [11]. Иоанн, асикрит и протонотарий Манган (3.25).

САМПСОН (госпиталь в Константинополе). Христофор, ипат и ксенодокс Сампсона (3.26).

ЭДЕССА. Василий Апокап, протопроедр и дука Эдессы, 1078–1081 гг. (3.28). Феодор (Пигонт?), магистр, вест, вестарх и дука Эдессы, третья четверть XI в. (3.29). Ранее он был патрикием, антипатом, вестом и катепаном Парадунависа.

ЭЛЛАДА. Василий Эротик, судья Эллады и Пелопоннеса, третья четверть XI в. (2.30).

ИТАЛИЯ. Григорий Тарханиот, императорский протоспафарий и катепан Италии, 998–1106 гг. (3.31). **Месанакта** – военный лагерь и база малоазийских походов до 1116 г., императорское владение. Никифор, спафарокандидат и епископтит Месонакты (3.32).

ЭГЕИДА. Феофан, императорский спафарий и друнгарий Эгеиды (3.33).

ОПСИКИЙ Богохранимый императорский (3.34), волнитор и анаграфевс, комит (3.35–3.39), стратиг (3.40).

АНАТОЛИК (ВОСТОК). Филарет Врахамий, протокуропалат и доместик схол Востока, ок. 1080 г. (3.41) [12; 4]. Филарет Врахамий, протосеваст и доместик Востока, после 1081 г. и до 1086 г. (3.42). Крайне интересна печать Жерве Франгопула, проедра и стратилат дука Востока, надпись которой может быть истолкована как «Господь да поможет Жерве стратилату, дуке и тому, кто имеет власть над востоком, лишенному вождя Франгополу», после 1071–1074 гг. Издатель затрудняется определить, официальная ли это печать, фиксирующая статус владельца в рамках табели о рангах, или частная (?) [14].

ПАФЛАГОНИЯ. N..., судья Ипподрома и Пафлагонии (3.44).

РОДАНД – город на дороге Кесария–Адана. Феодор Риндакенос, протоспафарий эпи ту Хрисотриклину и епископтит Роданда (3.45).

СЕЛЕВКИЯ. Феодор Офрида, спафарокандидат и судья Селевкии (3.46). Изображение св. Феодора погрудно. Об Офридах здесь же ниже.

СЕРВИЯ. Николай Дермокаит, протоспафарий и стратиг Сервии (3.47). Известно несколько печатей стратигов Сервии.

ТАРС. Апелхариб Хасаниос, патрикий (?), стратилат (?) и стратиг Тарса и… (3.48), третья четверть XI в. Известна печать анфипата веста и стратига Селевкии с изображением Григория Лусоварича. В. Зайбт считает его племянником Григора Магистра Пахлавуни [13], что ошибочно. По армянским источникам, как византийский наместник Тарса известен Абелхариб Арцруни [1, с. 131].

ФЕССАЛОНИКА. Андрей, императорский спафарий, ксенодох, вардариос и коммеркиарий Фессалоники, середина X в. (3.49).

ФРАКИЯ. Константин, протоспафарий и стратиг Фракии, первая половина X в. (3.50).

ФРАКИСИЙ. Константин, императорский спафарокандидат и эк просопу Фракисия, первая половина IX в. (3.51). Иоанн, протоспафарий, кенсор и анаграфевс Фракисия, 1030–1060 гг. (3.52). Иоанн, вест и судья Фракисия, 60–70-е гг. XI в (3.53). Константин, патрикий и хартуларий дрома Фракисия, после 1050 г. (3.54). Михаил, сын Евфимия, магистр, вест и судья Фракисия, 1060–1070 гг. (3.55 а, б). Евфимий известен как протоспафарий великий хартуларий геникона и судья Фракисия. Михаил, императорский нотарий и протонотарий Фракисия, середина XI в. (3.56). Иоанн, патрикий и стратиг Фракисия (3.57). Лев (?), патрикий, протоспафарий и стратиг Фракисия, первая половина IX в. (3.58). Михаил, патрикий, императорский протоспафарий и стратиг Фракисия, вторая половина VIII в. (3.59). Симеон, императорский протоспафарий и стратиг Фракисия, VIII–IX вв. (3.60). Феодор, императорский спафарий и стратиг Фракисия, VIII–IX вв. (3.61). N…, императорский (прото)спафарий и стратиг Фракисия, VIII–IX вв. (3.62).

ПЕЛОПОННЕС. Константин, императорский протоспафарий и стратиг Пелопоннеса (?) (3.63). Никита, спафарокандидат и турмарх…, первая половина X в. (3.64).

Иконография: св. Георгий в рост (3.27, 3.47) и погрудно (3.1, 3.7, 3.23), архангел Михаил лоратный в рост (3.3, 4.16) и погрудно (3.14, 3.44, 3.55, 3.56), Богоматерь с руками перед грудью (3.4, 3.24), Одигитрия (3.8, 3.52), Оранта в рост (3.15), Агиосоритиса (3.53), св. Николай погрудно (3.18, 3.19, 3.32), Иоанн Предтеча погрудно (3.20, 3.25), св. Феодор в рост (3.41, 3.42, 3.48), Феодор Стратилат (3.45, 3.64), Феодор мученик (3.46), Тиверий II в рост (3/21), Лев III и Константин V (4.11), Константин VI и Ирина (3.2).

Глава IV. Кубикулум. Кубикуларии (4.1–4.5), остиариии (4.6–4.8), примикирии (4.9–4.11) и великий папий, спафарокубикуларии (4.5, 4.13). Довольно редка формула «севастофор и протовестиарий христолюбимого василевса» (4.11).

Традиционна иконография – Богоматерь Никопея (4.7), Оранта (4.9), Богоматерь с руками перед грудью (4.13), св. Николай (4.12), архангел Михаил лоратный (4.7), св. Феодор (3.64). Крайне редкий сюжет л.с. 4.13 – всадник, конь скачет галопом. Издатель увидел тиару на голове всадника и свиток его руке.

Глава V. Саны (титулы). Апоэпархи (5.3–5.15), апоипаты (5.16–5.23), валнитор (5.25), весторы (5.24–5.27), кандидаты (5.28–5.30), кесарь (5.31), куропалаты (5.32, 5.33), эпи ту манглавиу (5.34, 5.35), ипаты (5.36–5.57), иллюстрии (5.59–5.62), магистры (5.63–5.66), патрикии (5.67–5.76), проедры и протопроедры (5.77, 5.78), протоспафарии (5.80–5.92), севаст (5.93), спафарии (5.94–5.101), спафарокандидаты (5.102–5.106), стратилаты (5.107–5.120), стратор (5.121), зоста (5.122), монахиня и зоста (5.123).

Формулы: «раб Богоматери» (5.12, 5,14, 5.23), «служитель св. Троицы» (5.6).

Фамилии: Иоанн Дука (5.31), Гавра Селевкис (5.32), Иоанн Комнин (5.33), Апнелгарип (5.35), Феодор (5.78), Кириак (5.82), Иоанн (5.84) Мархапсапы, Симеон Дука Ампелас (5.66), Мелиас Торник (5.85) [8; 3], Феодор Акапнес (5.92).

Иконография: Богоматерь Никопея (5.31), Агиосоритиса (5.41), Одигитрия (5.123), св. Феодор в рост (5.65), он же между кипарисами (5.33, 5.57), Георгий воин в рост (5.34, 5.63), архангел Михаил лоратный в рост (6.66), св. Дмитрий в рост (5.93), Иоанн Предтеча в рост (5.83), св. Николай (5.90). Портрет собственника печати кесаря Иоанна Дуки (5.31).

Глава VI. Церковь. Патриархи (6.1–6.3), хартофилакс (6.4), кувуклесий (6.5, 6.6), клирик и куратор (6.8), епископы: Адранеи (6.9), Атталии (6.10), Берата (6.11), Иринополя (6.16), Лампсака (6.22), Магнезии (6.23, 6.24), Ниссы (6.25), Стратоникеи (6.28), Тивериополя (6.29), Тралл (6.30), архиеписоп Эфеса (6.6), митрополиты: Карии (6.12), Хон (6.13), Крита (6.14), Кизика (6.15), Эфеса (6.17, 6.21), Сард (6.26), проедр (6.20), Симеон, монах кувуклесий (6.49). Не локализованные: митрополиты (6.33–6.36), епископ (6.37, 6.38), диакон и эконом (6.39), монахи (6.40–6.51), монахиня (6.47), монах и синкелл (6.48, 6.51), монах и игумен (6.50).

Иконография: Одигитрия в рост (6.1) и погрудно (6.4, 6.9, 6.23), Богоматерь на троне (6.3), Никопея (6.8), с руками перед грудью (6.10, 6.32, 6.47, 6.50), Оранта (6.42), Панагия (6.51), св. Сергий погрудно (6.2), св. Георгий воин погрудно (6.5), св. Николай (6.6, 6.11, 6.12), Архангел Михаил лоратный (6.11, 6.12, 6.29, 6.30), он же воин в рост (6.13) и погрудно (6.5), Иоанн Предтеча (6.14), Иоанн Богослов (6.16–6.21, 6.42), св. Василий Великий (6.15), апостол Филипп (6.28), Никита мученик (6.48), св. Пантелеймон (6.46). Печать монастыря св. Андрея в Селевкии (6.40). Печать Гавриила, монаха монастыря Богоматери Оровиатисы ок. Аргоса (6.43).

Глава VII. Патронимы. Николай Дермокаит (7.1), Михаил (?) Диоген (7.2), Алексей Кондостефан (7.3), Лев Карантин (7.4), Никифор Миртатис (7.5), Иоанн Туркопул (7.6), Василий Цикандил (7.7), Абдула Зеит (Зайд) (7.8). Большинство фамилий хорошо известно в Византии XI–XII вв. Сравнительно новыми являются Туркопулы и Зейды, предками которых были соответственно тюрок и араб. В это время в Византии появляются Франгопулы, Иверопулы и пр.

Глава VIII. Преномы. Наименее информативна, так как на печатях указаны лишь имена заказчиков. Александр (8.1), Анания (8.2), Антиох (8.3), Василий (8.4), Константин (8.5, 8.6), Дмитрий (8.7), Домиан (8.8), Епимах (8.9), Епифаний (8.10, 8.11), Евстафий (8.14–8.16), Евгений (8.13), Геннадий (8.17), Георгий (8.18–8.20), Григорий (8.21), Хабакук (8.22), Гиацинт (8.23), Иоанникий (8.24), Иоанн (8.25– 8.31), Юстиниан (8.32), Козьма (8.33), Коста (8.34), Лев (8.35), Леонтий (8.36, 8.37), Марк (8.38), Мариан (8.39), Михаил (8.40–8.42), Никифор (8.43), Никита (8.44), Николай (8.45), Олибрий (8.46), Палладий (8.47), Панталеон (8.48), Павел (8.49), Петр (8.50, 8.51), Сергей (8.52), Симеон (8.53), Синезий (8.54), Феодор (8.56–8.59), Феофилакт (8.60), Феотекнос (8.61), Фома (8.62).

Формулы: «раб Богоматери» (8.22, 8.44), «раб василевса» (8.51).

Иконография: Ника-ангел с венком (8.1), Богоматерь Никопея (8.3, 8.7, 8.12, 8.15, 8.33, 8.36, 8.43, 8.56), Оранта (8.45), св. Феодор воин (8.11), свв. Петр и Павел в адорации Христу в медальоне (8.20), Богоматерь Епископсис (8.21), Иоанн Предтеча (8.35), Иоанн Златоуст (8.29), св. Пантелеймон (8.48), Архангел Михаил лоратный (8.42), редчайшее Благовещение, ок. 600 г. (8.25), Орел (8.48, 8.49, 8.52).

Глава IX. Анонимные печати. Иконография: Св. Фекла погрудно (9.1), Богоматерь Никопея на троне (9.3), св. Василий (9.4), Богоматерь на троне (9.5), свв. Василий и Николай в рост (9.6).

Глава X. Иконографические печати. Богоматерь с руками перед грудью погрудно (10.1, 10.2) – св. Николай (10.2), Никопея – мученик (10.3), св. Георгий – св. Дмитрий погрудно (10.4), св. Дмитрий – Иоанн Предтеча (?) в рост (10.5), Иоанн Богослов – свв. Сергий и Вакх (?) (10.6).

Глава XI. Печати с неопределенными надписями. Маркиан (?) (11.1), N…, орфанотроф, стратилат (?) (11.2), Аврамий, куратор (?) (11.3), Александр, хартуларий (11.5),

N…, скриниарий (?) (11.6), Иоанн, претор (?) (11.7), Феодосий (?) (11.9), Дмитрий (?) (11.10), Михаил, геник (?) (11.11), Рогатос (?), императорский спафарий и архонт (?) (11.12), Григорий… (11.14), Феодор (?) (11.16), подделка (11.17). Иконография: Никопея (?) (11.1, 11.5), св. воин в рост (11.8), Богоматерь Епископсис в рост – Иоанн Предтеча (11.15), Богоматель Епископсис – св. Феодор (?) в рост (11.16).

Тексту каталога предшествует обширная библиография. Каталог снабжен подробным глоссарием – от табели о рангах до одеяний святых, просопографическим, географическим указателями, списком санов и должностей. Следует отметить не только традиционно высокий научный уровень издания, но и его образцовую полиграфию. Печати даны в цвете. Работа издателя вновь может быть оценена как превосходная. В прошедшие годы византийские моливдовулы все чаще появляются уже не только на европейских аукционах, но становятся объектами собирательства собственно в Турции, свидетельством чего является данный каталог. Появление подобных изданий существенно расширяет источниковую базу исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардан Великий. Всеобщая история / Пер. Н. Эмина. М.: Директ-Медиа, 2010. 441 с.
2. Cheynet J.-Cl. Les sceaux byzantins du musée de Selçuk (Éphèse) // Revue numismatique. 1999. Vol. 154. P. 317–552.
3. Cheynet J.-Cl. Les Armeniens dans l'armée byzantine au Xe siècle // Trawaux et Mémoires. 2014. Vol. 18: Mélanges Jean-Pierre Mahé. P. 186–187.
4. Cheynet J.-Cl. Le role des Armeniens de la frontière orientale (1059–1081). L'apport des noouveaux sceaux // L'Arménie et les Arméniens entre Byzance et le Levant. Mélanges offers à Gérard Dédéyan. T. 1. Montpellier: Presses universitaires de la Méditerranée, 2023. P. 139–160.
5. Cheynet J.-Cl., Erdoğan E., Prigent V. Sceaux des musées de la Turquie orientale: Karaman, Newşehir, Malatya, Maraş // Revue des études byzantines. 2016. T. 74. P. 287–326.
6. Cheynet J.-Cl., Erdoğan E., Prigent V. Les sceaux byzantins du musée d'Adiyaman // Studies in Byzantine Sigillography. 2016. Vol. 12. P. 93–140.
7. Cheynet J.-Cl., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. Paris, 2010. 278 p.
8. Dedeyan G. Mleh le Grand, stratege de Lykandos // Revue des Études Arméniennes. Nouvelle serie. 1981. Vol. 15. P. 75–102.
9. Metivier S. Sceaux byzantines des musées de Kayseri et de Niğde (Cappadoce byzantine) // Studies in Byzantine Sigillography. 2010. Vol. 10. P. 61–74.
10. Nessbit J., Wassiliu-Seibt A.-K., Seibt W. Highlights from the Robert Hecht, Jr., collection of byzantine seals. Thessaloniki, 2009. 92 p.
11. Oikonomides N. St. George of Mangana, Maria Skleraina and the 'Malyj Sion' of Novgorod // Dumbarton Oaks Papers. 1980/1981. Vol. 34/35. P. 239–246.
12. Pryor J.M., Jeffreys M.J. Alexios, Bohemond and Byzantium's Euphrates frontier: a tale of two Cretans // Crusasdes. 2012. Vol. 11. P. 35–38.
13. Seibt W. Αρσακίδης / Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten // Ανδριάσ: Herbert Hunger zum 80. Geburtstag. Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1994. Bd. 44. P. 352–353.
14. Seibt W. Übernahm der französische Normanne Hervé (Erbebios Phrangopolos) nach der Katastrophe von Mantzikert das Kommando über die verbliebene Ostarmee? // Studies in Byzantine Sigillography. 2010. Vol. 10. P. 92–93.

REFERENCES

1. Vardan Velikii. *Vseobshchaia istoriia* [The World History]. Transl. by N. Emin. Moscow, Direkt-Media Publ., 2010, 441 p.
2. Cheynet J.-Cl. Les sceaux byzantins du musée de Selçuk (Éphèse). *Revue numismatique*, 1999, Vol. 154, pp. 317–552.
3. Cheynet J.-Cl. Les Armeniens dans l'armée byzantine au Xe siècle. *Trawaux et Mémoires*. 2014. vol. 18, pp. 186–187.
4. Cheynet J.-Cl. Le role des Armeniens de la frontière orientale (1059–1081). L'apport des noouveaux sceaux. *L'Arménie et les Arméniens entre Byzance et le Levant. Mélanges offers à Gérard Dédéyan*, T. 1, Montpellier, Presses universitaires de la Méditerranée, 2023, pp. 139–160.
5. Cheynet J.-Cl., Erdoğan E., Prigent V. Sceaux des musées de la Turquie orientale: Karaman, Newşehir, Malatya, Maraş. *Revue des études byzantines*, 2016, T. 74, pp. 287–326.

6. Cheynet J.-Cl., Erdoğan E., Prigent V. Les sceaux byzantins du musée d'Adiyaman. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2016, vol. 12, pp. 93–140.
7. Cheynet J.-Cl., Theodoridis D. *Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques*. Paris, 2010, 278 p.
8. Dedeyan G. Mleh le Grand, stratege de Lykandos. *Revue des Études Arméniennes. Nouvelle serie*, 1981, vol. 15. pp. 75–102.
9. Metivier S. Sceaux byzantines des musées de Kayseri et de Niğde (Cappadoce byzantine). *Studies in Byzantine Sigillography*, 2010, vol. 10, pp. 61–74.
10. Nessbit J., Wassiliu-Seibt A.-K., Seibt W. *Highlights from the Robert Hecht, Jr., collection of byzantine seals*. Thessaloniki, 2009, 92 p.
11. Oikonomides N. St. George of Mangana, Maria Skleraina and the 'Malyj Sion' of Novgorod. *Dumbarton Oaks Papers*, 1980/1981, vol. 34/35, pp. 239–246.
12. Pryor J.M., Jeffreys M.J. Alexios, Bohemond and Byzantium's Euphrates frontier: a tale of two Cretans. *Crusasdes*, 2012, vol. 11, pp. 35–38.
13. Seibt W. Αρσακίδης / Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten. *Ανδριάσ: Herbert Hunger zum 80. Geburtstag. Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 1994, Bd. 44, pp. 352–353.
14. Seibt W. Übernahm der französische Normanne Hervé (Erbebios Phrangopolos) nach der Katastrophe von Mantzikert das Kommando über die verbliebene Ostarmee? *Studies in Byzantine Sigillography*, 2010, vol. 10, pp. 92–93.

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, ScopusID: 57214225646.

Author information

Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University, ScopusID: 57214225646.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

АДСВ – Античная древность и средние века
ВДИ – Вестник древней истории
ГАРК – Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург)
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА БИКАМЗ – Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (Бахчисарай)
НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь)
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ХСб. – Херсонесский сборник
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦМТ – Центральный музей Тавриды (Симферополь)
AFAV – Association Française pour l'Archéologie du Verre
AJA – American Journal of Archaeology
INA – Institute of Nautical Archaeology
JAS – Journal of Archaeological Science
JGS – Journal of Glass Studies
LRCW – Late Roman Coarse Wares

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Смекалова Т.Н., Борисов А.В., Масленников А.А., Семенова С.В., Горошников А.А., Горошникова З.В., Деваев А.С., Савельев Д.О., Гаврилюк А.Н., Пинской В.Н., Потапова А.В., Леонов Л.Л., Фридрихсон С.К. Караларское побережье Крымского Приазовья в эпоху бронзы: междисциплинарное исследование _____ 5

Рукавишникова И.В., Антипенко А.В., Фридрихсон С.К. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа состава сплава металлических украшений из могильника Батырский 1. Краткое сообщение _____ 34

Зинько А.В. Древняя якорная стоянка у мыса Тузла _____ 38

Вахонеев В.В. Фигурный сосуд из раскопок Южного пригорода Херсонеса _____ 60

Вдовченков Е.В., Фесенко Д.О., Арамова *О.Ю., Леонова Д.К., Корниенко И.В., Ивановский И.Д.* Население меотских городищ Нижнего Дона по данным археологии и палеогенетики _____ 73

Челикбаш Э., Гюндюз Б. Фрагменты оконных стекол из северо-западной погребальной церкви пафлагонского Адрианополя (на англ. яз.) _____ 85

Голофаст Л.А., Журавлев Д.В., Румянцева О.С. Стеклянные сосуды с четырехгранным туловом из собрания ГИМ _____ 96

Хайрединова Э.А. Склеп 384 с нишами из некрополя на юго-восточном склоне плато Эски-Кермена _____ 128

Денисенко Н.Д. Оборонительные укрепления на плато Эски-Кермен в контексте крепостного строительства на ранневизантийском фронтире: к постановке вопроса _____ 146

Науменко В.Е. К дискуссии о «причерноморских» и «глобулярных» амфорах в Византийской Таврике. Некоторые наблюдения в отношении их хронологии и атрибуции в свете новых археологических данных _____ 157

Майко В.В. Фигурные подвески (чумбурные блоки) хазарского времени в Таврике _____ 183

Сидоренко В.А., Седикова Л.В. Навесной замóк мастера Óмара (Ýмара) Сирийца из раскопок средневекового Херсона _____ 192

Антипенко А.В. Зеркало с драконами из Юго-Западного Крыма _____ 209

Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э., Усеинов М.А. Эпиграфические надписи на керамике из раскопок золотоордынского городища Солхат _____ 216

Сейдалиева Д.Э. Штампованные сосуды с бирюзовой глазурью из раскопок золотоордынского Солхата _____ 234

Душенко А.А. Наручи-базубанд из раскопок цитадели Мангупа _____ 243

Ганцев В.К. Новый класс скальных виноградодавилен в Юго-Западном Крыму _____ 261

НУМИЗМАТИКА

Шонов И.В. Монетные выпуски Херсонеса Таврического 187–175 гг. до н.э. _____ 277

Алексеенко Н.А. Фальшивый тирольский талер конца XVI в. из Юго-Восточного Крыма _____ 284

ИСТОРИЯ

Айбабин А.И. Христианизация готов области Дори ____ 291

Шалыга Д.А. К вопросу о готском следе в крымской ономастике ____ 305

Колганова В.А. «Черная смерть» глазами современников: опыт классификации письменных источников ____ 313

Храпунов Н.И. «Пещерные города» Крыма и легенды о всемирном потопе ____ 341

Ломакин Д.А. Мечеть Эски-Джами (с. Пионерское, Республика Крым) ____ 379

Шульман К.Д. Мусульманские средневековые надгробные памятники Крыма как источник сведений о значимости роли медресе в крымском обществе ____ 404

Смекалова Т.Н., Деваев А.С., Гаврилюк А.Н. Особенности вооружения Салгирского фельдшанца – первой русской крепости в Крыму. Междисциплинарное исследование ____ 415

Герцен А.Г., Мальгин А.В., Ткаченко В.В., Смекалова Т.Н. Последнее сражение русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Бой при Шуме: итоги исторических и археологических исследований события ____ 430

Белик Ю.Л. Оборонительная система Крымско-Таманского региона в конце XVIII в. Новые документы ____ 446

Герцен А.Г. Оборона Крыма в военно-инженерных проектах А.В. Суворова и Ф. Деволана (1792–1794 гг.) ____ 457

Айбабин И.А. Крымское «эхо» издательской деятельности французского контрреволюционера Жана Габриеля Пелтье ____ 467

Конкин Д.В. Путешествия Александра I в Крым в контексте развития историко-культурных территорий (на примере преобразований Бахчисарайского дворца накануне и после высочайших визитов в 1818 и 1825 гг.) ____ 475

Прохоров Д.А., Борщик Н.Д. Деятельность таможенных и карантинных учреждений Российской империи во второй половине XIX в. в документах Государственного архива Республики Крым ____ 491

Непомнящий А.А. Крым на съезде представителей губернских ученых архивных комиссий в 1914 году ____ 500

Ломакина М.А., Айбабина Е.А. Подарок из средневековья: книга о целебных растениях, принадлежавшая К.Ф. Богаевскому ____ 510

Сыченкова Л.А. Вклад Бориса Денике в изучение крымско-татарского архитектурного наследия ____ 528

Чемодуров Н.Н. Евпаторийская экспедиция ГАИМК в переписке Я.Г. Благодарного и П.Н. Шульца ____ 545

РЕЦЕНЗИИ

Козлов А.С. Рецензия на: Zavagno L. The Byzantine City from Heraclius to the Fourth Crusade, 610–1204: Urban Life after Antiquity. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – XIII, 226 p. ____ 568

Степаненко В.П. Рецензия на: Cheynet J.-Cl. Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatis. – Izmir, 2019. – 464 p. ____ 573

Список сокращений ____ 579

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Smekalova T.N., Borisov A.V., Maslennikov A.A., Semenova S.V., Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V., Devaev A.S., Gavriliuk A.N., Pinskoi V.N., Potapova A.V., Leonov L.L., Fridrikhson S.K. Karalar Coast of the Azov Sea Crimean Area in the Bronze Age: An Interdisciplinary Research 5

Rukavishnikova I.V., Antipenko A.V., Fridrikhson S.K. Results of X-ray Fluorescence Analysis of the Alloy Composition of Metal Ornaments from the Cemetery of Batyrskii 1: A Brief Communication 34

Zin'ko A.V. Ancient Anchorage at Cape Tuzla 38

Vakhoneev V.V. Figure Vessel Excavated at the Southern Suburb of Chersonese 60

Vdovchenkov E.V., Fesenko D.O., Aramova O.Iu., Leonova D.K., Kornienko I.V., Ivanovskii I.D. Population of the Maiotian Settlements in the Lower Don Area according to Archaeology and Palaeogenetics 73

Çelikbaş E., Gündüz B. Windowpanes fragments from the Northwest Necropolis Church of Paphlagonian Hadrianopolis 85

Golofast L.A., Zhuravlev D.V., Rumyantseva O.S. Square Glass Vessels from the Collection of the State Historical Museum 96

Khairedinova E.A. Vault 384 with niches from the necropolis on the south-eastern slope of the Eski-Kerman plateau 128

Denisenko N.D. Defensive Structures atop of the Plateau of Eski-Kermen in the Context of Fortification Building on the Early Byzantine Frontier: Presentation of the Question 146

Naumenko V.E. For the Discussion on the "Black Sea" and "Globular" Amphorae in Byzantine Taurica. Some Observations concerning Their Chronology and Attribution in the Light of New Archaeological Data 157

Maiko V.V. Figural Pendants (Bind-Reins Loop) from the Khazar Period in the Taurica 183

Sidorenko V.A., Sedikova L.V. Padlock of the Master 'Omar ('Umar) the Syrian Excavated at Mediaeval Cherson 192

Antipenko A.V. Dragon Mirror from the South-Western Crimea 209

Seidaliev E.I., Seidalieva D.E., Useinov M.A. Epigraphic Inscriptions on Ceramic Ware Excavated at the Golden Horde Settlement of Solkhat 216

Seidalieva D.E. Stamped Pottery Featuring Turquoise Glaze Excavated at Golden-Horde Solkhat 234

Dushenko A.A. Bazuband Vambrace Excavated at the Citadel of Mangup 243

Gantsev V.K. New Class of the Rock-cut Wine-presses in the South-western Crimea 261

NUMISMATICS

Shonov I.V. Coin issues of Tauric Chersonese in 187–175 BC 277

Alekseienko N.A. Counterfeit Late-sixteenth-century Tyrolean Thaler from the South-eastern Crimea 284

HISTORY

Aibabin A.I. Christianization of the Goths in the Region of Dory 291

Shalyga D.A. On the Question of the Gothic Trace in the Crimean Onomastics 305

Kolganova V.A. "Black Death" through the Eyes of Contemporaries: An Attempt to Classify Written Sources 313

Khrapunov N.I. "Cave towns" in the Crimea and the legends of the Deluge 341

Lomakin D.A. Eski-Dzhami Mosque (Modern Village of Pionerskoe, Republic of the Crimea) 379

Shul'man K.D. Mediaeval Muslim Tombstones in the Crimea as a Source of Information on the Significance of Madrasah in the Crimean Society 404

Smekalova T.N., Devaev A.S., Gavriliuk A.N. Features of the Armament of the Salgir Fieldwork, the First Russian Fort in the Crimea: An Interdisciplinary Research 415

Gertsen A.G., Mal'gin A.V., Tkachenko V.V., Smekalova T.N. Last Battle of the Russo-Turkish War of 1768–1774. The Fight of Shumy: The Results of Historical and Archaeological Research of the Event 430

Belik Yu.L. Defensive System of the Crimea-Taman Region in the Late-eighteenth Century: New Documents 446

Gertsen A.G. Defence of the Crimea in A. V. Suvorov and F. de Wollant's Military Engineering Projects (1792–1794) 457

Aibabin I.A. Crimean "echo" of French publishing activity counter-revolutionary Jean Gabriel Peltier 467

Konkin D.V. Alexandre I's Travels to the Crimea in the Context of Development of Historical and Cultural Territories (On the Example of Transformations of the Palace of Bakhchisarai on the Eve and after the Most High Visits of 1818 and 1825) 475

Prokhorov D.A., Borshchik N.D. Works of the Russian Empire's Customs and Quarantine Offices in the Second Half of the Nineteenth Century according to the Documents from the State Archive of the Republic of the Crimea 491

Nepomniashchii A.A. Crimea on the 1914 Congress of the Representatives of the Governorate Scholarly Archival Commissions 500

Lomakina M.A., Aibabina E.A. Mediaeval Gift: A Book of Curative Plants Owned by K.F. Bogaevskii 510

Sychenkova L.A. Boris Denike's Contribution to the Studies of the Crimean Tatar Architectural Heritage 528

Chemodurov N.N. The SAHMC Yevpatoria Expedition in the Correspondence of Ia.G. Blagodarnyi and P.N. Shul'ts 545

REVIEW

Kozlov A.S. Review: Zavagno L. The Byzantine City from Heraclius to the Fourth Crusade, 610–1204: Urban Life after Antiquity. New York: Palgrave Macmillan, 2022. XIII, 226 p. 568

Stepanenko V.P. Review: Cheynet J.-Cl. Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatis. Izmir, 2019. 464 p. 573

Abbreviations 579

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XXIX

Перевод на английский *Н. И. Храпунов*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Корректор *С. И. Власова*

Подписано в печать 01.12.2024
Выход в свет 19.12.2024
Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 60,13
Тираж 140 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство-типография ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908